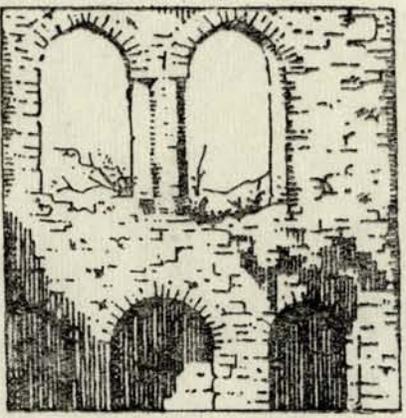

გიორგი წყნარაძე

საქართველოს ისტორიის
სამეცნიერო ცენტრი

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემია
ქართული ხელოვნების ისტორიის ინსტიტუტი

გიორგი ჩუბინაშვილი

კახეთის ხუროთმოძღვრება

გამოკვლევა

IV-XVIII სს. ხუროთმოძღვრების განვითარებისა
საქართველოს აღმოსავლეთ პროვინციაში

Р6.623
5

(117)

ტექსტი

2000-2000

საქართველოს სსრ მეცნიერებათა აკადემიის გამომცემლობა

თბილისი 1959

АКАДЕМИЯ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ ГРУЗИНСКОГО ИСКУССТВА

Г.Н.ЧУБИНАШВИЛИ

АРХИТЕКТУРА КАХЕТИИ

ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗВИТИЯ АРХИТЕКТУРЫ
В ВОСТОЧНОЙ ПРОВИНЦИИ ГРУЗИИ
В IV-XVIII ВВ.

ТЕКСТ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК ГРУЗИНСКОЙ ССР

ТБИЛИСИ 1959

ПРЕДИСЛОВИЕ

Исследование архитектуры Кахетии существенно отличается по своей форме, т. е. по характеру и способу выбора для него материала, от других моих исследований по истории грузинской архитектуры, как исследование о Памятниках типа Джвари, о Цромском храме или Болнисском Сионе. Но форма отдельных исследований по истории развития грузинской архитектуры, в отличие от связного исторического обзора или чисто теоретического трактата, требует свободы в отборе материала и в характере его обработки, так как в столь мало разработанной области, как история грузинского искусства об единообразном построении отдельных книг, по внешней форме, по способу выбора материала, по трактовке его и речи быть не может. Впрочем, конечно, метод исследования памятников архитектуры связывает отдельные исследования между собой, а программа отдельных больших исследований наметилась уже при самом приступе к работе, еще свыше 35 лет тому назад. При этом не только выбор материала памятников, но и объем постановки проблем приходилось в одних случаях суживать, в других расширять за пределы непосредственно выбранного фактического материала. Так, монографии о Цроми и Болнисском Сионе посвящены каждая одному памятнику, только к отдельным положениям в анализе которого привлекаются параллели. В исследовании памятников типа Джвари проанализирована, изучена вся группа церквей одного общего типа — в которой каждый представитель разнится только отдельными, незначительными деталями; а кроме того даны указания и на связанные с этим типом некоторые ответвления.

Совсем иного состава предлагаемый том исследований. Здесь материалом памятников взята не та или иная группа их по систематическому признаку форм, а вся масса памятников архитектуры одного определенного района исторической Грузии на всем доступном нам протяжении его существования и развития в феодальный период. Таким образом мы увидим здесь как памятники VI—VII, так равно и XVI—XVII веков.

Исследование памятников архитектуры Кахетии проводилось мною в несколько приемов. Раньше всего (осенью 1919 года) я ознакомился с обоими монастырями в Шуамта, с Икалтойским монастырем, с интересной Квела-Цминда близ Гурджаани, побывал в Ацкурском Тетри-Гиорги, наконец ознакомился с Алавердским собором, описав кроме того находящуюся километрах в двух южнее его совершенно заброшенную базилику Самеба в Байхо. Эта первая экскурсия, охватившая несколько различных памятников Телавского уезда во внутренней Кахетии, в связи с рядом чертежей, исполненных в 1912 г. по обмерам церковью Кахетии и принадлежавших Грузинскому обществу истории и этнографии, выставшему их на архитектурной выставке в апреле 1920 года, дала мне материал предполагать в Кахетии самостоятельный, своеобразный и чрезвычайно важный для понимания развития грузинского искусства район. Ввиду этого я наметил к обследованию всю Кахетию и летом 1920 года осуществил значительную часть этого плана, так как в эти летние экскурсии я имел счастливую возможность почти всюду ездить с известным краеведом и педагогом, зарекомендовавшим себя преданностью делу изучения древностей, Захарием Ивановичем

საქართველოს
წიგნებისა და
არქივების
სამსახური

чем Ч х и к в а д з е. Его долголетним настойчивым розыскам и расспросам обязан я знанием значительной части обследованных памятников. Мы объехали тогда внутреннюю Кахетию (по б. Телавскому, Сигнахскому и Тианетскому уездам), а затем Заалазанскую Кахетию («Гагма-Мхарэ»). С таким же интересом З. И. Чиквадзе еще не раз любезно сопутствовал мне в трудных тогда поездках с целью исследования Кахетии и в последующие годы. При описании отдельных памятников я всегда точно обозначаю, когда они были мною посещены, ибо это в одних случаях может служить извинением в краткости описания и недостаточной углубленности изучения во всех деталях, а в других — показателем позднейших дополнений.

Конечно, я не могу сказать, чтобы даже после этих непрекращавшихся изысканий мною были изучены все выдающиеся постройки древней Кахетии или хотя бы все такие, о которых я собрал сведения. Но представляемые в дальнейшем памятники — свыше сотни — дали мне сразу же общую картину, с достаточной полнотой позволяющую спокойно выступать с настоящим исследованием и считать его исследованием архитектуры Кахетии, ибо в нем впервые предлагается богатейший и разнообразнейший материал по архитектурным ее памятникам, затем выясняются основные линии, характер и развитие архитектуры в Кахетии и, наконец, значение ее для архитектуры всей Грузии, а вместе с ней тем самым также архитектуры Армении и вообще христианской, особенно древне-христианской. И если я и имею все основания надеяться на то, что дальнейшее изучение памятников Кахетии, оставшихся по тем или иным причинам для меня недоступными, даст материал, который еще более расширит и углубит наши знания, то я все-таки твердо уверен, что основные положительные результаты настоящего исследования получат свое видоизменение скорее в означенном направлении пополнения, чем изменения в смысле перемены точек зрения, вообще коренной перестройки. Т. е. основы художественного анализа и построенное на его выводах осмысление исторического процесса художественного развития феодальной Грузии, многократно проверенные и сличенные с различным другим материалом, хочется мне

надеяться, не заключают в себе неправды и ошибок, оставшихся мною незамеченными.

Эти основные пункты всего исследования, так сказать его костяк, вполне определенно наметились еще во время летних экскурсий 1920 года, которые дали совершенно новый и даже превзошедший мои ожидания и предположения материал¹. Однако приступить к изложению их я смог только в конце июля 1921 года, когда за месяц мною были написаны четыре первых главы, а остальные восемь писались между отдельными экскурсиями и были закончены в апреле 1923 года. Конечно, повторные посещения памятников в те же годы давали различные добавления для соответствующих параграфов; кроме того еще до окончания всей работы включены в уже написанные главы новые памятники как Кацаретская Самеба, Зедазенский монастырь, Кондамиани, Самеба в Икалто, ц. Марине в Зегани и др. В этих последующих изысканиях особенно знаменательным было знакомство с Зедазенской базиликой, точно подтверждавшей, благодаря наличию писанных о ней исторических данных, мое общее представление о последовательности памятников архитектуры Кахетии.

По написании вчерне работа примерно целое десятилетие лежала без движения, пока в 1933—36 гг., благодаря вниманию руководящих работников НККомунхоза и денежными ассигнованиями его, возможным стало расширить обследование дворцовых и жилых сооружений на территории Кахетии. Несколько позже удалось стимулировать также расчистку здания академии в Икалтойском монастыре, которую провел с присущей ему энергией и вниманием покойный директор Телавского музея А. Д. Мамулашвили.

Однако, только незадолго до начала Отечественной войны и во время ее я заново прошел всю работу от начала до конца с целью довести изложение до уровня достигнутого тогда продвижения общих разысканий по истории грузинского искусства. Во время этой коренной обработки встали в отношении некоторых памятников, которые были обследованы в самом начале изысканий без повторных посещений, вопросы, требовавшие для своего решения новых изысканий на месте. Часть их была проведена, а часть удалось осуществить только еще через десяток лет. Эти изыскания дали возможность тверже установить хронологические рамки некоторым первоначально размещенным только условно памятникам. Те-

¹ Это выражено было мною тогда же в отчете об экскурсиях летом 1920 года, представленном философскому факультету Тбилисского Университета.

перь они заняли твердо свое место и—как всегда в таких случаях — внесли дополнительно ясность в наше понимание исторического процесса. Тогда же исследования были дополнены очерком истории Кахетии, а также небольшим разделом, выявившим и определившим особенности стиля Вачнадзианской купольной Квела-Цминда, и некоторыми другими мелкими разделами. Все изложенное подвергалось переработке в деталях, основная же разбивка материала, его освещение, т. е. общие выводы, итоги и перспективы развития наметились еще за 35 лет раньше.

Наконец, в последние 4—5 лет, когда было принято решение печатать настоящие исследования по архитектуре Кахетии, я вновь пополнил состав их исследованием ряда памятников (Пудзнари, Барцана, Тараки, Наткора, Ахатели) и дополнительными указаниями на ряд других, включение которых в развернутом виде не считаю по тем или иным причинам допустимым. К числу последних относятся между прочим некоторые памятники, находящиеся ныне на примыкающей территории АзССР, которая в прошлом входила в состав Грузии.

Выяснившееся для меня уже во время летних экскурсий 1920 года значение архитектурных памятников Кахетии для общего понимания развития архитектуры Грузии, и много шире вообще ранне-христианской и средневековой архитектуры Европы и Передней Азии, естественно продиктовало необходимость углубления намеченных уже пунктов и документирование их обмерами с натуры и фотоснимками. Сообразно этому еще осенью 1920 года я направил арх. М. Г. Калашникова для обмера Ниноцминдского кафедрала и затем трех церквей Дзвели Шуамта. Однако, его обмеры пришлось позднее, в июне 1922 года, дополнить арх. Н. П. Северову, которым и были выполнены печатаемые чистовые чертежи. С начала 1922 года и по февраль 1923 были произведены обмеры всех главных памятников Кахетии Н. П. Северовым, состоявшим тогда архитектором Кабинета искусствоведения при Университете. Затем в 30-х гг. сделаны обмеры ряда памятников арх. В. Л. Циლოსани, а в 40-х и 50-х гг. сотрудниками Института истории грузинского искусства В. О. Долидзе, Р. С. Меписашвили, Л. Д. Рчеулишвили, В. Г. Цинцадзе, Ник. Чубинашвили. Отдельные же схемы планов вычерчены были по моим общим данным арх. Р. М. Эристави, а в последние годы Р. С. Меписа-

швили. Весь этот материал отвечал требованиям исследований, а кое-что использовано мною из осуществленных независимо от них обмеров по заказу Отдела охраны памятников культуры арх. М. Г. Калашниковым и В. Л. Циლოსани.

Графическая, обмерная документация включена в текстовой том исследования. Она дает твердое основание последнему. К сожалению, при изготовлении клише не удалось добиться получения всех их в одном масштабе. Разнобой масштаба наблюдается иногда даже в отношении одного и того же памятника, что затрудняет сравнительное их рассмотрение. Особенно приходится отметить, что не всюду удалось заменить технически негодные клише доброкачественными. Надеюсь однако, что при использовании текста и фото все решающие черты памятника удастся и по ним восстановить. Несколько ранних чертежей из коллекции Грузинского общества истории и этнографии, исполненных по обмеру в сотках, воспроизведены без перевода на метры; это—поперечный разрез Гурджаани и поперечный разрез и восточный фасад Вачнадзиани.

Рядом с обмерной документацией исследования даются натурные фотоснимки памятников, сделанные специально во время самих исследовательских поездок и выделенные в особый том настоящего издания. Первый набор фотоснимков сделан заведующим фотокабинетом Университета художником Т. Г. Кюне в 20-ых годах; следующий набор фото падает на 30-ые годы, он сделан В. И. Тулашвили и Е. Р. Эристави. Наконец, в последние 15 лет этот набор значительно пополнен и частично заменен новым, выполненным сотрудниками Института, а в некоторой части предоставлен мне Отделом охраны памятников культуры Грузии, за предоставление которых для работы и издания приношу свою благодарность. Используются кроме того и некоторые другие материалы, о происхождении которых даются каждый раз в перечнях соответствующие сведения. Если кое-где имеются упоминания об иллюстрирующих материалах прежних годов, замененных для издания другими, то это является данью признательности, считающейся с чрезвычайными трудностями работы 30—35 лет тому назад.

Следует здесь отметить, что иногда памятники утеряли зафиксированные на фото несколько десятилетий тому назад детали, а то и полностью исчезли, как Касури Георгий

около Сагурамо, или Черемский квадрат и некоторые другие.

Изложенные ниже исследования и их результаты не только включены были в читавшиеся ВУЗовские курсы по-грузинскому искусству, а также в те или иные общие печатные исторические обзоры, но и докладывались на специальных научных заседаниях. Так общий доклад об архитектуре Кахетии был прочтен в связи с выставкой древне-грузинской архитектуры в здании Музея Грузии 15 марта 1924 года, а специальные о Зедазенской базилике 5.VII.1922 г., о дворцах Кахетии и о трехцерковных базиликах ее 20 и 25 марта

1923—1939—1958.

1924 года. Кроме того извлечение из данного исследования о дворцовых архитектурных памятниках Кахетии было напечатано мною в сборнике Университета, поднесенном к 50-летию проф. П. Г. Меликишвили в 1923 году, а художественно-сравнительный анализ Алавердского, Мцхетского и Кутаисского соборов в сборнике к 25-летию научной деятельности проф. И. А. Джавахишвили в 1925 г. Наконец, материалы памятников XVI—XVII веков составили основу доклада на III международном конгрессе по Иранскому искусству и археологии в Ленинграде, напечатанного в 1939 году.

Г. Н. Чубинашвили.

DIE ARCHITEKTUR KACHETIENS

FORSCHUNGEN ZUR GESCHICHTE DER ARCHITEKTUR DES IV.—XVIII. JAHRHUNDERTS IN DER
ÖSTLICHSTEN PROVINZ GEORGIENS von GEORG TSCHUBINASCHWILI

Inhalt

I. Vorfragen der Erforschung von Kachetiens Architektur

1. Die Grenzen des Begriffes «Kachetien» in dem vorliegenden Werke (1). — 2. Spezifische Charakterzüge der Architektur Kachetiens (4). — 3. Die lebendige Tradition geheiligter Stätten ist eine unerschöpfliche Quelle für kirchliche Bauaktivität in Kachetien (5). — 4. Wie ist der Stoff

im Folgenden eingeteilt (7). — 5. Zur Geschichte der Forschung über Baudenkmäler Kachetiens (10). — 6. Kurzer Abriss der Geschichte Kachetiens im Mittelalter (13). — 7. Vorläufige chronologische Gruppierung der Baudenkmäler (33).

II. Die Basiliken Kachetiens

1. Die Ruine der kleinen Basilika aus dem 3. Viertel des IV. Jahrhunderts im Kloster Nekressi (37, Taf. 1—4). — 2. Die Basilika im Kloster Dsweli Schuamta (45, Taf. 5—11). — 3. Die Basilika im Kloster Zchra-Kara bei Matani (Beschreibung und Analyse: 48, 53, Taf. 12—13). — 4. Die «Kazareti» genannte Trinitätskirche aus dem Ende des V. Jhs bei Chaschmi (55, 62, Taf. 14—20). — 5. Die Ruine von Natkora (65, Taf. 21). — 6. Die Basilika des Täufers in Kondoli (68, Taf. 22). — 7. Die Rekonstruktion der ursprünglichen Stephanskirche in Chirssa (69). — 8. Die Heilandskirche in Achmeta aus dem Ende des VI. Jhs (71, 78, Taf. 23—28). — 9. Die Kirche der Allerheiligen in Wasis-Ubani (79, 82, Taf. 29—34). — 10. Die Basilika im Kloster der

hl. Nino in Bodbe (83, Taf. 35—36). — 11. Die Kirche Goris-Dshuari bei Achschani (86, Taf. 37—39). — 12. Die Trinitätskirche in Baicho (91, Taf. 40—41). — 13. Die Täuferskirche bei Alwani (94, Taf. 42—43). — 14. Die Basilika des Klosters des hl. Johannes von Sedaseni aus dem 3. Viertel des VIII. Jhs (97, 101, Bestimmung des Gründungsjahres: 103, Taf. 44—54). 15. Die Basilika des hl. David Garesdsheli bei Akura vom Jahre 855 (110, 119, Taf. 55—61). — 16. Die Kirche der Allerheiligen im Kloster Ssanagire bei Wasis-Ubani (123, 129, Taf. 62—70). — Beilage: Kurze Bemerkungen über die Basiliken in Kum (mit Rissen) und in Sioni des Erzo-Berzirktes (130). — Zusammenfassung (133 mit Rissen der Basilikaruine in Shaleti).

III. Die Dreikirchenbasiliken Kachetiens

1. Die Ruine der Sabaskirche bei Kardanachi (143, Taf. 71—74). — 2. Die Ruine der

Theodorskirche in Ruis-Piri (147, Taf. 75—77-a). — 3. Kondamiani-Kirche bei Kissis-Chewi (150,

Taf. 78 — 81). — 4. Die Ruine der Kirche in Welis-Ziche (153, Taf. 77-b). — 5. Die Schioskirche in Ssabue (154, Taf. 82 — 83). — 6. Vergleichende kunsthistorische Analyse der ältesten (VI. Jh.) Dreikirchenbasiliken (156 mit Rissen der Georgskirche «Kassuri» bei Ssaguramo (157, 158 und Taf. 131—132), der «Ssamkariani» bei Wasis-Ubani (159), der Stephanskirche in Ikalto (160) und der Eustathiuskirche bei Gremi: 162). — 7. Die Kirche der Allerheiligen im Kloster Segani (164, Taf. 84 — 97). — 8. Die Dreikirchenbasilika im Kloster Nekressi (173, Taf. 98—105). — 9. Die Kirche des hl. Georg «Amidasturi» in Watschnadsiani (176, Taf. 106 — 108). — 10. Die Täuferskirche bei Ssabue (178, Taf. 109 — 112).

— 11. Die Ruine der Dreikirchenbasilika im Kloster der Allerheiligen bei Watschnadsiani (181, Taf. 113—116). — 12. Kurzgefasste kunsthistorische Analyse der mittleren Gruppe (um 600) der Dreikirchenbasiliken Kachetiens (184). — 13. Die Palastkirche in Watschnadsiani (187, Taf. 117). — 14. Die Kirche in Zwero Dabali bei Tschere mi (188, Taf. 118-a, c, d). — 15. Die Kathedrale in Tschere mi (190, Taf. 119—121). — 16. Die Theodorskirche in Leliani (193, Taf. 122 — 127). — 17. Die Kirche des hl. Georg «Ssapharissa» bei Zinandali (195, Taf. 128 — 130). — Zusammenfassung: die Entwicklung der Form bis ins IX. — X. Jahrhundert (198 mit Erwähnung der Friedhofskirche in Tschere mi: Taf. 118-b).

IV. Der Kuppelbau Kachetiens und seine Stellung im gesamten Entwicklungsgange der christlichen Architektur

1. Das Verhältnis des Kuppelbaues Kachetiens zu dessen gesamten kirchlichen Architektur (201). — 2. Spezifische Charakterzüge des Kuppelbaues Kachetiens (203). — 3. Das Verhältnis des Kuppelbaues Kachetiens zur christlichen Architektur

im Kaukasus und sonst (208). — 4. Die Entwicklung von Grundformen des Kuppelbaues im Kaukasus (211). — 5. Kurzer Überblick des Kuppelbaues Kachetiens nach Zeitabschnitten (213).

V. Die ältesten Denkmäler des Kuppelbaues Kachetiens (VI. — VII. Jahrhundert)

1. Der Tetrakonch in Dsweli Gawasi (216, 220, allgemeine Entwicklungslinien des Typs: 224, Taf. 133 — 143). — 2. Die Kathedrale von Nino-Zminda (232, Etappen der Wiederherstellung: 239, 244, Taf. 144 — 162). — 3. Die Kirche der Allerheiligen vom Dshuari-Typ im Kloster Dsweli Schuamta (246, 250, Taf. 163 — 172). — 4. Die zweite Kuppelkirche im Kloster Dsweli Schuamta (251, 252, zur Charakteristik des Typs:

253, Taf. 173 — 177). — 5. Die Kirche der Allerheiligen in Kissis-Chewi (255, 257, Taf. 178 — 181). — 6. Die Trinitätskirche im Kloster Ikalto (258). — 7. Die Kirche der hl. Marine bei Segani (261, Taf. 182 — 184). — 8. Die Kirche «Dawitiani» bei Wasis-Ubani (264, 265, Taf. 185 — 188). — 9. Die Kirche «Ssweti Zchoweli» in Watschnadsiani (265). — Zusammenfassung (266).

VI. Der Kuppelbau des VIII. — IX. Jahrhunderts

1. Die Allerheiligenkirche bei Gurdshaani (273, 283, Taf. 189—204). — 2. Die Kuppelkirche im Kloster der Allerheiligen bei Watschnadsiani (287, 307, zur Frage der Entwicklung des Typs «Kuppelhalle»: 315, die Stellung in der Entwicklung der georgischen Baukunst der Kuppel-

kirche im Kloster bei Watschnadsiani: 319, Taf. 205 — 231). — 3. Die Kuppelkirche im Kloster Nekressi (321, 323, Taf. 232 — 243). — 4. Die Stephanskathedrale im Kloster Chirssa (325, Taf. 244 — 251). — 5. Die Hauptkirche des Klosters Ikalto (339, 346, Taf. 252 — 259). — 6. Die Ruine

der Kirche in Warzana (349, 353, Taf. 260 — 269). — 7. Die Himmelfahrtskirche bei Osaani

(354, 359, Taf. 270 — 276). — Zusammenfassung (363).

VII. Die Kuppelbauten des X.—XIII. Jahrhunderts

1. Die Kathedrale von Alawerdi aus dem ersten Viertel des XI. Jahrhunderts (371, 395, die Stellung innerhalb der zeitgenössischen georgischen Baukunst: 399, Taf. 277—312). — 2. Die Kirche des hl. Georg bei Azkuri (sogen. «Tetri Giorgi»: 405, Taf. 313 — 314). — 3. «Kuntus-Ssakdari» im Oberlauf des Turdoflusses (407, Taf. 315 — 317). — 4. Die Kirche in der Festung Kwetera (411, 414, zur Charakteristik des Typs: 415, Taf. 318 — 322). — 5. Die Kirche in der Fes-

tung Botschorma (416, 421, zur Datierung von Sechspässen in Georgien und Armenien: 422, Taf. 323 — 330). — 6. Die Allerheiligenkirche in Puđsnari (423, Taf. 331—338). — 7. Die Sabaskirche in Kardanachi (426, Taf. 339 — 345). — 8. Die Kirche in Ssatschini bei Semo Chodascheni (429, Taf. 346— 352). — Zusammenfassung (433 mit Rissen von Kirchen in Gischi (435) und Sedgsiti: 436).

VIII. Der Kuppelbau der neueren Zeit (XVI.—XVIII. Jahrhundert)

1. Die Kirche im Kloster Achali Schuamta (440, Historisches: 444, Taf. 353 — 359). — 2. Die Erzengelskirche in Gremi (447, 450, Taf. 360— 369). — 3. Die Auferstehungskirche in Schichiani (450, Taf. 370—374). — 4. Die Thomaskirche in Tschikaani (453, Taf. 375 — 379). — 5. Die Trinitätskirche in Alwani (455, Taf. 380). — 6. Die Nikolauskirche in Matani (458, 459, Taf. 381 — 382, nebst Rissen von Kirchen in Sagemi (459)

und «Tarssa-Galawani» in Gremi: 460, 461). — 7. Die Kirche des hl. Georg «Wedrebissa» (oder «Wedrebela» genannt) bei Taraki (461, Taf. 383 — 386). — 8. Die Heilandskirche in Achateli (464, Taf. 387 — 389). — 9. Die Allerheiligenkirche in Wedshini (466, 468, Taf. 390— 392). — Zusammenfassung (469 mit dem Grundriss der Kirche vom J. 1794 in Manawi).

IX. Bauliche Elemente der Kirchen Kachetiens und ihre Stellung in der Gesamtentwicklung der Baukunst

1. Bogenformen in den Kirchenbauten Kachetiens: 1. Der Rundbogen (476). — 2. Der Hufeisenbogen (477). — 3. Der Spitzbogen (481).
2. Gewölbeformen in den Kirchenbauten Kachetiens: 1. Das Tonnengewölbe (483). — 2. Das Spitzbogengewölbe (484). — 3. Das Kreuzgewölbe (484).

3. Kuppelgewölbe: 1. Die spherische Kuppel (485). — 2. Das Klostergewölbe (486). — 3. Die Hängekuppel (486).
4. Ausstattungsmomente: 1. Ausstattungsmuster der ältesten Zeit (487). — 2. Ausstattungsmuster der mittleren Periode (488). — 3. Ausstattungsmuster der neuen Zeit (489).

X. Die Glockentürme Kachetiens

1. Glockentürme typischer Form: Wedshini, Agdgoma, Sapharissa (492, Taf. 393 — 394). —

Alwani, Gremi, Kardanachi (494, Taf. 43-a, 395 — 397-a). — Achschani (496). — Leliani (496,

Taf. 124). — Matani, Botschorma, Sedaseni (496, Taf. 44).

2. Die Glockentürme der Kathedrale von Nino-Zminda (497, Taf. 397-b — 402), der Kirche in

Gremi (500, Taf. 403 — 404) und des Klosters Achali Schuamta (501, Taf. 405 — 406).

3. Zur Frage der zeitlichen Verbreitung von Glockentürmen im Kaukasus (580).

XI. Festungen, Burgen und Schlösser Kachetiens

1. Festungen und Burgen: Udsharma (514, Taf. 407 — 411). — Telawi (517, Taf. 412). — Kwetera (519). — Botschorma (521, Taf. 413 — 415). — Wedshini (523). — Manawi (523). — Nino-Zminda (524, Taf. 416-a) — Alawerdi (525, Taf. 417 — 425). — Nekressi (531, Taf. 459). — Schilda, Ssabue (532, Abb. ad p. 141, Taf. 110). — Kissis-Chewi (533, Taf. 426 — 428 und 429). — Eine Feudalfestung in Matani (539, Taf. 416-b). — Die Festung des Königs Heraklius II. (1744 — 1798) in seiner Residenzstadt Telawi (539, Taf. 430 — 431).

2. Schlossbauten älterer Zeit: Kwetera (542, Taf. 433 — 436). — Watschnadsiani (546, Taf.

437 — 442). — Wanta (551, Taf. 443 — 447). — Nekressi (555, Taf. 448 — 460). — Tscheremi (557 Taf. 461 — 463). — Welis-Ziche (559, Taf. 464). — Tianeti (561, Taf. 465). — Der Akademiebau in Ikalto (563, Taf. 466 — 473).

3. Schlossbauten jüngerer Zeit: «Zehra-Kara» in Alwani (570, Taf. 432). — Ein älteres Schloss in Alwani (572). — «Zehra-Kara» in Achmeta (573). — Ein Baldachinbau um 1616 in Alawerdi (573, Taf. 417 — 418). — Das Königsschloss des XVII. Jhs. in Telawi (576, Taf. 430 — 431 und Abb. ad p. 583). — Zusammenfassung (577).

XII. Künstlerische Eigenschaften der Baukompositionen Kachetiens und ihr Verhältnis zur gesamten Baukunst Georgiens

1. Stoff (583), Werkart (584) und Arbeitsorganisation (587).

2. Arten von Grundrisskompositionen: 1. Grundrisskompositionen im allgemeinen (589). — 2. Einige Besonderheiten in den

Grundrisskompositionen (598). — 3. Dekorative Momente in den Grundrisskompositionen (600).

3. Raum- (602) und Massengestaltung (607).

Schlussbetrachtung (615).

Jedem Kapitel ist eine Abbildung nach Zeichnungen oder Aquarellen von Prof. N. Severov (ausser Kap. XII) vorangeschickt: vor S. 1 — Alawerdi in der Landschaft (von Süden); vor S. 37 — Akura von SO; vor S. 141 — Schilda, die Dreikirchenbasilika «Sioni» und ein Turm; vor S. 201 — Kuppelartiges Gewölbe in Holz in einem Bauernhause aus Kartli (im Dorfe Mzcheta); vor S. 215 — Kissis-Chewi, Kuppelkirche mit Anbau; vor S. 271 — Watschnadsiani, Innenansicht der Kuppelkirche im Kloster der Allerheiligen; vor

S. 367 — Alawerdi, Innenperspektive der Kathedrale; vor S. 439 — Tschikaani, Innenansicht; vor S. 475 — Alawerdi, ein Kompartiment der Kathedrale mit Kreuzgewölbe und dem Treppenanfang zur Empore; vor S. 491 — Alawerdi, die Wohnräume über dem Refektoriumsbaus; vor S. 513 — Nekressi, Schlossruine und Turm von Westen; vor S. 583 — Telawi, Innenansicht des Thronsaales nach Bleistiftzeichnung von Gr. Gagarin.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ГЛАВА I. ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ

1. Объем понятия Кахетия в настоящем исследовании	1	4. Принцип расположения материала в настоящем исследовании	7
2. Специфический характер архитектуры Кахетии	4	5. К истории изучения архитектуры Кахетии	10
3. Живая традиция освященных мест — неиссякаемый источник церковной строительной активности в Кахетии	5	6. Основные моменты истории Кахетии	13
		7. Хронологическое разгруппирование памятников	33

ГЛАВА II. БАЗИЛИКИ КАХЕТИИ

1. Развалина базилики в Некресском монастыре	37	10. Базилика в монастыре св. Нины в Бодбе	83
2. Базилика монастыря Дзвели Шуамта	45	11. Базилика Горис-Джвари около селения Ахшани	86
3. Базилика монастыря Цхра-Кара близ Матани	48	12. Церковь Самеба в Байхо	91
Описание (48). — Анализ (53).		13. Базилика Натлис-Мцемели около Алвани	94
4. Так называемая Кацаретис Самеба (близ Хашми)	55	14. Базилика монастыря Иоанна Зедазенского	97
Описание (55). — Анализ (62).		Описание (97). — Анализ (101). — Точное определение времени построения (103).	
5. Руины базилики в Наткора	65	15. Базилика Давида Гареджийского в Акура	110
6. Базилика Натлис-Мцемели в Кондоли	68	Описание (110). — Анализ (119).	
7. Базилика Степан-Цминда в Хирса	69	16. Базилика Санагире близ Вазисубани	123
8. Базилика Гвтээба в селении Ахмета	71	Описание (123). — Анализ (129).	
9. Вазисубанская базилика	79	Приложение. Справка о Куме и Эрцойском Сиони	130
Описание (79). — Анализ (82).		Закключение	133

ГЛАВА III. ТРЕХЦЕРКОВНЫЕ БАЗИЛИКИ КАХЕТИИ

1. Развалина в Саба-Цминда близ Карданахи	143	6. Сравнительный анализ древнейших трехцерковных базилик	156
2. Церковь св. Федора в Руиспири	147	7. Квела-Цминда в Зеганском монастыре	164
3. Церковь Кондамиани выше Кисисхеви	150	8. Трехцерковная базилика в Некреси	173
4. Трехцерковная базилика в Велисххе	153	9. Церковь Амидастури в Вачнадзиани	176
5. Церковь Шио в Сабуэ	154		

10. Церковь Натлис-Мцемели около Сабуэ	178 ✓	14. Цверо Дабали около Череми	188
11. Развалина в монастыре Квела-Цминда близ Вачнадзиани	181	15. Кафедральный собор в Череми	190
✓ 12. Краткий художественный анализ средней группы трехцерковных базилик Кахетии	184	16. Церковь св. Федора в Лелиани	193
13. Дворцовая церковь в Вачнадзиани	187	17. Церковь св. Георгия Сапариса около Цинандали	195
		Заключение	198

ГЛАВА IV. КУПОЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАХЕТИИ, ЕЕ ДЕЛЕНИЕ И ЗАНИМАЕМОЕ В ОБЩЕМ ХОДЕ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕСТО

1. Отношение купольной архитектуры Кахетии к ее архитектуре в целом	201	христиано-кавказской и общехристианской архитектуре	208
2. Характерные черты купольной архитектуры в Кахетии	203	4. Развитие основных форм купольной архитектуры на Кавказе	211
3. Отношение купольной архитектуры Кахетии к		5. Краткий обзор купольной архитектуры Кахетии по периодам	213

ГЛАВА V. ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КАХЕТИИ

✓ 1. Тетраконх в Дзвели Гавази	216	Описание (251). — Анализ (252). — К характеристике типа (253).	
✓ 2. Ниноцминдский собор	232	15. Церковь Квела-Цминда в Кисисхеви	255
3. Церковь пресвятой типа Джвари в монастыре Дзвели Шуамта	246	Описание (255). — Анализ (257).	
✓ 4. Вторая купольная церковь монастыря Дзвели Шуамта	251	✓ 6. Церковь Самеба в монастыре Икалто	258
		7. Церковь св. Марине около Зегани	261
		8. Церковь Давитиани около Вазисубани	264
		Описание (264). — Анализ (265).	
		9. Свети-Цховели в Вачнадзиани	265
		Обобщение	266

ГЛАВА VI. КУПОЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА VIII—IX ВЕКОВ

✓ 1. Гурджаанская Квела-Цминда	273	✓ 3. Купольная церковь Некресского монастыря	321
Описание (273). — Анализ (283).		Описание (321). — Анализ (323).	
✓ 2. Купольный храм в монастыре Квела-Цминда близ Вачнадзиани	287	4. Церковь монастыря Степан-Цминда в Хирса	325
Описание (287). — Анализ (307). — К вопросу развития архитектурного типа «Kuppelhalle» (315). — Место, занимаемое Вачнадзианской Квела-Цминда в развитии грузинской архитектуры (319)		✓ 5. Главный храм монастыря Икалто	339
		Описание (339). — Анализ (346).	
		6. Развалина Варцанийского храма	349
		Описание (350). — Анализ (353).	
		✓ 7. Амаглеба близ селения Озаани	354
		Описание (354). — Анализ (359).	
		Заключение	363

ГЛАВА VII. КУПОЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ X—XIII ВЕКОВ

✓ 1. Алавердский собор	369	3. Кунтурис-Сакдари в верховьях реки Турдо	407
Описание (371). — Анализ (395). — Место Алавердского кафедрала в одновременном ему грузинской архитектуре (339).		4. Крепостная церковь в Кветера	411
2. Тетри-Георгий близ селения Ацқури	405	Описание (411). — Анализ и хронологическое определение (414). — К характеристике типа (415).	

საქართველოს
ეროვნული ბიბლიოთეკა

5. Церковь св. Георгия в крепости Бочорма . . . 416
Описание (416). — Анализ (421). — К вопросу датировки шестиабсидных храмов Грузии и Армении (442).

6. Пудзнарский храм богородицы 423

7. Церковь Саба-Цминда в Карданахи . . . 426
Описание (426). — Сравнение с Пудзари (428).

8. Церковь Сачини около Земо Ходашени . . . 429
Заключение 433

ГЛАВА VIII. КУПОЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

1. Церковь монастыря Ахали Шуамта 440
Описание (440). — Историческая справка (444).

2. Мтавар-Ангелози в Греми 447
Описание (447). — Анализ (450).

3. Церковь Агдгома в Шихиани 450

4. Церковь св. Фомы в Чикаани 453

5. Церковь Самеба в Алвани 455

6. Церковь св. Николая в Матани 458
Описание (458). — Анализ (459).

7. Церковь Ведрбиса св. Георгия (или Ведрбела) за селением Тараки 461

8. Церковь Гвтээба в селении Ахатели 464

9. Церковь Квела-Цминда в Веджини 466
Описание (466). — Анализ (468).

Заключение 469

ГЛАВА IX. ОТДЕЛЬНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЦЕРКВЕЙ КАХЕТИИ И ИХ МЕСТО В ОБЩЕМ РАЗВИТИИ АРХИТЕКТУРЫ

1. Формы арок в церковной архитектуре Кахетии . 476
1. Полуциркульная арка 476
2. Подковообразная арка 477
3. Стрельчатая арка 481

2. Виды сводов в церковной архитектуре Кахетии . 483
1. Коробовый свод 483
2. Стрельчатый свод 484
3. Крестовый свод 484

3. Формы купольных сводов в церковной архитектуре Кахетии 485
1. Сферический купол 485
2. Сомкнутый свод 486
3. Парусно-купольный свод 486

4. Некоторые элементы убора 486
1. Мотивы убора древней эпохи 487
2. Мотивы убора средней эпохи 488
3. Мотивы убора в новое время 489

ГЛАВА X. КОЛОКОЛЬНИ КАХЕТИИ

1. Колокольни типичной формы 492
Веджини, Агдгома, Сапариса (492). — Алвани, Греми, Карданахи (494). — Ахшани (496). — Лелиани (496). Матани, Бочорма, Зедазени (496).

2. Колокольня Ниноцминдского кафедрала, мона-

стыря Ахали Шуамта и Мтавар-Ангелози в Греми 497
Ниноцминда (497). — Греми (500). — Ахали Шуамта (501).

3. К вопросу о распространении колоколен на Кавказе 508

ГЛАВА XI. КРЕПОСТИ, ЗАМКИ И ДВОРЦЫ КАХЕТИИ

1. Крепости и замки 514
Уджарма (514). — Телави (517). — Кветера (519). — Бочорма (521). — Веджини (523). — Манави (523). — Ниноцминда (524). — Алаверди (525). — Некреси (531). — Шильда, Сабуз (532). — Кисисхеви (533). — Крепость местного феодала в Матани (539). — Крепость царя Ираклия в Телави (539).

2. Замковые постройки древней поры 542

Кветера (543). — Вачнадзиани (546). — Ванта (551). — Некреси (555). — Череми (557). — Велис-Цихе (559). — Тнайти (561). — Академия в Икалто (563).

3. Дворцовые постройки нового времени 570
Алванская Цхра-Кара (570). — Древний дворец Алвани (571). — Ахметская Цхра-Кара (573). — Алавердский «холодник» (573). Телавский царский дворец (576).

Заключение 577

XIII

201-213 281 509 476
4, 153, 184, 203, 546, 551, 555

ГЛАВА XII. ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ КОМПОЗИЦИЙ
ҚАХЕТИИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ГРУЗИНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ В ЦЕЛОМ

1. Материал, техника и производство работ	583	2. Некоторые частные особенности в композициях планов	598
1. Строительный материал	584	3. Элементы декоративного значения в композициях планов	599
2. Строительная техника	584	3. Оформление пространства и масс	601
3. Производство строительных работ.	587	1. Пространство	602
2. Типы плановых композиций и отдельные элементы в плане зданий	588	2. Массы	606
1. Плановые композиции в целом	589	Заключение	614

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

(стр. 617)

ИЛЛЮСТРАЦИИ В ТЕКСТЕ

К ГЛАВЕ I.

Алаверди. Общий вид в пейзаже. Акварель
1923 года Н. П. Северова перед стр. 1

К ГЛАВЕ II. БАЗИЛИКИ

Акура. Вид церкви Мама-Давид. Рисунок 1922
года Н. П. Северова перед стр. 37

• Некреси. Генеральный план Некресского мона-
стыря. Схема Н. П. Северова 39

Некреси. План малой базилики. Обмер 1922 го-
да Н. П. Северова 40

Некреси. Поперечный и продольный разрезы.
Обмер Н. П. Северова 40

Некреси. План малой базилики. Обмер 1949 го-
да В. Г. Цинцадзе 41

Некреси. План крипты под базиликой. Обмер
В. Г. Цинцадзе 41

Некреси. Восточный фасад. Обмер В. Г. Цин-
цадзе 42

Некреси. Западный фасад. Обмер В. Г. Цин-
цадзе 42

Некреси. Северный фасад. Обмер В. Г. Цин-
цадзе 42

Некреси. Вид с юга. Обмер В. Г. Цинцадзе . . . 42

Некреси. Поперечный разрез на восток. Обмер
В. Г. Цинцадзе 43

Некреси. Поперечный разрез на запад. Обмер
В. Г. Цинцадзе 43

Некреси. Продольный разрез по среднему нефу.
Обмер В. Г. Цинцадзе 43

Некреси. Разрез по северному нефу. Обмер
В. Г. Цинцадзе 43

Некреси. Восстановленный облик масс здания.
Чертеж Н. П. Северова 44

• Дзвели Шуамта. План базилики монастыря.
Обмер 1920 г. М. Г. Калашникова 46

Дзвели Шуамта. Поперечный разрез. Обмер
М. Г. Калашникова 46

Дзвели Шуамта. Продольный разрез. Обмер
М. Г. Калашникова 46

Дзвели Шуамта. Изометрия (разрез сводов).
Чертеж Р. М. Эристави 47

• Матани. План главного монастырского храма
с пристройками 49

Матани. Интерьер с реставрированными сво-
дами. Рисунок с натуры 1933 года Р. О. Шмер-
линг к стр. 50

Матани. Продольный разрез 51

Матани. Поперечный разрез базилики 52

Хашми. План Кацаретской базилики. Обмер
1925 года Т. П. Бейер 56

Хашми. Продольный разрез. Обмер Т. П. Бейер . 57

Хашми. Поперечный разрез. Обмер 1950 года
Л. Д. Рчеулишвили 58

Хашми. Орнаментация западной стороны при-
абсидных капителей (схема) 59

Хашми. Орнаментация северной приабсидной
капители (схема). 59

Хашми. Разбивка фресковой надписи в лонете
западного входа (схема Т. В. Барнавели). . . . 60

Хашми. Фрагмент третьей строки фресковой
надписи. Прорись по кальке, снятой в 1952
году Т. В. Барнавели 61

Хашми. Фрагмент восьмой строки фресковой
надписи. Прорись по кальке, снятой в 1952
году Т. В. Барнавели 61

Хашми. Фрагмент восьмой строки фресковой
надписи. Прорись по кальке, снятой в 1952
году Т. В. Барнавели 61

Хашми. Фрагмент восьмой строки фресковой
надписи. Прорись по кальке, снятой в 1952
году Т. В. Барнавели 61

Наткора. План руины базилики. Обмер 1950 го-
да Н. Г. Чубинашвили 66

Кондоли. План базилики Натлис-Мцемели (схема)	68
Хирса. Восстановленный план базилики Степан-Цминда	70
Ахмета. План храма Гвтээба.	73
Ахмета. Поперечный разрез с видом на восток. Обмер 1940 года Л. Рчеулишвили, Р. Меписашвили и Т. Карумидзе	74
Ахмета. Поперечный разрез с видом на запад. Обмер Л. Рчеулишвили, Р. Меписашвили и Т. Карумидзе	74
Ахмета. Продольный разрез с видом на север. Обмер Л. Рчеулишвили, Р. Меписашвили и Т. Карумидзе	75
Ахмета. Продольный разрез с видом на юг. Обмер Л. Рчеулишвили, Р. Меписашвили и Т. Карумидзе	75
Ахмета. Продольный разрез по южному приделу. Обмер Л. Рчеулишвили, Р. Меписашвили и Т. Карумидзе	76
Ахмета. Разрез по западному обходу. Обмер Л. Рчеулишвили, Р. Меписашвили и Т. Карумидзе	76
Ахмета. Схема карниза на западном фасаде	77
Ахмета. Схема карниза на южном нефе.	77
Ахмета. Схема оформления центрального восточного окна	77
Вазисубани. План базилики Квела-Цминда	81
Бодбе. Схема плана базилики св. Нины	84
Ахшани. План базилики Горис-Джвари с пристроенным обходом. Обмер 1935 года В. Л. Циловани	87
Ахшани. План первоначальной базилики	88
Ахшани. Продольный разрез с видом на юг. Обмер В. Л. Циловани	89
Ахшани. Две декоративные детали на южном фасаде (схемы)	90
Байхо. План храма Самеба. Обмер 1933 года В. Л. Циловани	91
Байхо. Продольный разрез. Обмер В. Л. Циловани	92
Байхо. Поперечный разрез. Обмер В. Л. Циловани	93
Алвани. План базилики Натлис-Мцемели с пристроенной колокольной. Обмер 1933 года В. Л. Циловани.	95
Алвани. Продольный разрез. Обмер В. Л. Циловани	96
Алвани. Восточный фасад. Обмер В. Л. Циловани	96
Зедазени. План базилики, поперечный разрез и древнейшая арка в северном нефе. Обмер 1922 года Н. П. Северова	98

Зедазени. Два профиля impostов в портале (схема)	101
Акура. Основной план базилики Давида Гареджийского. Обмер 1933 года В. Л. Циловани.	111
Акура. План по второму этажу. Обмер В. Л. Циловани	112
Акура. Поперечный разрез. Обмер В. Л. Циловани	113
Акура. Продольный разрез. Обмер В. Л. Циловани	114
Акура. Разрез по южному нефу. Обмер В. Л. Циловани	114
Акура. Профиль арки (схема)	115
Акура. Схема контура окна	115
Акура. Профиль двойных колонн (схема)	115
Акура. Деталь украшения восточного фасада (звено соединения средней и боковой арок)	116
Акура. Колонка с капителью (схема)	117
Акура. Надпись на восточном фасаде. Прорись по кальке Т. В. Барнавели	117
Акура. Начертание надписи краской на западном фасаде. Рисунок Р. О. Шмерлинг	117
Акура. Надпись в нише западного фасада. Прорись по кальке, снятой в 1956 году Т. В. Барнавели	118
Акура. Вторая надпись в нише западного фасада и фрагменты третьей. Прорись по кальке, снятой в 1956 году Т. В. Барнавели	118
Акура. Алтарная преграда (схема).	123
Санагирэ. План базилики монастыря. Обмер 1950 года Н. Г. Чубинашвили и Л. Д. Рчеулишвили	124
Санагирэ. Продольный разрез (схема)	126
Санагирэ. Профиль наличника главного окна (схема)	128
Санагирэ. Профиль наличника западного окна южной церкви (схема)	128
Кум. План базилики. Обмер П. Д. Барановского (по изданию)	130
Кум. Поперечный разрез базилики. Обмер П. Д. Барановского (по изданию)	131
Жалети. План базилики (восстановление)	137
Жалети. Поперечный разрез базилики	137
Жалети. Продольный разрез базилики (восстановление)	138
Жалети. Восточный фасад базилики	138
К ГЛАВЕ III. ТРЕХЦЕРКОВНЫЕ БАЗИЛИКИ	
Шильда. Трехцерковная базилика Спони и башня. Рисунок 1922 года Н. П. Северова.	141
Карданахи. Основной план и план по хорам трехцерковной базилики в монастыре Сабациминда	144

Карданахи. Поперечный разрез на запад	144	Зегани. Западный фасад. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	172
Руиспири. План. Обмер 1933 года В. Л. Циლოსани	147	Зегани. Северный фасад. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	172
Руиспири. Поперечный разрез. Обмер В. Л. Циლოსани	148	Некреси. План трехцерковной базилики. Обмер 1922 года Н. П. Северова.	174
Руиспири. Продольный разрез. Обмер В. Л. Циლოსани	149	Некреси. Поперечный разрез с видом на восток. Обмер 1947 года В. Л. Циლოსани	174
Кондамиани. План. Обмер 1939 года Л. Д. Рчеулишвили	150	Некреси. Поперечный разрез с видом на запад. Обмер В. Л. Циლოსани	174
Кондамиани. Поперечный разрез и разрез по северной церкви. Обмер Л. Д. Рчеулишвили	151	Некреси. Продольный разрез по южной церкви. Обмер В. Л. Циლოსани	175
Кондамиани. Схема карниза арочками	152	Некреси. Южный фасад. Обмер В. Л. Циლოსани	175
Велисцixe. План. Обмер 1933 года Н. Г. Чубинашвили	153	Вачнадзиани. План церкви Амдастури в селении Шрома (схема восстановления)	177
Сабуэ. Навершие окна с остатками надписи на южном фасаде церкви св. Шно (прорись по фото)	154	Сабуэ. План церкви в монастыре Натлис-Мцемели	179
Сабуэ. План церкви св. Шно (схема)	155	Вачнадзиани. План трехцерковной базилики в монастыре Квела-Цминда близ селения Шрома	182
Сагурамо. План, восточный фасад и профиль карниза церкви «Касури Георгий» близ селения. Обмер 1922 года Н. П. Северова	157	Вачнадзиани. Поперечный разрез трехцерковной базилики в монастыре Квела-Цминда. Обмер 1939 года М. Г. Калашникова	183
Сагурамо. Южный фасад «Касури Георгий» (схема)	158	Вачнадзиани. Восточный фасад трехцерковной базилики в монастыре Квела-Цминда. Обмер М. Г. Калашникова.	183
Сагурамо. Каменотесные знаки	158	Вачнадзиани. Два разреза северо-восточной проходной камеры трехцерковной базилики в монастыре Квела-Цминда. Обмер М. Г. Калашникова.	184
Сагурамо. Импост столба (схема)	158	Вачнадзиани. План дворцовой церкви (схема).	187
Вазисубани. План церкви «Самкариани» близ селения. Обмер 1943 года Л. Д. Рчеулишвили	159	Вачнадзиани. Рисунок кирпичной кладки дворцовой церкви (схема)	187
Икалто. План церкви св. Стефана в селении. Обмер 1953 года (схематичный) Л. Д. Рчеулишвили	160	Вачнадзиани. Форма ниши в дворцовой церкви (схема)	187
Болнис-Хеви. План церкви св. Евстафия близ Греми. Обмер 1941 года Л. Д. Рчеулишвили.	162	Череми. План церкви Цверо Дабали (схема)	189
Зегани. Генеральный план монастыря Квела Цминда. Обмер 1949 года В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	165	Череми. План кафедрала	191
Зегани. Основной план. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	166	Лелиани. Схема плана церкви св. Федора	194
Зегани. План по хорам. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	166	Цинандали. План церкви Сапариса близ селения. Обмер 1933 года В. Л. Циლოსани	196
Зегани. Продольный разрез с видом на север. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	167	Цинандали. Поперечный разрез церкви Сапариса. Обмер В. Л. Циლოსани	197
Зегани. Продольный разрез с видом на юг. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	167	Цинандали. Продольный разрез по южной церкви. Обмер В. Л. Циლოსани	197
Зегани. Поперечный разрез с видом на восток. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	168	Цинандали. Профиль наличника алтарного окна (схема)	198
Зегани. Поперечный разрез с видом на запад. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	168		
Зегани. Разрез по западному обходу. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили.	168	К ГЛАВЕ IV	
Зегани. Лекальный кирпич колонки (схема)	169	Мцхета (Картли). «Гвиргвини» в крестьянском жилом дарбазе. Рисунок 1927 года Н. П. Северова.	перед стр. 201
Зегани. Восточный фасад. Обмер В. Г. Цинцадзе и Л. Д. Рчеулишвили	171	Череми. План квадрата	207
		Череми. Общий вид квадрата (рисунок по фото)	207

საქართველოს
რესპუბლიკის
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

К ГЛАВЕ V. ДРЕВНЕЙШИЕ КУПОЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ

Кисисхеви. Вид церкви Квела-Цминда с пристройкой. Рисунок 1922 года Н. П. Северова	215
Дзвели Гавази. План. Обмер 1922 года Н. П. Северова	217
Дзвели Гавази. Вид в обходе. Рисунок 1922 года Н. П. Северова	218
Дзвели Гавази. Разрез. Обмер Н. П. Северова	219
Ниноцминда. План кафедрала. Обмер 1922 года Н. П. Северова	233
Ниноцминда. Восточный фасад. Обмер Н. П. Северова	234
Ниноцминда. Поперечный разрез на восток. Обмер Н. П. Северова	235
Ниноцминда. Поперечный разрез на запад. Обмер Н. П. Северова	236
Ниноцминда. План нижней камеры над северо-восточным угловым помещением	238
Ниноцминда. Разрез с реконструкцией форм начальной эпохи. Исполнила Р. М. Эристави	239
Ниноцминда. Разрез с реконструкцией форм эпохи первой реставрации. Исполнил Н. П. Северов.	240
Дзвели Шуамта. План трех храмов монастыря. Обмер 1919 и 1939 годов М. Г. Калашникова	247
Дзвели Шуамта. Восточные фасады с пристройками по взаимной связи расположения храмов. Обмер М. Г. Калашникова.	247
Дзвели Шуамта. План большой купольной церкви типа Джвари. Обмер 1928 года Н. П. Северова	248
Дзвели Шуамта. Поперечный разрез на восток церкви типа Джвари. Обмер Н. П. Северова	248
Дзвели Шуамта. План второй купольной церкви монастыря. Обмер 1928 года Н. П. Северова	251
Дзвели Шуамта. Разрез на юг второй купольной церкви. Обмер Н. П. Северова	251
Кисисхеви. План купольной церкви Квела-Цминда. Обмер 1922 года Н. П. Северова	256
Кисисхеви. Разрез на восток купольной церкви Квела-Цминда. Обмер Н. П. Северова.	256
Икалто. План церкви Самеба в монастыре близ селения (схема)	259
Икалто. Восстановление в разрезе церкви Самеба (схема)	260
Зегани. План и два разреза церкви Марине в монастыре Квела-Цминда. Обмер 1949 года В. Г. Цинцадзе	262

Зегани. Восточный и южный фасады. Обмер В. Г. Цинцадзе	262
Зегани. Схема масс здания. Чертеж Н. П. Северова	263
Давитиани. Перспективный разрез с планом. Чертеж Н. П. Северова	264
Давитиани. Профиль карниза	265
Вачнадзиани. План купольной церкви Свети-Цховели в селении Шрома	266

К ГЛАВЕ VI. КУПОЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ VIII—IX ВЕКОВ

Вачнадзиани. Интерьер купольного храма в монастыре Квела-Цминда близ селения. Акварель 1922 года Н. П. Северова.	271
Гурджаани. Планы по первому и по второму этажу. Обмер 1912 года М. Г. Калашникова.	275
Гурджаани. Восточный фасад. Обмер М. Г. Калашникова	276
Гурджаани. Южный фасад. Обмер 1933 года В. Л. Циловани	277
Гурджаани. Продольный разрез. Обмер В. Л. Циловани	279
Гурджаани. Продольный разрез по северному нефу с видом на юг. Обмер В. Л. Циловани	281
Гурджаани. Продольный разрез по северному нефу с видом на север. Обмер В. Л. Циловани	281
Гурджаани. Поперечный разрез на запад. Обмер М. Г. Калашникова	282
Гурджаани. Профиль подоконника (схема)	282
Гурджаани. Аксонометрический разрез. Чертеж Р. М. Эристави	283
Гурджаани. План и разрез подземной камеры. Обмер 1936 года Н. Г. Чубинашвили	283
Вачнадзиани. Схема расположения развалин монастыря Квела-Цминда близ селения Шрома. Чертеж Г. И. Лежава	287
Вачнадзиани. План по первому этажу купольного храма в монастыре Квела-Цминда. Обмер 1956 года Г. И. Лежава	288
Вачнадзиани. План по первому этажу купольного храма в монастыре Квела-Цминда. Обмер 1912 года М. Г. Калашникова	289
Вачнадзиани. План по хорам. Обмер Г. И. Лежава	290
Вачнадзиани. План по кровлям и куполу. Обмер Г. И. Лежава	291
Вачнадзиани. Продольный разрез на юг. Обмер М. Г. Калашникова	294
Вачнадзиани. Продольный разрез на север. Обмер Г. И. Лежава	295

Вачнадзиани. Поперечные разрезы на восток через купол и через триконхи. Обмер Г. И. Лежава 296

Вачнадзиани. Поперечный разрез на восток. Обмер М. Г. Калашникова 297

Вачнадзиани. Схема восстановления лестницы. Чертеж Г. И. Лежава 298

Вачнадзиани. Перспективный разрез триконха. Чертеж В. Г. Цинцадзе 299

Вачнадзиани. Поперечный разрез на запад через экседры. Обмер Г. И. Лежава 300

Вачнадзиани. Разрез с восстановлением перекрытий в западном обходе. Чертеж Г. И. Лежава 301

Вачнадзиани. Разрез по западному обходу в теперешнем состоянии. Обмер Г. И. Лежава 302

Вачнадзиани. Западный фасад. Обмер Г. И. Лежава 303

Вачнадзиани. Восточный фасад. Обмер М. Г. Калашникова 304

Вачнадзиани. Северный фасад. Обмер 1939 года М. Г. Калашникова 305

Вачнадзиани. Южный фасад. Обмер 1939 года М. Г. Калашникова 306

Вачнадзиани. Планы с восстановлением обеих этажей западного обхода 307

Вачнадзиани. Восстановление масс западного фасада (схема) 307

Некреси. Разрез на юг купольного храма. Обмер 1922 года Н. П. Северова 322

Некреси. План купольного храма. Обмер Н. П. Северова 322

Хирса. План купольного храма Степан-Цминда. Обмер 1956 года Г. И. Лежава 326

Хирса. Поперечный разрез перед пастофориями. Обмер Г. И. Лежава 327

Хирса. Поперечный разрез через купол. Обмер Г. И. Лежава 328

Хирса. Разрез на юг через юго-восточную комнату. Обмер Г. И. Лежава 329

Хирса. Тромповый угол. Рисунок с натуры Р. О. Шмерлинг 329

Хирса. Продольный разрез. Обмер Г. И. Лежава 330

Хирса. Проход за северо-западным устоем. Рисунок с натуры Р. О. Шмерлинга 331

Хирса. Разрез на запад через западную часть. Обмер Г. И. Лежава 332

Хирса. Разрез на юг через купольную часть. Обмер Г. И. Лежава 333

Хирса. Фрагмент надписи 996 года. Прорись по кальке Т. В. Барнавели 333

Хирса. Надпись на верхнем кресте южного фасада 334

Хирса. Надпись на нижнем кресте южного фасада 334

Хирса. Восточный фасад. Обмер Г. И. Лежава 336

Хирса. Южный фасад. Обмер Г. И. Лежава 337

Хирса. Западный фасад. Обмер Г. И. Лежава 338

Икалто. План главного монастырского храма Перисцвалеба и план по второму этажу западной его части. Обмер 1956 года Г. И. Лежава 340

Икалто. Разрез по пастофориям. Обмер Г. И. Лежава 340

Икалто. Поперечный разрез. Обмер Г. И. Лежава 341

Икалто. Продольный разрез. Обмер Г. И. Лежава 342

Икалто. Вид на подкупольную часть (рисунок по фото) 343

Икалто. Вид по западному притвору на север. Чертеж Г. И. Лежава 343

Икалто. Восточный фасад. Обмер Г. И. Лежава 344

Икалто. Западный фасад. Обмер Г. И. Лежава 344

Икалто. Северный фасад. Обмер Г. И. Лежава 345

Икалто. Южный фасад. Обмер Г. И. Лежава 345

Икалто. Надпись на верхней плите восточного фасада. Прорись по кальке Т. В. Барнавели 349

Икалто. Строительная надпись на восточном фасаде храма Перисцвалеба. Прорись по кальке 1956 года Т. В. Барнавели 349

Барцана. План. Обмер 1950 года Н. Г. Чубинашвили и Л. Д. Рчеулишвили 350

Барцана. Разрез с восстановлением. Обмер Н. Г. Чубинашвили и Л. Д. Рчеулишвили 351

Озани. План храма Амаглеба близ селения. Обмер 1944 года П. П. Закарая 356

К ГЛАВЕ VII. КУПОЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ X—XIII ВЕКОВ

Алаверди. Внутренняя перспектива кафедрала. Чертеж 1925 года Н. П. Северова перед стр. 367

Алаверди. Генеральный план построек в ограде Алавердского кафедрала. Обмер 1923 года Н. П. Северова 370

Алаверди. Изометрический разрез. Обмер Н. П. Северова 373

Алаверди. План западного входа (схема первоначального решения) 375

Алаверди. Разработка восточной стены в южном нефе (схема восстановления) 375

Алаверди. Проход в северный рукав у северо-западного подкупольного устоя (схема плана) 376

Алаверди. Проход на своды с северных хор (восстановленный план) 376

Алаверди. План кафедрала с восстановлением обходов	377
Алаверди. Основной план кафедрала. Обмер 1923 года Н. П. Северова	378
Алаверди. План по хорам. Обмер Н. П. Северова	379
Алаверди. План с наложением верхнего на основной. Обмер Н. П. Северова	380
Алаверди. Продольный разрез. Обмер Н. П. Северова	381
Алаверди. Поперечный разрез. Обмер Н. П. Северова	382
Алаверди. Перспективный вид на триконх. Чертеж Н. П. Северова	383
Алаверди. Продольный разрез через юго-восточные угловые помещения. Обмер Н. П. Северова	384
Алаверди. Поперечный разрез на запад через западный рукав. Обмер Н. П. Северова	384
Алаверди. Проход и начало лестницы в юго-восточное помещение второго этажа (схема восстановления)	387
Алаверди. Восточный фасад. Обмер Н. П. Северова	390
Алаверди. Строительная надпись (прорись по фото с восстановлением).	391
Алаверди. Декор фасада южного рукава (схематическое восстановление)	392
Ацкури. Схема плана церкви Тетри-Георгий близ селения	405
Ацкури. Профиль наличника окна (схема)	406
Кунтурис-Сакдари. План. Обмер 1936 года В. Л. Цилосани	408
Кунтурис-Сакдари. Профиль капители (схема)	408
Кунтурис-Сакдари. Разрез через северо-восточную комнату и северный рукав. Обмер В. Л. Цилосани	409
Кунтурис-Сакдари. Продольный разрез. Обмер В. Л. Цилосани	409
Кветера. План. Обмер 1936 года В. Л. Цилосани	412
Кветера. Разрез на восток. Обмер В. Л. Цилосани	413
Бочорма. План. Обмер 1936 года В. Л. Цилосани	417
Бочорма. Разрез. Обмер В. Л. Цилосани	418
Бочорма. Общий вид. Рисунок с природы 1925 года В. И. Сидамон-Эристава к стр.	418
Бочорма. Абрис окна в закладке прохода в портик (схема)	420
Бочорма. Профиль карниза (схема)	420
Бочорма. Узор поздней починки кладки стены (схема)	421
Пудзари. Схема плана	424
Карданахи. План купольной церкви и колокольни Саба-Цминда	427

Сачини. План церкви около селения Земодашени. Обмер 1936 года В. Л. Цилосани	436
Сачини. Разрез на север. Обмер В. Л. Цилосани	431
Сачини. Строительная надпись (прорись по фото)	431
Сачини. Профиль двойного западного окна (схема)	432
Сачини. Профиль отделки купольного барабана (схема)	432
Гиши. План церкви (схема)	435
Зедгзити. План церкви (схема).	436

К ГЛАВЕ VIII. КУПОЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

Чикаани. Интерьер храма св. Фомы. Рисунок 1922 года Н. П. Северова	439
Ахали Шуамта. План церкви с восстановлением обхода. Обмер 1935 года В. Л. Цилосани	441
Ахали Шуамта. Продольный разрез	443
Греми. План церкви Мтавар-Ангелози. Обмер 1922 года Н. П. Северова	448
Греми. Разрез церкви Мтавар-Ангелози. Обмер Н. П. Северова	449
Шихиани. План церкви в селении Агдгома. Обмер 1922 года Н. П. Северова	451
Чикаани. План. Обмер 1922 года Н. П. Северова	454
Алвани. План церкви Самеба. Обмер 1935 года В. Л. Цилосани	456
Алвани. Продольный разрез церкви Самеба. Обмер В. Л. Цилосани.	457
Матани. План церкви св. Николая в селении.	458
Загеми. План купольной церкви (схема).	459
Греми. Продольный разрез купольной церкви в «Тарса-Галавани». Обмер 1939 года Л. Д. Рчеулишвили	460
Греми. Поперечный разрез на восток церкви «Тарса-Галавани». Обмер Л. Д. Рчеулишвили	461
Тараки. План церкви Ведребела. Обмер 1950 года В. О. Долидзе и Н. Г. Чубинашвили	462
Тараки. Разрез на восток. Обмер В. О. Долидзе и Н. Г. Чубинашвили	462
Ахатели. Схема плана церкви Гвтэба	464
Веджини. План купольной церкви Квела-Цминда (схема)	466
Манави. Схема плана купольной церкви 1794 г.	472

К ГЛАВЕ IX

Алаверди. Крестовый свод и начало лестницы на хоры в кафедрале. Рисунок пером 1923 года Н. П. Северова. перед стр.	475
--	-----

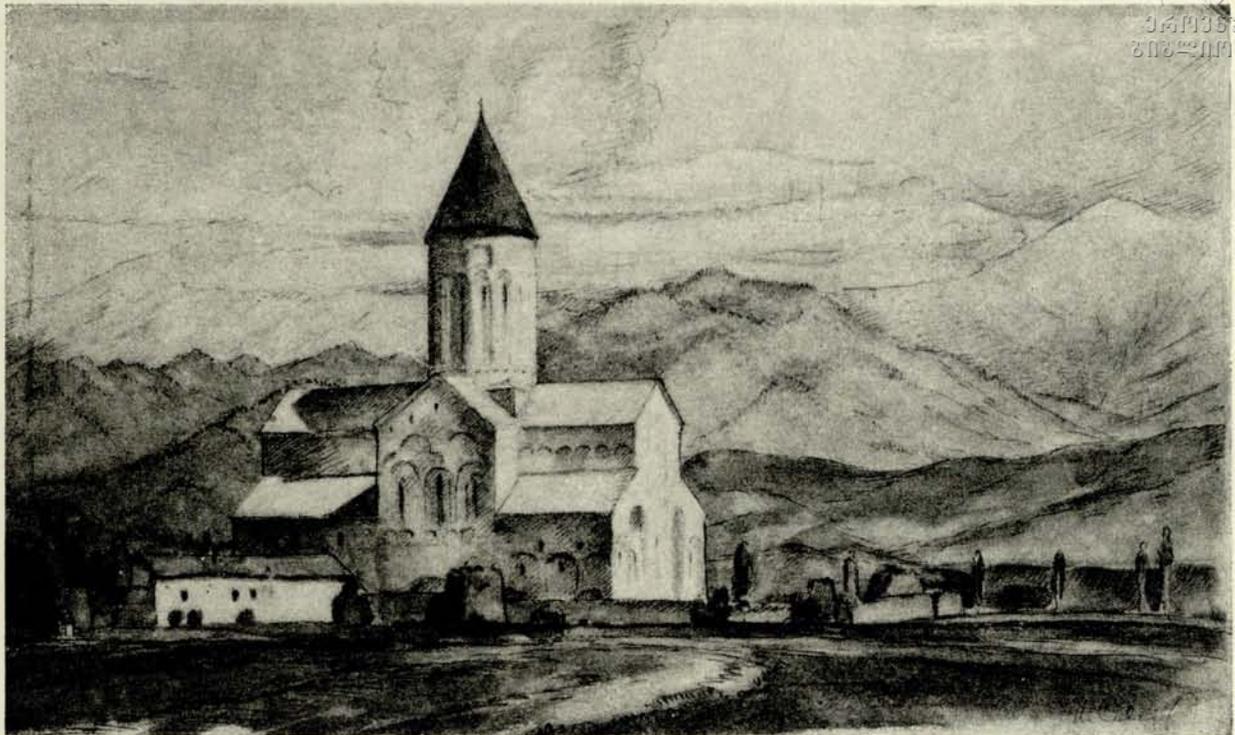
К ГЛАВЕ X. КОЛОКОЛЬНИ

Алаверди. Вид жилых помещений над трапезной во дворе кафедрала. Акварель 1923 года Н. П. Северова перед стр.	491
--	-----

Агдгома. План нижнего этажа колокольни около церкви	492	Некреси. Три разреза башни. Обмер В. Л. Ци- лосани	535
Цинандали. Планы обеих этажей колокольни Георгия Сапариса. Обмер 1933 года В. Л. Ци- лосани	493	Некреси. План и разрезы предполагаемой тра- пезной монастыря. Обмер 1945 года В. Л. Ци- лосани	535
Цинандали. Разрез колокольни Сапариса. Об- мер В. Л. Ци-лосани	493	Кисис-Хеви. Планы двух этажей четырех- угольной башни. Обмер 1933 года В. Л. Ци- лосани	536
Ахшани. Планы обеих этажей колокольни Го- рис-Джвари	496	Кисис-Хеви. Разрезы четырехугольной баш- ни. Обмер В. Л. Ци-лосани	536
Ниноцминда. Планы четырех этажей коло- кольни. Обмер 1922 года Н. П. Северова	498	Кисис-Хеви. Планы трех этажей круглой башни 1767 года. Обмер 1933 года В. Л. Ци- лосани	537
Ниноцминда. Разрез на юг колокольни. Об- мер Н. П. Северова	499	Кисис-Хеви. Разрез круглой башни. Обмер В. Л. Ци-лосани	538
Ниноцминда. Западный фасад колокольни. Обмер Н. П. Северова	499	Телави. Генеральный план крепости Батонис- Цихе. Обмер 1946 года Л. Д. Рчеулишвили	540
Ахали Шуамта. Планы первого и второго этажей колокольни. Обмер 1935 года В. Л. Цилосани	502	Телави. Общий вид стены Батонис-Цихе. Ри- сунк пером 1947 года архитектора-худож- ника А. П. Келлера	541
Ахали Шуамта. Планы третьего и четверто- го этажей колокольни. Обмер В. Л. Ци-лосани	502	Телави. Средний выступ стены Батонис-Цихе. Рисунок пером А. П. Келлера	541
Ахали Шуамта. Разрез колокольни на север (по А—В). Обмер В. Л. Ци-лосани	505	Кветера. Генплан замка и крепости. Обмер 1936 года В. Л. Ци-лосани	543
Ахали Шуамта. Разрез колокольни по ле- стнице. Обмер В. Л. Ци-лосани	505	Кветера. Планы верхнего и нижнего этажей дворца. Обмер В. Л. Ци-лосани	544
К ГЛАВЕ XI. ЗАМКИ И ДВОРЦЫ		Кветера. Разрез дворца. Обмер В. Л. Ци- лосани	545
Некреси. Вид на дворец и башню. Рисунок 1922 года Н. П. Северова. перед стр.	513	Кветера. Восстановленный план субструкции площадки перед входом во второй этаж дворца	546
Телави. План замка «Дзвели Галавани». Об- мер 1946 года Л. Д. Рчеулишвили.	516	Вачнадзиани. Планы первого и второго эта- жей дворца. Обмер 1934 года В. Л. Ци-лосани	547
Телави. Фасад «Дзвели Галавани». Обмер Л. Д. Рчеулишвили	517	Вачнадзиани. Продольный разрез дворца. Обмер В. Л. Ци-лосани	549
Телави. Перспектива «Дзвели Галавани». Чер- теж Л. Д. Рчеулишвили	517	Вачнадзиани. Поперечный разрез дворца. Обмер В. Л. Ци-лосани	550
Телави. Деталь стены «Дзвели Галавани». Чер- теж Л. Д. Рчеулишвили	518	Ванта. Планы первого и второго этажей двор- ца. Обмер 1933 года В. Л. Ци-лосани	553
Бочорма. Схема плана дворцового здания в крепости	523	Ванта. Продольный разрез дворца. Обмер В. Л. Ци-лосани	554
Ниноцминда. Генеральный план крепостного укрепления с кафедралом и другими здания- ми. Обмер 1949 года Л. Д. Рчеулишвили	525	Ванта. Поперечный разрез дворца. Обмер В. Л. Цилосани	555
Алаверди. План трапезной. Обмер 1933 года В. Л. Ци-лосани	526	Некреси. План первого этажа дворцового ком- плекса. Обмер 1922 года Н. П. Северова	556
Алаверди. Продольный разрез трапезной. Об- мер 1933 года В. Л. Ци-лосани	527	Некреси. План по второму этажу дворца. Об- мер Н. П. Северова	556
Алаверди. Поперечный разрез трапезной. Об- мер В. Л. Ци-лосани	527	Черемн. Планы первого и второго этажей двор- цовой руины	558
Алаверди. План бани. Обмер 1933 года В. Л. Цилосани	528	Черемн. Разрез дворца (схема). Чертеж Н. Г. Чубинашвили	558
Алаверди. Три разреза бани. Обмер В. Л. Ци- лосани	529	Велис-Цихе. Генплан дворцового участка. Обмер 1933 года В. Л. Ци-лосани	559
Алаверди. План водоема и его отношение к бане. Обмер В. Л. Ци-лосани	530	Велис-Цихе. Планы первого и второго эта- жей дворца. Обмер В. Л. Ци-лосани	560
Некреси. Северный фасад башни и дворца. Об- мер 1945 года В. Л. Ци-лосани	532		
Некреси. Западный фасад башни и разрез дворца. Обмер В. Л. Ци-лосани	533		
Некреси. Разрез башни и марани. Обмер В. Л. Ци-лосани	533		

Тианети. План дворцового здания. Обмер В. Л. Циლოსани	561	Алвани. План дворца Цхра-Кара. Обмер 1933 года В. Л. Циლოსани	570
Тианети. Разрез дворцового здания. Обмер В. Л. Циლოსани	561	Алвани. Продольный разрез дворца. Обмер В. Л. Циლოსани	571
Тианети. Генплан дворцового участка. Обмер 1935 года В. Л. Циლოსани	562	Алвани. Поперечный разрез дворца. Обмер В. Л. Циლოსани	571
Икалто. План первого этажа здания академии и трапезной в монастыре. Обмер 1938 года В. Л. Циლოსани	564	Алвани. Деталь разбивки северной стены. Обмер В. Л. Циლოსани	571
Икалто. План второго этажа здания академии и трапезной в монастыре. Обмер В. Л. Циლოსани	565	Алвани. Схема расположения помещений древнего дворца	572
Икалто. Поперечный разрез на запад академии. Обмер В. Л. Циლოსани	565	Алаверди. Планы первого и второго этажей летнего дворца в ограде кафедрала. Обмер 1933 года В. Л. Циლოსани	574
Икалто. Продольный разрез западной части комплекса. Обмер В. Л. Циლოსани	566	Алаверди. Разрез летнего дворца в ограде кафедрала. Обмер В. Л. Циლოსани	575
Икалто. Продольный разрез академии. Обмер В. Л. Циლოსани	567	Алаверди. Кладка свода в летнем дворце. (схема). Чертеж В. Г. Цинцадзе	575
Икалто. Северный фасад академии. Обмер В. Л. Циლოსани	567		
Икалто. Восточный фасад академии. Обмер В. Л. Циლოსани	568		
Икалто. Поперечный разрез академии (вид на восток). Обмер В. Л. Циლოსани	568		
		К ГЛАВЕ XII	
		Телави. Интерьер приемного зала во дворце царя Ираклия II. Прорись по карандашному рисунку 40-х годов XIX века Г. Г. Гагарина	583

ГЛАВА I

ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ

1. ОБЪЕМ ПОНЯТИЯ КАХЕТИЯ В НАСТОЯЩЕМ ИССЛЕДОВАНИИ

Кахетия, архитектура которой представлена в настоящих исследованиях, является географическим обозначением площади страны, не остававшейся неизменной в своих границах на протяжении двух тысячелетий исторической жизни. Так как с этим географически-этнографическим обозначением, в его широком словоупотреблении, связывается также политическое понятие более или менее самостоятельного кахетинского государства, то эта неустойчивость и изменчивость границ становится вполне естественной. Кроме того, понятие «Кахетия» только в более позднее время приобрело свое широкое значение, в ранние же периоды оно применялось в более узком значении одной части позднейшей Кахетии, наряду с наименованием Эретия (ჰერეთი).

¹ История грузинского народа, т. II, 1914, стр. 297—310 (по-груз.); во втором издании 1948 г. страницы издания 1914 года обозначены в колонцифрах.— Географическое описание Кахетии, важное и для наших изысканий, дано с приложением карт в начале XVIII в. царевичем Вахушти.

² См. для границ Эретии также работу И. А. Джавахишвили. Границы Грузии, рассмотренные исторически и с точки зрения современности, Тб. 1919, стр. 10—14. Особенно богатым по материалу является обозначенная автором как «краткая политическая справка» работа проф. Н. А. Бердзенишвили, «Из прошлого Восточной Кахети» (см. Мимомхилвели,

Вопросам определения границ Кахетии, как политической, географической и отчасти этнографической единицы в пределах Грузии посвящен проф. И. А. Джавахишвили определенный раздел его Истории грузинского народа¹. Он отмечает изменчивость реального содержания как этого термина, так и встречающихся рядом и иногда взамен его терминов Эретия (или Херетия) и Кухетия на протяжении времени с VII по XII вв.² Если термин Кухетия встречается в исторических источниках только спорадически и существенного значения, по-видимому, не имеет, то иначе обстоит дело с терминами Кахетия и Эретия. Останавливаясь на исторических сдвигах или расхождениях в применении этих терминов в те или иные эпохи, на которые падают памят-

III, Тб. 1953, стр. 67—86), неоднократно излагавшаяся им до того в публичных лекциях. Ср. в книге М. К. Думбадзе «Из истории восточной Кахетии», Тб. 1953, изд. АН ГССР (на грузинском языке), особенно главу I, § 1 (п 3, 4), а также специальную статью М. Лорткипанидзе о кахетинском княжестве VIII—XI вв. в очерке «Из истории политического объединения феодальной Грузии» (Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 31, Тб. 1954, стр. 11—51, на груз. яз.). К сожалению, автор статьи не до конца решает свою задачу в отношении сложных, запутанных вопросов, предпочитая обходить противоречивость источников и давая гладкое изложение вопросов.

ники, рассматриваемые в настоящем исследовании, нет надобности — они рассмотрены в названных исторических исследованиях. Отметим только основное.

Понятие «Кахетия», как оно исторически сложилось, состоит из трех основных элементов — географического, этнографического и политического. Основное географическое ядро Кахетии составляют долины рек Алазани и Иори, иначе называемой малой Алазанью, т. е. в современном словоупотреблении Внутренняя Кахетия (შებნით კახეთი), Заалазанская (გალმა მხარე) и Внешняя Кахетия (გარე კახეთი)¹. Они окаймлены горными хребтами или течением рек. Таковы географические данные о границах Кахетии. Этнографические — покрывают их, в занимающее нас историческое время средних веков, и выходят за их пределы, в окраинных частях, естественно, представляя переходы и отклонения. В юго-восточном конце к Кахетии относилось население той части, которая известна в позднее время, в XIX веке, под названием Саингило, т. е. районы Белакани, Чаря, Кахи и Нуха;² на западе же границы дотигивались до р. Арагви, а южнее — до Куры. Эретией исторически наиболее четко именовалась вся северо- и юго-восточная часть, граничившая с севера Дагестанскими горами Главного Кавказского хребта до реки Ариши, а с

юга от слияния р. Иори с Алазанью и до р. Ариши³.

Исторически население Кахетии образовалось из слияния отдельных племен. Легендарная история называет трех эпонимов — Эроса, Кахоса и Кухоса, о которых дает кое-какие сведения историк XI века Леонтий Мровели⁴. Эти родственные грузинские племена эров и кахов уже в первые века нашей эры входили в культурное и этническое единство грузин, которое так и удержалось до XIX века⁵.

На протяжении средних веков произошла постепенно культурная ассимиляция также различных горских грузинских племен с населением долин: наименования их, естественно, исчезли затем с исторической арены⁶. Известные различия наблюдаются даже до сих пор еще между населением отдельных более узких районов; сильнее других, кажется, в населении Эрцо и Тианети — горных районов — и в населении внешней Кахетии, тяготеющем, как сама природа этой части Кахетии, к Картли.

Здесь же необходимо отметить, что в период наибольшей экспансии грузинской культуры по Кавказу были возведены, уцелевшие частично и сегодня, небольшие церковные постройки в Дагестане, христианское население которого еще в XIV веке было в церковном отношении подчинено Кахетии⁷.

¹ И. А. Джавахишвили, там же, II, стр. 281.

² Примерно до Варташен и Чалети включительно, т. е. по дореволюционному административному делению — Нухинский уезд.

³ Историк XI века Леонтий Мровели границы Эретии определял следующим образом: ქუეყანა მტკვარისა ჩრდილოთ, მცირისა აღმოსავლეთითა ვიდრე ტყე-ტბამდე, რომელსა აჳ ქვეან გულგულა, как гласит исправленный проф. Джавахишвили, История грузинского народа, т. II, Тб. 1914 (по-грузински), стр. 297—298, текст: Страна к северу от Куры, начинающаяся от впадения Малой Алазани (т. е. реки Иори) и до Тке-Тба, которую ныне именуем Гугула. Местонахождение Тке-Тба (по контексту где-нибудь около Караяз, примерно) неизвестно, т. к. считать ее Гугулою под Телавом невозможно, как отмечает проф. Джавахишвили (II, 307). См. его же Границы Грузии, 1919 стр. 10—11 и 13—14. — В «Матианей Картлисай» крепость Веджини означена в XI веке, как оплот Эретии (Картлис-Цховреба по списку царицы Марии, изд. Е. С. Такайшвили, Т. 1906, *450—451, стр. 228, по-груз.; пагинация этой рукописи выставлена на полях изданного проф. С. Г. Каухчишвили текста рукописи царицы Анны, Тб. 1942, а также изданного им же сводного по всем рукописям критического издания Картлис-Цховреба, том I, Тб. 1955).

⁴ М. Лорткипанидзе делает попытку внести ясность в границы Кухетии, Кахетии и Херетии, вы-

двигая положение, что Кахетия и Кухетия «локализируются северо-западнее теперешней Шида Кахетии», а «наша Шида Кахетия есть историческая Херетия» (Материалы по истории Грузии и Кавказа, вып. 31, стр. 19). По этим тезисам она пытается дать исправления и толкования новых и древних историков.

⁵ Проф. Н. А. Бердзенишвили в вышеуказанной работе (стр. 67 и стр. 68 прим.), не останавливаясь на историко-географических вопросах до-феодалного времени, все же отмечает, что с древнейшего времени Восточная Кахетия, «как и большая часть нынешней Кахетии и северо-западный Азербайджан (бывший Шекинский или Нухинский уезд), были заселены родственными картвельскими племенами», которые к IV—V веку н. э. во всяком случае уже объединились культурно и этнически.

⁶ Ср. значительное количество их, приводимое в экспертах проф. И. А. Джавахишвили (II, 300—302); а также ряд показательных этнографических данных в отчете члена-корреспондента АН ГССР Г. С. Читая («Известия ИЯИМК АН ГССР», т. XI, стр. 60—61, по-груз.).

⁷ См., в частности, К. С. Кекелидзе, К истории грузинской культуры в эпоху монгольского господства (по-груз. во II томе Эюдов по истории древнегрузинской литературы), Тб. 1945, стр. 314—324 и А. С. Чикобава. Грузино-аварская надпись XIV века в Дагестане («Сообщения Груз. ФАН», I, № 7, 1940, стр. 321—327).

Географические и этнографические данные в известной мере помогают пониманию историко-политических перемен, сопровождавших понятие «Кахетия»¹. Мы здесь, конечно, не можем входить, как сказано выше, в рассмотрение вопросов начальной истории грузинского народа, и состава и расселения отдельных племен, в частности по Кахетии. К началу феодальной поры уже стабилизировались народно-государственные границы с определенной территорией. В дальнейшем, по-видимому, продолжается еще некоторый процесс уточнения расселения и укрупнения народных организмов, но достаточно ясных данных до VII века мы, к сожалению, не имеем².

Возможно, что дальнейшее изучение архитектурных сооружений будет содействовать выяснению вопросов передвижения и расселения племен, так как на всей территории Кахетии в намеченных границах, т. е. примерно от Арагвы и Куры до Кавказского хребта и Дагестана, имеется большое количество архитектурных памятников с древнейшего времени, т. е. начиная с IV—VI веков, которые поражают исследователя своей художественно-строительной культурой, входящей в общую сокровищницу художественного наследия Грузии и занимающей в ней видное место³.

Основной блок исследованных мной памятников охватывает долины рек Алазани и Иори; по периферии или в высокогорных районах обследованы или вообще известны мне в большей или меньшей мере только отдельные памятники. Как раз эти части обещают еще богатый новый материал, хотя и по остальной

Кахетии далеко не все архитектурные памятники обследованы или изучены⁴.

Таким образом, понятие «Кахетия» является не всегда и не во всех смыслах равнозначным. Границы ее несколько колеблются. Но для наших целей это существенного значения не может иметь. Нас интересуют немые, но говорящие красноречиво своими формами вещественные памятники культуры, сохранившиеся до наших дней в местах, исторически составлявших живую, активную часть Кахетии.

Иначе говоря, это — основные исторические провинции, известные под названием Кахетия—Эретия—Кухетия, а по наименованиям последних веков грузинского царства и XIX века — Кахетия, Кизикия, Гагма-Мхаре и Саингило, Гаре-Кахетия, Эрцо-Тианети, Нухинский уезд и, в период экспансии грузинской культуры, населенные горные районы Главного Кавказского хребта, включая значительные части Дагестана. По существующему административному делению всю территорию Кахетии примерно составляют: в Грузинской ССР районы Телавский, Ахметский, Кварельский, Гурджаанский, Сигнахский, Цител-Цкаройский, Качретский, Сагареджойский, Руставский, Тианетский, части Гареубанского и Мцхетского, а в Азербайджанской ССР районы (или их части): Белаканский, Закатальский, Кахский, Нухинский и Варташенский, составлявшие исторически, в древнее время, части Кахетинского царства.

¹ См. в главе об исторической географии Грузии VII—XII вв. у проф. И. А. Джавахишвили, II, стр. 297—310, 270 и 281—282, а также у М. Лорткипанидзе в цитированной статье.

² Свообразное построение начальной истории, и в основных положениях далеко неубедительное, дал проф. К. Кекелидзе в своей работе «Основные историко-хронологические вопросы распространения христианства в Грузии» (см. орган Грузинского Общества истории и этнографии *Обозреватель* — Мимомхилвели, I, Т. 1926, стр. 1—54, по-грузински), где он резко противопоставляет друг другу «Албанию» за Алазанию и «Эретию» в Карталино-Кахетии севернее Куры, а «Картли» (Карталинию) считает расположенной южнее Куры.

³ Необходимо здесь же подчеркнуть (и это важно иметь в виду к только что цитированному исследованию проф. Кекелидзе), что не только памятники

За-алазанской Кахетии, но также и районов Чари, Кахи, Нухи характеризуются общими чертами архитектуры Кахетии древнейшего или нового времени.

⁴ Как будет показано, на склонах к реке Арагви, где расположен ряд видных памятников, встречаются архитектурные произведения с ярко выраженными чертами влияния архитектурных навыков Картли. Вообще, конечно, эта историческая граница Кахетии по Арагве и примыкающей части Куры для вопросов группировки памятников может быть принята только условно, так как, например, церкви Джвари Мцхетского по географическому положению являются расположенными в Кахетии (Джавахишвили, II, 306), между тем культурно-исторически и политически они всецело составляют часть Мцхета, т. е. Картли. Поблизости же расположенный Зедазенский монастырь — типичный памятник архитектуры Кахетии.

2. СПЕЦИФИЧЕСКИЙ ХАРАКТЕР АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ

Кахетия, несмотря на широкие пределы этого района, и особенно широкие в соответствующем нашим задачам смысле, представляет собой в отношении архитектурных памятников резко отличную от других районов христианского Кавказа физиономию. Определенное своеобразие, резко выраженная индивидуальность сохраняется в основном на протяжении всей долгой исторической жизни страны.

Кахетия, по выражению еще историка XI века Джанашири, «была лесом, непроходимым для врага»¹. Это определение чрезвычайно характерно и верно для значительной части страны еще и поныне. Поселения в Кахетии расположены по краю леса, и чтимые верующими святыни находятся в самой чаще его, на горах. Названная особенность Кахетии важна для нас в совершенно особом смысле. Имея по всей стране невысокие горные кряжи, сплошь покрытые лесом, население Кахетии не имело вовсе хорошего строительного материала горных пород, оно не имело каменоломен. Материалы для своих построек оно брало в готовом виде из речных русл. Простой булыжник, обточенная плоская речная булыга, вот основной материал, который сумел использовать кахетинец так, как будто в его руках находился формованный строительный материал.

В этом существенное отличие кахетинских монументальных зданий от таковых остальной Грузии, где здания монументальной архитектуры строились в разные исторические эпохи из тесаных каменных плит, из квадров большей или меньшей толщины. Хороший строительный материал давал возможность покрывать здания орнаментальной резьбой и фигурными рельефами по камню, составляющими отличительную особенность грузинской и армянской архитектур. Ничего этого, таким образом, в Кахетии мы не находим. Постройки возводятся из самого простого строительного материала, не имеют орнаментальной резьбы и действуют только и исключительно законченностью своих

архитектурных форм и завершенностью создаваемого ими пространства.

В пустынных, безлесных, песчаных плоскогорьях на юге внешней Кахетии раскинулись аскетические обители, основанные по почину знаменитых в истории распространения христианства в Грузии «тринадцати сирийских отцов», последователей сирийского монашества VI века. Монастыри Давид-Гареджа, Удабно, Натлис-Мцемели, Додос-Рка и т. д. представляют вырубленные в скалах помещения только с незначительными надземными постройками, относящимися к последним векам кахетинского царства. Эти постройки составляли органическую часть всей поздней грузинской архитектуры².

Не без влияния пышной и блестящей, представительско-декоративной архитектуры Карти, получили, — уже в зрелые средние века, — применение квадры-плиты желтоватого конгломерата, травертина (так наз. «ширими») для сплошной облицовки с некоторой отделкой стен даже и орнаментальной резьбой.

Кроме булыжника и ширими в кахетинских постройках отдельных периодов имеет применение в качестве стройматериала также и кирпич. В ранние века его использовали в дополнение к булыжной кладке. В позднюю же эпоху «нового» кахетинского царства кирпич приобретает исключительное значение в строительстве монументальной архитектуры. По-видимому, это выдвигание данного стройматериала на первое место имеет сложные причины. Впрочем керамическое производство имело в Кахетии по естественным условиям общее распространение и вообще твердую почву под ногами, недаром на древнейших зданиях встречаются примеры применения черепицы для перекрытий.

Таким образом, как вполне естественно, и архитектура Кахетии, несмотря на свою особенность, на резкую очерченность характерных черт на протяжении долгих веков исто-

¹ საქათი ტყე იყო შეუვალი მტრისა მიერ (Картлис-Цховреба, сп. Марии, *394, стр. 181 — по цитате в истории Джанашири, II, 304).

² Исследованию этих пещерных монастырей посвящена мной самостоятельная монография, являющаяся результатом изысканий специальной экспедиции, снаряженной в октябре 1921 г. и пополненная затем в экспедиции 1929 года материалами обмера и фотоснимков («Пещерные монастыри Давид-Гареджи», Тб. 1948).

рического развития, усваивала в известные периоды преобладания соседних государств те или иные особенности соседних районов, имевших также монументальную архитектуру. Но если эти воспринятые ею элементы и моменты только в более поздние эпохи затрагивают такие строительные стороны, которые относятся уже к самой сути архитектурного искусства, то сама архитектура Кахетии рано уже стала играть кардинально и принципиально важное значение в развитии ранне-христианской архитектуры Кавказа, а тем самым и в обще-христианском вообще, рано уже стала источником определенных строительных методов и течений.

Едва ли при современном состоянии науки есть необходимость особо подчеркивать творческое значение в оформлении ранне-христианской средневековой архитектуры специфически новых, принципиально отличных от ранее применявшихся методов, конструктивных приемов, которые сводятся к двум элементам — коробовому своду и сферическому куполу на барабане. Значение этих элементов, конечно, свойственно также и архитектуре Кахетии. Но как для надлежащего понимания и уяснения означенных двух явлений во всеобщей истории христианского искусства, так точно и для искусства христианского Востока и, в частности, Кавказа, т. е. Грузии и Армении, необходимо параллельное, детальное изучение также некупольной (а частью даже не сводчатой) архитектуры. Только такое изучение даст возможность оттенить новое от старого, традиционно продолжающего или сообразно новым требованиям и навыкам преобразованного, только оно даст возможность показать как новое оплодотворяет старое, как оно претворяет и исполь-

зует в своих целях, сообразно своим знаниям и требованиям, элементы, выработанные и установленные предшествующими архитектурными эпохами.

Что касается Кахетии, то к этому общему положению присоединяется еще специальное. Мы указывали выше, что архитектура Кахетии представляет собой одно целое, связанное непрерывной цепью звено со звеном. Этим уже намечается, что такое целостное обозрение сразу всех памятников, помимо завершенной картины развития архитектуры в Кахетии, дает нам вместе с этим твердое, определенное, неопровержимое основание при датировке и для датировки отдельных памятников. А это последнее обстоятельство имеет для кахетинской архитектуры самое существенное значение, потому что ни на одном или почти ни на одном памятнике ее не имеется надписей, и памятники непосредственным документом на нем самом не датируются. Мало этого: иных исторических документов или свидетельств мы также почти что вовсе не имеем: они чрезвычайно скудны и носят всегда случайный, эпизодический характер. Таким образом, только путем согласования, выбора и уяснения общих строительных элементов может быть произведена группировка памятников по эпохам, которые определяются при посредстве отдельных, тем или иным способом точно датируемых определенной исторической эпохой памятников. Иными словами, исследование в одной книге всех вообще памятников Кахетии без различия их архитектурных форм вызывается кроме общих методологических соображений еще и специальными требованиями всестороннего обобщения и проведения релятивной датировки отдельных памятников.

3. ЖИВАЯ ТРАДИЦИЯ ОСВЯЩЕННЫХ МЕСТ — НЕИССЯКАЕМЫЙ ИСТОЧНИК ЦЕРКОВНОЙ СТРОИТЕЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В КАХЕТИИ

Выше было уже отмечено, что поселения в Кахетии располагаются — теперь по крайней мере — по границе леса. Впрочем за Алазанью, в сторону Лагодехи наблюдается расселение среди густых лесов. Места же религиозного поклонения, освященные построением храмов, находятся по преимуществу выше селений, на горах. Такие одиноко стоящие церкви, по-видимому, лишились окружающего населения в связи с постепенным перемещением поселений с верхних склонов гор вниз, ближе к долине

по сторонам р. Алазани. Этот процесс «сползания» селений наблюдается довольно широко по всей Кахетии, и в ряде случаев бросился в глаза при посещении одних и тех же памятников с разрывом в два десятка лет.

Рядом с такими церквями, оказавшимися без окружающего их населения, имеются монастыри, так с основания и задуманные вдали от населенных пунктов. Они большей частью расположены в глубине лесов или на вершинах покрытых ими гор и вдали от населенных

мест (напр., Вачнадзиани, Озаани, Санагире). Впрочем, для древнейших из них эта отдаленность сейчас мало чувствительна: очевидно, при основании монастыря густота и непроходимость лесов была совсем иная (напр., Икалто, Алаверди, Тетри-Гиорги близ Ацкури, Карданахский Саба-Цминда, Шуамта, Матанская Цхра-Кара). Теперь около монастырей лишь редко можно обнаружить следы монастырского хозяйства и строений для обслуживающих монастыри. Очень возможно, хотя каких-либо прямых указаний на это найти не удалось, что такие места выделены христианством как особо отмеченные места для поклонения, с целью парализовать, ассимилировать связанный с ними языческий культ до-христианского времени.

Как бы то ни было, однако, несомненно, что в Кахетии отдельные из этих освященных традицией мест вызвали строительную деятельность последующих поколений. Так, не оставалось расширения монастырских помещений в пещерных пустынях Давид Гареджи вплоть до XVIII—XIX вв. Это было просто расширение, — быть может, акт религиозного подвига. Точно также строительство в монастыре Цхра-Кара близ Матани или Санагире близ Уриатубани. Здесь просто расширение монастыря, как в других местах построение колокольни (например, при ц. Георгия Сапарского или ц. Успения в Греми, в Дзвели Шуамта, Лелиани и т. д.). Здесь имеется в виду оттенить факт иного порядка и, как полагаю, факт большого значения.

В ряде мест Кахетии встречается сейчас следующее явление. Имеется высокочтимая верующими церковь, построенная со значительным мастерством и посвященная тому или иному святому или празднику. А рядом с нею в расстоянии десятка или нескольких десятков шагов имеется развалина, иногда с одной какой-либо стеной или подобными незначительными остатками. Такая развалина остается совершенно забытой населением, оно не помнит праздника, которому она посвящена и т. д. Следует отметить, что это наблюдается как при постройках позднейшего времени, так и при постройках древнего периода, т. е. забвение, которому предаются такие развалины при целых церквах на высоко-освященных пунктах, вовсе не является вызванным, не может быть

¹ То же явление по всем данным имело место и в церквах Джвари Мцхетского, посвященных празднику Мцхетского Креста (подробно проанализировано мною в исследовании «Памятники типа Джвари», Тб. 1948, издание АН ГССР).

объяснено слишком большой давностью. Очевидно, оно заключается в чем-то другом. Я полагаю, что это другое состоит в том, что вторая церковь, стоящая цельной, была построена около места святых и освящена в честь ее же, как и первая, разрушившаяся к тому времени или вообще так или иначе упраздненная построением второго храма¹. Таким образом, не было и самой возможности помнить праздник разрушившейся церкви, ибо он был и оставался средоточием празднований на этом месте и после построения нового храма. Такими особенно разительными пунктами являются Саба-цминда в Карданахи и Квела-Цминда близ Вачнадзиани и даже, пожалуй, Некреси и Дзвели Шуамта².

Упоминание русскими послами XVI века, что трехцерковная базилика Некресского монастыря освящена в честь успения богородицы, как будто подтверждает это наблюдение, так как на праздник в Некреси собирались в XX веке на рождество в декабре: по видимому, пересилила традиция другого, — очевидно, купольного, — храма в монастыре.

Еще один интереснейший пример традиционной преемственности почитаемых мест в строительстве выяснился при последнем посещении в Веджини отдельно стоящей купольной церкви Квела-Цминда. Эта поздняя, кирпичная в основном, постройка сделана с использованием древней из булыжника церкви. А именно в алтарную часть древней с провалившимся сводом церкви встроили новый алтарь в один кирпич толщиной, но с правильным перекрытием над сплошными стенами (древними — из булыжника и новым добавлением из кирпича). А к этой восточной части, вытянутой из-за древней основы, благодаря, вероятно, совсем иным формам древней, развалившейся частично церкви, пристроена вся остальная часть здания, т. е. начиная от подкупольного пространства в западном направлении.³

В связи с затронутым здесь вопросом считаю нужным подчеркнуть одну характерную, сопровождающую отмеченные явления, черту. И в Вачнадзиани и в Саба-Цминда вторые церкви купольные; и в Некреси и в Дзвели Шуамта имеются купольные же и они как будто несколько выделены, как бы подчеркнуты, как

² Конечно, мне нет нужды говорить здесь специально о реставрациях и перестройках, которым подверглись храмы таких святых, как Ниноцминда, Алаверди, Хирса или Бодбе.

³ Ср. о Тетри-Гиорги в Ацкури (гл. VII).

определенная ценность, а не только как часть того или иного монастыря. Указываю на это, чтобы оправдать свое ограничительное суждение об упразднении прежнего храма, т. е. объясняю свое мнение, что здесь допускается предположение о построении в честь того же праздника второй церкви ранее фактической непригодности первой постройки для службы. Второй, купольный, храм возводили ради удовлетворения своего чувства¹. Но вместе с тем характерно, что это более достойное украшение святыни мыслится только в форме купольного строения.

Что действительно и в глазах населения Кахетии купольный храм с высоко вздымающимся барабаном и конусом крыши на нем является полным, достойным выразителем и носителем религиозных ценностей, как и для истории развития архитектуры увенчанные куполом квадратные пространства с расходящимися от них частями являются венцом и высшим достижением архитектурно-созданного пространства — это рельефнее других выразил, как со-

общил мне лет 30 назад З. И. Чхикадзе один веджинский крестьянин, сказавший: «пре купольную церковь Квела-Цминда, стоящую в стороне от древней некупольной Амаглеба в Веджинской крепости и восстановленную в поздние века: «Разве церковь без купола может иметь такую силу, как купольная?!»

Таким образом, освященные издревле места поклонения определенным праздникам являлись в Кахетии источниками, порождавшими строительную деятельность церквей и при наличии при них крупных построек, если только они не были купольными. Дальнейшее строительство направлено именно на то, чтобы и при них создать купольные храмы². Монастыри с небольшими церквями пополняются именно купольными церквями, как особо ценными. С этим отношением к купольным храмам, к особой оценке их и заботе о них в Кахетии нам придется ближе ознакомиться ниже и тогда многое получит свое новое и примечательное освещение³.

4. ПРИНЦИП РАСПОЛОЖЕНИЯ МАТЕРИАЛА В НАСТОЯЩЕМ ИССЛЕДОВАНИИ

Мы знаем теперь насколько разнообразен в Кахетии материал церковных памятников. Но этим, конечно, не исчерпывается все количество архитектурных ее памятников. Помимо монастырей, церквей и колоколен здесь имеются также крепости, дворцы, хотя подавляющее количество составляют церковные здания. Согласно характеру наших исследований, мы намерены придерживаться систематического рассмотрения данных и, следовательно, соответствующего расположения их. Поэтому, естественно, прежде всего разделяем светскую и церковную архитектуру, чтобы затем приступить к внутреннему членению этих последних.

Но и это, казалось бы, совершенно свободно и просто выполнимое деление светской и церковной архитектуры не может быть всюду прямолинейно проведено. Такие постройки, как колокольни, не будучи свойственными древне-

христианской архитектуре Востока вообще и Грузии с Кахетией в частности, имеют элементы скорее светской, нежели церковной архитектуры. Особенно резко это выступает на ряде колоколен XVI века, ближайше примыкающих к светским, дворцовым постройкам. Таким образом, рассмотрение таких памятников составляет особый отдел, выделенный из церковной архитектуры.

Но значительно существеннее деление самой церковной архитектуры. Как мы отмечали, Кахетия дает нам одновременно примеры купольных и некупольных храмов. И обе группы имеют своих представителей уже в древнейшую эпоху. После сказанного выше не может быть сомнения в том, что мы должны рассмотреть обе группы раздельно, а не вперемежку. Но тогда встает вопрос, какую группу исследовать ранее. Зная решающее значение

¹ Подобное явление нам знакомо из истории построения церквей Джвари Мцхетского.

² Как увидим в своем месте, именно только в этом направлении и была устремлена деятельность по перестройке Хирсского монастыря св. Стефана: из базилики она превращена была в купольную путем расширения и пристройки.

³ Не могу не отметить, что и Вахушти находится явно под тем же психологическим впечатлением силы именно купольного храма, когда пишет о Некреси, что «он был город, основанный 4-м царем Парнаджомом. Потом царь Трдат построил большую церковь с куполом» (География, изд. 1941, по-груз., стр. 99; рус. пер., стр. 122).

купольной архитектуры, естественным представляется рассмотрение сначала именно ее с тем, чтобы затем перейти, в довершение всей картины, к некупольным постройкам.

Однако, не считаю целесообразным придерживаться такой последовательности в дальнейшем изложении. Ибо вопрос здесь — это, мне думается, должно быть не только ясно, но само по себе очевидно — не в хронологическом приоритете той или иной архитектурной темы или формы. И христианская базилика и христианский купольный храм в равной мере архитектурные создания, появившиеся только в связи с развитием христианства. И тот и другой тип являются совершенно самостоятельными творческими проявлениями, не имеющими ничего общего друг с другом. Следовательно, вопрос о приоритете отпадает. А обзревая все развитие, предшествующее христианской архитектуре, и особенно ход развития ее самой, мы не можем не признать, что базиликальная форма является как бы последним звеном архитектурного развития определенных культурных течений¹; купольная же архитектура христианства, а затем и ислама, знаменует собой совершенно новое, еще небывалое в мире понимание созданных пространственных ценностей. Конечно, и это понимание имеет свою подготовительную историю развития и в дохристианское время, но только с христианством, с выдвинутыми им грандиозными заданиями и требованиями оно получило соответственные условия для своего выявления, для создания новых архитектурных решений. Развитие купольного зодчества, конечно, предполагает иные культурные течения, нежели некупольное. И мы уверены в том, что среди них купольное зодчество кавказских народов занимает определенное и не последнее место. А

Кахетия является одной из ярких творческих единиц².

Но, несмотря на такое убеждение, нет данных для показа последовательности хода развития монументальной купольной архитектуры, начиная от простых жилых крестьянских домов с их своеобразным перекрытием на квадратных в плане центральных частях «дарбазы» и вплоть до выдающихся отдельно стоящих храмов.

Напротив того, перед нами непосредственно с середины V века стоят параллельно несколько различных храмовых типов купольных построек без переходных форм предыдущего времени. Факт существования ряда типов определенно показывает на значительное уже развитие архитектуры в это время в стране. По счастью, на некоторых из сохранившихся примеров ясно видно, благодаря большой их сложности, что им предшествовали какие-то значительно более простые по своим формам композиции, отдельные элементы которых наблюдаются в некоторых других типах. Впрочем, такие отдельные, случайные, реликтовые экземпляры уцелели от древнейших времен и представляют собой простейшие типы. Выдающееся же грандиозное по замыслу и размерам архитектурное творчество и строительство имеются все данные приписывать только VI и VII вв., но никак не ранее указанного времени. И это имеет силу для всего христианского Кавказа. Такое свое убеждение об ошибочности постулирования, как это делал Иосиф Стриговский, какой-то пышной эволюции купольной архитектуры на Кавказе в IV (или даже III!) и по V—VI вв., высказанное мною в критической оценке его выдающегося труда, посвященного архитектуре Кавказа³, надеюсь

¹ Базилики перестают довольно скоро возводить в Кахетии, как и в других странах. В Кахетии, впрочем, их строили, как это было установлено исследованиями, с самого их начала еще до X—XI вв., а не в раннехристианскую пору, как это отмечается в литературе для базилик вообще. Однако, одновременно с этими исследованиями и для византийской архитектуры Миллэ (L'école grecque dans l'architecture byzantine, Paris 1916) установил возведение базилик еще и в средние века (что мне стало впрочем известно только много позже и что, следовательно, подкрепило косвенным образом мои разыскания).

² За последние годы на Западе вновь усиленно обсуждается вопрос о происхождении христианской базилики. После обсуждений на IV международном конгрессе по христианской археологии 1933 года этому вопросу были посвящены две научные конференции: в апреле 1951 г. в Мюнхене и в апреле 1953 г.

в Геттингене, из которых в первой приняли участие также ученые Швейцарии, Франции, Италии и США. Однако, эта искусственно подогреваемая «проблема» не ознаменована и здесь никакими новыми достижениями, хотя ряд специальных конкретных пунктов и получил интересное освещение, как, напр., установление границ применения самого названия «базилика» в хронологическом, географическом и архитектурном отношениях. (Ср. резюме докладов и выступлений в Kunstchronik, 1951 Mai, Heft 5 und 1953, September, Heft 9; а также статью E. Langlotz, Der architektonische Ursprung der christlichen Basilika (Festschrift für Hans Jantzen), Berlin, 1951, S. 80—86).

³ Die christliche Kunst im Kaukasus und ihr Verhältnis zur allgemeinen Kunstgeschichte. Eine kritische Würdigung von Josef Strzygowski. Die Baukunst der Armenien und Europa. — Monatshefte für Kunstwissenschaft, Leipzig 1922, Bd. XV, Heft 7—9, SS. 217—237.

реально, т. е. на конкретном анализе памятников, обосновать в настоящем исследовании, где, естественно, нельзя не коснуться реального хода эволюции христианской архитектуры Кавказа. Насколько искусственна вся схема Стриговского, набросанная специально в отношении Армении, насколько вредно она отзывается на его исследовании, заставляя вгонять факты в прокрустово ложе измышленной схемы исторического развития, с очевидностью покажут отдельные заключения нашего исследования архитектуры Кахетии, в частности, ее базиличных храмов¹.

Развитие грандиозной, монументальной, купольной архитектуры в Армении, по данным реальных фактов, относится только к VII веку и известные этапы его ко второй половине и даже концу VII века. В Картли от середины VI века сохранилось немного памятников монументальной купольной архитектуры². Однако она быстро стала ведущей. Примером полного господства ее — и при этом уже в редко импозантной, уверенной форме выявления — является в Картли в последнее десятилетие VI века Джвари Мцхетский, в отличие от еще некупольной малой, середины того же века³.

В исследовании этих двух хронологически близких и рядом стоящих памятников показана, с одной стороны — ведущая тенденция развития, а с другой — в отношении развития купольной архитектуры показана полная необходимость существования предшествующих стадий, существования более простых предшествующих форм.

Настоящее исследование архитектуры Кахетии действительно представляет такие реликтовые образцы древнейших простых форм. Но мало этого. Одновременно с малой церковью Джвари Мцхетского в Кахетии было возведено единичное, во многом невыравненное, но грандиозное по замыслу и сложное по композиции купольное строение в Ниноцминде, несомненно известное зодчему-художнику творцу большой церкви Джвари Мцхетского. Другими словами, развитие купольной архитектуры в еще более раннее время, чем в Армении

и даже Картли, возможно изучать на предметном в Кахетии материале архитектуры, причем уже V века. Здесь, кроме того, в отличие от остальной Грузии или Армении, сохранились переходные формы, обусловившие возможность появления известных нам монументальных сооружений купольной архитектуры.

Итак, если — как мы отметили — базиличные и купольные храмы не связаны друг с другом, как более раннего и следующего периодов типы, а встречаются в Кахетии, как и в других районах, одновременно, сосуществуют здесь, — то мотивами для той или иной последовательности изложения должны служить не хронологические, и не связанные с какой-либо схемой, или конструкцией развития, а другие соображения. Между тем, современная наука уже остановила свое внимание при разработке истории христианской архитектуры⁴, и, в частности, на развитии ее на Кавказе, на том факте, что древнейшее купольное творчество обращается в пределах центрального плана, находит в нем свое выражение в то время, как последующие эпохи отдают дань удлиненному в большей или меньшей мере плану, во всяком случае, плану ассиметричному в восточной и западной частях. Стриговский дает этому факту совершенно произвольное, искусственное пояснение, сообразно со своей принятой схемой⁵. А между тем этот несомненный факт имеет общее значение во всей христианской архитектуре, хотя в архитектуре Грузии и Армении он, пожалуй, действительно выступает рельефнее всего. Имеет он место, таким образом, и в Кахетии.

Но в купольной архитектуре Кахетии периода VIII—IX вв. наблюдается, кроме того, своеобразное явление, именно стремление использовать некоторые композиционные особенности некупольной архитектуры. В Кахетии имеется пример несомненной попытки художника-архитектора превратить базилику в купольный храм, причем строитель создал оригинальную композицию двухкупольного храма (Гурджаанская Квела-Цминда). Но мало этого. Помимо такого единичного решения в Кахетии имеются

¹ Со времени написания этих строк мною выпущены в 1926 г. часть, а в 1936 г. целиком I том «Истории грузинского искусства» (на грузинском языке), где уже в характере систематического изложения дается очерк эволюции грузинской архитектуры с IV по середину VII вв. включительно.

² Г. Н. Чубинашвили, *Die Schiomghwime Lawra Ein Beitrag zur Architekturgeschichte Georgiens: Bulletin de l'Université de Tiflis*, т. V, 1925 стр. 209—253 и 8 таблиц. В. Цицадзе, Идлетская церк. Иоанна Крестителя (*Arts Georgica*, 3, 1950 по-груз.).

³ Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари. Тб. 1948 (две книги — текст и таблицы).

⁴ Так это дословно отмечает Оскар Вульф в своем руководстве по византийскому искусству (*Altchristliche und byzantinische Kunst, in Burgers Handbuch der Kunstwissenschaft*, Berlin 1914, Band II), ставшем мне тоже известным уже после написания всего исследования (в августе 1923 года).

⁵ В названном исследовании по архитектуре Армении.

купольные храмы, грандиозные по замыслу и законченные по исполнению, именно как купольные храмы, которые, однако, несмотря на это, подразумевают как необходимую основу своего создания особый, пока известный только в архитектуре Грузии, тип церкви, который я называю трехцерковной базиликой¹. Естественно поэтому, что сперва необходимо выявить конструктивные особенности этой своеобразной архитектурной темы, чтобы можно было с полным пониманием анализировать помянутые купольные церкви.

Да и кроме того, имея в виду, что действительно активно-творческая архитектура как в Кахетии, так и по всему Кавказу, выявляется полностью именно в купольном зодчестве, желательнее, приступая к исследованию ее, располагать уже всей полнотой данных о некупольных формах строений.

Итак, общее распределение материала по церковной архитектуре в Кахетии должно исходить от некупольных церквей. Среди них мы сперва должны ознакомиться с базиликами, затем перейти к упомянутой, специфической форме, теснейше связанной с базиликой, именно, так называемым трехцерковным базиликам. После этого можно перейти, наконец, к изучению купольной архитектуры. Что касается светской архитектуры, то ввиду незначительного числа представителей ее, дать связную картину развития ее не представляется возможным. Мы в состоянии только оттенить принципиальные отличия одной эпохи от другой. С другой же стороны, эти отдельные светские постройки явятся интересными параллелями к церковным

соответствующего времени, как они в свою очередь и датируются именно по сравнению с этими последними. Таким образом, естественно, что к рассмотрению светской архитектуры можно перейти только после изучения церковной.

Итак, в основу расчленения всего материала положена систематическая группировка, а затем в каждом отделе исследование строится так, чтобы выявить основные черты и этапы развития той или иной формы, а в итоге тем самым всей архитектуры Кахетии вообще. Понятно, притом, что начисто отделить в самостоятельные части голое описание отдельных памятников от исследования о них нельзя. В этом отношении существо исследовательской работы требует опять свободы, гибкости. В одних случаях общее сравнительное исследование, вернее сводку характерных данных той или иной группы, или даже всей совокупности памятников, придется предпослать описанию их; в других — описание нескольких памятников подряд будет оторвано от значительно позднее следующего исследования их; в третьих — отдельный памятник будет иметь специальное исследование, тогда как в четвертых — исследование может быть растворено в самом описании; наконец, возможен и такой случай, когда будут даны только чистые описания памятников без какого бы то ни было исследования о них: такие описания должны просто пополнить наши материалы по архитектуре Грузии и подкреплять наше понимание ее и ее развития.

5. К ИСТОРИИ ИЗУЧЕНИЯ АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ

Набросанные здесь схема изложения и перспективы изучения памятников Кахетии являлись 30—35 лет тому назад совершенно новыми и неизвестными в литературе. Чтобы сделать этот факт более или менее понятным, стоит, мне кажется, бросить взгляд на суще-

ствовавшие до сих пор сведения, которыми мы располагали о памятниках Кахетии.

Первыми, старейшими описаниями мы обязаны Платону Иоселиани², А. Н. Муравьеву³ и академику Броссе⁴. Их описания направлены, как обычно, на историческую судьбу и эпиграфический материал памятника.

¹ Впервые образец такого архитектурного решения был мною опубликован в статье «Церковь близ селения Болнис-Капанакчи» в Христианском Востоке, т. V, Пгг. 1916; кроме того, см. мою работу «История грузинского искусства», т. I, Тб. 1936, стр. 65—68.

² Путевые записки по Кахетии. Т. 1846 г.; Описание Марткопского монастыря, Т. 1847; Города, существующие и существовавшие в Грузии, Т. 1850; Храм

в Нокорно, 1870 (из газ. «Кавказ», 18 июня 1870 г., № 78), Жинвани (рукопись в собрании Общества распространения грамотности), ср. еще Пшавия (в газ. «Кавказ» от 15 ноября 1872 г., № 134).

³ Грузия и Армения, том I и III, СПб. 1848.

⁴ Rapports sur un Voyage archéologique exécuté en Géorgie et en Arménie en 1847—48, SPbg. 1851, Rapp. I.

საქართველოს
ქრონიკა

Об архитектуре едва узнаем самые общие данные, а о времени построения стоящего памятника из числа древних, нет никаких данных или же они легендарны.

Тогда же, в 1849-52 гг., архитектор Давид Гримм обмерил Алавердский собор, но обмеры эти оставляют во всех мало-мальски интересных деталях желать многого¹. Точно так же и чертежи с рисунками художника кн. Г. Г. Гагарина, исполненные им в 1846-47 гг. в одной из церквей Некресского монастыря, далеко не отвечают действительности².

После этих данных, собранных в конце 40-х годов прошлого столетия, в течение долгих десятилетий не было никаких новых материалов, пока, наконец, в 1875 году Дмитрий Баградзе не составил большой исторический справочник³, в котором дана сводка литературных данных с внимательным использованием знаменитого труда по географии Грузии

начала XVIII в. царевича Вахуштия, первоисточников грузинской истории. Баградзе только кое-где пополняет выбранные им из литературы данные собственными наблюдениями, но они обычно очень мало содействуют расширению сведений об архитектуре того или иного памятника и это относится даже до Кацаретской Самебы около сел. Хашми, из которого происходил сам Баградзе.

После этого издания в различных периодических изданиях Тбилиси появляются статьи разных авторов самого общего, если не прямо поверхностного, содержания и это длилось вплоть до 20-х годов XX века⁴.

Значительно более вдумчиво было проведено изучение памятников Кахетии З. И. Чхиквадзе⁵, проф. А. С. Хаханашвили⁶, М. Г. Джанашвили и З. Эдили⁷, Е. С. Такайшвили⁸, Д. П. Гордеевым⁹ и

¹ Памятники архитектуры в Грузии и Армении СПб, 1864.

² Le Caucase Pittoresque, Paris 1847—57, pl. XLIII.

³ Кавказ в древних памятниках христианства. 1875 (до этого отпечатан в тт. V и VI «Актов. собр. Кавказской Археогр. комиссией», а затем в I т. «Зап. Общ. Любителей Кавказской Археологии», т. I, 1875).

⁴ Труд Вахуштия впервые был издан с французским переводом и 6 картами академиком Броссе, *Déscription géographique de la Géorgie*, SPb. 1842) Ныне новое критическое издание грузинского текста дано Н. А. Бердзенишвили и Т. Н. Ломоури (Тб. 1941); русский перевод с примечаниями издал М. Г. Джанашвили, *География Грузии царевича Вахуштия*, в «Записках Кавк. отделения Русск. Географ. Общества», т. XXIV, в. 5, Т. 1905.

⁵ Для грузинской периодической печати укажу просто на Грузинскую библиографию, изд. Академии Наук, СПб, 1916 г. (и продолжение за 1911—12 гг. в «Христианском Востоке», т. II, Пгг. 1913, стр. 253—262). А для русской периодической литературы полезная (хоть так же не исчерпывающая) библиография составлена Д. Д. Пагиревым, как приложение (стр. 309—530) к его алфавитному указателю к пятиверстной карте Кавказского края («Зап. Ко ИРГО», Книжка XXX). Т. 1913.

⁶ Статьи З. И. Чхиквадзе о различных древностях Кахетии появлялись, начиная с 1884 г. в грузинской периодической прессе (Дрозба, Ивериа и др.); напр., *Алавердский Храм—Ивериа*, 1893, № 51; *церковь св. Федора в Дзвели Гавази—Ивериа*, 1895, № 206; *древности Грузии—Сахалдо Сакмэ*, 1917, № 45 и 74 (о Натлис-Мцемели близ Сабуэ), № 78 (о Веджини); *величественная крепость Кветера—Сахалдо Газети*, 1912, № 733 и 737.

⁷ А. С. Хаханашвили поместил в VII томе «Материалов по Археологии Кавказа», изд. Моск. Арх. Общ. под ред. П. С. Уваровой, М. 1898, некоторые материалы, частью повторяющие данные, ранее опубликованные В. Кикнадзе в «Сборнике материалов по описанию местностей и племен Кавказа», вып. VII, Т.

1889. Он касается Телави, Грени, Шуамта, Алаверди, Болбе, Озаани, Хирса, Хашми, Закатальского района и Гареджийских пустынь.

⁸ М. Г. Джанашвили дал в своей монографии «Сангило» о Закатальском округе (по-грузински) — в «Дзвели Сакартвело»—«Древняя Грузия» (Сборник грузинского общества истории и этнографии), т. II, Т. 1911—1913, также и сведения о местных древних храмах; кроме того, его статьи в периодической печати.— Различные статьи печатал по Сангило в течение многих лет также и З. Эдили; выпущено, в расширенном виде одной книгой в 1947 г. под заглавием «Сангило» (Ингилойцы), изд. Сабчота Мцэрал, Тбилиси.

⁹ Результаты экскурсий Е. С. Такайшвили в Кахетию до 1907 г., печатавшиеся первоначально в журнале «Моамбэ», перепечатаны в I томе его «Археологических экскурсий и заметок», 1907, стр. 241—271 (—296), по-груз., и касаются Телави, Икалто, и Шуамта. Проведенные же в 1911 г. разыскания (на средства А. И. Сарджишвили и совместно с ним) кратко отражены в описательном каталоге архитектурной выставки 1920 года: «Каталог, выставки древней грузинской архитектуры», Т. 1920, стр. 25—28 (по-груз.) и по-русски «Указатель выставки древнегрузинской архитектуры», Т. 1920, стр. 26—29. Ср. кроме того заметку в газете «Сахалдо Сакмэ», 1911 г., № 404 и 405—Несколько кратких замечаний им даны в статье об алтарных преградах, напечатанной в журнале *Georgica* Лондон 1937, № 4 и 5, с фотоиллюстрациями.

¹⁰ Краткий отчет о командировке летом 1917 года в Кахетию и Горийский уезд Д. П. Гордеева напечатан в «Известиях Кавказского отделения Московского Археологического общества», вып. V, Т. 1919, стр. 1—26, где приведены данные о Некреси, Натлис-Мцемели около Сабуэ, Грени, Шуамта, Карданахи и Веджини, ср. также цитированный выше Указатель Выставки 1920 г., а равно его же заметку о выставке грузинской архитектуры 1924 г. в *Bulletin historique—«санторио Моамбэ»*, т. II, Т. 1924 стр. 233—240. Несколько позднее Д. П. Гордеевым и С. Н. Какабадзе были проведены некоторые разыскания (частично охраны ради) в Хашми и Хашминской Самебе,

Л. М. Меликсет-Беком¹. Но у всех этих авторов мы не встречаем анализа отдельных памятников, показывающего место их в ходе развития архитектуры или дающего хотя бы датировку. Все материалы, предложенные названными авторами, дают только более или менее детальный, но во всех случаях только сырой материал описаний. Предпринятая в 1910 году по инициативе А. И. Сарадживили поездка Е. С. Такайшвили от Грузинского общества Истории и Этнографии была дополнена в 1912 году обмерами некоторых из храмов, исполнение которых было поручено студенту Петербургской Академии Художеств, ныне архитектору, М. Г. Калашникову. Часть выполненных им по обмерам чертежей поступила в состав коллекций Общества в Тбилиси, часть принадлежит Музею Академии Художеств в Ленинграде, а часть, видимо, не была выполнена. Несомненно, это важный материал, но этими обмерами никто не руководил, не руководила также какая-либо научно методически определенная мысль или задание, а исключительно художественное впечатление будущего архитектора. Этим определяется как самый выбор чертежей, который не мог, таким образом, не быть в значительной мере случайным, так и — несмотря на большую старательность в обмерах — существенные ошибки, проистекавшие от неопытности работника. Об этом, в частности, будет речь ниже в каждом отдельном случае. Материалы, принадлежащие Грузинскому обществу истории и этнографии были позднее напечатаны².

в Ниноцминда, Мухравани, Уджарма, Земо-Алвани, Чикаани, Ахали Гавази, Дзвели Гавази, Зегани (ср. скупые отчетные данные в «Бюллетене Кавказского ист.-археол. института, № 5, Т. 1929, стр. 24—26).

¹ Статьи Л. М. Меликсет-Бека с обстоятельным библиографическим обзором см. в газете «Сахалхо Сакмэ», 1920 г. №№ 927, 933, 945, 950, 951, 964, 974 под заглавием Археологическая экскурсия в Гаре-Кахетию и Черемское ущелье, где он касается памятников в сел. Тараки, Манави, Чайлури, Ниноцминда и Череми; далее в «Христианском Востоке», т. III, Пгг. 1914—1915, стр. 309—315 о Кахтубанском храме и в «Чвени Мецниереба», Т. 1924, № 9—10, стр. 57—64 о росписях Гаре-Кахети, а о Кацарети в Bulletin historique — «Саисторио Моамбе», т. II. Тб. 1924, стр. 159—172.

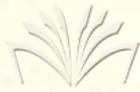
² Чертежи эти были сперва выставлены в 1920 г. на специальной выставке грузинской архитектуры в Тбилиси, а затем напечатаны в специальном альбоме материалов из поездок Е. С. Такайшвили: ქართული ხელოვნების ძეგლები — Album d'architecture Géorgienne, Тб. 1924; обмеры Гурджаани, Вачнадзани, Зегани, Веджини, Давитиани и Череми.

Кроме этого, в 1913 году Е. С. Такайшвили сопровождал фотограф Общества художник Т. Г. Кюне, который сделал ряд снимков церквей Кахети, а также изготовил и ряд примерных планов³. Есть совсем незначительное число старых снимков и в коллекции фотографа Д. И. Ермакова, позднее приобретенной Грузинским обществом истории и этнографии и Тбилиским Государственным Университетом, а ныне находящиеся в фототеке Грузинского государственного музея искусств.

Итак, этот краткий обзор данных по архитектуре Кахети показывает, что 30 лет тому назад никаких надежд на оригинальность и значительность самих памятников нельзя было иметь. И только личное ознакомление с несколькими памятниками Кахети, предпринятое мною в сентябре 1919 года по предложению проф. Л. М. Меликсет-Бека и совместно с ним, выдвинуло сразу ряд проблем, которые заставили меня, после знакомства в 1920 г. на выставке материалов Грузинского общества истории и этнографии с вышеупомянутыми чертежами храмов, определенно поставить во главу дальнейшего моего изучения архитектуры Кавказа именно Кахетию, и прежде всего содействовать скорейшему опубликованию чертежей, выполненных по инициативе проф. Е. С. Такайшвили. Предпринятые затем мной поездки вполне оправдали и даже превзошли возлагавшиеся на них ожидания. Кахетия является такой частью Грузии, где можно проследить гораздо дальше вглубь веков и несравненно нагляднее ход развития христианской купольной архитектуры с древнейшего времени, чем в других ее исторических провинциях⁴.

³ Они также входят в серию упомянутого в предыдущем примечании альбома Общества: Кветера, Матани, Икалто.

⁴ Настоящее исследование наметилось в общем уже после первых поездок 1919 и 1920 гг., т. е. весь собранный мною тогда материал был распределен хронологически по группам, согласованным с основными данными общей истории этой грузинской провинции. Чрезвычайно важными результатами, подкрепляющими мое разгруппирование материалов, были ознаменованы проведенные летом 1922 года дальнейшие изыскания. Они дали для всего исследования несколько твердо датированных пунктов, полностью покрывавших мою датировку памятников, которая была сделана на основании данных, добытых архитектурно-художественным анализом. Это исследование, вчерне законченное оформлением весной 1923 года, в течение следующих десятилетий неоднократно пополнялось и проверялось, расширялось по материалам и углублялось, — нередко в плановом экспедиционном порядке. Особенно много в этом отношении сделано в последние годы, причём

В дополнение к проведенному обзору работ по архитектуре Кахетии, которые были осуществлены до начала моих разысканий, т. е. до 1920 года, отмечу еще работы, которые были выполнены уже после завершения этих исследований, именно в последние 10—15 лет и которые, хотя они также не напечатаны, но стали мне известны. Прежде всего арх. П. Д. Барановский открыл во время своих разысканий и реставрационных работ в Азербайджане в 1939 году два исключительного значения памятника в Кахском районе Азербайджанской ССР, т. е. на территории так назыв. Саингило, входившей в состав Кахетии. Это — выдающиеся художественные постройки: трехнефная базилика с обходом около сел. Кум и большой купольный тетраконх с обходом около селения Лекити¹.

Затем в 1945 и 1947 гг. Отделом охраны памятников культуры Грузии при Управлении по делам архитектуры были организованы экспедиции в Кварельский и Лагодехский районы с целью регистрации памятников. Предварительные сообщения Д. П. Гордеева и М. Г. Калашникова о работе этих экспедиций были заслушаны — Д. П. Гордеева в Управлении 3.XII.1945, а М. Г. Калашни-

кова в Доме работников искусства 2.II.1948.

Наконец, Институтом Истории имени Джавахишвили Академии наук Грузинской ССР проводятся среди других больших начинаний по изысканию средневековых древностей Грузии также обследования района по р. Иори в связи с разысканиями древнего города и крепости Уджарма. За последние годы Институтом при участии кафедры истории Тбилисского Государственного Университета имени И. В. Сталина проведена большая работа по расчистке на акрополе Уджарма и в других ее частях, затем выявлены ранее известные только по имени памятники, как церковь Жалети и Сиони, причем последняя расчищена от завалов перекрытия².

Таким образом, несмотря на продолжающееся пополнение материала и углубление его изысканий в течение тридцати лет и несмотря на продолжающееся собирание сведений, остаются в разных местах памятники, никем еще научно необследованные, и лишь частично намеченные к изучению, т. е. богатство этой исторической провинции Грузии в художественно-архитектурном отношении также еще не исчерпано, как и богатство памятниками других ее провинций.

6. ОСНОВНЫЕ МОМЕНТЫ ИСТОРИИ КАХЕТИИ

В настоящем исследовании представлен материал архитектурных памятников Кахетии на протяжении истории страны в течение полутора тысячелетия. Страна пережила за это время, как и вся Грузия много и коренных изменений. Поэтому естественным представляется для облегчения систематической трактовки материала по архитектурным формам и обеспе-

чения естественной исторической его увязки дать здесь краткий очерк истории Кахетии, основные этапы развития ее, чтобы перед нашим умственным взором была картина периодов политического подъема и упадка страны, превалирования значения той или иной части ее, а самое главное, связанных с ними периодов, культурного подъема и процветания, как

именно теперь несколько второстепенных памятников, оставшихся с самого начала условно отнесенными к определенной хронологической группе, были проработаны заново и получили или закрепление на своем прежнем или на новом месте.

Отмечу, что в большом уваже «Памятники грузинского зодчества», составленном акад. арх. Н. П. Северовым и изданном в серии «Архитектурные альбомы» Академией Архитектуры СССР в 1947 году, представлено несколько памятников Кахетии, определенных на основании этих исследований.

¹ К сожалению, до сих пор опубликована лишь краткая заметка с приложением плана и разреза одной лишь Кумской базилики. Благодаря приглашению П. Д. Барановского, я смог ознакомиться на месте с обоими памятниками (в октябре 1946 года) и с исклю-

чительного значения реставрационными работами его в Лекити. В рецензии на книгу «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», М.-Баку 1947 (Вопросы истории, № 9, 1948 г., стр. 119—122) М. М. Дьяконов справедливо подчеркивает «особый интерес» статьи П. Д. Барановского, в которой дано описание «двух замечательных архитектурных сооружений, все неизвестных в науке», и добавляет — «как важно, возможно скорее закончить их изучение и издать полное их научное описание». К сожалению, это справедливое пожелание издания остается все еще невыполненным, хотя автор изысканий делал неоднократно развернутые доклады и является научным сотрудником в первую очередь призванного к таким публикациям Института истории искусств АН СССР.

² О Сиони на р. Иори сделан арх. Ир. Цицишвили 20.XII.1951 г. в Институте истории доклад.

равно господства тех или иных культурных влияний в стране.

Древнейшие из дошедших до нас памятников архитектуры на территории Кахетии относятся к IV веку. В то время Кахетия, как и Эретия, составляли часть Грузии¹. Как будет видно из ознакомления с архитектурными памятниками, оба района отличаются совершенно определенным и ярко выраженным единством и характерностью культуры. В начале IV века в культуре всей Грузии намечается один из этапов ускоренного развития: распространявшееся до тех пор по отдельным небольшим городским общинам христианство приобретает такое значение, что царская власть признает выгодным объявить его официальной религией в стране. Этот факт в первую очередь чрезвычайно показателен для высокого культурного уровня тогдашней Грузии. Кроме того, он является выражением борьбы за перемену общегосударственной политической ориентации. Наконец, в дальнейшем христианство было использовано как орудие в социальной и политической борьбе новой поднимающейся власти за преобладание².

В начальной истории распространения в Грузии христианства, связываемого с деятельностью Нины, довольно ясно выявляются помимо Мцхета, столицы всей Грузии, также и другие главные районы ее миссионерской деятельности, а именно внешняя и внутренняя Кахетия с городами Уджарма, Кацарети, Бодбе и с прилегающими горными районами, населенными пшавцами, тушинами и др. Еще яснее

¹ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, том I³, 1928, стр. 251, по-груз. (ср. выражение хроники «Обращения Грузии» — эробили Картли: Описание рукописей Общества распространения грамотности среди грузин, составл. Е. С. Такайшвили, Т. 1906—1912, том II, стр. 718 по Челишскому списку).

² С. Н. Джанашиа, Грузия на пути ранней феодализации, Тб. 1937, § 16 и сл. (то же: Труды, I, по-груз.).

³ Построение крепости и города Уджарма (Картл.-Цховр. сп. Марии, *170, стр. 43); преимущественное укрепление стен города Некреси при малолетнем Мириане (*181, стр. 49), после неоднократных упоминаний о Некреси до этого; построение церкви полностью в Некреси, также в Руистави церкви и канала (Опис. II, 720, рус. пер. 29); назначение Мирианом сыну своему Реву, как удела Кахетии и Кухетии, с резиденцией в Уджарме (*190, стр. 55; Карт.-Цховр., изд. Броссе, I, *44, стр. 64); и ряд продолжающихся до VIII века аналогичных последним сообщений.

Проф. К. С. Кекелидзе дал в журн. «Мимохилвели» — «Обозреватель», т. I, Т. 1926, своеобразную концепцию распространения в Грузии христианства; в ней подчеркнута гегемония Кахетии, которую он

выступает значение отдельных районов Кахетии и Эретии в сообщениях политической истории этого столетия³.

После такой усиленной волны распространения и расширения христианства в IV веке, которое отщепится даже в случайных, попутных замечаниях историков, с начала V века начинается натиск Ирана. Под давлением Ирана падает самостоятельное государство соседней Армении; в Грузии дело до такого предела не доходит, но зато насильственно протежируются последователи огнепоклонства⁴. В этом случае опять ориентация в религиозных вопросах и борьба течений продиктованы политической ситуацией: за политическое господство на Кавказе, за оттеснение влияния Византии борется Иран. Положение Кахетии было относительно выгодным, ибо, по замечанию историка, «Кахетия была лесом, непроходимым для врага» (*394, стр. 181)⁵. Действительно, персидские войска двигались с востока в Грузию на Тбилиси, в направлении через Рустави (*365, стр. 161), т. е. большая часть Кахетии оставалась не затронутой. Царская семья укрывалась в такие периоды именно в пределах Кахетии («Хевса Кахетисаса»: *293 и 294, стр. 116 и 117). Конечно, нападению подвергались и в самой Кахетии равнинные ее части и крепостные твердыни⁶. Но все-таки тот же историк отмечает, что после описанных им войн в восточной Грузии были опустошены все ущелья (т. е. районы, провинции) за исключением кахетинских⁷. Для этого древнейшего времени своего рода столицей Кахетин, как отмечает акад.

именует Эретней и приравнивает ее Иберии, термину античных писателей. В пределах только Эретии-Иберии и осуществляется собственно, по его концепции, миссионерская деятельность Нины.

⁴ შოგუნი შოგუთას შოგობდეს — формулирует летописец новое соотношение сил в столице Грузии, во Мцхета (Опис. II, 721).

⁵ Данная цитата и последующие в настоящей главе, приводимые без обозначения издания, относятся к изданному Е. С. Такайшвили в 1906 году тексту Картлис-Цховреба по списку царицы Марии (XVII века); означенная звездочкой страница относится к пагинации рукописи, она отмечена на полях и в изданном проф. С. Г. Каухчишвили в 1942 году тексте Картлис-Цховреба по списку царицы Анны (XV века), а также в его издании грузинского текста Картлис-Цховреба, установленного по всем основным рукописям, том I, Тб. 1955.

⁶ Так, историк упоминает о сокрушении войсками шаха Пероза городов в Камбечани, далее Черемичхе и Велис-цхе (*394—395, стр. 181), но решающие битвы шли на Иори, около Мцхета и Армази.

⁷ შოთბრებულ იყუნეს ყოველნი კვები ქართლისანი, თვინიერ კახეთისა (*400—401, გვ. 155—156).

И. А. Джавахишвили¹, была Уджарма, расположенная во внешней Кахетии на р. Иоре. Ее обстраивал в V веке Вахтанг Горгасал «сооружениями безмерными»².

Однако пропаганда огнеспособности и поддержка его иранской властью принесла плоды также и в пределах Кахетии; мы узнаем, напр., из случайного упоминания историка в конце V века, что в густо заселенном Лопотском ущелье, за Алазанью, были приверженцы маздеизма³, и что еще в середине VI века с ними боролся и в этой борьбе погиб один из так наз. тринадцати сирийских отцов Абиб Некресский (Опис. рук. Церк. Муз., III, № 832 — житие его; ср. также Картлис-Цховреба Марии, 416, стр. 197). Но рядом с этим царская власть не одолжала, как уже при Нине, усиленно насаждать христианство и силой оружия. В этих сообщениях историка для нас особенно ценны попутные данные о восточных границах Кахетии: когда сын Вахтанга Горгасала Дачи Уджармели, т. е. в первых годах VI века, приглашал горцев Кахетии принять христианство, этому воспротивились все жители района Нухи⁴. Мы узнаем, таким образом, что в пределы Кахетии, как грузинского государства, входил и этот крайний восточный район⁵.

Вопросы религиозного порядка получают в этот ранний период очень переплетающийся характер, основное направление которого решается политическими и экономическими интересами соответственных общественных слоев. Политическая борьба носит двойкий характер: с одной стороны, борьба развертывается между царской властью, характерной по патриархальной форме своего происхождения и по отжившим уже экономическим устоям ее, и представителями общественного слоя подымавшейся власти феодального порядка; а с другой — борьба идет по линии поддержки интересов или

Ирана, или Византии за преобладание в Грузии. Группировка партий сказалась на этом фронте политических и религиозных интересов вполне ярко и в борьбе отдельных учений внутри христианства, как несторианского и монофизитского, а также манихейского учений.⁶ Как раз с этой борьбой интересов политического порядка связывается создание Вахтангом Горгасалом католикосата и независимости грузинской церкви от вселенских патриархов. Между 472 и 484 годами Вахтанг Горгасал добивается посвящения католикоса, как главы самостоятельной грузинской церкви.⁷ Так как сам по себе этот акт был продиктован и политическими в первую очередь целями, то ясно, что и в дальнейшем царская власть использовала в политических же целях церковь, т. е. епископов и их главу католикоса. Вместе с этим в центрах епархий вырастают очаги культуры, так же как и в крупных монастырских образованиях. Для конца V—начала VI веков нам поименно известны следующие епископские центры в Кахетии: Рустави, Ниноцминда, Уджарма «при дворе царском», Череми и Чельта (или Челети), — причем о трех последних историк упоминает, что храмы в них были построены Вахтангом Горгасалом, — далее Хорнабуди и Хунани⁸, а также Бодбе и в Нухинском районе Гиши⁹, т. е. тогда уже налицо без малого все существовавшие и позднее епископства, т. к. в последующей истории Кахетии только появляются епископы Алавердский¹⁰, Кацаретский («самебели») и Харчашнийский¹¹. В архитектуре церковных сооружений Грузии те расхождения в догме, которые имелись в V и VI вв. у разных течений, никаких особенностей не создали, не вызвали, как, впрочем, вполне естественно: церкви были, очевидно, после «торжества православия» просто отобра-

ского народа, т. I³. Т. 1928, стр. 280—290 и 306—324.

⁷ Там же, I³, стр. 320.

⁸ Так по сообщениям Джуаншера (*391—392, стр. 179), автора истории Вахтанга Горгасала, примерно после основания католикосата и отчасти в связи с ним. Различное толкование этого сообщения дается И. А. Джавахишвили, I³, стр. 277—278 и К. С. Кекелидзе («Моамбе Тбил. Унив.», т. X, 1930, стр. 319). При этом и в толковании одного места самого списка мнения их расходятся.

⁹ По подписям участников поместного собора 506 года: см. И. А. Джавахишвили, I³, стр. 278—279 и ср. также К. С. Кекелидзе, X, стр. 320.

¹⁰ Алавердская кафедра основана в 1466 г. по В. Ахуштию, *Désert. géogr. de la Géorgie*, p. 318.

¹¹ Впрочем, следует помнить, что и для всей Грузии того времени мы не имеем полного списка епископств.

¹ История грузинского народа, т. II, Т. 1913, стр. 308 (по-груз.).

² ალაშენა იგი ნაშენებთა უზომთა (*392, გვ. 180, შედ. *371, გვ. 166).

³ При этом упомянут и крайний населенный пункт Носара (или Носорна), в позднее время не известный (*394, стр. 181, И. А. Джавахишвили, II, 310).

⁴ მეფემან დაჰი დაჰპატიეა მთეულთა კახეთისათა, რათა აღიარონ ქრისტე, ხოლო მათ არა ინებეს და გადაგეს ყოველნი ნოჰპატელნი (*401, გვ. 186).

⁵ Ср. И. А. Джавахишвили, II, 301—302; С. Н. Джанашиа, Труды, I, 1949, стр. 248—249; Н. А. Бердзенишвили в III томе трудов института истории АН СССР «Мимомхилвели», Т. 1953, стр. 67—68.

⁶ Ср. И. А. Джавахишвили, История грузин-

ны у монофизитов, несториан и др., и, если требовалось, переоборудованы и «освящены».

Экономический и социально-политический рост всей Грузии привел в начале VI века к резкому перелому во всем государственном строе страны. По выражению летописца, «когда прекратилась царская власть в Грузии» между 523 и 532 гг., страна подпала иноземной власти персов. Персы захватили также и Эретию¹. Однако, в смысле процесса развития национальной культуры этот период второй и третьей четверти VI века является одним из интереснейших и показательных: политическая власть находится в руках иноземцев, завоевавших страну, но культура этих иноземцев не в силах не только заглушить или убить родную культуру в стране, но даже не оставила сколько-нибудь заметного следа своего влияния. Внешне тяжелые условия развития содействовали по контрасту, очевидно, сознательному росту родной культуры: во всяком случае архитектурные памятники на протяжении VI века дают возможность наблюдать этот быстрый рост ширь и вглубь.

Как раз в этот период времени в Грузию возвращаются несколькими партиями «тринадцать сирийских отцов», в действительности числом не менее 17-и. Они приходят около 520 года, в 543, 545 и 571 годах². Они подвизаются в качестве миссионеров и основателей монастырей по типу аскетических сирийских практик. На долю Кахетии падает значитель-

ная часть их — так Иоанн подвизается в Зедзени, Антоний в Марткопи, Давид в Гаредже, Иосиф в Алаверди, Зенон в Икалто, Абиб в Некреси, Стефан в Хирсе; да кроме того и Шидо окончательного обоснования в Мгвиме подвизался в разных местах Кахетии³, как впрочем и Антоний переходил с места на место — Артозани, Икалто, Лопотское ущелье, Ахмета и под конец только в Марткопи. В каждом из этих пунктов создались центры культурного творчества с различными периодами подъема и упадка, строительства и запустения.

Сила напряженной культурной работы, в противовес иноземцам-завоевателям, действительно вскоре уже дала себя знать по всей стране. Через каких-нибудь полвека тот же летописец, который сообщил о захвате Грузии персами, отмечает, что окрепла Грузия и выдвинула эриставом Гуарама⁴, который был первым в ряду правителей этого нового, феодального типа власти, ныне окончательно оформившейся в стране. Попутно, в нескольких случаях есть упоминания (впрочем не всегда достаточно ясные) об эриставах в Кахетии⁵. Во всяком случае возвышение и в Кахетии нового социального слоя и представителей его — эриставов, как носителей власти, было общегрузинским явлением эпохи; эриставы Кахетии входили, видимо, при Гуараме, Степанозе, Адрнерсе, так сказать в общую систему государственного организма и, повидимому, находились в родстве между собой⁶. Они, по всей видимости, несмо-

вания упоминает, как выдающихся государственных деятелей, Деметре в Кахетии и Григория в Эретии (*371, стр. 169). Наконец, современниками Гуарама эриштавара, т. е. во второй половине VI века, упоминаются потомки Дачи Уджармели, продолжавшие править в Кахетии, Кухетии и Эретии, резидируя в Уджарме и признавая над собой власть Гуарама (დარჩეს კახეთს და იპყრეს კუხეთი და ჰერეთი იორითგან და დასხდეს უჯარმოს და იყუნეს მორჩილებასა გუარამ კურატპალატისასა; *407, стр. 190), т. е. довольно путанное сообщение, сообщение, которое отвечает расплывчатости понимания, и сообщения о владениях еще самого Дачи (ქალაქი ჰერმისა და ნეკრისისა და ქალაქი კამბეჩანისა, რომელ არს ზორნაბუჯი და ყოველი ქუეყანა მტკვარისა აღმოსავლით: *392, стр. 180).

⁶ Ср. сообщение иного источника о том, что три брата Гуарама эриштавара Грузии идут в Кахетию, при чем один из них роднится с местными эриставами из потомков Дачи, а другие два идут в Камбечани и обосновываются в Хорнабуджи (Картл.-Цховр. спис. Мар., *569 и 570, стр. 338 и 339; Три историч. хрон., стр. 43—44, 45, по-груз.). Параллельно этому ср. явно ошибочное сообщение историка Джуаншера относительно Адрнерсе эриштавара (604-5 — 634-5 гг.), будто он был эриставом в Кахетии, как сын Бакура из рода Дачи-царя, сына Горгасала, и только потом возвышен в эриштавари всей Грузии византийским императором Ираклием (*413, стр. 195).

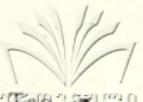
¹ და ვითარცა მეფობა დაესრულა, ქართლსა შინა სპარსნი გაძლიერდეს და ჰერეთი და სომხითი დაიპყრეს (по Челнишскому списку: Опис. II, 723).

² См. К. С. Кекелидзе, в Моамбе Тбил. Унив., т. VI, 1925—26; ср. И. А. Джавахишвили, I³, который вносит некоторые ограничения в утверждения Кекелидзе. Этому же вопросу посвящена кандидатская диссертация на груз. яз., защищенная в 1950 г. Л. Менабде, К вопросу о так называемых сирийских подвижниках VI века. Автореферат. Тб. 1950.

³ Не даром в Кахетии довольно много храмов его имени — в Сабуз, Артозани и др.

⁴ შეგობა ქართლი და განაჩინეს ერისთავად გუარამ დიდი ცხე იყო პირველი ერისთავი (Опис. II, 729).

⁵ Мириан еще отдает земли от Хунана до г. Бардави, т. е. Эретию, (ქუეყანა ხუნანიდან ბარდავამდე მტკვარისა ორივე კერძი: *186, стр. 36 по Леонтию Мровელი), некоему Перозу и назначает его эриставом (დაადგინა ერისთავად); а сыну своему Реву дает Кахетию и Кухетию в лен и сажает его в Уджарме (საუფლისწულოდ კახეთი, კუხეთი და დასუა იგი უჯარმას: стр. 55). Позднее, при Горгасале упоминается о потомках этого Рева — Мириане и Григорие, которые сидели в Рустави, городе и крепости, как владельцы Кухетии, так как были ущемлены в своей власти из-за взаимных распрей (შემცირებულ იყუნეს ურთიერთ არს კლვითა: *326, стр. 137 — Джуаншер), а эриставами тот же историк Джуаншер в конце его царство-

тря на значительно большую самостоятельность, чем при царской власти, первое время тесно и крепко держались «центральной» эриставарской власти, резидировавшей в Тбилиси. Как в остальной Грузии, так и в Кахетии этот период молодой феодальной власти эриставов ознаменован быстрым ростом культуры и силой художественного творчества в архитектуре.

В середине VII века впервые появляются на Кавказе арабы. Отныне в политических делах на Кавказе в течение двух с половиной, трех веков борющимися силами, пришедшими извне, являются в первую очередь арабы, затем Византия, а кроме того с севера, из-за Кавказских гор, нет-нет да и заявляет о себе третья сила — хазары. После захвата Албании арабы совершают в числе других стран налет также и на Грузию, т. е. отчасти проходят и по Кахетии¹.

О, как на этот раз, так и в течение более полувека, арабы ограничиваются сверх военной добычи только установлением сборов с населения личной и поземельной подати. Во внутренних же делах управления и суда Грузия сохранила независимость, религия народа и его церкви остались неприкосновенными, подати же доставляли сами эриставы². В первой половине VIII века положение это меняется, особенно после опустошений, произведенных Мурваном, прозванным грузинскими летописцами «Кру» (г. духой) в 30-х годах VIII века³, когда в Тбилиси действительно создается административный аппарат арабского управления с эмиром, т. е. наместником халифа, и с определенной подвластной ему территорией. Что и население Кахетии было обложено податями и страна не раз подвергалась разорению во время войн — удостоверено случайными, попутными упоминаниями. Однако, какого-либо заметного вклада в художественную культуру страны или, наоборот, катастрофического снижения и торможения ее развития за время от появления арабов в Грузии и до уничтожения тбилисского эмирата — мы не видим.

К этому же времени, с одной стороны, в силу естественной тенденции феодального строя к раздроблению, а с другой при содействии укрепившегося в столице Грузии, в Тбилиси, эмира, который усвоил власть назначения (утверждения) в Тбилиси эриставов Грузии, происходит обособление отдельных крупных районов Грузии и оформление их в качестве самостоятель-

¹ И. А. Джавахишвили, II, гл. 2 и 3, особ. с. 347; С. Н. Джанашиа, Арабы в Грузии, Т. 1936, стр. 22—26 (по-груз.).

² И. А. Джавахишвили, II, гл. 3 (особ. стр. 360).

ных государств — Кахетии, Абхазии, Табасаранской и Кларджетии. И сам эмир Тбилисский становится в связи с разложением арабского халифата, начавшимся в середине VIII века, просто феодальным владельцем наравне с названными грузинскими, причем подвластная ему территория охватывает помимо Тбилиси только район Гугарети или Квемо Картли⁴. Власть арабов, таким образом, и в социально-политическом отношении только содействовала процессу феодализации страны, начавшемуся еще до их появления, т. е. независимо от них. И в развитии искусства в Грузии арабы не принесли ничего раньше неизвестного. Система обложений ложилась бременем на страну, но она же содействовала развитию быстрой социально-экономической дифференциации среди раннефеодального общества Грузии. Какого-либо заметного культурного, а равно конфессионального гнета со стороны арабов Кахетия не испытала, так как такой гнет в покоренных арабами странах начинается только с приходом к власти халифов из династии аббасидов, т. е. со второй половины VIII века, когда Кахетия сумела уже обособиться от прямой зависимости или подчинения эмиру в Тбилиси.

Этот период истории Кахетии, начиная с VIII века и вплоть до воссоединения ее со всей Грузией в XII веке при Давиде Строителе, отличается коренным образом в том отношении, что Кахетия живет в политическом отношении обособленной от остальной Грузии жизнью. А благодаря этому, она и в культурном отношении выявляет известное своеобразие сравнительно с нею. Дальновидной политикой кахетинские владельцы быстро уже добиваются расширения своего государства, умея использовать и дружеские связи с тбилисским эмиратом. Вообще, если мы узнаем от наших историков кое-что касающееся специально Кахетии с VIII по XII вв., то все это сообщается только по поводу тех военных операций, которые велись за преобладание, за гегемонию на Кавказе.

Кахетия являлась как сказано, самостоятельной политической единицей в VIII веке. К сожалению, историки не сообщают материала о самом процессе такого обособления. Но, как подчеркивает акад. И. А. Джавахишвили, первое сообщение в летописи «Матианей Карлсисай» о самостоятельной Кахетии при правителе ее Григории, современнике Ашота Куропалата (786—826 гг.), ясно говорит уже о такой силе

³ Там же, II, 350—351.

⁴ С. Н. Джанашиа, Арабы в Грузии, стр. 62. Раньше эта провинция составляла владения птиахша.

страны, что процесс этот нужно относить к более раннему времени, чем правление Григория¹. Покровительство со стороны Византии не могло простираться на Кахетию и правители последней не могли использовать в своих политических интересах ее влияние. Но, вероятно, они пользовались поддержкой хазар и горцев, как еще во времена Горгасала.

Действительно, еще ко времени первой половины VIII века относятся сведения, не во всем четкие, которые говорят о силе и росте кахетинского государства и о его правителях. Так, из эпохи нашествий Мурвана Глухого и времени правления в Абхазии «эристава кесарева» Лео-на², т. е. второй четверти VIII века, имеются рядом с рассказами о бегстве от Мурвана-Кру и об операциях против него Мира и Арчила в Абхазии—легендарных или бесцветных (*420—*424, стр. 202—204; *429, стр. 208₂₀) — сообщения о последующей государственной деятельности Арчила именно в Кахетии (*430—*432, стр. 209—211, ср. стр. 212₂). Нашествие Мурвана Глухого характеризуется страшным опустошением «Грузии, Армении и Рана» между 732 и 743/4 годами³. При приближении Мурвана Арчил зарывает государственную казну в Кахетии, а утварь из золота и серебра поблизости от г. Уджармы⁴. После окончательного ухода Мурвана, находившийся в бегах Арчил возвращается и дарует всем своим придворным дворянские привилегии и земли в Кахетии⁵. Он строит церковь в Садзмоури или Садзмори, за-

тем Касри⁶, крепость в ущельи р. Лакуасти город и крепость Нуху — в районе Цукети, где у него была и крайняя восточная столица⁷. Тут же историк рассказывает об обращении в христианство языческого населения района Нухи⁸. Он отмечает, что в подчинении у Арчила находился эристав горских районов Тушетии и Дагестана и всех горцев-язычников, по имени Абу-Хуасро⁹, резидировавший в Цукети; и сообщает, что пришедшим к нему в Нуху (Шаки) трем братьям, племянникам ослепленного ими некоего Адарнасе, и еще другим (бежавшим феодалам?) из южных и юго-западных районов Кавказа (*431—*432, стр. 210 и 211) Арчил дает в ленное владение земли в Кахетии и Эрети, так как именно эти районы ввиду густоты зарослей и лесов уцелели от опустошения¹⁰. Таким образом, государство Арчила обнимало территорию всей Кахетии, Эрети и горских районов до Нухи и Дагестана включительно, разбитую административно и подчиненную власти эриставов¹¹. Сообщение о месте погребения его после отказа от принятия мусульманства и о казни его еще раз подтверждают данные о том, что в число его коренных владений входила также историческая Кухетия (позднейшая Гаре-Кахетия). В кратком описании его смерти отмечается, что феодалы Годердзиани, Тбели и другие предали тело Арчила погребению в Ноткора, в им же построенной церкви¹². Ноткора или Нодокра с могилой Арчила и теперь еще известна в Эрцо. Только Гардаба-

¹ И. А. Джавахишвили, II, стр. 369.
² ერისთავი კესრისა ლეონ * 420, стр. 201
³ არღარა იპოებოდა ნაშენები, არცა საქამაღი კაცთა და პირუტყუთა ყოვლადვე (*424, გვ. 205).
 Джавахишвили, II, 352, С. Н. Джанашиа, Арабы..., стр. 34, отмечает, что Мурван вступил в Грузию в 736—738 гг.
⁴ ხოლო არჩილ დაჰელა საგანძფრი ჟუროსი კვესა კახეთისასა, ხოლო სამსახურებელნი ოქროსა და ვეცხლისანი კვესა უჯარმოსასა (*418, გვ. 199 და *421, გვ. 202).
⁵ მოვიდა არჩილ კახეთად და ყოველთა ტაძრულთა მისთა მიუბოძა კახეთი და აზნაურ ყუნა ივინი (*430, გვ. 209—210, ср. Джанашиа, Грузия на пути феодализации, I, 136, по-груз.).
⁶ Вероятно, это не обозначение географического пункта, а арабский термин для замка («каср»).
⁷ აღაშენა ეკლესია სამლოურს... და აღაშენა კასრი და კვესა ლაკუასტისასა აღაშენა ციხე... და აღაშენა ციხე-ქალაქი ერთი ნუხატოს, წყალთა შუა (*430—431, стр. 210, ср. Вахушти, География, изд. Броссе, стр. 304 и 312).
⁸ ხოლო ნუხატელნი უწინარეს იყუნეს კაცნი წარმართნი და მკვიცნი ბუნებისანი; არამედ ცრუსა მოესრა სიმძლავ-

რე იგი მათი და იძულებით მონათლნა არჩილ ივინი (*431, გვ. 210).
⁹ და იყო მაშინ, რომელი ერისთავობდა თუშთა და ხუნძთა ზედა და ყოველთა წარმართთა მის მთისათა, სახელით აბუხუასრო (*431, გვ. 210).
¹⁰ რამეთუ ყოველი პირი კავკასიისა, რანით კერძო, უმკვდრო ქმნილ იყო, ხოლო ჰერეთი და კახეთი კალაქთა და ტყეობან უყოფთ დარჩომილ იყო და დამეკვდრნეს იგი მმანი ვიღრე გულგულამდის (*431, გვ. 210)... ხოლო რომელნი იგი [პიტიანზი ვინზე] მოვიდეს კახეთს არჩილის თანა. მისცა ერთსა მათგანსა ცოლად ნათესავისაგან აბუ-ხუასროსაგან, რამეთუ დაქვრივებულ იყო იგი და არა ესუა ქმარი და მოუბოძა წუქეთი ციხით და კარიტურთ (*432, გვ. 211 და შენ. 4).
¹¹ Ср. еще сообщение о политической интриге гардабанского феодала против Арчила (*434, стр. 213).
¹² მოვიდეს ღამესა მას გოდერძიანი, ტბელნი, მათ თანა სხუანიცა აზნაურნი მამეანნი;... წარმოიღეს [გუამი არჩილისი] და შემურეს დიდითა პატივითა და დამარხეს ნოტკორას მის მიერ აღმუნებულსა ეკლესიასა, ხოლო ცოლმან მისმან მიუბოძა სოფლები... კახეთს შინა (*437, გვ. 215).

ни, видимо, не входило тогда в состав кахетинского государства.

Также узнаем кое-что и относительно следующих за смертью Арчила политических событиях в Кахетии. Именно, о войне хазар в 764 году с сыном и преемником Арчила — Джуаншером¹. Хазары вступили через Дербент в Кахетию и пленили Джуаншера и сестру его Шушани, находившихся в какой-то крепости в Кахетии, а затем только двинулись на Тбилиси, разоренный ими основательно². Джуаншер был сыном Арчила, т. е. правителем — нужно думать, как и его отец Арчил — Кахетии, а не всей Грузии³. В числе семи занятых хазарами мест названы у армянского историка Гевонда четыре-пять, находившихся на территории Кахетии — Чельти, Цукети, Велицихе, Тианети, а также Хэрки⁴. Джуаншер впоследствии стремится брачными узами укрепить свою власть; он женится на дочери Адарнасе Багратиони, Латавре, сестре (?) Ашота, позднее владетеля Кларджетии и куроपालата (786—826)⁵.

Таким образом, мне кажется, что краткие, неполные сообщения об Арчиле и Джуаншере как раз рисуют Кахетию самостоятельным от остальной Грузии государством еще раньше мтавара Григория, именно уже в первой половине VIII века. Кахетинское государство, относительно меньше пострадавшее от нашествий арабов, чем другие части Грузии, экономически и политически является сильным организмом, охватывавшим Кахетию, Кухетию и Эретию с примыкавшими районами, что вполне

подтверждается развитием архитектуры на территории страны в это время. Недаром, может быть, источники называют Арчила царем; однако едва ли он уже мог принять, как почти тогда же Леон абхазский, а позднее и тао-кларджетские правители, самый титул «мэпэ» (царь) вместо эрисмтавара⁶.

В отличие от этого дальнейшие сведения о Кахетии нигде до конца X века не употребляют титула «мэпэ» (царь). Правда, они сверх того дают и другую картину размеров государства. Вместо объединенного государственного органа теперь ясно различается самостоятельная Эретия и самостоятельная Кахет-Кухетия с центром в пределах позднейшей Гаре-Кахетии. Горские районы, по-видимому, вышли из счета. Естественно, что дальнейшая история окрашена борьбой в целях воссоединения этих частей и, кроме того, за расширение в западном направлении. Именно в связи с этой последней политической задачей, которую проводили правители Кахетии, мы и сталкиваемся с отдельными о них упоминаниями. При этом характерно, что уже с последней четверти VIII века Кахетии подвластны районы Арагвского и Ксанского ущелий — на севере от Тбилиси, и район Гардабани — на юге от него.

Летопись «Матианей Картлисай» сообщает, что в конце VIII века, при ослаблении власти арабов в Тбилиси, возвысился Ашот Куропалат (786—826 г.). «А в Кахетии правителем был Григорий» (*441—442, стр. 219). Но все-таки эристав Картли Ашот был вынужден из-за последующих преследований со стороны

¹ И. А. Джавахишвили, II, 352—354 и Матианей Картлисай, *438—439, стр. 216.

² გამოვლო გზა ლეკეთისა და შემოვიდა კახეთად. შობდა ციხესა, რომელსა შინა იყუნეს ჯუანშერ და და მისი შუშანი; და მცირეთა დღეთა წარილო ციხე იგი და ტყვე ყუნა იგინი. შემუსრა ქალაქი ტფილისი, წარტყუნა ქართლი და ყოველი ესე ქუეყანა (*439, გვ. 216). Позднее историк сообщает, что по прошествии многих лет эмир восстановил разоренный хазарами город Тбилиси (*440, стр. 218).

³ Первоисточники грузинской истории дают для VIII века довольно связанную таблицу эрисмтаваров, сидевших в Тбилиси и управлявших Грузией (или Карталией), среди которых нет ни Мира, ни Арчила, ни Джуаншера или Иоанна. Они для времени 60—70-х годов указывают единодушно Нерсе, то же и по другим источникам (Иоанн Сабанидзе, Георгий Мерчуле): Нерсе, вызванного в 772 году в Багдад, заключают на три года в темницу; затем с 775 по 781 гг. он вновь правит в Тбилиси, после чего еще раз его смещают арабы, назначив Степаноза, его племянника, эрисмтаваром (И. А. Джавахишвили, II, 354—357; 368).

Смерть Арчила падает на 761 год, когда его застывает Джуаншер. Пленение Джуаншера произошло в 764 году, и только с 771 года он вновь правитель (И. А. Джавахишвили, II, стр. 352—353).

Впрочем акад. И. А. Джавахишвили, II, 352—353, называет Джуаншера эриставом Картли; также и проф. С. Н. Джанашиа, Арабы в Грузии, 36.

⁴ С. Джанашиа, Арабы в Грузии, стр. 36.

⁵ Матианей Картлисай *440, стр. 218 (ср. Hist. de la Gé., I, p. 258, *154).

⁶ П. И. Ингорюк (Георгий Мерчуле, Тб., 1954, по-груз., стр. 31—33) напротив того, объясняет принятие Арчилом титула «картвелта мэпэ» в 40-х годах VIII века, как декларацию восстановления государственной независимости Грузии. Он утверждает, что в связи с ослаблением и раздорами в халифате Арчил объединил основные провинции Грузии, именно Кахетию и Эретию, Картли (кроме эмирата), Месхетию и части Западной Грузии, причем протяжением от Нухи и до Чороха. Это независимое положение длилось с 744 по 759 гг. (там же, стр. 199—200; подробнее в статье в «Известиях ИЯИМК», т. X, Тб. 1941, стр. 142 сл., по-груз.).

арабов покинуть Тбилиси и Картли и перенести под покровительство Византии в Кларджетию, где уже и получил титул куропалата. Мтавар Кахетии Григорий пользуется таким положением и захватывает не только Ксанское ущелье, но и остальные лежащие западнее части Картли, и таким образом расширяет границы своего государства. Однако Ашот, укрепившись на новом месте, заявляет свои права и идет в союз с абхазским царем, Феодосием (791—818), своим зятем, войной против владетеля Кахетии. Этот последний в свою очередь находит союзников в лице горцев, цанарцев и эмира Тбилисского¹. Таким образом, перед нами разворачивается картина борьбы за гегемонию, определявшей еще долгое время направление всей политики. Для этой борьбы создавались коалиции, довольно устойчивые по своему составу и в дальнейшем. Хотя попытка кахетинского мтавара не удалась полностью, но все-таки он сохранил за собой земли до Ксанского ущелья. Ему же принадлежал на юге тбилисского эмирата, как отмечает проф. И. А. Джавахишвили (II, 370—371), район Гардабани.

¹ შიგვილა გრიგოლ კახეთით და გრიგოლს უშუელეს შიგვილთა და წინართა და აპირამან ტფილისისამან (*442, გვ. 219).

² *442, стр. 220; И. А. Джавахишвили, II, 372. На самостоятельность Эретии еще в VIII веке, пожалуй, указывает и сведение историка Сумбата (*569—570, стр. 338—339; Три истор. хроники, по-груз., стр. 44—45) о двух братьях — Асате и Варзаварде — захвативших власть в Камбечани и осевших в Хорнабуджи. Вахушти (Картл.-Цховр., II, 96) также считает Эретию в это время отдельным государством.

³ И. А. Джавахишвили, II, 302. Броссе (Col. d'historiens arméniens I, 610) читает Kereskou. Ср. Иоанн Драсханакертели, грузинский перевод И. Абуладзе, Тб. 1937, стр. 59 (где назван «великий хорепископ цанарцев»). — Что цанарцы были политической силой, видно не только из полутных последующих упоминаний, но также и из упоминания в Челишском списке «Мокцевай Картлисай» (Опис. II, 723—724) о замене персами правителя цанарцев другим в середине VI века при покорении Грузии. Проф. С. Н. Джанашиа (Арабы в Грузии, стр. 61 и 62) считает, что иноземные источники обозначают наименованием «цанарцы» в политическом смысле кахетинское государство. Не даром за один день битвы отмечено 16000 убитых цанарцев. Однако, много позже при Давиде Строителе упоминается царь цанарцев (წინართა მეფე) по случаю приема его в числе других царей в Начармагеви (Хелмципис карис гаригеба, Тб., 1920, стр. 12, строка 265, ср. стр. XXXVII).

Впрочем П. Ингорюк (без изложения оснований) соединяет титул царя цанарцев с царем алванцев и присваивает его правителям Гишского района «а Алазанью, как «Восточной Эретии» (Rusthveliana I, 1926, стр. 193 прим.). А в статье 1941 года

Рядом с этим самостоятельным государством была Эретия, о которой имеется слишком мало сведений. В 825 году она была вместе с Сомхитией и Картли занята арабскими войсками².

В судьбах Кахетии значительную роль играют с этого времени цанарцы и гардабанцы, так что нередко источники применяли эти термины, как видно, вместо наименования Кахетии. Географическое местоположение цанарцев и характер их государства (?) не вполне выяснены. И. А. Джавахишвили полагает, что это — население района, расположенного между Грузией и Дариалом, примерно по Арагви в районе Цилкани, которое, по сведениям арабского историка Масуди, было христианским и правители которого именовались «корископозы»³. С другой стороны, летопись «Матианей Картлисай» сообщает, что гардабанцы избрали преемника мтавара Григория «корикозом»⁴. Таким явился Дачи (или по Вахушти: Ваче), сын Иоване Кобуловича или Квабуловича, правивший, по Вахуштию, с 826 по 839 гг.⁵ Относительно правителей источники сообщают один и тот же термин — «корикози» — для цанарцев и для гардабанцев и он

(«Известия ИЯИМК, X, стр. 148) считает, что слово «цанарцы» было общим наименованием горцев Кахетии и Эретии. Акад. Броссе, сопоставляя разные упоминания о цанарцах (წანარცნი), начиная с Пролома и византийских писателей и привлекая данные Масуди, армянских и грузинских историков, делает заключение, что под цанарцами подразумевается население района по Куре ниже впадения Арагви, именно Елису, севернее Нухи, и протяжением на восток вплоть до Дербента (Collections d'historiens arméniens, I, SPbg. 1876, p. 609—613). — М. Лорткипандзе посвящает в своей статье отдельный раздел вопросу о гардабанцах и цанарцах (стр. 30—38). Она настойчиво утверждает, что цанарцы — население (и страна) нынешнего Казбекского района, верховьев р. Арагви и Дариальского ущелья (центр у Сиони и Гарбани); что активную политическую силу представляли, именно, цанарцы в VIII и начале IX вв., а затем на смену им выступают — в грузинских источниках — гардабанцы. У арабских же историков остаются и дальше «цанарцы»: как она полагает, по инерции от предыдущей эпохи, когда ведущую роль представляли действительно цанарцы. (Из существующей контрверзы о цанарцах она касается только некоторых утверждений проф. С. Н. Какабядзе)

⁴ შას ქაშისა შეითქუნეს გარდაბანელნი და განაჩინეს ქორეპისკოპოზად დაჩი, მე თვანე ქებაულის ძისა (*442, გვ. 220; ვახუშტი, ქართლის ცხოვრ., II, 96).

⁵ Политическое значение гардабанцев оттеняет проф. С. Н. Джанашиа (Арабы .., 63), указывающий на нередко применяемый летописным оборот «кахи гардабанелни». Показательным является определение исторического роста Гардабани по Вахуштию (География, изд. Броссе, стр. 178), включившего Гар-Кахетию.

же принят в грузинских летописях для обозначения правителей Кахетии начиная с упомянутого Дачи и до Квирике III Великого (1010—1031/2 гг.). Впервые выдвинут этот термин гардабанцами¹. После Дачи коркикозом посадили они Самуила Донаури (839—861), а затем его брата (по Вахуштии: племянника) Гавриила Донаури (861—881). В обоих случаях это упоминание в летописях вызвано, как обычно, значительностью военных событий, в которых участвовали кахетинские мтавары. Это период грузинской истории, когда тбилисский эмир стал одним из феодальных правителей наравне с национальными грузинскими, а халифат стремится в первую очередь ввести его в рамки подчинения. На этой борьбе опять ясно сказывается политическая устремленность национальных культурных интересов и руководимая ими группировка сил. Гардабанцы помогают эмирату и помощь настолько значительна, что войска халифа в итоге не могут их подчинить². Здесь нелишне отметить, что грузинские летописи называют участниками в этих событиях кахетинцев и гардабанцев в то время, как арабские историки называют их цанарцами и отмечают безрезультатность всех мероприятий Буга, военачальника арабских войск халифа Мугавакиля³.

В эту, именно, эпоху жил, как отметил еще Вахуштий (II, 96), Илларион Грузин (822—875 гг.), о котором биограф сообщает, что он

¹ В научной литературе до последнего времени обычно идентифицировался термин «коркикози» (ქორკიკოზი) с ქორეპისკოპოზი, т. е. хорепископом, хотя еще Саба-Сулхан Орбелиани возражал против этого, а Вахуштий применял только термин «коркикози» (ქორკიკოზი). С. Н. Какабадзе («Санторни моамбе» Bulletin historique. Тб., 1924, I, стр. 106—107) настаивает, что именно форма «коркикози» есть первоначальная и правильная, а похожие на «корепископи» искажения в рукописных текстах есть позднее, неправильное осмысление, как полагал еще и Саба-Сулхан. По Какабадзе этот термин означает старшего в доме-роде.

На научной сессии Тбилисского Университета имени И. В. Сталина, посвященной 30-летию Советской Грузии, проф. Л. М. Меликсет-Бек прочел доклад на тему «К выяснению одного узлового вопроса по истории Кахети—Эрети—Сомхити» («корепископи или коркикози?»). Согласно тезисам доклада (Тб. 1952, стр. 100—101) он подкрепляет установки Саба-Сулхана Орбелиани и Вахуштия о недопустимости идентификации коркикози с корепископи по ряду различных оснований, оттеняя в частности, что нигде нет данных о существовании вообще таких «викарных» епископов в Кахетии. Впрочем, характерно, что летопись «Матианей Картлисай» отмечает в середине IX века пленение какого-то гардабанского мтавара,

был родом из страны грузинской, из пределов Кахетии, сын богатых и знатных феодалов⁴. Характерно, что Илларион и его биографы ясно сознают значение широкой арены культурной деятельности Иллариона для всей Грузии. Направление всей его культурной работы, большое строительство, создание очагов просвещения, личное подвижничество в разных монастырских центрах как в Грузии, так и вне ее пределов (Иерусалим и Палестина, Олимп, Константинополь, Рим и Солунь) дают яркую иллюстрацию к общему культурному уровню Грузии и, в частности, Кахетии в IX веке. Характерно, что Илларион сохраняет в период жестокой борьбы между духовенством Византии и Рима, приведшей к разделению позднее (в 1054 г.) церковей, глубокое уважение к римской церкви, поддерживает связи с нею и ищет сближения. Илларион может, таким образом, служить примером из числа тех выдающихся деятелей нового монастырского движения, которым охарактеризованы VIII и IX века грузинской истории, когда монастыри застраивали незаселенные, опустошенные районы, проводили дороги и насаждали жизнь и культуру, отстаивали высоту моральных требований, невмешательство царской власти в дела церкви; содействовали подъему национального самосознания без различия провинций или феодальных разграничений и устанавливали единство и связь отдельных государств

бывшего сыном духовного лица (ბუცისა ვინმე ძე, რომელი გამთავრებულ იყო; *444, стр. 222).

М. Лорткипанидзе, принимая, что правители Кахетии VIII—XI вв. были хорепископами и не именовались «коркикози», тоже ничего кроме мнения по этому вопросу не высказывает (стр. 29—30).

² შეეხნეს გარდაბანელნი გავაზს და გააქციეს ხალილ და მოსწყვდა სიმრავლე ფოიადი (*442, გვ. 220, და შენ. 11). მოვიდეს კახნი გარდაბანელნი შეულად საპაკისა, შეიხნეს რეკს... არცა იგინი გაიქცენ და არცა იგინი, ვიდრეცდის გაიყარნეს (*443, გვ. 220—221 და შენ. 1). დაუდგეს გარდაბანელნი ჭუარის [მცხეთისასა] გუერდსა და ივენს დიდად ლაშქართა (*444, გვ. 221), [ბულა თურქმან] დაიხაზორა ბარდავს და შეიყრა ბუცისა ვინმე ძე, რომელი გამთავრებულ იყო [სამოელ დონაური?] და შემესრა გარდაბანს (*444, გვ. 222).

³ См. И. А. Джавахишвили, II, 377; С. Н. Джанашиа, Арабы в Грузии, стр. 64 прим.

⁴ Хронологическую канву его жизни и деятельности установил проф. К. С. Кекелидзе, Очерк из истории грузинской агиографии: жизнь Иллариона Грузина («Моамбе» Тбил. Унив., I, 1919—1920, стр. 39—67).

в культурном отношении через организацию церкви¹.

В конце IX века намечается по всем данным поворотный пункт в истории Кахетии: политический центр ее жизни, видимо, передвинулся из внешней во внутреннюю Кахетию; теперь владетели ее принуждены обороняться от натиска с запада, со стороны абхазских царей, владеющих прилегающими к кахетинской границе частями Каргли²; район Гардабани теряет ведущее значение в политической жизни Кахетии, и его постепенно лишаются кахетинские правители³. Вместе с тем это — время последних налетов и разорений со стороны арабских войск халифата⁴; все больше вырастает сила основного ядра государства и на первый план выступает программа расширения за счет пограничных районов Эретии и горских областей. Власть правителей Кахетии, теперь уже с титулом «кахетинский корикоз» (კახეთის ქორიკოზი), держится в руках одного рода с характерной устойчивостью имен Падала, Квирике, Агсартан. Хронология их правления установлена В а х у ш т и е м и не вызвала пока изменений.

Как видно из хода истории, совершенно четко проходит все еще различие двух государств — Кахетии и Эретии. Последняя представляет собой сравнительно небольшое государство, культурно однородное с Кахетией. Кахетия является ведущей державой, почти естественно обратившей свои устремления в на-

¹ И. А. Джавахишвили, II, 400—406.

² Таковы войны абхазского царя Георгия в середине X века, затем Леона около 967 года; оборонительный характер носит осада кахетинцами Уплисцихе, как и пленение малолетнего Баграта III с матерью Гурандухтой и отцом Гургеном в 974—975 году, ибо с приближением войск Давида Куропалата ушли подобно беглецам (წაზრდეს ვიპოვებო მრატბო: *461 23. 236); плененных освободили и подтвердили только прежнюю границу по Ксани (*462, стр. 238).

³ Так, о Падала I (881—893 гг.) упоминается, что он подчинил себе гардабанцев (*448, стр. 225). Затем новое решительное выступление гардабанских феодалов, ориентированное на Абхазию, отмечено сговором их с абхазским царем Георгием (*454, стр. 231) и его последующими войнами. С образованием затем небольшого царства Самшвидского, Гардабани был, очевидно, окончательно утерян кахетинскими правителями.

⁴ В первой трети X века жестокие разорения около 912 года Абул Касимом, и позднее — саджидами (*452, стр. 229).

⁵ Падала I Аревманели (881—893). Квирике I (893—918), Падала II (918—929), Квирике II (929—976), Давид (976—1010) — корикозы Кахетии. Для Эретии мы только отрывочно узнаем, что во втором десятилетии X века владетелем ее был Адарнасе Патрик (*451, стр. 228), о котором упоминает Вахушти

правлении Эретии. До начала XI века сменяется там и тут несколько правителей⁵. Государственным центром Кахетии является крепость Бочорма, т. е. на самой границе внешней и внутренней Кахетии на Цив-Гомборском перевале: она страж входа во внутреннюю Кахетию. Следующая эпоха сдвигает центр еще восточнее — в Телави. Действительно, все военные нападения на Кахетию идут по линии от Аравского ущелья на Тианети или Иори — к Уджарма и Бочорма. Абул Касим около 912 года осаждает Уджарму и только после преодоления упорного сопротивления гарнизона, насчитывавшего 300 человек, овладевает ею. Несравненно более сильную крепость Бочорма — и, видимо, резиденцию правителя, — ему оставляют пустой и без боя с политической дальновидностью, которая оправдалась и спасла страну от дальнейшего разорения⁶. В войне абхазского царя Георгия также основной успех связан с переходом на его сторону Уджармской крепости (*455, стр. 231-2). После этого он завоевывает другие крепости, а также крепость Лоцобанта с войском Ивана Аришидзе и крепость Марани с войском его брата Хахуа; тогда Квирике II является с предложением сдать страну⁷, очищая последние две твердыни — Нахчевани, где командовал сын его Падала, и Бочорму, в которой, видимо, он сам сидел (*455—456, стр. 231—232)⁸. Поддержанный затем более чем 50-ю феодалами Каргли

тий еще раз в конце 20-х годов (Каргли-Цховр., II, 97—98). Затем упоминается о правительнице Динаре, которая была сестрой Гургена Великого, Кларджетского эриставт-эристава (918—941 гг.) и дочерью умершего в 898 г. Адарнасе. Наконец, сын ее Ишханик (*452, стр. 229 и *469, стр. 243; Вахушти, II, 97 и 98).

В недавно появившейся статье «Из истории грузинского феодального города IX—XIII вв.» (Труды Института истории, т. II, Тб. 1956) Ш. А. Месхиа оттеняет, что социально-экономическое развитие страны (рост ремесла и торговли) обеспечило участие Грузии в мировой торговле, в том числе таких городов Кахетии, как Рустави, Хунани, Телави, Хорнабуджи, и крупных поселков как Жалети, Гаги, Бочорма и др.

⁶ *449, стр. 226—227. — Стены Уджармы, согласно сообщения, что они были разрушены, не могли быть деревянной оградой; впрочем это видно, и по грандиозным и сейчас развалинам крепости с разновременными слоями, в основном значительно более древними, чем IX—X век.

⁷ დავითის კახეთი ვიპოვებო მუგესს (*456, 23. 232).

⁸ К сожалению, кроме Уджармы и Бочормы местоположение этих крепостей неизвестно. Вахушти предполагал, что Лоцобанта (или Лорцобанта, даже Луцибанта) находилась около Бахтриони, а Нахчева-

и Кахетии, среди последних назван Годердзи¹, Квирике отвоевывает все крепости Кахетии, а карталинские на территории до Ксани² и затем заключает мир около Базалетского озера, т. е. граница Кахетии и Картли проходила по-прежнему по Ксани (*456—457, стр. 232—233).

Если рост силы Картли продиктовал политику устойчивого равновесия, вместо наступления на нее, то и в походах против Эретии кахетинские владетели привлекают картлийских к соучастию. Уже Квирике I (893—918) в конце своего правления начинает, пригласив к участию абхазского царя Константина, который владел фактически также и Картли, войну против Эретии. Союзники повели осаду расположенной на правом берегу Алазани, близ Гурджаани, крепости Веджини, находящейся, по упоминанию историка, в Эретии. Когда судьба ее казалась уже решенной, владетель Эретии Адарнасе Патрикий предложил условия мира — Константин получил Аришу и Гавази, а Квирике — Орчоби. Попутно историк сообщает важную для нас деталь о славе Алавердского Георгия и о нарочитом украшении иконы его золотом со стороны Константина³.

Однако, взаимное тяготение Кахетии и Эретии, естественное в виду общности и единства культуры их, в этот период получило свое завершение и в отношении церковной организации. Если примыкающая с востока Албания являлась сторонницей антихалкедонитского грегорианства, а Кахетия и Картли — халкедонитского православия, то в Эретии явно боро-

лись обе тенденции. Пока приверженность к тому или иному течению определялась и внешнеполитической ситуацией, естественно, что расхождения эти приводили к решительной борьбе и к вмешательству политических сил⁴. На протяжении же X века политическая ориентация Эретии явно была направлена на Грузию, а не на Армению, в отличие от примыкающих районов Албании (Рана). Таким образом, мельком отмеченный историком факт, что стараниями правительницы Динары господствующая церковь в Эретии перешла в православие, явился, очевидно, результатом естественного процесса⁵. Во всяком случае это еще более содействовало сближению Эретии и Кахетии.

На переломе X и XI веков кахетинские владетели преисполнены сознанием своей силы и не согласны уступать своих позиций. Поэтому на предложение Баграта III в 1008 году сдать все принадлежавшие ему в Картли крепости, Давид корикоз ответил отказом. Баграт двинул тогда объединенные силы Гао-Кларджети, Абхазии и Картли через Мцхетский мост на Тианети, (т. е. через Сабадурский перевал и Эрцо, перейдя Арагви?). Как видно, это был просто маневр, чтобы отвлечь силы Давида, ибо Баграт тем временем занял страну Эретию, поставил там своего правителя и вернулся в свои владения, т. е. никаких операций в собственно Кахетии не отмечено так же, как нет данных о присоединении им Ксанского района⁶. По-видимому, все выступление Багра-

ни около Лалис-Кури, но без фактических данных (География, изд. Броссе, стр. 318 и 320). И. А. Джавахишвили на основании другого упоминания в летописи считает, что Нахчевани было где-то в Эретии (II, 309).

¹ Картл.-Цховреба, изд. Броссе, I, *166, стр. 203. А в списке царицы Марии (*456, стр. 232—3) — Годердзиани. Не есть ли в таком случае Мгдурн просто собственное имя этого Годердзиани? (Ср. однако И. А. Джавахишвили, II, 387).

² და მცირეთა დღეთა წარბუნეს ციხენი ყოველნი (*456. გვ. 233).

³ უძნო კვირიკე ქორეპისკოპოზმან კოსტანტინე აფხაზთა მეფესა; ჩავიღეს ჰერეთად და მოაღგეს ციხესა ვეფინისასა. აფხაზთა მეფე მოადგა ზედათ კერძო და კვირიკე ქვემოთ და ვითარ მისწურეს წაღებად, მაშინ აღარანსე პატრიკი მოვიდა და პარსეკესა ჭუარისა მიუპყრა ზავის პირო. მოსცა აფხაზთა მეფესა არიშუ და გაგაზნი, და კვარეკსა ოკოპობი. ვითარ დაიზავნეს და შეიქცეს, მაშინ მოვიდა კოსტანტინე აფხაზთა მეფე და ილოცა ალავერდს, წმიდის გიორგისა წინაშე და შემოსა ხატი მისი ოქროთა (*450—451, გვ. 268).

Местоположение Орчоби не известно; Гавази — очевидно гардабанское; Аришу (или Арешу) известно в Закавказском районе. П. Ингороква же приводит соображения в пользу определения Ариши, как крепости города Рустави около Караяз (Rusthveliana. I, 1926, по-груз., стр. 173—176), что в данном случае лучше подходило бы. — Позднее Адарнасе пытается вернуть себе отданные пункты (Вахушти, Картлис-Цховреба, т. II, СПб., 1854, стр. 97—98).

⁴ Один такой случай начала VIII века подробнее рассмотрен С. Н. Джанашиа, Арабы в Грузии, стр. 65—66, ср. еще Hist. de la Gè., I, p. 279 note 4.

⁵ Конечно, этому содействовало совпадение дополнительных обстоятельств, как происхождение Динары и ее регентство. Хронология правления Динары точно не устанавливается. Как сестра эриставт-эристава Гургена (*452—453, стр. 229), она могла бы править еще и во второй четверти X века. Упоминание царицы Эретии Динары около 1010 года (*469, стр. 243), очевидно имеет в виду другую Динару (ср. Джавахишвили, II, 420).

⁶ წარგზავნა მოციქული კახეთს, ითხოვნა ციხენი ქართლისანი, რომელნი მათ ჰქონდეს. მას ეამსა იყო კახეთს ქორეპისკოპოზი დავით. ხოლო მან არა ინება მოცემა ციხეთა,

та обусловлено совсем иными причинами. Несмотря на то, что война является для средневековья как бы естественным состоянием феодального общества, все-таки взятие крепостей, пленение владетелей, завоевание целого государства являлось только средством обогащения путем грабежа, выкупов и контрибуций. Для действительного присоединения требовалось видимо, больше: прекращение рода правителя. Это имело место как раз в Эретии и очевидно при Давиде корикозе, когда со смертью Ишханика, сына Динары, прекратился род эретских владетелей и Давид расширил свою власть на Эретию¹.

Последующие политические события разворачиваются в том же направлении интересов господства и гегемонии. Феодалы Эретии не захотели признать над собой ставленника абхазского царя Баграта и оба обратились снова к Давиду корикозу, который и берет Эретию. Теперь именно разворачивается настоящая война. Прежде всего Баграт оккупирует Эретию, а затем переходит в Кахетию, где в течение двух лет борьбы берет все крепости и устанавливает непрерывную осаду Бочормы, в которой сидит преемник и сын умершего Давида, новый корикоз Квирике III, которого в итоге он берет к своему двору². Это формальное присо-

единение Кахетии и Эретии к царству абхазо-картлийскому, т. е. фактическое лишение его единого управления и защиты государственных интересов, развязало руки эмиру ганджийскому Падлону, который стал совершать набеги и грабить Эретию и Кахетию³. Со смертью Баграта III в 1014 году и при восшествии на престол абхазо-картлийских царей юного Георгия I (1014—1027), естественно, поднялись феодалы Кахетии и Эретии и добились возвращения Квирике III⁴. Но вместе с тем характерно, что сознание национального единства грузинской культуры настолько широко распространилось по разным провинциям Грузии, что позднее в борьбе того же Георгия I против византийцев (в 1021 г.) силы его укрепляют войска из Кахетии и Эретии, цанарцев и шаков⁵. На переломе X и XI веков как абхазо-картлийское царство, так и кахетино-эретское представляют собой совсем окрепшие государственные организмы с определенной национальной физиономией и программой развития культуры⁶.

Появление Квирике III (1009—1031/2 гг.) во главе кахетино-эретского государства было естественно подготовлено самим ростом и мощью государства и поддерживалось сознанием национального единства⁷. Так, уже упо-

ბრძოლაში მუშაობდა ესრეთ: „უკეთეს ეციებ ციხეთა, იყოს ჩუენ შორის დამჯერებელ მკლავი და ჰომი. ხოლო მე წინა მოგეგებო კსანსა ზედა“... დადგა თიანეთს და იწყო შემუსვრა კახეთისა. და ვერ წინა აღუდგა დავით, რამეთუ იყო ძალი ბაგრატ მეფისა ურიცხვი. იყო ბრძოლად ციხეთა. და მას ემსა აღილო ქუეყანა ჰერეთისა და განაჩინა მთავრად აბულალ, და წარმოვიდა შინა (*468, გვ. 242—243).

¹ Прекращение династии прямо отмечает Вахушти II, 97 в разделе о Квирике Великом) и как основание для присоединения. Из приведенной выше хронологии естественнее думать о прекращении династии при корикозе Давиде (976—1010): недаром Баграт, захватив Эретию, ставит своего «мтавара», т. е. ставленника-правителя, а не эристава.

Означенное усиление кахетинского корикоза вызвало со стороны Баграта стремление пресечь рост Кахетии, бороться за преобладание, как еще у абхазских царей Георгия и Леона. Непосредственным ответом на наступления Георгия и Леона был в свое время захват Квирике II-ым малолетнего Баграта III с его родителями (*461, стр. 236; *462, стр. 238).

² კუალად მიიქნენს კაცნი ჰერეთისანი და შეერთნეს დავითს. აღილო დავით ჰერეთი და შემდგომად მცირედისა ემისა მიიცვალა... აღილო [ბაგრატ] ჰერეთი მეორედ... იყო ქებნად კახეთისა და ძალითა მისითა მიუწლომელთა წარბხუნა ორსა წელიწადსა შინა ყოველნი ციხენი კახეთისანი. შეწყუდია კვრივე ბოჭორმასა და დაუყენა ციხესა გარემემო მცუელნი წლითი წლამდისი. წარილო ბოჭორმაცა, დაიპყრა

სრულიად ჰერეთი და კახეთი. წარმოყუანა კვრივე და დამიპირა თვისსა კარსა ზედა (*469, გვ. 243).

³ მას ემსა განდიდნა ამირა ფადლონ განძისა, იწყო კირთებად ერისთავთა ჰერეთისა და კახეთისათა, ეამიითი ეამად მეკობრობით და პარვით, რბევად და ტყუენვად აღდილითი აღვილად. (*469, გვ. 243). Прекращается это походом Баграта III и армянского царя Гагика I, завоеванием Рана и наложением дани на Падлона.

⁴ ხოლო დაჯდა რა ესე გიორგი მეფედ, განდგა ამას ქუეყანა ჰერეთ-კახეთისა და დადრობითა აზნაურთათა შეპყრობილ იქმნეს ერისთავნი, მათ ქუეყანათა კუალადეე ეუფლნენ მათნი უფალნი, რომელთა პირველ აქუნდა იგი (*584, стр. 353, 354, см. И. А. Джавахишвили II, 423).

⁵ მოირთო ძალი კახეთისა და ჰერეთისა—пишет Матианей Картлисай (*475, стр. 248); а Сумбат пишет: მოიყუანა წანარნი და შაქნი (სამი ისტ. ქრონ., 69, rsp.*585, стр. 355).

⁶ В том же смысле культурного единства Кахетии, Эретии, Картли нужно отметить наличие имений с населенными пунктами в Эретии, которые названы среди пожертвованных Свети-Иховели во Мхета католикосом Мелхиседеком в его сигеллионе 1029—30 гг. (см. Н. Бердзенишвили. Мхетский сигеллион XI в.—«Моамбэ Музея Грузии», т. VI, 1931, по-груз.).

⁷ Характерно, что Баграт III, вместо применения к Квирике методов устранения от власти, — к которым он прибегнул в отношении двух кларджетских правителей, или обложить данью, как ганджийского эмира Падлона.— взял его к своему двору.

საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს

мянутое участие в походе 1021 года против императора византийского Василия красноречиво оттеняет это. Вернувшись к управлению государством — объединенной Кахетией и Эретию — Квирике принимает титул царя (რახთა და კახთა მეფე)¹. В а х у ш т и приписывает ему деление на семь эриставств (три в Кахетии и четыре в Эретию), т. е., возможно, имело место какое-то уточнение в этом отношении, ибо эриставы существовали и до XI века². К сожалению, наемчаемые В а х у ш т и е м земли отдельных эриставств страдают большой неясностью и нечеткостью³. Резиденциями кахетинских эриставов он называет Рустави, Кветера и — для панкисского — Марилиси; а из эретских — один сидел в Хорнабуджи (или Хоранта), другой в Веджини, а остальные два, судя по их титулатуре — эристав Мадчи и эристав Штори, управляли землями от Мадчис-цкали до Нухи и Хунзаха и от Шторисцкали до Дидойцев⁴. Такое деление на эриставства держится до XVI века. Эриставы соединяли в своих руках все полномочия центральной власти по управлению страной: военные, административные, финансово-экономические и судебные⁵. Столицей объединенного государства Квирике Великий делает Телави, кроме того, имеет прославленный дворец в Тианети⁶. Определяющими его внешнюю политику является организация большого похода против Падлона, эмира Гандзы, война с осетинским царем Урдуре, павшим в бою, и участие в операциях против тбилисского эмира. Как отмечает летопись «Матианей Картлисая», пока Баграт был

еще совсем юным, т. е. между 1027 и 1032 годами примерно⁷, Падлон вел себя агрессивно и тогда по инициативе Квирике был предпринят совместный поход против Падлона, в котором участвовали карталиские феодалы Липарит и Иоани Абазасдзе, самшвильдский царь Давид, женатый на сестре Квирике, и эмир тбилисский⁸. Таким образом, сильная коалиция начала действия с реки Эклици в пределах Рана, обратила в бегство Падлона и захватила громадные богатства. Затем Квирике участвует в походе, организованном (вторично) Липаритом в 1037—38 году против эмира тбилисского. В осаде Тбилиси кахетинские и эретские войска действовали на левом берегу Куры против крепости Исани⁹. Однако, за время этой длительной осады умер Квирике Великий, убитый во время охоты неизвестным осетиним из мести за гибель осетинского царя в борьбе с Квирике III. Мы здесь случайно узнаем о таком военном предприятии Квирике за Кавказским хребтом, в Осетии¹⁰. Таким образом и в военном отношении, как в административной организации, государственном и капитальном строительстве, царствование Квирике III отмечено громадным подъемом, внешним отражением которого является принятие им титула царя и характеристика, данная историком Баграта IV его деятельности словом «Великий».

После Квирике III на престол Кахет-Эретию вступил усыновленный им племянник, сын армянского царька Самшвильдского и Зоракертского Давида «Безземельного». Баграт IV те-

¹ დიდი კვირიკე რანთა და კახთა მეფე, მატიაწჳ კართლისაჲ *483, გვ. 257—258; Вахуштий, II, 98—99.

² Ср. выше стр. 14 прим. 3; стр. 16 прим. 5 и 6; стр. 18 прим. 9.

³ География, издание Б р о с с е, стр. 304 и Картлис-Цховреба, II, 98—99, (H. de la Gé., II, 142—143).

⁴ И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, История грузинского права, II, I, стр. 209 (по-груз.) отмечает, что в это время историк называет эристав-эристава Кахетии (Матианей Картлисая, *488, стр. 261) и эриставов Панкиси, Хорнабуджи, Штори и Мадчи, затем Веджини (там же, *486, стр. 259 и *500, стр. 270) и Эретию (История венценосцев, *606, стр. 377).

⁵ Н. Бердзенишвили, Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии XIII—XVI вв. Тб. 1938, стр. 28.

⁶ О столице в Телави пишет В а х у ш т и й; место крепости и замка его («მკელი ვალეანი») сохранилось еще в развалинах. Тианетский дворец был сожжен в середине XI века: გარდაღა თიანეთს და დაწუა დარბაზი ბოდოჯისა, სახლი სახელოვანი დიდისა კვირიკე მეფისა აგებულნი (*486, გვ. 259).

⁷ Ср. И. А. Д ж а в а х и ш в и л и, II, 433.

⁸ დიდი ფადლონ ავად იქცეოდა და სწონობდა ყოველთა მოთაულთა ამის სამეფოსათა და ყოვლადვე ყრმა იყო ბაგრატი. ესე ყოველნი პირობითა კვრიკესითა შეკრებულნი იყუნეს ეკლეს ფადლონს ზედა; გააქციეს ფადლონ და შუაგდეს ლაშქარი, აღიდგეს ავარი და განძი ურიცხვი (*483—484, стр. 257—258). Об этом походе И. А. Д ж а в а х и ш в и л и ничего не упоминает.

⁹ და წყალსა ამიერიით, ჰისანიო კერძო, მოადგინა ლაშქარი კახნი და ჰერნი. (*484, стр. 258).

¹⁰ მას ჟამსა მოკლულ იყო დიდი კახთა მეფე კვირიკე ოგისის ვინე მონისაგან, რამეთუ წყობასა შინა ოგისთა მეფე ურდურე მოეკლა კვირიკე მეფესა ნადირობასა შინა ფიდრაზის გორთა ოგისისა მონისა მიერ (*484—485, стр. 258). В а х у ш т и й (II, 99) говорит о вторжении Урдуре в Тианети через Дурдзукети и Глигви, окончившемся смертью Урдуре.

Смерть Квирике III, видимо, ошибочно отнесена к этому походу, а не к первому (ранее 1032 г.).

Перь меняет свою политику — кончает ничем осадой истощенного Тбилиси (за спиной Липарита) и начинает воевать против Кахетии, переманив на свою сторону двух крупных феодалов¹. Борьба, видимо, была трудная и жестокая: около горы Михаила и Гавриила, к сожалению, неизвестно где находящейся², в плен попадают четыре эристава — панкисский, хорнабуджский, шторский и мадчийский³, т. е. и здесь, вероятно, на первом месте обычных для средневековья пестрый переплет личных интересов и интриг — политическая жизнь слагается не только из борьбы за гегемонию среди отдельных государств Кавказа (грузинских, эмирата, и отчасти армянских), но и из борьбы между отдельными членами правящей фамилии и, наконец, между правителями и крупными феодалами страны. Во всяком случае Баграт грабит Тианетский район и поджигает там «Бододжский дарбази», прославленный дворец, построенный царем Квирике Великим. Иначе говоря, основные военные операции протекают во внешней Кахетии, но войсками участвуют и эретские эриставы — страна плотно связана воедино.

Ясно, что вся пропитанная личными мотивами политика Баграта IV⁴ в отношении Липарита, в отношении кахетинского царя и в отношении тбилисского эмира делала их его врагами и союзниками друг друга. Начатые Липаритом (в 1044—45 году) действия против Баграта IV заставляют последнего прекратить

разграбление Кахетии. Кахетинские войска сразу же идут на поддержку Липарита⁵, который затем на 15 лет становится фактически самодержцем Грузии, грозным Баграту, даже будучи года два в плену у Тогрульбека, и который принуждает Баграта уехать в Константинополь. После первого перемирия с Липаритом, конечно, и кахетинский царь Гагик стремится установить с Багратом IV хорошие взаимоотношения, почему после передачи старейшинами ключей и г. Тбилиси Баграту и во время осады тбилисской крепости Исани он является со своей знатью и просит приема у Баграта⁶. Но как только вновь Липарит выступил против Баграта (зимой 1046-47 г., и дальше с перерывами до 1059 года), так сразу же он пользуется поддержкой кахетинских феодалов; они проходят со своими войсками в Джавахетию к Тапараванскому озеру, в Карталинию к Сасирети, затем в Кларджетию по дороге к Ркинис-Джвари в Аркис-цixe, Артануджи и т. д.⁷ Только когда Липарит уходит в монастырь и когда Баграт IV при поддержке византийского императора, наконец, несколько укрепился, т. е. между 1060 и 1064 гг., он — по лаконическому заявлению летописи Матианей Картлисай — привлекает к себе все крепости Кахетии и Эретии, за исключением Кветера и Нахчевани. Таким образом, после 15-летней относительной обеспеченности от вторжений Кахетия вновь становится целью поживы для абхазского царя Баграта IV⁸. И так это

¹ და იბირნა აფხაზთა მეფემან კახნი—აშოტ მთავარი მარილელი და სიძე კვირიკე მეფისა ნახულაგურნი ჯუარო ცხითა. და მოყვარა აფხაზთა მეფე ქალაქსა და ემტერა კახთა (*485, გვ. 259).

² Может быть под Микел-Габриелта мта (гора архангелов Михаила и Гавриила) подразумевается гора г. Грემи с его церковью, обычно до последнего времени именовавшаяся «Мтавар-ангелози» (архангелов).

³ გაილაშქრა აფხაზთა მეფემან კახეთს, შეება და შეუტდა მათას ზედა მიქელ-გაბრიელთასა. და წყობასა შინა შეიპყრეს სტეფანოზ ვარჯანის-ძე, პანკისისა ერისთავი, და ვაჩეძე გურგენ ბერისა, ხორნაბუჯის ერისთავი, და ჯედი დისწული გოდერძისა, შტორის ერისთავი და მაქელისა. და გარდაღვა თიანეთს და დაწუა დარბაზი ბოდოჯისა, სახლი სახელოვანი დიდისა კვირიკე მეფისა აგებულნი, და ესე ერისთავნი ქენებით აძლევდეს ციხეთა მათთა და ვერღარა ჩავიდეს კახეთს (*486, სტრ. 259). И А. Джавахишвили последнюю фразу о невозможности вступления в Кахетию относит к Баграту IV (II, 435—436).

⁴ См. И. А. Джавахишвили, II, особ. 457—458.

⁵ და ჰყუეს ლიპარიტს კახნი (*486, სტრ. 260). Ср. И. А. Джавахишвили, II 437.

⁶ და ისინსა ველსა მოვიდეს კახთა მეფე გაგიკ და ერისთავთა ერისთავი გოდერძი და ყოველნი დიდებულნი კახეთისანი დარბაზობად ბაგრატ მეფისა წინაშე და მშვიდობისა ძებნად. მაშინ ბრძანა და გავიდა მეფე ბაგრატ ველსა ისანისასა. მოყუანნა კახნი და ითაყვანნა, და მისცა მშვიდობა და განუტევენა. იყო სიხარული და საურავი დღითი დღე შემატებისა (*488, გვ. 261—262 და ქართლის ცხოვრება, I, *183—184, გვ. 224).

⁷ ხოლო ლიპარიტ შეკრიბნა კახნი და მოადგა ფოკათა (*489, გვ. 262) და იყუნეს თანამდგომნი ლიპარიტისანი კახნი ძალითა მათითა და დავით სომეხთა მეფე ძალითა მისითა (*490, გვ. 262—263). შეკრიბა თავისი ლაშქარი და მოიწყუნა (მოირთნა) კახნი და სომეხნი და ბერძენიცა (*491, გვ. 263—264; შტრ. ივ. ჯავახიშვილი, ქართველი ერის ისტორია, II, 438 — 447).

⁸ და აჰან წარუხუნა ციხენი ყოველნი ჰერეთისა და კახეთისანი თვნიერ კუეტარისა და ნახჭევანისა (*496, გვ. 268 ვ 1064 году по И. А. Джавахишвили, II, 447). В 1067—68 (II, 452) გამოვიდა სულტანი [ალფ-არსლანი], შემოვლო რანი და უგრძნეულად შევიდა ჰერეთად და მის

длится до его смерти и затем на протяжении всего царствования «бесхребетного» политика Георгия II, несмотря на разгром его собственного государства сельджуками (м. б. его вторжения подогреты этим разгромом)¹. Кахетинские правители этого времени (Агсартан I: 1058—1084 и Квирике IV: 1084—1102), видимо, не далеко ушли от Баграта IV и Георгия II² и, конечно, только государственный ум и железная воля Давида Строителя (1089—1125) сумели подчинить все партикуляристские стремления и интересы общегосударственным целям. Он добился также слияния Кахетии и Эретии с другими частями Грузии, так что вся игра партикуляристов превратилась в мелкие интриги.

Характерно, как события предшествующего Давиду Строителю царствования являются отчасти показателем крепнущей широты государственной политики. Правда, в первом восстании феодалов против Георгия II кахетинские феодалы поддержали сына Липарита, Ивана³, но когда он нарушил договор с Георгием, на помощь Георгию в осаде Самшвилде приходит Агсартан, кахетинский царь, и, что значительно важнее, он помогает Георгию в трудную минуту нашествия войск сельджукского

султана Малик-шаха в 1074 году⁴. Однако нашествия сельджуков на Грузию, впервые со страшными опустошениями прошедших страну в 1065 и 1068 гг., когда Кахетия политическим маневром Агсартана и готовностью платить дань была почти полностью спасена от разорения, не только не прекратились, но теперь двигались с двух концов — из Эрзерума и из Азербайджана. Теперь Георгий II также обращается к султану с готовностью платить ему дань. Но он принимает от Малик-шаха в дар Кахетию и Эретию, т. е. сам ведет туда в 1080 году на прокорм грабежом большую турецкое войско под предлогом завоевания⁵. Войска под предводительством Георгия осаждают крепость Веджини, которой с осени до весны так и не удается овладеть, но зато турецким войскам Георгий предоставляет страну Суджетию и всю Кахетию по Иори на поток и разграбление. Писавший через полвека после этого историк Давида Строителя отмечает, что страна по-днесь опустошена⁶. Конечно, Агсартан также заявился к Малик-шаху, принял ислам и так приостановил дальнейшее разорение; но внутреннего успокоения, психологического, страна достигла не скоро⁷.

ქუეყანისა დიდებულნი იყუნეს მორთულ და ერთგულ ზაგრატიანსა. და მას ჟამსა იყო მცირედითა საქონლითა მეფე კახეთისა აღსართან ძე გავიკისი, და ყოველთა დაყარნეს ციხენი მათნი და ივტოდეს კავკასიად. და იყო ბაგრატ გალაშქრებული აღებად კახეთისა და ლაშქარი მისი წინაგაზღვინილი ვეეინის ერისთავისათანა წირქულელსა, შემოიქცეს მშვიდობით და უამბეს შემოსულა სულტნისა და დაყრა ციხეთა. შემოიქცა სწრაფით და მოვიდა ქუეყნად თვსად ქართლად. ხოლო აღსართან მიერთო სულტანსა, მიუძღუნა ძღუენი დიდი და დაუტევა სჯული, დიცივითა წინა, აღუტევა ხარაჯა და მისცნა ყოველნი ციხენი დაყრილნი სულტანმან მასე. და რომელნი აფხაზთა მეფისა კაცთა დაეყარნეს და რომელნი თვით აღსართანისათა, მისცა ყოველნი აღსართანს. (*499—500, სტრ. 270—271).

¹ Затем Альп-Арслан вместе с войсками армянского царя Квирика, тбилисского эмира и кахетинского царя Агсартана подвергает разгрому Картли, отдаёт Тбилиси и Рустави эмиру Ганджи. Когда через год разбитый наголову эмир бежит, его захватывают в Кахетии в Эрцо (Жалети), отводят к Агсартану в Телави, который заточает его в Хорнабуджи и выдает затем Баграту IV в обмен на крепости Бочорма и Уджармо (*503—504, стр. 273; *504—505, стр. 274, см. И. А. Джавахишвили, II, 452—456).

² Ср. впрочем характеристику историка (приведена ниже на стр. 28, прим. 2).

³ ივანე მორთონა კახნი და დადგა ქსნისა პირსა (*509, გვ. 278). და ძესა ივანესსა ლიპარიტს მისცა ლოწობანი,

ნაცულად რუსთავისა, რომელი მიეცა კახთა (*509—510, გვ. 278).

⁴ და მივიდა სამშვილდის კარსა. მუნ მოიყუნა კახთა მეფე აღსართან... წაიხუნა ლოწობანი ლიპარიტისაგან აღსართან (*510, გვ. 279). შეკრა გიორგი მეფეთ მეფე ყოვლითა სპითა მისითა ზემოთა და ქუემოთა, და მოიყუნა მათ წინაშე აღსართან კახთა მეფე (*511, გვ. 280) და შეიბნეს ფარცხისს. სძლიეს და იორტნეს (*512, გვ. 281).

⁵ ყოველი სათხოველი აღუსრულა მეფესა გიორგის, უმეტესცა სასოებისა. და სამეფო მისი თავისუფალ ჰყო, ზედა მარბიელთაგან. და მოსცა კახეთიცა და ჰერეთი. გარნა ხარაჯა ითხოვა სამეფოსა მისისა, რომელსა იღებდეს ეამთა მოაველთა (*515, გვ. 284—285; см. И. А. Джавахишвили, II, 462—464).

⁶ და წარმოაყოლნა სპანი დიდნა, რათა წარვლონ გზა მშვიდობისა და რათა წაართუნ კახეთი. და ეამსა სთულიოსასა მოვიდეს კახეთს და მოადგეს ციხესა ვეეინისასა. ვიდრე ჰპროდესლა, მოვიდა თოვლი. ხოლო მეფესა გიორგის მოეხსენა ნადირობა აჯამეთისა. არლარას ზრუნვიდა სხუსა. არცა ელოდა აღებასა ვეეინისასა და კახეთისასა. არამედ ლაშქართა თურქთა, რომელნი ჰყუეს, მისცა ნიკად სუჯეთი და ყოველი ქუეყანა იორის პირისა კუხეთი, რომელი მოოკრდა დღენიდელად დღემდე (*517, გვ. 285).

⁷ მთ ეამთა კახთა მეფე აღსართან წარვიდა მალექშაჰს წინაშე, დაუტევა ქრისტიანობა და შეეძინა სარკინოზთა სჯულსა და ამით ღონითა აიღო სულტნისაგან კახეთი. ამათ ესე ვითართა ეამთა არავე დამშვიდნა ქუეყანა, არცა-

Личные качества Георгия II помогли ему осознать свою непригодность для руководства государством и отказаться от власти в пользу своего сына Давида, как только последний достиг совершеннолетия. С первых же шагов видна дальновидная и широкая программа государственной деятельности, которая последовательно и упорно осуществлялась им. В течение первых четырех лет молодой, 16-и лет заняв престол, Давид наводит порядок в стране, привлекает население в опустевшие селения и укрепляет страну в экономическом отношении. Затем он ведет борьбу с крупными феодалами, стремясь ограничить их самоуправства и парализовать безразличие к государственным задачам. Наконец, он укрепляет страну и внешнеполитически. Последнему обстоятельству чрезвычайно помогло взятие в 1097 году Иерусалима и Антиохии крестоносцами. Это ослабление турок дает Давиду возможность отказаться от платежа дани, добиться полного ухода турок и освобождения пастбищных полей по Куре и Иори¹. В 1101 году Давид каким-то ловким маневром отторгает у Квирике IV кахетинскую крепость Зедазенскую². А со смертью Квирике IV в 1102 году и замещением престола его племянником Агсартаном II (1102—1105), которого историк характеризует как бездельника, невежду, несправедливого, лишенного каких-либо черт государственного ума человека³, нарастающие интересы и созна-

ние культурного единства приводит к объединению Кахет-Эрети с монархией абхазо-картлийских царей, объединивших все земли с грузинским населением, за исключением еще тбилисского эмирата, влившегося в конце царствования Давида⁴.

Несколько эретских феодалов из рода Аришани проявили патриотизм и в 1104—05 гг., не без противодействия и военных операций, арестовали Агсартана, передали его Давиду Строителю и осуществили присоединение всей Кахет-Эрети к абхазо-картлинскому царству⁵. Вероятно, Агсартан был последним представителем царского рода; ни о каких претендентах в дальнейшем нигде нет упоминаний. Вне власти Давида оставались еще некоторое время те пограничные районы Кахетии, которые все чаще и чаще выходили из-под власти кахетинских царей. Это, — не говоря уже о Гардабани, прежде всего район Рустави и Гареджийских пустыней, расцвет которых — экономический и художественно-культурный — относится как раз ко времени от Иллариона Грузина и до монголов, — а также крайнего юго-восточного конца Эрети (район Нухи). Давид в 1115 году отвоевывает еще одну сильную крепость — Рустави — у эмира тбилисского. А в 1117 году присоединил район Нухи с главной крепостью Гиши и пленил владетелей Асата и Шота, сыновей Григория⁶. За этим следует взятие Тбилиси и уничтожение

ლა იქმნა ლხინება კაცთა უკეთურებისათჳს მკვდრთა მისთა ბ (*517, გვ. 285).

Сообщение о принятии Агсартаном ислама находится еще в летописи «Матианей Картლისай» (см. стр. 26/7, прим. 8), где она отнесена к нашествию войск Альп-Арслана в Эретию в 1068 году. Историк же Давида, рассказывая о событиях 1080—81 гг., сообщает о переходе в ислам, как о новом явлении. (Ср. И. А. Джавахишвили, II. 452 и 464).

¹ მოეშენა ქუეყანა ქართლი, განძლიერდა დავით და განიმარაგლნა სპანი. და არღარა მისცა სულტანსა ხარაჯა. და თურქნი ვერღარა დაიზამთრებდეს ქართლსა, რამეთუ ზამთრისავე თანა მიწევისა ფალანგებითა მათითა ჩამოდგინა ჰვექალას და დიღუამს, ჩაღმართ მტკუარისა და ოორის პირთა, რამეთუ მათი იყო სადგომი (*522, გვ. 289).

² კახეთს მეფობდა კვირიკე, კაცი მეფობისთანავე თანა მეფე ქმნილი ვნებათა ზედა და ჭეშმარიტი ქრისტიანე. მოსცა ჟამი ღმერთმან მეფესა დავითს წაუღლო კჳრიკეს ციხე ზედაზადენი. იყო ქორონიკონი ტკა (*522, გვ. 289—290 და შენ. 1).

³ შემდგომად წელიწდისა ერთისა მიიცვალა კვირიკე მეფე. და დასუეს კახთა მეფედ ძმისწული კვირიკისი აღსართან და არა რათა მქონებელი ნიშანთა მეფობისათა, არამედ იყო ცუნდრუკი რამე, უსჯულო, უმეტრად უსა-

მართლო, და ყოვლად წინა-უქმო მამის ძმისა მისისა (*523, გვ. 290).

⁴ По Вахуштию (История Кахетии в Картлис-Цховреба, т. II, СПб., 1854, по-груз.) Агсартан был сын, а не племянник Квирике.

⁵ რამეთუ ესე აღსართან, კახთა მეფედ კენებულო მეფეურეს ჰერთა დიდებულთა არიშანიან და ბარამ და დედის ძამან მათმან ჰეთარ, ბარამის ძემან, და მოსცეს მეფესა. და აღიხუნა მეფემან ჰერთი და კახეთი. და ერწუნს (რსპ. ერტოსს) ქმნა წყობანი დიდნი და კმა გასმენილი იგი და დიდი ძლევა, რომელ მცირედითა ლაშქრითა და დანწიწულითა ერთთა დაკონა სულტანისა იგი სპანი ურიცხუნი, ათაბაგი განძისა და უმრავლესი კახთა და ქუეყანისა ერი მტერთავე თანა გარკმოდგომილი ჩუნთანა (*524 — 525, გვ. 292). ესრეთ რა თვთამყოობლობით დაიბურა ჰერთი და კახეთი და ნეხიერად აიხუნა ციხენი და სიმაგრენი მათნი მზეგერ მიჭფინა წყალაბა ყოველთა ზედა მკვდრთა ქუეყნისათა (*526, გვ. 293. შდრ. ივ ჯავახიშვილი, II 510—511).

⁶ მეორესა წელსა დაიბურნა გრიგოლის ძენი ასათ და შოთა. და აღილო ციხე გიში. და გაგზავნა ძე თვისი დემეტრე შარვანს სპითა ძლიერთა ლაშქრად (*532, გვ. 299).

П. Ингороква считает Григория и его сыновей за царей самостоятельной восточной Эрети (Саянги-

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

эмирата; в 1122 году Давид превращает Тбилиси в столицу своего объединенного государства и, кроме того, присоединяет мелкие районы — сильные крепости в Гардабани и Рана-Кавазни, Гаги и др.¹ А после окончательного завоевания всего Ширвана он ставит для обеспечения своего управления по крепостям и городам большое войско из кахетинцев и эретцев², т. е. политическое слияние Эрет-Кахетии за истекшее двадцатилетие — окончательно оформившееся явление; как ярко показывают архитектурные памятники всей Грузии XI века, мощный рост культуры и ее единство только получили политическое оформление и закрепление в период деятельности Давида.

В результате широкой общегосударственной политической программы деятельности Давида Строителя (1089—1125 гг.), Эрет-Кахетия вошла в своих самых широких пределах в состав грузинского государства и теперь созданы, окрепли, на место мелочных, местных интересов, общегосударственные институты, как суд и управление, широкая политическая база объединенного государственного организма, широкие политические перспективы и возможности их достижения объединенными силами. А это все взятое вместе коренным образом меняло предпосылки культурного творчества и работы. Дальнейшие века, полтора-два, являются ярким отражением новых установок³.

XII век в истории феодальной Грузии является периодом наибольшего развития силы государства. Оно объединяло не только все этнические грузинские племена, но также расположенную в Закавказьи Армению, Ширван и земли кавказских горцев. Кроме того, дань платили Грузии эмиры иранского Азербайджана на востоке, а на юго-западе эрзерумский эмир и эрзинджанский султан, наконец, и Трапезундская империя, созданная в самом начале XIII века при ближайшем участии Грузии. была в вассальных к ней отношениях⁴. Однако,

до) до Нухи включительно, принадлежащих к роду Багратионов (Rustaveliana, I, 1926, стр. 193—194, 195 и носивших титул *მეფობისა და მფარველობის* (об этом см. выше, стр. 20, прим. 3). Видимо, и Бердзенишвили считает, что они принадлежали к роду Багратионов («Мимомхилвели», III, 1953, стр. 69—70).

¹ Крепость Гаги с его владетелями Гагели часто упоминается в истории Грузии, начиная с VI—VII вв. Она лежала в пределах Рана, за рекой Эклени (ср. *605, стр. 375 и 376, *671, стр. 462—3; И. А. Джавахишвили, II, 525—526, 559—561, 603). Кавазни — крепость в Гардабани, а не за Алазанью.

² და აღიღო ქალაქი შავანია და... სრულიად ყოველი შავანი. დაუტოვეს ციხეთა და ქალაქთა შინა ლაშქარნი დიდნი ჰერნი და კახნი (*544, გვ. 311).

в социальном и экономическом развитии этого период высшего политического могущества является поворотным пунктом и таит в себе начатки разложения⁵.

Сравнительная полнота данных в источниках, ясность исторического процесса, нередкие сведения и об архитектурных памятниках позволяют совсем коротко напомнить основные моменты истории Кахетии с XII и по XIX вв.

В 20-х годах XIII века в Грузии впервые появляется волна среднеазиатских кочевников — монголов, которые постепенно сломили сопротивление феодальной Грузии; в 40-х годах XIII века страна окончательно подпадает под владычество монголов. Период владычества монголов в XIII и XIV веках отмечен экономическим упадком и хозяйственной деградацией страны; политически страна при содействии монголов фактически дробится на ряд независимых государств, а внутри их отдельные крупные феодалы также держатся совершенно независимыми от царей⁶. Тем не менее в архитектурном отношении эти века ознаменованы значительными сооружениями и сооружениями полноценной художественности. В соответствии с политическим положением этот период отмечен строительством крупных феодалов, в то время как «царская власть» по всем данным никаким крупным архитектурным начинанием себя не ознаменовала.

В области международных отношений Грузия XIII—XIV веков поддерживает оживленные экономические связи как с Византией и городами-государствами Северной Италии, так и с Золотой Ордой, османами Малой Азии и странами Ирана. Но в конце XIV века (с 1386 по 1405 гг.) Грузия претерпевает неоднократные вторжения и жестокие разорения от знаменитого, но лютого завоевателя Азии Тамерлана. Лишь с 1415 года вновь устанавливаются сравнительно мирные отношения. XV век в истории Грузии — период усилий на восста-

³ В своей работе «Проявление классовой и внутриклассовой борьбы во внешнеполитических отношениях Грузии» проф. Н. А. Бердзенишвили («Труды Института истории имени И. А. Джавахишвили АН ГССР», т. I, Т. 1955, стр. 172, ср. 178) выукло показывает, что в данном случае объединения Кахетии и Эрети с остальной Грузией, как и в других подобных действиях все те же законы классовой и внутриклассовой борьбы.

⁴ Н. Бердзенишвили. Очерк из истории развития феодальных отношений в Грузии (XIII—XVI вв.). Т. 1938, стр. 6.

⁵ Эта сторона показана и Ш. Месхиа в новейшей его работе, цитированной выше, на стр. 22.

⁶ Бердзенишвили, стр. 7.

საქართველოს
რეპუბლიკის
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

новление разрушенного государства. Но ликвидировать отрицательные последствия разгрома царская власть не в силах была, несмотря на все усилия и даже борьбу: окончательный распад страны на ряд отдельных государств — царств и княжеств — стал фактом, признанным центральной властью. Так, и Кахетия вновь выделилась с середины XV века в обособленное царство, в то время как на протяжении предшествовавших трех с лишним веков она составляла более других слитое с Картли целое.

Общее экономическое положение Кахетии в эти века, видимо, значительно лучше других районов, хотя бы в отношении последствий нашествий — только некоторые районы ее, лежавшие так сказать на пути или особенно привлекательные для кочевого хозяйства, как степи Караязские и равнины Эретии вообще, были разорены начисто.

К концу XV века все внешнее политическое окружение и ситуация Грузии изменились: в Иране возвысились сефевиды, требовавшие от Грузии дани, войска и принятия ислама; на Западе турки-османы завоевали Константинополь, затем Трапезундскую империю и отняли торговые фактории северо-итальянских республик на Кавказе. Торговый путь из Европы в Индию, шедший через Кавказ и Малую Азию, был закрыт. Грузия была окончательно вынуждена ориентироваться и в культурном отношении на своих сильных азиатских соседей с юга — сефевидов и османов, вместо Европы.

Как отмечено, во второй половине XV века сын царя царей Александра I (1412—1442) Георгий (ум. 1476 г.) начинает династию ряда самостоятельных царей Кахетии, но, собственно, только с сына его Александра (1476—1511) это самостоятельное царство приобретает силу и вырабатывает определенную политику¹. «Из всех частей Грузии в XVI веке в лучших условиях находится Кахетия»². Экономически это самая сильная часть Грузии и по природным условиям и условиям торговых путей. Население страны также увеличивается. «Города Загеми, Греми, Базари, Телави представляют собой оживленные торгово-ремесленные центры». Центральная власть здесь тоже сильнее, чем в других частях Грузии. Столицей этого нового

цахетинского царства до XVIII века является Греми, т. е. в за-алазанской Кахетии находится центр политической и культурной жизни страны³. Кахетинские цари проводят в XVI же веке основные реформы административного и военного характера. Вместо деления страны на эриставства, вполне сложившегося в период расцвета эрет-кахетинского царства в X—XI вв., вводится новая система, по которой военная организация страны отделяется от остального административно-политического деления. В военном отношении установлено деление на четыре военных округа, во главе которых поставлены епископы, имевшие знамя, — руставский, ниоцминдский, бодбийский и некресский. А административно вся страна была разбита на мелкие единицы с моуравом во главе, права и обязанности которого, как чиновника, были точно определены. В а х у ш т и й называется моуравов в Кисикии, Элисени, Цукети, Дидоеги, Тианети, Чиаури, Шильда, Кварели, Марткопи, Греми, Панкиси и др.⁴ Кахетинские цари опираются на широкие слои феодального класса, т. е. на мелких и средних феодалов; одновременно они стараются упорядочить податные повинности крестьянства и вопросы церковного владения — все в целях поднятия экономического уровня страны. Естественно, что все это создает основу для роста новых городов и нового строительства.

Царь кахетинский Александр I (1476—1511) был убит сыном Ав-Георгием (1511—13), и тут карталинский «царь царей» не преминул предъявить свои претензии на обладание Кахетией, как частью единой Грузии. Однако, в 1520 году кахетинские феодалы возводят на престол сына Георгия Левана I (1520—1574 гг.), род. в 1506 году. В политических целях он заключает брак с Тинатиной Гуриели. И так в течение всего царствования дипломатическими ходами избавляет страну от разгрома персами; подчиняет себе горцев; переселяет лезгин; а таких противников, как ширванский или шекинский правители, когда не удается дипломатически обезвредить их, разбивает военной силой. Таким образом, Леван оставляет сыну своему Александру II (1574—1605) страну экономически процветающей, с густым населением и широким новым строительством.

«Узел политических противоречий Турции,

периода возрождения ср. А. Барамидзе, Исследования по истории грузинской литературы, т. I, 2-е изд., Т. 1945, стр. 357—358 (по-груз.).

⁴ Картлис-Цховреба. СПб. 1854, т. II, 103 (по-груз.) и французский перевод Histoire de la Georgie, SPHG 1856, II, 1, p. 148.

¹ И. А. Джавахишвили, Ист. груз. народа, IV, 1, 1924, стр. 95—97 и 139—140 (2-е изд. 1948), стр. Бердзенишвили, стр. 22 и 29.

² Бердзенишвили, 27.

³ О значении для развития грузинской литературы

Ирана и Московского государства, **завязавшийся** на рубеже XVI—XVII вв. на Кавказе, захватил и Кахети. В вековой борьбе Ирана с Турцией, в борьбе, в которой обладание Закавказьем для каждой борющейся страны было вопросом первостепенного значения, кахетинские владетели ведут политику, совершенно отличную от политики остальных царств Грузии. Кахетинский двор всячески избегает войн с Ираном или с Турцией и служениями и данью обеспечивает стране условия мирного развития. Но совершенно иной тактики держатся кахетинские правители по отношению к своим восточным и, в особенности, к северным соседям. К горским племенам они проявляют большой интерес, упорно поддерживая традиционную политику их захвата и подчинения, в чем имеют совершенно определенный успех: некоторые горские племена они подчиняют своей власти и стремятся распространить свое политическое влияние еще дальше. Но тут они встречают отпор со стороны сильного Шамхала Тарковского, с которым и завязывается вековая борьба за обладание восточным Кавказом.

«Близость от большого торгового пути и интенсивное участие в этой торговле приводит Кахети раньше других грузинских царств к политическому знакомству и связям с Московским государством, которое, заняв место монголов в юго-восточной Европе, стремится к обладанию Передним Кавказом...

«Кахети в XVI в., в особенности с 1553 г., признавала себя вассалом Ирана, платя последнему ежегодную дань. Поэтому акт 1587 г. — присяга кахетинского двора на верность московскому престолу — был абсолютно неприемлем для Ирана, положившего за целое столетие столько труда на политическое закрепление за собой Восточного Закавказья...

«В 1578 г. Турция повела наступательную войну против Ирана. В Чильдырской битве турки разбили главные силы кизилбашей, и иранское Закавказье оказалось предоставленным собственным силам. Кахетинский царь Александр изъявил покорность турецкому султану... и обязался платить Турции ежегодную дань (шелком), чем спас страну от грозившего разорения и порабощения... Таким образом, к концу XVI в. Кахети одновременно оказалась вассалом трех соперничающих друг с другом государств: Турции, Москвы и Ирана.

«В начале XVII в. Шах-Аббас, владетель Ирана, с соответствующей важности момента решимостью взялся разорить столь запутанный политический узел, что имело катастрофические последствия для кахетинского царства»¹.

Начало XVII века в развитии Кахетии является еще продолжением той линии осторожной внешней политики, которую вели Леван и Александр и которая в значительной мере обеспечивала относительное экономическое благосостояние и культурный прогресс Кахетии, сравнительно с другими частями Грузии. Царь Теймураз I (с 1605 по 1664 г. с перерывами), воспитанный при дворе Шах-Аббаса I (1587 по 1628 г.), все-таки не смог отстранить назревшего для Ирана вопроса о подчинении ей Грузии, в частности Кахетии. Два нашествия Шах-Аббаса I в 1614—1617 г. обезлюдили страну, доведя население ее до одной четверти известной при Александре II численности. Целые районы были оголены совершенно и заселены только во второй половине XIX века, как за-алазанские части и части Гаре-Кахетии. Но, кроме того, в корне подорваны были такие высокие культуры, как шелководство (вырубкой тутовых деревьев) и др.; разрушены и сожжены населенные пункты, ограблены и уничтожены архитектурные сооружения². Если в XVI веке цветущие торговые центры находились в районе Елисени (позднейшего Джаро-Белокани), как Загем, Базар и др., то теперь этот район вымер. А поселенные еще Леваном в Джари лезгинь стали застрельщиками постоянных набегов на Кахетию, которые уже с начала XVII века приобрели характер всенародного бедствия. В 1636 г. Иран и Турция поделили сферы своего влияния на Кавказе: Кахетия отошла в сферу влияния Ирана. Попытка получить реальную помощь от московского государства не увенчивается в течение XVII века никаким успехом.

После Теймураза царем Кахетии становится карталинский царевич Арчил, известный в грузинской литературе как одаренный поэт. Арчил поднял и культуру и обеспеченность страны, население которой вновь значительно возросло. Он перенес столицу царства в Телави (в 1667 году), где построил укрепления и дворец на новом месте: таким образом, центр еще передвигается. Нападения и набеги лезгин из

¹ Н. Бердзенишвили, стр. 29—31.

² ჩამოვიდა კახეთს, მოსრნა, მოსტყვევნა, აჰყარნა და მოპოობრნა, განძარცვნა ეკლესიანი, ხატნი და ჭუარნი შემუს-

რნა და სამკაულნი მათნი ჰყო ხარჭათა თვისთა აღსამკობელად (ვახუშტი, იბ. ქართლის ცხოვრება, ტ. II, სპ. 1654, გვ. 117).

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

Дагестана и Джари, поощряемые Ираном, продолжали нарушать спокойное течение жизни, особенно в зааланской Кахетии и в Елисени. В 1675 году Арчил счел нужным уступить место претенденту, поддерживаемому Ираном. Однако, в связи с этим сразу Кахетия оказалась почти на 30 лет предоставленной на управление ханам, назначаемым шахами, как уже один раз при Шах-Аббасе I. Естественно, что ханы эти создали себе оплот близко к границе между Сигнахом и Дедоплис-цкаро на правом берегу Алазани; в созданной ими крепости Карагаджи Бежан-Хан (1677—1683) строит дворец в «персидском стиле»¹. Как отметил царевич Вахушти, именно с этого времени получают широкое среди феодальных кругов распространение персидские вкусы и нравы, — в еде, одежде, в поведении². Но рядом с этим происходит и некоторое заселение разоренных мест пришлым (частью из Картли) населением. Страна естественным порядком несколько подымается.

В дальнейшем царем Кахетии допущен, правда, правоверный мусульманин, но царевич, сын Ираклия I Давид — Имам-Кули-Хан (1703—1722). Он переносит столицу из Карагаджи, причем имеет две зимние резиденции — в Телави и в Манави (в Гаре-Кахетии) и одну летнюю в Магаро близ Сигнахи³. Его основная деятельность сосредоточена на охране населения во время набегов лезгин, ради чего возводятся крепости в целом ряде пунктов, как в Телави, Алаверди, Лалис-кури, Шильда, Кварели, Гавази, Веджини, Сагареджо, Хашми и др.⁴, т. е. как за Алазанию, так во Внутренней, а равно и во Внешней Кахетии.

В политическом отношении во второй четверти XVIII века царю Кахетии Теймуразу II (1731—1744—1762) удается завоевать доверие Надир-Шаха (1728—1747) и таким образом обеспечить в значительной мере тот рост населения и его продуктивной работы, которые могли бы обеспечивать культурное развитие. Одновременно с ним возвышается уже в 1733 году его сын, будущий царь Ираклий II (1744—1798), прославивший себя победой и разгромом лезгинских отрядов, грабивших страну. С 1744 года Теймураз становится ца-

рем Картли, а в Кахетии воцаряется его сын Ираклий, который по смерти отца объединяет в 1762 году оба престола. Это содействует усилению страны и новому подъему сознания культурного и национального единства грузин. Теймураз усиленно поддерживает дипломатические сношения с Россией, так же как затем Ираклий возлагает все надежды на помощь со стороны Екатерины II, с которой заключает в 1783 году трактат, по которому вступает под покровительство России и тем окончательно порывает с Ираном и Турцией. В этом сказались перемена и всей культурной ориентации Грузии, которая намечалась еще в XVII веке, но только с начала XVIII получила ясное выражение. Грузия вновь ищет контакта с Европой — и с Западной через Рим и через миссионеров папского престола, и с Восточной, с Россией, с Петра I стремящейся к установлению действительных связей с Кавказом.

Период Теймураза II и Ираклия II, охватывающий две трети XVIII века, отмечен последовательной и планомерной деятельностью их прежде всего на предмет военного усиления страны и обеспечения населения от вторжения внешних врагов, что обеспечило подъем экономического благосостояния населения; затем отмечен заботой о внешнем порядке, государственном устройстве и строительстве, наконец, заботой о подъеме культуры, науки и искусства. Во всех областях это время отмечено значительным, живым творчеством населения Кахетии.

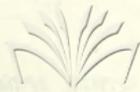
Однако, в решительный момент войны шаха Ага-Магомет-Хана в 1795 году русских войск также не оказалось в Грузии, как и при Петре I, и объединенное царство карталино-кахетинское было предано огню и мечу завоевателей; из страны было уведено большое число пленных. После этого императорская Россия форсировала события происходившего сближения Грузии и России и присоединила манифестом 1801 года Грузию к России. Таким образом, накануне соединения с Россией, Грузия, после сравнительного улучшения на всем протяжении XVIII века своего культурного и экономического состояния, была в конце века снова доведена разорением и опустошением до

¹ ამან ჰქმნა სასახლე სპარსთა რიგისა ყარაღაჯს და უბრძანა კახთაცა მუნ სახლთა გეზანი, ხოლო ეამთა ამათ მოშენებულ იყო კახეთი და მთავრობდნენ მთავარნი და არა ნებისაებრ მისისა მსახურებდენ ხანსა (ქართლის ცხოვრება, ტ. II, 1854, გვ. 128).

² გარნა ეამთა ხანებთათა შემობდა უმეტეს პირველისა

ქცევა და ზნენი ყიზილბაშთა და დაუტყვებდნენ ქართულთა, იწყეს კეკლუცობა, განცხრობა, მათებრ სმა-ჭამა, სიბილწე, ტყვის-ყიდვა, მრუშობა, ვიდრე სოლომიადმდე (ქართლის ცხოვრება, ტ. II, გვ. 131).

³ От двух последних дворцов ничего не осталось.
⁴ Вахушти, II, 136 (по-груз.).

состояния падения. Достигнутая, наконец-то, возможность ориентации на Европу пришла в момент истощения сил, и должно было пройти

много десятилетий, прежде чем началось пенино подъем.

7. ХРОНОЛОГИЧЕСКОЕ РАЗГРУППИРОВАНИЕ ПАМЯТНИКОВ

Монументальное зодчество Кахетии располагало с древнейшего времени материалом очень низкого качества в смысле декоративных его достоинств. Это были речные глыбы, полевой булыжник. И поэтому ни достигать, ни даже искать каких-либо декоративных эффектов зодчие художники Кахетии не могли. Их творческое усилие, их творческие искания сосредоточиваются на чисто архитектурных заданиях.

Качества строительного материала вместе с тем лишали инициаторов, заказчиков построек возможности увековечить посредством надписи свое имя и время построения. Таким образом, этот только в сравнительно позднее время установившийся на христианском Востоке обычай не мог получить в Кахетии вовсе осуществления. Нам известен факт существования надписей, при этом чрезвычайно коротких в несколько слов, только на нескольких памятниках — Алавердском соборе, Хирсском монастыре, Акурском Давиде, Агдгома близ Гречи, Ахатели. Вся же остальная масса построек Кахетии надписей не знает, а вместе с тем для построек ранее XV—XVI веков, т. е. ранее новой Кахетии, мы не имеем никаких письменных данных по истории их, времени построения, перделок и т. д. Эта трудная, сложная и ответственная задача, следовательно, всецело ложится на художественный анализ и сравнение.

Таким образом, прежде чем перейти к непосредственному ознакомлению с отдельными памятниками, мы должны установить те хронологические вехи, которые позволят нам весь материал распределить с уверенностью и убедительностью во времени. Мы будем исходить в данном случае от твердо датированных памятников новой эпохи Кахетинской истории и характеризующих постройки этого времени черт. Однако, понятно, что приводимые в настоящем предварительном обзоре данные не исчерпывают, конечно, всех характерных особенностей. Их обнаружит только дальнейшее детальное изучение отдельных памятников. При этом последующему исследователю нужно обратить внимание на возможные хронологические колебания (в узких пределах, впрочем), мелких до-

полнительных характеристик по отдельным районам Кахетии. Так, по-видимому, плоские перемычки из цельных шиферных плит раньше всего появляются за Алазанью (так в Сабуз и Некреси уже в VI веке). Быть может также и подковообразные арки (базилика в Некреси в отличие от Дзвели Шуамта). Перейдем теперь к намечанию вех.

Царицей Типатиной и царем Леоном (1520—1574 гг.) построены новый Шуамтинский монастырь и церковь Михаила Архангела в Гречи, равно Бахтало около Базара, а ц. Александра (1574—1605 гг.) в Шихиани, близ Гречи. Это высокие, очень вытянутые по пропорциям, стройные церкви обычного крестового плана из кирпича с чрезвычайно тонким куполом и очень острым конусом на нем. Арки стрельчатые; переход от квадрата к куполу образуют очень плоские, поздне-персидского образца паруса. Те же особенности характеризуют и башню с колокольней в Гречи и колокольню Ниноцминды, а также купол и починки Алавердского собора. Таковы, следовательно, постройки XVI века и последующих.

Совсем иного вида постройка Алавердского собора с его характерным планом триконха кавказского типа. План этот сближает Алавердский собор с постройками X—XI веков в Ошке, Кутаиси и других. Алавердский собор сложен из булыжника, но имел облицовку из желтоватого, очень выветрившегося травертина («ширими»), довольно большими плитами, что позволило дать некоторое украшение полуколонками, лизенами по восточному фасаду. Тоже встречаем в некоторых частях кафедрального собора Хирсского св. Стефана, наконец, в крепостной церкви Кветеры и на куполе Киссехвской церкви. Это средняя эпоха X—XII веков. Между нею и новой с XV—XVI в. мы находим естественное место для ряда памятников, каковы Пудзари, Саба-Цминда в Карданахи или Земо-Ходашенское Сачини, относимые к XIII и XIV вв. Показательным для нового периода является и тип колоколен, встречающийся также и в Картли.

Идя далее вверх, мы имеем вновь твердый

отправной пункт для датировки в одной из церквей Дзвели Шуамта, принадлежащей к группе церквей типа Джвари Мцхетского, постройки последнего десятилетия VI века.¹ Ее характерные черты опять резко разнятся от построек X и XVI веков. Постройка вся из булыжника, а вязы углов сделаны из поздреватого желтоватого ширими и положены попеременно то в одну, то в другую сторону длинным концом квадрата. Карниз ровным напуском один над другим в три ряда. Пяты простой формы слабого уклона выкружки, также из ширими. Переход от квадрата к подкупольному кругу на тропках полной конхой. Арки полуциркульные, а есть и подковообразная (декоративная). Таковы непосредственно данные этой церковью черты храмов VI—VII веков. В них заключаются также черты, позволяющие разместить в ближайшие следующие века и вплоть до X ряд храмов, непрерывной цепью идущих и цепляющихся отдельными звеньями столетие за столетие. Таковы прежде всего построенные в близкое к ней время другая купольная церковь Дзвели Шуамтинского же монастыря, Кисисхевская церковь Пресвятой и др. Затем к следующему начинающемуся расцвету в истории Кахетии в VII—VIII вв. — Уриатубанское Давитиани и церковь Свети-Цховели в Вачнадзиани. С последними мы попадаем в период яркого развития Кахетии и ее культуры с конца VIII и в начале IX вв., где встречаемся, как и в Алванской базилике, с употреблением для ответственных частей кирпича крупного калибра в булыжных постройках. Таковы купольные церкви в Гурджаани и Вачнадзиани, а равно базилические в Алвани и Акура.

В этой группе имеется еще одна церковь, которую я здесь особо называю по нижеследующим соображениям: она была мною обследована в начале июня 1922 года, когда давным-давно не только весь план данной публикации был уже разработан, как и самый материал ее, но когда уже были написаны шесть первых глав исследования. Это — базилика Зедазенского монастыря. Анализ этого памятника привел меня к выводу, что он построен во второй половине VIII века, сближаясь, с одной стороны, с Алванской базиликой Иоанна Крестителя, а с другой — с церковью Давида Гареджийского в Акура. Затем я обратился к пись-

менным данным о монастыре, оказавшимся довольно богатыми, которые не только вполне подтвердили мой вывод о времени построения ее, но еще предизировали его на вторую половину VIII века. Таким образом, здесь на одном — в архитектурном отношении рядовом — памятнике архитектуры Кахетии получилась неожиданно возможность проверить все мое хронологическое построение. Приведенная выше проверка вполне оправдала и укрепила его. Эти обстоятельства заставляют меня уже здесь особо подчеркнуть данный факт. Другим подобным же пробным камнем оказалась и базилика Давида Гареджийского около сел. Акура, получившая в связи с разысканиями в пустынях Гареджийских твердую дату 855 года.

Затем еще одну группу памятников можно выделить, как относящуюся ко времени на грани IX и X веков. Часть пользуется кирпичом и булыжником, как стройматериалом, полностью примыкая к памятникам VIII—IX веков, а другая — видимо — переходит полностью на один камень (булыжник и ширими). В числе этих памятников большая базилика Санагире в лесу выше сел. Уриатубани и большая купольная церковь со значительной росписью в лесу за селением Озаани — преимущественно пользуются кирпичом. Что же касается руин в Барцана, затем переделки в IX веке Хирской базилики и, наконец, главной церкви в монастыре у селения Икалто, то все они, видимо, обходятся без кирпича. К сожалению, состояние после разных ремонтов, в том числе оновательно заштукатуривших стены при русском церковном управлении, лишает возможности как проследить применение того или иного стройматериала, так и уточнить время их возведения.

Наконец, в Ниоцминдском кафедральном соборе мы имеем пока твердую древнейшую границу для датировок Кахетинских церквей, благодаря сравнению ее с малой и с большой церквами Джвари Мцхетского. Граница эта — середина VI века — общая с малой церковью Джвари Мцхетского. Насколько позволительно переступать эту границу в отношении других храмов, выяснилось только много позже для меня. Но несомненно, что помимо Ниоцминда имеются в Кахетии церкви более раннего времени нежели Дзвели Шуамта. Таковы купольный храм в Дзвели Гавази, развалины

¹ Г. Н. Чубинашвили. Памятники типа Джвари, Тб. 1948 (издание АН ГССР). В этой монографии разбирается как церковь этого типа в Дзвели Шуамта,

так равно вторая купольная церковь того же монастыря, а также установлена связь и значение Ниоцминдского кафедрала для развития всего типа.

Карданахского Саба-Цминда, наконец, древнейшая базилика Некресского монастыря и др. Данные для того, чтобы с достаточной убедительностью отодвигать время их построения или хотя бы некоторых из них дальше середины VI века, я получил, как сказано, только много позже, именно при первом опыте связ-

ного изложения истории грузинского искусства¹.

Не задерживая далее специального детального исследования отдельных памятников полным перечнем отдельных зданий в хронологическом порядке, перейдем прежде всего, как было отмечено, к рассмотрению базилик Кахети.

¹ История грузинского искусства. Том 1, Т. 1936. (на груз. языке). (В 1926 году была издана часть этого тома под заглавием «Несколько глав из исто-

рии грузинского искусства», куда вошли перечисленные памятники).

ГЛАВА II

БАЗИЛИКИ КАХЕТИИ

Приступая к базиликам Кахетии, необходимо специально оговориться, что рассмотрение этого вопроса не предполагаю распространить на базилики всей Грузии сравнительно с другими христианскими базиликами. Здесь остаюсь в пределах специально зодчества Кахетии и только для общей ориентации отмечу, что базиличный план претерпел в Грузии существенную трансформацию, а именно: из длинного здания с многочисленными внутри парами колонн он стал здесь совсем коротким с двумя, иногда даже одной парой столбов. А между тем одна из древнейших сохранившихся базилик Грузии, находящаяся в южной части Картли, так называемый Болнисский Сион, датированный 478—493 гг. или Урбнисская базилика в центре Картли, являются длинными зданиями о пяти парах столбов. Таковы же и древнейшие базилики Армении, как Ереруйская или Апаранская (V—VI вв.).

Принимая во внимание эти данные, на первый взгляд может показаться рискованным ут-

верждать, что базилики Кахетии восходят ко времени до VI века. Но результаты сравнительного анализа базилик Грузии как раз убеждают нас в том, что в Кахетии период сравнительно длинных базилик, примыкающих к вышеназванным, не является древнейшим. Ему предшествуют несколько сохранившихся памятников, которые не знают действительно базилических форм, а только имеют некоторое к ним приближение. Благодаря этому мы получаем возможность отнести некоторые памятники к более раннему времени.

Продолжительность построения храмов базилического типа в Кахетии также длительна, как и в остальной Грузии. Еще в X веке и, видимо, даже в XI, имеются выведенные заново базилики. Таким образом, диапазон времени применения этой архитектурной формы здесь очень большой, хотя сама форма не является архитектурно ведущей, а только вначале поддерживается конфессионально церковью.

• 1. РАЗВАЛИНА БАЗИЛИКИ В НЕКРЕССКОМ МОНАСТЫРЕ ✓

Некресский монастырь, расположенный на склоне горы, километрах в 6—9 от сел. Шильда, состоит из древних сохранившихся храмов

(трехцерковной базилики и совсем нетронутой купольной церкви), одной сильно искаженной и разрушенной древнейшей церкви базилично-

го типа и ряда других часовен и построек¹. Примерный план монастыря (без промеров) может дать понятие о расположении и составе сохранившихся зданий. По-видимому, кроме основных ворот почти против купольной церкви (на наброске генплана № 15) были и другие, расположенные выше, восточнее трехцерковной базилики. Кроме того, быть может, и с северной стороны были подходы-дороги в монастырь². Рядом с большим помещением епископских покоев (№ 4) находится так называемый марани (погреб для хранения в земле кувшинов с вином — № 5), около которого построена уже в последние столетия существовавшая монастыря (вероятнее всего не ранее XVI века, если учесть параллели в Гареджийских монастырях) высокая четырехэтажная башня, которая была поставлена прямо над задней стеной марани (№ 2); балки междуэтажных перекрытий, ныне все провалились. Кроме этого закрытого марани, северо-восточнее трехцерковной базилики (№ 1) находится второй большой участок уже под открытым небом с зарытыми в земле кувшинами (я насчитал их 16, частью очень крупных размеров), а перед ними устроена сложенная из камня большая давильня (для вина — № 10). Другие часовни (№№ 8, 13) и службы (№№ 11, 12) производят впечатление поздних (только примыкающие к марани есть развалины более древние—№№ 6, 7). Остановимся только на рассмотрении древнейшей постройки монастыря, именно его базилики.

Древнейшая изначальная церковь монастыря расположена прямо на запад от большой церкви с росписью, в расстоянии шагов 10—12 от нее: это развалины совершенно миниатюрной базилики в три нефа, но без внутренних столбов. Позднее она была, видимо, обращена в жилое помещение и, конечно, подверглась тогда переделкам³.

Вся базилика сложена из рваных камней

и построена над обрывом так, что сделана невысокая субструкция (см. реставрацию, продольный разрез и табл. 3-б). Несомненно, что это сделано нарочито, чтобы создать под церковью склеп. Но, к сожалению, никаких внешних признаков входа в него я установить не смог; однако это мое предположение, сделанное уже при первом изучении памятника, подтвердилось во второе посещение сообщением жителей ближайшего к монастырю селения Шильда: через пролом пола были обнаружены ими в глубине погребения⁴.

От всей базилики сохранился средний неф до пяти свода, и северный; от южного же ничего не сохранилось, кроме обрывков стен, показывающих, что он несомненно существовал, и позволивших определить общее направление стен (планы и табл. 1).

По плану своему эта базилика представляет ряд исключительных особенностей. Прежде всего она миниатюрна и не имеет внутренних свободно стоящих столбов. Затем она имела входы с востока в боковые нефы. Абсида алтарная подковообразна в плане.

Средний неф базилики, несмотря на то, что он чрезвычайно узок и короток, очень высок, вытянут — производит впечатление башни, а подковообразная абсида как бы трубы (разрезы и табл. 4-б). Перекрытия среднего нефа не сохранилось, не сохранилась также и конха абсиды. Но пяты обоих имеются, как установлено обследованием с крыши. Таким образом, высота церкви устанавливается точно. Древнего перекрытия уже очень давно не стало и оно было, по-видимому, позднее заменено новым, теперь также не существующим.

Средний неф открывался в боковые широкие, почти во всю длину нефа пролетами, не высокими, с подковообразной аркой (табл. 1-б — такой, заложенный позднее, южный пролет). В южной стене высоко над этой аркой

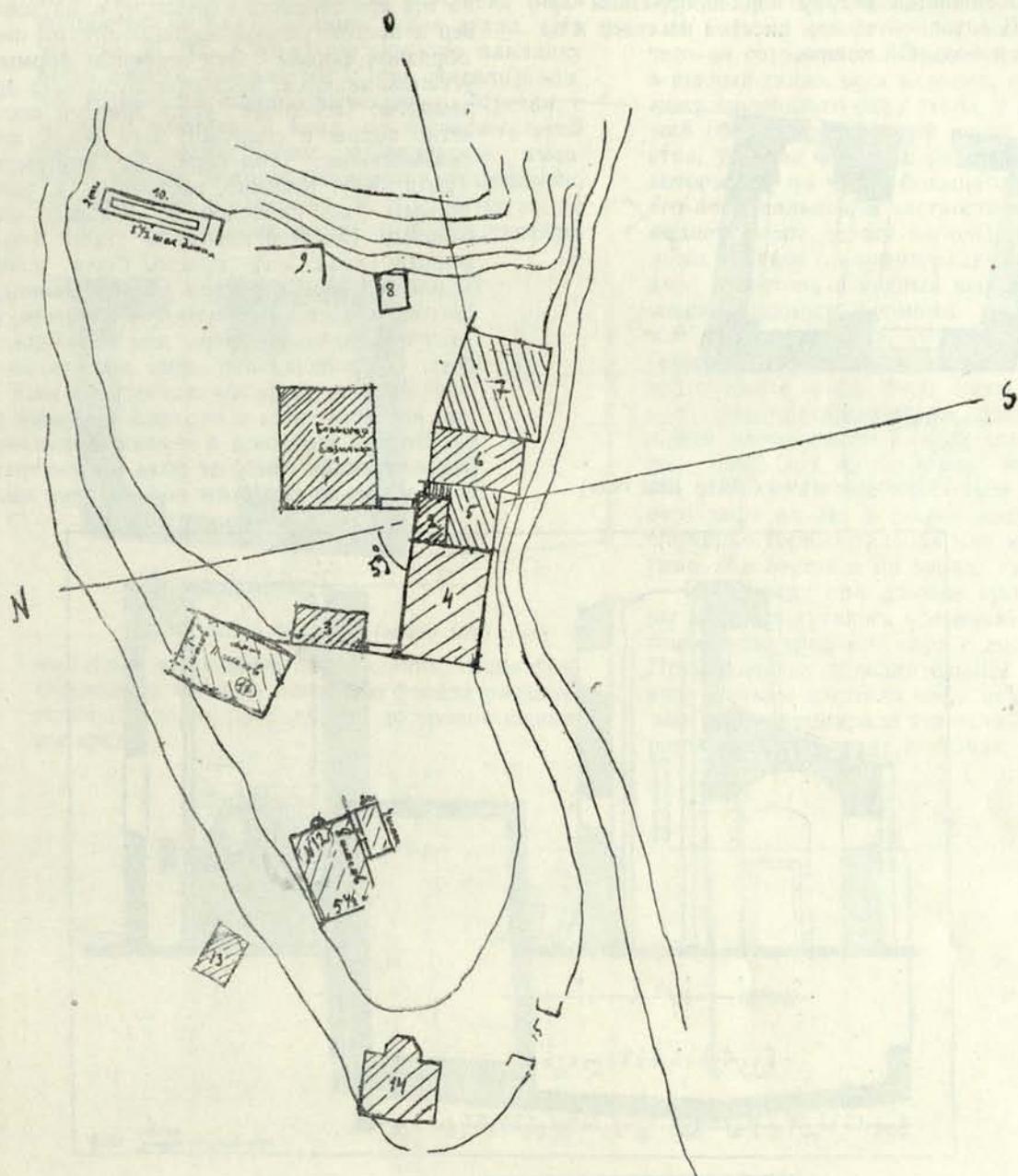
рогу к воротам против купольной церкви, что позволяет подыматься до монастыря на автомашине.

³ В иллюстрациях прежде всего даны чертежи по обмеру Н. П. Северова, проведенному в 1922 году и выполненная им же реставрация наружного вида. А затем расширенный и сопровождавшийся значительной расчисткой памятника обмер В. Г. Цинцадзе, исполненный для Отдела охраны памятников культуры в 1949 году.

⁴ Детальный обмер 1949 г., проведенный В. Цинцадзе, показывает наличие склепа под северным нефом, перекрытого сводом и имеющего большую площадь, чем площадь нефа. Склеп выходит за абрис нефа на восток и на север, т. е. стены северного нефа церкви покоятся на своде склепа.

¹ Монастырь обследован 24.VIII.1920 г. и 24—25.VIII.1922 года. При вторичном посещении арх. Н. П. Северовым исполнены обмеры главных зданий. Тогда же фотограф Тбилисского Государственного Университета худ. Т. Кюне сделал ряд фотографий. — Наконец, в связи с начатыми ремонтными работами Отдела охраны памятников культуры, я вновь был в Некреси 4.IX.1949 г. Новый детальный обмер после расчистки памятника от зарослей исполнен Вахт. Цинцадзе. Состояние памятника за 30 лет мало изменилось.

² Отдел охраны памятников культуры восстановил и расширил древнюю арубную от подножия горы до-

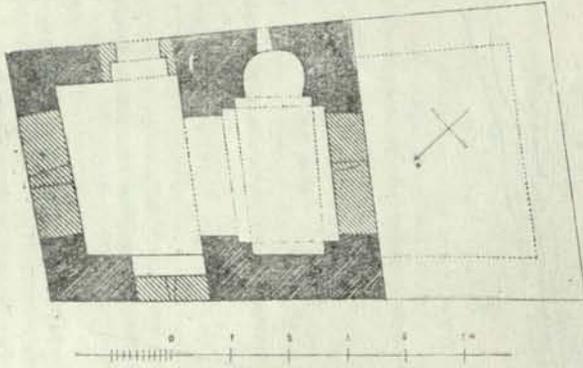
Генеральный план Некресского монастыря (схема)

1—большая трехцерковная базилика; 2—башня; 3—малая базилика; 4—зал дворца с колонной; 5—марани; 6—зал с аркой; 7—стены помещения; 8—малая часовня; 9—остатки стен здания; 10—давилия для вина; 11—жилой дом с камином и окнами на северо-запад; 12—зал с декоративной аркатурой стен и с боковой отдельной кельей; 13—малая поздняя часовня; 14—древний купольный храм; 15—ворота.

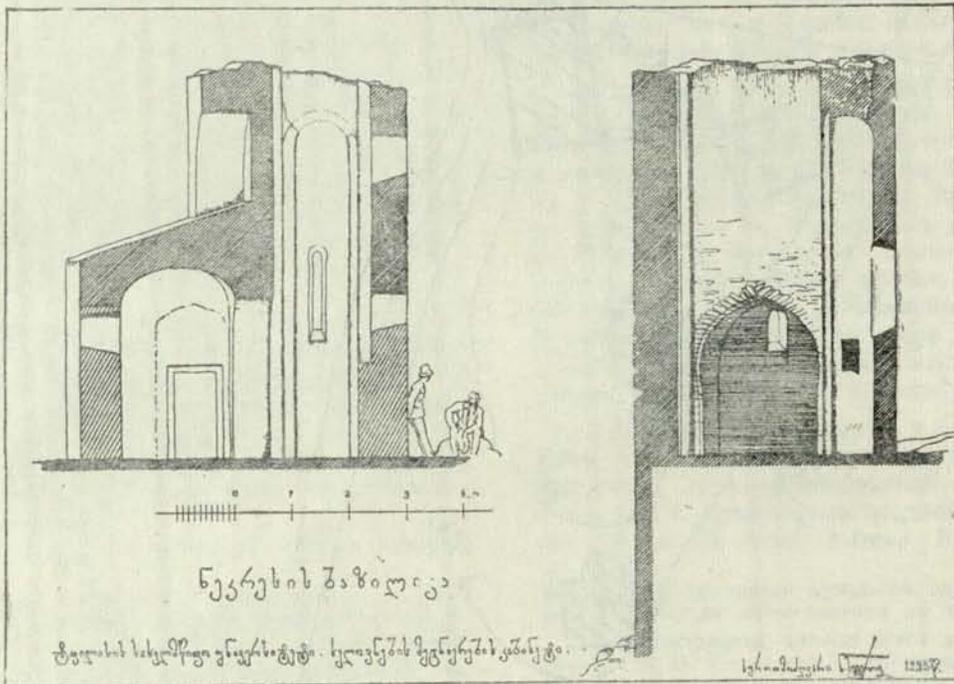

имеется окно с плоской перемычкой из шиферной плиты. Другое окно находится в алтарной абсиде, оно посажено также довольно высоко и заканчивается вверху подковообразной аркой¹. В алтарной абсиде имеется на север и на юг по небольшой нишке.

Северный неф приблизительно в полосину ниже среднего, он перекрыт коробовым сводом по длине нефа. Северный неф открывался на все три стороны наружу, т. е. на запад, север и восток, разной ширины арками подковообразной формы². Эти основные формы четко устанавливаются, несмотря на разные древние ремонты: северные углы древней постройки четко видны и снаружи, хотя внизу имеются смазывающие угол переходы внутри здания (табл. 3-а). Конечно, восточный и западный проемы уже проходов из боковых нефов в главный. Позднее западный (табл. 4-а) и северный (табл. 3-а) проемы были полностью заложены с оставлением только оконных проветров, а восточный сужен и понижен, но оставлена все-таки дверь для прохода (табл. 2-а). Первоначальная арка восточного входа очерчивается снаружи полностью, хотя северная его притолока и смазана во время ремонта. Внутри же стена в северной половине отремонтирована снизу от пола на две трети высоты и только над этим косая линия выделяет

План малой базилики (обмер 1922 года)

Поперечный и продольный разрезы (обмер 1922 года)

¹ См. поперечный разрез. Нижняя половина окна была позднее заложена.

² См. построенную Н. П. Северовым на основании обмера и исследования реставрацию храма (стр. 44).

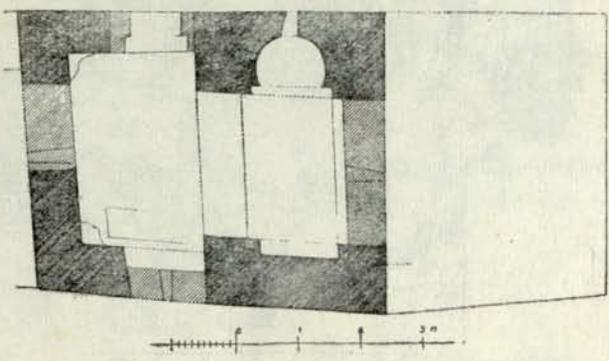

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ ՀԱՆՐԱՊԵՏՈՒԹՅԱՆ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

границу древней кладки¹. Абрис северного проема тоже не сохранился целиком нетронутым. Первоначальная ширина заложена была полностью не сразу, а лишь в два этапа. На чертеже Н. П. Северов показал закладку всего проема, так как мы с ним считали наличие в кладке хорошо выведенного отрезка, с которого начинается арка, не первоначальной частью, а последующим добавлением, имевшим целью воспрепятствовать разрушению (первый этап застройки). В. Г. Цинцадзе включил на чертеже плана этот дополнитель-

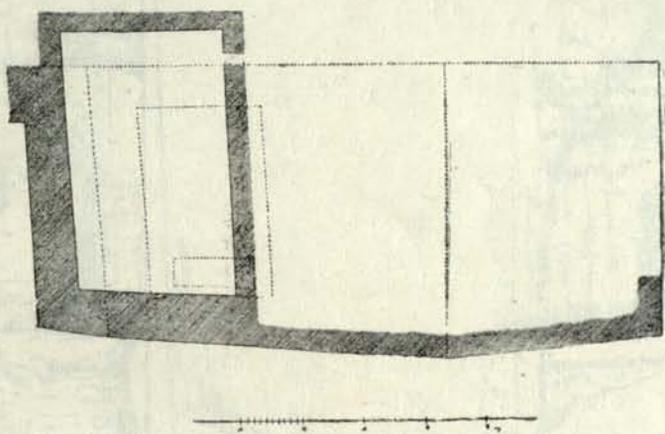
Симметрично южной притолоке двери северного стока в северный неф сохранилась также северная притолока восточного же входа в южный неф, от которого, как сказано, почти ничего не сохранилось. Пролет из среднего нефа в южный также весь заложен, с оставлением и здесь маленького окна (табл. 2 и 1-b). Последний обмер, проведенный после расчистки участка, уточнил формы и размеры южного нефа, который не на много больше северного. Форма его неправильная, в частности направление западной стены делает небольшой перелом, видимо, в связи с конфигурацией местности. Как вход с востока в южный неф устанавливается сохранившимися формами, так точно и входной проем с запада, симметричный проему в северный неф, виден и по фасаду и с внутренней стороны (табл. 4-a). Здесь на южной стороне фрагментированного здания видны обрывки примыкавшего свода этого южного нефа. Свод шел не по длине нефа, а поперек его, т. е. тут не получался скат от стены среднего нефа на юг, а скорее всего крыша была примерно горизонтальная или же с двумя скатами (на восток и на запад: табл. 2 и 3-b)³.

По фасаду при данных пропорциях ширины нефов получалось чрезвычайно узкое и высокое поле среднего нефа с востока и запада. Пристроенные дополнительные арки по боковым стенкам среднего нефа над крышею боковых нефов расширили эти поля. С северной стороны арка эта стоит и сейчас; шов кладки ее

План малой базилики (обмер 1949 года)

ный блок в основную часть здания, точно фиксировав на чертеже северного фасада разделительную линию, проходящую до уровня вершины арки².

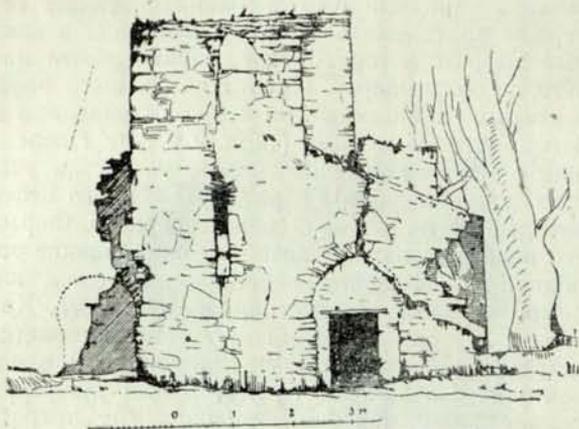
План крипты под базиликой

¹ Отмечены на поперечном разрезе. Ср. фото на табл. 2-а снаружи северо-восточного угла.

² Считаю нужным оговориться, что дополнительно-

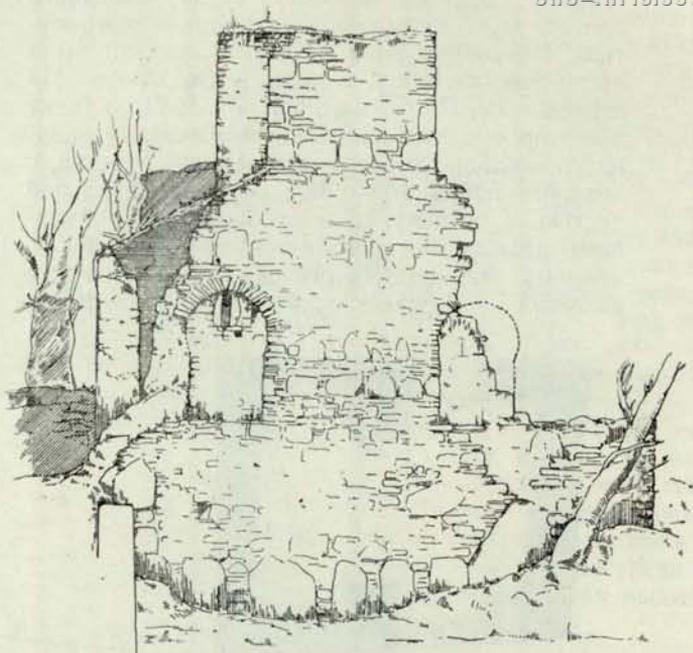
го обследования памятника после обмера его В. Г. Цинцадзе я не проводил.

³ Так что в реставрации, исполненной Н. П. Северовым, следует учесть это наблюдение.

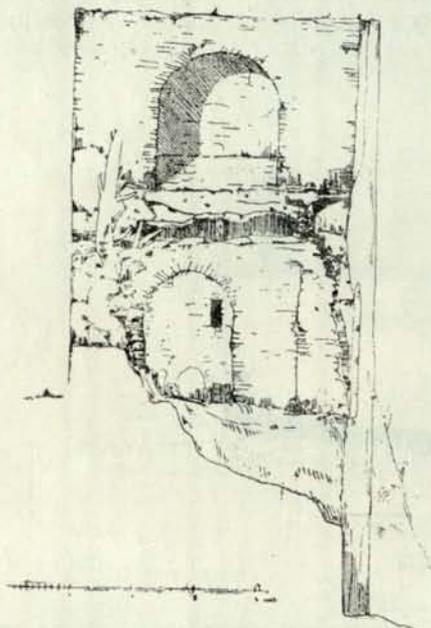

Восточный фасад

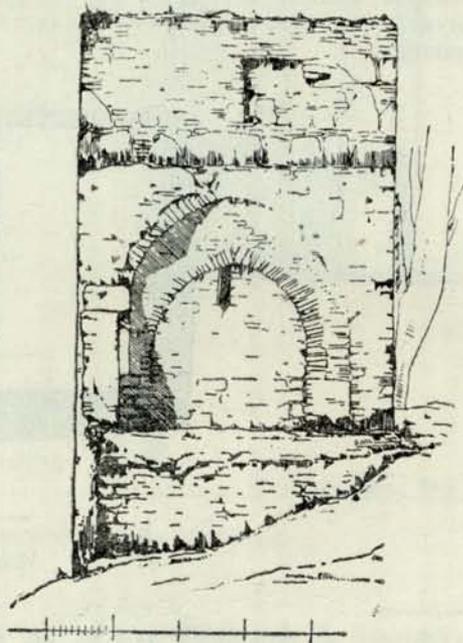
с востока и запада виден ясно (табл. 2-а и 4-а). С южной же стороны прослеживается, хотя и с трудом, наличие когда-то аналогично приложенной стены, между которыми выросло деревцо, оставившее следы на стене от зажатия. Арка, сохранившаяся над северным нефом, имеет подковообразную форму (табл. 3-а и реставрация). В кладке ее здесь ясно видно, что стенка с аркой сложена в один прием до горизонтали, равной линии ее вершины, а

Западный фасад

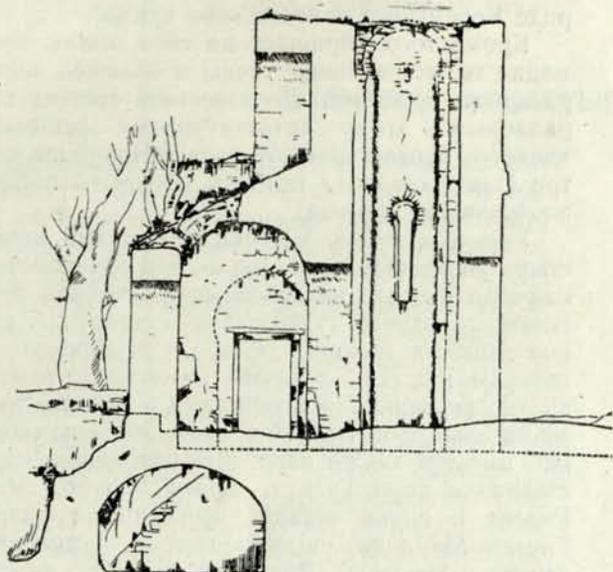
Северный фасад

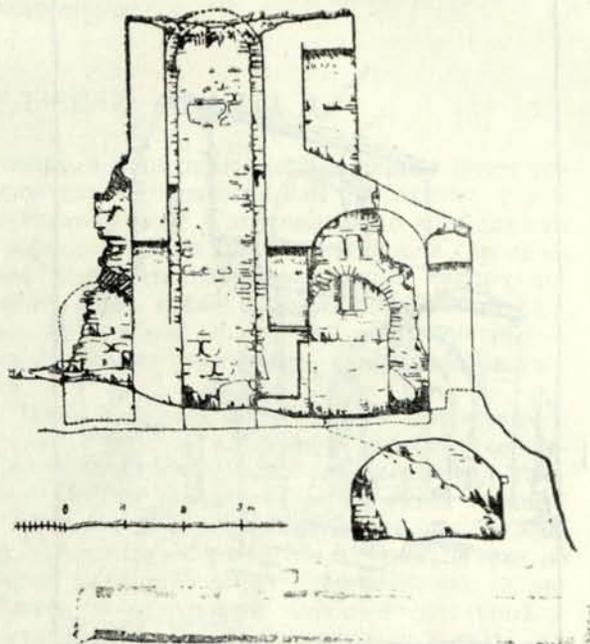
Вид с юга

затем в следующий прием сложена до верха (табл. 3-а). Такой метод строительства прослеживается и внутри храма.

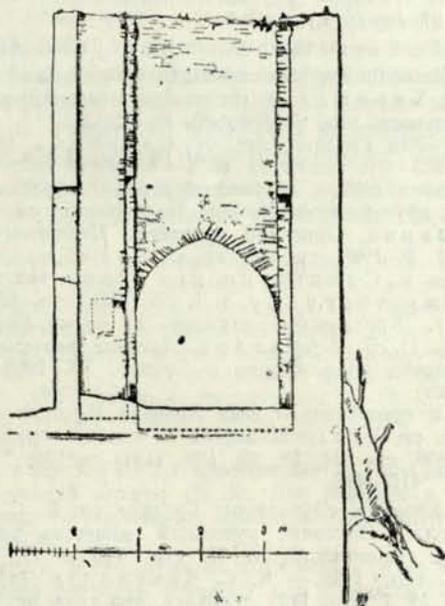
При ремонте разрушившихся сводов храма, от которого остались части над абсидой, вся кладка до северного угла была сложена заново.

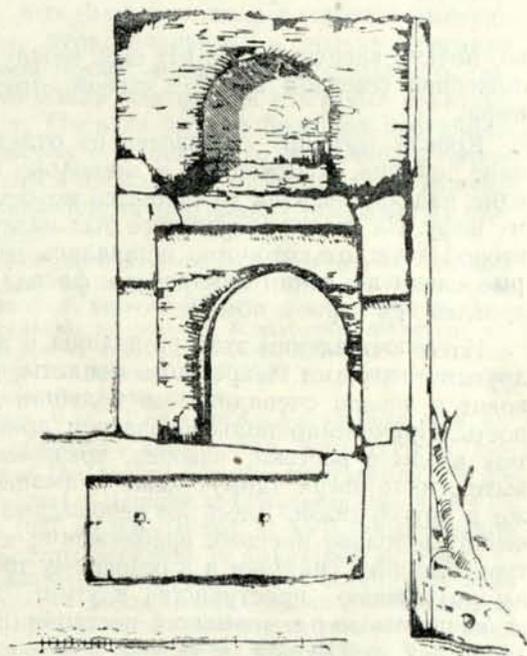
Поперечный разрез на восток

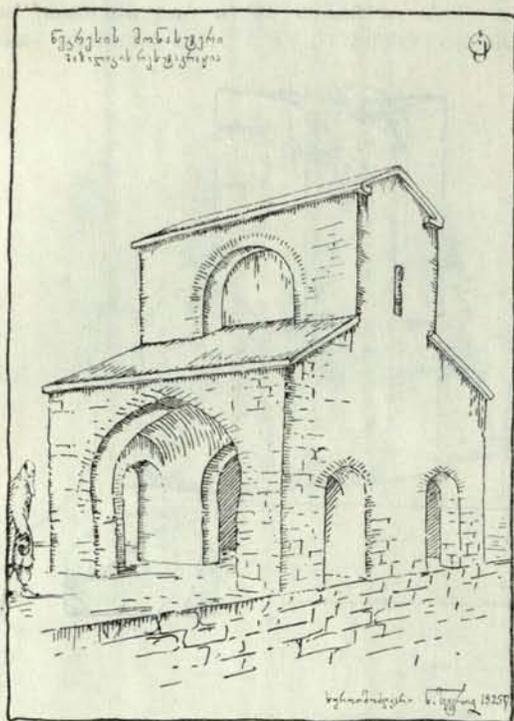
Поперечный разрез на запад

Продольный разрез по среднему нефу

Разрез по северному нефу

Восстановленный облик масс здания

во, почему сверху сейчас нет шва между приложенной северной аркой и стеной среднего нефа.

Кровля церкви составлена из отдельных плит шифера, положенных в несколько слоев одна над другой. Она сохранилась по северному нефу. На крыше его позднее был надстроен второй этаж, от которого оставались некоторые следы по линии восточного фасада над кровлей при первом обмере.

Из сопоставления этой развалины с двумя другими церквями Некресского монастыря становится вполне очевидным ее большая древность. Применение подковообразной арки, затем входы с востока, наконец, необычайная вытянутость вверх займут наше внимание ниже в другой связи. Здесь же необходимо подчеркнуть только внешнее приближение к контуру базилики снаружи и к основному тройному разделению пространства внутри; далее незначительные размеры всей постройки и наличие под этой церковью склепа. Это — наиболее древний прием. Мы найдем повторение того же в теперешнем приделе св. Нины, просве-

тительницы Грузии христианством, в Бодбийском монастыре (т. е. в первоначальном мемориальном храме над местом ее погребения), а также, например, в купольном квадрате в ограде Черемского епископского храма¹.

Кроме того, обращает на себя особое внимание то, что внешние стены в большей части раскрыты проемами. До известной степени параллелью к этому архитектурному решению является баптистерий 359 года в Низибине, где три стены квадрата целиком раскрыты подковообразными арками².

Уже в половине VI века Некресский монастырь упоминается в истории, как епископская кафедра и центр активной миссионерской деятельности одного из тринадцати сирийских отцов Абибоса (Авива)³. Сам город Некреси, о котором мы сейчас ничего не знаем, неоднократно упоминается историками и раньше, как значительный центр⁴. И в числе этих упоминаемых имеется также одно, при изложении царствования царя Трдата, брата Бакура, сына Ревова и внука первого христианского царя Грузии Мириана, упоминающее о построении церкви в Некреси⁵. Для хронологии его важно

¹ См. об этом здании ниже, гл. IV, а также в моей работе «История грузинского искусства», т. I, Тб., 1936, стр. 27 (по-груз.).

² Fr. Sarre und Ernst Herzfeld, *Archäologische Reise im Euphrat und Tigris-Gebiet*, Band II, Berlin 1920; Херцфельд специально подчеркивает исключительность этой особенности на стр. 311.

³ «Рай Грузии», изд. М. Сабинина, СПб. 1882, стр. 213—216 (по-груз.), М. Сабинин, Полное жизнеописание святых грузинской церкви (пересказ по-русски); другой вариант жития (в обрывках) см. М. Джанашивили, Описание рукописей Церковного Музея, т. III, Т. 1908, стр. 25—28. С. Какабадзе, Приложение к Саисторно кребули — Историческому сборнику, т. I, Тб. 1928, стр. 42—46 (по-груз.). Критическое издание с исследованием дал проф. И. В. Абуладзе, Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии, Тб. 1955 (по-грузински).

⁴ У историков XI века Леонтия Мровели и Джуаншера, см. Карглис-Иховреба по списку царицы Марии, Т. 1906, стр. 24, 28, 49, 180, (197) = *136, *142, *181, *392, *415—416.

⁵ Хроника «Обращения Грузии» см. Е. С. Такайшвили, Описание рукописей общества распространения грамотности, т. II, стр. 720 и Л. Мровели, *292, стр. 115. — К. С. Кекелидзе («Мнатоби», 1929, № 7, стр. 142) отмечает, что хотя по Мокцевай Карглисай Трдат означен братом Бакара (стр. 720), а Леонтий Мровели именует его Мирдатом (стр. 42, что явная ошибка; на стр. 115 — Трдат), но он был сыном Бакар-Бакура, сына Мириана и царствовал в третьей четверти IV века.

синхроническое указание, что при Трдате католикосом («мтавар-епископоси») стал Иов, диакон армянского католикоса Нерсеса I Парфянина (353—373), т. е. третья четверть IV века.

Подтверждение такой ранней датировки ее оправдания и обоснования полностью выявляются в общем обзоре эволюции грузинской архитектуры¹.

2. БАЗИЛИКА МОНАСТЫРЯ ДЗВЕЛИ ШУАМТА ✓

Монастырь Дзвели Шуамта состоит из трех церквей, нескольких часовен и развалин жилых помещений². Он расположен на горном выступе, в лесу, километрах в 3-х от монастыря Ахали Шуамта (генер. план и табл. 4, 5)³.

Базилика монастыря построена раньше остальных церквей и, в частности, раньше купольной церкви типа Джвари. Она и стоит в отношении подхода перед последней, на близком от нее расстоянии. Как и Некресская, базилика Дзвели Шуамта также небольших размеров, но, конечно, все-таки значительно больше ее. У этой базилики стены среднего нефа опираются на столбы, которых в нашем случае только одна пара (см. план). Характерной особенностью ее является то, что южный и северный нефы базилики соединены еще подобным им западным нефом общей высоты (см. разрезы и изометрию).

Сложена базилика из булыжника рядами. Все углы, вязы, арки, пилястры сделаны из ровных квадров желтоватого, сильно поздраватого ширими, положенных попеременно то в одну, то в другую сторону более длинным концом квадра (табл. 7-а и 8). Для карниза применен тот же ширими, причем форма его представляет профиль в три ровных уступа, один над другим (см. разрезы и табл. 8-а). На во-

сточном и западном фасадах карниз имеет горизонтальные завороты как на боковых, так и на главном нефе. Сохранилась по всем данным и первоначальная кровля, состоящая сперва из слоя зацементированных черепиц, поверх которого были вновь положены черепицы плоские из красной глины, по швам прикрытые полукруглыми черепицами с заливкой раствором.

План базилики подчеркивает две части — средний неф, т. е. собственно церковь с алтарной абсидой, и затем три боковых нефа с прямоугольными концами, как бы обход церкви.

Средний неф, возвышающийся над боковыми, обходящими его с трех сторон, имеет на восток алтарную абсиду, повышенную на две ступени и отделенную позднее сделанной и поставленной, несколько выступая в храм, алтарной преградой из алебаstra в три пролета и одной средней дверью (табл. 9 и 10)⁴. Возможно, что сама площадка алтарного выступа древняя, первоначальная, и только преграда возведена позже: иначе для чего были бы сделаны по бокам платформы выступы? В алтаре ниш нет. Посреди алтаря большой неподвижный престол с нишей в его восточной стороне (см. план и продольный разрез)⁵. Свод коробовый опирается на три арки, сложенные из ши-

ков в сделал по поручению Отдела обмер фасадов всех трех зданий, и затем выполнил вновь, используя обмер 1920 года, чертежи Шуамта. Однако, они несколько причудливы по замыслу исполнения, почему от использования их я воздерживаюсь. Последний раз я посетил Дзвели Шуамта 22.XI.1949 г., когда были сделаны дополнительные снимки.

⁴ Проф. Е. С. Такайшвили касается этой алтарной преграды в своей статье *Some Types of Iconostases of the Ancient Georgian churches* («Georgica», a Journal of Georgian and Caucasian studies, № 4—5 London, 1937, pp. 109—110 and. pl. XVI), считая ее одной из древнейших дошедших до наших дней в Грузии.

⁵ В последнее посещение 1949 г. престола не было больше. — Эта форма престола, видимо, отвечала очень древним установлениям. Вместе с тем наличие ее в Грузии примечательно своим совпадением с явлениями на Западе и расхождением с таковыми в Сирии. J. Lassus (*Les Sanctuaires chrétiens de Syrie*, Paris 1947, page 182) отмечает, что в Сирии не обнаружено никаких остатков массивных престолов, в которые бы, как на Западе полагали мощи.

¹ См. История грузинского искусства, I, стр. 25—27 (по-груз.). Чертежи обмера Н. П. Северова были в марте 1924 года выставлены на Выставке древнегрузинской архитектуры в помещении Музея Грузии и воспроизведены в двух статьях, посвященных выставке: Ш. Амиранашвили в журнале *Кавкасион*, 1924, № 3—4 (по-груз.) и Д. П. Гордеева в *Саисторио Моамбе*, 1924, № II (по-русски).

² Епископ Кирион отмечал лет 70 тому назад остатки каменной ограды (Е. К., Две святыни в Кахетии и приделы Мцхетского храма, Юбилейное издание, Т. 1901, стр. 3—4).

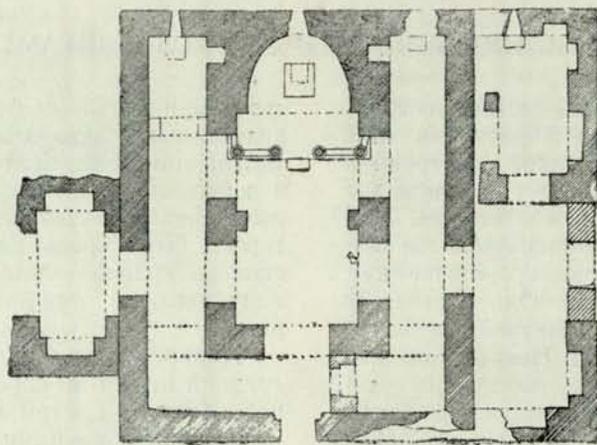
³ Монастырь посещен мною 28.IX.1919 г. и 25.VIII.1925 г. Обмер базилики исполнен для Кабинета Искусства Тбил. Университета арх. М. Г. Калашниковым в октябре 1920 г. Первый набор фото исполнен был Т. Кюне в 1913 г. для Груз. Общ. ист. и этнографии. (Одна наиболее ранняя фотография Роннашвили сохранилась в коллекции фот. Д. И. Ермакова — воспроизведена на табл. 5).

В 1939 году в связи с начатыми Отделом охраны реставрационными работами, арх. М. Г. Калашни-

рими; из них западная арка около стены, восточная арка около абсиды и только средняя перекинута со столба на столб (см. продоль-

могли давать только скудное освещение. Верх этих трех окон арочный.

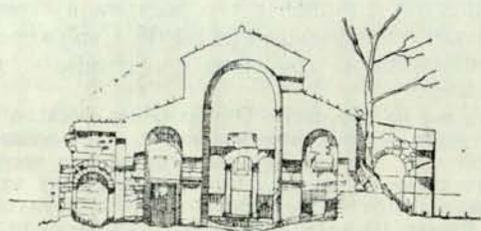
Боковые нефы — это длинные, узкие кор-

План базилики монастыря

ный разрез). Арки эти имеют импосты простейшей формы выкружки очень малого наклона. Свод среднего нефа базилики, арки и

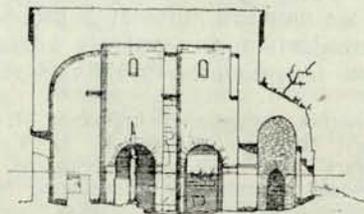
ридоры (табл 11-а, разрезы и изометрия). Южный и северный имеют на восток в прямых восточных стенках по окну, а около них в про-

Поперечный разрез.

обе пилястры сложены из пиленых плиток ширинами (табл. 9 и 10-а).

Света в базилике мало, ибо освещалась она больше всего тремя входами в боковые нефы; алтарное окно и два небольших окна, частью в своде на юг (табл. 9, 10-а и разрезы),

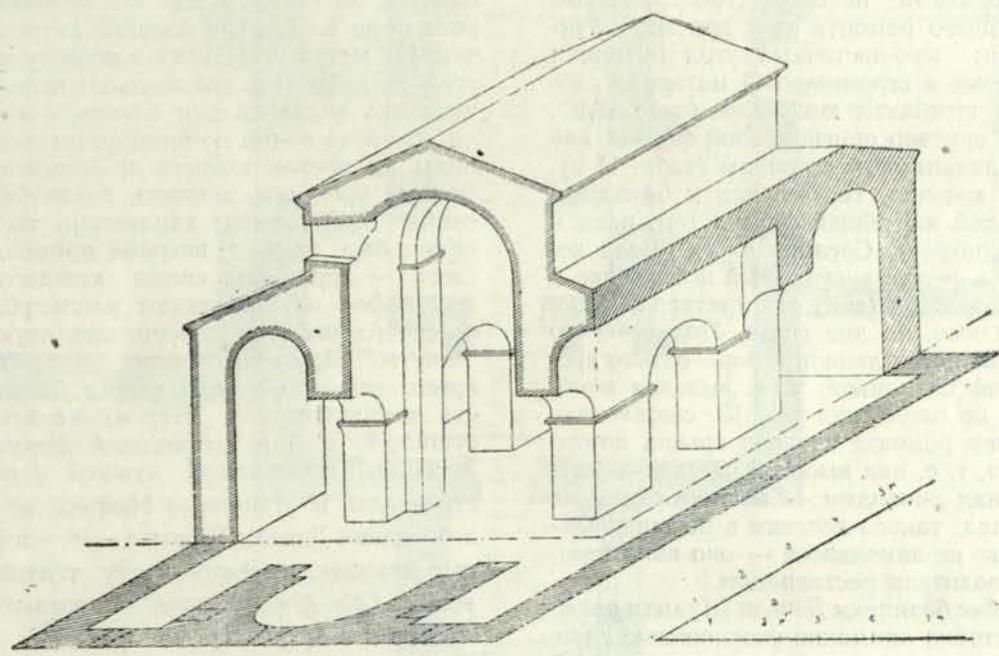
Продольный разрез базилики

дольной стене — по нише. Наружу ведут двери с арочным верхом изнутри (табл. 11-а) и вставленными снаружи большими горизонтальными каменными балками, подвергшимся сейчас чрезвычайному слоению. Так как балки эти не заполняют всего люнета, то над ними идет кладка стенки из булыжника. Таких входов по одному в каждый неф — с юга, с запада и с севера.

Перекрыты боковые нефы коробовыми сво-

дами по длине их. Своды тоже из пиленых плиток ширины (табл. 11-а). Только западный обход сложен из брусков булыжника при шельге из плиток ширины. При этом западный короб не пересекается с южным и северным распалубками, а доходит до самой южной и северной стены (план, изометрия и табл. 11-а).

стен неподвижные престолы. Затем кирпичной кладкой сделана стенка с дверью поперек западного нефа, южнее входной двери (ср. продольный разрез). При реставрации ее разобрали. Наконец, стенкой же был отделен квадрат в восточном углу северного нефа, отмеченный на плане и на разрезе.

Изометрия (разрез сводов)

Ниже пяты свода в южный и северный неф открывается арка во всю их ширину. Высота этой арки та же, что и высота арок из главного в боковые нефы (ибо и она держит свод бокового западного нефа), т. е. все пяты и вершины арочных пролетов расположены в церкви на общей высоте. В кладке сводов ясно видны шельги. Соединяющие главную церковь проходы по притолокам также выложены ширины.

Достоинно упоминания, как параллель для Некресской базилики, что в центре среднего нефа имеется в полу провал, повидимому, в отделанный склеп, как прорубывалось палкой. После последней реставрации пол выравнен.

Несомненно, позднее под восточными окнами южного и северного нефов построены у

С юга и севера базилика имеет притворы, если и не одновременные с самой постройкой ее, то по всем данным последовавшие частично вскоре после ее возведения. С юга, по длине южного нефа, т. е. захватывая и ширину западного, пристроен притвор, своды которого рухнули и лежат грудой внутри (табл. 5, 6, 7-а, 8, поперечный разрез)¹. Вход был в цен-

¹ План отражает только состояние разрушения, не выявляя форм: сужение входной арки сделано позднее.

тре с юга, против дверей в базилику. Эта часть была выше остальной и имела двускатную, на восток и запад, крышу, остальная же постройка имела, видимо, кровлю в один скат на юг¹. Своды притвора опирались на подпружные арки. Капители арок имели ту же форму, что и в самой базилике. Притвор был крыт черепицей. Притвор с юга был пристроен в прислон, на приложенных к стене церкви арках. Он на углу церкви рухнул и ясно видно, что никакой вязи между постройками не было (табл. 8-а). Во время последнего ремонта этот притвор начисто разобран; юго-восточный угол базилики выведен заново, а строительный материал сложен ровным штабелем южнее ее (табл. 7-б).

С севера притвор оригинальной формы, как бы с двумя ливанами по сторонам (табл. 11-б). Он сложен, конечно, так же как и базилика; и капители той же общей формы (см. план и поперечный разрез). Средняя часть имела коробовый свод, перпендикулярный к базилике и идущий по короткой (sic!) оси притвора. Кровля была, видимо, на два ската. Полагаю, что этот оригинального плана притвор — одного времени с самой базиликой, т. е. выведен непосредственно по окончании ее. К сожалению, при последнем ремонте сделали крыши портика с уступом, т. е. над высокой частью — двускатную, а над ливанами — пониже скаты на восток и запад; такого деления в первоначальной постройке не замечалось — оно явно творчество руководителя реставрации.

В постройке базилики Дзвели Шуамта прежде всего достойно внимания соотношение глав-

ного с боковыми нефами. Здесь, собственно, совершенно не достигнуто настоящее назначение боковых нефов служить расширению помещения церкви и вмещать раздельно стоявших мужчин и женщин. Зодчий сделал из боковых нефов, сливающихся со средним в обычных базилических постройках и едва отделенных от него колоннами или столбами, просто обход, коридор, чего он достиг не только тем, что соединил северный и южный нефы поперечным западным, но также и тем, что пролеты из главного нефа во все три боковые немного больше чем 1½ метра, т. е. имеют ширину почти простой двери. Сами эти боковые нефы, конечно, никакого значения для богослужения не имели, что ясно видно по прямоугольным завершениям на восток южного и северного. Современные престолы, конечно, позднейшее добавление. Чрезвычайно характерно то, что этот прием был, видимо, впервые применен именно здесь — коробовые своды каждого из боковых нефов не пересекают распалубкой свода соседнего нефа, и совершенно неуклюже замкнуты². Другими словами здесь, как и в Некреси, только внешняя форма базилики отчасти воспроизведена. Что же касается самой сущности этой архитектурной формы, то она осталась совершенно чуждой и незнакомой строителю. В отличие от Некресской базилики, в базилике Дзвели Шуамта, как и в ее купольных церквях, имеются всюду полуциркульные арки³. Обе формы арок повторяются параллельно и в других храмах Кахетии.

3. БАЗИЛИКА МОНАСТЫРЯ ЦХРА-КАРА БЛИЗ МАТАНИ ✓

О п и с а н и е. — Монастырь Цхра-Кара⁴ близ Матани, расположенный километрах в 3—4 на запад от селения в лощинке гор, состоит из нескольких церквей и других строений, заключенных в общей каменной ограде со входом с востока⁵. Главная церковь монастыря — это базилика, ближайше сходная с только что рассмотренной Шуамта, и подвергавшаяся еще

в древности починке. Вплотную с юга и с севера к ней пристроены однонефные церкви. С запада она имеет почти квадратный притвор. На запад же от главной церкви стоит небольшая тщательно отделанная церковь, вся облицованная тесаным камнем и с характерным каменным карнизом выкружкой зрелого средневекового уже времени. Она была расписана и в выпускной аркой. Немного меньше полуциркульной и с боковыми отворотами (табл. 7-а и 8-а).

⁴ В переводе: с девятью дверями.

⁵ Осмотрен 18.VIII.1920 г., 27.XII.1933 и 15.XI.1935 г., когда сделаны несколько фото, рисунков и обмеры предварительного характера, вычерченные в 1954 году, после частичных проверок Р. Мепишавили.

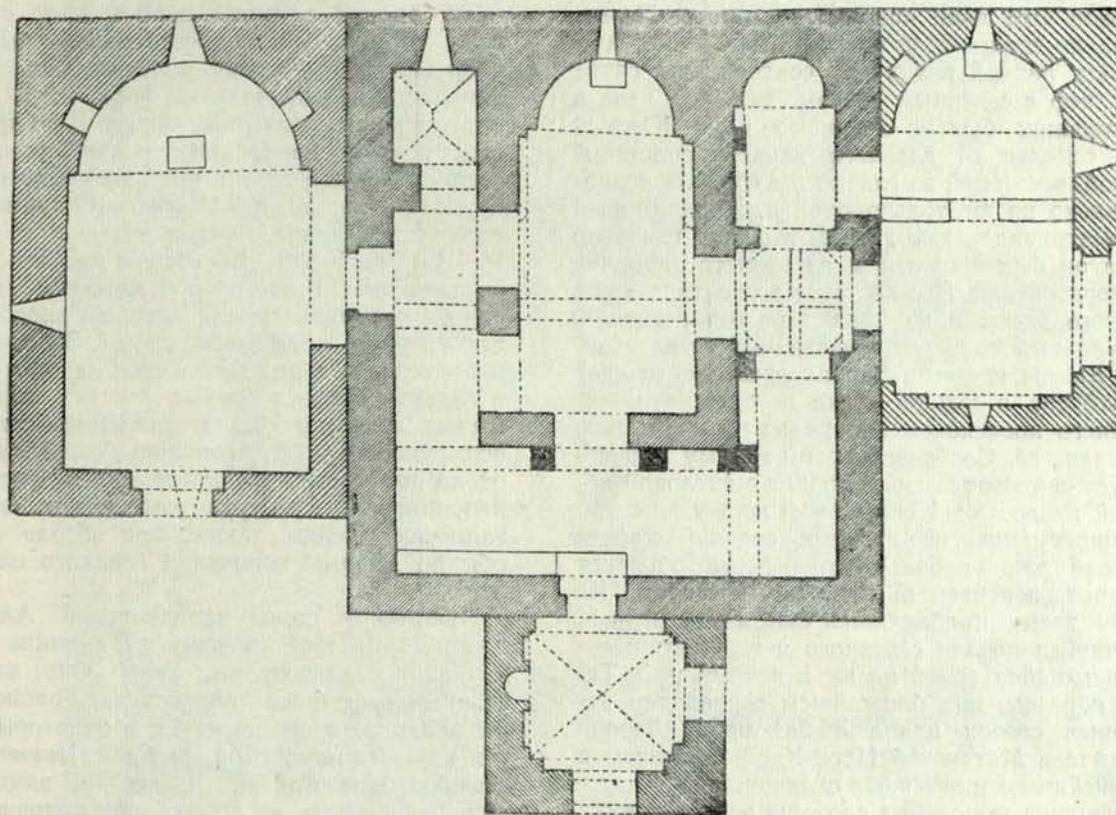
¹ Т. е. это та форма, которая в XI—XIII вв. не раз встречается при храмах в Грузии (Манглиси, Бетанна и др.).

² То же явление увидим еще в Матанской Цхра-Кара.

³ Алтарное окно отнено по фасаду небольшой

ней уцелела еще расписанная же алтарная преграда¹. На крышах северного нефа и пристроенной с севера церкви выведен киоск кирпичной колокольни обычного с XV—XVI вв. типа. Эта колокольня над кровлями двух ча-

назвать главную церковь монастыря купольной². Прочие здания монастыря — древние и более поздние — не дают материала для уяснения вопросов о главной постройке монастыря³.

План главного монастырского храма с пристройками

стей главной церкви, построенная скорее всего в XVII веке, послужила, вероятно, основанием для информатора царевича Вахуштия

¹ Имеются фото 1913 г., исполненные худ. Т. Кюне по поручению председателя Грузинского общества истории и этнографии, проф. Е. С. Такайшвили (см. табл. XI—XIII в его статье в журнале *Georgica*, № 4—5, Longon, 1937 и стр. 105—108); фото преграды («р. XIII») цитирует В. Н. Лазарев в *Византийском Временнике*, 4, М. 1951, стр. 128—129.

² Вахушти Багратиони. *География Грузии*,

План базилики чрезвычайно интересен в отношении незнания строителями начального периода особенностей базиличной формы,

груз. текст по изданию Н. Бердзенишвили и Т. Ломоури. Т. 1941, стр. 102; издание акад. М. Броссе с франц. переводом, СПб. 1842, стр. 320; русский перевод М. Г. Джанашивили, стр. 128: «западнее этого места [Марилиси] находится также монастырь, купольный, большой, пресвятой, называемый Цхра-Кара («Девяти ворот»), на дивном месте, ныне пустует».

³ Северо-восточнее базилики видна развалина небольшой однефной церкви. На юго-запад от западной

наблюдаемого в постройках Кахетии. Церковное пространство составляет здесь главный неф и северный (см. план). Кроме того, восточная часть северного нефа выделена, как необходимая для богослужения часть, как жертвенник, соединенный проходом с алтарем. Проход этот явно прорублен позднее. Первоначально его не было вовсе и были только два пролета равной величины, соединявшие главный неф с северным нефом, так что вход в жертвенник был из северного нефа. Южный неф отделен от главного начисто сплошной стеной, в которой из главного нефа был первоначально на юг только один проход, который рассматривался как дверь: изнутри главного нефа он был арочный, а из южного заполнен до горизонтали. Это явствует из контура арки, рваного здесь, и из кладки рядом, имеющей правильный полукруг, выведенный из нарезанных плиток ширины. Вторая арка (восточнее) прорублена в южной стене позднее; что она позднее происхождения, видно по очертанию и кладке ее. Сообразно этому южный неф образует самостоятельный придел с алтарной абсидой на восток. Южный неф поделен на три компартамента, из которых средний против древней арки входа в главный неф образует квадрат, перекрытый купольным сводом. Ко всему этому прибавляется еще длинный неф, тянущийся позади северного и главного и открывающийся аркой на юг в южный неф. Таким образом, при ближайшем совпадении некоторых сторон плана с базиликой Дзвели Шуамта в Матанской Цхра-Кара мы имеем и дальнейшие характерные отличия.

Базилика монастыря сложена из булыжника и небольших рваных камней. Последнее объясняется северным положением Матани, именно непосредственно на склонах Главного Кав-

казского хребта¹. Наружные углы, как и те, которые внутренние части (тронпы, импосты, арка южного входа), сделаны из желтоватого ширими.

Главный неф узкий, короткий, но в отличие от Дзвели Шуамта — более высокий. Освещен плохо — одно алтарное окно и одно окно на юг. Свод и части стен восстановлены были еще в древности и поэтому получились частичные изменения первоначальных форм. Главный неф восстановили следующим образом: по продольным стенам, начиная со средней их высоты, сделаны по две глухих арки на средней полукруглой колонне и на боковых прямоугольных устоях (табл. 13-а и рисунок с натуры Р. Ш м е р л и н г). Восточные из этих устоев создали при абсиде второй заплечик на месте одного первоначального, который проходил всю глубину современных двух². Западный же отрезок продольных стен и свод над ним устоял в главном нефе и сохранился без переделок глухих аркад, и как бы закреплен сплошной подпружной аркой, отграничивающей эту часть, от которой затем заполнен свод в восточном направлении. Аркатура выведена из ширины, заплечик абсиды также; при абсиде импост обычной формы полочки и гладкого скоса по ней.

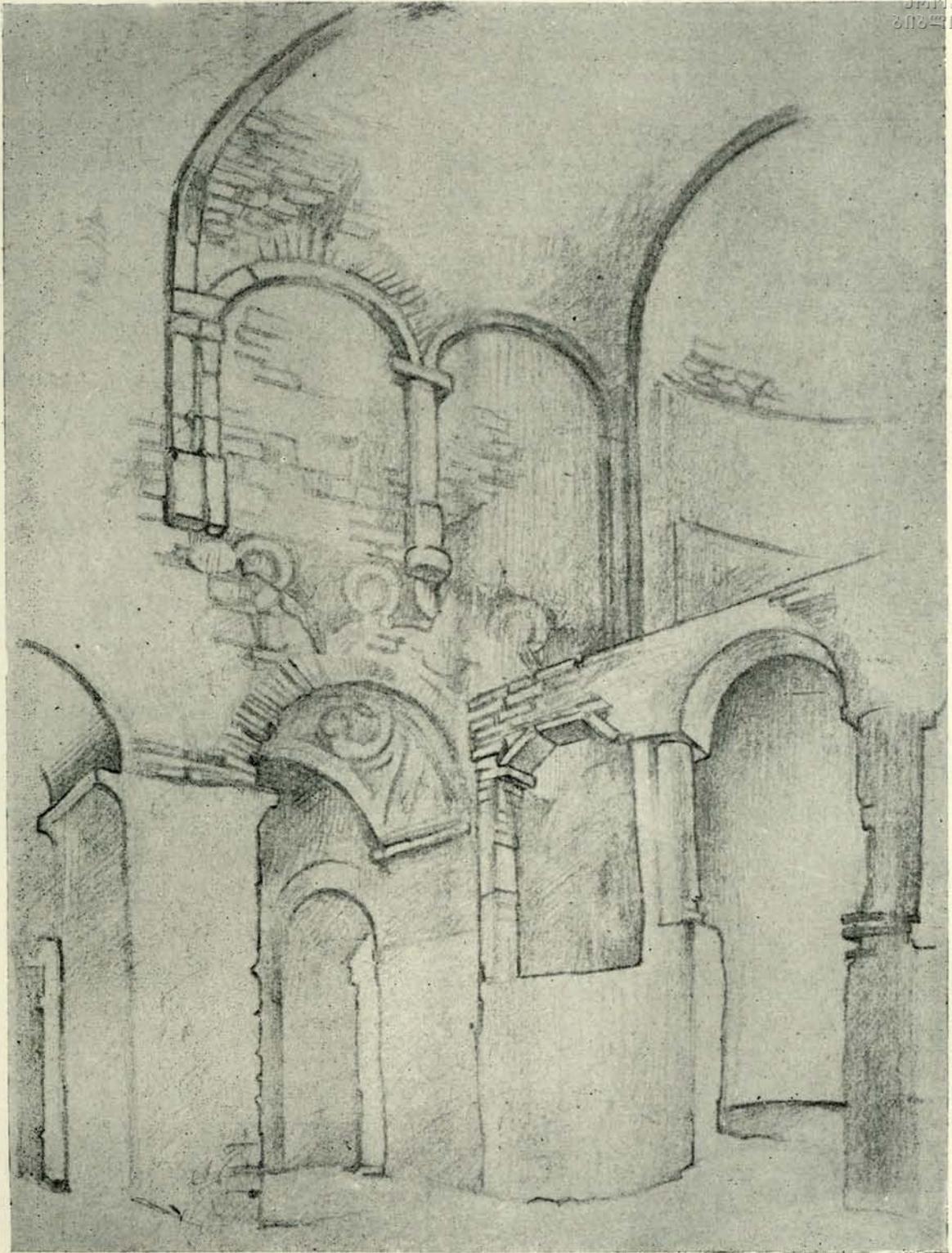
Престол у стены неподвижный. Алтарная преграда позднее сложена из кирпича, а колонки из водопроводных труб. Она, как весь главный неф, была расписана. Роспись того же позднего времени, как и в некоторых других церквях монастыря, как в ц. Иоанна Крестителя близ Алвани и др. На внутренней стенке преграды, на ее северной половине, находится большая фресковая надпись, поблекшая, в четыре строки асомтавури вязью и еще три буквы пятой строки посредине прочих строк¹.

правлении с востока на запад. Сейчас не видны (вероятно, завалились) куски двух аналогичных столбов внутри зала. Весь зал выведен из кирпича квадратной формы небольшого размера 22 — 24 × 5 см толщины; 2) перед средним нефом церкви опять здание с открытым на восток сплошной аркой наружным пролетом, оно состоит из одной комнаты со сводом, охватывавшим и алтарное окно базилики. Наружная арка выведена из тесаных плит, а обе стены, как видно, внутри помещения сложены из рваного камня (см. табл. 12). Эта пристройка, по-видимому, предшествовала росписи церкви, в то время как соседний, кирпичный зал выстроен после росписи, но все-таки оба в близкое к ней время.

¹ То же наблюдается и в церкви Натлис-Мцемели в сел. Сабузэ и в Некреси.

² Северный заплечик позднее уже срезан внизу до пола в том месте, где была прорублена дверь из жертвенника в алтарь, так как она доходит до самого угла абсиды.

тесаной церкви стоит небольшое почти квадратное в плане здание примерно 3,70 × 3,00 м., с одним входом в южной стене и завалившимся перекрытием. Здание поставлено немного под углом к странам света. Стены сохранились на высоту более, чем два человеческих роста; очевидно, имелся лишь верхний свет, т. е. это было помещение библиотеки. — К восточному фасаду главного храма пристроено несколько разных зданий, сохранившихся лишь в развалинах. А именно: 1) перед южным нефом базилики и пристроенной к ней южной церковью выведен кирпичный зал с открытой восточной стороной — в ней два восьмигранных грузных столба; затем по западной линии этого пристроенного зала, т. е. перед восточной стеной церкви, опять выделены два прямоугольных устоя. По боковым стенам выступают по три пилястры с началом свода — арки в форме сильной стрельчатости: видимо, с боковых стен были перекинуты на упомянутые столбы арки, т. е. они были очень небольших пролетов, по три арки с севера на юг и также по три, одна за другой в на-

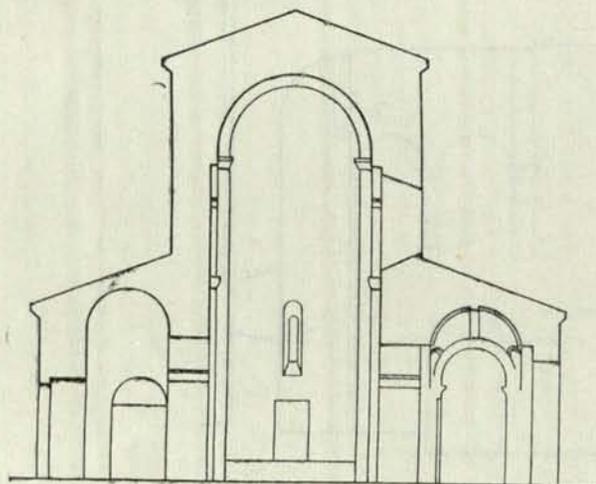

Матани. Интерьер главного храма монастыря Цхра Кара.

Рис. Ренэ Шмерлинг

дой из литых прямых граней к центру¹. На запад, в западный неф, открывается во всю ширину северного нефа арка, на высоте пят свода. Это известный нам уже по базилике Дзвели Шуамта прием. Под этой аркой однако сейчас срезаны пилястры (притолоки) в связи с оформлением западного обхода при реставрации (см. ниже). Насколько можно судить по остаткам в полу, пилястры были сантиметров 20 толщины. С севера имеется вход в северный неф. Этот вход без арки, прямоугольный с притолоками из ширины.

Южный же неф сильно чинен с существенными изменениями. Он разделен на три отрез-

Поперечный разрез

ка двумя поперечными арками, спускающимися ниже коробового свода, который опирается на пилястры, выведенные вплотную к стене главного нефа. Это сделано, очевидно, во время разрушения и починки главного нефа и одновременно южного и западного. В восточной части абсида с самостоятельным алтарем и престолом; сейчас в ней сделано отверстие вкось в качестве окна, первоначально же никакого окна не было. Углы абсиды, арка и импосты — под скос выполнены из ширины. Для

¹ Подобную форму встретим еще в грандиозной развалине трехцерковной базилики монастыря Квела-Цминда близ Вачнадзиани.

того, чтобы получить при восстановлении свода опору, срезали часть северной капители на углу абсиды, оперли на это место арку по стене церкви, на которую и нагружен свод. Западная часть той же ширины, как и восточная и с таким же коробовым сводом по длине нефа, опирающимся на арки по стене, как и в восточная. В конце ее на север открывается пролет в западный неф. Опять тот же прием, как из западного нефа в северный и как в базилике Дзвели Шуамта. Арка эта, служившая опорой для южного свода над проемом в западный, была восстановлена и при этом частью вытянута на пристроенную пилястру (искажена в формах).

Средний отрезок южного нефа представляет квадрат, благодаря чему он в ширину больше, чем ширина восточного и западного отрезков. На юг и на север и, конечно, на восток и на запад этот квадрат открывался арками с широкими пролетами. Перекрыт квадрат купольным сводиком, сидящим непосредственно на восьмиграннике, созданном четырьмя угловыми переходами небольшого размера, выдолбленными из одного камня (см. табл. 13-b). В кладке полусферы купола, которая идет рядами, выпущено ребро, образующее крест. Все это выведено из ширины. Ввиду сильной переделки южного нефа во время какого-то древнего восстановления, одно время казалось, что и этот средний отрезок создан при починке. Но дальнейшее рассмотрение на месте привело к убеждению, что куполок древний (конечно, не без поновлений). Он-то как бы заставил архитектора ограничиться одной дверью в главный неф вместо арок. (Аналогичный подход, как и в базилике Гвтэба в Ахмета). При этом северо-восточная пилястра с ее профилем двух полуколонн и ребра между ними — древняя, она сложена из ширины². К сожалению, не удалось проследить до конца то место при арке, где намечается связанность ширимной кладки пролета входа и пилястры. Таким образом, объясняются расхождения в толщине первоначальных пилястр от остальных времен реставрации: в восточном и западном отрезке они — плоские.

Западный неф простирается только на ширину северного и главного. Свод его выведен теперь, как частью и южного нефа, в прислон по пилястрам. Тут в западном обходе особенно явна починка свода: все три арки по длине

² Ср. к этому колонки южного входа в малой церкви Джвари Мхетского (История. I, рис. 43, стр. 63 и Памятники типа Джвари, Тб. 1948, табл. 39, 40, 41).

его имеют различные пролеты, самая северная арка, расположенная против северного нефа, заключает в себе моменты неумелого решения в затруднительных условиях. Она шире, чем проход в северный неф, начинается она прямо от плоскости стены и заставила этим срезать пилястры под основной аркой, хотя последняя подпирала здесь первоначально свод. Свод западного нефа — коробовый по длине; со сводами северного и южного нефов, как сказано, никак не перевязан, а отделен начисто (как теперь, так и первоначально). С запада в неф ведет вход с горизонтальным верхом, как и оба других. Против входа за северо-западным углом главного нефа сейчас имеется пристроенный позднее престол. Перед входом же пристроен портик. Он удлиненной формы с крестовым сводом на среднем квадрате (табл. 13-с); имеет вход с запада и юга, а с севера углубление с небольшой абсидальной, начинающейся с пола, нишкой в стене. Притвор имеет двухскатную кровлю.

О наружном виде этой базилики судить полностью нельзя, из-за значительной застройки ее с юга и с севера и даже с востока. Во всяком случае несомненно, что на юг боковой неф открывался двумя проемами — главным входом и дополнительным. Главный вход имеет сейчас горизонтальный обрез верха, притолоки из ширины; он просторный и расположен против первоначального входа в главный неф. Второй же вход снаружи немного уже, расположен восточнее главного и заканчивается сверху аркой. Он тоже первоначальный по своим формам — арка правильной формы, притолоки из того же ширины. Назначение его было явно служить отдельным входом в южный придел, в котором не было алтарного окна¹. С северной же стороны был только один вход в базилику так же, как и с запада. Восточный фасад имел, как и в купольной церкви Дзвели Шуамта, выделение среднего окна выпускной аркой с горизонтальными отворотами у пят (табл. 12).

Кровли, видимо, при починке были подняты, а над северным нефом построен чердак, над которым поставлен еще восьмигранник колокольни. На этом уровне кровли сделан новый карниз из чередующихся рядов кирпича, положенных один углом вперед, а другой прямо. Кое-где вяжутся черепицы от старой кровли.

¹ Другими словами — естественно было его освещать через такой пролет с юга, как и в трехцерковных базиликах Кондамиани или «Касури» Георгия близ Сагурамо.

А н а л и з. — Базилика монастыря Цхра-Кара близ Матани, как мы видели, по ряду строительных деталей тесно связывается с базиликой Дзвели Шуамта. Применение в строительном материале для вязей углов и внутренних более видных частей, наравне с булыжником желтоватого пористого конгломерата — ширины — резанного правильными квадратами; декоративная арка с отворотами над алтарным окном; отсутствие соединения между собой нефов, обходящих с трех сторон церковь главного нефа, посредством распалубочного пересечения коробовых сводов их, при общей композиции и размерах плана — все это элементы, которые мы имеем в базилике Дзвели Шуамта. Но у нее, кроме того, имеются еще и иные моменты. Таким является сочетание по плану композиции отдельного помещения для жертвенника в северном нефу; далее выделение самостоятельного придела в южном рукаве; литой на четыре ската свод в жертвеннике, наконец, и устройство двух широких входов в обходе церкви с юга является приемом, повторяющимся затем — в художественном преломлении — и в других церквях, как-то: Кондамиани, Иоанна Крестителя близ Сабуэ, Ахметской Гвтээба, Зегани, в двух церквях Некресского монастыря, в Черемском Цверодбалли и др. Но особого внимания к себе требует применение купольного свода на тропочках над квадратом прохода с юга. Применение его здесь, в таком месте здания, мотивированном только тем, что это как бы портик входа в главную церковь, вполне отвечает всем качествам постройки, которые особенно явственно выступают при сопоставлении с базиликой Дзвели Шуамта. Как только что отмечено, некоторые из деталей настолько единичны, с одной стороны, а с другой — настолько характерны в своем сочетании тут и там, что мы не можем не признать в строителе главной церкви Матанской Цхра-Кара знакомства с Дзвели Шуамта и желания подражать ей.

Несомненно, что он пытался вложить свою мысль в эту постройку, но недостаточность дарования, недостаточность художественного вдохновения дают себя чувствовать повсюду. Это — посредственный памятник, хотя в нем чувствуются усилия. Так, при равных в общем с базиликой Дзвели Шуамта размерах он хочет выйти из пределов во всех пропорциях и соотношениях ее выраженной и деликатной миниатюрности и дать строение, производящее впечатление большого: он делает его значительно более высоким. Или — это только без-

сознательно выразившаяся общая в Кахетин тенденции к высоким строениям. В Шуамта же был хотя и не блестящий талант, но художник с развитым вкусом и чувством меры. Думается, что эта же тенденция заставила его устроить, очевидно, по примеру крупных храмов, отдельное помещение для жертвенника в северном нефе. Южный неф он трактует совершенно особо, создав в нем прежде всего придел. Он устраивает затем проходное квадратное помещение с куполом, но делает это настолько неумело, что надлежащего впечатления оно ни теперь не производит, ни раньше не могло производить: выделяя придел в южном нефе, он считает необходимым сделать самостоятельный вход в него и тем самым вместо того, чтобы концентрировать входящих на купольное помещение, он разбивает их в два пролета и отвлекает их внимание этим мотивом двойного входа от купольного квадрата. А затем он опять не задерживает их в этом помещении, а, наоборот, влечет далее также широко раскрытыми в главную церковь и в другие стороны пролетами. Таким образом, подход на требование большой церкви здесь совершенно ясен (второй придел, выделенный жертвенник), но абсолютные размеры постройки еще чрезвычайно незначительны.

Итак, если в базилике Дзвели Шуамта мы имеем дело, как сказано, с художником тонкого вкуса, который из своих местных форм (вместо незнакомых ему характерных свойств христианской базилики) скомпоновал по-своему, применительно к своим скромным потребностям распределение и сочетание пространств в базилике, — то архитектор Цхра-Кара близ Матани, по-видимому, вообще и не мог бы понять всего этого. Он удовольствовался фактом и выполнил проект сообразно своему малому и неразвитому дарованию. Но эта посредственность дарования архитектора и его постройки дает нам больше данных для датировки, чем в иных не только гениальных, для этого слишком индивидуальных произведениях, но и просто разработанных, законченных, талантливых.

Прежде всего сравнение с базиликой монастыря Шуамта дает нам основной исходный материал. Дополнительным к нему являются отдельные из названных выше своеобразных деталей. Детали эти позволяют видеть точки схождения с некоторыми приемами и памятниками первой половины VI века. В первую очередь это Ахметская Гвтэба, затем Кондамиани и Сагурамский «Касури» Георгий, где

интересно и вытягивание вверх, и выделение жертвенника и южного придела, затем отсутствие окна в последнем, наконец, технические особенности возведения арок из нарезанных плиток ширины.

Кроме того, ремонты, и застройка в монастыре, как целым, заключают в себе несколько моментов, которые дополнительно подтверждают ту границу, ниже какой главная церковь ни в каком случае не могла быть построена. Такими показателями являются во-первых, колокольня, которая построена поверх выравненных до общей площади кровель северного нефа и ранее пристроенной вплотную к нему церкви; колокольня эта обычного типа в восемь пролетов, построенная из кирпича; форма ее типична в Кахетии для XV и следующих веков. Одновременно с главной церковью на колокольне сделан был (в XVII веке?) карниз кирпичами, построено здание перед главной церковью и, наконец — роспись века XVI. Во-вторых, подтверждается это наличием небольшой церкви, построенной западнее главной и облицованной целиком тем же желтоватым, сильно выветрившимся ширими, характерным для Кахетии явлением средней эпохи до XIV—XV вв.; эта дата еще подтверждается и карнизом — выкружкой на этой же церкви, а декоративный убор с несомненностью указывает именно, на XIV—XV вв. К той же строительной эпохе следует отнести восстановление карниза на южной, пристроенной к базилике однефной церкви, — он состоит из выкружки и сделан из ширими же. Наконец, третьим моментом является квадратный притвор с крестовым сводом и абсидальной нишкой, т. е. с такими же элементами, какие имеются в притворе, пристроенном к Зедазенской базилике в конце VIII века. Что этот притвор не мог быть построен одновременно с рассмотренной базиликой, подтверждает и тот факт, что благодаря притвору получилось три уступа кровель на запад (главный неф, западный неф, притвор) при одной отвесной линии стен на востоке. Незначительные размеры базилики, мало гармоничная вытянутость ее вверх, из этого приема не могли создать какой-либо остроты форм, а констатированная вытянутость говорит, что тенденция строителя была совсем иная. Пристройка притвора естественна как pendant к пристроенным с юга и севера однефным церквям.

Таким образом, крайняя граница была бы для древности ее середина V века, как для базилики в Старой Шуамта, а для позднего вре-

мени начало IX века, как притвор с запада. Этот промежуток, конечно, слишком большой, чтобы не требовалось сужения его. Это сужение, полагаю, дает сравнение, с Дзвели Шуамта и со следующей группой базилик V—VI века. Незадолго до них, вероятнее всего, она и построена, если не во время их, но без знания о них, ибо Матани удаленное место. Восстановление же среднего, а равно южного и западного нефов нужно отнести по примененным формам к VIII—IX векам. Аркады напоминают наружную отделку купола Кисисхевской церкви богородицы, но только в Цхра-Каре полуколонки чрезвычайно грузны по сравнению с Кисисхеви; они только еще нащупывают формы, ищут. Равно вся работа починки больше отвечает такому исканию. Вот почему датировка VIII—IX вв. представляется естественной. По времени непосредственно примыкая к проведенному восстановлению базилики, был с запада пристроен

портик. Возможно, что тогда же пристроена к ней с юга однефная церковь, причем для нее использована стена базилики. Алтарная же преграда Анны, дочери князя Гарсевана (Чолокашвили) связана временем с росписью (XV—XVI вв.?). Что же касается двери в жертвенник и арки на юг из главного нефа, то они прорублены ранее преграды, так как в закладке арки (в пределах алтаря) сделана нишка с применением все того же кирпича. Но для определения точного времени этих переделок (от IX по XVI вв.) нет данных. Таким образом, строительство в монастыре прекращалось до XVIII века. В первой трети XVIII века узнаем из Географии Вахуштия, что монастырь не функционирует, что он заглох. Последнее оказалось столь значительным, что через 100 лет, в 40-х годах XIX века, в сел. Матани академику Броссе не удалось встретить ни одного человека, знавшего дорогу в монастырь¹.

4. ТАК НАЗЫВАЕМАЯ КАЦАРЕТИС САМЕБА (БЛИЗ ХАШМИ)

Описание. — Древняя кафедра Самебелей, т. е. епископов церкви Самеба, что значит по-грузински Тронца, известная в древности также еще и с географическим термином, ныне утерянным — Кацарети — представляет собою большую базиличную церковь, стоящую посреди каменной ограды, с венчающей въезд в ограду жилой башней, домом епископов, башней с колокольной, марани и т. д. (табл. 14). Расположена она на ровном месте, хотя и высоко над уровнем моря, в 8—10 км от сел. Хашми. Сама базилика представляет собой постройку, подвергавшуюся радикальным переделкам, в некоторых частях сделавшим ее совершенно иной, возможно и с изменением пропорций отдельных частей и т. д. Намечается совершенно явственно три различных этапа,

три состояния памятника — первоначальный вид и две переделки².

Наименование Кацарети утеряно в настоящее время и, видимо, уже в течение ряда последних веков приходило постепенно в забвение. Но оно зафиксировано в печати в XIX веке, напр. Дм. Бакрадзе, Дм. Пурцеладзе, А. С. Хаханашвили, Илл. Джашши³. Также и проф. Л. М. Меликсет-Бек применяет это наименование⁴, подробно перечисляя литературу и первоисточники, и касаясь самих архитектурных памятников.

По-видимому, название Кацарети и Кацарели, в XVII и XVIII веках вытесненное наименованием Самеба и Самебели, все же еще сохранялось. Так как, если царевич Вахуштия знает в своей Географии, т. е. в первой по-

¹ Voy. arch., I, 78.

² Осмотрена впервые 23.VII.1922. — Первоначально была обмерена (по моим указаниям) в 1925 году студ. архит. факультета Академии Художеств Грузии, ныне арх. Т. П. Бейер; затем при вторичном посещении храма 29. X. 1935 г. был сделан еще один обмер общего характера арх. В. Л. Цилосани. Последние разы я посетил Самебу около Хашми 20. VIII. 1950 г. и 14. X. 1952 г. Хашминская Самеба настолько значительный и вместе с тем сильно измененный на протяжении веков памятник, что нуждается в исключительно подробном, точном и учитывающем выдвигаемые исследованиям вопросы: однако этого, к сожалению, не

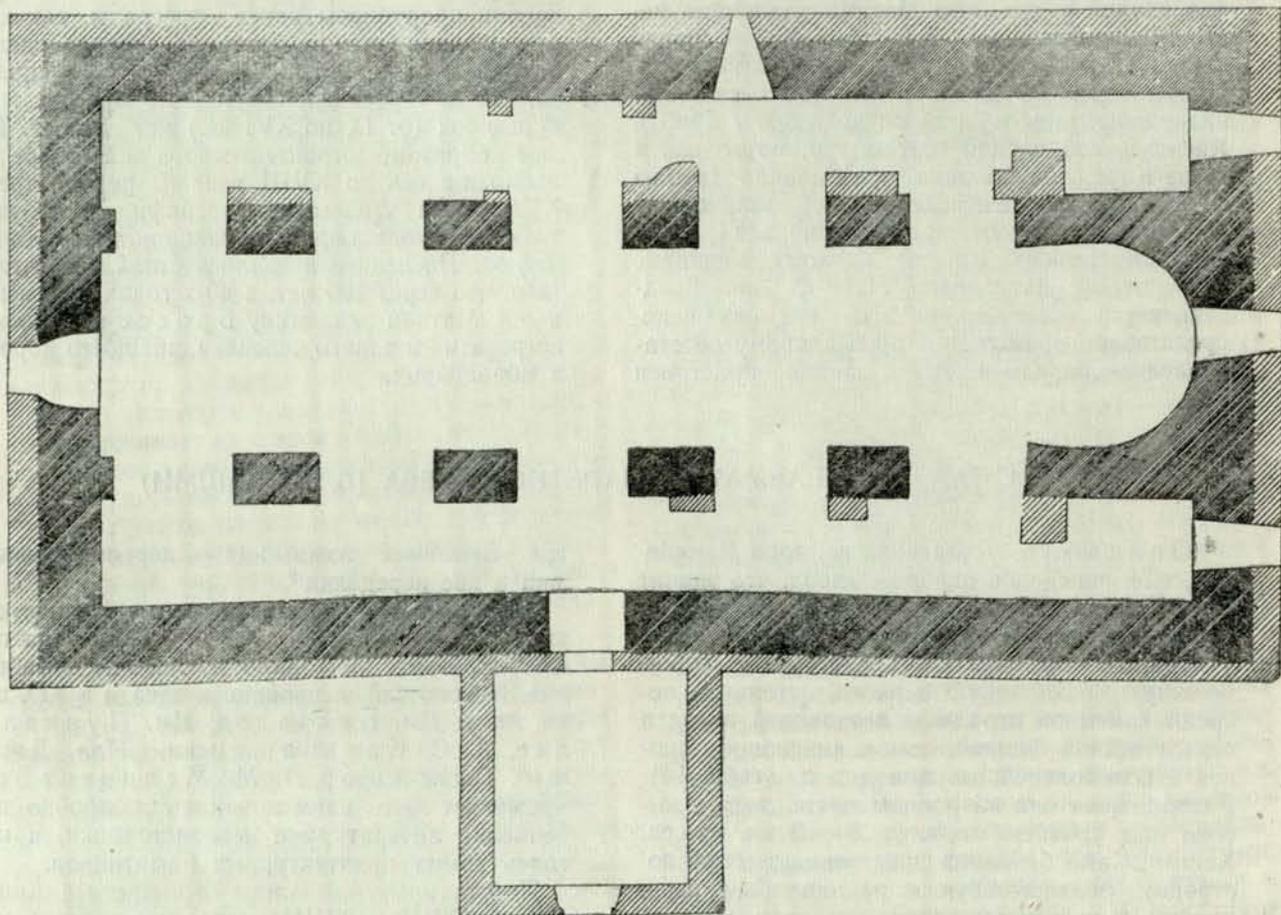
удалось до сих пор выполнить. Из имеющегося материала приведу план и продольный разрез на север, исполненные Т. П. Бейер, и поперечный разрез, исполненный Л. Д. Рчеулишвили в 1950 г.

³ Дм. Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, 1875; Дм. Пурцеладзе, газ. «Новое Обозрение», №№ 2475 и 2477; А. С. Хаханашвили, МАК, VII, 1898, стр. 38—39; Илл. Джашши, Кацаретский Самебский (Троицкий) монастырь и Иосиф Самебели. Духовный вестник Грузинского экзархата, 1904, № 15.

⁴ Кацарети (კაცარეთი): Сансторио Моамбе — Bulletin historique, Тб. 1924, № 2 (по-груз.).

ловине XVIII века, только одно имя — Самеба, то в гуджаре Ниноцминдского епископа Саввы Тусисшвили от 1774 года дважды упоминается Кацарис эпархия, т. е. Кацарская (впрочем не Кацаретская) эпархия¹, а равно

ровым фрагменте документа, написанного около 1589 года и содержащего сведения об епископиях и епископах Кахетии, стоит следующее: «Владыко Кацарельский. Храм святыя Живоначальныя Троицы, камень, зделан о ка-

План Кацаретской базилики близ селения Хашми

в гуджаре 1798 года также основным его содержанием служит упорядочение опустошенной Кацарской или Кацаретской церкви (применены оба эти названия)².

Кроме того, еще в XVI веке, видимо, доминирует географическое наименование Кацарети. Так, в опубликованном А. С. Белоку-

мени синего тесано, изнутри подписано золотом. Образ в нем месной живоначальныя Троицы, обложен золотом с камением с дорогим и иные образы многие обложены серебром позолочены. А епискуп служит именем Игнатие³. Точно также упоминается оно в гуджаре 1579 и около 1580 годов⁴.

¹ *Ars Georgica*, 3, 1952: С. В. Барнавели, Документ Саввы Тусисшвили «Андердзисебрни Гуцани» (211—236), в тексте документа см. стр. 233₄ и 234₃₅.

² Т. Жордания, Исторические документы монастырей Картли и Кахетии, Потн. 1904, стр. 171 (по-груз.).

³ Сношения России с Кавказом, т. I, М. 1889 г., стр. СХХII—СХХIII.

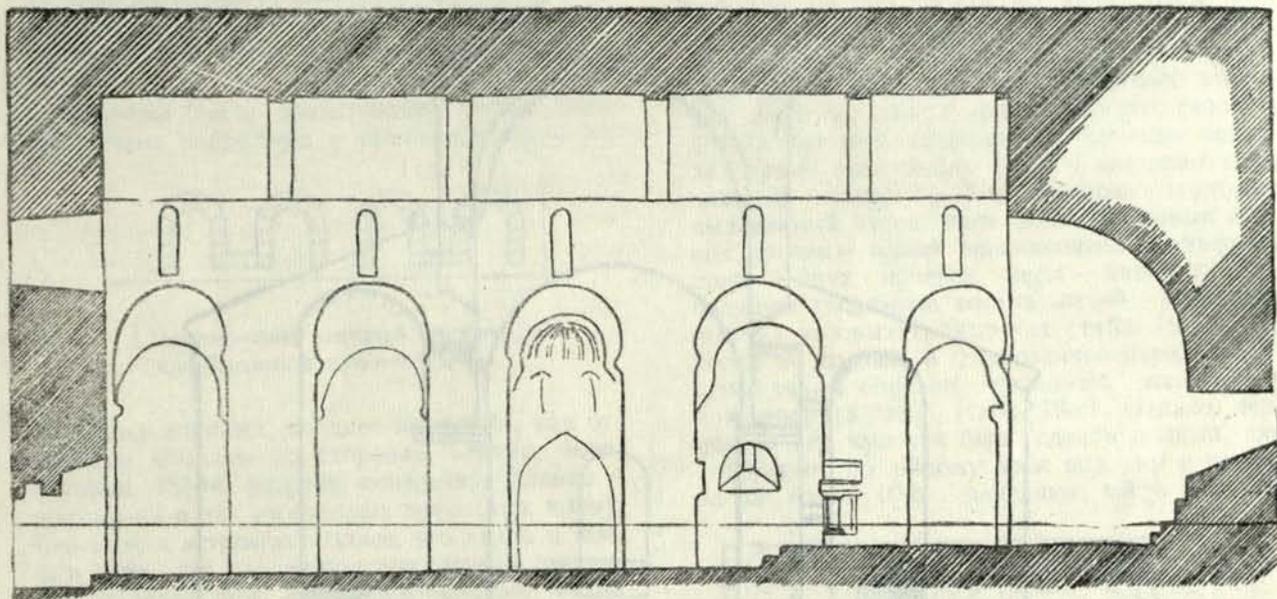
⁴ С. Н. Какабадзе, Исторические документы, вып. II, Т. 1913, стр. 50 (по-груз.); Т. Жордания, Исторические документы монастырей Картли и Кахетии, Потн. 1904, стр. 191 (по-груз.).

В ранних же памятниках письменности это географическое наименование упоминается, начиная с деятельности св. Нины¹, в числе подписей Двинского церковного собора 506 года; равно в (неподлинном) распоряжении коронования царей, составленном не ранее XV века, сообщается, что Кацарели, т. е. епископ Кацаретской епархии, садится на 20 место².

Вблизи от Самебы на восток за пригорком

ных и подогнанных каменных квадров (табл. 18-а). Формы арок — подковообразны, как и абсида в плане (табл. 17-с, d).

Абсида имеет в плане подковообразную форму и подковой же арку конхи (табл. 18-а). Арка эта имеет импосты обычного типа подкос (табл. 18-в). Как в первое посещение, так еще и в 1935 году импосты были густо покрыты штукатуркой под роспись. При фотографирова-

Продольный разрез

жители Хашми указывают остатки старого поселения, называя его Нахашмари и считая, что теперешнее селение Хашми перенесено с того места (кажется с еще одним промежуточным месторасположением).

В плане Кацаретская базилика представляет собой длинное здание с четырьмя парами столбов, алтарной абсидой в среднем нефе и прямоугольно заканчивающимися на восток боковыми нефами и тремя входами (табл. 17-а, б и 18-а). Построена она была из небольших ровных каменных брусков, подравненных из рваного камня или булыжника, арки же были сложены из больших, правильно теса-

нии же храма и росписи в нем в 1947 году обе эти абсидные капители оказались свободными от штукатурки, и украшены резьбой, как я и предполагал это, исходя из наличия резьбы на крайнем импосте южного ряда арок. Алтарь сейчас выше пола церкви на две ступеньки, но и пол церкви повышен, ибо вход с запада ниже его на одну ступень. Тем не менее, вероятно, повышенность алтаря первоначальная, и как общее сидение вокруг абсиды, так и три ступени епископского сидения под алтарным окном намечают древнее же деление. Алтарное окно широкое (метр с лишним) и довольно длинное, имеет резко выраженную подковообразную ар-

¹ Е. С. Такайшвили, Описание рукописей Общества распространения грамотности, т. II, стр. 717 (по-груз.); его же, Три исторические хроники, Источники грузинских летописей, Т. 1900, стр. 24.

² И. А. Джавахишвили, История грузинского

права, т. I, Т. 1928, стр. 68—73 (по-груз.). Текст: Е. Такайшвили, Археологические экскурсии и заметки, I, Т. 1907 (по-груз.), стр. 78—85; М. Г. Джавахишвили, Описание рукописей Церковного Музея, III, Т. 1908, стр. 257—259.

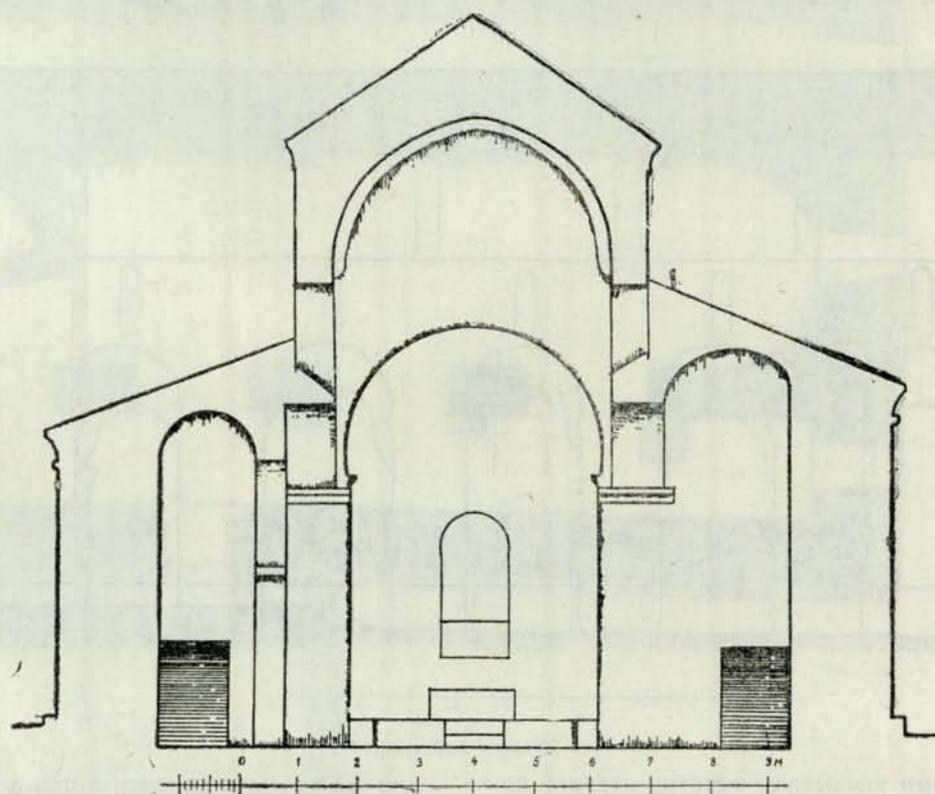

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ
СИБИРСКОГО ФИЛИАЛА
РАССЕЛЕНА

ку. Над конхой высится прямой лоб и затем только начинается коробовый свод главного нефа. Он укреплен на шести подпружных арках, опирающихся на консоли. Западная и восточная при стенках, а остальные над четырьмя парами столбов (ср. табл. 17-а).

По длине главного нефа идут пять арок с каждой стороны. Они все подковообразной формы, сложены из тесаного камня серо-жел-

импостов храма, который был и в 1922 году свободен от прежней штукатурки¹. Эти выступающие импосты шли не только под пятой арок, но обходили столбы со всех четырех сторон, как особенно ясно видно на двух восточных столбах южного ряда, т. е. именно по всем четырем, а не только трем сторонам столба. Северный ряд столбов (за исключением части второго с запада столба) получил позднее в бо-

Поперечный разрез

того или зеленоватого цвета, правильной пригонки, как видно по свободным от штукатурки двум крайним восточным в южном ряду (табл. 17-с, d) и по всем аркам северного ряда. Крайняя восточная арка южного ряда имеет импост обычной формы, причем восточный импост украшен по вертикальной поверхности полосой орнамента из ланцеток, а по выкружке полностью не различается — низ как бы часть подковок (табл. 18-b и рис.). Это единственный из

ковом нефе дополнительное укрепление, как и ряд столбов южных (ср. план).

Боковые стенки главного нефа имеют по пять окон, из которых крайние западные сейчас заложены (продольный разрез и табл. 17-а, b). На запад также имеется узкое окно иррегулярной формы, а внизу широкая дверь с подковообразной аркой и тимпаном снаружи (табл. 16-d).

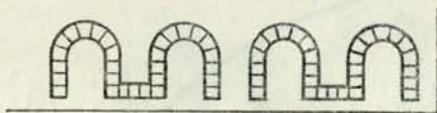
Кроме того, пролеты арочные, начиная от линии их пят кверху, закрыты в глубине, т. е. на границе боковых нефов, стенками; они в центре также с арочным выемом, но уже полуциркульным, не очень правильной формы (табл. 17-d, 19-a). В южном нефе эти нависа-

¹ Тогда же я считал весьма вероятным, что по крайней мере симметрично ему расположенный северный импост и оба в абсиде должны быть также украшены резьбой.

ющие арки имеются в трех западных пролетах, в северном же нефе во всех пяти¹.

Все стены и своды главного нефа оштукатурены и покрыты росписью, сильно потускневшей и запыленной, но в общем сохранившейся почти полностью². Во время посещения в 1935 г. я заметил, что роспись во многих местах отвалилась со штукатуркой вместе. Процесс этот продолжается и усиливается. По сравнению с фото 1947 г. в 1950 г. заметны еще изменения (у меня были только некоторые фото росписи). Наглаз, напр., роспись отошла от стены над южными столбами кое-где сантиметров на 10—15.

Боковые нефы представляют собой длинные, узкие корридоры с прямоугольными во-

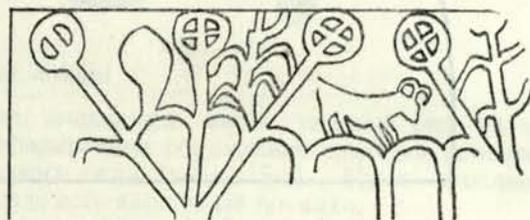
Орнаментация западной стороны приабсидных капителей (схема)

сточными концами; позднее выделили, как отдельные комнаты по сторонам алтаря, части боковых нефов, встроив поперечные стенки с проходами в них из боковых нефов (ср. план). Что стенка встроена позднее, это видно в южном нефе, так как из-под штукатурки просвечивает линия шва, а главным образом видна заходящая в стену пята арки и, наконец, выступающий импост.

Столбы, как сказано, были позднее частью укреплены (в боковых нефях) дополнительной кладкой. На востоке имеются, как и из алтаря, большие широкие окна (ср. табл. 15-а). Остальные же окна небольшие: на запад и затем из южного нефа на юг три, а из северного одно. Все эти маленькие окна явно позднее сделаны, за исключением только, быть может, двух южных окон, расположенных по сторонам южного входа (ср. табл. 15). Южный вход находится против среднего пролета в главный неф, северный же (позднее

заложный) одним пролетом восточнее. Южная дверь имеет широкую арку, закрытую снаружи тимпаном. Арка сложена из тесаных квадров, но в отличие от западной — полуциркульна (табл. 16-б, с). Такова же была, судя по остаткам, и северная, на вид более узкая дверь, давно уже заложная изнутри до начала арки сплошь, а в арке лишь в глубине. При этом тимпанный камень отсутствует, а в глубине имеется маленькое окно (ср. разрез).

Своды боковых нефов очень неровные, коробовые, частью производят впечатление ползучих, литые из булыжника. Они опираются на сплюснутые подпружные арки на консолях. Кроме того, ниже этих капителей в южном нефе на высоте арок, делящих главный неф от боковых, сохранились торчащие консоли. Кроме этих общих форм в северном нефе имеется между 2 и 3-м с востока столбами выделенный путем трех дополнительных низких арок — одной приложенной к северной стене и двух поперек нефа — квадрат с купольным сводом на восемь лучей, укрепленным на угловых тропочках (табл. 19-а). Куполок не полный, а со срезанной передней частью, таким образом тропочек только две, при северной стене (табл. 19-с). Однако, первоначально куполок был сделан полный, как это видно по облому арок под ним с севера на юг (табл. 19-б): переднюю часть его сру-

Орнаментация северной приабсидной капители (схема)

били (не видно, чтобы она сама обвалилась) до росписывания храма — очевидно, именно ради намеченной росписи, хотя поверхности получились тут неровные. Весь свод этот кирпичный, арки же под ним из булыжника. С во-

¹ Такие выстроенные позднее низкие арки, служащие для опоры свода в боковых нефях, имеются также в базилике Гвтэба в Телави.

² Данные об этой росписи и сводка литературных сведений даны Л. М. Меликсет-Беком в его статье в № 9—10 журнала Чвени Мецниереба. Тб. 1924. В 1928 г. роспись специально обследовал проф. Д. П. Гордеев, как следует из отчетных сообщений в Бюллетене КИАИ, № 5, Лгр. 1929, стр.

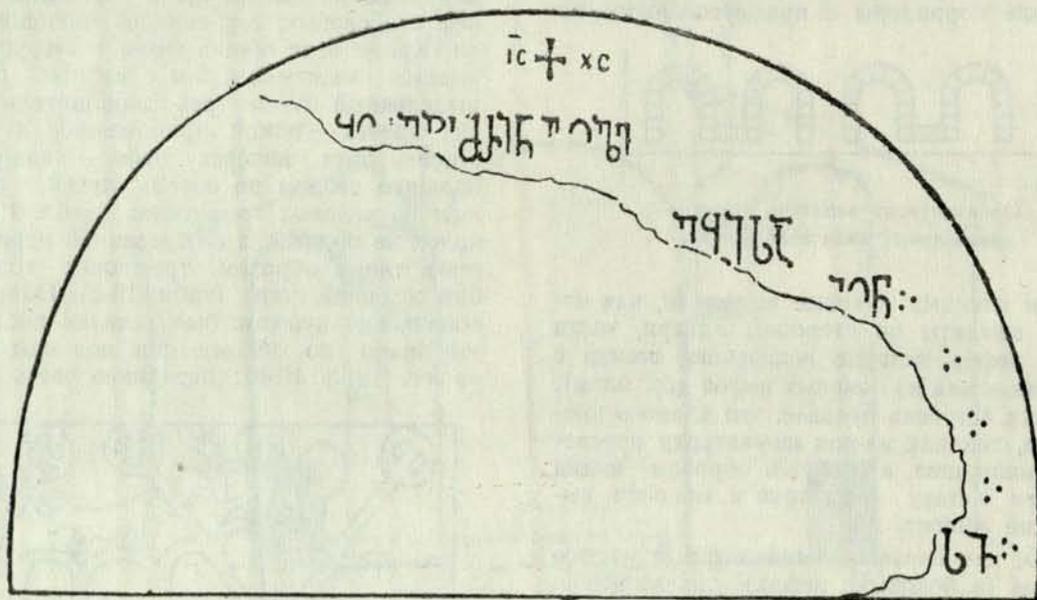
24 и 25, причем ему удалось открыть на западной стене фресковую надпись (фрагментированную), датирующую всю роспись 1518 г. От этой надписи в посещение 1952 года были обнаружены Т. В. Барнавели — именно, в тимпане западного входа — значительные обрывки четырех строк из общего их числа восьми и притом заключительные буквы ლ₃, т. е. буквы хроникона, соответствующего названной в отчете КИАИ дате 1518 года.

сточной стороны к увенчанному этим куполком квадрату была пристроена от устоя к стене полукруглая абсида с конхой, от которой уцелела одна правая половина перед утолщением столба. Этот фрагмент осмысляет всю встройку, как установление дополнительного алтаря в базилике. В западной части северного нефа свод имеет из-за различных переделок другие неровности и искажения. В целом северный неф ниже южного, что выражено и в наружном облике храма (точное соотношение установлено обмером поперечного разреза через первую пару арок, проведенным в последнюю поездку).

Выделенная встроенной поперек южного не-

фа, тоже отделанный встроенной стеной с дверью для жертвенника, поделен горизонтально на невысокую комнату жертвенника и помещение по второму этажу с небольшим окном на восток. Очевидно, разрушение северного нефа в этой его части было значительное.

В XVIII веке, когда алтарь был уже вынесен до первой пары столбов, в них произведены характерные для этой эпохи переделки. Именно, в западной стене первой пары столбов сделаны ниши на восьмигранных столбиках для установки икон; а против них во второй паре столбов аналогичные ниши, как по-

Разбивка фресковой гадписи в люнете западного входа

фа стенкой комната для ризницы (диаконника) сохранилась на всю высоту нефа. Самый свод здесь чинен — средняя полоса его сложена из кирпича таким же рисунком, как и чиненый свод на северных хорах в Алавердском соборе, выполненный после обвала 1745 года¹. Из этого помещения имеется квадратный люк при основании свода в северной стене около восточной стены (наглаз сантиметров 40×35), ведущий, очевидно, в надсводное пространство над абсидой, а оттуда в камеру над жертвенником. Восточный конец северного не-

четное сидение — северная без столбиков, а южная со столбиками и небольшой полоской орнамента по скосу арки (табл. 20). Отделаны северо-восточная богатой резьбой, а юго-западная узкой полоской только, в характере резьбы по гаже иконостасов Гареджийских пустыней². К сожалению, за последние пять лет этот убор полностью сбит кладочка-телями.

Снаружи храм был весь, за исключением продольных стен среднего нефа, покрыт дополнительной облицовкой, что ясно уже по одной толщине стен, но и в обоих входах совершенно отчетливо. Помимо древнего наружного тимпана западный вход имеет на некотором расстоянии после первого еще второй. Сами притолоки

¹ См. ниже, гл. VII.

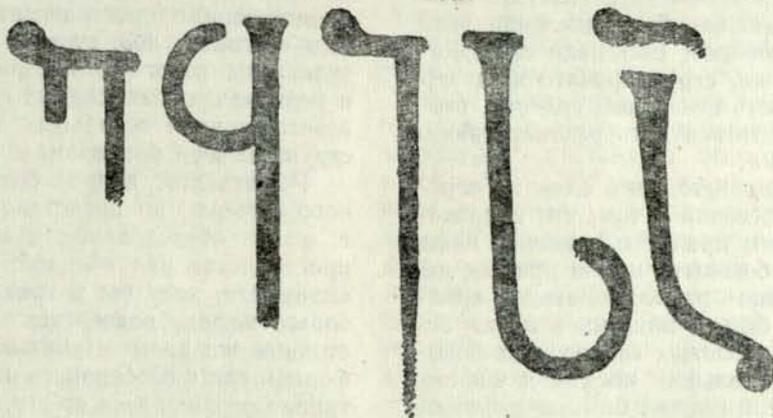
² Г. Н. Чубинашвили, Пещерные монастыри Давид Гареджи, Тб. 1948, стр. 117—118 и таблицы 10, 30, 35; 69—72; 124 и 125.

расходятся и явно показывают приложенную кладку. Подобное же наблюдается и в южной двери (ср. план и разрез).

Облицована церковь зеленовато-розовыми с подтеками большими ровными плитами песчаника, подобного камню внешней облицовки Бочормского св. Георгия или ремонтных работ Ниноцминдского собора¹. Только по западному и северному фасадам, на высоту человеческого роста, снизу видна более новая облицовка из совсем зеленоватого камня. То же отчасти по восточному и южному фасадам. Облицовка выведена ровными рядами кладки. Только продольные стены главного нефа не облицованы

С южной стороны отделан вход, перед которым одновременно с облицовкой построен был портик из этого же камня (табл. 15-b). Самый вход внутри портика отделан профилированным обрамлением с крестом в тимпане и шишками по бокам двери (табл. 16-b). В остальном стена южного фасада, как и портик, имеют значительные кирпичные починки; в портике весь свод позднейший, причем средняя его часть литая по плетенке из жердей, отчетливо видной.

Западный вход также имеет профилированное обрамление с крестом в тимпане и по сторонам квадратики с крестиками в плетеной

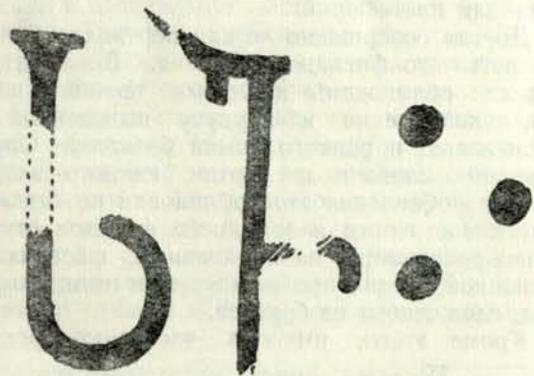

Фрагмент третьей строки надписи

ими, а и снаружи показывают кладку из подобранных ровных булыжников. Карнизы выкружкой с валом внизу тесаны для главного нефа из пористого желтоватого ширими, а для боковых из того же камня, которым выполнена облицовка.

На восточном фасаде имеется украшение громадным крестом, слегка профилированным выступом из линии кладки (табл. 15-a). Он расположен над средним окном и явно имел назначение сократить, сгладить колоссальную, непропорционально большую гладкую поверхность стены над большими, сообразно полученной стене низко сидящими окнами. Против каждого конца креста самостоятельная шишка. Кроме того, сохранилось маленькое с профилированным обрамлением окошечко в северный неф в верхнюю, надсводную камеру (NO) над жертвенником. Второе такое же обрамление на камне, но без проема, вставлено высоко в стороне, на плоскости главного нефа: оно оказалось ненужным, так как над ризницей не было верхней камеры.

раме, имеющими очень поздний вид. Также профилировано обрамление среднего длинного и узкого окна (табл. 15-c). И на западном фасаде есть кирпичные починки.

Фрагмент восьмой строки надписи

Северный фасад совершенно гладкий, однако в облицовке видна дверь с плоской перемычкой и аркой яйцевидной формы над нею

¹ Ср. ниже гл. VII и гл. V.

(табл. 16-а). Таким образом, дверь была заложена уже после облицовки храма тесаным камнем, или же (судя по тщательной облицовке закладки пролета) заложили ее, но в облицовке клали, как дверь. На последнее предположение наводит факт снятия древнего типманного камня для устройства маленького окошечка в пролете арки двери и сама форма этой арки и положение ее над перемычкой.

Анализ. — Это описание церкви нельзя было выдержать совершенно безотносительно к произведенным в ней переделкам, хотя я и старался, по мере возможности, излагать описание без подчеркивания, без выделения этих сторон. Теперь, наоборот, нам надо срезумировать эти переделки, сгруппировать их и сопоставить связанность отдельных явлений, чтобы под конец попытаться дать реконструкцию древних форм храма.

Совершенно несомненно, что одна из переделок базилики состояла в том, что к подковообразным арочным пролетам главного нефа были со стороны боковых нефов приложены стенки с более низко расположенными арками. Сделано это было, видимо, в целях создать опору для коробовых сводов этих боковых нефов. Действительно, кое-где в южном нефу имеются на этой высоте, помимо расположенных выше пят сводов, вторые консоли, теперь уже бездействующие. Нужно отметить, что в первом и во втором южном пролетах этих приставленных, более низких арок уже нет, они как и остальные, настоящей нагрузки не несут. Тогда же поперечными встроенными стенками отделены в боковых нефу помещения для пастофорий.

Другая совершенно четкая переделка храма касается его фасадного облика. Все четыре фасада облицованы квадратами тесаного камня, в дополнение к корпусу выведенной из булыжника и рваного камня базилики. Одновременно сложен и портик южного входа. Линия добавления этой облицовки по верхней части восточного и западного фасадов отчетливо различается на продольных фасадах от основной кладки продольных стен главного нефа, сложенного из брусков.

Кроме этого, имеются частичные рекон-

¹ Во избежание недоразумения отмечу, что в описании свящ. Иллариона Джаши (Кацаретский Самебский (Троицкий) монастырь и Иосиф Самебели. Духовный вестник груз. экзархата, 1904, № 15, и то же у А. С. Хаханашвили в МАК, VII, 1898, стр. 39) не следует понимать, что при реставрации

струкции, как встройка купольного свода в средней части северного бокового нефа; затем устройство декорированных ниш для икон и для стояния почетных лиц; ниши сделаны в столбах первой и второй с востока пары; наконец, фресковая роспись среднего нефа храма исполнена в 1518 году¹.

Остается только нерешенным один вопрос, а именно — считать ли теперешний облик среднего нефа с его высоко поднятыми стенами, обильным освещением с южной и северной стороны и с высоким лбом над конхой алтарной абсиды сохраняющим первоначальный замысел архитектора; или же, учитывая необходимость наличия какого-то пустого, нефункционирующего пространства над конхой и позади высокого лба, считать это повышение результатом какого-то исторического изменения в первоначальных формах среднего нефа, а соответственно и остальных общих масс и конструкций всей базилики.

Решить этот вопрос без детального и точного обмера не представляется возможным, т. е. без обследования в связи с ним самого пространства над абсидой, темного и, по всей видимости, хотя бы в местах примыкания боковых нефов, подвергшегося починке. В настоящее же время, учитывая как отдельные формы, так в особенности внимательно рассматривая оголившиеся от штукатурки с росписью части стен среднего нефа внутри, я вынужден считать формы его, т. е. высоту, наличие лба над конхой, ряд окон по длине, принадлежащими первоначальной поре строительства, как ни странно это создание над конхой пустоты. Оголенные части стен, начиная от импостов под продольными арками храма, т. е. ниже линии возможного укрепления свода главного нефа одним уступом выше линии свода конхи, и вверх в плоскость между окнами среднего нефа и до начала кое-где самого свода его представляются совершенно одинаковыми по характеру и материалу кладки и без каких-либо надломов в ней. Эта кладка равномерными, некрупными брусками прослеживается по южной стороне — над первым (с востока) устоем и до пяты подпружной арки, т. е. на полную высоту окон; несколько ниже видна над последним южным устоем: До половинной высоты окон такая же кладка открывается и над

базилики в 1885 году сделали окна из среднего и боковых нефов на север, юг и запад, а только оконные рамы, уцелевшие в общем еще и в первую четверть XX века. Тогда, вероятно всего, были заложены оба крайних окна главного нефа.

первым и вторым устоями с северной стороны. Ту же кладку из брусков мы видим и в южном нефе в стене и в примыкающей к ней части свода против первой и второй арок. К этому прибавляется четкая форма окон главного нефа на юг и север; они и по размеру, по слегка намечающей форму подковы арке их, по посадке строго равномерно над арками храма с сохранившимся в южной стене правильным отступом от последних (в северной окна, видимо, позднее получили усиленный скат внутрь храма), наконец, по выполнению абриса окон из хорошо обтесанных и пригнанных квадров так же, как выложены большие окна на восток или арка входа на запад, — полностью отвечают остальным формам и соотношениям данной базилики. Наружная сторона продольных стен главного нефа, видимая по фасадам над кровлями боковых нефов, также сложена, как и вся постройка из брусков булыжника и объединяет эту часть органически с древнейшим слоем всей базилики. Особо нужно еще отметить, что кровля южного нефа совершенно закрывает по фасаду проемы окон, и что толщина продольных стен всего 60 см.

Как было выше отмечено, все-таки необычность создания темного, не используемого пустого пространства над конхой алтаря заставляет осторожнее подходить к решению вопроса. Правда, в постройке базилики позднего VI века в селении Ахмета тоже имеется внутри высокий лоб и за ним была над конхой пустота; но это произошло в результате явно устанавливаемого изменения проекта, последовавшего в процессе и во время строительства¹. Возвышающийся же в Анчисхатской базилике в Тбилиси или в Урбинской базилике над конхой алтаря высокий лоб по всем данным является результатом позднейших переделок после разрушения этих зданий и, следовательно, едва ли может быть здесь учтен. Точно так же прямой параллелью к решению этой части в Хашминской Самеба нельзя считать наличие относительно высокого лба над конхой в одной из ранних церквей в Картли, именно в Акаурта Болнисского района, ввиду того, что за лбом не было пустоты, как в Ахметской Гвтээба или Хашминской Самеба, и Шильдинской трехцерковной базилике, так как абсида выступает

там из остального корпуса здания вперед — тигранником². Тем более и другие сходные примеры уже более позднего времени (напр., Эрцойский Сион) нельзя считать параллелями, подкрепляющими решение стоящего перед исследователем вопроса.

Нужно учесть, конечно, и случай с базиликой Гвтээба в сел. Ахмета, т. е. возможность аналогичного изменения проекта в процессе стройки, когда придавленность здания и отсутствие в нем света были осознаны, и введено существенное повышение среднего нефа с его двумя рядами окон. Единственным намеком на это можно считать низкую, даже если откинуть завалы фасадов земель, посадку трех восточных окон храма; но ничего другого, несомненно указывающего на такое изменение в проекте, отметить не удалось.

Если облицовка фасадов по материалу и его обработке, а также по украшениям, в ней примененным³, заставляет относить ее вероятнее всего к XIV—XV вв., как на это время указывают и карнизы, то для датировки встройки дополнительных арок по устоям в боковых нефках, оставленную — по-видимому — без использования при коренной реставрации с дополнительной фасадной облицовкой, не имеется каких-либо характерных показателей, как и сама затея такого добавления не очень то хорошо мотивирована. Естественнее всего кажется предполагать, что это было вызвано каким-либо разрушением здания. Впрочем, показателей этого, при сплошном покрытии стен и устоев штукатурной обмазкой и наращиванием толщи кладкой, рассмотреть не удалось. Однако, хронологическая граница этой реставрации условно выдвигается небольшой купольной встройкой в центральной части северного бокового нефа. Отдельные элементы его, как восемь лучей, расходящихся из центра сводика, непосредственно сопоставляются с разделкой свода южного портика главного купольного храма в монастыре Икалто, датировать который нельзя позднее чем IX веком. Таким образом, и куполок в Хашми с его угловыми же tromпами перехода тоже приходится отнести ко времени не позднее IX века. В этом случае предшествующее ему утолщение устоев и т. д. естественно отнести к более раннему времени,

¹ Этот пример Ахмета очень ценен; подобное же повышение среднего нефа имеется и в древней трехцерковной базилике сел. Шильда, посвященной богородице, называемой Сион.

² См. исследование Л. Рчеулишвили во 2-ом томе *Аrs Georgica*, Тб. 1948.

³ Особенно характерным является среди них большой декоративный крест на восточном фасаде, являющийся отдаленной параллелью к таким же большим выступающим из плоскости фасада крестам на фасадах купольных церквей именно XIII—XIV вв. св. Саввы в Карданахи, затем в Пудзари и Сачини.

т. е. примерно к VII—VIII векам. Выделение пастофорий, произведенное одновременно, вполне согласовывается с указанной датой.

Проведенное выделение возможных исторических наслоений в здании Хашминской базилики позволяет, суммируя элементы первоначальной постройки, характеризовать ее в художественно-историческом отношении. В композиции плана необходимо оттенить прямоугольные восточные концы боковых нефов, не выделенные в особые помещения. Эта неразвитость культа в первые века христианства Грузии, твердо зафиксированная формами Болнисского Сиона — постройки последней четверти V века, и отраженная таким же, как в Хашми, композиционным построением боковых нефов, прослежена уже в маленькой базилике монастыря Дзвели Шуамта; то же отмечается в базилике Наткора. В архитектурных формах четко выделяется подковообразная форма арок здания, абсидальной конхи, оформления окон и дверей. Та же подковообразная форма применена и для плана алтарной абсиды. Наконец, в технике выполнения нельзя не подчеркнуть проступающие в оголенных от росписанной штукатурки частях здания, именно, в кладке арок по длине здания и в кладке расположенных над ними окон, а равно арок дверных проемов и алтарной конхи — хорошо тесаных квадров и их специальной пригонки для той или иной формы. Особенно яркой параллелью к последней черте на территории тоже Гарекхетии является придел Иоанна Зедазенского в базилике его монастыря, т. е. древнейшая часть ее, относимая мною к эпохе его деятельности; то же было и в Наткоре. Возможно, что и сами устои, делящие здание на три нефа, сложены также из квадров, так как у пят арок выделены импосты в форме скоса с небольшой полочкой, которые обходят каждый устой со всех четырех сторон. Этот же художественный прием применен как в следующих двух длинных базиликах Кахетии — Наткора и в Телавской Гвтэба, так и в Болнисском Сионе¹.

Все перечисленные черты древней базилики Самеба, позволяющие относить ее к группе базилик на переломе V и VI веков, получили теперь еще одно наиболее красноречивое, выразительное подкрепление этого утверждения в

резаных капителях на углах алтарной абсиды и на восточной паре капителей в обоих крайних арках по длине базилики. Как отмечено в описании, в промежуток лет после 1935 года и до 1947 г. с угловых абсидных капителей опала (а может быть, была сбита) штукатурка, сделанная под роспись, благодаря чему открылась древняя резьба, покрывающая их и являющаяся близкой параллелью к резьбе капителей Болнисского Сиона — постройки 478—493 годов². Рельеф узоров на этих капителях совершенно незначительный, он как бы наложен на поверхность фона. Листы, поставленные в ряд и каждый на всю высоту скоса южной капители (табл. 18-с, b), ближайше сходны по мотиву в Болнисском Сионе с западной капителью раскрытого в 1939 году проема в северной галерее. Рельеф северной капители на углу абсиды также выполнен как бы простым наложением узора на фон, как и листья южной капители (табл. 18-d). Этот рельеф, правый конец которого явно отбит, состоит из двух однотипных симметричных построений растительного (?) порядка, между которыми по «горкам» бежит горный козлик. Рельефы обеих капителей стоят на выступающей рамочке и увенчаны, тоже гладкой, полосой отвесной полочки вверх. Из капителей арок, примыкающих к абсиде под углом и чуть ниже абсидальных капителей, южная была видна как в 1935 году, так еще и в 1922 г. Она отделена четкой резьбой из ланцеток по полочке, а по скосу имеет только легко, неглубоко прочерченный мотив из следования двух подков, соединенных горизонтальной сверху линией двух смежных концов их (табл. 18-b и схемы). Тот же узор и скоса и полочки теперь открылся на капители в северном ряду арок (здесь мотив скоса лучше виден). Ланцеточный узор опять близок к орнаментации капителей Болнисского Сиона; мотиву же на скосе, условно названному «подковками», нигде не находится аналогии, как и всему построению или сцене на северной абсидальной капители³.

Таким образом, время возведения Хашминской Самеба устанавливается вполне точно сравнением орнаментальных мотивов, равно техникой строительства из тесаных квадров,

¹ Впрочем он держится еще и в Гурджаанской и Вачнадзианской Квела-Цминда, т. е. в VIII и IX веках.

² Ср. мою монографию «Болнисский Сион», Тб. 1940 (IX том Известий ИЯИМК Груз. ФАН СССР), табл. I—VIII и рис. 92—101.

³ Мотив ланцеток встречается и на оконных навершиях Атенского Сиона (Памятники типа Джвари, табл. 65), а равно и в Армении на Дворцовой церкви в Ани (Памятники армянского искусства, I: Ани — Дворцовая церковь. Чертежи Н. Г. Буниатова. Пт. 1915, табл. I, II, VI, VII, XII, XIII, XV и XIX).

1109353

применением архитектурных форм и известной архаичностью и другими чертами плановой композиции с базиликой Болнисского Сиона, т. е. вернее всего концом V и началом VI веков. Эту датировку косвенно поддерживает и

сообщение об участниках известного поместного церковного собора 506—507 годов в Двинне, в числе которых под постановлением росписался и епископ Кацаретский, некий Захария¹.

5. РУИНЫ БАЗИЛИКИ В НАТКОРА

В нескольких километрах от Телави, именно при разветвлении дорог на сел. Гулгула и Ахатели, стоит на ровном пустом месте руина большой трехнефной базилики, основные очертания которой еще удается установить, как показывает прилагаемый план².

Базилика на месте явно выморочного поселения Наткора была построена из булыжника и ширими. Стены ее и абсида выведены, судя по остаткам их, из хорошо подобранных булыжных камней ровными рядами; углы же здания, столбы и арки — из ширими, как заключаю по одному стоящему еще (хоть и застроенному с боков) столбу с началом арок и по фрагменту второго столба.

Базилика имела довольно просторный средний неф и узкие — боковые (в те же 1,40 м, как в Хирса и почти как в Хашми). Столбы имеют крестообразную в сечении форму с импостом для арок во все четыре стороны, импостом, который имеет форму невысокого свода с едва выделяемой полочкой. Арки по длине базилики, судя по удержавшимся частям их, выведенным из длинных, хорошо отесанных квадров ширими, имели подковообразную форму (табл. 21).

Апсида базилики в Наткора имела подковообразную внутри форму, а фланкировалась она прямоугольными концами боковых нефов. Последнее, для полной несомненности, требовало бы прокопа заваленных здесь частей руины. Впрочем наружный абрис восточного фасада был вытянут, как и у остальных, в прямую линию.

По длине базилики помещалось три пары столбов, т. е. четыре пары арок от западной

стены, ясно прослеживаемой в земле, и до углов абсиды³. Ни место, ни количество, ни размеры входов и окон установить реально не удастся. Их можно намечать только условно — три входа — так как или разрушение стен в соответствующих входам частях, или заваленность утрамбованной землей столь большая, что без раскопок не удастся ничего проследить; а относительно окон, даже и — трех — восточной стороны, ничего сказать нельзя, так как и эта стена сохранилась на уровне ниже возможного расположения их. Впрочем пологий скат земли от верха стоящей стены на восток дает основание предполагать, что в земле могли бы быть части обрамления окон из ширими.

Среди фрагментов около храма обнаружены два камня от карниза арочками (высота 20 см, ширина и высота арочек 15, глубина их 10, а расстояние одной от другой — 15 см); и один, к сожалению, оббитый поверху и низу, профиль которого близок был нижней поверхности карниза в северной галлерее Болнисского Сиона⁴.

Кладка стен этой базилики хорошо прослеживается; она в разных местах совершенно однотипна. Так, стена абсиды выделяет кладку из крупных булыжников, положенных по обеим наружным сторонам стены, и середину между ними, которую составляют такие же в основном крупные булыжники, как лицевые, но разной формы, более узкие, не составляющие, иначе говоря, ровных по высоте и глубине рядов из подобранных крупных плиток, как лицевые части. Таким образом, стену образует

ее плана, хотя его на месте установить нельзя. Равно по западной стене показаны пилястры, которые на месте уже не прослеживаются более.

³ По форме столбов естественно предположить подпружные арки в боковых нефвах, опиравшиеся при стенах на консоли. В этом случае свод боковых нефов был чуть шире, а восточные концы нефов отделялись аркой от остальной части свода.

⁴ Ср. рис. 27 на стр. 39 моей монографии «Болнисский Сион», Тб. 1940.

¹ С. Н. Какабадзе (*Bulletin historique — Сансторио Моамбэ, 1924 г., № 1, стр. 51, по грузински*) и Л. М. Меликсет-Бек (там же 1924. № 11, стр. 165, по-груз.).

² Я посетил означенный памятник только 9.VIII.1950 г., когда и сделан Ник. Чубинашвили обмер плана и несколько фото. На чертеже показан двойной уступ абсиды, исходя из наибольшей ширины подковы

6. БАЗИЛИКА НАТЛИС-МЦЕМЕЛИ В КОНДОЛИ

В северном конце деревни Кондоли Телавского района на шоссе стоит базилика Натлис-Мцемели, т. е. освященная во имя Иоанна Крестителя. Это—длинное и узкое

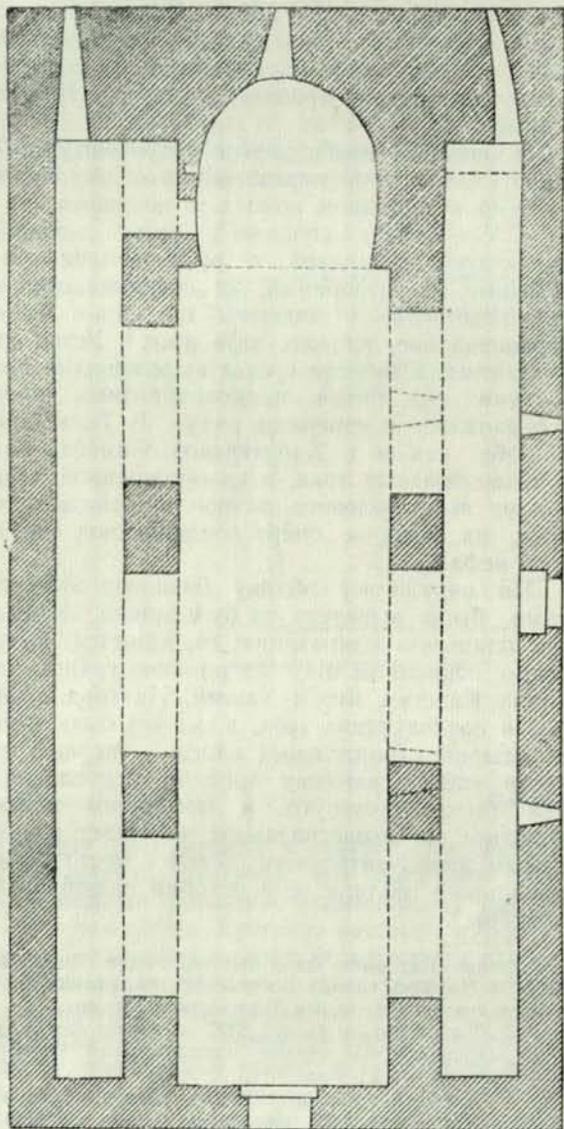
торых местах, однако, не выделяемому точно, едва ли это последнее падает на XIX век, когда церковь была отремонтирована для восстановленного богослужения¹.

Она вся сложена сплошь из булыжника. Кладка приближается к горизонтальным рядам но все-таки нельзя говорить о вполне четких рядах. И это в особенности ввиду большого разбоя в размерах булыжника. К сожалению, полной уверенности и в этом пункте нет, так как большая часть стен закрыта густой, но неровной штукатуркой и побелкой (табл. 22). Меньше других тронут побелкой северный фасад².

Базилика имеет узкий и сравнительно высокий средний неф (примерно $2\frac{1}{2}$ ширины в высоту). Но особенно узки боковые нефы, что сильно подчеркивается их длиной (1,40 м). Восточные концы боковых нефов кончаются сейчас прямоугольно и имеют какие-то крытые, пробитые в углах окна. На месте не удалось проследить изменения форм. Но вычерченный план с полной очевидностью показывает, что тут имеется коренная переделка. Очевидно, бывшие первоначально абсидальные полукружия заменены прямыми стенками с нелепыми (при толщине последних) окнами³.

Главная алтарная абсида по плану вытянута с востока на запад и имеет подковообразную форму. Освещена церковь была скудно. Алтарное окно очень иррегулярной формы, по-видимому, первоначально арка была подковообразной формы. Несомненно, базилика имела, как и сейчас, два входа — с юга и с запада, но некоторые неровности северного фасада дают основание предполагать наличие также северного входа. Только в последующей эпохе именно в базиликах VIII—IX веков, с их небольшой длиной бывает два входа — Алвани, Акура. Южный вход сохранился без видимых переделок, западный же изменен кирпичной починкой и штукатуркой.

Несмотря на сильную вытянутость этой базилики, мы имеем внутри только две па-

План базилики Натлис-Мцемели (схема)

здание из трех нефов, поделенных двумя парами столбов (см. план). Здание, видимо, подверглось существенному ремонту, в неко-

¹ Впервые проездом была осмотрена и намечена к обследованию 12.XI.1922. Обследована затем 25.XII.1933 г., когда сделан обмер плана и снимки. (Упоминается Пл. Иосселиани, Путевые записки по Кахетии, 1846, стр. 102).

² Ср. впрочем также южный и западный фасады.

³ План вычерчен схематизированно в частях нефов, так как цифровые данные были взяты неравномерно и частью оказались не применимыми. Форма же абсиды дана по засечкам, как равно расположение и раз-

ры столбов (табл. 22-d)¹. Отдаленность же столбов друг от друга и их прямоугольная по плану форма роднит Кондольскую базилику с древними же в Хашми и Хирса. Пролеты (три) между южными столбами заложены сплошь булыжной кладкой и вся стена в главном нефе оштукатурена. Только со стороны южного нефа видны контуры устоев. Арки северного ряда имеют западающие импосты, т. е. сами столбы выступают в среднем на 10 см вперед (ср. ниже трехцерковную базилику в Карданахи).

Свод среднего нефа, коробовый, имеет три подпружных арки (третья при западной стене). Свод северного нефа коробовый на двух подпружных арках, а южного — на трех (третья при восточном (sic) конце). Все подпружные арки на консолях, кроме одной, западной, в северном нефе, опертой на пилястру, кроме того еще обстроенную (возможно—и пилястра позднейшая?). Свод в западном конце южного нефа обвалился. Все своды—литые.

Наружные формы здания в общем сохранились, можно считать, без существенных перемен. Таковы в первую очередь уклоны кровель и высота нефов. Правда, храм примерно на 30—35 см занесен землей снаружи, но это не изменило существенно впечатления. Только входы стали совсем низкими. Побел-

ка и оштукатурка храма, не только внутри, но и снаружи, произведенная при возобновлении богослужения при русском управлении, лишило его непосредственности, вида древности, хотя наивной, примитивной, но все-таки не лишенной известной прелести, особенно благодаря высоте здания.

Здание подверглось, как отмечалось, ряду изменений при ремонтах, частью, полагаю, искаживших постройку. Определенно можно сказать, что храм чинился в позднюю эпоху века XVII, когда починили кирпичом западный вход, и, может быть, северный угол с его окном: а также сделали карниз из кирпичей, поставленных углом и ровно. Если правильно, что починен северный угол, то вероятным нужно считать закладку боковых абсид (гсп. переделку этих частей) и закладку южных пролетов произведенными в ту же реставрацию века XVII.

Формы плана и столбов этой базилики, равно пропорция нефов и всей высоты к плану, не оставляет сомнения в том, что время построения Кондоли относится к группе больших базилик, как Хашми, Хирса, Наткора, Телави, т. е. примерно к началу VI века. Она, как попутно отмечалось, то приближается к одной, то к другой, то к нескольким памятникам одновременно.

7. БАЗИЛИКА СТЕПАН-ЦМИНДА В ХИРСА ✓

Церковь прославленного монастыря св. Степана, одного из «тринадцати сирийских отцов», в Хирса является сейчас купольной церковью, облицованной частью тесаным камнем и украшенной даже резьбой². Она сильно и неоднократно переделывалась и ремонтировалась. Из рассмотрения ее у меня сложилось убеждение, что первоначальная часть постройки, бывшей по своим формам трехнефной базиликой, сохранилась в значительных частях и в современном здании. Для решения принципиального вопроса о возможности установить добавления и изменения, внесенные в первоначальную постройку, достаточно примерного обмера плана. По-види-

меры окон и дверей даны довольно точно. Искажение же форм стен трех нефов, устоев северного ряда, границы устоев южного ряда, в котором арочные пролеты наглухо заложены и линии закладки которых видны только в южном нефе, — даны схематизированно. Также откинута различная встройка в северном нефе.

мому, не удастся фактически доказать во всех деталях, каковы были ее первоначальные формы — это можно только охарактеризовать в общем. Детальнее мы подойдем к этим вопросам ниже, в главе VI (о купольных храмах). Здесь же наметим только, какие формы имела эта церковь первоначально, как базилика³.

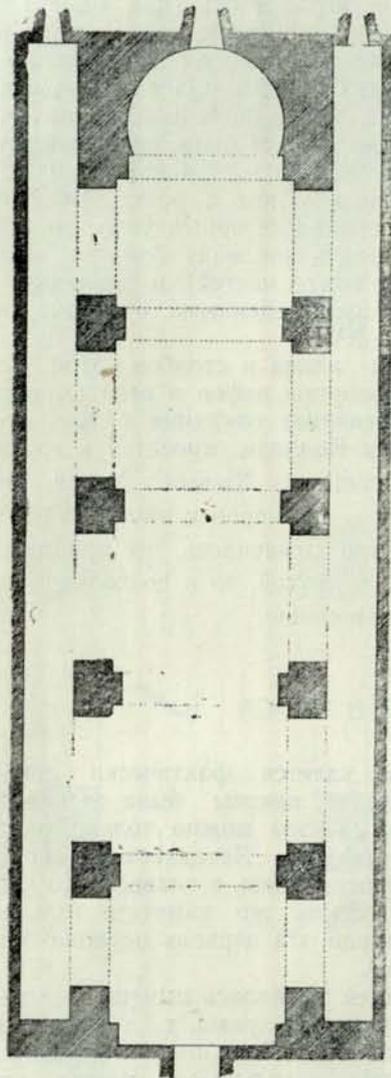
Длина ее равнялась нынешней длине большого купольного храма, т. е. от абсиды и до западной стены. Базилика была, таким образом, длинная с четырьмя парами столбов и пятью пролетами арок по длине и коробовым сводом на четырех подпружных арках, опи-

¹ Яркое пятно над столбом — освещение через южное окно, но не свой свет, ибо на север окон нет.

² Осмотрен 6.VIII.1920 г., 29.X.1922 г. и, наконец, 9.X.1940 г. и 26.III.1953 г.

³ На основании общих цифровых промеров здания сделана попытка графического восстановления плана древней базилики.

равшихся на пилястры перед столбами. Боковые нефы были очень узкие, всего ок. 140 см ширины, и перекрывались сводом на полуарках. В восточной части по сторонам абсиды, подковообразной в плане, не было специальных помещений, а просто боковые нефы упирались, вероятно, в стену, ибо никаких окон

Восстановленный план базилики Хирса

с этой стороны, как и с запада в них, видимо, не было¹. Арки базилики были подково-

¹ См. то же в Кацаретской Самеба и в Наткора.

образной формы, каковая сохранилась в форме конховой арки, а также воспроизведена во всех делящих главный неф от бокового с прибавленным позднее изломом. Вот то многое, что можно сказать о первоначальной форме этой базилики. Необходимо здесь же прибавить, что переделку ее в купольный храм я отношу к VIII—IX вв. и что древняя церковь, таким образом, относится к более раннему времени. А так как переделка, мне кажется, показывает, что она была произведена в частью разрушившемся храме, то естественно предполагать промежуток между построением и переделкой в два-три столетия, чему не противоречат те немногие черты, которые были выше перечислены.

Церковь построена над местом упокоения сирийского отшельника, как в Некреси и в Бодбе. Здесь рака его помещается в северном рукаве перекрестья, как это увидим также и в Алавердском соборе.

Три древнейших базилики Кахетии, именно Некреси, Шуамта и Матацкая Цхра-Кара, резко выделяются от последующих, как Хашми, Наткора, Телавская Гвтэба, Хирса и Кондоли, своими формами и размерами. Если базилика в Некреси вообще стоит особняком, то в базиликах в Шуамта и Матани видны общие композиционные тенденции, сводящиеся к тому же стремлению концентрировать и сжать все части вокруг возвышенной центральной части, что и в Некресской, но только намечая уже единые художественные установки путем превращения боковых нефов в трехсторонний обход. Вторая же группа базилик, от Хашми до Хирса, падающая на конец V и начала VI веков, не столько занята оригинальной перекомпоновкой-приспособлением этой архитектурной темы к ведущим тенденциям национальной архитектуры той эпохи, сколько стремится возможно ближе усвоить рекомендуемый церковью «вселенский» образец храма — удлиненную трехнефную базилику о нескольких парах устоев. Впрочем и здесь, напр., Кондоли уже выделяется во всей группе, давая только две пары устоев, но благодаря их удлиненной форме и особенно большому пролету арок все-таки создано здание значительной протяженности. Что же касается Хашминской Самеба, базилики в Наткора, Гвтэба в Телава, Степан-Цминда в Хирса, то в каждой из них имеем по 4—5 пар столбов, каждый раз различной формы сечения. Крестообразность устоев в Наткора объединяет ее с величественной базиликой Болнисского Сиона и с Урбисской базиликой (срав.

еще Джавахетскую в Цкаростави), тогда как Хашми, Телави и Хирса применяют прямоугольный в сечении устой, в одном случае с пилястрой в среднем нефе.

В плановом решении эта группа в некоторых чертах продолжает план базилики в Дзвели Шуамта: боковые нефы Наткора, Хашми, Хирса по сторонам алтаря кончаются не выделенными комнатами, а просто связаны общей формой, т. е. еще не выделено помещений для жертвенника и диаконника — в этих базиликах, как и в Болнисском Сионе обходятся без специального обслуживания этого усложненного ритуала. А вместе с тем, параллельно этому же в Матанской Цхра-Кара, как и в Телавской Гвтээба имеется выделенный жертвенник.

В компоновке этой группы длинных базилик очень примечательным моментом по сравнению с базиликами этой же группы в остальной Грузии является не только узость боковых нефов по отношению к среднему, но и безотносительно этого: 1,10 или 1,40 — 1,65 или хотя бы 2,00 м ширина боковых, тогда как средний неф соответственно имеет 3,60 или 4,50 и 5,00 или 4,30 м ширину, при общей длине зданий внутри в 17 или 28,20 и около 20 или 23 м. Ширина пролета арок по длине здания — в Хашми 2,30, в Наткора — 3,15, в Кондоли — около 3,00 и в Хирса — 3,50 м.

Следующая группа базилик Кахетии, одна из которых дополнительно датируется и историческими сообщениями на вторую половину VI века, представляет собой отход в разных

направлениях от стремления делать длинные здания с четырьмя или пятью парами устоев, с узкими боковыми нефами и без выделения пастофорий. Эта тенденция приводит быстро к такому решению, что по длине остаются только две пары устоев, ширина всего здания значительно вырастает, по сторонам алтаря выделяются комнаты для жертвенника и ризницы. Если, таким образом, происходит как бы возврат к короткому о двух парах устоев плану, как он выявился уже в Шуамта, то принципиальным отличием от него является то, что западная пара устоев в Шуамта служила замыканию пространства среднего нефа, имея западный обход, т. е. в среднем нефе было только две арки по длине его, тогда как теперь все три нефа тянутся сплошь до западной стены, имея внутри обе пары устоев и три арки по длине среднего нефа. У ранних из следующих теперь базилик имеется еще иногда притвор с запада на всю широту (Бодбе, Ахмета) или сделан обход вокруг трех сторон трехнефной базилики (Вазисубани и Горисджвари в Ахшани) — самостоятельность этих частей совершенно определенно воспринимается. Таким образом, и на территории Кахетии, как и всей Грузии, базилика, как архитектурная тема, уже к VII веку изживает собственно сама себя и возводивший ту или иную из них архитектор проявляет свой творческий подход только во второстепенных моментах композиции, а не в определяющих пространственное построение базиличной темы, как таковой.

8. БАЗИЛИКА ГВТЭЭБА В СЕЛЕНИИ АХМЕТА

Описание. — На север за сел. Ахмета, едва-ли в полукилометре, стоит на кладбище внушительная развалина базилики, именуемая Гвтээба¹.

Базилика построена из булыжника с применением ширими для арок, углов, пилястр, карнизов, наверхий окон. К основной постройке добавлен западный обход и, вероятно, тогда же повышен средний неф (линия повышения сохранена западным фасадом). Церковь была в действии еще сравнительно недавно: есть вставленные деревянные балки, сужение юж-

ной двери из главного нефа встроенными кирпичными частями, деревянной перемычкой и заполнением из камня над ней. Но сейчас церковь нужно считать обреченной на полное разрушение из-за выросших на развалине мощных деревьев, которые вошли корнями внутрь стен и многие части их даже уже опрокинули, обвалили, другие расщепили, откололи, третьи наметили к развалу.

Примыкают к церкви разные стены в обрывках — с западной и северной сторон, особенно близко с северной. С западной стороны

¹ Обследована 11 и 12.XI.1935 г., когда сделан и примерный обмер; при состоянии разрушения этого памятника и распираания отдельных в нем мест корнями выросших деревьев, едва-ли возможно сделать более

уточненный обмер. Затем последний раз посетил памятник 10.VIII.1950 г. Выполнен обмер со схематизацией отдельных частей уже в 1953 году Р. С. Мещашвили.

церкви проходит стена, имеющая немного севернее угла церкви арочный вход для пеших, который вел на этот участок, застроенный разными жилыми или хозяйственными постройками при базилике. Стена эта, видимо, остаток ограды участка «палат», находящихся северозападнее базилики; другая линия такой же каменной ограды, параллельная наглаз этой, тянется за развалинами палат. Кроме того, тут же восточнее базилики стоит довольно высокая зальная церковь средних размеров с двумя декоративными арками по продольным стенам ее. Вокруг этих зданий на всей свободной площади много обрывков зданий, стен, несколько зальных церквочек. А также старое кладбище, отчасти функционирующее, видимо, и теперь еще.

Церковь Гвтээба в Ахмете по плану трехнефная базилика, которая имеет одно характерное отличие, нами уже встреченное в Цхра-Кара близ Матани. Это — отделение южного нефа стеной от главного, с сохранением только дверного прохода (план).

Главный неф церкви имеет плоскую абсиду с неполным кругом (табл. 28-б). Стены разбиты глухими арками: продольные имеют по три арки, а западная — две (разрезы и табл. 27). В северной стене, в восточной арке, внизу — дверь, ныне наполовину заложенная и превращенная в нишу. В двух следующих сквозные на север арки на высоту бокового нефа, а на юг внизу глухие стенки во всех трех арках, как и вверху, при этом в средней арке — дверь. На запад тоже дверь, прорезанная в северной арке, т. е. не по оси помещения (поперечный разрез и табл. 27 б). Западная стена главного нефа уцелела на большую высоту, чем арка абсиды, т. е. над последней поднялся еще отвесный лоб. Свод провалился и нет также даже верхних частей продольных стен, где начиная от вершины глухих арок, а где от пят их. Свод поддерживали, возможно, две подпружных арки.

Стены нефа и абсиды сохранили на значительных поверхностях штукатурку; видимые внизу абсиды камни кладки все равномерно покрыты насечкой для прикрепления штукатурки. Двери из главного нефа на юг и на запад имеют внутри его арочный верх, а снаружи — горизонтальное заполнение сплошной, неровной по форме каменной балкой (см. табл. 25-а). На север же дверь прямоугольная. Притолоки из ширими. Точно также из ширими арки глухих аркад, их пилястры в два уступа, оба арочных проема в северный

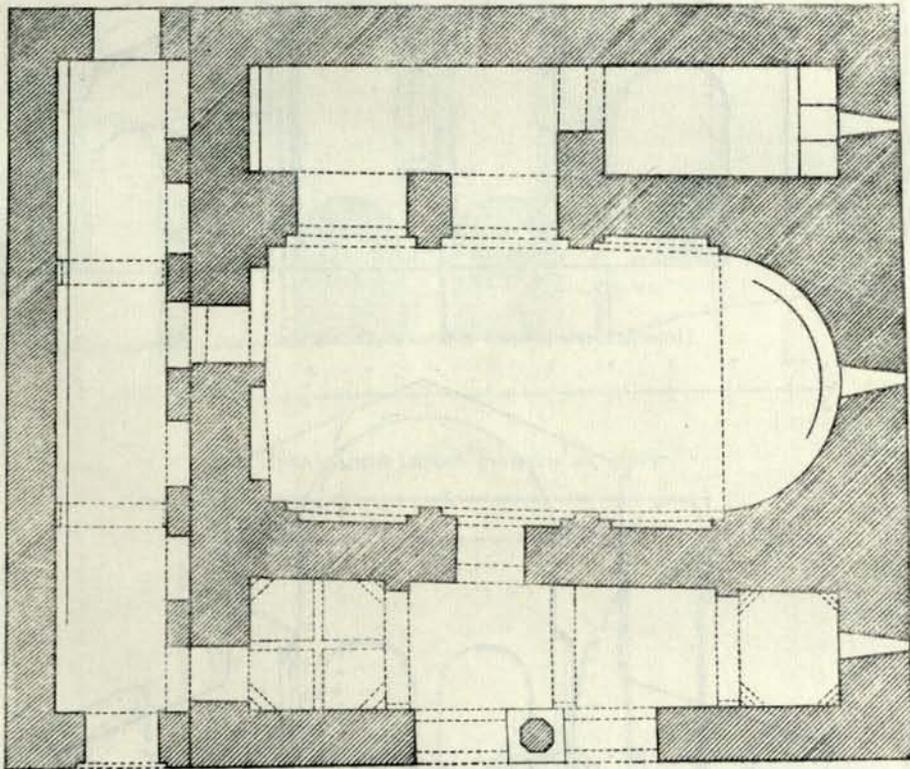
неф с импостами, обработка снаружи арочного окна. Все это выведено из хорошо отесанных и точно пригнанных квадров.

В северном нефе выделена довольно длинная восточная комната в качестве жертвенника. Она прямоугольная. Дверь из нее в главный неф позднее заложена. Окно в жертвеннике обрамлено ширими. Хотя комната не имеет алтарного закругления, в ней ныне под окном обрывок престола. Дверь из северного нефа в жертвенник снаружи имеет горизонтальную перемычку из сплошной каменной балки неровной формы, а внутри помещения жертвенника арочный верх, сложенный из булыжника. Это выделение жертвенника приходится прямо по устоям арки, разделяющей нефы. Остальная часть северного нефа представляет собой сплошной корридор, не имевший ни одного окна, он освещался через два проема из главного нефа. В северной стене сейчас пролом и расширение остальной стены, проникшими внутрь ее корнями деревьев. Коробовый свод еще держится.

Южный неф, как сказано, отделен стенкой от главного. Это отступление от собственной базилического типа вызвано, полагаю, тем, что по наружной стене дан мотив двух арок на восьмигранном столбу (план). При первом посещении были еще видны и низ столба, и оба крайних конца арок — начало восточной, и пилястра под концом западной. Теперь же столба не видно, как и начала арки, — настолько здесь все завалилось; впрочем, может быть, устоям закрыт глыбами развалившихся частей. Восточный пролет сохранял частично позднейшую закладку его. Другой своеобразный мотив, примененный в этом же южном нефе базилики — это выделение обоих концов нефа, восточного и западного (план и табл. 25). Они отделены поперечными арками аналогичной высоты, как и двойная арка входа. Арки выделяют, примерно, квадратные в плане пространства. Каждый квадрат имеет купольный свод, переходом от квадрата к кругу которого служат наискось положенные камни — три, один над другим, каждый раз больших размеров (разрез по южному нефу табл. 26, 24-б, с). Купольный свод восточного квадрата — гладкий (табл. 26-б), а в западном квадрате выделен в своде кладкой рельефный крест — четыре полосы по странам света (табл. 26-а). Они сложены из правильно нарезанных плиток ширими. В восточном квадрате имеется на восток окно, выложенное из квадров того же ширими. Под окном остатки примазанного к стене престола. За

15 лет и здесь произошли значительные изменения: часть восточной стены от оконного проёма и до самого угла здания обвалилась, унеся угловой переход и часть купольного свода — компартимент открыт теперь с востока (откуда и сделаны фото). Из западного квадрата на запад сохранилась дверь. Арка ее правильно сложена из ширими, имеет импост в обычной здесь форме полочки со скосом (поперечный разрез, и табл. 25-а).

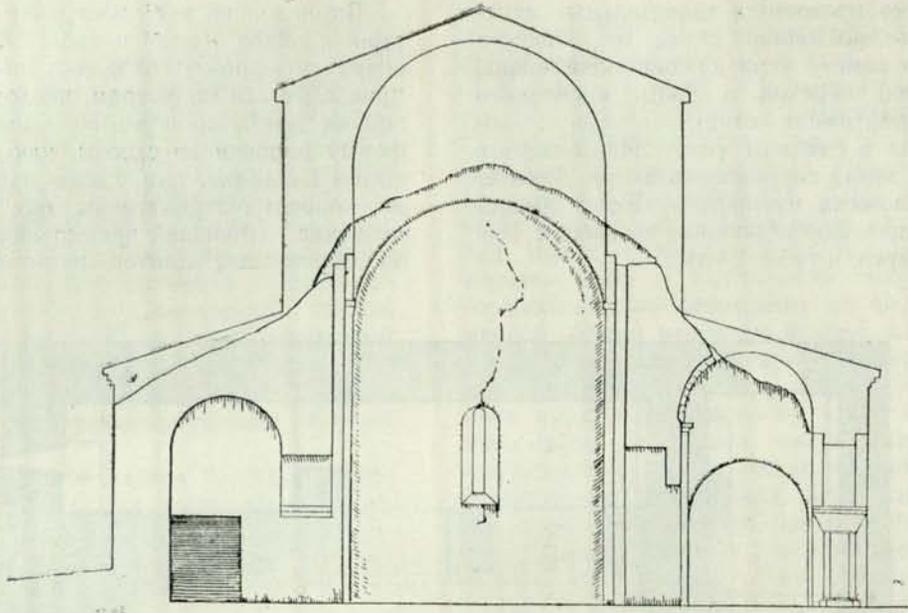
Вприслон ко всей постройке с запада пристроен обход (план и табл. 28-б). Свод его опёрт по фронту базилики на аркатуру по прислонённым пилястрам, числом пять. В каждой из шести арок импосты имеют такую же форму полочки со скосом, как и остальные в самой базилике, они также из ширими. Арки же хорошо оштукатурены, они частью из булыжника, а большей частью олять из правильно нарезанных плиток ширими. Свод этого

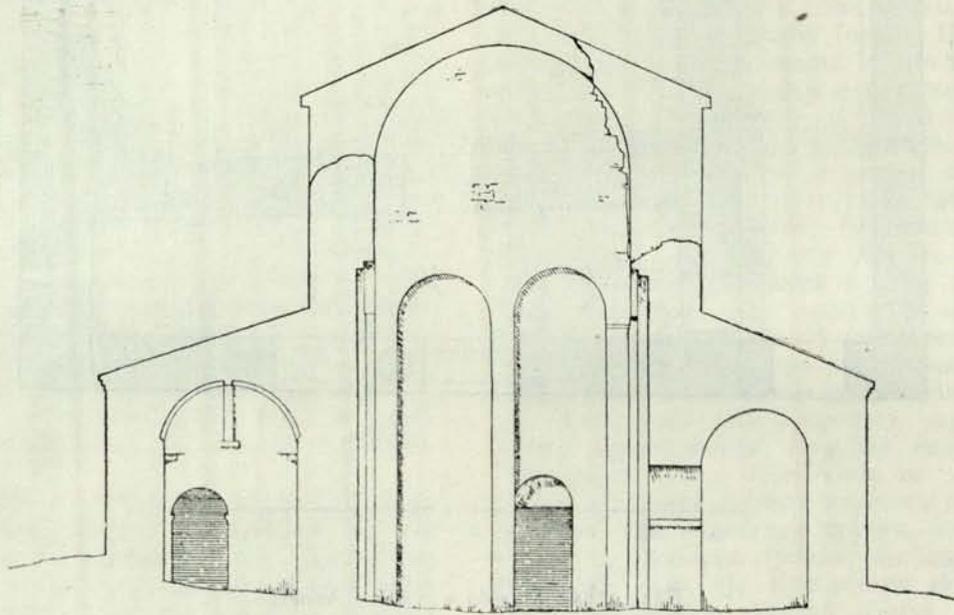
План храма Гвтэба в селении Ахмета

Отрезок средней части южного нефа с коробовым сводом имел одну подпружную арку, сложенную также из квадров ширими, остатки литого свода имеют подковообразное закругление (табл. 25-а). Так же и наружные арки были сложены из правильно нарезанных плиток ширими.

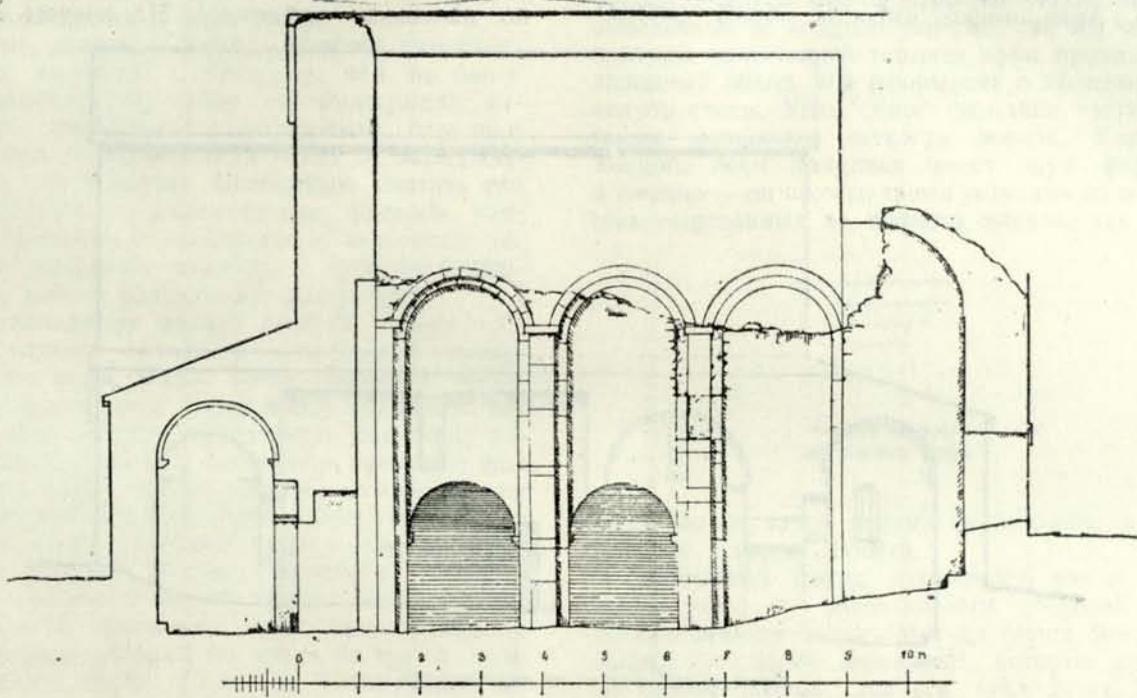
корридора коробовой, он имеет две подпружные арки из ширими, без пилястр, на обычной, как у импостов, форме консоли. По-видимому, этот корридор не имел с запада никакого входа вовсе и нынешний неровный пролом в стене против двери церкви есть именно только пролом. Зато на юг и на север он от-

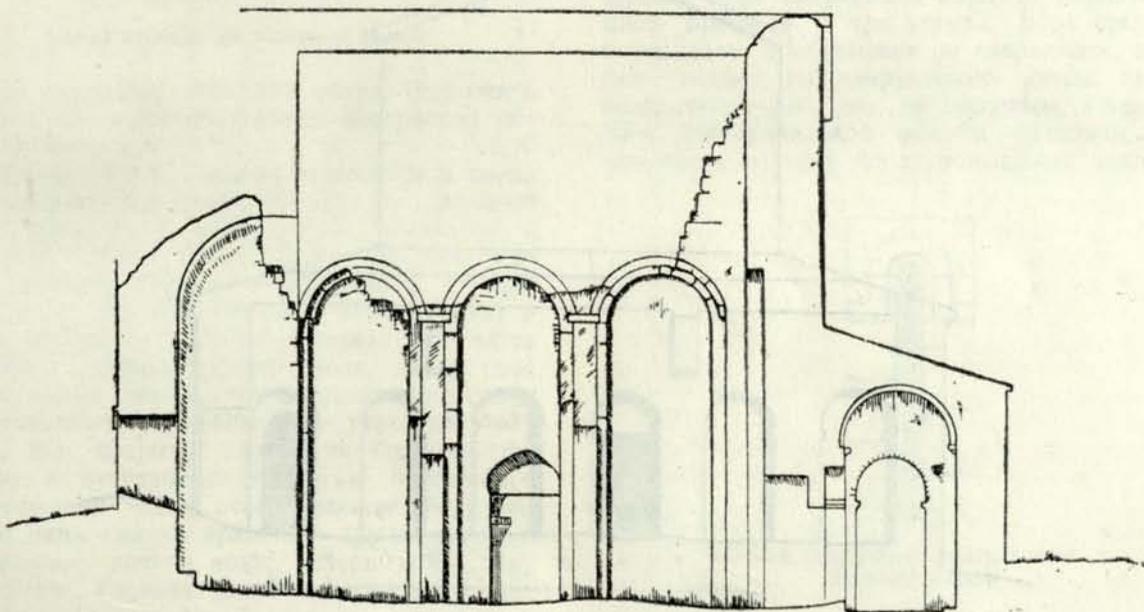
Поперечный разрез с видом на восток

Поперечный разрез с видом на запад

Продольный разрез с видом на север

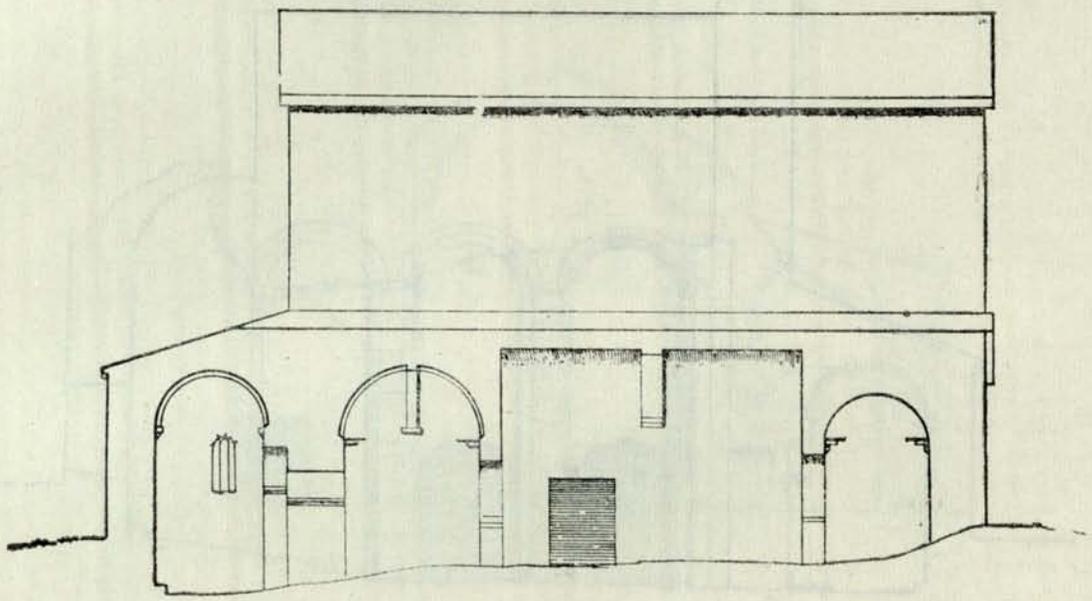
Продольный разрез с видом на юг

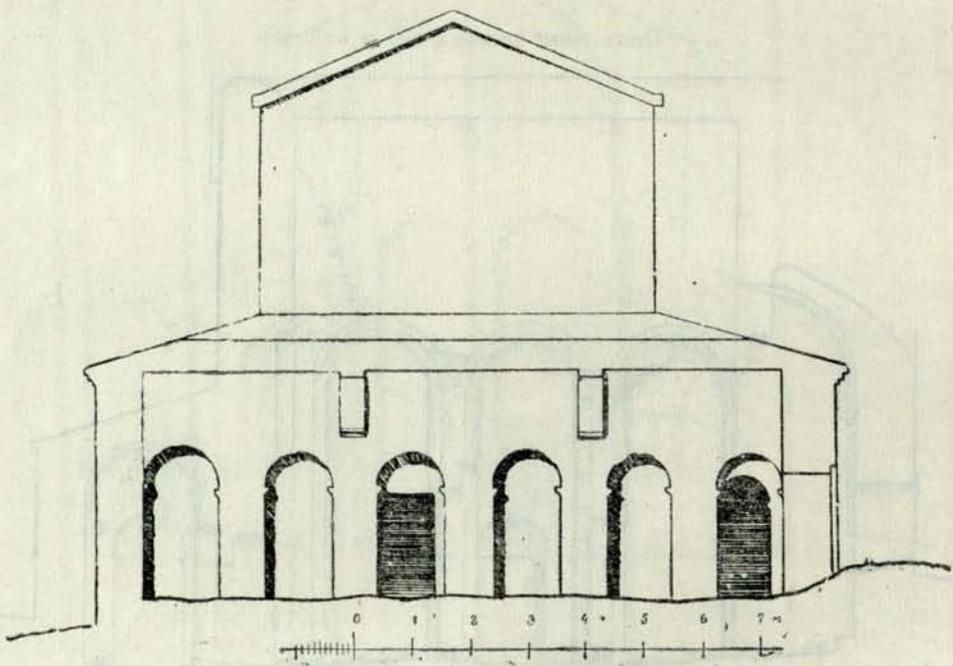
Электронная библиотека
Историко-архитектурного
и этнографического музея
заповедника «Одесский
замок»

крывался арками, сложенными почти во всю ширину корридора из правильных плиток шириными. Арки имеют импосты общей формы.

Они, как и притолоки, тоже из шириных плиток. Двери позднее заложены с оставлением только маленьких окошечек¹. На южном конце

Продольный разрез по южному приделу

Разрез по западному обходу

¹ Закладка северной арки изнутри затуманена вероятной порчей притолок и заменой здесь шириными

сплошным булыжником. По фасаду же эта линия закладки и притолоки из плиток видны ясно.

свода и в обходе началось разрушение, производимое корнями деревьев; есть также дыра, захватившая и верх стены.

Хотя западный обход выведен самостоятельно, вприслон к базилике, тем не менее все элементы его, набор стройматериала, настолько совпадают с постройкой базилики (напомню в особенности отказ от западного входа), что полагаю возможным считать его одновременным. Рассмотрение фасадов также подтверждает положение о цельности замысла западного нартекса с остальной церковью, хоть и раздельного построения.

По западному фасаду имеется массив нижнего глухого обхода и западающей стены главного нефа (табл. 23-b). Большая масса широкой сплошной стены внизу правильно потребовала поднять выведенную уже стену западного фасада под фронтоном примерно еще на метр выше. Отсюда видное и сейчас на нем дополнение кладкой (табл. 23-d). Разницы в облике стены главного нефа и западного обхода — никакой. Карниз фронтона главного нефа, как видно по оставшимся обрывкам его, составляли правильно вырезанные сухарики из квадров ширины по два и по три в каждой плите (табл. 23-d, e). Точно такой же

Схема карниза на западном фасаде

карниз украшает западный обход. Это опять говорит об одновременности построения обхода и базилики¹.

Южный фасад здания находится в сильном разрушении (табл. 24-a). От главного нефа сохранился лишь кусок, связанный с западной стеной (табл. 23-b). На нем уцелел фрагмент карниза с сухариками. От южного нефа уцелели боковые отрезки стен и стена западного обхода. Средняя же часть фасада с двойной аркой входа, как и свод в этой части обвалились в главных массах и образуют утрамбованные горы на полу нефа. Все покрыто зарослями больших деревьев и кустарника. Как уже отмечено, в разрушенной части стены раньше был еще виден один камень арки, а с другой стороны ободраный контур арки. Теперь этого тоже нет более. Уровень земли снаружи храма повышен сейчас с южной стороны, как и с за-

падной, примерно, на метр. Стенка западного обхода имеет с южной стороны четкие углы, выведенные из квадров ширины; так же четки контуры заложенной позднее арки прохода в западный обход, она оформлена с западинкой вглубь стены. Углы самой базилики частично также сохранили четкость формы. Карниз южного нефа базилики имеет иную форму, а именно — он сложен тремя уступами из цельных вырезанных из ширины плиток, как мы

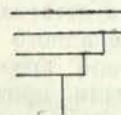

Схема карниза на южном нефе

уже видели такой карниз на базилике в монастыре Дзвели Шуамта.

Восточный фасад сохранился, как и южный, тоже со значительным разрушением, произведенным выросшими на обоих боковых нефах большими деревьями, которые пустили корни вглубь стен (ср. табл. 23-a). Весь фасад сложен из крупных камней, ровными рядами. По углам есть тесаные квадры. На южном нефе сохранился обрывок карниза общего профиля в три уступа. Верх среднего нефа даже в облицовке не сохранился, а виден только по закруглению свода конхи, вследствие чего, мы не получаем впечатления первоначальной высоты базилики, как она была создана после повышения западно-

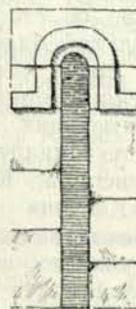

Схема формирования центрального восточного окна

го фронтона и продольных стен, т. е. после создания над конхой надсводной пустоты. Из трех окон восточного фасада оба крайних

¹ Размеры по найденному на земле фрагменту — ширина выступающего сухарика 8 см, а ширина и глубина углубления по 7 см.

снаружи ободраны. Только алтарное сохранило обрамление из ширими, имеющее по верху рельефную арку, сильно подвышенную и с отворотами (табл. 23-с).

По северному фасаду так же имеются значительные разрушения. От стены главного нефа почти ничего не видно. Стена же северного еще стоит, хотя кое-где облупилась. Карниз уцелел почти сплошь, он трехступенчатый, ныне изъеден. Как сказано, в северном нефе не было ни окон, ни дверей. Нижняя линия стены закрыта остатками каких-то пристроек. В стене западного обхода, которая попорчена с северной стороны, намечаются прерывающиеся линии притолок, предполагаемого арочного пролета, сложенных из ширими.

А н а л и з.—Для определения даты этой постройки, интересной, главным образом, своими особенностями провинциального характера, приходится прежде всего отметить прогрессивный характер здания. Общий размер и пропорции постройки приближают ее к группе более поздних базилик Кахетии, в частности Горис-Джвари в Ахшани, а затем также Алвани и Зедазени; включение по стенам главного нефа аркад говорит о декоративных пожеланиях и вызывает сравнение с трехцерковной базиликой в Руиспири; мотив двойной входной арки с юга естественно сопоставить с трехцерковными базиликами Сагурамским «Касури» Георгием, а затем, с Зегани, Некреси и др. — с одной стороны, и с трехнефными базиликами в Вазисубани и Ахшани — с другой; восьмигранный столб вызывает сравнение со столбами в базилике Верэ в Картли¹; глухой, благодаря притвору — западный фасад тоже вызывает невольные аналогии в древнейших примерах трехцерковных базилик, не имеющих входа с запада, как Квемо-Болниси, Цинарехский Степан, те же Сагурамо, Руиспири, Кондамиани и др.; с Сагурамским «Касури» Георгием Ахметская Гвтэба перекликается еще и выделенными в концах южного нефа квадратами; мотивы же карнизов тянут к более древним памятникам, как Демир-булах на Цалке и базилика Дзвели Шуамта; равно нужно помнить о ряде черт и моментов, которые выдвиг-

нуты были уже при разборе Матани, именно выделение квадрата с куполком и выделение жертвенника. Таким образом, датой этого памятника я бы считал вторую половину VI века. Вероятно, что постройка эта из ранних — все отмеченные показатели вполне это подтверждают, к тому же, нужно еще оттенить, что она является несколько запоздалой по времени, если учесть первоначально предполагавшуюся небольшую высоту среднего нефа.

Чрезвычайно ценным, для изучения эволюции грузинской архитектуры, является в этой базилике Гвтэба в Ахмета наличие двух выделенных квадратов с купольными перекрытиями. Это непосредственная параллель к Цхра-Кара, близ Матани и при этом с четким переходом из наискось положенных каменных плиток по углам. По сравнению с Матани здесь четкие формы и место этих квадратов, как и мотив двойного входа, получили художественное оформление. Естественно, что восточный квадрат служил приделом, как квадрат в «Касури» Георгием: но сама эта форма, как ненайденная в рамках традиционного полукруга абсиды, очень показательна для раннего в общем времени.

Наше определение даты, высказанное в результате анализа и сравнения форм, получает некоторую поддержку в сообщении из жития Антония Марткопского, одного из тринадцати сирийских отцов. Сведение это сохранилось только в пересказе большого гуджара, данного Марткопскому монастырю, царем Давидом (Имам-Кули-Ханом) перед смертью, в 1722 году². Здесь рассказывается из недошедшего до нас жития, что Антоний, покинув Иоанна Зедазенского, идет в Кахетию и последовательно проводит отшельническую жизнь сперва в отдельных учеников Иоанна — в Икалто, у Шио в Артозани (поблизости от Икалто), затем в Алаверди и, наконец, уединяется в дикое Лопотское ущелье за Алазанью. Когда здесь скопляются вокруг него последователи, он опять уходит и შემოვიდა უვალთა ტყეთა და უკაცურთა ალაგთა ახმეტისათა და პოვა ადგილი გონებისა თავისაგებოი: (29₂₋₃), *вошел в непроходимые леса и необитаемые места Ахметские и нашел место, отвечающее его пониманию* (29₂₋₃) а отсюда уже пе-

¹ См. Историю грузинского искусства, I, гл. IV, рис. 155—158, стр. 198—200 (по-груз.).

² Издан С. Какабадзе, Исторические документы (по-груз.), вып. I, Т., 1913 (46 страниц). Выборки даны

были еще у Пл. Иосселиани, Описание Марткопского монастыря, Т. 1847, стр. 29—31, а также у М. Сабинина, «Рай Грузии», СПб., 1882, стр. 294—295 в прим. (по-груз.).

переходит на последнее место своей деятельности в Марткопи.

Затем о церкви Гвтэба в Ахмета, которая стала подворьем Марткопского монастыря, как одно из мест подвижничества Антония, упоминается только ввиду связанного с нею предания об определении принадлежащих ей земель (30^{б-19}). Так как

установлено, что приход Антония в Грузию из Эдессы произошел в середине VI века¹, то рассказ жития о деятельности Антония в разных местах Кахетии поддерживает результаты нашего художественного анализа памятника с датировкой его на вторую половину VI века (ее начало).

9. ВАЗИСУБАНСКАЯ БАЗИЛИКА

Описание. — Вазисубанская базилика Успения богородицы находится посреди селения, ранее именовавшегося Уриатубани². Праздник справляли 15 августа в день Успения³.

Церковь эта до закрытия служила штатной церковью селения и потому была в XIX веке отремонтирована, т. е. отчасти подмазана штукатуркой и главным образом побелена: первое — преимущественно внутри, а второе — снаружи. Это, после первого посещения, лишило отчасти, конечно, возможности характеризовать данную базилику во всех деталях; но теперь характер постройки настолько ясен по очистившимся от дождя наружным стенам, что никаких вопросов существенного порядка более не остается.

Базилика в Вазисубани — большая и длинная, с двумя парами столбов по длине постройки. Кроме того, она имеет с трех сторон обход, выведенный вприслон к корпусу базилики. Алтарная абсида одна в среднем нефе, боковые же нефы имеют прямоугольные в плане, отделенные стенками от нефов, восточные комнаты, в которые ведут из боковых нефов входы. Обход же имеет в восточных концах абсидальные закругления, без окон, и прилегающие к этому сплошные рукава, двойной ширины по сравнению с боковыми не-

фами базилики. Свод обхода покоится на аркатуре, переброшенной по столбам вприслон к стенам базилики. Все три нефа базилики сравнительно очень узкие и высокие — на зрительное впечатление высота среднего нефа в 2½ раза больше его ширины (ок. 4,30), т. е. два квадрата и полукруг свода поверх них. Притворы примерно в два раза шире боковых нефов (ок. 1,30). Церковь в целом, как внутри, так особенно снаружи, производит впечатление большой (табл. 29, 30, 31, 33). Света в церкви также много — в алтаре одно окно, в главном же нефе по три окна на юг и на север, а на запад группа из трех окон высоко в стене с расположением двух из них в ряд и третьего над ними. В боковых же нефях, судя по оставшимся оконным рудиментам, можно предполагать такое же обильное освещение — именно, по три окна в продольных стенах. Конечно, и восточные комнаты имеют по окну. Таким образом, освещалась церковь обильно, что при ее высоте, конечно, было необходимо и художественно оправдано. Ныне же из указанной, предположительно, системы освещения боковых нефов сохранились два окна на юг по центральным осям пролетов между нефами — за исключением окна против западной арки, а на север сохранился только один проем против вершины западной арки. Но и все эти три ок-

¹ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. I², Тб. 1928, стр. 341, а по К. С. Кекелидзе, К вопросу о приходе тринадцати сирийских отцов в Грузию (по-груз.), Bulletin de l'Université de Tiflis, т. VI, Тб. 1925-26, с. р. 100, 102 — прямо на 515 год.

² Возможно, что старое наименование селения Уриатубани является, по предположению покойного З. И. Чхиквадзе, народным осмыслением древнего наименования Туратубани, местонахождение которого неизвестно (И. А. Джавахишвили, История, II, Т. 1914, стр. 309—310).

³ Осмотрена первый раз 4.VIII.1920 г., когда был взят примерный план в шагах. Вторично осмотрена 19.XII.1931 г., когда примерный план замерен в циф-

рах, а дополнительные данные к плану сделаны 20.IX.1933 г., когда вновь пройден текст. Наконец, в последний раз — 22.XI.1949 года. По сообщению Л. М. Мелнксет-Бека, Уриатубанский праздник будто был третий по известности во внутренней Кахетии, после Алавердского и Анкурского, и справлялся в начале лета. Однако во второй мой проезд никто таких сведений из местных старожилов не подтвердил. Говорили, напротив того, о празднике Крестителя (6.VI?) в церкви, выстроенной местным помещиком лет 50 назад ниже района Давитиани (на территории нынешней научно-исследовательской базы виноделия и виноградарства).

на сейчас частью закрыты кровлей притвора. Окна были довольно длинные.

Таким образом, естественно рождается вопрос — не пристроен ли обход позднее. Но полагаю, что это изменение в системе освещения произошло вследствие изменения уклона кровель обхода и наращивания толщи их в течение времени при ремонтах: указание на это дает юго-восточный угол в натуре, где над карнизом наращение кровли наглаз до $\frac{1}{2}$ метра (ср. табл. 30-b). При первом осмотре базилики это убеждение в одновременности обхода с церковью также подтвердилось, а объяснение закладки нижней части окон казалось возможным отнести за счет изменения первоначального плана, гср. исправления замеченной ошибки расчета в постановке окон церкви, т. е. отказ от окон в связи с предполагавшимся построением обхода. Последнее предположение находит подтверждение именно в том, что ни с одной стороны не сделали трех окон, т. е., повидимому, еще кладка стен не дошла всюду до этой высоты, когда строитель внес соответствующее изменение, задумав прибавить обход, или, вернее, корректив, заметив, что окна будут заслонены обходом. Окончательное выяснение этого вопроса в ту или иную сторону высказанных предположений упирается в факт упомянутой обмазки, которая скрывает места отсутствующих сейчас окон, и соотношение кровель к стенкам.

Свод среднего нефа — коробовый, а боковых — подковообразной формы с западанием над стенами и на четырех полуциркульных подпружных арках, кончающихся немного ниже на стене консолями; возможно, что эти арки намечают те отрезки палуб, какими по частям был лит свод. Две из арок находятся против середины столбов, а две по концам свода (восточному и западному). Свод в восточных комнатах также коробовый и на одной высоте со сводами боковых нефов, так что комнаты очень высокие¹.

Арки, делящие три нефа друг от друга, почти все имеют ясно выраженную подковообразную форму (табл. 34). Другими словами, можно принять, что все они были этой формы; а где сейчас ее не видно, там налицо результат ремонта с его грубой штукатуркой. Импысты арок внутри церкви так же смазаны штукатуркой, однако проступает форма ровной по-

лочки из выпущенных камней, какую без обмазки имеем во входных арках обхода.

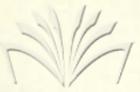
В церкви было три входа — с юга, севера и запада. Сейчас все они несколько сужены и имеют деревянные двери, северный вход частью заложен. Тем не менее над обоими изнутри ясно видны подковообразные арки вокруг тимпана². Западный же вход сильно переделан, здесь, как в проходах в жертвенник и в диаконник, — стрелка в арке.

Обход, как отмечено, выстроен вприслон к корпусу базилики. В восточных концах его — абсидальные глухие открытые внутрь закругления. С северной и южной сторон трехарочные входы, расположенные против входных дверей в базилику (табл. 29,31). А с западной стороны одноарочный вход, ныне суженный кирпичной кладкой (табл. 29-а, 30-а). Никаких окон в обходе не существует, а поступающий через входные пролеты свет достаточно ровный в продольных частях и несколько уменьшенный в поперечном западном отрезке. Средние арки входов с юга и севера шире и выше боковых и отделяются от них столбами. Пяты арок отмечены выпущенной полочкой из булыжника (табл. 32-а, б). Боковые арки севера теперь совсем заложены: они сидят низко в земле, т. е. или церковь села, или — что едва ли вероятно — боковые арки не служили входами, хотя и доходят до уровня пола. Это же впечатление не менее сильно и на южном фасаде. По настилу пола в отремонтированном виде также нельзя окончательно выяснить данный вопрос, хотя даже существующий пол обхода несколько ниже уровня земли вокруг. Свод обхода был лит по палубам, отпечатавшимся достаточно ярко на нем и образывавшим небольшую излом в вершине. Свод этот, вероятно, также делился по частям, по отрезкам от одной подпружной на консолях арки до другой. Стык сводов под прямым углом в западной части дает особенно типичные арки на западных углах, как показатели древности, архаичности: здесь как бы выделены квадраты для распалубки, считая от угла базилики, но правильной формы пересечения не дается, а только смятая форма.

По стенам базилики свод обхода опирается как отмечено, на аркатуру, переброшенную по столбам (табл. 33-b). Столбы стоят вприслон к стене корпуса базилики. Самые арки не оди-

¹ Что это выделение комнат не есть продукт позднейшего изменения путем встройки стены с дверью, явствует из большей ширины комнат.

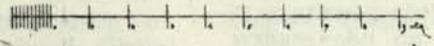
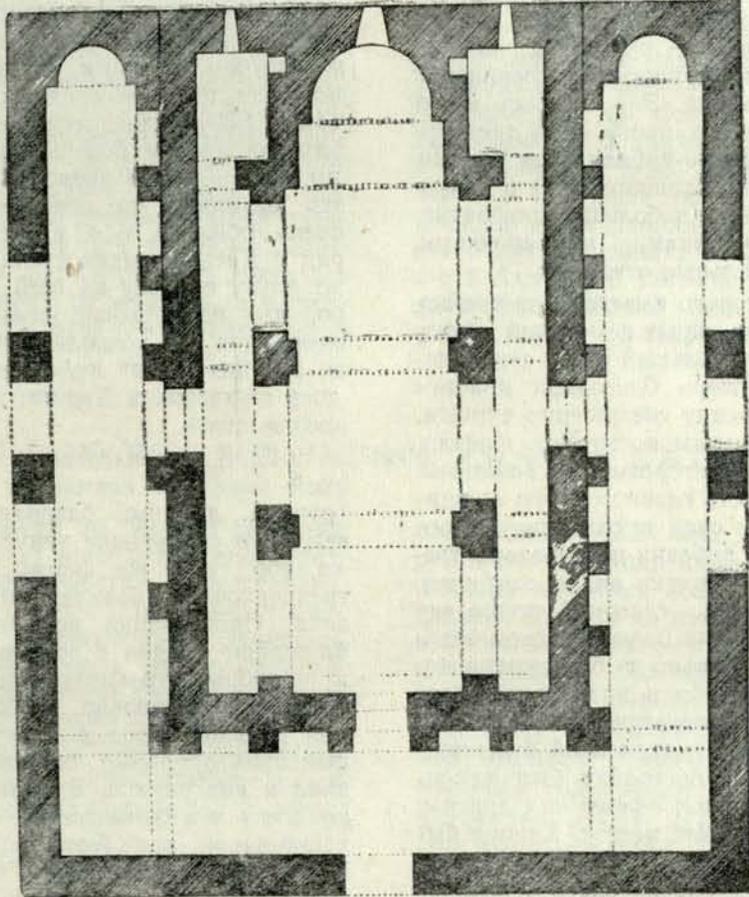
² В прилагаемом схематическом плане эти мелкие, ясные добавления, а также в других проходах, оторочены; не показаны и остатки каменных встроек алтарной преграды.

საქართველოს
რეპუბლიკის
ქრონიკის
სამეცნიერო
ბიბლიოთეკა

наковые, но это в зрительном впечатлении скрадывается: арки перед дверьми в базилику больше остальных; общее число их по западной стене 5, по южной 7, а по северной 6. Благодаря последнему обстоятельству, арки западной половины северного обхода разных размеров и значительно больше всех осталь-

же (или, быть может, именно поэтому) на притворы. С восточной стороны видны три уступа цоколя, высота которого в целом около 50 см (табл. 30-б). На юго-восточном углу две ступени его закрыты землей, а около входов с юга повышение земли еще увеличивается (тоже примерно на 50 см). Уровень пола внут-

План базилики Квела-Цминда в селении

ных. Вероятно и это различие могло бы быть выяснено в своем явлении (не починка ли?), если бы эти части не были побелены.

Обход, как уже отмечено, примерно вдвое шире боковых нефов церкви, а так как в высоту он ниже их, то впечатление простора еще усилено. Снаружи церковь производит впечатление большой и очень высокой, несмотря да-

ри южного обхода равен верху цоколя, т. е. повысился примерно на 50 см. Такое же повышение и с северной стороны.

Стены всей постройки совершенно гладкие. Только наружные стены главного нефа, т. е. видимые выше кровель боковых продольных фасадов, украшены рядами декоративных арок, попарно углубленных в стену, причем

разделительная лопатка в каждой паре среза на под пятой и здесь приходится окно, которое поставлено, однако, не прямо по оси (табл. 29, 31). Восточные же крайние арки на обоих фасадах — ординарные и значительно более глубокие. Несмотря на эту разницу, по-видимому, вся эта декоративная аркатура изначальная.

На восточном фасаде среднее окно отделано выпущенной гладкой с отворотами аркой (табл. 30-b), а боковые украшены позднее профилированными навершиями из соединения валика, жгута и валика. Эта отделка имеет аналогию в отделке алтарного окна трехцерковной базилики в Цверо-дабали близ Черемы. Три же северных окна главного нефа в углублениях аркад сохранили небольшие декоративные навершия с крестиками над арочками, имеющими горизонтальные отвороты.

Материал, из которого выведена постройка, внутри ее совершенно скрыт ремонтной обмазкой, а снаружи был в большей части скрыт побелкой, и только теперь благодаря дождям обход по южному фасаду совершенно очищен, точно также видны углы восточного фасада, весь обход по северной стороне и по западной, а также почти вся часть главного нефа с запада же. Кроме того и свод в северном обходе почти весь открыт от побелки и благодаря этому кладка его из булыжника видна совершенно ясно, как и кладка северной стены его (табл. 29, 30, 31). Кладка Вазисубанской базилики состоит исключительно из булыжника довольно крупных размеров и правильной формы. Сложены стены ровными, проходящими рядами и лучеобразной постановкой булыжника в арках. И карниз постройки был каменный, напуском двух рядов одного над другим, как это видно в отдельных местах. Какова была первоначальная кровля — не видно, современная состоит из нескольких слоев черепицы один поверх другого, вплоть до ремонтных конца XIX века. Кровля эта предохранила здание от разрушения — своды не пропускают влаги нигде, за исключением обхода. Но и там в незначительном количестве.

Анализ. — Базилика в сел. Вазисубани представляет соединение, как было отмечено, с одной стороны, ряда черт, связывающих ее с

¹ Впрочем, само по себе это еще не прямой хронологический показатель, ибо оба помещения выделены и в Урбинской и в Анчисхатской базиликах начала века. Но в эволюционном разрезе района — оно имеет значение.

группой длинных базилик конца V — начала VI века, а с другой — таких черт, которые тянут ее к более поздней группе коротких базилик и тем ставят ее между ними и, мне кажется, позволяют отнести время ее построения, как и Ахметской Гвтэба, ко второй половине VI века. Как и в Кондоли, здесь только две пары устоев, но они удлиненной формы и перекинутые на них арки значительной ширины, так что внутреннее пространство базилики относительно длинное — в 17 м, но, конечно, всетаки короче чем в Хашми, Наткора и Хирса. Соотношение ширины среднего к боковым нефам (4,30 : 1,30) тоже сходно с группой длинных базилик, причем боковые нефы безотносительно узкие — всего около 1,30. Освещена была эта базилика по первоначальному замыслу очень обильно, т. е. и тут она становится в ряд с Хашми (единственной, дающей ответ по этому вопросу из всей группы). Характерно, что подпружные арки в боковых нефях опираются на консоли, что вполне естественно в таких узких нефях, но чего не сохранилось явственно в Хашми, и что пришлось там предполагать.

Если перечисленные черты Вазисубанской базилики связывают ее в основном с группой длинных базилик перелома V и VI веков, то следующие тянут ее к концу VI века, ибо такие же формы встречаем в ряде трехцерковных базилик второй половины VI века. Организация восточной части храма ближайше сходна с решением ее в Зеганской и подобных трехцерковных базиликах, выделяющих довольно глубокие перед алтарной абсидой бемы и по сторонам обособленные прямоугольные помещения для жертвенника и диаконника. В данном случае выделено уже два помещения, а не только один жертвенник, как было в Матанской Цхра-Кара или в Ахметской Гвтэба¹. Выделение абсид в обходе Вазисубанской базилики говорит также о значительном развитии ритуала, о потребности совершения дополнительных треб. А оформление этих приделов без окон заставляет сопоставлять его с архитектурным решением в таких ранних трехцерковных базиликах, как Руиспирская, Кондамиани или Касури Георгия близ Сагурамо, или в Квемо-Болниси в Картли². Освещались эти приделы

² О последней ср. Историю грузинского искусства (по-груз.), I, Тб. 1936, стр. 66—67 и рис. 53—56 и предварительное сообщение в серии АН «Христианский восток», т. V, вып. 3, Птл. 1916.

всюду через многоарочные входы. Форма устоев этих двух- или трехарочных проходов в приделы, а здесь именно в приделы, устроенные в обходе, имеет в сечении квадратную форму также, как это было и в Сагурамо, или Кондамиани. Сама тема обхода, по-видимому, веками держалась в Грузии, меняясь только в самих формах выявления в разные эпохи; причем, судя по уцелевшим примерам, тема обхода применялась в относительно редких случаях, т. е. в сооружениях подчеркнутой значительности (Болнисский Сион, Свети-Цховели во Мцхета и т. п.).

Помимо указанных моментов нужно учесть форму сечения устоев, делящих главный от боковых нефов, так как она повторяет форму сечения устоев Хирской первоначальной базилики; затем обращает на себя внимание нечеткая конструктивная форма свода в западных углах обхода, в отличие от четкости ее в трехцерковной базилике Некреси — перелома VI и

VII веков. Все это заставляет несколько отодвинуть время возведения Вазисубанской базилики от времени группы длинных базилик (перелома V и VI веков), но не позволяет отнести ее и далее конца VI века. Этой дате, очевидно, отвечает и разделка продольных стен среднего нефа по фасадам декоративными арками — довольно еще примитивными, невыравненными, несущими на себе явные признаки исканий формы. До известной степени сходную разделку можно назвать в некоторых зданиях мировой архитектуры, именно в Равенне (базилика Апполинария во Флоте или Сан-Джованни Евангелиста), а также, пожалуй, Эль-Хадр в Месопотамии и др. Также и небольшое выделение алтарного окна и окон продольных фасадов имеет параллели и в Ахметской Гвтэба и других зданиях в Кахетии, и др.¹ Вместе с Ахметской Гвтэба и возведение Вазисубанской базилики следует отнести ко второй половине VI века.

10. БАЗИЛИКА В МОНАСТЫРЕ СВ. НИНЫ В БОДБЕ ✓

Рассмотренные нами до сих пор базилики Кахетии обнаружили совершенно своеобразное отношение к особенностям, представленным данным ее типом. Одни представляются совершенно миниатюрными зданиями, которые почти единственно своим трехнефным делением воспроизводят базилические формы, в остальном же не показывают характерных ее черт. С другой стороны, Кацаретская Самеба близ Хашми и примыкающие к ней Наткора и Хирса своими формами становятся непосредственно в одну группу с базиликами Болнисского Сиона, Урбниси и им подобными². Наконец, уже базилика в Кондоли и в особенности в Ахмета и Вазисубани, составляет следующее звено, некоторые черты которого получают затем в базиликах VII, VIII и IX вв. свое полное завершение. Мне кажется, что к этой группе примыкает и базилика в Бодбе в ее современном виде. Правда, она

подверглась в XIX веке столь значительным ремонтам и реставрациям, что пока что углубленному научному исследованию не доступна. Нельзя, однако, не отметить, что организация и проведение полного научного исследования с зондажными работами стен и сводов были бы в высокой степени желательными и, полагаю, дали бы интересный материал. Указанное состояние и невозможность углубленного изучения заставляет меня коснуться ее довольно суммарно, поставив только, собственно говоря, вопросы, подлежащие выяснению, и направление последнего.

Базилика в Бодбе — это так называемая старая, «нижняя» церковь Бодбийского монастыря св. Нины, расположенного близ гор. Сигнахи, на месте погребения Нины, легендарной просветительницы Грузии христианством³. По сообщению Пл. Иосселиани, церковь посвящена св. Георгию, а южный придел, где

¹ Навершая же боковых окон восточного фасада и по очертанию и по разделке арок, как было указано в описании, нельзя считать первоначальными.

² Ср. История грузинского искусства, I, стр. 32—50 и исследование о «Болнисском Сионе», Тб., 1940 (том IX, «Известия ИЯИМК Груз. ФАН»).

³ Осмотрена 5.VIII.1920 г., затем 24.XII.1933 г. и 17.VIII.1950 г., когда сделаны прилагаемые снимки. Прилагаемый схематический план набросан на глаз с промером шагами доступных частей.

была погребена Нина, — св. Нине¹. Церковь вся оштукатурена, как снаружи, так и внутри, снаружи побелена, внутри расписана. Таким образом, все унифицировано и характерные черты скрыты. Церковь состоит из трех нефов, поделенных столбами². Столбов, делящих храм, всего одна пара; они прямоугольной формы с пилястрой в среднем нефе, т. е. примыкают по сечению к Хирса и Вазисубани.

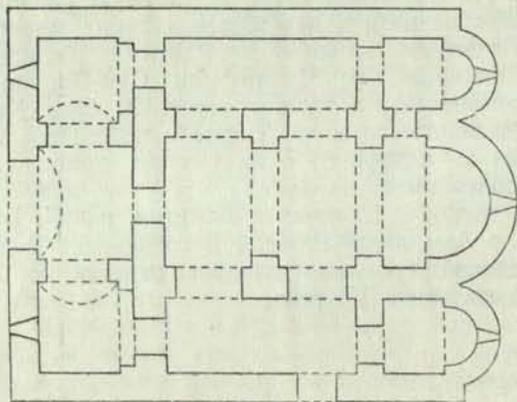

Схема плана базилики св. Нины

При алтарной абсиде имеется бема, ограниченная на конце пилястрами, а в боковых нефках — стенками с проходом в приделы, из которых северный одновременно служит жертвенником; из него имеется также проход в бему

¹ Вахушти (География, изд. Т. Ломоури и Н. Бердзенишвили, 1941, стр. 97; изд. Броссе, стр. 311; перевод Джанашивили, стр. 119) сообщает о Бодбе, что церковь купольная, величественная (дидзени) и красивая. В переписанном Давидом Инаншвили в 1816 г. тексте Географии Вахуштия (S № 4990) в этом месте дан исправленный и дополненный текст: «На этой реке находится село большое Бодбе, первоначально именовавшееся Бода. Севернее этой реки и восточнее Бодбе на небольшом отдалении находится церковь святого Георгия, без купола, хорошо и красиво построенная. Здесь скончалась святая Нина и здесь же она погребена». И далее говорит о строительстве бодбийского епископа Иоанна Макашвили (см. стр. 340 добавления к стр. 97³⁵ и 97³⁶).

² По словам Пл. Иосселиани, в церкви три пары столбов, что является недоразумением, а длина храма 9½ сажень при ширине в 6 сажень (Пл. Иосселиани, Путевые записки по Кахетии, Тифлис, 1946, стр. 128). Дм. Пурцеладзе, Историко-археологическое описание Бодбийского собора, Т. 1888, стр. 6 — приводит иные размеры: длина 8 саж., ширина 5, высота 5½.

алтаря. Западная стена имеет, кроме основного входа в средний неф, еще по входу, и в боковые нефы значительной ширины. Все они объединяют церковь и западный троечастный притвор, пристроенный к церкви, как видно, по боковым компартаментам. Характерно, что направление сводов в этом притворе отвечает аналогичным троечастным притворам купольных храмов зрелого средневековья: средний компартимент, значительно повышенный против боковых и перекрытый двускатной кровлей, имеет свод по линии восток — запад, а своды боковых перпендикулярны этому и покрыты односкатной на запад кровлей. Впрочем и боковые компартименты притвора значительной высоты. Все три первоначально были объединены арками, теперь южный отгорожен.

Каждый неф заканчивается на восток абсидой, выступающей и снаружи, полукругом (табл. 36). Южный неф содержал в отделенной восточной части в склепе могилу Нины³. Размеры придела св. Нины, т. е. южного, по Платону Иосселиани, равняются в длину двум саженим, а в ширину — полтора⁴.

Церковь и сейчас небольшая, а первоначально производила впечатление еще меньшей, ибо поздними переделками повышены особенно главный, но также и боковые нефы, в которых устроены большие окна. Первоначальная высота, вероятно, равнялась высоте абсид с конхами. Над конхой главной абсиды подымается вверх высокий лоб стены — явление, знакомое

³ Южный придел св. Нины сохранил роспись позднюю, грузинскую, жития ее. По словам З. И. Чхиквадзе, склеп был в 1884 году открыт и он опускался в него. Отверстие находилось в алтаре, а самый склеп был настолько мал, что стоять в нем нельзя было выпрямившись. В самом же приделе, вверху, лежал могильный камень, который в 1920 г. показывали в ограде монастыря. Самый ход в склеп ныне тоже закрыт, а старый могильный камень заменен был мраморной плитой. По словам бывшей в 1920 г. игуменьи монастыря (княжны Вачнадзе), умершей в возрасте около 90 лет, священник рассказывал, что молодым (т. е. приблизительно в 40-х годах) он участвовал в процессии перенесения мощей Нины из придела под престол главной церкви, предпринятой из боязни осквернения лезгинями.

В этом приделе имеем, следовательно, иной порядок и иную чем в Дзвели Шуамта форму престола, именно параллельные сохранившимся в Дзвели Шуамта; они находятся в определенном соотношении с Западом и с Сирией: здесь под престолом (первоначально, вероятно, столон вроде сохранившегося в малой церкви Джвари Мцхетского) также находилась могила с реликвиями.

⁴ Там же, стр. 129. Наглаз она скорей квадратная с добавлением абсиды.

и по другим церквам, в частности, кроме только что описанной Самебы, по переделкам XVII века базилики в сел. Урбниси (Картли) и Анчисхатской базилики в Тбилиси. Свод этого нефа стрельчатый, того же типа, что и в церкви Гвтэба в Телави. Пилястры, на которые упираются арки свода, имеют в двух местах капители, во-первых, вверху, у пят арок и затем, другой формы, ниже на высоте пяти арки алтарной ниши и, отметим одновременно, что на высоте также подоконников окон в южной и северной стенах главного нефа; а западное окно расположено еще выше этого, т. е. все окна просто сделаны во вновь возводившихся стенках.

В приделе (южном) св. Нины свод, примыкающий к конхе абсиды, идет на одной с нею высоте на короткое расстояние, а затем, сделав уступ вверх, остальная часть короба идет на большой высоте. На глаз высота эта общая с высотой остального нефа, т. е. за стенкой придела. Свод северного нефа примерно на равной высоте со сводом южного. Таким образом, это повышение боковых сводов, видимо, следует считать более древним по сравнению с повышением главного нефа. Коробовые своды боковых нефов опираются на арки, покоящиеся на консолях. Форма последних, как и капителей пилястры в главном нефе, покрыта росписью по штукатурке. В боковых нефвах также имеются необычайно широкие окна.

При пятах арок, делящих главный и боковые нефы, никаких капителей не заметно.

В храм ведут три входа — с запада, юга и севера. Кроме того, позднее, конечно, пробиты двери из пристроенного с запада притвора в южный и северный нефы¹.

Как упомянуто уже, внутри вся церковь расписана. Грузинского письма поздняя роспись с житием св. Нины, сильно закопченная, сохранилась только в приделе. Остальная же церковь была расписана в 20-х годах XIX века по желанию ученого Иоанна Бодбели из князей Макашвили. Она выполнена, очевидно, выписанным из России мастером и включает на обращенных к алтарю сторонах стол-

бов портреты во весь рост и натуральную величину самого Иоанна Бодбели в облачении (на южном) и императора Александра I (на северном). Реставрировалась эта роспись 1823-го года в южном нефе в 80-х годах, но очень плохо.

В составе росписи, над западным входом в храм из притвора имеется в соответствующем картуше следующая обстоятельная запись заказчика, в трех строках (набранные в разрядку слова писаны красной краской), сообщающая о поновлении церкви, пристройке двух портиков и купола, росписи всей церкви и притворов, установки иконостаса и пр: ხატო და ბრწყინვალეობაო ღთისა მამისაო შეწევნით [.....] და წყალობითა ვიწყე ეკლესიისა ამის განახლებად და ორთა კარისბქეთა და ეკლესიისა ამის გუმბათისა ახლად აღშენებად და სდ ეკლესიისა ამის დახატვად კარის ბქებითურთ და კანკლისაცა ახლად გაკეთებად და ყოვლითავე ეკლესიისა სამკაულითა შემკობად ჩვენ ყდ უსამღვდელოესმა სიონა[ლის და ქიზიყის მიტროპოლიტ და კავალერმა, მაყაშვილმა ბოდბელმა იოანემ. ვითხოვ აღმოქმთხველთაგან, რათა ჰყოფდღეთ ხსენებასა ჩემსა. წელსა ჩყკგ.

Нужно отметить, что снаружи, над выступающей главной абсидой подымается прямая стенка, соответствующая лбу внутри церкви (табл. 36-а). По-видимому, она сложена из булыжника. Карниз поздний из положенных углом кирпичиков относится к реставрации середины XVII века, т. е. это то же, что в Болнисском Сионе, Анчисхатском и Урбнисском соборах, и что мы встречаем и в Кахетии в Матанской Цхра-Қара, Гурджаанской Квела-Цминда и мн. др. Кое-где, прямо под карнизом, благодаря опавшей штукатурке виден кирпич².

Западная наружная стена притвора и самой базилики покрыта поливными кирпичами позднего типа (табл. 35)³.

Но наиболее важна для нас форма восточного конца церкви. Здесь выступают вперед полукружиями три абсиды церкви (табл. 36). Формы чрезвычайно неправильные, искажен-

მარბოსა და ტაძრისა თქუენისასა, ვიხილეთ რომე მოწლილ იუჟნეს და იავარ ქმნილიყო: С. Какабадзе, Историч. документы, вып. IV, Т. 1913, стр. 18, по-груз).

³ Перед северным и южным входами в храм, согласно приведенной надписи, пристроены Иоанном Бодбели и в том же 1823 году открытые портики с маленькими декоративными павильончиками на кровлях — не плохой провинциальный ампи́р (ср. Дм. Пурцеладзе, там же, стр. 7).

¹ Интересна внутри еще одна деталь в северной стене северного нефа: против крайней западной арки находится шкаф с библиотекой старо-печатных книг монастыря, сделанный наподобие входной двери.

² Реставрацию XVII века, отдельные элементы которой указаны здесь выше, можно подтвердить и письменным сообщением в сигеллионе 1631 года царя Теймураза, где говорится о посещении после разорения страны Шах-Аббасом Бодбе — разрушенного и разграбленного (მოვედით კარსა საყდრისა და საღიღებლისა სა-

14.11.1933
14.11.1933

ные. Средняя абсида как бы насаждает на боковые, закрывая прилегающие части их. Все три абсиды поддерживаются снаружи специально возведенными контрфорсами. Необходимо отметить, что выступающие наружу полукругом абсиды известны только в древнейшую эпоху. Такова абсида Болнисского Сиона, построенного между 478 и 493 годами, таковы абсиды церкви в старом Гавази и Ниноцминдского собора половины VI века¹. Таким образом, и эти абсиды Бодбийской базилики, построенной над склепом с могилой св. Нины, при малых размерах всей церкви, представляют нам полное основание предполагать, что она относится к древнейшей эпохе². И, действительно, древнейшие грузинские хроники, редактированные в IX веке, но располагавшие данными, более ранними, частью современными событиями, сообщают о построении над местом погребения Нины церкви царем Мирианом, т. е. немедленно после ее смерти. Иными словами, во всяком случае, в VII—IX веках здесь была старая прославленная церковь и святыня всей Грузии, время построения которой тогда относили ко времени смерти самой Нины. Древность этой церкви была, иначе говоря, уже тогда довольно значительная. Я не хочу, конечно, утверждать что эта церковь может отно-

ситься к тому времени, однако, считаю возможным допустить, что часовой над могилой включили в план всей базилики, сделав из нее южный придел³. Но, как сказано, мы лишены возможности с полной очевидностью вскрыть действительное соотношение частей этой постройки⁴.

Для самостоятельной архитектуры в Кахети и данного раннего времени, в особенности, действительно характерно, что и Бодбийская базилика удержала внешний полукруг абсид, как он, очевидно, был применен в первоначальной церкви на ее могиле. Церковь маленькая, затем в VII, или может быть, VIII—IX вв. была увеличена с сохранением этой особенности и включением древней постройки в новый план. Характеристика летописца, что построенная Мирианом церковь над могилой Нины была *ჭრბობდ ღობობ*⁵, *очень большой*, относится, конечно, к этому увеличению мартириума в трехнефную базилику—уже короткого протяжения. Тогда же была она и повышена, чем объясняется, надо полагать, уступ свода в приделе Нины. Таким образом ясно, что всю постройку подтягивали под общие тогда формы и нормы трехнефной базилики. Западный же притвор выведен, по-видимому, много позже, вероятно, в эпоху зрелого средневековья объединенной Грузии.

11. БАЗИЛИКА ГОРИС - ДЖВАРИ ОКОЛО СЕЛЕНИЯ АХШАНИ

Базилика Горис-Джвари с колокольной и остатками каменной ограды расположена на ближнем отроге гор над теперешним грузинским селением Ахшани, примерно в расстоянии 1 км от него и 4 км на запад от Земо-Ходашени, на небольшой горке⁶.

По типу это трехнефная базилика с двух парах столбов и с более узкой восточной парой

арок. Другой характерной особенностью этой постройки являлось наличие с южной стороны тройной входной арки (со столбами между ними) по типу Вазисубанской базилики (см. восстановленный план). От этой детали остались только следы. Позднее к этой базилике был добавлен с трех сторон обход, в котором с каждой стороны оставлены в центре по три арки на делящих их квадратных столбах, т. е.

¹ См. ниже гл. V.

² К этому добавим, что, по словам игумены, церковь построена из (булыжного?) камня.

³ Это предположение было мною высказано еще до того, как я ознакомился с Зедазенской базиликой (ср. ниже), где придел с ракой Иоанна Зедазенского есть древняя постройка, включенная в нынешнюю базилику. Отличие здесь только в том, что рака Нины находится в южном приделе церкви, а рака Иоанна в северном. Это последнее положение характерно также для Хирса, Алаверди и др., в то время как Зенон в Икалто и Давид Гареджийский похоронены именно, в южной части церкви.

⁴ См. Историю грузинского искусства, I, стр. 32 слл. — От какого то периода ремонта храма уцелел фрагмент надписи асомтавури на западном углу южного фасада главного нефа храма. Расшифровать который мне не удалось.

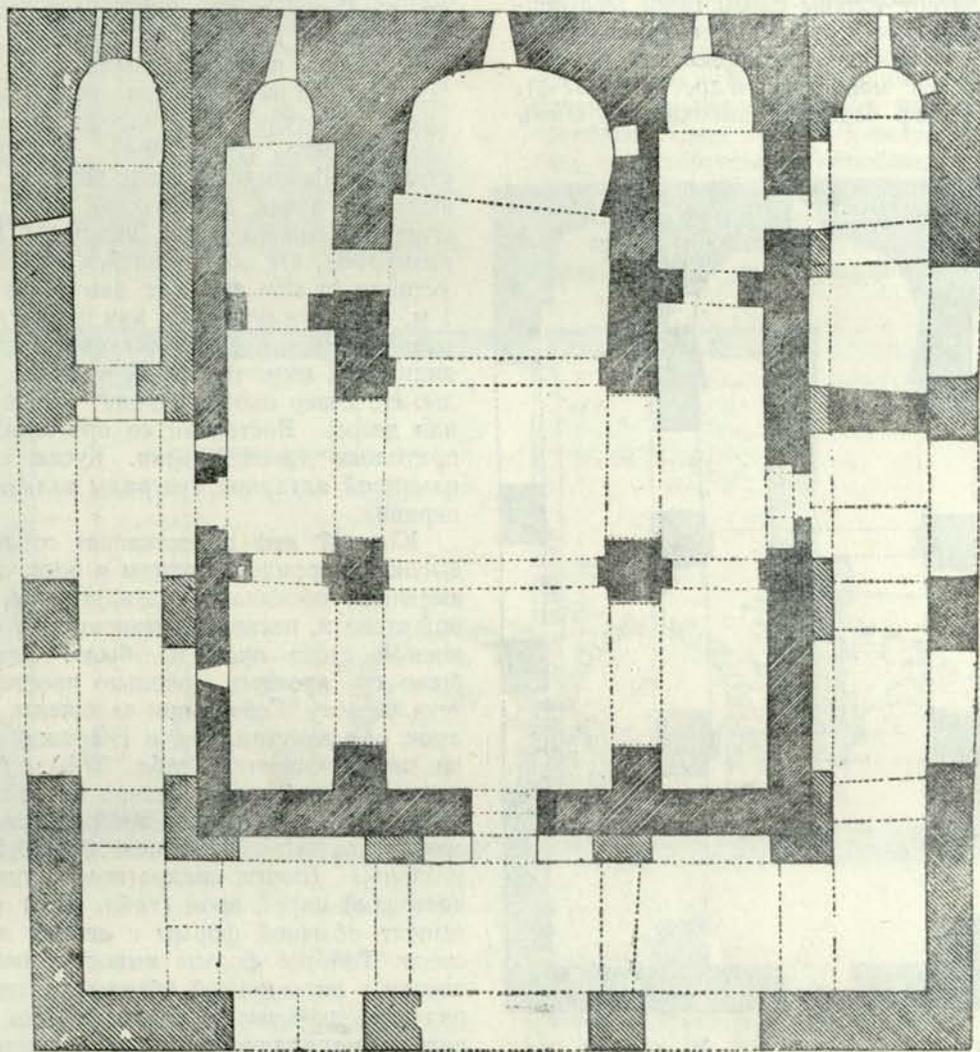
Пл. Иосселиани приводит на стр. 130 несомненно эту же надпись, но чтение настолько произвольное, что не имеет никакого значения.

⁵ Хроника «Обращения Грузии», см. Опис., II, 803—804.

⁶ Впервые замечена с дороги издали 29.XII.1933 г., обследована же 8.XI.1935 г., когда арх. В. Л. Циловский исполнил обмер; тогда же сделано несколько фото. Последний раз я посетил Горис-джвари 9.VIII.1950 г. В корреспонденции газ. «Дроеба» 1885 г., № 99, стр. 3 говорится, что церковь эта праздновала св. Георгия 23 апреля, а мне при последнем посещении 9.VIII.1950 проводник сказал, что «Горис-джвароба» справляется 15 или 16 мая. Известный Горис-джвари против г. Гори в Картли, был крестом, посвященным св. Георгию, но когда праздновали в церкви—не знаю.

повторен тот же мотив (план). Базилика подвергалась затем разрушению, от которого налицо реставрационные переделки и починки.

Базилика сложена из булыжника, с применением кое-где, скорее с украшающими целями, квадров ширими¹.

План базилики Горис-Джвари с пристроенным обходом

¹ Помимо плана базилики в настоящем ее состоянии и продольного разреза, привожу здесь также восстановленный план до постройки обхода и до переделки тройной арки южного фасада. К сожалению, при обмере не был взят отдельно размер толщины северной стены базилики в дверном проеме, а она полу-

чена вычитанием от примыкающих устоев обхода и расстояния от фасада, что дало меньшую, чем остальных стен толщину примерно на 20 см. Между тем, проверив толщину в последний раз, получаем в дверях толщину северной стены в те же 69—70 см, что и остальные.

ЭЛН РАС
3000000000

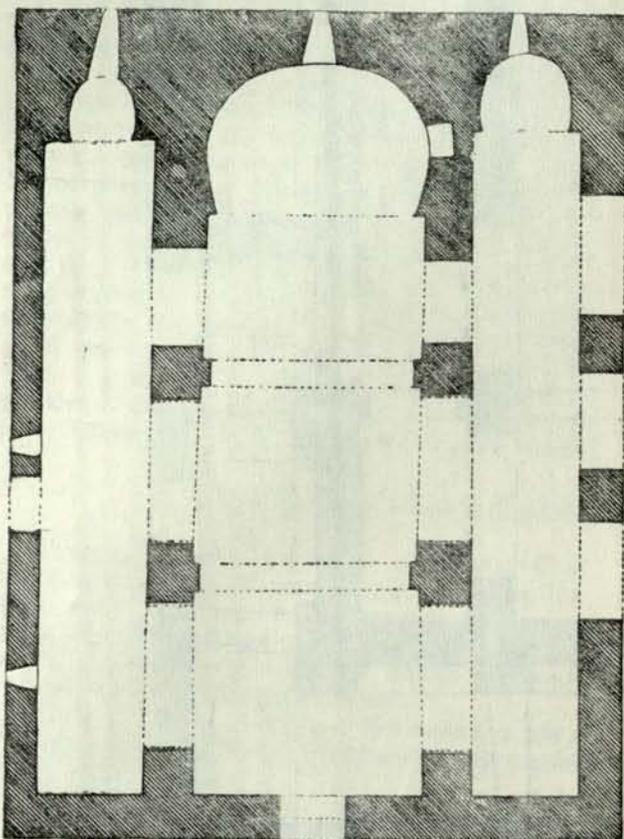
По фасадам, сколько можно проследить, применяется только булыжник, как и всюду внутри базилики, а также и для пристроенного обхода. Восточный фасад базилики был, судя по значительным сохранившимся плоскостям его, затерт тонким слоем гачи желтоватого оттенка, как этот прием сохранился на восточном же фасаде трехцерковной базилики Некресского монастыря и др. (табл. 37-а).

Средний неф базилики высокий, не очень

циркульного окна и правой, древней притолоки абсиды применен ширими. То же в impostaх столбов, имеющих форму подкос. Наконец, тот же материал имеется и кое-где в пилястре. На север — три окна, неравномерно разбитые и без соотношения к аркам по длине нефа. На юг же одно окно посередине, над средней аркой, но опять не по оси. Наконец, на запад имеется неширокая дверь с аркой изнутри и с заполненным снаружи полукружием (табл. 39-а). У первой пары столбов обвалились части пилястр, приложенных для новой подпружной арки: здесь частично добавлен сбоку кирпич (21×21×4 см размером). От обвалившейся пилястры, внизу устояла *in situ* еще два камня, на высоту до 1 м. Арка же под свод, как и весь свод возобновлены вместе с абсидальным сводом, и, по-видимому, вместе с левой частью самой абсиды. На север около абсиды есть прямоугольная дверь. Восточная ее притолока отвечает притолоке древней арки. Куски от поздней каменной алтарной преграды валяются вокруг церкви.

Южный неф представляет собой длинный высокий корридор с окном в восточном конце, имеющем абсидальное закругление. В западной стене и, насколько можно судить, также в южной стене окон не было. Зато на юг было три арочных, довольно просторных пролета наружу. Сейчас они заложены, но кладка арок как изнутри, так и снаружи вполне ясно прослеживается (табл. 39-б). Между западной парой арок теперь на месте прямоугольного устоя дверь, поверх которой положена сплошная каменная балка. На прямоугольном (почти квадратном) устое между восточной парой арок (табл. 39-б) виден еще импост обычной формы с легкой выкружкой скоса. Той же формы импосты имеются как вверху у пята южной абсиды, так еще второй раз на средней высоте ее углов. Мог бы встать вопрос, не являются-ли эти нижние импосты отражением какой-то первоначальной высоты всего нефа? Ведь по восточному фасаду мы видим именно примерно до этой же высоты выделенные кладкой из ширими углы главного нефа (табл. 37-а). Но высота эта слишком незначительна, только едва выше человеческого роста. Поэтому вероятнее, что это была просто ошибка, исправленная еще в процессе стройки.

Из явных переделок в южном нефе видны следующие (см. план): 1) закладка всех трех входных пролетов с юга; 2) закладка восточ-

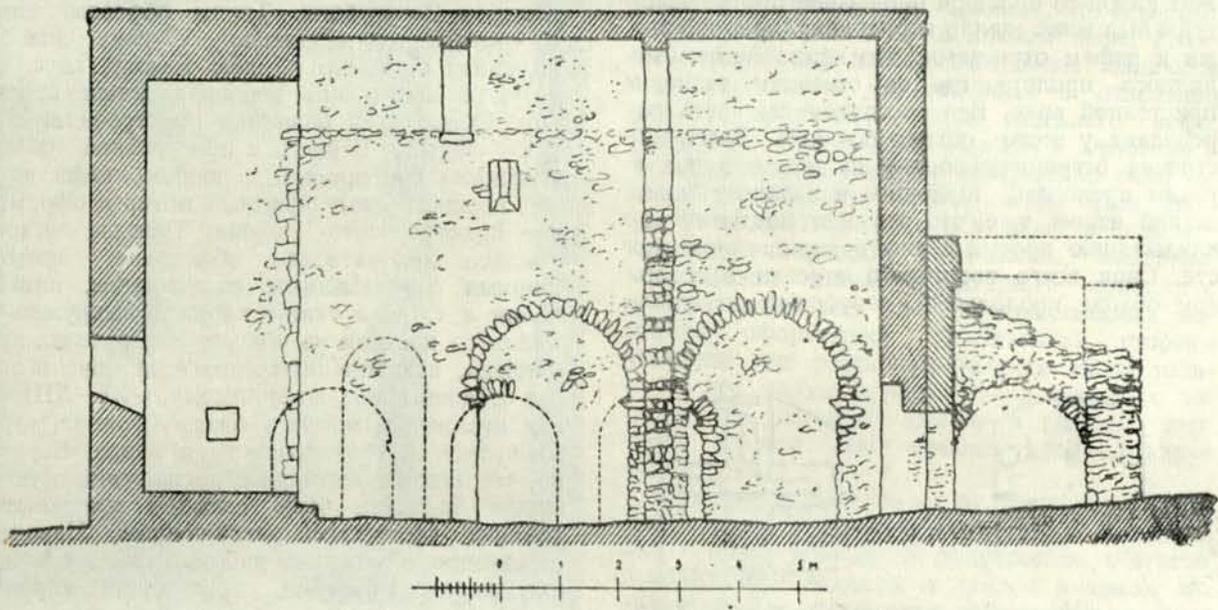

План первоначальной базилики

широкий. Из трех арок первая, восточная, пара арок значительно уже и ниже, чем две других пары (разрез). Абсида имела подковообразную в плане форму, ибо ее правая, не пострадавшая часть подковообразна, а только починенная левая — полукруглая. Свод в абсиде чиненный. Пол в алтаре повышен против церкви. В обрамлении алтарного полу-

ной арки в средний неф; 3) встройка подпружной арки на грузных пилястрах, добавленной против первой заложённой арки (табл. 39-b); 4) починка северной половины отрезка свода от встроённой пилястры до абсиды, свод оперт на полосу из кирпичей, тянущуюся по длине стены вверху и едва поднимающуюся в центре; 5) чинен, видимо, и свод конхи¹; 6) наконец, пробитая во время пристройки обхода дверь на юг (на месте столба) получила сужение встройкой по притолкам под перемышкой того же типа, что и в южном притворе церкви в монастыре св. Николая выше Земо-Ходашени; она сделана из кирпича.

ла позднее пристройку обхода с трех сторон. Здесь обход был в целом, как и сама базилика, выведен из булыжника с добавкой ширми. Все три стороны имели одни и те же формы, а именно — использован мотив отделки южного фасада базилики, гсп. обход Вазисубанской базилики — три арки в центре каждого фасада, причем средняя выше и ниже боковых и отделяется от них квадратными столбами. Свод против каждой из трех арок был самостоятельный коробовый отрезок, расположенный перпендикулярно к стене храма (ср. табл. 37-b и 38-b, c). Сообразно этому, как видно еще на западном фасаде, кровли образовывали над каждой аркой фронтоны

Продольный разрез с видом на юг

Северный неф такой же длинный, узкий и высокий корридор, как и южный неф. Он имеет, кроме восточного окна в абсиде, еще два окна на север, довольно низко посаженные. Весь неф поделен сейчас двумя арками на пилястрах, без импостов. Восточная пара пилястр, сильно выступающая в неф, производит впечатление встроённой позднее, так же, как и пилястры южного нефа. На север ведет одна низкая дверь с горизонтальным верхом, суженная наращением кладки, что с полной несомненностью видно снаружи.

Означенная трехнефная базилика получи-

¹ Был ли чинен остальной свод, не могу утверждать.

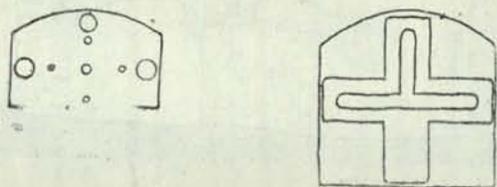
(табл. 38-c), т. е. получался тройной зигзаг кровли и плоские линии по бокам их от скатов вперед. В юго-западном и северо-западном углах свод хотя и отделен арками от остальных частей, все-таки коробовый по длине продольных нефов. Сейчас, конечно, большая часть кровель обвалилась и грудами лежит в нем. Разрушение идет полным ходом из-за сильных порослей. Но на северо-западном углу обхода сохранился *in situ* карниз в форме выкружки с валом из ширми; много кусков этого карниза находится на земле.

В частности состоянии обхода следует отметить, что с южной стороны восточный арочный пролет заложён (табл. 38-b), как и

пролет из восточной части внутри обхода в часть против средней входной арки. С западной стороны вставлен снаружи, правее крайней правой арки, небольшой кусок ширины с изображением креста, исполненным грубо и просто. При западной стене храма, т. е. над дверью в него, этот пролет был заложен позднее весь заподлицо с подпружной аркой под сводом; по-видимому, это сделано еще и с сужением дверного проема (табл. 38-d). Вся эта поверхность была покрыта росписью и обрамлена орнаментальными полосами. С северной стороны обход имел, видимо, первоначально те же формы, что и с южной стороны. Позднее крайняя западная арка обхода заложена сплошь, а средняя завалена, и внизу лежит какой-то большой блок. Свод против аркатуры был тоже сделан перпендикулярно идущими к нефам отрезками; это видно против западного пролета, где он отвечает также и пристенной арке. Вся восточная же часть переделана у этого обхода позднее. Здесь построена ограничивающая на запад стенка с узким проходом, имеющим в вершине арки легкий излом, т. е. это отвечает позднему закладыванию проема с юга в аналогичном месте. Свод всего восточного отрезка в северном обходе продольный, коробовый по длине

турой (около 50 см шириной арки) с четырьмя полуколонками (по ширине 32 см) и двойными валами арочек на них (табл. 37-b — вверху слева). Кроме того, были квадратные заполнения из примитивных украшений в том же ширими с темой креста в узор¹. — Облицовочные плиты по западному фасаду небольших размеров и они не образуют ровных рядов кладки, а создают подьемы по форме зигзага кровель обхода. Здесь именно ясно видно, что эта облицовка верха среднего нефа плитами ширими связана была с возведением обхода (табл. 38-d).

Итак, основная базилика относится к древнему времени. По плану она примыкает к Ахметской Гвтэба, а мотивом трехарочного входа к Вазисубани. Таким образом, датой ее считаю вторую половину VI века. Она была сразу выведена на всю высоту, хотя, видимо, с небольшим первоначальным просветом. Обход всей базилики пристроен во вторую очередь. В связи с пристройкой обхода заложили три проема из южного нефа наружу, перенеся этот нарядный мотив в оформление пристроенного обхода. Третьим этапом явилась декоративная облицовка плитами ширими с выделением полуколонок, шишек, валов и т. д., а также карниза выкружкой с валом из ширими на обходе. Эта отделка прибавлена, как мне представляется, уже в зрелое средневековье, по-видимому, в XI—XIII вв., как отражение мощи и благосостояния, стремившегося к грандиозности и вовне. Вероятно, что такое планомерное расширение и украшение базилики было вызвано предшествовавшим частичным разрушением. Наконец, собственно ремонтные работы, именно: сужение дверных проемов, применение кирпича для починок, роспись на западной стене в обходе и подобные же обрывки внутри церкви на северном столбу и др., закладка входных в обход пролетов с южной и северной сторон, отгораживание восточных отрезков в обходе, изменения формы восточного конца в северном обходе, починка сводов базилики и обхода, возможно, встройка пилястр в боковых нефках. Эти ремонтные работы, может быть, разного времени, частью позднего, возможно, примерно XV—XVI вв. Тогда же, вероятно, сделана на северо-восток от базилики постройка колокольни с часовней в нижнем ее этаже.

Две декоративные детали на южном фасаде (схемы)

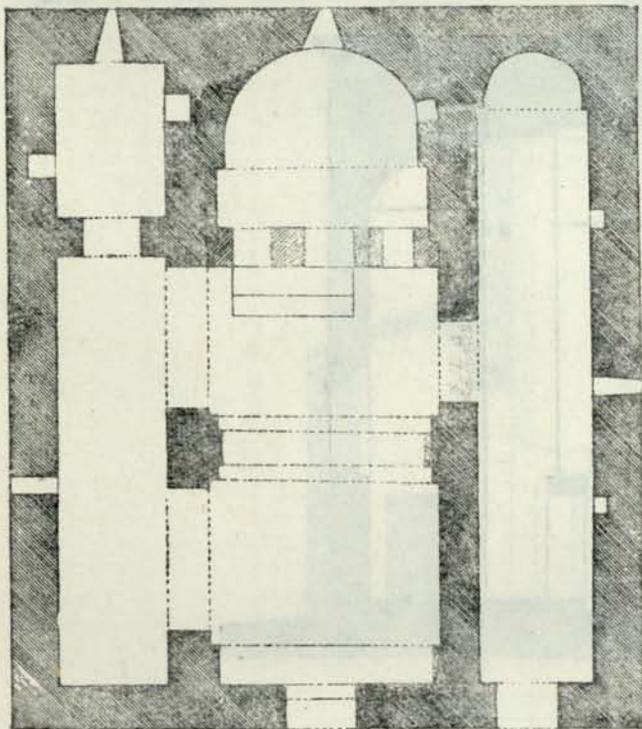
обхода. При стене церкви здесь сплошная стенка, на которую опирается свод. Благодаря этому помещение стало особенно узким. Абсида — уродлива по форме и имеет два (sic) уродливых окна, почти одной ширины по всей своей глубине.

Следующее после возведения обхода большее изменение составляет облицовка плитами ширими западного и боковых фасадов главного нефа, доминирующего над всем обликом храма. Фрагменты этой облицовки сохранились по западному и по южному фасадам, а также куски ее лежат на крыше и на земле. По южному фасаду облицовка главного нефа состояла из членения плоскости арка-

¹ См. схематические рисунки двух таких плит, размер большей 47×47 см.

12. ЦЕРКОВЬ САМЕБА В БАЙХО

Церковь эта расположена по дороге с юга к Алавердскому собору от дер. Хорхели, в лесу. Она находится ныне в расстоянии примерно $2\frac{1}{2}$ км от сел. Ожио, на землях которого теперь находится, и примерно на таком же расстоянии от Алавердского собора. По рассказам одного старика-крестьянина, цер-

План

ковь эта была раньше церковью сел. Байхо, расположенного тут же около нее с западной стороны и вымершего полностью. Он же указал, что раньше бывал и праздник в марте — апреле (передвижной). Действительно, на картах топографического отдела конца XIX столетия еще значится такое селение¹.

Церковь стоит в небольшой роще с не-

сколькими исполинскими деревьями. Она обнесена невысокой каменной стенкой в квадрат 43×50 шагов. С южной стороны этой ограды стоит громадный дуб в 9 м окружностью, т. е. возрастом по справкам лет в 600, который опрокинул поднявшимися корнями каменную стенку ограды.

Церковь сравнительно небольших размеров. План повторяет формы, рассмотренные подробнее в Цхра-Кара в Матани и в Гвтэба в Ахмете, т. е. здесь налицо отход от типа настоящей базилики. Здесь две церкви — одна главная, занимающая средний и северный нефы, и вторая малая в южном нефе. Главный и северный нефы объединены наличием самостоятельного жертвенника в отдельной комнате восточной части северного нефа. (см. план). Но если в Матани и особенно в Ахмете это выделение в совершенно самостоятельную церковь южного нефа было одновременно использовано в художественном отношении, творчески, то в Байхо, напротив, использован только утилитарный принцип с откидыванием всех чисто-художественных моментов оформления. Утилитарная сторона уточнена еще созданием прямого входа только в эту малую церковь — вход сделан с запада, т. е. рядом со входом в главную церковь, с юга же всякий вход откинут (табл. 40-b).

Построена церковь из булыжника крупных размеров, а ноздреватый ширими применен был только кое-где в подражание обычной декоративной отделке, и притом в самом незначительном количестве. Относительно подпружных арок среднего нефа в беглых заметках первого посещения стояло: «арки главного нефа (подпружные) выведены кирпичом». При вторичном посещении удостоверено, что средняя арка действительно из кирпича, но производит явное впечатление подновления. Что же касается восточной, приалтарной арки, то она вся из булыжника и сохранилась полностью (ср. табл. 41-b). Последняя же арка при западной стене уцелела лишь небольшим обрывком южной части, который весь из булыжника. Таким образом, вышеприведенная запись, очевидно, касалась только средней арки и, быть может, несуществующей ныне средней же части западной арки. Но едва ли правильно относить к западной арке это указание, так как в тех же заметках 1919 го-

¹ Впервые осмотрена 26.IX.1919 года, когда набросана схема плана. Вторично посещена 30.IX.1933 года, тогда же сделан обмер архитектором Ци л о с а н и.

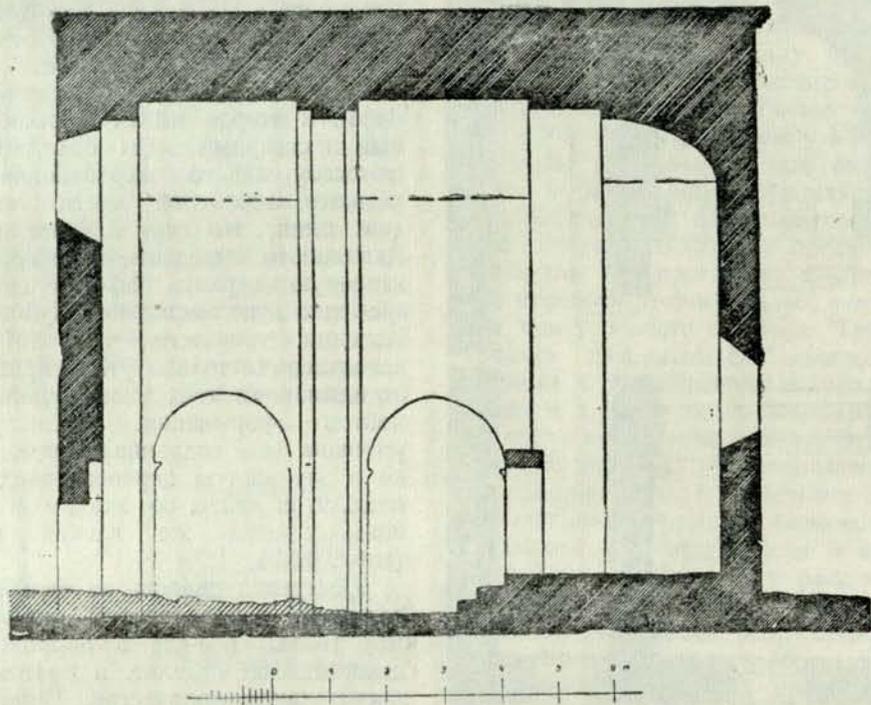
да о состоянии памятника (тогда уже заброшенного и оставленного) стоит, что «провалился свод в западной части главного нефа», т. е., вероятно, от арки было не больше, чем теперь. Иначе говоря, замечание наскоро зафиксировало во множественном числе то, что требовало большей детализации.

Главная церковь занимает средний и северный нефы. В среднем имеем на восток алтарную абсиду, значительно повышенную (до 70 см) сравнительно с полом остальной церкви. Алтарь отделяет поздняя алтарная пре-

Северный неф состоит из длинного узкого помещения со сплошным коробовым сводом. В восточной же части выделено прямоугольное помещение, отделенное от большей, западной части стеной с дверью. Дверь имеет из церкви горизонтальную перемычку из цельного камня, а внутри жертвенника — арку.

Вход в главную церковь — один с запада в средний неф. Над ним перемычка из большой сплошной каменной балки снаружи, внутри же церкви арка (табл. 40-б).

Освещена церковь была скудно: в алтаре

Продольный разрез

града (табл. 41-б). Коробовый свод покоился на двух подпружных арках — одной в центре и другой при западной стене (продольный разрез). Арки полуциркульной формы, средняя из кирпича (подновленная). Самые же своды, сохранившиеся восточнее средней арки, как обычно, литы из булыжника по палубе довольно неровно, небрежно.

С северным нефом главный соединен двумя арками на среднем столбу. Арки эти правильные, полуциркульные, сложены из булыжника и опираются на пята из цельного камня в форме слабого уклона выкружки. В оба нефа пята не выступает (табл. 41-б и продольный разрез).

и в жертвеннике по небольшому окну (табл. 40-а), также высоко над входной дверью окном, от которого сейчас уцелела одна южная сторона. Кроме того, по одному совершенно малому, узкому и невысокому просвету, почти как бойницы, на север из северного нефа и на юг из среднего.

Единственное украшение церкви — это декоративная арка с отворотами у пят ее снаружи над алтарным окном, сделанная из ноздреватой плиты ширими¹.

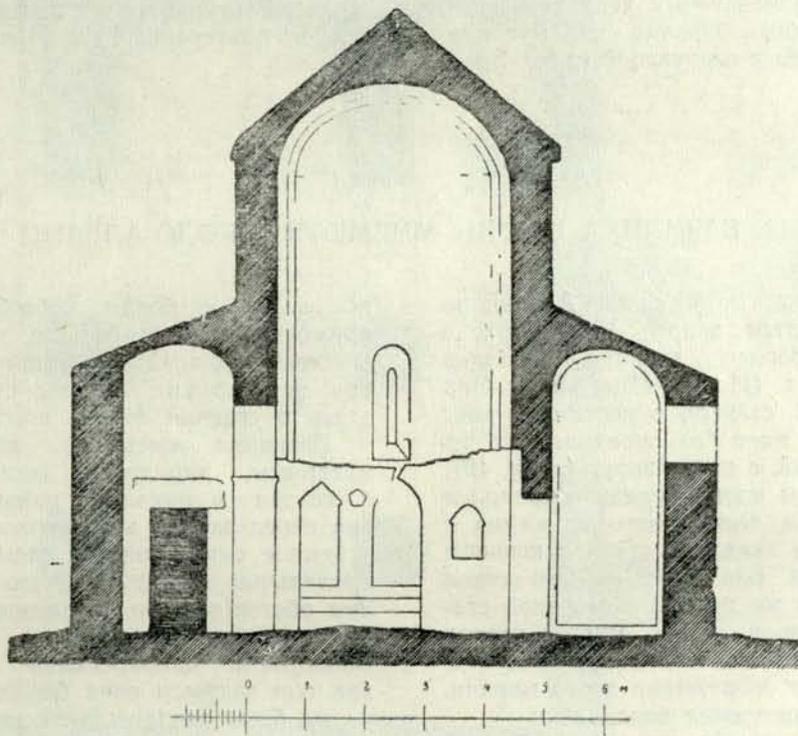
Малая церковь занимает южный неф. Она соединена с главной церковью дверью, пере-

¹ Ср. близкие к ней формы декора на базилике Дэвели Шуамта и на Ахметской Гвтэба.

мычка которой подновлена кирпичом, именно добавлены выпалы камня. Изнутри главной церкви у этой двери имеется также подновленная кирпичная с изломом арка и часть восточной притолоки. Размер кирпича 24 см. Но в малую церковь был главный самостоятельный вход с запада с подобной же входу в главную церковь балочной перемычкой из сплошного камня снаружи здания при арке изнутри. Освещена малая церковь чрезвычайно скудно: есть, помимо небольшого окна на

тянутого кирпича (табл. 40). Кровлю составляли черепицы плоские, широкие и короткие, разбросанные внутри и вокруг постройки.

Постройка в 1919 году была, учитывая ее заброшенность, в сравнительно хорошей сохранности (т. е. с незначительными изъянами): провалился свод в западной части главного нефа, кое-что в западной части северного, причем откололась и северная стена его, равно откололся свод южной церкви в той же западной части. Это все, видимо, результат

Поперечный разрез

запад, над дверью всего одно узкое окно на юг в центре церкви. Снаружи и оно имеет верхнюю перемычку из ширими, как и алтарное окно главной церкви, но без украшений. Алтарь малой церкви окна не имеет. Свод малой церкви коробовый, сплошной, литый по палубе. Так как в западной части он откололся от стены главной церкви, то очевидно, что сплошного заполнения до кровли не было, а было пустое пространство между сводом и прямым скатом под кровлей.

Карниз, кое-где сохранившийся в обрывках, является кирпичным подновлением позднего времени, он состоит из четырех рядов попеременно углом положенного и прямо вы-

землетрясения: северная стена отошла на высоте человеческого роста сантиметров на 15 от западной. В 1933 году застали значительное продвижение разрушения: по словам одного крестьянина сел. Ожио, лет 6—7 назад обвалился северо-западный угол среднего нефа сперва немного, а в текущем 1933 году очень сильно. Действительно, половина западной стены среднего нефа и прилегающие части северного развалились. Наружные покрытия северного фасада также поотпали в значительных кусках.

Переделки, вернее поновления, сделаны были, судя по размеру кирпича и по форме карниза, в пору нового кахетинского царства.

Это — проход из главной в малую церковь, затем средняя подпружная арка, карнизы и, конечно, кровля, наконец, алтарная преграда главной церкви. Она также из кирпича с царскими и северными воротами; вместо южных есть только сквозной пролет. Высота преграды примерно 2 м.

Как уже было отмечено, базилика в Байхо представляется мне повторением Ахмета и Матани, но только в отношении утилитарных особенностей их, т. е. это базиличная постройка с применением некоторых черт так называемых трехцерковных базилик типа Руиспирской, как их увидим в следующей главе. Здесь

выделен в самостоятельную комнату северного нефа жертвенник. По этому же образцу на восточном фасаде только два окна — в главном нефе и в комнате жертвенника, в южном же нефе окна нет, как его не было и в Матани и нет в ранних трехцерковных базиликах (Руиспири, Кондамиани, Сагурамо и др.): весь неф освещался через арочные с юга два прохода, каковых здесь нет вовсе. Художественное разрешение темы было архитектору Байхо совершенно безразлично, ибо он даже отказался от повторения таких сторон из повторенных им образцов.

13. БАЗИЛИКА НАТЛИС-МЦЕМЕЛИ ОКОЛО АЛВАНИ

На северо-восток от селения Алвани на отроге гор находится дворец Цхра-Кара, а позади него, севернее, древняя базилика Иоанна Крестителя (Натлис-Мцемели)¹. Она обнесена каменной стенкой в неполный рост человека, которая идет без определенных углов и прямых линий, а почти вокруг (табл. 42). Внутри этой ограды кроме церкви сохранился обрывок стен дома, выведенного из камня с примесью кирпича; западная стена с коньком одноэтажного дома, она стоит на юго-восток от церкви. Позади же церкви с северной стороны расположено в земле много куври (глиняных кувшинов для вина) и, по-видимому, кусок стены от сооружения этого марани. Затем к церкви пристроена колокольня.

Церковь эта построена частью из булыжника и рваных камней, как и недалеко расположенная главная церковь Матанской Цхра-Кара, и затем частью из кирпича. Из кирпича выведены конструктивно наиболее ответственные части — столбы и арки (табл. 43-b). Эта особенность характеризует постройки, вероятно, одной эпохи, именно эпохи развития политической мощи и культурного процветания Кахетии в конце VIII и начале IX веков. Кирпич крупного размера 28×28×5 см толщины (или около того—26, 27, 29 и 6).

По плану базилика имеет одну алтарную

абсиду, а по бокам несообщающиеся с нею прямоугольные комнаты с дверьми только в боковые нефы. Сама базилика поделена на три нефа двумя парами столбов, имеющих здесь в сечении форму креста (план).

Базилика освещается хорошо окнами — алтарным, западным, особенно большими с севера и, наконец, раньше, до построения перед входом колокольни, через этот вход и южное окно, позднее сильно заложено. В продольных стенах среднего нефа окон нет. Это обстоятельство косвенно, мне кажется, подтверждает утверждение, что притворы в Вазисубани одновременны постройке и так как они закрыли окна боковых нефов, то таковые были сделаны в главном. Вход в базилику имеется один только с юга.

Алванская базилика, при своих не крупных размерах, довольно просторна, однако не имеет таких вытянутых вверх пропорций, как Вазисубанская базилика. Вообще она производит значительно более заурядное впечатление.

Главный неф церкви имеет свод на двух подпружных арках (продольный разрез и табл. 43-b). Он сильно искаженной формы, вероятнее всего починен перед росписью царя Леона (1520—1574 гг.), сохранившейся хорошо², и имеет форму почти ровных плоскостей,

¹ Осмотрена 19.VIII.1920 года, причём были взяты и основные размеры для плана. 28.IX.1933 г. вновь посетил Алвани, тогда арх. В. Л. Цицосани сделал обмер как дворца Цхра-Кара, так и базилики с колокольней.

² Она покрывала исключительно средний неф и прилегающие боковые стороны столбов. На западной стене изображен Леон (по подписи) и его жена, держащие на руках модель церкви.

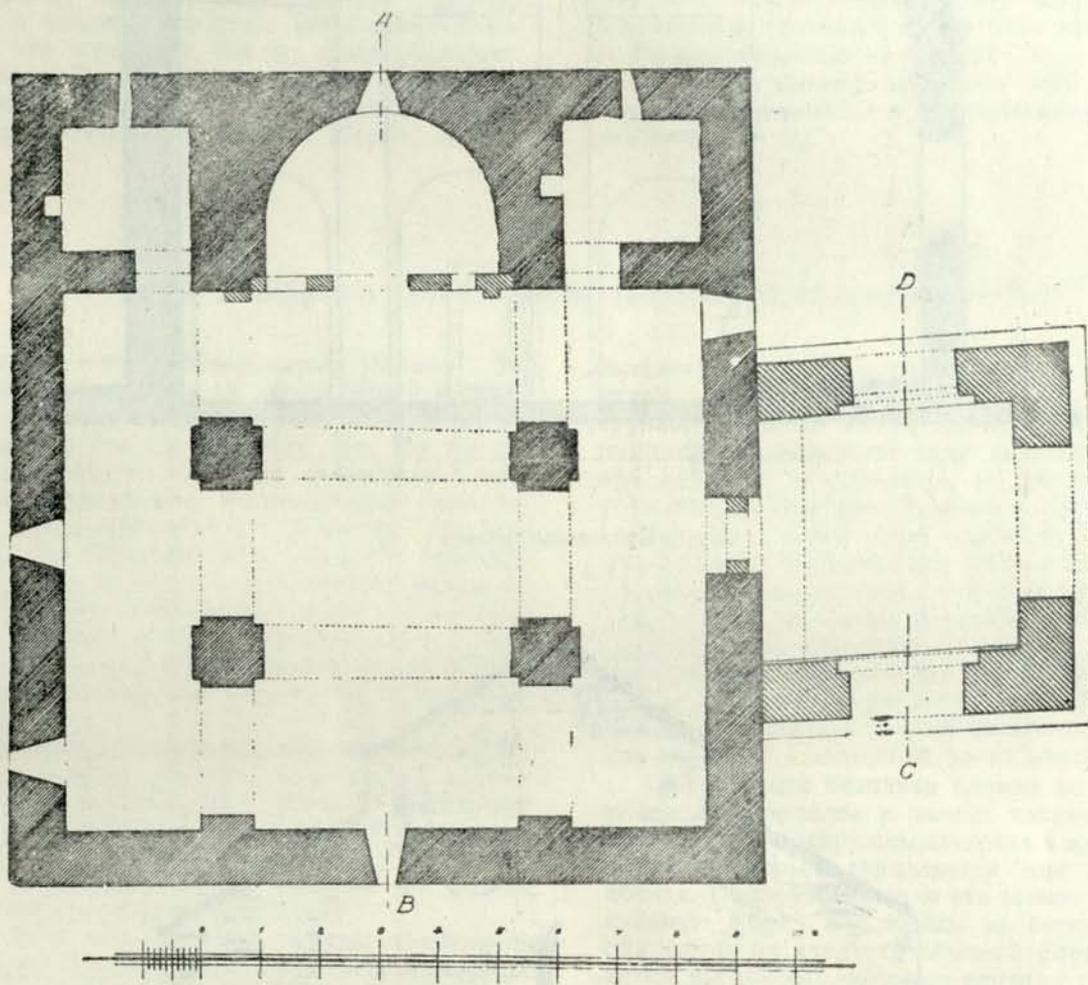
საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

сходящихся в центре под углом. Арки, соединяющие главный неф с боковыми, имеют правильную полуциркульную форму, образовавшуюся кладкой из кирпича (табл. 43-b).

Боковые нефы имеют литые, ползучие своды, не опирающиеся на арки, хотя столбы

и в алтаре. Обе восточные комнаты имеют небольшие окна на восток с горизонтальной плоской каменной перемычкой и двери с горизонтальной перемычкой из церкви, а арочками внутри комнат.

Поздняя, кирпичная же алтарная прегра-

План базилики Натлис-Мцемели с пристроенной колокольней

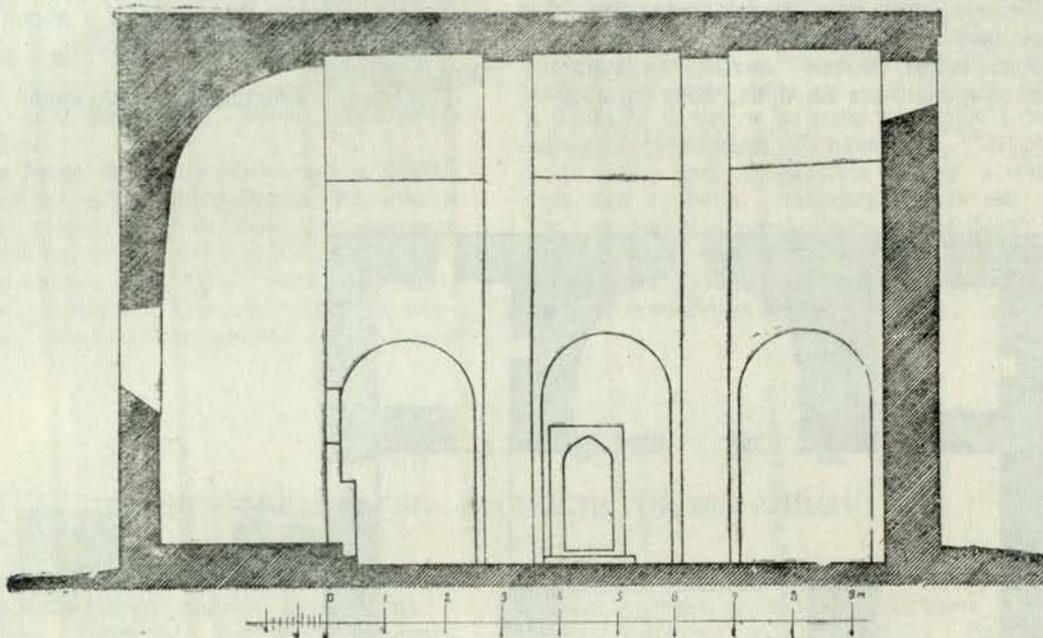
имеют, как сказано, в сечении форму креста и образуют как бы пилястры. В восточных комнатах боковых нефов своды общие с самими нефами. В восточной комнате южного нефа имеется кирпичный престол¹ у стены, как

да, отделяющая алтарь от главного нефа, имеет две двери, а с юга маленький сквозной проем (табл. 43-b). Она покрыта, как весь средний неф, росписью².

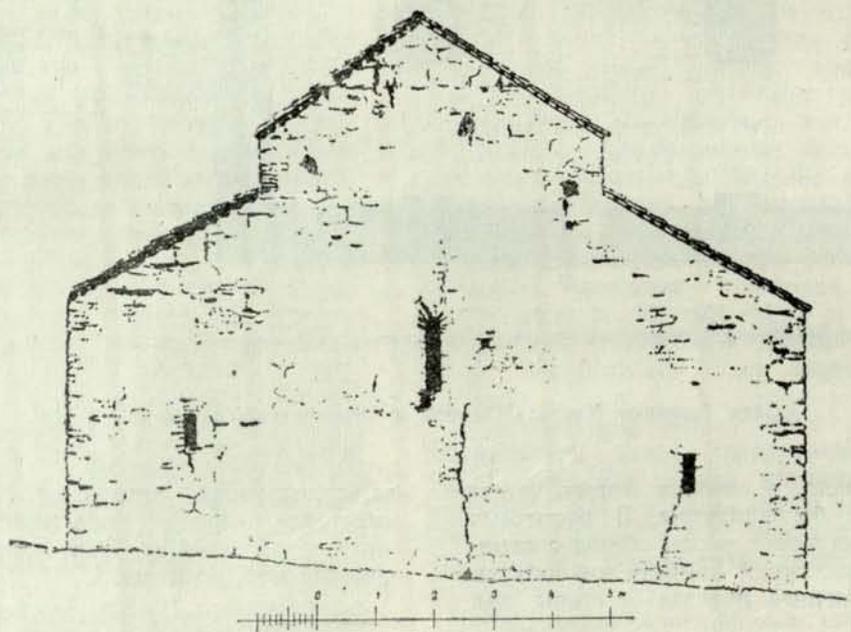
¹ В 1933 г. он оказался сломан и опрокинут.

² Кирпич преграды 25/24×24/25×5 см, а кирпич

двухэтажной колокольни XVII века с квадратом внизу и восьмигранником сверху — 23/22×23/20×5 см.

Продольный разрез

Восточный фасад

Как свод главного нефа, так и снаружи вся базилика подверглась починке — кое-где видны заплатки кирпичом; затем сами кровли боковых нефов повышены, что ясно видно по отличному материалу, и сделан карниз из углов поставленных в несколько рядов кирпичей (табл. 43-а и чертеж фасада). Кроме того, сильно сужено южное окно и немного заложено пролет входной двери, причем придана форма с изломом (разрез). Естественно отнести и эти починки к той же эпохе подновления царем Леоном перед росписью церкви.

Базилика Иоанна Натлис-Мцемели близ Алвани отличается по плану и общему замыс-

лу постройки от рассмотренных выше древних, перелома V и VI вв, базилик, хотя связывается еще с последними рассмотренными второй половины VI века в Ахмета и Ахшани, как и с другими грузинскими VII века в Ркони, Верэ и др. по общей форме¹. Применение же двух сортов материала — булыжника и кирпича — при этом для различных конструктивных частей, соединяет эту постройку и Зедазенскую базилику, как и базилику Давида Гареджийского близ селения Акура, в одну группу с купольными церквами VIII—IX вв., каковы Гурджаанская и Вачнадзианская Квела-Цминда и др.

14. БАЗИЛИКА МОНАСТЫРЯ ИОАННА ЗЕДАЗЕНСКОГО ✓

Описание. — Монастырь Иоанна Зедазенского находится на левом берегу р. Арагви, в 5—6 км северо-восточнее г. Мцхета, на высоком хребте Сагурамских гор. По преданию, он построен на месте, освященном языческим поклонением. Расположение само по себе чрезвычайное, — с далекими видами вплоть до Тбилиси и с бывшей столицей Мцхета, как на ладони, а на север с видом на весь Главный Кавказский хребет с Казбеком и на течение вверх р. Арагви, — с трудным входом на значительную высоту (до 1390 м с лишним над уровнем моря) и густым лесом вокруг².

Монастырь находится над крутым обрывом в сторону Мцхета, а с других сторон окружен развалившейся частью крепостной стеной с цитаделью с востока. Кроме этого только сама базилика монастыря с пристройками к ней сохранилась древняя, от других строений не видно ничего вовсе³.

В 1938 году Отделом охраны памятников культуры Грузии проведены закрепительные работы крепостных сооружений и базилики, так что неприятный вид запустения на фотоснимках 1922 года ныне — ликвидированное прошлое.

Церковь представляет собой трехнефную

базилику, сложенную из булыжника, рваного камня и частью из кирпича (арки и т. п.) крупного калибра (26/27 см сторона и 5 см толщина). В капителях арок на углах применен обычный ноздреватый, желтоватый конгломерат архитектуры Кахетии — ширими.

Базилика имеет очень высокий и сравнительно узкий средний неф, благодаря чему получается впечатление, что базилика длинная. Между тем план показывает нам почти квадрат и при том очень массивный, а разрез поддерживает выраженное только-что впечатление. Церковь имеет алтарь только в среднем нефе, северный открыт целиком, и в южном отделена в восточной части комната.

Средний неф базилики сложен из всех названных материалов в разных частях. Он поделен двумя подпружными арками на три отрезка, к которым добавляется еще алтарная абсида. Подпружные арки эти имеют полуциркульную форму и сложены из кирпича. Они опираются на капители обычной формы в Кахетии из ширими, которые венчают пилястры, в отдельных частях сложенные из рваного камня, из ширими и из кирпича. При западной стене имеется двойной устой с двумя арками на капители, соединенной и сделанной из одного ноздреватого камня. Арки кирпичные и

источниках, так определенно подтвердивших заключения сравнительного архитектурного анализа, были доложены мною на заседании Грузинского общества истории и этнографии в Тбилиси 5-го июля 1922 года.

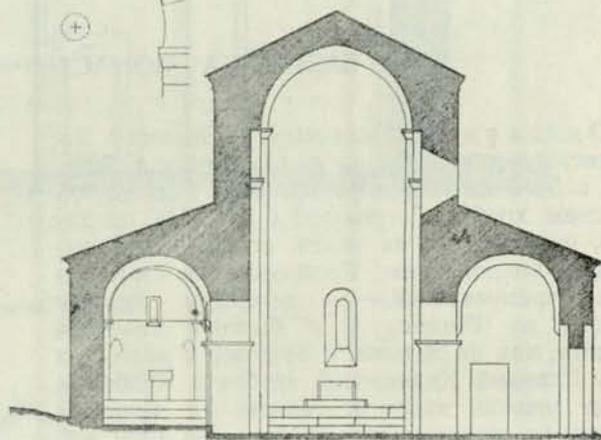
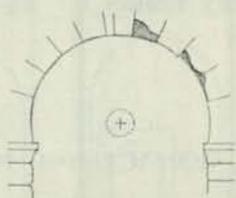
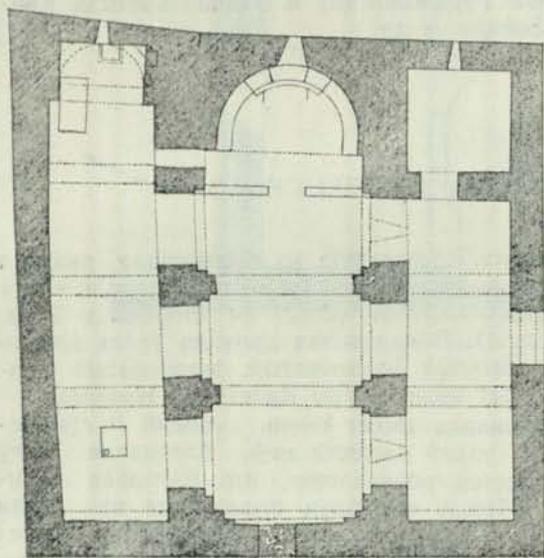
³ Конечно, о нескольких новейших жилых постройках и службах не говорю.

¹ См. Историю грузинского искусства. I, стр. 199 сл. (по-груз.).

² Обследован 1—3.VI.1922 г., тогда же сделаны арх. Н. П. Северовым обмеры храма, а худ. Т. Г. Кюне 20 фотоснимков. Результаты исследования базилики, как представителя архитектуры Кахетии, а также последовавших затем изысканий в литературных

имеют, в отличие от других подпружных арок главного нефа, подковообразную форму (табл. 49). Каждая из трех частей продольных стен среднего нефа определенно отделана. Внизу, прежде всего, имеется арочный пролет в северный, resp. южный неф. А над ним стена украшена декоративными арками (табл. 48, 49, 50, 51). Арки в боковые нефы выведены из кирпича и опираются на импосты из ширими, они ярко выраженной подковообразной формы (табл. 51). Части стен над ними в трехуголь-

де и видно совершенно определенно, как булыжник положен рядами, но слишком густа и гладка заливка, чтобы была вероятна кладка его. И действительно, арх. Н. П. Северов определенно высказался, что свод просто бетонный, литый по деревянной палубе; на это же указывает также и форма самого свода с резко обозначенной линией его пяты, с небольшим как бы надломом в вершине его, с совершенно гладкой, «литой, застывшей» поверхностью его и со сбитыми краями у арок. Осо-

План базилики, древнейшая арка в северном нефе и поперечный разрез

никах до горизонтали сложены также из кирпича, как и все прилегающие части самих столбов, примерно начиная от высоты капителей. Верхняя аркатура также выведена из кирпича, но форма арок полуциркульная; капители опять из ширими. Стены главного нефа, алтарная абсида с конхой и своды сложены из рваного камня и булыжника, в западной стене попадаются кое-где и квадры ширими.

Свод по всем данным выполнен на кружалах или палубах, для устоя которых сохранились по сторонам подпружных арок гнезда, на высоте пят свода (табл. 48 и 50)¹. Хотя в сво-

бенно показательно указанное наличие как бы излома сводов, когда подпружные арки совершенно правильно полуциркульны.

Из главного нефа, кроме алтарного окна, имеется два окна на юг и одно на запад. На север окон нет. Только западное окно очень маленькое и помещено высоко под самим сводом (табл. 49). Три остальных — сравнительно большие. Все четыре окна имеют полукруглое завершение; все обрамления окон сделаны из песчаникового плотного камня (табл. 48 и 49).

С запада есть сейчас вход в базилику, но он не первоначален, а прорублен позднее; он не имеет никакой определенной формы, находится не по оси нефа, весь сбит, притолоки вы-

¹ В них вставлена балка для подвешенной люстры (табл. 48).

ложены поздним мелкого калибра кирпичем, перемычки не имеет, вместо которой висят неровным контуром вырванные камни — булыжник. Особенно ясно станет все это после описания южной входной двери с ее определенными формами (план).

Алтарь повышен сравнительно с церковью на две ступени, причем, видимо, это повышение изначальное, обрамленное на краю цокольным камнем по форме вала, который сохранился под всей алтарной преградой, выстроенной здесь много позже из кирпича с вложенными фрагментами резной иконостасной преграды X—XI века и одной только дверью. Очевидно, и здесь первоначально никакой преграды не было вовсе¹.

По стене всего полукружия идет лавка для сидения, которая в средней части получает еще вторую, дополнительную на одного человека с каждой стороны среднего высокого под алтарным окном настоятельского сидения. Оно сейчас как-то ободрано и неясно в своих формах. А между тем от самой стены по полу идет вперед в ширину этого сидения полоса ободранной кладки, которая теряется где-то под нынешним стоящим в середине алтаря престолом, где она много выше видна еще как бесформенная груда. Поэтому зарождается вопрос — не являются ли эти обрывки остатком первоначального, прислоненного к восточной стене престола?

Северный неф представляет собой сплошное длинное, невысокое помещение, заключающее в себе могилу самого основателя монастыря — Иоанна Зедазенского, а также водоем с водой, «вымоленной», по житию, молитвами святого. Могила и арка над нею находятся на восточном конце нефа у северной стены, а водоем в центре западной.

Восточная часть нефа, начиная от раки святого, повышена на четыре ступени против пола остальной церкви (из этих ступеней одна повысила весь пол северного нефа)². Она в плане прямоугольна в нижней части, а в верхней имеет конху с подковообразной аркой (табл.

¹ В статье по поводу освящения алтаря в развалинах Зедазенского храма, произведенного по инициативе кн. Гурамова в 1849 году экзархом Исидором (Закавказский Вестник. № 20—21 за 1849 г.), упоминается, что иконостас был подновлен.

² Могила святого сейчас украшена поздним, вероятно 80-х годов, покровом с маленькой дверцей с запада (табл. 52). Через дверцу видна более древняя отделка с треугольным навершием из кирпичей, как описывали его А. Н. Муравьев (Грузия и Армения, СПб. 1848, т. 1, 258) и Д. З. Баградзе (Кав-

каз в древних памятниках христианства, Т. 1875, стр. 56). Из-под него, очевидно, верующие брали прах земли с могилы. Как отмечено в анонимной статье в Закавказском Вестнике за 1849 г., № 21, гробница Иоанна «весьма недавно поправлена рукою каменщика». — В раку с западной стороны вмазан небольшой каменный фрагмент резьбы с фигурами, ныне перенесенный в Тбилиси для изучения и охраны. А на примыкающей части стены храма остатки фрескового изображения на коне св. Георгия, поражающего дракона.

52 и 53). Конха эта укреплена небольшими тропками по углам. Они сделаны из целого камня, имеют конусообразную форму с лицевой арочкой. Тропки еще не создают непосредственно основания для полукруга. Это достигается несколько выше напуском стен над ними. Сама конха начинается уступом, оттеняющим ее подковообразную форму. Она сложена из небольших квадров песчаника, идущих правильными рядами ровно и чисто. Лицевая арка конхи сложена из притесанных квадров плотного песчаника с правильной формой подковы. Эта арка замерена детально записками, причем пунктиром нанесена правильная по циркулю арка, показывающая искажения от времени, которые она претерпела, а также делающая несомненным факт ее циркульной кладки первоначально (чертеж и табл. 52). Как эта конховая арка, так же и следующая за ней к западу подпружная арка нефа, выведена из тесаных квадров плотного песчаника, ныне частью обвалившегося (табл. 52). Обе эти арки опираются на импосты обычной формы из такого же камня, как и сами арки, т. е. не из ноздреватого желтоватого ширими, как остальные импосты церкви. Между импостами этих соседних арок по продольным стенам выпущены тяги той же формы, что и импосты, и частью эта тяга продолжается по северной стене еще западнее второй арки (табл. 52). Свод между названными арками, и частью также западнее второй из них, сложен из мелких камней правильной формы и правильными рядами. Так что здесь, по-видимому, имеем дело с кладкой свода на кружалах.

Остальная часть свода северного нефа производит опять вид литой по палубе, как в главном нефе, а не сложенной; видна сплошная масса бетона (ср. крайнюю правую часть на табл. 52). Три западные подпружные арки сложены из кирпича и опираются на импосты из ширими. Конечно, прилегающие части столбов также сложены из кирпича. Стены сложены из булыжника, рваного камня и ширими.

ми. Свод, как сказано, в этой части также бетонный по палубе, как в среднем нефе. Здесь и в западной и в восточной частях нефа сохранились при арках гнезда для кружал, гесп. палубы. (Едва различимы на табл. 52).

Освещается весь этот неф очень скудно — одним маленьким окном с востока. Оно прорублено уже в пределах конхи, обрамлено, конечно, тем же плотным камнем и имеет изнутри плоскую сверху перемычку, а снаружи декоративную арку в плите. Подоконник, как и вся форма окна, древний, в три уступа.

Под окном, не совсем по оси, находится прислоненный к стене престол на одной ножке с расширяющейся верхней частью. Полагаю, что этот престол древний. Формы его передает рисунок столба на изображениях столпников. Расположение не по оси вызвано, вероятно, находением тут же могилы Иоанна Зедазенского. В южной стене в углу, почти на уровне пола, имеется неглубокая, ровно выложенная нишка.

В недавнее время прорублены как западный вход в средний неф храма, так же проход из алтаря в этот придел-жертвенник. Проход косой, кривой, неравной ширины на разной высоте и низкий — какой, видимо, удалось проломать¹.

Южный неф состоит, в отличие от северного, из двух частей — небольшой прямоугольной комнаты в восточной части со входом из южного нефа и длинной западной части, открывающейся тремя пролетами в главный неф и со входом в церковь. Восточная комната южного нефа служила, очевидно, в качестве диаконника, ризницы и была выделена, судя по архитектурным данным, одновременно с построением всей церкви. Западная стенка ее выстроена под свод, но нет ни подпружной на ее месте арки, ни таковой при восточной стене в pendant к устройству западных стен боковых нефов. Последнее создало бы ненуж-

ное, неприятное усложнение. При пятах корового бетонного свода имеются гнезда для укрепления опор палубы. Стены и своды из булыжника. Окно с востока обрамлено камнем ширины и имеет, как и алтарное окно, полуциркульный верх изнутри и снаружи. Дверь из комнаты имеет полуциркульный верх, сложенный из кирпича, как и части притолок двери с заполненным в глубине люнетом из сплошной каменной плиты. Вне комнаты вход имеет, таким образом, горизонтальные перекрытия.

Остальная часть южного нефа представляет собой длинное помещение, не имеющее ни одного окна, со сводом на трех подпружных арках, сложенных из кирпича и опирающихся на импосты из ширими. Кладка самих же сводов и стен — из булыжника. Через южный неф был ход в церковь, и по всем данным, единственный первоначальный вход в нее. Притолоки его отделаны ширими, арки кирпичные, они имеются с обеих сторон двери, а между ними — заполнение до горизонтали из сплошной каменной плиты.

С внешней стороны базилика Зедазенского монастыря представляет собой очень невзрачную постройку из булыжника и рваного камня. Особенно бросается в глаза асимметричность фасадов.

Восточный фасад имеет три окна; все три — на разной высоте и несимметрично расположенные (табл. 45). Несомненная связь расположения их с самим построением церкви. Вполне ясна линия, ограничивающая с юга поле северного нефа (табл. 45), в центре которого расположено окно². Но этот шов приходится далеко в пределах, соответствующих главному нефу церкви, южный шов которого тоже виден на фасаде и соответствует действительно распространению на юг поля (табл. 44, 45 и план). Окно среднего нефа, как и северного, находится в центре своего поля, означенного

которого нуждалась в починке (см. ст. в газете «Иверия», 1888 г., № 14: с. Сагурамо — Иоанно-Зедазенский монастырь, по-груз.). В 1890 г. к храмовому празднику ремонт был уже закончен, в том числе сделана «железная крыша» (ст. Б. К., Зедазийский св. Иоанна монастырь, в газете «Кавказ» за 1890 г., № 118 и 125). Вероятнее всего, обе двери пробиты были именно во время этого крупного ремонта и возобновления как монастыря. (Отметим, что в 60-х годах монастырь по-прежнему посещался лишь в праздник, ср. ст. А. Рагоза, Зедазенский монастырь, в газ. «Кавказ», 1862 г., № 68).

² См. план, где отмечен и шов, делящий северный неф от среднего.

¹ К сожалению, у нас отсутствуют данные установить, когда именно произведены эти изменения. Так как в статье об освящении храма в 1849 г., равно у Пл. Иоселиани, Жизнеописания святых, прославленных православною грузинскою церковью, Тфл. 1850, стр. 81, не упоминается о каком-либо действительном ремонте или обновлении храма, а только об освящении алтаря для службы, то естественным представляется относить эти изменения к деятельности епископа Александра (Окропиридзе), который испросил у экзарха Палладия в 1888 году разрешение совместить с настоятельством в Шиомгвие и настоятельство в Зедазени и употребить из своих личных денег (21 тысяча рублей) часть также на ремонт Зедазени, крыша

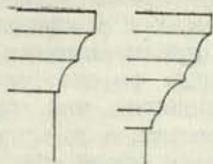
вертикальными границами кладки того и другого, что, как понятно, сдвигает их сильно на юг против оси. Расположение окон горизонтальное, также сильно различно: северное выше среднего, а южное значительно ниже его. Северное окно имеет навершие в форме едва профилированной арки с отворотами. Среднее окно украшено специальной плитой с изображением процветшего креста в раме, слитой с крестом (табл. 46). Второе подобное простое и неприятное изображение креста находится в щипце восточного фасада (ср. табл. 45).

Северный фасад совершенно глухой и к нему почти нет подхода, так как близ него идет крепостная стена. Боковой неф его — весь из булыжника, а средний с примесью рваного камня.

Западный фасад также собственно был глухой, ибо окно среднего нефа столь незначительно, что не создает никакого вида, дверь же прорублена позднее, недавно. В отношении материала и здесь смесь. Характерно, что шов разделительной кладки южного от среднего нефа виден и здесь вполне ясно (план и табл. 47), что же касается северного нефа, то этого сказать нельзя, но можно было бы считать только проблематично.

С юга церковь застроена разновременными частями, в главном же нефе два небольших окна.

С западной стороны, и заходя вперед за линию южного фасада, прослеживается вполне явственно фундамент бывшей здесь пристройки. Перед южным входом сохранил-

Два профиля импостов в портике (схема)

ся и сейчас небольшой портик, приблизительно квадратный в плане, сложенный из булыжника и облицованный тесаным плотным камнем, с коробовым сводом и двускатной кровлей. Вход в него с юга открывался широкой аркой на импостах. Свод на двух под-

¹ К сожалению, застройка и оклейка обоями пристроенного с востока помещения теперь лишает возможности обследовать эту часть снаружи. Но более старая фотография из коллекции Ермакова (№ 12456) показывает нам (табл. 44), что пролет этот был и

пружных арках, опирающихся на консоли и приложенных к северной и южной его стенам. На восток изнутри видна заложённая арка на капителях же¹. В западной стене имеются две нишки, каждая в форме абсид (табл. 54); низ их приходится от пола на высоте сиденья. Обрамлены эти нишки тесаным камнем.

На крыше этого портика была выстроена кирпичная восьмигранная колоколенка с четырьмя пролетами, а западнее его — отдельная келля — в типичных формах построек XVI — XVIII веков. Очевидно, это и есть постройка католика Доментия, о которых упоминает Дм. Бакардзе².

Анализ. — Церковь Иоанна Зедазенского монастыря составляет вместе с базиликой Натлис-Мцемели, близ Алвани, наиболее тесно связанную группу. Обе выведены, как мы знаем уже, из двойного материала — камня и кирпича — при этом камня, как рваного где-то здесь же на месте, так и булыжного. Постройка и одной и другой небольшая, приближающаяся к квадрату в плане. Жертвенник и диаконник отделены в восточных концах боковых нефов в Алванской базилике, представляя собой в плане прямоугольники со входом из бокового нефа, но не из алтаря. То же имеем в южном нефе Зедазенской базилики, но несколько иначе, в связи с особенностями его как усыпальницы основателя монастыря, обработан северный неф, о чем подробнее ниже. Наконец, и такая мелкая деталь, как один вход в базилику, именно вход с юга, объединяют оба названных памятника.

Помимо этих общих черт, Зедазенская базилика имеет и совершенно самостоятельные, единичные особенности, которые вскрывает анализ, давая исследователю ценный материал.

Базилика Иоанна Зедазенского, как мы знаем из описания, не есть просто церковь, построенная во имя того или иного святого и т. д. Она, более того, является одновременно местом погребения самого основателя монастыря, иначе говоря, она выстроена над его могилой. Место это, значительно повышенное по сравнению со всей церковью, находится в восточном конце северного нефа.

снаружи заложен, вероятно, для построения перед ним придела, обрывки которого видны на фотографии.

² См. его Кавказ в древних памятниках христианства, стр. 56.

Вся эта повышенная часть открыта в неф широкой аркой. Этот прием соединения помещения жертвенника открытой широкой аркой с примыкающим боковым нефом заставляет непосредственно сопоставлять с таким же сирийской архитектуры. Как установили Ж. Лассюс и арх. Г. Чаленко, в базиликах Сирии, начиная с первых годов V века, выделяется в помещении жертвенника рака святого и это помещение превращается в капеллу святого, в мартирий¹.

Это — первая индивидуальная особенность данной церкви. Она позволяет понять те не-правильности в строении, которые отмечены в описании. Именно восточная часть северного нефа заключает в себе целый ряд деталей, которые стоят особняком наравне с подобными же элементами остальной церкви. Несомненным является при рассмотрении всех их то, что эта часть базилики была раньше самостоятельной постройкой, включенной и ввязанной затем в это большое строение. Это положение получило свое полное обоснование, когда был выполнен план базилики по обмерам. Прежде всего расположение, направление этой усыпальницы Иоанна имеет уклон на юг по сравнению с основной осью базилики. Этому с сильным искажением отвечает направление восточной стены северного нефа, изгиб всей этой стены базилики явственно виден в натуре. Вертикальный шов кладки, обозначающий первоначальный внешний южный угол строения, приходится теперь далеко в поле среднего нефа (табл. 44—45). При этом он вверх не доходит до кровли, а обрывается на одной приблизительно высоте с внешним углом односкатной кровли этого нефа, другими словами, первоначально стена была выведена с расчетом на двускатную кровлю.

Внутри точно также ряд элементов подтверждает эти наблюдения. Прежде всего здесь важно отличие двух арок подпружных в восточной части — они сложены из тесаных квадров, в форме правильной подковы², — от трех западных, сложенных из кирпича, с сохранением, однако, той же подковообразной формы. Свод также сложен здесь, как и конха, из правильных каменных квадров, в

то время, как все остальные своды церкви литы по палубе. Линия границы сложенной и бетонной частей свода намечается между второй с востока, каменной, и третьей, уже кирпичной, подпружными арками. Далее пята свода, здесь, как в конхе так и по стенам между крайними восточными арками и еще приблизительно до середины следующей арки, отмечена выступающей сильно полочкой со скосом из тесаного камня, которые обрываются в указанном месте. Именно здесь, очевидно, и была западная граница этой первоначальной церкви — мемория на могиле святого, что намечается сводом и пятой. Наконец, вся алтарная часть здесь обработана особенно — она сильно повышена против церкви, и с левой стороны на этом возвышении алтаря, находится гробница святого. Занимая значительное пространство, она заставила сдвинуть в сторону престол, который расположен не по оси. Наконец, и помещение окна в пределах конхи, а не в прямой стене ниже ее, также вызвано тем, что алтарь сильно повышен и занят частью гробницей — свет нужно было сделать сверху. Уровень пола всей остальной церкви, как места для молящихся, так даже и алтарной части среднего нефа, много ниже по сравнению с алтарем придела. Высокое положение окна так и осталось самостоятельным при устройстве окон в среднем и южном нефах — расположение этих последних окон ниже северного. Отделка северного окна также своеобразная, неповторенная в других окнах базилики. Изнутри она имеет прямую перемычку, а снаружи спущена декоративная плита с полуциркульным вырезом. Все остальные окна выведены в кладке с полуциркульным верхом, т. е. и снаружи и изнутри, а декоративная отделка имеется только еще на среднем алтарном, но она совершенно иная — именно вставленная над окном плита с рельефным крестом, в то время как северное имеет профиль на самой обрамляющей плите.

Таковы те черты, которые подтверждают вопрос о разновременном построении этой части базилики и всей ее в целом. Само собой разумеется, что вместе с тем, устанавливается и последовательность: самостоятельная мемориальная церковь влита здесь в общую бази-

ном приделе с погребением «мученика», или хотя бы с особо чтимыми реликвиями также и в северной галлерее Болнисского Сиона, где первая арка наружу выделена против остальных, т. е. это не единый сплошной ряд одинаковых арок, открывающихся наружу.

² Ср. деталь крайней восточной, вычерченной по засечкам и с нанесением по циркулю, а также табл. 52.

¹ См. Lassus, Les sanctuaires chrétiens de Syrie, Paris 1947, глава IV, особ. стр. 173 слл. — Интересно отметить, что та же суеверная традиция практиковалась и в Зедазени. Только вместо принятых в сирийских базиликах эвлогий из масла, пропущенного через мощи, из Зедазенской базилики паломники уносили землю, взятую из раки Иоанна. — Можно думать о выделен-

лику с уничтожением, конечно, западной стены церкви и части южной. Факт влития, вкомпоновывания ее в большую базилику определенно сказался на общей форме этой последней. Прежде всего, направление восточной стены пришлось сделать с изломом; на фасаде осталось отмеченным соединение разновременных частей, и сами окна размещены не согласованно, только сообразуясь с требованиями каждых отдельных пристраиваемых помещений. Изнутри и алтарь среднего нефа несколько повернут на юг, в соответствии с уклоном придела: благодаря этому алтарное окно оказалось не по оси среднего нефа.

Если придел могилы отделан в строительной части тесаным камнем и пр., то в главном нефе базилики дано оживление стен ложной аркатурой, для правильности кладки каковой, применен кирпич. И сама форма столбов в сечении обусловлена двусторонне наличными данными — в боковых нефях они гладки, в главном же имеют двойные выступы. Формы импостов, применение подковообразной арки в нижних видных частях, говорит за то, что промежуток времени построения мемориальной церкви и базилики самый незначительный. Употребление при этом кирпича еще подтверждает, что имеем дело с памятником VIII—IX вв., вернее — второй половины VIII в. Это подтверждается и такими элементами, как конха на прямоугольном основании, что увидим как раз в этот период и чуть раньше в купольной архитектуре, в Кисисхеви и Вачнадзванской Квела-Цминда.

Таким образом, архитектурный анализ Зедазенской базилики привел нас к вполне определенному положению. Во-первых, на могиле Иоанна была построена небольшая мемориальная церковь в один неф. Эта церковь, во-вторых, вскоре после своего построения была переделана в трехнефную базилику, в которой она составила только северо-восточную часть. Органическое соединение же этой части со всей базиликой совпадает с особенностями сирийских церквей, установленными новейшими разысканиями. Очень возможно, что прийти к мысли о необходимости перестройки оказал влияние тот факт, что близ могилы, на запад, за стеной мемориальной церкви, остался «вымоленный Иоанном водоем», который и был включен строителем в корпус базилики. В

этом водоеме заключается вторая индивидуальная особенность Зедазенской базилики и ее не следует недооценивать. Построение базилики, а вместе с нею, конечно, и сохранившихся частей первоначальной мемориальной церкви, как построенной незадолго до первой, на основании архитектурного анализа определяется второй половиной VIII века и, во всяком случае, не позже начала IX. Эти положения и установка находят себе желанное подтверждение в литературных материалах, случайно, к нашему большому удовлетворению, сохранивших ценные, хотя и очень лаконичские сообщения по истории обстраивания монастыря.

Точное определение времени построения. — Монастырь, основанный Иоанном Зедазенским в нескольких километрах к северу от г. Мцхета, имеет определенную историю. Основатель монастыря Иоанн является главой целой группы подвижников сирийского монашества половины VI века, последователей и учеников Симеона Столпника Дивногорца (521—596 гг.). Они пришли в Грузию по разным мотивам и насаждали здесь строгие аскетические формы сирийского подвижничества. Целый ряд спутников Иоанна перенес свою деятельность как раз в пределы Кахетии, где и почитаются места их упокоения. Мы уже упоминали об одном из тринадцати сирийских отцов, пришедших из Месопотамии — именно подвизавшегося в Некреси Авива. Так же точно и Давид Гареджийский с своими учениками, создавший в пределах Кахетии совершенно обособленный, выдающегося культурно-политического значения мир «двенадцати пустынь пещерных» в безлесных и безводных горах Гареджийских, является одним из этой же группы. Базилику — монастырское подворье этих пустыней в селении Акура — мы увидим ниже¹. Позднее мы ознакомимся с храмами на месте погребения Иосифа в Алаверди, Стефана в Хирса, Зенона в Икалто. Везде один общий принцип — святой погребен в церкви, несколько в стороне от алтаря, почти всюду с северной стороны. Характерно, что и святой Шно из этой группы, основавший знаменитый пещерный монастырь западнее Мцхета², тоже пользуется почитанием в Кахетии, где имеются древние церкви его име-

¹ Гареджийским пещерным монастырям, истории их и художественной культуре посвящена мною монография, богато иллюстрированная планами, фото и рисунками. Издана Академией наук Груз. ССР в 1948 году.

² См. мое исследование Die Schio-Mghwime-Lawra Ein Beitrag zur Architekturgeschichte Georgiens, in Bulletin de l'Université de Tiflis, t. V, Tiflis 1925 (mit 8 Tafeln, SS. 209—253).

ни в Сабуз, в Патардзеули и близ Икалто, в Артозани. Несомненно особенная связь тринадцати сирийских отцов именно с Кахетией, и эта связь настолько примечательна и в то же время настолько ярко выражается, что монастырь Иоанна Зедазенского, расположенный тут же в виду Мцхета и в непосредственном иерархическом соподчинении ему, хоть и на левом берегу Арагви, является в архитектурном отношении целиком и без единого иного штриха произведением кахетинской архитектуры, а не картлийской, как то было бы естественно, единственно возможным предполагать абстрактно без знакомства с самим памятником. Связь с католикоским престолом и со столицей Грузии дает нам, однако, достоверный документальный материал. Старанием настоятелей Зедазенского монастыря и католикосов Грузии были составлены жития основателя монастыря, в которых имеются отдельные чрезвычайно важные для нас фактические данные о постройках.

До последнего времени житие Иоанна Зе-

дазенского имелось в старом издании М. Сабинина одной распространенной рецензии¹ и затем в довольно неряшливом издании С. Н. Какабадзе — другой². Ныне И. В. Абуладзе критически издал параллельно все три версии, из которых древнейшая издается им впервые³. При древнейшем тексте сохранилось вводное письмо составителя католикоса Арсения, который определенно сообщает, что заказавший обработку жития настоятель Михаил, помимо существовавшего уже текста, предоставил ему ქართა წულობი, т. е. пергаментные записи, документы по истории монастыря, деятельности основателя его и учеников. И действительно в самом тексте совершенно ясно видны вставленные краткие документальные данные, а кроме того имеется в значительной части рукописей особо приложенный в конце перечень (список) настоятелей монастыря после Иоанна с обозначением количества лет их настоятельства и кое-где с отметкой их деятельности⁴.

¹ См. «Рай Грузии», СПб. 1882, стр. 193—208. Согласно исследованию акад. К. С. Кекелидзе (История древнегрузинской письменности, I, Тб. 1951, стр. 137 слл., по-груз., и специально в «Моамбэ» Тбилисского университета, VI, 1926, по-груз.) метафразированный текст с иррациональной риторикой, как он приведен в издании и рукописях, есть только развитие древнейшего текста, составленного католикосом Арсением II (955—980 гг.), за каковой он считал текст в рук. А, № 199.

² Архетипы житий сирийских отцов. Приложение к книге I его издания «Саисторно крებული», Тб. 1928. Текст дан по рукописи А, № 199 (из собр. б. Церковного музея).

³ Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии. (Труды кафедры древнегрузинского языка, I), Тб. 1955 (по-груз.).

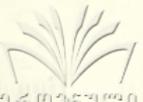
И. В. Абуладзе в исследовании показывает, что имеющийся древнейший текст сохранился в рукописи «Картлис цховреба» царицы Анны XV века и он-то составлен католикосом Арсением II (950—988 гг.); по нему был отредактирован синаксарий, названный С. Н. Какабадзе «архетипом». А метафразированный текст отвечает Сабининскому, дошедшему во многих рукописях и составленному не ранее первой половины XII века, как показал К. С. Кекелидзе. Таким образом, устанавливается, что «кимен» по-прежнему неизвестен.

К сожалению, И. В. Абуладзе не дает разъяс-

нения относительно записей в рукописи А, № 170, переписанной в 1733 году в Тбилиси для Шиомгвимского монастыря (Д. Бакрадзе, История Грузии, Тб. 1889, стр. 153 прим., по-груз.) и отмечающей, что житие составил католикос Самуил (стр. 11, 83), а обновил и распространил католикос Арсений (стр. 23, 47 и 48) (Т. Жордания, Описание рукописей Церковного Музея, I, 1903, стр. 178—179).

⁴ Привожу отдельные цитаты из жития по рук. А, № 199, как они были мною выбраны еще до первого напечатания всего текста жития, прибавив ссылки на издание И. В. Абуладзе.

В только что вышедшей I книге «Этюдод по истории древнегрузинской литературы» (Тб. 1956, по-груз.) акад. К. С. Кекелидзе добавил ко включенному в этот том исследованию «Вопрос о приходе сирийских подвижников в Грузию», перепечатанному из VI тома «Моамбэ» Тбилисского университета (1925) еще 6-й параграф (стр. 44—50), в котором касается освещения проф. И. В. Абуладзе вопроса о трех наличных версиях жития Иоанна Зедазенского (стр. 44—47). К. С. Кекелидзе возражает против признания нового текста древнейшим и автором его католикоса Арсения, а по-прежнему считает таковым краткий текст, названный С. Н. Какабадзе «архетипом», а И. В. Абуладзе «синаксарным», новый же считает составленным не ранее XI века каким-то неизвестным метафрастом.

Иоанн, поселившись на горе Заденской, *შენებდა არა ინება მას აღგილსა, არამედ ვითარცა არს წესი მარტოდ მყოფობისაჲ, იყოფოდა; ნაპრაღსა მას კლდისასა ეპოვნა ქუაბი მცირე, რომელსა შინა აღასრულა მწირობაჲ სარწმუნოჲსა ამის ცხოვრებისა¹.*

не пожелал строить здание на том месте, а согласно порядку пустынножительства пребывал; в расщелине той скалы нашел пещеру малую, в которой закончил странничество этой жизни¹.

Монастырь же с общежитием основан был еще при жизни Иоанна, не желавшего нарушения своего отшельнического образа жизни. Основал монастырь один из учеников Тата, внизу у подножия Зедазенской горы, на месте, называемом в источниках Квемо Задени². Возможно, что это уцелевшая до недавнего времени (в сторону Сагурамо) трехцерковная базилика „Касури“ св. Георгия³.

Как жизнь свою Иоанн проводил пустыником, так завещал он и похоронить его на той же вершине горы; это было исполнено, впрочем, не без первоначального противодействия со стороны его учеников-монахов⁴. Ибо ученики сочли за лучшее положить останки его в раку (ლარნაკი, ლუსკუმბაჲ) в нижнем монастыре у Таты, а не выполнить завещание умершего, считая указанное им место не подходящим⁵.

Последовали явления природы, истолкованные как гнев учителя, и тогда совершили торжественный перенос останков, согласно воли покойного:

¹ Текст по изданию И. В. Абуладзе, стр. 50 (строки 36, 37) и 52 (1—4) по А версии. Тот же текст с легким изменением по другим версиям (напечатан ранее М. Сабининым, Рай Грузии, стр. 203—204 и С. Какбадзе, Архетипы).

² Издание И. В. Абуладзе, стр. 62 (6—10) по В версии.— «Рай Грузии», стр. 206 (1—2) и 207 (3—4, 17).

³ См. о ней ниже, гл. III.

⁴ Издание И. В. Абуладзе, стр. 63 (35—37) и 65 (35—38) и 66 (1—3) — «Рай Грузии», стр. 206 (19—20) и 207 (8—9).

დიდითა პატივითა აღიყვანეს გილსავე თვსსა და მითველუსკუმბაჲსა დაასუენნეს ნაწილნი მისნი. და შემდგომად მისსა აღაშენეს ეკლესიაჲ⁶.

с большой почестью вознесли на собственное его место и упокоили мощи его в той же раке. А после того выстроили церковь⁶.

В метафразированной же редакции опять упоминается пещера, именно, что подняли тело его в выше названную его пещеру (პირველ კსენებულსა მას ქუაბსა შინა). Наконец, агнограф сообщает о построении монастырской церкви на вершине Зедазенской горы:

ხოლო შემდგომად მრავლისა ეამისა წმიდამან კლემენტოზ კათალიკოზმან აღმოსავალით კერძო ეკლესიისა სხუაჲ ეკლესიაჲ აღაშენა სახელსა ზედა წმიდისა ნათლის-მცემელისასა⁷.

А по прошествии долгого времени святой Климентий католикос построил на восток от церкви другую церковь во имя святого Иоанна Крестителя⁷.

В этом сообщении интересны несколько черточек. Прежде всего—указание на построение другой церкви, затем указание, что она построена восточнее места, где обитал и был затем похоронен Иоанн. В этих сообщениях не все хорошо вяжется: в самом житии после долгих рассказов об отходе Иоанна на гору Заден (гл. 3 по изд. Абуладзе), об отсылке им учеников своих на миссионерский подвиг по стране (гл. 4), об испытании его дьяволом (гл. 6 до стр. 49), о вымалывании им источника (до 51) вдруг появляется очень поверхностно, скорее ассоциативно, связанное с изложением сообщение⁸ (вышеприведенное) о желании Иоанна создать общежительный около себя монастырь и заявление о том, что он молился и скончался в найденной там же пещере (до стр. 53). Вслед за этим идет сообщение чудес и исцелений (гл. 6 до конца) и переход к его смерти, им самим предчувствованной (гл. 7).

⁵ Издание И. В. Абуладзе, стр. 65 (10—15) по В версии.— «Рай Грузии», стр. 207 (3—5).

⁶ Издание И. В. Абуладзе, стр. 66 (12—16).

⁷ Издание И. В. Абуладзе, стр. 66 (29—34). В метафразированном тексте и тут фигурирует пещера, восточнее которой возводится — впрочем, опять «другая» (სხუაჲ) — церковь.

⁸ Впрочем, переходы и в остальном случайны, только по ассоциации приемлемы, но логически или исторически не оправдываемы. Такое вкрапливание отдельных фактов позволяет ясно различать эту работу по полноте и переделке.

При этом ещё раз повторено то же самое, без указания пещеры. Возможно, таким образом, что «пещера» появилась в обработанном изложении, как своего рода глосса, вызванная общим направлением деятельности тринадцати сирийских отцов и затем по ассоциации с жизнью и деятельностью Иоанна в Месопотамии. Но даже оставляя это без внимания, реалии заставляют строго отнестись к сообщению: Иоанн похоронен в церкви, в которой несколько западнее могилы имеется водоем, к которому в день празднования 7 мая собирались для лицезрения чуда, и который создан молитвами Иоанна. Никакой пещеры здесь нет; следовательно, и сообщение о построении католикосом Климентом восточнее пещеры другой церкви в передача лица, незнакомого с реалиями места и памятников.

Общежительный монастырь однако, был основан учеником Иоанна Татой у подножия горы и Иоанн как бы руководил этим монастырем. Сам он, однако, жил аскетом, отшельником на вершине горы. Естественно, что после погребения его там же наверху горы, над могилой построили церковь. И на этот счет кое-что можно уловить и из путаных данных жития. Дело в том, что Тата счел непристойным хоронить Иоанна на пустой вершине, поэтому похоронили его в монастыре Таты у подножия горы. После однако, мощи его перенесли с великой почестью на гору. Таким образом, вернее всего, что с этим переносом совпало построение небольшой часовни, в которой и были положены мощи Иоанна. Часовня эта может быть сохранившейся древней частью северного нефа ныне стоящей еще базилики. Католикос Климентий же, спустя непродолжительное время, перестроил эту небольшую часовню в монастырскую базилику, которую мы обследовали выше. И так как она имеет особый от часовни Иоанна престол, посвященный Иоанну Предтече, то агнограф правильно сказал სხუა ეკლესია *другая церковь*.

Но когда же жил католикос Климентий,

который построил базилику Иоанна Зедазненского монастыря? Прежде всего одну границу мы имеем благодаря сведению о переделке жития католикосом Арсеном в середине X века. Построение базилики произошло не позже середины X века, следовательно, католикоса с именем Климентий необходимо искать в промежутке VII—X вв. И действительно, в перечне католикосов с конца VII века и до Арсения, автора обработанного жития¹, мы встречаем в VIII веке следующий последовательный перечень: Мама, Иоване, Григол, Климентос, Сармеан, Талеле, Самовэль. Хотя время католикосства самого Климента неизвестно, но зато определяется довольно точно время Самуэля и Иоанна, отправившего послов для установления независимости грузинской церкви от антиохийской к Феофилакту, бывшему патриархом антиохийским с 744—751 год². Таким образом, время его католикосства падает на самую середину века. Католикосство же Самуэля совпадает со временем мученической смерти Або Тбилисского, имевшей место в 785—786 г.³, и описание жизни которого было (тогда же или вскоре) заказано Самуилом⁴. Итак, католикос Климент попадает в третью четверть VIII века⁵. Другими словами и самое построение базилики Зедазненского монастыря относится к третьей четверти VIII века, что вполне совпадает с общим выводом архитектурного анализа памятника, а при этом прецизирует и дает более узкие границы времени ее построения, чем это мог дать анализ.

Но на этом не кончается еще история построения монастыря и возможность определения времени его построения документальными данными истории.

Как было уже упомянуто, житие Иоанна Зедазненского сохранило нам перечень настоятелей монастыря, начиная с самого Иоанна и до времени обработки жития Арсением, т. е. до середины X века с указанием количества лет настоятельства каждого из них. Для боль-

критическое издание жития проф. К. С. Кекелидзе «Ранняя феодальная грузинская литература», Тб. 1935, стр. 68.

⁴ Житие Або, 1899, стр. 3—5; изд. Кекелидзе, стр. 55—56; И. А. Джавахишвили, Методы..., I, 1916, стр. 11—19; изд. 1921 года, стр. 39—52; изд. 1945 года, стр. 67—76; ср. Хроники и др., I, 72—73.

⁵ С. Какабадзе, (Архетипы, 1928, стр. 7) дает тот же отрезок времени. Здесь же нужно отметить, что и католикос Сармеан известен еще по сообщению жития св. Шио (Рай Грузии, 262—264) в то же время.

¹ См. хронику «Обращение Грузии» (по рукописи X века): Хроники и др., I, (75), 78—79; Три исторические хроники (по-груз.), 39, а в переводе в СМОК, вып. XXVIII, 1900, стр. 48; Описание рукописей Общества распространения грамотности, т. II (1906—12), стр. 727.

² Хроники и др. материалы, I, стр. 75—76 (письмо Ефрема об этом предмете).

³ И. А. Джавахишвили, История груз. народа, II, стр. 356 (по-груз.); Житие Або Тбилисского, изд. Церковного музея, 1899, стр. 22; Рай Грузии, стр. 341;

шей легкости изложения, я приведу здесь полностью этот перечень¹.

სახლები წთა მთ მშთა ქეს მიერ აღსრულებლთა ზედაძენს შა შდ იესსა. ცხოვნდა¹ ნტრი იე შდ მოსლვისა მისისა ასურეთით ლ წელ, ელია დკნი—ია წელ, ისბ კდ წელ, ამბა ვაჰმნ², რნ გზასა მისლვასა მისსა ეი შეწირა ქუშმო ზედანი³ შინამდელე წელ, ამბა ბენინ წელ, ამბა თლ⁴ ლა წელ, სამოელ დიდი, რნ ქუაბი ქმნა ჯა კშ წელ; ზედაძენს დაჯდა მმა იქმნა გ წელ, მცხეთას კზდ დაჯდა ათოთხმეტ⁵ წელ, გრიგოლ კდ წელ, იონა⁶ იე წელ, გაბრიელ⁷, რნ სტოვაა ალაშენა იე წელ, თეკა⁸ წელ, თე მეორე ით წელ, ინე, რლი მოიკლა სარკინოზთაგან ზედაძენს შა მხვილითა იბ წელ, ქურდის თ⁹ წელ, ქოროხ¹⁰ ი წელ, კვირიკე იე წელ, შიო გ წელ. მიქაელ, რლმან სადიაკონე¹¹ ალაშენა კდ წელ, მისაელ, რნ აკლდამასა თა ეგუტერი ქმნა გ წელ¹². ზაქარია, რნ ეკლესია განადიდა დ წელ ითანე ბ წელ; ომარ¹³ ა წელ, ელიაჲ, ე წელ, მქლა წელ, სამოელ, რნ მარანი ქვითკირითა ქმნა კ¹⁴ წელ.

Благодаря указаниям сколько лет был каждый из названных в перечне настоятелем Зедазенского монастыря, можно с известным при-

Имена св. отцов во Христе скончавшийся в Зедадзени после Иоанна: жил¹ блаженный Иоанн после прихода своего из Сирии 30 лет; Илия диакон 11 лет; Иосиф —24; Авва Вахми², который дорогою совершил обедню, идя из Нижнего Зедани³ домой, 35 лет; Авва Бени—50 лет; Авва Туал —31 год; Самоэль Великий, который сделал (высек) крестную пещеру—28 лет; в Зедадзени был настоятелем [1]3 лет, во Мцхета католикосом—14 лет⁵; Григорий —24 года; Иона⁶—15 лет; Гавриил⁷, который построил портик, 15 лет; Феодор—21 год⁸; Феодор второй—19 лет; Иоанн, который был убит сарацинами в Зедадзени мечом—12 лет, Курдис—9 лет⁹; Чорох¹⁰—10 лет; Квирикэ—15 лет; Шио—3 года; Михаил, который построил диаконник¹¹,—24 года, Мисаил, который сделал при усыпальнице часовню—3 года¹²; Захария, который увеличил церковь—4 года, Иоанн—2 года; Омар¹³—1 год; Илия—5 лет; Михаил—1 год; Самоэль, который сделал марани из камня—20 лет¹⁴.

ближением наметить года их настоятельства, отсчитывая от года прихода (или смерти) Иоанна. Время их управления, мне кажется

¹ Он напечатан по рк. № 160 Церковного музея Т. Жордания (Хроники и др. материалы, I, 73—74 и Описание рукописей церковного музея, I, 1903, стр. 163—164) с некоторыми разночтениями по рк. № 170 и 176. — Имеется в переводе у Пл. Иосселиани (Жизнеописания святых, прославленных грузинской церковью 1850) и у Броссе (Histoire de la Géorgie, SPb. 1849, p. 205 note 2) по рукописи Азиатского музея Академии Наук в Ленинграде; а в пересказе и у М. Сабинина (Рай Грузии, 1882, стр. 240 прим.), который, возможно, пользовался рук. Азиатского музея? Также С. Какабадзе, Архетипы, 3—4, однако не точно по рук. А, № 160, а с отступлением.

¹ № 170 ახვანი — мужественный.
² Рай Грузии и Пл. Иосселиани: აბბა ბალ, Авва Вал; Броссе: Hnan
³ № 170 и № 176: Квемо Задени. (ქვემო ზადენით).
⁴ № 170 и № 176: Авва Туал; Пл. Иосселиани и Рай Грузии: Тал; Броссе же пропускает Авва Бени и Авва Тл.

⁵ Пл. Иосселиани, Броссе, Рай Грузии: 15 лет.
⁶ Броссе: Иоанн.
⁷ Пл. Иосселиани: «по древнему манускрипту» Григорий.
⁸ Пл. Иосселиани: 25 лет, а в другом манускрипте — 21; Рай Грузии и Броссе («Феофил») — 25 лет.
⁹ Рай Грузии — 19 лет.
¹⁰ Пл. Иосселиани: Чорот (ჭორტ) в другом манускрипте ошибочно Чорох; Рай Грузии: Чорот; Броссе: Чорол.
¹¹ Пл. Иосселиани: «Михаил, устроивший запасохранильницу (საფაქუნე греч. ситикон) 24 года».
¹² Пл. Иосселиани, Рай Грузии, Броссе— Михаил отсутствует.
¹³ Пл. Иосселиани: Умар (в другом манускрипте — Омир); Рай Грузии: Умар.
¹⁴ Рай Грузии: 24 года.

можно еще проверять и исправлять благодаря содержащимся в перечне данным. Так как год прихода Иоанна ныне может считаться более или менее твердо установленным в литературе¹, то мы могли бы просто отсчитывать года и получить примерную картину. Но в перечне есть еще одно довольно твердое основание для хронологических исчислений. В середине перечня имеется: Самоэль Великий, который высек крестную пещеру — 28 лет; в Зедазени был настоятелем — 113 лет, во Мцхета католикосом — 14 лет², т. е. упомянут католикос Самоэль Великий — несомненно инициатор написания жития святого Або и современник его мученичества и, легко предположить, — составитель жития Иоанна Зедазенского, согласно упоминанию в одной из рукописей³. Правда, нужно опять отметить, что и это место в отношении количества годов не единообразно и допускает разные толкования. Если принять годом прихода в Грузию Иоанна 543 год, предложенный теперь проф. К. С. Кекелидзе⁴, то для вступления Самоэля Великого в настоятели Зедазенского монастыря получаем 724 год, т. е. расхождение с действительностью именно лет в 50.

Просматривая каталог настоятелей с отметкой о их строительной деятельности и указанный в нем расчет годов их настоятельства, т. е., помня найденную ошибку в 50 лет на 250, получим ряд небезынтересных данных к истории строительства самого монастыря.

Раньше других есть бытовая заметка при Аве Вахмане (608—643), что он дорогой совершил обедню, идя из Нижнего (Квемо) Заденидомой, т. е. собственно в Зедазенский монастырь⁵. По-видимому, это подтверждает, что он был, как и сам Иоанн, главой обеих монастырей верхнего — Зедазенского и нижнего, основанного Татой,

Квемо-Заденского. Затем идет сведение, нами уже разобранный о Самуиле Великом, позднее католикосе Грузии (вторая половина VIII века). Далее назван Гавриил — настоятель монастыря (середины IX века), который построил портик-притвор («стовай») к базилике. Мы видели в описании⁶, что поныне сохранился со стороны входа своеобразной формы портик, с двумя открытыми пролетами — южным и восточным и двойными нишками в западной стене. Как весь вид этого портика, кладка его, прием приложения арки к стене на консолях, свод и строительный материал, так, в частности, формы и названные две нишки в западной стене, непонятного сейчас назначения (ср. табл. 54), заставляют считать его древнейшей частью постройки и позволяют полагать, что именно он был построен Гавриилом в первой половине IX века.

Затем упоминается убитый мечом арабами около 900 года в самом монастыре настоятель Иоани. Год этот не отмечен арабскими нашествиями, но, например, 879 г., действительно, совпадает со временем вторичного назначения эмиром Грузии Мухамеда, сына Халида, который показал свою силу и еще легче завоевал всю эту страну Армению, Грузию и Рани⁷, т. е. возможно согласовать сведение каталога с общими историческими данными. Но, быть может, естественнее думать о том нашествии сарацин-саджев, которые сожгли Джвари Мцхетский в первой трети X века. Далее уже в X веке сообщает каталог, что настоятель Михаил в середине X века построил «садиаконе» (диаконник), как читается в рук. № 160 (и № № 170 и 176) или же, как читал Платон Иосселиани — «садакуне». Первое написание говорит о построении диаконника, очевидно, не как части церкви, не как ризницы, а как самостоятельного здания, видимо,

¹ Это выяснено проф. К. С. Кекелидзе в его статье «Вопрос о приходе в Грузию сирийских подвижников» (Bulletin de l'Université de Tiflis, t. VII, 1925, стр. 82—107, на груз. яз.) Ср. теперь еще диссертацию Л. Менабде.

² Предложение Т. Жордания (Хроники, I, 74, прим. 146) видеть здесь в Грузии писцов, слывших Самуэля и Мама, — натяжка. Впрочем, то же предлагает делать и С. Какабадзе, Архетипы, стр. 4, 6.

³ Ср. выше, прим. на стр. 104.

⁴ Вопрос о приходе в Грузию сирийских подвижников, стр. 99—100. В. В. Болотов же предлагал считать самым поздним (наравне с другими) годом их при-

хода 591-й (Христ. Чтение, 1898, в рецензии на диссертацию Гамрекели). Т. е. максимально возможные колебания здесь составляют 50 лет.

⁵ Пл. Иосселиани приводит о нем совсем другое: «Амба (Авва) Вал, устроивший каменную ограду от наружной церкви у подошвы горы до вершины ее — 35 лет».

⁶ Выше, стр. 101.

⁷ Матианэй Карглисай (по списку Марии *445, стр. 233). — И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, 1914, стр. 378.

961936920
03490033

жилого. Свое чтение Пл. Иосселиани сопоставляет с греч. ситикои, которое переводит зернохранилищем. Это служебное строение, конечно, было нужно монастырю и как раз от этой эпохи с X по XII вв. сохранилось много таких зернохранилищ в скалах Гареджийских монастырей¹. Следующий за ним настоятель Михаил сделал при усыпальнице монастырской часовню. Так как и кладбища монастырского сейчас не видно, то естественно неизвестно, где искать и самую часовню. Следующий за ним настоятель Захарий (конец X века) «увеличил церковь». Едва ли можно понимать это в смысле возвышения монастыря, поднятия значения и славы; скорее в смысле обогащения именьями и украшения утварью церкви. Но я склонен понимать это в прямом смысле — фундамент видный, и сейчас еще с западной стороны церкви и тянущийся еще на южный фасад², есть, вероятно, последний след этого увеличения Захарием монастырской церкви. Нельзя не отметить, что конец X века как раз и по общему состоянию Грузии вполне подходящее время для такого типа деятельности. Мы видим в этих совершенно повседневных, поавших в каталог заботах последних настоятелей, что деятельность их была еще свежа в памяти, когда настоятель Михаил послал Арсению материал о монастыре. Сам Михаил, быть может и вернее всего, не дождался написания Арсением расширенного жития патрона и основателя монастыря, так как пробыл всего год настоятелем. Его заступил Самозль, еще попавший в список как строитель винного подвала («марани») из камня на известн.

На этих данных обрывается писанная история монастыря, исчезающего как бы совершенно со страниц ее до XVIII века³. В это

время, по сообщению только Платона Иосселиани, церковь была обновлена католиком Доментием (1704 — 1724 и 1738 — 1742 гг.)⁴. Действительно, построение отдельной кельи и колокольни мы нашли типичными для этого времени (даже уже с XVI века) строениями. В 1849 году экзархом Исидором был не реставрирован, а лишь освящен храм⁵, а затем в 1889 г. реставрирован епископом Александром гурийско-мингрельским⁶. С 1915 по 1922 гг. монастырь приходит быстро в сильное разрушение, как видно при сличении фотографий 1922 года с рисунками 1915 года⁷. Добавим еще, что в 1926—27 гг. фрагменты алтарной резной преграды X—XI в. были извлечены из стенки преподавателем мулерной мастерской Академии художеств Грузии А. Б. Олинкевичем (по моему поручению) и доставлены в Музей древне-грузинского искусства при Кабинете истории искусства университета, где им же и собраны вместе⁸. В 1936 году здания взяты реально на учет Комитетом охраны памятников культуры Грузии при ВЦИК и там поселен сторож, а в 1938 году проведены закрепительные работы.

Итак, история построения этого монастыря освещается достаточно полно. Основная базилика монастыря, включившая в себя постройку над могилой самого Иоанна, возведена католиком Климентием в третьей четверти VIII века, затем в первой половине IX века настоятель Гавриил пристроил портик, сохранившийся при входе с юга базилики и в настоящее время⁹. После этого в X веке в монастыре были возведены служебные строения. От X и до XVIII вв. никаких сведений нет, а в XVIII веке построена колокольня и маленькая келья при храме. Крепостная монастырская стена в видимых частях, вероятно, может быть отнесена к XVII веку¹⁰.

¹ См. цитированное выше исследование о Пещерных монастырях Давид-Гареджи, Тб. 1948, глава III.

² См. выше, стр. 101.

³ Упоминание «Цихе Задениса» или «Зезадниса» в 1001 году не касается монастыря и означает, быть может, даже совсем не вокруг монастыря устроенное укрепление (Картлис Цховреба сп. Марии, 289; ed. Brosset, 241; Рай Грузии, 493; Т. Жордания. Шномгвимские сигеллионы (1202 и 1123 гг.), стр. 18; 26, по-груз.).

⁴ Сведения это сообщает собственно А. Н. Муравьев, Грузия и Армения, 1848, I, стр. 258, в то время как Пл. Иосселиани, Жизнеоп., 1850, стр. 79, говорит только о закрытии монастыря в 1705 г. Сведения о возобновлении Доментием повторяет и Баградзе, Кавказ в древних памятниках, стр. 56.

⁵ Пл. Иосселиани, Жизнеописание, стр. 81 и описание в Закавказском Вестнике, 1849 г.,

№ 20 и 21; против голословного утверждения у А. Натроева, Мцхет и его собор, 1901, стр. 13, и Е. К., Краткий очерк истории груз. церкви и экзархата за XIX стол., Тифл., 1901, стр. 320.

⁶ Натроев, цит. раб., стр. 13; Е. К., стр. 320—321, но в особенности данные статьи «Иверия», 1888, № 14 и «Кавказ», 1890, № 118 и 125.

⁷ Ср. рисунок А. Н. Геевского в журнале «Курранты», 1918, декабрь, № 1, Тифлис.

⁸ Ныне находятся в Гос. Музее искусств, Тбилиси.

⁹ А. Н. Муравьев, Грузия и Армения, I, 257, упоминает, что «малый придел, с южной стороны, служил преддверием и над его престолом еще сохранился лик Влахернской божьей матери между ангелов. Это и есть наш портик с заложеной восточной аркой.

¹⁰ В издании «Михета», I, на табл. XXVI воспроизведены две детали.

Описание.— Аккурский св. Давид (ճճՃ զճճճ) расположен в 1½ километрах от селения Акура, в лесу, на площадке, огибаемой внизу речкой Вантис-Хеви. Это был тоже монастырь с большим, что-то до 40 кверви (глиняные кувшины), марани на северо-запад от церкви, окруженный оградой, за которой на северо-запад же, но ближе к церкви, видны остатки двух стен большого здания. В ограде видны еще главные ворота. Монастырь имени местного же кахетинского святого — одного из тринадцати сирийских отцов Давида Гареджийского¹.

Аккурский Мама-Давид это очень большая и высокая базилика. Это вполне монументальная постройка и по внешней отделке. Средний неф возвышается над боковыми сравнительно очень мало. С юга и запада были, ныне почти совершенно разрушившиеся, притворы во весь фасад (план по первому этажу)².

По плану Аккурский Мама-Давид продолжает то, что нам известно уже из Вазисубанской и Алванской базилик. Он имеет один алтарь, а восточные комнаты южного и северного нефов прямоугольны, алтарей не имеют и сообщаются с боковыми нефами. Здесь, впрочем, жертвенник сообщается, кроме того, непосредственно с алтарем. Над этими комнатами имеются вторые, в общем сходные с нижними. Северный и южный неф распланированы совершенно различно — северный с явными воспроизведениями образцов купольно-церковной архитектуры.

Базилика Мама-Давид построена так, как и Алванская Натлис-Мцеме.ли, в двух материалах — булыжнике и кирпиче. Кирпич здесь применен, главным образом, для декоративных частей и ему сообразно с этим приданы различные формы; он соединен в декоре с желтоватым ширими. Почти все конструктивно

¹ Обследован 16. VII. 1920 г. и 29. VIII. 1922 г. Первое знакомство с монастырем было почти первым же с памятниками кахетинской архитектуры вообще, а потому я еще не был в состоянии отметить себе все те черты, которые необходимы были для твердой датировки его. Поэтому, в первоначальном изложении этой части я относил Аккурского Мама-Давид ко времени не ранее IX и не позже X—XI веков. Последовавшая затем разработка материалов из Гареджийской экспедиции осени 1921 г. привели меня, со своей стороны, к настоятельной необходимости дополнительно обследовать монастырь, ввиду намечавшейся возможности точного определения строителя, если определится построение его именно в

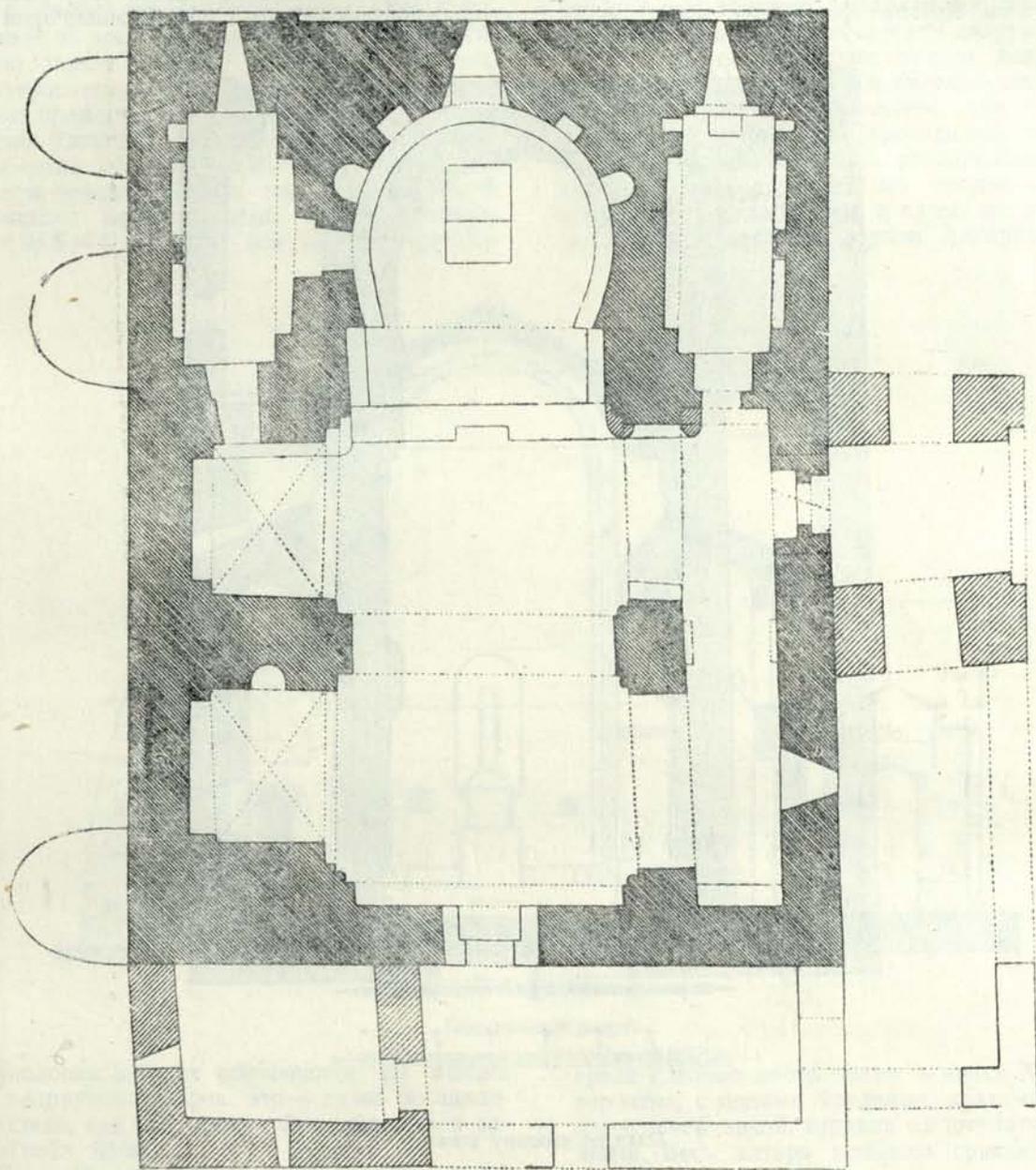
ответственные части выведены не в кирпиче, а булыжником. Кирпич больших размеров, толстый, ноздреватый, красный. Внутри церкви в алтарной и в западной частях имеются кирпичи размером 34×26×8; 39×26×9/10 и 39×18/19×10 см, в северо-восточной комнате 29×19×8; снаружи церкви на углах восточного фасада 39×26×9 см; другие размеры указаны еще ниже.

Главный неф базилики очень просторный и высокий (разрезы и табл. 58, 59). Абсида в плане подковообразна и подковообразной формы имеет и арку конхи. Арка эта опирается на простой формы импост, состоящий из полочки и прямого скоса под ней. Сложена абсида из булыжника и частью из кирпича. Углы абсиды выложены частью специально обтесанными плитами желтоватого ширими, а частью между этими плитами сплошными кусками из кирпича, специально формованного по подковообразному плану абсиды, а не на прямоугольник (табл. 58-а). Он разных форм и размеров 34×26×8; 39×26×9/10; 39×18/19×10.

Коробовый свод главного нефа опирается на три подпружных арки, из которых западная при стене, а восточная (собственно бема) при абсиде. Средняя, западная и восточная арки сложены из булыжника (табл. 58). Пилястры арок сложены из булыжника и только по краю идет полоса в один кирпич (табл. 59). Кирпич этот при одной толщине взят разных размеров, исходя из кладки булыжника, составляющего основной массив устоя. Только северный пилястр средней подпружной арки выведен весь сплошь из булыжника (табл. 60). Размеры кирпича в восточном пилястре 39 (35) и 27,5×24,5×7,5 (8) см, в западном — иной, отличный—35 (37) 25 и 14,5×17,5×7,5 (8) см. Около всех кирпичных полос пилястров, т. е. у всех, кроме северного пилястра средней арки, в углах стоят тонкие декоративные колонки, сложенные из кирпича же специальной

IX века. Так как указанное здесь выяснение исследуемых вопросов произошло до напечатания, как настоящего исследования архитектурных памятников Кахетии, так и исследования Гареджийских пещерных пустыней, то в оба исследования включены эти последние данные. Обмер памятника и ряд фото сделаны в специальное посещение 16. и 17. XII. 1933 г. Последний раз я посетил Акуру 11. VIII. 1950 г., когда сделан прилагаемый набор фото.

² Ср. рисунок Н. П. Северова, на котором видна также рваная часть, где примыкал свод южного притвора.

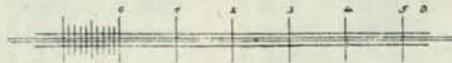
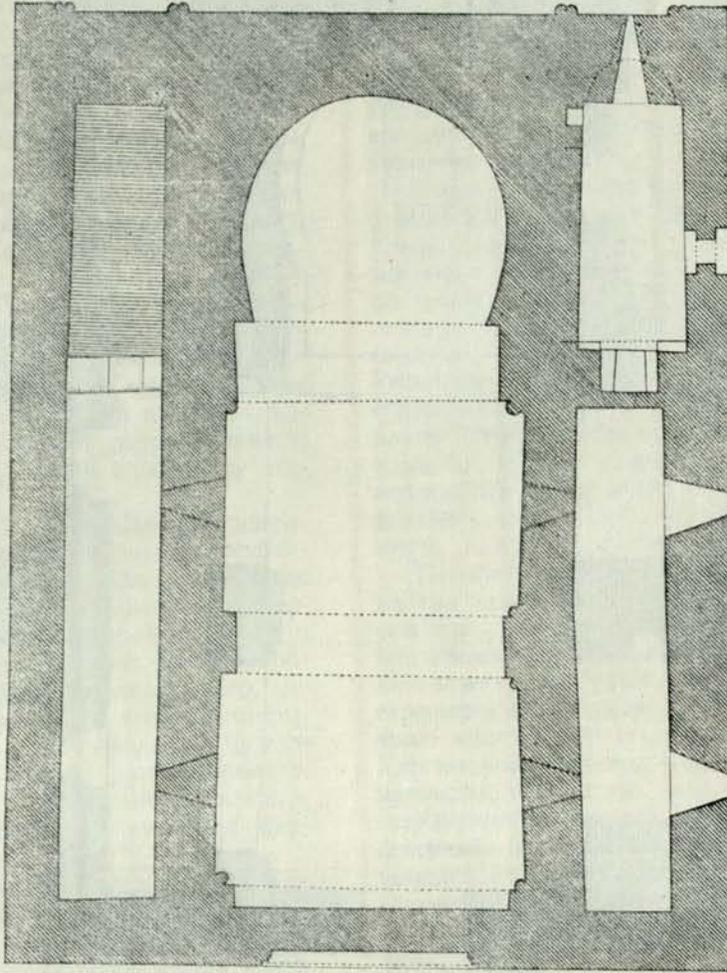

Основной план базилики Давида Гареджийского

формовки — круглой формы при общей толщине в 8,5 и, немного меньше, сантиметров (табл. 59 и 58). Диаметр этих колонок примерно 13 см. Круглая форма их установлена

ше северный — полуциркульной (табл. 59, 60 и продольный разрез). Пяты же у них на одной примерно высоте, благодаря чему разница вершин не бросается в глаза. Южные арки от-

План по второму этажу

in situ при среднем столбе базилики, равно при южных устоях западной и восточной арок. Колонки эти обрывались почти на высоте пят арок и, по-видимому, ничем не завершались (продольный разрез).

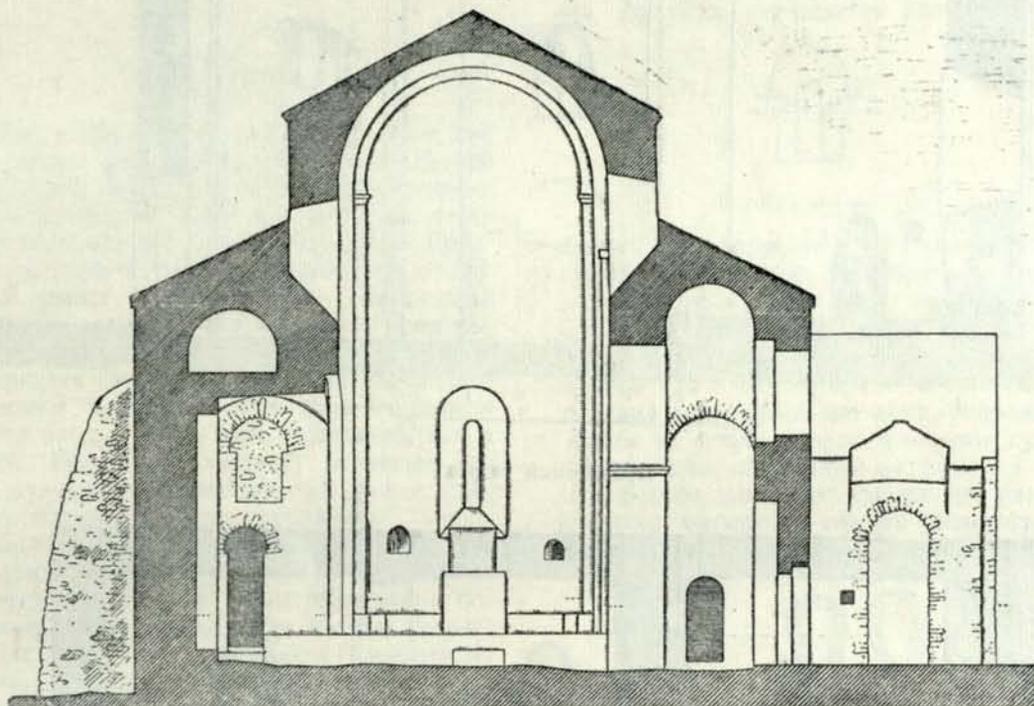
Арки, соединяющие южный боковой неф с главным, подковообразной формы, а соединяю-

делены от пилястр капителями уже означенной формы из двух плоскостей, сделанными желтоватым ширими (табл. 59). Северные арки же не имеют специальных пилястр вовсе, а слиты со стенами, пяты их слегка выступают вперед (табл. 60). Южные арки сложены целиком из кирпича (каждый ряд кладки состав-

ляют три кирпича), а пилястры под ними из булыжника с обрамлением кирпичами (по одному с каждого края: табл. 59-а); средняя часть западной из этих арок выпала и потому во всю ширину торчат только булыжники. Кирпич, из которого сложены эти арки, небольшой — на глаз примерно 13×24 или $\times 30$ см. Северные же арки сложены полностью из булыжника, как и стены под ними (табл. 60). Кирпичи в пилястре среднего столба под западной аркой из главного нефа в южный имеют размеры $13,5 \times 24,5 \times 8$ см. и др. (см. выше). Круглые

заложены и обмазаны¹. Ныне дверь снаружи сужена закладкой по сторонам из кирпича небольшими, тонкими, квадратными плитками обычного вида (в форме стрелки снаружи.)

В алтаре по всей стене имеется лавка для сидения, а в центре ее, под окном — специальное углубление с возвышением для сидения настоятеля монастыря (продольный разрез). Посреди алтаря большой, неподвижный престол. В стене алтарной по сторонам окна сперва маленькие ниши, а затем по большой и высокой с арочным верхом. Алтарная пре-

Поперечный разрез

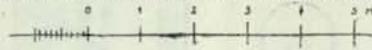
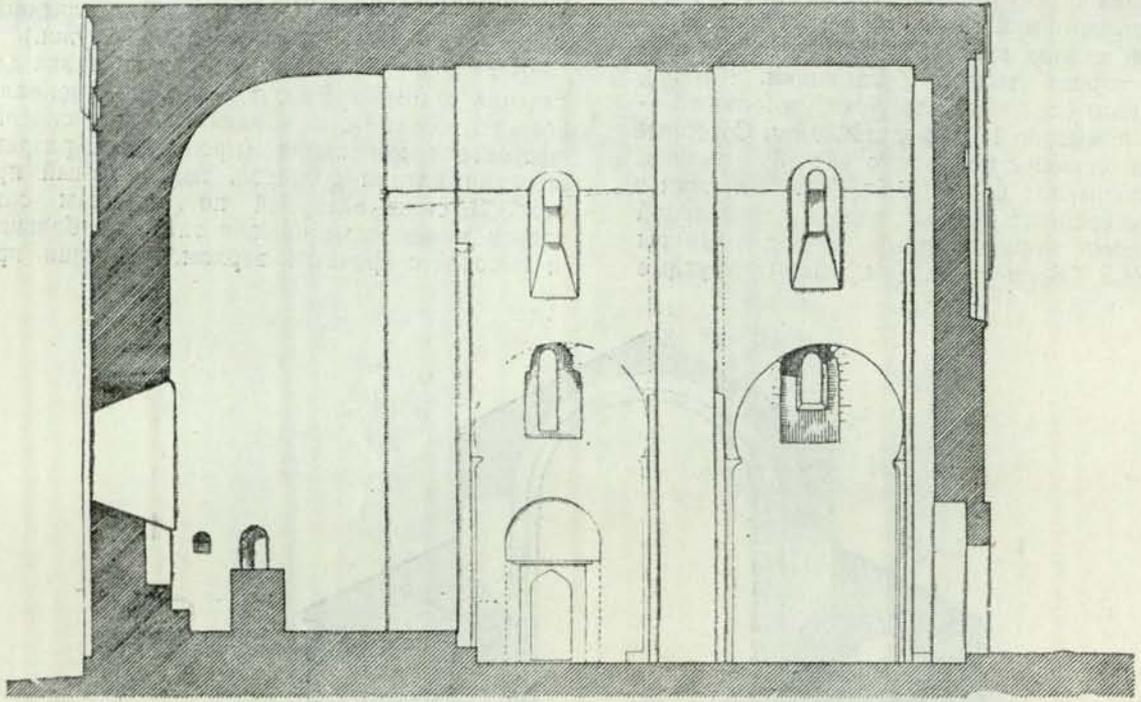
полуколонки в углах обрываются на высоте пят подпружных арок: это — даже по западной стене, где они могли бы замкнуться аркой (табл. 58-в).

Средний неф обильно освещался большими окнами с обеих сторон. Помимо алтарного окна, в нем на север и на юг по два больших, в два метра высотой, окна (разрезы), а на запад была большая дверь с большим внутри подковообразным люнетом, позднее сплошь

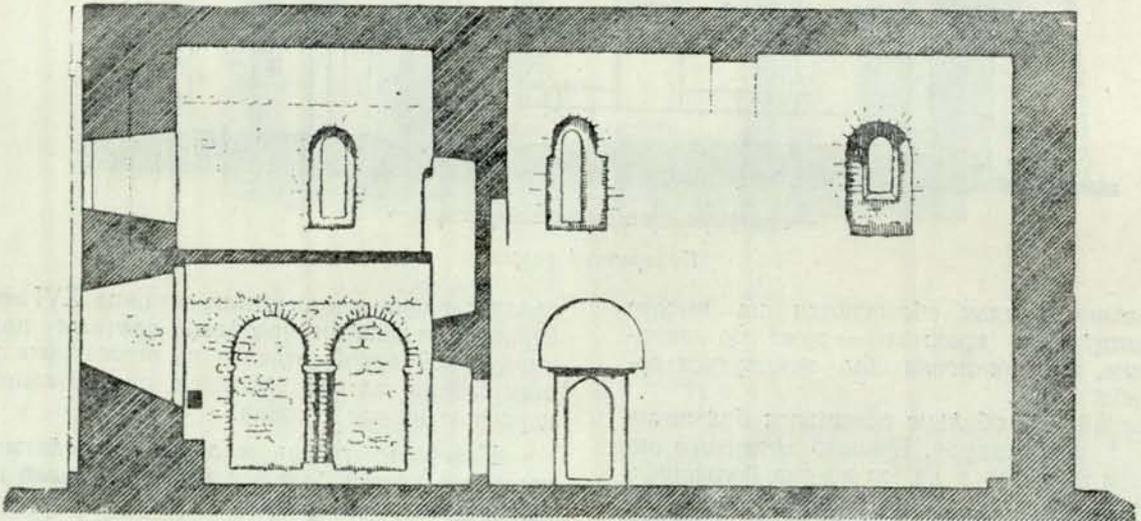
¹ Восточные окна сравнительно с окнами продольных стен маленькие и сужаются кнаружи.

града сделана много позже, в конце XVI века, вероятно, с одними средними воротами полуциркулярной аркой, отделка из штукатурки рамами. Весь алтарь повышен сравнительно с церковью на две ступени.

Перейдем теперь к описанию слитых с церковью частей боковых нефов. Южный неф узкий и высокий (разрез по длине). Он выше северного. Под коробовым сводом имеются две арки — скорее декоративного, нежели конструктивного назначения. В 1933 г. от средней арки в вершине ее ничего уже не осталось.

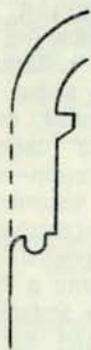

Продольный разрез

рез по южному нефу

Они покоятся на каменных консолях сложного профиля. Одна из них помещена при запад-

Профиль арки
(схема)

ной стене, а другая при столбе. На юг два больших окна, против пролетов в главный неф (разрез и табл. 59). Они совершенно ровные изнутри и снаружи, также как и третье, освещающее верхнюю комнату над ризницей. Среднее окно и окно из восточной комнаты второго этажа имеют особую форму. Теперь окна заложены — западное почти совсем кирпичными плитками позднего образца и булыжником, а среднее совершенно закрыто переделанным южным портиком. Под средним окном находится вход в храм, тоже суженный, как и западный. Переделка закрыла основные его формы: изнутри подковообразный люнет, снаружи же горизонтальную перемычку.

Северный неф базилики не представляет собой сплошного пространства, а поделен на два почти квадратных компартамента с более низким, чем в южном нефу, сводом (план). Своды здесь крестовые, целиком сложные из булыжника, как и арки и стены (табл. 61-а и поперечный разрез). Своды эти у северной стены опираются на пилястры в углах с подковообразными арками на них — все из булыжника. Северная же стена была просто пристроена к этим пилястрам вприслон, а позже отошла от них и от поперечной стенки (табл. 60-а)¹. В западном квадрате северного нефа имеется в центре восточной стены полукруглая в плане с конхой вверху ниша в 1,30 м высоты, устроенная на высоте столба.

Во всей церкви в разных местах у стен сделаны лавочки для сидения, так и по западной стене главного и южного нефов, по восточной стене южного столба и, наконец, по западной и северной стенам восточного компартамента северного нефа (табл. 60-б).

Вся церковь была подштукатурена и за- тем расписана. На западной стене заметны остатки росписи — вверху со сложной композицией рождества, а под ним успения.

По сторонам алтаря, в восточных частях южного и северного нефов находятся в два этажа комнаты, симметрично построенные (планы и разрез по южному нефу). В южном нефу в нижней комнате помещался, очевидно, диаконник или ризница, а в северном — жертвенник. Вход в ризницу сужен ныне теми же поздними кирпичами, что и западный вход в храм, при этом не только в самой притолоке, но чуть-чуть дальше вглубь до западной стены. Ризница освещается одним окном с во-

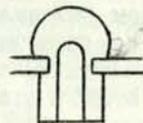
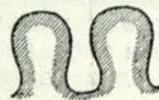

Схема контура окна

стока. Окно обрамлено изнутри западающей аркой на пилястрах и капителях. Форма арки и самого окна с небольшим уклоном к подкове. Северная стена в ризнице имеет во всю ширину заглабление, обрамленное сплошной кирпичной (25 × 18 см) аркой. В южной же стене создана аркатура в две арки, опирающиеся по краям на уступы стены, а в месте сужения на две колонки, сложенные из кирпичей специальной формы, такой же, как увидим ниже, на восточном фасаде и тех же размеров в 17 см диаметром (табл. 61-б, с, и разрез). Обе эти

Профиль двойных
колонн (схема)

арки были полуциркульные; сейчас же, из-за выщербленности над двойной полуколонкой, создается впечатление подковообразной формы. Они опирались на капитель из камня со слабым уклоном выкружкой. Вся ризница имеет перекрытие литым коробовым сводом из булыжника; при пятах его в южной и северной стенах остались по четыре гнезда от балок. Поперек всей комнаты по восточной стене имеется выступ примерно в 70 см высоты

¹ Очевидно, этим в трех местах северного фасада была вызвана пристройка сплошных контрфорсов в форме крепостных полукруглых башен.

и в 35 см ширины, выведенный сплошной кладкой. А по сторонам окна в южной и северной стенах небольшие нишки. Достоинство быть отмеченным, что вся восточная стена имела абсиду, видимо, заложенную еще во время стройки. Абсида имела в плане подковообразную форму, как это видно по разошедшейся южной линии в ризнице и четкому краю абсиды, сложенной из выпиленных для получения подковообразной формы плиток ширины. То же повторяется и в верхнем этаже.

Из ризницы ведет ход в верхнюю комнату. Это узкое и невысокое отверстие, находящееся над входной дверью в ризницу. Подняться не смог. Но через пролом потолка снизу видно, что это помещение с простыми стенами, коробовым сводом, большим окном с юга и узким с востока (план второго этажа)¹.

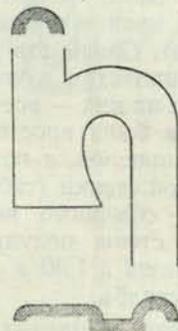
Жертвенник аналогично отделан, как и ризница, т. е. по одной (здесь, конечно, северной) стене двойная аркада на парной кирпичной колонке, а по другой — заглабление, в центре которого находится дверь в алтарь, невысокая, узкая. По-видимому, начали было такую же дверь делать и из ризницы в алтарь, ибо ясно видна часть арки ее², в то время, как остальная часть совершенно сливается с остальной кладкой. Таким образом, приходится полагать здесь первоначальную ошибку мастеров и исправление ее тогда же, во время кладки. (В алтаре эта часть густо оштукатурена). Окно из жертвенника, однако, не украшено, оно выложено взамен этого кирпичом. Входная дверь из северного нефа — высокая и с подковообразной аркой, вся из булыжника (поперечный разрез и табл. 60-б). По восточной нет уступа и одна только ниша в северной стене внизу на высоте пола. Свод рухнул весь, при пятах его и здесь сохранились гнезда.

Верхняя комната сообщалась, в отличие от верхней комнаты южного нефа, не из жертвенника, а из прилегающей части северного нефа. Именно над дверью в жертвенник имеется, ныне заложенное, широкое окно с подковообразной аркой (табл. 60-б и поперечный разрез). Через него прямо на восток и несколько вверх попадали в комнату над жертвенником, которая ограничивалась на западе стеной, не доходившей до свода, а очень невысокой с этим, именно, входом (план второго этажа и

поперечный разрез). Остальные три стены верхней комнаты совсем простые, гладкие; свод коробовый; единственное окно на восток едва заметно, из-за поздней, видимо, застройки. В западном направлении к этой комнате примыкал темный же тайник, приходящийся над сводами северного нефа. Он начинался на общей высоте с западной стенкой восточной комнаты второго этажа (поперечный разрез). Это надсводное помещение — единое сплошное целое, высотой около человеческого роста.

Церковь была, по-видимому, кое-где и снаружи затерта гажей в ровные поверхности, как, например, в Ахшани или в Некреси (трехцерковная базилика). Во всяком случае, строитель был озабочен, как мы это видели уже внутри, возможно разнообразнее декорировать храм также и снаружи. Наиболее отделан восточный, а затем и западный фасады.

Восточный фасад сложен, как и остальные, из булыжника (табл. 55 и рисунок Н. П. Северова). Углы же фасада выведены из формованного материала: южный уцелел полностью и сложен из квадров ширины; северный же обломан большей частью, только внизу метра на 1½ высоты видно, что сложен из крупного и толстого кирпича и камня, а выше этого — судя по выступающим обрывкам — скорее всего был тоже из ширины. Размер здесь кирпича — 39 × 26 × 9 см. Четыре окна на фасаде и карниз — из желтоватого ширины. Три поля, соответственно трем нефам, обведены арками, двойными колонками, сложенными из лекальных кирпичей той же самой формы, что в ризнице и в жертвеннике (табл. 56-б). Каждая колонка выступает из плоскости стены примерно кругом с диамет-

Деталь украшения восточного фасада
(звено соединения средней и боковой арок)

ром в (16) 17 см. Переходы колонок среднего поля у высоты крыш боковых нефов и до

¹ Какие-то углубления заметны в направлении над алтарной конхой.

² См. план, где линия эта нанесена.

верхних завитков включительно — из желтого ширими. Под аркой, отвечающей южному нефу базилики, сохранилась на кирпичной колонке и под пятой кирпичной же арки высеченная из ширими гладкая капителька. В

Колонка с капителью
(схема)

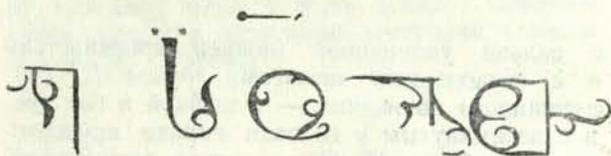
верхней части среднего нефа сделано украшение плоской нишей в форме сплошной арки, часть которой из ширими (табл. 55, 56-b). В центре этого заглабленного небольшая круглая впадина в два уступа и окружающий ее на расстоянии валик из штукатурки, все это с остатками орнаментальной росписи красной краской и остатками голов. В центре арки, отвечающей южному нефу, уцелела в остатках гажевого слоя часть круглой впадины и — на отрыве — круга рельефного; это остаток декоративной разделки фасада в ответ кружку в среднем поле его с валиком и тоже с остатками декора краской, а также — и круглому углублению в среднем же поле западного фасада (табл. 57). Под алтарным окном на расколовшемся квадрате ширими надпись в три строки переходными от заглавных к строчным буквами (табл. 56-c); буквы сохранили покраску красным; палеографический характер начертания букв фиксирует ее, как сообщил мне Т. В. Барнавели, на IX век.

Содержание ее — в переводе «Упокой, господи, душу сыновей Георгия» — не включает никаких исторически объяснимых данных.

Западный фасад отделан отчасти вроде восточного (табл. 57-a). В среднем нефу сверху небольшое, но узкое и длинное заглабление; оно создано прямоугольным западанием, но

по углам его поставлены полуколонки, закарнивающиеся вверху шаром с валиками вверху и внизу; арки же на этих колонках не имеют (табл. 57-b). Низ этой ниши сохранил черепичный скат; среди черепиц имеются украшенные, явно древние. Вверху этой ниши, над кружком, вдавленным в центре ее, уцелела на линии ниже капителей угловых полуколоннок надпись красной краской, исполненная разукрашенными заглавными буквами, в два слова *ՏԾԾԻ ԵՕՒԾ* (возвелич духом (ничего больше не заметно). Т. В. Барнавели сообщил мне после специального изучения, что заметны еще следы красной краски от верхней строки этой надписи. Характер же украшения букв двух видных слов передает прилагаемый рисунок Р. О. Шмерлинг.

Начертание надписи краской на западном фасаде

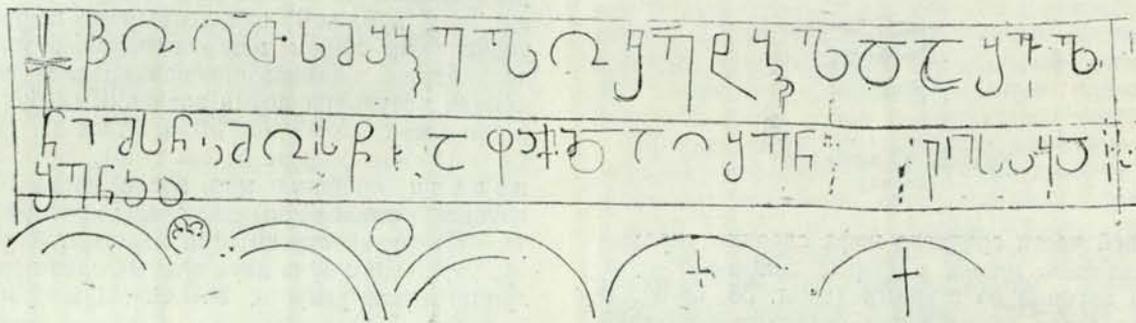
Т. В. Барнавели относит надпись к XI веку и отмечает, что характер этих, округлого письма, крупных букв несколько напоминает начертание букв надписей на арке над абсидой Атенского Сиона, а также небольшие фрагменты над южной и западной абсидой на арках, там же.

В нижней части этой ниши, над рядом черепицы, видна на оштукатурке врезанная в нее и покрашенная красной краской надпись заглавными буквами в две, частью в три строки (табл. 57-e), которую мне прочесть не удалось, а Т. В. Барнавели, после специальной вторичной поездки в Акура в сентябре 1956 года, когда ему удалось подняться по лестнице к самой надписи, дал следующее чтение с палеографическим комментарием.

«Фактически здесь помещены две надписи, левая более развернутая, а правая более сжатая. Надписи выполнены по известковой штукатурке, путем процарапывания сырой штукатурки с последующим заполнением желобка букв красной краской. Краска сохранилась не во всех буквах. Кроме того, на протяжении времени надпись сильно пострадала и частично утрачена. Вся надпись заключена в тонкую раму, выполненную красной краской (размером 23×205 см). Палеографическая сторона надписи отличается большим своеоб-

разием: незамкнутая внизу буква О (⊖), как и в надписи на столбике с Евстафием из Натлис-Мцемели, буква Ц (ϕ) с замкнутыми обоими полукружиями, буква Б (β)

В первой надписи упоминается некий «Тбл» — ктитор-строитель храма. Буквы Тбл могли быть раскрыты как «Тбели» (что не подходит территориально!) или же как соб-

с сильно удлиненной нижней конечностью и с несколькими зигзагами, буква Д (⊖) смешанного написания — с шейкой и без нее и с незамкнутым у головки справа кружком корпуса, буква М (β) с сильно выдвинутой влево линией наверх, буква А (α) с сильно выдвинутой вправо линией ножки. Но наряду с этой архаичностью имеет место очень своеобразное написание буквы Н (β) с полукружием наверх. Буква Н (β) приблизительно этого начертания отмечается в ранних памятниках (напр., надпись из Абастумана, приписка к Синайскому многоглаву письмом нусхури 864 г.), но встречается и в период после IX века. Все эти признаки говорят о раннем периоде исполнения надписей и на основании их надписи эти могут быть отнесены ко времени построения храма, т. е. к IX веку.

ственное имя Табал (Таблай), но за неизменем других данных решение вопроса относительно имени ктитора остается открытым. Во второй надписи остается не раскрытой группа букв Двлта, в которой должно быть указано или территориальное владение упоминаемого в

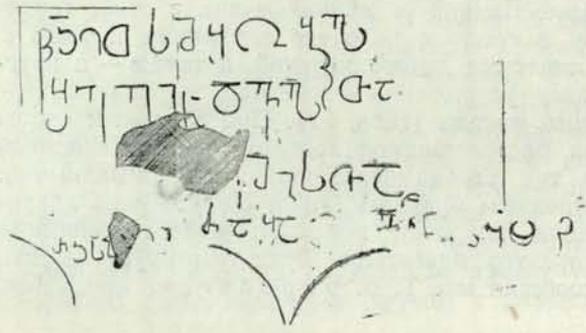
Первая надпись (помещенная слева) с раскрытием титулов и пополнением утраченных мест составит:

ქ, წმიდაო ღმრთის მშობელო შეწყალებ ტბლ და შვილნი მისნი, მოსწრაფებაჲ ქმ[ნა და] აღაშენ[ა] [წმიდაჲ] ესე საყდ[არო] შენა, т. е. в переводе: *святая богоматерь помилуй Тбл (?) и детей его [который] проявил усердие [и] построил [святую] церковь твою.*

Вторая надпись (помещенная справа) в транслитерации мхедрули составляет:

წმიდაჲ (должно быть: წმიდაო) ღმრთის მშობელ[ო] შეეწიე ერისთავთ ერისთავსა (?) დვლთა [და ძეთა] მისთა... т. е. в переводе:

святая богоматерь будь пособницей эриставу эриставов (?) Двлта (?) и сыновьям его....

Вторая надпись и фрагменты

надписи лица или его имя. Можно было бы предложить несколько раскрытий этой группы букв (напр., двалов, Двалети), но в данном случае нет основания по этой надписи утверждать то или иное решение титула или имени. Таким образом имена упоминаемых в надписях лиц, непосредственно связанных со строительством этого храма, не удастся точно установить.

Прилагаемое клише воспроизводит исполненную Л. Шервашидзе прорисовку по приложенному к надписи прозрачному целлофану, давшему возможность точной передачи палеографического характера букв в нату-

¹ Однако Арчила хоронят в Ноткора среди других Тбели (*437, стр. 215).

ՀԱՄԱՅՆՆԵՐԻ
ԳՐԱԳՐԱԳՐԱԳԻՏ

ральную величину (высота их от 4, 5 до 11, 12 см). Прорись была проведена на месте Т. В. Барнавели и закреплена затем там же тушью. Длина первой надписи (по прориси) — 137 см.

Северный и южный фасады совершенно просты и симметричны (ср. табл. 55). Северный представлял сплошную гладкую стену из булыжников, в которой ясно различаются горизонтальные швы этой кладки; их четыре — первые три на расстоянии около 1,70 см от земли и друг от друга, а четвертый от третьего сантиметров на 80, как и карниз фасада от него. В южном же имеем три больших окна и под ними шел сплошной притвор, от которого почти ничего не осталось; основания стен в западной части и утолщение стены самой церкви для укрепления свода, показывающее, что притвор был единовременно скомпанован и выполнен с церковью (ср. план)¹. В южной стене главного нефа имеются украшенные арочками, выделенными кладкой, окна (табл. 57-d).

Точно так же и западный притвор был выполнен одновременно, что видно по тому же утолщению стены храма (ср. табл. 57-a). От него сохранилась вся северная треть. Это самостоятельное помещение с одним окном на север, одним на запад и дверью с юга. Вероятнее, что эта стенка с дверью из позднего кирпича сделана уже после распада притвора. Свод коробовый по длине.

С южной стороны к западному портику, который кончался глухой стенкой, примыкал южный портик, от которого сохранился угол, несколько западающий против линии западного. Здесь с запада была дверь в южный портик. На восток стена обрывается неровно. (Не все это прослеживается сейчас). В центре южного фасада перед входом имеется балдахин о трех высоких (несколько смятых) арках из булыжника и каким-то заполненным повышением перекрытия центра полуциркульным сводом (поперечный разрез и табл. 55). Полагаю, что это позднее подражание обычным формам средневековых портиков со средней повышенной двускатной кровлей, построенное уже в разрушенном притворе: своды приходятся выше уступа стены базилики, а надсводное повышение под крышу закрыло сред-

¹ Большое окно в восточном конце фасада, т. е. освещавшее восточную комнату, сохранило большой камень

нее окно с юга в боковой неф базилики, также заложный и изнутри.

Вся церковь крыта черепицей в несколько слоев, с заливкой, поверх которой ровно положена плоская, а стыки ее покрыты полукруглой черепицей.

С северной стороны, а также еще и по обе стороны юго-западного угла, и против южного портика, сохранились остатки первоначального карниза из напуска каменных плит. (В 1950 году части их уже не было). И здесь был отформованный, судя по остаткам на северном и на южном фасаде, карниз арочками, как и в Кондамиани (табл. 57-c)².

Сейчас состояние памятника плохое: своды боковых нефов сильно протекают, главного — держатся. Трещины идут через западную стену главного нефа и через абсиду. Северная стена отошла от остальной постройки. Остальное видно по фото.

Анализ. Группу базилик среднего периода, где в качестве строительного материала применен кроме булыжника еще и кирпич крупного калибра, пополняет также и Акурский Мама-Давид, который, однако, некоторыми чертами своей постройки явно тянет уже к следующей эпохе, составляя, таким образом, связующее звено и знаменуя нахождение новых формальных моментов. В Акурской базилике применяется кирпич крупных калибров, большой толщины, но при этом различных размеров, применительно к тому или иному месту, где он употреблен в дело, и затем различных форм сообразно тем или иным потребностям. Имеем мы лекальный кирпич для углов подковообразной в плане абсиды, другой для кладки парных колонок в восточных комнатах и на восточном фасаде, наконец, третьей формы для кладки круглых колонок в углах главного нефа базилики. В обоих отношениях это повторение того, что имеется в Алванской или Зедазенской базиликах, и в Гурджаанском и Вачнадзианском купольных храмах, где применяется кирпич наравне с булыжником и часто кирпич лекальный. Но здесь характерно, что из кирпича делается украшение храма колонками.

ширими, в котором выпилен полукруг оконного верха.
² См. ниже, гл. III.

И в других отношениях, формально-художественных, базилика Акурского Давида является, при сравнении с другими памятниками архитектуры Кахетии ярким представителем эпохи IX века, т. е. периода, когда она сделала уже несколько героических усилий в создании новых архитектурных форм храма. Таковы как общий подход к зданию, именно свободное обращение с завещанными предшествующими веками формами, приемами и композициями, так и размеры здания и пропорции его частей, так, наконец, и отдельные частности постройки.

Мы увидим ниже, какое крупное место и значение имеют в архитектуре Кахетии VIII и IX века, когда создаются при использовании тем некупольной архитектуры совершенно новые, единичные примеры купольной архитектуры. И тогда же создается и Акурская базилика Давида Гареджийского. Характерно, что общий подход в ней строителя к созданию данной формы ближайше вызывает в памяти вид недалеко находящейся Гурджаанской двухкупольной Квела-Цминда; те же пропорции высоты и ширины, главное, высоты среднего и бокового нефов.

Свобода подхода к зданию выявилась довольно ярко в плане церкви. Конечно, в значительных отношениях план Акуры является ближайшим развитием и продолжением Алванской Натлис-Мцемели и Зедазенской базилики. Но есть некоторые пункты полной свободы, пожалуй даже совершенно индивидуальных, единичных потребностей. Как в названных двух базиликах, так и в Акурской имеются самостоятельные комнаты для ризницы и жертвенника¹. Но при этом жертвенник соединен с алтарем дверью и даже, видимо, первоначально строитель намеревался сделать дверь также из алтаря в ризницу. Другое развитие составляет двухэтажность боковых восточных комнат: это как и самостоятельная ризница и жертвенник, имеет уже прецедент в купольной архитектуре с хорами, каковы Гурджаанский и Вачнадзианский храмы. Но эти особенности не достаточно показательны в конце концов для свободного обращения с формами нашего зодчего. Выявилось оно яр-

ко в различной компановке северного и южного крыльев базилики как в плане их, так и в возведении. И в плане и в различной высоте их и, наконец, в различных системах перекрытия южного и северного крыльев сказывается это свободное обращение. Вместе с тем, примененные в северном нефе крестовые своды на удлинённых прямоугольниках характерны как раз для данной эпохи VIII—IX вв.; они имеются все в той же Вачнадзианской Квела-Цминда.

Но наиболее значительной новинкой является декоративная сторона Акурской базилики. Если с VIII века уже, как увидим ниже, проявляется определенный интерес и внимание к внешней отделке храмов, что особенно ярко выявилось в купольной архитектуре VIII и IX веков, то усиление этой стороны в Акуре нельзя не приписать тому явлению, что зодчий ее сознательно стремился компенсировать простоту избранной архитектурной формы декоративной отделкой. Он был только рядовым архитектором и потому сам этот декор ему дался очень слабо, но для нас он драгоценен. Для декорации восточного и западного фасадов им применены колонки—парные и одинарные с завершающими на концах шарами или с особой формы переходными завитками. Но декор этот довольно наивен, создать что-нибудь большее строитель не был в силах. Примененные же теперь элементы, образованные из формованного кирпича, кое-где лишь со включением пористого конгломерата, намечают то развитие, которое в полном объеме выявилось только в памятниках X и XI веков, но отдельными начатками вырисовывается и в других памятниках VIII—IX вв., но только уже купольной архитектуры.

Акурский зодчий ввел те же кирпичные колонки и во внутреннюю отделку базилики и здесь, также как снаружи, она не прочувствована вместе, в целом, с самим созданным архитектурным пространством, а только довольно поверхностно с ним связана. Но как там, так и тут самые формы этих колонок, хоть и из кирпича, и особенно шаровидные концы их и переходы (из ширими) — тот специальный декор, который, приняв органическую форму системы, характеризует эпоху

¹ Мне кажется, важно отметить, что сходные формы со сложным планом их в Акуре встречаются в так называемой Luciuskirche Werden am Rhein, построенной в 995 г. (W. E f f m a n n, Die karolingisch—otto-

nischen Bauten zu Werden, II, Berlin 1922, ср. также P. C l e m e n, Romanische Monumentalmalerei im Rheinlande, Köln 1916, S. 89).

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

высшего расцвета кахетинской, как и всей грузинской архитектуры¹.

Базилика монастыря Давида Гареджийского в Акуре, примыкая рядом элементов к памятникам VIII и затем VIII—IX веков, обладает также элементами, которые отодвигают ее далее вперед, которые являются провозвестниками более новых явлений. Эти данные позволяют мне считать ее памятником середины IX века, как было отмечено уже выше. Теперь, после произведенного анализа этой постройки, анализа, выявившего эту, именно, датировку, я имею полное право и основание формулировать и несколько ближе обосновать предположение о дате этого монастыря. Предположение это явилось у меня в итоге исследования Гареджийских пустыней в Кахетии и исторических документов об Илларионе Грузине — выдающемся деятеле IX века, появившемся в Гареджийских пустынях и происходившем из Кахетии². Как подробнее выяснено в указанном моем исследовании, основанный Илларионом для матери и сестры в 855 году монастырь, есть, вероятнее всего, именно наш монастырь Давида Гареджийского близ Акуры.

და აღაშენა მონასტერი დედათათვის
მონწესეთა ადგილსა კეთილსა და შუენიერსა და შეიყვანა მას შინა ღირსი
იგი დედაჲ თვისი და ილუწიდა შვილებრითა
მოღუაწებითა, და შეწირნ სოფელნი
რავდენნიმე, ვითარ შემძლებელ იყო,
და განუწესა წესი და კანონი,
ვითა ჯერ არს მონასტერსა შინა
ყოფისაჲ, ლოცვისა, და მარხვისა,
და ყოვლისავე წესიერად ქცევისაჲ³.

И построил женский монастырь для монахинь в хорошем, красивом месте и проводил в него достойную мать свою и заботился сыновними заботами и пожертвовал не-

¹ Характерные плоские ниши на восточном и западном фасадах Акуры имеют, помимо аналогичной разделки наружных граней купола в Некреси, отдаленные параллели на пристроенном в X веке западном портике Мартвильского кафедрала и на западном фасаде храма в Хциси, датированном 1002 годом. А круглые западинки с покраской на трех полях восточного фасада повторяются на гранях алтарного выступа купольной Некресской церкви.

сколько деревень, насколько имел возможности, и установил распорядок и устав, как надлежит в монастыре жить, молиться, поститься и держаться согласно уставу³.

Так описывает эту сторону деятельности Иллариона агиограф X века. В метафразированном житии конца XI века помимо матери упоминается и сестра Иллариона⁴.

Как отмечено, житие Иллариона не дает никаких зацепок для подтверждения высказанного выше предположения о построении Акурского женского монастыря Илларионом, кроме того факта, что он был родом из Кахетии, монастырь построил где-то поблизости своих родовых имений (монастырь от селения в расстоянии каких-нибудь 1½ км) и, что он сам был страстным приверженцем строгого устава Давидова монастыря в пустынях Гареджийских, где получил свое воспитание и куда снова удалился после основания женского монастыря. Но если принять во внимание, что Акура есть подворье Гареджийских пустыней, что она — женский монастырь и основана в IX веке, то в высказанном предположении почти не останется никаких оснований к сомнению. Только после того, как исследование Гареджийских пустынь привело к вышеизложенному заключению, делаются понятными некоторые особенности постройки, до тех пор казавшиеся чистой прихотью строителя и притом совершенно необоснованной.

При первом же взгляде на план Акурской базилики поражает форма северного нефа — вместо сплошного длинного корабля, как в южном, здесь имеются две экседры, причем в западной устроена в восточной стене небольшая абсидка. Эта абсидка определила явно данные формы плана при постройке церкви. Почему-то необходимо было выделить в церкви как бы часовенку, и поэтому создана такая своеобразная постройка. Теперь при предположении, что эта постройка Иллариона, по про-

² См. «Пещерные монастыри Давид-Гареджи. Очерк по истории искусства Грузии». Тбилиси, 1948, гл. II, особ. стр. 37—39 и 41—42.

³ Текст по рукописи в Афонском сборнике 1074 г. (Тб. 1901), стр. 78; ср. Рай Грузии, стр. 378.

⁴ Историко-литературное исследование житий Иллариона и хронология событий его жизни дана профессором К. С. Кекелидзе, в Bulletin de l'Université de Tiflis, I, Тб. 1919—20, стр. 89—67 (по-груз.).

званию Грузина, для его матери (и сестры) нам становится эта деталь вполне понятной: они имели в церкви монастыря постоянное место и при этом еще специальное место для икон, как бы часовенку, чтобы молиться и вне церковной службы. При этом по монашескому смирению и строгости Иллариона понятно, что это место сделано в конце церкви, чтобы быть по возможности не на глазах у других. Часть эта и не имеет окон, в то время, как южный неф был хорошо освещен большими окнами. Наконец, еще одна частности приобретает смысл: распределение лавок для сидения по стенам церкви. Мы видели, что в этой задней части их совсем нет, а имеются они в передней части северного нефа по двум стенам и затем по всем остальным западным стенам и сторонам столбов храма. Явно, что и здесь строгий аскетизм Иллариона помогает нам понять эту в остальном столь стран-

ную разбивку: в отделе матери он не сделан лавки, ибо она и не садилась вовсе, а в других частях эта уступка человеческой слабости сделана.

Таким образом, возвращаясь к вопросу о построении церкви Илларионом, данное предположение делается особенно приемлемым. Другими словами, мы получаем для этого памятника не относительную датировку только серединой IX века, а уже вполне точную— 855 годом. Таким образом, здесь как и в построении Зедазенской базилики мы получили дополнительные данные, определившие точную дату построения церкви.

Но и отмеченные описанием изменения церкви я считаю возможным приурочить к одному исторически значительному моменту в жизни Акурского монастыря, удостоверенному грамотой царя Александра от 1597 года на имя Ниноцминдского епископа.

Как из-за наших прегрешений и насиллем иноплеменников прибыла наша старшая сестра царица Кетеван в наш дом. Как известно, насилие и бессердечие над христианами от врагов бога принесло ей много страданий и удалило ее от собственного владения. Как подобает нашему царскому величию, мы позаботились и постарались утешить сестру эту нашу... Мы отдали ей монастырское подворье и убежище ваше и Гареджийских пустынь и устроили ее в монастыре Акурском и предоставили ей доходы его в следующем порядке: до тех пор, пока будет здравствовать сестра наша царица Кетеван, до тех пор да имеет она столько, сколько имел и кормился сидевший там настоятель, то да употребляет и кормится наша сестра. И поскольку мир не уклонится от своих законов, то да будет, как было прежде: монастырь пусть будет приходом Ниноцминды и подворьем и убежищем великой пустыни и все памяти прежних царей да будут нерушимы и неизменны, как прежде¹.

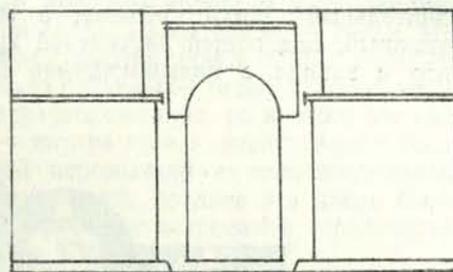
да, см. С. Какабадзе, Статьи и материалы по истории Грузии, кн. I, Тб. 1914, стр. 1—10 (по-груз.).

ვითა ჩუენთა ცოდვათა ნიერ და მძღავრობითა უცხო თესლათა ჩუენი უხუცესი დაჲ პატრონი ქეთევან მოვიდა ჩუენსა სახლშიგან, ვითარცა უწყით ქრისტიანეთა ზედა მათ ღუთის-მტერთა მიერ ძლეულება უწყალოება, მრავალი სატანჯუელი მიჰაპყრეს და თავისის მამულიისგან ექსორია ყვეს; ჩუენ ვითარცა შეჰგვანდა კელმწიფობასა ჩუენსა ვიგულეთ და შევიტკბეთ დაჲ იგი ჩუენი... შივეციით მონასტერი მეტოქი და სახიზარი თქუენი და უღაბნოსა გარეშისა და დავაყენეთ მონასტერსა მას შინა აკურისასა და დავანებეთ რაცა მისი შესავალი იყო, ამა წესითა, ვითა: სადამდის ცოცხალ იყოს ჩუენი დაჲ პატრონი ქეთევან, მანამდისი მას ჰქონდეს, ასრე რომე რაცა შინამძღუარს იქ მდგომსა ჰქონებოდეს და ექამოს, ისი ჩუენმან დამან იკმაროს და ქამოს. და რა სოფელმან მისი წესი არა დაიშალოს, ისრევე, რა რიგაცა ამას შინათ ყოფილიყოს, ნინოწმინდის სამწყსო და მეტოქი იყოს და სახიზარი დიდის უღაბნოსა და სხვა რაცა საუღაბნოე პირველთა მეფეთა ალაბნი იყუნენ, ისი ისრევე მოუშლელი და შეუცვლელი იყოს.

¹ Хроники и др., II, 430. Акты Кавказской Археографической комиссии, т. I, Т. 1866, стр. 11—16, особ. 13. Копия в документе царя Имам-Кули-хана от 1708 го-

Царь Александр поместил старшую сестру свою Кетевану, в преклонном возрасте уже, в Акурский монастырь, подворье Гареджийских пустынь, на иждивение монастыря, о чем извещает Ниноцминдского епископа, как священного архимандрита двенадцати пустыней. Правда, Александр подтверждает обе грамоты отца своего царя Леона на имя Ниноцминдского епископата, но не это одно могло удовлетворить (компенсировать) за отобрание доходов на содержание Кетеваны. Такое поселение влекло само по себе не только поднятие престижа данного подворья, оно и подразумевало материальное улучшение его. Алтарная преграда в церкви монастыря по ее форме несомненно именно второй половины XVI века; правда, единственные ворота еще имеют полуциркулярную арку, но разделька всей оштукатуренной преграды, горизонтальные полосы вверху, обрамление верхней части двери, пропорции делений — все имеет хронологически одно место. Нужно сказать и относительно высокого портика, построенного перед южным входом в церковь, что он вполне возможен в это время, хотя никаких характерных черт не носит, за исключением только вытянутости его вверх. Закладка южных окон, сужение проемов дверей — тоже приемы позднего времени, вызванные внешними условия-

ми тревожного политически времени. Тогда же, вероятно, возведены контрфорсы по северному фасаду, и переделан остаток западного притвора в небольшое помещение. Следовательно-

Алтарная преграда (схема)

но, Александр поселением Кетеваны в Акурский монастырь не только подчеркнул значение его и несомненно содействовал возвышению его, но и материально поддержал самую церковь монастыря.

Таким образом обе ясно выделенные эпохи в истории Акурского монастыря, его основание и ряд переделок, починок, находят довольно определенные даты в исторических документах, факт, к сожалению, редкий в истории грузинской архитектуры.

16. БАЗИЛИКА САНАГИРЭ БЛИЗ ВАЗИСУБАНИ

Так называемая базилика Санагирэ, расположенная на одном из гребней Цилианасхеви, в густом лесу, в 2—3 км выше селения Вазисубани, была, вероятнее всего, монастырем¹. Название Санагирэ непонятно, народная этимология производит его от Са-унагир-е, поясняя местонахождением, как бы на горном седле («унагири» — седло); в надписи же века XVIII она названа *სანგირეთ მღვთის მშობლის ბრწყინვარე ეკლესია*, т. е. *блистательная церковь богородицы в Сангирети*. Может быть, этой надписью запечатлено древнее наименование монастыря или местности. Эта последняя запись очень интересна тем, что помимо несколько отличного названия указывает основной праздник, которому посвяще-

на главная церковь монастыря, именно божией матери; здесь и теперь праздновали на второй день пасхи, т. е. обычная в Кахетии Квела-Цминда (Пресвятая), а не св. Георгий, как мне сказали про Санагирэ вазисубанцы².

Описание. — Монастырь представляет собой комплекс трех церквей — базилики и пристроенных к ней с севера и юга малых церквей. Монастырь окружен оградой, за пределами которой на юго-востоке видны остатки зданий, а на северо-востоке марани.

Базилика в Санагирэ внушительная грандиозная постройка, чрезвычайно продуманно выведенная в декоративном смысле, невзирая

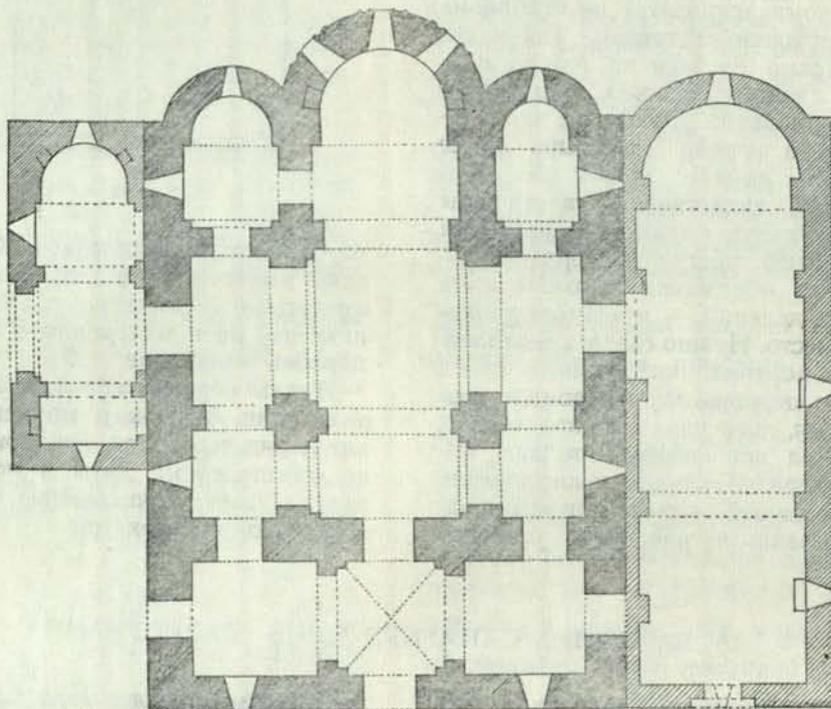
фото. План и разрез вычерчены Л. Рчеулишвили.

² Впрочем, церковь Амидастури в селении Вачнадзани, которая считается церковью св. Георгия, также праздновала на второй день пасхи.

¹ Осмотрена 3. VIII. 1920 г. и вторично, подробно 13 и 14. VIII. 1950 г., когда сделан обмер плана сотрудниками Института истории грузинского искусства Н. Чубинашвили и Л. Рчеулишвили, а также

на самый обычный строительный материал. В густом лесу с вековыми ореховыми и липовыми исполинскими деревьями она конкурирует с ними высотой и грандиозностью. Пристроенные с севера и юга церкви создают дополнительный уступ объема, а мощный двухэтажный, под общей двускатной кровлей, притвор с запада с подымающимся за ним

Санагирэ является уже церковью, в которой соединена ризница и жертвенник с приделами, т. е. в боковых, приалтарных комнатах созданы абсиды и стоят престолы (план). Главный неф делится от боковых одной парой столбов. А с запада был вместе с базиликой построен двухэтажный притвор. Время построения базилики Санагирэ несомненно IX—X

План базилики монастыря

стройным верхом главного нефа базилики первый открывался в древности взорам входящего в ворота ограды монастыря. Остатки этих ворот, расположенных с (северо-) западной стороны базилики, уцелели еще. Внутреннее пространство базилики с доминирующим в нем средним нефом поражает грандиозной высотой и яркой освещенностью его при четкости исполнения постройки; особенно сильно это впечатление при входе с запада из притвора, оно невольно напоминает впечатление от высокого пространства при входе с запада во Мцхетский кафедрал «Свети-Цховели».

века и постройка ее находится под явным влиянием как Вазисубанской, штатной, так равно Акурского Мама-Давид, и, думается, Озаанской купольной Амаглебы.

Выведена базилика из булыжника и кирпича; кирпич двух размеров, впрочем и они не точно выдержаны, давая колебания: 22—21 сторона при толщине в 4,5—5 см, а другой 23—24×6. Облицована в значительных частях тесаным желтоватым ширими. Абсида с конхой, своды, арки и пилястры главного нефа выведены из кирпича, стены же из булыжника, только с добавленным кирпичом.

К высокому среднему нефу базилики при-
мыкает абсида, между конхой которой и сво-
дом нефа довольно высокий лоб (табл. 69-а).
Арка конхи и подпружные арки имеют едва
заметную тенденцию к подковообразности.
Вернее, это получилось случайно, не предна-
меренно; задуманы же были полуциркульные
арки, как и во всех других частях базилики.
Сама абсида в плане слегка подковообразна с
северной стороны — это, как и некоторые на-
званные выше частности плана, сближают Са-
жагирэ с упомянутыми ранее двумя близлежа-
щими базиликами более раннего времени, по
образцу которых этот элемент, очевидно, и
применен здесь.

Пространство алтаря большое, просторное
и глубокое. В алтаре три больших окна; две
ниши-полочки; скамейка для сидения по стене
и место для настоятеля; громадный неподвиж-
ный престол посредине; алтарная преграда
(одновременно выведенная с церковью?), со-
стоящая из глухой кирпичной стенки примерно
89 см высотой с одними царскими вратами и
аркатурой, от которой устоял южный столбик
с началом арки; высота прямоугольного стол-
бика до пяты арки 100 см (табл. 69-а, с). Всех
арок было 5 на 6 столбиках. Наконец, дверь
на север в жертвенник — прямоугольная, вы-
сокая и широкая, как мы уже повстречали в
Мама-Давид¹.

По длине среднего нефа от алтаря на за-
пад сперва открываются большие арочные
пролеты в боковые нефы базилики, а затем —
маленькие (меньше половины пролета боль-
ших и конечно, ниже их, имея пяты на одном
с большими арками уровне — табл. 69-б,
70-а, с). Импосты отмечены в больших арках
в восточную сторону полочкой, сложенной из
трех рядов кирпича, а в западную сторону —
валиком, вырезанным из ширины. Целиком
валик обходит по всем уступам подарочного
основания на юго-западном устое, а на северо-
западном устое только средний большой
уступ сделан валиком из ширины, тогда как
боковые уступы импоста этого устоя сделаны
полочкой из трех рядов кирпича (табл. 70-с, d).

Пилястры среднего нефа, на которых опер-
ты две подпружные арки свода, также име-
ли, кажется, выделенные под пятами арок,
выступающие, но поотбитые позднее полочки

из трех кирпичей. Восточная пара пилястр
приходится на краю бемы; а в западинке пе-
ред пилястрой в сторону храма была сложена
алтарная преграда.

На север и на юг три окна — по два над
большим арочным пролетом и по одному над
меньшим (табл. 70-а); внизу — двери. На за-
пад вверх высоко (табл. 70-б), смотрит на-
ружу одно маленькое окно, а большое окно,
пониже расположенное, со второго этажа при-
твора — внутрь храма; внизу дверь с большой
каменной перемычкой и подковообразной за-
полненной аркой; позднее эта дверь была су-
жена и понижена встроенной стрельчатой ар-
кой (века XVI — табл. 70-d)².

В пролетах больших арок, по сторонам ал-
тарной преграды, пристроены на выступающих
кубах большие ковчежцы, служившие для ме-
стных икон храма (табл. 69-а, с). Подобные
им ковчежцы, но из квадров камня, сложен-
ные, несомненно, одновременно с возведением
самого храма, до недавнего времени стояли
еще полностью в храме X века в Бедиа (Аб-
хазия). Такие ковчежцы исчерпывали, вероятно,
потребности тогдашней Грузии в отдель-
ных храмовых иконах.

Северный неф имеет абсиду на восток в от-
дельной восточной комнате. Абсида полуцир-
кульная в плане и низкая, как и вся комна-
та, имеющая коробовый свод. На восток —
удлиненное окно, а на север — круглое. Под
восточным окном — неподвижный престол у
стены. Двери в боковой неф и в алтарь с
арочным верхом — обе большие (табл. 69-б):
одной высоты и почти одной ширины (в ал-
тарь чуть уже). В стене две ниши.

Над этой комнатой есть еще верхняя с ок-
ном на восток и отверстием для влезания по
приставной лестнице с запада над дверью в
нижнее помещение (табл. 69-б). Верхняя ком-
ната перекрыта полуциркульным сводом.

Соединенная с церковью часть северного
нефа имеет коробовый свод на подпружной
арке. На север против малой арки в главный
неф одно окно, а против большой — большая
дверь аркой с заполненным люнетом над боль-
шой каменной перемычкой; позднее дверь бы-
ла сужена (табл. 69-d). На запад из северного
нефа также дверь с аркой над большой ка-
менной балкой, ведущая в притвор (она позже

эти фото. Он вычерчен по только нескольким раз-
мерам. Возможно, что в нем немного занижено распо-
ложение конхи в абсиде и уменьшена высота алтар-
ных окон.

¹ Кое-где в алтаре и по стенам церкви заметны ост-
атки росписи с выцветшими красками.

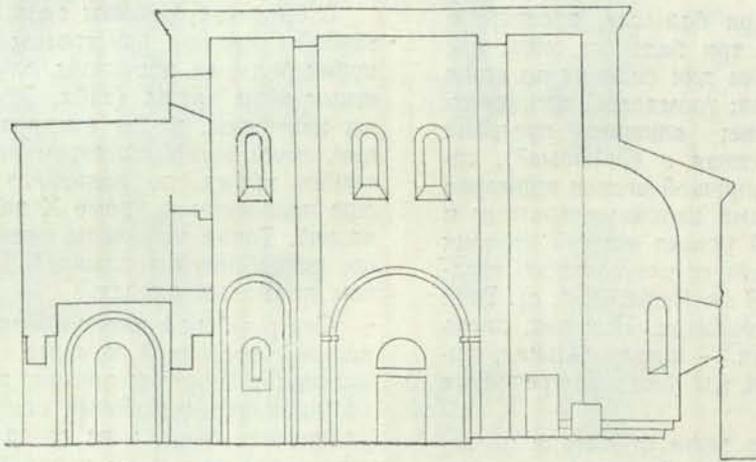
² Я прилагаю схематический продольный разрез, так
как не удалось при высоте здания сделать показываю-

была наглухо заложена). Над этой дверью вверху стены отверстие, ведущее во второй этаж притвора.

Южный неф вполне симметричен с северным, отсутствует только дверь в алтарь из ризницы и нишка в абсиде. Вход в папостофорию из южного нефа очерчен только горизонтальной балкой, внутри же арка с заполнением над балкой. В северном же нефе такая дверь имеет с обеих сторон выделенные в кладке арки (табл. 69-b). Все входы в храм, а так же в притвор оформлены

капеллы люнет застроен до общей плоскости, но в выбоинах прослеживается его первоначальный облик. В притворе же двери из него в боковые нефы выделяют только балку («балавари») над проемом (ср. дверь из северного нефа в жертвенник).

Западный притвор был выведен, как отмечено, одновременно с самой базиликой. Осмотреть мог только нижний этаж, как и в других частях храма. Он поделен на три части. Средняя квадратная с крестовым сводом отделялась первоначально пилястрами

Продольный разрез (схема)

одним общим приемом: вверху проема положена громадная перемычка («балавари», *linteau*) из каменного блока, а над ним выведена высокая (в основных входах подвышенная или даже подковообразная) арка с заполнением ее люнета. Как при главных входах в базилику, так же выполнены и три входных в западный притвор двери и обе двери из притвора в боковые нефы базилики. Наружный облик входов, однако, несколько меняется. Главный вход в притвор имеет выделенную кладкой арку с западающим люнетом над перемычкой из цельного каменного блока. Точно так же и северный вход в храм (ныне — внутри пристроенной капеллы) имеет высокую, сложенную из пиленого ширими арку с заполненным в углублении люнетом поверх каменной перемычки. В связи с пристройкой

и подпружными арками от боковых компартиментов; наружная арочная дверь позднее была сужена и понижена встройкой стрельчатой арки. Боковые компартименты притвора имеют коробовые своды и дополнительные входы с юга, гсп. севера, а на восток двери в боковые нефы церкви: все эти четыре двери были позднее наглухо заложены. На запад из этих боковых частей имеется по длинному, позднее в значительной части заложеному, окну. В южной части притвора, в его западной стене, близ пилястры и при начале свода видно отверстие, которым начинается ход трубой вверх на хоры. В этот ход свет поступает через маленькое круглое окно. Позднее притвор был поделен невысокими стенками в названных местах на три части и в боковых компарти-

ментах устроены приделы с престолами у восточных стен¹.

Второй этаж осмотреть не смог. По формам — это сплошное помещение, довольно высокое, освещенное в центре длинным окном против проема в церковь и двумя круглыми против боковых нефов.

Как внутреннее пространство базилики Санагире импозантно и впечатляемо своим умелым противопоставлением грандиозного, залитого светом среднего нефа и невысокими приглушенного света боковыми, а также низким проходом через притвор с дополнительными входами с боков и проходами в боковые нефы, наконец, проемами, расположенными уходящей вертикалью ступеней в западной стене при трех больших окнах в одну линию восточной, алтарной, — так и фасадный облик ее меняется с каждой стороны, сохраняя всюду продуманный подход декоративной художественности этого внушительного сооружения.

Западный фасад состоит из сплошной стены двухэтажного притвора под двускатной кровлей и, несколько отступя, в глубине, из возвышающейся стройной стены среднего нефа базилики с небольшим в центре окном (табл. 65-b, 66-b). На той же оси расположено большое кирпичной кладки окно во втором этаже притвора, и под ним входная дверь, обработанная правильно напиленными квадратами ширины. Она завершается аркой с западающим, заполненным над перемычкой из каменной балки, люнетом. По фасаду притвора выделяются из сплошной кирпичной и булыжной кладки оконные проемы — два нижних боковых удлиненных, прорезанных в кладке из ширины и круглые боковые окна верхнего этажа, прорезанные в центре большой квадратной плиты ширины; северное из них имеет еще по кругу небольшой валик. Кроме этих окон имеется еще на границе нижней и верхнего этажей, южнее входа, тоже круглое окно, также сделанное в квадратной плите ширины, которое освещает проход на хоры (с приставной изнутри лестницей — табл. 65-b). Еще одно длинное окно, видимо, еще в процессе стройки заложенное, заметно севернее центрального по второму этажу.

¹ На северной встроеной стенке в притворе есть упомянутая вначале запись мхедрули конца XVIII века с наименованием храма и основателя его царя Вахтанга Горгасала. Местное предание утверждает, что это ко-

Двускатная кровля притвора сливается по бокам с кровлей боковых нефов базилики. Карниз притвора кирпичный, характера карнизов на других фасадах, но с дополнительным узором кладки под черепицей.

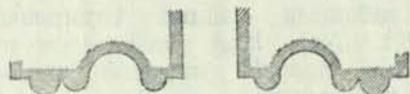
Продольные фасады сейчас едва замечаются из-за сплошной заросли на крышах и из-за пристроенных капелл. Северный фасад (табл. 65-a, 66-a), вид на который вместе с западным открывался от ворот ограды первым перед входящими в монастырский двор, был по боковому нефу облицован ровными рядами правильных квадратов хорошо тесанного ширины с профилированными наличниками его окон — удлиненного в западной части, на границе которого кончается пристроенная капелла, и круглого из жертвенника (последний виден только изнутри помещения; обработку круглого проема допускаю условно) — и разработанной формой северного входа в базилику. Северная же стена главного нефа сложена из кирпича, причем кроме трех больших окон остальные глады стены заполнены такими же как окна, но глухими арками в кладке: наблюден единый гармонический ритм (табл. 67-a). Над этим рядом протянута в стене полоса фигурной кладки из кирпичей, поставленных вертикально, и примыкающего к ней кирпичного же карниза, состоящего из нескольких по-очередно нависающих рядов гладко и углом вперед поставленных кирпичей и затем еще нависающих над ними черепиц перекрытия (табл. 67-c).

Также, видимо, был оформлен и южный фасад; стена главного нефа кирпичная, в такой же разделке верхней полосы и примыкающего к ней карниза, как северная (табл. 67-b, d; 66-a). Стена же бокового нефа вся закрыта пристроенной, достаточно просторной, капеллой.

Восточный фасад в основном выведен из кирпича, с небольшим добавлением в гладких закругляющихся поверхностях полукруглых выступающих абсид отдельных серосизых пятен булыжника среди узорной кирпичной кладки, да наличников оконных проемов из ширины (табл. 62). Подымающаяся довольно сильно прямая стена глав-

пия записи, бывшей на мраморных плитах, ныне пропавших (между прочим, три гладких ониксовых обломка вставлены в ту же стенку). ქ. წმინდის სანჯირეთ მღვთის მშობლის ბრწყინვარე ეკლესია გორგსლ ხემწიფის აღმშენებლი.

ного нефа над мощной алтарной абсидой имеет небольшое украшение в форме прямоугольной западинки с рельефным в нем изображением креста, т. е. символ христианства использован здесь и для художественного оформления (табл. 63-а). Вся эта часть выведена в кирпиче. Средняя абсида имеет в своем сильном выносе три больших окна в профилированных из ширими наличниках, объединенных арками, сделанными также из ширими (табл. 63-б). К этому основному декоративному удару добавляется фигурная и красочная кладка стен выше и ниже оконной полосы. Над окнами чередуются ряды булыжника и кирпичные из трех рядов; верхний булыжничный ряд разделан еще вставленными вертикально поперечными кирпичными между булыжниками плитками. Простенки между окнами сплошь кирпичной кладки, а ниже окон опять чередование: три ряда кирпичной кладки, один ряд на ту же ширину из булыжника и трех вертикально стоящих кирпичей между ним и т. д. (табл. 62, 63-б). На боковых абсидах окна

Профиль наличника главного окна (схема)

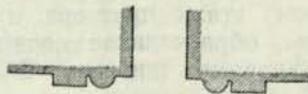
тоже с профилированными наличниками из ширими; внизу кладка как на главной абсиде (табл. 64-а, б).

Как уже было отмечено, с севера и юга вплотную к базилике пристроены церкви. С севера все стены кирпичные (кирпич одного размера). По плану она повторяет южный притвор Шуамтинской базилики: средняя часть высокая на два ската, а боковые с одним скатом на север. В восточной части — алтарная абсида. Она отделена алтарной преградой из тесаного оштукатуренного песчаника или ширими (?) с двумя входами. Окна — на восток и на запад, а дверь — с севера против двери в главную церковь. Длина всей этой церкви доходит до окна из северного нефа главной церкви. В этом приделе имеются, как и в самой базилике, поздние встройки века XVI.

С юга довольно широкая и просторная, но сравнительно низкая и относительно темная церковь в один сплошной неф, тяну-

щийся на всю длину базилики. Перекрыта эта капелла коробовым сводом на одной подпружной арке, опирающейся на пилястры. Имеются, однако, слитые со стенами еще две пары выведенных на высоту полроста человека пилястры. Капелла выведена вся из булыжника. Она повторяет характерный мотив базилики: абсида и у нее выступает снаружи вперед полукругом (табл. 68-а). Окна имеет на восток, запад и два крупных на юг. Единственный вход имеется с запада (табл. 68-б); вторая дверь ведет из базилики в капеллу. Только по восточному и западному фасадам капелла облицована тесаными квадратами ширими.

Облицовка восточного и западного фасадов капеллы выполнена из правильно напиленных квадров ширими, ровными рядами сознательно наблюденной четкости. Это — кладка такого порядка, как в Алаверди, или Кветере, т. е. вся постройка хронологически падает на эпоху X—XII веков. Восточное окно слегка украшено врезанной в плоскость, рамой и рядом уцелела проба разделить также стену (табл. 68-а). Западное окно также украшено профилированным наличником и составляет один из элементов декоративной разделки всего фаса-

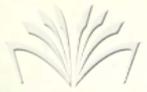

Профиль наличника западного окна южной церкви (схема)

да. Над окном выделены в четырех квадратах кладки ширими ровные квадратные выемки, образующие крестообразную фигуру. Выемки эти, возможно, служили для каких-то утраченных украшений. Наконец, ниже окна и как-бы соединяясь с ним, находится единственный вход в этот придел (табл. 68-б). Дверь имеет прямоугольный проем, но заключена в широкую нишу, замкнутую сверху аркой: все это сделано в четкой кладке из квадров ширими. Этот мотив декоративного объединения двери и окна над ней, здесь получившийся, так сказать, произвольно и имеющий еще третье звено сверху по той же вертикали, как бы предваряет позднее (в XIII и XIV вв.), сознательно проводимый прием такого декоративного разрешения западного фасада¹.

Даба, Боржомского района — *Ars Georgica*, 2, 1948, стр. 118—119 и рис. 15.

¹ Ср. исследование Р. Шмерлинг, Постройка моларет-ухуцеса царя Георгия Блистательного в сел.

С западной стороны уцелел и карниз этого придела — он представляет собой скос и внизу его небольшой валик. Этот профиль карниза тянет построение скорее к началу периода, к X веку. Кровля всего придела — двускатная, т. е. подчеркивающая самостоятельный характер всей постройки.

Анализ. — Базилика Санагирэ является крупным значительным примером поздних построек данного типа, становящимся рядом с далекими базиликами Отхта-Эклесна и Пархали в Тао¹. По контрастам в формах этой базилики, так сказать по напряженности между отдельными из них, как в плане, так и в созданных пространствах и массах ее, она сочетается и с некоторыми формами, известными из иного типа храмов. Как было уже мелко упомянуто, есть, несомненно, известное воздействие базилики Мама-Давид в Акура, но это воздействие самое общее в отношении высоты здания и декоративного интереса в оформлении фасадов, крупных и круглых окон (последние как отзвук глухих декоративных кругов на восточном и западном фасадах Акура). Другое сопоставление, которое, мне кажется, напрашивается при рассмотрении Санагирэ — это Озаанская купольная церковь Амаглеба, которую я считаю скорее всего постройкой IX—X века. Здесь, как в Озаани, имеем три полукругом выступающие на восток абсиды, три окна в алтарной абсиде, крупные размеры окон и отвечающую в плане разбивку устоев и арок между средним и боковыми нефами: план Санагирэ — собственно план, именно такой купольной, типа Озаани, церкви.

Для хронологического определения базилики Санагирэ существенное значение имеют такие моменты, как наличие большого числа входов, помимо основных трех; затем обработка этих входов большими горизонтальными перемычками и люнетами над ними — два момента, повторяющихся в купольных храмах X—XI вв. Абхазии и Клухорского района². Наличие крупных, хорошо освещающих храм окон для указываемого времени вполне типично. Существование в притворе крестового над

прямоугольником свода тоже показатель для времени, едва переступающего границу X века (в Алаверди они тоже на прямоугольном основании). Известное соскальзывание на подковообразную форму, как и в Озаани, тоже лимитирует здание указанным временем. Наконец, обработка наличников алтарных и малых боковых окон восточного фасада, мне кажется, позволяет отнести базилику к указываемому же времени. Конечно, отсутствие орнаментальной резьбы, наличие исключительно одной только профилировки валиками и желобом, без какой-либо перевязи на углах и в основании арок — чрезвычайно ограничивает наши возможности сравнения, но сами эти формы своей простотой и до известной степени — элементарностью заставляют думать о раннем времени, а не о пышной «эпохе Тамары».

Граница построения церкви Санагирэ, конечно, подчеркивается двумя пристроенными к ней вплотную церквами, относительно подробное описание которых я потому и дал. Северная совпадает по плану с притвором 1020 года Манглисского собора, как и с рядом подобных других преимущественно того же времени и последующего в Картли, а южная четкостью ширимной облицовки двух фасадов имеет ближайшие параллели в Кахетии в постройках Кветера, Бочорма, Алавердского кафедрала и т. п., построенных в X и XI веках; едва ли отделка этих фасадов может быть отодвинута еще и до XIII века; тем более, что каменный карниз не имеет форму выкружки, а прямого скоса. Само явление пристройки вплотную к базилике двух малых церквей мы повстречали уже раньше в монастыре Цхра-Кара близ Матани (примерно того же времени).

Что данная постройка при всей ординарности темы была выношена индивидуально очень значительным зодчим, особенно четко показывает, наравне с выделенными выше архитектурными моментами, декоративное решение фасадов простыми средствами рядовых стройматериалов, как кирпич да булыжник и отчасти ширими, не имеющее параллелей ни в одной провинции Грузии.

¹ Е. С. Такайшвили, Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии, Тб., 1952.

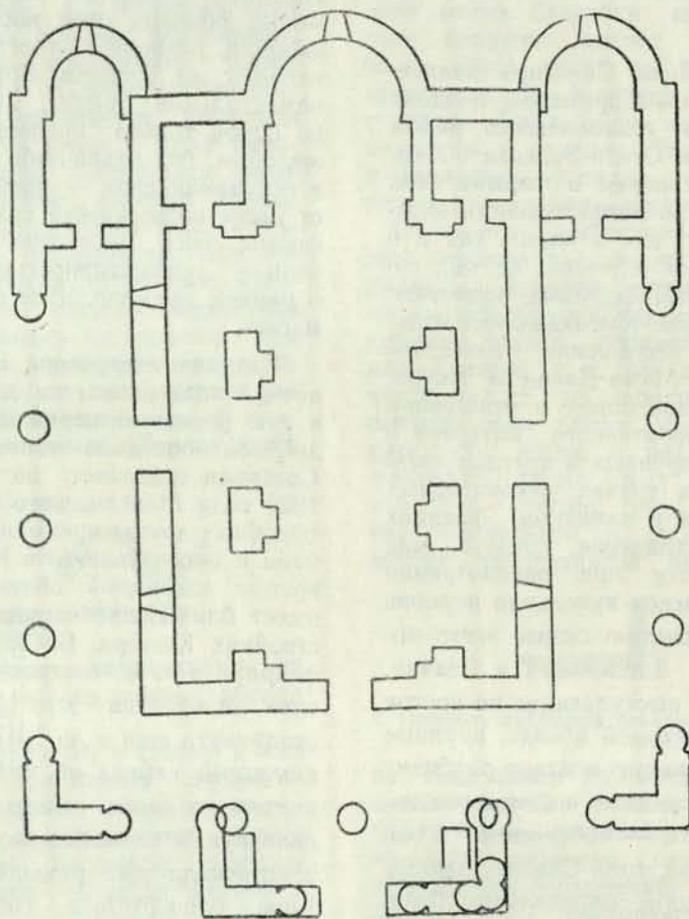
² Согласно исследованиям последних лет Ник. Чубинашвили.

ПРИЛОЖЕНИЕ

СПРАВКА О КУМИ И ЭРЦОЙСКОМ СИОНИ

В дополнение к исследованным мною базиликам Кахетии необходимо остановиться, хотя бы кратко на двух выявленных в последнее

ском районе Азербайджанской ССР в центре селения Кум¹. Это — большое сооружение трехнефной базилики с выступающей абсидой

План базилики в Куме

время памятниках. Один из них открыт и исследован (с расчисткой и прокопами) арх. П. Д. Барановским в 1939 году в Ках-

¹ См. его предварительное сообщение в сборнике под ред. С. А. Дадашева и М. А. Усейнова «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», Москва—Баку, 1947, стр. 28—30 и табл. 3 (план и поперечный разрез в восстановлении). К сожалению, помимо этой краткой

информации все еще нет развернутой публикации этого чрезвычайно интересного и художественного памятника. Разрушение его быстро увеличивается, да и не все вскрытые раскопками детали можно сегодня увидеть.

имеет квадратные пастофории в восточных концах боковых нефов и арочную открытую с трех сторон базилику галерею. Сложена

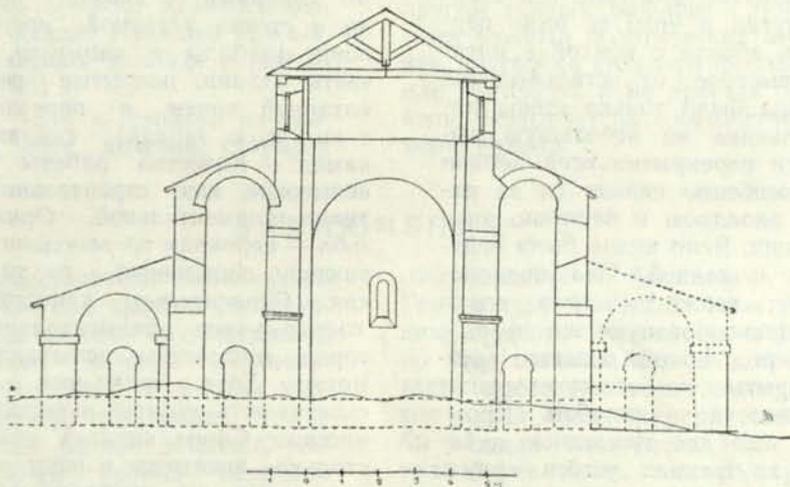
Э. С. П. 1936 г. № 1
С. 118-119

базилика из подобранного булыжника для выведения стен и сводов, и из кирпича для арок, устоев между нефами базилики, колонн обхода и частью сводов. Форма столбов совпадает с планом столбов Вазисубанской базилики. Их также две пары. Также в боковых нефам имеются окна (средний неф не сохранился на нужную высоту)¹.

Арки по длине базилики подковообразной формы. Жертовник и диаконник сохранили свое древнее, на одной высоте с перекрытием боковых нефов, каменное перекрытие с четырьмя угловыми тропами в форме конх, над которыми возвышается на полметра примерно отвесная стена; от нее идут восемь граней сомкнутого свода. Две из троп в жертовнике кирпичные, а две из булыжника. Обход открывается наружу в средней части каждой из трех сторон четырьмя арками на круглых колоннах, сложенных из кирпича небольшого размера (23×23 см) и вскрытых раскопками; в восточных концах обхода — приделы с выступающими полукругом абсидами².

Сравнивая данную базилику «с близкими территориально и связанными исторически памятниками Кахетии», П. Д. Баранов-

ментов, как подковообразная арка, в свободном взлете в высоту ее нефов, а с другой — считает возможным отнести мешающие датировке Кумской базилики на VI (или VI—VII) век моменты. Вопрос датировки Кумской базилики, мне представляется существенно осложненным и затрудненным, как это отмечает и П. Д. Барановский, применением кирпича рядом с булыжником; ссылки же его на применение кирпича в Дранда, Иране или гуннами-сабирами не представляются убедительными. Конечно, сами по себе формы Кумской базилики, даже применение троп в пастофориях или круглых сложенных устоев обхода, не составляли бы препятствия для отнесения Кума в VI—VII вв.; тропы имеются в Ахметской базилике (хотя подобные пастофории ближе к купольной Хирса IX века), круглые сложенные столбы — в трехцерковной базилике в Зегани и тоже в обходе открытой аркатурой, или в Сабуэ, Некреси и др. Но все-таки применение в Кумской базилике кирпича слишком исключительно, чтобы можно было ее отнести к VI веку и притом начальной его трети, что следует из упоминания П. Д. Барановским Болнисского Сиона,

Поперечный разрез базилики в Куме

ский отмечает, с одной стороны, ближайшее сходство с Вазисубанской базиликой, как в решении плана, в частности, создания открытой галереи, так в применении строительных эле-

¹ Мне не представляется правильным предположение П. Д. Барановского, что средний неф был перекрыт плоско на стропилах, а не каменным сводом.

Цкаростаи, Хашми, Урбниси и др. той же группы. Некоторый отрыв от этой группы Вазисубанской базилики, проведенный мною выше (в отличие от прежнего включения ее в

² Я имел возможность ознакомиться с этим памятником в сентябре 1946 года, благодаря любезному приглашению П. Д. Барановского, причем он там же давал нужные разъяснения.

группу длинных базилик конца V — начала VI вв.), тоже помогает при датировке Кумской базилики в более позднее время, именно в VIII век. Высокие качества всей композиции в художественном отношении и в техническом выполнении тоже естественнее отнести к этому находившемуся на подъеме периоду развития, как и все сравнительные данные поддерживают именно эту дату¹.

Другой памятник — это церковь Сиони в Эрцо. Он был выявлен экспедицией акад. АН Грузинской ССР, проф. Н. А. Бердзенишвили и раскрыт от завалов и спасен для истории его же, как директора Института истории имени И. А. Джавахишвили, распоряжением. Летом и осенью 1951 года в два приема были проведены архитектором Ир. Н. Цицишвили раскопки завалов этого памятника. Как выявили раскопки, это — трехнефная базилика с дополнительными с боков помещениями. Она расположена на Сионис-гора в Эрцо, над рекой Иори, за селом Сиони и посвящена, по словам одного жителя, св. Георгию, тогда как мальчик лет 7—8 назвал ее Квириа².

При первом посещении это была вся завалившаяся и нетронутая в этом ее виде церковь. Устояла лишь абсида с конхой в пятигранном снаружи выступе; от остальных же частей здания видны были только стены наружного прямоугольника на небольшую высоту. Обрушившееся перекрытие всей церкви завалило ее всю, особенно сильно (и за наружные стены) в западном и частично юго-западном направлении. Ясно видна была верхняя часть абсиды с конхой. Она подковообразная в плане; также и арка конхи имеет четкую подковообразную же форму. На углах абсиды под аркой большие грузные капители, покрытые по обеим сторонам и по выделенной полочке — резьбой. Кроме того, были видны еще две громадные кубовые капители от внутренних устоев храма, покрытые сплошь резьбой — одна лежала в алтаре, другая углом торчала из земли около предполагаемого юго-восточного устоя. У основного корпуса здания видны

пристроенные с юга и севера приделы, так же сильно развалившиеся от времени. Раскопки, которые провел сотрудник института истории, арх. Ир. Цицишвили³, выявили полностью план здания и ряд интересных декоративных деталей, позволяющих как установление даты здания, так и восстановление его архитектурных форм. Раскопки обнаружили четыре поставленных в квадрат устоя из круглых в целый фуст колонн на высоких базах (около 60 см) и с кубовыми, покрытыми по всем четырем граням резьбой такими же высокими капителями. Узкое пространство от колонн до внешних стен было связано перекинутыми арочками. Алтарь был сильно поднят против уровня пола церкви и отделялся алтарной преградой, вынесенной несколько в церковь и связанной с ее северной и южной стенами кронштейнами на них. Сложена церковь из ширими, квадраты которого неровные, размеры скачут, проходящих рядов нигде нет и нигде не наблюдается стремления, хотя бы частично, сделать их горизонтальными. Поверхности стен и абсиды внутри здания были покрыты слоем гачи, расчерченной сплошь на квадраты (в 20, 30 см) процарапанными линиями. Также процарапана была и стенка алтарной преграды. Фусты колонн, их базы и капители, а также другие части здания, покрытые резьбой (импосты алтарной конхи и перемычка над дверью с юга и с запада), сделаны из плотного камня. — Качество работы всего здания — невысокое, как строительной, так и декоративно-орнаментальной. Орнаментальная резьба — неровная по заполнению поля и по характеру исполнения — то глубокая, то плоская. Относительно качественно выполнены только узкие орнаментальные полосы, в которых применены испытанные, отработанные мотивы. Хотя и среди них, и на больших плоскостях есть мотивы, известные еще и на Болнисском Сионе конца V века, но все они настолько искажены и неумело скомпонованы, что время их изготовления нужно отнести, как и большой плиты над окном восточной пристройки к Болнисскому Сиону, к эпохе VIII—IX веков. На это же время указывает и

¹ В упоминаемом П. Д. Барановским отчете А. С. Хаханашвили (МАК, VII, 1898, стр. 35), как и в книге З. Эдила (Ингилойцы, Тб. 1947, глава VIII, стр. 160—161, по-груз.), только беглые замечания, да еще с неверными размерами в цифрах.

² Впервые я осматривал ее 6. XI. 1949 г., а затем после проведенных Институтом истории раскопок 1. VIII и 21. X. 1951 г.

³ Не предваряя его публикации, привожу только основные моменты, по которым мною дается хронологическое определение здания.

план, совпадающий с Армази 864 года в ущельи р. Лехура и Бобисгери в Олтиси¹.

План Эрцойского Сиони повторяет разработанный в купольной архитектуре план, как это мы видели и в базилике Санагирэ и как это проявляется в ряде базилик этого же, сравнительно позднего времени. С северной стороны базилики имеется выделенное помещение жертвенника с самостоятельным только из храма входом и со специальным у северной стены проходом в алтарной преграде. Таким образом, хотя это помещение и выведено самостоятельно, вприслон к корпусу базилики на аркатуре, но по проекту оно является органической частью целого. Алтарная преграда по месту расположения, по формам и членению имеет аналогии в памятниках IX и X веков (Армази 864 года, Кавказский Сион, Земо-Крихи в Раче). Такие архитектурные детали, как простой прорез окна без навершия и т. п. находит себе аналогии в купольном храме Варцанийской богородицы или в базилике Натлис-Мцемели, близ Алвани и др., а сплошная облицовка плитами ширини имеет аналогии в Кахетии в базилике IX века в Акура; форма карниза и другое тоже не отвечает известным нам формам архитектуры V—VI веков, к какому времени казалось возможным отнести это здание Ираклию Цицишвили в своем отчетном докладе в Институте истории 20/XII.1951 г.

Он исходит при этом не столько из данных самого здания, хотя, конечно, старался

показать их соответствие выдвигаемой им ранней дате, сколько из исторической конъектуры. Именно, он учитывает предположение («კვათბობა»), высказанное Вахушти относительно Жалети, а затем и относительно Харчашо, не является ли тот или другой тем городом Челети (или древним Бэр), который построил мифический эпоним Кухос, и в котором Вахтаг Горгасал построил «посреди селения» епископский храм². Так как расположенная немного выше по течению реки Иори и на ее правом берегу развалина церкви Жалети постройка вовсе не времени Горгасала, то возможным казалось ему сделать дальнейшее предположение: счесть постройкой Горгасала Сиони, как епископский кафедрал, что объясняло бы большие затраты по возведению и самую цель такового.

Не видя возможности отнести эту постройку к такому раннему времени, а, напротив того, учитывая ряд четко указывающих на период VIII—IX веков черт этого здания, которые кратко были выше переименованы, я полагаю, что приспосабливание к Сиони, высказанной Вахушти ем конъектуры должно быть откинуто и, следовательно, можно сделать для Эрцо и Тианети VIII—IX веков аналогичный другим горным районам Грузии того же времени важный политический вывод, что Сиони, как постройка сильного феодала — духовного или светского, а не простая деревенская церковь, указывает на соответственное положение всего района.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные представители базиличного типа церквей в Кахетии при простом сопоставлении их друг с другом выявили до очевидности наглядно определенные явления различия. Это совместное рассмотрение и анализ данных базиличных храмов показывает, что в разные эпохи имеется разное решение, что между представителями разных периодов большое расхождение в формах, и только мелкие, дополнительные, второстепенные черты позволяют отмечать взаимную связь. При этих условиях точное хронологическое распределение их очень осложнено и в целом невыполнимо окончательно. Только подразумевающееся

сопоставление с базиликами других частей Грузии дает твердый базис в датировке. Таким образом, предыдущее описание совершенно ясно показывает, что прежде всего нет здесь последовательного, непрерывного развития одной архитектурной темы — базилики, где бы каждая следующая эпоха усовершенствовала бы ее. Здесь, именно, просто несколько групп более тесно соединенных памятников, между отдельными из которых устанавливается, однако, только довольно поверхностная связь. Благодаря этому релятивная хронология базилик Кахетии требует расширения также на памятники других типов в Кахетии.

¹ *Ars Georgica*, I (1942) и Е. С. Такайшвили, *Album d'architecture géorgienne*, Тб. 1924, табл. 20—21 и Археологическая экспедиция в Кала-Олтиси 1907 года, Париж, 1938 (по-груз.).

² Вахушти, География, издание Н. А. Бердзешивили и Т. Н. Ломоури, 1941, стр. 91, р. пер. 107; Картлис-Цховреба по списку царицы Марии, *104 стр. 6 (Леонтий Мровели) и *391, стр. 179 (Джуаншер).

При этом на помощь этим хронологическим установкам приходят факты, позднее дополнительно проработанные нами и касающиеся двух случаев, где время построения базилик определяется вполне твердыми датами. Естественно, они, таким образом, служат как бы проверкой для всего нашего распределения. С другой стороны, эти два точно датированных памятника — Зедазени третьей четверти VIII века и Акура 855 года — дают сравнительный материал для хронологии добавлений при более ранних постройках и, таким образом, также помогают в вопросах датировки. Наконец, есть два памятника — Некреси и Бодбе, которые своими архаическими формами дают материал для привлечения к истолкованию литературных данных, помогающих в прецизировании вопросов их хронологии. Таким образом, постепенно мы подводим под нашу релятивную хронологию, установленную на основе только кахетинских данных, фундамент абсолютной хронологии; в этом пункте дальнейшее значение принадлежит сравнению базилик Кахетин с базиликами других районов Грузии. Древнейшие образцы базилик в Кахетин, каковыми являются Некресская, Шуамтинская и Матанская, это — небольшие храмы, хотя и поделенные на три нефа, по типу базилики, и должны служить как бы частями одного общего пространства, но, собственно говоря, очень условно отвечают, или намечают связи с действительно базиличным типом ранне-христианского храма, выработанным эллинистически-римским течением культуры (даже в ее так называемой восточной разновидности). Размеры их настолько незначительны, особенно древнейшей Некресской, что самый смысл придания им базиличной формы в конструктивном отношении не имеет никакого под собой основания. И невольно вспоминаются слова древнего историка церкви Руфина, рассказывающего про

св. Нину, просветительницу Грузии христианством, что она после обращения царя и народа в христианство и обучения их основам веры, предлагает построить храм: *fabricari tamen Ecclesiam monet, formamque describit*¹. Употребленное здесь историком слово *describit* имеет общее значение изображения и словами, и рисунком и т. д. Наши древнейшие рассмотренные базилики производят именно такое впечатление построенных по описанию, со слов ли, или даже с пластического ли воспроизведения — все равно, но не видевшим самолично таких строений зодчим². В них сохранены эти, очевидно, символически истолкованные части и деления храма, но совершенно отсутствует, ибо она и не была, и не могла быть вовсе, выражена в передаче этому строителю, архитектурная мысль, соединяющая в одно органическое целое базиличную постройку, как таковую. В Некреси это просто сравнительно широкая и чрезвычайно высокая постройка. В Шуамта и Матани всему придан особый свой колорит цельности — создана церковь с обходом, несомненно употреблявшимся для различных целей, очень поверхностно только связанных с собственно церковно-богослужебными нуждами и задачами церкви. Возможно, что именно в этих обходах совершали жертвоприношения и поедали закланных животных, как то несомненно, наблюдалось до недавнего еще времени в различных местах Грузии.

Характерно, что в базиликах Дзвели Шуамта и Матани обход дан с трех сторон; форма, правда, известная в ранне-христианских базиликах и вне Грузии, но лишь в ограниченном числе примеров³.

Некресская базилика, как было отмечено, постройка третьей четверти IV века, Шуамтинская базилика, примерно середины V века, Матанская же Цхра-Кара, продолжающая ряд элементов Шуамта и вообще, видимо,

¹ Ср. к этому выражению в письме Ефрема Мцире католикозу Иоанну Сапарели (XI века) о распространении в Грузии христианства по письменным источникам: «...и (царь) призвал себе на помощь бога той пленной женщины; и пришел к пленнице, достойной удивления; и молился, чтобы показал им образ строения храма. А тот, который вспомнил Веселила мудростью архитектора, и его также удостоил той же благодати, так что она изобразила ему божественный храм. И она начертала, а те иссекали и строили» (Хроника и др. материалы, том I, стр. 36 по рукописи А. 24).

² Резюмируя свои разыскания о происхождении сирийской базилики, J. Lassus (*Les Sanctuaires chré-*

tians de Syrie, Paris 1947, p. 99) отмечает, что духовенство в северной Сирии предложило архитекторам вслед за торжеством церкви «не программу, а модель», т. е. не выдвинуло программу потребных помещений и их взаимной увязки, а готовый, взятый извне, образец для простого повторения, вследствие чего здания «многими пунктами были чужды их методам».

³ Ср. напр. базилику Сергия в Рузафе (Sarre und Herzfeld), *Archäologische Reise im Euphrat und Tigrisgebiet*, Bd. II, 1920, S. 5; H. Spanner und S. Guyer, *Rusafa*, 1926, S. 53 und Taf. 16), по поводу которой прямо отмечается, что это редкий случай, Al. Riegl, *Zur Entstehung der altchristlichen Basilica*, (*Gesammelte Aufsätze*, Augsburg-Wien, 1929, S. 102)

подражавшая ей, но намечающая вместе с тем ряд новых черт, падает скорее уже на конец V века.

Итак, памятники первой древнейшей группы по размерам и всей трактовке своей, являются просто небольшими церквями, которым приданы формально-внешние очертания базилик, как узаконенной формы церковного строения. И только. Никакого представления или осуществления базиличного пространства они не знают, да это и не могло прийти в голову строившим эти базилики, ибо, как сказано, архитектурных задач в них не было, ибо сама тема была чужда грузину-зодчему, — его сферой является центрическое пространство и ярким выражением такого явилась купольная архитектура¹. В некупольной же архитектуре подобные задачи встали лишь после прохождения цикла развития купольной архитектуры в следующую эпоху VI—VII веков², когда Кахетия была одним из могущественных на Кавказе самостоятельных государств, борющихся с другими из-за политической гегемонии.

Если древнейшие базилики Кахетии далеки от общего выработанного архитектурного типа такого церковного здания, то в связи с тем, что на переломе V и VI веков в остальной Грузии происходит ознакомление с типом действительных базилик³, и в Кахетии этого времени мы наталкиваемся на несколько примеров определенного архитектурного искания в направлении приближения к общему типу базилики. Базилики этой эпохи представляют собой относительно длинные, достаточно высокие и освещенные постройки. Ясно видно как это явление увеличения, удлинения здания сознательно культивировалось; видно, что оно было определенно поставлено себе задачей при постройке: ибо сама архитектурная форма стала впервые известна зодчим. Это выявилось с наибольшей рельефностью именно в постройках V начала VI века, к каковому времени я отношу церкви Самеба в Хашми, Гвтэба в Телави; Наткора, Хирса и Кондоли, являющиеся самыми длинными из базилик Кахетии.

¹ Впрочем, если учесть выдвигаемое теперь рядом исследователей положение о том, что в ранне-христианское время отводилось специальное помещение для обрядов, связанных с приношением даров верующими — именно трансепт в базиликах (см., напр., статью П. Лерля в *Bulletin de Correspondance hellénique* XXVII, 1953, II, 692/3 ссылающегося на G. Sotiriou) то, может быть, эти своеобразные формы самых ранних базилик Кахетии, затем выделение южных нефов в Ах-

Следующая за ними хронологическая группа па базилик с середины VI века и по VII веку включительно, как и примыкающие к ним базилики Картли⁴, являются значительно укороченными, имеющими не более двух пар столбов. Таковы базилики Гвтэба в Ахмега, Вазисубани, перестроенная Бодбе, Горис-Джвари близ Ахшани и Байхо. Характерно при этом, что как раз в это время выявляется как бы некоторая местная разновидность, которая создает нечто среднее между трехнефной базиликой и так называемой трехцерковной базиликой: действительного базиличного пространства они, конечно, не дают, а только по внешнему абрису приближаются к ним. В Матани, в Ахмета и в Байхо мы имеем эту разновидность и при этом три стадии ее развития по времени распределены — как мне кажется — от конца V и до конца VII вв.

Как было отмечено в приложении к рассмотрению базилик, один близкий памятник введен в научный обиход разысканиями П. Д. Барановского, именно трехнефная базилика с выделенными пастофориями и с обходом в сел. Кум Кахского района Аз. ССР. Она являет картину значительного продвижения вперед развития форм, составляя связующее звено между более ранними формами базилик Кахетии VI и VII веков и типичной последующей их переработкой в VIII и IX веках.

Нечего и говорить, что тот же отход от собственно базиличной формы с несколькими парами столбов и приближение к квадратным размерам пространства, отмеченное для этой группы VI и VII веков, еще определеннее выражено в базиликах VIII—IX веков, т. е. уже после или одновременно с новым подъемом купольной архитектуры. Эти базилики более разработаны в пропорциях, относительно выше и лучше освещены. Таковы базилики Натли-Мцемели близ Алвани, Иоанна Зедазенского и Акурского Давида. Но все они являются для этой эпохи в Кахетии постройками все-таки только рядовых строителей, строителей просто применяющих готовые, вполне испробованные приемы и не дерзающих искать, по-настоящему творить новое, как понятно из одного при-

мета и др. стеной, а равно части ранних трехцерковных базилик и т. д., которые рассмотрены в следующей главе, следует понимать, именно, как такое функционально определенное решение.

² См. главу III.

³ См. мою монографию «Болнисский Сион», Тб. 1940.

⁴ Об этом в моей «Истории грузинского искусства», I, стр. 199 слл. (о Ркони и Верэ).

менения этой архитектурной формы. Поэтому впечатление, оставляемое их произведениями, — бледное, оно не может конкурировать с впечатлением, хотя странным, но индивидуально характеризованным, которое оставляют в нас древнейшие — и Некресская, и Шуамтинская, и Матанская — базилики, принимая, конечно, что к разному времени предъявляются и разные требования¹.

Интересным памятником этой же группы является и выявленный и затем раскрытый от обвала и завала экспедицией, возглавленной проф. Н. А. Бердзенишвили, базиликальный храм на р. Иори, за селением Сиони. По плану она непосредственно использует расстановку четырех устоев в купольных храмах, общей разбивкой главного здания создавая квадрат с примыкающей к нему абсидой. И еще расширяя массив по поперечной оси приделом с юга и помещениями с севера. Таким образом, определено отходит от собственно базиликального построения и ощутительно приближается к купольным решениям и использует их детали.

Означенная тенденция представительности, величины и особенно высоты, конечно, не вдруг получила свое выражение, не вдруг была осознана тогдашней культурной средой. Было несомненно переходное время смутного влечения к ним — оно отразилось, как мы старались показать в своем месте, раньше всего в базилике монастыря Цхра-Кара близ Матани, при еще небольшой длине, обнаружившей значительный подъем ввысь.

Казалось бы, что получив, как увидим далее, яркое выражение своего нового творчества в купольной архитектуре на переломе VIII—IX веков, Кахетия должна была бы совершенно оставить базиликальную схему хотя бы в последующее время. Но, несомненно, сила инерции, с одной стороны, и возможные требования церкви, с другой — оказались более мощными, влиятельными и устойчивыми, чем хотя бы и выдающееся — индивидуальное творчество. И мы повстречали базилики, построенные не только, одновременно в VIII и IX вв. но даже еще позже, по-видимому, при развороте культурно-политического подъема Кахетии, последовавшего в X—XI веках. Вазисубанская Санагирэ — яркий пример этого: ординарная

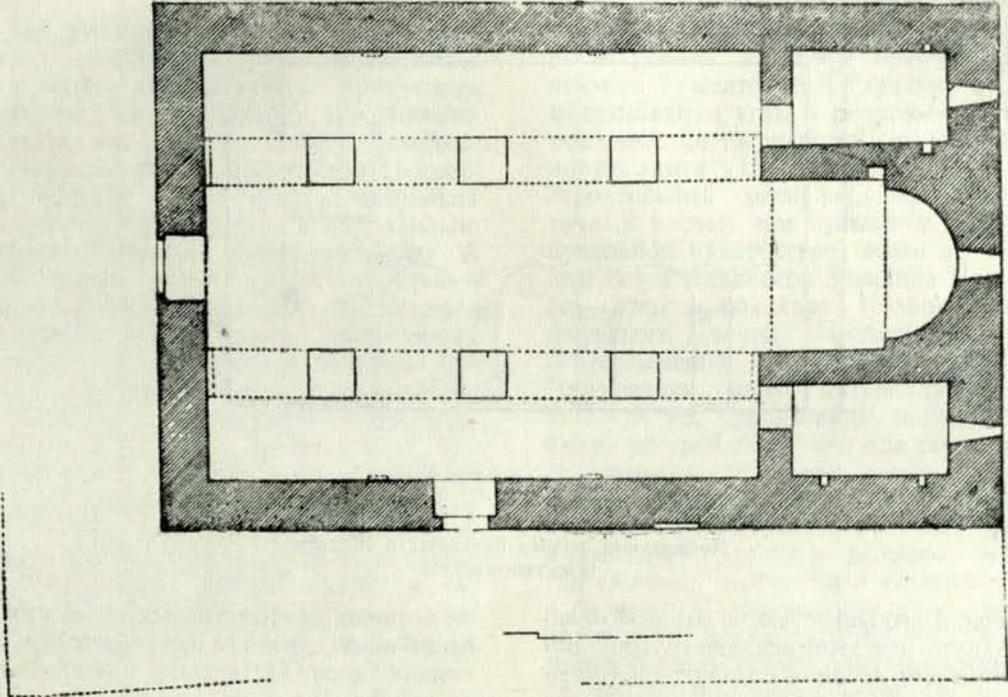
тема базилики разработана здесь архитектурно-ромсообразно измененным требованиям эпохи к общему подходу. Попытки его декорировать свою постройку снаружи сплошной облицовкой камнем и некоторыми украшениями также подчеркивают веяния новой эпохи. Ясно заметно влияние купольной архитектуры, когда арочные пролеты по длине главного нефа он делает разной ширины и при этом так, что непосредственно перед алтарем у него получается почти правильный квадрат. Другим признаком искания указаний в древних стоящих памятниках я склонен считать и три полукруглых абсиды Санагирэ, которые, быть может, ему подсказаны знакомством с базиликой Нины в Бодбе или купольной церковью, близ Озаани. Применение строительных материалов, использование архитектурных форм и декоративные приемы в них просятся на сопоставление именно с памятниками зрелого средневековья. Такое позднее датирование само по себе очень удивительно и имеет мало параллелей в Грузии, но, как показывает исследование Габриэля Миллэ, имеет также параллель в византийской архитектуре Греции и Балканского полуострова². При этом нельзя не отметить, что параллелизм этот не только внешний, но и по существу упадочности ничего не говорящих форм вполне однородный.

Примером позднего возведения трехнефной базилики является руина, расположенная километрах в 2-х севернее сел. Сакарауло на склоне горы у шоссе из Тбилиси в Тианети. Это — храм древнего поселения Жалети, упоминаемого в первоисточниках грузинской истории³. Жалетская базилика очень высокая — высота среднего нефа примерно три его ширины, с узкими боковыми нефами и выделенными пастофориями. Имела видимо, три пары столбов по длине. Строена из подобранных булыжников, четкими ровными рядами, а для углов, арок, проемов, карнизов и т. п. применен правильно пиленный ширими. Окна восточного фасада имеют наверху, часть которых естественно сопоставляется с украшением окон церкви в Армази 864 года, Убиси и Кавказского Сиона. Базилика в Жалети завалилась, явно от времени; так как все своды, арки по длине ее и части стен — нагромождены внутри здания; устояла только восточная

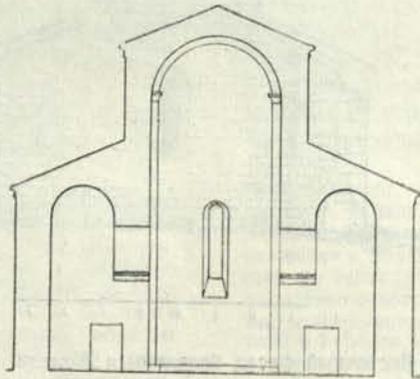
¹ Я не касаюсь здесь, конечно, выдающихся декоративных достижений архитектуры Акурской базилики, а лишь узко архитектурного типа.

² Gabriel Millet. *L'école grecque dans l'architecture byzantine*, Paris 1916, глава I, особенно стр. 15—17.

³ Картлис Цховреба по списку Марии, *278, с. 107 и *504, стр. 274 — при св. Нине и при Баграте IV, а также мельком в МАК, X, стр. 4—5 и 65. Она вновь была выявлена акад. Н. А. Бердзенишвили в 1949 г., как и близлежащая базилика Сиони на р. Иори.

План базилики в Жалети (восстановление)

Поперечный разрез базилики в Жалети

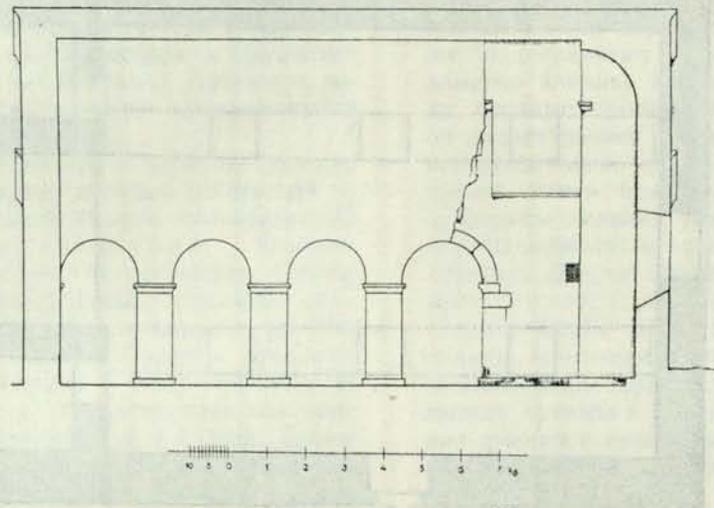
часть — алтарная абсида и пастофории со сводами и частично крышами. В остальной части внешних стен на большую или меньшую высо-

ту. Несомненно, что аналогичная базилике Сиони расчистка даст точный интересный материал об архитектуре этого — нетронутого в

руинах населением—памятника и спасет его для истории грузинской культуры¹.

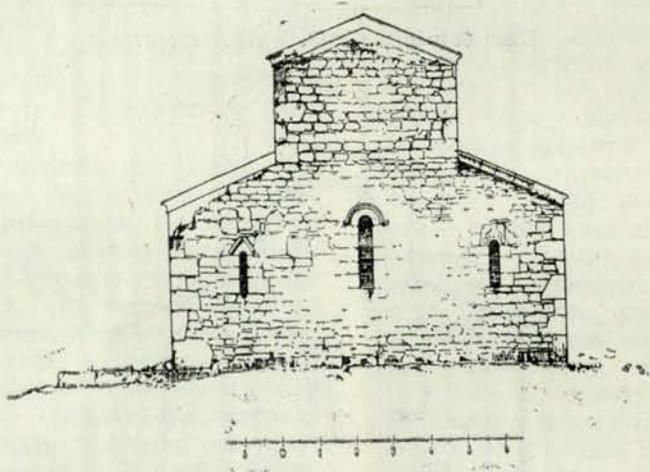
подвижников веры, что под ними устраивают склепы — нужно думать содержащие в се-

Продольный разрез базилики в Жалети (восстановление)

Характерной особенностью, о которой нельзя не упомянуть и в этом заключительном обзоре, является для древних базилик, построен-

ные останки данных святых, т. е. что базилики были возведены над погребенными останками подвижников, частью как мемориальные церк-

Восточный фасад базилики в Жалети

ных преимущественно на местах, освященных деятельностью и погребением высокочтимых

ви, такова несомненно Бодбе² и, вероятно, Некреси, а в Зедазени и Хирса останки святого

¹ В интересах привлечения внимания к ней общест-венности, привожу план и разрезы с условным вос-становлением устоев, от которых ничего не заметно в завалах. Обмер был проведен коллективом сотрудников Института истории грузинского искусства в одну из

экскурсий 6 ноября 1949 г., вычерчен Р. С. Мепиш-ашвили. В восстановлении показано три пары столбов, но вполне возможно, что их было только две пары, т. е. длина арок была примерно равна ширине среднего нефа, как в Куме, Сиони и др.
² Ср. ниже о квадрате Череме (гл. IV).

19367
118-111933

заклучены в раке, или, вернее, только место их положения в храме означено этой надземной ракой¹.

Если, как мы могли видеть, формы, размеры и само отношение к церквям подверглось от эпохи к эпохе радикальному изменению, то в отношении употреблявшихся при возведении элементов мы находим полную устойчивость и тождество. Уже в древнейших Некресской, Шуамтинской и Матанской базиликах мы встречаем коробовые своды и параллельно арки подковообразные и полуциркульные. А также, что особенно знаменательно, купольные своды на квадратном основании при четырех угловых трюпах или наискось положенных перемычках, но без барабана в Матани, Ахмета и Куме. И так это проходит параллельно и в памятниках последующих эпох. Несомненно, этот факт ярко подчеркивает, что запас строительных элементов и навыков был отстоявшийся, старый, с большим прошлым и традицией. Вопрос встал только о применении их к вновь вставшей задаче построения раньше неизвестного христианского храма, в нашем частном случае — базилики. Но где христианский храм, эта ранее неизвестная форма базилики, выдвигала перед зодчим новую и в отношении конструкции задачу, там мы видим его экспериментирующим, прежде чем будет найдено удачное решение. Таковы явления пересечения коробовых сводов в боковых нефках. Но с этим зодчие скоро сравнительно справляются. Обработка оконных и дверных пролетов, равно группировка их, затем отдельные устои-столбы, наконец, карнизы — все это проявления мудрой, отстоявшейся, традиционной культуры.

Такая же уверенность, точность и знание, тысячелетняя, можно сказать, практика, сказыва-

¹ В новейшей литературе поставлен кардинальный вопрос, согласно которому резко различаются по назначению и по характеру обслуживания ранне-христианские храмы для нужд общины, т. е. для регулярного богослужения, и как святилища мучеников. В двух больших исследованиях А. Grabar и J. Lassus (см. ниже, гл. XII) выдвинули и различным образом документировали положение, что церквями для общины являлись базилики, а мартириями — центрально-купольные сооружения. Сообразно этому распределению и само развитие форм ранне-христианской архитектуры имеет разные корни. Это положение нашло некоторый отклик и в отдельных выступлениях двух вышеупомянутых зарубежных научных сессий (ср. выше, стр. 8).

Приведенный выше грузинский материал не поддерживает — притом достаточно определенно — этих положений, установленных на материале коренных районов римской культуры, как Италия, Сирия. Факты ранне-

христианского строительства Грузии, если в некоторых частных явлениях, как естественно, и сходятся с отдельными деталями устанавливаемых новейшими исследованиями в других районах ранне-христианского искусства, то названное кардинальное деление и развитие определенно отвергают. Если погребальная капелла св. Нины, видимо, вполне сходна, напр., с изначальной св. Мартина в Туре, св. Кассия в Бонне, св. Виктора в Ксантене и т. п. (как характеризовано литературными или археологическими данными, ср. Kunsteheronik, 1953 сентябрь, А. Grabar, Martyrium, I, 1946, стр. 52-54, стр. 403, 409 слл., а также Л а с с у с), то с другой стороны, разве что только два центрально-купольных здания ранне-христианского периода в Грузии сохранили указание на то, что они являлись, как впрочем и Некресская малая базилика или Шуамтинская, правда не мартириями, но возможно мемориальными капеллами с погребальными под ними камерами, а именно Черемский квадрат и малая, первоначально купольная, церковь в монастыре Икалто.

Выделка кирпича известна была в Кахетии с древнейшего времени, чему доказательства не только в черепицах кровель древнейших построек, но также и найденные кирпичи на кровле трехцерковной базилики Саввы Карданахского. Так много позже при начале нового кахетинского царства в XV—XVI вв. кирпич вновь входит в употребление.

Если базилики VIII—IX вв. являются рядовыми постройками, то последние из наших базилик, возведенные в эпоху мощного подъе-

христианского строительства Грузии, если в некоторых частных явлениях, как естественно, и сходятся с отдельными деталями устанавливаемых новейшими исследованиями в других районах ранне-христианского искусства, то названное кардинальное деление и развитие определенно отвергают. Если погребальная капелла св. Нины, видимо, вполне сходна, напр., с изначальной св. Мартина в Туре, св. Кассия в Бонне, св. Виктора в Ксантене и т. п. (как характеризовано литературными или археологическими данными, ср. Kunsteheronik, 1953 сентябрь, А. Grabar, Martyrium, I, 1946, стр. 52-54, стр. 403, 409 слл., а также Л а с с у с), то с другой стороны, разве что только два центрально-купольных здания ранне-христианского периода в Грузии сохранили указание на то, что они являлись, как впрочем и Некресская малая базилика или Шуамтинская, правда не мартириями, но возможно мемориальными капеллами с погребальными под ними камерами, а именно Черемский квадрат и малая, первоначально купольная, церковь в монастыре Икалто.

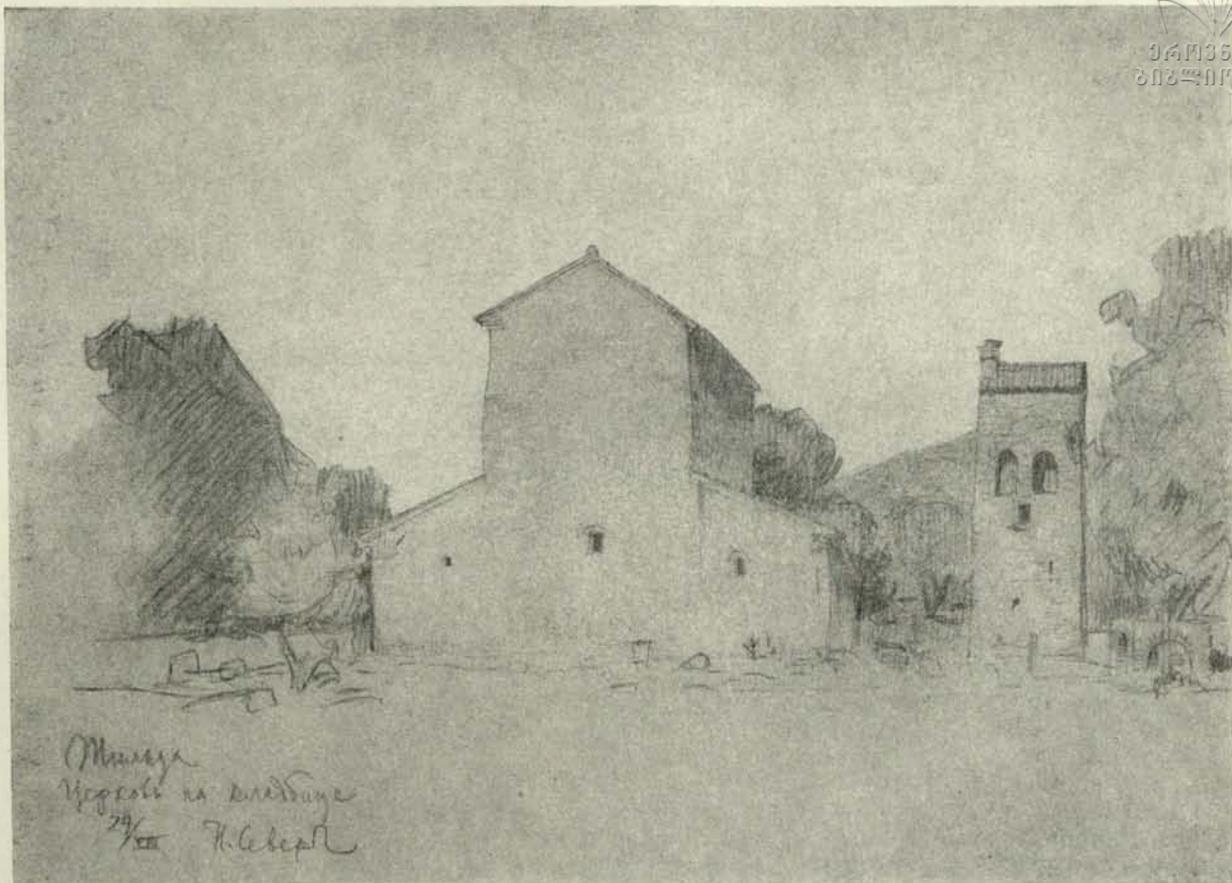

ма — Санагирэ или Жалети — памятники, хотя и применяющие ординарную тему, но развитую согласно требованиям эпохи представительно, и даже с декоративным решением архитектурной композиции. Весь массив здания в Санагирэ выведен из кирпича, но размеры кирпича стали мельче, как в поздних постройках, и они не выдержаны. Так, мы видим, что в критические моменты зодчие прибегают к кирпичу, как вполне регулярному строительному материалу, облегчающему самое построение и дающему строителям больше уверенности.

Также испытанностью веет и от неизменного материала кровельного покрытия храмов

и системы его укрепления. Во все эпохи, с которыми мы уже ближе познакомились в архитектуре Кахетии, кровли покрывались черепицей. Верхний слой ее, состоящий всегда из плоских, продольные швы рядов которых покрывались полукруглыми, прикреплялся к нижним раствором, как и полукруглые к плоским. Под верхним слоем всегда обнаруживается несколько слоев черепиц, густо и тщательно залитых раствором. Такова была кровля построек с VI по XII и далее по XVI в. И это находит подтверждение и аналогию в памятниках остальной Грузии, равно и Армении¹.

¹ Н. Я. Марр. Описание Дворцовой церкви в Ани. Аниские древности, I, СПб. 1916, стр. 20—21 и рис. 9—11.

ШИЛЬДА. Трехцерковная базилика Сиони и башня

Рисунок Н. П. Северова

ГЛАВА III

ТРЕХЦЕРКОВНЫЕ БАЗИЛИКИ КАХЕТИИ

Рассмотрев настоящие базиличного типа церкви Кахетии, мы перейдем теперь к исключительно грузинской вариации на эту тему, названную нами для краткости трехцерковная базилика.

Конструктивно трехцерковная базилика является базиликой, ибо в ней нет деления на три нефа рядами столбов с возвышающимися над ними продольными стенами главного нефа. Но по внешнему облику это — базилика, как и несомненно по своему происхождению этот тип церквей непосредственно примыкает к базилике.

Сущность плана данного типа храма состоит в том, что в одной постройке мы имеем три удлиненные залы — боковые пониже, среднюю более широкую и высокую: на линии столбов здесь имеются сплошные стены с дверями. В каждой зале на востоке имеется абсида, так что в одной постройке мы имеем одновременно три церкви.

Сколько мне известно, этого типа церквей не выявлено в других странах и даже нет их в соседней с Грузией Армении. В Грузии же они

¹ См. Христианский Восток, т. V, Пгт, 1916. Церковь близ сел. Болнис-Каланакчи.

² Он посвятил этому отдельную книгу под заглавием *L'église cloisonnée en Orient et en Occident*, Paris (Légoix) 1941 (89 стр. с 56 илл.)

имеют довольно широкое распространение, как, в частности, и в Кахетии. Как было уже отмечено во введении, описание одной такой церкви было опубликовано мной в предварительном порядке из окрестностей Болнисского Сиона еще в 1916 году¹. Она датируется, частью сравнением с последним, серединой VI века. К этому именно времени и нужно, по-видимому, относить самое создание таких церквей, вызванное к жизни ростом культа — необходимостью совершать несколько раз в сутки церковную службу, при запрете совершать это за одним и тем же престолом. Это требование нашло себе легкое разрешение ввиду того, что базиличный тип был по существу своему чужд и непонятен для грузина-зодчего, и, обратив базилику в церковь изучаемого типа, он, естественно, осмыслил эту форму.

Профессор Сорбоннского университета Юргис Б а л ь т р у ш а й т и с, ознакомившись во время экспедиционных поездок по Грузии (в 30-х годах) с некоторыми из собранных материалов по трехцерковным базиликам Грузии, заметил в них общие черты с некоторыми специфическими явлениями в романской и до-романской архитектуре². Причем, верный своим общим формалистическим установкам, пытается связать эти явления с древними азиатскими тенденциями, указывая, что наиболее полно они оказались в трехцерковных базиликах Грузии.

Привлекаемые им примеры константинопольских древних церквей, других византийских, вновь открытых сирийских, наконец, балканских — не являются трехцерковными базиликами, а содержат в себе только истолкованные автором тенденции данного порядка (не говорю о том, что часть их купольные здания)¹.

Однако, из некоторых попутных замечаний в литературе как будто следует, что кое-где в раннее время встречаются спорадически постройки принципа трехцерковных базилик. Так Г. Миллэ, разбирая греческие базилики восточного типа, пишет, что в церкви св. Николая в Platsa на Балканах «нефы поделены сплошными стенами, имеющими три двери» и прибавляет к этому, что то же самое «без сомнения» характеризует и церковь Панаши в Nomiа². О раскопанной в 1934 году в Паннонии древнейшей базилике (IV века?) в библиографической заметке на венгерскую статью А. Магоси сообщается, что она составлена из трех церквей и «по-видимому, представляет собой новый (для Европы) тип»³. Базилика в Босре и церковь VI века близ Коканауа, пожалуй, являются сирийскими примерами трехцерковной базилики⁴. Наконец, рассматривая приведенные в книге Стриговского планы однефных церквей Диракляра и Егивардской малой церкви, имеющие какие-то невыясненные добавления с одного бока, возникает вопрос, а вдруг при дальнейших разысканиях в них обнаружатся трехцерковные базилики⁵.

Наконец, совсем особо нужно выделить здесь статью крупнейшего итальянского специалиста по памятникам средневековой архитектуры Востока и особенно Египта, Ugo Monneret de Villard, озаглавленную «Церковь грузинского типа на Фиванском некрополе»⁶. Публикуемую им развалину из сырцового кирпича, предположительно не древнее IX—X вв., он ставит непосредственно рядом с грузинскими трехцерковными базиликами, известными ему по двум книгам Бальтрушайтиса и по моей статье о церкви Болнис-Капанакчи. Он подчеркивает, что Бальтрушайтис не вполне продуманно объединяет разнородный материал

(в частности некоторые церкви Тур-Абдина) под этим названием, тогда как грузинские трехцерковные базилики стоят в нем совсем особняком. Моннере-де-Вилляр также подчеркивает, что такая архитектурная форма возникла не в силу каких-либо статических или конструктивных требований, а литургических, т. е. особого назначения помещений. Затем он высказывает соображения о самой последовательности развития форм по опубликованным материалам, которые совпадают с ниже развитой хронологической группировкой памятников и эволюцией форм типа. Намечаемый им ряд: Болнис-Капанакчи — Сагурамский Касури Георгий — Черемский кафедрал — Зегани и, наконец, Уплис-цихе. Правда, он для ранних примеров — Болнис-Капанакчи и Сагурамо — полагает, что южная церковь просто «портик», функционирующий не более как нартекс, открытый наружу; и что то же значение имеет северная церковь (или, как он пишет, «неф»). И только для Уплис-цихе он признает наличие трех церквей с посвящением каждой из них различному *titulus*-у. Чрезвычайно интересно, что Моннере-де-Вилляр считает египетскую трехцерковную базилику в Курнет Мурай совершенно выпадающей по своему архитектурному решению из норм коптских литургических правил и высказывает в связи с этим гипотезу о создании данной церкви в результате возможной эмиграции грузин-монахов, которые и могли бы принести с собой эту архитектурную форму в Египет.

Как действительные базилики, так и подлежащие сейчас рассмотрению трехцерковные базилики строятся в Кахетии в течение ряда веков, опять вплоть до X—XI. В течение этого времени и здесь происходят изменения и смены форм, до известной степени параллельные с таковыми в базиликах. Только исходный пункт здесь несколько иной — строя три церкви, т. е. отвечая названной выше потребности в нескольких службах в течение суток в церкви, что указывает на сравнительную многочисленность прихожан, естественно требовалось создать и сравнительно вместительные по площади храмы, а именно каждый из трех. А это

¹ Я дал критическое рассмотрение этой его книги во II томе *Ars Georgica*, Тб. 1948, стр. 168—173.

² *L'école grecque dans l'architecture byzantine*, Paris 1916, p. 44 et n. 3.

³ *Byzantinische Zeitschrift*, Bd. 35, Leipzig und Berlin 1935, S. 487.

⁴ Н. С. Butler, *Princeton Expedition*, II. А. р. 265—269; и рис. 334—238; он же, *American Expedition to Syria*, t. II, 1903, p. 236—7 и 2 фото.

⁵ *Strzygowski, Die Baukunst der Armenier*, Wien 1918, Abb. 152 и 155, S. 140 и 141, а также, может быть, и в так называемой двойной церкви в Гарни. Ср. еще G. Millet, там же, стр. 38 и 78—79.

⁶ *Una chiesa di tipo georgiano nella necropoli tebana* во втором томе *The Bulletin of the Byzantine Institute* (Coptic Studies in honor of Walter Ewing Crum), Boston 1950, pp. 495—500.

имело последствием тот факт, что все трехцерковные базилики, начиная с самых ранних, имеют сравнительно крупные размеры. Эта черта так и остается присущей всем им. Но, конечно, она не определяется и не может определяться только этим фактом. Напротив, более существенным является то, что данное решение означенного требования есть специально грузинское изобретение и, как тако-

вое, естественно, обладало надлежащими данными для свободного национального творчества, оно предоставляло последнему надлежащую свободу. Таким образом, этого типа церкви сразу же значительно больших размеров и значительно свободнее и представительнее по своей внешности, нежели настоящие базилики древнейшего времени.

1. РАЗВАЛИНА В САБА-ЦМИНДА БЛИЗ КАРДАНАХИ

На расстоянии ста шагов к северо-западу от купольного храма монастыря св. Саввы в Карданахи (Саба-Цминда) и несколько ниже, в ложбинке, расположена едва приметная развалина базилики интересующего нас здесь типа. Нет сомнения, что позднее здесь был монастырь, как увидим ниже при описании купольной церкви в главе VIII. Но и раньше этого здесь, можно думать, был монастырь, как аналогия знаменитой палестинской лавры Саввы Освященного (умер в 532 году), основанной в 483 году. Именно знакомство с ней вызвало скорее всего основание этого Карданахского монастыря еще в VI же веке. Трехцерковная базилика сейчас находится в состоянии полного развала, к тому же она еще на значительную глубину сидит в земле. Кроме того, она сильно покосилась на юг: отклонение равно 9—10 см при высоте 1,70 м.¹

Эта руина состоит из трех нефов, составляющих три самостоятельные церкви, объединенные одна с другой дверьми. Вход же снаружи был один общий через две или три арки с южной стороны, с запада имеется притвор, соединенный дверьми с южной и северной церквами. Над ним в главную церковь открываются хоры. Над северным нефом был еще второй этаж.

Сложена вся постройка из булыжника. Только ряд перемычек из тонких каменных слоистых плит (шифера?), да сохранившиеся impostы из ширими. Кровля, во всяком случае ее нижние слои, сложена была из толстых, очень зернистых, не плотных, рыхлых, кирпичей темнокрасного цвета². Хотя построение всего

здания было задумано одновременно, но возводились отдельные части его одна после другой вприслон³.

После этих общих замечаний, вполне намекающих особенности строения, самое описание, ввиду страшного разрушения его, придется построить по частям, подтверждая в каждом пункте намеченное выше. Прежде всего начнем с фасадов, а затем уже перейдем к описанию внутри каждого из помещений.

Восточный фасад (табл. 71-а). Средний неф с восточной стороны даже и сейчас, несмотря на сильное углубление в землю, высокий. Все наружные камни его опали. В центре громадный пролом (вероятно, на месте окна), через который легко входил в церковь. Южный и северный нефы были возведены вприслон к среднему, от которого сейчас отщепились. Внешние камни кладки сохранились, так что наружные поверхности их намного впереди поверхности главной церкви.— Южная церковь сохранилась с востока от самой кровли, которая положена со скатом на юг. От алтарного окна снаружи заметен только верх (плоская перемичка из сплошного булыжного камня), на 5 см выше уровня земли.— Северный неф в нижнем этаже имеет алтарное окно тоже только частью незакрытое землей и оно имеет плоское перекрытие булыжным камнем. На высоте верхнего края кровли южной церкви горизонтальная линия делит кладку северной церкви, показывая и сейчас еще, где она была сперва кончена, чтобы затем приступить к постройке второго этажа. Второй этаж, по-видимому, открывался на восток широким в 82 см

¹ Осмотрена 10.VIII.1920 г. и 30.X.1922 г. Планы и разрез дают схемы взаимоотношения по основным цифрам, взятым мной, но без детальной фиксации частей; вычерчены Р. М. Эристави. Мелкие добавления сделаны при посещении 23.XII.1933 г.

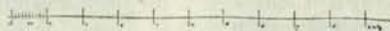
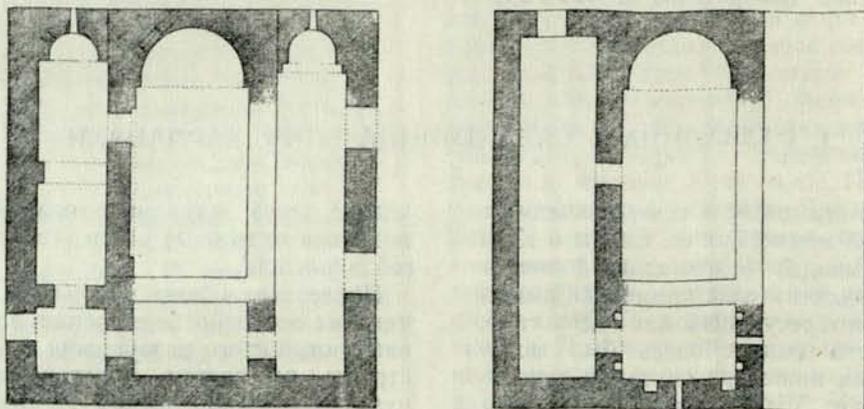
² Образец с угла крыши с северной стороны при обходе доставлен был в Кабинет истории искусства Тбилисского университета.

³ Швы этих частей нанесены на плане.

пролетом, начинавшимся внизу на одном уровне с полом второго этажа. Сужу по тому, что эти 82 см среднего пространства составляют специальный блок бетонной кладки, который виден снаружи и внутри, т. е. он заложил, заполнил такой проем целиком.

Хотя почва по восточному фасаду несколько опускается с севера на юг, все-таки от окна

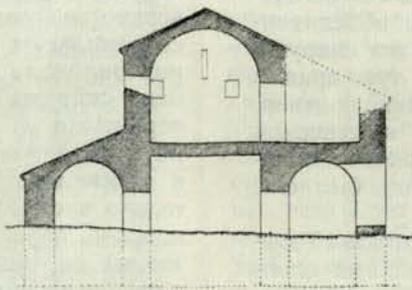
ее. Ни в нижнем, ни в верхнем этажах окон на север не было. Довольно широкое отверстие находится в самой западной части из нижнего этажа. Перемычка его также плоская, тонкая и сплошная каменная плита (табл. 72-а). Над этим отверстием другое на втором этаже, вероятно, той же ширины что и нижнее, судя по имеющейся западной притолоке на одной вер-

Основной план и план по хорам

южной церкви видно меньше, чем от окна северной. Это нужно пояснить не столько отклонением всей постройки на юг, сколько тем, что окно южной церкви пробито ниже окна северной.

тикали. От северной стены средней главной церкви сохранились крайне восточная и западная части. Восточная имеет карниз из выпущенного непрерывного ряда булыжника. Западная часть ясно показывает способ клад-

Поперечный разрез

Северный фасад. Он также глубоко сидит в земле, именно глубже всего — северо-западный угол, от которого к востоку идет понижение уровня. — На фасаде северной церкви — линия разделения верхнего этажа от нижнего так же ясна, как и с востока, продолжая

ки: главную церковь довели постройкой с востока на запад самостоятельно до линии вертикальной границы хор (это подтверждается и внутри церкви), а потом вывели вприслон к ней всю западную часть — притвор и хоры. Северный же неф, возможно, выведен сразу

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნული ბიბლიოთეკა

весь в этой части; во всяком случае нижний этаж его, стена которого сохранилась здесь.

Южный фасад. Слегка виден только верх стены бокового нефа и цементировка большей части его кровли. В корнях растущего здесь дерева зажат обломок кирпича, т. е. остаток кровли, как и на крыше главного нефа. В восточной части стены сохранились и наружные булыжники (чего нет в западной), а в центре сквозные дыры в стенах¹. От главного нефа сохранилась только западная часть стены, именно соответствующая хорам, в которой небольшой оконный проем с плоской перемычкой из булыжной кладки, т. е. удержалась вся особо выведенная западная часть церкви.

Западный фасад (табл. 71-b). Возвышающаяся над землей часть его сохранилась хорошо. Разрушена частью только стенка второго этажа над северной церковью. В центре главного нефа вверху маленькое оконное отверстие с плоской булыжной перемычкой. Западный фасад больше других сидит в земле, ибо ущелье открывается именно с запада на восток.

Во втором этаже северного нефа большое проломанное отверстие, быть может, на месте окна.

Главная церковь внутри. Сохранились часть абсиды, часть северной стены и вся западная часть церкви. По-видимому, абсида в плане меньше (sic) полукруга. Алтарное окно должно приходиться на месте нынешней пробоины в стене. В северной стене абсиды глубокая ниша; задняя стенка ее в одной плоскости со стеной под большой аркой северной стены (см. ниже). Ниша на высоте 20 см. от земли; сама она 75 см. высоты и имеет полукруглый верх.—Коробовый свод нефа не опирался на пилястры, если даже и имел подпружные арки. Это ясно из отделки сохранившейся северной стены: от абсиды до пилястры при хорах северная стена вся имеет слабый уступ под одной аркой (табл. 73-a). В центре этого очерченного аркой поля из второго этажа было широкое отверстие, начинающееся на высоте пола второго этажа². Эта арка опиралась на импосты, из которых сохранился западный, он из желтоватого ноздреватого ширими, сильно выветрившегося; форма его образована двумя под углом пересекающимися плоскостями. В пределах этой арки, но близ абсиды, т. е. не в центре арки, имеется дверь в северную церковь,

с плоской перемычной плитой, а поверх последней с заполненной арочкой, но не сплошной, ибо в северной церкви ее не имеется (табл. 73-a). Западнее двери (заложенной) — большая бесформенная пробоина.—Южной стены в главной церкви не сохранилось вовсе: пристроенные вприслон к ней надсводные части южной церкви, опиравшиеся на общую с главной церковью стенку, т. е. имевшую для укрепления пят свода уступ, обнажены и висят в воздухе (ср. табл. 73-b и 74-a). Сохранилась, как сказано, западная часть — притвор и хоры над ним. Как отделялся или соединялся с главной церковью притвор — определить нельзя, ибо обе стенки, и церкви, и притвора, сложенные вприслон, развалились. Что стенка была — это не подлежит сомнению, неизвестно только были ли и где двери (табл. 72-b).—Хоры также не ясно, как отделялись от церкви. Но, судя по тому, что пилястра была только в конце церкви, перед хорами, на хорах же таковой нет, позволительно полагать, что хоры открывались в главную церковь сплошной аркой. Хоры перекрыты коробовым сводом, вероятнее всего на общей высоте с главной церковью. Пяты свода начинаются от пола на высоте 1,74 м. На запад и на юг хоры имели по маленькому окну с плоской из булыжника перемычкой. С севера вела входная на хоры дверь с плоской перемычной плитой (ср. табл. 72-a). В северной и южной стенах, при начале свода хор, имеется по два маленьких гнезда для укрепления палубы бетонного литого свода; а в западной стене на высоте 1,29 м. от пола две больших размеров ниши (табл. 72-b) и в южной, восточнее окна одна ниша.

Южная церковь. На востоке имеется алтарная абсида с конхой, у которой двойные арки (табл. 73-b). Первая из них подковообразной формы. Алтарное окно, установленное по фасаду, здесь не видно, ибо вся церковь с абсидой завалена землей почти до верху. В южной части конхи маленькая нишка. Свод сплошной, литой, бетонный во всей церкви (табл. 73-b), без подпружных арок, коробовый, доходит до самой западной стенки. Северной стены не сохранилось, как отмечено, уже все, кроме как в западной части, соответствующей западному притвору. В ней имеется на север дверь в этот притвор с арочным верхом и западающей пятой. В южной же стене над землей видны две заложенные арки, из которых в западной средняя часть заполнения оста-

¹ В декабре 1933 г. и в восточной части наружные булыжники сохранились только в нижних трех рядах.

² На табл. 73-a в этом месте поднимается ствол дерева.

валась как маленькое окно незаполненную. Несомненно, что это люнеты, над первоначальными входными дверьми в церковь (табл. 73-b). Вполне возможно, что между ними был третий пролет арки в том месте, где бесформенно вырвана стена, т. е. здесь имеется три открытых арочных пролета на столбах, как это нередко встречается в базиличных церквях Кахетии. По сторонам западного люнета и выше него в начале свода, а равно в восточной части южной церкви в ее конхе имеются также маленькие отверстия — все с прямым верхом. Они уже в плоскости свода, на его границе. Но, очевидно, это тоже гнезда, ибо повторяются систематически и в северном и в западном нефках. Ныне некоторые из этих отверстий сквозные, так как стена в значительной части развалилась.

Часть главной церкви, как сказано, сложена была в своей западной части, соответствующей притвору, особо, самостоятельно от остальной церкви.

Западный притвор. Это небольшой коридор, соединяющий южную и северную церкви. Из той и другой в нее открываются двери с арочным верхом (табл. 74-a), хотя полуциркульным, но более широким в основании, чем пролет двери (с западной пятый). Свод коробовый по длине притвора, в нем на запад в основании свода, в его плоскости уже, гнезда для палубы, т. е. как и в южной церкви. Восточная стена его почти вся развалилась и ее глыбы лежат в притворе и в главной церкви. Почва здесь, как и в северной церкви, ниже, чем в других частях храма.

Северная церковь. На восток, как в южной церкви, — маленькая абсида (табл. 74-b). Арка при конхе одна, она опирается на импосты из желтого ноздреватого ширими той же формы, что и в главной церкви. Алтарное окно с плоским булыжным верхом заходит верхней частью в конху абсиды. С северной стороны нишка. — Северная церковь также перекрыта коробовым сводом. Свод и здесь сохранил гнезда от палубы, как в южной церкви, и в западном проходе в плоскости свода у его основания. Он литой, бетонный, с легким изломом, как и конха северной церкви. В середине его приблизительно сохранилась у северной стены пилястра с подпружной аркой на нем. Это есть граница одновременного выведения восточной части северной церкви, что видно и снаружи. Западная часть, начиная отсюда, выведена особо. Наличие пилястры, думается, объясняет, почему стены западной части идут не в той же

плоскости, как стены восточной: здесь на переходе какая-то неровность стен. Северная церковь короче южной, ибо северо-западный квадрат отделен стенкой, приблизительно на общей линии с границей хор главной церкви. Но стенка эта не общая с восточной стеной прохода, а просто встроенная в готовое уже помещение северной церкви с оставлением широкой двери, имеющей плоскую перемычку из плиты камня.

Северо-западный квадрат, образованный стенками с дверьми, создан, очевидно, для обособления хода на хоры: на высоте 78 см ниже перемычки двери в северный неф начинается проем на север, который кончается уже в своде; высота его 1,82 м. Проем широкий с плоской из каменной плиты перемычкой. Вероятно, снаружи к нему примыкала лестница в верхнее отверстие на второй этаж северного нефа. В пределах этого квадрата также сохранилось гнездо от палубы.

Так как подоконник алтарного окна северной церкви находится на высоте в 72 см от нынешнего уровня земли в ней, а низ нишки в абсиде на высоте 40 см, капитель же арки на высоте 1,11 м, то естественно предположить, что неф этот завален минимум на 60—70 см еще. Тогда можно получить приблизительные пропорции высоты.

Верхний этаж северного нефа. Он был не очень высок; перекрытие имел, судя по остаткам, сводчатое. Оно опиралось на северную стену и на перекинутые по длине помещения при ее южной стене арки на приложенных к стене главной церкви пилястрах (табл. 72-a)¹. Кровля не являлась продолжением северного ската кровли главной церкви, а начиналась несколько ниже ее края, ибо на северной стене главной церкви сохранился здесь карниз. Восточная часть не имеет абсиды, а заканчивается прямоугольно с довольно широким, ныне сплошь заложённым (см. выше) проемом, начинающимся с самого пола. Другой проем имеется в центре южной стены также с самого пола и ведет в главный храм (см. выше). В западной части южной стены большая дверь на хоры, широкая с плоской перемычкой из каменной плиты. Перемычка эта вместе с тем приходится немного ниже пяты коробового свода хор и, нужно думать, также северного нефа. Напротив этой двери в север-

¹ Единственная арка на пилястрах по северной стене главной церкви на северных хорах в декабре 1933 г. стояла развалившейся надвое.

ной стене входная во второй этаж дверь снаружи, к которой, однако, как сказано, не сохранилось подхода. Других проемов на север,

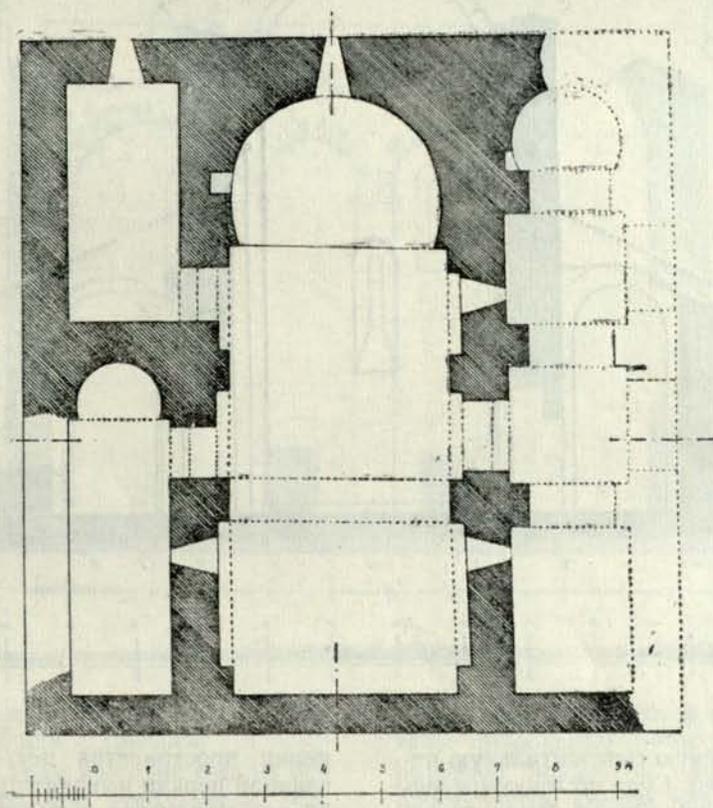
видимо, не было. Было ли окно на запад — сказать ныне нельзя, ибо в центре стены сейчас большое неровное отверстие (см. выше).

2. ЦЕРКОВЬ ФЕОДОРА В РУИСПИРИ

Церковь св. Феодора (с подвижным праздником, который справлялся в феврале или марте месяце) расположена в конце селения, если ехать из Телави в Алаверди (через Икалто и Когото). Это по общему впечатлению мастерская постройка, как и Кондамиани¹.

всем данным был один только общий вход с юга; для попадания же в главную и в северную церковь нужно было пройти через южную и главную церковь.

По плану это — сообщающиеся одна с другой и доступные только одна через другую три

П л а н

По плану она имеет выделенную слева от главного алтаря для жертвенника комнату. По

¹ Предварительно и бегло осматривал ее и наметил к исследованию в ноябре 1922 г. и феврале 1923 г., когда церковь называли Квира-Цховели. Но только 30.IX.1933 г. удалось ее обследовать с обмером (арх. Ци л о с а н и) и фотографированием.

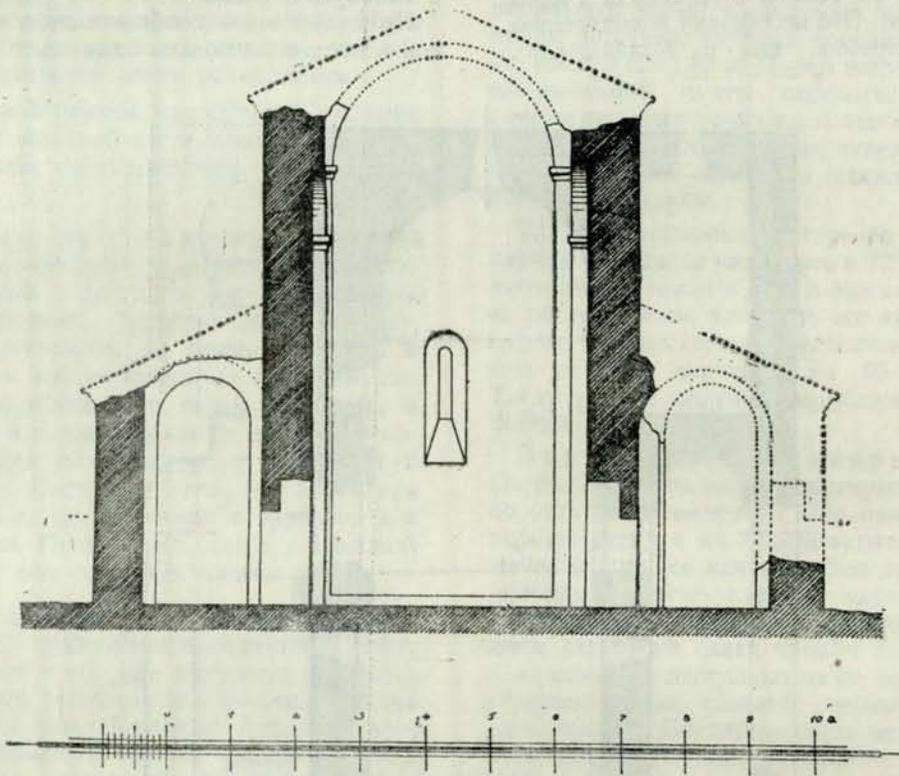
церкви. Сохранилась лишь главная церковь, но и в ней нет свода, кроме начала конхи. Конек западной стены сохранился тоже не на полную высоту. От боковых частей остались только обрывки, позволяющие, однако, создать почти полное восстановление форм. Кладка тщательная, ровными рядами из крупных бу-

лыжников. Импосты сделаны из ширими — над пилястрами, на углах абсиды и консоль единственной подпружной арки (табл. 77-а).

Главная церковь является высоким, стройным пространством с четкими, ясными формами. Оно было хорошо освещено: алтарное и по два окна в продольных стенах — достаточно больших (табл. 75-а, 76-б и 77-а). По каждой продольной стене внутри по три глухих арки, из которых западные много шире других. Пилястры четкие, стройные. Арки превосходно сложены из булыжника. Равно и арочные пролеты дверей из боковых церквей. Дверь же в

наличие или отсутствие окна; также слишком мал кусок стены при среднем пилястре наружной стены, чтобы уверенно реконструировать внешнюю стену (одна входная дверь и окна или два арочных пролета?). Начало свода и западание стен главной церкви выше кровли боковой говорит об одновременности и связанности возведения всего здания. Над дверью в главную церковь сплошная плита из зеленоватого песчаника (сантиметров 15 толщиной).

Северная церковь небольших размеров — вдвое короче южной (табл. 75-б и 76-б). Той же высоты, но уже, чем южная. Никакого чле-

Поперечный разрез

жертвенник имеет плоскую горизонтальную перемычку из целой балки. Судя по многочисленным остаткам, все стены внутри были гладко оштукатурены — частью видны несколько слоев штукатурки, а в одном месте с насечками, как бывает для слоя с росписью.

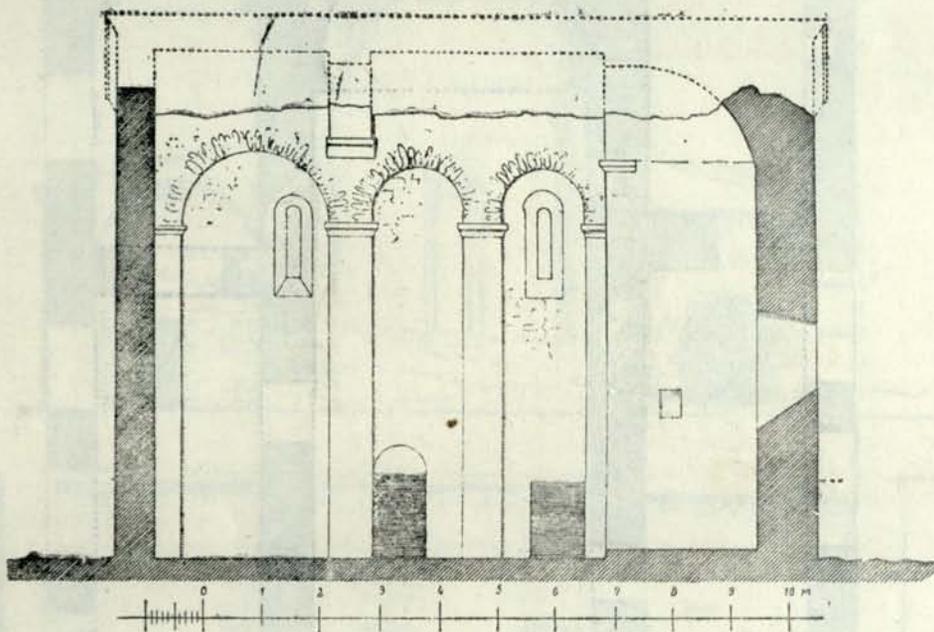
Южная церковь шла также на всю длину здания, она была узкая и невысокая (табл. 75-а и 76-а). Впечатление коридора парализовано членением тремя парами пилястр с подпружными арками на них. От абсиды сохранился небольшой кусок, не позволяющий утверждать

наения пространства нет, конечно. Дверь из главной церкви выводит прямо на угол абсиды. Абсида маленькая, невысокая с небольшой повышением арки. Пята была из ширими, ныне наружная часть отколота. От северной стены ничего не сохранилось (так что не исключена — теоретически — возможность наружного входа, а не только окна). С запада ни окна, ни двери. Начало свода, единовременного и связанного со всей постройкой, налицо; он из мелкого булыжника сплошным коробом в густой заливке.

Жертвенник главной церкви выделен в особое помещение, заполняющее восточную половину северного нефа. Помещение длинное и узкое, прямоугольное; восточная стена тоже прямая. Свод коробовый, сплошной. Сохранились значительные части и восточной и северной стен, сверх южной и западной. Сложены из крупных камней ровными рядами (табл. 76-b). Дверь из главной церкви имеет горизонтальную балку (табл. 77-a), а в помещении жертвенника — арка; дверь в целом ниже остальных двух дверей. Освещался жертвенник одним восточным окном, сидевшим низко (примерно на 95 см от

можно двойное — гладкие стены с парой окон вверху, а внизу различное — или с юга вход и окно, как равно окно с севера, или же арочные пролеты-входы — два с юга и один с севера.

В целом, как уже отмечено, постройка выведена, исполнена и скомпонована блестяще в ограниченных пределах еще неразвитой формы. По плану ближайше связывается с начальными этапами типа, известными по Квемо-Болниси (ныне Болнис-Капанакчи) и другим, где нет входа с западной стороны. Правда, это несомненно определенный художественный расчет архитектора, ибо он даже не дает ни одного

Продольный разрез

уровня пола расположен подоконник), высота же окна примерно общая с другими.

По внешнему виду храм возведен был из булыжника ровными рядами (табл. 75 и 76). Стены гладкие. По восточному фасаду, полагаю, только два окна, как в Кондамиани, в Сагурамо (хотя из-за разрушенности южной части — доказать это нельзя). Вероятно, среднее окно имело обрамление из плит ширими. По западному фасаду ни проемов, ни членений — совершенно гладкая, глухая стена. Возможно, что углы имели отдельные квадраты ширими, как в местах примыкания кровель боковых нефов. Восстановление продольных фасадов воз-

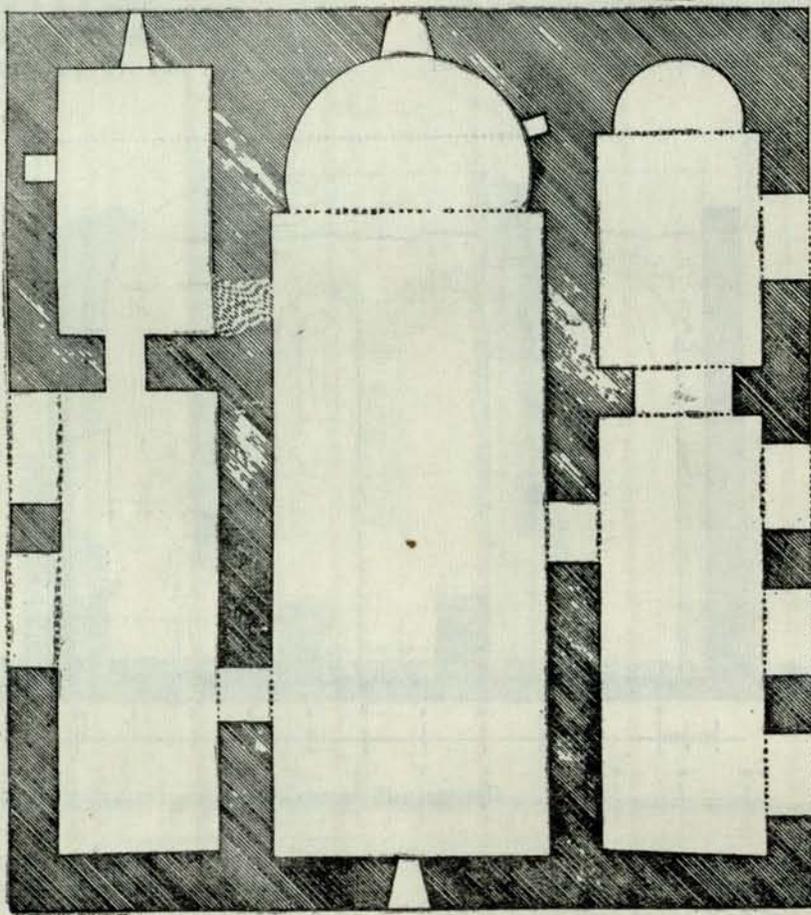
можно и выразительно обработаны продольные стены главной церкви декоративной аркатурой внутри; умело членено пространство южной церкви; для подчеркивания глубины обе абсиды получили подковообразную в плане форму. Все линии пят арок подчеркнуты импостами. Тот же сознательный подход простоты, строгости, выразительности достигается архитектором также в применении и использовании строительного материала. Поэтому, естественно встает вопрос, не было ли по южному фасаду двойной входной арки так же, как этот мотив встречается в Сагурамском «Касури» и более развитым в Кондамиани.

3. ЦЕРКОВЬ КОНДАМИАНИ ВЫШЕ КИСИСХЕВИ

В лесу за деревней Кисисхеви, примерно в расстоянии 6—8 км от нее, находится довольно большой пещерный монастырь, расположенный в самом верху обрыва левого берега реки Кисисхеви. Здесь, со средней высоты обрыва, где на некоторой естественной площадке-уступе находится церковь монастыря Козьмы и Да-

шой водоем, оштукатуренный внутри. Церковь сохранила обрывки низкой, древней каменной ограды. С южной стороны вся площадь выравнена подпорной стенкой¹.

Церковь монастыря Кондамиани является трехцерковной базиликой простого типа, где опять три церкви просто нанизаны в ряд, одна

План

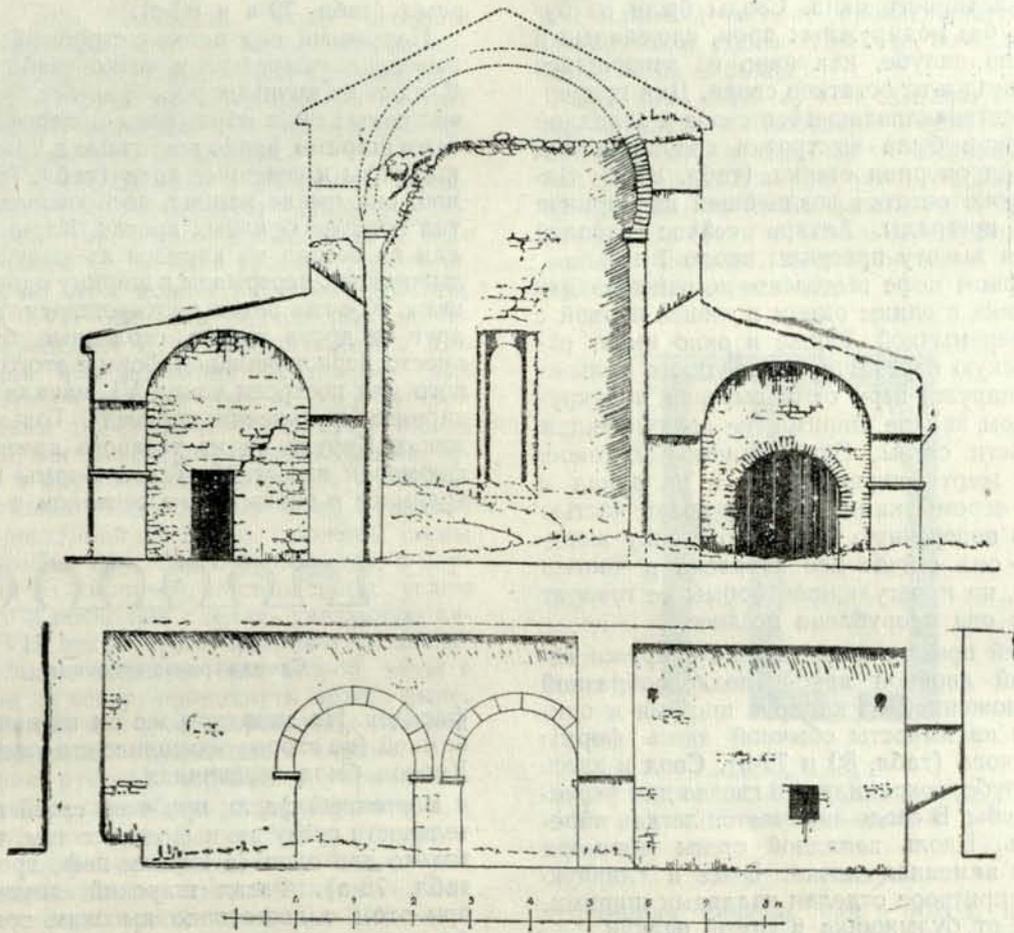
миана («Кондамиани» — праздник 1-го июля), насчитывается до 30 пещер. На юго-запад в нескольких шагах от церкви видны остатки строений, а с южной, около самой церкви, боль-

¹ Осмотрена 13.XI.1922 г., 24.VIII и 15.XII.1933 г. Обмер выполнен Л. Д. Рчеулишвили.

подле другой. Но в то же время, как и в Руиспири, она выполнена с ясным художественным пониманием и подъемом, с дальнейшим развитием форм. Наряду с другими ранними примерами — входы имеются только с юга, и здесь еще и с севера, с запада же их попрежнему

нет. В отличие от Карданахской церкви, но также как в Сагурамской и Руиспирской, здесь для главной церкви выделено в северном нефе небольшое помещение в качестве жертвенника, куда дверь ведет из северного нефа. Дверь же непосредственно из главной церкви, несомненно, прорублена позднее. Она неровная, частью заходит в толщу поперечной стены комнаты.

Главная церковь высокая и просторная. Абсида — подковообразной формы в плане, внешняя же арка, судя по ее остатку, полуциркулярная, или недостаточно прононсированная подкова. Углы абсиды отделаны желтоватым ширими (табл. 81-а). Освещена была главная церковь хорошо — большое алтарное окно и западное, а равно по два окна на юг и на север. Окна

Поперечный разрез и разрез по северной церкви

До известной степени по аналогии с этим помещением и в южном нефе алтарь придела как бы выделен.

Церковь сложена вся из булыжников, подобранных, крупного формата, более или менее регулярной формы, как увидим ниже в Зегани, Гурджаани и др. Углы же здания, обрамления окон и дверей, импосты и некоторые арки сложены из желтоватого ширими. Вся эта кладка выполнена четко, с видимой любовью.

эти, кроме западного, имеют изнутри, судя по сохранившемуся одному южному и одному северному плоские перемычки из булыжника. Снаружи южные и северные окна имели плоские же из булыжника верха, ныне выпавшие, но по гнездам эта форма несомненна. Восточное же окно имеет снаружи форму арки, вырезанной из плиты ширими. Только западное окно полуциркулярное и изнутри и снаружи, и арки его сложены из булыжника (табл. 78).

Двери из главной церкви в боковые, на юг и на север,— высокие с арочным верхом, а прорубленная позднее в жертвенник — низкая с плоской перемычкой (не ясна изнутри главной церкви). Люнет северной двери позднее был заложен.

Свод главной церкви ныне обрушился, как и часть свода конхи. Он завалил абсиду, где, таким образом, можно непосредственно встать в пролет алтарного окна. Своды были из булыжника, без подпружных арок, сложенные и залитые по палубе, как явно из имеющихся для нее гнезд и из остатков свода. Для поддержания восстанавливавшегося свода в западной части церкви была выстроена сплошная под самый свод опорная стенка (табл. 81-b). Заметны также остатки позднейшей из кирпича алтарной преграды. Алтарь сейчас завален камнем на высоту преграды около 1 м.

В северном нефе выделено помещение для жертвенника с одним окном и нишей-полкой с плоской перемычкой. Также и окно имеет изнутри плоскую перемычку из крупного булыжника; а снаружи верх окна вырезан полукругом в одном квадре ширими, не выступающем из плоскости стены. Окно длинное и узкое. Двери из жертвенника на юг и на запад с плоскими перемычками. Южная дверь частью входила в поперечную западную стенку жертвенника — она сейчас вся завалена и частью попорчена, но иррегулярные формы ее говорят о том, что она прорублена позднее.

Северный притвор открывается снаружи великолепной двойной аркой подковообразной формы, сложенной из квадров ширими и опирающейся на импосты обычной здесь формы прямого скоса (табл. 80 и 79-b). Свод и здесь лит по палубе; сохранились и гнезда для укрепления палубы. В своде намечается легкая яйцеобразность. Вдоль западной стены притвора невысокая каменная лавка. Вход в главную церковь в притворе отделан квадрями ширими, в отличие от булыжника в самой церкви.

Южная церковь состоит из небольшого отрезка с абсидой, но без восточного окна¹. С юга открывается арка на импостах в прямой скос из ширими; она сохранила позднейшую закладку на сужение (табл. 80-c). На запад этот восточный компартимент открывается широкой аркой, позднее суженной; пята ее под

прямой скос. Обе арки из этой части имеют слегка яйцевидную форму. Свод и арка конхи яйцеобразной формы, причем свод литой; есть гнезда от палубы. Под этим помещением находится склеп, ныне вскрытый².

Притвор южного нефа открывается с юга не двумя, а тремя арками подковообразной формы, сложенными из булыжника: арки меньше, чем с севера. Импосты под прямой скос из ширими (табл. 79-a и 80-c).

Наружный вид церкви стройный; постройка выведена тщательно и четко (табл. 78 и 79). Кладка из крупных подобранных булыжников; восточные окна обрамлены ноздреватыми плитами ширими, равно восточные и нижние западные углы и северные арки (табл. 78-a). Наконец, она имела карниз, воспроизводивший мотив подковообразных арок. Карниз этот сделан из бетона на каркасе из выпущенных булыжников с перерывом в ширину одного булыжника. Кое-где бетон пооткрошился, и в отрыве друг от друга торчат оголенные булыжники, вместо первоначальной формы этого характерного для построек конца VI, начала VII веков карниза грузинских церквей³. Только в памятниках Картли он из тесаного камня, а здесь формован известкой. Такой формы карниз сохранился в обрывках на северном и восточном

Схема карниза арочками

фасадах. На западном же он из напуска ряда камней (во второе посещение его уже не было). Кровля была черепичная.

Восточный фасад при всей своей представительности сразу же выделяется тем, что на нем только два окна (в южном нефе третьего нет: табл. 78-a). Фасад широкий, внушительный, при этом с достаточно высоким средним нефом.

С северной и южной стороны церковь несколько занесена землей, так что северные арки завалены примерно на один метр (табл. 79)⁴. Тем не менее именно продольные фасады — северный и южный — придают парадность внешнему облику этой базилики: мотив свободных,

² На своде этого алтарного помещения сохранились слабые следы краски по штукатурке — видимо, остатки когда-то бывшей росписи.

³ Таковы Джвари, Ркони, Самцебриси и др.

⁴ Южная церковь также завалена при входе не менее чем на 1/2 метра (ср. табл. 79-a).

¹ Вот почему в более элементарной Руиспирской церкви я также считаю более вероятным отсутствие в южной церкви алтарного окна, тем более, что такое же решение имеем в Сагурамской церкви «Касури Георгия».

просторных, четко выведенных арочных пролетов украшает эти простые формы — по северному фасаду в центре двойная арка на квадратном устое, а по южному четыре арки, не

совсем еще объединенные художественно. По западному фасаду приятные пропорции здания с хорошо взвешенными размерами и удачно помещенным одним окном.

4. ТРЕХЦЕРКОВНАЯ БАЗИЛИКА В ВЕЛИСЦИХЕ

Посреди сел. Велисцихе, около остатков дворцовой развалины, стоит сильно переделанная и сильно фрагментированная древняя церковь, которая была приспособлена к службе при царизме. В эволюционном разрезе она интересна несколькими деталями¹.

Церковь Квела-Цминда в Велисцихе представляла собой трехцерковную базилику с обходом с трех сторон. Это — развалина в значительной своей части была таковой уже очень давно, как об этом можно заключить из того, что еще в XVII веке она подверглась значительной переделке, т. е. приспособлению для нового вида использования. А именно: над сводом главной церкви вывели еще второй этаж с одним значительных размеров окном с запада и многочисленными небольшими отверстиями в других стенах. Попасты в это помещение можно было только через западное окно по приставной лестнице. Сложены стены этой надстройки из мелкого булыжника, а карниз сделан из кирпичей, поставленных углом вперед, что и позволяет сделать указанную датировку XVII веком. Над северным рукавом-обходом также возведен был второй этаж с рядом окон на север: проникнуть можно было, видимо, так же, как и во второй этаж главной церкви. Материал — булыжник и кирпич.

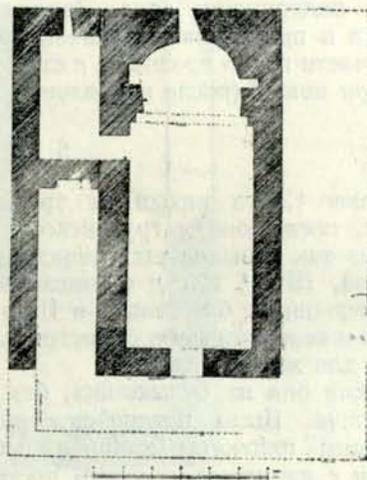
Затем, при русском церковном управлении вся главная церковь была оштукатурена, а в одном месте — на южной стене, близ алтаря — покрыта и росписью. Кроме того, был иконостас с писанными на полотне иконами. Все это, видимо, еще первой половины XIX века. Теперь все ободрано и поломано, а церковь дала сильные трещины.

От второго этажа северного обхода торчат только части северной стены. Над главной же церковью второй этаж стоит с перекрытием и, видимо, мало пострадал.

От западной и южной части обхода сохранились кое-где обрывки свода при стене глав-

ной церкви и частично прослеживаются в земле наружные стены. С запада, по-видимому, не было входа в обход².

Древняя церковь, как сказано, трехцерковная базилика, посвященная богородице с праздником на второй день пасхи. Церковь выведена вся из булыжника. Для углов выбраны особенно крупные по своим размерам и правильные по форме. Но и в остальном булыжники довольно большие, подобранные и сложенные правильными рядами.

План

Главная церковь, как и обход, несомненно сидят сейчас метра на 1½—2 в земле, если смотреть снаружи. Земляной пол в церкви ниже уровня земли снаружи постройки. Сохранились обрывки древнего карниза — торчащие камни (ср. Кондамиани).

Главная церковь была достаточно просторная и, вероятно, высокая. Имеются в ней по одному окну с востока и запада и два с юга. Последние, возможно, изначальные, хотя по притолокам отделаны при починке. На южных окнах горизонтальные перемычки, а два других имеют полукруглый верх. Западное окно

¹ Обследован 19.IX.1933 г., когда сделан обмер плана с данными для восстановления, вычерченный арх. Н. Г. Чубинашвили.

² Ср. с западным обходом в Ахмета

тоже большое, как и оба южных, но оно расположено не по оси фасада и приходится не ровно над дверью, которую впрочем одновременно с окном можно было видеть только внутри.

Свод в главной церкви правильный, коробовый. При абсиде двойной уступ арки, из них наружная имеет (в северной части) при теперешней оштукатурке ясную тенденцию к подковообразности. Точно так же и абсида в своей северной части имеет ясно различимую в плане подковообразную форму. Приабсидные уступы (под арки) внизу испорчены, частью вырезаны.

При алтаре был жертвенник, выделенный в восточной части северного обхода, с дверью за углом абсиды. Однако, сейчас из главной церкви этой двери совсем не видно: она, вероятно, приходится под землей. Виден только верх ее с горизонтальной перемычкой внутри этого помещения — в глубине двери видна каменная закладка проема.

При западной стене главной церкви имеется широкая подпружная арка. Западная дверь вложена в притолоках кирпичем, а проем в верхней части грубо проломан в стене, т. е. высота двери новая (после поновления XVII в.).

5. ЦЕРКОВЬ СВ. ШИО В САБУЭ

В деревне Сабуэ находится трехцерковная базилика, посвященная грузинскому святому, одному из так называемых тринадцати сирийских отцов, Шио¹. Как и в описанных только что трехцерковных базиликах, в Шио в Сабуэ выделено в северном нефе самостоятельное помещение для жертвенника.

Построена она из булыжника, без применения кирпича. Было позднее поновление квадратными плитками кирпича небольшого калибра и с карнизом из угла поставленных кирпичей. В настоящее время значительные части здания разрушились (ср. табл. 82 и 83).

Главная церковь имеет алтарную абсиду подковообразной в плане формы. Арка конхи также была ярко выраженной подковообразной формы (табл. 83-b). Позднее вся конха починена кирпичной кладкой и сделана более плоской. У пят арки выпущены плоские камни полочкой. Алтарное окно изнутри имеет плоское перекрытие, а снаружи была арка из ширми.

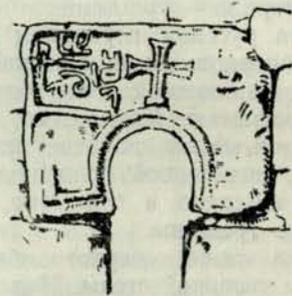
Снаружи же прощупываются, по-видимому, древние притолоки более широкой двери, однако утверждать это уверенно не могу. Может быть, зондаж внутри разъяснил бы этот вопрос.

От двух боковых церквей, находившихся в обходе, уцелела все-таки северная, что очень благоприятно. Здесь выделен жертвенник с дверью только из главной церкви и с одним окном с востока. Остальной отрезок северной церкви имеет прямую восточную внутри стену, в которой сделана ниша в форме окна и с четкой подковой арки (табл. 77-b). Очевидно, ниша служила вместо абсиды алтаря для службы.

Свод коробовый, но неполный: именно при стене главной церкви срезан раньше, т. е. размах свода больше, чем ширина обхода. Он — литой по палубе; опирался при стене главной церкви на утолщение ее, которое против верхней части стены выступает в разных местах от 14 до 22 и 27 см.

Своды трех частей обхода, вероятно, пересеклись распалубкой, ибо арки в северной церкви на этом месте не сохранилось.

Позднее северная половина окна была заложена кирпичем (табл. 82-a). Свод в помещении был коробовый, сплошной, без подпружных арок. Освещалась главная церковь двумя окнами на юг с плоским верхом (табл. 82-b). Снаружи на более восточном сохранилась декоративная арка, украшенная крестом с раз-

водами и отдельными буквами, вырезанными в цельной плите (табл. 83-a)². Двери входные в главную церковь имеются с юга и с запада, у

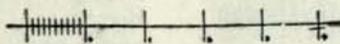
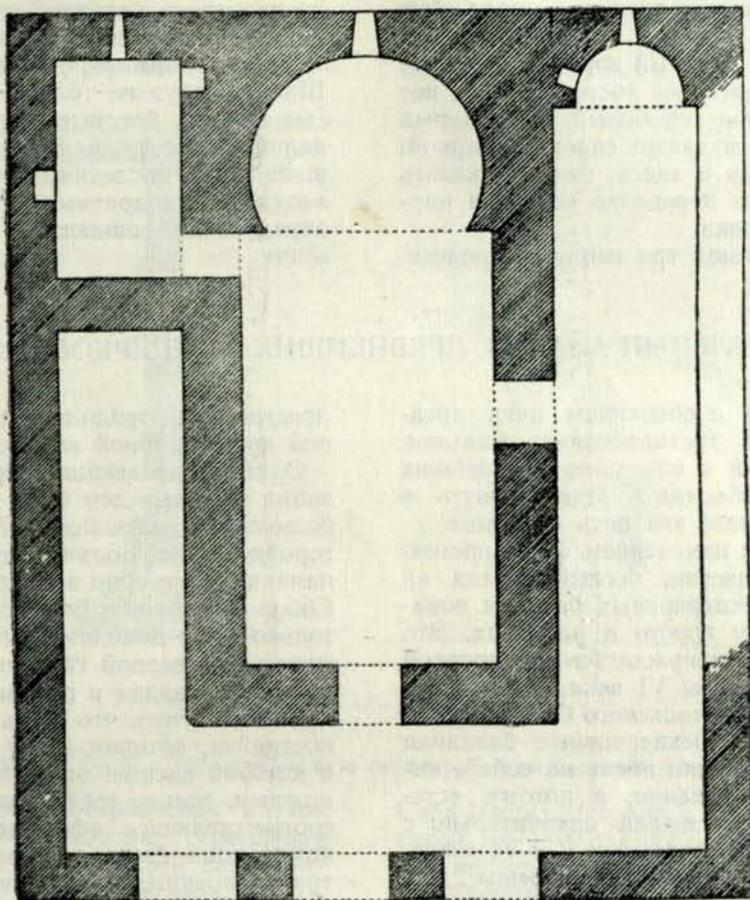
¹ Осмотрена 23.VIII.1920 г. и 30.VIII.1939 г. План по основным цифрам схематичный. Несколько фото сделаны во второе посещение директором Телавского краеведческого музея А. Д. Мамулашвили, дополнены из съемок Отдела охраны памятников культуры при Управлении по делам архитектуры 1946 г.

² О надписи Т. В. Барнавели дал в сентябре 1956 года следующую справку. «Надпись исполнена письмом асомтаври, причем композиция надписи создает впечатлительное орнаментального украшения. Надпись интересна по своим палеографическим данным. Обращает внимание написание буквы ζ (e) с отгост-

них подковообразной формы верх из желтоватого ширими, а снаружи плоско перекрыты на высоте пят внутренней арки (табл. 83-с).

Помещение для жертвенника находится в восточной части северного нефа, где для него

Южная церковь имеет абсиду с плоской конхой и окном на восток. Окно изнутри и снаружи плоско перекрыто крупным булыжником (табл. 82-а). Свод коробовый, при северной стене он опирался на уступ утолщения стены

План церкви св. Шио (схема)

устроено небольшое прямоугольное помещение с маленькой плоско перекрытой дверью около самой абсиды. В этой комнате одно маленькое окно на восток, внутри с плоским, а снаружи подковообразным верхом (табл. 82-а). В северной и южной стенах нишки, а под окном позднейший престол. Свод коробовый.

ком, идущим из угла, а также буквы შ (ш) с замкнутым нижним закруглением. Близкое к приведенному написанию буквы ე (е) встречается в завещании Синайского многоглава 864 года. В надписи читается ქრისტე.

главного нефа. С востока стена сложена не вязано с остальной церковью, а вприслон к ней и дает контур с изломом уступа для бокового свода (табл. 82-а). Южная церковь с западным обходом была соединена аркой во всю ширину церкви, что видно по характеру угла.

სტეფანე შიშუკლე. т.е. Христе, Стефана помилуй».

Клише сделано с прориси по фото и передает расположение и начертания букв левее изображения креста.

Но как соединялись своды, сказать нельзя, так как вся эта часть обрушилась. Нужно думать, что было распалубочное пересечение. Об оформлении входа с юга сказать, к сожалению, без расчистки ничего нельзя, так как южная стена церкви при землетрясении была опрокинута и завалена одновременно глыбами свода (ср. табл. 82-b).

С севера имеется длинный коридор с прямоугольным завершением на восток. В нем нет ни одного окна. Свод коробовый. В западный обход он открывался также сплошной аркой; о соединении сводов и здесь ничего сказать нельзя. Позднее при переделке встроена кирпичная с дверью стенка.

Обход с запада имел три входных пролета.

Они сдвинуты в северную сторону, чтобы осветить больше северную, не имеющую проемов, церковь. Как были отделаны эти три пролета, сказать ничего нельзя кроме того, что столбы были прямоугольные, а не круглые¹. Свод и здесь, как в южном и северном нефах, опирался при стене главного нефа на уступ ее, созданный утолщением нижней части стен.

Таким образом, трехцерковная базилика Шио в Сабуэ не только применяет мотив соединяющего боковые церкви обхода по западному фронту, как и в Велисихе, но украшает этот последний мотивом трехарочного входа на квадратных столбах, получившим определенно решающее значение для композиции.

6. СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ДРЕВНЕЙШИХ ТРЕХЦЕРКОВНЫХ БАЗИЛИК

Мы ознакомились с описанием пяти древнейших в Кахетии трехцерковных базилик. Прежде чем перейти к описанию дальнейших примеров, нам необходимо резюмировать в сравнительном анализе эти пять образцов.

При знакомстве с изменением форм настоящих базилик в Кахетии, беглый взгляд на чертежи планов трехцерковных базилик показывает уже разницу просто в размерах. Это действительно и подтверждается датировкой их, начиная с середины VI века, к каковому времени отношу я Карданахского Саба-Цминда и затем другие. Эти трехцерковные базилики еще совершенно различно носят на себе отпечаток творческого искания, а потому естественно размеры их все-таки сравнительно с крупными базиликами перелома V и VI веков, как Хашминская или Наткора, скромны². Характерно, что трехцерковные базилики не только по площади крупны, но также — как совсем самобытная Некресская или Матанская базилика — и значительны в высоту.

Трехцерковная базилика, как особый тип здания, появляется вместе с ростом культовых требований и потребности совершения многих служб в течение одного дня одними и теми же служителями культа. Это требование церкви — иметь для каждого повторного служения иной

престол — и породило, вероятно, создание данной архитектурной композиции.

Один из древнейших примеров этой композиции был выведен близ знаменитой кафедры болнисских епископов (478—493 гг.) в самом городке Квемо-Болниси (ныне сел. Болнис-Капанакчи) примерно в первой половине VI века. Собор епископов в Болниси, как известно, имел только один дополнительный престол в конце открытой северной галереи, но даже выделенный жертвенника и ризницы в нем еще не было. Естественно, что здесь была создана такая постройка, которая сразу имела три престола и которая внешне отвечала формам базилики, наконец, только тогда получившей и в Грузии соответствующее оформление. Построена эта композиция была элементарно просто: в ряд три удлиненных помещения, соединенные между собой дверьми, причем среднее помещение выше и соответственно просторнее боковых. Вот и все. Этот принцип простого расположения в ряд мы установили и в древнейших трехцерковных базиликах Кахетии — в Саба-Цминда, Руиспири, Кондамиани. Но есть в них уже и дополнительные, движущие вперед элементы, именно те элементы, которые определили все дальнейшее художественное развитие этой архитектурной формы. Мне кажется, что особые условия национального творчества в этой хра-

¹ При втором посещении эта часть с остатками столбов также вся завалилась и покрыта зарослями (Табл. 82-b). Без расчистки различаются обе внешних притоки аркатуры.

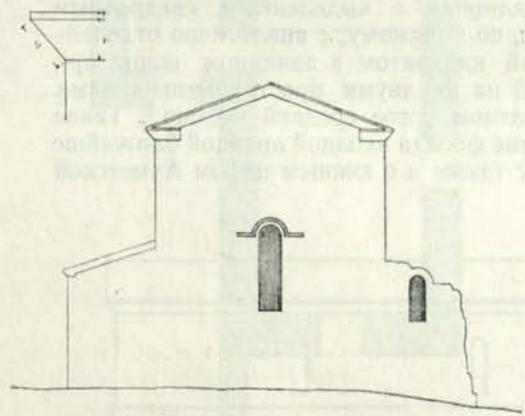
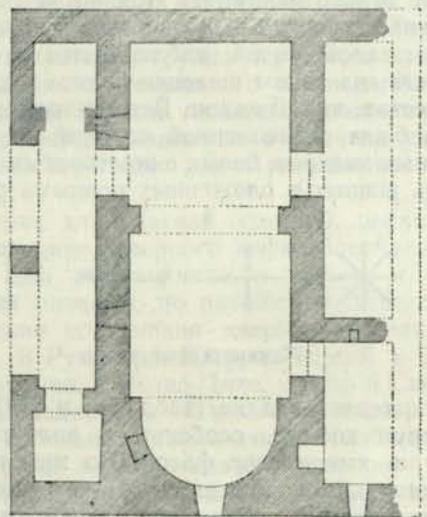
² Считаю нужным отметить, что я долго был в нерешительности относительно датировки начальных

представителей трехцерковных базилик VI веком, именно сравнивая их с Некресской и Дзвели Шуамта: разница размеров плохо согласовывалась. И только последнее определение хронологии для Некреси и Шуамта IV и V вв. дало полную ясность и в датировке трехцерковных базилик.

мовой форме с самого же начала дали большую свободу творчеству, сделали эту тему более гибкой, приспособленной к выработанному пониманию. И действительно, каждый новый пример существенно двигает вперед всю форму.

Исходными моментами дальнейшего развития послужили, с одной стороны, потребность в создании особых помещений для жертвенника и ризницы, ранее недифференцированно со-

Выделение жертвенника и ризницы произошло не сразу. Прежде всего в трехцерковных базиликах выделяется отдельная комната для жертвенника с северной стороны, как мы это видим в Руиспири, Кондамиани, Велисцихе, в церкви св. Шио в Сабуэ¹. В таких примерах, как Руиспири и Кондамиани, выделение небольшой комнаты в северном нефе содействует художественной собранности и четкости форм. Вход, который был в Болнис-Капанакчи или в

План, восточный фасад и профиль карниза церкви „Касури Георгий“ близ Сагурамо

вмещавшихся с общим пространством алтарной абсиды. С другой стороны, стремление создать в каждую из трех церквей самостоятельный, не через другую церковь вход, и в то же время получить все три церкви объединенными между собой, что вызвало западный вход по типу базилик Дзвели Шуамта, Матанской Цхра-Кара и т. п. Эти обе тенденции, как подсказывают памятники, проявляются одновременно сперва на разных памятниках, а потом и на одних и тех же, что и обеспечивает затем в памятниках, подлежащих нашему рассмотрению во второй группе, возможность пышного художественного расцвета данной архитектурной темы.

Саба-Цминда только с юга, теперь создается такой же представительный, широкий, парадный и с севера, как с юга. Он разработан в два, три арочных пролета на квадратных столбах. Перед нами художественно разработанный архитектурный мотив вместо узко утилитарного разрешения задания. Естественно, что он не только дальше развивается, как увидим при рассмотрении следующей группы трехцерковных базилик Кахетии, но и, обособляясь, применяется и в других местах.

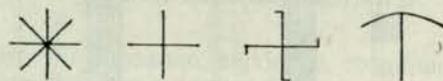
Насколько в этих примерах наша тема трактуется уже как художественное задание, видно по тому, что решения эти не остаются одиночными. Действительно, имеется еще ближайшая

¹ Отмечу из мелко осмотренных мной других трехцерковных базилик Кахетии еще Торнис в Лопотском ущелье, на которую указал мне директор Телавского музея А. Д. Мамулашвили; ц. Георгия

вверху сел. Калаури и трехцерковную базилику вверху селения Шильда, на кладбище, так называемый «Сион», церковь св. Георгия «Самкариани» около платформы Вазисубани.

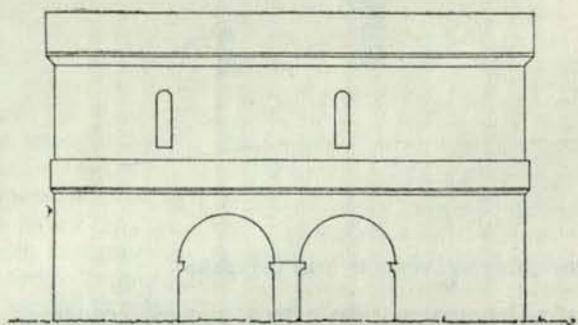
параллель к Кондамиани, которая выполнена была по всем навыкам большой архитектуры Картли из больших хорошо тесаных квадров песчаника, положенных правильными четкими рядами. Это — расположенная в непосредственной близости с церковной столицей Грузии, с гор. Мцхета, на самой границе с Картли, именно на левом берегу реки Арагви, у северного подножья Зедазенской горы, так называемая церковь «Касури Георгий» близ Сагурамо¹. В ней нашли без малого все частности композиции Руиспири или Кондамиани и все сочетание их. По плану она выделяет для главной церкви в северном нефе прямоугольный жертвенник с дверью из самой церкви. Рядом со средней высокой и просторной церковью с юга имеется узкая и длинная с выделенным квадратным алтарем и, по-видимому, с аналогично отделенным аркой квадратом в западном конце при раскрытой на юг двумя просторными арками на квадратном устое средней частью². Такое оформление фасада входной аркадой ближайше совпадает также и с южным нефом Ахметской

обхода, ни какого-либо входа в церкви не было. Входы имелись лишь с юга (и севера). Таким образом, в этом храме некоторые моменты, особенно типичные для Руиспири или Кондамиани, выявлены очень сильно; так, аркады южного и северного фасадов, отсутствие каких-либо проемов по западному и, наконец, отсутствие третьего окна (в южной церкви) по восточному фасаду. Рядом и в отличие от всех этих моментов, хорошо известных нам и по другим памятникам Кахетии, стоят другие, которые можно поставить только за счет архитектурно-строительных навыков Картли, которые с такой силой наблюдаются в соседней Мцхета, на таком шедевре всего грузинского искусства, как Джвари. Вся постройка выполнена была великолепной кладкой из крупных тесаных квадров, белых с желтоватым загаром, очень ровных и сложенных ровными рядами в

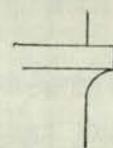
Каменотесные знаки

великолепной кладке (табл. 131 и 132)⁴. Ребра квадров кое-где, особенно в нижних рядах, внутри, имели скос фасок. Во многих частях имелись каменотесные знаки четырех типов⁵. Арки и своды — правильно полуциркульные во всех трех церквях. Для опирания сводов боко-

Южный фасад «Касури Георгий» (схема)

Гвтээба. Вероятно, подобно этому был оформлен и фасад северной церкви, который тогда уже был весь обвален до земли³. С запада ни

Импост столба (схема)

вых церквей в кладке стен (главной) был выпущен уступ (см. вход на табл. 131). Также и большие окна в главном алтаре и два на юг

¹ Обследован 2.VI.1922 года во время работ в Зедазени. Обмер Н. П. Северова и два фото. Сагурамская церковь погибла вследствие погони за легким получением хорошего строительного материала — вся ее облицовка была ободрана, невзирая на вмешательство Отдела охраны памятников культуры (в 1937—38 гг.).

² Во время обследования восточная арка пролета лежала тут же на земле, опрокинутая землетрясением, которое разворотило стены и обвалило северную церковь и своды главной. Схема решения фасада вычерчена отдельно для наглядности арх. Р. Мелисашвили.

³ У поперечной стенки его были видны обрывки,

как бы обработки пролета, затем на земле лежал импост 71×50 см в плане с трехсторонним выступом, вероятно, от среднего столба двух пролетов этого фасада. Толщина южной стены южной церкви *in situ* была 73 см.

⁴ Примерно одна треть всей толщи стен была бутобетонного заполнения (ср. фото табл. 132, где это видно на поперечной стене северной церкви).

⁵ Они часто повторялись на расположенных подряд плитах. Первый знак на западном фасаде; второй — на лицевой стороне левых пилястр главной абсиды и южной церкви; третий — внутри в абсиде и во многих других местах храма; четвертый — на начальных камнях свода южной церкви.

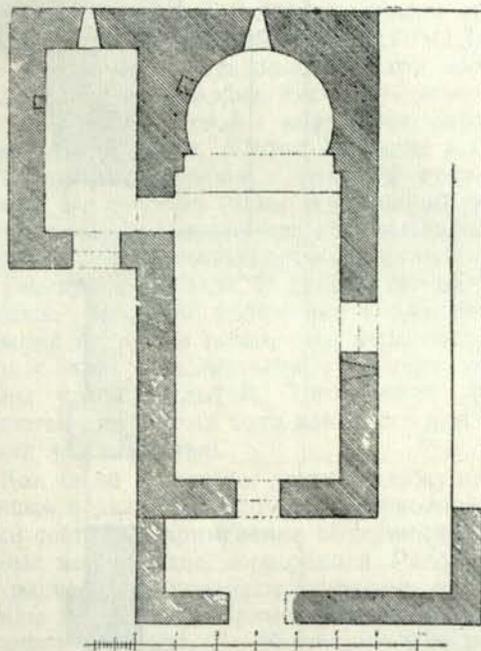
საქართველოს
ხელნაწილების
სამეცნიერო ცენტრი

имели четкую полуциркульную форму, равно и двери с арочным верхом и тимпанным заполнением в глубине¹. Импосты подпружных арок, арки входов, конховой арки имели строгую древнюю форму выкружки в $\frac{1}{4}$ круга, прямо сливавшейся с устоем. Такого профиля импосты известны из Джвари². По восточному и западному фасаду сохранялись карнизы отмеченной на чертеже формы, размера и устройства с угловыми горизонтальными частями. Окна были украшены выступающими декоративными арками³. Над восточным окном южного фасада были остатки надписи⁴. Таким образом, вся вторая группа черт этого памятника объясняется только его положением на самой границе Картли: памятник представляет соединение черт, незнакомых в Кахетии, почему я привел его только здесь в аналитической части⁵.

Выделение для главной, средней, церкви в восточном конце северного нефа обособленной комнаты для жертвенника, а позднее также второй для ризницы, по разному разрешалось в отношении соединения дверьми с главной церковью. В Руиспири, Касури Георгий, в Торниси и Калаури, в Велис-Цихе, у Шио в Сабуэ, или в Шильдинском «Сионе», а также, как правило, и позднее — жертвенник сообщается дверью прямо на юг в главную церковь. Напротив того, в Кондамиани, так же как в трехнефных базиликах вообще и, в частности, в Матанской Цхра-Кара, Ахметской Гвтэба и Байхо из жертвенника ход в северный неф, из которого уже затем ход в алтарь. В трехцерковной базилике это должно было создавать, конечно, нарушение нормальной службы. Но факт остается фактом — этот подход повторяется еще раз в Зегани; повторяется он в отношении ризницы также в Натлис-Мцемели в Сабуэ, где налицо проход и непосредственно в алтарь, что превращает дверь из южного нефа просто в наружную для ризницы дверь. Однако, само такое устройство ее говорит еще о связи с Кондамианским решением⁶.

Здесь же следует отметить, насколько близ-

ко подходят к типу рассмотренных трехцерковных базилик такие постройки, как Матанская Цхра-Кара, Ахмета и Байхо, которые я счел более правильными отнести к числу настоящих трехнефных базилик, хотя они некоторыми сторонами ближе подходят к трехцерковным. Так, несомненно под воздействием последних проведено выделение южного нефа, украшенного по фасаду двойной аркатурой, в обособленный, как церковь, неф рядом с главной цер-

План церкви „Самкарнани“ близ Вазисубани

кую. Сюда же можно было бы отнести и выделение в восточном конце северного нефа помещения для жертвенника; однако, такая деталь, как соединение его дверью с северным нефом, а не с алтарем, указывает на происхождение от настоящих базилик, именно — на продолжение базиликальной разбивки. Насколько

VII вв.) новым материалом». К сожалению, найденный камень с надписью оказался настолько изъеденным, что удалось различить только отдельные буквы (см. прим. 2 на стр. 400 в *Bulletin de l'Université de Tiflis*, II, 1922-23). — Вокруг храма валялись на земле обломки черепицы от его кровли.

⁵ Так как памятник этот уже погиб окончательно, я счел нужным дать (против первоначального плана) максимально полные о нем сведения.

⁶ В Вазисубанской церкви св. Георгия «Самкарнани» жертвенник тоже имеет две двери — на юг в алтарь и с запада в самое помещение.

¹ Подоконники имели снаружи горизонтальную поверхность, а затем внутрь скос вниз.

² См. таблицы обмера в «Памятниках типа Джвари», Тб. 1948 и стр. 41.

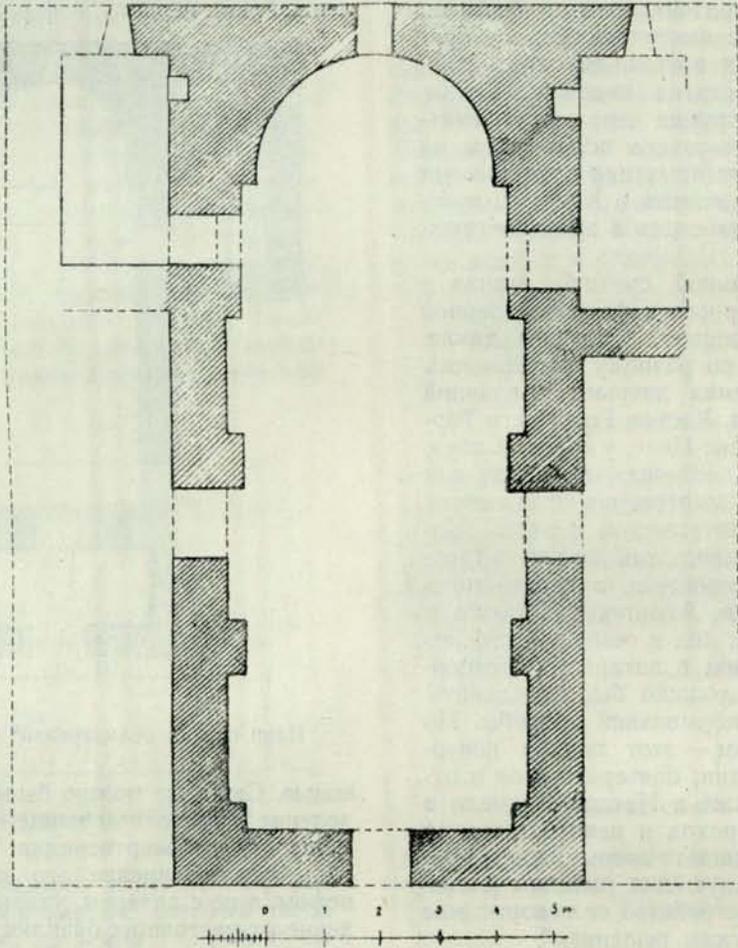
³ Параллель к профилю навершия абсидального окна см. на двунефной церкви в Гарни (Армения: в книге И. Стриговского, I, рис. 66, стр. 143). Проем алтарного окна сохранял остатки штукатурки со следами росписи.

⁴ Проф. А. Г. Шанидзе пытался в специальную поездку разыскать фрагменты надписи в земле, чтобы «обогащить древнейшую грузинскую эпиграфику (VI—

устойчиво, упорно, держатся, однако, отдельные элементы, видно по отсутствию восточного окна в южном нефе той же Матанской Цхра-Кара, что опять связывает ее с трехцерковными базиликами. Мы знаем, что боковые церкви Болнис-Капанакчи не имели в абсидах окон. Этот же прием удержался и в Касури Георгии, в Кондамиани и в Калаури, где налицо стран-

хоть в нескольких памятниках он таковы же применение.

Здесь следует остановиться еще на нескольких дошедших до нас в сильно разрушенном виде, но когда-то внушительных и впечатляющих трехцерковных базиликах, которые при всех отличиях от рассмотренных представителей начальной поры все-таки, видимо, должны

План церкви св. Стефана в Икалто

ное членение восточного фасада, имеющего помимо большого окна в центре в правой части также окно (в жертвенник), тогда как в левой части глухая стена¹. Конечно, такой пережиток не мог удержаться долго, но важно, что

¹ Как было отмечено уже, естественно то же предполагать и в Руиспири.

² Бегло осмотрена 19.VIII.1950 г. и 28.III.1953 г. Самый общий обмер плана сделан Л. Рчеулишвили.

быть отнесены к ней, хронологически близко подходя ко второй группе. Одна из этих построек — импозантная по виду и размерам — находится в восточной части сел. Икалто, невдалеке от главного шоссе из Телави в Ахмету², посвященная св. Стефану. Ныне служит

ли. — Если я не ошибаюсь, из этой именно церкви сел. Икалто перенес А. Д. Мамулашвили украшенную плиту от престола в Телавский музей.

в основном для хранения колхозного бензина и пр. Уцелели только стены средней большой церкви в основном до пяты сводов с импостами пилястр (длина с абсидой — 13,58 м, а ширина — 5,18, при ширине бемы — 4,52 м); по продольным стенам выделены две пары пилястр и третья у западной стены, а также широкая бема со входами в пастофории; главная церковь освещалась единственным большим окном в алтаре и дополнительно, очевидно, из трех основных входов с юга, запада и севера. Арка абсиды слегка подковообразна. Над ней подымалась двойной ширины против заплечника арка, которая начиналась с некоторой высоты. Двери в церкви имеют арочное завершение подковообразной формы с яйцевидной вытянутостью верха: хорошей сохранности западный вход и вход в северо-восточную комнату. Снаружи и в пастофориях входы имели горизонтальный обрез большой каменной балкой. Кроме главной церкви, заваленной не менее, чем на метр высоты по всей поверхности, твердо устанавливаются прямоугольные пастофории (3,86, resp. 4,40 × 1,76 м) с вязанным со средней церковью сводом; по-видимому, и боковые церкви (или одна южная) были прямоугольные; они не были связаны обходом по западному фронту: все это завалено еще сильнее, чем главная церковь внутри. Боковые церкви нужно восстановить по типу Кондамиани, т. е. с аркадами против входов в среднюю. Сложена вся постройка из булыжных подобранных брусков, ровными рядами, а углы, притолоки дверей, окон, импосты, частью пилястры и вся конха — из квадратов ширими, где нужно — ровными рядами. Внутри значительные плоскости сохранили гладкую поверхность штукатурки. Единственным украшением является обработка алтарного окна наверху из двух витков и полочки под ними.

Другая, с существенными изменениями, радикально восстановленная в поздние века (кирпичной кладкой), тоже импозантная, трехцерковная базилика, ныне так же сильно разрушенная, была впервые выявлена директором Телавского историко-этнографического музея, покойным А. Д. М а м у л а ш в и л и, близ Греми. Это — церковь св. Евстафия, находящаяся в 6—7 км на северо-запад от Мтавар-Ангелози по ущелью притока р. Инцоба — Болнисхеви, протекающего за хребтом Дид-Шара¹. Она представляет еще один образец разработ-

ки данной темы, но с различными отличиями основных элементов. Средняя церковь (длиной 15,85 м внутри и шириной 7,40) имеет подковообразную в плане абсиду и что-то вроде бемы (глубиной 0,75 м), в толще которой, т. е. с запада на восток, имеются узкие (до 0,80 м) проходы в отделенные по сторонам алтаря средней церкви комнаты². Средняя церковь имеет три входа; но, видимо, по западному фронту обхода не было, как и в ц. св. Стефана в Икалто. От северной церкви устояла абсида и один, почти квадратный, устой (0,90 × 1,14 м), т. е. можно здесь предположить три арочных пролета на двух столбах. Южная кончается на восток прямой стеной с наружным входом в ризницу, как и в ц. Натлис-Мцемели в Сабуэ и как сходное решение с северной стороны в Зегани. От внешней стены этой южной церкви не осталось следов, так что не исключена возможность, что с южной стороны ничего кроме диаконника и не было. В диаконнике на углах плоские наискось перемычки в два ряда. С верхней их линии начинается куполообразный свод с ясно выделенными от центра каждой стены узкой шельгой. С восточного фасада имеются два низких хода как место для погребения под церковью.

Как было отмечено, другая движущая тенденция в развитии форм трехцерковной базилики состоит в применении объединяющего боковые церкви западного обхода. Рассмотрение сохранившихся примеров указывает на то, что одним из мотивов применения этого архитектурного элемента, выработанного уже ранее в типе настоящей базилики, как, например, Дзвели Шуамта, было желание или, может быть, требование создать вход в каждую из трех церквей независимо от других, т. е. не делать каждую из них проходной, как было в Болнис-Капанакчи, Руиспири, Кондамиани и т. д. В Велисхихе и позднее еще, видимо, также в Амидастури обход с запада не имеет никакого входа, т. е. попережнему входили с юга и, проходя затем через западный проход, попадали в главную или северную церковь непосредственно³. Конечно, можно, пожалуй, разъяснить такой глухой с запада обход, как бы пережитком первоначальных тенденций не делать в трехцерковных базиликах вообще с запада входа. Но это кажется мне менее вероятным, принимая во внимание такие примеры, как Велис-

выступая проходы эти теперь имеют относительно большую длину.

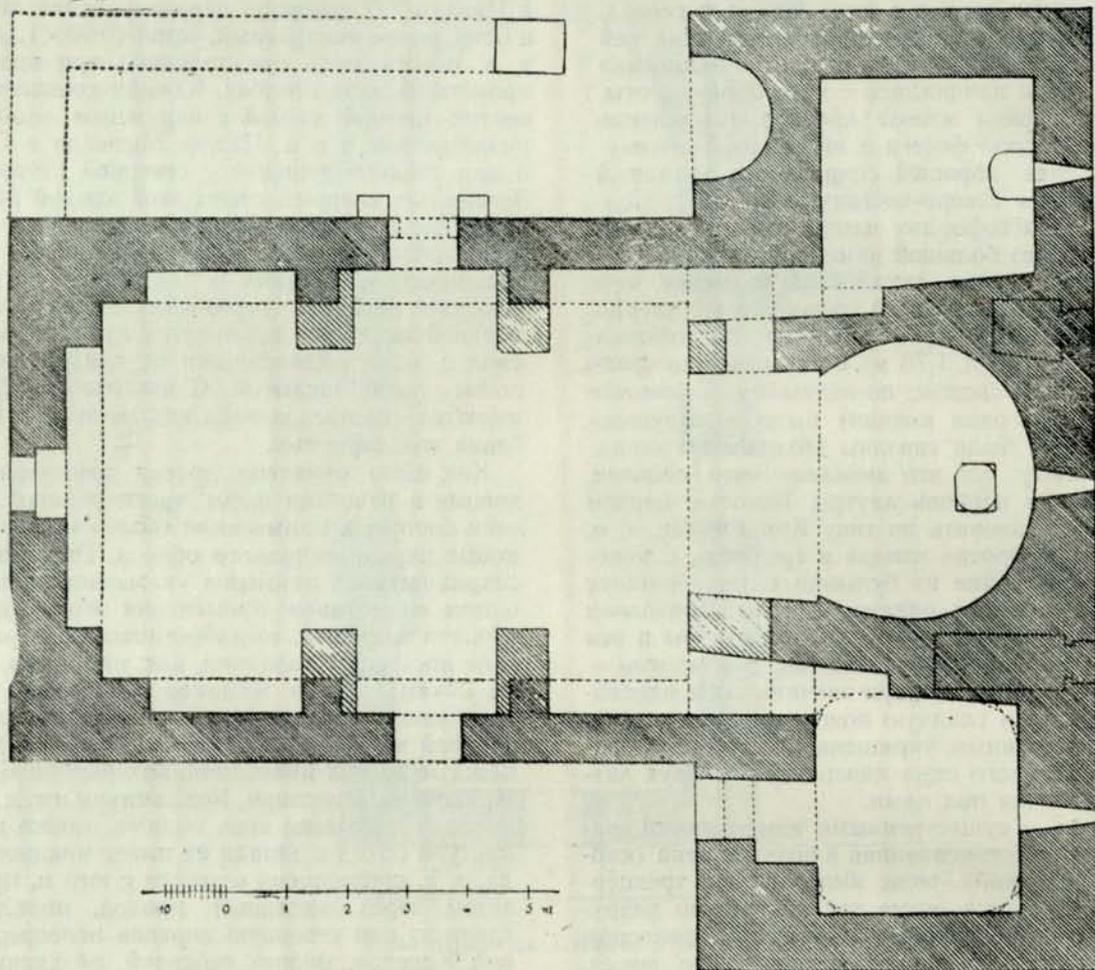
³ Также и в попутно осмотренной трехцерковной базилике селения Отараани близ Гомбор имеется глухой западный обход.

¹ Посещена 27.II.1953 г. Обмер был проведен в августе 1941 года Л. Рчеулишвили; выполнен только в 1955 году.

² Благодаря пристроенным к беме при реставрации

ციხე, შიო в Сабуэ, Калаури, Торниси, где из главной церкви нет двери в северную, в которую попасть можно только из западного обхода. Мне кажется, они подтверждают высказанную мысль — северная церковь оказывается совершенно изолированной от средней; что этого нигде не сделали с южной, объясняется, очевидно, слишком тесной связью ее с положением

читать, законченный вид, законченное решение. Но все-таки и эти примеры уже придают зданию связанность, композиционную замкнутость. Это видно и в Велисцихе, и в Шио в Сабуэ, как равно и в церкви Сиони в Шильда, или Торниси и других, т. е. в тех случаях, где обход сохраняет многоарочный проход, применявшийся уже в Кондамиани, как равно и в

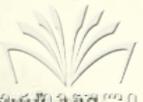

План церкви св. Евстафия в Болнис-хви близ Грემи

входа, которое изначала же было здесь принято.

Но, конечно, главным движущим мотивом являлось стремление реализовать данное задание в архитектурно-художественном отношении безупречно. Безусловно, это с первой же попытки не получило, да и едва ли могло полу-

других, где стены обхода со всех сторон глухие и имеют одну только дверь, — формы в целом дают направленность массам здания, концентрируют на главный алтарь, выделенный контрастно вздетой вверх средней церковью, т. е. здесь ясно видно, что решающим в применении этого мотива явился чисто художественный им-

пульс так же, как он привел к подобной же переконпоновке собственно базиличных масс здания. Мы видели выше, как этот мотив органически, художественно, продуманно применен в базилике Дзвели Шуамта, где он является совершенно модифицирующим всю сущность базиличного строения, как определенного принципа оформления пространства. Именно в связь с применением его здесь полагаю необходимым поставить вопрос о возможности применения обхода и в трехцерковной базилике, как ее органически связанной с планом части. По внутреннему значению, равно и по роли в наружном виде общих масс всего здания в обоих случаях мы имеем дело с одним и тем же явлением, первоначально органически и продуманно выросшим, именно при полной переконпоновке действительной базилики в Дзвели Шуамта. И уже только после этого получил он свое значение и место и в трехцерковных базиликах. В церкви Шио в Сабуэ мотив является органической связью для композиции, в которой три арки на столбах с западной стороны увязывают ее с Вазисубанской церковью Квела-Цминда и с Горис-джвари в Ахшани¹. Но, как сказано, сохранилось довольно много примеров, где архитекторы еще далеко не овладели разными возможностями в оформлении этого мотива трехстороннего обхода. Это сказывается в поисках сочетаний разбивки трех фасадов, в применении просто дверных проходов и т. д.². Во всяком случае интересна и эволюционно значительна связь многоарочного мотива в Сабуэ и других с такими примерами, как Кондамиани, Касури Георгий, а не только с вышеназванными настоящими базиликами или же с Матанской Цхра-Кара или Ахмета.

В отношении трехцерковных базилик с обходом нужно еще отметить одну интересную черту постепенного развития, касающегося форм боковых алтарей. Еще в Касури Георгии, как и в Ахмета, мы встречаем не закругленную абсиду боковой южной церкви, а как бы квадратное помещение. Видимо, в этих примерах сказывается существовавшая рядом с доминиру-

вавшей практикой абсидальных помещений алтарей также практика прямоугольных. Разрозненные примеры ее известны ведь и вне Грузии³. Таким образом, мне кажется естественным считать и все прямоугольные завершения северных церквей, как в Кондамиани, Велисцихе, Шио в Сабуэ, Отараани, равно Шильда, за первоначальные алтари. Действительно, в Велисцихе выделена в стене плоская ниша, которая лишней раз подчеркивает такое специальное назначения помещения. Естественно, что этому не должны были препятствовать и кое-где имеющиеся на восток дверные проходы⁴. Другой интересной чертой является сочетание с обходом пастофорий в отдельных комнатах по сторонам главной церкви. Встречаются примеры наличия в трехцерковных базиликах древнейшего времени с обходом не только выделенного одного помещения (для жертвенника), но даже, как можно заключить по уже упомянувшейся церкви в Отараани, полного отсутствия таковых: боковые церкви тянутся до внешней восточной стены, где имеют по окну, причем завершаются прямоугольно, а не полукругом. Очевидно, здесь в архитектурных формах сказалось влияние древних, перелома V и VI веков, базилик, как Хашми или Кондоли.

Западный обход не сразу получил, таким образом, свое надлежащее место и значение в трехцерковных базиликах. Как и выделение жертвенника и ризницы при главной церкви, так и мотив обхода проходит много и различных стадий своего оформления в композиции. Но, раз заняв в ней место, он на всем протяжении применения этой архитектурной формы продолжал быть элементом, наиболее разнообразным и организующим вид этой композиции.

Мы оттенили основные линии развития темы трехцерковной базилики в древнейшее время, приведшие нас к рубежу, когда эта композиция достигла, наконец, высших форм. Различные примеры исканий, иногда примеры совершенно противоположных решений показывают активную творческую мысль, не прекращаю-

¹ Прямоугольные же столбы встречаются также в Торнисе и затем снова в поздних представителях.

² Как, например, в Калаури или Отараани, или в церкви Сиони в Шильда. Впрочем, в Калаури теперь видима западная арка пролетом до 4 м является, вернее всего, переделкой из первоначальной двойной арки. (Относительно Шильды — после обследования ее экспедицией Отдела охраны последних лет — Д. П. Гордеев говорил, что на южном фасаде им замечен заложный двойной арочный проем; причем на исполненном тогда же арх. М. Г. Калашниковым обмере это не отражено вовсе).

³ Своего рода переходными формами можно считать северный придел в Зедазени или подобный же прямоугольный в плане, но с трюмами по углам под конхой алтарь в малой церкви на Авлеви-цкали (где-то против селения Квалеви).

⁴ Не случайно в следующей группе трехцерковных базилик повстречаем такое же устройство в Зегани, где не признав здесь алтаря воспрещает архитектурная композиция в целом, и в Натлис-Мцемели около Сабуэ.

щую поиски еще более совершенных средств выражения архитектурного замысла, не успокаиваясь на половинчатых решениях, которые в значительной мере обусловились в данном случае самой формой. На всем протяжении этого рассмотрения я оставил в стороне первую из описанных выше трехцерковных базилик, именно Саба-Цминда в Карданахи. Теперь необходимо коснуться ее отдельно, чтобы переплетающиеся в ней причудливым клубком различные стороны и тенденции просмотренного развития могли быть оценены по значению.

Совершенно примитивные приемы составления частей здания и беспомощность форм в целом особенно ярко подчеркивают глубину древности Саба-Цминда в Карданахи. Размещение трех церквей в ряд, едва соединявшихся между собой дверьми одна с другой; общий наружный облик масс с пониженными — при этом на разную высоту! — южной и северной церквами; глухая плоскость западной стены с одним вверху маленьким просветом окна; наличие одного общего входа только с южной стороны и то через две разрозненно стоящие (едва ли три связанные) арки; отсутствие выделенного хотя бы жертвенника для главной церкви; наконец, устройство каких-то своеобразных хор в один пролет с западной стороны главной церкви, вызвавшее иначе необусловленное выделение внизу под ними коридора и связанное с хорами помещение второго этажа над северной церковью — вот основные черты архитектуры этой трехцерковной базилики. Мы сталкиваемся здесь как будто с западным, объединяющим южную и северную церкви обходом; ведь из южного нефа открывается на север дверь в этот коридор, который по длине равен ширине средней церкви, как такая же

дверь из коридора, опять на север, ведет в северную церковь. Но реально первоначально он, видимо, служил для прохода на второй этаж, ибо северо-восточный квадрат отделялся также и от всей северной церкви. Формально же в архитектурном смысле проход этот никак не выделен, не использован не только в своих художественных, создающих пространственные ценности возможностях, но даже вообще для архитектора осталось непонятным, что этот «мотив» обладает такими возможностями. Таким образом, как отдельные частности здания, так их сочетание между собой показывает отсутствие более или менее установившихся, обязательных форм для трехцерковной базилики, стремление сочетать в ней, очевидно, какие-то требования монастырской жизни по воле заказчика, для чего он и принужден экспериментировать и, скажем прямо, довольно беспомощно. Эта неумелость архитектора, примитивность его архитектурного мышления дает вместе с тем, однако, интереснейший материал для изучения приемов строительства. Здание имеет во всех направлениях, и нередко в совершенно немотивированных частях, проходящие сверху донизу дилатационные фуги: отдельные куски выводятся за себя, просто вприклон к уже выведенному соседнему. Здесь этот, веками применяемый нередко и в других памятниках Кахетии строительный прием выступает с редкой оголенностью из-за примитивно упрощенного решения, где его применять. Следовательно, вся совокупность черт этого памятника обеспечивает ему место в обзоре развития грузинской архитектуры, именно начальных шагов темы трехцерковной базилики, благодаря содержащимся в нем, в дальнейшем выявившимся яснее, тенденциям развития.

7. КВЕЛА-ЦМИНДА В ЗЕГАНСКОМ МОНАСТЫРЕ

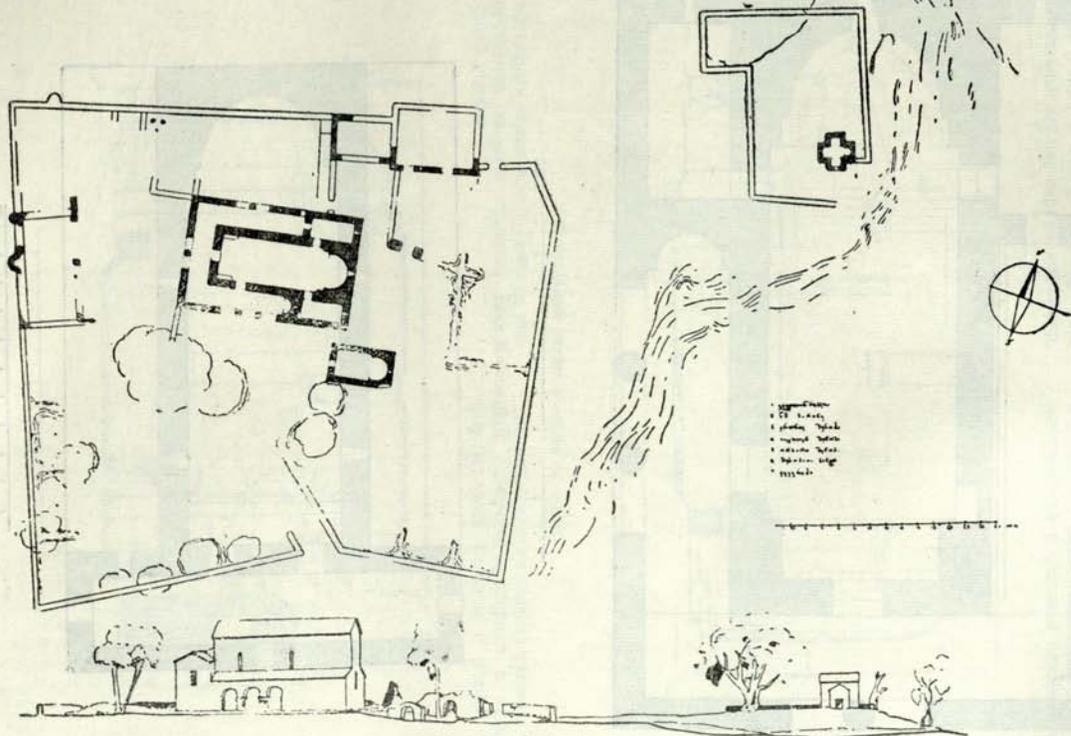
Близ селения Зегани, в густом лесу над Черемис-Цкали, расположен большой мона-

стырь¹. Во все стороны от главной церкви богоматери виднеются остатки построек, частью

¹ Осмотрен 4.VIII.1920 г. и 31.X.1922 г. Обмер этой церкви был произведен М. Г. Калашниковым в 1912 г., план по этому обмеру вошел в *Album d'architecture géorgienne*, изд. 1924 г. Тбил. Университета, табл. 75. С исправлениями, нанесенными по моим указаниям, он перечерчен арх. Р. М. Эристави. Не могу здесь же не высказать сожаления, что мне не удалось организовать полного научного обмера этой интересной, художественной постройки. Дополнительно посещен 22.XII.1933 г.

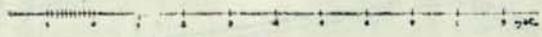
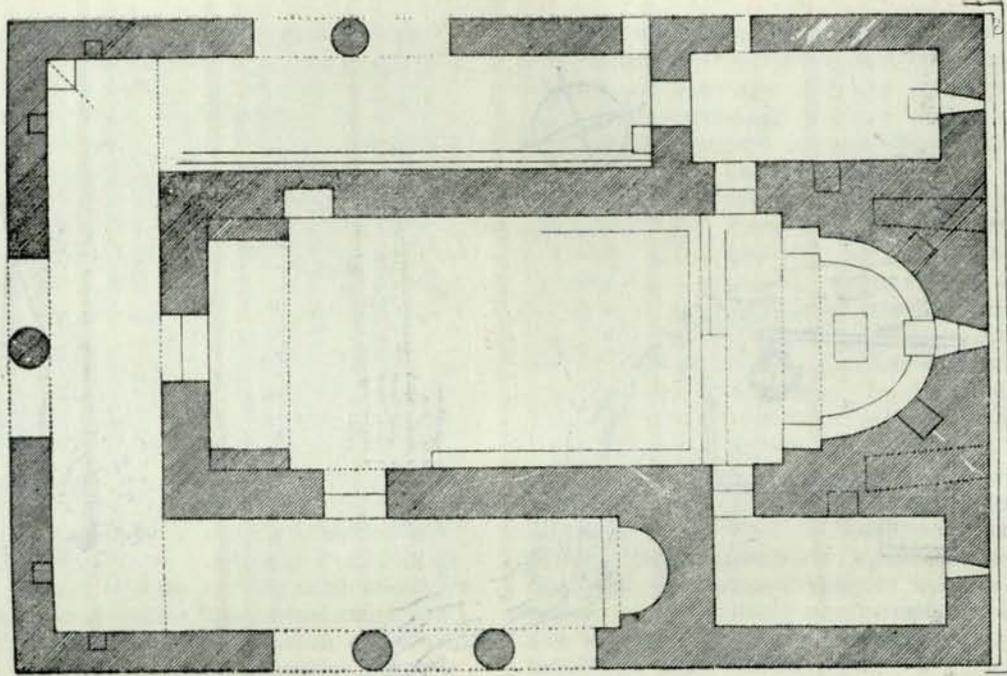
Полный обмер как Зеганской трехцерковной ба-

зилики, так равно всего комплекса монастыря и маленькой церкви св. Марине вне его, был выполнен лишь в 1949 году и то уже после проведенного Отделом охраны памятников ремонта. Благодаря этому не только выяснить и осветить ряд научно важных пунктов оказалось уже невозможным, но и в формах здания оказались явные искажения, которые, зафиксировав обмером, пришлось исправить в чистовых чертежах. Обмер исполнен сотрудниками Института истории грузинского искусства В. Цициадзе и Л. Рчулишвили для Отдела охраны.

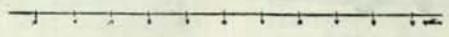
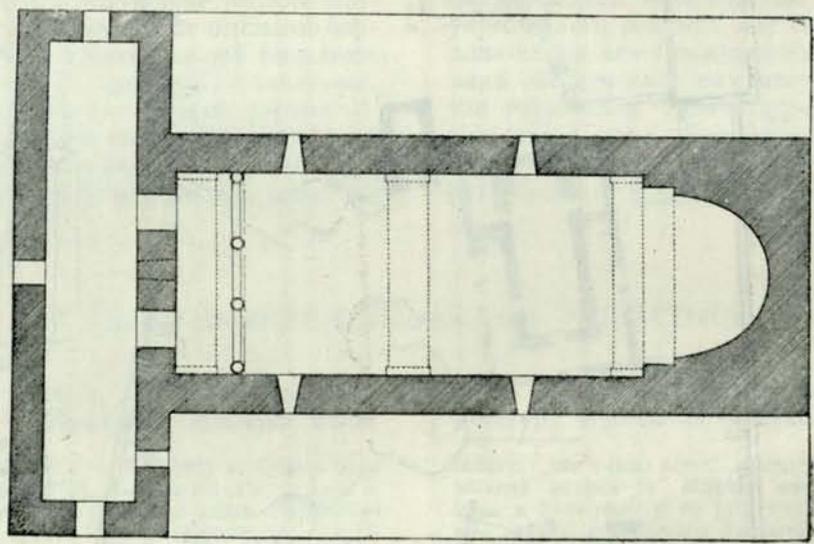

Генплан Зеганского монастыря

1—Главная церковь Квела-Шмида; 2—церковь св. Марии; 3—однонефная церковь; 4—жилые дома; 5—двух-этажное здание; 6—развалины зданий; 7—«квевреби» (винные в земле кувшины).

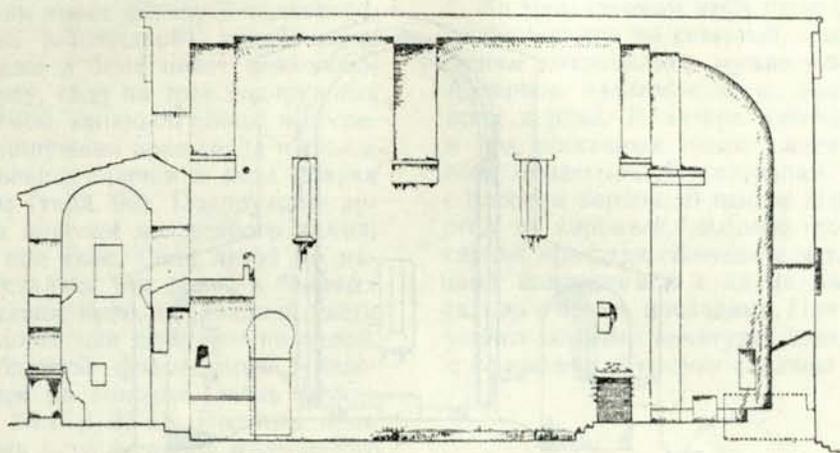
Основной план

План по хорам

очень больших с почти цельными отдельными стенками, так, например, на северо-восток от церкви или на запад и север—марани. Есть кроме того отдельные малые церкви, например,

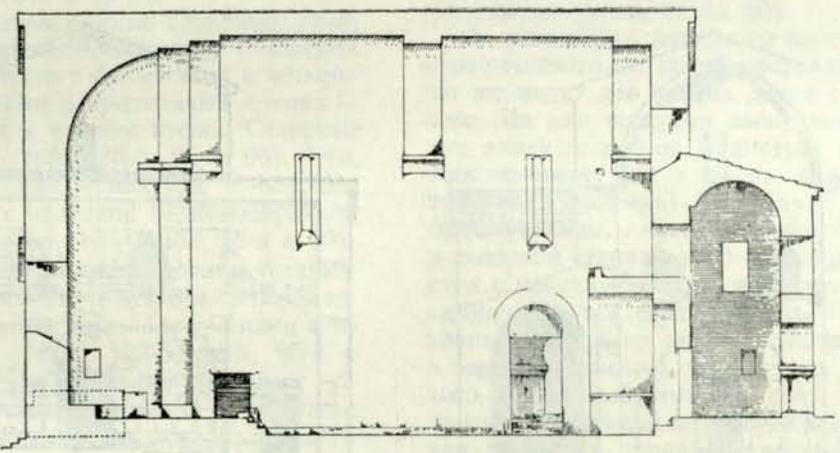
По своему плану Зеганская Квела-Цминда примыкает к Натлис-Мцемели около Сабуэ, ибо и здесь при самостоятельных помещениях для жертвенника и ризницы главного храма, жер-

Продольный разрез с видом на север

перед юго-восточным углом Квела-Цминды широкая и просторная зальная церковь. Все в пределах общей ограды.

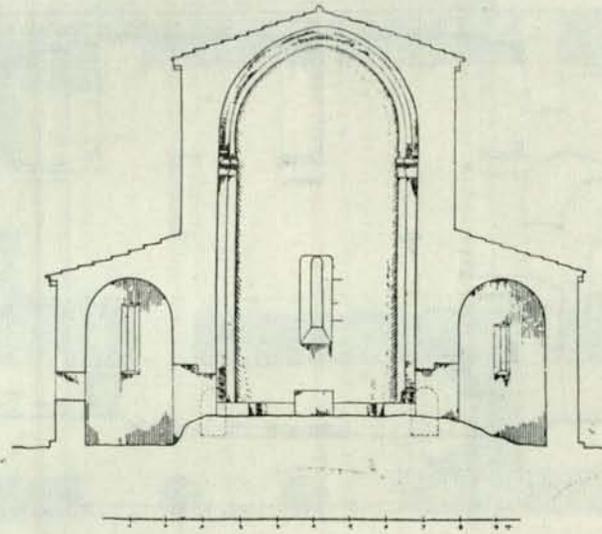
твенник соединен дверью также с боковым нефом. Основные пропорции и художественные формы здесь развиты с редкой выразитель-

Продольный разрез с видом на юг

ностью, причем в западной части главной церкви созданы хоры, соединившиеся со вторым этажом, над западным притвором. В этом за-

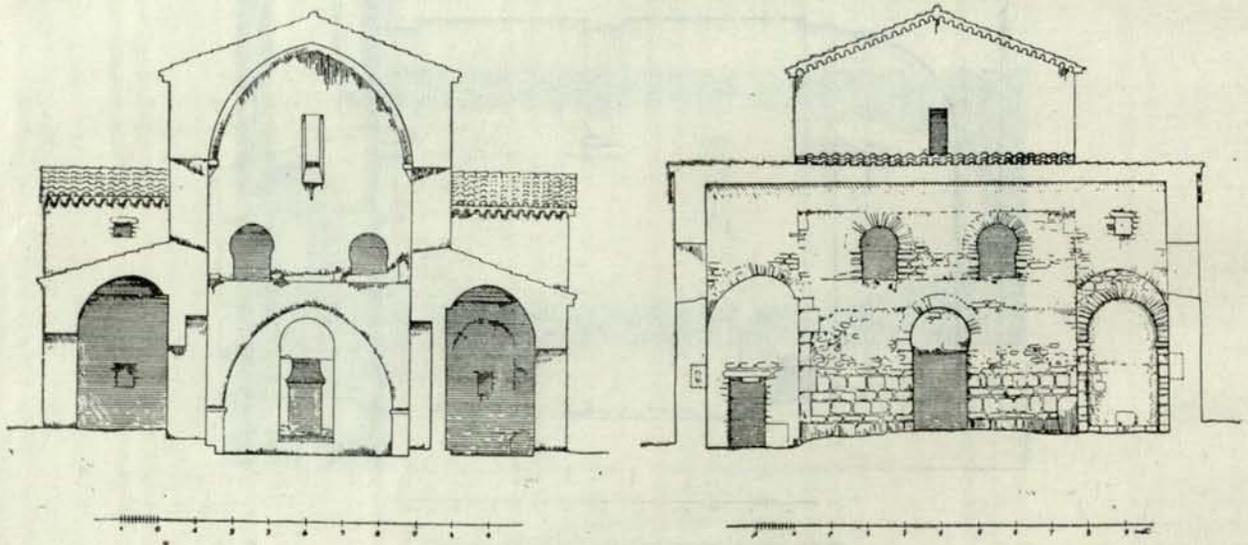
ставительная, с декоративным входом, и очень сильно, контрастно взятыми пропорциями. Сложена церковь из булыжника, а углы по-

Поперечный разрез с видом на восток

ключаются главнейшие отличия отдельных конкретных пунктов. Но, кроме того, вся постройка значительно больших размеров, пред-

стройки, impostы пилястр и столбов, и окна снаружи здания сделаны из плит ширины. Так-

Поперечный разрез с видом на запад

Разрез по западному обходу

же и карниз состоит из сплошной массы выпущенных плоских каменных плит, опирающихся на выпущенные с промежутками булыжники. Этот арочный литой карниз сохранился на северном фасаде боковой церкви¹.

Главная церковь имеет абсиду с подковообразной (и слегка яйцевидной) аркой конхи (табл. 95-а). Также и бема имеет подковообразной формы арку; свод на трех подпружных арках — перед бемой, западной стеной и посредине; средняя подпружная арка свода и западная — слегка овалны, причем и свод и арки с легким изломом (табл. 96). Подпружные арки опираются на консоли из тесаного камня, обычной формы под скос. Свод литой по палубе, гнезда ее остались, как равно в боковых церквах и в западном нефе. В западной части нефа находятся хоры, они держатся на одной, слегка подковообразной формы арке с изломом, опирающейся на боковые, очень низкие пилястры (табл. 95-б и 97-а). Импосты арок и тяга под хорами — из тесаного желтоватого ширими обычной формы под скос. Хоры имеют позднее сложенную балюстраду с четырьмя колонками, сложенными из кирпича (см. ниже алтарную преграду). Вход на хоры был через вертикальное отверстие в северной части арки под хорами, а до нее, конечно, по приставной лестнице. На второй же этаж притвора нигде не заметно входа. Два широких просвета с подковообразным верхом служили входами с хор во второй этаж западного притвора (или наоборот: табл. 91, 92-б и 95-б).

Церковь освещалась, помимо алтарного окна, еще с запада одним окном сверху с плоской перемычкой из большого булыжника и четыремя длинными окнами в продольных стенах — по два в северном и южном нефях. Северные частью заложены (табл. 85-б, 95 и 96). Эти, как и алтарные окна, — изнутри с плоским верхом и снаружи с отделкой подковообразной формой из тесаного ширими (табл. 88-а и 90); западное тоже имеет остатки отделки тесаным камнем. Церковь имела три входа с подковообразным верхом каждый и заложены снаружи тимпанами (табл. 93-б, 94-б, 95-б и 97-а). Северный вход был еще во время постройки церкви сужен, в связи с замеченным недостатком места для устоя хор, закрывшего часть первоначального пролета северной двери.

¹ Этот фрагмент замечен только 22.XII.1933 г. Ср. описание карниза в Кондамиани. К сожалению, нет фотоснимка этой древней карнизной части (отчасти заметно на табл. 85-а и 88-б). При ремонте была сделана попытка выпустить отдельные булыжники (ср.

Сужение произведено, как сказано, еще в процессе кладки стен, ибо в северном нефе имеется сначала же узкий пролет этой двери, которая совсем заложена. Перед южной дверью имеется ступенька.

По трем стенкам нефа были лавочки для сидения; от них по северной, южной и западной стенам сохранились только части (табл. 95). Алтарное пространство на три ступени выше пола церкви. В алтаре имеется горнее место и под восточным окном сидение для настоятеля монастыря. По сторонам окна две ниши с плоским верхом. В центре неподвижный престол из кирпичей, позднее построенный. Алтарная преграда сложена с четырьмя (по концам) колонками и с двумя ныне, а первоначально с тремя, проходами. При северной стене уцелел обрывок аркатуры, соединяющей стены с колонками. Колонки сделаны из специальной

Лекальный кирпич колонки
(схема)

формы кирпичей по половине круга, они в 4 см толщиной и 29 см диаметром. В центре кирпичной полукруглой плитки имеется полукруглая же выемка в 9 см диаметром, очевидно, для удобной кладки вокруг стержня. Алтарная преграда и балюстрада хор были гладко оштукатурены (табл. 95).

Из нынешнего алтарного пространства, т. е. ограниченного алтарной преградой, на север и на юг ведут две низких двери с плоским верхом. Из них северная ныне заложена. Двери эти внизу заделаны поднятым полом алтаря. Как северное, так и южное помещения (жертвенник и ризница) аналогично разбиты. Они прямоугольны, имеют большие ниши в южной и северной стенах²; и по большому окну на восток с плоским изнутри и арочным из тесаного камня снаружи верхом (табл. 97-б). Свод бетонный, литой по палубе, слегка яйцевидный; в северной комнате сохранились гнезда. Кроме того, в северной имеется еще второе окно с плоской булыжной перемычкой на север и низкая дверь на запад в северный неф, она с

табл. 84-б), но, конечно, без восстановления арочного ряда. Вообще при обмере оказалось, что карнизы восстановлены не всегда горизонтально.

² Ниши эти расположены высоко от пола; так, в южной комнате на высоте в 1,22 м примерно также и в северной.

плоским верхом целой перемычкой из каменной плиты шириной. В этой северной комнате, как и в северном нефе, позднее устроены престолы, чем, конечно, и объясняется закладка дверей в главную церковь.

Южная церковь (табл. 94-б и 93-б) имеет на востоке абсиду с неподвижным у стены кирпичным престолом. Арка конхи слегка подковообразной формы. Алтарная часть повышена на одну ступень. Около абсиды с юга открывается вход через тройную широкую арку на круглых столбах. Арки эти подковообразной формы на кубовых импостах тесаного ширины. Сами столбы из булыжников и лишены штукатурки¹. Свод почти коробовый, ползучий, слегка яйцеобразен, пята его при северной стене выше, чем при южной и выступает вперед.

В части северного нефа соответствующей южной церкви, как отмечено, отсутствует абсида, а вместо нее просто прямоугольный восточный конец. Эта северная церковь имеет по своей южной стене двойную низкую лавочку для сидения (табл. 94-б). В ней с севера специальный вход в двойную широкую арку на одном круглом столбе с таким же, как и в южной церкви, импостом². Столб этот, как и южные, не сохранил обмазки штукатуркой. Арки также подковообразной формы. Кроме того, в восточном конце имеется низкая маленькая дверь на север с двумя ступеньками и с плоским верхом из целой перемычки булыжником (ср. по фасаду на табл. 88-а), такая же, как и рядом из западного в восточное отделение этого нефа³. Свод ползучий в обратном смысле, чем южной церкви и также имеет легкую яйцеобразность.

Своды южного и северного нефов оканчивались на линии западной стены главной церкви (табл. 91 и 92). Здесь примыкал ко всем трем церквям самостоятельный притвор в два этажа. Это композиционно совершенно единичное решение и потому в нем есть ряд чрезвычайно смелых для церковной архитектуры приемов. Нижний этаж притвора первоначально не имел, по-видимому, сводчатого перекрытия, а только плоское. Остатки крестового свода на шести прямоугольных компариментах, сохранившиеся при западной стене, разрезают посредине пролет за-

падной двери в главную церковь, что первоначально — немислимый прием. Вот почему я и склоняюсь к предположению о плоском перекрытии нижнего притвора. Перекрытие это обрушилось. Но линия его шла по видимой сейчас внутри западного притвора выступающей пята (выносу) из камней кладки, проходящей на высоте подоконника оконверху западного притвора — на юг, север и запад и по линии ниже обоих проемов на хоры в церкви (табл. 91 и 92). Этот выступающий вынос ряда кладки мог служить только как пята для перекрытия, а не как верхняя граница его. Так что свод должен был бы начинаться отсюда, т. е. закрыл бы половину каждого проема второго этажа. Вот почему и с этой стороны естественно предположить плоское перекрытие. Крестовые же своды появились, как позднейшая починка внутри, быть может, обвалившегося потолка: на это указывала бы и форма их (удлиненная), известная в IX—X вв. Но эта линия пола второго этажа пересекает открытые пролеты из северной и южной церквей; верхние части их, т. е. выше перекрытия притвора, были, конечно, закрыты со второго этажа притвора выведенными вприслон стенками. Около арки северного нефа видна еще и теперь лишняя, торчащая известка, как полагаю, остатки соединения этой стенки вприслон.

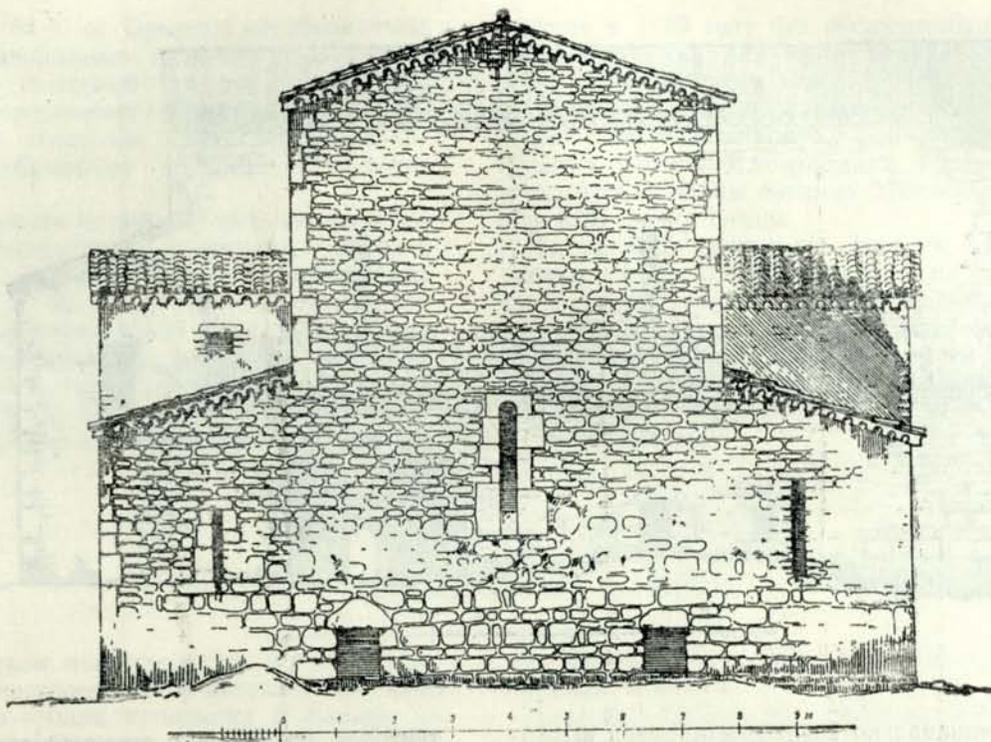
По формам своим нижний этаж западного притвора представляет длинный коридор с четырьмя нишками, симметрично расположенными в южном и северном концах его и одним широким входом через двойную на круглом столбе арку. Вход обработан так же, как южный и северный. Столб лишен штукатурки снаружи, на внутренней же поверхности, прилегающей ко встроенной позднее стенке, видны остатки штукатурки (табл. 91, 93-а и 87-б). Во время ремонта в 1949 году заложенный северный проем этого входа, как и встроенные в западном обходе стенки, были разобраны⁴. Тщательная оштукатурка колонны с этой стороны сохранила древнее оформление их (ср. алтарную преграду и балюстраду на хорах). Нужно считать, что все колонны в Зегани, а также и в других церквях этой группы, а может быть и самые фасады (ср. восточный в Некреси, ни-

¹ Арки и устои подмазаны при ремонте в 1949 году (без соблюдения четкости и правильности форм древнего здания).

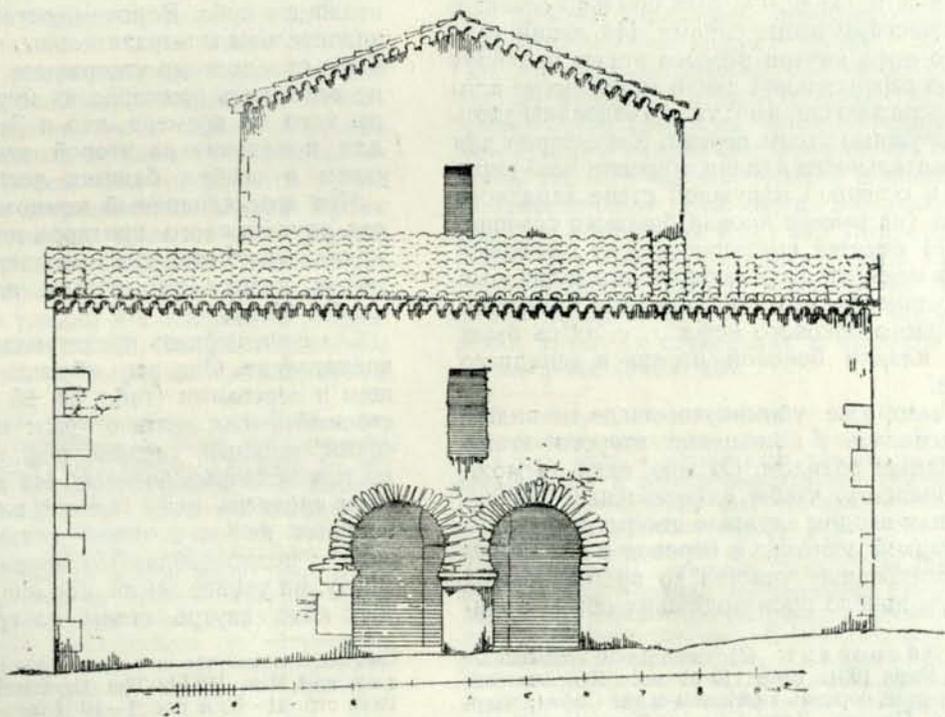
² При ремонте в 1949 году сделан бетонный импост, а арки и колонка подмазаны и выравнены (без соблюдения правильности форм).

³ Такой же проход имеется и в трехцерковной базилике св. Евстафия близ Грени, которая некоторыми чертами примыкает к данной второй группе.

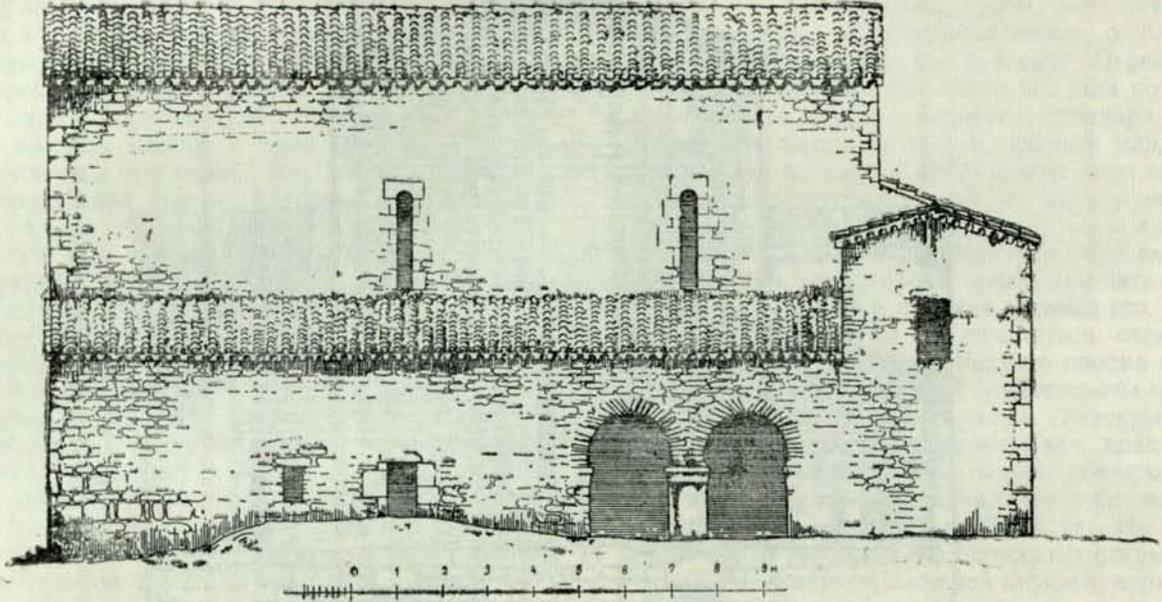
⁴ Южная арка несколько утратила правильность своей формы, которая полностью сохранена северной того же входа с запада: на чистовых чертежах обе арки показаны четкой, правильной формы, которой вообще отмечены все арки этого здания.

Восточный фасад

Западный фасад

Северный фасад

же), первоначально гладко затирались штукатуркой. Верхний этаж по западному обходу имеет коробовый свод, находящийся выше свода боковых церквей. Он был обильно освещен перечисленными выше окнами. На линии угла главного нефа внутри второго этажа притвора видны по вертикальной линии заложенные плиты ноздреватого ширими; также отделаны здесь и все наружные стены церкви. Характерно для последовательности кладки строения всей церкви, что в северной наружной стене западного притвора (на высоте кровли бокового северного нефа?) имеется выступающий из плоскости стены камень, продолжающий подкарнизный ряд модульнообразно поставленных булыжников северного бокового нефа, т. е. здесь была граница кладки боковой церкви и западного притвора.

Как было уже упомянуто, нигде не видно, как подымались в помещение второго этажа над западным обходом. Однако, едва ли можно предполагать, чтобы единственным предусмотренным входом служило отверстие на хоры по приставной лестнице и переход с них на запад. Обследование участка во время обмера монастыря навело производивших обмер архи-

текторов на мысль о возможности наружных лестниц, на которые могут указывать обрывки стен с южной стороны и на других углах двухэтажного куба. Впрочем, остатки эти не столь значительны и выразительны, чтобы это можно было определенно утверждать. Нельзя, однако, не вспомнить примеров из мировой архитектуры того же времени, что и Зегани, в которых для попадания на второй этаж устроены по углам в особых башнях лестницы¹.

Что этот единичный композиционный замысел двухэтажного притвора не есть результат каких-либо переделок, подтверждается и карнизом вверху его, общим для всей церкви (табл. 85-а).

Снаружи церковь представляет своеобразное впечатление. Она вся обросла зеленью, плетем и деревьями (табл. 84, 85 и 89). Один восточный фасад почти открыт: чрезвычайно высокий, мощный, средний неф среди низких, но тоже сильных боковых. На впечатление высоты среднего нефа влияет низкая, на линии боковых нефов, позиция длинного алтарного окна с подковообразным верхом. Кроме того, внизу, на уровне земли, два низких трубообразных хода внутрь стены, на границе делений

¹ Жан Эберсолт (Monuments d'architecture byzantine, Paris 1934, note 119 et note 155) называет Календер-джами, церковь св. Ирины и св. Софии; Касрибн-Вардан, Пирдоп, Дерев-Ахзы, ц. Успения в Никее

Софию Солунскую и ц. Тита в Гортыне. Ср. еще Ramsay and Miss Bell, The thousand and one churches 1909, стр. 41-50 и рис. 1-10 (Кара-даг, церковь № 1) и стр. 152 слл. и рис. 117-118 (церковь № 31).

Эксп. № 1035
1935-111033

нефов (табл. 84-b, с). Проходы эти обозначены по длине и направлению на плане. В конце они прерываются сплошной стенкой, это, однако, не исключает возможности, что они были длиннее и просто заложены здесь. Эти ходы являются погребальными камерами под алтарем¹.

С запада имеем по фасаду куб, чрезвычайно широкий и сравнительно невысокий, именно в ширину трех нефов, а в высоту немного выше боковых (табл. 85, 86 и 87): с запада внизу широкие, подковообразные арки входа с небольшим прямоугольным окном над ним и таким же окном в стене главного нефа, а также на юг и на север из западного нефа. Восстановлено покрытие этого двухэтажного куба при

ремонте в 1949 году без обследования сохранившихся частей или иных показателей (см. табл. 86-b). Поэтому навсегда утрачена возможность ответить на вопрос о том, как был решен этот художественно оригинальный и трудный пункт всей композиции. Точно так же и размеры и формы оконных проемов сделаны при ремонте на глазок.

Что касается продольных фасадов, то из указанных данных о восточном и западном видно, что они представляют в верхней части несколько невыравненную картину. Нижняя же часть красиво прорезана тройной и двойной подковообразными арками на круглых мощных столбах (табл. 87, 88, 89 и 90). Этот мотив удачно оттеняет формы.

8. ТРЕХЦЕРКОВНАЯ БАЗИЛИКА В НЕКРЕСИ

В Некресском монастыре, как мы уже отмечали, были построены после базилики две больших церкви — одна купольная и раньше ее трехцерковная базилика. Эта последняя почитается, как самая большая и покрытая поздней росписью, хорошо сохранившейся в главной церкви, основной церковью монастыря².

Церковь представляет, несомненно, продолжение по плану рассмотренных выше церквей и в особенности, конечно, последней в Зегани. Здесь главная церковь имеет самостоятельные комнаты жертвенника и ризницы в восточных частях боковых нефов. Они сообщаются прямо с главным нефом дверьми около алтаря. Кроме того, в боковых нефах имеются две церкви, объединяемые западным обходом. Таким образом, план этот прямо развитие предыдущих примеров: то же увидим и в отношении отдельных строительных деталей. Следовательно, мы вправе датировать эту церковь, предыдущую и

две следующие переломом VI—VII или самым началом VII века.

Сложена церковь из рваных камней сравнительно крупного размера. Кладка обычная. Углы церкви из ноздреватого ширими, как и другие маркантные части (табл. 98—101). Карниз церкви — полочкой, образован вышеуказанными плитами рваного камня и лишь кое-где желтоватого ширими. На восточном и западном фасадах карнизы образуют как бы незаконченные фронтоны, имея по одному горизонтальному камню под фронтонами этих фасадов. Из того же желтоватого ширими сделана декоративная арка, слегка подковообразной формы с отворотами у пят над алтарным окном (табл. 99 и 100; ср. базилика Дзвели Шуамта). А на западном фасаде, в коньке, из такой же плиты ноздреватого, желтоватого ширими вырезан крест на ступеньках в арочном заглублении фона (табл. 98).

План обмерен архитектором Н. П. Северовым, фотографии исполнены Т. Г. Кюне. Г. Г. Гагарин дал план и разрез этой церкви, но очень приблизительные, а частью неправильные (см. его *Le Cascaise Pittoresque*, Paris 1847—57. pl. XLVIII).

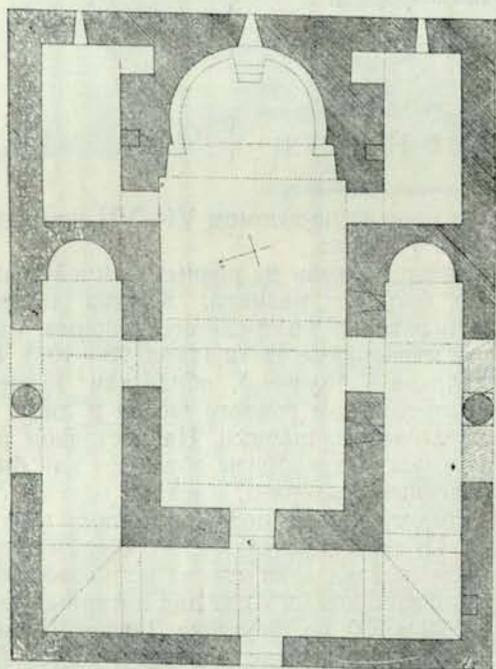
В 1947 году Отдел охраны памятников культуры заказал архитектору В. Л. Цилосани обмер здания Некресского монастыря. К сожалению, все фасадные части на чертежах трехцерковной базилики показывают не действительную картину кладки, а условный живописный рисунок. На фасадах, как и на разрезах, кроме того, все дано в графической реставрации, лишенной точности. Вот почему приходится отказаться от использования этого обмера в полном объеме.

¹ В Кахетии такие или подобные погребальные камеры со входами снаружи имеются в трехцерковной базилике св. Евстафия близ Греми (глубиной по обмеру плана 2,65 и 1,52 м, шириной 0,70, с высотой арочного проема в 0,71 и 0,88 м), затем в малой купольной церкви Дзвели Шуамта. Подобный ход обнаружен мной в одной небольшой картлийской церковке, недалеко от сел. Тигва, на правом берегу реки Авлевис-Цкали, против селения Квалеви. Имеется такая камера и в трехцерковной базилике в Табакини (Шорапанского района), где в глубине ее сохранились части скелетов от погребений, как и в просторной костнице со входом с востока же под Биетской церковью близ Икорта.

² Обследована 24.VIII.1920 г. и 24—25.VIII.1922 г.

Кровля была черепичная, в несколько (до трех) слоев; плоские черепицы громадных размеров (50 × 35 см.) и большого веса. Особенно хорошо видны и доступны на обвалившейся части северной церкви. Также видны торчащие *in situ* на обломе западного обхода¹.

Главная церковь этой трехцерковной базилики имеет на восток абсиду, подковообразной в плане формы. Арки также слегка подковообразны и имели капители, по-видимому, обычной в Кахетии формы — они закрыты штукатуркой с росписью (табл. 104). Свод на двух подпружных арках на консолях². Освещалась церковь

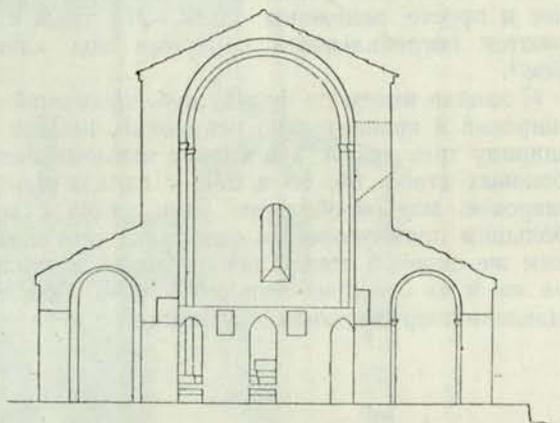
П л а н

не обильно: в алтаре одно высоко посаженное окно, и затем на юг два окна с плоским верхом изнутри и арочками ноздреватого камня снаружи. Входы имеются с трех сторон большие с подковообразными арками вверху. Южная из этих дверей позднее совершенно заложена,

¹ Образец был доставлен в Кабинет истории искусств Тбилисского госуд. Университета. Размеры взяты по нему.

² Форма их хорошо видна на западной паре у северной стены

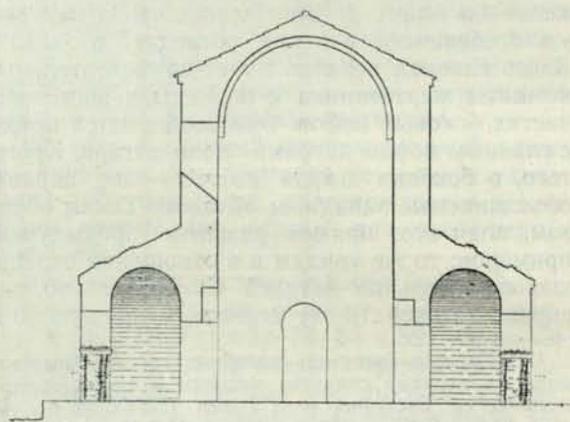
оставлена только ниша, недоходящая до полу и покрытая росписью. Снаружи двери были

Поперечный разрез с видом на восток

плоско перекрыты на высоте пят арок внутри. Эта отделка окон и дверей общая здесь с церквями за-алазанского же Сабузэ.

В алтаре под окном место для настоятеля монастыря, а вокруг абсиды — лавка для си-

Поперечный разрез с видом на запад

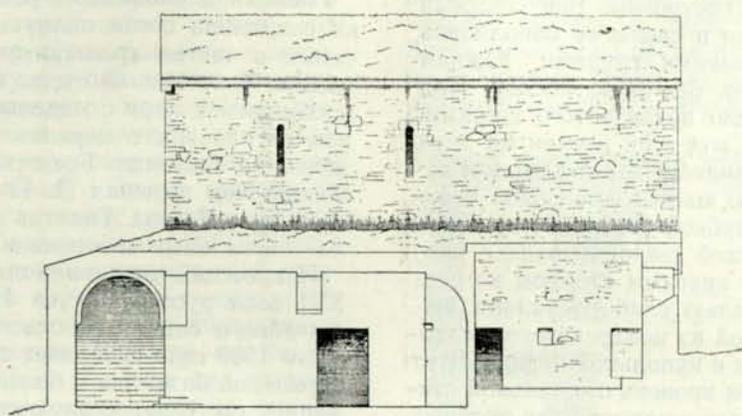
дения. Престол посреди алтаря, а у северной части стены сплошной очень неряшливой кладки стол жертвенника. Вверху в северной части стены ниша (табл. 104). Алтарная преграда

Электронная библиотека
Историко-культурного наследия
Российской Федерации

о двух вратах и двух сквозных нишах для образов, несомненно позднее сложенная¹. Жертовник и ризница, как сказано, нахо-

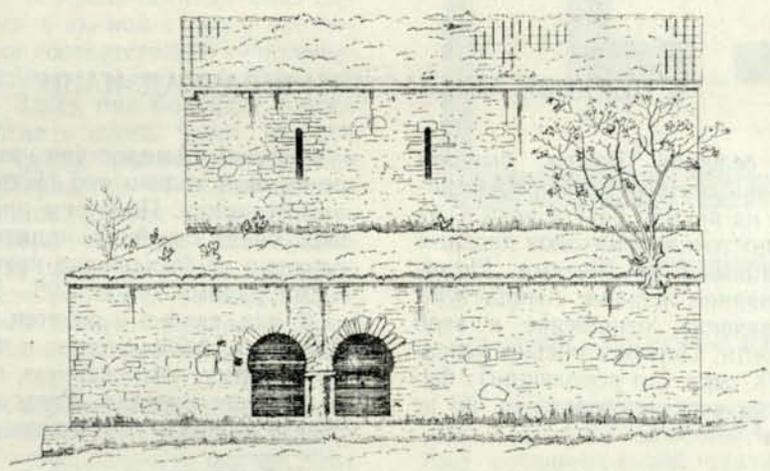
эпирался, как обычно, на утолщение средней стены (табл. 101-b); а между сводом и кровлей была сплошная масса. В южной комнате

Продольный разрез по южной церкви

дятся по сторонам алтаря, в восточных частях боковых нефов. Главная церковь соединяется с ними небольшими дверьми с плоским верхом, находящимися рядом с абсидой (табл. 100-b и 101). Пастофории прямоугольны и имеют по

две ниши в северной стене — одна около восточной стены, другая подальше. Северная комната с такими же нишами в южной стене (табл. 101-a и 100-b). Размеры большой ниши 92 см высоты, 75 — ширины и 75 — глубины.

Южный фасад

окну на восток. Свод по длине нефа. Так как свод в северном нефе обвалился, видно, что он

От земли они на высоте 75 см. Это такие же ниши, как мы их повстречали в комнатах трех-

¹ Ср. алтарную преграду XVI века в Акурском монастыре Давида Гареджийского. О расположении ме-

стных икон — ниже в описании русских послов (стр. 176).

церковной базилики Зеганского монастыря Квела-Цминда, и как увидим также ниже.

Южная и северная церкви, по-видимому, были вполне симметрично построены. Вся северная стена северной церкви и своды ее обвалились и лежат тут же большими грудами. Южная церковь имеет глухую, без окна, абсиду. Под арками конхи капители ноздреватого ширими. Престол при стене. Свод всей церкви на двух подпружных арках; пилястр нет. Со сводом западного обхода своды южной и северной церквей соединены распалубкой (табл. 103-b). Южная церковь имела свой широкий вход с юга: две арки со средним круглым столбом из равного камня и капителю слабого уклона выкружкой под полочкой из ноздреватого желтоватого ширими, как и в купольной церкви. Этот вход позднее заложен вровень с остальной стеной наглухо, в закладке оставлено два оконных просвета (табл. 102). Абсидная часть южной церкви позднее отделена сплошной стенкой с дверью и окном сверху от остального нефа.

Так же была членена и северная церковь по фасаду: при небольшой расчистке завалов, произведенной в 1949 г., мне удалось заметить поросшую мхом часть арки, с началом импоста под ней лежавшего на колонне.

Западный обход имеет свод на трех подпруж-

ных арках, без пилястр. На западе против двери в главную церковь дверь с подковообразным верхом.

Главная церковь этой трехцерковной базилики сохранила почти полную роспись с грузинскими и частью греческими подписями. В западном углу южной стены имеется ктиторское изображение царя с моделью церкви на руках, как расписавшего церковь, и царицей и царевичем по сторонам. Греческая подпись изображения, как выяснил Д. П. Гордеев, называет царя Левана. Тинатин и наследник престола — остальные персонажи (табл. 105)¹.

Некресский монастырь посетили в 80-х годах XVI века русские послы. Изданная запись из статейного списка посольства кн. Звенигородского 1589 года позволяет отнести развал трехцерковной базилики к более позднему времени. Запись сообщает следующее: «Епискупия Некресельская. Храм Успения Богородицы, подписан весь золотом с красками. Образ местный пречистые Богородицы обложен золотом с камнем с дорогим, да образ Спасов местной же обложен серебром, позолочен, да образ другой Успение пречистые Богородицы обложен серебром да позолочен, с камнем, и иные образы многие, а числом не упомянуть колко. А епискуп в нем служит именем Иосиф»².

9. ЦЕРКОВЬ АМИДАСТУРИ В ВАЧНАДЗИАНИ

Находящаяся в селении Шрома, бывшем Вачнадзиани, церковь святого Георгия Амидастури расположена на правом берегу реки Акурис-Хеви в районе постоянных находок древних погребений с бронзовыми предметами. Полагаю, что и это название церкви Амидастури имеет какое-то значение, отношение к этой освященной древности. Церковь сильно развалилась в начале XX века (до революции); были сделаны попытки реставрировать ее, но не доведены до конца³.

¹ Образцы этой росписи даны Г. Г. Гагариным в его *Le Caucase Pittoresque*, табл. XLVIII, новые копии в величину подлинника исполнены в 1917 г. для Груз. общества истории и этнографии С. Н. Полторацким (см. №№ 644, 646 и 648 по каталогу музея общества). К подписям ср. Т. С. Каухчишвили, *Греческие надписи Грузии*, Тб. 1951, стр. 346—350 (по-груз.).

² Белокуров, *Сношения России с Кавказом*, I, Москва, 1889, стр. СХХII — на обороте одного столбца

Церковь Амидастури является двойником описанной только что Некресской трехцерковной базилики. По своим пропорциям это большая, очень стройная, приятная постройка. Она сложена из булыжника крупного размера ровными рядами (табл. 106—108).

Конха, свод и верх стен главной церкви обвалились. Абсида имеет в плане подковообразную форму, выраженную, однако, слабее, чем в боковых церквях. Углы абсиды были выложены ширими. В нижних частях кирпичная

из Кабардинских дел 1588 г., д. № 2 (предположительно из статейного списка старца Закхей к посольству кн. Звенигородского 1589 года). В 20-х годах храмовой праздник в Некреси справляли на рождество Христово. Чтобы запись посольства была ошибочной, едва ли можно предположить; скорее празднование на Рождество в XX веке нужно отнести к другой церкви монастыря.

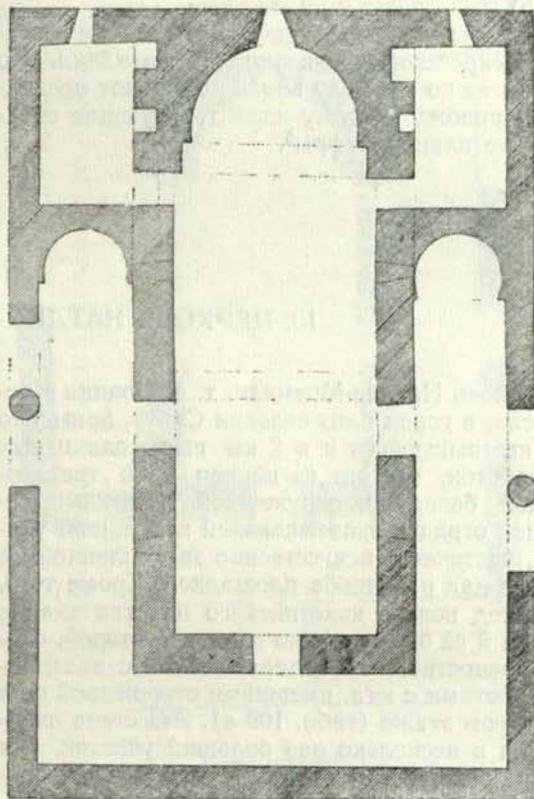
³ Осмотрена 16.VII.1920 г. Вторично 29.X.1934 г., когда сделан обмер В. Л. Цилюсани.

починка. Импост угла обычной формы полочки и скоса сделан из ширими (табл. 108-b). Освещалась церковь окном в алтаре и кроме того четырьмя окнами в продольных стенах — по два на юг и на север. Окна большие и широкие. Алтарное — с полукруглым верхом изнутри, а в продольных стенах верх окон не сохранился, но, так как проемы доходят до пят свода, вероятно, окна были горизонтально перекрыты (ср. в боковых камерах). Двери входные в главную церковь были с трех сторон — севера, юга и запада. Они большие и высокие. Южная переделана, а северная заложена, имела арочный верх из главной церкви и плоский из северной. Свод держался на двух подружных арках, консоли которых (пилястр не было) имеют тот же профиль полочки над скосом. Одна такая консоль сохранилась на южной стене, а вторая у западной. Алтарь главной церкви был повышен.

Жертвенник и ризница — отдельные комнаты, прямоугольные, с коробовым сводом и большим окном на восток. Изнутри окна перекрыты плоскими мощными булыжниками (по два на каждое окно); наружная часть не сохранилась (табл. 106-b). Соединялись с главной церковью дверьми около алтаря, низкими и незаметными (табл. 108-b). В северной комнате имеется, как и в Некресской трехцерковной базилике и как в Квела-Цминда близ Зегани, большая ниша в южной стене у восточного угла. Такая же соответственно — в северной стене южной комнаты. А немного западнее ее — малая ниша. Здесь над большой нишей квадратное отверстие в стене, через которое был ход в видимое снизу надсводное в толще стены абсиды пространство. И жертвенник и ризница находятся ниже уровня пола церкви — в жертвенник (северо-восточное помещение) три ступеньки вниз; здесь устроена церковка с престолом и т. д. — результат ремонта. Своды литые: в северной камере сохранился хорошо с раствором, в южной же видны камни и есть починка.

За жертвенником и ризницей в западном направлении располагались боковые церкви. Абсиды их имеют подковообразную форму. Обе чрезвычайно пострадали — особенно южная. Лучше сохранившаяся северная боковая церковь имела самостоятельный вход с севера через двойную арку на среднем столбе. Сейчас обе арки заложены и частично восстановлена под ними стена. Однако, даже фото ясно показывает части обеих арок и закругление среднего столба (табл. 108-a). В натуре это проследивается вполне отчетливо, как снаружи, так

и изнутри — восстановлено в плане. Северная церковь сохранилась только до границы западного притвора (табл. 107-a). Южная же еще меньше: только до двери из главной церкви. Здесь сделана во время ремонта западная стена со входом; таким образом, получилась вторая церковка, уже с абсидой, хоть и без окна.

План церкви „Амидастури“ (схема восстановления)

• По остаткам фундамента в юго-западном углу и по всей западной стороне видно, что был соединительный западный обход (табл. 107-b). Так как стенка с запада против двери в главную церковь сохранилась глухая, не менее одного метра выше уровня пола, то нужно считать, что с запада входа в обход не было¹. Как соединялся свод боковых церквей со сводом западного притвора, ничего сказать нель-

¹ Ср. Велисцихе, Ахмета.

зя; но едва ли можно сомневаться, что и здесь была распалубка¹.

Наружный облик храма, вследствие упомянутой попытки восстановления его, частично пострадал. По восточному фасаду, видимо, были из ширины сделанные обрамления окон в форме арки; над боковыми арка опускалась ниже плоских внутри перемычек (ср. табл. 106-б).

Размеры церкви Амидастури в общем крупнее Некресской трехцерковной базилики. Но формы ее по замыслу вполне отвечают последней. Привожу поэтому характеризующие соотношение планов цифры².

	Некреси	Амидастури
Длина главной церкви	12,32	15,23
Ширина главной церкви	4,89	5,23
Ширина боковых церквей у западного обхода	2,08	2,35
Длина боковой церкви с западным обходом	10,46 (S)	13,52 (N)
Длина восточной комнаты	4,63	4,20
Ширина восточной комнаты	2,04	2,25
Толщина наружных стен	0,80	0,80
Толщина внутренних стен	1,05	1,00
Длина восточного фасада	12,97	13,45
Длина бокового фасада	17,19	20,25

10. ЦЕРКОВЬ НАТЛИС-МЦЕМЕЛИ ОКОЛО САБУЭ

Церковь Натлис-Мцемели, т. е. Иоанна Крестителя, в горах близ селения Сабуэ, примерно в 7 км. выше него и в 2 км выше сланцевых разработок, состоит из церкви типа трехцерковной базилики, окруженной остатками каменной ограды, охватывающей небольшой участок, частично с искусственно закрепленной на обрыве над р. Инцоба площадкой. Кроме того, в период нового кахетинского царства здание церкви и ее ограды было охвачено второй, скорее крепостного характера, стеной с въездными воротами с юга, имевшими сторожевой пост во втором этаже (табл. 109-а). Эта стена охватывала в несколько раз больший участок, чем первая ограда. Вне ограды с запада над обрывом стоит еще один этаж вместительной круглой оборонительной башни с единичной разделкой бойницами³. Несколько крупных и помельче, разрушенных до основания зданий видно перед самым подходом к огороженному участку церкви.

Постройка церкви была крупных, внушительных, особенно по высоте, размеров. Она на половину совершенно развалилась, но со-

бирала еще в первые годы после революции поклонников 24 июня и в значительно большем числе зимой в праздник крещения, 6-го января⁴.

Состояние церкви, как сказано, плачевное и это особенно затрудняет ее исследование. Свод главной церкви свалился и лежит причудливыми грудями, поросшими кустарником и крапивой на полу ее, так что его не видно нигде. Северная церковь совершенно завалилась и кроме как о незначительных частях с запада и востока о ее неперестраивавшихся формах ничего сказать нельзя. Западная часть обхода расколота надвое по шельге свода и западная половина обхода (частью на северо-западном углу) совершенно отсутствует, а в остальном лежит тут же на земле грудями обломков стены и свода (табл. 110). От южной церкви выделенная комната ризницы в общем стоит, но без свода: остальная часть ее сохранила и своды, подпертая перед входом четырехэтажной квадратной в основании башней (табл. 110).

План Натлис-Мцемели близ Сабуэ непосредственно связывается с планом Зегани, Некреси

³ В 1920 г. она имела еще стену верхнего этажа с большими окнами в восьми пролетах.

⁴ Осмотрены 23.VIII.1920 г. и вторично уже через 19 лет 30.VIII.39 г. План, предлагаемый здесь, является схематичным, он сделан по цифровым данным, взятым поневоле разрозненно и притом в оба посещения, независимо один от другого. Во второе посещение архитектор Л. Д. Рчеулишвили промерил южный вход и главную церковь и затем вычертил вновь весь план по моим указаниям. Фото А. Д. Мамулашвили и Отдела охраны памятников.

¹ Правда, сейчас в конце северной церкви, т. е. на границе западной стены главной церкви — открытая арка, несколько утолщенная вниз. Но это явно продукт ремонта и во всяком случае совершенно недостаточно для укрепления на ней пяты свода западного притвора.

На северо-западном углу с западной стороны главной церкви виден облом выстроенного слитно свода (табл. 107-а).

² Для Некреси цифры взяты из обмера Н. П. Северова, а для Амидастури — В. Л. Цилосани.

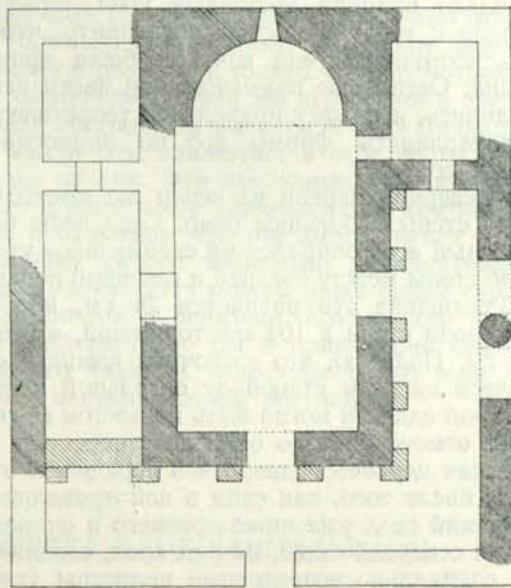
и т. д.: выделены были для главной церкви жертвенник и диаконник в восточных концах боковых церквей. Отличием является наличие двери из южной церкви в ризницу, помимо входа в нее из главной церкви. Отсутствие аркатуры с северной стороны, т. е. отказ от художественно уравновешенного решения композиции говорит о времени начавшегося отхода от строгих форм классики. Конечно, оно было мотивировано положением церкви вне селения, у подножия Кодорского перевала в Дагестан и прямо под круто поднимающейся скалой, так что единственным нормальным подходом к церкви являлась ее южная и дополнительно еще западная сторона. На тот же отрыв от классических установок указывает и применение дополнительно в качестве строительного материала кирпича крупного калибра в арках южного входа и др.

Построена церковь Натлис-Мцемели близ Сабуэ из рваного камня, как он имеет частичное применение в Матани, Алвани, Некреси и так же, как там, это вызвано естественным местоположением в горах, — и из кирпича. Кирпич имеет большого размера — 28 см при 7 см толщины. Он рыхлый, плохо обожженный, как и кирпич базилики Саба-Цминда в Карданахи¹. Кроме того, в переделках употреблен поменьше кирпич в 23 × 23 × 5 см и поливные, голубые черепицы для кровли². Основная кладка церкви выполнена небольшими, равной величины, плитками рваного камня, положенными рядами с наклоном поверхности. Ряды разделены затем плоскими шиферными плитками, как бы прочерчены (табл. 110-б).

Главная церковь составляла высокий, довольно узкий неф с алтарной абсидой на восток, слегка подковообразной в плане и, судя по остаткам с юга, с такой же формы аркой конхи (табл. 111-а). Арка эта, сложенная из кирпича, опиралась на сильно профилированную капитель — из цельного желтоватого квадрата ширины (табл. 111-б); устой под нею так же из этого ширины. В алтаре одно длинное окно, имеющее изнутри плоскую перемычку того же желтоватого ширины, а снаружи арку подковообразной формы, по сторонам которой на том же камне справа сделан крест, а слева две впадины. Наружная арка расположена ниже плоской перемычки внутри (табл. 109-б, с).

Остальное пространство церкви до западной

стены представляет собой сплошную залу, освещенную двумя окнами с юга (были ли с севера, неизвестно, ибо стены этой нет) и одним сравнительно небольшим и неровным, с запада (табл. 111-с). Она имела двери с запада, из притвора, в центре южной (и можно думать по аналогии — и северной) стены из боковых церквей и затем около абсиды маленькие двери на юг в отдельную восточную комнату и, несомненно, имела такую же и на север³. Неболь-

План (схема)

шая восточная дверь на юг имеет плоское перекрытие; а входные двери с запада и юга были большие, высокие, с арочным верхом (табл. 111-а, с). Они позднее понижены. В западном входе заложен весь верх, а над южной, несколько переделанной, виден также на большой высоте, такой же, как над западной дверью, выступ полукругом, т. е. остатки арки. От перекрытия нефа ничего не сохранилось, но оно было, конечно, коробовым сводом, что подтверждается и сохранившимися формами западной стены⁴.

³ Эта часть вся обвалена и завалена горами камня; на чертеже восстановление.

⁴ На западной стене сохранились остатки росписи, о которой имеются данные в отчете Д. П. Гордеева (Известия Кавказского отдела МАО, в. V, Т. 1919, стр. 9).

¹ Образец, взятый из развалившихся частей западного притвора, доставлен был в Кабинет истории искусства Университета.

² Образец поливной черепицы также был доставлен в Кабинет истории искусства Университета.

С помещением главной церкви в среднем неф органически связаны восточные комнаты в боковых нефях. В церкви близ Сабуэ сохранилась только часть юго-восточной комнаты. Она была вся прямоугольна и сообщалась, как сказано, дверью с главным нефом. Кроме того, она имела также дверь и на запад в южный неф. Дверь эта, позднее заложенная, видна теперь только в последнем помещении, так как уровень земли в юго-восточной комнате выше перемишки двери¹. В северном неф сохранился только крайний восточный угол, который позволил с несомненностью установить, что и здесь восточная стена изнутри была прямоугольна. Остальные примыкающие части нефа обвалились, а потому приходится теоретически восстанавливать формы его по аналогии с южным нефом.

Из северной церкви на север же имеется в центре стены небольшое окно. Свод нефа был коробовый и он опирался на специальное утолщение стены между средней и северной церквами. Утолщение это равняется 24 см, ибо до пяты свода стена в 104 см толщиной, а выше в 80 см. Полагаю, что восточная комната отделялась наглухо стеной от остальной части, в которой едва ли могла быть на восток абсида и, как отмечено, было окно на север.

Южная церковь подверглась переделке, очевидно, после того, как свод в ней провалился. Нынешний свод уже ниже древнего и опирается, при северной стене, на ряд арок, соединяющих специально возведенные пилястры (табл. 111-d). Арки сложены из кирпича малого размера. Крайний западный пилястр заслоняет раньше бывшую здесь широкую во всю ширину нефа арку, которая соединяла южный неф и западный притвор (табл. 110-b). В первое посещение весь этот пролет был заложен камнями, а во второе — только внизу. У южной стены свод начинается теперь ниже первоначальной пяты, как это особенно ясно видно с запада. Снаружи в южную церковь открывается двойная широкая аркада подковообразной формы (табл. 112-a, b). Она опирается на срединный круглый, сложенный из рваных камней, столб с прямоугольным импостом из цельной каменной ноздреватой плиты ширины: полнейшая параллель к Зегани или Некреси. Арки имеют полную форму подковы, сложенной из кирпича крупного калибра.

В этой части южной церкви по фасаду (внутри пристроенной башни) еще виден старый карниз, выпущенный вперед полочкой с сухариками (табл. 112-b)².

Западный обход первоначально был соединен как с северной церковью, так и с южной, во всю ширину и высоту их. Полагаю, что здесь было пересечение сводов распалубкой, по типу Некреси, ибо сохранились у южной стены остатки начала древнего свода в этой части. Позднейший свод в западном обходе был возведен одновременно с позднейшим сводом южного нефа. Он также опирался по восточной стене на арки, соединяющие встроенные пилястры (табл. 110-b). Арки эти того же кирпича мелкого калибра. Древний свод был расположен выше; повидимому, на общей высоте с пятой свода в северной церкви. Так же, как в ней, он опирался на утолщение стены, видное выше пяты позднейшего свода. Это же пониженное устройство сводов потребовало и понижения входных дверей в главную церковь с запада и юга. Конечно, в связи с понижением сводов южного и западного нефов, и кровли стали ниже, в частности, ниже кровли северного нефа. Западное окно из главной церкви приходилось бы в плоскости, которая была закрыта первоначальной кровлей, а потому его следует считать позднее сделанным, не случайно оно какое-то кривое и маленькое, и расположено внутри здания слишком низко.

В коньке западного фасада на плите желтого ширими вырезан маленький равноконечный крест в круге. Исполнен четко по своему рисунку.

Натлис-Мцемели пережил не только несколько основательных разрушений, но также и основательных реставраций. Теперешнее состояние его разрушения с завалом на два метра и более над полом не позволяет установить все с желательной полнотой. Однако, ряд пунктов можно отметить. Так, конха главной церкви, видимо, была чинена; начиналась она первоначально выше позднейшей, именно с того места, где в видимой кладке конха обрушилась, т. е. где только-только начиналось ее закругление (ср. табл. 111-a). Кладка ее была горизонтально положенными плитками. Починенная же конха начиналась ниже, на уровне профилированных из целого квадрата ширими импостов по углам абсиды. Здесь-то и была выведена из кирпича

¹ Сейчас в эту ризницу как бы ведут с юга два окна; из них второе еще понижено и одна притолока его чинена внизу позднее кирпичем (как бы переделана в дверь). Было ли окно на восток, из-за завалов нельзя выяснить.

² На приводимом мною (табл. 112-с) снимке Отдела охраны памятников зафиксирован попавший при ремонте древний камень с фрагментом надписи *ᲔᲗᲗᲗ*, который Т. В. Барнавели читает как Сабва упали, т. е. Савва государь (господин).

угловая справа часть конхи. После обвала сводов южной церкви и западного обхода была выстроена аркатура, не только сузившая нефы, но и рассчитанная на пониженное расположение сводов. Это повлекло за собой частичную закладку и сильное понижение дверей с юга и запада в главную церковь. При этом обрушении сводов во всяком случае сильно обвалился весь северо-западный угол обхода¹. Это вызвало частичное врезывание конца созданной аркатуры в наружную северную стену храма и создание стенки за последним пролетом ее, выстроенной под свод северной церкви (ср. табл. 110-б). Она закрыла ее с запада, оставив лишь узкую дверь в ней. Эта стенка выведена увязанной с соответственным пролетом арки и пилястрами. Дверь в ней позднее была наглухо заложена. Эта починка, судя по примененному в аркатуре кирпичу малого формата, была произведена в XVI веке.

Роспись церкви сохранила, как сообщил мне Д. П. Гордеев, ктиторийский портрет царицы Тинатин. Таким образом, с этой стороны подкрепляется выдвинутая мною примерная дата основного ремонта, и еще на одном памятнике

архитектуры закрепляется большая культурная работа этого позднего времени.

Тогда же, вероятно, пристроена перед арочным входом с юга башня, в кладке которой тоже вмешан кирпич (табл. 110-а).

По-видимому, независимо от этого ремонта, была чинена юго-восточная комната снаружи. Починка неряшливая, грубая, не довела толщину восточной стены снаружи до общей линии с главной и северной церквами.

Церковь Натлис-Мцемели, как было отмечено, примыкая полностью по своим формам, подходу и размаху к только что рассмотренным и к следующей, такой же вытянутой в средней церкви постройке в монастыре близ Вачнадзиани, как и она, заключает в себе черты также отхода от них. Это последнее, т. е. игнорирование строгостью и равновесием в композиции, ясно показывает, что мы имеем перед собой постройку скорее несколько продвинувшейся вперед эпохи, быть может, даже одной группы с базиликами в Зедазени, Алвани или Акура. Это поддерживало бы и применение кирпича крупного калибра, относящегося по всем данным к первоначальной постройке.

11. РАЗВАЛИНА В МОНАСТЫРЕ КВЕЛА-ЦМИНДА БЛИЗ ВАЧНАДЗИАНИ

Известный монастырь Квела-Цминда в горах близ селения Вачнадзиани (ныне Шрома) с его выдающейся купольной церковью заключает в себе много различных построек. На запад от купольной церкви находится развалина крупной же церкви базиличного типа с двумя боковыми церквами, которая займет здесь наше внимание. Несомненно, это был богатый и большой прославленный монастырь. Кругом купольной церкви есть ограда со входом с запада, кирпичным, позднейшим. В северо-восточном углу ограды два очень больших монастырских здания, стоящих рядом, одно из них, по-видимому, трапезная со многими в стенах нишами, из которых пара нишек подковообразной формы. На юго-восток и на юг при ограде небольшое помещение и второе квадратное (библиотека). На северо-восток около базиличной церкви также какое-то помещение. Кроме

того, и еще в разных местах заметны остатки построек и частью очень значительных. Северо-западнее базиличной церкви, немного ниже, в ложине, находится монастырский родник, отделанный сверху литым на плетеной палубе сводом².

Базиличная церковь монастыря Квела-Цминда есть, по-видимому, первоначальная крупная церковь монастыря, выведенная затем из строя построением купольной. Она построена на краю склона горы, почему обвалилась на запад вся подлежащая часть церкви, а устояла только алтарная часть (табл. 113—115). Внизу на склоне и в начале его грудой видны камни и части храма.

Кроме трехцерковной базилики, по обеим сторонам ее, построены были также еще церкви с односкатными крышами, задуманные и выполненные одновременно с главной трехцерковной, хоть и вприслон к ней. План Вачнадзиан-

¹ Может быть, его тогда уже подмывала вода родника (?), протекающая и сейчас еще широкой струей под этим углом здания.

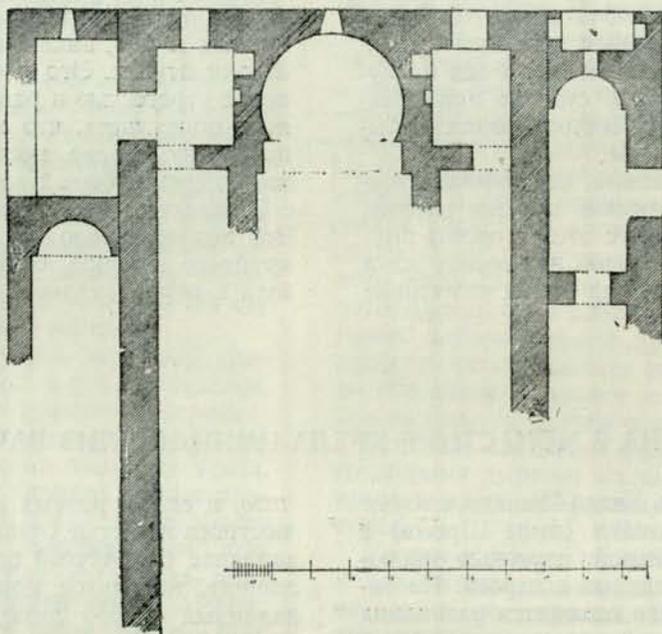
² Осмотрен 1 и 2.VIII.1920 г. и 28.VIII.1922 года, когда сделаны первые фотографические снимки; план

же развалин сделан тогда только по основным цифрам, схематичный; его вычертила арх. Р. М. Эристави. В 1939 г. по поручению Отдела охраны обмерил эту руину арх. М. Г. Калашников.

ской трехцерковной базилики совпадает в значительных частях с только-что описанными церквами. В главном нефе была абсида, по сторонам которой самостоятельные прямоугольные комнаты с дверьми на запад в боковые нефы и, что особенно примечательно, с входными дверьми с востока (табл. 113 и 114-а). Хотя кроме наружных, северной и южной стен, на значительную длину внутренние не сохранились, но так как имеющиеся остатки их не обработаны гладко, а, наоборот, явно представляют собой оборванную стену (табл. 115), то полагаю, что в этой церкви — новый

Восточный фасад (табл. 113 и 114-а). Средний высокий неф — с двускатной крышей и боковые — с односкатными. Стена гладкая из больших булыжников, а углы ее желтоватого ширими. В центре среднего нефа окно, длинное, но меньше, чем алтарные окна купольного храма; отделано подковообразным верхом и выступающей над ним на большой плите ширими аркой с горизонтальными у пят отворотами. В боковых нефах также по окну, небольшому, и под ними по двери. Окна также отделаны тесаным камнем.

Юго-восточная комната. Южная

План трехцерковной базилики (схема)

особый пример трехцерковной базилики. Он еще был усложнен тем, что с севера и юга пристроены вприслон дополнительные церкви, т. е. здесь имеются пять нефов.

При этом план развит в том направлении, что, между главным алтарем и крайними церквами, созданы соединительные звенья в виде небольших проходных комнат.

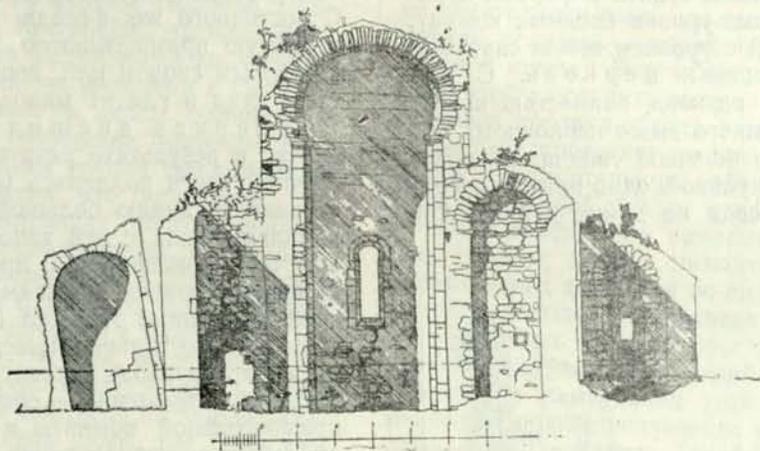
Дальнейшее описание, как и в Карданахской церкви, проще всего будет построить по отдельным частям, сперва снаружи, потом **внутри**.

Материал постройки составляют булыжники и отчасти кирпич большого калибра. Вязи углов и другие маркантные места выложены тесаным, желтоватым, ноздреватым ширими.

дверь с востока ведет в маленькое, но очень высокое помещение со своеобразным сводом, литым по палубе, которая составлена из четырех ровных плоскостей, т. е. имела в каждую сторону прямой откос и образовывала пирамиду (табл. 116-б). Входная дверь с востока внутри имеет сложенную из кирпича арку; а окно — плоский верх. Против входной двери находится дверь на запад, ныне заложенная, с арочным же верхом. В северной стене комнаты у восточного угла ниша в 38 см ширины, 79 высоты и 53 глубины. Уровень пола этого помещения на 80 см ниже уровня почвы снаружи, так что нужно нагибаться, чтобы войти в помещение.

Северо-восточная комната. Северная дверь с востока ведет в подобную юго-восточной комнату, маленькую, высокую с таким же сводом. Входная дверь имеет внутри арку из кирпича, а окно над нею плоский верх. Против входной двери находится дверь на запад,

Верх ее был, по-видимому, полукруглый. Однако, быть может, происхождение ее совершенно иное, и она — заложный сквозной пролет в алтарь. Это предположение вызывается благодаря отсутствию одного камня; в данном случае глубина ниши будет 75 см. Уровень пола

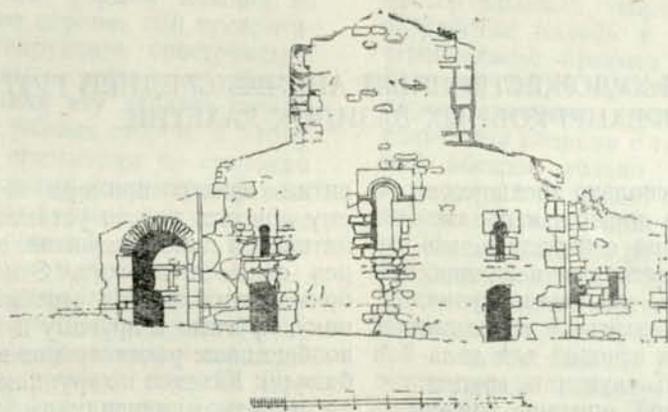

Поперечный разрез

отделанная сверху кирпичной аркой с изломом (кирпич 33×6 см). На север тоже дверь с полукруглой кирпичной аркой снаружи, а в комнате верх ее образует тимпанный камень, под которым были притолоки, ныне обломанные. В южной стене две ниши — восточная больше (47 см ширины, 90 высоты и 47 глу-

в этом помещении ниже уровня почвы сантиметров на 50.

Алтарная часть главной церкви. (табл. 115). Абсида в плане подковообразна с полуциркульной аркой. Она, как и вообще вся церковь, была очень высокая — примерно в три раза выше ширины. Боковые нефы, по-видимо-

Восточный фасад

бины) и западная малая (34 ширины, 45 высоты и 20 глубины). Первая — на высоте от пола комнаты в 65 см, она как бы для сидения, вторая столь плоская, что кажется естественным предположить, что она служила для образа.

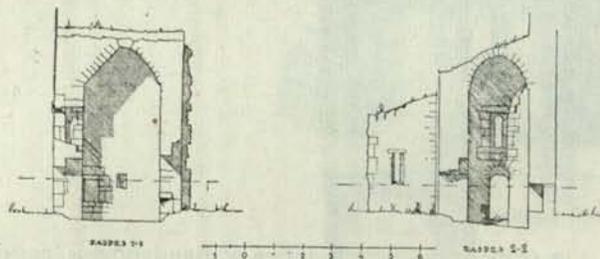
му, отделялись от главного стенами, ибо с обеих сторон имеются отломанные начала их. При восточных стенах боковых нефов сохранились остатки коробовых сводов; в главном же нефе ничего нет. Остались еще, кроме упомянутого,

только части внешних северной и южной стен, позволяющие утверждать, что с севера входной двери не было. В северной стене есть маленькие сквозные отверстия внизу и вверху, также и в южной стене внизу (16 × 30 см). В середине же церкви все совершенно ровно и нет никаких данных, чтобы судить о формах церкви. Уровень ее выше уровня входных комнат, примерно он общий с уровнем земли снаружи.

Южная внешняя церковь. С юга вприслон выведена церковь, полностью из булыжника. Пол ее много выше церковного, ибо под этой церковью большой сводчатый склеп. В абсиде, полуциркулярной, одно прямое сверху окно. Коробовый свод по длине церкви опи-

лась первая подпружная арка — дальше на запад церковь тоже разрушена вся. Арка подковообразной формы и имеет капитель из квадрата обычной формы двух пересекающихся плоскостей (табл. 116-а). Арка очень грузная, на сильно выдающихся пилястрах. С юга церковь имела широкую входную арку (табл. 114-б). С восточного же фасада эта церковь имеет открытую прямоугольную в плане экседру с коробовым сводом или, проще, аркой на импостах, куда и глядит малое прямое окно.

Северная внешняя церковь. Она сейчас в результате разрушения и откола восточной части поддалась вперед и слегка выступает за линию большой церкви, но первоначально была с ней заподлицо и построена, конечно, одновременно, представляя вместе с большой и южной церквами цельный, связный композиционный замысел (табл. 113 и 114-а). Она, как и остальное, выведена вся из булыжника. Эта церковь состоит из двух самостоятельных помещений — восточной небольшой прямоугольной комнаты и западной церкви с абсидой в восточном конце. Прямоугольная восточная комната имеет окно на восток с прямым входом и дверью на юг в северо-восточную комнату большой церкви. От северной стены этой комнаты только части основания сохранились; западная стенка ровная, глухая. Ее обратная сторона составляет маленькую абсиду западной церкви.

Разрезы по северо-восточной проходной камере

рается с северной стороны на выступающее утолщение стены большой церкви. Сохрани-

12. КРАТКИЙ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ СРЕДНЕЙ ГРУППЫ ТРЕХЦЕРКОВНЫХ БАЗИЛИК КАХЕТИИ

Для начала выделено несколько трехцерковных базилик, как наиболее древних и показывающих нам, как постепенно собирались, выработывались отдельные элементы в зданиях этого типа. Таким образом, это была группа, которая помогала нам очертить те исходные пункты, которые послужили основой для дальнейшего развития форм. Следующая группа, пять представителей которой описаны только что, является уже художественно законченной с некоторыми внутренними вариациями. Эта вторая группа по времени тесно примыкает к последним в первой группе. Как эти последние, церковь в Зегани относится к перелому VI—VII вв. Однако, как в первой группе, так и во второй нельзя говорить о прямолинейном раз-

витии одного примера от предшествующего ему другого, нельзя установить прямой поступательной линии развития, зависимости примеров один от другого. Этим обстоятельством примыкания одними чертами к одному памятнику, другими к другому и т. д. и обусловлено вообще наше рассмотрение этих трехцерковных базилик Кахетии по группам. Различаются тогда не только индивидуальные черты отдельных памятников и взаимное отношение между отдельными из них, но и целиком отличие групп, так сказать прогресс в художественном овладении такого рода композицией.

Если в целом трехцерковные базилики древней группы настолько же тесно связаны между собой, насколько тесно связаны памятники

средней группы между собой, то, несомненно, Зеганская церковь примыкает отдельными элементами и к церквам в Сабуэ или Торнисе, как было уже отмечено в описаниях. Но по общему характеру она является столь крупным и самостоятельно врывающимся храмом, что несомненно творчество ее зодчего. Подобно Зегани, и церковь в мон. Квела-Цминда близ Вачнадзиани связывается отдельными конкретными элементами с теми же церквами в Сабуэ и Зегани и опять являет в целом совершенно своеобразное, новое творческое решение. Как сказано, вся эта средняя группа тем особенно выделяется среди других, что постепенно, порознь в разных памятниках подготовленные мотивы были смело использованы, проработаны в целом данной композиции, а всему характеру первоначального планового задания дано совершенно новое толкование и изложение.

Вместо бесцветного мотива построенных в ряд трех церквей зодчие подошли здесь с новой точки зрения. Они смотрели на здание, как на художественно единое целое, где одно помещение является главным, доминирующим, а остальные должны быть ему подчинены, как дополнительные, второстепенные; где, следовательно, не может быть больше трех равноценных пространств, едва различных между собой некоторой разницей в площади и в высоте, да и в характере и расположении дверей и окон. Они перекомпоновали всю тему в отношении обострения контрастов, в установлении различий по художественным формам каждой из трех церквей. Среднюю церковь они превратили в главное и доминирующее пространство. Сильно подняв его ввысь, уширив и удлинив его площадь, они залили эту церковь светом через большие окна с разных сторон. К этому главному помещению примыкают по сторонам алтарной абсиды отдельные комнаты жертвенника и ризницы. Таким образом, дано развитие и усложнение плана главной средней церкви вместе с увеличением ее самой за счет боковых. Боковые церкви низведены на степень дополнительной отделки, художественно нужной зодчему своими прорезными аркадами, а вовсе не приделами для самостоятельной службы. Вот почему он выделяет под жертвенник и ризницу

¹ К этой планировке восточной части интересно сопоставить план малоазиатской купольной церкви VI в. в Ходжа-Калеси (по Гуйэру; Алахан-монастырь — см. например, Strzykowski, Die Baukunst der Armenier, II, Abb. 793, S. 843 или Fr. Wachsmuth, Der Raum, II, Abb. 58 и 59, или S. Guyer, Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst, Einsiedeln-Zürich 1950, Abb. 24-a, 31 und Taf. X-c, пов-

самостоятельные комнаты в восточных боковых нефов, с единственными проходами из главной церкви; вот почему боковые приделы не только у него значительно менее длинные, чем средняя церковь, но и значительно более узкие и более низкие, чем она. Ко всему они не имеют вовсе окон, освещающих их, а свет — мягкая полутьма — царит в них через аркады боковой стены¹. Этого было бы мало для зодчего, чтобы получить полную картину дополнительного портика-обхода к главной церкви. И потому он применяет самым широким образом мотив соединительного обхода по западному фасаду, каковой так же прорезан арками. Получается совершенно равномерное, непрерывное течение такого низкого, неширокого и прорезанного аркадами по внешней стене трехчленного обхода, подчеркивающего размеры и значение всего среднего пространства с его алтарной стороной, неимеющей обхода². Таким образом, в памятниках этой средней группы мы видим полное подчинение темы, которая задана была церковью, требованиям художественного единства и целостности композиции. Но, конечно, при всем творческом блеске внутреннего бесцветности темы, не дающей возможности создать ряд пространств-помещений, функционально связанных между собой, не могла не отразиться на законченности и данной ее разработки.

Все четыре представителя средней группы не только носят общий отпечаток свободы и самостоятельности творчества, но сходны и по разработке планов и применению отдельных строительных приемов и архитектурных форм. Все они имеют по сторонам алтаря главной церкви отдельные прямоугольные комнаты, соединенные дверьми с главным нефом около самой абсиды; только Вачнадзианская руина этих дверей не имеет, но она вообще композиционно задумана и несколько иначе и еще шире. Именно для средней группы характерен мотив двух комнат. В двух примерах, именно в Натлис-Мцемели близ Сабуэ и в Зеганской церкви, из юго-восточной или из северо-восточной комнаты имеется даже еще дверь в соответствующую боковую церковь, служившую, очевидно, лишь условно отдельной церковью,

горящие все одни и те же чертежи Headlam-a 90-х годов. Новейшее издание памятника P. Verzone и др. 1955 г. мне известно только по названию).

² Для этого мотива обхода с запада тоже, пожалуй, интересно вспомнить разные христианские постройки, примерно того же времени в Малой Азии (Ramsay and Bell, The 1001 churches, 1903, №№ 1 и 31, fig. 1—10 и 117—128).

Главным же образом притвором. В Некреси и Амидастури этого нет — и с юга и с севера здесь отдельные церкви. Наконец, церковь в монастыре Квела-Цминда близ Вачнадзиани, в горах, — которая, к сожалению, по своему разрушению совершенно недоступна больше для восстановления во всех своих частях, кроме восточной, — как сказано, композиционно задумана неизмеримо шире предыдущих и вообще других церквей. А в связи с этим, находится, конечно, и иная компоновка отдельных помещений между собой и в своем взаимоотношении. Мы имеем здесь, как показало описание, не просто формы трехцерковной базилики, а «пятицерковной», благодаря добавленным по сторонам двум однонефным церквям. Мы показали, что все пять нефов представляют выражение одного композиционного замысла. Он существенно расширил возможности, бывшие в распоряжении архитектора: по сторонам главной абсиды здесь имеются две комнаты в восточных концах южного и северного нефов. Комнаты эти служили, однако, не жертвенником и ризницей, а проходами в храм, ибо имеют с востока двери. Здесь архитектор использовал, таким образом, рано исчезнувший мотив восточных дверей, использовав его для своего совершенно особого вдохновения. Против входных дверей с востока из этих комнат вели вторые на запад в боковые нефы. Сделать, как в других, двери в главный неф, здесь не соответствовало бы потребности строения. Таким образом, здесь применен тот же мотив, что и в Зегани в северном нефе и в Сабуэ в южном, а именно из отдельной комнаты ход в нефы-притворы, только здесь таковыми являются оба боковых нефа. Архитектор устроил одну церковь в главном, а боковые отвел под входы и проходы-притворы с трех, нужно думать, сторон. Две же боковые церкви он поместил в специально расположенных еще двух нефах. Но его композиционный план, таким образом, отказался от самостоятельных жертвенника и диаконника по сторонам абсиды. Чтобы разместить их, он устраивает перед северной церковью особую комнату рядом с проходной с востока комнатой и соединяет их дверью. Таким образом, он дает все-таки особое помещение для жертвенника главной церкви. Итак, здесь налицо чрезвычайно широко задуманный и

оригинальный план¹. Но связь его с другими известными нам уже трехцерковными базиликами намечается как выше отмеченными элементами, так равно одной мелкой, но характерной деталью: в восточных комнатах имеются большие, глубокие в стенах ниши, как бы сидения, которые встречаются и в Зегани, Некреси и Амидастури².

Переходя теперь к приемам построения, архитектурным элементам и вообще к пониманию и характеристике пространства в отдельных из церквей, мы должны отметить, что при всем благородстве, спокойной торжественности Амидастури и Некреси, они не представляют такого импонирующего, грандиозного, уходящего ввысь пространства в главном нефе, как Вачнадзиани и Зегани. Точно так же и по наружному виду они значительно уступают во впечатлении вторым. Далее также параллельно идут полуциркульные с подковообразными арками, как и в плане абсид; они остаются параллельным явлением, а не хронологическим. В оформлении боковых церквей применены круглые столбы при входах, мотив, получивший в Зегани свое наиболее представительное и широкое использование: архитектор достигает здесь больших художественных эффектов.

Декоративная сторона этих трехцерковных базилик столь же мало развита, как и в древнейших: простая декоративная арка над окном, небольшая плита с крестом — вот и все. Как сказано, церкви Кахетии этого времени еще заняты исканием архитектурных форм, они не мирятся еще ни с какой схемой, а потому не видят нужды изодрать свою фантазию на декоративном украшении; эта тенденция восторжествовует только в постройках трехцерковных базилик следующего периода, периода замирания самого типа, не дающего уже более простора зодчему. Описание последующих трехцерковных базилик покажет, что строители их вынуждены ввиду убожества собственно-архитектурного создания обратиться к декоративному убранству, к украшению своих построек так же, как мы это видим и при разборе настоящих базилик в позднее время VIII—IX и X—XI веков.

В добавление к рассмотренным в этой группе памятникам считаю нужным назвать еще постройку в Вакири, Сигнахского района³. Это

¹ С этим сложным планом в восточной части Вачнадзианской развалины монастыря Квела-Цминда интересно сопоставить план ц. Марии в Майфаркине (около 591 года) или Никейской церкви успения.

² К такому плану ниш в восточных комнатах ср.

сирийскую базилику 582 года в Ит-Туба (H. C. Butler, Princeton Expedition to Syria, том II, В. I, ill. 17 или H. G l ü c k, Breit und Langhausbau in Syrien, 1916, Abb. 38).

³ Была осмотрена 24.XII. 1933 г.

по всем остаткам древней композиции один из примеров тоже как раз данной второй группы трехцерковных базилик с выделенными комнатами для жертвенника и ризницы по сторонам главной церкви. Размеры Вакирской трехцерковной базилики должны превышать и Зегани и Амидастури. Характерным нововведением в художественном оформлении является заглабление с восточной стороны фасадов боковых церквей против средней. Вакири пережило два значительных восстановления после разрушений; главная церковь имеет теперь повышен-

ный пол не меньше метра; встроены подпоры под новые своды, а восстановленные почти целиком и с изменением форм боковые церкви, древние части которых скрыты в земле, из-за перестройки не дают ответа также и относительно оформления западного фасада и пр. В довершение всего главный храм является складом, а боковые — отхожим местом, так что обследование его как раз в интереснейших, неясных, местах было невозможно, но является одной из задач в изучении данного архитектурного типа.

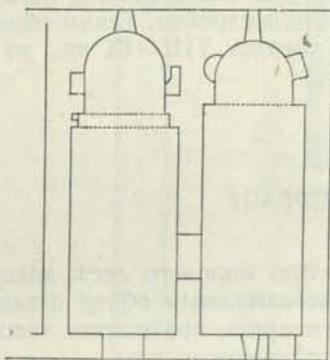
13. ДВОРЦОВАЯ ЦЕРКОВЬ В ВАЧНАДЗИАНИ

Около развалин феодального дворца в Вачнадзиани, на юго-восток от него, расположена трехцерковная базилика и еще маленькая часовня¹.

Эта трехцерковная базилика — небольшая, но довольно высокая церковь. Хотя она совершенно проста, но некоторые детали ее (окна,

одних — св. Марины, других — божией матери, а по указаниям образа праздника церкви (как записал З. И. Ч х и к в а д з е) — св. Варвары.

Абсида главной церкви с одним окном, двумя нишами в северной стене на высоте престола и в южной с одной нишей, начинающейся с пола вглубь стены. Ниша в южной стене имеет в высоту 98 см, заходя на восток сильно

П л а н (схема)

двери, план) говорят за то, что эта постройка не творческая, а просто вызванная желанием иметь тут же при палатах церковь. Она подверглась в конце XIX века реставрации со стороны местного феодала князя Левана Георгиевича Джандиери, исполненной в память Георгия Росебовича Джандиери². Сохранились только средняя и южная церковь, от северной же и западного притвора только части при стене главной (табл. 117). Церковь, по словам

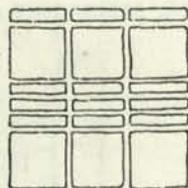
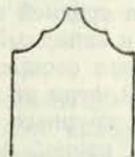

Рисунок кирпичной кладки (схема)

вглубь толщи стены. Стенки этой ниши сохранили древнюю кирпичную обкладку (29×29×6 см размером кирпича). Кирпич положен

Форма ниши (схема)

узору, как показано на схеме. Арочный верх большей из двух северных ниш, судя по форме,

ესე გახალღებულ არს თ. ლევან ჯანდიერისაგან: მოსახსენებლად პოლკოვნიკისა თ. გიორგი როსების ძე ჯანდიერისა. В 1933 году иконостаса больше не было.

¹ Осмотрена 18.VII.1920 года; 27.VIII.1922 года; 19.XII.1933 года и 1.XI.1934 года, тогда же сделаны и дополнительные наблюдения.

² Об этом гласит надпись на иконостасе: სუცდარი

переделан. Свод на трех подпружных арках, из которых западная и средняя опираются на консоли, а не на пилястры. Окно, кроме алтарного, — с запада, а на юг приходится в плоскости чердачного помещения над южной церковью, т. е. или пробито позднее или — что представляется более вероятным — теперешнее чердачное помещение есть позднейшее повышение. Дверь с запада и вторая с юга. На север двери не было, что видно снаружи (внутри главная церковь побелена вся).

Южная боковая церковь имеет довольно плоскую абсиду с окном и одной малой, четырехугольной нишей в южной стене. Кроме алтарного, другое такое же маленькое окно на запад, и на южном углу западной стены — самостоятельный вход в эту южную церковь. Обрамление притоки и арки двери из такого же, как и в здании дворца кирпичича — размером около 29×27 (26) $\times 6$ см, а один кирпич и еще большего размера — до 32 см. Свод южной церкви весь обвалился и образует внутри ее груды камня. Стены же, восточная и западная этой южной церкви, сильно поднимаются под один скат и образуют большое надсводное пространство. В него ведет сейчас окно из главной церкви. Как этот факт, так и окошечко на запад, странные пропорции по фасадам, отсутствие параллелей, заставляет думать, что этот

чердак — позднее прибавление. По южной стене не южной церкви изнутри ни двери, ни западных арок не заметно, а вся стена гладкая и ровная. Снаружи же как будто намечается один заложенный арочный пролет.

От северного нефа остались только обрывки восточной стены и начало свода по стене главной церкви на уступе ее для свода. Восточная стена внутри прямая. Церковь была без входа из главной, а только, следовательно, из западного притвора, аналогично южной церкви. Пята свода расположена так же низко, как и в южной церкви.

С запада был притвор по всей длине трех церквей, а не только перед средней церковью, как первоначально казалось по ясно видимым остаткам свода, при ее стене; по стене южной церкви также заметны неровности примыкания.

Длина каждой церкви внутри 12 шагов, а ширина по 4 шага.

Дата данной дворцовой церкви должна считаться устанавливаемой от дворца, с которым и должна была быть одновременно выведена. Это подтверждает и кирпич, такой же, как находим в постройке дворца. В этой церкви имеем отзвуки Вачнадзианской церкви Амидастури: именно в форме плана абсиды (два уступа), в самой высоте постройки. Таким образом, датировать ее следует VIII—IX вв., но не позже.

14. ЦВЕРО ДАБАЛИ ОКОЛО ЧЕРЕМИ

Церковь Цверо Дабали расположена в 3 км восточнее Череми на небольшом холмике, возвышающемся на равнине выше селения. Она вся тщательно выведена, как снаружи, так и внутри из тесаных квадров (частью очень крупных) желтого ширими ровными рядами. Размеры церкви небольшие, общая длина внутри 10,27 м, а ширина средней церкви 3,74, боковой 2,40; боковые и западный обходы развалились, южная сторона отошла от корпуса здания. Боковые нефы, судя по остаткам южного, были сложены из крупных плотных квадров местной черемской горной породы, тоже приблизительно правильными рядами кладки, как снаружи, так и внутри. Церковь вся скрыта

густой зеленью молодого леса, делающего совершенно невозможным обход церкви вокруг; чтобы ее осмотреть, приходится частью лазить по деревьям¹.

Церковь перекликается в основных деталях построения с Зеганской церковью монастыря Квела-Цминда, расположенного на берегу реки того же Черемского ущелья. Но в основных линиях разбивки плана она ближе подходит к сохранившимся примерно в таком же состоянии сильного разрушения, как и Цверо Дабали, трехцерковным базиликам Самкарини в Вазисубани и Шио в Сабуэ, особенно к последней. Однако, с выдающейся церковью Зеганского монастыря сходен не только план с одной северо-восточной прямоугольной комнатой, но и большая ниша в ней, сидение по стене алтаря, отделка дверей и окон и пр.

Алтарь главной церкви полуциркулярный в плане, арка же конхи подковообразна (табл.

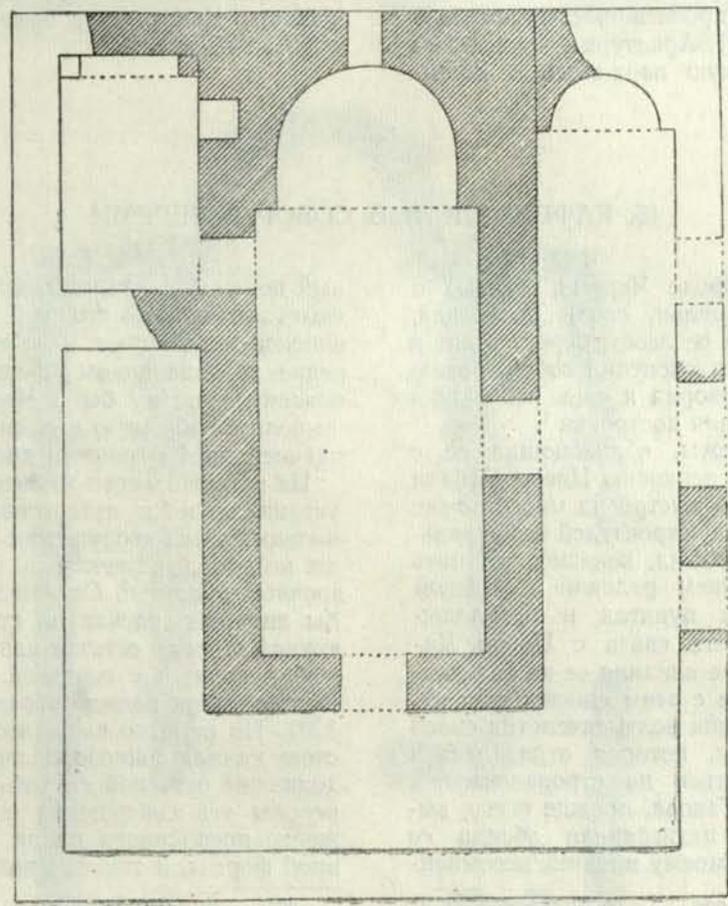
¹ Осмотрена 31.VIII.1920 г., вторично 21.XII.1933 г., когда сделан обмер плана, вычерченный арх. Р. М. Эристави. — Данный памятник заслуживает подробного исследования с расчисткой всего участка, а фрагмент стелы — переноса в музей.

საქართველოს
რეპუბლიკის
ეროვნული ბიბლიოთეკა

118-а). Импосты ее обычной формы слабого уклона выкружки. В абсиде окно тоже с подковообразным верхом, а снаружи имеет наличник аркой с отворотами из витых валиков (табл. 118-d). Над конхой поднимается вверх высо-

алтарной стене идет лавочка небольшая. В алтаре же лежит фрагмент четырехугольного в плане столбика из темноватого песчаника с резьбой на каждой грани. Этот столбик является каменным фрагментом стелы (высотой

План церкви „Цверо Дабали“ (схема)

кая отвесная стена («лоб»), несомненно первоначальная, как видно по положению южных окон. Их два, они доведены как раз до высоты пят свода церкви. Церковь имеет два больших входа с запада (1,10 м ширины) и юга (1,26 м) с подковообразным верхом, снаружи заполненным кладкой (толщина стен 97—99 см). По

43 см., а ширина стороны 29 см) с закругленными гладкими углами наподобие Усанетской стелы¹. Эпоха изготовления этой стелы, смещенной со своего места и постамента, по формам и разделке убора может относиться к ранним векам.

На север около самого алтаря из главной церкви ведет небольшая дверь в 91 см ширины с прямым верхом в отдельное помещение северного нефа. Это помещение имеет на во-

¹ История грузинского искусства, I, Т. 1936, рис. 166 и 167.

стоке прямоугольное завершение, перед которым была подковообразная арка на угловых пилястрах. Тут же в южной стене — большая ниша, какие есть в Зегани и др.

Южный неф имел на восток абсиду и тройной вход арками; один пошире (1,80 м) перед дверью в главную церковь, а из боковых поменьше (1,14 м) еще прослеживается западнее среднего (табл. 118-с). Аркатура входов с юга имеет непосредственную параллель в Вазис-

убанской базилике и в Ахшанском джвари.

Боковые, как и западный, нефы были выведены одновременно с главным нефом, и по восточному фасаду разделительной линии нет. Но так как свод их держался на выпущенных из стены главного нефа консолях, то он отпал начисто. Консоли эти помещены довольно высоко на стенах.

15. КАФЕДРАЛЬНЫЙ СОБОР В ЧЕРЕМИ

В заброшенном городе Череми, высоко в трудно доступном ущельи, среди поселения, высоко над рекой, на ее левом берегу стоит в просторной ограде епископский собор, развалина епископского дворца и еще небольшая неизвестного назначения постройка¹.

Церковь имеет черты, сближающие ее с только что описанной церковью Цверо Дабали близ Череми, хотя она выстроена много позже нее. Однако, по замыслу строителей кафедральный собор не должен был, конечно, уступать формами и исполнением рядовой городской церкви. В некоторых пунктах и проглядывает, действительно, эта связь с Цверо Дабали, видны невольные влияния ее на епископский храм. Но вместе с этим епископская кафедра имела уже свыше полтысячелетия своей собственной традиции, которая отразилась и не могла не отразиться на строившемся в X—XI веках храме. Такова, прежде всего, выступающая наружу пятигранная абсида ее (табл. 119-а): это, по моему мнению, несомнен-

ный пережиток старины, форм основного древнего, замененного стоящей поныне постройкой епископского храма. Только как такое повторение первоначальных форм и можно понять, пояснить, почему бы в Череми в X—XI веке вывели базиличную церковь со средней выступающей пятью гранями абсидой².

Из внимательного изучения этого памятника устанавливается интересная деталь: первоначальный план сооружения был иной. От абсиды на запад намечались не глухие стены, а арочные пролеты³. Остались в имеющихся, как бы широких, плечах по сторонам абсиды — с южной стороны остатки капители для начинающей арки, а с северной — капитель и само начало арки подковообразной формы (табл. 120). Но немного выше этого заглубленного в стену начала подковообразной арки видно продолжение отвесной глухой стеной; так как переходы эти совершенно естественное продолжение прерванного плана, а не переделка из иной формы, и так как нигде в других местах

¹ Осмотрены 31.VIII.1920 г. в сопровождении покойного профессора З. А. Каячавели, сделавшего два снимка. Вторично посещен 20—21.XII.1933 г., когда сделал несколько дополнительных снимков. О чертеже плана Черемского кафедрала см. ниже (стр. 192).

² Нельзя не учесть сведения, которое заключается в истории Вахтанга Горгасала. Историк пишет относительно учреждения Вахтангом во второй половине V века епископской кафедры в Череми и отмечает: *და მუც ქმნა ქალაქი ერთი შორის ორთავე ეკლესიათა, რომელი იგი მანვე აღაშენა*, т. е. и создал там город между двумя церквями, которые он же построил (*391, стр. 179; Картлис-Цховреба, I, *122, стр. 146, Hist. de la Géorgie, I, p. 195). Несомненно, это указание на действительную площадь города Череми от епископского храма и до Цверо Дабали и на наличие двух ее храмов. Если вся история Вахтанга Горгасала, как установил И. А. Джавахишвили, составлена в XI веке, то отдельные сведения, в том числе и приведенное он считает эксерптом из автентичного источника VII—VIII вв. П. И. Ингороква же определяет время древнего источника, из которого взяты эти эксерпты концом VIII века (Георгий Мерчуле. Грузинский писатель X века, Тб. 1954, стр. 323). Таким образом, если кафедрал возведен на месте древнего в XI веке, то относительно Цверо Дабали это сообщение выдвигает вопрос о значительно более древней дате, чем предложенная выше, а именно о дате VI и не позже VII века. Этому, пожалуй, не противоречат уцелевшие части здания, но требуется его расчистка от зарослей, завалов и заноса земель.

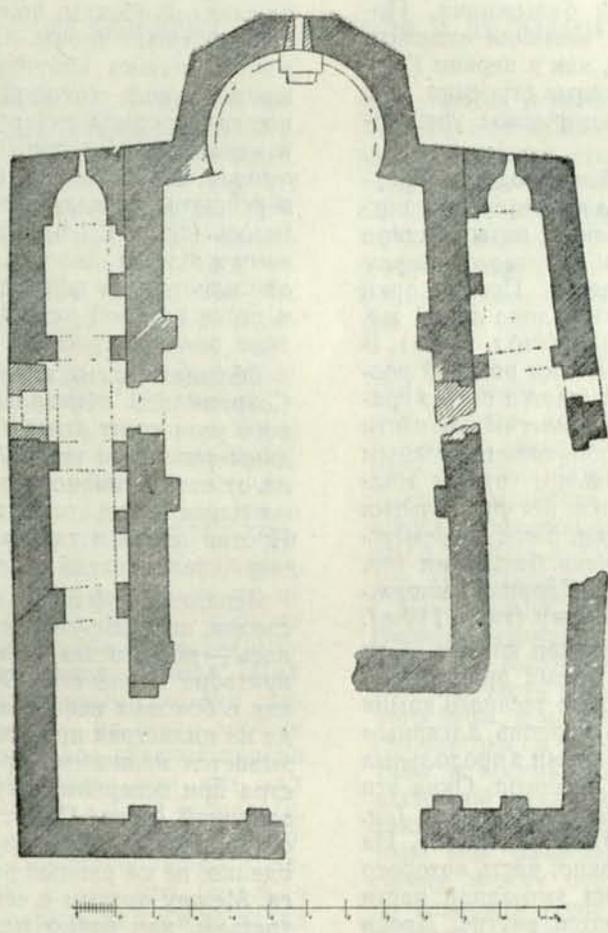
³ Интересно отметить, что первоначальный план Черемского кафедрала, по-видимому, являлся трехнефной базиликой с выступающей пятигранной абсидой. С этим планом совпадает, таким образом, план базилики Сиони в Эрцо (см. выше, гл. II), которую мне представляется возможным относить к VIII—IX веку, и план еще более древней церкви в Акаурта, также, видимо, первоначально трехнефной (Л. Рчеулишвили, в Ars Geologica, 2, Тб. 1948).

Электронная библиотека
История России

здания никакого указания, намека на то, чтобы первоначальный проект был удержан, выполнен, а затем бы последовало разрушение здания и его новое возведение по существующему сейчас плану, нет, — то приходится заключать, что первоначальный проект был просто в самом же начале постройки брошен, оставлен (вероятно, из-за экономических соображений) и

ная церковь была отстроена (при этом с за-
ной внутри по продольным стенам тесаного камня булыжником), тогда только оказалось возможным выполнить проект полностью, т. е. построить и обход. Свод этого обхода пришлось опереть на специальную аркатуру по пилястрам, приложенным к наружным стенам главной церкви. В числе сохранившихся пилястр

План кафедрала

приступлено к продолжению по сокращенному, сжатому плану строительства. А именно — намечено возведение сперва главного храма, при этом все еще целиком из тесаного камня, и, быть может, вначале лишь с предположением возвести также обход с трех сторон, т. е. неуверенность в возможности выполнить последнее налицо — в отказе от выведения уступа стен для опоры будущего свода обхода. Когда глав-

стоящая по западному фасаду выведена из тесаного камня.

От экономического ущемления предприятия и снаружи остались яркие следы: по южной стороне многогранного алтарного выступа пущен поверх цоколя украшающий декоративный толстый витой жгут, который, однако, просто прерывается посредине выступа и дальше идет только гладкий цоколь.

По выполненному плану это просто объединение трех церквей в каждом из нефов, соединенных с запада сплошным притвором. Церковь выстроена — как сказано — в два приема, но полагаю, по единому плану. Сперва выстроены средний неф, имеющий снаружи по всем четырем стенам (и внутри в абсиде и на западной стене) облицовку из известного нам ноздреватого ширими (табл. 119 и 120). Затем выведены боковые церкви из булыжника. Постройке в целом при всем желании отделать ее — не достает мастерства, как и церкви Георгия Сапарского — это заурядные строения, т. е. и на этом сказались экономическое ущемление¹.

Главная церковь имеет абсиду подковообразной в плане формы. Но арка конхи ее полуциркулярна, благодаря плану абсиды, пяты ее шире стоят, чем края стен абсиды: получается вверху капителей пустое пространство. Поверх арки выпущены из стены два полувалика аркой же. Абсида вся из тесаного камня (табл. 120-а). В ее нижней части заметны остатки поздней росписи. Снаружи абсида эта выдается пятью гранями; она и снаружи, как и прилегающие части главного нефа вообще, облицована тесаным камнем, но облицовка сложена, хотя и тщательно, но без ясного рисунка, нет правильных горизонтальных рядов кладки, а все вперемежку — маленькие плиты с очень большими (ср. то же в Георгии Сапарском). Карнизы выкружкой из тесаного же камня ширими (табл. 119-а).

Боковые стены главной церкви внутри — из булыжника. Пилыстры наружных арок имеют импосты выкружкой из того же тесаного камня (табл. 121-а). Освещалась церковь алтарным окном и, главное, шестью окнами в продольных стенках — по три с юга и севера. Окна эти имеют наличники из двойных полуваликов (ср. окно северной церкви Георгия Сапариса). На запад было, конечно, одно окно, часть которого сохранилась в оставшей на юго-запад части здания. Все окна расширяются внутрь. Двери были, очевидно, с трех сторон; сейчас сохранились с юга и севера, вся же соответствующая

¹ Я даю исправленный по моим заметкам и перерисованный арх. Р. М. Эристави план М. Г. Калашникова. Но должен здесь сделать специальное примечание касательно этого помещенного в Альбоме чертежей к путешествиям Е. С. Такайшвили плана М. Г. Калашникова, исполненного им лет 45 тому назад, в бытность студентом. План создает совершенно извращенное представление о церкви. Дело в том, что в ней не искажения от времени, что подсказывает чертеж, а разрушение постройки с провалом сводов и отходов боковых стен. Так — над южной

часть западной стены разрушена, так что видна только часть притоки в отогнутом юго-западном куске здания (табл. 121-б). У первой восточной пилыстры по северной стене уцелела частью угловая колонка пристроенной здесь алтарной преграды собора. К сожалению, формы очень сбиты, но, по-видимому, колонка была круглая (табл. 119-б).

Северная и южная церкви имеют, в отличие от главной абсиды, полуциркулярные, а не подковообразные планы. Северная подвышена, а южная только полуциркулярна. Пилыстры по южной стене северной церкви отстали ныне кое-где от стены, отчего происходят неровности и искажения. Западный конец северного нефа устанавливает только план; каково же было перекрытие нельзя сказать, ибо все это провалилось (табл. 121-б). Свод коробовый упирается при южной стене на аркатуру, перекинутую от пилыстры на пилыстру, которые пристроены к стене главной церкви. Широкая дверь с севера позднее сужена.

Большая часть южной церкви завалилась. Сохранилась абсидальная часть, а от западного угла стоит стена (низ ее) только до середины западного нефа. Аркатура и здесь отстала от стены главного нефа и дала отмеченные на плане неровности направления стен и пр. Против двери в главный неф имеется узкая дверь, затем столб и второй пролет двери².

Западный неф в сильнейшем разрушении. Ни сводов, ни подпружных арок нигде не сохранилось — все это завалилось и лежит грудами в притворе и вне его. Очевидно, и здесь была, как в боковых нефях, аркатура для упора свода на пилыстрах при восточной стене, что доказывается наличием фрагментов одного пилыстра при северном углу, против пилыстра при западной стене. Пилыстр при западной стене сохранилось четыре, но было их, видимо, пять, однако, не на равных расстояниях друг от друга. Между вторым с севера и предполагаемым третьим, как равно между этим последним и четвертым, были двери, как видно еще в действительности. Таким образом, двери находи-

дверью лопнула и раздалась стена и сильно покосилась на юго-запад. От этого провала искажены в своем направлении и стены внешних нефов. Мои исправления, конечно намечают только самое общее и перерисованный план не претендует на точность.

² Все касающееся южной стены и юго-западного угла обхода описание проверить в декабре 1933 г. было невозможно, так как они обвалились и лежат в мелких обломках. Уцелела лишь абсида (табл. 121 а, б).

лись не в центре, а как-то сбоку. Пятая пилястра находится против пролета южного нефа¹.

По отдельным декоративным формам своим, как равно по приему плит ширими, постройка эта вполне естественно становится в ряд с другими кахетинскими X—XI вв. Как отметил еще проф. Л. М. Меликсет-Бек, на восточ-

ном фасаде северной церкви, немного выше земли, находится брусок камня с хорошей надписью асонтаврули крупных букв, которую он считает возможным приписать католикосу Мельхиседеку XI века. Надпись, по-видимому, фрагментарна (табл. 121-с) и читается им так: [კათალიკოსი მელქისედეკ]².

16. ЦЕРКОВЬ СВ. ФЕДОРА В ЛЕЛИАНИ

Трехцерковная базилика св. Федора в Лелиани вполне заурядная постройка, сильно переделывавшаяся уже в старину, а из части северной церкви в 1912 году для вновь образованного поселения освятили церковь. Эта церковь — простая в данном типе плана соединения в ряд трех церквей, объединенных западным притвором. Однако, и выполнение этого плана проведено неумело во время возведения постройки. А между тем несомненно задались целью построить большое, импонирующее здание, но для этого не хватило дарования³.

Сложена вся церковь из булыжника. Боковые нефы выведены на пилястрах с аркатурой вприслон к главному нефу. Абсида полуциркулярна в плане; по бокам алтарного окна устроены высоко две ниши (табл. 127). Престол и жертвенник у стены абсиды. Когда приступили к постройке и вывели уже на юг из главного нефа два окна, а на север — одно, то оказалось, что они расположены слишком плохо и упираются в своды бокового нефа⁴. Над этими неправильно рассчитанными окнами сделали на юг вторые повыше; на север вообще больше окон не сделали. Свод главной церкви расположен выше свода конхи, так что над ней поднимается еще вертикальная стенка (и, видимо, имеется над конхой надсводная пустота). Но и этот свод был позднее починен, заменен другим и получил излом при довольно плоской форме. Двери церкви на юг и на запад тогда же, вероятно, были сужены и частью заложены, а северная — совершенно. С юга — дверь в центре, на север же близ алтаря. Тогда же при переделке сложена алтарная преграда о

двух вратах и трех пролетах для образов. Как по верхнему краю преграды, так и над конхой, сверху отвесной стенки, имеются тяги из кирпичей, углом поставленных вперед, т. е. указывающие на реставрацию XVI—XVII вв. (табл. 127). Освещена эта большая, высокая церковь очень скудно; помимо отмеченных выше окон, есть еще одно с запада, высоко расположенное (ср. табл. 126).

Весь южный неф первоначально составлял одну церковь и заканчивался на восток абсидой с окном. По северной стене тянется ряд пилястр с аркатурой, на которую опирается коробовый свод церкви. Таких пилястр с арками должно было быть по длине пять. Позднее, во время описанной выше переделки главного нефа, а именно в XVI—XVII вв., на месте средней арки выведено основание для колокольни с поперечными стенами (табл. 123, 124, 125). Перпендикулярно к прежнему своду сделан новый, на высоте верха крыши бокового нефа. Вся эта часть вытянута вперед за линию южного нефа, а на крыше этой перестроенной части выстроена из кирпича колокольня с пролетами в восемь граней и с восьмигранной же шатровой крышей. Эта переделка нарушила, таким образом, план прежней постройки. Южный неф разрезали на куски, поставив еще стенку между первой и второй протянутыми по северной стене арками, считая с востока, и поставив во второй получившейся комнате престол; вход в нее — с запада из-под колокольни, а окно сделано на юг (табл. 124). В первой комнате наружу была широкая арка,

дворцовой руине и квадрате, оттеняя значение этих памятников.

³ Осмотрена 26.VIII.1920 г. Снимки исполнены в 1913 году для Груз. Общества истории и этнографии, которому принадлежат.

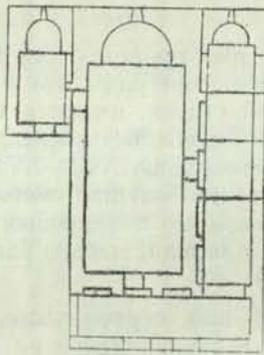
⁴ Второго северного окна уже не вывели вовсе. Сейчас прежнее северное оконное отверстие ведет в чердак северного нефа.

¹ От западной стены обхода в декабре 1933 г. ничего не сохранилось, за исключением пилястры при северо-западном углу главной церкви и стоящей против нее при внешней стене обхода.

² Проф. Л. М. Меликсет-Бек в своих статьях о Череми (Сахалхо Сакмэ, 1920, №№ 945, 950 и 951) дает как библиографический обзор, так и сведения о Цверо-Дабали и кладбищенской церквах, а также о

которую заложили, оставив только небольшой дверной пролет. В последнем западном отрезке, длиной в два арочных пролета, имеются два скна, а вход — из западного притвора.

Западный неф теперь идет только по длине южного и главного нефов (табл. 124, 125, 126); вероятно, первоначально он шел и по длине северного, ныне не доходящего тоже до западного угла церкви. Свод и здесь установлен при стене главной церкви на аркатуре с пилястрами, состоящей из трех арок и четвертой двери

Схема

в южный неф. Свод по длине нефа. На запад притвор открывается двумя арками, из которых одна против двери в храм, а другая ближе к южному нефу. Вероятно, первоначальный притвор имел еще третий пролет ближе к северному нефу. Разделяют эти пролеты столбы, как видели уже в Матанской Цхра-Кара или Шио в Сабуэ и др.¹ Крыши южного нефа и западного притвора позднее переделывались. И в довершение всего крыша западного не соединена с крышей южного — получается безобразно торчащая задняя стена при скосе соседней².

Северный неф в церковь освящен в 1912 году после ремонта и штукатурки (табл. 122 и 126). Он короткий, только в два пролета. Свод, по-видимому, выше, чем в южном нефу.

Карниз церкви состоит из таких же углом поставленных кирпичей попеременно с гладкими, как и внутри церкви на алтарной преграде

¹ К сожалению, на таблицах эти арки не видны за густой растительностью.

² Ср. табл. 124, 125.— Такой же неуклюжий прием применен в базилике св. Стефана в Кастория (в Македонии), построенной около 1018 года (G. Millet, L'école grecque, fig. 10—12 и p. 22).

³ С. Белокуров. Сношения России с Кавказом. Материалы Московского главного архива Мин. Ин. Дел, в. I (1578—1613), М. 1889, стр. 195—196.

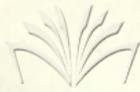
⁴ Полагаю, что упоминаемый царевичем Вахуш-

и выше конхи. План этой трехцерковной базилики, таким образом, совсем простой. Размеры основные могут указать в шагах: длина главной церкви 21 шаг, ширина — 7 шагов; ширина боковых церквей — 3 шага, ширина арочных пролетов с запада — по 2 шага.

Все эти переделки, как и постройку колокольни, я отношу к эпохе XVI—XVII веков. В статейных списках посольств от русских царей ко двору кахетинского царя Александра II (1574—1605 гг.) упоминается в одном месте о том, что когда царь Александр предложил послам через посланцев переехать 4 апреля из селения Чорнаур (т. е. Чиаури) в Шильду, расположенную в 3-х верстах от Греми, куда они прибыли 5 апреля 1590 года, то «стояли в том числе в Федоровском монастыре, и в церкви были. А церковь велика каменная, здание старое, а образов против правого крыла два образа Христова мученика Федора Тирона, да туто же образ Христова мученика Федора Стратилата все три на великих тцках, обложены серебром. А царских место дверей запона». Кроме того, перечислены еще образа, кресты и украшение престола³. Я полагаю, что здесь именно указывается наша церковь св. Федора в нынешнем поселении Лелиани. Она лежит на дороге в сторону от Чиаури в Шильду. Посещение монастыря могло быть сделано только с разрешения и согласия кахетинских властей. Несомненно поэтому, что их допустили в Федоровский монастырь только потому, что это был монастырь древний, но обновленный уже. Александр не упускал случая подчеркнуть русским послам, как древность своего христианства, так и радение об упорядочении его. А так как название Лелианской церкви пережило все опустошения и невзгоды страны до XX века, мы вправе полагать, что церковь эта была в округе и далекой округе, хорошо известна, как Федоровская, без дополнительного географического названия⁴.

Таким образом, здесь в нескольких случайных замечаниях русских послов мы получили ценные указания различного содержания. Прежде всего считаю, что факт привода их сюда указывает на то, что восстановление церкви и постройка в ней колокольни произведены

т. и. (Description, 312; рус. пер., 121) Стефан-Цминда около Бедикрис-Цкали и отмеченный на карте № 4 между Гавази и Чикаани есть не Цминда-Степане, а Цминда-Тевдоре — именно наша Федоровская ц. в Лелиани; так выходит по местоположению; очевидно, у него вкралась ошибка названия. Это тоже подтверждает наше предположение, что данный монастырь был известен по имени святого, а не по географическому названию.

самим царем Александром II¹. Кроме этого устанавливается, что на месте царских врат тогда еще вешали только завесу, что вполне совпадает с другими в этом вопросе данными. Наконец, послы отмечают, что эта каменная церковь «большая» и «здание старое», т. е. никто им не был в состоянии указать время ее построения, как то делалось в отношении поздних памятников.

План церкви св. Федора в Лелиани при ее обследовании четверть века назад, естественно представлялся как усеченная в течение веков трехцерковная базилика с западным обходом. Между тем в последние годы выявлена доволь-

но широкая волна своеобразного типа задых храмов с южным приделом и выделенным с севера небольшим помещением жертвенника, делающим восточный фасад повторением базилического сочетания масс. Это подтверждало бы расположение северной двери близ алтаря, а не в центре стены. Поэтому не исключена возможность, что мы имеем в Лелиани представителя этой волны, в остальном — пока по крайней мере — в Кахетии неустановленной. В этом случае, западный обход пришлось бы считать более поздним добавлением к зданию, чем время его возведения: скажем, в веке XI—XII.

17. ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГИЯ САПАРИСА ОКОЛО ЦИНАНДАЛИ

Церковь св. Георгия Сапариса, т. е. Сапарского (10 ноября), находится в лесу в одной из ложбин правого берега р. Кисис-хеви, в расстоянии примерно 5 км. от селения Цинандали. Она стоит на довольно обширной естественной площади одного из обрывов гор в густом, величественном буковом лесу. На север от церкви находится позднее выстроенная из кирпича колокольня в два этажа, века XIV—XV².

План этой церкви, как и рассмотренных представителей трехцерковных базилик позднего времени, является в большей или меньшей степени случайным. В ц. Георгия Сапарского три нефа и четыре церкви, ибо в южном нефе сделана церковь и еще отдельная часовня.

Сложена церковь из булыжника с некоторым приближением в кладке к правильным рядам. Однако, размеры камней очень различные и впечатление поэтому сбивается. Углы не отделены тесаным камнем, который применен для арки, окон восточного фасада и карниза.

Главная церковь занимает только средний неф (табл. 130-а). Алтарь на одну ступеньку выше пола церкви. Окно алтарное, как и другие, малых размеров. По сторонам окна справа и слева доступные с полу ниши и, кроме того, на высоте метра 3 от полу еще две с меньшими отверстиями (табл. 130-а). По стене — лавка для сидения, а под окном двойное возвышение для сидения настоятеля монастыря. Престол из булыжника, оштукатуренный, неподвижный.

Алтарная преграда сложена позднее, она имеет две двери и три сквозных отверстия для образов — все эти проемы с острой, ломаной аркой (поперечный разрез). Преграда также оштукатурена. Поверх нее сохранилась доска, положенная наклонно для облакачивания образов. (В декабре 1933 г. доски уже не было, но еще стояли камни, зажимавшие ее по стенам, табл. 130-а).

Свод нефа коробовый, утверждён на двух подпружных арках. Он с яйцеобразным повышением и довольно неровный. Средняя и западная арки на консолях, западная у стены. Освещается неф, как и алтарь, скудно маленькими окнами: одно на запад и два на юг, верх последних приходится уже в своде. Входов два из боковых церквей, с запада входа нет вовсе. Двери имеют полукруглой формы тимпаны из цельных плит желтоватого ширими. Северная — яйцевидной формы, южная — правильный полукруг. Обе двери позднее сужены и понижены (укреплены?) кирпичем. Стены, своды, подпружные арки, как равно алтарная преграда, престол и сидения в алтаре оштукатурены толстым слоем. Только в некоторых местах на южной и западной стенах штукатурка опала, где и видна кладка.

В своде, видимо, имеются починки.

Северная церковь занимает весь северный неф церкви в длину (табл. 129-б). Она не широка и не высока (3,10 м до середины свода

последнего посещения эта церковь в честь божией матери Амидастури с праздником во второй день пасхи.

¹ О колокольне см. ниже, главу X.
² Осмотрена 15.VII.1920 года и 15.XII.1933 года, когда проведен арх. В. Л. Цилосани обмер. О колокольне см. ниже, гл. X.— По словам проводников

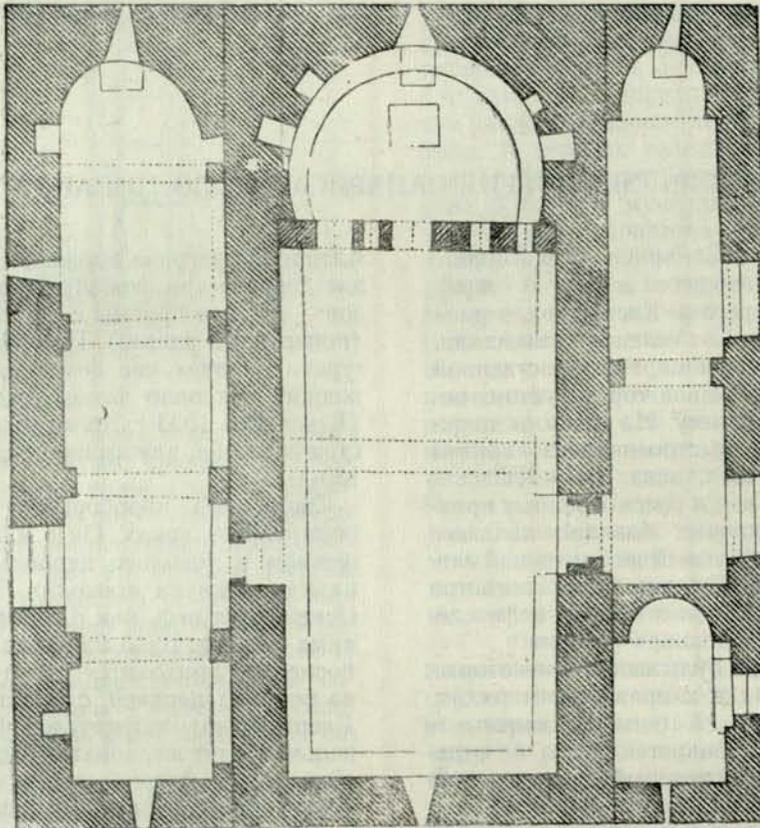

УДК 73.01:62
ББК 71.019.33

от уровня пола). Абсида с неподвижным при стене алтарем, одним небольшим окном и двумя нишами по сторонам. Еще одна ниша имеется в западном конце церкви. Свод коробовый на четырех подпружных арках, из которых восточная при абсиде. Арки опираются на пилястры с капителями в два валика. По южной стене свод опирается на аркатуру, переброшенную по стене с пристроенных к ней пилястр. Освещение еще более скудное — здесь соб-

По южной стене идет широкая лавка для сидения, а по западной и северной — маленькая, цоколеобразная. Когда-то она обходила и алтарь, где сохранилась лишь часть.

В южном нефе находятся одна за другой две церкви, или, вернее, одна церковь и одна часовня западнее. Восточнее расположенная церковь открывается на юг двумя арками проходов с такими же капителями, как в северной церкви. В абсиде окно небольшое и у стены

П л а н

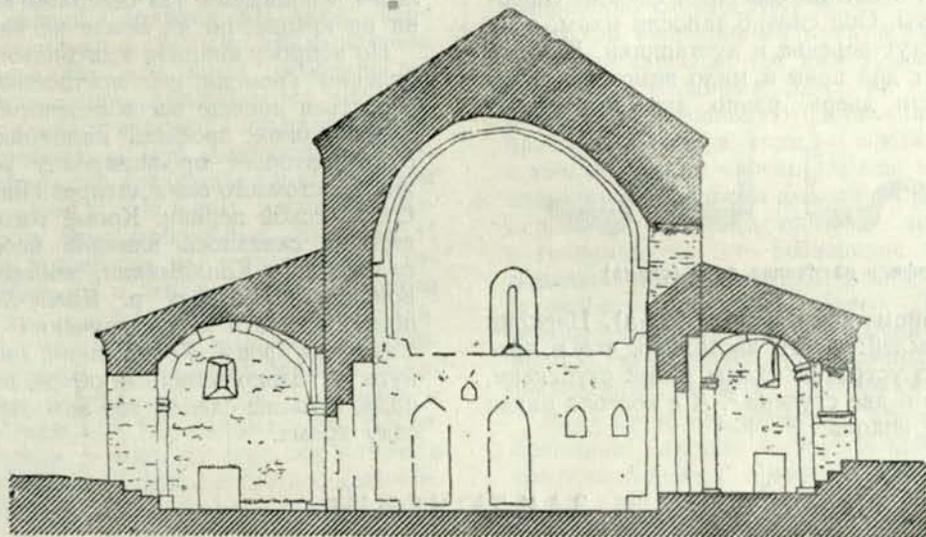
ственно полумрак: алтарное, как и близ алтаря находящееся северное, равно западное окно — просто маленькие отверстия, дающие очень мало света, — и то только у самого окна, больше проникает его через дверь. Входная арка с севера была большая, ныне вся обвалилась: на крыше, прямо над ней, растет большое дерево.

неподвижный престол. Коробовый свод на одной подпружной арке, опирающейся также на пилястры с такими же, как и в северном нефе и как при входных арках, импостами из тесаного камня. Свод при стене главного нефа опирался прямо на стену его и не имеет пристроенной на пилястрах аркатуры, как в север-

ной церкви; пилястра-же, абсида и западная стена выведены вприслон к главной церкви. Подружная арка, углы абсиды, арки входов сложены из ширими.

Западная часовня южного нефа совершенно

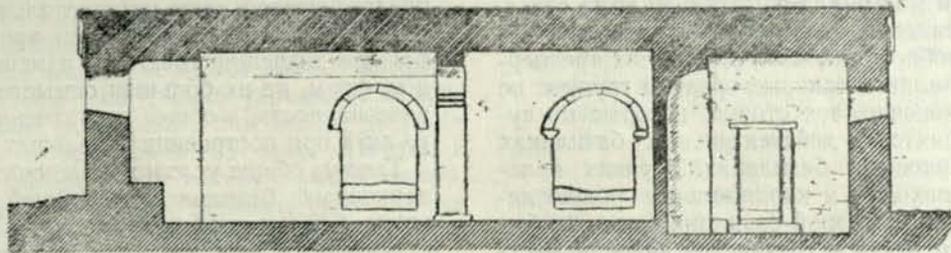
ностью. Собственно только восточный и западный фасады отделаны как и в Акуре или Сапагире. Главный неф сверху имеет два ряда каменных квадров, поверх которых положен карниз из того же желтоватого ширими. В цен-

Поперечный разрез

маленькая, почти квадратное помещение с небольшим окном с запада и неширокой низкой дверью с юга, так же как и окно, отделанной тесаными плитами ширими. Вся абсида и конха ее выведены из булыжника ровными рядами

тре среднего ряда камней облицовки верха восточного фасада вставлен рельефный небольшой крест в раме, а на западном фасаде крест в нижнем ряду и поверх него еще какие-то выпуклости без ясной формы. Облицовка верха

Продольный разрез по южной церкви

кладки, но из неодинаковой ширины камней.

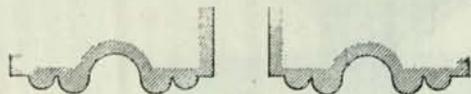
Высота южного нефа еще меньше северного, именно всего 2,50 м.

Наружный вид церкви монастыря Георгия Сапариса, как и церковь монастыря Давида Акурского, исполнен с известной тщатель-

на обоих фасадах сделана в форме сегмента круга снизу (табл. 128). Алтарное окно украшено широкой, сложно-профилированной рамой; южное окно восточного фасада без украшения, а северное с двойным обводом валиками (табл. 130-б). Точно такое же украшение

имеет и северное окно с западного фасада¹. Остальные окна западного фасада без украшений. Линии разделения главного от боковых нефов ясно видны как с восточного, так и с западного фасадов (табл. 128).

Южный и особенно северный фасады совершенно просты. Оба сильно заросли мхом, а на крышах растут деревья и кустарники. Южный фасад имеет две арки и мало заметную в западной части дверь, равно два незаметных

Профиль наличника окна (схема)

окна в главном нефе (табл. 129-а). Церковь занесена землей: с юга настолько, что в проходах давно устроены сходы в три ступеньки, с севера же в две ступени². А с востока виден еще кое-где цоколь.

Кровля была и здесь черепичная. Большие плоские черепицы красной глины (4 обломка) найдены с южной и восточной стороны с рельефным крестом шести- или восьмиконечным³. Они перекрывались по швам полукруглыми черепицами. На северном же нефе таких ни на крыше, ни на земле не нашел.

По вопросу анализа этого памятника и определения времени его построения приходится считаться прежде всего с декоративным украшением окон: профиль наличника восточного окна повторяет профилировку резного наличника восточного окна датированной на 1152 год Саорбисской церкви. Кроме того, на этой постройке сказалось влияние несомненно прославленного Кондамиани, лежащего на противоположном берегу р. Кисис-Хеви. Именно, полагаю, что в итоге изучения архитектором Сапариса форм Кондамиани, он решил откинуть не только западный обход, но и вход с запада, а также сделал две арки по южному фасаду храма.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описания отдельных образцов трехцерковных базилик не сопровождалось частными замечаниями аналитического содержания; только кое-где вступительно отмечены те или иные параллели. Делалось это ради экономии внимания читателя, ибо существенного отличия, не встречавшихся уже в настоящих базиликах явлений здесь мы не находим. Напротив того, в основных явлениях — это собственно подтверждение и расширение уже известного нам из изучения материала памятников во II главе.

Это совпадение, как и было отмечено уже в более подробном анализе древнейших трехцерковных базилик и таковых средней группы, не касается, конечно, тех сторон, которые по существу разнятся в действительных базиликах и в трехцерковных базиликах. В таких явлениях мы находим и кардинальное расхождение. Тип трехцерковной базилики есть, как было отмечено, местное грузинское явление, местная вариация на базиличную тему. Таким образом, от самого зарождения его в нем выявлено местное понимание. А это делало изменение форм плавным, без резких скачков, без переломов. Правда, способствовало этому то обстоятельство, что самое зарождение этого типа связано с расширенными требованиями литургиче-

ского характера, ростом службы, ее усложнением, формальной догматизацией и устремлением к возможной представительности и торжественности потребовали нескольких церквей, а затем и усложненных дополнительных делений пространства для богослужебных действий и лиц. Это обстоятельство поясняет вместе с тем следующее явление. Церкви типа трехцерковных базилик с первых же примеров имеют значительные размеры и при обзоре отдельных представителей дают незначительные указания на последовательность их во времени. Здесь больше значения имеют не изменения отдельных форм, не их большая осмысленность и согласованность, а общее впечатление творческого акта при построении отдельных примеров.

Таковы общие условия изменения форм трехцерковных базилик древнейшей и средней групп. Совсем иной подход дают поздние представители. Здесь, как сказано, внимание зрителя не концентрируется на архитектурных формах, на законченности впечатления созданного пространства. А прежде всего, видимо, опять выступают функционально продиктованные цели. Так, уже в Вачнадзианской трехцерковной базилике, около дворца местного феодала, относящейся к VIII—IX веку, ясно про-

¹ В декабре 1933 г. это обрамление лежало внутри северной абсиды в двух кусках (неполно).

² На разрезе показаны в северном нефе три ступени входа, однако две верхних равны одной нижней.

³ Доставлены в Кабинет истории искусства Тбилисского Университета, а ныне в Музее искусства.

стует эта сторона с преобразованием западного охода собственно в притвор трех церквей, с которыми он соединен только дверьми (не арками сплошной их ширины). То же повторяется и в Лелиани и Черемской трехцерковной базилике, которые я отношу к X—XI вв., и церковь Георгия Сапариса XII века, сверх того, характеризуется явным примыканием, использованием тех или иных особенностей древних, близлежащих образцов; но вместе с тем во всех сильно чувствуется превалирование культовых требований при компоновке их¹. С внешней стороны это прикрывается убранством по фасадам этих, в остальном достаточно посредственных и даже небрежных, построек. И здесь в этом отношении мы встречаемся с такими же приемами и отчасти даже мотивами украшения, как и в действительных базиликах. Прежде всего их стремятся выполнять с облицовкой из тесаного желтоватого ширими; а затем делаются профилированные наличники и отдельные украшения над окнами и по стенам. Равно и карниз делают из того же камня в форме типичной для этого и последующего времени выкружки.

Но насколько в это время утерян действительный активно-творческий подход к архитектурным формам базилических храмов, явствует из следующих явлений. К простой одиоцефной церкви, пользующейся почитанием, пристраивают с обоих боков по небольшим, более низким церквам и создают таким образом, фикцию трехцерковной базилики. Такой пример имеем в церкви св. Георгия Ломиса близ сел. Ахмета. Здесь основная церковь, ныне средняя, сложена из голышей и рваного камня², а пристроенные к ней позже с севера и юга церкви облицованы сплошь снаружи и внутри тесаным желтоватым ширими и имеют карниз выкружкой с валиком внизу; окна украшены профилированным наличником, так же и двери, в тимпанах которых есть по кресту. Входы в среднюю церковь были только с юга и севера, как нередко в древних церквах, с запада же входа не было. Это облегчило пристройку с

боков церквей, в которых, однако, двери сделаны только с запада³. Формально в этой пристройке X—XI вв. к более древней церкви достигнуто создание форм трехцерковной базилики. Но и только формально; действительные же архитектурные ценности этого типа храмов совершенно отсутствуют в ней⁴.

Другой аналогичный пример имеем в высококочимой святыне, так наз. Джвар-Патиосани в крепости Уджарма. Здесь не только расширили первоначальную древнейшую церковь пристройкой нефа, если не с юга и севера, то с юга во всяком случае, но еще много позднее над этим комплексом вывели второй этаж трехцерковной базилики, опять по частям. Нечего и говорить, что это возведение всецело обусловлено нижним этажом и потому о художественности и говорить нечего. Да и действительный научный интерес, именно своей древностью, т. е. чисто историко-археологический, представляет древняя церковь нижнего этажа⁵.

Мы уже не раз отмечали, что трехцерковная базилика явилась в грузинской архитектуре самостоятельным архитектурным творчеством форм. Оно имело в себе как бы первородный грех: создавалось для единых надобностей строения, но оно не являлось сцеплением отдельных пространств единого же целого, хотя бы функционально-расчлененного, а представляло сопоставление — резкое и без посредствований — одинаковых по назначению и ценности для задач данного здания — христианской церкви — пространств. Этот разрыв, конечно, дает себя чувствовать, где меньше, а где больше. И там, где он мало проявляется — в церквах, творчески стоящих на высоте, именно в средней группе — там в архитектурном отношении мы наблюдаем большую свободу обращения с заданием. Литургически-богослужебные мотивы превращаются для зодчего только в импульсы искания. Большая часть их объединяется в одном пункте — они концентрируют все здание в главном нефе, которому подчинены остальные части строения. Поэтому объединяются западным нефом-обходом северный и южный нефы, являющиеся в то же время

¹ Небезынтересно отметить, что в Череме сохранилась развалина еще третьей трехцерковной базилики на кладбище (осмотрел мельком 21.XII.1933 г.). Она в целом и в большинстве видимых еще частей есть уменьшенный двойник Цверо-Дабали — см. фото на абсиду с четкой формой подковы в арке (табл. 118-b). О ней писал еще в 1920 г. проф. Л. М. Меликсет-Бек, указавший основные размеры снаружи 16×20 шагов.

² Она оштукатурена снаружи и внутри, и внутри заметны обрывки росписи. — Осмотрена 16.VIII.1920 г.

³ Южная церковь имеет при абсиде подковообразную арку; весь свод и части стен северной — обвалились. Росписи в них не было, ибо внутри также облицованы.

⁴ Отчасти подобное же явление мы повстречали уже в мон. Матанской Цхра-Кара и в Вазисубанском Санагирэ, где также пристроены дополнительные церкви по сторонам основной.

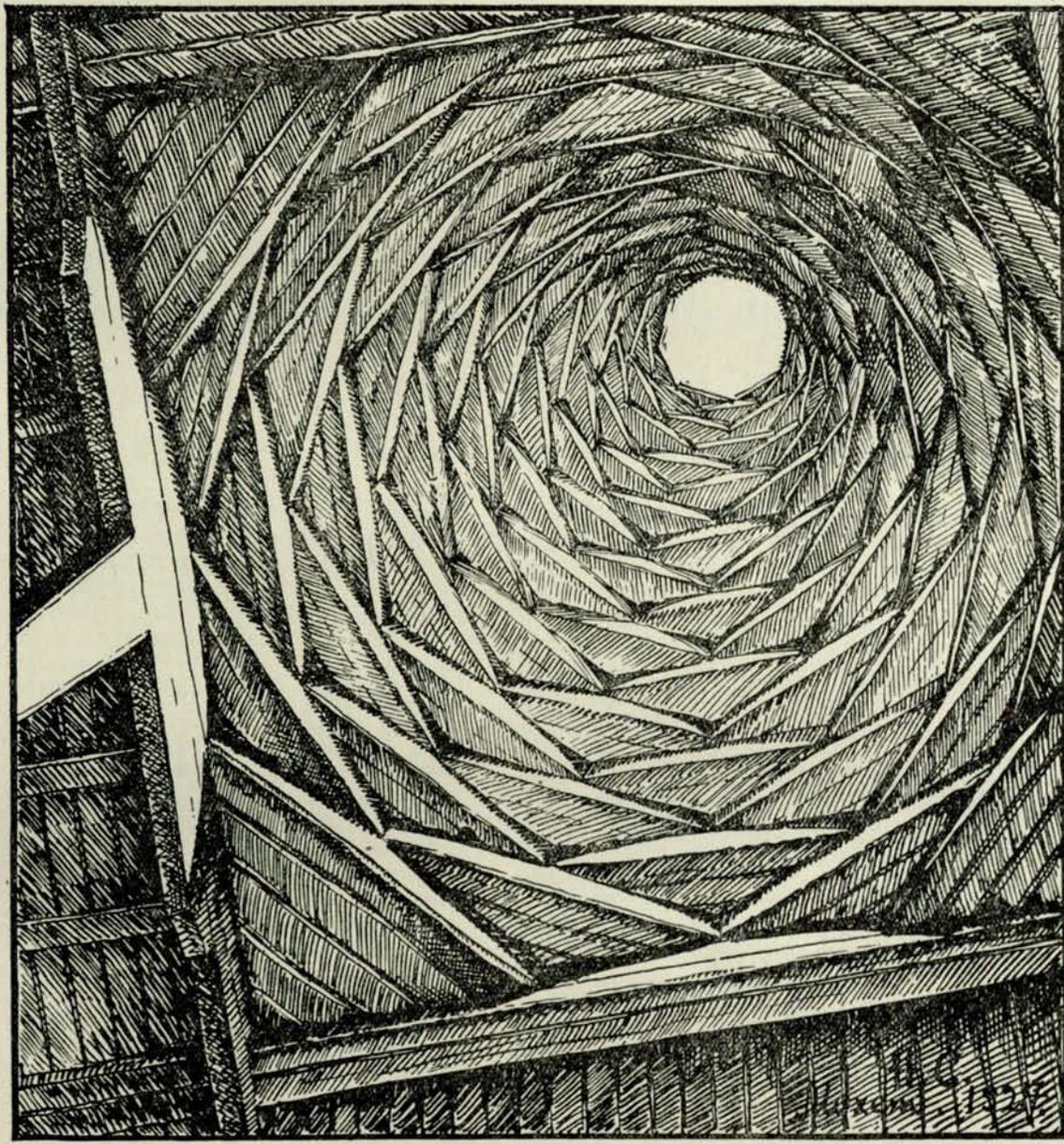
⁵ Осмотрена 16.VII.1922 года и 12.VII.1935 года, а затем еще неоднократно.

церквами — оба, или один из них. А в Вачнадзианском монастыре боковые церкви вынесены за пределы этого пространства: между ними и главной церковью разъединительный или соединительный с трех сторон последней обход. Концентрируя все значение здания на центральной церкви, зодчие создают здесь выдающиеся по пропорциям, по высоте и величественности пространства. Это — уходящие ввысь строения с гармонически завершающими их коробовыми сводами на полуциркульных и подковообразных арках, и со столь же высокими и завершенными абсидами в восточной части, в которых всегда художественно поставленное, большое, просторное окно, дающее много света. — Естественно, что трехцерковные базилики Кахетии, заняв охарактеризованное только что место в ее архитектуре, имеют известный набор строительных деталей, сливающихся с декоративной особенностью их, с внешней характеристикой. Они имеют их, как специфическое отличие этого типа от другого. То же, впрочем, мы увидим и в купольной архитектуре. Это не означает, конечно, исключительного применения их в этих отдельных типах, но означает, что применение их в других есть собственно исключение. Такими элементами являются, напр., круглые столбы с кубовыми капителями в притворах трехцерковных базилик или тройные арки на столбах с запада¹, или построение сводов боковых церквей в них на ряде арок на пилястрах при стене главной церкви, и т. д.

¹ Мотив, который повторяется еще в таком позднем примере как Лелиани.

Таким образом, общий обзор всех трехцерковных базилик показывает нам более тесно связанную, сцепленную группу церквей одного типа, чем действительные базилики. В ней проглядывает определенное самостоятельное творчество форм и сообразно этому изменения их выявляют внутреннюю необходимость той или иной формы. В трехцерковных базиликах проявляется уже единство большого национального творчества, которое достигает действительных пределов своих возможностей только в купольной архитектуре. В совершенно чуждой, навязанной при самом распространении в стране христианства форме храма, свойственного эллинистическим провинциям Азии, преимущественно Палестине с Иерусалимом и Сирии, каковой является для Грузии и вообще Кавказа — базилика, местные зодчие чувствовали себя скованными, творческая мысль их только с трудом, лишь в отдельных пунктах прорывалась сквозь непонятные им по самому существу своему архитектурные достижения и возможности, заключенные в этой форме церковного здания. В Грузии они перешли тогда к типу трехцерковных базилик и проявили в ней совершенно новое творчество, как было подчеркнуто выше. Но все-таки и эта форма, не имея глубоких, традиционно взрошенных корней в местном строительном искусстве, не могла стать высшим выражением архитектурных достижений страны. Таковые выявились и могли выявиться только с развитием купольных и центральных по распределению пространства архитектурных композиций.

МЦХЕТА Гвиргвини в крестьянском жилом дарбази

Рисунок Н. П. Северова

ГЛАВА IV

КУПОЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА КАХЕТИИ, ЕЕ ДЕЛЕНИЕ И ЗАНИМАЕМОЕ В ОБЩЕМ ХОДЕ РАЗВИТИЯ ХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЫ МЕСТО

1. ОТНОШЕНИЕ КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ К ЕЕ АРХИТЕКТУРЕ В ЦЕЛОМ

Купольная архитектура Кахетии, к рассмотрению которой мы приступаем после ознакомления с некупольной церковной архитектурой страны, является центральным и основным звеном, наиболее полным осуществлением и достижением художественных исканий и устремлений народа. Мы уже показали, как в церквах базиличного типа архитектура Кахетии идет с начала своего развития отличным от общего хода путем. И если, как полагаем, существенное значение в этом отношении приходится на очевидное незнакомство de visu кахетинских зодчих с базиличными храмами христианского мира, то это только негативное объяснение не совпадения тех и других; для характеристики же положительных сторон созданий зодчих кахетинских базилик оно ничего не говорит. Однако же базиличные церкви Кахетии обнаруживают определенный запас творчества при несомненном факте вполне культурной, выросшей на родной почве традиции строительства. Иначе говоря, их приходится, как мы это и старались делать, понимать как некоторый положительный вклад в архитектуру. Если таково положение в отношении настоящих базилик, то еще в большей мере эта переработка своими методами сказалась в типе названных нами трехцерковных базилик. В некоторых представителях этого типа достигнут зодчими несомненно крупный, ценный вклад во всеобщую архитектуру человечества.

Но все это были только приложения своих знаний, своих традиционно передававшихся,

постепенно выработавшихся методов строительства и привычных форм зданий к привнесенной извне форме базиличного храма, узаконенной заимствованием от священнейших для христианства по своим реминисценциям мест; не случайно издревле в Грузии получило широкое распространение название «Сиона». Полное осуществление самостоятельного творчества могло произойти только тогда, когда архитектору не было поставлено ограничения готовыми архитектурными образцами или вообще узаконенными, обязательными формами, когда ему предоставляли свободу создать самому новую архитектурную композицию, лишь бы она удовлетворяла, отвечала потребностям и целям здания, которые она должна обслуживать. Такие условия мы и наблюдаем, действительно, как вообще в Грузии, так, в частности, и в Кахетии, в купольной архитектуре. Здесь зодчие имели давнишнюю традицию, здесь выработались разносторонние навыки и опыт, и, следовательно, была надлежащая почва для самостоятельного комбинирования и дальнейшего развития имевшихся налицо приемов. Другими словами мы имеем здесь свои особые условия, которые, к сожалению, не могли быть представлены до сих пор с надлежащей полнотой и убедительностью.

Дело в том, что ко времени распространения христианства на Кавказе типичным жильем домов населения нельзя не признать сохранившегося лишь кое-где в отдельных экземплярах так называемого крестьянского «дар-

базиса¹. Это довольно сложное по заключающимся в нем отдельного назначения помещениям жилье со службами, имеющее во всяком случае одну, если не несколько квадратных в плане больших зал с поднимающимся уступами перекрытием, и называющихся собственно «дарбазиса»². Помещения эти устраиваются в земле, и только верхние части выступают из нее: несомненно многовековой опыт возможного страхования от землетрясений. Сохранились и были зафиксированы в начале 20-х годов обмером и зарисовками немногие такие здания, большей частью фрагментированные. Для восстановления полной картины форм приходится дополнять уцелевшие образцы еще показаниями лиц, видевших подобные дарбазиса в лучшей сохранности³.

Этот мотив крестьянского жилого дарбазиса сохранился или вернее нашел себе применение также в монастырской архитектуре Грузии, в частности и Кахетии. В древних монастырях отмечены квадратные самостоятельные здания с одной дверью и верхним светом, через отверстие в центре полусферы купола, сидящей на угловых тропях прямо поверх стен квадрата. В этих постройках крестьянский дарбазис выделен из всего комплекса помещений, поднят над землей и характеризует совершенно определенное пространство. Развалину такого здания с одной дверью с южной стороны, с провалившимся перекрытием я видел и в Кахетии — в монастыре Цхра-Кара близ Матани, на юго-запад от церкви монастыря, равно в монастыре Квела-Цминда близ сел. Вачнадзиа-

ци⁴. Помещения этой формы были уже отмечены в специальной литературе. Именно, академик Н. Я. Марр называет ее в монастырях Кларджети «четвертой архитектурной темой, быть может, монастырской библиотеки», где «свет проходит через широкий круглый зев в вершине обширного полусферического купола, покрывающего все такое здание. Купол с открытым вверху зевом покоится на круглом основании, выработанном в квадратной комнате при помощи эффектно раскрытых парусов в углах» (т. е. тропи)⁵. Такое именно здание было в 1917 году в экспедиции Груз. общества истории и этнографии в Тортумский край замерено архитектором А. Н. Кальгиным около Ошкского храма и сфотографировано⁶.

Если самый факт существования охарактеризованного в общих чертах крестьянского дарбазиса в Грузии и Армении неоспорим, и сама форма его нашла себе в некоторой переработке конечно, применение в древней монастырской архитектуре, то идти в вопросах генезиса этого типа жилого дома дальше констатирования факта нахождения его, пока еще невозможно. Вопрос о передвижении и расселении племен древнего Востока нельзя считать выясненным, хотя основные очертания его, по видимому, уже намечены вполне определенно⁷. Вот почему исследователю такой отрасли знания, как история искусства, которая по самому существу своему не может взяться за решение этого вопроса, остается только наметить то научное построение о взаимоотношении культур и народов на Переднем Востоке, которое освещает излагаемые здесь фактические данные и втягивает их в общее связное целое —

¹ См. Грузинские дарбазиса, I—IV, Тбилиси, 1926—27 (под редакцией Г. Н. Чубинашвили). Для сложного типа см. особ. вып. 2 — дарбазиса в Эртацминда. Затем ср. Г. Читая, Дарбазовидный дом Квабланского ущелья, в журнале «Обозреватель» («Мимомхилвели»), т. I, Тб. 1926 (по-груз. с англ. резюме) и Л. Сумбадзе, Дарбазиса Ксанского ущелья (Архитектура республик Закавказья), М. 1951.

² Куполообразное перекрытие из одного дарбазиса Картли, так наз. «гвиргвини», воспроизведен в рисунке Н. П. Северова, между стр. 200 и стр. 201.

³ Нам передавали, что старинные дарбазиса отмеченного устройства имелись еще в 90-х годах даже в городах, как Гори и Тбилиси; а по словам покойного З. Г. Биланишвили (из сел. Патардзеули), существовали дарбазиса и в Гаре-Кахетии.

⁴ Имеются они и в Картли: такая развалина, по видимому, сохранилась в Рконском монастыре (выше Ахалкалаки, близ Гори).

⁵ Георгий Мерчул. Житие Григория Хандзтийского. Грузинский текст. — Введение, издание, перевод Н. Марра с Дневником поездки в Шавшию и Кларджию (65 рис.), СПб. 1911 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, книга VII), стр. XXXIV, ср. Дн., стр. 142, 164.

⁶ Такайшвили. Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии, Тб. 1952, стр. 55—56 и табл. 79 и 83.

⁷ Вопросам истоков грузинской культуры, характера ее и связанных между собой различных племен и народов посвящено обширное и задуманное по большому плану исследование акад. И. А. Джавахишвили, Введение в историю грузинского народа, том II которого (Первоначальный строй и родство грузинского и кавказских языков) выпущен в 1937 году, а первый (Историко-этнологические проблемы Грузии, Кавказа и Ближнего Востока) посмертно под ред. Г. С. Читая в 1950-ом году; ср. еще его статью в Вестнике древней истории, за 1939 г., №4. Соотношению культурных народов Передней Азии посвящена отчетная работа Э. Херцфельда *Völker und Kulturzusammenhänge im Alten Orient (Deutsche Forschung. Aus der Arbeit der Notgemeinschaft der deutschen Wissenschaft, Heft 5, Berlin, 1930)*, и статьи акад. С. Н. Джанашиа, Тубал-Табал, Тибарен, Ибер (Известия ИЯИМК Груз. ФАН, т. I, Тб. 1937) и Древнейшее национальное известие о первоначальном расселении грузин в свете истории Ближнего Востока (там же, т. V—VI, Тб. 1940).

с одной стороны, и как они — с другой — поддерживают и обосновывают его сами. Это, конечно, имеет значение для выяснения как общей картины культурного развития Переднего Востока, так и возможного значения народов Кавказа в развитии его культуры. Но, как сказано, представлять то или иное построение архитектурного развития на основе одной принятой общей теории, причем так, что с падением ее неминуемо должно рухнуть, если и не целиком, то в значительной и существенной части свое построение развития архитектуры, я считаю неосмотрительным и простительным только потому, что, к сожалению, история искусства все еще стремится опираться на методы и результаты других наук более, чем на свои собственные, все еще предпочитает идти, опираясь на другие науки, чем дать хотя бы и менее широкое, но зато абсолютно ясное, твердо фундированное изложение достигнутых ею самой результатов.

Я принужден был сделать эту методологическую оговорку, потому что такой солидный и выдающийся, к тому же новейший труд по архитектуре Кавказа, как исследование И. Стриговского, грешит как раз в этом пункте. Стриговский получил материал, показывающий обычным жилым домом в Восточном Иране — сырцовый квадрат с куполом или куполоподобным перекрытием¹. Это явление убедило его окончательно в иранском происхождении купола над квадратом. Между тем ему осталось неизвестным существование названных выше кавказских дарбазы, и он представляет себе, что на Кавказе купола над квадратом вторичное явление, заимствованное из Ирана. Стриговский старается включить и обосновать это утверждение общим построением об арийском (иранском) происхождении, как этого, так и всех других столь же проблематичных и поспешных утверждений. У него несомненная цельность конструкции, но цель-

ность, построенная на столь непрочном, как отмечено, основании, а потому грозящая развалиться все построение в случае развала фундамента его. А последнее неизбежно, во всяком случае в отрицательном смысле, т. е. как факт. Какая, более ли широкая, более ли узкая, или, быть может, совершенно иначе построенная фундировка должна занять со временем здесь место — это пока только еще вопрос личного убеждения, но не научно доказуемого утверждения или построения. При настоящем же состоянии неразработанности подчас наиболее жгучих для общей исторической эволюции искусства вопросов, как сказано, осторожность предпочтительна и необходимо воздержание от широких, но необоснованных достаточных построений².

Итак, как несомненный факт, устанавливаемый изучением этнографических данных, твердо стоит наличие больших зал, квадратных в плане средней части с куполоподобным перекрытием уступами, как обычный жилой дом населения Грузии и, можно добавить, Армении. Оставляя в стороне всякие гипотетические соображения по вопросу эволюции и происхождения его, полагаю необходимым считать с этим фактом при изучении развития на Кавказе христианского храмового зодчества. Понятно, что купольная архитектура христианского времени не могла не находиться под воздействием этого связанного с родной почвой навыка, уходящего своим началом в неизвестную глубину веков. Ясно а priori, что христианско-кавказская архитектура могла выработать свои особые, ей одной свойственные, или может быть перешедшие и в другие страны христианской культуры архитектурные типы, формы и приемы. Это несомненный факт; а потому именно наше преимущественное внимание и привлекает к себе купольная архитектура Кавказа, в данном случае Кахетии, и она занимает главное по значению и обилию архитектурных произведений в ней место.

2. ХАРАКТЕРНЫЕ ЧЕРТЫ КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КАХЕТИИ

Мы отметили, что купол над квадратным помещением является тем исходным элемен-

¹ I. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier, I, Wien 1918, S. 365 ff. и 614 ff.

² Критическое рассмотрение главнейших положений и методологических приемов названного труда Стриговского я попытался дать в специальной статье,

том, который определяет характер купольной архитектуры Кахетии. Чтобы упростить даль-

отпечатанной в Monatshefte für Kunstwissenschaft Leipzig 1922. Bd. XV, Heft 7—9 под заглавием: Die Kunst des christlichen Kaukasus und ihre Stellung zur allgemeinen Kunstgeschichte. Eine kritische Würdigung von J. Strzygowski, „Die Baukunst der Armenier und Europa“.

нейшее и без того усложненное изложение, считаю целесообразным детальнее рассмотреть здесь эту сторону купольной архитектуры в Кахетии, используя следующий затем материал.

Как может считаться установленным, в купольных постройках кардинально различаются постройки, в которых купол возведен над круглым в плане пространством от таких, в которых он возведен над квадратным. Если первые не подразумевают большого строительного мастерства, то в отношении вторых это как раз имеет место — чтобы перейти от квадрата к кругу купольного основания нужно было применить какой-то конструктивный прием.

Круглые или многогранные постройки известны еще до возникновения христианства. Наиболее видный, хорошо сохранившийся и общеизвестный пример составляет знаменитый Пантеон в Риме, построенный при имп. Адриане (117—138 гг.). В нем, как и в ряде других, купол перекрывает пространство, ограниченное сплошными стенами, выведенными в означенной круглой или многогранной форме плана с самой земли и до начала сферического свода. Из числа же раннехристианских построек нам известны такие, где выделен с куполом барабан, возвышающийся над более широким корпусом постройки снаружи, а внутри укрепленный на кольце колонн, как, напр., Санта Констанца в Риме и др. Интересно отметить, что несколько подобных по форме римских построек имели не полусферу, а деревянное перекрытие по стропилам. Эта непривычность применения восточных строительных методов отражается позднее в применении к октограмму приемов квадратных строений. Как сказано, этот тип купольных построек не требует большого строительного мастерства. Как и форма базилик со столбами и коробовым сводом, так и эта форма круглых купольных построек, есть продукт взаимодействия восточных строительных элементов с храмовыми формами, разработанными эллинистическим культурным слоем,

Принципиально другой, отличный от этого тип представляют собой купольные постройки на квадратном основании. Как впервые выяснил Огюст Шуазэ, здесь именно заключалась сложная конструктивная задача. Полусфера купола имеет основанием круг, который нужно соединить с квадратом помещения. Следовательно, надлежало найти, во-первых, такой переход от квадрата к кругу, чтобы равновесие и устойчивость купола была гарантирована, т. е. чтобы прежде всего все части купола имели подпоры, а затем чтобы и распор, производимый куполом на стены, имел снаружи достаточное противодействие и устойчивость. И, во-вторых, этот переход должен был удовлетворять художественным требованиям, т. е. должен был содействовать созданию пространства.

История архитектуры отмечает два принципиально различных решения этой задачи перехода от квадрата к кругу. Это так называемые системы пандантивов и трюмп¹. Переходными к трюмпам, кроме того, являются приемы наискось положенных каменных плит и система нависающих одна над другой перемычечных арок. Что касается древней архитектуры Грузии и Армении, то в церквах их пользуются при этом так называемыми трюмпами или перемычечными парусами². То же самое имеет место и в Кахетии, т. е. и здесь купола возводятся над квадратным основанием, а переход от квадрата к кругу подкупольного основания образуется в зданиях древнего времени посредством трюмп по углам. Но самая форма трюмп, а также принцип их конструктивного образования не всюду одинаковые. Вопросам перехода от квадрата к кругу купола с подробным разбором конкретных примеров посвящена мною глава в исследовании Цромского храма.

По своим формам трюмпа есть по существу и по назначению своему перекрытие угла здания, первоначально, конечно, угла прямоугольного здания. Перекрытие это может быть или плоским, или же сводчатым; но только в последнем

ние в решающем значении Рима. Так, в начале же статьи он говорит, что трюмпа «видимо перенята из позднеримских сооружений». Барабан под куполом объясняет «изобретением итальянского ренессанса». Приводимые примеры взяты из памятников средневековой Франции и Германии. Впрочем, нельзя не отметить, что он правильно отмечает значение трюмпы и паруса именно в установлении художественного образа.

² См. мое исследование о Цромском храме (*Georgische Baukunst, Band II, Тбилиси, 1934, стр. 46 слл.*) с перечислением примеров из мировой архитектуры. Ср. для Армении у Стриговского, I, стр. 309—310 и 361—362.

¹ Примечательно, что еще совсем недавно напечатана за рубежом статья, посвященная вопросу о «трюмпе и парусе», как двух основных типах перехода от квадрата к основанию купола; автор обосновывает надобность таковой статьи заявлением, что их путают в литературе, неправильно понимая особенности (Wihl Raue, *Trompe und Zwickel*, in: *Festschrift für Hans Jantzen, Berlin 1951, S. 97—108*). Хотя автор ставит своей задачей только четкое определение корпусно-пространственного формообразования их и их разновидности, а не установление развития этих форм, все-таки направленность его интереса на архитектуру средневековой Западной Европы ясна, как и убежде-

случае оно получает название тромпы. Свод в данном случае не может быть цилиндрическим, ибо стенки, на которых он укреплен, не параллельны, а сходятся на конце вместе. Таким образом, свод получается конический — это половина конуса, как в цилиндрическом своде половина цилиндра. Такое устройство в Грузии мы видели в Джвари и церквах типа его, в Цромском храме и др¹. Характерной чертой является то, что арки такой тромпы представляют ровно половину круга и что начинается арка под подкупольным кругом не прямо конусом, а сперва имеет ровную арочку-перемычку, а затем уже, отступя вглубь стены, начинается конус. Подобное устройство тромпы имеется, как в сасанидских дворцах, так и в ранних итальянских церквах, как баптистерий Неаполя², с тем только отличием, что там нет отдельных спереди арочек, а прямо идет конус тромпы, но при этом и конус этот не составляет у них ровно половины, а меньше нее, т. е. арка представляется сдавленной³. Такова одна форма тромпы в двух ее разновидностях.

Другая форма тромпы конструктивно выполнена иначе и, как уверен, также дает материал для уяснения происхождения, развития ее, как структурного элемента. Эта вторая форма — форма конхи. Но она не ложилась ровно на стенки, идущие под прямым одна к другой углом. Для парализования этого явления в самом углу и у наружных концов конхи из стен здания выпущены небольшие консоли. Таким приемом получилась возможность поместить над углом тромпу-конху, или как ее называл Стриговский «настоящую нишу» (richtige Nische) в противовес полуконусу тромпы⁴. Такого именно вида тромпы кахетинских церквей:

это настоящие полные конхи. По существу такова же и тромпа в знаменитом октогоне Сан-Витале в Равенне, только и здесь есть отличие⁵, как и в первом типе — переход к купольному кругу не от квадрата, а от восьмигранника, почему тромпа более плоская и сидит своей конхой в стене, т. е. не на консолях, и кроме того сплющена сверху⁶.

Таковы две основных формы тромп и разновидности в каждой из них, которые мы в состоянии были установить для тромп древнейшего времени, т. е. с VI по VIII—IX века. К сожалению, отсутствие многих материалов лишает нас уверенности в том, не окажется ли еще какой-либо иной разновидности и для этого времени. Что касается тромп более позднего времени, т. е. как в известной группе византийских церквей XI в., в романских церквах Германии, Франции или Италии, а также тромп исламского искусства, то их, как явления вторичного, мы здесь касаться не можем⁷.

Как было отмечено, эти первичные формы тромп дают нам, полагаю, указания на путь развития угловой тромпы вообще. Вначале было отмечено, что перекрытие угла можно мыслить плоским или сводчатым. Сводчатое это и есть — тромпа. Плоское же проще — это только выдвинутая над краями стен, положенная наискось над углом и опирающаяся на стены плоская перемычка из камня, а может быть и деревянная. И такой переход от квадрата помещения к подкупольному кругу отмечен исследователями в некоторых постройках северного Ирана⁸; встречаем его в Зеганской церкви св. Марины и, как рудимент, и в купольной церкви Некресского монастыря⁹. Эта система плоского перекрытия подкупольных уг-

¹ Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари. Тб., 1948, его же Die Kirche in Zromi (Georgische Baukunst). Тб. 1934. Н. П. Северов и Г. Н. Чубинашвили. Самцеврис (Ars Georgica, 2, Тб., 1948). А равно и в церквах Армении, ср. Strzygowski, том I, 371—372.

² Ср. снимок тромпы во дворце Каср-и-Ширин: F. Sarre und E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Berlin 1910, табл. III. Старые чертежи у Фляндена и Коста передают по-видимому неправильно (или условно) тромпы, что следует из сличения рисунков их с рис. Шузи (ср. воспроизведение первых у Perrot et Chipiez, Histoire de l'art dans l'antiquité, том V, рис 357, 360, 362, а вторых, по-видимому по Дьёлафуа, у Шузи, Histoire de l'architecture, Paris, [1899], I, стр. 124—126, рис. 2—4, а в русском переводе под ред. А. А. Сидорова, т. I, М. 1935, стр. 114—116 и рис. 82—84) — Тромпа в баптистерии Неаполя Сан Джованни ил фонте: Rivoira, Architettura romana, Milano 1921, рис 299, стр. 313.

³ Такой разновидности тромпы имеют применение

во втором и третьем рядах тромп и в храмах Грузии (см. Джвари Мухетский и т. п.).

⁴ Strzygowski, I, 362—363 сноска.

⁵ Ср. однако ниже, также Гурджаанскую Квела-Цминда.

⁶ C. Ricci, Ravenna (Coll. di Monografie illustrate), Bergamo 1902, fig. p. 45. Отличие равеннского мастера сказалось еще и в том, что он не сразу создает конху, а сперва ведет в стене сегмент цилиндра, на котором уже затем лишь выводит конху. Вероятно, это есть отражение той тенденции, на которую указывает С. Гуйэр по поводу tetrapylon в Корикосе, как характерную в ряде сиро-месопотамских памятников (Meriamlik und Korykos, Manchester, 1930, S. 125—126 und Abb. 128).

⁷ Несколько различных видов тромп отмечает для памятников романской архитектуры R. Lasteyrie (L'architecture chrétienne de l'époque romane en France, Paris, 1929, p. 266—268); художественное качество их не одинаковое.

⁸ Ср. Georgische Baukunst, Bd. II, S. 49.

⁹ См. ниже гл. V и VI.

лов в свою очередь естественной параллелью имеет систему отдельных арочных переемычек, каковую мы имеем в Мартвили¹ и увидим ниже в Кветера² и каковая отражается, пожалуй, все еще в первой самостоятельной арке больших угловых трюмп церкви Джвари Мцхетского и др. Из такой или подобной системы нависающих арочных переемычек легко могла произойти конусообразная трюмпа. Конховая трюмпа так же является простейшей, естественной параллелью сводчатого порядка к плоской переемычке над углом, ибо хорошо была известна из практики христианского хотя бы храма. Таким образом, формы эти, по-видимому, все указывают, что как только возникла проблема устройства купола над квадратом, так немедленно же перекрытие пустых частей над углами его могло найти несколько различных решений. Во всяком случае две охарактеризованные выше основные формы трюмп нельзя считать происшедшими одна из другой, а только независимо созданными, самостоятельными.

Это наше заключение содержит очень существенное значение, ибо показывает, что даже на такой близкой территории имеются две самостоятельные формы. Тем более нужно быть осторожным и не утверждать, как это делает Ривоира, будто трюмповое устройство есть создание Рима и римской Кампании, бывшее в ходу еще ранее V века, откуда оно и заимствовано на всем Востоке как в сасанидских постройках, так и христианских³. Мы отметили, что в Италии применены обе формы, но в измененных вариантах. Художественные ценности трюмп при этом утеряны совершенно, таким образом о заимствовании их отсюда говорить не стоит. Серьезное утверждение И. Стриговского об иранском происхождении трюмп. Оно входит в его упомянутое выше цельное построение о происхождении куполов. Помимо того, что все построение, как таковое, построено на частичном только знании о распространении жилых с уступчатым сводом квадратных зданий и потому при указанном выше расширении этих данных теряет всю свою силу, — как мы видели, в Грузии налицо два типа трюмп, из которых в упрощенном, как и в Италии, виде в Иране встречается только один. Ясно отсюда, что утверждать происхождение на Кавказе трюмп путем заимствования ее, как и самого купола, из Ирана нет никако-

¹ Г. Н. Чубинашвили, Памятники типа Джвари, Тб. 1948, стр. 103 и табл. 70—71 и 73—75; его же, История груз. искусства, стр. 115 слл. и рис. 84—88.

² Гл. VII.

го основания. Я не считаю также возможным утверждать обратное, т. е. заимствование трюмп в Иране с Кавказа: вполне возможным представляется мне, теоретически, независимое создание их и там, что отчасти поддерживалось бы и тем, что форма иранской трюмп представляет некоторую разновидность. Что, напротив того, итальянские трюмп не местного происхождения, а заимствованы с Востока (откуда — это подлежит исследованию), это, мне думается, вполне ясно следует из всего хода развития христианской архитектуры вообще, новое творчество которой связано именно с Передней Азией, а не с кончавшим круг своего развития старым греко-римским культурным миром.

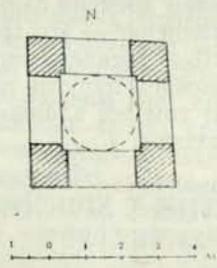
Итак, характерной особенностью древнего купола в Кахетии является то, что он воздвигается над квадратным помещением. Это — первая его черта; вторая — метод перехода от квадрата к купольному кругу. Для этого в Кахетии применяется трюмповое устройство. Наконец, есть еще третий важный момент, а именно наличие в кахетинском купольном устройстве барабана (с окнами). На этом моменте нам надлежит здесь также особо остановиться.

Купол, выведенный непосредственно над квадратом, как мы видим его в сасанидских дворцах, и как он подготовлен формой «гвиргвини» в квадратных крестьянских дарбази Грузии, осуществляет и выявляет совсем другие ценности, чем те, которые нужны для христианского храма. В дарбази перекрытие придает пространству впечатление закругленности, незаметного, хотя и определенного ограничения сверху помещения, кульминирующего в световом отверстии: он придает радостный интимный характер пространству. Вот почему, очевидно, эта форма, как целое созданное пространство было применено для монастырских библиотечных помещений. Но этих моментов мало для христианского храма. Здесь необходимо выразить величие божества, идею бесконечности его — и вот посреди здания вздымается вверх купол поверх барабана, являющийся источником света. Получается впечатление маэстозного, уходящего ввысь, залитого светом из этой поднебесной высоты пространства церковей. Очевидно, что этот элемент выработан вполне самостоятельно в Грузии⁴. Было

³ Rivoira, A moslem architecture. London, 1918, стр. 119—133 и особенно 124, 126, 166, 278.

⁴ Louis Hauteceur посвятил книгу вопросу связи религиозных верований и таких архитектурных форм, как купол (Mystique et Architecture, Symbolisme du cercle et de la coupole. Paris, 1954). Анализируя

осознано несоответствие для церковного здания перекрытия, непосредственно начинающегося от верха стен, и найден новый элемент — барабанный купол с окнами¹. Эта характерная черта для церковной архитектуры совершенно не отделима от понятия купола; не случайно древняя грузинская терминология знает гუმбати (купол), как одно целое, состоящее из тави («голова» — сфера) и кели («шеи» — барабана). Купол в архитектуре Грузии и Армении, как выделенная форма архитектурной композиции, мыслится всегда только как купол с барабаном. Но мы видели применение купольного свода в одном ряду с иным сводом, т. е. без выделения в какой-то центр композиции, —

План квадрата в Череми

без барабана — в южной церкви Матанской Цхра-Кара и Ахметской Гвтэба. Конструктивно барабан подразумевает различные условия расчета распора стен, чем просто купол, для которого достаточна известная, не очень значительная толщина стен. Барабан под куполом для устойчивости здания требовал расширения

первобытные хтонические культы, переход от них к астральным, небесным у народов Средиземноморья и Переднего Востока, в их отношении к символике круга и купола в архитектуре, он намечает преемственность в раннем христианстве и ассимиляцию им этих дохристианских верований, а затем, как продолжение, в исламской и средневековой архитектуре Запада, и заключает показом замены в новое время мистико-символического значения эмблемой значительности социального достоинства при применении куполов во дворцах, феодальных замках, ратушах. Все положение он обильно и обстоятельно иллюстрирует цитатами из современных каждой эпохе писаний. Я не производил специальных розысков в памятниках нашей древней письменности по характеристике архитектуры, ее сводов и куполов, как отражения небесного свода: попутно, впрочем, ничего подобного не заметил. Сама же связь купольного перекрытия в монументальной грузинской архитектуре с формами жилого дома и его «виргинии» заставляет несколько иначе освещать вопрос о смысле этих архитектурных форм в тогдашнем понимании архитектора и всего коллектива, чем это делает L. Hautecoeur в предисловии своей книги (р. IX), хотя результат получается сходный.

Интересно тут же упомянуть, что небесный свод

квадрата подкупольного, т. е. изменения расширения и самого плана основного исходного для церкви пространства — простого квадрата с куполом. Таким образом, этот процесс развития из квадратного пространства с поднимающимся к центру перекрытием, какое мы имеем в крестьянском «дарбази» и вплоть до церквей с более или менее расчлененным пространством и куполом на барабане с окнами, естественно должен был потребовать времени для своего оформления, быть может, в несколько столетий.

Общий вид квадрата в Череми (рис. по фото)

В этом отношении интересна одна небольшая постройка, сохранившаяся до наших дней в ограде Черемского епископского храма. Она является таким пережитком указанного време-

и в литературе и в народной поэзии, как и архитектурно возведенный свод именуется в древней грузинской литературе и в последующей вплоть до XX века словом *камара*, как это же слово *ხმარა* применялось для свода и в греческом языке. Этимология его в греческом возбуждает сомнения (см. там же у Hautecoeur, стр. 49—50, ср. 172, 200), впрочем и попытка Н. Я. Марра (Quelques termes d'architecture désignant voûte ou arc: Яфетический сборник, II, 1923, стр. 137—167, а в русском переводе: Избранные работы, т. III, 1934, стр. 199—218) показать его яфетическое (в частности сванское?) происхождение не получила, если не ошибаюсь, общего признания. (Прискорбно, что поспешно принятое в учебной грузинской литературе последних 20 лет применение для свода термина *таги* (თაღი), резервируя *камара* для арки, отошло от традиционного словоупотребления и, возможно, от использования относящегося к коренному составу грузинского языка, слова).

¹ Отмечу здесь, что Стриговский тоже признает купол с оконным барабаном (Feenstertrommel) созданным собственно на Кавказе: это именно «творчество армян» (die Tat der Armenier); по его, конечно, выражению.

ни¹. Это — миниатюрный квадрат с открытыми на все четыре стороны арками и перекрывающим его без барабана куполом. Вся постройка выведена из булыжника, очень тщательно. При арках были импосты обычной формы слабого уклона выкружки, сделанные из желтоватого ширими². Углы над арками забушены так, что сверху получен круг. С него сразу начиналась полусфера купола³. Под этим верхним открытым квадратом находилась почти целиком в земле, крипта со входом с запада, имеющим плоскую каменной балкой перемычку. Это маленькое, ориентированное на восток помещение с криптой, где мог быть погребен какой-либо святой, мученик или исповедник веры⁴, было открыто со всех сторон, ибо оно слишком мало, чтобы вмещать верующих во время той или иной службы в этом мартириуме или мемориальной церкви — очевидно, им приходилось стоять снаружи⁵.

В этой постройке несомненно сохранились

древнейшие формы, когда еще не создавали куполов на барабанах или сами купола возводили над квадратами, не увеличенными никакими по сторонам добавлениями⁶. Здесь однако, чтобы допустить к богослужению значительное количество верующих, раскрыли стены квадрата арками, оставив только четыре угловых устоя. Для понимания зодчим заключенной в этой постройке игры сил это уже хороший показатель⁷.

Итак, в купольных постройках древней Кахетии всегда налицо отмеченные выше три характеристики купола — он воздвигнут над квадратом, переходом служат тромпы, а сама полусфера всегда слита с барабаном, прорезанным окнами. С течением времени один из этих пунктов потерпел изменение — это тромпы. Прежде всего уже на исходе древнего периода мы столкнемся с применением парусов наравне с тромпами в одном и том же здании. А затем они совершенно исчезают.

*и при этом...
направлен...*

3. ОТНОШЕНИЕ КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ К ХРИСТИАНО-КАВКАЗСКОЙ И ОБЩЕХРИСТИАНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ

Выше было отмечено, что характерными чертами купольной архитектуры в Кахетии является устройство купола над квадратом, и затем купола на барабане. Эти же черты, однако, характерны и для остальной купольной архитектуры Кавказа, т. е. всей Грузии и Ар-

мени. И мало этого — они характерны и для некоторых других разделов архитектуры. Поэтому нам надлежит уже здесь предварительно выяснить взаимоотношение купольной архитектуры Кахетии к остальным.

Насколько сегодня может считаться незыб-

¹ Она стояла в нескольких шагах на юго-восток от собора. Так же, как и последний, она долнула по линии восток — запад и покривилась в направлении юго-западном (ср. табл. 119-а слева). Осмотрена 31.VIII.1920 г. Колоссальным уроном для науки нужно считать факт сноса этого здания, произведенного в 1924 году по распоряжению сельского управления в связи с антирелигиозным движением.

² Ср. базилику Дэвели Шуамта.

³ Крылья были на два ската. Позднее заделан восточный пролет с оставлением оконного проема, перед которым поставлен престол.

⁴ Ср. выше Некресскую, Бодбийскую и Шуамтинскую базилику.

⁵ Ср. с этим мало понятное заявление в главе жития Нины IX века, озаглавленной Письмом предсмертным обращенного ею Мириана, где он пишет, что боялись входить в храм, содержащий животворящий крест и что в него ходили по воскресеньям только священники с песнопением (Мокцевай Картлисай. Опис. II, 801—802 — рус. пер., 114).

⁶ См. об этой постройке и месте ее в развитии грузинской архитектуры в Истории грузинского искусства, стр. 27 (по-груз.).

⁷ Подобная в общем постройка замерена арх. М. Дъелафуа в Ферах-Абаде (L'art antique de la Perse, t. IV, fig. 56 et 57) воспроизведена Перро и Шипье. Как теперь устанавливает Эрнст Херц-

фельд, последняя есть один из довольно многочисленных сохранившихся сасанидских храмов огня, под которыми встречаются и крипты (см. E. Herzfeld, Reisebericht, in: Zeitschrift der Morgenländischen Gesellschaft, Bd. 5 (Bd. 80). Leipzig, 1926, S. 256, 255, 269, 271, 275—276, а также Spanner und Guyer, Rusafa, Berlin 1926, S. 68) ср. еще о храме огня во дворце Каср-и-Ширин, (Кала-и-Чехар-Капу) у Fr. Wachtsmuth, Der Raum, I, 1929, стр. 155). Очень интересное соотношение Черемского квадрата к тем древнехристианским мартириям и пр., которые ставили алтарь над подземными цеметериями и где народ стоял in divo под открытым небом (см. А. Грабар. Болгарские церкви-гробницы. Известия Болгарского Археологического Института, 1922 г., т. I, 1. стр. 104—105). Здесь же нельзя не вспомнить баптистерия в Низибисе, построенного в 359 году, с его тремя стенами в сквозных сплошных проемах (см. Sarre und Herzfeld, Archäologische Reise im Euphrat und Tigrisgebiet. Bd. II, 1920 S. 341). Черемский квадрат упоминает по данным в моей Истории и Ш. Амирашвили. История грузинского искусства, I, Москва. 1950, стр. 98, сопоставляя также с иранскими храмами огня. Теперь Андрэ Грабар выделяет, как такую первичную форму мартириев, именно открытые cellae trichorae, балдахины и пр., при которых верующие стояли под открытым небом и которые древние авторы именовали ecclesia sine tecto, и современные — basilica discoperta (Martyrium, t. I, p. 122, 297, 59, 66, 77 и др.)

лемо установленным, христианская архитектура резко распадается по времени на два периода — начальный до VI—VIII веков и последующий, в котором резко разделение архитектуры христианского Востока и Западной Европы. Христианский Восток в своих многочисленных национальных течениях продолжает постепенное, едва заметное движение установившихся к этому времени храмовых форм, тогда как в Западной Европе в короткие промежутки времени сменяются в связи с соответствующими изменениями общественного и культурного порядка, устанавливаемыми на основании письменных материалов, один художественный стиль с резко выраженными особенностями другим после длительных подготовительного характера веков архитектурных исканий.

В начальном же периоде христианского искусства усиленным темпом идет архитектурное творчество в отдельных частях христианского, преимущественно азиатского, Востока. Здесь именно вырабатываются различные новые элементы, привнесенные в отдельные базиличные храмы даже Рима, базиличные храмы, которые по самой сути своей являются примерами переработки для нужд христианского собрания некоторых основных элементов и форм эллинистически-римской архитектуры. Здесь, далее, зародились и формы купольных построек, как круглая и октогональная, связывающаяся также с тем же эллинистически-римским культурным слоем, так и собственно восточно-азиатская на квадратном основании. Если количество круглых и октогональных христианских храмов всего мира очень незначительно, то принцип утверждения купола над квадратным пространством стало основным способом сочетания куполов в христианской архитектуре уже с раннего времени и вплоть до позднейшего времени, и на этом фундаменте развилась и средневековая западно-европейская архитектура. Формы тех храмов, в которых наблюдается только привнесение элементов нового архитектурного творчества, новых архитектурных принципов и нового понимания к прежним, родившимся из совсем иных принципов понимания архитектуры, из совсем иных архи-

тектурных ценностей, не способны, конечно, богатой шкале выявления нового, они не оплотворяют мысли на долгие столетия. Напротив того, целостно развивавшаяся новая архитектурная система, новое понимание архитектуры, новые архитектурные ценности заключают в себе элементы длительного развития и пышной жизни.

Итак, встает естественно вопрос в каком же соотношении, во-первых, находится архитектура Кахетии к архитектуре Грузии и Армении, и, во-вторых, что еще более существенно, к раннехристианской вообще. Понятно, что ответ на такой вопрос может быть дан не в начале исследования фактов, а лишь, после того, как они будут с возможной полнотой развернуты и анализированы. Если же я все-таки поднимаю здесь его, то делается это прелиминарно, чтобы ясно оттенить, в какой плоскости до сих пор ставился вопрос о происхождении грузинской и армянской архитектуры и в какой его надлежит ставить нам теперь. Это тем более легко сделать, что мною выше выделена основная специфика купольной архитектуры в Кахетии.

Как ясно вытекает из сказанного, Кахетия не знает ни круглых купольных храмов, ни купольных октогонов. В ней купол имеет приложение только над квадратным пространством, иначе говоря, никаких элементов эллинистически-римского культурного течения не отмечается. Только в позднее сравнительно время своеобразного возврата к древним образцам, подражания им, с декоративным при переделке их устремлением, встретимся мы и здесь с своеобразными вариациями на тему центрального, звездообразного плаца¹. Системы перехода от квадрата к кругу, как мы знаем из предыдущего параграфа, являются также разновидностями одного типа, именно — тропового устройства в отличие от пандантивного, тяготеющего, как намечается исследованиями, также к эллинистическим центрам Азии по своему происхождению². Напротив, формы, характерные для построек древнехристианского периода в Азии, — в сасанидской Персии и на Кавказе, — встречаются в Западной Европе в иска-

¹ Такое же явление наблюдается и в архитектуре города Ани (Армения) в ту же эпоху, где воздвигнуто несколько подобных церквей (Абугамренц, Пркич и др.). На это явление я вскользь обращал внимание в Отчете Анийского Музея Древностей за 1916 год (с 12 табл.), Петроград. 1918 (АД, III), стр. 20 и 27, а также в популярном очерке «Город Ани», напечатанном в журнале «Орion», Тифлис. 1919 г., № 3, стр. 71—72. Ср. теперь еще мой очерк «Армянское искусство с конца IX и до начала XI века», в сбор-

нике Давид Сасунский, под ред. проф. Л. М. Меликсет-Бекя, изд. Тбил. Унив. имени Сталина, 1939, стр. 16 сл., также в крит. статье о книге Стриговского. Как ни странно, ряд новых публикаций придерживается той же условной схемы развития, — по Стриговскому, — пытаюсь приспособить к ней и подкрепить ее письменными упоминаниями (ср. ниже стр. 254, прим. 4).

² А по стилеустановке к тому же римско-эллинистическому барокко (см. Georgische Baukunst, II, 47, 54 ff.)

женной, можно сказать, форме (ср. баптистерии Сан-Джованни in fonte в Неаполе и Сан-Витале в Равенне). Таким образом, явно выделяется в разных отношениях все один и тот же факт — купольная архитектура Кахетии есть чистый представитель того восточного, восточно-азиатского течения древнехристианского искусства, которое определяется особенностями стилизации. Поэтому изучение ее в интересах общехристианского искусства приобретает первостепенное значение.

Что же касается взаимоотношения ее к архитектуре остальной Грузии и затем Армении, то таковое, как проблема, намечается ясно и характерно формами трюмп. Мы отметили выше, что форма кахетинской трюмп отличается от таковой в ряде памятников Картли и Армении. И хотя она и близка с таковыми Ирана, все-таки обе они представляют разновидности одного типа. Итак, здесь ясно самостоятельное место, на которое справедливо имеет претендовать архитектура Кахетии и в части купольных храмов. А если к этому прибавить еще, что разновидность иранской трюмп является как бы менее развитой и законченной при сравнении с кахетинской, то значение последней еще существенно возрастает.

Итак, с одной стороны, сказанным намечается, что архитектура Кахетии, как таковая в пределах христианской архитектуры всего Кавказа, является вполне самостоятельным и отличающимся от других частей его феноменом купольной архитектуры. С другой стороны, купольная архитектура всей Грузии и Армении, по характерным чертам своим в древнехристианский период, является ярким представителем восточного, азиатского культурного течения и потому имеет право на детальное, внимательное изучение и с точки зрения интересов общей науки о раннехристианском искусстве, его образовании и развитии.

Но не таково было до самого последнего времени отношение к архитектуре Грузии и Армении в имеющейся научной литературе. О каком-либо выделении архитектуры Кахетии, как мы отмечали уже во введении, конечно, и речи нет. Более детально занимавшиеся архитектурой Кавказа исследователи, как Д ю б у а, Ш н а а з е, К о н д а к о в и вся плеяда работников Московского археологического общества во главе с графиней П. С. У в а р о в о й и проф. Е. С. Т а к а й ш в и л и подходили с одной неизменной точки зрения, с одним масштабом. Они, как это вполне соответствовало состоянию науки истории искусств в 30-ые, 50-ые, 70-ые, 90-ые годы XIX века и еще в начальные годы

XIX века, когда писали те или иные из названных ученых, относили искусство христианской Грузии и Армении к искусству византийскому, рассматривая его как отражение, как один из видов, из выражений византийского искусства. Поэтому все своеобразные формы обходились, собственно говоря, без анализа, молчаливо, как случайные, непоказательные отклонения; все же остальное ставилось в непосредственную хронологическую зависимость от Византии. При таком подходе к материалу не было, конечно, никакой возможности оценить и понять самостоятельную ценность и значение его. Только отдельные замечания, не выходящие из общей названной концепцией, пробиваются у таких могоканов, как Ш н а а з е и особенно К о н д а к о в — но и они тонут под давлением общей теории. Это направление в последние годы вновь рьяно и настойчиво декларировалось в трудах известного итальянского исследователя Р и в о й р ы, который стремился доказать происхождение (формирование) и развитие всего христианского искусства (не только кавказского) из римского и на почве Италии.

Только в трудах Иосифа Стриговского, начиная с начала XX века, появляется постепенно все разрастающееся и углубляющееся понимание значения кавказско-христианской архитектуры для общехристианской. А в специальном труде его по архитектуре Армении мысль эта выражена с небывалой прононсированностью и настойчивостью и обосновывается богатым, до сих пор известным только отдельным специалистам материалом. Стриговский отстаивает ту мысль, что именно здесь создан решающий и определяющий формы христианского храма подкупольный барабан с окнами, потребовавший и расширения здания по конструктивным основаниям. Обращенное Стриговским попутно уже давно внимание на кавказский материал, конечно, не могло пройти бесследным для других чутких и внимательных исследователей, которые и пытались получить, какой только могли раздобыть материал. И уже в трудах Габриэля М и л л е, Шарля Д и л я, О. М. Д а л ь т о н а, К. М. К а у ф м а н а и др. мы не можем не отметить хотя бы частичного, робкого признания самостоятельности кавказского искусства как части византийского¹.

¹ Это особенно усиленно вводится в обиход в книгах О. М. Dalton, East christian art (1926) и Jean Ebersolt, Monuments d'architecture byzantine (1934.)

С другой стороны нельзя не отметить, что в общем остается в силе все та же недооценка самостоятель-

Таким образом, в последние годы с разных сторон, трудами разных исследователей привнесено много нового для пересмотра проблемы об отношении византийского искусства и искусств Грузии и Армении, и более того — на-

мечается вполне ясно тот новый ответ, которому суждено, по-видимому, сыграть существенную роль в перестройке всего здания развития раннехристианского искусства.

4. РАЗВИТИЕ ОСНОВНЫХ ФОРМ КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ НА КАВКАЗЕ

Таким образом, новейшее движение в науке подошло вплотную к изучению богатого материала по архитектуре христианского Кавказа. Основным, исходным впрямь на долгое время будет в этом отношении труд проф. Иосифа Стриговского. Он основан, правда, только на специально подобранном материале памятников бывшей Российской Армении, но с привлечением всего, что автор труда смог заполучить, как по архитектуре Армении, так и Грузии. Стриговский по существу не делает принципиального различия между обеими странами, он считает их как бы за одну общую область истории искусства, отдавая пальму первенства Армении.

Ввиду отмеченного значения труда Стриговского нельзя не остановиться здесь на вопросах, которые выдвинуты и определенно решаются им как для Армении, так и для Грузии, и которые, однако, нельзя считать решенными правильно¹. Конечно, я останавливаюсь здесь только на таких пунктах, которые имеют тесное касательство к архитектуре в Кахетии.

Как было уже упомянуто, Стриговский считает основу восточно-купольной архитектуры — квадрат с куполом на тропках, происходящим из восточного Ирана². Далее эта усвоенная отправная форма получила для христианского храма, при применении уже на территории исторической Армении, как добавление, барабан с окнами под куполом и опорные ниши с каждой из четырех сторон квадрата, необходимые конструктивно при распоре барабана. Так создался основной, исходный для

всей церковной архитектуры Кавказа тип простейшей крестово-купольной церкви. От него путем той или иной вариации и развития получились все остальные. Такова схема развития у Стриговского. Несомненно, что логически это вполне стройная схема, но и только — логически. Не буду здесь более говорить об искусственности деления на иранский дом и кавказскую купольную церковь: об этом сказано было уже выше. Здесь необходимо остановиться на предложенной им схеме формирования крестового плана и его различных формах.

В отношении формирования крестового плана развитие архитектурных форм шло, по моему убеждению, как и в других проявлениях культуры, очень запутанным, сложным и во всяком случае не логически-прямолинейным путем. Здесь, очевидно, также наблюдается complication мотивов: была потребность в специальном пространстве для алтаря на восток, затем возможно, что нужно было выделить особо также пространства для женщин и оглашенных. Таким образом, очень вероятно это расширение плана и независимо от купольного барабана, тем более, что вообще пространство такой комнаты могло очень быстро уже оказаться недостаточно вместительным³. Но перед всеми этими соображениями имеет преимущественное значение одно совершенно ничего общего не имеющее с постройкой, как таковой. Это — религиозно-символическое значение, придаваемое кресту: его форму воспроизводили в плане церкви⁴. Так, в пещерных церквях встре-

ности и вклада грузинского искусства в общую сокровищницу культуры человечества. Это освещено Вахт. Беридзе в брошюре «Против искажения истории грузинского искусства», Тб. 1949. Определяющим является наша вина — почти полное отсутствие публикаций и особенно научных исследований.

¹ Ср. также цитированную выше статью мою о всем исследовании.

² На иранское происхождение куполов над квадратными пространствами указывал еще в изданной в 1904 г. книге акад. Н. П. Кондаков (Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, стр. 75—79). По-видимому, того же мнения и Ог. Шуази.

³ Напомню крупные размеры Болнисской и Урбнис-

ской базилик или хотя бы вышеописанных в Зегани, Вачнадзани, Хирса, Хашми, Вазисубани.

⁴ На это указывает уже письмо Григория Нисского, написанное епископу Амфилохию в 374—394 годах (издано в переводе у Стриговского, Kleinasiens, 1903). Jean Lassus, напротив, категорически заявляет, что ни на Западе, ни на Востоке символический смысл (intention symbolique) не создал этот архитектурный тип. И добавляет к этому, что в поисках происхождения крестово-купольного типа приходится поражаться (on peut être frappé) его техническим характером. Однако, сам приводит затем примеры погребальных сооружений крестового плана без поднимающегося купольного центра (Les sanctuaires chrétiens de Syrie 1947, p. 115—116).

чается этот план, где ни о каком конструктивном значении его и речи быть не может¹. Точно такова и известная нам уже выдающаяся постройка с крестообразным внутри планом при четвероугольнике здания снаружи, обращенном только путем пристроенных портиков и снаружи в крест — именно малая церковь Джвари Мцхетского. В ее плане несомненно именно эта символическая сторона, придававшаяся форме здания².

Таким образом, по моему мнению, крестообразный план сам по себе хотя и является необходимым устоем распору купольного барабана, и хотя в начале развития купольной христианской архитектуры и связан неразрывно с ним, все-таки только сочетался с таким расширением, а не вызван им. И, быть может, только существование этого плана сделало вообще возможной попытку поднять купол на барабан, подсказало ее зодчим. Мы не должны забывать, что даже в таком чуде архитектуры, как София Константинопольская, окна прорезаны в основании сферы купола, т. е. ее зодчие не сумели иначе сочетать окна и полусферу, как только изрезав ее основание и создав уродливой формы оконные отверстия. О барабане здесь нет еще и поминка. Точно также и в Грузии крестообразный план мог явиться ранее создания купольного барабана. Это два явления по всем данным между собой не связанные причинно.

Это установление имеет для нас самое существенное значение, ибо оно сразу же отводит главный довод Стриговского по обоснованию его схемы развития архитектурных типов на Кавказе. Стриговский, как сказано, полагает развитие прямолинейным от одной причины к одному следствию³. Сообразно этому он выдвигает тип «купольного квадрата с опорными нишами» (Kuppelquadrat mit Strebenischen), где эти опорные ниши приходятся против средней части стены квадрата, в качестве первоначального и основного. Из него развились так или иначе остальные. Для нас важен здесь купольный квадрат с опорными нишами по осям и по углам (Kuppelquadrat mit Strebe-

nischen in den Achsen und Ecken) — тип Джвари («чистые квадраты с конхами или тетраконхия» (reine Konchenquadrate oder Tetrakonchen), наконец, триконхи и ряд форм, так или иначе пристегнутых им к перечисленным, каковы квадрат с почти равными прямоугольными рукавами и полукруглой абсидой и др. Стриговский выводит все эти типы из первого типа. Между тем, крестообразный план, где каждый рукав по ширине равен стороне квадрата, образовался ранее и во всяком случае независимо от купола на барабане. Таким образом предположение, что в соединении с куполом на барабане он является вторичным ответвлением от типа с опорными нишами против средней части стороны квадрата, нельзя не считать натяжкой, тем более что никаких фактических, реальных доказательств или подтверждений этого положения не приводится. Напротив, мы видели, что эта последняя форма скорее всего сама может считаться производной, возникшей, как упрощение и декоративно-разработанная форма от типа Джвари⁴. Что касается этого типа, то его я непосредственно должен сопоставлять с тетраконхом или, вернее, предполагать уже существующим до его создания тип настоящего тетраконха (по терминологии Стриговского). Наравне же с тетраконхом, одновременно с ним, как параллельные явления естественны различные иные виды крестообразного плана — об одной, двух, трех абсидах при приблизительно равных всех четырех рукавах креста, а также при удлиненном западном. Конечно, это мое утверждение есть лишь предположение, но оно не заключает в себе никаких связывающих исследователя положений. Напротив, изучение отдельных форм, быть может, приведет к заключению о зависимости одной из них от какой-либо другой, подобно тому, как наше исследование церквей типа Джвари привело к заключению о зависимости и происхождении из него церквей купольного квадрата с опорными нишами по осям (Kuppelquadrat mit Strebenischen in den Achsen), т. е. как раз обратило предложенную Стриговским схему в свою противоположность.

нашему стыду — не зная вовсе даже изданного грузинского материала.

² См. Памятники типа Джвари, Тб. 1948, стр. 8—10, 13 и табл. 2, 35 и слл. и рис. 1; или История грузинского искусства, I, Тб. 1936, стр. 59—62 и рис. 42 и 64 (по-груз.).

³ Die Baukunst der Armenier, II, S. 484.

⁴ См. История грузинского искусства, стр. 143 и ст. в сборнике Давид Сасунский, 1939, стр. 23—34.

¹ Ср. Strzygowski, Orient oder Rom (1901) и Kleinasien (1903). Кондаков, Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, 1904, стр. 12—14; J. Ebersolt, Monuments d'architecture byzantine, P. 1934, стр. 31. То же имеем и в нижнем этаже гробницы Теодориха в Равенне.

На этом вопросе останавливается подробно в своей последней книге S. G. и у е г. Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst, 1950, связывавший форму с поребальными сооружениями надземными и подземными, причем дает сводку обширного материала; впрочем — к

Итак, прелиминарное теоретическое рассмотрение вопроса о первоначальной форме крестообразного плана привело нас к выводу, совершенно отличному от построения в книге Стриговского, а именно, что первоначальной формой является тетраконх и другие родственные ему формы — прежде всего с равными по длине рукавами креста.

Мною было отмечено, что церкви названного плана с равной длины рукавами или с удлиненным западным могут быть, по-видимому, параллельными решениями одного в общем задания. Это положение также совершенно расходится с утверждением Стриговского. Он полагает подобное удлинение явлением вторичным, явлением, вызванным к жизни усвоением в некоторое промежуточное время базиличного типа церквей, которое было навязано духовенством, воспринявшим эту форму извне. Что это искусственное построение в смысле прямолинейного опять следования причины — следствия, едва ли нужно еще особо развивать после представленного в главах II и III материала. Что эта определенная смена центральных, равно формованных во все стороны церквей заменяется постепенно, правда, тоже почти центральными, равнобедренными, но с определенным направлением восток — запад, церквами есть действительно движение формы — это несомненно и вполне правильно отмечено. И, быть может, даже более того, оно оформилось под влиянием базиличных форм. Но весь этот процесс, если он имел место, несомненно процесс сложный, в психологическом следовании которого, пожалуй, уже нет достаточного материала, чтобы разобраться.

Против таких церквей, где купол опирается

непосредственно на стены церкви, необходимо определено отметить такие, где барабан опирается на специальные, поставленные в храме четыре свободно стоящих столба. Этот принцип новый; принцип, заключающий в себе совсем новые основы и развития жизни архитектурных форм, всплывает в первой половине VII века. На отмеченные принципиальные стороны его было обращено внимание в исследовании о Цромском храме¹. Между тем, понимая и оттеняя важное, принципиальное значение этого структурного элемента и приема, Стриговский разбил отдельные формы со столбами по тем или иным группам, как подвиды их.

Итак, развитие основных форм купольных церквей на Кавказе не может быть построено на типологической схеме. Живая действительность заставляет отказаться от такой ясности и прямолинейности и искать вскрытия возможно большего числа мотивов сформирования отдельных типов. Кроме того, последующее исследование купольной архитектуры Кахетии покажет нам ряд форм совершенно неизвестных в обработанной Стриговским части Армении, а с другой стороны некоторые из приведенных им типов отсутствуют в Кахетии. Этот факт лишний раз подчеркивает, что такая схема не жизненна, что она искусственна и что нельзя идентифицировать искусства Грузии и Армении: при всем контакте, несомненно существовавшем между искусствами Грузии и Армении, они оставались самостоятельными и шли в своем развитии своими особыми путями, даже в выборе типов храмовых сооружений, не говоря уже о самом существенном, стержневом и решающем — о стиле художественного произведения.

5. КРАТКИЙ ОБЗОР КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ КАХЕТИИ ПО ПЕРИОДАМ

Выяснив отличительный характер купольной архитектуры в Кахетии и место, которое она по праву должна занять в общей истории развития христианского искусства, а также коснувшись и вопроса об основных формах купольных храмов на Кавказе, необходимо сделать, прежде чем перейти к исследованию отдельных памятников, общий обзор их по группам. Такой обзор вместе с тем послужит сразу же и как общее хронологическое распределение памятников. Конечно, в обзоре этом я не

буду касаться колоколен, а ограничусь только церквами. Колокольни составят содержание особой главы.

Купольная архитектура Кахетии распадается на несколько групп, которые соответствуют той или иной эпохе процветания страны или отдельной ее части.

Прежде всего идет древнейшая группа, храмы которой построены частью не позднее третьей четверти VI века, затем на переломе VI и VII веков и, наконец, на переломе VII и VIII. Таковы церкви в Дзвели Гавази, Ниноцминда, Дзвели Шуамта, Кисис-хеви, Давитиани близ

¹ Georgische Baukunst, II, 3, 77 ff.

Вазисубани. Здесь каждая из церквей представляет собой совершенно отличную от других по типу церковь. Мы видим частью большое, самостоятельное творчество, а частью изысканное, миниатюрное повторение крупных образцов. В памятниках этой группы еще очень много невыравненного, шероховатого, художественно неуклюжего, зодчие еще не овладели всеми сторонами архитектурной композиции, творческая мысль их еще всецело занята проблемой создания пространства — этой центральной проблемой вообще христианской архитектуры и в частности в Кахетии.

Следующая блестящая творческая эпоха, где творчество архитектурных форм попрежнему бьет ключом и идет своими независимыми путями, наступает при культурно-политическом подъеме Кахетии с конца VIII и в IX веках. Здесь зодчие овладели уже творчеством пространства и имеют достаточно сил, чтобы достойно и органически связно формировать всю внешность и частности зданий. К этой группе я отношу Гурджаанскую и Вачнадзианскую Квела-Цминда, и Некресскую купольную церковь, и ряд разрушенных или перестроенных других.

Третий период нового подъема с X века и по XII, характеризуемый небывалой политической мощью страны, борющейся за гегемонию на Кавказе, ознаменован постройкой Алавердского собора. Это величайшая церковная постройка Грузии, имеющая соперников только в Кутаисском и Мцхетском соборах¹. В нем мы имеем, как и в других двух, пожалуй, меньше непосредственной энергии творчества, все оно — плод взвешенной, продуманной, культурной работы, но они суть величественнейшие на Кавказе кафедралы с небывалой здесь по грандиозности и размерам импозантностью: они родственны величественнейшим романским кафедралам Рейна. К этому же периоду я отношу переделку Хирсской купольной церкви (т. е. вторичную с декорацией южного фасада), а

¹ Посвященный этим трем величайшим средневековым кафедралам Грузии предварительный очерк сравнительного архитектурно-художественного анализа (Грузинская архитектура средних веков и три ее главных кафедрала, помещенный в сборнике к 25-летию научной деятельности проф. И. А. Джавахишвили «Арли», Тб. 1925) нуждается в целом ряде исправлений фактических данных, касающихся тогда еще не-

равно постройку Кветерской крепости с ее илурученной церковкой, Бочорма, а также в конце уже периода отражающие ведущий тип грузинской архитектуры XII и XIII веков — в Пудзлари, Карданахи и др.

Наконец, последний период наступает с образованием нового кахетинского царства. Расцвет его в XVI веке, отразившийся в постройках царских резиденций в Греми и Базари и в создании нового Шуамтинского монастыря, а также во многочисленных реставрациях других святынь страны; и, наконец, замирание с церквами в Тараки, Ахатели и Квела-Цминда в Веджини. Вся эта эпоха носит на себе особый отпечаток. Архитектурные произведения выполнены в кирпиче; зодчие стремятся имитировать, приспособлять для церквей приемы и детали современной им иранской архитектуры. И все-таки через это нарочитое стремление бьет неиссякаемый и неискоренимый источник своего национально-народного творческого духа. Видно именно, что желание сделать на персидский лад есть, но своя неисчерпанная еще творческая энергия не в силах предать самоё себя, не в силах обезличить себя и, принимая внешний персидский убор, она творит попрежнему, создает новые архитектурные формы, пожалуй даже проявляя и выявляя некоторые общие тенденции кахетинской архитектуры особенно резко и пронисированно (как вытягивание куполов)².

Таковы основные четыре периода в развитии купольной архитектуры Кахетии. В то время, как некупольные храмы двух типов, изученные нами выше, не идут далее X—XII веков, т. е. прекращают свое существование как раз в начале грандиозного и законченного художественно периода купольной архитектуры в Кахетии, эта последняя продолжает еще быть источником нового вдохновения, дальнейших исканий форм на основе народного творчества страны в течение многих веков.

исследованных надлежащим образом Мцхета и Кутаиси, а также и Алаверди. Кое-что в этом отношении отмечено в докладе «Пути грузинской архитектуры», Тб. 1936.

² Ср. мое изложение этой проблемы в докладе на III международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде в 1935 г. (Доклады, Ленинград—Москва 1939, стр. 252 сл.).

კისისხევი. Вид церкви Квела-Цминда с пристройкой

Рисунок Н. П. Северова

ГЛАВА V

ДРЕВНЕЙШИЕ ПАМЯТНИКИ КУПОЛЬНОЙ АРХИТЕКТУРЫ В КАХЕТИИ

Древнейшие купольные церкви Кахетии, которые объединены в настоящей главе, представляют набор восьми различных форм. Из них одна — церковь в Дзвели Гавази — несомненно может считаться во всех отношениях представителем одного из начальных типов, именно тетраконха, в то время как две других — Ниноцминдский собор и первая купольная церковь Дзвели Шуамта — предполагают его, как более простую и необходимую предшествующую им форму. Далее имеется вторая купольная церковь Дзвели Шуамта, зависящая, как это показано в исследовании зданий типа Джвари, от него, в частности, от первой купольной церкви монастыря¹. Наконец, идут, так же как эти две церкви Шуамтинского монастыря, еще церкви миниатюрных размеров, очевидно, как и они, повторяющие какие-то большие недошедшие до нас образцы. Такова во всяком случае Зеганская церковь св. Марины, церковь Давитгиани близ Вазисубани и Свети-Цховели в Вачнадзиани (сел. Шрома). В них при большой тщательности и старательности, проявленных при возведении постройки, упрощены против предположительных ориги-

налов массы. Возможно, что и Кисисхевская Квела-Цминда тоже есть повторение более крупного оригинала, а не целиком самостоятельное создание в данных размерах.

Одна только церковь Икалто представляет собой несомненно оригинальное произведение, рядовое, конечно, но не простой перевод в новые пропорции. Но, к сожалению, она вместе с тем искажена реставрацией и ремонтом.

Итак, мы имеем здесь в Кахетии представителя одной из первоначальных форм крестовокупольных храмов, ряд непосредственно следующих за ним звеньев, а также миниатюрные повторения параллельных форм — типов. Тетраконх в сел. Дзвели Гавази, как покажет описание, сильно искажен реставрациями, но несомненно он относится ко времени не позднее третьей четверти VI века. Если бы не названные реставрации, то мы имели бы возможность более точного хронологического определения его и тогда картина развития форм стала бы более убедительной. Ниноцминдский собор — постройка третьей четверти VI века, а первая купольная церковь Дзвели Шуамта конца VI — начала VII века. Что касается остальных шести церквочек, то их я полагаю построенными в VI, VII и VII—VIII вв. — одни в начале, другие позже.

¹ Памятники типа Джвари. Тб. 1948.

Описание.—Церковь селения Дзвели Гавазы или Ахалсопели, как называли селение во время восстановления его в середине прошлого века, построена в честь Всесвятой, т. е. богородицы. При создании нового поселения церковь ремонтировал в 1852 году кн. Иван Амилахвари¹, а еще более основательно подвергнута была она ремонту с различными искажениями в начале XX века². Все стены церкви, к сожалению, покрыты во время названных ремонтов густым слоем штукатурки и побелки как внутри, так и снаружи. Таким образом, совершенно обезличены характерные, во всяком случае сильно стертые временем элементы здания, и погибли для научного анализа его, так что частично может быть дано только проблематичное описание этого важного здания (табл. 133—143). Однако, все-таки в отдельных частях явственно можно установить переделки первоначального строения, которые были произведены еще в древнее время³.

По плану церковь сел. Дзвели Гавазы является тетраконхом, т. е. к центральному подкупольному квадрату с каждой стороны примыкает абсида с конхой. Позднее к тетраконху был пристроен обход; сейчас он сильно изменен и искажен, но восстановление основных форм возможно.

Четыре абсиды храма имеют в плане подковообразную форму. Размеры их несколько различны, а форма контура не совсем правильна. Так же своеобразна кривая конхового закругления, как выяснилось при обмере. Подкупольные арки конх подковообразны (табл. 137). Они опирались на импосты, имевшие, как можно заключить по проступающим из-под штукатурки формам, обычную в постройках Кахетинской формы. В алтарной и в западной абсидах пята конхи была выделена от импоста до импоста сплошной выступающей тягой. Снаружи абсиды имели полукруглую форму, а не многогранную (табл. 134-а и 135)⁴.

Входы в церковь с южной и западной сто-

роны также с подковообразным верхом (табл. 137-б). Кроме того, на восток имеются два маленьких, невысоких прохода из южной и северной абсид, как бы по сторонам алтаря. В южной абсиде этот проход сохранился без изменений и служит сейчас входом в позднее пристроенный придел. Дверь имеет арочный верх и заполненный в глубине люнет. Возможно, что первоначально люнет был открытый, так как заполнение люнета (какое — не видно из-за штукатурки) едва ли толще 20 см, а горизонтальная под ним балка торчит внутри придела на половину глубины проема, т. е. и внутри придела видна та же арка. Свод этого придела опирался по наружной стене восточной абсиды на пристроенную аркатуру, от которой уцелела одна арка. В северной же абсиде дверь снаружи заложена тонкой стенкой, создающей внутри нишу с маленьким сквозным отверстием⁵. Окна в храме с востока и севера были при последнем ремонте увеличены, а северное сделано не в центре абсиды, а восточнее его⁶.

Углы соединения абсид укреплены добавленными до пят арок контрфорсами полукруглой формы, внизу расширенными еще в квадраты (табл. 137-а)⁷.

Барабан купола сравнительно слишком сильно вытянут, что ясно указывает на более позднее время (ср. табл. 133—135 и разрез). В нем три окна — на восток, юг и запад; при основании барабана внутри выступает карниз в форме прямоугольной полочки (табл. 136 и 137-а). Этот круглый или, вернее, несколько растянутый овально барабан купола снаружи имеет восьмигранную форму. Все эти частности устройства повстречаем также в купольной церкви Некресского монастыря, построенной в VIII—IX вв. Конструкция перехода от квадрата к кругу купола скрыта толстым слоем штукатурки и, вероятно, вообще сильно пострадала от времени. Сейчас дано приближение к форме парусов благодаря толстому слою штукатурки в углах. Различные неровности позво-

собранный материал 21.XI.1949 г., и тогда же сделаны и дополнительные фото.

⁴ Аналогичное явление повстречаем еще отчасти и в Ниноцминде.

⁵ Это отверстие видно на табл. 134-а внизу маленьким черным квадратиком, почти около линии стены алтарной абсиды.

⁶ Ср. также табл. 134-а и 135. По словам Пховелишвили, древние окна были меньше и имели арочную форму.

⁷ И в Ниноцминде произведено таким же образом закрепление подкупольных устоев.

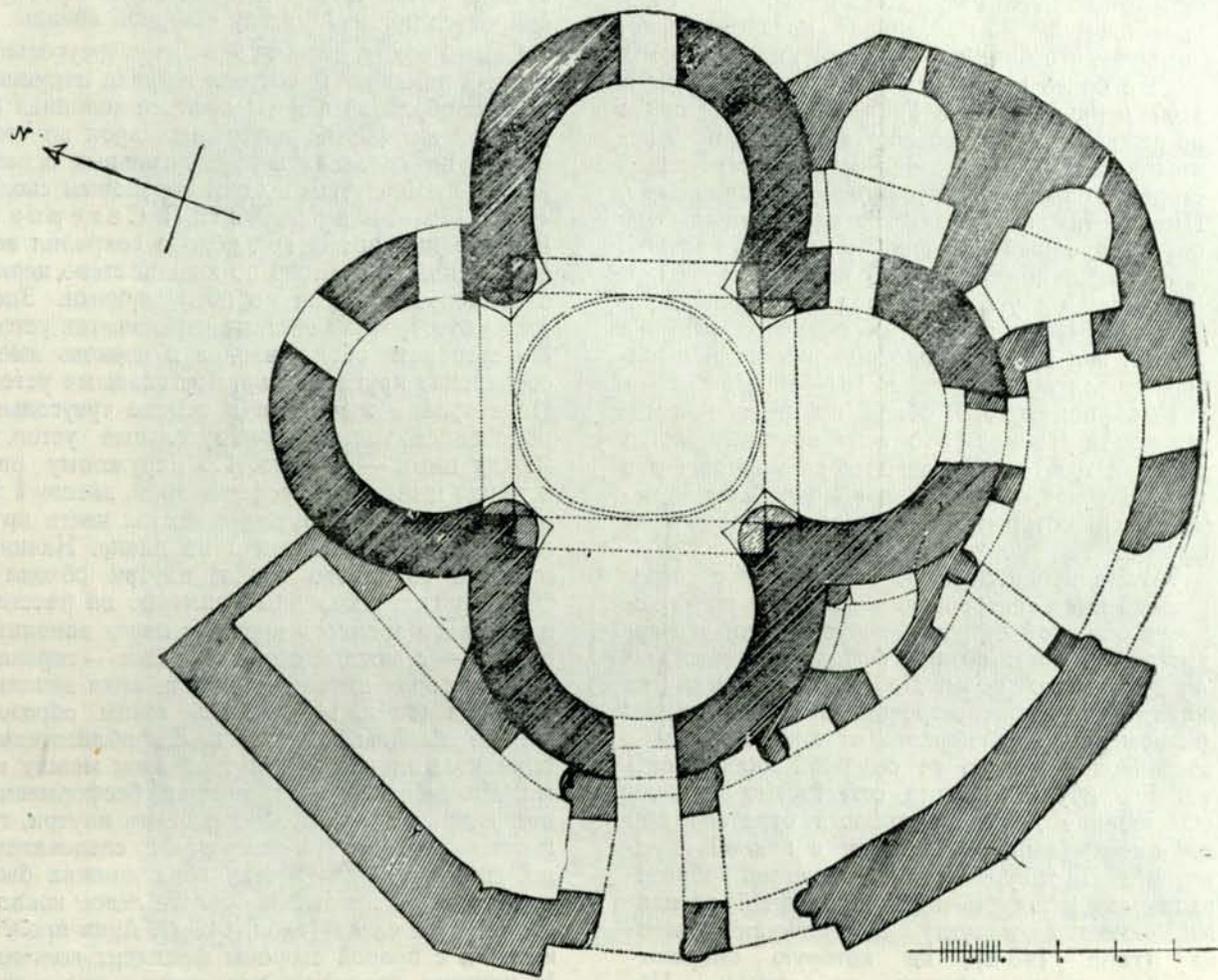
¹ Это отмечено в надписи на красной каменной плите, вставленной над южным входом в обход храма (см. ниже и табл. 142).

² Согласно сообщению местного старожилы Иосифа Пховелишвили (в августе 1920 года).

³ Впервые обследована церковь Дзвели Гавазы 25 и 27.VIII.1920 г., когда сделан набросок плана с основными размерами. Этот набросок положен затем в основу детального обмера, проведенного Н. П. Северовым 26 и 27.VIII.1922 г. Фотоснимки сделаны тогда же худ. Т. Кюне. Затем снова удалось проверить

ляют, однако, предполагать во всех углах наличие троп. В северо-восточном углу проступают сглаженные линии верхних наружных

арочек тропы. В юго-восточном углу проступают низ и боковые уступы-устои тропы. В западных углах прослеживается еще вся фор-

П л а н

ма тромпы. Все эти обломавшиеся, очевидно от времени, выступы сведены штукатуркой как бы к форме парусов.

И снаружи углы подкупольного квадрата совершенно скрыты от наблюдения. Они забраны жестью общей кровли, заменившей черепичную кровлю ремонта 1852 года. Таким образом, определить форму углов снаружи невозможно, ее можно только предполагать. И все-таки напрашивается определенное предположение, учитывая, что барабан купола в Гавази одного вида с более поздним в мон. Некреси. Как в этой церкви, так и в Гавази углы могли бы не выдаваться, как обычно, вперед, а их перекрытие могло бы, начиная от соответствующей стороны барабана, опускаться наклонно вниз. Именно такая форма легче всего могла быть охвачена общей сплошной железной кровлей.

Карниз купола сделан из кирпичных плиток, поставленных углами вперед в несколько рядов. Это, конечно, остаток позднего ремонта храма, как и его высоко поднимающийся шатер кровли купола (табл. 133—135)¹.

Как упомянуто, и обход построен позднее самого тетраконха. Это ясно прослеживается в обоих треугольных темных помещениях и в придельчиках. Форма для обхода была намечена в виде открытой аркатуры, охватывающей кольцом тетраконх.

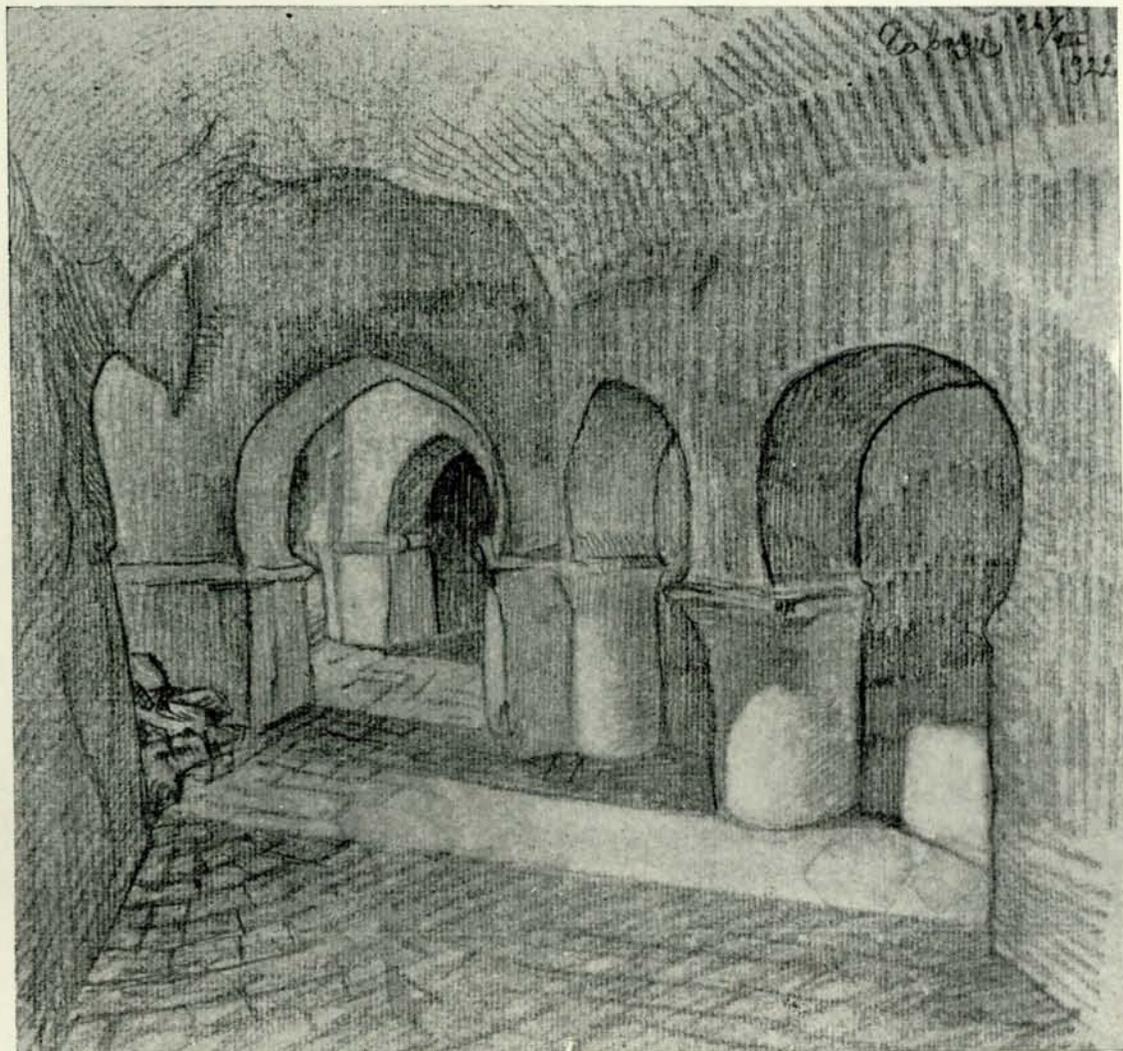
Трудно предположить, чтобы этот обход и раньше имел теперешнее оборванное протяжение с северной стороны; вернее всего, что сохранили те части его при ремонте, которые были достаточно целы. Другими словами, мне кажется, что при построении обход охватывал равномерно всю церковь от южной стороны восточной конхи до ее северной включительно. Его круглая форма естественно вызвала образование двух треугольных отрезков при соединении западной абсиды с южной и северной. В треугольном помещении, образовавшемся между южной и западной абсидами, имеется в углу вставленная колонка (табл. 143-а), на которую опираются две арки, идущие по стенам. Поверх этих арок начинается свод помещения, образованный постепенным напуском камней с наружной стены, там, где дверь для входа в этот закуток, и с обеих арок, перекинутых с колонны, т. е. свод подымается с эллиптического основания до круга и его вершины. Кладка из булыжника, а арки литые с тем же булыжником. Сводик начинается с вершины двух пристроенных арок крупными булыжниками в пять рядов напуском, а поверх пятого ряда

сплошная булыжная плита (или, может быть, две рядом). Это создает конечную плоскость размером на глаз 60×40 см. Здесь, таким образом, примерно такой же сводик, как в папасториях Армази 864 года². Другое угловое помещение не сохранило этих форм пристройки обхода, так как последняя арка его на север, внутри, опертая на пристроенный к западной абсиде устой, имеет неправильную форму и опирается прямо на стену северной абсиды.

Самый обход, помимо этих двух треугольных темных помещений, состоял из ряда наружных подковообразной формы арок на колоннах (?) и такой же формы внутренних арок по стене церкви на колоннах и прямоугольных основаниях с перекинутым по ним коробовым сводом (табл. 138—140 и рисунок Н. П. Северова). В настоящее время вид обхода сохранил весь внутренний ряд устоев по южной стене церкви с подковообразными по нему арками. Здесь идет своеобразная система чередования устоев. По сторонам обоих входов в церковь имеем соединение круглых с прямоугольными устоев. По сторонам же входа в темное треугольное помещение только прямоугольные устои. А между ними — колонки. По наружному ряду в толще нынешней, бесформенной, внешней заделки видны в следующих местах части круглых колонн, указанные и на плане. Начиная севернее западного входа, внутри обхода — один фрагмент колонны примерно на расстоянии одного арочного пролета; перед западным входом — с каждой стороны, далее — справа в арке, которая находится правее арки западного входа (табл. 141). Здесь, таким образом, четыре колонны намечаются с приблизительно одинаковыми пролетами трех арок между ними. Далее на юг идет толстая бесформенная стена лишь с двумя неровностями внутри, где можно предполагать два устоя и, следовательно, еще три арки. Третья арка должна была опираться на видный в пролете левее южного входа устой слева (табл. 142-а). Арка пролета имеет и с правой стороны фрагмент колонны. И, наконец, последний находится в самом углу обхода правее входа в крайний придельчик (табл. 143-б). Тут же видно, что теперешние арки не отвечают первоначальным. В этом обходе важно еще то, что выделен главный вход в церковь с запада: коробовый свод в обходе прерывается только против западного входа перпендикулярно идущим коробовым же сводом (см. разрез и табл. 138, 139 и 141). Последний опирается на две подпружные арки, расположенные на много ниже, чем остальной,

¹ Ср. карнизы в Ниноцминда 1671 года, Алвани (XVI век), Бодбе, ц. Шю в Сабуэ, Лелиани.

² *Ars Georgica*, I, 1942, рис. 1 и 8 (стр. 3 и 8).

Дэвели Гавази. Вид внутри обхода.

Рис. Н. П. Североза

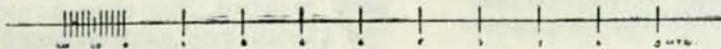
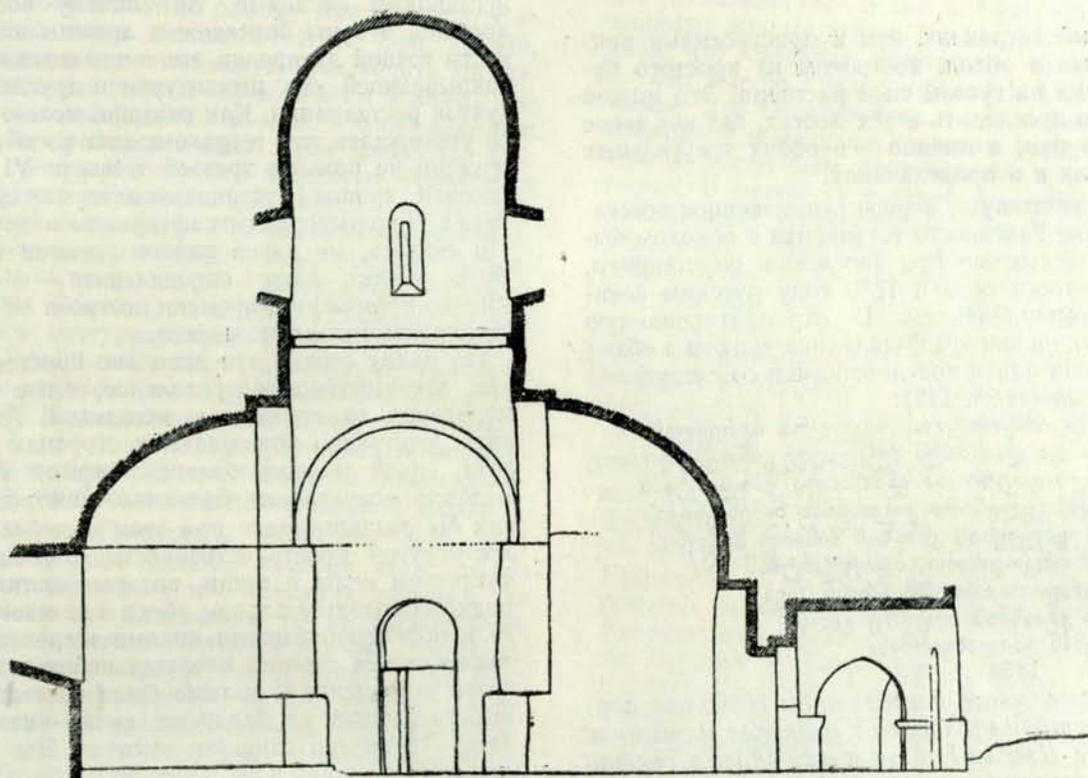

ՀԱՅԿԱՍՏԱՆԻ
ԳՐԱԳՐԱԴԱՐԱՆ

основной, свод обхода (табл. 138—141). Две арки в обходе перед западным входом в церковь сохранили частично вполне ясно свою первоначальную — подковообразную с легким подъемом в вершине — арку. Именно меньшая арка, правая, подходя к храму, сохранила еще целиком эту форму, хоть и сильно заштукатуренную (табл. 141). В левой же, большей, эту форму сохранили обе арки поперечного через

менением в обходе, так как сочетание арки между собою вызывает недоумения. Западный вход в храм обрамлен широкой подковообразной аркой, которую как будто зажимают арки поперечного прохода, но которая или часть древнего портала, или часть приложенной для возведения свода обхода аркатуры.

Против южного входа в церковь нынешняя арка, ведущая в обход, сужена застройкой бо-

Եղիշտիմուշյան Ե. Եղջրուզ. 1922 թ.

Разрез

обход прохода к западной двери храма (табл. 139: фото с двух сторон — с севера и с юга). Внутри же прохода есть добавление из кирпичной кладки, существенно искажившее форму арки (табл. 141-а). Остается нерешенным вопрос: не является ли этот поперечный в обходе проход к западному входу в храм остатком портала древнего храма или позднейшим из-

ков сантиметров на 30 и 20 и затем повышена. В обходе видно с обоих боков начало древней арки и намечается вершина ее сантиметров на 30 ниже теперешней.

В восточном конце обхода с юга находятся два придельчика, из которых один, южный, является действительно последним звеном обхода, в то время как соседний — самостоятельная

комнатка со входом, как уже упоминалось, через восточную дверь южной абсиды. Абсида последнего придельчика по плану подковообразна. Также подковообразны и арки конх в обоих приделах. Импосты имеют форму полочки с выкружкой. Над входами выделены арки с заполненными люнетами. Коробовый свод опирается по стене тетраконха на арки так же, как это нередко встречается вообще в постройках Кахетии и как, в частности, сделано так же в основной части обхода Гавазского тетраконха.

Самый тетраконх, как и пристроенные придельчики и обход, построены из простого булыжника на густом слое раствора. Это можно хорошо проследить в тех местах, где нет вовсе штукатурки, а именно — в обоих треугольных закутках и в придельчиках.

Как упомянуто, первое существенное восстановление Гавазского тетраконха с обходом было осуществлено при заселении опустевшего, выморочного села в 1850 году русским военным командованием. В отремонтированную церковь, на южном фасаде, над входом в обход вставлена плита красного камня со следующей надписью (табл. 142):

მეფობასა იმპერატორს ნიკოლოზ პირველისა
აღაშენა და დაასახლა ძუსლადვე განთქმული სოფ
ლი ძველი გავაზი და განანახლა წმიდა ტაძა
რი განკარგულებითა კავკასიის ნამესტნიკის
შუგანათლებულესის კნიაზის მიხაილ სიმონის
ძის ვორონცოვისათა, აღიუტანტმან მის
მან ღვარდიის როტმისტრმან კავა
ლერმან კნიაზმან იოვანნე გიორ
გის ძემან ამილახვარმან.

1852

В царствование императора Николая первого построил и заселил издревле известное селение Дзвели Гавази и возобновил святой храм распоряжением наместника кавказского светлейшего князя Михаила Семеновича Воронцова адъютант его гвардии ротмистр и кавалер князь Иоанн Георгиевич Амилахвари. 1852.

А н а л и з.— Гавазский тетраконх представляет собой очень искаженную реставрациями постройку, в которой мы потеряли для науки в результате этого один из древнейших храмов Грузии. В его формах видны искания архитектора, при этом неумелые, неуравновешенные искания, где ясно видно, что зодчий весь был

еще охвачен одной основной проблемой, был поглощен жадной разрешить ее, а потому, естественно, все остальные остались у него в забросе. Эта центральная проблема, характеризующая и все следующее за этим архитектурное творчество, — проблема пространства — у него как бы господствует над всем остальным. Это заставляет предполагать, что перед нами один из первых опытов этого творчества, т. е. видим одну из ранних, первых попыток создания купольного квадрата с четырьмя прилегающими абсидами. Вот почему особенно досадно, что мы безнадежно лишены возможности точной датировки этого памятника из-за покрывающей его штукатурки и других продуктов реставрации. Как сказано, можно только утверждать, что тетраконх этот восходит ко времени не позднее третьей четверти VI века, каковая граница устанавливается по сравнению с Ниноцминдским кафедралом и другими. Но сказать, не ранее какого времени или, быть может, даже определеннее — в какой именно промежуток времени построен он — это установить нет возможности.

По плану своему это довольно простое здание, чрезвычайно обозрительное, ясное и симультанно охватываемое входящим. Абсиды непосредственно примыкают к сторонам квадрата, своей подковообразной формой только создавая впечатление большего пространства, как бы раздвигания и при этом незыблемости достигнутой пространственности. С этим впечатлением силы и мощи, которое достигается подковообразным планом абсид и не менее этого и подковообразными арками тетраконха, а также соответственно площади небольшой высотой помещения¹, должна была сочетаться и высота купола на барабане, ныне — как сказано — и внутри слишком высокая. Эта тяжелая грузная мощь и сила здания особенно ярко проступают вовне. Каждая из абсид выступает снаружи полукружием же, которое не затушено гранями. Это один из редких примеров, тем самым уже указывающий на свою древность. Единственные известные параллели этого явления можем увидеть в восьми полукружиях Ниноцминдского кафедрала и затем в выступающих абсидах Болнисской базилики последней четверти V века и трехцерковной базилики Болнис-Капанакчи². Во всех четырех случаях виден грузный, более или менее неуклюжий вид. Особенно резко это бросается в

глава I, § 5. — О Болнисском Сионе — мою монографию (1940), а о трехцерковной базилике Болнис-Капанакчи в Христ. Востоке, т. V, Пгг. 1917, стр. 217—220 и табл.

¹ Ср. пропорции малой в отличие от большой церкви Джвари Мцхетского.

² О всех трех см. Историю грузинского искусства,

глаза при таком нагромождении круглых абсид, какое наблюдается в Гавази и Ниноцминде, вызванное центрально-купольным типом построек. В обоих храмах зодчего приковывала проблема оформления пространства, ибо он должен был еще справиться с ней, он еще не смог поэтому уделить достаточного внимания внешности здания — последнее формовалось вполне в зависимости от внутренней структуры. В обоих Болнисских церквах полукруглые абсиды составляют по одному только выступу из прямой линии восточной стены. Они, правда, вследствие этого не могут производить впечатления органической связи со всем длинным базиликальным телом строения, а носят характер как бы прибавки к нему. Этим членением здания они скорее создают некоторое движение в фасадах и распыляют неуклюжесть зданий. Гавазский тетраконх и Ниноцминдский кафедрал, напротив, оказываются недостаточно расчлененными по фасадам — полукружия слишком грузны и мощны. Как только, однако, зодчим далось пространственно оформить центральный купольный квадрат с четырьмя абсидальными рукавами, они обратились и к внешности зданий и нашли прием наружной многогранности. А раз придав определенность и четкость формам здания, зодчие, конечно, никогда более не прибегали к первоначальной форме.

В плане Гавазского тетраконха есть одна интереснейшая деталь, которая остается без всякого пояснения, ибо никакими данными для установления назначения ее не располагаем. Это два небольших входа в церковь с востока. Естественно, конечно, предполагать о литургическом назначении их, но для такого пояснения тоже нет никаких данных. Мы уже встретили два других примера восточных входов в церкви по сторонам алтаря — это, во-первых, в древнейшей миниатюрной базилике Некресского монастыря, а затем в развалине трехцерковной базилики монастыря Квела-Цминда близ Вачнадзиани. Как во второй из них, так особенно в первой не может быть сомнения в нарочитом назначении этих входов. В Некреси рядом и против восточного входа имеются широкие же другие входы, и если даже с запада подойти было трудно или, вернее, и с самого

начала невозможно, как и теперь в виду обрыва, то боковые входы были вполне доступны. Следовательно, здесь какой-то особый смысл (припомним еще миниатюрные размеры всей постройки). В Вачнадзианском монастыре, правда, опять с запада резкий уклон горы, но развалина трехцерковной базилики таких грандиозных размеров, что думать об обслуживании всей ее этими двумя маленькими входами нет возможности, — в нее должны были вести широкие видные входы. Но мало этого, мы видели, что северная комнатка с этим входом служит вместе с тем проходом в особое помещение для жертвенника, т. е., очевидно, это проходное помещение со своим восточным ходом не могло быть доступно для всякого, для мирян. В одной из церквей Армении, относящейся к VII веку, именно в Багаранской, являющейся центрально-купольной церковью, двери на восток по сторонам алтарной абсиды имеются, как и в Гавази¹. Ныне двери эти ведут в пристроенные комнаты, но — на это обращает специально внимание Стриговский — комнаты не входили в первоначальный план и явно пристроены потом². Правда, относительно Багарана он мимоходом говорит, что «и дверь быть может только позднее сделана» (auch die Tür dürfte erst später eingefügt sein), но, видимо, он на этом не настаивает, это скорее замечание, вызванное непонятностью их³. Принимая же во внимание наличие восточных боковых входов в трех древнейших церквах Кахетии, мы вправе и здесь предположить то же явление. К названным примерам следует прибавить еще один случай. Очень близко подходящее к описанному распределение входов имеется в Цромском храме. Помимо тех или иных возможных, более помпезных служб с крестными ходами, для которых могли служить упомянутые здесь входы снаружи в оба восточные помещения, сообщающиеся в свою очередь специальными дверьми с остальным храмом, они могли иметь и другое назначение — самостоятельного входа для церковно- и священнослужителей. Они непосредственно попадали в предназначенные для них пространства. То же ведь соображение невольно напрашивается и относительно Вачнадзианской церкви, а в дру-

haben (erst nach der Taufe wurde das Kind in die eigentliche Kirche getragen), so die Kathedrale von Etschmiadsin (jetzt vermauert), Hripsime (jetzt geschlossen), der heilige Theodor von Bagaran und Awan. Все это сообщение со ссылкой на статью Т. Гораманяна в журнале «Азггракан Хандес», XXI, 1911, стр. 20, хотя все перечисленные четыре храма приводятся самим Стриговским.

¹ См. план у Strzygowski, S. 95, Abb. 81. Кроме того фотоснимки на стр. 96 (рис. 85) и 234 (рис. 265) снаружи этих дверей.

² Там же, стр. 95 и 235.

³ Впрочем на стр. 239 Стриговский, обсуждая возможность крещения в церкви, пишет что viele Kirchen des 6. und 7. Jahrhunderts östliche Seitenzimmer haben, die sehr geräumig sind, und eine Aussentüre

ЭЛН36720
10033

гих эти ходы, если и не достигают прямо такой цели, то все-таки гораздо ближе и скорее приводят к алтарю. Так что и в них на худой конец можно видеть такой смысл. Но, как было уже предварительно сказано, вопрос о назначении этих восточных входов не можем считать разрешенным и даже достаточно освещенным.

Наличие восточных входов по сторонам абсиды, по-видимому, встречается разрозненными примерами и в других странах. Но вопрос этот специально не привлекал еще внимания исследователей. Рассмотрение планов говорит о наличии таких входов с востока в римских базиликах св. Петра и св. Павла за стенами¹: в константинопольских храмах св. Ирины, св. Софии и в базилике Студия 463 года²; в равнинских базиликах св. Аполлинария во флоте и в Урсинской базилике³; из сирийских храмов в юго-западной церкви Умм-идж-Джимал, в базилике Зебед и в тетраконе в Босра⁴; затем иерусалимской церкви Иоанна Крестителя⁵; может быть, также в Вифлеемской базилике рождества и в Hissar-Banja VI века в Болгарии⁶.— Однако, прямые указания на наличие входов с востока по сторонам алтаря я нашел только в ст. Н. И. Брунова⁷, где он цитирует константинопольскую базилику Зайнеб-джами (= Chalcooprata); о последней он же мне указал на сообщении D. Lathoud⁸. Брунов говорит при этом о «необычайности» этого явления.— III. Амир-ан-швили поясняет входы с востока так: «в восточной стене северного рукава древнего купольного крестового типа храма в Дзвели Гавази (Кахетия) имелись двери, впоследствии заложённые, через которые, вероятно, доставляли все необходимое для братской трапезы», которая «устранялась еще до выработки церемониала «тайинства причащения» (евхаристии)»⁹. Однако, как отмечает J. Lassus,¹⁰ не удалось до сих пор найти даже зал, предназначенный для агапов, ставших едой благотворительности. «Их более

не справляли в самой церкви: Иоанн Златоуст говорит о них, как о явлении прошлого», т. е. уже в IV веке обычай этот изжит. До сих пор нет и археологического подтверждения для него.

Как в плане абсид ярко выражена подковообразная форма, которой достигается впечатление большего расширения здания, как бы стремления к его расширению, так она применена и в форме арок; и здесь она выявляет ту же мощь и силу, но иным впечатлением, — впечатлением железной сцепленности, невозможности поколебать конховое завершение абсид.

В связи с этим стоит ясное выделение конхи, как самостоятельной части строения, не сливающейся бесследно в своих границах с остальной абсидой. Это выделение подчеркнуто проходящей сплошь тягой по горизонтальной линии их: тяга эта в форме импостов их арок. Такие тяги сохранились в Гавази только в двух абсидах — алтарной и западной; очевидно, они должны особенно подчеркнуть формы главной абсиды и симметрично к ней расположенной. Такое выделение конхи, ясное отчеркивание ее форм и придание, таким образом, силы и завершенности всей абсиде — не единичное явление в Гавазском тетраконе, мы встречаем его также в одной из древнейших базилик Грузии, именно в Болнисском Сионе, построенном в последней четверти V века¹¹.

Подковообразная арка применена в Гавази также, кроме того, и для завершения двух входов в храм. Оконные проемы, к сожалению, совершенно изменены в последнее время, но — по сравнению с другими постройками — широкое применение здесь подковы заставляет предполагать, что и окна имели такое же завершение.

Как было уже отмечено, четыре подкупольных арки опираются на капители. Форма их ныне не видна ввиду общей штукатурки здания. Но наличие их несомненно. Так как капители с древнейшего времени в Кахетии встре-

¹ К первому — план Альфарани, а ко второму — план по Буизену см. de Lasteyrie, L'architecture religieuse en France à l'époque romane. Paris 1929, fig. 5, 6.

² Для первого — George, St. Eirene at Constantinople, fig. 37, 38, p. 75 — 76; O. Wulff, Altchristliche und byzantinische Kunst, II, S. 384; для второго и третьего — J. Ebersolt, Les Monuments d'architecture byzantine, fig. 4, p. 9.

³ Wulff, II, 397; Wachsmuth, Der Raum, II, Abb. 174, S. 128; Rivoira, Origini del architettura lombarda, 1908, fig. 1. 3, p. 7, 9.

⁴ H. C. Butler, H. Glück, Der Breit- und Langhausbau in Syrien, S. 37—38, Taf. II, 19 и Abb. 20; а для Босры — Crowfoot, Churches at Bosra and Samaria-Sebaste. London 1937, pl. II—a

⁵ J. Ebersolt, fig. 31 по H. Vincent, который показывает их и на реставрации храма „Гроба господня“: Jérusalem, II, 1—2, pl. XXXIII.

⁶ Filov, in Archaeologischer Anzeiger, 1910, Sp. 396—397.

⁷ Rapport sur un Voyage à Constantinople, Revue des Etudes grecques. Paris 1926, t. XXXIX, № 179, p. 25—26.

⁸ Echos d'Orient, 1924, p. 36 s.

⁹ История грузинского искусства, т. I, М. 1950, стр. 101.

¹⁰ Les sanctuaires chrétiens de Syrie, Paris 1947 p. 233 note 4.

¹¹ См. Болнисский Сион, Тб. 1940, стр. 144 и рис. 90

чаются в двух разновидностях, то и здесь была, вероятно, применена одна из них.

Точно так же загублена и одна из важнейших деталей конструкции — переход от квадрата к подкупольному кругу. Как отмечено в описании, только отдельные неровности заставляют меня высказать предположение, что мы имеем дело здесь с тропями. Подобное же заключение было мною раньше того сделано и в отношении другого тетраконха Грузии, именно Манглисского собора в Картли: там тоже забраны углы так обильно штукатуркой и при этом такие обнаруживают неровности, что это заключение для внимательного наблюдателя неизбежно напрашивается¹. В Гавази еще яснее проступают, как отмечено в описании, определенные яркие детали троповых конх.

Таким образом, полагаю, что переход от квадрата к кругу купольного основания может относиться к первоначальной постройке. Но начиная выше этого — барабан и полусферу купола считаю продуктом радикальной починки и переделки храма, которой он подвергся в VIII—IX вв. Идея этой переделки касается двух пунктов или состоит из двух звеньев — барабана с куполом в корпусе самой церкви и дополнением к нему открытого обхода вокруг, который служил уравниванию новых пропорций и, быть может, равновесию распора.

Очень возможно, с другой стороны, что высота этого купольного барабана определилась именно тем, что храму решили придать обход: постройка тетраконха получила в нем еще один уступ пониже. Сама не очень высокая, она теперь совершенно распласталась, разошлась в стороны вместо первоначальной собранности четырех полукружий и более узкого купольного барабана над ними. Поэтому, чтобы по возможности подчеркнуть результирующее в центре, в купольном барабане с венчающим конусом кровли единство, сосредоточенность здания, при получившейся благодаря добавлению обхода широте постройки, барабан вытянули вверх. Конечно, это только вынужденный исход, и первоначальной внушительной серьезности тетраконха достигнуть, естественно, не удалось. Во всяком случае связанность между собой отмеченных двух частей самой идеи обхода — несомненна.

¹ См. ст. мою «Заметки о Манглисском храме» в „Bulletin du Musée de Géorgie“, I, 1920—22, стр. 41—42.

² Стриговский отмечает о Багаранской церкви (начата около 624 года), что в ней западные боковые части перекрыты похожим образом «искусственными рядами камня, состоящими из параллельно идущих полочек, валов и одного замкового камня» (gekünstel-

Барабан имеет своеобразную тягу; в нем три окна — на восток, юг и запад; при круглой внутри форме он имеет восемь граней снаружи — все это, по своим деталям и по пропорциям барабана к церкви, имеет параллель в купольном храме VIII—IX вв. заазаганского же монастыря Некреси. Эта параллель заставляет меня высказать предположение о возможной форме углов основания подкупольного квадрата снаружи. Конечно, позднее и этот удлиненный в VIII—IX вв. барабан показался недостаточно высоким и его снабдили в XVI и XVII вв., поверх типичного для этого времени карниза из углов положенных кирпичей, острым конусом кровли.

Итак, церковь дополнительно получила обход. Сейчас обход прерывается с западной стороны северной абсиды церкви. Едва ли это было так с самого начала. Вернее всего обход шел дальше и кончался симметрично южной стороне так, что только восточная абсида оставалась незастроенной обходом. Таким образом к основному тетраконху были добавлены два придела в концах обхода и еще две капеллы между ними и восточной абсидой с самостоятельными входами из тетраконха. Но, как сказано, это — предположение; вероятность же его не может быть поддержана данными памятника, сглаженного ремонтами последующего времени. Однако, обход сохранил много чрезвычайно типичных черт, позволяющих датировать его вполне уверенно временем не позже VIII—IX веков. Весь он построен на системе приложенных к стенам храма столбах (прямоугольных или круглых) с перекинутыми на них арками. Применение именно круглых столбов известно в Зегани, Некреси (также в купольной церкви) и др. и подковообразной формы арок на них; свод трехугольного помещения, поднимающийся напуском рядов кладки, как в первой купольной церкви Дзвели Шуамта или в Багаранской церкви в Армении², указывает явно, вместе с особенностями купольного барабана, на эпоху расцвета с первой половины VII века и не позже грани VIII—IX веков, ибо черты эти чрезвычайно показательны и допускают достаточно уверенную датировку³. К самому пониманию форм первоначального обхода следует оттенить только еще раз, что поми-

te Steinfügungen, bestehend aus parallel geführten Leisten, Wülsten und einem Schlussstein: Baukunst der Arm., I, 98).

³ Следует здесь же вспомнить тип сложного тетраконха с круглым обходом в Бана и др. середины VII века (ср. Историю грузинского искусства, I, 168 сл.).

мо протяжения, обход и по форме своих частей представлял иной вид: это была открытая аркада. Арки были переброшены на круглых столбах; план, выполненный по точным обмерам засечками, дал возможность отметить те точки, где эти арки были перекинута, как это видно по остаткам круглых столбов в изуродованных стенах обхода.

Когда были укреплены пристройкой полукруглых, а затем в нижней части последних еще и прямоугольных, устоев четыре угла под куполом — это остается для меня не выясненным. Полагаю, что это было выполнено уже в новое время, именно в промежутке от XIII—XIV и до XVI—XVII вв. Предположение это высказываю, основываясь на параллельном явлении в Ниноцминдском кафедрале, где его считаю возможным приурочить именно к означенному промежутку веков. В Гавази они совершенно замаскированы и скрыты под штукатуркой. Но так как нет основания связывать появление их с повышением купола между VII и VIII—IX веками, когда устойчивости служил и созданный обход, то естественно, и здесь при тождестве форм видеть в этом продукт нового времени.

Мы рассмотрели критически тетраконх в Дзвели Гавази и отметили, что уже в раннем периоде, именно в эпоху с середины VII века и не позже расцвета Кахетии с конца VIII и до середины IX века, он подвергся существенному расширению и изменению¹. Отдельные элементы, как показал анализ, обнаруживают общие черты с постройками, датируемыми VI веком, в частности третьей четвертью его, как Ниноцминдский кафедрал и малая церковь Джвари Мцхетского. Указанные общие черты таковы, что не позволяют переступить означенное время в датировке рассматриваемого памятника, а, напротив, заставляют думать о возможности более раннего появления этого строения. И действительно, данное предположение находит свое подтверждение в таком мелком совпадении с постройкой последней четверти V века, как сплошная горизонтальная тяга в абсидальных конхах. Но сама по себе эта деталь слишком второстепенна и единична в грузинской архитектуре, чтобы было позволительно строить на ней столь многозначительное утверждение, как вопрос датировки. Но не отметить ее нельзя было, ибо — как мно-

¹ Здесь можно вспомнить, что Гавази упоминается в войне арабов с Грузией при нашествии Халида в 842 году, при чем «гардабанцы» дали ему решительное сражение при Гавази (Матианей Карлисай: Карлис-Цховр. сп. Марии, *442, стр. 220; изд. Броссе, I, *157, стр. 189; франц. перевод I, 264—265). Впрочем,

го раз говорилось — памятник для вопроса датировки загублен ремонтами.

Итак, во всяком случае памятник построен не позже третьей четверти VI столетия. Вместе с тем он заключает в себе черты, которые указывают на то, что тут как раз на нем вырабатывались, — во всяком случае в нем без дальнейшего изменения, прибавления или развития воспроизведены, — формы купольного тетраконхового храма. Поэтому уместно будет, для более рельефного выделения, коснуться в кратком обзоре дальнейшей эволюции этого типа на почве Грузии и Армении.

Общие линии развития типа. — Все тетраконхи Грузии и Армении распределяются на две более тесно по времени объединяемые группы. Одна относится к древнему времени до VII века включительно, а другая к X—XI векам². В то время, как памятники первой группы являются отражением исканий архитектурных форм, определенно первичных, в которых мы не можем не увидеть закономерного развития, связанности и сцепленности отдельных примеров в отношении именно архитектурных исканий, — вторая группа представляет собой также типичное явление своей эпохи, а именно — своеобразную реставрацию, ренессанс древних архитектурных форм, преобразованных, однако, конечно, в духе декоративного, миловидного, легкого, но по архитектурным формам расплывчатого и своевольного понимания. Этот характер эпохи X—XI веков породил параллельное расширение тетраконховой схемы до 6-и и 8-и конх — это именно проявление такой игры архитектурными элементами и подражание общему приему их сочетания, но не органический рост и развитие архитектурной идеи тетраконха. Весь цикл развития, в пределах понимания тетраконховых данных, на Кавказе завершился уже к середине VII века. Рецепция же этих форм в X—XI вв. должна была естественно использовать формы в декоративном, живописном смысле.

В Грузии к древней эпохе относятся два или, быть может, три тетраконха; иначе в Армении, где неизвестно ни одного простого тетраконха древнего времени, т. е. не позже VII века. В то время как о Манглисском храме имеются кое-какие сведения, при довольно обширной других данных в тексте не имеется, подтверждающих что это именно Гавази за Алазанию.

² К сожалению, нам не достает еще даже самых простых описаний некоторых из известных поименно тетраконхов. Однако, насколько только возможно, попытаюсь привлечь все примеры. Связное исследование их, конечно, нужно считать важной очередной задачей.

литературе о нем, тетраконх яйлы Сухбеч, в 5 часах подъема от Ишхани Тортумского округа, стал известен только во время экспедиции 1917 года Грузинского Общества истории и этнографии в Тортумский край, организованной проф. Е. С. Такайшвили, когда был сделан с нее примерный план¹.

При трех выступающих полукругами абсидах в Сухбече — четвертая сливается на плане с прямоугольным притвором. Здесь, таким образом, почти что не тронут еще и первоначальный внешний вид тетраконха². В Манглиском храме первоначальный тетраконх был несомненно как-то закрыт в этих формах снаружи. Северная, западная и южная абсиды были вместе заключены, обрамлены пятью гранями, конечно, не равной ширины. В юго-западной и северо-западной гранях находились высокие неправильной формы наружные ниши с абсидами в их восточных концах. Переход от квадрата к кругу был, видимо, как в Сухбече, так и в Манглиси тромповый³. Таким образом, в этих несомненно примыкающих к Гавазскому по времени тетраконхам видно движение, которое в Манглиском Кресте приобретает вполне характер какого-то сложного здания⁴.

Таким образом, во всех перечисленных примерах тетраконховых церквей Грузии мы видим движение вперед в одном общем направлении создания отвечающих внутреннему устройству фасадов. При этом перед нами примеры самих исканий в этом направлении, а не просто достигнутых уже результатов таких исканий. Усложнение форм плана церквей влечет за собой соответственно и различные решения

¹ Ср. Указатель выставки древнегрузинской архитектуры. Составил Д. П. Гордеев. Т. 1920; (или грузинский каталог выставки) № 59. Е. С. Такайшвили, Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии, Тб. 1952, табл. 114 и стр. 81; Такайшвили предлагает датой построения считать V—VI вв.

² Квадровая кладка Сухбеча, расположенного высоко в горах над Ишхани (часах в 5 ходьбы), такая же, как древнейшая в Ишхани, т. е. относящаяся к первой половине VII в. Сведения эти, как и предание о молочном растворе обеих церквей, сообщены обмерявшим ее И. М. Зданевичем.

³ О Манглиском храме см. вышеозначенную статью мою, где дается возможно подробное обоснование высказанных положений, равно замечания и схемы в моей «Истории груз. искусства», I, стр. 183—184.

⁴ В Армении неизвестно до сих пор ни одного простого тетраконха древнего времени. Правда, Стриговский привел в своей книге ц. богоматери в Бешкилиссе (древнем Хцконке) и Аграк (б. Карсской области), как такие примеры (I, стр. 101—103, 104—105 и рисунки 26, 93, 95, 96, 369 и 100—101). Но относительно Хцконки он сам приводит дату 1006 года, а об Аграке считает возможным выставить положение, не является ли оно делом творчества одного архитек-

указанной проблемы художественных фасадов. Но во всех случаях намечается одна общая тенденция, свойственная эволюции всех построек Кавказа с выступающими абсидами, именно заключение их в наружный многогранник.

Другой устойчивый элемент, характеризующий все перечисленные древнейшие тетраконхи, отличающий их от позднейших, состоит в том, что четыре абсиды тетраконха непосредственно сходятся между собой, без какого бы то ни было промежуточного пространства в форме бем. Таковые, по-видимому, впервые были применены в типе Джвари Мцхетского. В тетраконхах же того же древнейшего времени бемы не нашли себе тогда применения; только много позже, как увидим ниже, получили и они доступ и применение в сложных тетраконхах.

Этими простыми формами не исчерпывается развитие тетраконха на Кавказе. С гениальным усложнением в форме грандиозных обходов и расчлененных хоров тип тетраконховых храмов получил исключительное по художественности впечатления выявление и олицетворение в первой половине VII века. На Кавказе известно пять развалин таких храмов. Но только четыре из них несомненно еще вяжутся между собой. Пятый же есть пример опять того же общего течения возврата к старинным формам, и относится к первым годам XI века. Развалины построек этого типа имеются, во-первых, в Ишханском храме Тортумского ущелья⁵, затем в развалинах откопанного близ Эчмиадзина храма Звартноц⁶, постройки середины VII века

тора с Мастарой и Артиком. И действительно, как эти последние, так и Аграк — памятник IX, X века. Едва ли приводимый по Т. Тораманяну тетраконх Манканоц в Ошакане может относиться, судя по плану, к VII веку (Ю. Яралов, в III томе Архитектурного наследия, М. 1953, стр. 86—87 и рис. 17 по Т. Тораманяну; план сделан «правильным», хотя взятые покойным архитектором размеры, проставленные на чертеже, этого не разрешают).

⁵ Обмеры его исполнены в 1917 году инженером А. Н. Кальгиным (см. Указатель выставки 1920 г., № 50—58), когда сделано также и много снимков. Е. Такайшвили, Археологическая экспедиция 1917 г. в южные провинции Грузии, Тб. 1952, стр. 23—44 и табл. 1—38. Большой альбом рисунков и чертежей Ишхани, исполненный в 1916 году Н. М. Токарским, тогда студентом Института гражданских инженеров, был приобретен Кавказским историко-археологическим институтом, но погиб с остальным имуществом его в пути из Ленинграда в Тбилиси осенью 1917 года.

⁶ Архим. Месроп Тер-Мовсисян, Раскопки развалин церкви св. Григория близ Эчмиадзина (Известия археологической комиссии, вып. VII), СПб. 1903, стр. 1—48 и 20 табл. Дальнейший материал, равно чертежи арх. Т. Тораманяна в книге Стриговского, I, 108—118. Много не привлечены его статьи,

того же ишханского епископа, позднее католика-халкедонита Армении Нерсеса III Строителя, которому нельзя не приписать только что названной восточной части Ишхани; в-третьих, в постройке кафедрала в Бана, точно не датированного, но стилистически непосредственно примыкающего к названному (т. е. середины VII века)¹; четвертый храм этого типа был вскрыт только за последнее десятилетие исследовательской настойчивостью известного знатока русской архитектуры П. Д. Барановского в период больших реставрационных работ, которые он проводил над ханским дворцом в Нухе (АзССР) — это храм в Леките, т. е. еще на территории древней Кахетии, за Алазанью². Повторение же готовой формы с соответствующими легкими, живописно-декоративными вариантами, осуществлено в 1001 году царем Гагигом I в Ани по развалившемуся незадолго перед тем (между 930 и 1000 гг.) Нерсесову храму Звартноц³.

Эти тетраконы с обходами представляют собой грандиозных размеров строения, в которых нижние части абсид превращены в аркады на колонках. Эти аркады воссоединяют тетраконы с круглым обходом вокруг него. Над обходом помещались хоры, охватывающие кольцом все здание. В представителях типа ярко видно понимание исключительности художественного впечатления чрезвычайно высоких построек с их строгими высокими стенами — сведенные теперь в двух томах посмертного издания «Материалы по истории армянской архитектуры», Ереван, 1942, т. I, стр. 236—270, куда вошла и его статья из журнала «Мурдж» (арм.), 1905, май, стр. 185—197, а равно из II т., Ереван, 1948, стр. 77—92 и 280—281 (по-арм.). Недавно выпущена популярная брошюра, составленная В. Арутюняном, Ереван, 1947.

¹ Е. Такайшвили, Экспедиция 1902 и 1907 гг. (Материалы по археологии Кавказа, изд. Моск. арх. общ. под ред. граф. П. С. Уваровой, вып. XII), Москва, 1909, стр. 88—117, с рис. и чертежами по обмерам арх. С. Г. Клдншвили и инж. А. Н. Кальгина. Его же, Археологическая экспедиция в Кола-Олтиси и Чанглы в 1907 году, Париж, 1938 (по-груз.), стр. 19—28. Ср. план Т. Тораманяна в книге Стриговского. Общее изложение вопроса в моей Истории груз. искусства, I, 1936, 168 слл. (по-груз.).

² Со своим материалом П. Д. Барановский ознакомил меня еще в 1939 году, а в 1946 году показал самый памятник, к тому времени в значительной мере раскрытый и частично уже закрепленный. С тех пор работы по уточнению данных на месте и особенно по закреплению и реставрации выявленного раскопками памятника П. Д. Барановским все продолжают. Подробное опубликование всех разысканий и разработанных в этих специальных условиях реставрационных методов является неотложным и составит гордость советской науки. До сих пор, помимо докладов (в Москве и Тбилиси), П. Д. Барановский опубликовал

верх нижних аркад. Против первых примеров храм в Бана делает значительный шаг вперед — каждая абсида несколько отделена от среднего квадрата вставленной бемой; этот новый архитектурный элемент, появление которого связываю с церквами типа Джвари Мцхетского, создал как конструктивную силу постройки своими мощными четырьмя подкупольными устоями, так равно дал возможность оживить созданное пространство, по сторонам строгих стен абсид членением окнами в капеллах, заключенных в трех этажах угловых устоев⁴. Наконец, Бана и во внешнем виде достигла других ценностей, связанных как с изменением пропорций, сравнительно с храмом Нерсеса и его копией Гагиговым храмом⁵, так и особенно с иным ощущением архитектурных форм, какое свойственно грузинской в отличие от армянской архитектуры⁶.

Так как храм того же типа в Леките расположен на территории древней Кахетии, в пределах той ее части, которая в древности носила наименование Эретия, то я считаю нужным остановиться на нем, как дополняющем картину архитектуры Кахетии, и именно с этой стороны привести материал для определения сооружения и времени его возведения. Строительный материал, употребленный мастерами тетраконы с обходом в Леките, состоит из булыжника, кирпича и ширими. Из булыжника, подобранного по высоте рядов, крупного раз-

ликовал лишь краткую справку в сборнике под редакцией С. А. Дадашева и М. А. Усейнова «Архитектура Азербайджана. Эпоха Низами», Москва — Баку, 1947, стр. 31—33.

Имеющиеся в старой литературе касательно района Саингило сведения о древних храмах в Леките относятся не к открытому П. Д. Барановским купольному храму, а к небольшим зальным церквам, стоящим на поверхности земли и относящимся, по-видимому, к эпохе зрелого средневековья. Не упоминается он и в последней книжке З. Эдильи, Ингилойцы, Тб. 1947 (по-груз.).

³ Н. Я. Марр. О раскопках и работах в Ани летом 1906 года (предварительный отчет). СПб. 1907 (Тексты и разыскания по армяно-грузинской филологии, кн. X), а также Н. Я. Марр, Ани, 1934, стр. 55—66; наконец, в книге Стриговского.

⁴ Ко всему этому необходимо прибавить уменьшение диаметра купола.

⁵ От Нерсесова храма в Ишхани сохранилась лишь часть; вся постройка не изучена, а потому его приходится собственно оставлять вне сравнения.

⁶ Реконструкция Бана, данная архитектором Клдншвили (МАК, XII, рис. 67) в этом отношении несомненно нашла правильный путь, в то время, как инж. Кальгин оказался под впечатлением армянской архитектуры и ее представителей (ср. МАК, XII, табл. XX-а с TP, X, табл. VII и IX; Strzygowski I, рис. 119; II, рис. 658, а также рис. 120 в моей «Истории грузинского искусства», стр. 169).

Электронная библиотека
www.elibrary.ru

мера, возведены все части сплошных стен; из кирпича пилоны и колонны между ними; из ширины декоративные части и углы. Таким образом, с этой стороны храм целиком и полностью становится в один ряд с памятниками Кахетии древнего времени и, точнее говоря, эпохи VIII—IX века. Относительно кирпича приходится отметить, что небольшой его размер (23,5 × 23,5 × 5 см или около этого) отличает постройку от других того же периода в Кахетии, хотя совпадает с размером кирпича Кумской базилики близ Кака (Каха); толщина раствора между кирпичами в кладке пилона равна толщине самого кирпича. Диаметр наружного круга Лекитского храма (22 м) примерно на две пятых меньше такового храма Бана (38 м); впрочем цоколь идет вокруг, а стена граниями. Между четырьмя его подкупольными пилонами, имеющими в квадратном теле на обращенном в обход углу полуколонну, стояло по три круглых, сложенных из кирпича устоя. С восточной стороны из круга обхода внутреннего тетраконха выступают два прямоугольных помещения пастофорий, перекрытых, судя по остатку в северном, крестовым сводом примерно на высоте первого яруса обхода. Круглый обход имеет три входа, украшенные снаружи выступом порталов. Обход был весь украшен как по наружной стене — пилястрами с желобками в них, так и с внутренней стороны — колонками в двух ярусах (разного ритма). Однако, этот декор лишен выделенных капителей и баз, что говорит очень сильно за общий сниженный уровень художественных требований. Такого же характера и отдельные архитектурные детали, выявленные раскопками, как фрагмент двойной полуколонны у западного входа¹. Естественно создается убеждение, что Лекитский круглый храм с тетра-

конхом внутри является поздним примером, по сравнению с армянской постройкой Звартноца близ Эчмиадзина и грузинской в Бана, что в нем мы имеем не архаичные черты, а, наоборот, результат известного упрощения и художественного снижения требований, — результат некоторого экономического и политического ущемления страны в эпоху VIII и IX веков. Его никак нельзя ставить в связь с сирийским храмом в Босре 515-го года, заключенным в наружный прямоугольник и с перекрытием на стропилах². Тем не менее значение этого открытого и раскрытого П. Д. Барановским храма, не говоря уже о всех окружающих зданиях и общей планировке, выявленных при этом, нельзя переоценить: ясно, что тема купольного тетраконха с арочным низом в каждой абсиде и охватывающим его обходом вокруг является коренной темой нашей архитектуры, имевшей примеры в разных концах страны³.

Несомненно, что этот тип есть колоссальный творческий акт. Вот почему в первом же своем представителе — в Ишхани — выявились основные, решающего значения архитектурные ценности, определяющие его отличия и вообще сущность, а также определились известные возможности дальнейшего развития, которые заключались в нем и проявились в последующих представителях, особенно, как мы это видели, в Бана. К сожалению, остается не разработанным материал Ишханского храма, позднее в известные исторически эпохи подвергшегося переделке и сохранившегося в таком виде до настоящего времени. Но, несомненно, что именно он есть древнейший известный представитель данного типа⁴. Этим признанием Ишхани, однако, вовсе не определяется, будто весь тип заимствован с запада из Византии⁵. Напротив, мы считаем этот тип прояв-

¹ Непосредственно напоминают аналогичный фрагмент из раскопок дома Ктесифонской второй экспедиции 1931—32 гг. в Ma'arich II — рис. 4 на стр. 8 предварительного отчета (Берлин, 1933).

² Вообще нужно определенно отвести попытки связывать с Босрой наши здания; это было еще понятно тогда, когда единственным материалом являлась публикация 70-х годов маркиза де-Вогюэ, но после разведок Кроуфута, опубликованных в 1937 году (Churches at Bosra and Samarra-Sebaste, — British School of Archaeology in Jerusalem, Supplementary Paper 4. London 1937), которые четко установили план с четырьмя слобами устоями среднего квадрата, а от него единственно возможное восстановление здания с деревянным перекрытием на стропилах — ясно, что здесь не только разрыв в сотню лет, но — главное — самостоятельное развитие на родной основе.

³ В своей книге о мучениках Андрэ Грабар (I, 191—192) относит и Бана, так же как и Звартноц, к

числу античных мучеников, исходя из легенды о посвящении «блжшм силам». Утверждаемая им преемственность архитектурных форм от античных мавзолеев не подкреплена действительным эволюционным рядом развития, а является, как и в других касающихся памятников Грузии и Армении случаях, впрочем кое-где и других районов, только натяжкой из общего постулата. Дату для Бана приводит, конечно, по Стриговскому и МАК, XII том, т. е. IX век.

⁴ Игнорирование этого положения Стриговским может быть объяснено недостаточностью материала о храме, которым он располагал (Baukunst der Armenier, II, стр. 456 слл., хотя I, 125 отмечает, принимая).

⁵ Таково мнение Е. С. Такайшвили (МАК, XII, 1909, стр. 112), против которого ополчился Стриговский, пристегнув к нему еще и мнение Н. Я. Марра, не касавшегося собственно связи с Византией. К сожалению, он вместе с тем решил отказаться от данных Ишханского храма, его древнейшей части.

лением местного творческого искания на Кавказе.

Если, однако, Стриговский со свойственной ему настойчивостью и подъемом, с одной стороны, обрушился на гипотезу происхождения тетраконха с обходом не от Звартноца, а из Ишхани, как на гипотезу западного византийского, и, пожалуй, римского происхождения, а с другой — развивает кардинальное значение происхождения этого типа из Армении и влияния его, как образца для подражаний в Византии, то причиной этому является наличие таких памятников как церкви св. Сергия и Вакха в Константинополе, св. Виталия в Равенне, св. Лаврентия в Милане и даже св. Софии Константинопольской. Нет сомнения, что в первых трех мы имеем ближайшие параллельные явления к только что упомянутым кавказским храмам. В них применены к октогонному плану по существу те же методы построения пространства, как и здесь. И применены приблизительно в одну и ту же историческую эпоху. Как там, так и здесь мы видим открывающиеся в среднее подкупольное пространство полукруглые восемь абсид (или четыре абсиды и четыре прямые грани), очерченных колоннами — здесь в два этажа. Получается чрезвычайно легкое, нарядно-торжественное пространство. Близость приемов несомненна, но — полагаю — столь же несомненны отличия в деталях. Все это, по моему мнению, говорит за то, что мы имеем здесь не заимствование, не подражание византийских зодчих кавказским или наоборот, а лишь проявление в разных, географически далеких местах, на почве, однако, одного и того же культурного течения, именно общего им предшествовавшего развития христианской культуры, и даже на однородной в значительной степени (именно восточной, передне-азиатской) основе архитектурного развития, одних и тех же архитектурных приемов, усовершенствований, примененных, однако, к различным основным формам: на Кавказе — тетраконха, на Западе — октогона¹.

Так как один представитель этих тетраконхов с обходом, именно Звартноц, введен Стриговским в широкий научный обиход еще полвека тому назад и с тех пор систематически

С другой стороны, правда, тут же он верно сам отмечает, что существо материала и данных об Ишхани вовсе не требует считать происхождение его форм связанным или зависящим от Византии. — И действительно, в последнем своем труде Е. С. Такайшвили больше не говорит ни слова об отношении Ишхани к Византии.

¹ Что касается Софии Константинопольской, то этот

привлекается к сравнению, то представляется необходимым кратко коснуться этих сравнительных изысканий. Считаю нужным оттенить правильность установки проф. архитектуры Киеричи, который дает графическую реставрацию древнейшего облика храма св. Лаврентия в Милане (как и ряда последовательных переделок вплоть до ренессансного восстановления), именно как тетраконха, возведенного между 355 и 372 или 395 и 402 годами, с открытыми в обход колоннадами в два этажа, с крестовым сводом над центральным квадратом, с конхами и сводчатым перекрытием галерей², когда он отклоняет обычное сравнение с рядом мартириев Запада, Малой Азии, Сирии и Звартноцем в Армении. Он в целом отклоняет сделанное последний раз еще и Кроуфуттом в работе о Босре сравнение с мартирием в Селевкии, в Корикос, в Рузафе, со стоей Адриана в Афинах, палестрой в Перге, церквами в Апамеа, Фалуль, Диарбекир и Звартноц. Входит, правда, резонно в некоторое сопоставление первоначального S. Lorenzo и мартирия в Селевкии и Босра, и стоей в Афинах, отнекая, однако, и тут, что между ними *la differenza è grandissima* (p. 177).

Правда, Киеричи отводит такое сравнение в пределах стремления доказать, что Миланский тетраконх с обходом является самостоятельным примером развития архитектуры в Италии, он отводит его ради показа независимого от Востока решения и разработки всей темы. Между тем сравнение планов показывает, что Милан, Селевкия и стоей в Афинах повторяют наружными стенами внутренний контур, тогда как Босра забирает его в наружный квадрат, создавая внутри промежуточный круг. Наконец, Звартноц, Бана и Лекит закладывают по плану тетраконх в наружное кольцо стен. А во внутреннем пространстве колоннады в абсидах размещены только в нижнем этаже, тогда как в храмах Лаврентия, Виталия они размещаются в двух этажах. Общие пропорции принципиально различны — перечисленные храмы Востока и Запада относительно низкие, приземистые при громадных размерах плана, тогда как и Звартноц, и Бана, и Лекит высокие, в них высота на много превышает площадь плана. Босра, как установил Кроу-

храм можно гипотетически ставить в связь с теми или иными явлениями, но дальше гипотез мы все еще пока пойти не можем, а потому предпочитаем не входить здесь в этот спорный вопрос (у Стриговского, II, стр. 777 сл.).

² A. Calderini, G. Chierici, C. Cecchelli, *La basilica di S. Lorenzo Maggiore in Milano*, 1951, рис. 50, 42, 43, 40.

фут, была перекрыта по деревянным стропилам; это же предлагают для Милана — в отличие от Киеричи — как Р. Краутхеймер, так и цитируемые им П. Верцоне и А. де Капитани д' Арцаго с небольшим различием, что, по мнению первого, остатки стел у одной башни дают основание утверждать существование трюм или парусов для купола, возможно деревянного¹. Таким образом, различие между привлекаемыми к сравнению даже тесной группы памятников настолько существенно, что вся попытка представляется сегодня искусственной. Полвека тому назад она была понятна и оправдана, так как подчеркивала новое в общих тенденциях развития и связи его с Востоком. Сегодня перед наукой стоит другая задача, выросшая на основе разрешения предыдущих.

Последние формы тетраконха отвлекли нас значительно в сторону от узкой темы рассмотрения Гавазского тетраконха. Но зато они, полагаю, с особой яркостью призваны подчеркнуть тот факт, что в Гавазском тетраконхе мы имеем одно из первоначальных выражений данного типа построек. Вместе с тем рассмотрение примеров столь усложненных разновидностей тетраконха, как только что рассмотренные, показывает, к какому художественному величию, значительности способен тип тетраконха и что данное усложнение и развитие его имело место еще в тот же древний период, именно в VII веке, если и весь внутренний цикл развития данной усложненной формы и не завершился так быстро.

Чтобы закончить начатый здесь обзор дальнейшего движения тетраконховых форм церквей, который один способен, как сказано, оттенить древние формы, мы бросим теперь взгляд на другое еще усложнение тетраконхового плана, осуществленное все в ту же эпоху первой четверти VII века, а затем остановимся на примерах претворения тетраконховых форм в X—XI вв., применительно к художественным пониманию и требованиям той эпохи. Необходимо подчеркнуть, что оба дальнейших развития тетраконха, как с обходами в Звартноце, Бана, Леките, рассмотренные выше, так и с че-

тырьмя подкупольными столбами, к которому сейчас обратимся, не представляются прямолинейно, безоговорочно вытекающими из простого тетраконха. Действительное понимание образования этих форм еще не дано, оно особенно сложно и нельзя сказать, чтобы было совершенно ясно. Но оно имеет в числе своих предпосылок одну — простой купольный тетраконх, — которая позволяет и даже вынуждает меня касаться их здесь, вовсе не закрывая глаз на действительную сложность проблемы развития их, не закрывая глаз на фактическую неразработанность этого вопроса.

В исследовании, посвященном Цромскому храму, я старался показать, как новый конструктивный элемент, введенный в купольный храм, именно — четыре подкупольные столба — сразу же порождают различные формы их и как известная унификация типов осуществляется только с течением времени, только как результат определенного пройденного пути развития. Вот этот же конструктивный элемент был применен и к тетраконху и создал и в нем своеобразный пример, который — подобно типу Джвари Мцхетского — есть как бы конец архитектурного развития в данном определенном направлении. Возможно было только незначительное выравнивание внутри этого типа, и только². По существу же он вполне законченное явление, не дающее простора дальнейшему развитию, дальнейшему творчеству. Представителями этого типа являющиеся Багаранский храм (624—631 гг.) и Эчмиадзинский собор в Армении, и грузинская церковь в Бобисгери бывшего Ольтинского округа Карсской области. Все три показывают, как установка четырех столбов дает возможность значительно уменьшить диаметр купола и как тот же факт требует отдельной постановки каждой из абсид — мотив, подготовленный планом Джвари Мцхетского. Как показывает Багаранский храм, единственный более изученный из названных, данное усложнение вместе с сильным повышением пропорций дало в итоге очень видный, производящий сильное впечатление на входящего тип³. Этот же план, как на этом настаивает Стриговский, армяне-зодчие повто-

неизученным (ср. Strzykowski); чертежи, исполненные по обмерам работавшей в 1909—10 гг. комиссии по реставрации собора, были отфотографированы в ограниченном количестве и в продажу не поступали. Бобисгери обмерен инж. А. Н. Кальгиным и сфотографирован в 1907 году; чертежи выполнены Н. П. Северовым (см. Album d'architecture géorgienne 1924, табл. 20, 21), Описание см. у Е. С. Такайшвили, Археологическое путешествие в Кола-Олтиси и Чанглы, 1938 (по-груз.), стр. 43—45.

¹ См. его рецензию в Art Bulletin за июнь 1953 года, т. XXXV, № 2.

² Обращаю внимание на чрезвычайно беспокойную изрезанность, разбросанность масс храма в Багаране.

³ Багаранский храм описан и довольно обильно иллюстрирован, а также освещен в своем развитии у Стриговского (Baikunst der Armenier, I, 95—99). Эчмиадзинский собор, несмотря на многочисленную литературу и специальные исследования, остается

рили будто бы в Милане, что послужило основанием дальнейших повторений. Нет сомнения, что действительно три приводимые Стриговским параллели¹, именно церковь в Germigny-des-Près близ Орлеана (806 г.), S. Satiro в Милане (879 года) и церковь Апостолов в Афинах воспроизводят тот же план². Несомненно, что и ряд таких конструктивных деталей, как подковообразная арка в Germigny-des-Près восходит также к влияниям передней Азии, в частности Кавказа. Но, с другой стороны, на каждой из этих церквей лежит отпечаток своей, иной национальности и поэтому их нужно прежде всего опять понять во всей, таким образом, намечающейся сложности.

Как тетраконхи с обходами в Звартноце, Бана и др., так и тетраконхи с четырьмя подкупольными столбами представляют собой дальнейшее развитие все того же простого тетраконхового плана, но являются при этом творческими вдохновениями, актами действительно крупных архитектурных дарований. Создание этих выдающихся художественных форм происходит, как равно и ряда других уже известных нам, а также и тех, с которыми нам предстоит познакомиться ниже, в конце VI и первой половине VII веков. Одновременно, таким образом, проявляется грандиозное творчество, чрезвычайно многообразное, расчлененное, разностороннее. Накопленная в предшествующее время энергия творчества создает тут почти одновременно, в кратчайший промежуток времени, десятки новых выдающихся, разнообразных храмовых форм. То же явление мы встречаем позднее в Западной Европе, когда проявляется творчество романской архитектуры — чрезвычайно разнообразной в своих представителях, мало зависимых друг от друга и порожденных одной краткой эпохой.

Совсем иной характер носит на себе большинство храмовых форм, воздвигнутых в конце X и в XI столетии, которые примыкают к образцам древнего времени. В них нет действительного архитектурного творчества форм, а только произведение декоративного по характеру, да и по задачам, искусства. Конечно, эта тенденция к декоративной миловидности вызы-

вала те или иные перекомпоновки собственно архитектурных данных, но это не было органическим ростом, исканием законченных архитектурных форм, а только средством достигнуть большей эффектности, подвижности, новизны. Таковы, в частности, и тетраконхи этого времени, а также выросшие из них в силу указанных мотивов шестиабсидные и восьмиабсидные храмы. В то время, как здесь, на Востоке, происходит в этот период рецепция древних, namного раньше закончивших цикл своего развития форм, ренессанс их с своеобразным, специфически декоративным использованием и пониманием, в Западной Европе только-только появляются тетраконхи, разнообразные в разных государствах, но по всем данным с отражением восточных влияний³.

В Грузии известны три развалины таких поздних тетраконхов, все в бывшем Ольгинском округе Карсской области⁴. Маленький тетраконх севернее величественного храма в Бана заключен снаружи шестигранником (?); перед абсидами есть бемы, а углы купольных устоев украшены полуколонками. Тетраконх в Парсадане с такой же разделкой углов полуколонками и с боковыми при алтаре комнатами. В Кинепосе восточный рукав вытянут и выступает пятигранником наружу, по сторонам его — помещения жертвенника и диаконника. Западный рукав снаружи прямоуголен. В восьмигранном барабане чередуются длинные и круглые окна. Итак, серьезность, величественность древних тетраконхов сменилась здесь игривостью, легкостью, подвижностью форм. То же самое наблюдается и в Армении в тетраконхах на Анийском Вышгороде, в Санаинском монастыре, в ц. св. Саркиса в Хцконке, а равно и в ц. богоматери там же, в Аграке и в Зариндже; и только Анийская пятикупольная церковь Апостолов, совершенно ступенчатая, создает в центральном тетраконхе, значительную, новую торжественность пространства⁵.

Как было указано выше, эта эпоха X—XI вв., когда посредственные зодчие обращались для удовлетворения декоративных запросов к пере-

¹ Там же, 767—770.

² Он делает еще ссылку на статью Lamperez у Romea (Revue hispanique, XVI, № 49, 1907, стр. 565, слл.), мне недоступную, где даются дальнейшие параллели вестготских церквей Испании.

³ См. привлеченный к сравнению Стриговским материал (II, 772 слл.). — К сожалению, исследование Н. Коэте, Frühchristliche Nischenrundbauten, Marburg 1927—28, мне не доступно.

⁴ См. Album d'architecture géorgienne, rédigé par E. Takatchvili, T. 1924, табл. 26-b (Бана), 22 (Кинепос) 27-d (Парсадан), и его же описание в Археологическом путешествии в Кола-Олтиси, сс. 28 и 74—76

⁵ Все они изданы Стриговским, I, 99 слл. Отличия этих многокопных центрально-купольных храмов Армении X—XI веков от древней группы я касаюсь в статье в сборнике Давид Сасунский, изданном под редакцией проф. Л. М. Меликсет-Бека Тбилиским университетом в 1937 г.

делке древних типов, не ограничилась тетраконхами, а стала варьировать и самое число абсид. Так получены сочетания из 6-и и 8-и абсид. И это имело место опять как в Грузии, так и в Армении. И частью таким именно путем созданы в Грузии крупный и представительный храм в Кумурдо и не столь крупный в Никорцминда¹. Наравне же с ними имеем сравнительно небольшие как Кацхи, Гогюба, Киагмис-Алты и Олтиси, последние три б. Карсской области Ардаганского и Олтисского округов², а также в Армении четыре в Ани (или только три?)³. Это все шестиабсидные храмы. Кроме того известны и восьмиабсидные Таос-кари в Грузии и несколько в Армении⁴.

Из развиваемого здесь взгляда на эпоху и мотивы образования, создания шести- и восьмиабсидных храмов на Кавказе ясно следует, что ни о каком принципиальном сопоставлении их с октогонными и шестинишными в плане постройками Рима, как они в значительном числе известны по старым рисункам⁵, или с таковыми эллинистического Востока, устанавливаемыми современными исследованиями⁶, и речи быть не может. Это два совершенно раздель-

ных, ничего общего по ходу своего образования и развития не имеющих феномена, в основе которых лежат и совершенно различные предпосылки архитектурного понимания форм.

Таковы общие линии развития тетраконхового типа, как их можно выявить и обосновать фактическими данными истории архитектуры в Грузии и Армении. Обзор этот показывает, что мы имеем здесь дело со своим собственным, сильным по творчеству и традициям кругом, который несомненно оказывал влияние и на другие страны и прежде всего на запад. Но это влияние нельзя, мне кажется, считать решающим и сводить к нему все сходные по формам произведения византийской и западно-европейской архитектуры, а требуется в известных случаях учитывать общие там и тут процессы развития. Вместе с тем и в среде архитектуры Кавказа — в Грузии и Армении — в свою очередь ярко намечается собственная физиономия той и другой. Мы не входим в рассмотрение этого вопроса, ибо самый обзор понимали преимущественно как средство отнестись исходные формы развития типа; но иллюстрационный материал, полагаю, говорит сам за себя.

¹ Существовавшие до последнего времени планы этих церквей возбуждали большие сомнения в их правильности. Кумурдо издано Броссе, *Voyage arch.*, I 168—172 и *Atlas*, pl. XIV; МАК, XII, с. 35—44, табл. VI—VIII и рис. 19—22; Никорцминда — Броссе, XII, 55—59 и табл. XXXIX; МАК, IV, 127—140 и рис. 103—118, табл. XLIV—XLVIII; Труды V археологического съезда в Тифлисе, Москва, 1887, табл. XVIII.—Теперь оба обмерены заново Н. П. Северовым и в 1946 году изданы Академией архитектуры СССР как первый выпуск серии: Памятники грузинской архитектуры.

Мне кажется, что Стриговский (II, 782) правильно сопоставляет с этими церквями (Кумурдо, Никорцминда) греческую церковь в Дани.

² Кроме того, и храм в крепости Бочорма в Кахети (см. ниже, глава VII) относится сюда же.—Кацхи—Броссе, XI, 94—98 и табл. XLII; Пл. Иоссе-лиани, в *Закавказье*, Вестнике, 1845, стр. 163 сл. (и отд. брош.); МАК, VII, 82—84 и рис.; равно Труды V съезда, табл. XVIII; теперь Кацхскому храму посвящена работа В. Беридзе, *Art Georgia*, т. 3, Тб. 1950, где дается сравнение с остальными тремя. Гогюба — МАК, XII, 73—75 и рис.; Киагмис-Алты, — МАК, XII, 85—88 и рис.; Олтиси — обмерено А. Н. Кальгиным в 1907 г. и издано в альбоме чертежей, изд. Гос. университетом, Тб. 1924, Табл. 26-д; Е. С. Такайшвили

и, Археологическая экспедиция в Кола-Олтиси, 1938, стр. 28—29, и стр. 46—49.

³ См. Стриговский, I, 126—131.

⁴ План Кацхи в Трудах V археологического съезда представлен, но ошибочно, также октогоном в отличие от плана, снятого Мусловым для Броссе.

В Армении октогоны: Иринд (Стриговский, I, 131—134) отнесен без достаточного обоснования к VII веку; затем Варзахан (Bachman, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, 1913); Ани, церковь Спасителя (Стриговский, I, 134—136, которым игнорируются позднейшие переделки); наконец, близ Егиварда: Стриговский (I, 131), отнес его предположительно к VII веку; эту дату пытаются подерживать в ряде новых публикаций привлечением письменных упоминаний (Ю. Яралов в *Сообщениях Института истории и теории ВИА*, 8-ой вып., М. 1947; Ю. Яралов в *Архитектурном наследии*, т. III, М. 1953; В. Арутюнян и С. Сафарян, *Памятники армянского зодчества*, М. 1951; А. Якобсон, *Очерки истории зодчества Армении V—XVIII вв.*, М.—Л. 1950; Н. Токарский, *Архитектура древней Армении*, Ереван, 1946).

⁵ Они опубликованы Rivoira, *A Moslem Architecture*, London, 1918, fig. 50 sqq.

⁶ Напр., шестиабсидный храм близ Асклепиона в Милете, цитированный Стриговским, II, 489; ср. еще ряд примеров, перечисленных у меня в исследовании о Цроми (стр. 48 в 1-й сноске пункт 3).

2. НИНОЦМИНДСКИЙ СОБОР

Описание.— Развалина грандиозного собора в Ниноцминда есть одна из редких по замыслу построек, и одна из самых крупных в Кахетии. Уцелела только восточная часть здания и небольшой остаток западной стены, поддерживаемый поздней пристройкой западного притвора. Особенно сильно разрушена она с южной стороны; немногим меньше с северной. Где шла линия южного фасада, места совершенно сглажено и не видно. Это уничтожающее разрушение произошло, как устанавливается по письменным сведениям, в первой четверти XIX века. В конце XVII века собор стоял еще совсем нетронутым и получил тогда с запада пристроенный притвор.

На северо-восток от собора возвышается построенная в XVI веке колокольня и, непосредственно примыкая к ней когда-то с севера, двухэтажный деревянный дом Ниноцминдского епископа Саввы Тусисшвили второй половины XVIII века. Собор, названные здания и ряд других хозяйственных построек, частью старого времени, охвачен широким кольцом крепостной стены¹. Весь этот комплекс находится среди селения того же имени Ниноцминда (табл. 144 и 145).

Ниноцминдский собор по плану своему центральная звездообразная композиция, вся симметричная по четвертям. В основе композиции плана лежит равнобедренный крест с абсидальными завершениями рукавов, между которыми заключены еще дополнительные помещения. Эти дополнительные помещения имеют в плане основной прямоугольник с двумя расположенными друг против друга абсидами, направленными не совсем точно на восток и на запад. Снаружи, как четыре абсиды рукавов, так и расположенные между ними четыре дополнительных помещения очерчены полукругами стен. Только в алтарной абсиде снаружи можно проследить тенденцию к пятигранности в

нижней ее части. В центре всей композиции собора находился купол. Очень характерно, что в середине прошлого века исследователи грузинской старины, как Платон Иосселиани, считали здание произведением «времен язычества, обращенным из языческого капища в христианскую церковь»²; интересно, что точно так же и архитекторы итальянского ренессанса полагали, что церковь св. Констанция в Риме являлась языческим римским сооружением³.

Основная кладка храма состоит из больших квадров камня, не совсем ровной формы, зеленоватого цвета и грубоватой тески (табл. 147, 148 и 156). Это примерно такой же материал, из какого выведена и малая церковь Джвари Мцхетского. Между крупными квадратами в разрушенных частях стен виден бут заливки с крупными осколками камня.

Своды и арки выведены из желтоватого ноздреватого ширими, обычного в кахетинских постройках (табл. 150, 151, 152, 153). Этот же материал применен и для облицовки сохранившихся обрывков купольного барабана снаружи (табл. 147-а и 149). Применение этого материала для облицовки сплошных поверхностей здания, именно верхних его частей, начиная от сводов, а также верхних рядов под карнизом по фасадам (табл. 146, 147, 148, 149), означает совершенно ясно, что эти части относятся не к первоначальному строительству, а лишь к одному из реставрационных периодов его⁴. Отдельные исправления повыветрившихся или попорченных мест основной кладки были выполнены этим желтоватым ширими.

Перед каждым из восьми устоев подкупольного пространства внутри собора были выведены контрфорсы из зеленоватого камня несколько иного тона сравнительно с тоном строительного материала основной части строения; квадры кладки этих контрфорсов также меньшего формата (табл. 156). Перевязи этих контр-

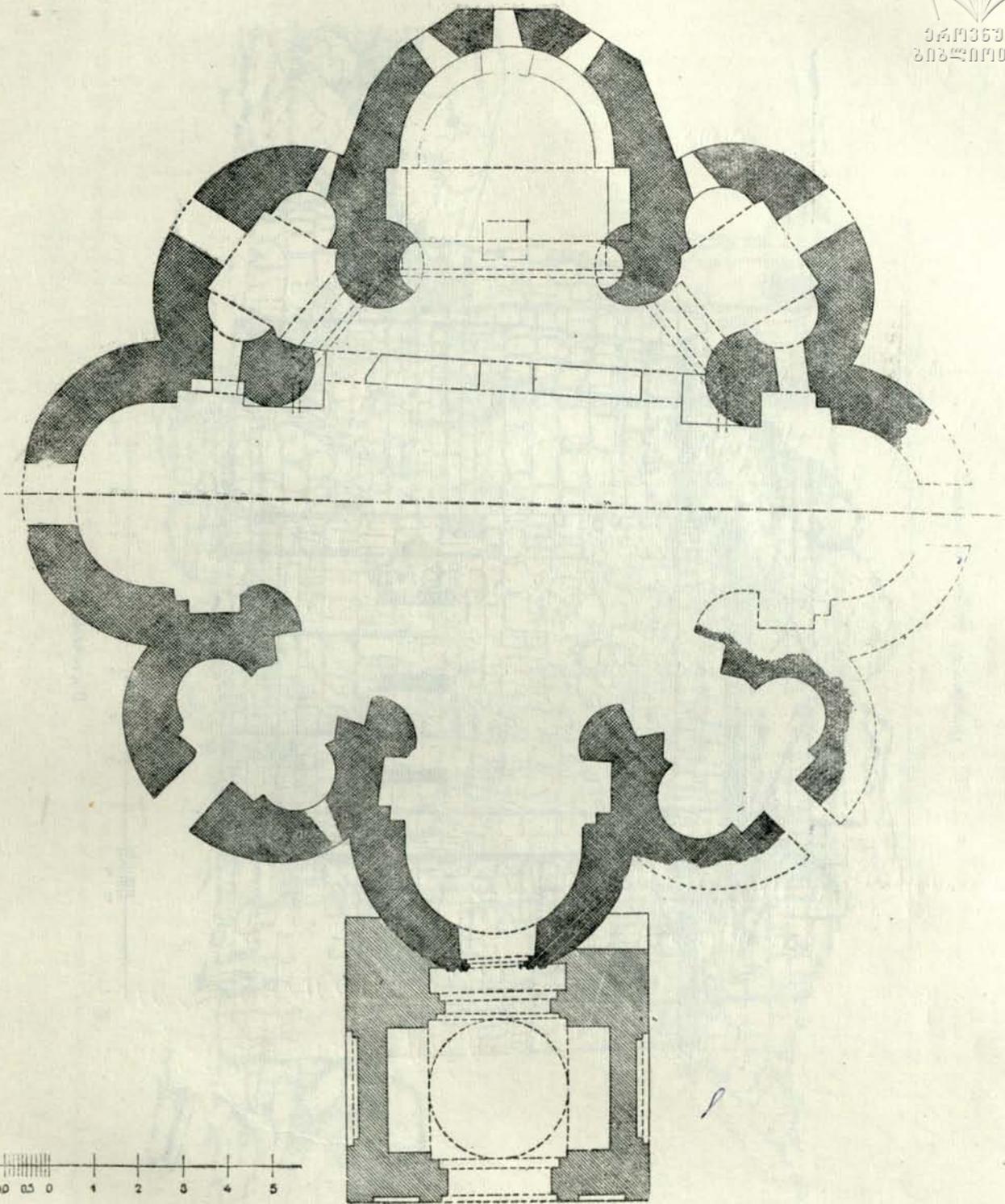
¹ В первый раз посещена мною Ниноцминда в конце первой большой поездки по Кахетии 30.VIII.1920 г. В конце сентября организован обмер собора с приглашением для этого арх. М. Г. Калашникова. Однако, обмер пришлось исправлять и добавлять 17.—22.VI.1922 арх. Н. П. Северову, выполнявшему затем и чистовые чертежи. В те же дни сделаны фотографии худ. Т. Кюне, а надписи Ниноцминды изучались проф. А. Г. Шанидзе, принявшим участие в экспедиции. (Генплан приведен ниже в гл. XI).

² Описание древностей города Тифлиса, Т. 1866, стр. 132, 133.—Такого же мнения придерживался и А. Н. Муравьев, очевидно под влиянием Пл. Иосселиани (Грузия и Армения, т. I, СПб. 1848, стр.

115). Оставляя на ответственности автора утверждение о языческом капище, Дм. Бакрадзе дает выборку из Иосселиани в своем справочнике Кавказ в древних памятниках христианства, Т. 1875, стр. 98.

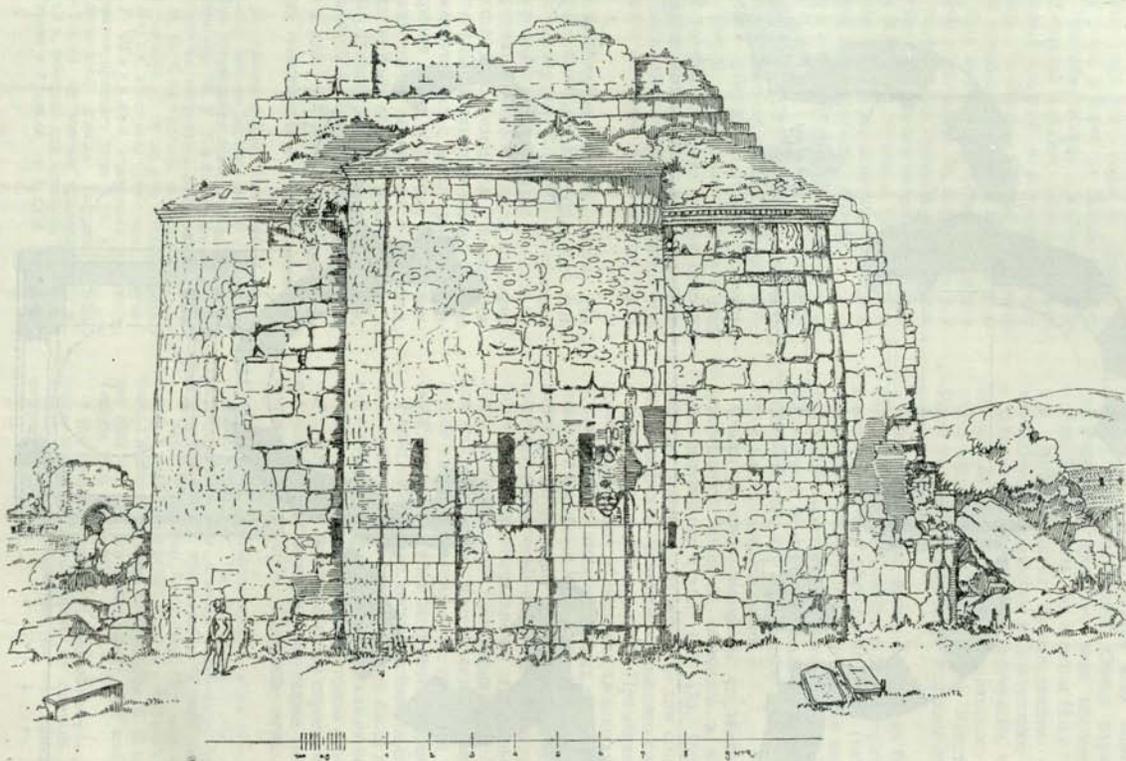
³ Напр., Франческо Альбертини 1510 года согласно цитате у Aug. Schmarsow (Der Kuppelraum von Santa Constanza in Rom, Leipzig 1904, S. 2) или Серлио 1540 года (см. его Tutte l'opere dell'architettura, Venezia 1619, p. 57—58).

⁴ На лежащих севернее собора обрушенных частях конхи, очевидно, происходящих от северной абсиды, находится именно облицовка из этого ноздреватого материала.

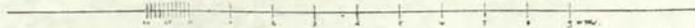
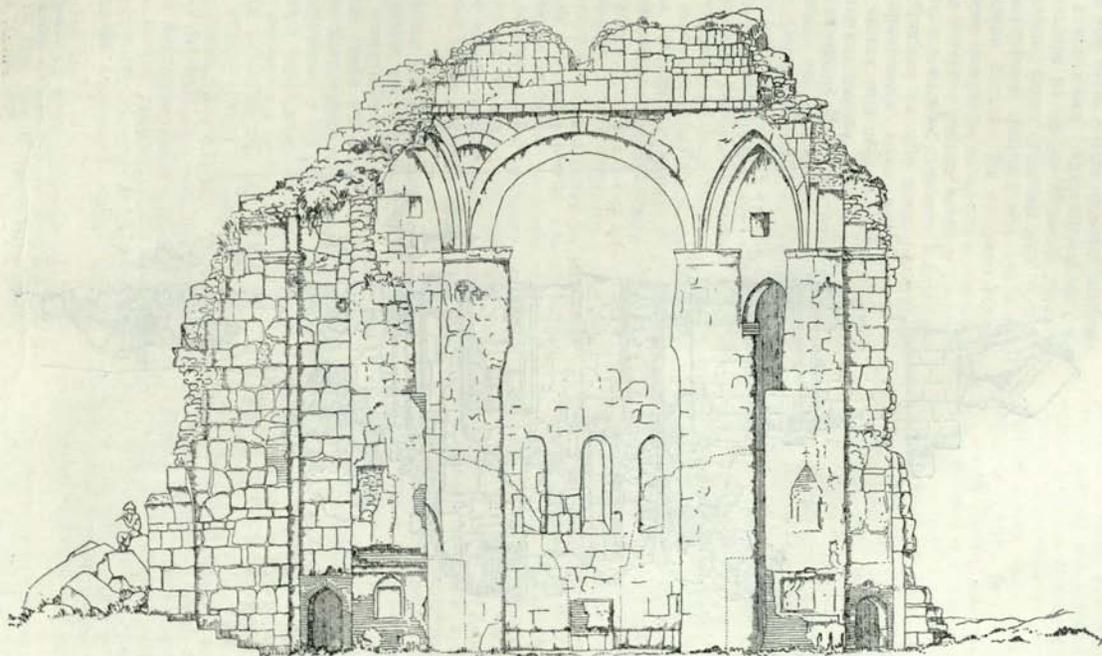

План

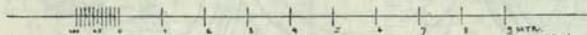
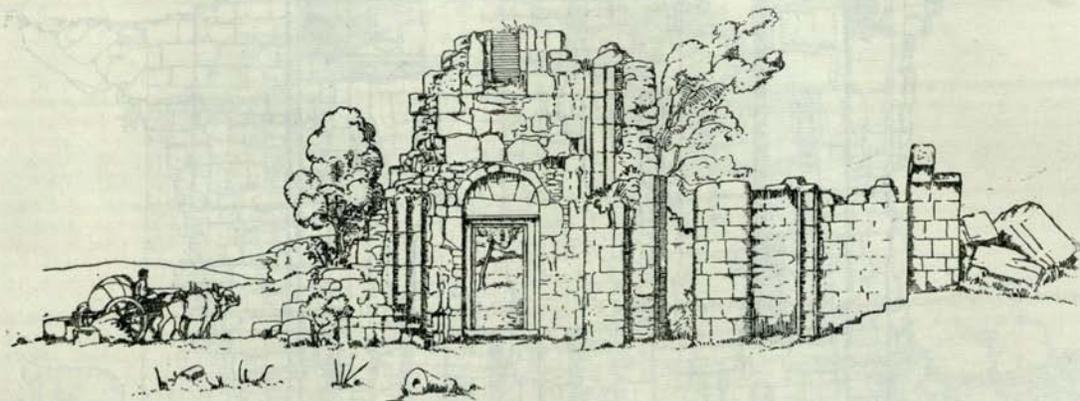
ჩიკაგოში

Восточный фасад

Поперечный разрез на восток

Поперечный разрез на запад

форсов и других частей здания нигде не замечено.

Стоящие еще части собора имеют и снаружи сильные исправления. Первоначальная же кладка выведена из тех же больших квадров зеленого камня, какие отмечены уже и относительно внутренней кладки (табл. 146 и чертеж восточного фасада). На алтарной абсиде нижние части выложены из желтого известняка, квадры которого резаны четко и блестят. Эти квадры, несомненно, относятся к глубокой старине; обращает на себя внимание ограниченность применения этого материала¹. В остальных частях этой абсиды снаружи много чиненых мест как камнем, так и кирпичом. Три верхних ряда кладки алтарной абсиды под карнизом сложены, как было отмечено, из желтого ширими. Северо-восточное и юго-восточное полукружия также повышены на один ряд облицовки под карнизом из того же желтого ширими. То же было, очевидно, сделано и на других полукружиях, ныне развалившихся, как доказывают незначительные следы на северном полукружии. Карниз — кирпичный из рядов кирпича, положенных попеременно то углом вперед, то ровно.

На северо-восточном полукружии к первоначальной кладке могут относиться только 3, 4, 5 рядов кладки над поверхностью земли и пять рядов ее сверху почти под карнизом; средняя же часть отремонтирована мелкими квадратами того же зеленоватого камня, что применен для контрфорсов внутри собора. Починка выполнена на толстых слоях раствора (табл. 146, 148 и 149).

Юго-восточное же полукружие сохранилось довольно хорошо, так что нет больших отремонтированных поверхностей, а чинены только отдельные куски (табл. 146 и 147).

Все здание было, кроме того, чинено в позднее время кирпичом; в 1671 году к нему пристроен с запада перед входом притвор из кирпича, что упоминается в надписи, помещенной там же (табл. 147—149, 156, 158, 159-а и 162).

Алтарная абсида собора сохранилась почти не тронутой (табл. 150, 151, 152). Она освещается тремя значительных размеров окнами. Под средним алтарным окном в центре стены сохранились остатки каменного возвышения (епископского трона); по сторонам его тянется по стене сидение, сложенное, однако, из кир-

пица. Бема выделена заглубленностью стен; северной ее стены находится в углублении стол; он не идет на всю ширину углубления, почему это устройство жертвенника едва ли можно считать первоначальным, хотя возможно, что верхняя плита стола сохранилась от древнего престола (табл. 154-а и 157-б)². Действительно, Савва Тусисвили пишет, что им (в XVIII веке) устроен жертвенник из тесаного камня в главном алтаре, а равно престол в передней части. Престол выведен из желтоватого ширими в нижней части и из кирпича в верхней, более широкой; он неподвижен, стоит в центре собственно бемы (табл. 154-а).

Теперешняя алтарная преграда выдвигается в подкупольное пространство и сложена из кирпича³. Она высотой до 4—5 м и была оштукатурена. В ней при дверных проемах. Сейчас и она сильно развалилась в средней части.

В отдельных местах алтарной абсиды сохранились фрагменты более поздней фресковой живописи (табл. 145-б, 150, 152).

Конха алтарной абсиды не сохранилась, как уже было отмечено, в первоначальном виде, а восстановлена из желтоватого ширими в период первого восстановления храма. Конечно, и полуциркулярная внешняя арка конхи восстановлена тогда же из того же материала.

Угловые выступы алтарной абсиды, как и все остальные подкупольные устои, застроены полукруглой формы контрфорсами. Вверху контрфорсы достигают линии пят абсидной арки и нижней плоскости кубов, подставленных под арки над дополнительными помещениями между рукавами креста⁴. В нижних частях двух алтарных контрфорсов на $\frac{2}{3}$ высоты их от пола вырезаны полукруглые ниши, обращенные друг к другу (разрез и табл. 151, 152 и 153-а). На восточно-северо-восточном контрфорсе вырезаны два маленьких креста; они раньше были прикрыты фресковой росписью.

Три остальных рукава креста сильно разрушены; западный сохранился только на половину своей высоты (табл. 156 и 155-б, а также разрез на запад). В середине его — дверь со слегка подковообразной аркой. Арочный люнет заполнен, едва ли только в позднее время. Самый же проем двери сужен с обеих сторон, вероятно, в XVII веке. Этому сужению снаружи отвечают орнаментированные каменные балки (табл. 158). Самый камень зеленоватый и похож на примененный для контрфорсов; теперь

³ На разрезе контур преграды обозначен пунктиром.
⁴ Такие же контрфорсы применены были в Дзвели Гавази перед подкупольными устоями тетраконха.

¹ Ср. ниже, стр. 241.

² По своей форме эта плита напоминает плиту престола малой церкви Джвари Мцхетского (Памятники типа Джвари, Тб. 1948, табл. 37, или История грузинского искусства, I, рис. 41).

он почернел по поверхности или покрыт копотью. Первоначально вход с запада имел особый, несколько выступавший наружу портал и портик, сильно выветрившиеся части которого еще уцелели в позднем, пристроенном здесь кирпичном притворе. Эти части портала состоят из полуколонок с верхними шаровидными закруглениями, как можно еще проследить в изношенных формах (табл. 158)¹. Этот портал находился, кроме того, в портике, части фундамента которого с востока на запад видны и теперь еще в притворе. Нижние ряды кладки обеих кирпичных лавок, простирающихся по боковым стенам притвора, являются остатками первоначальных каменных стен притвора. С северной стороны они сохранились полностью, с южной же только в обоих углах². Над западным входом находится оконный проем, от него уцелела нижняя часть. Окно заложили в глубине кирпичом во время пристройки притвора (табл. 156).

От южного рукава креста здания уцелели только самые незначительные остатки — примерно два ряда кладки стен в восточной половине абсидального закругления (табл. 147). Ни расположения, ни ширины дверного пролета, как равно всей остальной части протяжения стены абсиды проследить не было возможности.

Северный рукав креста сохранился частично на значительную высоту стен (табл. 148, 149, 152-а). В центре абсиды находится дверь. Удержавшаяся восточная часть арки входа — продукт позднейшей реставрации из желтого ширими (табл. 157-а, 161-а). Дальнейшие починки выполнены кирпичом: ширина пролета сужена и сделана арка из сплошного каменного блока сдавленной формы. Эти последние изменения произведены одновременно с переделками западного входа, именно во второй половине XVII века, что определяется как материалом (кирпич и указанный натуральный камень), так и однотипной отделкой каменных блоков. Передняя арка коихи не сохранилась, но еще держится северо-восточная капитель ее, относящаяся по материалу реставрации к одной группе с сохранившимися частями свода в алтаре (табл. 151-б).

Естественно предполагать наличие в северной и южной абсидах над дверьми окна, как в западной абсиде.

С северной стороны давно уже нижние части

¹ И в этой части ближайшую параллель представляет декор малой церкви Джвари Мцхетского.

² На чертеже плана эти, использованные в пристройке XVII века, древние части, остались невыделенными.

собора были занесены землей, или обросли ею, так как, во всяком случае уже с 1671 года, от порога входа спускаются внутрь церкви по семи ступеням (разрезы и табл. 157-а).

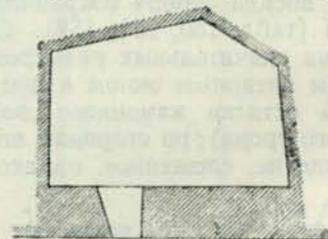
От дополнительных помещений сохранились на полную высоту до самых сводов только примыкающие к алтарной абсиде два помещения. От обоих же западных уцелели только нижние части стен, причем от юго-западного можно только частично установить линии плана.

По плану все четыре дополнительных, расположенных по диагонали подкупольного квадрата помещения имеют одинаковую форму. К восточной и западной стороне среднего прямоугольника примыкает по абсиде; а в основной подкупольный квадрат открыта широким арочным пролетом одна из более длинных сторон прямоугольника, тогда как другая имеет наружную дверь. Все это своеобразное пространство снаружи здания охвачено полукругом стены. Площадь этих дополнительных помещений меньше, чем площадь рукава с абсидным завершением и само помещение не так высоко.

Своды обоих этих помещений (восточной части) относятся ко времени восстановления, как и все верхние части их от пят открытой к куполу арки — они выведены из желтого ширими. В обоих этих помещениях починки заметны и в нижних частях. Возможно, однако, что детальное изучение внутри надсводных камер, расположенных над этими помещениями, могли бы указать на какие-либо остатки первоначального сооружения, особенно конструктивные; к сожалению, проникнуть в них мне не удалось.

Северо-восточное угловое помещение открывается в подкупольное пространство широкой аркой, имеющей в высоту примерно $3\frac{1}{2}$ —4 м. (табл. 154-а). Над этой аркой поднимается гладкая высокая стена с двумя маленькими прямоугольными отверстиями, расположенными одно над другим, для попадания внутрь (ср. табл. 150, 151-б, 152-а)³.

³ В нижнее из этих помещений, из которого висела цепь, проник худ. Петр Гамбарян в сентябре 1920 г.

Это маленькая, иррегулярной формы камера с плоским перекрытием (см. план).

Это северо-восточное угловое помещение открыто в средней, прямоугольной по плану части коробовым сводом. В восточной абсиде небольшое узкое оконное отверстие; а перед ним внизу установлен позднее жертвенник (табл. 154-b). Из западной же абсиды, также позднее, пробиты дверь, выложенную в притоках кирпичом. Дверь ведет в бему северной абсиды. Первоначальный вход снаружи в это помещение позднее был заложен и таким образом создана внутри плоская ниша (ср. табл. 154-b). Ниша обложена желтоватым ширими, что, следовательно, является и показателем времени. Остальной каменный материал — однородный с примененным в полукруглых контрфорсах и в исправлениях северо-восточного полукружия. Снаружи этот первоначальный дверной пролет перекрыт одним сплошным каменным блоком (табл. 148). В своде конх этого помещения через слой штукатурки видны во многих местах булыжные камни ее. Пол в этом помещении примерно на две ступени ниже пола в алтаре так же, как и в остальных частях храма.

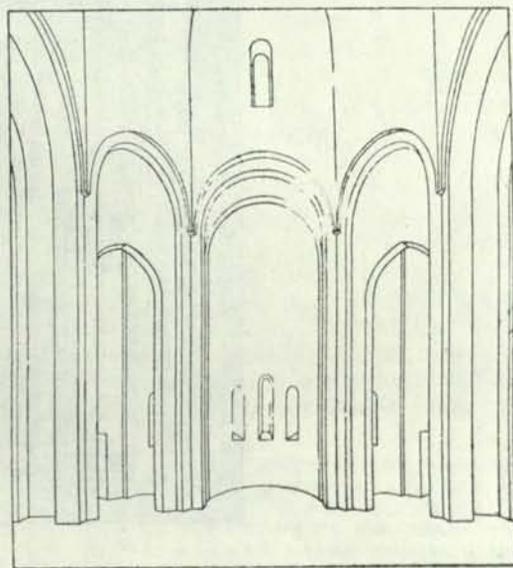
Юго-восточное угловое помещение соединяется с подкупольным пространством высокой, несколько заостренной аркой (табл. 150, 151-a, 153-a). В поднимающейся над нею очень высокой стене имеется такое же аналогичное отверстие, как верхнее в стене над северо-восточным угловым помещением. Входная дверь и здесь застроена (табл. 155-a изнутри); над нею также положена снаружи горизонтальная каменная перемычка (табл. 147). В восточной абсиде — узкое небольшое окошечко. Под ним находится прислоненный к стене неподвижный престол, сложенный из ширими. И здесь в западной абсиде пробит позднее ход из южного рукава храма; притоки выравнены кирпичной кладкой. Перекрытие этого помещения — плоское, выполнено из желтоватого ноздреватого ширими (табл. 153-b). Даже перекрытия абсидальных частей, хотя и выделяют внешние арки, имеют почти плоскую форму из тех же желтоватых камней. И стены этого помещения неоднократно чинились.

Стены северо-западного углового помещения уцелели на 6—7 м высоты, а частично даже только на 3 м (табл. 155-b и 156). Это говорит о том, что и здесь был во всяком случае высокий арочный пролет из подкупольного пространства. Наружный вход заполнен здесь булыжниками, так как уровень земли снаружи, как и вокруг северного рукава храма, еще к середине XVII века очень поднялся по сравнению с уровнем пола внутри его. И в этом северо-западном угловом помещении имеется такое же

маленькое окошечко, как и в других, только оно обращено не на восток, а на запад.

Юго-западное угловое помещение совершенно развалилось, так что даже линии плана удалось без труда установить при обмере. Повидимому, однако, наружный вход оставался до последнего времени еще в употреблении, как и соответствующий северо-восточный.

Эпохи реставраций.—В предпосланном описании собора в Ниноцминда обращается постоянно внимание на отдельные различия в примененном строительном материале. Они являются, как уже отмечалось, надежными ориентирами для определения той или иной эпохи строительства. Поэтому необходимо сделать здесь сводку этих указаний, чтобы, таким образом, получить обзор исторических изменений,

Разрез с реконструкцией форм начальной эпохи

реставраций, которым подвергался собор. Тогда и анализ здания получит иной облик.

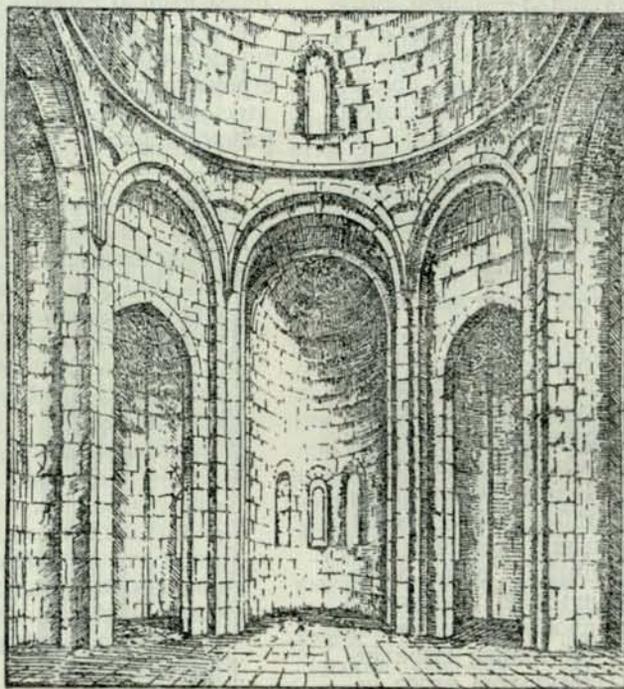
Барaban купола является во всех своих остатках произведением реставрации, а не первоначальной постройки так же, как и сохранившиеся части сводов и арок. Внутри барабан имеет круглую форму, а снаружи он восьмигранный с четырьмя (едва ли восьмью) окнами: единственно сохранившаяся выше пят часть его с востока имеет только одно отверстие окна (табл. 149, 150, 152-a). Под окном проходит профилированный карниз из двух больших и нижнего маленького вала, что видно в части,

расположенной над алтарной абсидой¹. Переход к кругу купольного основания образуют маленькие арки, насаженные над восемью углами. Начало круга отмечено слегка выступающей тягой².

Данный прием перевода к кругу купола предполагает, что снаружи не были выделены выступающие углы подкупольного квадрата. Рукава креста храма имеют большую высоту, чем полукруглые заполнения между ними. Первоначальный же свод Ниноцминда мог иметь,

ский Мама-Давид, купол Кисисхеви и др. Все они падают на IX—XI вв. Таким образом, и реставрацию из такого материала в Ниноцминдском соборе можем смело считать древнейшей реставрацией ее, произведенной примерно в XI—XII вв. Как раз в то же время, а, может быть, даже и несколько раньше этого, были заложены обе боковые снаружи двери в угловые помещения.

Какому времени принадлежат большие, желтые, как бы шлифованные квадраты известняка

Разрез с реконструкцией форм эпохи первой реставрации

как кажется, форму так называемого сомкнутого свода. Сообразно этому представлена наша реставрация разреза.

Барабан купола и все своды и арки под ним выведены из желтоватого ширими; он резан неравномерными квадратами и потому кладка не создает проходящих рядов. Тот же материал применяется для облицовки сплошных поверхностей зданий в следующих храмах Кахетии — Алавердский собор, Кветера, Черemi, Акур-

на восточной абсиде снаружи, которые придают нижней части ее полукружия точную пятигранную форму, могло бы, пожалуй, вызвать вопрос. Полагаю, что четко выработанная здесь пятигранность абсиды присуща была во всяком случае самой концепции здания. На этих квадратах имеются пять коротких надписей. Рядом с ними вырезаны отдельные украшения, розетки. Надписи изданы проф. А. Г. Шанидзе³, привожу их в переводе его чтения.

¹ На табл. 149 с трудом различается.

² Подобную же тягу мы видели уже в Гавази, то же повторится и в купольной церкви Некресского монастыря.

³ Проф. Шанидзе издал надписи Ниноцминда в работе «Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки» (Известия ИЯИМК Груз. ФАН, т. IV, Т. 1938, с. 54—56).

1. На юго-восточной грани алтарного выступа под окном имеется пострадавшая сильно от выветривания квадра надпись (табл. 160-a):

† 𐌒 𐌕 𐌖 𐌖 𐌕 𐌕 𐌔 𐌓 𐌒 𐌔 𐌕 𐌓

„Христе, помилуй архиепископа Степана“.

2. На таком же, сильно деформированном квадрате, который имеет круглые углубления, т. е. на давно находившемся в кладке храма камне, написано (табл. 160-a):

† 𐌒 𐌕 𐌖 𐌖 𐌕 𐌕

𐌔 𐌓 𐌒 𐌔 𐌕 𐌓

„Христе, помяни душу Бакурдухты“¹.

3. На северо-восточной грани алтарного выступа, у восточного края ее, ниже линии окна находится частью писанная греческими, в остальном же неизвестными буквами следующая надпись, над и под которой вырезаны простые розетки (табл. 159-b)².

4. На северной грани выступа, ниже линии окна короткая надпись (табл. 160-b):

† 𐌒 𐌕 𐌖 𐌖 𐌕 𐌕

„Христе, помилуй Кацая“.

5. На той же грани, но на другом камне (табл. 160-b):

† 𐌒 𐌕 𐌖 𐌖 𐌕 𐌕

„Христе, помилуй Федора“.

¹ Проф. Л. М. Меликсет-Бек (указ. статья в газ. «Сахалко Сакмэ». 1920, № 974 от 10 ноября) полагает, что имя Бакурдухта указывает на древнейшее время, ибо такие образования имен были распространены в Грузии и в Армении в V—VI вв. Можно, однако, возразить, что такие же имена с составным иранским «духта» (дочь) встречаются в Грузии также в XV—XVI в., так, напр., первая жена царя Александра I (1412—1443 гг.) носила имя Дуландухт (С. Какабадзе, Исторические документы, выпуск III, Тб. 1913, стр. 7—10 (по-груз.); Т. Жердана. Хронки и др. материалы, II, 220).

А. Г. Шанидзе считает возможным, что первые две надписи по палеографическому характеру вырезаны приблизительно в X—XI вв. Таким образом, мы имеем и для времени появления желтых блестящих квадров дополнительное подтверждение их отношения к первоначальной постройке, о чем свидетельствует и применение на таком ответственном месте.

Что касается третьей из этих надписей, то она привлекла к себе внимание немедленно после моих первых изысканий в Ниноцминда и особенно после совместной поездки туда с проф. А. Г. Шанидзе, тогда же назвавшего эту надпись «эретской». Однако, до сих пор эта надпись убедительно не прочитана и не интерпретирована³.

Следующая по времени реставрация преследовала не столько какое-либо восстановление или изменение частей купола, сколько обеспечение целости всего здания. Сильно выдающиеся внутрь центра здания части стен, на которых покоился барабан купола, были усилены застрорсой каждого выступа. Эти контрфорсы выведены из зеленоватого камня маленькими квадрами; по-видимому, использован тот же материал, что и в первоначальной постройке. Контрфорсы вверху заканчиваются карнизиком (табл. 145-b, 150, 151, 152). Он находится на одной высоте с пятой арок рукавов креста, т. е. предполагая, как обычно, капители или импосты у арок, контрфорсы закрыли их совершенно. Под арками дополнительных помещений видны выше карниза контрфорсов неотделанные каменные кубы, благодаря чему дости-

² Проф. Шанидзе воспроизводит фото и прорисует этой, условно-названной им «эретской» надписи, ограничившись приведением проблематичных чтений С. Какабадзе и П. Ингорюкв (см. ниже).

³ П. И. Ингорюкв сделал попытку в докладе, прочитанном на заседании Грузинского общества истории и этнографии 15 января 1927 года, понимать ее как албанскую параллель второй надписи храма о Бакурдухте, исходя от данных удинского языка (содержание доклада дано в газ. «Комунисти» от 22 января 1927, № 17).

С. Н. Какабадзе дважды касался этой надписи — в докладе на заседании того же Общества 20 июля 1923 года (С. Какабадзе, Саисторио дзебани, Тб. 1924, стр. 82) и 22.X.1927 года на заседании Кавказского историко-археологического института (Бюллетень КИАИ, № 4, Т. 1928, стр. 6—7), давая несколько различное чтение. П. И. Ингорюкв относит надпись к рубежу V и VI вв., а С. Н. Какабадзе относит как надпись так и самую постройку к середине IV века (ср. также обзор вопроса в ст. А. Г. Шанидзе, стр. 56, а также библиографические добавления в ст. Л. М. Меликсет-Бека, «Материалы по истории Азербайджана», Труды Музея истории Азербайджана, т. II, Баку 1957, стр. 64—65).

гается общая высота вершины арок под куполом¹.

Третья четко выделяющаяся реставрация храма падает на XVI век. В это время вывели на северо-восток от него высокую башню с колокольной, включенную позднее в кольцо крепостной стены, окружившей собор. Весь характер постройки ее ближайше совпадает с дворцовой постройкой в Грени, ц. Мтавар-Ангелози там же и Ахали Шуамта. Подтверждение этой датировки превосходной башни с колокольной я вижу в следующих словах сигеллиона царя кахетинского Александра I от 1597 года: უამთა სიგრიძისა და ვითარებისაგან თქუენი [წმიდა ნინოს] ტაძარი მოშლილი და დაქუეული იყო და [მამამან ჩუენმან] მეფემან პატრონმან ლეონ ახლა მეორედ აღაშენა და შეამკო ყოვლითურთ, *т. е. „от времени и стечения обстоятельств храм ваш (святой Нины) был разорен и разрушен и (отец наш) царь государь Леон восстановил его и украсил всячески“*². Таким образом, здесь прямо говорится о реставрации собора; это подразумевает общее восстановление, укрепление и возвышение данной кафедры, как культурного центра, а также создание внутреннего и наружного украшения храма (алтарная преграда, новые проходы внутри, фресковая роспись и другие исправления), а равно и постройку колокольни. Эта строительная деятельность Леона (1520—1574 г.) падает, видимо, на 50-ые годы, ибо сохранился один его сигеллион Ниноцминдскому кафедралу (№ 225), датированный 1553 годом³, второй же большой его сигеллион с пожертвованиями Ниноцминдскому кафедралу, упоминаемый в грамоте Имам-Кули-Хана 1703 года⁴, до нас не дошел. Вероятнее всего, недошедший документ представлял дошедшему и содержал в себе прямые данные о реставрациях и строительстве Леона.

Четвертый период реставрационного порядка точно означен надписью 1671 года. С запада

перед входом в собор пристроили притвор из кирпича; кладка кирпичная здесь менее тщательная, чем в колокольне. Средняя часть притвора имеет перекрытие купольным сводом; на юг и на север притвор расширен двумя ливанами (табл. 162-b). Снаружи же он перекрыт двускатной кровлей, а стены обработаны в характере кирпичных построек XVI—XVII веков (табл. 162-a).

Внутри притвора над входом в собор вставлена большая каменная плита над резной каменной же рамой двери. На этой плите вырезана следующая грузинская надпись гражданским письмом (табл. 159-a)⁵.

ნებითა და შეწევნითა ღთისათა კელ ვყავ
ენდრონიკ^{განახლებად}შვილმა ნინოწმიდეღმა ნიკოლოზ და
[გარ]ეთ ავურითა დავახატვინე კანკელი და
შევაშვევ ს^{განვახლებ} და აღვაშე
[ნე] კარის ბქე: ზ შემწეო ჩემო და შ^{მშობელისა მისისა} ღისა და
მემკვიდრებელო წმიდაო ნინო შეიწირე მცირე
და ნაცულად მაგე ღღესა მას დიდსა განკითხვი-
სასა ამნ ქკსა ტნთ.

Волею и вспомоществованием бога предпринял восстановление я, Эндроникашвили ниноцминдский епископ Николай, и восстановил снаружи кирпичом, распорядился расписать алтарную преграду и украсил полностью и выстроил притвор. О, покровительница моя и после бога и его родительницы приемница святая Нина, прими малый этот труд и взамен сего [ходатайствуй] в день тот великий суда. Аминь. В короникон 359 (+1312=1671).

Из текста надписи следует вполне ясно, что произведена наружная починка кирпичом, алтарная преграда покрыта росписью и пристроен притвор. Отсюда следует предположить, что сама эта кирпичная преграда была выведена еще до Николая Эндроникашвили и что он рас-

¹ Ср. также только что цитированные таблицы. На разрезе эти кубы не показаны ввиду недостаточной четкости формы.

² Что такие выступающие контрфорсами части устоев под арками купола, которые не несут никакой нагрузки верхних частей, встречаются в позднее время, подтверждает не только реставрация тетраконха в Гавази, но еще более красноречиво церковь в Чикаани (см. ниже, гл. VIII), которая была выстроена в конце XVI века.

³ С. Какабадзе. Исторические документы, III, 90; Т. Жордания, Хроники и др. материалы, II, 429. Другие грамоты Александра для Ниноцминда от

1595 и 1597 г., см. там же, III, 87. (Хрон. II, 428) и III, 89 (Хрон. II, 428—429).

⁴ С. Какабадзе, Исторические документы, III, 63—64. Хроники и др. II, 396.

⁵ С. Какабадзе. Статьи и материалы по истории Грузии (по-груз.), стр. 5, строки 30—33. Акты Кавказской Археографической Комиссии. I, стр. 11—16 = Хроники и др. материалы, II, 429—430.

⁶ Впервые помещена в статье Алексея Гулисашвили с незначительными неточностями (газ. Дрозба, 1884, № 225). Затем издана Л. М. Меликсет-Бекком (газ. Сахалхо Сакмэ, 10.XI.1920 г., № 974).

საქართველოს
საქართველოს
საქართველოს

порядился только покрыть ее росписью; далее естественно следствие, что и боковые двери в восточные дополнительные помещения также пробиты раньше него, т. е., вероятно, при царе Леоне в середине XVI века. Содержание надписи косвенно говорит о том также, что сам собор имел роспись. Действительно, сохранившаяся часть ее только в некоторых местах кажется подновленной, именно в тех местах, где изображения отцов церкви слабее сделаны, чем композиция конхи. Таким образом, под словом «украшение храма» (шемкоба) царем Леоном может быть понимаема и фресковая роспись ее, выполненная в сочных, ярких и сильных тонах¹.

К реставрации 1671 года относится не только постройка кирпичного притвора, но также кирпичный карниз на всех полукружиях собора и мелкие исправления здания кирпичом же. Епископ Николай кроме этого еще украсил и сузил дверные проходы в храм каменными резными рамами. Такая рама полностью удержалась в западном входе (табл. 158); в северной же сохранилась лишь часть ее (табл. 161-а). Кроме того, однако, имеются еще две аналогичного вида резные каменные части, вероятно, от южного входа, использованные как материал: одна — в дверном проеме на втором этаже башни с колокольной, вставленная дополнительно, и другая — верх прохода в ограде собора к дому епископа Тусисшвили (табл. 161-б). Две первые балки покрыты даже одним и тем же орнаментальным мотивом.

Имеется еще указание на реставрацию и даже перестройку собора во времена царя Ираклия II. Пл. Иосселиани сообщает, что епископ Михаил вывел заново чрезвычайно высокий барабан с куполом. Однако, передаваемое в устной традиции имя епископа неправильно². Но такого рода крупный ремонт-реставрация был фактически проведен и отмечается в завещании епископа Саввы Тусисшвили от 1774 года, на копию которого обратил мое внимание поэт Г. Н. Леонидзе. В этом документе, интересном и по языку и по обилию терминов,

но не отличающемся полной ясностью, Тусисшвили сообщает, что он приступил к ремонту-реставрации храма и в первую голову его купола с барабаном, так как для всех было очевидно, что «купол-венец этой моей церкви так был ветх, что постоянно пребывали в опасности (его) разрушения». Пришлось развалить обветшавшие части, что стоило больших трудов и поломки железных инструментов. «Как ни длилось, все же разрушили». Затем следует витиеватое самовосхваление, которое, видимо, одновременно должно служить оправданием того, что прежде всего повторили старые формы барабана: «...так как тот старый барабан так был возведен, то, что другое можно было сделать, как не начать опять оттуда же. Я взялся за этот давней стройки барабан и поднял на большую высоту это мое новое творение... Закончил верх прочной кладкой кирпича и украсил доброкачественным водружением... креста». Далее Савва сообщает о починке окон и пола в храме и отмечает возведение им нового престола взамен прежнего, который «был утверждён сзади (у кан-кердз) и сделан со ступенчатостью, что неправильно». По-видимому, он указывает на остатки трона Ниноцминделей у самой стены абсиды под средним окном. А о жертвеннике пишет, что он «находился отдельно» (цал-кердз), в северо-восточном закруглении; «его не снес, но в том большом алтаре сделал другой, построив его из тесаного камня».

Ввиду большого интереса всего этого документа, ему посвящено специальное исследование С. В. Барнавели: Документ Саввы Тусисшвили «Андердзисебрни Гуцани», напечатанный с воспроизведением текста в III томе *Ars Georgica*, Тб. 1950 (текст на стр. 225—235).

Одновременно с этой реставрацией Савва Тусисшвили значительно обстроил свою епископскую резиденцию. Естественно, что тогда именно могли быть произведены перенос и использование резных плит из дверных проемов внутрь колокольни.

в его Путевых записках по Кахетии, Тб. 1846, стр. 29—31. Такого епископа Михаила между 1750 и 1771 гг. по другим источникам не видно. В это время ниноцминдским епископом был Савва Тусисшвили. Что собор имел с самого начала и в указанное время также купол в центре его, говорит только об особенно сильном повышении барабана снаружи. Ведь еще царевич Вахушти в своем замечательном труде, написанном между 1724 и 1745 годами, отмечает о Ниноцминда: «На этой речке находится Ниноцминда, церковь величественная с куполом» (*Déser.*, p. 292; изд. 1941, стр. 90; рус. пер., стр. 104—105).

¹ Д. П. Гордеев (Бюллетень КИАИ, 5, Лнг. 1929, стр. 24), отмечая богатство росписи (применение золота), значительное мастерство ее, говорит, что она «по стилю родственна ряду грузинских миниатюр XVII—XVIII вв.».

² Это предание передают Пл. Иосселиани (Описание древностей города Тифлиса, 1866, стр. 133), Дм. Бакрадзе (Кавказ в древних памятниках христианства, 1875, стр. 98) и Л. М. Меликсет-Бек (Сахалхо сакмэ, 1920, № 964). — Следует, однако, отметить, что это сообщение, впервые приводимое в названном труде Пл. Иосселиани, не упоминается

Обвалился собор при землетрясении в 1824 году¹. Дальнейшее его разрушение произошло в 1848 году. С тех пор развалины его стоят, видимо, без существенных изменений.

Пл. Иосселиани сообщает об обстоятельствах, вызвавших разрушение, очевидно, изустно передававшегося рассказа. «Около 1750 года Ниноцминдский епископ Михаил (Микел) вздумал над сплюснутым сводом надставить конусообразный грузинской архитектуры купол, поражающий взоры издали, но давивший ветхие, времен еще дохристианских, стены. Царь Иракий, по дороге в Сигнаг в 1771 году видел эту надстройку и сказал епископу, хвалившемуся трудами: «Ты украсил храм, но убил его». Ровно через 70 лет (в 1824 году) исполнилось слово царя мудрого. Купол от землетрясения пал. В 1848 году и остальные стены разрушены»².

Анализ. — Ниноцминдскому кафедралу принадлежит совершенно исключительное место в истории грузинской архитектуры. Нет второго примера данного типа постройки. Однако, тип ее ближайше родственен по своему плану и по конструктивной мысли с другим, хорошо известным типом ряда грузинских храмов конца VI и начала VII веков, именно с типом Джвари во Мцхета³.

Как в только что названных храмах типа Джвари, так и в Ниноцминда рукава креста основного тетраконха раздвинуты и между каждой парой их абсид вдвинуты особые дополнительные помещения. Другими словами, в зданиях обоих типов стремились получить расширение площади, благодаря чему было возможно создать значительно более мощный купол в центре, чем в простых тетраконхах с рукавами той же длины радиуса. Таким образом получаются угловые помещения, которые хотя и соединены с центральным пространством здания, но все-таки достаточно самостоятельны и прежде всего доступны каждое порознь через особый вход снаружи.

Этот общий обоим типам признак расширения пространства позволил создать крупное по размерам сооружение. Как в храмах типа

Джвари, так и здесь в Ниноцминда исходным пунктом всех стремлений архитектора было найти новое пространственное решение и это ему действительно удалось. Фасадный же облик является настолько подчиненным внутренней композиции пространства, что самостоятельной художественной законченности не получилось. Это целостное, законченное внутри пространство освещено было в Ниноцминда окнами в барабане купола, и дополнительно окнами и входами в абсидах. Угловые же помещения были при этом относительно слабо освещены главным образом из центра через арочные пролеты.

Как сказано, исходным образом для композиции новой архитектурной формы был простой тетраконх. Дальнейшее развитие эта мысль искала и нашла его в тех же рамках. Поэтому произведение архитектора в Ниноцминда по-настоящему центральная композиция, определенно выдерживающая строгую симметрию частей. Глазам вступившего внутрь кафедрала открывалось сразу полностью все его пространство, даже формы угловых помещений. Едва ли нужно особо подчеркнуть, что и вверх весь барабан с куполом, как главный источник света в храме, был открыт перед зрителем. Освещенность убывала от окон барабана, как бы ступенями, вниз, где прибавлялись новые источники света, особенно обильно через три окна алтаря. И в этом отношении также архитектор Ниноцминда является предшественником гениального творца храма Джвари Мцхетского, который построил по той же схеме структуру освещения храма, как в отношении распределения и концентрации света, так и в градации освещенных и полуосвещенных частей; наконец, и в алтаре он создает сильный акцент освещением через три окна.

При строгой симметричности плана по четвертям его архитектор в Ниноцминда удлинил каждый рукав креста вставленными перед абсидами бедами. Несомненно, это обусловлено как желанием увеличить площадь помещения, так и в особенности конструктивными соображениями — обезопасить устойчивость здания против давления и распора барабана с купо-

ший в 1846 году, пишет глухо, что купол обрушился в недавнее время.

Ср. также Л. М. Меликсет-Бек (Сахалко Сакмэ, 1920, № 974) и Ал. Гулисашвили. (Дрозба, 1884, № 225).

² Описание древностей города Тифлиса. Т. 1866, стр. 133.

³ См. мою Историю грузинского искусства, I, глава 2 (по-груз.) и Памятники типа Джвари, стр. 123 слл.

¹ Пл. Иосселиани, Описание древностей города Тифлиса, 1866, стр. 133 (132); Бакрадзе, Кавказ в древних памятниках христианства, Т. 1875, стр. 98. В Путевых записках по Кахетии же (стр. 30) тот же Пл. Иосселиани сообщал, что собор, «потрясенный от времени в 1834 г., утратил богато украшенный скульптурной работой купол». Какая дата правильная, не могу сказать. А. Н. Муравьев (Грузия и Армения, 1848, I, стр. 115), путешествовав-

лом. Это вызывалось намеченными крупными размерами кафедрала. В этом также сказывается совпадение в аналогичном решении проблемы архитектором в Ниноцминда и архитектором Джвари, который еще более ярко выявил эти методы и еще более сильно использовал их в «создании» своей пространственной композиции.

Угловые помещения также вполне обеспечены от распора купола особым формообразованием плана и возведением и массивностью стен. Мне кажется, что именно эти соображения устойчивости и прочности продиктовали нашему архитектору форму и толщину стен. Каждое угловое помещение связано с главным пространством кафедрала широкой и высокой аркой, но оно одновременно является достаточно самостоятельным, что особенно подчеркивает наружная входная дверь. Это устройство обеспечивало использование этих угловых помещений для каких-либо особых церковных надобностей, как помещение для женщин, для оглашенных, или даже как баптистерий. По плану они представляют собой совершенно своеобразную форму; она идентична с формой плана южного, закрытого помещения в Болнисском Сионе, прославленной епископской базилике, возведенной с 478 по 493 гг.¹ Это помещение в Болниси доступно только из самой базилики; по всей вероятности это — помещение крещальни. Такой формы помещения известны в качестве крещален в древне-христианской архитектуре.

Ниноцминдскому архитектору не суждено было добиться приятного наружного облика своей композиции. Ниноцминдский кафедрал является как бы нагромождением, довольно бесформенным, полукружий громадной высоты и объема, которые едва расчленены в средних частях оконными и дверными проемами. Следовательно, и в этих внешних формах его проступает совершенно отчетливо исходный тип развития форм Ниноцминдского кафедрала, именно тетракоих типа Дзвели Гавази с его нечлененными полукружиями. Только алтарная абсида получила уже и в Ниноцминда частичную пятигранность формы. Это несомненно подсказано наличием трех окон в алтарной абсиде кафедрала. Ниноцминдский архитектор захотел яснее очертить каждое из этих трех окон, посадить их на определенное место, а не растворить как бы в безбрежной поверхности

полукружия. Вследствие этого получились пять граней этого полукружия. Что это именно окна подсказали такое формирование, такое новшество нашему архитектору, явствует из рассмотрения наружных входов в угловые помещения. Они перекрыты сплошными каменными балками, выпрямляющими в этих по крайней мере местах стену.

Таким образом, алтарное полукружие Ниноцминда с его тремя окнами и вызванной этим граненностью является исходным пунктом тенденции создавать снаружи многогранную форму полукружий. На месте расплывчатой, невыявленной по своей структуре, так сказать бесхребетной формы полукружия выступает новая оформленная и члененная, многогранная — трех- или пятигранная — форма абсиды. И действительно, творец Джвари Мцхетского полностью извлек все следствия из этого новшества — каждый из абсидальных выступов его композиции четко очерчен тремя гранями². Он творит здесь сознательно, идет к ясной цели, создавая с ясным расчетом членение масс так же, как он на месте нагромождения полукружий создал единую четко члененную композицию, которая лучше отвечала стоявшей перед ним задаче.

Анализ форм Ниноцминдского кафедрала показывает, что они непосредственно связаны с простым тетраконовым планом и что они являются ближайшей параллелью в отношении решения задачи дальнейшего развития этой храмовой формы в направлении типа Джвари Мцхетского. Решение проблемы, с которым мы столкнулись в Ниноцминдском кафедрале, представляется еще примитивным, неумелым, почти беспомощным. Кроме того, оно еще тяжеловесно и — что касается особенно формы угловых помещений — надуманно. В Джвари Мцхетском к решению своей проблемы архитектор подошел много проще, прозрачнее, с большим художественным пониманием и строительной логикой, которыми оправданы и все частные требования. Оба храма являются грандиозными архитектурными концепциями, созданными выдающимися архитекторами, компановавшими свои произведения с полным пониманием величия храмового пространства. В таких элементах, как основной принцип плана церкви, в котором раздвинуты четыре абсиды и между ними установлены угловые помещения, что повлекло за собой увеличение диамет-

¹ См. мою монографию в IX т. Известий ИЯИМК, Тб. 1940, стр. 24, 128—130, 147 и рис. 1, 16.

² То же относится, конечно, и ко всем последующим

примерам того же рода, как Шуамта, Кисисхеви, Вацнадзиани, Некреси.

ра купола, как включение бем перед каждой абсидой, как три окна в алтарной абсиде, как многогранность наружных форм алтарного закругления, проявляется непосредственная связь и преемственность, а затем дальнейшее развитие форм, впервые примененных как бы ощупью в Ниноцминда, и уже с полным сознанием и пониманием эффекта в Джвари Мцхетском. Эта связь столь значительна и важна, развивающаяся в одном общем направлении творческая энергия присуща обоим настолько ясно, что предположение о личной близости обоих архитекторов не кажется мне голой фантазией.

Архитектурно Ниноцминдский кафедрал является ярко выраженной переходной формой, ведущей к формам типа Джвари Мцхетского. Что касается хронологической последовательности, то и в этом отношении он предшествует Джвари. К этому основному мотиву присоеди-

няются далее еще отдельные характерные черты, которые позволяют считать эту постройку выведенной одновременно с постройкой так назыв. малой церкви Джвари Мцхетского. Такими значительными и характерными частностями являются внешние полукружия, известные в постройках Грузии предыдущего времени и до середины VI века, как, напр., в Болнисском Сионе или в близлежащей к нему церкви Квемо-Болниси (теперешнее с. Болнис-Капанакчи), равно в тетраконе Дзвели Гавази; далее материал постройки, представляющий идентичным с материалом малой церкви Джвари Мцхетского; наконец, западный портал кафедрала, повелительно вызывающий картину портала именно этой только что названной церкви третьей четверти VI века. Таким образом, Ниноцминдский кафедрал представляется мне фактически постройкой, возникшей в третьей четверти VI века.

3. ЦЕРКОВЬ ПРЕСВЯТОЙ ТИПА ДЖВАРИ В МОНАСТЫРЕ ДЗВЕЛИ ШУАМТА

Описание.— В монастыре Дзвели Шуамта севернее выше описанной базилики находится купольная церковь, включенная в мое исследование о памятниках типа Джвари, как один из представителей его. Здесь нам придется снова коснуться этой церкви, чтобы найти ее место в общей картине развития архитектуры в Кахетии. Поэтому приходится снова дать и самое описание церкви, едва расширив приведенное в «Памятниках типа Джвари».

Описываемая церковь есть миниатюрное повторение изучаемого типа и в частности образца его в Джвари Мцхетском. Эти миниатюрные размеры отвечают вполне размерам базилики. В конструктивном отношении эта миниатюрность постройки повела к упрощению в некоторых отношениях, но общие пропорции сохранены полностью (генплан и табл. 5, 6, 7).

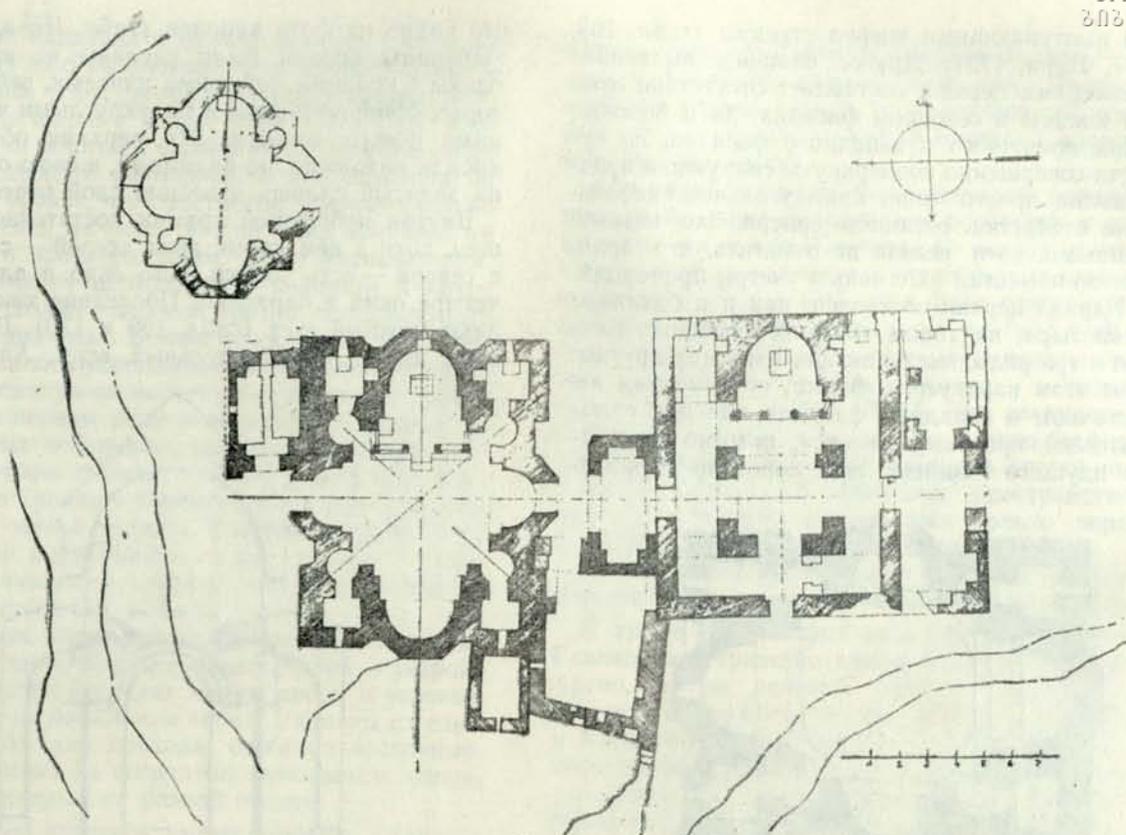
План церкви крестообразен с удлинением оси Ost-West; по углам выделены особые помещения. Переход от среднего подкупольного квадрата помещения в угловые комнаты образуют ниши в три четверти круга, расположенные по углам квадрата; из них ведут двери. Постановка этих ниш по отношению подкупольного квадрата не вполне регулярная: они размещены скорее параллельно продольной оси здания, чем по диагоналям квадрата. Положение четырех угловых тропь над ними создает правильную форму восьмигранника. Указанное

соотношение явственнее всего прослеживается в юго-западном углу, в остальных же довольно слабо. Снаружи выделены ниши по сторонам трехгранных выступов абсид — треугольные по восточному и западному фасадам и прямоугольные по южному и северному (табл. 163, 166-b, 167, 168-a, 172).

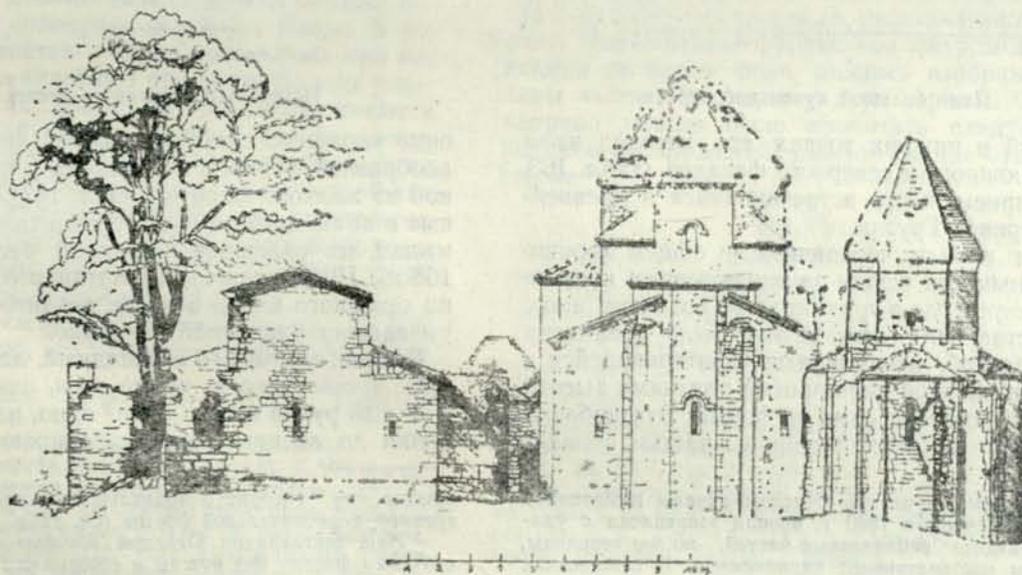
Церковь сложена из ровных рядов булыжника крупных размеров и достаточно правильной формы. Все наружные углы церкви сложены из больших, ровных квадратов желтого ширими, положенных длинным концом поочередно то в одну, то в другую сторону.

Как сказано, соотношение высоты и ширины выступов в середине фасадов, равно подкупольного квадрата купола, друг к другу не представляет каких-либо разительных особенностей сравнительно с прототипом. Также и односкатные кровли идут над нишами восточного и западного фасадов, как и в Джвари, сплошной линией, пересекая грани выступов; а над нишами северного и южного фасадов они не доходят до нижней линии, а кончаются несколько выше.

В отличие от Джвари Мцхетского церковь Шуамта имеет нишки по всем четырем фасадам. Ввиду кладки всей церкви из мелкого камня проходит совершенно незамеченным то, что верхние арочки этих нишек или с обеих сторон, или только с одной, вертикально зажаты, скры-

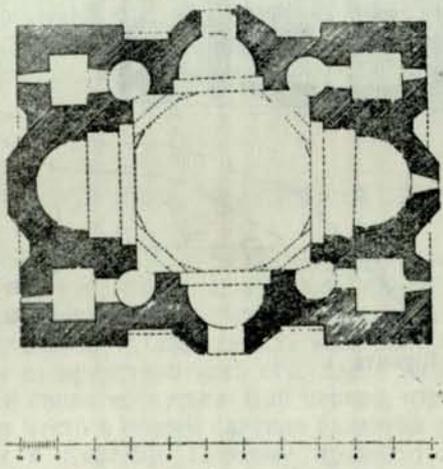
Генплан монастыря Дзвели Шуамта

Восточные фасады с пристройками во взаимной связи расположения храмов

ты выступающими вперед стенами (табл. 163, 167, 168-а, 172). Другое отличие, вызванное размерами церкви, составляет отсутствие окон на южном и северном фасадах; да и боковые окна восточного и западного фасадов, не будучи совершенно подчеркнуты снаружи, а представляя просто лишь прямоугольные, небольшие отверстия, остаются совершенно незамеченными, хотя нельзя не отметить, что архитектор поместил их с явным учетом пропорций.

Карниз церкви составлен, как и в базилике монастыря, напуском плоских каменных плиток в три ряда, выступающих один над другим. При этом характерна форма, сохраненная на восточном и западном фасадах, где под односкатными крышами имеется, помимо наклонно идущего карниза, еще короткий горизон-

План большой купольной церкви

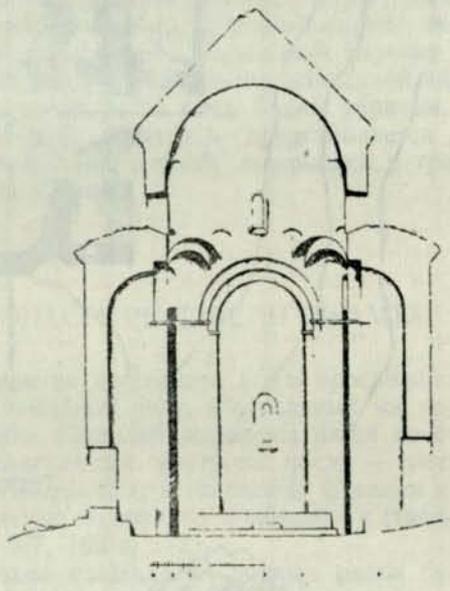
тальный в нижних точках его переход из-за угла с южного и северного фасадов (табл. 163, 167): прием, часто встречающийся в древнейших церквях Грузии.

Сами кровли черепичные, в общем хорошо сохранившиеся всюду за исключением купольного конуса, где в сравнительно позднюю эпоху господства исламских вкусов была добавлена своеобразной, неоднократно повторяющейся в Кахетии кладкой кирпичными плитками высота главы и изменена сама ее форма. Эта добавка кирпичная, с северной стороны частью отпала,

¹ При ремонте церкви Отделом охраны памятников культуры Грузии в 1940 г. кровля закреплена с удалением позднее добавленных частей, но без черепицы, а ребром поставленными кирпичиками. К сожалению, мне не удалось посетить памятник во время реставрационных работ, а уклоны скатов, как и характер по-

что видно на фото куполов (табл. 166-а, 167). Черепицы кровли были сделаны из красной глины большими, плоскими плитами, ребра которых попарно покрыты полукруглыми черепицами поверх извести. Эта верхняя оболочка кровли наложена, по-видимому, в свою очередь на залитый сплошь известью слой черепицы¹.

Внутри небольшой храм достаточно освещен, хотя в нем кроме двух дверей — с юга и с севера — есть только одно окно в алтаре и четыре окна в барабане. Последние как раз и дают нужный свет (табл. 169 и 170). Все эти окна имеют полуциркульный верх. Алтарное

Поперечный разрез на восток

окно украшено снаружи простой аркой подковообразной формы с отворотами у пят, сделанной из желтого ширими (табл. 167). Обе входные в храм двери имеют горизонтальные перемычки из сплошной каменной балки (табл. 168-а). Ширина пролетов алтарного окна, равно северного входа в храм, позднее несколько уменьшена кирпичной закладкой².

Рукава, восточный и западный, длиннее южного и северного и, кроме того, они шире их. Каждый рукав креста имеет одно, или два членения до абсиды. Арки их опираются на не-

крытия не говорят о правильности восстановления древней, первоначальной формы (см. табл. 172).

² При реставрации Отделом боковые окна по восточному фасаду без нужды и совершенно произвольно были сужены и подмазаны (см. табл. 172-а против табл. 166-б, 167).

большие капители в форме полочки с небольшой под нею выкружкой. Эти капители, как и наружные углы, сделаны из ноздреватого, желтоватого ширими (табл. 169, 170). При этом нельзя не обратить внимания на оригинальный прием зодчего: расположить эти капители на разном уровне, что собственно замечено только на чертеже; на месте это не было замечено ни мной, ни производившим обмер архитектором.

Переход от центрального квадрата к кругу купола создан системой троп, установленных здесь в два ряда. В этом сокращении числа рядов сказались упрощение конструктивных приемов. Несмотря на малые размеры самых троп, они и в первом ряду и во втором сложены из отдельных небольших, ровных булыжных камней¹. Четыре угловых тропы имеют большую лицевую арочную перемычку и затем, отступя, сделана конха тропы. Тропы опираются на основные подкупольные арки, а окна в барабане начинаются как раз на линии вершины троп (табл. 169, 171-а).

Угловые ниши имеют общую всем представителям типа Джвари форму плана и устройство сводов. Из ниш ведут двери в угловые комнаты на восток или запад. Размеры их едва достаточны для прохода, особенно восточные. Свод состоит из сегментов купольного свода, расположенных на разной высоте.

Угловые комнаты имеют немного удлиненную с юга на север прямоугольную форму. Против дверей находится по окну. Окна и двери угловых комнат имеют горизонтальные перемычки из сплошных каменных балок. В восточных комнатах сейчас поставлены при восточной стене вплотную престолы. Во всех угловых комнатах, кроме юго-западной, имеются по небольшой нише в стене. Упрощенность проявлена не только в плане и разбивке этих угловых комнат, но особенно ярко в устройстве сводов. Последние выведены не крестовыми сводами, а напуском каждого следующего ряда кладки в прямоугольник (табл. 171-б; фото снято в северо-восточной комнате).

Алтарная часть храма повышена на три ступени и, видимо, это устройство первоначальное,

¹ К сожалению, на фото это строение троп не различается.

² К сожалению, в обмере она не указана.

³ Ниша обмерена была в 1919 году М. Г. К а л а ш н и к о в ы м; имеется в черновиках разреза и плана.

⁴ Ср. G a g a r i n e, Le Caucase pittoresque, pl. LXIII 20; Е. С. Т а к а й ш в и л и, статья в журн. Georgia, № 4—5, 1937, стр. 109—111, табл XVII и XVIII. Фото таблицы XVII воспроизведено также в ст. Р. Ш м е р л и н г, Ars Georgica, т. 3, 1950, табл. 74, а фото табл. XVIII в настоящем издании на табл. 169. На алтарной

нибо по стене всей абсиды находим полочку³. В стенах алтарной абсиды ниш нет. Престол стоит посредине алтаря, он неподвижный, сложен, как и церковь, из камня и имеет с восточной стороны нишу⁴.

Алтарная преграда была сделана позднее построения. Она выведена из алебаstra и покрашена по резьбе. Состояла из низкой стенки с аркатурой на колонках и одной только дверью в середине. Еще в 1913 году была совершенно цельная и нетронутая, как видно по фото (табл. 169)⁵. Уже в 1919 году при моем первом посещении аркатура была сломана и в кусках лежала тут же (табл. 170-а). При следующем посещении, в 1936 году, лежали только бесформенные груды. Алтарная преграда слегка выдалась вперед, в купольное пространство; проход в алтарь, однако, был только через единственную дверь, посредине.

Высоту пола церкви можно установить по незначительным остаткам около северного входа.

В храме сохранились еще остатки росписи. Главное пространство храма было все оштукатурено, но не целиком покрыто росписью⁶. Роспись начиналась от пят сводов в абсидах и покрывала вверх все части до замка купольного свода, т. е. конхи, тропы, барабан купола и свод его. В своде купола находится изображение креста; в простенках барабана, — остатки нимбов еще заметны; в алтарной конхе была сидящая на троне фигура, а под нею, т. е. уже по стене абсиды и до пола — шесть фигур по три с каждой стороны окна, расставленные en face. Эти стоящие фронтально фигуры выделяются на синем фоне; подписи изображений даны частью белым, а у двух черным. Слева направо можно было прочитать следующие подписи изображений, каждая по две буквы в строке⁶

... ოქბი
 რე [ყ]ბი
 რე ოქბი
 [რე ოქბი] ოქბი
 რე ბყბ

преграде имелись приписки, которые приводит Е. С. Т а к а й ш в и л и в Археологических экскурсиях и заметках, I, Тб. 1907, стр. 271 (по-груз.).

⁵ К сожалению, скудные остатки росписи невозможно указать на фото. В своих грузинской и английской статьях Е. С. Т а к а й ш в и л и приводит некоторые иконографические данные о росписи.

⁶ Эти подписи были списаны по моей просьбе проф. Л. М. М е л и к с е т - Б е к о м в наше совместное посещение в 1919 году.

Таким образом, как сказано, роспись покрывала, по-видимому, только верхние части здания повсюду, за исключением алтарной абсиды. Но стены были оштукатурены¹.

Перед северным входом был (по-видимому, позднее) возведен портик, фрагменты которого еще сохранились (табл. 168-а). Внутри стены его, как и примыкающие части стены самой церкви, были тоже расписаны, но в ином, именно коричневом тоне. Если, таким образом, живопись самой церкви может быть отнесена к периоду расцвета XI—XII вв., то роспись в северном портике, по-видимому, позднего времени.

Помимо северного портика к северному фасаду храма пристроена до линии восточного фасада погребальная, вероятно, капелла. Карниз ее — типичной для грузинского зрелого средневековья формы выкружки. Стены этой капеллы облицованы плитами ширими, положенными проходящими рядами, что также указывает на период расцвета в средние века Кахетии².

Анализ.— Входить в подробный анализ данной церкви не представляется, конечно, нужным, да оно и невозможно без учета всех представителей этого типа. Задача эта уже выполнена ранее³. Единственно, что мы можем и должны здесь сделать — это оттенить те черты, которые характеризуют данную постройку, как подлинное произведение кахетинской архитектуры.

Как строительный материал, так и его применение — характерные черты Кахетии. Это булыжник и затем желтоватый ширими, применяемый для кладки углов и некоторых более подчеркнутых частей, как пятавые камни арок, декоративная арка над алтарным окном.

В конструкции мы видим чередование плоской перемычки и арочного завершения проемов. Тромпы имеют форму не конуса, а конхи, каковая характерна особенно для Кахетии.

В области отдельных форм и здесь мы имеем обычной формы impostы арок; полуциркулярная арка, применяемая во всех конструктивных частях, имеет рядом с этим декоративную подковообразную арку.

Таким образом, все это специфично для Кахетии.

Но зато ряд других сторон здесь упрощен и частью изменен. Так крестовый свод заменен как бы сомкнутым сводом, образованным напуском камней. Система окон упрощена. Количество рядов тропм сокращено, но все-таки и два ряда тропм содействуют игре света и тени. Равно, конечно, упрощена отделка фасадов. Вместе с этим, однако, западный фасад подобно восточному имеет треугольные ниши. Зодчий в монастыре Дзвели Шуамта не обладал крупным творческим дарованием, но имел развитый, тонкий вкус; создать западный фасад неуклюжим, с едва заметным выступом абсиды в середине стены, как то сделал строитель Атенского Сиона, точно копируя прототип, где этот фасад виден только с очень большого расстояния, — архитектор в Шуамта не мог себе позволить. Для него ценность каждого элемента в прообразе, именно в Джвари Мцхетском, была вполне ясна, он ее взвешивал вполне сознательно. Отсюда понятны и все внесенные им в свою постройку изменения — они обнаруживаются при сравнении с образцом эту тонкость и развитость вкуса. Его прельщала миниатюрность постройки, но исполнялась она с большой любовью и заботливостью, не как рабская копия.

Эта церковь, определенно приурочиваемая в итоге сравнительного анализа, параллельно с другими представителями типа, к тридцатилетию 590—620 годов, является вместе с тем одним из первых сохранившихся в Кахетии примеров миниатюрных церквей, упрощенных повторений других крупных. Во всяком случае данная церковь есть, именно, образец такого уменьшенного против образца повторения.

¹ Из этой церкви в Церковный музей была доставлена деревянная дверь с резьбой и надписью (М. Г. Джанашвили, Каталог предметов церковного музея, Тб. 1914, стр. 60—61; Е. С. Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки, IV, Тб. 1913, стр. 163—167 и рис.). Ныне находится в Музее искусств в Тбилиси.

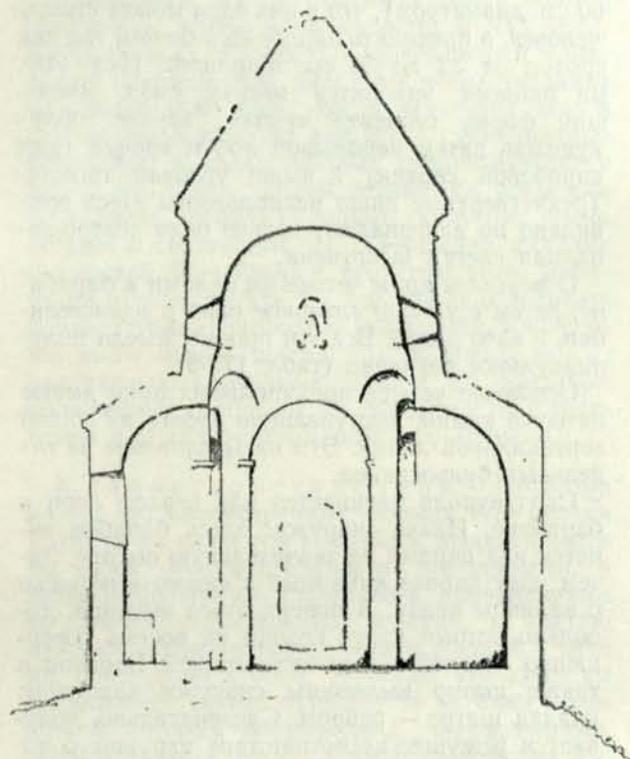
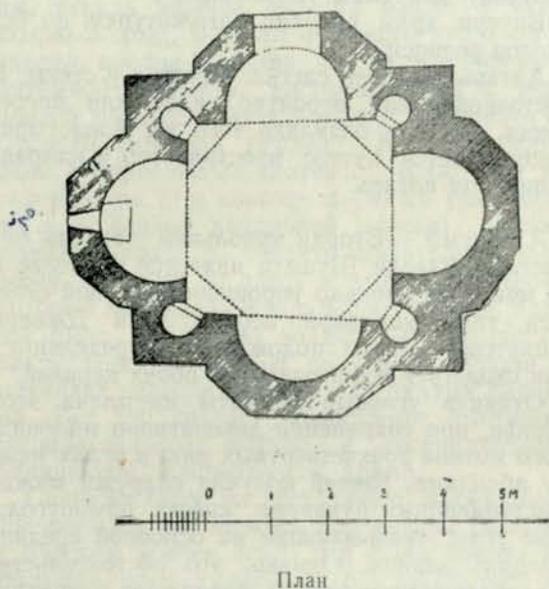
² В 1949 году остатков портика больше не сохрани-

лось, видны только на гранях выступа следы примазки. Погребальная же капелла не тронута. — Показанные на генплане застройки между купольной церковью и базиликой сняты при ремонте, равно глухая целла, примазанная к южной части западного фасада.

³ См. мое исследование о Памятниках типа Джвари. Тб. 1948, особенно глава II и таблицы. (Сжато в Истории грузинского искусства, I. 1936).

4. ВТОРАЯ КУПОЛЬНАЯ ЦЕРКОВЬ МОНАСТЫРЯ ДЗВЕЛИ ШУАМТА

Описание.— В том же монастыре Дзвели Шуамта на северо-восток от первой купольной церкви находится вторая, почти вдвое меньшая¹. Характер и этой постройки таков, что я бы полагал возможным считать и ее построенной тем же зодчим, что и первая. Она один из новых вариантов того же плана, что и первая церковь, в ней откинута угловая комнаты совершенно и пропущены также бемы перед абсидами. Но трехчетвертные ниши по углам сохранены, как декоративный, очевидно, мотив. Внутри это — тетраконх, где, однако, каждая абсида не сходится под углом со смежной, а, наоборот, она разделена от нее. Это подход, начатый в Ниноцминда и законченный Джвари

Мцхетским. Между раздвинутыми, разделенными абсидами вставлены трехчетвертные ниши. Это, конечно, отражается и на внешнем виде храма (табл. 5—7, 163—165 и 173—177).

Сохранность этой церкви хуже других; к тому же она сильнее переделана: единственный вход переложен — понижена арка и выложена кирпичом стрельчатой формы (табл. 173). Так было до 1925 года, когда от этой постройки не осталось и следов. Во время ремонта Отделом охраны в 1939 году, вход этот, к тому времени еще обвалившийся (табл.

174-а), был полностью обновлен (табл. 176). Однако древние формы не были соблюдены: создана арка с небольшим изломом, сложенная из пиленых плиток ширими, а также чинены и прилоки по фасаду. А между тем древняя арка входа, сохранившаяся внутри храма (см. на табл. 173 и 174-а, как бы в глубине), имеет четкую полуциркульную форму.— Кроме того,

древняя переделка коснулась купола: сильно вытянут барабан его и затем шатер кровли (разрез).

Сложена эта церковь, как и остальные, из булыжника с угловыми частями из желтоватого ширими, также попеременно выпускающего то в одну, то в другую сторону более длинный конец (табл. 173—175-а и 163—165).

Над восточной частью особенно ясно, но и над другими, сохранились остатки древнего карниза из нависающих рядов плоских каменных плит, как и в большой купольной церкви (табл. 164, 165). При ремонте весь древний карниз заменили сплошь новым из трех кир-

¹ См. генеральный план на стр. 247.

ничных уступов. Кроме того, виден починенный карниз из кирпича, но в той же форме и тоже лишь в сбрывах. От первоначальной кровли ничего не заметно, хотя, может быть, под густой зарослью что-нибудь и сохранилось.

Церковь представляет небольшое сплошное пространство, почти такое же высокое, как и широкое (табл. 177). Четыре рукава креста выступают за линию квадрата только полукруглыми, бем нет. В углах квадрата сделаны ниши, круглые в плане и столь маленькие (около 60 см. диаметром), что в них едва может стоять человек, а проходить приходится боком, так как проход от 32 до 36 см. шириной. Над этими нишами находится сверху свод, имеющий форму сегмента купола, вернее полукуполок, затем небольшой лоб и арочка (или коробовой сводик), а выше угловая тремпа. Трехчетвертные ниши расположены здесь правильно по диагоналям; только одна северо-западная слегка выкручена.

Освещался храм четырьмя окнами в барабане, затем есть еще алтарное окно и единственная, с юга, дверь. Все эти проемы имели полуциркульное венчание (табл. 175-а).

Основные четыре подкупольных арки имеют пятовые камни, выступающие просто из общей вертикальной линии. Эти пяты сложены из отдельных булыжников.

Свод купола начинается над верхом окон в барабане. Иначе снаружи: здесь барабан тянется над окнами на значительную высоту. Затем идет карниз каменный в форме выкружки с валиком внизу. А поверх этого высокий, довольно острый конус крыши на восемь совершенно гладкой поверхности граней. Барабан и также шатер выложены снаружи кирпичом; кладка шатра — ребром. Следовательно, получается режущее несоответствие наружного вида с внутренним: поверх древнего перекрытия создано повышение стен, пустое пространство и затем новая кровля на исламский лад (разрез и табл. 5—7, 163—165, 173—176). Центральная часть купольного свода изнутри выложена также из кирпича, т. е. является несомненно починкой свода, быть может, вызвавшая или потянувшая за собой всю переделку купольной части¹.

Снаружи церковь представляет с каждой стороны симметричное построение. Из гладкой стены каждого фасада в средней части высту-

пает на пять граней абсида. Таким образом, между каждой парой этих пятигранных выступов находится еще прямоугольный выступ, которым оформлены внутренние трехчетвертные ниши. Над ними видны углы над тремпами подкупольного квадрата².

Во время производства ремонтных работ и очистки участка вокруг храма, с северной стороны его была открыта в центральной грани выступа, на уровне земли, арка хода под храм — высотой до 70 см., при ширине основания ее в 120 см. Этот ход под храм делает уступ на меньшую ширину арки с 90-го см.; он делается в половину уже по основанию и размещен в западной половине широкого внешнего отрезка (табл. 174-б и 175-б). На глаз этот ход прочищен, вероятно, под церковью примерно на 1½ м. Очевидно, это ход в усыпальницу или сама усыпальница.

Внутри храм сохранил штукатурку, но без следов росписи.

Алтарь повышен слегка. Престол у стены. В восточной части, вероятно, склеп, или погребения, как и в базилике того же монастыря: нащупывается пустое пространство в направлении под алтарь.

Анализ.— Вторая купольная церковь монастыря Дзвели Шуамта является не более и не менее, как только упрощением первой стоящей там купольной церкви типа Джвари Мцхетского. Этим положением определяются как сходства, так и различия обеих церквей.

Откинув угловые комнаты из плана этой церкви, при сохранении декоративно миловидного мотива трехчетвертных ниш в углах между абсидами, зодчий получил снаружи между выступающими рукавами креста прямоугольные углы, указывающие на основной средний квадрат здания. Однако, это обстоятельство не заставило его сделать все рукава одинаково длинными; он одну пару сделал более плоскими, а другую более вытянутыми. Но в обоих парах бемы оказались элиминированными за ненадобностью. Получился упрощенный и в общем почти симметричный план. Но почему же, так ясно отбрасывая излишнее для этой совсем миниатюрной церкви, ее зодчий оставил, несмотря на явно малоприспособленную для каких бы то ни было надобностей, затею угловых круглых ниш? Вопрос этот не решается про-

¹ В разрезах, исполненных арх. М. Г. Калашниковым в 1919 году для Кабинета истории искусства, а также в повторении их в 1939 году для Отдела охраны — высота свода показана неправильно.

² Во время ремонта развалившиеся углы восточного фасада починены, как и входной проем, а также и разные другие потревоженные части фасадов кирпичом, что сильно исказило впечатление характера здания.

стым указанием якобы на безграмотность строителя¹. Нет, здесь архитектурное значение их им действительно брошено, но зато они сохранены ради их художественно-живописных качеств. Эти угловые ниши создают чередование форм самой церкви с богатой скалой света и тени в церкви. Принцип освещения ее тот же, что и в первой купольной церкви — главный его источник четыре окна в барабане. Свет струится сверху и проходит, прежде чем осветить все пространство храма, промежуточные, менее освещенные полости в закругленных угловых тропях, абсид и угловых ниш. Получается мягкая волна с легкими переходами.

Поставив себе задачей создать такое миниатюрное строение с вполне ясными, простыми формами как внутри, так и снаружи, зодчий посчитался с этим и в отношении входов. Он сделал всего один вход — с юга, с той стороны, откуда вообще имеется общий к монастырю подход. Второго северного входа он не сделал, вполне понимая, что из обособленной, интимной капеллы, располагающей к уединенной молитве и богослужению, получился бы какой-то сквозной проход². Конечно, кроме окон в барабане он сохранил только еще алтарное окно (это впрочем было им уже сделано и в первой купольной церкви), долженствующее сразу же указать ориентацию входящему. Откинул он здесь и второй ряд тропей, который мы видели еще в первой церкви. Здесь они были бы только излишне беспокоящими закруглениями. Самую полусферу купола он начинает непосредственно над окнами барабана. Все это создает впечатление интимного, располагающего именно к созерцательной, уединенной религиозности, храма.

Снаружи такое же впечатление должна была производить эта церковь при низком барабане и плоском конусе его³. Эта была совсем небольшая, очень спокойная, без какой-либо эффектности или представительности, без зыбких пропорций постройка, но обнаруживающая развитой вкус строителя, умное умение его взвесить все частности, чтобы достигнуть приятного, спокойного, удовлетворенного чувства.

Все это те индивидуальные качества строителя, которые мы отметили и в обеих предыдущих постройках монастыря. Другими словами ясно, что это постройки одного зодчего, своего монастырского зодчего. Отсюда, конечно,

¹ Этого приходилось уже касаться в исследовании о «Памятниках типа Джвари».

² Зато, как это выяснила расчистка участка (с севера), он сделал ход в погребальную камеру под храмом.

естественное следствие, что он являлся одним из братьев монастыря, был, скорее всего, настоятелем его. Он при росте монастыря на своем веку еще успел снабдить его этими церквями, указывающими и своим расположением на площади монастыря самую последовательность возведения. Естественно предполагать, что и погребальную камеру под храмом со входом в нее, обработанным с севера, он построил в этой именно церкви для своего погребения, как он уединялся в ней при жизни.

Монастырь Дзвели Шуамта был в полном запустении, почти неизвестности, в XVI веке, когда основан вблизи его другой новый монастырь Шуамта. Это дает нам ясное указание на предельный срок, когда мыслимы еще в старом монастыре те или иные существенные переделки. К числу таковых именно относится переделка главы данной церкви. Ее повысили и, главное, снабдили новым конусом, очень острым и состоящим из совершенно гладких плоскостей. Предельным временем этого изменения нужно считать XV век, ибо оно подразумевает функционирование монастыря. Как формы этого нового шагра, так и кладка его из квадратных кирпичных плиток на растворе, положенных ребрами по поверхности, характерны для архитектуры позднего времени.

К характеристике типа. — Несмотря на то, что рассмотренные только что церкви Шуамта не являются крупными, выдающимися по своей монументальности постройками, а лишь небольшими, скромными проявлениями тогдашних строительных исканий, я считаю нужным остановиться на общем вопросе о типе их, собственно второй. Я делаю это здесь со специальной целью оттенить те из моих положений, которые расходятся с утверждениями, выставленными проф. Иосифом Стриговским в его выдающемся исследовании об армянской архитектуре, постоянно привлекаемом мною для сравнения, и которые я высказал как в исследовании о церквях типа Джвари, так и в предыдущих отделах настоящей работы.

Ранее отмечалось, что Стриговский, считая основу кавказской архитектуры, именно купол над квадратным пространством, происходящей из Ирана, а не местной, видит как раз в применении к ней новых требований христианского храма, как такового, специфически кавказское (у него, конечно, «армянское») до-

³ Пропорции барабана к церкви и уклоны кровель наглядно могут быть отмечены по церквочке Давитиани близ Вазисубани.

стижение. «Одной из неотложных потребностей была необходимость обособить купол как отдельную ячейку, и вместе с тем так увеличить ее пространственно в размерах, чтобы вся община могла в ней уместиться... Обособление купола и повышение его величины шли рука об руку с необходимостью предотвратить его распор... Раскрыть стены можно было, только выдвинув вперед наружные стены... Я бы без колебания предположил, что поводом к этому послужило требование богослужения иметь абсиду, если бы только можно было доказать, что восточная абсида действительно принадлежит к самому началу к особенностям архитектуры армянской церкви»¹. В дальнейшем он еще раз подчеркивает свою мысль: «Купол требует ведь противодействия распору, ибо иначе силы давления приведут его рано или поздно к падению. Увеличение и обособление приводят поэтому с необходимостью сами к изменениям состава здания. Противодействие распору достигалось прежде всего круглыми обращенными против купольного пространства выемками»². Таким образом, здесь никакого специального обоснования для «купольных квадратов с опорными нишами» (Kuppelquadrate mit Strebenischen), как исходных форм дальнейшего развития, нет. А между тем все эти положения приведены как раз во вступлении отдела, трактующего о них. В следующем отделе о «чистых зданиях с опорными нишами» (reine Strebenischenbauten) имеется только легкий отвод проблемы³, так и не развитой и не доказанной на протяжении всей книги. Тезис этот остается только типологическим построением. Правда, отсюда и от некоторых удобств прямолинейного показа развития конструктивных элементов (трупы

против парусов) утверждение его, действительно, представляется на первый взгляд очень ясным и прозрачным. Но схема эта не есть, по моему убеждению и как я стараюсь показать на анализе фактического материала, отражение, воспроизведение действительного процесса развития.

Я показал, что тип Джвари Мцхетского, затем Ниноцминдского собора непосредственно связан с простым тетраконхом вроде Гавазского. Само это развитие твердо приурочено ко второй половине VI века⁴. В первой половине VII века значительно расцветает тетраконховый тип в той его разновидности, которая отличается созданием пышных аркатур в нижних частях абсид и затем круглых обходов.

Вместе с тем, мы видели, что имеются ответвления и поздние варианты, как шести- и восьмиабсидные здания, как тип Ахтамара. Среди этих сторонних ответвлений, именно как упрощенная реплика типа Джвари, появляется вторая купольная церковь Дзвели Шуамта. А она есть представитель так называемых Стриговским купольных квадратов с опорными нишами. Другими словами, один представитель этого типа имеет реально совсем иное происхождение: он не исходный момент развития всей купольной церковной архитектуры Кавказа, а, наоборот, вторичное, упрощенное его ответвление. Если мы окинем взглядом остальные примеры данного типа, то окажется, что самый типичный его представитель — Мастара — построен даже не около 648 года, а лишь в IX веке; Артик возведен позднее Мастара и его можно датировать X веком⁵. Что касается постройки в монастыре Харидж, то

¹ Eines der dringendsten Bedürfnisse war der Zwang, die Kuppel als Einzelzelle frei zu stellen und zugleich räumlich derart in den Abmessungen zu steigern, dass die ganze Gemeinde darunter Platz finden konnte. Die Freistellung der Kuppel und die Steigerung ihrer Größe ging Hand in Hand mit dem Zwange, sie zu verstreben... Eine Öffnung der Wände war möglich in der Hinausschiebung der Umfassungsmauern... Ich würde ohne weiteres annehmen, dass der Anlass dazu die gottesdienstliche Forderung nach einer Apsis war, wenn sich nur nachweisen liesse dass die Ostapsis wirklich von allem Anfang an zur Baukunst der armenischen Kirche gehört habe (Die Baukunst der Armenier, II, 465).

² Die Kuppel nämlich... bedarf der Verstrebung weil sonst die Druckkräfte sie über kurz oder lang zu Falle bringen. Vergrößerung und Vereinzelung führen daher notwendig von sich aus zu Veränderungen des Bauegefüges. Die Verstrebung... erfolgte zunächst durch, runde gegen den Kuppelraum gerichtete Ausbuchtungen (ibid.).

³ Там же, стр. 482.

⁴ Отнесение развития купольной архитектуры Ар-

мени со всем наличным набором типов ко времени с IV (III) по VI (V) века Стриговский высказывает, как гипотезу. Ведь наличные памятники, на основании которых он построил эту гипотезу, падают только на VII и следующие века. Однако, он определенно настаивает на правильности своего предположения и постоянно возвращается к его утверждению. Что он сам не всегда придает решающее значение этому предположению, видно из его замечания относительно Артика в последних строках стр. 469.

⁵ Эти памятники были мною обследованы во время специальной экспедиции в 1924 году. Неопубликованными результатами я здесь делюсь с читателями.— Более подробное изложение дано мною в очерке армянского искусства с конца IX по начало XI веков в сборнике «Давид Сасунский», под ред. проф. Л. М. Меликсет-Бека, Тб. 1939. Как ни странно, но в ряде популярных очерков по армянской архитектуре (Токарский, Буннатов и Яралов, Арутюнян и Сафарян, Якобсон, Серарпи Дер-Нерсисян) повторяется неправильное, по Стриговскому, отнесение памятников ко раннему времени.

это, конечно, постройка также поздняя¹. Церковь апостолов в Карсе — второй четверти X века². Иными словами, древнейшие представители в Армении современны даже не храму Звартноц, одному, но не первому, представителю великолепного развития чистого тетраконхового плана, а совсем другой эпохе. Т. е. они падают на эпоху, которая лежит уже после того, как реально протекло развитие и усложнение простого типа тетраконха. Но даже и по дате, принимаемой для Мастары (самая середина VII века), развитие тетраконха уже позади. Правда, Стриговский оговаривается, что «считал бы нужным не столько делать упор на сохранившемся в Мастаре памятнике, сколько на самом типе³, т. е. предполагает существование погибших, более древних примеров. Однако, чтобы поддержать изначальность этого типа, нужны достаточные основания дополнительного порядка. Но их мы тоже не находим. В Мастаре, наоборот, проявлено при значительных размерах постройки стремление к декоративности — совершенно искусственная разработка купола с его нишами; внутренняя отделка купола, трюмп — все лишено серьезности, спокойствия, при этом нет и интимности Дзвели Шуамта, а большое нагромождение украшений⁴. Это, с другой стороны, подтверждает наше утверждение, что мы имеем здесь дело не с крупным самоценным развитием архитектурных форм, а с вторичным комбинированием их, руководимым преимущественно декоративно-живописными побуждениями.

Принимая же во внимание, что картина развития купольной архитектуры на Кавказе мо-

жет быть построена и независимо от данного типа, что все остальные, поставленные Стриговским в связь с ним, виды имеют совсем иное происхождение, — естественно, принять во внимание и особенности всех наличных представителей его, как веские, определяющие, а не только как дополнительные, второстепенные моменты. А таковыми являются сравнительно позднее время их построения, именно после Джвари Мцхетского и после Багаранского собора, затем архитектурная несамостоятельность, творческая пассивность, зависимость от других архитектурных форм. Все это говорит о том, что изначальным тип этот быть не может.

Но вместе с тем особенностями представителей его, указывающие на несамостоятельность, на зависимость его, делают вероятным, возможным различное происхождение отдельных из его представителей, т. е. делают необязательной связь отдельных представителей между собой. Возможно, что здесь налицо простое совпадение итогов, следствий из каких-то различных причин. Этим же, весьма возможно, объяснится и позднее повторение в Харидже и Артике, а также и такой странный тип, как грузинская церковь в Свети около Артвина⁵, хотя, конечно, она остается совершенно неизученной и ее вообще приходится оставлять вне рассмотрения⁶. Наконец, все в том же направлении подтверждения нашей мысли идут и следующие пять купольных церквей нашего исследования — они также примыкают к данному типу, являясь параллельными образованиями того же крестового с равной длины рукавами креста плана.

5. ЦЕРКОВЬ КВЕЛА-ЦМИНДА В КИСИС-ХЕВИ

Описание.— Церковь богородицы в сел. Кисис-хеви, близ г. Телави, опять миниатюр-

ная, изящная постройка интересного плана. Сохранилась она хорошо, хотя несколько пере-

¹ Cp. Brosset, Les Ruines d' Ani, I, SPb 1860, d. 68 sqq., особенно стр. 70, где прямо указывается третья четверть X века.

² Наконец, к этой же группе принадлежит и церковь в Воскепаре (ныне Аксбара в АзССР) — см. С. В. Тер-Аветисян в VII выпуске Материалов по истории Грузии и Кавказа, Тб. 1937, стр. 505 слл.

³ Ich möchte das Hauptgewicht auf den Typus, nicht so sehr gerade auf das in Mastara erhaltene Denkmal legen (I, 74).

⁴ Положение здесь усложнено и поясняется особенностями, характерными и свойственными армянской в одном направлении и грузинской архитектуре в другом.

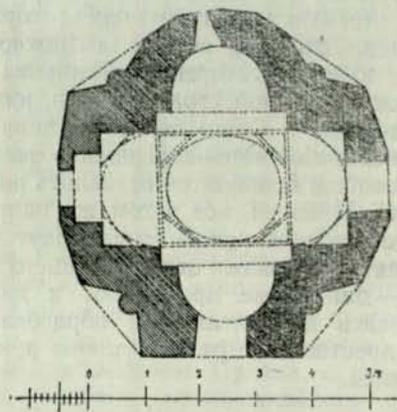
⁵ Описана с чертежами арх. А. М. Павлиновым (МАК, т. III, Москва, 1893, стр. 60—64) и по-

вторено у Стриговского (II, 758, на стр. 80 ошибочно цитовано, что она начала XII века). — Стриговский отмечает в примечании (II, 758), будто церковь ориентирована на юг — это какое-то недоразумение, из описания ясно, что она ориентирована, как обычно, на восток.

⁶ А потому меня может только удивить, что Стриговский одобрительно цитует мнение Клуге, говорящего по поводу Свети «о незнакомом грузинам способе стройки» (von einer den Georgiern fremden Bauweise) и о неумении «как же им связать эту новую идею с их предыдущими строительными навыками» (wie sie diese neue Idee mit ihren bisherigen baulichen Erfahrungen vereinigen sollten: II, 758). Впрочем диссертация самого Клуге не представляет собой вовсе — по вполне понятным обстоятельствам — авторитетного труда.

делана. Внутри заново оштукатурена и побелена, но это имело уже свой прецедент в древности, ибо на углу южного входа заметны красная и синяя полосы расписной рамочки, а повыше остатки нимба. Барабан позднее переделан или, вернее, только повышен и заново облицован; шатер кровли его довольно крутой¹. С юга к церкви пристроена обычного типа с двухскатной крышей церковь во имя архангела Михаила, служившая усыпальницей для князей Кобулашвили; низкая постройка, также из булыжника, ровными рядами с рядом лопаток по западному и южному фасаду и с выступающей снаружи полукругом абсидой (табл. 178). Время построения ее — особенно по обработке входа — вероятно, может падать еще на XVI век. Могилы внутри ее были в 1950 году разрыты и пусты.

Церковь богородицы в Кисисхеви сложена из булыжника на густом слое известкового рас-

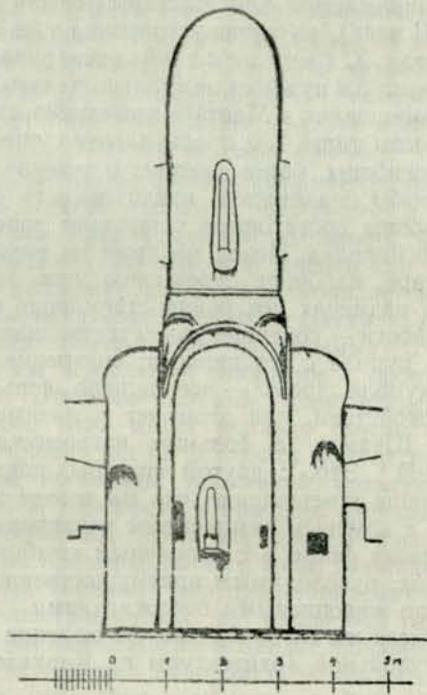

План

твора. По углам и т. д. видны тоже только булыжные камни. Однако, декоративные арки и карниз сложены из резаного ширими (табл. 178 и 179).

План церкви крестообразный. Два рукава креста — восточный и западный — оканчиваются абсидальными закруглениями с конховым перекрытием; два же других имеют прямоугольный план, а перекрыты все-таки конхами. Чтобы утвердить эти конхи над прямоугольно идущими стенами, по углам помещены трюмпы (разрез и табл. 180 и 181). При этом достойно упоминания, что эти трюмпы помещены ниже пяты конхи, именно на высоте подокон-

ников окон данных северного и южного рукавов. Верхняя часть этих окон приходится уже на линии пяты конхи, лежащей во всех четырех рукавах на одной высоте. Четыре арки рукавов, образующих подкупольный квадрат, не выделены импостами. Форма восточной и южной арки имеет легкий уклон к подковообразной форме; при пяте конхи выделено в каждом рукаве сообразно подковообразной форме ее известное заглабление в стену. Окна в южном

Разрез на восток

и в северном рукавах сейчас заложены. Снаружи над восточным, северным, и вероятно, также над ныне застроенным южным окнами имеются декоративные арочные навершия с горизонтальными отворотами у пят. Эти навершия сложены из квадров черного ноздреватого камня и первоначально, видимо, выдавались из стены вперед. В церкви было три входа, из которых северный ныне заложен; на месте последнего сохранено небольшое световое отверстие (табл. 178-b, c, а также рис. Н. П. Северова). Южный вход сейчас служит не входом в церковь, а проходом в позднее пристроенную капеллу архангела Михаила. Таким

застроен и до здания можно добраться только через примыкающие дворы, тогда как до недавнего времени храм стоял на открытом месте.

¹ Осмотрена 14.VII.1920; 29.VIII.1922 и 24.VIII.1933 года. Обмерена детально во второе посещение. При посещении 11.VIII.1950 года оказалось, что тесь участок

образом, сейчас в церковь ведет один только вход с запада. Западный и южный входы сохранили изнутри первоначальную арочную форму верха (табл. 181-b), только в западном позднее сделана кирпичная закладка; северный же вход, как сказано, застроен полностью и искажен.

Переход к кругу купола образуют угловые тромпы, совершенно четко выявленные и имеющие впереди по выделенной арке (табл. 180 и 181). Тромпы эти имеют форму переходную между полуколуном и конхой¹. Барабан купола внутри может быть отнесен к первоначальному строению на высоту, включающую окна². Свод купола расположен намного выше четырех окон в барабане; соответственно этому купол снаружи очень высокий и над ним подымается также довольно круто шатер кровли, похожий на шатер в Дзвели Шуамта (табл. 178 и рисунок Н. П. Северова). Снаружи барабан храма является результатом переделки X—XI вв. Он облицован плитами обычного поздраватого ширими желтого цвета, сложенного из мелких квадратов ровными рядами. Восемь углов барабана украшены парными полуколоннами с проходящей аркатурой. Вверху и внизу колонок шаровидные звенья; стоят колонки на выделенном карнизе полочкой со скосом (табл. 178 и 179-a). Хотя в барабане только четыре окна, имеющих гладкие арочные навершия с отворотами, доходящими до полуколонок, но такие же навершия и на той же высоте помещены и в четырех других арочных гранях барабана. Эта сплошная разделка барабана совпадает с разделкой храмов в крепостях Кветера и Бочорма, памятников X—XI вв.³

Скаты кровель на рукавах креста и на углах центрального подкупольного квадрата, т. е. неизменные части здания, очень пологие, хотя, конечно, естественно думать, что и их неоднократно чинили. Это подтверждается также и формой карниза. Он всюду одной формы — выкружка с валиком — и сделан из ширими — черного на корпусе храма и желтоватого, как облицовка всего барабана на куполе.

Снаружи церковь представляет также большое своеобразие. Рукава креста многогранны на концах — только западный прямоуголен, а остальные пятигранны. Входящие углы между

¹ Основные по углам квадрата тромпы ближайше сходны с тромпами купольной церкви Шиомгвимского монастыря 60-ых годов VI века (см. Тбилисис Университетის მოამბე, т. V, 1925, тбл. VII).

² Ср. табл. 180, где хорошо видно начинающееся закругление на полусферу и затем снова отход на до-

рукавами особенно украшены: в них поставлены не очень высокие, довольно широкие полуколонны, над которыми раскрывается воронкой сводик (рисунок и табл. 179-b). Вторая арка над северо-восточным входящим углом сохранила остатки украшения в форме ряда арочек (табл. 179-b и 178-a), т. е. мотив обрамления окон церкви в Самцевриси (Картли) VII века или как древний карниз на барабане Джвари Мцхетского и др.⁴ Этот узор хорошо различается вблизи. Таким приемом углы заполнены на известную высоту, выше которой поднимаются боковые стены рукавов и видны скаты кровель углов подкупольного квадрата. Над аркой в углу тоже имеется свой карниз и затем кровля. Нижние части этих углов были в позднее время заложены кирпичом, как и различные мелкие починки стен по фасадам сделаны кирпичом же.

Алтарь на одну ступень приподнят против всей церкви. Престол прислонен неподвижно к стене. Переступая порог двери, на одну ступень нужно опуститься вниз. По стенам трех рукавов храма идет слегка выступающий, низкий цоколь.

Анализ.— Церковь Квела-Цминда в сел. Кисис-хеви⁵, как и церкви в монастыре Дзвели Шуамта, не является большим импозантным строением, а только небольшим, но вполне законченным. Если в купольных церквях Дзвели Шуамта при наличии упрощений благодаря миниатюрности постройки вопрос о том, что они являются только воспроизведением, повторением какого-то крупного образца, точно подтверждается наличием образцов, с которых они скопированы, то в Кисис-хеви этого последнего обстоятельства нет.

Впечатление, создаваемое этой постройкой, ее пространством, сходно с таковым Дзвели Шуамта — спокойствием, уравновешенностью небольших, интимных чувств наивной религиозности и пиетета. Постройка таких размеров не могла ставить себе, конечно, каких-либо конструктивных задач, но, переведенная в крупные размеры с изменением, возможно, пропорций высоты и ширины здания, как равно этого последнего и барабана купола, она являлась бы вполне достойным представителем таких исканий. Вот почему мне и представляет

полнительный отрезок — очевидно, повышенного — купола.

³ См. главу VII

⁴ По Самцевриси см. материалы в *Ars Georgica*, 2 (1948), табл. 3, 6, 10.

⁵ Праздник справляли на второй день пасхи.

ся, что мы имеем в Кисисхевской церкви тоже только уменьшенную реплику большого образца, как и в Дзвели Шуамта. Если здесь не применено упрощений, (во всяком случае их нельзя без наличия образца указать), то это приходится отнести за счет самих форм храма, которые оказываются вполне приемлемыми и в миниатюрных размерах. Здесь конхи над прямоугольным основанием боковых рукавов создают в постройке игривую подвижность и, пожалуй, несколько увеличивают площадь храма¹. Наружная с полуколоннами отделка углов уступами, а также некоторая граненость рукавов креста, отражает характеризованные особенности постройки без сильных форм, без контрастности, а полное мягких, закругленных, едва заметных переходов². Обмер памятника еще с одной стороны подтверждает, что это есть только реплика хорошо известной тогда—очевидно, монументальной—темы. Церковь выстроена явно на глаз, откуда получились неровности в фасадах, в направлении окон и дверей, и особенно в расположении троп в боковых рукавах.

Но если представить себе эти формы в увеличенном масштабе вообще и в измененной

пропорции высоты и ширины, именно с учетом приемом первого направления, получится совсем иной результат. Перед нами будет внушительная, простая по формам постройка с несколько причудливой разделкой наружных углов, перекрытых воронкообразным сводом. Внутри же получится строгое пространство, где это особенно подчеркивается прямыми линиями боковых рукавов, которые, однако, не противопоставлены жестко центральному пространству храма, а все-таки благодаря конхам слиты с ним. Из рассмотрения внутреннего устройства церкви становится ясной осторожность строителя, создавшего в наружном открытом сводике и полуколоннах углов силу, противодействующую распуру купола.

В декоративной арке окон Кисисхевская церковь имеет параллель с первой купольной церковью монастыря Дзвели Шуамта. А в отделке арки над углами, как отмечено уже, повторяет привычный в VI—VII вв. орнамент из ряда маленьких арок³. Позднее стремились, вероятно, починить попорченный извне барабан, украсить его и сообразно другой эпохе повысили его при этом как понаружи, так и изнутри.

6. ЦЕРКОВЬ САМЕБА В МОНАСТЫРЕ ИКАЛТО

В монастыре Икалто, основанном во второй половине VI века одним из так называемых тринадцати сирийских отцов, Зеноном, имеется шагов на 12 восточнее главной монастырской церкви преобразования миниатюрная церковь троицы (Самеба)⁴.

Вся эта церковь не сохранилась в своем пер-

воначальном виде, а существенно изменена, очевидно, после разрушения. Теперь это снаружи только простой прямоугольник с двускатной крышей и пристроенной с запада наружной лестницей в надстроенную же над притвором келью. Внутри средняя часть церкви перекрыта сейчас коробовым сводом, опирающимся в

¹ Во время экспедиции по Армении весной 1924 г. была обследована небольшая церковь св. Стефана в Лмбате, боковые рукава которой также имеют конхи на угловых тропках. Разница художественного решения отмечена в моей работе «Разыскания по архитектуре Армении». — Аналогичное оформление имеется и в месопотамском триконхе VII или VIII века в церкви Хадр в Хах, где северное и южное перекрытия имеют конху над прямоугольным основанием. (S. Guyer Grundlagen mittelalterlicher abendländischer Baukunst, Basel 1950, стр. 166).

² Ю. Яралов (Архитектурное наследство, 3, 1953, стр. 86 и рис. 16) приводит армянский тетраконх с полуколоннами в наружных углах из Парби по Т. Тораманяну, относившему его в VII век и подчеркивавшему художественные достоинства, несмотря на разрушение, примерно от пят сводов начиная. В издании Материалов по истории армянской архитектуры, II, Ереван, 1948, рис. 232, на стр. 228

проставлены взятые Тораманяном размеры обмера, которые резко расходятся с выполненным по ним чертежом, по которому даны описательные данные Яраловым.

³ См. Историю грузинского искусства. I, 1936, рис. 70, 73, 130, 133, 135, 144, 161.

⁴ Осмотрена впервые 26.IX.1919 года, но тогда значение ее, ввиду переделки, мною не было схвачено. Только изучение плана ее, сделанного в 1913 году худож. Т. Г. Кюне, навело меня на мысль о возможном значении этой постройки. Вторичное посещение 1.IX.1922 г. действительно подтвердило такое предположение. При посещении монастыря 13.VIII.1933 года сделан вновь промер плана и взяты некоторые цифровые данные для разреза, по которым вычерчены схематические план и восстановление разреза. 25.IX.1938 г. во время расчистки здания Академии в Икалто оказался раскрытым проход в склеп под церковью, сохранивший свой древний облик нетронутым.

своих средних частях на совершенно сплюснутые арки по южной и северной стенам. Но стоит бросить взгляд на план церкви, чтобы сразу увидеть чрезвычайно интересные формы, которые при соединении с формами разреза делают совершенно несомненным факт переделки этой церкви из купольной.

Она построена вся из булыжника, как это ясно видно сквозь современную оштукатурку и побелку.

По плану своему она состоит из среднего квадрата с примыкавшими к нему четырьмя равной длины рукавами. К восточному рукаву прибавлена еще абсида с одним окном и двумя большими, глубокими, подковообразными в плане нишами по сторонам его, которые начинаются с уровня пола и тянутся до общей высоты с окном. С запада — вход, а перед ним расположен притвор по всей западной стене с широким входом.

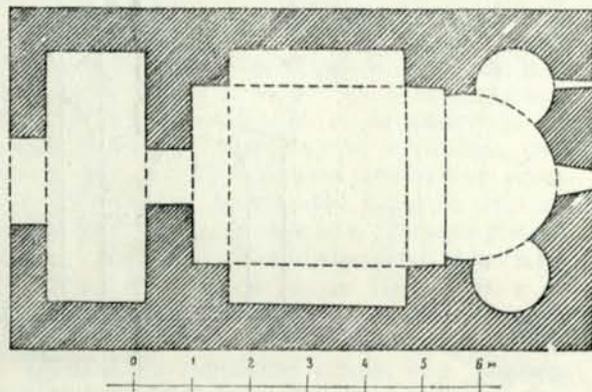
Четыре рукава креста образованы каждый аркой (сводом), опирающейся на импосты обычной формы под прямой скос, импосты, идущие на всю глубину каждого рукава креста. Эти импосты в восточном рукаве сливаются с импостом на углу под аркой алтарной абсиды. Арка абсиды подковообразной формы. В то время как восточный и западный рукава имеют правильной полуциркулярной формы свод, северный и южный перекрыты, как отмечено уже выше, сплюснутной аркой свода. Как сказано, пять тех и других арок на одной высоте и соединены в углах попарно. Сейчас восточный и западный рукава соединены коробовым сводом над средней частью храма в длинный свод. Пологие арки свода северного и южного рукавов служат для опоры этого коробового свода над центральной частью здания. Я не сомневаюсь, что вся эта починка и переделка данной церкви относится именно к XIX веку, когда при возобновлении монастыря естественно привели церковные развалины в «порядок»¹. Первоначально же, конечно, в среднем квадрате был барабан с куполом. Этим объясняется как форма плана, так и в особенности толщина четырех углов, создающих надежное противодействие распору купола.

Что в Икалто был именно выделенный бара-

¹ Пл. Иосселиани, Путевые записки по Кахети, 1846, стр. 88, упоминает, правда, о главном храме монастыря (см. ниже гл. VI), что «только недавно (т. е. до 1845 года) обновлен по местам (?) преосвященным митрополитом Иоанном» Бодбели, но, естественно, что обновлены были тогда же (или еще позднее?) и оба других храма.

бан с куполом, а не двускатная кровля, напр., крестовый свод, как в малой церкви Джвари Мцхетского, явствует из расположения фронтонов восточного и западного, отвечающие полукругу сводов рукавов. Кроме того, это подтверждается и тем, что по южному и северному фасаду средние части стен до самой теперешней кровли являются сплошной кладкой в то время, как по углам видны следы заполнения. Это, мне кажется, указывает на наличие по углам низких кровель в один скат. Таким образом, несомненно, были выделенные фронтоны так же над северным и южным рукавами, как и над восточным и западным, а не сплошная двускатная кровля, как сейчас.

Освещалась церковь помимо окон в куполе еще окнами в рукавах креста, из которых западное и алтарное сохранились, а северное и южное или подверглись переделке, или вообще прорублены вновь.

План (схема)

Выделенные в пределах алтаря громадные ниши, придающие алтарю совершенно своеобразный и очень характерный вид, начинаются с пола. Они служили жертвенником и ризницей. Вместе с тем эти ниши давали экономию материала и уничтожали тяжесть сплошного массива стены, который иначе достигал бы здесь значительной толщины. Импосты на углах конх этих ниш той же формы, как и в рукавах креста².

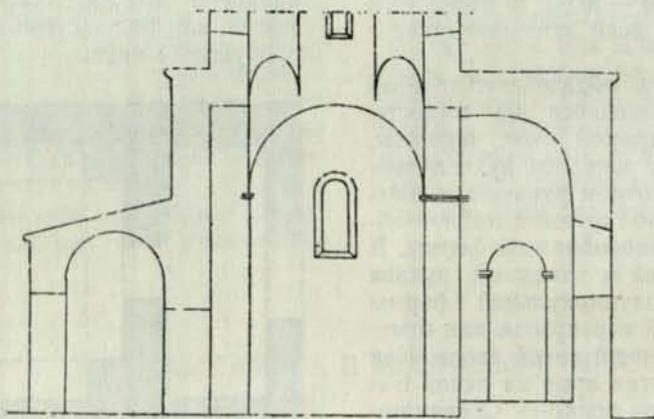
Вытянутому благодаря абсиде на восток

² Одно рассмотрение планов показывает с ясностью, что эти ниши совсем иного характера и формы, чем ниши в абсиде восточных приделов во втором этаже Алавердского собора (см. ниже, гл. VII) или в некоторых небольших зальных церквях Грузии. С другой же стороны, выявленная последовательность строительства в алтарной части Веджинской Квела-Цминда отмечает

равнобедренному корпусу храма зодчий придал с запада еще одну архитектурную часть в форме притвора, позволившую восстановить равновесие помещения барабана с куполом в центре храма. Грузин-зодчий не мог допустить отодвигания купола ближе к западному концу церкви, как это уже отмечалось¹. Но этот притвор он сделал ниже всей церкви, чем уже во внешнем облике оттенил самостоятельное значение притвора, отделенность его от общего корпуса церкви. Второй этаж был выведен над притвором лишь в новейшее время; не случайно окно в западном рукаве храма ведет теперь в него. У северного края притвора находится внешняя лестница, частью пристроенная с запада, а частью — уже поверх притвора, рядом с верхней комнатой². В кладку этой части, на западной

коробов. Кроме того, под алтарем имеется отдельный прямоугольник с крестовым же сводом. Высота склепа большая — не меньше 2,60 м в средней части. По длине помещения от прохода идет стенка по земле высотой на 80—100 см от западной до восточной стены, делящая низ здания на две части, служившие, очевидно, для погребений. В восточной стене имеется небольшая отдушина прямоугольной формы; ныне она находится, конечно, снаружи ниже уровня земли (не так должно было быть первоначально). Проход в это помещение находится в притворе — шахта вниз расположена перед дверью в церковь и была обычно закрыта. Она вся обработана правильной кладкой.

Мы имеем в этой церкви монастыря в Икал-

Восстановление в разрезе (схема)

стене, вставлен небольшой каменный фрагмент (не более $\frac{1}{2}$ метра) с изображением трех святых³. Входной в притворе пролет имеет ярко выраженную, как и арка алтарной абсиды, подковообразную форму. Свод в притворе идет с юга на север, т. е. по длине его, и имеет подковообразную форму.

Склеп под храмом не тронут реставрациями, сохранился хорошо. Сложен он из булыжника, ровными относительно рядами. По плану выделяется квадрат на угловых устоях с крестовым сводом и соответственным добавлением

то переделанную постройку, в которой, однако, вполне ясно восстанавливается форма древней купольной церкви крестового плана. Здесь в отличие от тетраконха имеются прямоугольные в плане рукава креста и затем ясно выраженная замена равнобедренности, звездообразности плана удлинненностью с востока на запад. Конечно, первоначально крест был выявлен фронтонами и снаружи, но удлинненность этого крестового плана была также налицо.

По плану эта церковь ближайше сходна с малой церковью Джвари Мцхетского⁴. Каждая

в древнем устройстве алтаря такие же две подковообразные в плане, глубокие и высокие ниши, как в Икалтойской Самеба. Они имеют купольные перекрытия на высоте от пола почти в два метра. — В северной нише Икалто встроен стол жертвенника, а в южной низ ее заполнен на известном отступе от углов ниши.

¹ См. мою книгу о Цромском храме, стр. 32—33.

² Ср. план: Album d'architecture géorgienne, T. 6. 1924, табл. 79.

³ Фото Грузинского общества истории и этнографии 1913 г., исполненное Т. Кюне. — Рельеф этот, по-видимому, является примером для VIII—IX вв.; он становится рядом с известным рельефом Ашота Куропалата из Опиза.

⁴ Памятники типа Джвари — Введение и табл. 35—42; а также История грузинского искусства, I, 1936, рис. 64 (стр. 88).

из них при крестообразном плане и дополнительной к основному равноконечному кресту абсиде заключена во внешний прямоугольник. Но в то время, как во Мцхетской церкви не было купола с барабаном и не было необходимости создавать с запада дополнительного помещения, чтобы сохранить равновесие, здесь как раз купол на барабане требовал его и зодчий так и решил свою задачу. Это, конечно, еще более подчеркнуло продолжность оси.

Интересно, что для обеспечения здания при такой его форме от давления и распора архитектор вывел большой толщины углы стен под куполом, создав глубокими двумя нишами в алтаре облегчение массива. Все это, конечно, при данных размерах церкви вполне естественно и обосновано.

В этой церкви Икалтойского монастыря до нас дошел один из вариантов крестово-купольного плана древнейшего периода, не происходящий от тетраконха так же, как и следующие за ним три церкви, хотя он и основан на аналогичном принципе равноконечности рукавов креста. Этот план есть одно из параллельных с тетраконхами образований, которое имеет своих предшественников в этой общей тенденции ранне-христианской мысли искать и подчеркивать символ креста. Одной из своеобразных рудиментарных попыток в этом направлении является, как отмечалось, малая церковь Джвари Мцхетского. Мы видели в Кахетии древнего времени тетраконховый тип, узнали в Кисисхевской церкви единичное образование с двумя абсидами (и двумя конхами на прямоугольном основании), наконец, имеем равноко-

нечный в плане крест с одной только абсидой в церквах, которые сейчас будут рассмотрены. Ниже мы увидим в Алавердском соборе грандиозное развитие еще одного параллельного течения крестообразного формирования плана — именно о трех абсидах. Таким образом, перед нами проходят представители различных типов, по моему мнению, зарождающихся параллельно в христианской архитектуре начального периода. Я не считаю возможным сводить эти типы один к другому или же просто смешивать их ввиду тождественности принципа создания плана о четырех равных рукавах креста. Это общий принцип, общие контуры форм, но конкретное осуществление давало широкие возможности и, действительно, перед нами различные решения, параллельные решения общего задания в известных же общих границах.

Церковь Самеба в Икалтойском монастыре представляет пример такой же древней композиции крестово-купольного храма, как это видно и по плану, и по разбивке помещений, и по нишам алтаря, и т. д., и т. д. Она сохранила нам его от древнего времени в монастыре наравне с позднее выведенной церковью, очевидно, на месте погребения основателя монастыря Зенона, и, как можно полагать при сопоставлении с малой церковью Джвари Мцхетского и церковью Шиомгвимского монастыря в Картли, основанной самим Шио в 60-х гг. VI века¹, может быть, также основанной самим основателем монастыря, одним, как св. Шио, из тринадцати сирийских отцов, т. е. примерно в то же время третьей четверти VI века.

7. ЦЕРКОВЬ СВ. МАРИНЕ ОКОЛО ЗЕГАНИ

Около монастыря Квела-Цминда близ Зегани над ущельем Черемис-цкали всего шагах в 70—80 на восток от церкви Квела-Цминда находится в густой лесной чаще маленькая церковь св. Марины. Она окружена прямоугольником самостоятельной низкой каменной ограды вроде той, которая окружает в Байхо Самебу

и тот же Зеганский монастырь, и вся совершенно скрыта густой лесной чащей и порослями колючего кустарника².

Сложена церковь св. Марины также из булыжных камней, перемычка двери из большой такой же плиты, а наружные части некоторых окон сделаны из ноздреватого ширими.

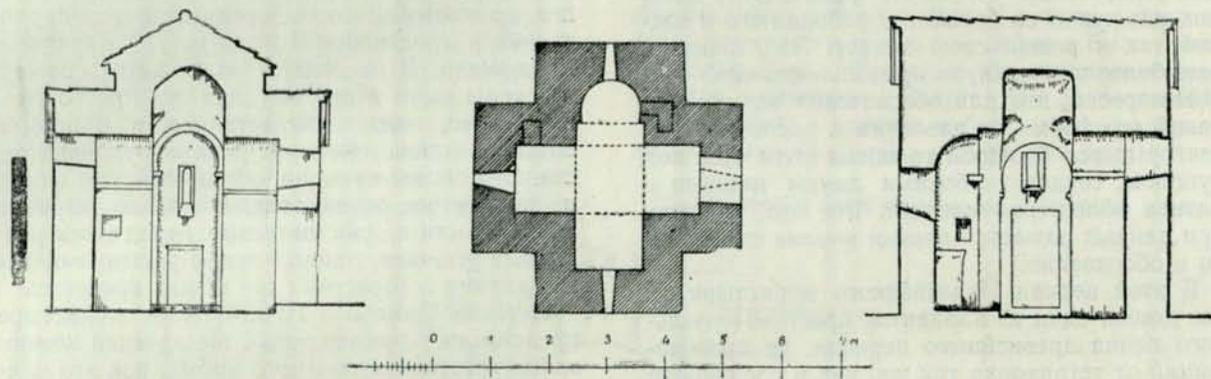
¹ См. Die Schio-mghwime-Lawra, in: Bulletin de l'Université de Tiflis, T. V, 1925, особ. стр. 246 слл.

² Осмотрена и описана 31.X.1922 г., тогда же я сделал общий обмер плана и разреза, вычерченный Н. П. Северовым. В 1944 году Отдел охраны поручил обмер арх. В. Л. Циловани, выполнившему план, разрез и два фасада. А после ремонта 1949 года вновь был в Зегани выполнен обмер для Отдела охраны сотрудниками Института Л. Д. Рчеулишвили и В. Г. Цинцадзе. Я воспроизвожу здесь по по-

следнему обмеру план и два разреза и схему построения масс здания, исполненную в свое время Н. П. Северовым. Чертежи же фасадов, выполненные в 1944 и 1949 годах, имеют свои — субъективные или объективные (выполнены после ремонта) — недостатки, а потому не могут служить вполне надежным материалом. Восполняю эту часть относительно большим числом фото с натуры. Фотографии, снятые при вторичном посещении 22.XII.1933 г. в размере 4×6, поневоле недостаточно четки в увеличении.

По плану своему эта церковь крестовая, простого типа, где крест с прямоугольными равнодлинными рукавами выявлен в этих же рамках и вонне. Только купол, находящийся в перекрестьи, снаружи забран более высокой продолжной с востока на запад двускатной кров-

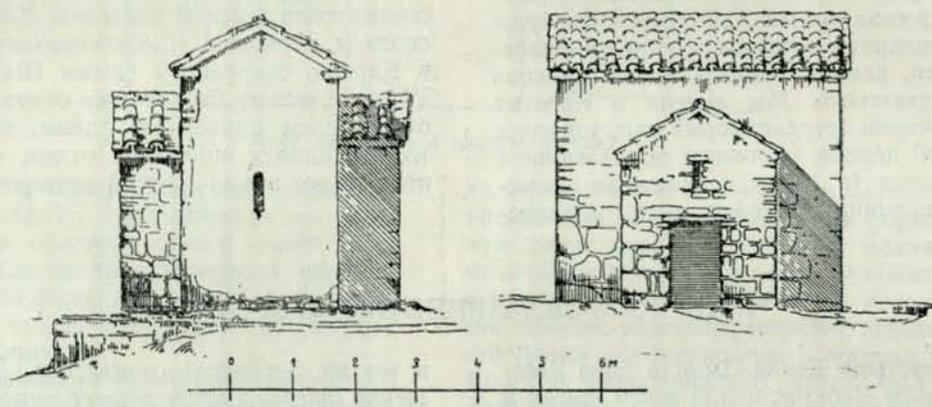
Каждый рукав креста имеет свод подковообразной формы на выступающей тяге. Арки сводов северного и южного ниже арок сводов восточного и западного на 25 см (разрезы). Переход от квадрата к кругу основания барабана бесформенный, смятый и помещен довольно

План и разрезы

лей¹, к которой перпендикулярно примыкает более низкая кровля северного и южного рукавов креста (табл. 183, 184 и схема масс)².

высоко (а именно на 35 см выше вершины восточной арки). Так как все это оштукатурено и покрыто росписью, то вполне вероятно, что это

Восточный и южный фасады

Восточный рукав общей длины с остальными, но заключает в этой длине неглубокую бему и полукруг абсиды.

просто искажение наискось положенных камней. Барабан купола маленький (высота не более полуметра), свод очень неровный, случайный.

¹ Ср. к этому двускатную же кровлю Черемского квадрата (гл. IV).

² При рассмотрении древнейшей малой базилики Некресского монастыря было отмечено, что при расчистке от всех зарослей по южному нефу ее открылись особенности бывшего устройства свода в южном нефу: при таких же как в северном нефу, дверных проемах на восток и на запад, самый свод шел не параллельно своду среднего нефа, а перпендикулярно ему, т. е. с

юга на север. Таким образом, эта форма могла подсказать создание своеобразной системы боковых двускатных кровель в Зеганской Марине.— Ср. к этому данные о церкви 40 мучеников близ Скупи (Малая Азия): К. R o t t, Kleinasiatische Denkmäler, 1908; или же в Zeitschrift für Geschichte der Architektur, Jahrgang 1, Heidelberg 1907—08, Heft 6, стр. 159—160 и рис. 10-a и b.

Освещается церковь слабо четырьмя маленькими и узкими окнами в каждом из рукавов, да еще единственной дверью с юга. В барабане окон не было, чем и поясняется случайность свода в нем. Окна вверху с целой, плоской булыжной перемышкой; а восточное и западное имеют, кроме того, снаружи декоративные подковой арки, сделанные из ширими. Вход также с плоской перемышкой из целой каменной плиты; позднее он был сужен закладкой с восточной стороны¹.

Алтарь на одну ступень выше церкви. Престол у стены неподвижный.

Вся церковь сплошь густо оштукатурена и расписана, включая престол. Роспись покры-

церковь, где внутренний крест плана оставлен незамаскированным и снаружи. Но в отличие от других небольших церквей этого плана в Кахетии, здесь зодчий не постарался выявить купольности церкви; напротив того, по наружному облику он создал совершенно причудливый вид, не имеющий ничего общего с купольностью⁴.

Для дальнейшей ее характеристики интересен факт плоских перемычек окон и двери, а также декоративной отделки окон в форме арки. Арки здесь подковообразной формы; своды каждого рукава имеют выделенную под пятой тягу; а карниз сложен из простых булыжных камней. Все эти данные указывают на древнейший период, как время построения этой церкви. Но мало этого. Взаимное расположение ее и монастыря Квела-Цминда ясно показывает, что церковь св. Марины построена ранее монастыря. Как уже отмечалось, она заключена в особую ограду, находясь всего в 70—80 шагах от монастыря. Ясно, что когда ее строили, здесь еще монастыря не было, ибо выстроили бы ее в общей монастырской ограде, где есть ряд маленьких капелл, а не вне ее. Для построения же крупной церкви Квела-Цминда в ограде церкви св. Марины не было места; ее и построили, снабдив своей оградой, рядом, ибо хотели явно строиться на освященном уже месте. Кроме того, и миниатюрные размеры церкви св. Марины делают постройку ее ненужной при существовании Квела-Цминда. Ведь церковь св. Марины — не капелла частная, фамильная, а общественная, настоящая церковь (на это указывают архитектурные формы ее и ограда). Следовательно, если бы уже существовал здесь большой монастырь, маленькую церковь в особой ограде не стали бы и строить.

Зеганская церковь св. Марины является примером совершенно миниатюрного воспроизведения установившегося типа. Размеры заставили здесь поступиться формами, как таковыми, и сделать упрощенную редакцию типа. Этим объясняются все отмеченные выше отступления и несуразности этой церкви, как архитектурного произведения. Но время построения ее до Зеганской Квела-Цминда, т. е. до конца VI века, говорит уже красноречиво о наличии и развитии самой архитектуры к это-

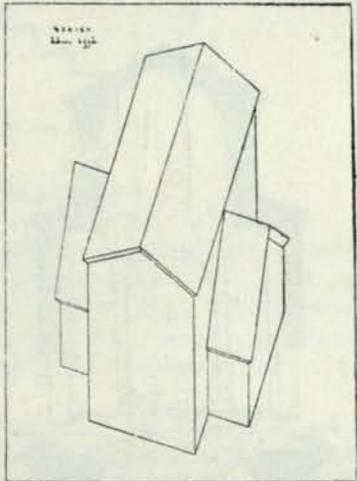

Схема масс здания

вает всю церковь внутри и сохранилась полностью². Она груба. Относится, очевидно, к самому позднему времени (табл. 182-b).

Снаружи церковь также густо обмазана штукатуркой, особенно с восточной и западной сторон (табл. 183). Скаты крыш очень небольшие; по наружному краю их идет карниз из сплошного ряда выпущенных булыжников. А на углах фронтонов эти карнизы горизонтально заворачивают, намечая начало фронтона³.

В этой небольшой, крохотно-миниатюрной церкви мы имеем древнюю крестово-купольную

¹ Эта встройка оставлена неприкосновенной и во время ремонта.

² 22.XII.1933 г. штукатурка с росписью северной стены северного рукава оказалась отбитой.

³ Ремонт Отдела охраны, проведенный в 1949 году, к сожалению, и здесь предшествовал, а не следовал за подробным научным обмером и не сопровождался

фотофиксацией. К счастью, разрушения некоторых углов здания и отсутствие кровли давали мало возможности для развития фантазии у производившей ремонт артели.

⁴ Не менее причудлива и церковь Свети, см. МАК, III, стр. 60—62 и табл. XXV по XXVII.

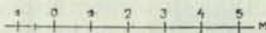
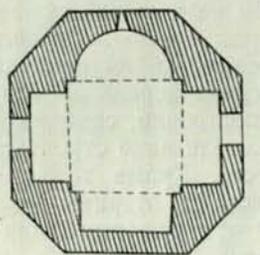
му времени. Сопоставления всего материала, таким образом, говорят о выработке этих форм и конструкций за много раньше. Во всяком случае малые размеры ее позволяют предположить и еще значительно более раннее время построения, аналогично с малыми размерами

Некресской базилики IV века или Черемского квадрата, а также сопоставления литературных данных и реальных остатков о первых церквях Грузии во Мцхета и в Бодбе. Из общего сопоставления в ходе развития грузинской архитектуры я считаю нужным относить ее к V веку¹.

8. ЦЕРКОВЬ ДАВИТИАНИ ОКОЛО ВАЗИСУБАНИ

Описание.— Церковь около селения Вазисубани в так называемом участке (выморочном) Давитиани на правом берегу Цилиана-Хеви, выше Купрадзеант-цкаро, хотя и сохранилась очень хорошо, совершенно заброшена, не посещается и только после долгих расспросов один кто-то сообщил, что она посвящена была 40 мученикам, но никакого праздника более не бывало и до революции².

Церковь лишена была при первом посещении только значительной части южной стены южного рукава, в то время как М. Г. Калашников в 1912 году замерил всю дверь; в 30-х

П л а н

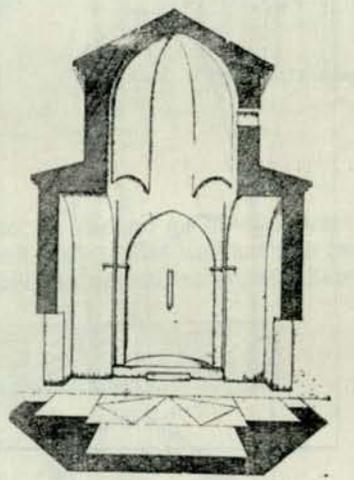
годах не хватало уже верхней половины западной стены; кроме того, в разных местах недостает наружных слоев кладки стен. Этот процесс теперь все более расширяется (табл. 185 и 186).

Церковь сложена из булыжника. Углы барабана и восьмигранника самой церкви из тесаных плит ноздреватого, желтоватого ширими.

План церкви крестообразный с одной алтарной абсидой; а снаружи церковь заключена в восьмигранник с высящимся над ним восьми-

гранным же барабаном (перспективный разрез с планом).

Переход от центрального квадрата к восьмиграннику происходит посредством четырех угловых троп. Тропы эти имеют форму конхи, помещены высоко, так что сперва поднимается четырехгранник до высоты ряда кладки над

Перспективный разрез с планом

вершиной четырех подкуольных арок (табл. 187 и 188). Иначе говоря, тропы утверждены не на самих этих арках, а как бы на стенках, возвышающихся над ними³. От троп начинают восемь граней. Они идут до пяты свода и продолжают затем выше, образуя сомкнутый свод (табл. 187-б).

Четыре арки церкви опираются на капители, сделанные из желтоватого ширими в обычной

выправить в исполненном Н. П. Северовым перспективном разрезе.

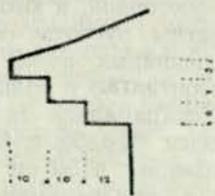
³ То же имеем и в Самцеврисской церкви в Карли. На чертеже, исполненном М. Г. Калашниковым в 1912 году и изданном в альбоме чертежей Гос. Университетом, положение троп ошибочно. Равно ошибочна форма двери (северной) и пятовых камней арок. На прилагаемой перспективе — это исправлено на глаз.

¹ История грузинского искусства, I, 1936, стр. 31.

² Осмотрена 3.VIII.1920 года. — Вторично посещена 20.IX.1933 г., когда отмечено прогрессирование разрушения. Церковь была обмерена по поручению Е. С. Такайшвили для Грузинского общества истории и этнографии еще в 1912 году М. Г. Калашниковым, тогда еще студентом Академии Художеств. В разрезе имеются недосмотры, которые я постарался

форме полочки со скосом под ней. Сами арки слегка яйцеобразны (табл. 187-а).

Освещалась церковь, конечно, двумя входами — с юга и севера; затем алтарным окном¹. Правда, ныне отсутствует верхняя часть южного рукава, так что не исключена, хотя мало вероятно, возможность еще южного окна. Алтарное окно, как и обе нишки в алтаре, имеют плоские перемычки из тонкого черного слоистого камня (табл. 187-а). Точно такая же перекрывает и северный вход; от южного же сохранился только низ притолоки.

Профиль карниза

Алтарь повышен на одну ступень сравнительно с остальной церковью. Престол в нем не сохранился. В алтарной абсиде две нишки.

Вся церковь сейчас ушла несколько в землю, уровень земли снаружи ее выше уровня пола церкви.

Карниз образован как на барабане, так и внизу из трех рядов выпущенных друг над другом каменных плиток, примененных и как перемишки в церкви (табл. 185 и 186). Кровля была, судя по валяющимся фрагментам, черепичная бледного цвета, плотная, хорошего об-

жига. Уклоны крыш самого незначительного размера.

Анализ.— Настоящая купольная церковь 40 мучеников в Давитиани, близ Вазисубани, а также столь же миниатюрная другая церковь тех же форм и плана, стоявшая в соседнем селении Вачнадзиани (ныне Шрома) около трехцерковной базилики Георгия Амидастури, представляются мне обе лишь миниатюрной репликой крупного образца. По плану они так же не являются производными от тетраконха, как и Зеганская церковь св. Марины или Икалтойская Самеба.

В этих уменьшенных репликах естественно были произведены различные упрощения, и прежде всего в облике масс. Крест плана заключен здесь в наружный восьмигранник, вместо выявления плановой формы. Этот прием встречается и на других концах христианского мира в древнее время, в применении к церквам малого размера.

Из-за малых размеров мы лишены возможности уверенно судить о массах образца. Вместе с тем при наличии мелких частности, собственных также и другим древнейшим церквам, здесь определенно выявлена тенденция архитектуры Кахетии к более вытянутым, стройным формам. Барабан Давитиани пропорционально корпусу здания более высокий, чем например, в Самцеврисской церкви второго двадцатилетия VII века того же плана в Картли. В этом сказалась общая тенденция архитектуры Кахетии².

9. ЦЕРКОВЬ СВЕТИ-ЦХОВЕЛИ В ВАЧНАДЗИАНИ

Описание.— В самом селении Вачнадзиани (теперешнем Шрома), почти на берегу реки, в расстоянии шагов 20 на юг от церкви Георгия Амидастури находилась, сидевшая на 1—1½ метра в земле развалина маленькой церкви, посвященной местному грузинскому празднику мироточивого «Животворящего Древа» (Свети Цховели) во Мцхетском кафедральном

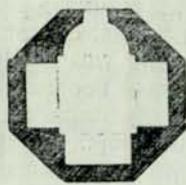
соборе (в день 1-го октября). Из земли торчали только углы, части стен и одна арка, именно северного рукава. Сохранились, кроме того, нижняя часть алтарной абсиды с началом конхи, значительная часть западного и нижняя часть южного рукава, и, наконец, два камня наружной стены барабана над северной аркой. Церковь эта совершенно того же плана, что и

¹ На разрезе М. Г. Калашников показал в барабане небольшое окно на юг; это, видимо, сделано по ошибке из-за пролома в этой грани барабана.

² Однако, по всем этим данным церковь в Давитиани предпочтительнее отнести к VII веку, чем — как это сделано в моей Истории груз. искусства, I, Тб. 1936, стр. 63 — к середине VI.

описанная выше церковь в Давитиани. Она только еще немного меньше ее¹.

Переход от центрального квадрата к восьмиграннику купола не мог быть на парусах, так как угол подкупольный при арке сохранился

План

прямоугольным, т. е. самый переход был сделан выше. Другими словами, здесь то же, что мы нашли в Давитиани.

Четыре арки церкви опирались, судя по сохранившейся северной, на импосты. Импосты эти, однако, не специально тесаны, а состоят из выпущенных булыжников. Таким образом, это подсказывает предположение, что церковь не имела и вязей наружных углов из тесаного ширми.

Вход был один с севера; впрочем северной стены рукава вовсе не сохранилось; но так как

в сохранившихся нижних частях стен южного и западного рукавов входов не было, то естественно заключить, что вход был с севера. С запада сохранилась на 207 см над полом западная стенка; а с юга южная — на 121 см. над полом теперешним, древний же мог быть и ниже этого. Не было с запада и окна. Таким образом, и в отношении окон, видимо, повторяется такое же распределение, как в Давитиани. Алтарное окно, возможно, начиналось на высоте 135 см над полом, хотя наличное отверстие не вполне ясно, как окно.

В кладке стен характерен следующий прием: по граням северо-восточной и северо-западной, а также юго-восточной, и юго-западной, в толще стен заметны пустоты, оставшиеся после сгнивших деревянных вязей из балок, проложенных горизонтально в толще стен.

Над аркой сохранились *in situ* два камня наружной стены барабана. Они стояли, примерно, на толщине в 50 см от внутреннего края арки, т. е. вполне аналогично Давитиани. Низ кровли церкви тоже, видимо, сохранился тут же; он с совершенно малым уклоном.

Размеры плана этой церкви несколько меньше Давитианской, так и ее высота. Высота от пола до пяти алтарной конхи здесь 234 см, а в Давитиани — 307; высота до зенита арки около 373 см, а в Давитианской — 445.

ОБОБЩЕНИЕ

Выше рассмотрены наличные представители древнейшего времени купольной архитектуры в Кахетии. Они располагаются по времени в V, VI и VII веках. При изучении их я был вынужден применить, кроме непосредственного исследования памятников, к некоторым из них также метод установления стилистических качеств первообразов. Этот прием был вызван самими свойствами материала: перед нами восемь различных, ярко характерных форм. Другими словами, в них мы вынуждены считаться с самостоятельностью творчества. Наличные восемь типов выявляют многообразие форм и частью показывают крупные расхождения некоторых из них.

Мы ознакомились прежде всего с одним типом раннего крестообразного купольного хра-

ма, именно тетраконха. Проследили при этом как направление развития его на Кавказе в строгих пределах чистой формы, так равно и усложненных. Мы имеем в Кахетии два специальных случая этого усложнения и еще один дальнейший случай развития той же тетраконховой основы — это Ниноцминдский кафедрал, ббльшая и затем меньшая купольные церкви Шуамтинского монастыря. Так были прослежены формы и их движения в отношении одного определенного решения в области крестовокупольного плана храма. Это рассмотрение всего известного материала дало возможность определенного установления пределов во времени, когда началось значительное развитие простого тетраконха, и оно позволило увидеть, что и это развитие не прямолинейно, а разветв-

сто: выяснилось, что развалина эта сравнена с землей во время антирелигиозного движения 1924 года.

¹ Осмотрена 16 и 17.VII.1920 года и 28.VIII.1922 года. — При посещении Вачнадзвани 29.X.1934 г. я не нашел никаких следов этой церкви, а лишь ровное ме-

лено и в некоторых пунктах имеет довольно сложные мотивы. Мало этого, удалось сразу же на этом типе выяснить особенности развития в раннее время и затем до известной степени противопоставить ему подобные же формы в среднюю эпоху X—XI веков. Другими словами, специальный вопрос о тетраконхах получил надлежащее уяснение и формулировку только на широком базисе общего подхода и рассмотрения развития кавказской архитектуры.

Но этим типом тетраконховых храмов и их ответвлений не исчерпывается набор форм раннехристианского купольного храма на Кавказе. В нем мы имеем только наиболее яркий для данного времени определяющий его тип, которым еще в ранний период — в Грузии, как мы видели, со второй половины VI века — начинается крупное яркое развитие, которое за короткий период времени, в каких-нибудь 50—75 лет, выявляет несколько выдающихся по замыслу и исполнению характерных разновидностей типа (Ниноцминда, Джвари Мцхетский, Ишхани, Бана). Наравне и параллельно с этим типом крестово-купольного храма раннего времени стоят другие — именно прежде всего с прямоугольным завершением рукавов креста, перекрытых коробами. Этот, именно, тип, как я полагаю, большее время, чем тетраконховый, сохранял в скрытом виде — по основным своим особенностям — заключенные в нем возможности дальнейшего развития. Нужно было исчерпать сперва все возможности варьирования и усложнения в развитии тетраконховой темы, чтобы обратиться к не менее, если не к более сложным композиционным замыслам на основе второго типа. Это обстоятельство имеет, полагаю, свое внутреннее художественное основание.

Тип крестово-купольного храма с равноконечными рукавами, из которых только алтарный завершается абсидой, а остальные — прямоугольно, создает некоторое пространство, где резко противопоставлены торцовые стены трех рукавов к коробовому своду, перпендикулярному им; не получается действительно постепенного, цельного закругления пространства, необходимого его формирования в тех или иных пределах, а, напротив того, создается некоторый контраст, противопоставления. Правда, это последнее воспринимается при рассмотрении храма по частям, при сравнительном рассмотрении отдельных его рукавов; оно

воспринимается, как противопоставление круглым формам алтарной абсиды прямолинейного среза коробового свода в остальных рукавах. В целом же храма, конечно, это могло восприниматься только некоторым диссонансом к общей равнобедренности крестового плана, ярко выраженной и в этом типе. Указанных два течения, таким образом, должны были вести и все развитие в расходящихся направлениях, ибо введение одной объединяющей точки, естественно, противопоставлялось ходу развития тетраконхового типа с его равномерной и единообразной законченностью всех сторон. Но в этом параллелизме течений заключается основание дальнейшего развития. Он подчеркивал, выявлял особенно резко, в отличие от тетраконхов, алтарную часть, имеющую совсем иную от других форму. Этим моментом в конце концов определяется характер и направление дальнейшего развития: храмы получили более подчеркнутую продольную, так сказать, ось с востока на запад, ставшую незаметно действительно более длинной, чем линия распространения зданий с севера на юг. Это явление подготовлено было уже в типе Джвари Мцхетского, являющемся разновидностью общего тетраконхового типа. Это направление развития проявляется, таким образом, как мы видим, не только в постройках простого крестового плана с прямоугольными рукавами, но и в тетраконховых композициях. Характерно, что в первых оно лишь постепенно намечается, и то не всегда своими внутренними формами, а сперва наружными массами. В Кахетии для последнего мы имеем пример в вышеописанной церкви Самеба в Икалто, тогда как купольная церковь в Шиомгвиме (в Картли) есть пример для выявления продольности уже внутренними формами¹.

Итак, наравне с тетраконхами мы узнали в Кахетии и иной тип, который я считаю также изначальным, параллельным к тетраконхам. В нем имеется четыре кахетинских разновидности. Вернее говоря, один — общий тип, несколько упрощенный конструктивно из-за миниатюрных размеров (Зегани), другой — измененный по внешнему контуру (Давитиани, Вачнадзани), а третий — совершенно своеобразный с резкой уже подчеркнутостью вонне продольной оси с востока на запад (Икалто). Этот последний пример особенно интересен, так как в нем мы имеем памятник, близкий по плану, а также и по размерам к малой церкви Джвари Мцхетского. Наконец, мы видим и еще один, чрезвычайно интересный тип, где два рукава

¹ Ср. мое исследование в *Bulletin de l'Université de Tiflis*, том V (1925), на немецком языке.

საქართველოს
რეპუბლიკის
ქრონიკის
სამეცნიერო
სამუშაოები

завершаются абсидами, а два других рукава в плане прямоугольны. Но при этом зодчий нашел способ избежать той жесткости противопоставления, о которой выше сказано: он сажает конхи над прямоугольным основанием посредством угловых троп. Таким образом, создан переход и деликатное соединение перекрытия с массами стен. Это как бы примиряющее оба направления решение, где сочетаются положительные стороны второго с первым, избегая шероховатостей его.

Но если таковы памятники по группам, представляемым ими, то они далеко не равноценны по своим индивидуальным качествам. Применительно к этим последним все памятники, рассмотренные выше, распадаются на две группы. Одна имеет вполне самостоятельное, решающее крупное значение своими примерами, как индивидуальными созданиями. Другая, напротив того, значение свое основывает на типичности форм, представители ее — рядовые примеры. Следовательно, они сами по себе не могут служить решающими в вопросе о датировке представляемого ими типа или его развития. Разве только условно определяя, что в такую-то эпоху данный тип был уже сформирован или прошел те или иные стадии изменения. К этой второй группе по существу мы должны причислить даже Гавазский тетраконх, ибо состояние его не позволяет утверждать его индивидуальное значение, хотя я полагаю, что такое он должен иметь¹. Но особенно резко эта вторичность вывлекается в трех из описанных церквах, — в Кисисхевской, Давитианской и Вачнадзианской. Это — миниатюрные постройки, повторяющие формы храмов более крупных размеров. Поэтому они своим существованием говорят, что представляемые ими формы храмов об одной и о двух абсидах при равноконечности крестового плана к этому времени несомненно уже существовали. К сожалению, сами миниатюрные их размеры лишают нас возможности выяснения, не проделали ли представленные ими типы к этому времени какой-либо эволюции? Одно несомненно, что типу с одной абсидой в двух примерах придали внешний облик восьмигранника, учитывая его малые размеры.

Напротив того, для тетраконхового типа различные примеры дают твердые основания для понимания картины изменения форм его во времени. Значит, индивидуальное значение их вполне несомненно и очень велико. Только, как

¹ Поэтому в предшествующем изложении я именно так и подходил к этому памятнику.

сказано, состояние Гавазского храма лишает нас возможности предположительного выяснения исходных моментов развития данного типа.

Зато кафедрал в Ниноцминда, уже по своим индивидуальным художественным данным привлекающий внимание исследователя, в эволюционном значении имеет совершенно исключительное значение. Как показано в моей Истории грузинского искусства, Ниноцминда представляет собой переходный памятник на пути исканий крупных композиций с тетраконховой основой, явившейся толчком для создания генерального произведения древнего грузинского искусства — Джвари Мцхетского.

Если, как описано выше, одна группа памятников индивидуально очень характерна и значительна именно по этому месту в развитии грузинской, в частности, кахетинской архитектуры, намечая с несомненностью этапы его, то вторая группа рядовых представителей — как мы видели это уже и в некупольной архитектуре — имеет свои преимущества именно в этом массовом, рядовом характере в широкой распространенности таких построек, что выявляет характерные черты для установления отложившихся этапов развития, дает возможность уловить нити, идущие от одной эпохи к другой. Хотя они являются собственно как бы несколькими, вырванными из хода развития моментами, ни предшествующих звеньев которого, ни последующих на почве Кахетии до нас не сохранилось, все-таки направление этого предшествующего развития и характер его выясняется при сопоставлении с другими данными достаточно ясно. Что же касается дальнейшего развития, то для него мы имеем в других районах Грузии достаточное количество памятников, по которым можно получить вполне законченную картину. Для нее, однако, сумма данных, извлекаемых из древнейших памятников архитектуры Кахетии, очень значительна, ибо мы видим здесь как оригинальные произведения, так и миниатюрные воспроизведения купольной архитектуры уже в VI веке; а такие образцы, как Зеганская церковь Марины, позволяют думать и о более раннем времени и вместе с Черемским квадратом и проходом с куполом (без барабана) на тропках в Матанском монастыре Цхра-Кара V века или в Ахметской Гвтээба заставляют ставить вопрос в совершенно ином свете.

Материал этот имеет существенное значение и для вопроса установления той нижней границы времени, которой может быть обозначена рассмотренная группа купольных памятников.

В составе рассмотренных древнейших купольных храмов Кахетии только кафедра Ниноминдских епископов, да большая купольная церковь монастыря Дзвели Шуамта имеют выделенный в особом помещении жертвенник при алтаре. Все же остальные помещали жертвенник на площади алтаря. Как известно, вопрос выделения отдельных помещений для жертвенника и диаконника (ризницы) связан с вопросом развития самого христианского ритуала. И хотя Н. С. Butler утверждал связь архитектурных форм троечастного алтаря с дохристианскими святилищами южной Сирии типа Эс-Санамен, но—как это устанавливает и подчеркивает J. L a s s e n—ошибочно: троечастный алтарь еще в первой четверти V века обусловлен не практическим назначением, а архитектурным подходом, не говоря уже о том, что в южной Сирии таковой вообще появляется поздно, как резонанс из северной Сирии. И действительно, S t r o w f o o t в своем отчете о раскопках Босры, увенчавшихся четким установлением форм плана этого замечательного памятника, оттеняет, что жертвенник-капелла появляется только со времени включения в литургию Великого и Малого выхода, т. е. при Юстине II (565—578 гг.)¹. В храмах центральной Малой Азии выделение пастофорий произошло даже и позже этого. В небольших храмах, есте-

ственно, что принуждены были обходиться без выделенных комнат для них. Но в числе рассмотренных храмов примечательно создание больших глубоких ниш своеобразной формы в алтаре Икалтойской Самеба. Нельзя сомневаться, что и они указывают еще на эпоху до образования выделенных для пастофорий комнат по сторонам алтаря.

В этом отношении особенного внимания заслуживает Гавазский тетраконх, в котором имеется ряд деталей, указывающих на большую древность; отсутствие выделенного жертвенника подкрепляет, со своей стороны, большую древность тетраконха. С другой стороны, выделенные комнаты пастофорий, выдававшихся даже из пределов круга здания, в раскрытом П. Д. Барановским большом тетраконхе с обходом в Леките, говорят красноречиво за относительно позднее время возведения всей постройки, именно как продолжение таких же зданий, возведенных в середине VII века в Грузии и в Армении. Этим отводится сомнение П. Д. Барановского, не есть ли Лекит наиболее ранний пример, непосредственно примыкающий к Босре. Нарочито подчеркнутое выделение пастофорий в Леките несомненно указывает на эпоху полного и широкого господства такого выделения, его повсеместного применения.

¹ J. W. C r o w f o o t, Churches at Bosra and Samaria-Sebaste (British School of Archaeology in Jerusalem. Supplementary Paper, 4). London 1937, p. 17.

ВАЧНАДЗИАНИ. Интерьер купольного храма Квела-Цминда

Акварель Н. П. Северова

ГЛАВА VI

КУПОЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА VIII—IX ВЕКОВ

В предыдущей главе нами рассмотрены древнейшие купольные церкви Кахетии. Они являются или непосредственно представителями исходных форм развития, или же прямыми, непосредственно протекшими усложнениями, развитием этих последних. Действительно, для создания каждой из них в основу форм их положено одно простое начало ограниченного массива стен равноконечного креста. Эта форма лежит в основе всех их, она доминирует и проявляется без колебаний также и во всех сложных, производных формах этого основного, первоначального типа. Совсем иначе компонованы церкви второго периода, датируемые нами расцветом кахетинского царства с конца VIII и в девятом веке. Здесь прежде всего бросается в глаза тот факт, что зодчий, можно сказать, отошел от основного плана древней купольной церкви, что он ищет новых решений, и в силу этого небольшое число сохранившихся примеров дает картину разнообразия композиционных построений. В это время встречаются примеры комбинирования, соединения двух разнородных типов: венчающий среднее пространство церкви купол объединяется с чуждыми формами, именно с подготовленными в ходе местного развития формами чистого базилического типа и типа трехцерковных базилик. А также разные варианты так назыв, типа

«вписанного креста», древнейшим исходным примером которого в Грузии — и притом исключительно великолепным — является Цромский храм в Картли, построенный сыном эризмтавара Адрнерсе, Степанозом ипатием, между 626 и 634/5 годами. Несомненно полагаю, что на этот шаг натолкнуло зодчих этой эпохи рождение политической мощи страны желание дать внушительные размеры создаваемым ими пространствам.

В церквях указанной эпохи применен принцип купольности строения, но, как сказано, нередко игнорируется крестообразность плана. В отношении композиции плана архитектор обнаруживает искание новых решений, значительную независимость от традиционных решений, т. е. свободу в выборе и сочетании форм. Но при этом характерно, что часть представителей купольной архитектуры этого периода считается в распределении пространств храма с выработавшейся в церковном обиходе потребностью соединения в одном церковном теле нескольких алтарей. Достигается это прежде всего в известной нам уже форме, ближайше аналогичной с формами трехцерковных базилик. Таким образом, несомненно тот факт, что эта форма обнаружила способность развития и вне базилических рамок, где она прошла интересные и примечательные фазы своего развития. Те-

перь перед нами совершенно самостоятельное продолжение жизни этих же элементов уже в купольной архитектуре.

Итак, одна группа церквей рассматриваемого периода объединяет в одном церковном строении несколько самостоятельных церквей. Куполом венчанное пространство занимает, конечно, центральное, главное место, а вокруг него размещаются второстепенные церкви. Естественно, что совмещение с длинным однефным корпусом главной церкви купола на барабане должно было вызвать особое приспособление его к этому последнему добавлению. Игра сил — распор купола — вызывала изменение в формировании и самих пространств. И действительно, в обоих величественных представителях купольных храмов этой группы видим, что зодчий создает второй этаж в боковых нефвах. Это ему нужно, чтобы получить достаточную высоту стен боковых нефов с соответствующей передачей давления, распора от барабана купола при данной высоте средней, главной церкви. В более древней из церквей данной группы близ Гурджаани зодчий использовал, именно во втором этаже, возможность создания дополнительных церквей. Нижний же этаж является объединенным в одну большую трехнефную церковь. Иначе подошел к вопросу зодчий Вачнадзианского монастыря Квела-Цминда. Здесь, как и в трехцерковной базилике этого монастыря, проявлено совершенно индивидуальное, очень яркое творчество. Средний неф представляет собой самостоятельную отдельную церковь. Алтарная часть ее имеет справа и слева во главе боковых нефов самостоятельные помещения для жертвенника и диаконника, служившие, быть может, кроме того и самостоятельными приделами. Но мало этого — там же в нижнем этаже в обоих боковых нефвах имеется по абсиде и приделу. Таким образом, здесь пять отдельных приделов. Мы видели, что и в трехцерковной базилике этого монастыря было какое-то значительное усложнение типа и, возможно, именно такое сильное увеличение приделов.

В основу обеих церквей положен грандиозный удлиненный массив строения. Это, очевидно, совсем еще крепкая, начальная попытка компоновать длинное купольное строение на место привычного равнобедренного. Чтобы создать равновесие в длинном корпусе базиличной постройки, зодчий первого храма поместил симметрично восточному куполу, находящемуся перед алтарной абсидой, второй в западной части. Так получился двухкупольный храм. Так

же на длинном корпусе здания, хотя и совсем иначе, решен вопрос во второй церкви. Здесь вместо трехнефной базилики имеется в основе трехцерковная базилика развитого типа Некресской, Зеганской или Вачнадзианской. Помещения же на хорах связываются широкими и высокими проемами с главным пространством храма. Зодчий отодвинул купол к центру храма, чрезвычайно удачно заполнив промежутки между куполом и оконечностями пространства на востоке и западе, являющиеся как бы переходом от центрального купольного пространства. Таким образом, оба зодчих пошли по линии создания хор; впрочем первая попытка создания хор в Кахетии отмечается в некупольной архитектуре, именно в древней трехцерковной базилике Саввы Карданахского, — как бы подготовительно. Создание хор вызвано было в Гурджаани и в Вачнадзиани конструктивным положением, ясно понятым зодчими. Но, применив этот элемент, оба зодчих использовали хоры вполне самостоятельно и очень полно. И, как это ясно видно в первой церкви, зодчий — хотя скорее ошупью — но уже понимал и богослужбное назначение хор, как помещения для двух приделов, которые он не мог поместить внизу, имея трехнефную базилику. Напротив того, во втором храме применение очень богатое, сложное, разностороннее. Таковы эти две грандиозные, величественные церкви изучаемого периода.

Значительно отличается от обеих этих храмов третий купольный храм той же эпохи, именно в Некресском монастыре. Это церковь совершенно незначительных размеров, так что резко бросается в глаза отличие и самого принципа ее от предыдущих. Но все-таки связь ее с ними, именно со второй представляется мне совершенно очевидной. Перед нами — новый вариант на ту же тему объединения принципа трехцерковности с куполом, как и в Вачнадзиани, но только в маленьких размерах — монастырь не обслуживал большого скопления народа. И вот зодчий дает ярко индивидуальное, совершенно единичное решение — он сажает купол на высоком барабане прямо на квадрат стен средней церкви, противопоставляя распору выступающую пятью гранями абсиду и обход с трех остальных сторон. В обходе он устраивает два придела.

Исследование четвертой церкви изучаемого периода наталкивается на значительные трудности в силу того, что она дошла в состоянии значительных переделок, различных реставраций и застроек разного времени. Хирсский со-

бор св. Стефана в сел. Тибаани Сигнахского района. В той композиции, которая была создана в Хирса в изучаемую эпоху VIII—IX веков, использованы значительные части древней трехнефной базилики, соединенные со встроеной купольной частью. Эта добавленная часть задумана широко и свободно с массивными подкупольными столбами и развитой алтарной частью с двумя просторными обособленными помещениями. В качестве западного рукава крестово-купольной композиции Хирского собора св. Стефана использована половинная длина древней трехнефной базилики.

Так же затруднено исследование и главного храма монастыря в Икалто, сильно пострадавшего, видимо, в поздние века, и затем восстановленного, как важного центра культуры в Кахетии времени нового царства. По характеру ремонтных работ и других показателей ниже делается попытка установления первоначальных форм. Это — очень своеобразная композиция на тему «вписанного креста» плана с четырьмя свободно стоящими опорами под куполом. Данная широкая свободная компоновка с открытыми перед каждым входом портиками является непосредственным звеном соединения с большими решениями следующей эпохи. Еще более выдающимся, блестящим примером является Амаглеба в Озаани, придерживающаяся редуцированного на два столба плана «вписанного креста».

Другая церковь тоже редуцированного как

в Озаани плана, дошедшая, однако, в состоянии полных развалин с провалившимся перекрытием центрального квадрата, но зато свободная от позднейших реставраций — церковь Варцанийской богородицы близ сел. Шильда — по своему решению не отличается какими-либо интересными исканиями. И отдельные архитектурные элементы, и портики перед входами, как в Икалто или Озаани, применяют широко известный по всей Грузии набор.

Таким образом, рассматриваемая хронологическая группа купольных церквей представляется итогом, результатом сильно выраженных исканий новых решений по сравнению с законченными образцами архитектуры предшествующего древнего периода, проявляющихся совершенно различно применительно к различному масштабу здания и в связи с различной творческой индивидуальностью зодчего. Даже не отмеченные ярким дарованием зодчего примеры купольных храмов VIII—IX веков дают материал для понимания самого процесса строительного творчества той эпохи с ее исканиями новых решений. В целом творчество данного периода остается незатронутым исканиями других христианских стран, оно не говорит вовсе о каком-либо воздействии последних. Только естественно общим для всех их является потребность увеличения самого пространства главной церкви, расширения его перед алтарем, а также создание приделов — здесь первоначально все еще навыками древней эпохи.

1. ГУРДЖААНСКАЯ КВЕЛА-ЦМИНДА

О п и с а н и е.—Гурджаанская церковь успешной богородицы находится в ущельи Кахтубанском или Гурджаанском, или Квела-цминдском, в 1½—2 км от сел. Гурджаани. Она располо-

жена совершенно одиноко, в чаще леса (ныне несколько вырубленного), на склоне левого берега ущелья на некоторой естественной здесь ровной площади¹.

¹ Впервые осмотрена 29.IX.1919 года, а затем неоднократно в августе 1921 года, когда произведены и частичные исправления чертежей М. Г. Калашникова, произведенные Н. П. Северовым. Нельзя не отметить, что М. Г. Калашников в обмерах студенческих годов особенно увлекся изображением искривлений; а рядом с этим подчас пропускал существенные разногласия частей. Замеренные Н. П. Северовым исправления внесены только в 1955 г. при перечерчивании обоих планов Р. С. Мепишавили. Затем посещена 27.X.1922 г., когда впервые сделаны снимки и, наконец, 27 и 28.X.1934 года, когда произведены дополнительные обмеры В. Л. Цицосани и снова исполнен набор фотоснимков.—В 1938 году в Квела-Цминда были проведены Отделом охраны

памятников культуры Грузии ремонтно-укрепительные работы, при которых вскрыты остатки наружной лестницы на хоры с запада и два фрагмента отделки. К сожалению, произведенное закрепление южного фасада обезличило древний вид и различия в хронологических наслоениях, как я убедился при посещении 10.X.1940 года. Описание фиксирует положение до ремонта 1938 года.

Гурджаанской Квела-Цминда посвящены две работы, знакомящие вкратце и с архитектурой ее, именно: 1) свящ. Полиевкта Карбелашвили в Духовном Вестнике Грузинского Экзархата, за 1897 год, № 11, приложение, и 2) Л. М. Меликсет-Бекова в Христианском Востоке, т. III, Пгг. 1916, стр. 309—313 под заглавием «Кахтубанский храм».

Постройка сохранилась сравнительно хорошо, хотя церковь давно уже пустует¹. Но в конце 70-х годов кровли ее были покрыты для защиты дранью, еще лет 15—20 тому назад торчавшей как перья во все стороны, а ныне и вовсе исчезнувшей. Зато сейчас на куполах явно выступила кирпичная основа из сплошной массы под черепицу, а на одной грани восточного купола многочисленные остатки самой черепицы. Кое-где и на скатах крыши самой церкви имеются черепицы.

Гурджаанская Квела-Цминда была обмерена в 1912 году архитектором (тогда еще студентом Академии художеств) М. Г. К а л а ш н и к о в ы м. При всей явной старательности в исполненные по обмеру чертежи, напечатанные в *Album d'architecture géorgienne, rédigé par M. Takatchvili*, издание Тбилисского Университета 1924 года, табл. 69—73, вкрались различные дефекты. Так, на обоих разрезах неправильно показаны стенки восьмигранников купольных барабанов над тропами и до пяты свода. В продольном разрезе, кроме того, неправильно показана форма конхи в абсиде, размеры трех окон на юг; окна в барабанах куполов изображены с такой формой верха их, какую они имеют по фасадам, а не внутри здания, где верх их образуют два, под углом составленные кирпича.

Это заставило произвести дополнительный обмер для выполнения продольного разреза, продольных же по боковым нефам, а равно южного фасада, исполненных арх. В. Л. Ц и л о с а н и в 1934 году (схематично).

Построена эта церковь из двух материалов — булыжника и кирпича. Булыжники составляют все внешние стены здания, они подобраны одинаковые и положены ровными рядами кладки. Конечно, все углы здания и декоративные части фасадов выполнены в обычном кахетинском пористом желтом ширими, отдельные камни положены без специального чередования на углах, которое имеется в церквях монастыря Дзвели Шуамта (табл. 189—196). Кирпич, примененный в постройке церкви, крупных размеров $26/27 \times 26/27 \times 7/8$ см. Помимо простых кирпичных плиток, был специально обожжен и кирпич для капителей и для нижних частей арки алтаря, где резко выделяется подкова плана абсиды. Кирпичной кладкой выведена вся сред-

няя, ответственная часть здания — именно главный неф со своими устоями, двумя куполами, коробовыми сводами среднего нефа, подпружными арками его (табл. 197—204); только абсида и нижняя часть конхи алтарной абсиды сложены из булыги ровными рядами так же, как и вся остальная часть храма, т. е. боковые нефы, хоры с абсидами и конхами, а также западный неф и притвор, равно свод юго-восточной нижней комнаты (диаконника)². Перемычки горизонтальные над дверьми сделаны из видного повсюду в Черемском ущельи камня, очевидно, специально рванного для этого.

План данной церкви очень сложный, как отчасти и отдельные архитектурные элементы, составляющие ее целое. Храм в известных частях — двухэтажный. Основные формы его состоят из среднего, длинного нефа с главной абсидой алтаря. Сам средний неф состоит из трех одинаковых квадратов, два крайние из которых венчаны поверх восьмигранных барабанов сомкнутыми сводами. К этому главному нефу с юга и севера примыкают боковые нефы, соединенные с ним тремя пролетами и перекрытые по длине коробовыми сводами, т. е. в основе — тип базилики, именно купольной базилики. С западной стороны эти боковые нефы соединены столь же широким, как они, обходом с запада. На восток оба боковых нефа оканчиваются специальными прямоугольными помещениями — северное квадратное, а южное узкое, прямоугольное: абсид они не имеют, т. е. служили исключительно в качестве жертвенника и диаконника³. Над этими нефами с трех же сторон имеется второй этаж: с запада он открывается в главный неф широкими пролетами, образуя, таким образом, открытые в храм хоры. А над боковыми продольными нефами этот второй этаж — глухой в средний неф, ибо в него ведут с севера два, а с юга три, совершенно маленьких, узких и коротких, отверстия. Размеры отверстий на южных хорах в 25—30 см ширины при 40—50 см высоты; низ этих отверстий приходится на высоте головы человека. Перекрытие и здесь, конечно, по длине коробовое или, вернее, отчасти ползучий свод, кое-где с тенденцией к подковообразной при этом форме (поперечный разрез). В восточном конце они имеют отделенные дверью помещения с абсидами, т. е. показывают нали-

камере, причем у правого края тропы видно гнездо от палубы, по которой лили своды. Здесь сохранена полностью ровная гладкая заливка по палубам восьмигранной сомкнутого свода. В коробовом же своде юго-восточной камеры яснее проступает материал камня.

³ В северном ныне имеется престол у восточной стены, но это результат позднего добавления

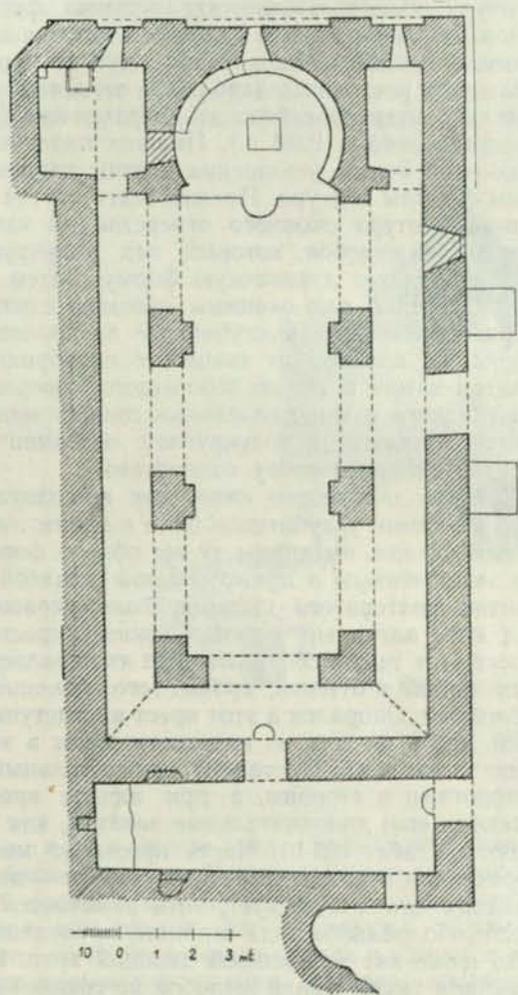
¹ Как явствует из добавления в тексте В а х у ш т е в о й Географии, сделанного в переписанном в 1818 году И н а н а ш в и л и экземпляре (S.4990), храм функционировал, были монахи и настоятель (см. издание Н. А. Б е р д з е н и ш в и л и и Т. Н. Л о м о у р и, стр. 341 к стр. 98 строка 35).

² Табл. 202 воспроизводит свод в северо-восточной

где здесь отдельных приделов¹. Этот основной организм дополняется еще следующими частями. С запада имеется длинный, во всю длину западного фасада, притвор. Вход в него с юга. Из притвора проход в самую церковь с запада. Над этим притвором имеется ровная от-

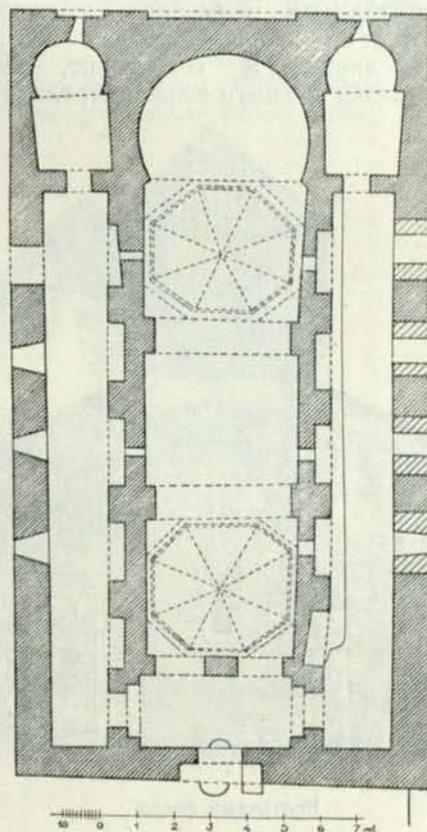
сы лестнице: при расчистке в 1938 году остатки ее обнаружены под покрывавшей всю эту часть землей.

С южной стороны имеются по сторонам входов два больших сплошной кладки каменных куба, верхние части которых совершенно раз-

План по первому этажу

крытая терраса (табл. 192—194). С этой террасы ведет вход на западные хоры. А на самую террасу вход был, как я предполагал и раньше, с запада по пристроенной снаружи терра-

План по второму этажу

рушены (табл. 192—194): о возможном назначении их—ниже (стр. 278). Наконец, и с севера, по всем данным, были какие-то еще части, от которых остались слабые показатели, позволяющие делать лишь условные заключения (табл. 195)².

Восточный фасад здания является в данной церкви наиболее отделанным декоративно (табл. 191 и чертеж по обмеру М. Г. К а л а ш н и к о в а). Именно с восточной стороны цер-

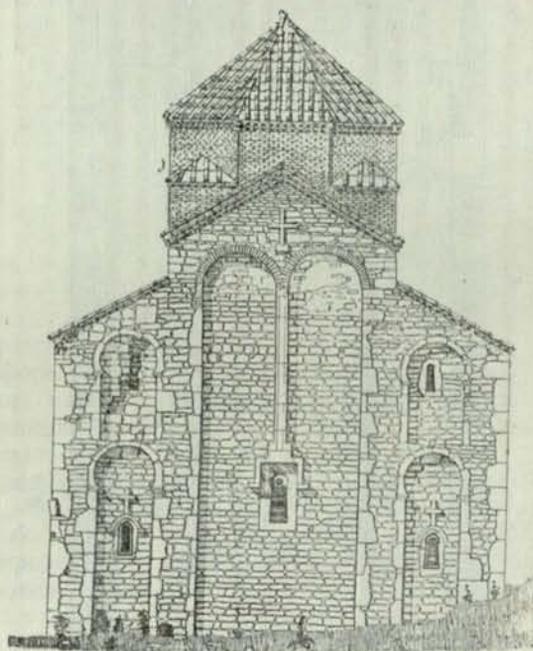
¹ В северном из них сохранился на месте, при стене, престол, сложенный, правда, из мелкого—т. е. позднего—кирпича. Перемычки дверей в эти приделы на хорах сделаны в отличие от остальных дверей из толстых брусков ширины, как им же отчасти обработаны и притоки этих двух дверей.

² Нижняя, ободранная часть северной стены при ремонте вся выложена для закрепления здания; выступающая же в восточном конце часть сохранена нетронутой.

ковь становится впервые видной, и отсюда и подходишь к ней (табл. 190-а). Сообразно общей разбивке масс на среднюю, более высокую часть с двускатной крышей и боковые, более низкие со скатами в ту или иную сторону архитектор намечает и в декоративной отделке три поля — среднее более широкое и более высокое, и боковые, в свою очередь разбитые каждое на два по вертикальной линии. К сожалению, верхняя часть отделки среднего поля пострадала и бы-

мечены двумя арками с обрамлением, одна над другой; это — выявление на фасаде внутреннего деления пространства: боковые нефы и хоры-приделы над ними. Каждое из таким образом подчеркнутых органических частей здания имеет на восток окно. Окна эти обрамлены тем же желтоватым пористым ширими и по своему контуру имеют вполне характерную форму. Вверху подковообразная арка, а от пят ее вниз прямые продолжения контура идут не параллельно, а расходятся (табл. 196-а). Окно южных хор утеряло сейчас это обрамление (оно восстановлено в 1938 г.). Нижняя пара боковых окон имеет дополнения к этим характерным формам контура. Прежде всего по той же линии контура оконного отверстия на камне проложен желобок, который над полукругом верха образует луковичную форму. Затем непосредственно над оконным проемом сделано украшение, слегка выступающее из плоскости стены, но кладкой из таких же подобранных плиток камня в форме небольшого, совершенно гладкого и в параллельных линиях выполненного креста на полукруглом постаменте с горизонтальными внизу отворотами².

Среднее, очерченное снизу так же плитами того же камня углубленное поле с одним лишь окном алтаря, имеющим ту же общую форму, но заключенным в прямоугольник кладкой из плиток желтоватого ширими, было украшено над этим алтарным окном большим крестом. Крест этот также составлен был из параллельных линий и оттенков, кроме того, врезанным желобком. Опирался и этот крест на выступающий, как и он сам, из плоскости стены в этой нише постамент. Постамент прямоугольный с отворотами в стороны, а при начале креста имеются еще дополнительные завитки, как бы волюты (табл. 196-б). Часть креста от места перекладки вверх изменена сейчас — перекладка его отсутствует, хотя намечается на месте ободранного ряда ширими, проходящего чуть ниже пят теперешней двойной арки. Поперечина также имела желобок по средней линии³, т. е. этот символически-декоративный крест был соответственно пропорциям храма также вытянутый и обрамленный одной широкой аркой этого поля, имевшей, очевидно, также подковообразную форму, как и в боковых полях фасада. Переделка же верха этой части фасада, т. е., начиная от высоты пят арок, от-

Восточный фасад

ла позднее восстановлена совсем не в соответствии с основным, продуманным декором фасада. Но восстановление его совершенно несомненно при сличении с боковыми полями, с которых мы и начнем описание. Каждое поле несколько вдавлено в стену фасада и завершается резко выраженной подковообразной аркой. Как эта арка, так и ребра заглубления до самой земли обрамлены тем же желтоватым пористым ширими, плитами разных размеров и по вертикальной линии разных форм. Пята арок имеют капители простого, обычного в Кяхетии типа¹. Боковые поля, как сказано, от-

выявляющие разные детали фактической стороны.

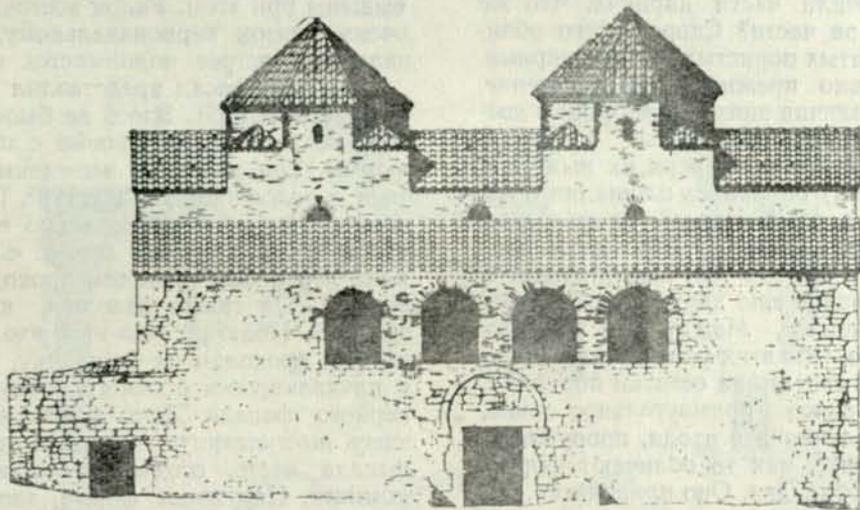
³ В правом углу, под скатом верхней кровли фасада использован, еще при старом ремонте, камень конца одного из рукавов этого большого декоративного креста (табл. 191).

¹ Северная капитель верхней северной арки обвалилась: она лежала раньше на земле — в последнее посещение я уже ее не видал. В 1938 г. восстановлена.

² Ср. табл. 196-а, воспроизводящую нижнее южное окно фасада, с общей фотографией фасада (табл. 191).

посится к позднему времени, вероятнее всего к XVII веку, и выполнена в другом материале. Именно на стержень желтоватого камня, получившийся из вертикальной балки креста после уничтожения его горизонтальной балки, опёрли полуциркульные арочки, сложенные из небольших плиток кирпича. Над точкой их схода в стену вставили несколько манерный, отчасти подлаживающийся под формы храма, крест из черно-серого камня на постаменте. Таким образом, полагаю несомненным, что и здесь над большим крестом была одна сплошная, по д-

представляет собой ныне длинную высокую стену с односкатной кровлей. Затем еще длинную очень невысокую стену среднего нефа и два купола с низкими барабанами, симметрично расположенными на этом основном корпусе здания (табл. 192, 193 и 194-b). На запад перёдняя высокая стена еще имеет более низкое продолжение с небольшой дверью внизу; вверху стены находились раньше невысокие перила из сплошной кладки. В основной корпус ведет одна широкая дверь с обрамлением из желтоватого камня шириными (табл. 193-b). Над пря-

Южный фасад

ковообразная арка с капителями, как и на боковых полях. Исключительное господство этой арочной формы во всех видных частях храма, как внутри, так и снаружи, подтверждает, со своей стороны, мысль о единстве декора восточного фасада, которая логически требуется рассмотрением его форм.

В алтарном окне была керамиковая решетка. Начало ее сохранялось еще многие годы *in situ* и имело один кружок — отверстие. В последнее посещение его более не было. Подобная же рама в обломках нашлась на подоконнике окна юго-восточной комнаты, от которого, очевидно, и происходит¹.

Южный фасад Гурджаанской Квела-Цминда

¹ Обломки эти тогда же были доставлены в Кабинет истории искусств при Тбилиском Гос. Университете (ныне в Музее Искусств).

моугольной дверью из плоскости стены выступает подковообразной формы арка из того же камня с едва заметными отворотами у пят ее в стороны. Арка эта обрамляет небольшой крестик все из того же желтоватого камня, вставленный над дверью в кладку из булыжника. Крест той же формы, как и боковые на восточном фасаде, и весь декор здесь, таким образом, тот же.

Во втором этаже этой стены, именно на южные хоры, имеются четыре отверстия. Они были первоначально большие, в рост человека, и начинались от уровня пола хор. Позднее они заложены и оставлены только окна (особенно табл. 193-b). Закладка выполнена снаружи из булыжника, а изнутри кирпичом мелкого калибра, в то время как отдельные простенки между проемами сложены из такого же кирпи-

ча, как и внутренняя часть церкви, т. е. крупного калибра (табл. 203). Это вместе с тем говорит, что эти простенки архитектор считал нужным сложить из точного материала, ввиду ответственности места. Снаружи первоначальные проемы были, вероятно, отделаны, как и окна восточного фасада, плитами желтоватого ширими с капителью и аркой. Остатки этих вязей и капители видны сейчас только в восточном проеме. Снаружи кирпичные простенки ободраны все совершенно единообразно. Это естественно наводит на мысль о том, что с этими кирпичными частями стены вязались какие-то другие выступавшие части, при разрушении которых и отскочили части кирпича. Что же это могли быть за части? Скорее всего облицовка из желтоватых пористых кусков ширими. Едва ли правильно прежнее предположение, исходившее из наличия внизу, по сторонам дверей, двух громадных квадратных сплошной кладки устоев, на которые (верх их ныне, несомненно, поломан) опиралась площадка с навесом, который, в свою очередь, опирался на подпругные арки, шедшие от простенков описанных проемов. В этом случае приходится предполагать наличие еще двух устоев по сторонам сохранившихся. Между тем никаких следов не заметно. Оба этих устоя, таким образом, естественнее считать за остатки портала¹.

Довольно большое прямоугольное окно, имеющееся ныне восточнее входа, прорублено, несомненно, позднее, как то обличают формы его и кирпичная обкладка. Оно приходится под проемом хор.

Нартекс храма был выведен одновременно с самим храмом, он является органической частью храма с западного фасада. Сложен связано с самой церковью. С юга в него ведет небольшая прямоугольная дверь (табл. 192—194). Над нартексом был балкон с перилами из сплошной стенки. Стенка перил вязана с кладкой самой церкви, хотя по южному фасаду самый угол стены церкви отмечен желтоватыми плитами камня, имеющими здесь, таким образом, декоративное значение.

Если, конечно, в облик каждого фасада входит, как необходимый элемент, наличие подни-

мающегося барабана и шатра купола, то южный фасад, открытый для обозрения, определяется наличием куполов (табл. 190-b). Они выведены из кирпича крупного калибра, совершенно четко в восемь граней и восемь же граней шатра. На южной грани западного купольного барабана вокруг окна видна как бы заложная ниша стены, сложенная из более мелкого кирпича (табл. 192-b, 193, ср. еще вид с севера—табл. 195-b). Быть может, для укрепления сохранившейся частично черепицы, которая, судя по рисунку, скорее всего относится к XVI—XVII вв., пирамидальные шатры куполов были дополнительно выложены кирпичом и повышены при этом. Уклон восточного, вероятно, очень близок первоначальному, уклон же западного — острее поднимается вверх².

Северный фасад представлял аналогию южному (табл. 195). Здесь не было, однако, особого входа и четыре проема с хор имели иные формы. Три западные выведены сразу в виде окон с подоконником в уступ³. Только крайний восточный был первоначально той же формы, что и проемы южных хор, т. е. начинался от пола хор и был широким проходом в рост человека⁴. Он также заложен, как и южные проемы⁵. Полагаю, что этот вход действительно был проходом на площадку, бывшую здесь и начинавшуюся с самого восточного края северного фасада. Дело в том, что мы имеем здесь выступающую из линии стены северного фасада часть, соответствующую с.-в. нижней комнате. Наружная форма здесь была мною обнаружена в самых нижних частях и нанесена на чертежи. Форма эта показывает, что архитектор сознательно выполнял и думал о законченности восточного фасада. Эта выступающая часть, однако, не достигает еще хода из хор. Очевидно, что площадка продолжалась дальше — на некоторое расстояние прослеживается уступ стены примерно в полметра шириной. Кроме того, нижняя часть стены до западного угла на одну общую с этим восточным выступом высоту ободрана. Западная граница массива выступа намечается (благодаря отсутствию здесь зарослей) совершенно четко, а рав-

¹ Подобно portalу входа в Самцеврисскую церковь (ср. *Ars Georgica*, 2, 1948).

² Это прослежено и обмером.

³ См. разрез поперечный. Ср. окна в Джвари Мхетском, Црми и др.

⁴ См. еще табл. 204-а — вид внутри с востока на запад и продольный разрез по северному нефу, исп. В. Л. Циловани в 1934 г.

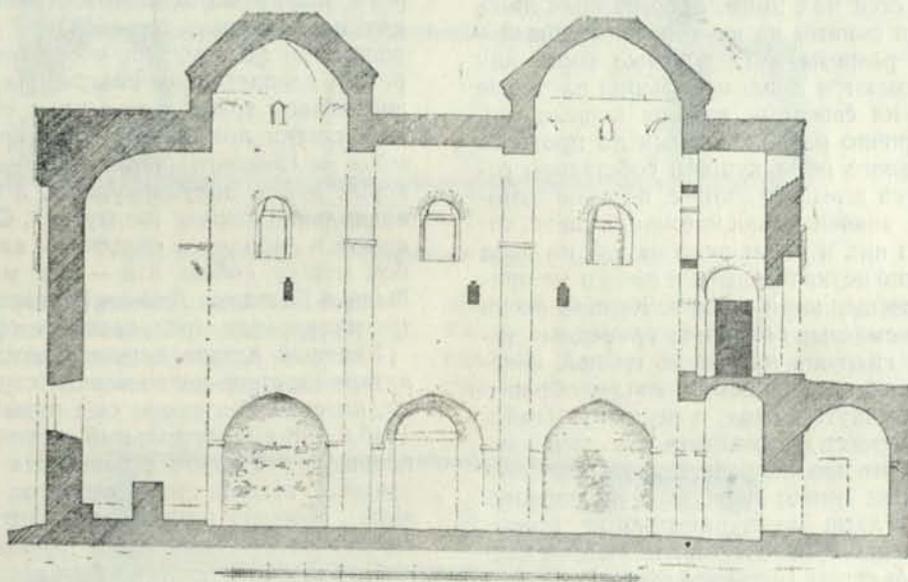
⁵ Это наблюдение (табл. 195) привело меня при первом ознакомлении с этим памятником к мысли, что имеем здесь переделку в процессе построения (ср. примечание 3 на стр. 33 в «Моамбе» Тбил. Университета, II, Тб. 1922-23). Сейчас это пояснение нужно откинуть сообразно излагаемым в тексте предположениям о реконструкции древних форм.

но и остатки начала свода какого-то низкого и длинного помещения. Таким образом, ободранная стена — результат разрушенного помещения, потянувшего за собой и часть кладки стены¹.

Западный фасад имел в высоту одного этажа церкви нартекс с особым входом с юга. Над нартексом — широкая терраса, обведенная перилами, судя по остатку при южной стене сплошной каменной стенки в 70 см толщиной. От обрывков этой стенки-перил, еще установленных в первые посещения, в 1934 году уже не устояло и последних следов. Быть может, западную его стену вначале предполагалось сделать тонь-

был, как сказано, прямо с запада по пристроенной лестнице².

С террасы вел на хоры храма вход широкий, большой, обрамленный устоями из желтого ширими с обычными импостами, на которых укреплен кирпичной кладки подковообразная арка с заполнением люнета кирпичом же (табл. 194). Быть может, этот вход был еще особо отделан порталом, ибо заметны были здесь какие-то неясные остатки³. Над входом имеется еще небольшое окно. Хотя снаружи кладка вокруг этого окошка чиненная, но изнутри она древняя: окно изнутри значительно шире и имеет вполне правильный полуциркульный

Продольный разрез

ще — на это наводит наличие внизу желтоватого камня вязей, не на краю. Во всяком случае имеющаяся на запад в западной стене «отдушина», идущая вверх, сделана с расчетом на наличную толщину стены. Выход на террасу

¹ Л. М. Меликсет-Бек писал в 1914 году, что «с северной стороны к храму по всей длине его пристроен склеп, очевидно, для монашествующих» (стр. 312). При ремонте здесь подведена в 1938 г. стенка, устроен отводной канал, хорошо расчистивший фасад, на котором сохранены нетронутыми выступающие части около восточного угла.

² От нее как будто нащупывался правый, южный край еще до всякого прокопа. В общем до 1938 года

верх. Таким образом, естественно полагать, что окно древнее.

Кровли храма крыты черепицей, частью имеющей украшения крестиками разных типов (табл. 196-с)⁴. Покрывающие сходящиеся реб-

вся эта часть перед западной стеной нартекса была целиком завалена с северо-запада землей. При ремонте в 1938 году земля убрана и выявлены остатки лестницы. К сожалению, древний фрагмент лестницы не был ни графически, ни хотя бы фотоснимком зафиксирован.

³ Ср. массивные кубы при входе в храм.

⁴ Образцы были доставлены в Кабинет искусствоведения Тбилисского Университета.

ра плоских черепиц имеют стрельчатую форму. На куполах крыша составлена как раз из таких черепиц с крестиками; черепицы положены на основу шатра из ребром сложенных кирпичей.

Карниз церкви так же позднее сложен, как и кровля. Он образован из кирпичиков рядами, чередующимися из положенных углами вперед и плоско¹.

Внутри главное пространство церкви является базиликой с высоким, стройным средним нефом, к которому с севера и юга примыкают при помощи невысоких, но широких арок боковые нефы (табл. 197, 198-а — вид с хор, 199-а). Это впечатление высоты среднего нефа особенно сильно выявляется благодаря относительно небольшой к ширине высоте арок и очень высоким, глухим стен над ними, прорезанных лишь вверх тремя окнами на юг (ср. поперечный и продольный разрезы). На боковые хоры, как мы знаем, имеются лишь небольшие слуховые отверстия — на северные два, на южные три. Два симметрично расположенных по продольной оси главного нефа купола, собственно говоря, теряются в высоте здания, не имея самостоятельного значения, как источники света, хотя каждый из них и имеет окно на юг; но окна эти совершенно незначительны и ничего не прибавляют к освещенности здания. Купола очень низки и приземисты; барабаны граненные изнутри, как и снаружи на восемь граней, которые продолжают и в самом своде, образуя собственно сомкнутый свод, а не купол (табл. 200 и 201). Переход от квадрата к восьмиграннику происходит при посредстве четырех угловых трюмп. Они имеют переднюю, подчеркнутую арку, углами выступающую из стены. Трюмпы сложены горизонтальными рядами кирпича по форме конхи (четверти сферы), но держатся в границах прямого угла стен (ср. особенно северо-восточную трюмпу восточного барабана). Таким образом, нижняя линия ее в большей части протяжения совпадает со стеной, а в углу сделана консоль напуском ря-

¹ Эти поздние восстановления и изменения, выполненные из кирпича небольшого формата, ориентировочно отнесенные к XV—XVII вв. (см. выше стр. 276—7, и здесь), получают подкрепление в приводимом Л. М. Меликсет-Бекем сообщении П. Карбелашвили о пожаловании царем Теймуразом Кахтубанского монастыря в 40-х годах XVII века Нодару Джорджадзе, эпископскому моураву. С этих пор Гурджаанская Квела-Цминда служила усыпальницей рода эпископских моуравов, что подтверждает и добавление в переписанном в 1816 году Давидом Инанашвили экземпляре Вахуштиевой Географии (рк. S 4990,

дов кирпичной кладки, чтобы получить основу для полукруга основания трюмпы.

Боковые нефы, как равно и боковые хоры над ними, представляют собою длинные, узкие и невысокие помещения, создающие законченное впечатление таких дополнительного значения в целом храмового организма пространств, каковыми они и являются фактически (табл. 198-б)².

В плане, как и в формах возведения храма, с особым предпочтением применяется подковообразная форма. Так, все три абсиды храма ярко выявляют подковообразную форму. Подковообразны также подпружные арки главного нефа, только вторая от алтаря из них имеет едва заметную деформацию в южной части арки, придающую ей стрельчатую форму. Еще резче выражена подковообразная форма в окнах на западные хоры храма, где, как и на восточном фасаде, этот мотив использован широко в декоративном смысле. Наравне с подковообразной аркой в остальных случаях применена слегка ломаная; таковы арки в боковых нефы из главного (табл. 199-б), своды же боковых нефов полуциркульны, а своды хор неправильной формы (ползучие). Своды боковых нефов и западного соединены на лад распалубок между собою, что — как мы знаем — не было в базилике Дзвели Шуамта и некоторых других церквах (разрез через северный неф).

Главный алтарь церкви слегка повышен. В алтаре по стене идет высокая ступенька-полочка, которая под окном еще повышена кладкой (табл. 198-а и продольный разрез). В северной половине эта лавочка повышена в позднейшее время до высоты стола, вероятно, для жертвенника³. Престол находится в центре алтаря, он сплошь зацементирован и неподвижен.

Пол церкви вымощен был в первые посещения кирпичными плитками, положенными широко одна от другой. В 1934 году не было больше ни одной плитки, поэтому повышение алтаря без резкой грани.

При северо-восточном углу абсиды находится лавочка сплошной бутовой кладки из камня

см. грузинское издание Н. А. Бердзенишвили и Т. Н. Ломоури, Тб., 1941, стр. 340 к тексту стр. 98 строка 35). Естественно думать, что пожалование вызвало восстановление здания и его украшение, в частности, вероятно, упоминаемые проф. Л. М. Меликсет-Бекем же «следы старинных фресок», «там и сям, в особенности в алтаре».

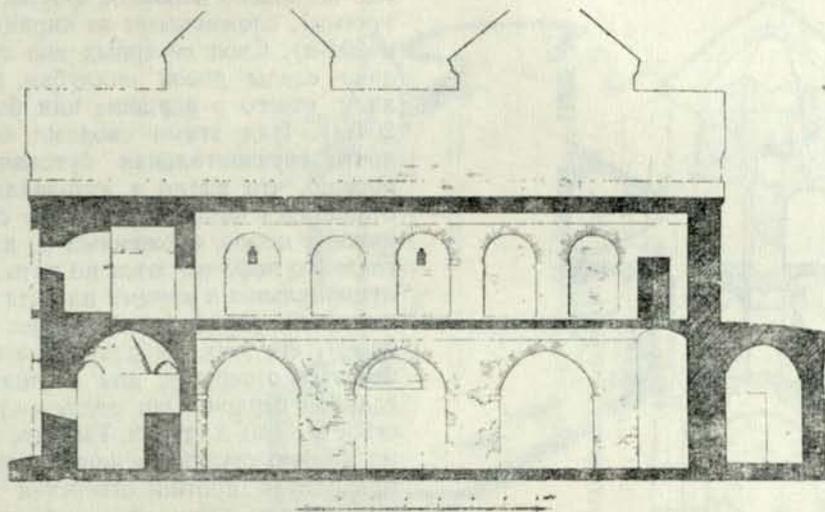
² Ср. разрез через северные нефы, исполненный В. Л. Цицосани.— В южном нефу, в его западной части, позднейшая, встроена поперек стенка, не достигающая до сводов (табл. 198-в).

³ В 1934 году оказались уничтоженными.

и кирпича, пристроенная позднее к стене церкви. То же и у южного угла абсиды, но большей высоты (табл. 198-а).

Отдельные восточные комнаты в конце боковых нефов имеют совершенно различные формы. Северо-восточная комната почти квадратна

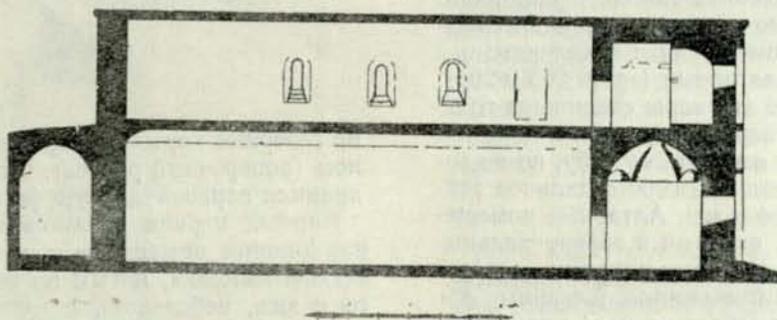
стены же здесь сплошь сложены из булыжника. Абсиды нет в этом помещении, но позднее сделан все-таки престол у стены; в северо-восточном же углу имеется низенький каменный жертвенник. Юго-восточная комната представ-

Продольный разрез по северному нефу с видом на юг

в плане; перекрытие составляет сомкнутый свод из восьми граней, начинающийся с восьмигранника, полученного благодаря четырем угловым тромпам. Свод этот был лит по деревянной опа-

ляет в плане длинный прямоугольник с входом так же из бокового нефа и горизонтально перекрытым. Здесь так же нет абсиды, а перекрытие составляет коробовый свод, сложенный (ли-

Продольный разрез по северному нефу с видом на север

лубке сплошной цементной заливкой (табл. 202). Вход в это помещение имеется из бокового нефа—первоначальный; он заканчивается горизонтальным перемышечным камнем. Кроме того, недавно прорублена дверь из алтаря, обложенная по сторонам мелкими кирпичными плитками, а сверху имеющая две доски; самые

той) из булыжника, как и стены из булыжника.

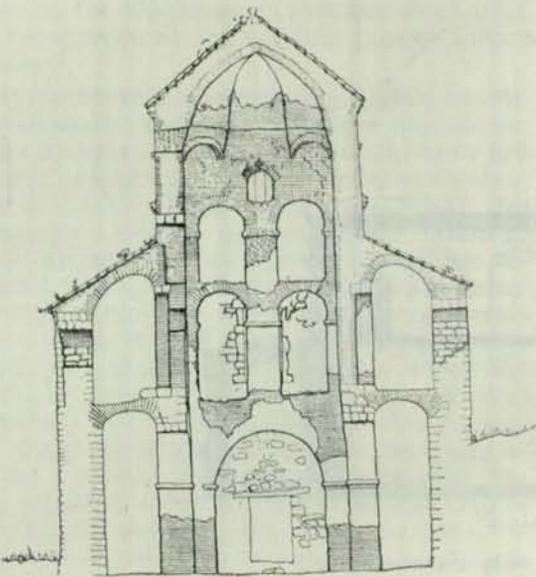
Хоры имеются с трех сторон. Действительно соединенными с главным помещением церкви хорами являются, однако, только западные хоры, открытые в церковь широкими и высокими пролетами, начиная с самого пола хор, в три яруса (табл. 197, поперечный и продольный

Электронная библиотека
История и современность

разрезы). Эти пролеты имеют специальные капители обычной формы, образованные лекальными кирпичами данной формы. На эти капители опираются подковообразной формы арки. Точно так же и двери с западных хор на север

капители. Пол алтарей был несколько выше, как видно по южному из них; престолы находились у стен под окном (сохранился престол в северном алтаре придела). Сами помещения для молящихся на этих северных и южных хорах представляют длинные помещения, крытые несколько неровной формы сводами (ползучими), сложенными из кирпича (табл. 203-а и 204-а). Свод северных хор сохранил отчетливо следы досок опалубки, по которой его лили, отчего в вершине как бы излом (табл. 204-а). Над этими сводами была наложена почти горизонтальная бутовая заливка под кровлю, что видно в юго-западном углу, где отвалились кирпичи. Пол хор составляет свод нижних нефов, сложенный из камня. В стенах главного нефа имеются по пять амбразур с полуциркульными арками на пятах из лекальных кирпичей (продольный разрез по северному нефу). Из этих амбразур (не всех, впрочем) имеются отверстия для слушания службы в главной церкви. Они очень маленькие и находятся высоко в стенах. Так что, если подняться на вторую ступень в нишах под ними, голова приходиться против отверстия¹. Ступени эти идут во всю длину хор; сохранились они только в южных хорах. Освещаются южные и северные хоры пятью большими окнами с кирпичными арками. Переделки, которым подверглись окна (гсп. окна-двери), были уже выше описаны. Подоконники в трех оконных проемах

Поперечный разрез на запад

и на юг имеют такую же подковообразную арку, люнет которой сплошь заполнен кирпичом.

Северные и южные хоры представляют собой длинные и узкие помещения с отделенными в восточной части их алтарями (табл. 203 и 204). С главной церковью эти хоры соединены только небольшими отверстиями, через которые можно было только слышать службу, но не видеть ее. Хоры эти имели самостоятельное значение, в качестве приделов. Алтарные помещения отделены здесь входами с горизонтальными перемычечными камнями-плитами, находящимися в стенах из булыжника. Алтарные абсиды в плане подковообразны, равно как и лицевая арка конхи (табл. 204-б). Арка эта сложена из кирпича, в то время как все остальное, и конха, и своды, и стены, сложены из булыжника. Углы абсид оформлены желтоватым ширими и при начале арки имеют обычной формы

на северные хоры—не горизонтальны, а с уступом (поперечный разрез). Они, несомненно, сохранили первоначальную форму².

Нартекс церкви представляет собой сплошное длинное помещение с коробовым сводом с легким изломом, литым по палубе. Вход в него с юга, небольшой, с горизонтальной перемычкой из цельной плиты, и второй, позднее заложенный, а ныне снаружи засыпанный почти до перемычки землей, на запад у самого южного угла. Он прослеживается с обеих сторон; перемычка его плоская из целой плиты, как и в других дверях³. На восток из нартекса

но нанесен мною. Эта дополнительная западная дверь в нартекс в 1934 году снаружи не могла быть вновь прослежена, т. к. все здесь завалено землей и обвалившимся углом самого нартекса. Во время ремонта в 1938 году осталась непрослеженной и заремонтированной.

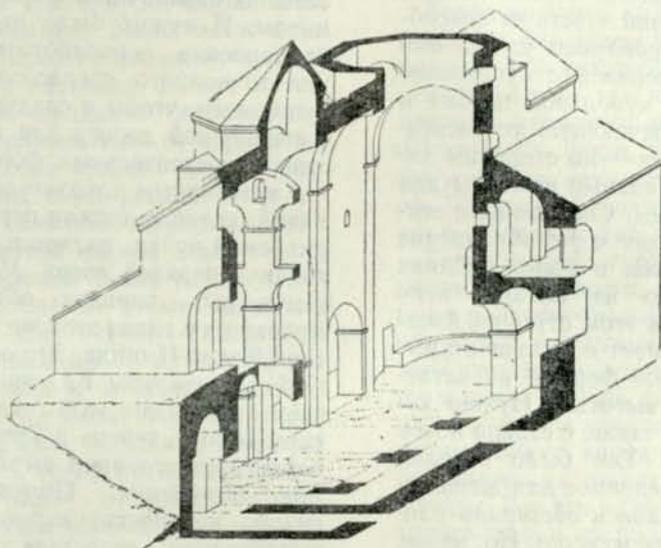
¹ Ныне лишь кое-где уцелели части этих ступеней.

² Ср. предположения о подобной форме в малой церкви Джвари. Памятники типа Джвари, стр. 11, прим. 2). При ремонте в 1938 году сделан сплошной наклон.

³ Он не был означен на плане К а л а ш н и к о в а.

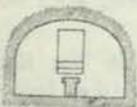
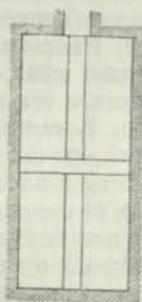
дверь в церковь, так же перекрытая горизонтальной перемычкой (табл. 199-а—вид из церкви). В западной стене имеется ниша с вертикальным вверх выходом, который более не прослеживается до конца, где он выходит нару-

Перед южным фасадом храма, против входа в него на расстоянии нескольких шагов и раньше еще была заметна какая-то полузаваленная в земле пустота. Во время ремонта в 1938 году это углубление было расчищено, причем обна-

АксонOMETрический разрез

жу¹. Северный отрезок нартекса имеет довольно широкую лавку для сидения (план).

План и разрез подземной камеры

¹ При ремонте закрыт. Вместо этого сделаны два небольших окна на запад.

ружилась сводчатая камера с проломанным сводом 6,75 м длины и почти 3 м ширины при высоте вершины свода в 2,20. Вход в это помещение был с запада в специальный проем в 120 × 70 см, расположенный на 30 см ниже вершины свода и имевший, очевидно, лестницу с поверхности земли, так как в толще стены уцелели еще три ступени.

Анализ.—(Описанная выше Гурджаанская церковь Квела-Цминда является в целом сложным организмом. И это не только в отношении комбинации помещений, но и — что особенно показателью — в отношении сочетания отдельных форм. Церковь эта представляет собой базилику, венчанную двумя куполами. Это настоящая купольная базилика, разделенная на три продольных нефа, каждый со своим коробовым сводом по длине его. В среднем нефе два квадрата свода несколько повышены и перекрыты небольшими восьмигранными барабанами с продолжающимся с каждой грани сводом, т. е. сомкнутым сводом. Эта отличитель-

ная черта чрезвычайно характерна и показательна по сравнению с простотой, с кристаллической ясностью форм церковей предшествующего, древнейшего периода. Там еще нет комбинирования отдельных храмовых форм, а поиски идут в пределах одного, строго говоря, типа. Здесь, наоборот, зодчий чувствует потребность усложнить комбинированием удлиненного корпуса базиличных церковей с купольным венчанием их самый тип купольной церкви и создать новую форму, отвечающую усложненному ритуалу богослужения — по сторонам алтаря здесь имеются специальные комнаты для жертвенника и для ризницы. Сообщение с этими помещениями происходит через помещение для молящихся, а не — как в более поздних церквях — непосредственно из алтаря: ясно чувствуется стремление и в этом оттенить пышность службы. Церковь имеет с запада открытые хоры, создающие своей формой впечатлительное впечатление храма чрезвычайной высоты¹. Нужно думать, что на этих хорах, а также с севера и юга располагались женщины. Так было создано большое пространство, отведенное для женщин, и в связи с этим образовалась обширная площадь для молящихся внизу мужчин. Но, кроме этого, северные и южные хоры являются одновременно и самостоятельными приделами в церкви: поэтому расширение и в эту сторону совершенно несомненно. Эпоха эта не довольствуется в чтимой, большой церкви одним престолом, — ей нужна возможность повторных служб в один день в той же церкви, чем и объясняется образование обычая установления приделов. Это явление вообще характерно для православной церкви, в частности для грузинской, и армянской, начиная с VI века. В Кахетии мы видели ту же тенденцию, проявляющуюся в настоящих базиликах и в трехцерковных базиликах, именно в тот же период времени. В купольной архитектуре простых форм крестовой церкви кахетинский зодчий не находил для себя необходимых материалов². Вот почему здесь несколько дольше не было этого усложнения, вот почему, с другой стороны, быть может, при некотором замирании купольной архитектуры в конце первого древнейшего

периода мы находим оживление и внутренний рост, искания в базиличном типе церковей. Вот почему, наконец, и новые искания купольных форм архитектуры в это время в Кахетии естественно отлились в форму комбинирования собственно базиличных форм с купольным принципом. И нужно было многое изжить в этом направлении, переработать базиличный принцип до полного согласования, слияния его с купольным, чтобы в следующем периоде иметь расчищенную дорогу для законченного творчества самостоятельных форм.

Характерным показателем этих новых требований, которые встали перед зодчими рассматриваемой эпохи, является далее сильное вытягивание церковей вверх. Мы видели это уже в базиличных церквях обеих разновидностей. Бросается в глаза этот же прием и в Гурджаанской Квела-Цминда. Это — жизненный элемент всей архитектуры Кахетии; впервые мы замечаем проявление этой тенденции в Ниноцминдском соборе, теперь в Гурджаани он достигает первого своего ярко выраженного, подчеркнутого выявления. Получаются чрезвычайно сильно контрастирующие пропорции с резко выделенными, сопоставленными и противопоставленными членами.

И вопрос внешней отделки также стоит уже в полном своем объеме. Он, как и оба предыдущие, подготовлен всем предшествующим развитием, как мы вспомним из сопоставления Гавазы и Ниноцминда с Дзвели Шуамта и Кисисхеви, как мы вспомним в базиличных храмах, противопоставив Некреси и Хирса или Вазисубани, или в трехцерковных базиликах Карданахи с Зегани, Некреси и Вачнадзиани. Все три тенденции идут рука об руку, все они проявляются и в одних и тех же уже памятниках подготовительно. В выработке внешности здания Гурджаанский зодчий проявляет большую самостоятельность и вдохновение. Он организует совершенно различно каждый из фасадов, согласуясь с тем внутренним пространственным образованием, провозвестником которого должен служить каждый фасад. Фасад являет, таким образом, представительный вид не только сам по себе, но и по своему отноше-

¹ Мне кажется не лишним напомнить здесь, что такую же композицию с тремя рядами арок, как этот вид на запад внутри Гурджаанской базилики, показывает и вид на запад внутри храма конца того же VIII века в Западной Европе, именно в пикардийском местечке St. Riquier (древняя Centula), построенного затем Карла Великого, настоятелем Ангильбертом с. 790 по 799 (или 814) гг. (Wilh. Effmann, Centula St. Riquier. Eine Untersuchung zur Geschichte der

kirchlichen Baukunst in der Karolingerzeit. Forschungen und Funde, hrsg. von Prof. Dr. Fr. Jostes. Bd. II, Heft 5, Münster i. W. 1912, рис. 23 на стр. 118; воспроизведено также у P. Frankl, Romanische Baukunst, рис. 28).

² Большая купольная церковь Дзвели Шуамта есть, как мы знаем, повторение, воспроизведение Мухетского образца, а не самостоятельный творческий акт.

ние к целому постройке, к оформленному его пространству. Восточный фасад разбит на три поля, из которых среднее, широкое, с первоначально громадным крестом в центре его, отмечает алтарь церкви. Боковые поля разбиты в два этажа, чтобы оттенить двузэтажность, сделать оконные проемы органически связанными и с фасадными делениями. Поля восточного фасада обрамлены подковообразными арками на простых подушках капители. Линии их отенены правильными квадратами желтоватого ширими, хорошо выделяющегося от серого булыжника. Та же подковообразная форма применена и в очертаниях окон фасада. Этот декор вполне целостно, связано задуман и отражает заключенные внутри формы здания.

Западный фасад должен опять оттенить содержимое здания; сообразно этому задумана и отделка: имеются два уступа — нижний с плоским верхом и перилами по краю его, находящийся над притвором, и верхняя отвесная западная стена с большим входом в храм. На террасу вела открытая наружная лестница с запада. Простота и в то же время спокойная строгость этих форм далеко отступают от простоты, но все-таки значительной уже декоративности восточного фасада. Таким образом, архитектор определенно, сознательно действовал здесь — это был хорошо взвешенный подход с его стороны, а не случайное явление. Специальным в этом отношении мотивом могло, быть может, являться и то обстоятельство, что дорога от селения к церкви ведет как раз с востока и что приближающимся к храму первым становится видным восточный фасад.

Южный и северный фасады, конечно, более однообразные по своей структуре, слишком мало выразительной, получили в руках Гурджаанского зодчего дополнительные, — как я пытаюсь восстанавливать внешний вид здания — части, именно или отделанный портал южного входа или, быть может, даже наружный балкон на высоте хор, на высоте второго этажа. Несомненно, что такой балкон или хотя бы открытые с арочными делениями аркатуры над особо выделенным порталом должны были значительно оживлять храм. Некоторое разнообразие форм их вносили и тут движение, оживление вместо неуклюжести и однообразия масс. Купола же с продольных фасадов не имели сколько-нибудь внушительного вида; и в этом отношении, как и в слишком еще самостоятельном существовании двух основных форм, положенных в основание данной комбинации, не достигнуто цельности, законченности, удовлетворяющей художественности. Гур-

джаанский архитектор понял однообразием получившегося у него продольного фасада с юга (и с севера) и постарался возможно сгладить это, создав хотя бы некоторое оживление посредством дополнительной разбивки и рельефности.

Таков внешний вид храма с четырех его сторон. Как мы знаем уже, и внутри архитектор применял подковообразной формы арки для декорирования тех или иных частей храма — алтарей, западных хор. Но помимо этих, еще структурных, форм, ни снаружи, ни внутри не применял он никакого специального типа декора. Простота выдержана полная. Даже и пять арок обнаруживают самый простой профиль.

Таков подход гурджаанского архитектора в целом. В частности, как мы видели, он совмещает подковообразную арку с полуциркульной, обрамляет наружные части квадратами желтоватого ширими, выводит конструктивно более нагруженные вообще ответственные части здания из совершенно однообразного материала — из формованного кирпича, кладет горизонтальные перемычки из тонких каменных плит твердой породы. Все эти черты в композиции уже встречались нам в некупольной архитектуре и там сами собой показывали согласование с несколько более развитыми, расширенными формами. Теперь формы нашего храма ясно показывают здесь отличие их от простых первого периода и, как покажет дальнейшее изложение, переходность сравнительно с последующим периодом. Отличия материалов и способ их применения ясно закрепляют и с этой внешней стороны постройку за указанным средним временем.

Характерным переходным моментом, связующим звеном является сомкнутый свод в куполах главного нефа и в перекрытии нижней с.-в. комнаты. Мы повстречали его в Кахетии в конце первого периода, именно в церкви Давитиани на краю селения Вазисубани. В Гурджаани продолжается его применение. Кроме этих примеров мы знаем, что в Картли в крестовокупольной церкви Шномгвие 60-гг. VI в. и в Хандзта на другом конце Грузии, именно в Тао-Кларджетии в постройке первого двадцатилетия X века (Ашота Куха, 899—918 гг.) имеется сомкнутый на восемь граней свод в куполе¹. Все это, таким образом, единичные примеры

¹ Г. Н. Чубинашвили, *Die Schiomghwime Lawra* (Bulletin de l'Université de Tiflis V, 1925), стр. 214 и табл. V и VI. М. Павлинов, МАК, т. III, М, 1893, стр. 66. Павлинов считал эту церковь (Порта) более поздней постройкой; Н. Я. Марр

საქართველოს
რესპუბლიკის
ქვეყნული
ბიბლიოთეკა

его применения. Хронологическое единство и связь их между собой тем более не может быть оставлена без внимания. Переход от квадрата к восьмиграннику и здесь достигается тем же методом угловых троп, и тропы эти посажены насколько только было возможно высоко, при общей малой высоте барабана. Так что и в типе перехода и в уровне установки троп наблюдается тесная связь с предшествующей эпохой.

Итак, резюмируя характерные черты Гурджаанской церкви, мы видим, что часть их определенно повторяет прием, особенности, характерные в последних представителях первого периода купольной архитектуры Кахети; другая продолжает, как это нельзя не признать, тенденции, намечающиеся уже в них; в целом же постройка представляет комбинацию разнородных элементов в одно целое, где эти части продолжают еще слишком самоценную жизнь, не будучи разработаны сплошь как одно законченное, функционально-члененное целое.

Вот почему и двухкупольность Гурджаанской церкви нельзя связывать с теми или иными двухкупольными церквами других стран света. Мы видели ведь, что эта двухкупольность явилась естественно в ходе компоновки здания архитектором, явилась необходимым следствием из предпосылок общей психологии грузинского архитектурного творчества и тех специальных элементов, которые поставил себе задачей скомпоновать наш архитектор. Тем не менее чрезвычайно интересно и показательно, что те редкие примеры собственно двухкупольных храмов, которые известны из мировой истории архитектуры, падают в большинстве примерно на то же время, что и наша Гурджаанская

церковь. Правда, параллелей и такой же, как у Гурджаани, принципиальной равноценности в архитектурном организме композиции обоих куполов мы нигде не находим. Так, знаменитая ц. Ирины в Константинополе, построенная при Юстиниане I, получила второй купол только в результате реставрации Константином V после разрушений от землетрясения 740 года¹. Церковь монастыря св. Симеона в Ассуане (Deyr Anbâ Hadrâ), Уго Моннере-де-Вилларом раскопанная в 1924—26 годах и представляющая собой трехнефную базилику со столбами и двумя куполами на тропках, была разрушена около 1000 года. Постройку ее относят к VI—VII вв., а купола предполагают добавленными позднее². В несторианской церкви Амиды (Диарбекира) тоже два купола являются, видимо, результатом добавления, как и в ц. Ирины Константинопольской; дата церкви не установлена³. Еще хуже вопрос с двухкупольной кирпичной церковью в Малой Азии в Учайаке (Ütschayak — Галатия), которая по принципу непосредственного возведения всей композиции с двумя одинаковыми куполами, пожалуй, ближе других могла бы быть параллелью к Гурджаани⁴. Два купола в церкви Панагия Канакария на Кипре, не создавая вовсе впечатления той двухкупольности, что в Гурджаани, а лишь совершенно разнородных куполов, относятся к перестройке церкви в средне-византийское время (примерно к X веку)⁵.

В ряду церквей настоящего второго периода Гурджаанская Квела-Цминда является первой попыткой; вот почему очень чувствительны и еще являются не выравненными разнородные элементы, лежащие в основе ее форм.

(ТР. VII, Дневник) высказал утверждение, что она (по Марру эта Порта — древний Шатберти) перестроена позднее из базилики в купольную, но все соображения его на этот счет не выдерживают критики и, если внешняя верхняя отделка купола позднее добавлена, то структура его, наоборот, выглядит древней, изначальной. Эту постройку в Порте идентифицировал с древней Хандзга П. И. Ингороква (см. его исследование: Георгий Мерчуле. Грузинский писатель X века. Тб. 1954, по-груз.).

¹ W. S. George, The church of Saint Eirene at Constantinople, Oxford 1913; O. Wulff, Altchristliche u. byzantinische Kunst, Bd. II, S. 383—384; Fr. Wasmuth, Der Raum, II, Marburg a. L. 1935, S. 90 ff.

² Само издание материалов U. Monneret de Villard, Il monastero di San Simeone presso Aswan, t. I, Milano. 1927, мне недоступно, краткая передача их находится в Wasmuths Lexikon der Baukunst, Bd. I, S. 197—198.

³ Strzygowski, Amida, 1910, S. 173 f., Miss G. L. Bell, Churches and Monasteries of the Tur-Abdin (Beiheft zu

Zeitsch. f. Gesch. der Architektur), 1913, p. 93, fig. 30—32, pl. XX. 1. XXII; G. Millet, L'école grecque, P. 1916, p. 107—109 et 305.

⁴ Церковь в Учайаке впервые была издана Стриговским в его книге Kleinasien. Ein Neuland der Kunstgeschichte. 1903, и отнесена им к VI веку. Однако с этой датировкой не согласились другие исследователи — Шарль Диль (Études byzantines, Paris, 1905, стр. 342—343 и 344) считает ее постройкой X века, О. Вульф (Handbuch, II, p. 458) по-видимому, VIII—IX.

⁵ Я. И. Смирнов, Христианские мозаики Кипра („Византийский Временник“, т. IV, СПб. 1897, стр. 67—71). G. Millet, L'école grecque, p. 100. Относительно церкви в Пирдоне в Болгарии прежде всего расходятся мнения — нужно ли восстанавливать ее, как двухкупольную. Стриговский считает это неубедительным (Die Baukunst der Armenier, II, S. 843 и рис. 794—797; Die bildende Kunst des Ostens, S. 43), ср. еще O. Wulff, Bibliographisch-kritischer Nachtrag zu Altchristliche und byzantinische Kunst, 1936, S. 52 zu 384.

Описание.— Монастырь Квела-Цминда, находящийся в горах в 6—8 км от сел. Шрома (прежнего Вачнадзиани) и сел. Калаури, представляет собой обширный комплекс с двумя церквями—большой трехцерковной базиликой, рассмотренной выше (гл. III), и расположенной восточнее ее купольной церковью, давшей наименование монастырю. На северо-восток от купольной церкви сохранились развалины крупного (20 шагов длины) здания, возможно

ты. Одна, по-видимому, квадратная и с высокими глухими стенами, т. е. должна была иметь верхний свет.

Северо-восточнее развалин второй церкви (трехцерковной базилики) имеется какое-то одно жилое помещение, более позднее; и далее второе к северу, значительно крупнее. На северо-запад же от трехцерковной базилики и немного вниз находится монастырский родник, отделанный сверху сводом, литым на плетеной

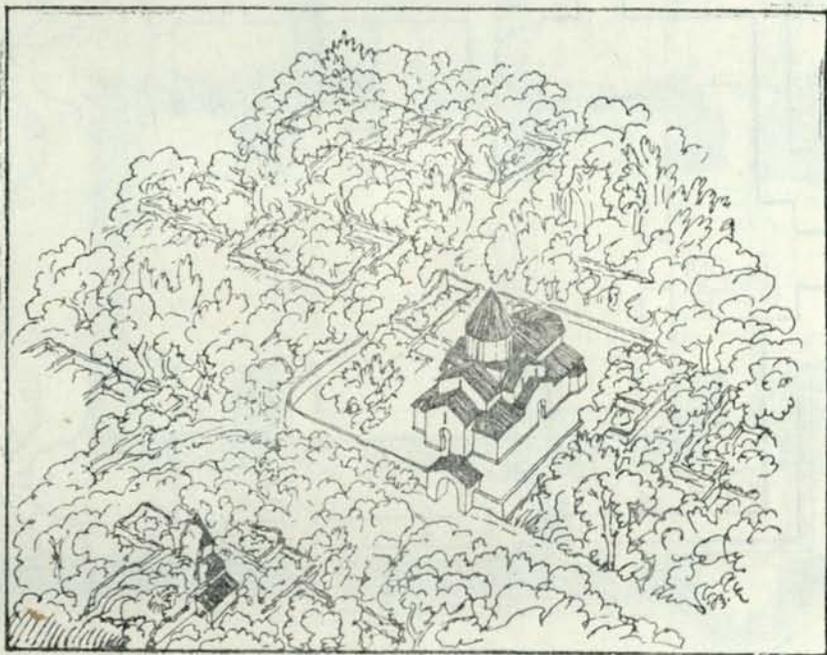

Схема расположения развалин монастыря

трапезной с отделами, имеющей пару подковообразных нишек и много прямоугольных ниш-полок в стенах¹. На запад к этой «трапезной» примыкают неопределенного назначения помещения. Далее севернее этих двух помещений на значительном отдалении — остатки большого помещения с закругленным углом. На юг от купольной церкви опять две или три комна-

палубе, судя по следам прутьев (табл. 231-а). Южнее родника — остатки стен².

Купольная церковь, составляющая центр монастыря высоко в горах над сел. Вачнадзиани и Калаури, так же, как и Гурджаанская церковь Квела-Цминда, является постройкой чрезвычайно сложной и во многом продолжающей, использующей те мотивы, которые мы проследили уже в Гурджаани³.

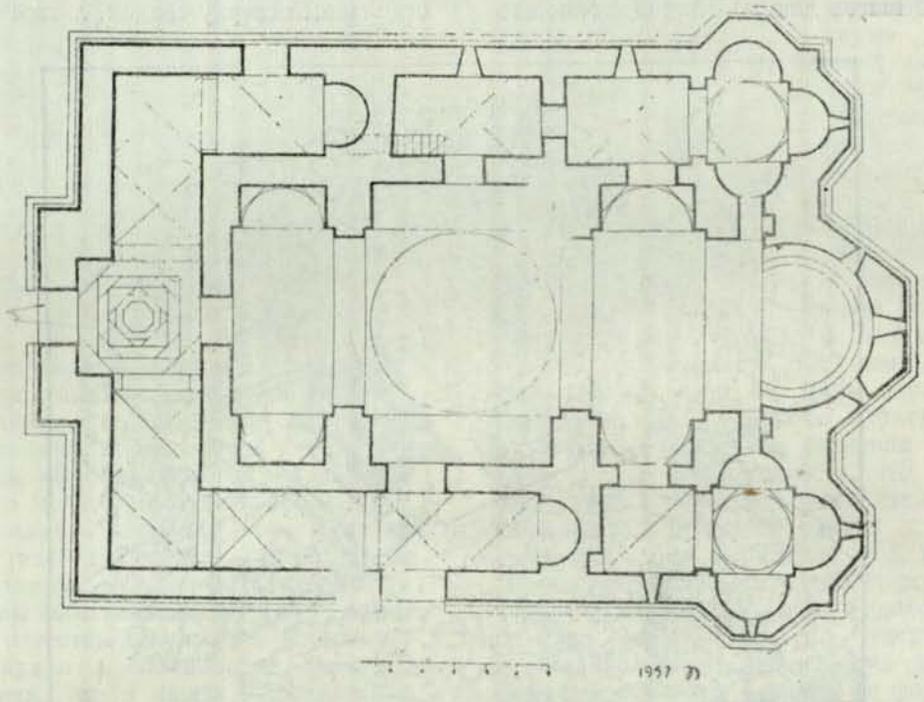
¹ На табл. 231-б, в детали этого помещения: нишки с подковообразной аркой и ниша в северной торцевой стене с кирпичной аркой. Размер кирпича — 23×33×6 см.

² На рисунке арх. Г. И. Лежава намечил фундамент этих и других еще зданий, находящихся вокруг монастыря.

³ Осмотрена и описана церковь была 1 и 2 августа 1920 года. Вторично посещена мною 28.VIII.1922 г., когда и сделаны Н. С. Северовым акварель и Т. Г. Кюне фотоснимки. 30 и 31.X.1934 г. снова посетил монастырь. Первоначально использованы четыре черте-

По общему замыслу строения здесь тоже налицо тенденции соединения базилического типа с купольным. Но в смысле художественного соединения их мы видим полную, последовательную переработку этих разнородных и даже разноречивых элементов. Таким образом, Вачнадзианская Квела-Цминда является художественно ярким творением форм в эту сравнительно раннюю еще эпоху. Основное церковное пространство составляет большой длинный

зал с куполом над центральной частью. Здесь так же, как и в Зегани и др., боковых нефа-придела соединяются между собой западным обходом. Средняя часть этого западного обхода расширена, она образует квадрат перед входом в церковь. Как в Гурджаани, так и здесь над боковыми нефами, равно над западным обходом архитектор создал хоры, соединяющиеся с главным пространством храма. Но здесь эти хоры и на боковых сторонах развернуты, разработаны во всю ширину, а не

План по первому этажу (обмер 1956 г. Г. И. Лежава).

зал с куполом над центральной частью. Если рассматривать это пространство обособленно, то мы получим церковь типа Kuppelhalle («купольный-холл»), как его назвал И. Стриговский¹. По обеим продольным сторонам имеются боковые нефы в два абзаца, как мы видели подобное распределение в трехцерковных базиликах в Некреси, Амидастури, Зегани и др., т. е. с алтарем соединены расположенные по сторонам его небольшие помещения диаконика и жертвенника. Западнее этих помещений устроены специальные приделы, боковые церк-

украдкой только сообщаются с ним, как в Гурджаани. Сообразно с этим архитектор видоизменил всю структуру второго этажа — второй этаж только часть главной церкви. В соответствии со всеми этими изменениями архитектор Вачнадзианской Квела-Цминда создал и вполне организованный внешний вид храма в целом — он подчеркивает сперва крестообразность главной церкви в самом веру при основании барабана купола; а затем несколько ниже еще раз оттеняет этот же мотив

жа по обмеру М. Г. Калашникова 1912 г. (Album d'architecture géorgienne, 1924) затем дополнено в 1934 г. В. И. Циловани. В 1956 году Институт истории грузинского искусства поручил архитектору Г. И. Лежава про-

вести вновь полный обмер храма, взяв нужные данные для восстановления в чертежах отдельных элементов композиции.

¹ Die Baukunst der Armenier und Europa.

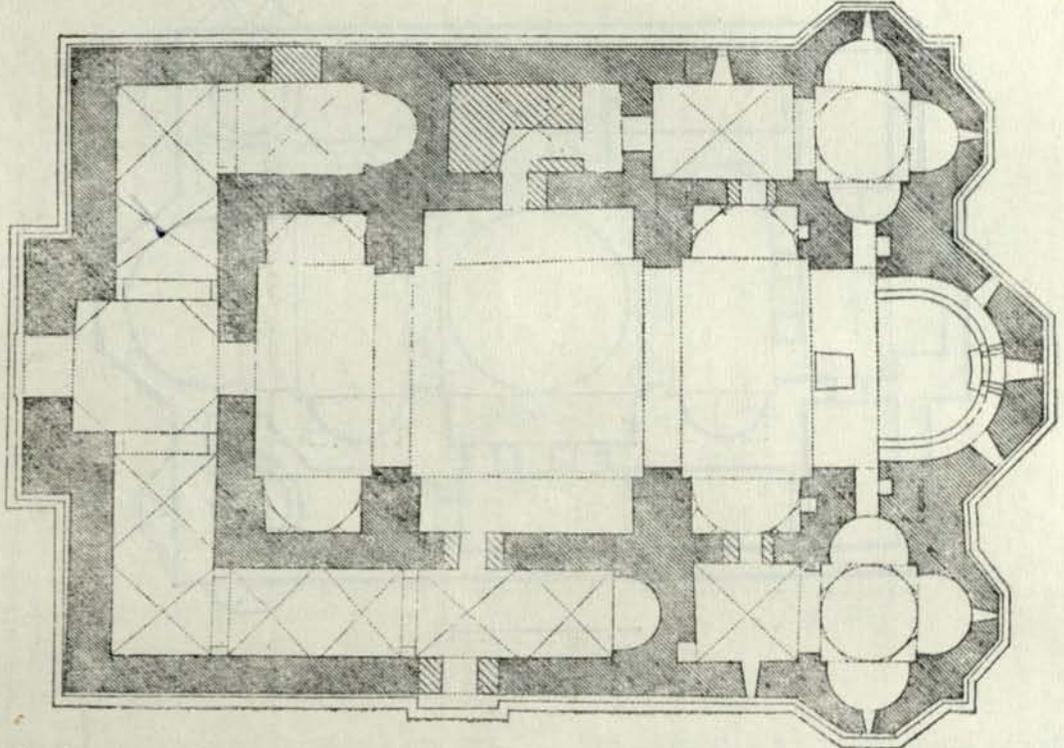

в боковых и западных хорах, как рукава—западный и поперечные — того же креста.

Вот каковы основные формы, вся организация, весь организм этого сложного и вполне разработанного и законченного здания.

Сложена церковь Вачнадзианская так же, как и Гурджаанская, из различного материала. Основными являются булыжник и кирпич. Из булыжника сложены стены, многие своды, кон-

го кирпича — крупный, а именно $34/35 \times 22 \times 6/7$ см (в северной двери из бемы) или в $34 \times 24/23 \times 7$ (в южной двери из бемы или в западной двери из притвора в храм), или $35 \times 23 \times 6$ см (в триконхе северного нефа). Другой кирпич, поздний, примененный для починок и т. д., имеет малый калибр $22 \times 22 \times 6/7$ см (там же). Кроме того, вторично были записаны без указания места размеры древнего

План по первому этажу (обмер 1912 года М. Г. Калашникова)

хи и т. д., из кирпича отдельные пролеты арок, тромпы, своды, верхние обрамления окон и т. д., а также весь купол с барабаном. Здесь, таким образом, выявляется то же понимание, что и в Гурджаани: наиболее ответственные части, требующие точности компактности кладки, выводятся из формованного единообразно материала. Размер употребленного древне-

кирпича: $37 \times 25 \times 8$ см, а нового $24 \times 24 \times 5$ см. К этим основным материалам нужно добавить горизонтальные перемычки из твердых каменных пород (не шифер) и обычный желтоватый (или бело-сероватый) ширими для отделки углов, окон, дверей. Этим же конгломератом, небольшими, неровными плитами его облицован весь купол — по всем данным это позднее добавление¹.

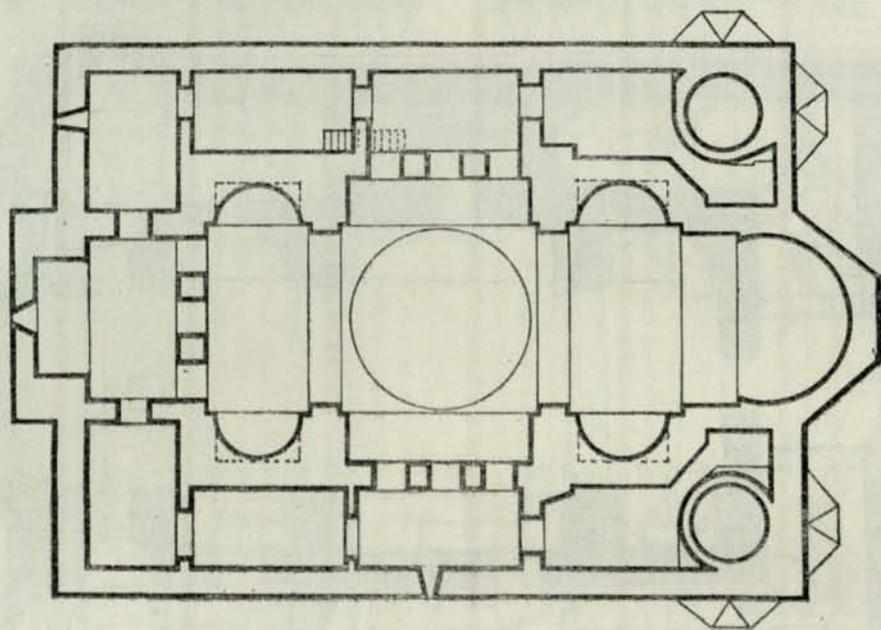
¹ Архитектор Г. И. Лежава, проводивший дополнительные обмеры в 1956 году, действительно отметил, что внутренняя кирпичная кладка барабана отделяется в оконных проемах прямой вертикальной линией от наружной каменной облицовки. Так что показанная в этой части на поперечном разрезе М. Г. Калаш-

никовым кладка является произвольной, как и в других у него разрезах стен.

При возведении сводов зодчий употреблял кружала, от которых сохранились гнезда; так, на северных хорах — гнезда в четырех углах, и др.

Нижеследующее описание здания я поведу топографически, по частям его, имея прежде всего план по нижнему этажу, продольный и поперечный разрезы и восточный фасад, исполненные в 1912 году по обмерам М. Г. К а л а ш н и к о в ы м. Эти чертежи придется кое-где в описании исправлять; чтобы не загромождать

ним подъемом (табл. 213). Арка имеет калители из ноздреватого ширими, обычной формы (полочка и скос). Сложена конха с внешней аркой, как и стены всей абсиды из булыжника (табл. 222). В алтарной абсиде три окна, арки двух из них изнутри выведены из кирпича; они подковообразной формы. Снаружи окна эти

План по хорам

текста оговорками таких отступлений, и вместе с тем дать читателю уверенность, что в каждом данном случае это не опечатка, я буду ставить в скобках слово «sic». Число этих чертежей пополняется еще пятью чертежами, комбинирующими материал из чертежей К а л а ш н и к о в а¹ с частичными дополнительными обмерами, исполненными В. Л. Цилюсани в 1934 году.

Абсида главной церкви — полуциркулярна в плане (resp. имеет легкую подкову), внешняя арка конхи подковообразна (sic) с яйцеобраз-

приходится в центре трех граней алтарного выступа; они обрамлены здесь ноздреватым ширими и из него же вырезаны подковы (табл. 207-а и 208). В алтаре имеется горнее место в две ступени, в центре которых, под средним окном, имеется более возвышенное сидение для настоятеля монастыря со специальными ручками по сторонам: видимо, — древнее, сложено из ширими (внизу) и кирпича какого-то большого калибра.

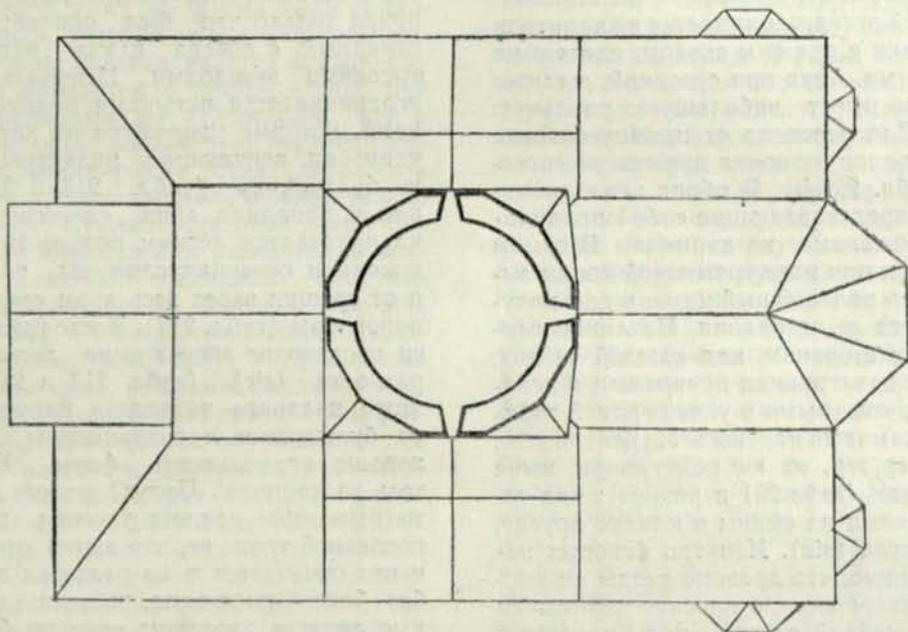
Бема перед алтарным полукружием сложена так же вся из булыжника. Свод ее — подково-

¹ Полный набор чертежей по обмерам храма в количестве 11 с расчетом всего строения находится, согласно сообщению М. Калашникова, в Музее Академии Художеств в Ленинграде. Впрочем на мой запрос об этих чертежах директор научно-исследовательского музея Академии Художеств СССР Н. М. То-

карский сообщил 26.X.1954 г. из Ленинграда, что хранятся 9 чертежей (5 планов, 2 фасада и 2 разреза). Помимо вышеназванных четырех чертежей, исполненных им как дублиеты около 1918 года, в Институте находятся его же кальки с четырех основных чертежей Академии.

образной формы, хотя и не столь ясно выраженной, как в абсиде (табл. 222). На внешних углах его имеется капитель той же формы, как и у основания абсидальной арки, она также каменная. Выпущенная полочкой тяга продолжается по всей ширине бемы, как то отмечено и на чертеже продольного разреза. При грани-

ша (план и разрез по триконхам). Северный проход с открытой аркой идет на 72 см вглубь, а затем только арочный люнет со сплошной булыжной кладкой и горизонтально ограниченной перемычкой из сплошного камня прорщупывается на глубину в 55 см. Внизу опять заполнение неровное, но все-таки выше человеческого ро-

План по кровлям и куполу

це алтаря из бемы имеются проходы в жертвенник и диаконник. Сейчас эти проходы в значительной степени заложены, но несомненно выясняются их формы (табл. 220). Они для прохода одного человека и в высоту примерно $1\frac{1}{2}$ человеческого роста. Завершались двери подковообразными (sic) арками кирпичной кладки, где низ подковы уже из камня (булыжного). Южный проход вначале на глубину в 57 см не заложен и имеет открытую арку, затем имеется заполнение люнета в 72 см толщины, т. е. из боковой комнаты был не полукруглый верх у прохода, а горизонтальный с плоской тонкой плитой перемычки¹. Внизу проход заложен на разной высоте и начиная с разных пунктов, отступя вглубь его. В восточной стене прохода имеется небольшая ни-

ша спереди, а в глубине опять до перемычки. В восточной стене и здесь ниша в 52 см ширины, заслоненная закладкой. В беме ступеней для сидения, очевидно, не было; сейчас одна ступенька есть только при северной стене, до двери. В центре бемы стоит большой неподвижный, более поздний (из мелкого кирпича и трухи) престол. Я склонен думать, что граница алтаря проходила по западной линии бемы, так что теперешняя алтарная преграда, находящаяся западнее, — не на месте, как и престол.

Имеется трехчленное прямоугольное пространство, примыкающее к беме и до подкупольного пространства². Средняя наиболее высокая часть его — с коробовым сводом, сложенным из кирпича (табл. 222), по той же продольной оси здания, что и в беме, и немного

¹ К сожалению, в контрастном освещении эта перемычка на фото не вышла.

² См. план 1-го и 2-го этажей, продольные разрезы и разрез по экседрам, а также табл. 218 и 221.

06.11.2019 10:33

большого радиуса, чем в ней, имеет на север и на юг небольшие, прямоугольные в плане, почти в половинную высоту ее ниши, экседры. Вверху они завершаются конхами, лицевые арки которых имеют подковообразную (sic) форму с небольшим яйцеобразным подъемом (табл. 216-а, 218, 219). Арка северной экседры опирается на капители второй обычной разновидности (выкружка), сделанной из ширими, арка же южной экседры опирается на капители в форме полочки с прямым скосом, сделанные также из ширими. Арка при северной, а также и южной конхе имеет небольшую овальную вытянутость. Для перехода от прямоугольника основания к полукругу конхи применена система троп (табл. 223-б). В обоих углах помещены тропы, представляющие собой правильные конхи, сложенные из кирпича. В самом углу помещения при пяте троповой конхи выпущен наискось положенный камень для получения полукруга ее основания. На линии вершины троп по сторонам, над каждой из них, получившийся пятигранник превращен в девятигранник, выпущенными в углах граней горизонтальными камнями наискось. Из центра этих экседр на север, *resp.* на юг, ведет дверь, ныне сильно суженная (табл. 221 и разрез); над теперешними арками их видны в кладке другие, большего радиуса (sic). Изнутри боковых нефов, однако, видно, что древние входы не имели арочного завершения, а плоские перемычки из цельной каменной плиты, над которыми только в главной церкви выселись — декоративные в данном случае — заполненные люнеты. Именно плоская плита перемычки видна с обеих сторон; немного выше нее видна очень плоская кирпичная арка, упомянутая выше. Таким образом, дверь кончалась горизонтальной линией. В восточных стенах экседр устроены на высоте от пола около 1,40 метра ниши-полочки (табл. 216-а и 223-б)¹. Между устоями западной границы описанного пространства, т. е. на границе подкупольного пространства, находится сейчас несколько развалившаяся алтарная преграда с одними царскими вратами в центре ее, сложенная из булыжника и, главным образом, из кирпичных плиток мелкого калибра, квадратных и тонких, позднего времени.

Подкупольное пространство представляет собой вместе с барабаном купола центральную в архитектурном смысле часть здания (акварель Н. П. Северова и чертежи): центральный квадрат, венчанный сверху барабаном с куполом и связанный с четырьмя примыкающими к нему рукавами креста — двумя более короткими на север и юг и двумя более длинными на восток и запад, из которых восточный рукав только что был описан; он, как и западный, с севера и юга расширяется невысокими экседрами. Центральный квадрат ограничивается четырьмя подкупольными арками, которые упираются на кирпичные тяги-капители, венчающие пилястры, сложенные из булыжника (табл. 213 и 217). Восточная и западная арки сложены из кирпича и сходятся легким подъемом в вершине; южная и северная сложены из булыжника и от трещин через весь храм средние части их попорчены (табл. 217). Восточная и южная арки производят впечатление легкого подковообразности (sic) (табл. 213 и 214). По углам этого квадрата находятся паруса, сложенные из булыжника и сохранившие сравнительно хорошо правильность форм. Купол сложен весь из кирпича². Полусфера его делает какое-то изменение ровного течения поверхности в последней трети ее, что видно снизу в бинокль и что отмечается и на разрезах в чертежах. В барабане четыре окна, имеющие подковообразные арки; в западном окне на беглый взгляд как будто тяга при пяте с одной стороны, между тем нигде в другом месте — ничего подобного, следовательно, ошибочное впечатление³. На север и на юг, как сказано, примыкают к подкупольному квадрату непосредственно два прямоугольных рукава креста, очень неглубоких. Собственно говоря, это только *post factum* можно так расчленять формы храма; в процессе же постройки эти части воспринимались как одно целое; это оттеняется как тягой при пяте арки, так особенно тем, что это расширение немногим шире восточной и западной арок и выведено, как и эти последние, вполне самостоятельно, т. е. ряд поперечный шел за рядом, примыкая так же точно к коробовым сводам на восток и на запад, как то имеем со сводами и при торцовых стенах северной и южной. Все они ныне как бы откололись от сводов и обра-

кирпич в западной подкупольной арке, но одинаковой длины.

³ Что-то подобное намечено и на поперечном разрезе.

¹ Вероятно, для установки икон. Южная ниша имеет при глубине в 31 см — 57 см высоты и 45 ширины, а северная — глубины 32, высоты 47, ширины 41 см.

² В бинокль плитки кирпича кажутся тоньше, чем

зевали ровную щель (sic). Торцовые стенки этих, северного и южного, рукавов имеют тройное горизонтальное членение — внизу дверь в боковые нефы, повыше этого по три пролета с хор и, наконец, в южной сверху парные окна (табл. 215, ср. 216)¹. Южная дверь находится не в центре стены, а около ю.-з. подкупольного устоя; она позднее была сужена и понижена до горизонтальной линии с заполнением из камня. Первоначальная же форма была подковообразная арка, которая видна над теперешней дверью и ясно устанавливается внутри. Северная дверь находится в центре стены; она подверглась подобным же переделкам, как и только что описанная южная, и ее первоначальная подковообразная форма устанавливается и здесь с полной несомненностью, однако, только в северном нефе. Сужение северной двери было произведено кирпичной и каменной, а южной — только каменной закладкой. Северная дверь имеет притолоки из древнего кирпича (35×24×6/7 см). Она изнутри бокового нефа имеет ярко выраженную арку, в главной же церкви форма не ясна, не видна. Закладка кирпичная из позднего, мелкого кирпича. Такое различное распределение дверей обуславливается, как видно из рассмотрения плана, разбивкой пространств в боковых нефях с их крестовыми сводами и разным назначением помещений. Пролеты на хоры, очень большие, начинаются с пола хор и заканчиваются подковообразными арками, при пятах которых идут обычные капители сплошными тягами, обходящими простенки по всем четырем сторонам (sic)². Как эти тяги, так арки пролетов и оба простенка их сложены из кирпича; для тяг применен особо формованный кирпич. Эти арочные пролеты заложены были позднее — северные все три, а на южных хорах оба крайние (sic). Над пролетами хор высятся два более длинных, но и более узких окна — в южном рукаве (табл. 215-b). Отделка и кладка их такие же, как в пролетах хор. Арки подковообразны, имеется тяга (sic), все выложено кирпичом. В южной стене заложено западное окно. В северном рукаве вся эта часть стены так гладко оштукатурена и замазана, что сказать ничего нельзя было бы, если бы через пролом крыши в 1934 году с хор не удалось рассмотреть наружную совершенно гладкую стену, т.е. указывающую на то, что с севера окон не было вовсе.

За подкупольным пространством и до запад-

ной стены имеется вполне аналогичное пространство, как и восточнее купола — именно средний прямоугольник с высоким коробовым сводом, в начале сложенным из булыжника, а в средней части из кирпича (табл. 223-а). На север и юг примыкают низкие экседры, прямоугольные в плане с конхами вверху. Они также сложены из булыжника, за исключением западных углов, которые выведены из кирпича (табл. 219). Арки экседр подковообразны и имеют легкую овальность, они опираются на каменные капители. В углах под конхой — полуциркульные тромпы, сложенные из кирпича (sic) и угловые наискось положенные камни над ними. Нет в этих экседрах, однако, нишек-полочек, которые имеются в восточных.

С запада главная церковь ограничивается стеной со входом, трехарочным пролетом хор и одним окном вверху (табл. 214, ср. 223-а). Стена сложена из булыжника, только дверь и проемы из кирпича. Хоры открываются с запада так же, как и с юга и севера, тремя арочными пролетами, начинавшимися с полу и более широкими, чем пролеты этих последних. Арки подковообразной формы, опираются так же на тяги, которые видны в обоих крайних пролетах на крайних же частях их. Крайние пролеты заложены позднее. Простенки между ними кирпичные. Дверь в храм с запада большая с высоко поднятой подковообразной аркой, не имеющей тяги и пят арки; объясняется это, очевидно, тем, что со стороны притвора дверь имела заполненный люнет сплошной, вязаной со стеною кладкой поверх горизонтальной плиты. Окно вверху — небольшое с плоским верхом и декоративным снаружи камнем с подковообразной аркой.

Главная церковь была внутри вся оштукатурена, побелена, но не расписана первоначально. Лишь позднее сделана по второму слою штукатурки, наложенному на первоначальный, роспись, остатки которой заметны на южной и на западной стенах. Роспись эта покрывает также поверхности заложённых пролетов с хор.

Переходя к описанию боковых нефов и западного притвора, прежде всего необходимо отметить, что они были первоначально двухэтажны. Второй этаж составлял собственно хоры, соединенные в трех рукавах основного креста главной церкви с этим последним пространством, а в других частях образующие дополнительные и служебные помещения (черте-

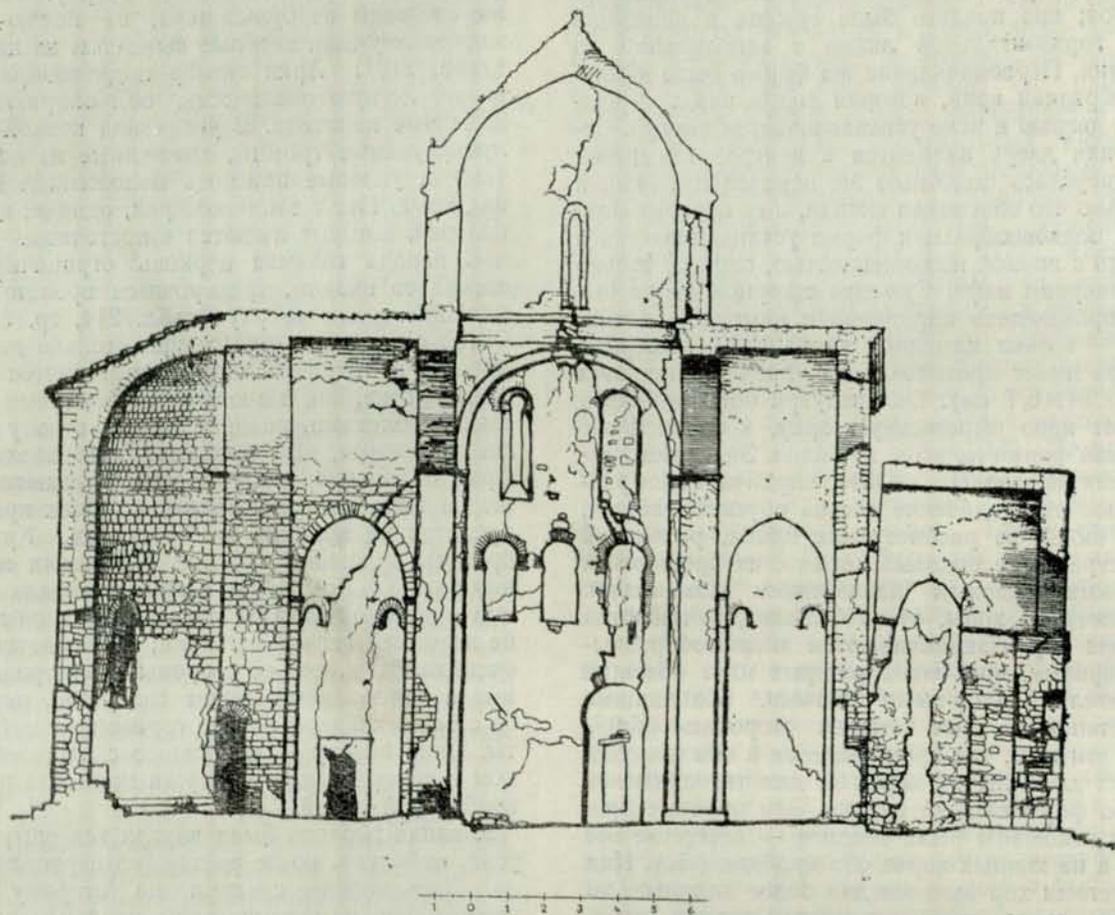
¹ Окно вверху имеется только на юг, на север же здесь глухая стена. На фото же свет идет через пролом стены.

² В поперечном разрезе это обозначено и на чертеже.

жи). В дальнейшем описание будем продолжать так же по частям — сперва нижнего этажа, а затем хор.

Северный неф церкви, как и южный, состоит по длине из двух совершенно разнородных и отделенных одно от другого пространств. Восточное в северном нефе имеет ход из главной

представляет собой квадрат с перекрытием из угловых тромпов и тремя примыкающими каждой стороне его абсидами. Мы имеем, таким образом, перед собой триконх (разрез через триконх). Форма конховых арок — северной и южной — определено подковообразная, а у восточной — едва заметна эта тенденция;

Продольный разрез на юг (обмер 1912 года)

церкви, а западное из западного притвора или снаружи с севера (план). Само восточное помещение — трехчленно: крайнее восточное представляет собой алтарь придела и одновременно жертвенник главной церкви, а среднее звено — место для молящихся. Западная же часть служила всходом по лестнице на хоры. Все три части сложены из булыжника, как стены, так своды, окна и двери, только в восточной части купол с барабаном, конхи, тромпы, арки, капители и верхние части устоев под ними сложены из кирпича. Алтарь этого придела

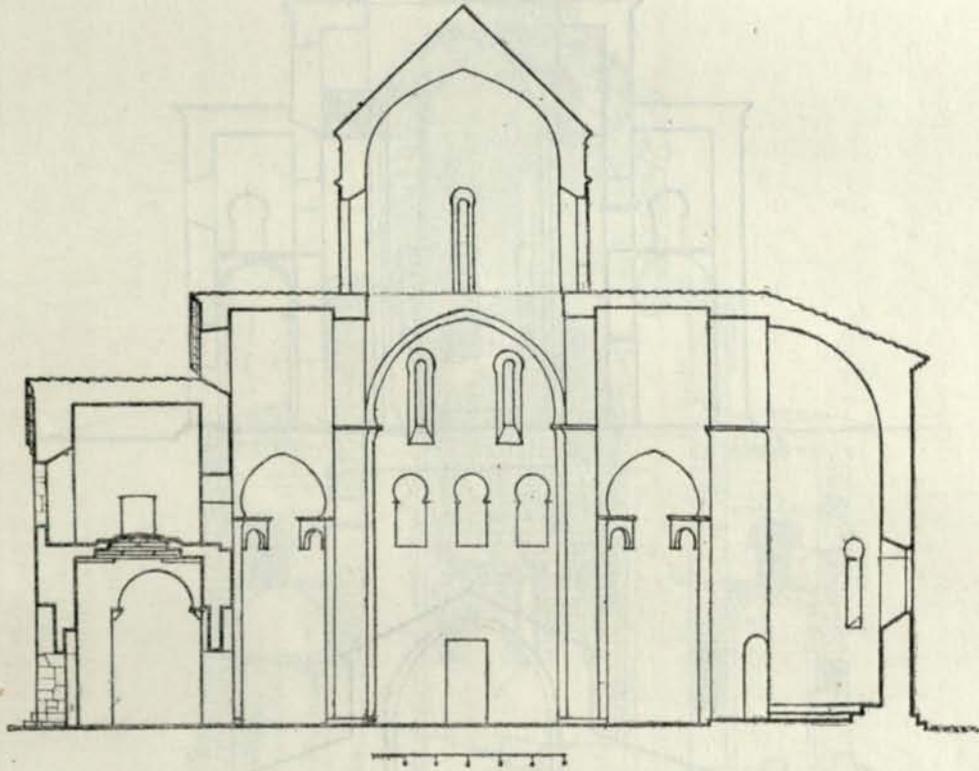
также и арка, связывающая этот алтарь с местом для молящихся с запада, имеет подковообразную форму (табл. 226-а), причем характерна сдавленность арки сверху вниз. Эта арка также сложена из кирпича. Капители арок триконха составлены из лекального кирпича, которому придана специальная форма простых капителей скосом. Из абсид триконха, северная и южная, заложены во всю ширину и глубину с оставлением в массиве закладки по одной нишке-полочке. Конха восточной абсиды заложена не была. В ней у стены находится

საქართველოს
ეროვნული ბიბლიოთეკა

неподвижный престол, сложенный весь из кирпичей большого калибра, характерного для первоначальной постройки; благодаря чему его можно считать одновременным с самой постройкой. Все это помещение освещалось восточным окном, прорезанным в центре абсиды¹. Восточное окно видно полностью: оно ма-

рат переведен к кругу основания перекрытия системой четырех угловых тромп (sic). Они сложены из кирпича и имеют правильную форму конхи, благодаря чему при пятах ее в самом углу, а ровно при наружных концах ее из стены выпущены торчащие консолями кирпичи². Поверх полученного восьмигранника выпущен

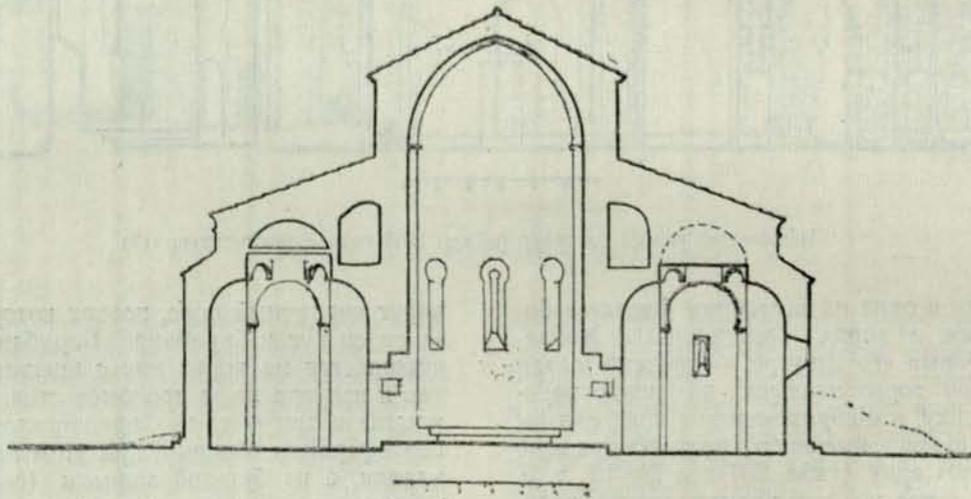
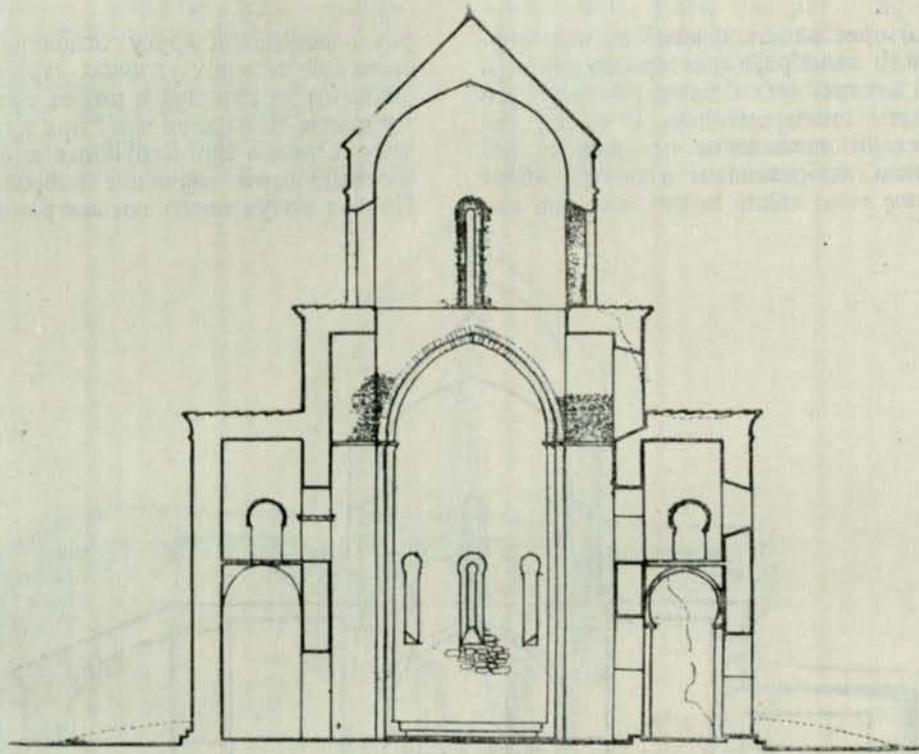
Продольный разрез на север (обмер 1956 года с реконструкцией)

ленькое, как и окна на восточном фасаде в боковых нефах и хорах Гурджаанской Квела-Цминда. Форма его изнутри — продолговатая со сплошной горизонтальной каменной перемычкой сверху, и с обрамлением в ноздреватом камне снаружи, имеющем подковообразную декоративную арку (табл. 207-а и 208-б), т. е. устройство такое же, как в западном окне церкви и в известной нам уже трехцерковной базилике того же монастыря. Подкупольный квад-

руг кирпичный пояс, поверх которого до свода виден кусок барабана. Барабан этот обнаруживается на хорах как с внешней стороны, так и изнутри из-за проломов стен. Само перекрытие в триконхе не представляется ровной полусферой, а плоским, при этом не кирпичной кладки, а из бутовой заливки (сейчас слегка искривлено). Оно имеет еще второе перекрытие повыше, находящееся в той части хор, которые вовсе не освещены, и форма его та

¹ На плане Калашников показал еще окно в северной абсиде, но его снаружи нет, а изнутри абсиды заложена.

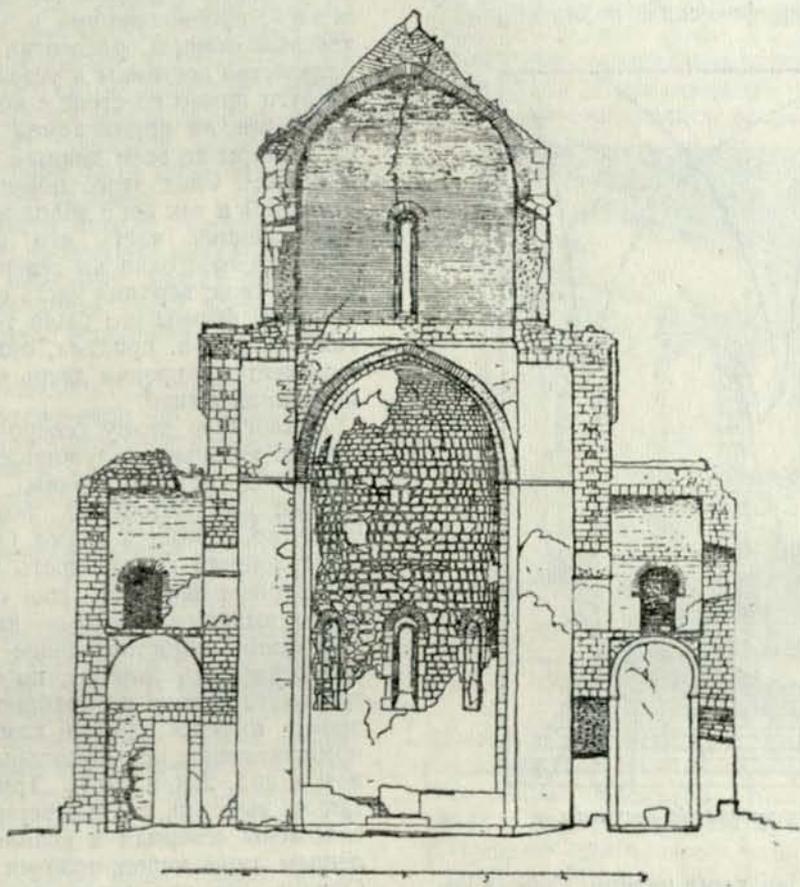
² Ср. фото аналогичного устройства в южном триконхе на табл. 224.

Поперечные разрезы на восток через купол и через триконхи

же как и у свода всей этой части хор, т. е. форма ползучего свода¹. Барабан купола на хорах можно обходить с западной и южной сторон и ощупать его юго-восточную часть: он находится в темном помещении — отрезке (восточном) северных хор, — имеющем пол неров-

шим приделом) есть тайник — для венца. Помещение для молящихся в данном приделе, соединенное широкой аркой с алтарной частью, представляет собой удлиненный прямоугольник в плане, перекрытый крестовым сводом (sic) с удлиненными восточной (на

Поперечный разрез на восток (обмер 1912 года)

ный, на разных плоскостях, местами даже как будто покатый (ср. план по хорах). Там же в узком проходе в южной стене (т. е., очевидно, в толще между абсидой главной церкви и на-

0,99 м) и западной распалубками, но совершенно горизонтально идущими по шельгам (табл. 226-а). Освещается эта часть скудно одним окном с севера, расположенным под самым сво-

¹ Архитектор же Г. И. Лежава показал на чертежах и уверял меня, что названный верхний свод над барабаном, который можно обследовать только через пролом стены, искусственно осветив, имеет правильную форму полусферы; в связи с чем он восхищен плоским перекрытием, которое считает мастерской техникой вставкой. Я привожу это его утверждение, не будучи

в состоянии проверить на месте наши расхождения. В селении называли в первые посещения крестьянина, который «лет 15—20 тому назад» нашел именно здесь котел с серебряными предметами и (1) монетами; в 1934 году сказали, что это был священник и было за «много десятилетий» раньше.
² В конце этого прохода подобраны были мною и

дом и имеющим плоскую перемычку изнутри и декоративную наружную арку подковой из ширины. Из этого помещения ведут две двери — одна на юг в главную церковь, описанная выше, и вторая на запад, широкая с плоским верхом перемычкой из цельного камня.

Третья часть северо-восточного придела, соединяющаяся дверью со средней, представляет собственно совершенно обособленное помещение с своим специфическим назначением —

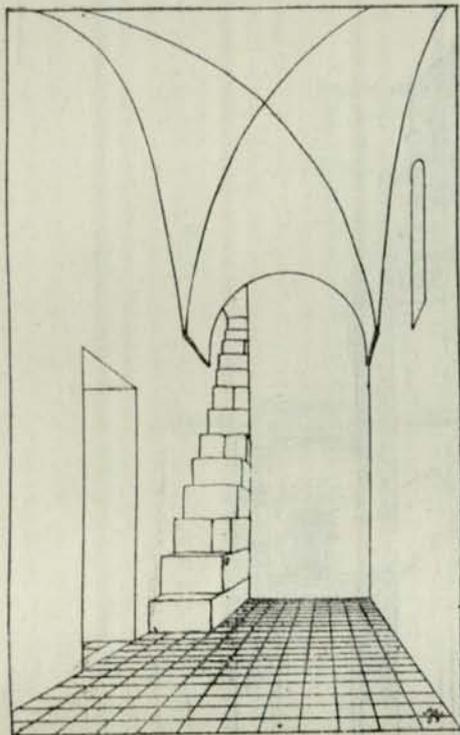

Схема восстановления лестницы

вмещать лестницу на хоры церкви. Сейчас помещение это на три четверти застроено сплошной кладкой и как раз в той части, где была устроена лестница, так что о расположении и формах последней, к сожалению, без разбора этой закладки ничего сказать не могу кроме того, что вверху западной стены этого поме-

щения, в южном углу ее под самым сводом имеется отверстие с последними ступенями лестницы, выходящей на хоры. Отверстие лестницы этой было прикрыто сплошной нависающей каменной плитой, начиная от крестового свода, в толще стены, оставляя лишь горизонтальный проход внизу. Возможно, что лестница в этой части, т. е. в среднем компартименте, шла вниз по западной его стене. Арх. Г. И. Лежава, производивший в 1956 году дополнительные обмеры, рассчитал по моей просьбе устройство лестницы и установил, что она могла идти прямо по стене с востока на запад, что и показано на прилагаемой схеме. Эта лестница на хоры по всем данным была единственной в храме¹. Свод этого помещения был крестовый (sic) и так же с дополнениями к распалубкам; средняя часть его ныне провалилась². Единственное окно на север (sic) было загнано под свод; верхняя часть его обрушилась, но, конечно, формы его были те же, что и в других окнах с.-в. придела, описанных выше. На юг имеется широкая дверь в главную церковь, описанная выше³.

Аналогично этому северо-восточному приделу, одновременно служившему также и жертвенником главной церкви, построен так же придел юго-восточный, бывший, кроме того, вероятно, ризницей храма. Отличие составляет выдержанная двучленность деления, тогда как в северном нефе есть еще соединенное третье звено, имевшее, однако, — как я показал, — совершенно самостоятельное значение. Здесь, следовательно, триконх, но без видимого центрального купола с барабаном, так как поверх трюмп имеется плоский каменный потолок, с примыкающим прямоугольным западным рукавом (табл. 224 и 225). Триконх совершенно так же выведен, как и северный; так же сплошь заложены северная и южная абсиды с оставлением лишь нишек-полочек в каждой из них. Однако, нет признаков престола⁴. Западный рукав — точный квадрат с крестовым опять сводом (sic: табл. 225-b) и дверью из главной церкви и окном на юг под самым сводом, которые плоско перекрыты внутри; верха наружной обшивки окна не сохранилось — по аналогии с другими, вероятно, была подкова. В

1922 г. два обломка трапециoidalной формы черепицы (для Кабинета искусствоведения Тбилисского университета, ныне в Музее искусств, см. табл. 230).

¹ Ср., впрочем, ниже, стр. 299.

² По словам М. Калашникова, во время обмеров 1912 года.

³ Фото на табл. 226-b — дает вид вверх через пролом свода: видны слева проемы хор, части нижнего крестового свода и большого коробового свода над хорами.

⁴ Так же снаружи не заметил окна из южной абсиды, как в северной, показанных Калашниковым.

Экспертная оценка качества

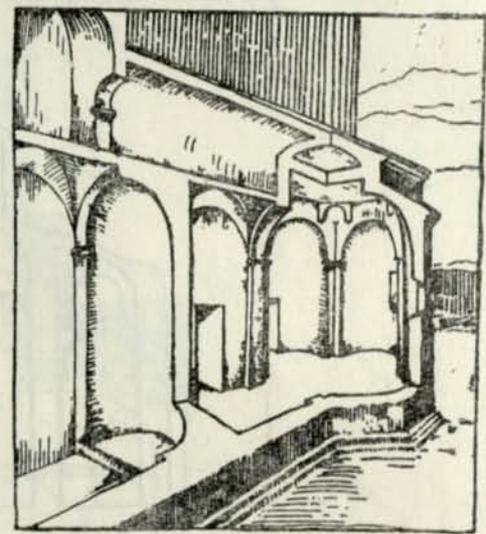
западной стене имеется большая ниша-полка в южном углу. А в северном углу той же западной стены, отступая от северной стены на 57 см, видна идущая вверх до пяты крестового свода разделительная линия, которая начинается в стене на высоте от пола примерно в 110 см (табл. 225-а). Возможно здесь одно предположение, а именно, что за этой отделяющейся кладкой, где перемешаны булыжники с кирпичом, скрыта аналогичная лестница на хоры, какая указана при описании северного нефа, несколько западнее. Здесь нижние 77 (или 110?) см ее были или встроены в помещении, или же могла приставляться деревянная лестница¹. Возможно, конечно, что самая мысль о лестнице была тогда же отброшена и весь проем ее заложен.

Материал этой части вполне соответствует северному триконху: кирпичные конхи, тромпы, арки при плоских каменных плитах перекрытия центрального квадрата (гсп. восьмигранника) и при булыжнике исполнения стен и крестового свода².

Западные части северного и южного нефов опять совершенно аналогично организованы. В северном имеется прямоугольное пространство с восточной абсидой и удлиненным добавлениями крестовым сводом, частью рухнувшим. Как абсида в плане, так и конха имеет план и наружную арку подковообразной формы с капителями выкружкой из ширими³. На север вела большая дверь с подковообразным верхом, вся заложная, ибо снаружи кроме того она застроена контрфорсом. Притолоки двери из ширими, а арка кирпичная. В западный притвор эта часть северного нефа открывается целиком во всю ширину и высоту, только добавлена еще подпружная арка кирпичной кладки на консолях в скос из ширими. Она слегка подвышена и имеет тенденцию к подковообразной форме.

Западная часть южного нефа также начинается абсидой, в плане полуциркульной с подковообразной конхой (табл. 227-а). Капители из ширими. Сохранился престол, ныне оторванный от стены, к которой был пристроен, на нем не заметно показателей времени его построения. Свод самого нефа поделен на четыре квадратных отрезка с крестовыми сводами, которые

рухнули во втором, третьем и четвертом квадратах. Своды были сложены из булыжника, как вообще вся кладка этого придела в храме. Между первой и второй парой квадратов с крестовыми сводами, а также между второй парой и западным притвором церкви, в который описываемый придел открывается так же, как аналогичный северный, широкой и высокой аркой во всю ширину нефа (табл. 227-б), имеется дополнительная подпружная арка из кирпича на консолях ширими (табл. 227 и 228)⁴. Арки эти подвышены и слегка подковообразны. Весь этот придел, как и аналогичный северный, окон не имеет, они освещались только через дверные

Перспективный разрез триконха

проемы. Наружная дверь сделана здесь во втором квадрате с крестовым сводом (табл. 227-а). Она сильно переделана. Была широкая и высокая с подковообразной аркой из булыжника и снаружи притолоками из ширими, а изнутри в кирпиче. Арка двери заполнена, причем ограничение дано горизонтальной плитой сплошного слоистого камня, какой мы видели уже во многих окнах и дверях церкви. Напротив входной двери находится описанная выше дверь в храм.

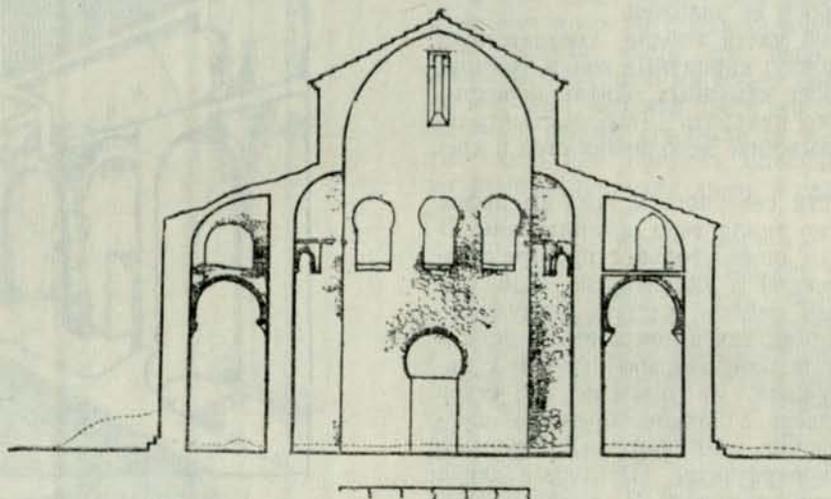
Северо-западный и юго-западный приделы соединены с западным притвором не только рабана», подымающегося до самой кровли; купольный свод он нанес условно пунктиром.

¹ Ср. ниже Алавердский собор.
² Подняться на хоры с этой стороны не удалось, а потому ничего не могу сказать о наружных формах предполагаемого, аналогично установленному с северной стороны, «барабана», проходов и тайника.—Арх. Лежава, который поднялся на хоры в этой части здания, выявил в обмере те же формы прохода и «ба-

³ Никаких следов престола не имеется.
⁴ Первая сохранилась лишь частью. Ср. разрез через западный обход.

внешне, но продолжением тех же формальных приемов, которые применены для оформления самих этих приделов. Примыкающие к обоим приделам части западного притвора так же формованы, как и эти последние — окон они не имеют и равномерно поделены в своде каждый на два равных, почти квадратных отрезка с крестовым над ним сводом¹. Своды эти рухнули и видны только места примыкания у стен (табл. 229). Каждая пара этих квадратов с севера и юга отграничивалась от средней части притвора дополнительной подпружной каменной, а не кирпичной аркой на консолях из ширины, совершенно сходной с аналогичными ар-

Таким образом, эта средняя часть, соответствующая западному рукаву главной церкви, значительно вынесена из линии западной стены вперед. Она сохранила сейчас по углам квадрата остатки трюмп³. Совершенно ясны они в с.-з. углу, поменьше в ю.-з.; наконец, как неровность стены и отбитые кирпичи, они намечаются и в северо-восточном углу. Трюмпы эти были, как и в других частях здания, кирпичные, большие, именно больше других здесь и обрамлялись спереди, судя по оставшимся выступам, двойной аркой. Принимая во внимание высоту, на которой находятся эти трюмпы, приходится делать заключение, что поверх

Поперечный разрез на запад через экседры

ками в северном и южном приделах, описанными только что. Арки эти затем рухнули и, начиная с сохранившихся частей их, вывели затем иной формы арки, очень высокие, полуциркульные (табл. 229)². Эта переделка первоначальных форм так же, как и в прилегающих частях хор (о чем ниже), может быть только констатирована; о первоначальных же формах можно строить те или иные предположения. Средняя часть притвора, вместо ширины боковых частей, почти общей с шириной примыкающих к ним приделов, значительно расширена, образуя почти равносторонний прямоугольник.

них было плоское перекрытие и пол на одной высоте с полом боковых частей над притвором и с полом боковых хор⁴. Пол этот был полом хор, имевших здесь в средней части такие же три арочных пролета, как и на боковых хорах. Весь западный притвор не имел окон, свет шел только через широкий пролет западного входа. Вход этот по косякам обложен ширины, а арка сложена из булыжника, но, по-видимому, и здесь люнет ее был изначально же заполнен (в глубине) поверх узкой каменной балки, положенной при основании ее подковообразной формы (ср. табл. 211).

¹ На чертеже М. Г. Калашникова своды показаны не равномерно, что ошибочно.

² Они у Калашникова на чертеже показаны стрельчатыми. Но арки эти просто сейчас надтреснуты и кирпич отслаивается и выпадает.

³ Это положение нанесено на чертеже Цилосани продольного разреза (здесь не воспроизведенного).

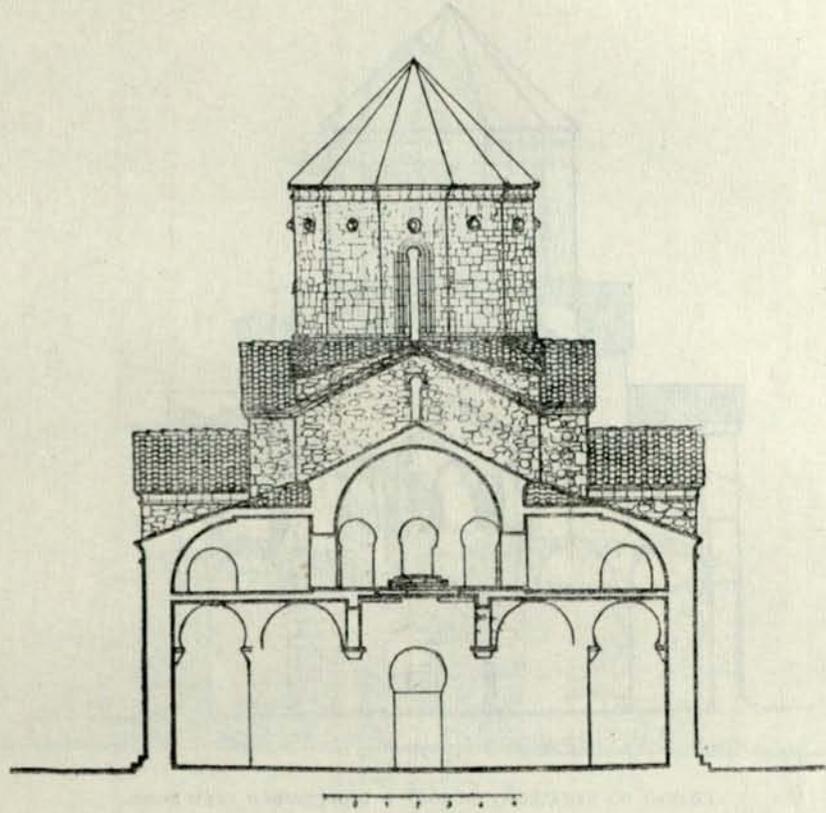
⁴ И был выполнен аналогично потолку над центральным квадратом триконхов.

Электронная библиотека
История культуры

Наконец, нам необходимо еще описать хоры нашего храма. Это наиболее трудная часть, ибо, как упоминалось уже, все западные хоры переделаны и, кроме того, обрушились. Начнем с боковых хор. Они по длине разбиты на три части. Собственно хорами, соединенными с главной церковью, были средние части их, как равно и средняя часть западных хор. Все они

ми с востока и запада, на которые опирается высокий коробовый свод, покрытый двускатной крышей, характеризующей рукава данной церкви¹. Снаружи южные хоры имели одно большое окно, плоское сверху (ср. табл. 227-а). Относительно северных хор не могу установить с несомненностью, было ли окно или не было его, так как на линии возможного окна — в се-

Разрез с восстановлением перекрытий в западном обходе

открывались в церковь тремя громадными пролетами, начинавшимися с пола хор и венчавшимися подковообразными арками. Так именно понимал их зодчий и остальное пространство хор просто формировал, как дополнительные и соединительные между ними звенья, которые дали бы ему возможность создать выдержанные, более спокойные фасады. Эти средние части завершены в себе сплошными стена-

¹ Стены эти из булыжника, как и литой свод; только в тех местах стен, где устроены арки проходов на

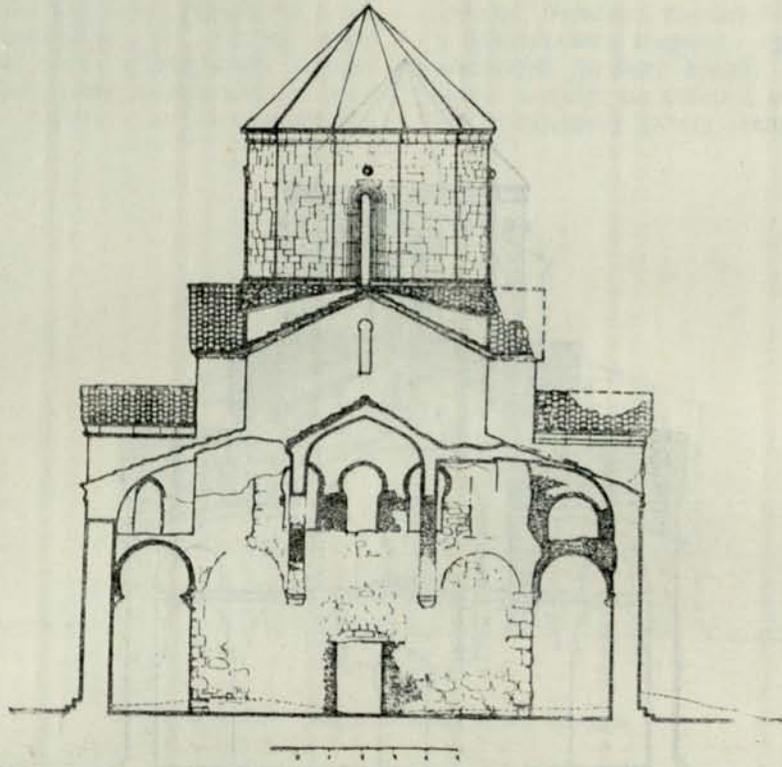
верной наружной стене, пролом. На чертеже Калашникова окно не показано; между тем полагать эти хоры без прямого света — представляется мало вероятным. На восток и запад имеются двери с арочным верхом, выложенные из кирпича (32×26×6 см.). На северных хорах они не в центре стены и имеют едва заметную овальность и подковообразный верх; в южных же находятся в центре и так же

восток и на запад, они выложены из кирпича (разм. 32×26×6 см — отмеченный на северных хорах).

с подковообразной аркой на консолях (табл. 227 и поперечные разрезы). Нужно думать, что такие же формы имел и средний квадрат западных хор; по бокам пролетов этих западных хор на стенах сохранились широкие выступы, намечающие несомненно бывшее здесь устрой-

низ церкви из двух рядов плоских каменных плиток, положенных уступом один над другим¹. Восточные, темные части были, нужно думать, симметрично устроены: эта часть северных хор была уже описана. Она крыта ползучим сводом, отвечающим наклону односкатной кровли,

Разрез по западному обходу в теперешнем состоянии

ство, связь сводов или арок; выступы эти кончаются несколько ниже, чем пята оконных проемов со средних хор в церковь, и сохранившийся идет как раз по ребру крайнего из трех этих пролетов (табл. 229-а). На юго-западном наружном углу выступающей (средней) части западного притвора сохранился древний кар-

положенной здесь зодчим. На южные хоры подняться не было возможности². Возможно, что сюда выходила проблематичная лестница снизу, из южного триконхового помещения³. Западные части так же полутемные, с таким же ползучим сводом, начинающимся от пола хор. На западной границе их была арка-проход, за-

¹ В 1934 году сохранился лишь один уступ карниза (табл. 211-а). Средняя часть над дверью, извне, сохранила остатки с восьмигранными столбиками по сторонам (три грани видны). Эта часть, ограниченная как бы восьмигранными столбиками, шире двери на один шаг с каждой стороны.

² На плане второго этажа эта часть нанесена на основании кальки с чертежа М. Калашникова,

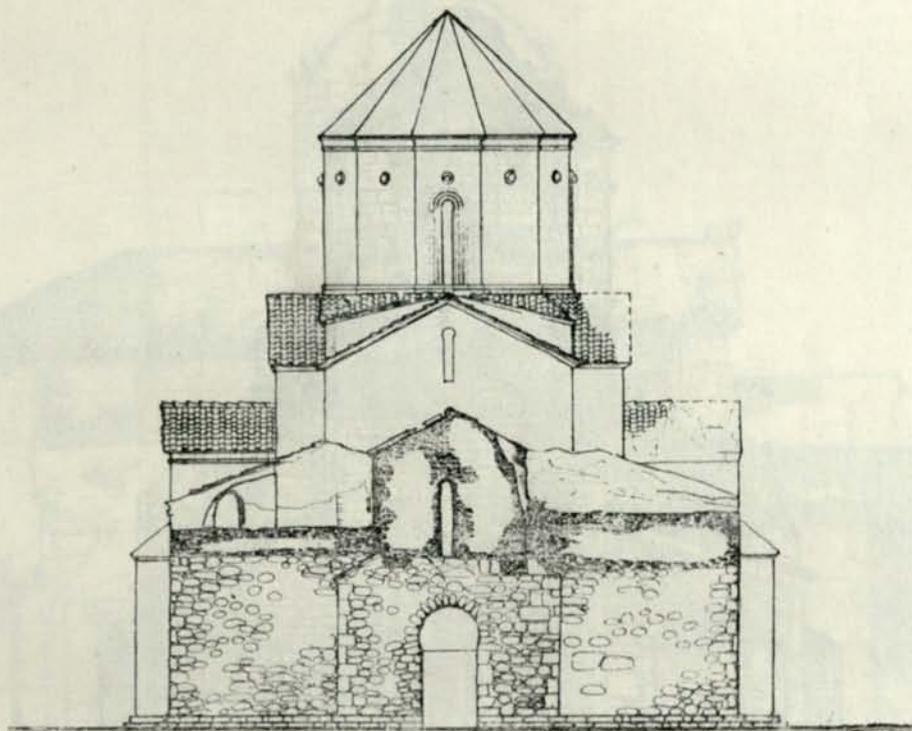
им же выполненной в 1912 году, и на основании дополнительных обмеров В. Л. Цицосани в 1934 году. На стр. 290 воспроизведен чертеж обмера Г. И. Лежава.

³ Лежава, осматривавший, поднявшись по моей просьбе, специально эту часть, никаких указаний на лестницу выявить не смог; следовательно, если она и была запроектирована, то снята еще в процессе строительства.

ложенная позднее кирпичом¹. Свод в западном отрезке северных хор сохранился нетронутым от времени: он правильной формы с изломом при овальности и не полный полуциркульный, а ползучий. Открытым оставался проход с этих боковых хор на западные через двери, описанные только что². В западную часть северных хор выходит лестница на хоры. Свод западно-

тия частично уцелели при восточной стене западного обхода. В северной части начало сложено из булыжника, а затем поновленный кирпичный свод, в южной же все сплошь — поновление из кирпичной кладки мелкого калибра, не только изнутри, но даже снаружи, как своды, так и стена.

В западном притворе и западной части хра-

Западный фасад

го отрезка южных хор сложен заново, из позднего кирпича, вместе с частью наружной стены храма. Боковые части западных хор не сохранили почти совершенно остатков стен выше пола хор. Только в северной трети есть часть западной стены с остатками небольшого окна на запад, которое освещало весь этот северо-западный отрезок прямо с пола второго этажа. Окно перекрыто плоско плитами камня. Остатки сводчатого литого с булыжником перекры-

ма лежат обломки балясин двух форм — одной шесть штук, другой две (табл. 299-b). Основание каждой из шести имеет примерно 40 см в диаметре и при симметричном восстановлении высота всей балясины могла достигать 1,15 (табл. 230-с). Второго типа обломки уцелели на высоту 50 см, имеют прямоугольное основание (31×23 см) до 20 см высотой, на котором стоит круглый ствол (примерно 15—20 см диаметром).

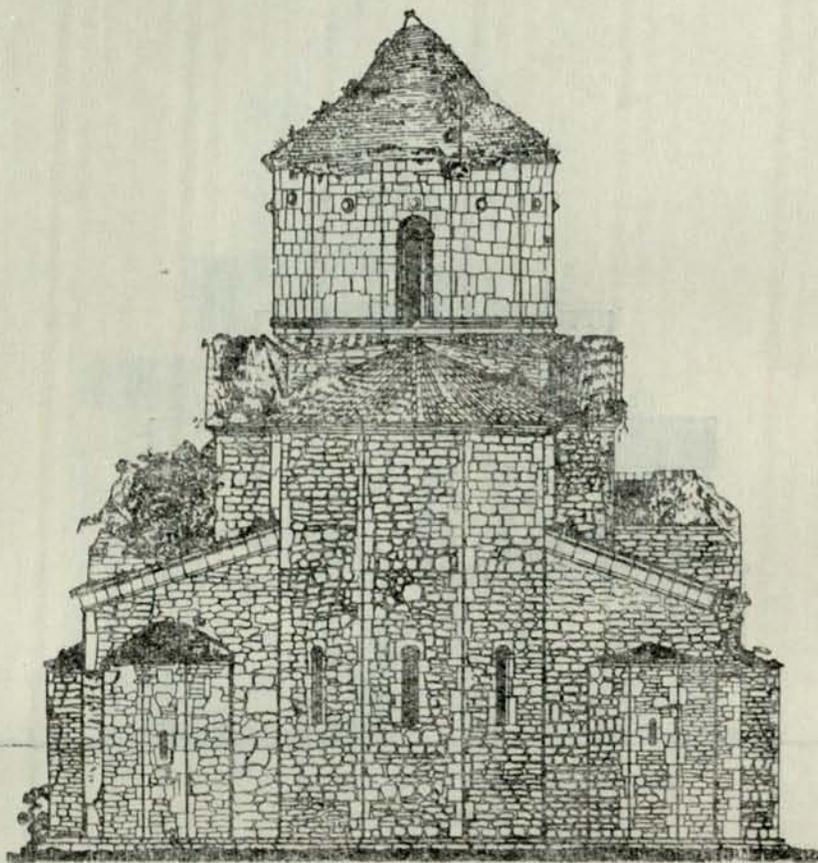
¹ Эта арка-проход в северо-западный угол обхода по второму этажу отвечает таковым с северных хор на запад и на восток. Она так же по форме имеет легкую подковообразность с овальностью, размеры

кирича и здесь ...×26×6 см. Ср. разрез через западный обход.

² Ср. разрез через западный обход.

Заклучив описание храма внутри, и попутно отмечая конструктивные приемы, необходимо сообщить еще несколько общих замечаний о наружном виде его, хотя в течение предыдущего описания постоянно делались указания на отдельные наружные части здания. Церковь, как было уже сказано, сложена из обычного кахетинского строительного материала — по-

возвышается купол на двенадцать граней и с четырьмя окнами. Барабан весь облицован терракотными плитами ширины неровных размеров и не образующих потому ровных рядов кладки (табл. 205, 206, 210, 212-b). Окна имеют сплошные профилированные обрамления желобком. На гранях вверху — по декоративной шишке. Как выше было отмечено, облицовка эта сде-

Восточный фасад

добранного булыжника с добавлением для углов, дверей, окон, вязей желтоватого ноздреватого ширими (травертина). Кладка булыжника идет ровными рядами и сами камни для этого несколько подравнены¹. Наружные формы фасадов достаточно охарактеризованы уже предшествовавшим описанием. В центре

¹ Табл. 205—212. Наружная стена западной части южных хор сложена сейчас из кирпича позднего калибра. На северных хорах соответствующая стена тоже

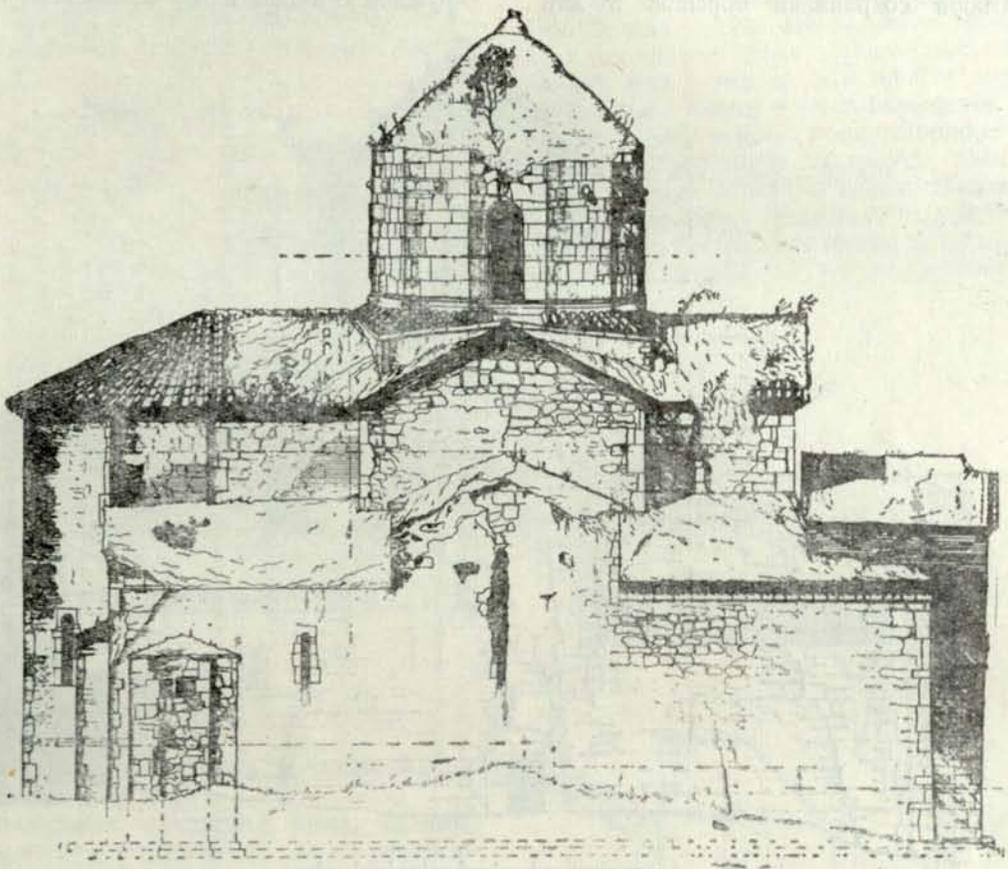
лана позднее — в эпоху зрелого средневековья. Восточный фасад имеет характерный вид благодаря высокому граненому выступу алтарной абсиды с кровлей по скатам их. По сторонам, но уже ниже линии односкатных кровель боковых помещений, видны опять трехгранные выступы абсид восточных триконхов, высту-

несколько отличается по кладке от остального здания, но не производит впечатления позднее сделанной.

пающие как на восточном фасаде, так и на северном и южном. Кровли этих выступов так же выделяют по скатам грани (табл. 207 и 208). В соответствии с восточным выступом алтаря имеется и на запад такой же рукав креста и затем еще поперечные, которые, однако, значительно короче и не доходят до наруж-

да в общих массах представляется мне так, как подчеркнут тремя уступами в средней части: отличие от двух уступов боковых фасадов и в pendant массам восточного: внизу на высоту помещений нижнего обхода небольшой выступ с широким стройным входом, венчаемый декоративной подковообразной аркой; следующий

Северный фасад

ных стен северного и южного фасадов в их нижних частях. Уступом, пониже этих поперечных рукавов, но тоже выделенным из общей стены фасада, находится средняя часть хор (табл. 210, 212-б и чертежи). Наконец, первоначальный вид западного фаса-

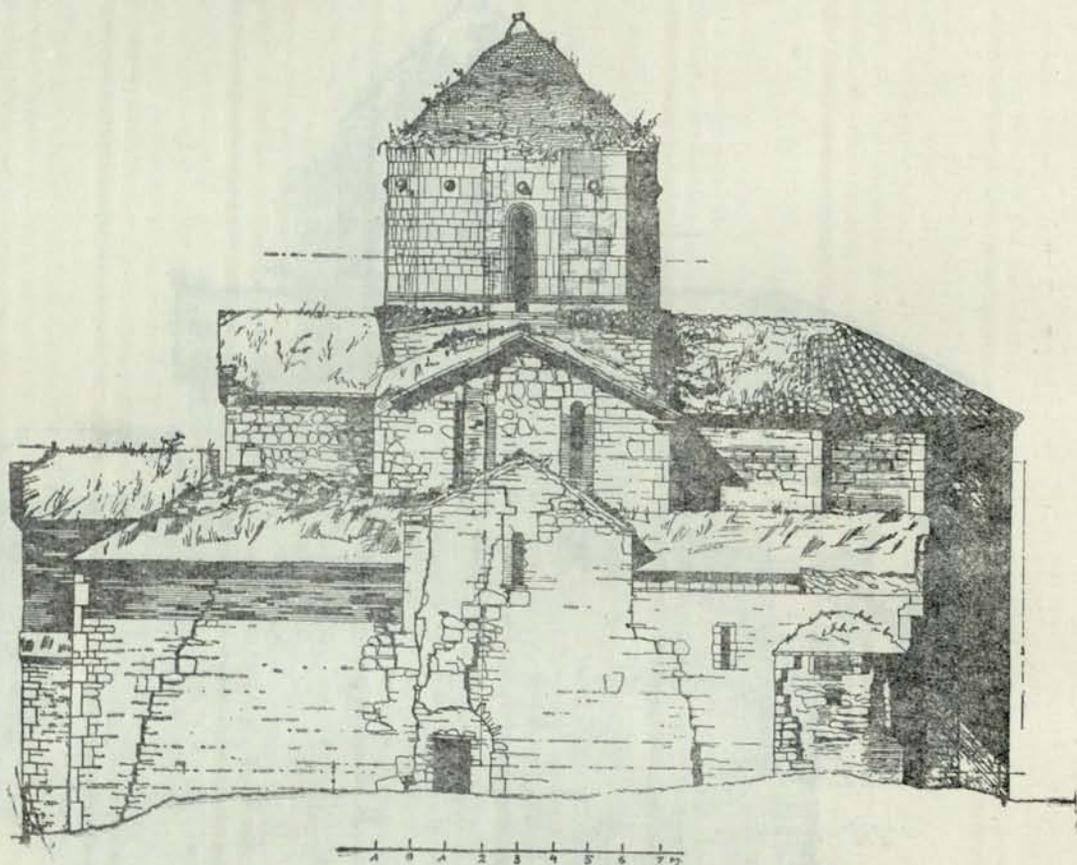
уступ составляет средняя повышенная часть западных хор, имевшая, конечно, большой оконный проем; и, наконец, третий уступ образован западным рукавом среднего храма с окном опять по средней оси (ср. табл. 210-а, 211-а, 212)¹.

¹ Таким образом, первоначальный вид храма с запада отличался от того, который дан ему при восстановлении и который отражен в основных чертежах, где на обоих планах показан средний выступ, тогда как

считаю, что по этажу хор выступа не было. Равно на чертежах боковых (продольных) фасадов этот выступ в первоначальном облике кончался двускатной крышей, нижний край которой восстановлен М. Г. Ка-

Карниз церкви частью сохранился древний, состоящий из выпущенных каменных плиток, так же, как мы это видели уже в церквях Дзвели Шуамта. В три ряда камней имеем его над алтарем церкви и под кровлей северного рукава креста (табл. 207-b, 206-b). На углу выступающей части западного притвора сохранился обрывок в два

низ юго-западного угла повышен против первоначальной высоты, так же как и северо-западной, где поверх выпущенного ряда камня положен кирпичный до общей высоты карниз из углом и плоско лежащих кирпичей. Еще до этого «кирпичного» ремонта, но после древнего же ремонта здания, сделан новый карниз выкружкой с валом внизу из ширины под кров-

Южный фасад

ряда камней¹. На триконховых выступах имеем карниз в одну каменную плиту (ср. табл. 208-b). Также в угловых западных частях. Кар-

лашниковым на чертеже южного фасада на правильном месте, хотя несколько произвольно. На поперечном разрезе через западный обход и хоры средняя повышенная часть последних тоже воспроизводит теперешние формы, полученные в итоге древней реставрации, тогда как в первоначальной композиции она была шире метра на два, т. е. до 5,75 примерно, а свод имела, конечно, коробовый, как и над средней частью боковых хор.

Прилагаю схемы восстановления соответствующих

лями восточных угловых частей (ср. табл. 208-b)².

Кровли Вачнадзнанской церкви были покры-

частей плана обоих этажей, а также масс западного фасада, исполненные Р. С. М е п и с а ш в и л и (см. стр. 307); восстановление же пространства западных хор дано на чертеже Г. И. Л е ж а в а.

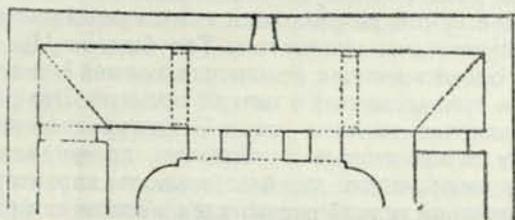
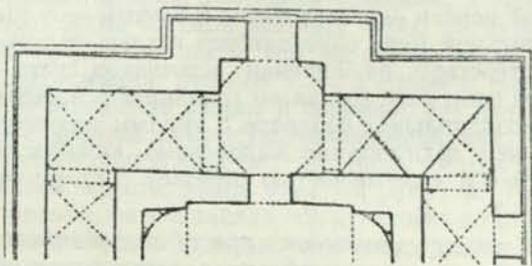
¹ В 1934 г. сохранился только один уступ. Быть может, что прежние три уступа стали сперва (к первым посещениям) — двумя, а затем и одним (ср. ниже о триконхах).

² Возможно, что при этом ремонте барабан купола облицовали плитами ширины.

ты черепицей, причем и при починке применена опять черепица же, ибо найдены различные образцы ее. Так, с южной наружной стороны церкви на земле найдены два образца с крестами (ср. Акурского Мама-Давид и Гурджанскую Квела-Цминда, а равно Эрцойский Сион); два образца полукруглых, с рисунком по бордюру, в северной части западного притвора и, наконец, оригинальной формы в проходе за барабаном северного триконха (табл.

также застроена контрфорсной стеной (табл. 212-б и 206-б). Насколько велико сейчас разрушение храма, с достаточной ясностью передают наличные чертежи и фото на таблицах, дополняемые в деталях отдельными местами предшествовавшего описания.

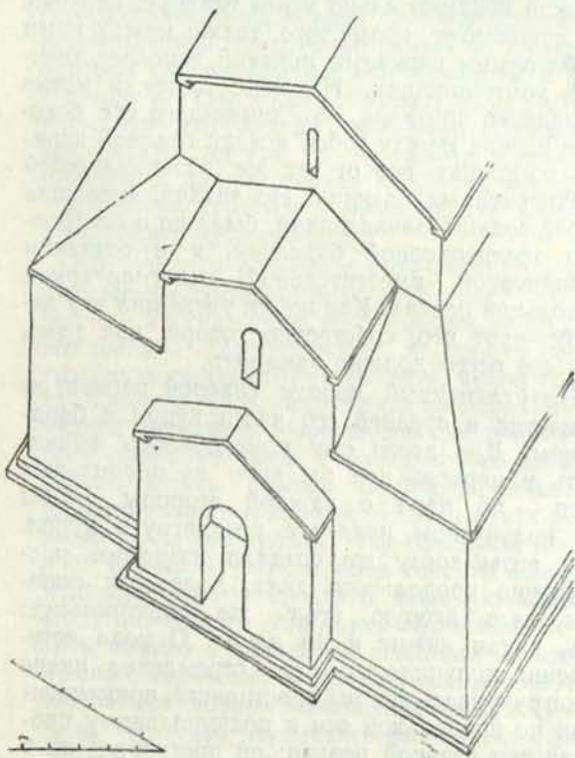
А н а л и з.— Описанная церковь в мон. Квела-Цминда около Вачнадзани представляет, как мы видели, очень сложное композиционное целое. Как в первой описанной в этой группе церкви, мы имеем и здесь скрещение двух тенденций или, вернее, композиционное задание создать купольную большую, расчлененную церковь, где зодчий в основу положил базиличную церковь, совершенно переработав, преворив все ее части купольным принципом. В этом и заключаются все особенности данной

230), два фрагмента и одна цельная, малая черепица в южном нефе¹.

Первоначальная постройка была, видимо, внутри целиком оштукатурена, но не росписана. После же починки, после закладки окон и проемов с хор, сужения входов и т. д. была вторично оштукатурена и поверх этого второго слоя росписана. Остатки росписи видны в западной части, где два слоя штукатурки, а также в пролете внешнего западного входа, где хорошо сохранилось изображение ангела (в одной части свода).

Тогда же, вероятно, в связи, быть может, с трещинами, которые дал храм на юго-западном и северо-западном углах, были выстроены полукруглые контрфорсы (табл. 210-а и 212-а), равно и вся западная половина северной стены

постройки, как нового композиционного решения. Прежде всего мы остановимся на выявлении творческого процесса непосредственно за-

30 внизу) замерены на кровли северо-западной угловой части.

¹ Коллекция этих черепиц доставлена была в Кабинет искусствоведения Университета. Большие плоские черепицы (длина 40 см, ширина 24 вверху и

нимающей нас церкви, а затем сравним ее с предшествующей.

За основу своего проекта зодчий Вачнадзианской церкви взял церковь типа Некресской или Зеганской трехцерковной базилики. Это положение устанавливается с полной очевидностью. Перед нами три продольных нефа, совершенно самостоятельных и в качестве пространственной формы и как пространство известного назначения — в каждом из них по церкви и каждая из церквей соединяется друг с другом только дверьми. Но мало этого, как в названной разновидности трехцерковных базилик, мы и здесь видим расширение главной, средней церкви за счет площади боковых церквей в образовании специальных комнат и под ризницу и под жертвенник в восточных концах боковых нефов. Пройти в жертвенник и ризницу можно исключительно через главную церковь. Не существует, кроме того, также между ними и боковыми церквами никакой непосредственной коммуникации. Наконец, далее, и мотив западного притвора, объединяющего обе боковые церкви между собой позади главной церкви, воспринят все от тех же разновидностей трехцерковных базилик. Но задача, стоявшая перед зодчим Вачнадзиани, была не в построении трехцерковной базилики, а в создании грандиозной, вместительной, многоалтарной купольной церкви. Как же он разрешил эту задачу — вот что, собственно говоря, нас здесь больше всего должно занимать.

На удлинённый корпус главной церкви он поместил в средней его части купол с барабаном. Для этого ему понадобилось выдвинуть в церковь как бы анты из продольных стен — по паре с каждой стороны, чтобы на полученном квадрате воздвигнуть купол. Эти анты сразу же создали известное расчленение продольного зала, положили поперек него вторую столь же значительную ось, какая лежит и по длине. Отсюда естественно получилось у него стремление иначе конструировать формы пространств, примыкающих по продольной оси к подкупольному пространству главной церкви: он претворяет их в рукава креста, каковыми воспринимаются композиционно два поперечных отрезка. Таким образом, из простого, зального, пространственного образования главной церкви в храмах типа трехцерковных базилик он делает сложную, крестообразную с центральным куполом форму пространства. Крестообразность эта особенно

подчеркивается, конечно, направлением сводов на равной высоте, внутри, и двускатными кровлями на доминирующих над всем зданием стенах креста снаружи. Дополнительные части восточного и западного рукавов креста снаружи втянуты под общую с боковыми нефами односкатную кровлю, а внутри представляют в нижних своих частях небольшие декоративные эксседры.

Восприятие художественного решения всего этого центрального пространства Вачнадзианской церкви — его глубины и высоты — в значительной мере определяется исключительным мастерством размещения источников света — трех окон в алтаре, затем градацией освещения в подкупольном квадрате с умелым подчеркиванием архитектурно выделенных, важных частей его, смягченностью отрезков с эксседрами и т. д.

К этому удлинённому кресту он добавляет с востока алтарную абсиду с самостоятельной бемой. Таким образом, храм сильно вытягивается им на восток. Таковы были требования того времени при разбивке частей храма: алтарь с бемой не соединялся непосредственно с подкупольным квадратом. Так было в Цроми и в одновременных армянских храмах¹, а также в примыкающих к ним по времени. Это распределение, как мы знаем², предъявляло зодчему определенные требования, представляло трудности чисто художественного характера, которые не всякий оказывался в состоянии разрешить. Те же трудности, те же требования поняла вполне ясно и Вачнадзианский зодчий. Чтобы разрешить их, он включил в свою постройку мотив, имевшийся уже в базилике Дзвели Шуамта, затем в ряде трехцерковных базилик и, в частности, в Зеганской, именно западный притвор, соединяющий в один общий обход боковые церкви. Но как и среднее храмовое пространство, он совершенно переработал этот мотив и создал из него органическую часть храма. О формах и приемах этого, однако, скажем сейчас ниже.

Созданное зодчим купольное крестовое пространство церкви было бы недостаточно твердо при низких, только одноэтажных боковых нефвах. Даже сильное повышение их не смогло бы выравнивать общего впечатления несогласованности и в отношении распора представлялось архитектору недостаточно надежным. Вот почему вполне понятна, логически стройна такая переработка, которую он применил. Над нижним этажом он создает второй с хорами при главной церкви. Но этим хорам он не позволяет

¹ См. Georgische Baukunst. Bd. 2.

² Там же, стр. 23—24, 26—27, 58, 63—66, 69.

проступать на всем протяжении главной церкви, а включает их в ее организм только в трех особо значительных частях — в торцевых стенах трех рукавов ее креста. Здесь хоры присоединяются к главной церкви тройной с каждой стороны аркадой. Получается не внизу на уровне пола, а выше на средней высоте стен расширение пространства — это создает совершенно определенный художественный эффект. При этом тройные проемы этих хор являются дополнительными проводниками освещения средней церкви, притом не прямыми, а посредствующими из окон внешней стены их. В частности данные части хор им трактованы, как продолжения рукавов креста главной церкви и в отношении сводов и снаружи, как двускатной кровлей покрытую, возвышающуюся, хоть и не до общей высоты с основным отрезком рукавов креста, часть этих же рукавов. Таким образом, он и с запада обход поднял во второй этаж, выделил в этом последнем средину, особо покрытую на два ската.

Остальные части хор им трактованы внутри, как отмечено при описании, в качестве подсобных дополнительных пространств — они имеют смысл и назначение, как коридоры, тайники и т. п., и потому не имеют самостоятельного освещения. Снаружи они забраны под общие односкатные крыши. Таким образом, здесь определенно совершен переход к той характерной системе кровель в типичных грузинских крестовокупольных храмах, где выделен высоко поднятый основной крест постройки с двускатными кровлями и куполом на барабане в перекрестии при односкатных кровлях на север, юг на нижних заполнениях углов между парами рукавов креста. Эта система здесь, как в Цроми, определенно выявляется, будучи начата уже в церквях типа Джвари Мцхетского.

В оформлении алтаря главной церкви зодчий увидел перед собой проблему значительной художественной ценности. В трехцерковных базиликах Некресского типа из бемы алтаря главной церкви былиходы в прямоугольные по плану комнаты в восточных концах боковых нефов. Перед ним стоял тот же выход и никакого другого. Но он и этот мотив совер-

шенно переработал и органически слил, как необходимую художественно часть всего организма здания, с этим последним. Прежде всего он не ограничился сделать из этих частей только жертвенник и ризницу, а соединил с ним еще и приделы. Таким образом, ему понадобилась двучленность этих помещений — алтарь и место для верующих. Теперь он формирует алтарные помещения этих приделов более независимо, самостоятельно. Он согласовывает наружный вид их с средней частью восточного фасада. У него получается в хорошем соотношении и постепенности три трехгранных выступа, причем дополнительность боковых благодаря и размерам и нахождению на втором плане выявлена вполне. С другой стороны, значительная самостоятельность их оттенена повторением того же мотива выступов на боковых фасадах. Внутри же он достигает полной законченности, создав дополнительную поперечную ось, совершенно ясную по плану, на которой расположены у него триконхи и бема главной абсиды. Едва ли нужно особо напоминать, что эти алтари он сделал купольными триконхами внутри, т. е. удвоил купольный принцип в данной церкви здесь так же, как и конхами на тромпах в экседрах по сторонам купольного пространства¹.

Так понял и разрешил свое задание зодчий. Тот же по существу исходный пункт был и у зодчего в Гурджаани, но как далек он от художественной законченности и продуманности крупного, выдающегося таланта, яркой творческой индивидуальности вачнадзиани. Там базилика осталась совершенно нетронутой во всех своих основных формах: к ней добавлен только купол, причем сообразно, очевидно, длине базилики и количеству устоев для равновесия даны два купола. Над боковыми нефами и он сделал хоры, стараясь создать необходимую при высоте среднего нефа устойчивость его, снабженного еще двумя куполами. Но при этом только с запада он соединил их видимо и ясно с церковью, по продольным же сторонам она замаскирована маленькими люками вместо окон. Чувствуя неудовлетворительность фасадных видов, гурджаанский архитектор создает

указанных частей принципиально отличаются от Вачнадзиани, так что это сопоставление может иметь очень условное значение. Точно так же и сравнение главного храмового пространства с такими, например, церквями, как ц. св. Софии в Солуни или ц. Успения в Никее и т. д., падающие на то же примерно время VIII—IX веков, как и Вачнадзиани, не вскрывает еще прямых связей и, тем более, зависимостей: для этого не хватает еще и общенсторических данных.

¹ В новой литературе есть несколько случаев привлечения Вачнадзианского храма в отношении развития его пастофорий и их триконховой формы, как отражения константинопольских форм в таких храмах, как Μυρεσιον (Будрум-джами) или Молла-Гюраниджами, Фенари-Исса (церк Липса) и др. (см. Н. Брунов, Ein Denkmal der Hofbaukunst von Konstantinopel, „Belvedere“, 1926, Heft 51-52, S. 231 и др.). Эти памятники падают на X и XI века и в оформлении

как бы лоджию и террасу, но это далеко не разрешает проблемы. Совершенно иначе, как мы только что видели, обстоит дело в Вачнадзиани: даже лоджия с запада, имеющаяся и у него, трактована была, по всем данным, совершенно иначе. Таким образом, хотя анализ Вачнадзианской Квела-Цминда и устанавливает с несомненностью, что в основу постройки положена форма трехцерковной базилики Некресского и Зеганского типа так же, как в Гурджаани настоящая базилика, но эта форма по самому существу, в корне переработана и во всех частностях и деталях проникнута, преобразована и подчинена принципу купольной постройки крестового плана, в какую-то она переведена.

Насколько самостоятельно и продуманно распорядился вачнадзианский зодчий со своим строением в целом, настолько же взвешенно применены им и отдельные архитектурные элементы и формы. К обозрению их мы должны перейти теперь.

Главный и определяющий формы нашего храма элемент представляет собой купол с барабаном. Архитектор венчает им центральный квадрат здания, высоко подняв его как подножие купола. Пропорции его вполне согласованы со всем зданием и могут послужить исходным пунктом для установления такого характерного соотношения для изучаемой ранней эпохи. Сложен купол весь из кирпича, а облицован снаружи плитами ширими, как отмечалось, несомненно в относительно позднее время. Таким образом, о наружном оформлении барабана мы ничего не знаем. Вероятно, оно увязывалось со внешностью куполов Гурджаанской Квела-Цминда. Переход от квадрата основания к кругу купола он делает путем парусов, сложенных из булыжника. Безусловно, что это вызвано у него определенным художественным подходом, который поддается выяснению и установлению. Сложность разработки и обработки всего пространства главной церкви с ее нишами, конхами на тромпах, со всей ее системой ступеней в освещении, преобладавала в этом решающем пункте незаметного перехода вверх. Вот почему несомненно переход он сделал парусами, а не тромпами. Этот центр здания с главным источником света для него создает грандиозное восприятие высотой и стройностью пропорций и потому разбивать

это восприятие теми или иными формами, имеющими самостоятельную структуру, не соответствовало замыслу; нужно было дать совершенно незаметный, скользящий переход, который им и достигнут.

Иначе обстоит дело в триконхах. Здесь имеются тоже купола, но они имеют совершенно второстепенное значение, они не источники света, даже едва дополнительные элементы оформления пространства. И вот архитектор разделяет старательно самый переход тромпами, создавая при умеренности и даже заглупленности освещения в триконхах ясный, привычный переход к куполу — тромпы.

Как показывают разрезы через триконхи, возвышающийся купол в центральной их части скрыт под общей с прилегающими помещениями односкатной кровлей. Плоский потолок над означенным угловыми тромпами квадратом, расположенным между абсидами, находится непосредственно над тромпами, т. е. спрятанный в темных ходах хор «барабан» купола вычеркнут из художественной концепции архитектора. Мне кажется, что это сознательный учет художественного впечатления и мастерское решение задачи: если бы не было плоского перекрытия непосредственно над линией угловых четырех тромп, образующего правильный восьмигранный плафон, а свод был бы помещен много выше (в форме полусферы), то получался бы какой-то провал вверх, в темноту, т. е. отсутствие четкой, ясной формы, которой архитектор держался в архитектонике этих частей здания. Впрочем не получилось бы также и никакой живописной игры, которой он отдал дань в решении центрального помещения композиции!

Тромпы применены им и в других еще случаях. В экседренных пространствах под конхами и в квадрате западного притвора. Все тромпы эти сложены из кирпича и имеют вполне строгую форму конхи. Другими словами, по плану они — полукруг и на углу стен требуют дополнительных уступов в самом углу и затем на концах тромпы. Форма ее, таким образом, не вполне совпадает с формой тромп Гурджаанской Квела-Цминда в отличие, как увидим, от Некресской купольной церкви.

Размеры тромп в западном притворе наиболее значительны, они поддерживали не купол

традиционностью формообразований. Во всяком случае с приведенным выше мнением арх. Г. И. Лежава о какой-то более поздней застройке этих плоских перекрытий я не могу согласиться; привести же его я считал нужным.

1 Такое понимание художественной установки архитектора заставляет меня относить создание этих плафонов к первоначальному строительству. Конечно, остается несколько не ясным, почему все-таки выведен «барабан»; но и это, по-видимому, можно объяснить не только тра-

или конху, а плоское перекрытие в несколько — я полагаю не более трех — уступов из плит камня по 10 сантиметров примерной толщины каждый. Верхний уступ создавал линию пола западных хор церкви с их тремя большими проемами в храм и окном с запада¹.

Утверждение конх на тропях поверх прямоугольного основания применено архитектором в восточном и западном рукавах креста. Он достигает этим приемом двух целей: с одной стороны, они выявляют определенную конструктивную задачу передачи распора перекрытия в толще стены; с другой же стороны — он создал этими конхами легкий, постепенный, скользящий переход от основания короба рукава к углубленной стене под ним. Получился законченный гармонический переход, а вместе с тем получился эффект широты, свободы пространства. Этот прием мы уже повстречали в Кахетии в предшествующий период архитектуры, во-первых, в базилике Иоанна Зедазенского в приделе могилы святого, а затем в купольной Кисисхевской церкви. В каждой из них он имеет свой несколько отличный характер, а мотив применения проистекает от своеобразных, в том и ином случае, требований создаваемого пространства или от желания выделить определенное пространство и часть его. Этот мотив, однако, сочетался так же вполне органически с заданием, которое ставил себе в том или ином случае архитектор. Этот же мотив встречается в некоторых восточных дворцах и в некоторых древних церквях. Так как, однако, вопрос этот — сколько мне известно² — нигде еще не был предметом определенного рассмотрения, приходится останавливаться здесь специально на вопросе распространения этого мотива вне грузинской архитектуры.

¹ Г. И. Лежава дал декоративно интересную реставрацию перекрытия нижнего квадрата в 8 или 10 и самое меньшее 5 уступов, но она никак не вяжется не только что с полом для хор, но и со всей установкой архитектора к оформлению этого здания. Между тем вполне достаточно двух уступов поверх угловых троп, третий допускаю ради рисунка (ср. перекрытие восточных комнат Цирколи).

² По-видимому и ст. Strzygowski, Die sassanidische Kirche und ihre Ausstattung, Monatshefte für Kunstwissenschaft, 1915, Bd. VIII, S. 349 ff. мне не доступная, такого разбора не содержит.

³ Fr. Sarre и E. Herzfeld, Iranische Felsreliefs, Brln. 1910 (Textband), S. 131 und Note 3; а по Fr. Wachtsmuth, Der Raum, I, S. 147—149, вообще поздние-сасанидский — V-VI века.

⁴ Perrot et Chipiez, Hist. de l'art dans l'antiquité, t. V, Paris 1890, p. 567, fig. 360 по Flandin

Прежде всего прием этот встречается уже в известном сасанидском дворце в Сарвистане, приурочиваемом ныне к царствованию Бахрама V Гура (420—438)³. В этом дворце имеется длинная зала с четырьмя прямоугольными в плане углублениями в ее продольных стенах, из которых два углубления имеют сверху конхи на тропях, причем в обоих стенах vis-à-vis друг другу⁴. Здесь в применении этого мотива нет логически требуемой необходимости его — зала удлинненная, имеет ниши через одну с аркой вверху, а через одну с конхой, причем в первых пробиты еще двери⁵. Сама зала ограничена и имеет коробовый свод. Следовательно, единственно декоративность этой отделки определила выбор ее. Этот же мотив применен затем уже и в памятнике переходного времени, переходного направления в искусстве Передней Азии. Именно в известном Эль-Каср в Аммане (древней Филадельфии в Сирии), построенном по всем данным одним из последних гассанидских князей (между 529 и 582 годами), т. е. еще до самостоятельного появления исламского искусства⁶. А между тем эта постройка, выполненная персидскими мастерами, определенно отличается от декорации сасанидских дворцов и выявляет влияние Ислама «уже в полном отсутствии животных в орнаментации»; поэтому, мнение Н. П. Кондакова таково, что «ни дворец, ни его украшения нельзя считать даже произведениями сасанидского искусства, тем более сасанидского периода». «Здесь все настолько стало арабским, не будучи им по происхождению своих элементов, что мы сделали бы большую историческую ошибку, предположив чужеземное происхождение памятника там, где только работали чужие мастера, но

et Coste (также повторены Strzygowski, Baukunst der Armenier, II, S. 476, Abb. 509; фотограф. снимки M. Dieulafoy, (повторены: Strzygowski, II, S. 461, Abb. 498).

⁵ В плане Фландэна и Коста конхи указаны над всеми четырьмя нишами обеих стен (Perrot et Chipiez, fig. 358, p. 566 или Iran. Felsreliefs, Abb. 60, S. 131 или Strzygowski, II, Abb. 409, S. 369, или Sarre, Die Kunst des alten Persiens, 1922, Abb. 10, S. 35).

⁶ R. E. Brünnow und A. von Domaszewsky, Die Provincia Arabia, Bd. II, Strassburg 1905. S. 216 und 174. На это же указывал вскольз уже акад. Н. П. Кондаков, Археологическое путешествие по Сирии и Палестине, СПб, 1904, стр. 127, 124, впервые подробно обследовавший Каср-Амман (стр. 126—135, рис. 18—24 и табл. XXVIII—XXXII) и отметивший его принадлежность VI—VIII столетиям (стр. 127).

по заказу и во вкусе туземных властителей»¹. Здесь, в Каср-Аммане, два из основных ливанов имеют над прямоугольным основанием конхи на тропках угловых². Средний квадрат, при своих размерах, нисколько не требовал такого перехода для определенно создаваемого пространства; интересующий нас сейчас прием является, таким образом, опять просто декоративным моментом. Не невозможным кажется мне предположить, что здесь, как и в Сарви-станском дворце, он является заимствованием декоративно оцененного мотива из христианского храма в дворцовую постройку. Конечно, в исламских дворцах он привился особенно легко и охотно. Во дворце Охеидира в Месопотамии этот мотив имеет, так сказать, массовое применение и в продольных стенах большого зала³, близко сходного с Сарви-станом, и в отдельных помещениях, а также в парадном дворе, по всем четырем его стенам⁴. Таким образом, мы видим в этой раннеисламской постройке⁵ насыщенное употребление этой формы, что ставит вне сомнения чистую и исключительную декоративность ее применения. Это особенно выявляется еще в отделке троп, формованных в штуке с различным по углам

рисунком. Не только в Омаядском дворце Охеидира, но и в Аббасидском дворце халифа Мутасима, сына (в Месопотамии), построенном в 836 году⁶, Гаруна-ар-Рашида в Самарре мы вновь видим этот мотив и вновь в исключительно декоративном его применении. Архитектор хотел здесь оттенить не глубокие помещения по сторонам аудиенцзала, перекрыв их конхами, а при высоте наружной арки — как отмечает Херцфельд — он был естественно вынужден придать и тропкам форму ниши, а не только конхи⁷. Тот же мотив повторяется еще в пределах Bet el Khalife⁸.

Херцфельд останавливается по поводу этого приема вообще на декоративных ответвлениях его, которые стали «в конце концов собственно типичной формой» (zuletzt die eigentlich typische Form) в поздней исламской архитектуре и которую привыкли «называть сталактитами» (als Stalaktiten zu bezeichnen)⁹. Здесь именно произошло окончательное превращение и изменение этого по смыслу своему конструктивного приема в чисто декоративный. Параллельно с этим шло сильное усложнение, умножение лежащего в основе его мотива. Но вместе с тем только

¹ Там же стр. 131.—Есть правда, мнение, что Амман выстроен раньше (Strzygowski, Mschatta, ср. Baukunst der Armenier, S. 467 Note 2 und Abb. 490—493 и II, Abb. 503—504), или позже при Омайядах (Die Kunst der islamischen Völker (Handbuch der Kw.) 1917, S. 28. Herzfeld, Samarra, 1907, S. 18).

² Н. П. Кондаков, стр. 128 и табл. XXIX, XXX. Strzygowski, Baukunst, II, S. 468, Abb. 504, Brünnnowi Domaszewsky, II, S. 218, Abb. 839.

³ Который О. Reuther, Ocheidir (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orient-Gesellschaft, Bd. 20), Lpzg 1912, называет Grosse Halle № 7.

⁴ См. Oscar Reuther: Grosse Halle (7)—Seiten-nischen (S. 21, Taf. III, VII unterster Schnitt, Abb. 20) und Nordtürwand (S. 21, Taf. III, VII oben, XIV), Moschee—Kalottenabschlüsse des Südlivans (S. 24, Taf. IX, XV, XXVI), Mihrabnische (Abb. 23), Türen (Taf. III, VII oben, Abb. 24, 26), der Gang (6)—Tür nach Osten (S. 18—19, Taf. III, Abb. 19), Abschlusswand nach Osten (Abb. 25), Säulenhalle 20) S. 26, Taf. III, VII, Halle 134—Abschlusskalotten (S. 28, Abb. 27), Ehrenhof—Arkadenzüge (S. 30—31, Taf. III, VII unten, XVII, XVIII, XIX, XXI, XXIV unten, XXV, Abb. 30, 31, 32, 33), obere Teile der Selamlifassade (XVII, XIX, XXV, Abb. 29, 33), Türnische (S. 30, Abb. 28, Taf. XIX oben) Nordraum 32 (S. 35, 36, Taf. X oben mit „31“ bezeichnete, XI, XX, Abb. 35).—Из числа этих завершений в конхах, находящиеся в ливане мечети, в комнате № 134 и в северной комнате 32, сделаны на тропках, а остальные на выступающих, положенных на угол камнях.—Miss G. L. Bell (The vaulting system of Ukheidar, „Journal

of hellenic studies“, Vol XXX. 1910) приводит также два снимка этих частей рис. 9 (стр. 77) из мечети и рис. 11 (стр. 80)—без точного обозначения, в тексте о системе она ничего не говорит.

⁵ L. Massignon и M. Dieulafoy (оба мне недоступны, цитованы у Reuther, p. 1 и H. Viollet, Un palais musulman au IX-e siècle, p. 7 note) считают Охеидир доисламской постройкой, в частности постройкой Лахмидов (IV-V вв.), Miss Bell, H. Viollet и O. Reuther, признавая наличие мечети и разбирая декоративные и структурные особенности его, считают постройку исламской, в частности Омайядов (Bell, p. 76). Ср. еще Fr. Wachsmuth, Der Raum, Bd. I, Marburg a. L., 1929, S. 218—219, где он резюмирует работы еще Herzfeld-a и Oelmann-a.

⁶ E. Herzfeld, Samarra, Berlin. 1907, S. 49—84 passim; J. Strzygowski, Amida, 1910, S. 180—181, Abb. 101 и 102, исполненные мисс Белль; H. Viollet, Un palais musulman du IX s. Fouilles à Samarra en Mésopotamie (Mémoires présentés par divers savants à l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres, t. XII, Paris 1911, p. 690). Большая новейшая публикация E. Herzfeld-a о Samarra, во многих томах, мне, к сожалению, недоступна.

⁷ Herzfeld, Samarra, S. 12—13 и Taf. I, Abb. (1) 3, 4. H. Viollet, pl. II, IV, V, 3, 5.

⁸ H. Viollet, p. 14—15 et pl. III, V, 1.

⁹ Samarra, S. 13—14. Херцфельд предлагает ввести для этого арабское наименование „мукарна“

здесь самый этот принцип, хотя и утерявший всякую связь и соотношение со своей исходной формой, сохранился и продолжает свое бытие столетиями. Как раз сравнение этой формы в поздне-исламском изводе с нашими показывает с полной очевидностью различный подход к той и другой, различную расценку его в церковно-христианской и исламо-дворцовой архитектуре.

Не только восточные дворцы применяют в V, VI, VII, VIII веках метод перекрытия прямоугольных помещений конхами, но его же сохранили и несколько примеров христианских храмов этого времени. Так, прежде всего, — церковь в несторианском монастыре Мар Тамазгерд в Керкуке (примерно в 150 км южнее Моссула), церковь-маририй, построенная в 470 году, хоть и имеющая верхние части ранне-исламского времени, примерно X века¹. Далее двухкупольная церковь в цитадели Диарбекира (Амида), которую мы привлекали уже выше при рассмотрении Гурджаанского храма и церковь эль-Хадра (Хах) в Месопотамии же². Кроме того, нельзя не упомянуть церковь св. Петра Vecchio в Заре (Далмация)³. Кроме этих Gurlitt издал еще мечеть Ebul Wefa Mesdschid в Константинополе, где применен тот же прием, который он не считает возможным идентифицировать с той или иной византийской церковью, но также и не считает ее постройкой турецкой, где часто встречается означенный прием⁴.

Таким образом, этот прием встречается примерно в тот же ранний период в церквях Константинополя, Далмации и Месопотамии, а также уже несколько раньше и до IX века включительно во дворцах на территории Ирана. Но, если там везде он имеет почти исключительно, если не полностью, декоративное значение, в Вачнадзиани же он имеет определенное значение для формирования пространства.

Украшив старательно, как мы видели, триконховые пространства в боковых нефях, Вачнадзианский архитектор не захотел перейти в западном длинном рукаве этих приделов к со-

вершенно обыденному, простому, коробовому своду: он постарался избежать слишком резкого контраста и сделал здесь крестовые своды. Вместе с тем и в других боковых приделах он делает также крестовые своды, что дает ему возможность формально связать эти приделы с прилегающими частями западного притвора. Здесь, таким образом, крестовые своды применены как объединяющее начало. Я считаю, что эти оба мотива были несомненно основными и определили его выбор. Вместе с тем мы получаем здесь подтверждение того, что крестовые своды были еще известны в Грузии в это сравнительно позднее время. Что крестовый свод в постройках Грузии пользовался в VI веке применением на видном месте, это можно утверждать на основании одного, но тем более значительного памятника середины VI века⁵. Когда же самый принцип купольного с барабаном венчания вошел в широкий обиход, то крестовые своды отошли на второй план. Однако, характерно, что в древнейших памятниках крестовые своды применяются в Грузии и Армении всегда на квадратном основании. Здесь же, в Вачнадзиани, это основание не выдерживается строго, архитектор делает крестовые своды на несколько удлиненных прямоугольниках, сохраняя, однако, шельги распуток на общей горизонтальной линии. Мы видим здесь, другими словами, как исходная форма крестового свода в храмах Грузии и Армении, получившаяся скорее всего совершенно естественно на родной почве, постепенно видоизменяется. С утерей живой связи с теми условиями, которые породили самое создание крестового свода, именно — перекрытие центрального квадрата, которое теперь уже давно перекрывается куполом, архитектор укрепляет крестовый свод на удлиненном уже прямоугольнике. Эта тенденция нами встречена была уже в некоторых базилических церквях Кахетии. Так, в Матанской Цхра-Кара имеется западный притвор с крестовым сводом на прямоугольном основании. Это постройка VIII—IX вв. Затем в западном притворе Зеганской трехцер-

часть предположительно относится к VII или VIII веку

¹ Gurlitt, Die Baukunst Konstantinopels, Berlin 1908, S. 45^{a, b}, Abb. 96. Что же касается бывшей церкви св. Андрея, ныне Ходжа-Мустафа-Паша-Джами в Константинополе (ср. Gurlitt, Taf. LVI, LVII и текст S. 40—41), то, как выясняет A. van Millingen, Byzantine Churches in Constantinople, London 1912, fig. 36, 37 (p. 118, 119), боковые конхи являются переделкой XV в. в древней церкви.

⁵ Именно малой церкви Джвари Мцхетского (Памятники типа Джвари, Тб. 1948, Введение).

¹ H. Glück, in: Strzygowski, Baukunst, I, 387; Miss G. L. Bell, Churches and monasteries of the Tur-Abdin, Zeitschrift für Geschichte der Architektur, Beiheft 9, 1913, S. 100 ff., Taf. XXV—XXVII; Sarre und Herzfeld, Archäologische Reise im Euphrat- und Tigrisgebiet, Bd. II, 1920, S. 330—333 и Abb., Fr. Wachtsmuth, Der Raum, II, 1935, S. 70.

² Miss Bell, с. 82 и рис.

³ Ugo Monneret-de-Villard, L'architettura romanica in Dalmatia (Estratto della Rassegnata d'arte; Milano 1910, fasc. 5—8), p. 55—57; внутренняя

ковной базилики размещены шесть крестовых сводов эпохи ремонта, причем им дано удлиненное прямоугольное основание. Такие же имеем и в Акурском Мама-Давид и в Вазисубалской Санагире. Эти постройки как раз IX—X веков. То же самое имеем и здесь в Вачнадзианской Квела-Цминда. И это объединяет все эти памятники эпохой, когда данный конструктивный элемент еще не вышел окончательно из употребления, но когда зодчий уже не чувствует себя связанным необходимостью применять его в строгой традиционной схеме.

В отношении отделки, обработки дверных и оконных проемов в Вачнадзианской Квела-Цминда применены несколько различных и характерных приемов. Прежде всего в широких пределах применяется подковообразная арка, как для входов, так и для окон. Это совершенно обычный, как мы знаем, элемент древней грузинской архитектуры, применяемый параллельно с полуциркулярной аркой. Древнейшие датированные памятники, заключающие в себе подковообразную арку, относятся к последней четверти V века, как Болнисский Сион¹. В это же, примерно, время мы повстречали их так же в Кахетии, например, в базилике Некресского монастыря, затем в Карданахи, Дзвели Гавази, и так это идет далее через памятники VI, VII, VIII веков, как Вачнадзианская трехцерковная базилика описываемого монастыря, как Гурджаанская Квела-Цминда, и удерживается до IX и X веков в монастырях Акура, Озани, Барцана. При этом, если вначале подкова имеет применение в плане или в арках сводов, то чем дальше, тем больше она становится декоративным элементом, применяемым для отделки окон, дверей, декоративных аркад и т. п. Так она применяется прежде всего и в Вачнадзианской Квела-Цминда. Конечно, мы отмечали, что некоторые арки сводов храма имеют тенденцию к подковообразной форме, где более ярко выраженную, где менее, но все-таки в общем это скорее именно только тенденция, как равно параллельно с нею имеется тенденция к яйцеобразности арки в вершине ее. Действительно же ярко подкова выявлена в трех главных входах в главную церковь, а равно в других входах в церковь; затем в форме окон — прежде всего трех алтарных, затем из главной церкви на север и на юг, наконец, в арочных пролетах хор в главную церковь и

внутри отдельных частей самих хор и т. д. Но мало этого. Зодчий упростил в ряде случаев свою задачу в конструктивном отношении, понимая, когда она имеет только чисто декоративный смысл. В маленьких оконных проемах он перекрывает окна плоскими сплошными каменными перемычками, а по фасадам опускает несколько ниже этого плиту ширими, в которой вырезана декоративная подковообразная арка. Таким образом, по фасадам достигнут тот же эффект. Это прием, который мы уже повстречали в Сабуэ, Зегани и в трехцерковной базилике того же монастыря близ Вачнадзиани.

Пяты арок обычно украшены, как вообще в кахетинских церквях, небольшим выступом всрез или с легким изгибом выкружкой. Получается он или кладкой из кирпича, простого и текального, воскос под 45°, или же высечен из ширими. Несомненно, следовательно, что эти две формы — совершенно параллельные явления. Кое-где эти тяги обходят не только по пятам арок, но и вне их, как по столбам в аркадах хор и т. д.

Таковы общие элементы отделки храма, отделки, которая переплетается и с конструктивными отношениями. Это имеет место даже и в отношении карнизов церкви, материала, из которого она строена, и кровли ее. Как нам известно, здесь применены два основных материала — булыжник и кирпич. Это явление довольно широко распространенное в кахетинских постройках VIII—IX и IX—X веков, ибо мы повстречали его в монастыре Натлис-Мцемели близ Алвани, в монастыре Иоанна Зедзенского, в Гурджаанской Квела-Цминда, затем в монастырях Акура и Санагире. Характерно, что вачнадзианский архитектор значительно сокращает пределы применения кирпича по сравнению с гурджаанским. Создается даже подчас впечатление, что он не столько стремился к конструктивной уверенности, сколько к гладкой, ровной, равномерной поверхности, когда выводил тромпы, круглые барабаны куполов, устой аркад на хорах и т. п. из кирпича, в то время как почти все подпружные арки, коробовые и крестовые своды выводил из булыжника, т. е. был вполне уверен в устойчивости последних. Более того. Возможно, что частью это связано у него с тем, что он для маленьких пролетов не возводил кружал или палуб, а большие, конечно, исполнены на кружалах.

Дополнительным строительным материалом является у него еще ширими, которым он обводит углы здания, дверей, окон и т. п. Здесь осо-

¹ Г. Н. Чубинашвили, Болнисский Сион. Исследование по истории грузинской архитектуры (Известия ИЯИМК Груз. ФАН СССР, т. IX), Т. 1940, стр. 134—136.

საქართველოს
რესპუბლიკის
ეროვნული ბიბლიოთეკა

бенно ярко проявляется понимание и оценка им декоративной стороны в своем архитектурном создании. Но вместе с тем эти плиты имеют характер вязи и более строгого, пригнанного ряд к ряду наружного слоя кладки. Точно так же и первоначальный кирпич вязан со всей кладкой и с черепичной кровлей. Первоначальный карниз состоит из выпущенных вперед плоских каменных плиток в один, два или три уступа, которые связаны, таким образом, со всей кладкой стен. Поверх него затем была черепичная кровля, очевидно, как всегда, в несколько слоев, чем явно достигалась уверенная непроницаемость кровли против атмосферных осадков.

Архитектурно-художественным анализом четко выявляется значительность данного здания, его законность и продуманность во всех частностях, несмотря на большую сложность. В этом произведении отражается вполне определенно, что архитектура Кахетии достигает зрелости. Но данная архитектурная композиция стоит еще совершенно особняком, она не является вовсе исканием в пределах, в направлении тех храмовых форм, которые станут в X—XI веке наиболее типичным выражением для крупных зданий грузинской архитектуры. В этом отношении при всем совпадении отдельных форм, разбивки и размеров оконных проемов, таких элементов здания, как хоры, или притворы, даже до известной степени общего подхода к пространственному восприятию Вачнадзианской Квела-Цминда с другими церквями IX и особенно X веков, как в самой Кахетии, так и в других провинциях Грузии (в Картли, в Кларджети, в Абхазии и т. д.), нельзя не отметить принципиального отличия в общем построении всей композиции и, в частности, плана главной церкви. Тогда как основной тенденцией является разработка так называемого плана «вписанного креста», которая властно направила устремления и искания архитекторов в это русло, как бы исключив другие широкие возможности, в Вачнадзиани эта тенденция совершенно отсутствует, хотя она, правда, проявляется, в том же IX веке и в Кахетии, где отличается опять рядом свое-

образных черт, показывающих искания архитекторов, и где только постепенно достигает художественной законченности, открывшей возможности величайших достижений, как Алавердский храм.

К вопросу развития архитектурного типа «Kuppelhalle». — Главная церковь Вачнадзианской Квела-Цминда, если выделить ее из всего целого данной постройки, представляет собой тот тип церквей Грузии и Армении, который Стриговским назван Kuppelhalle. Естественно поэтому, что нам следует остановиться специально на этом вопросе в двух направлениях. Нам необходимо выяснить, какое имеется соотношение между названным типом и церковью в Вачнадзиани, т. е. насколько вачнадзианский архитектор точно выявил в своей постройке этот тип. Для выяснения же этого вопроса нам надо сперва установить основные формы этого типа в частности и разобраться в самом вопросе хронологии представителей его.

Прежде всего я приведу определение этого типа, данное Стриговским и подкрепляемое у него рядом примеров¹. «Купольный холл представляет собой целостное удлиненное пространство из трех расположенных с запада на восток компартиментов, середину которого венчает купол. Холл представляется однонефным, так как четыре подкупольных устоя не отделяются от боковых стен, а лишь выдаются из них вперед. В купольном холле удлиненное пространство является расширенным против ширины купола посредством трех лежащих друг за другом поперечных коробов». В этом типе Стриговский различает в соответствии с теми или иными приемами внешнего укрепления пять разновидностей; это различие не имеет значения в нашем случае. Самый тип представляет, по мнению Стриговского, «окончательное решение противоречия между чисто художественным стремлением купольной архитектуры к звездообразному плану с доминирующим центром по высоте и требованиями церкви создать направленность по длине здания»². По его предположению, тип

Kuppel hinaus erweitert durch drei hinter einander liegende Quertonnen.

² Там же, стр. 188: die endgültige Lösung der Spannung zwischen dem rein künstlerischen Drängen des Kuppelbaues nach dem strahlenförmigen Grundriss mit beherrschender Mitte der Höhe nach und der kirchlichen Forderung der Längsrichtung fand die armenische Kirche in der Bauform der Kuppelhalle

¹ Die Baukunst der Armenier, I, S. 188 (и рис. Таляша—228, 229, 13, 14 и др., Ширакавана—232, 233, Шогаката—226, 227, 225 и др.): Die Kuppelhalle stellt einen in drei Abschnitten von Westen nach Osten angeordneten, einheitlichen Längsraum dar, dessen Mitte die Kuppel krönt. Die Halle erscheint einschiffig, weil die vier Kuppelpfeiler sich nicht von den Seitenwänden lösen, sondern lediglich aus ihnen vortreten. Bei der Kuppelhalle erscheint das Langhaus über die Breite der

купольного холла это — «единственный вид армянских церквей, допущенный с XI века, начиная согласно 182 канону¹: этим он полагает возможным объяснить отсутствие его в Грузии ввиду схизматизма армянской церкви². Само зарождение, образование этого типа, согласно Стриговскому, исходит «от однонефного здания с коробовым сводом на подпружных арках и от желания связать его удлиненную направленность с куполом на квадрате. Принципиальная новизна этого заключается в том, что купол не покоится теперь более на стене, подпираемой нишей, а на столбах, которые обеспечены [в отношении устойчивости] между собой при посредстве коробовых сводов и вместе со стеной настолько глубоко, что распор купола достигает в них почвы. Наружные стены могут, впрочем, помогать в этом, но нет уже в них нужды»³.

Стриговский отмечает те явления мировой архитектуры, которые по его мнению подготовляли тип «купольного холла» или по крайней мере действовали в том же направлении, как и последний. Так, он отмечает, что в древней иранской архитектуре имеется «для архитектурной схемы купольного холла, т. е. соединения купола и короба в едином однонефном удлиненном здании» «принципиально родственный предшественник — Так-Эйван»⁴. С другой стороны, он останавливает свое внимание и на церкви св. Ирины в Константинополе, построенной в 532 году, которая также движется в направлении примерно «купольного холла, т. е. купола, покоящегося на четырех мощных, выступающих перед стеной устоях, с расположенным перед ним западным рукавом», ибо «четыре устоя под куполом являются скорее выступами с проходами в них, нежели самостоятельными столбами»⁵. Хоры на

встроенных колоннах, которые в корне изменяют общее впечатление созданного купольным холлом пространства, он только мельком вспоминает, отмечая, что «церковь Ирины есть исключение на византийской почве» (eine Ausnahme auf byzantinischem Boden), в котором имеем «дело с периферийными явлениями и мешанными формами» (Grenzerscheinungen und Mischformen)⁶. Едва ли нужно особо останавливаться на разборе этих аналогий. Слишком они далеки и едва в чем либо идут в направлении, так ярко охарактеризованной ими архитектурной формы, «в которой можно достигнуть значительнейших эффектов величественности пространства» (die bedeutendsten Grossraumwirkungen zu erzielen liessen)⁷. Точно так же совершенно искусственным представляется сопоставление купольного холла с постройками Виньолы. Это, конечно, чувствовал и сам Стриговский, когда он, например, писал: «Средний неф в Джезу настолько вырос в ширину, что боковые нефы являются только как бы экономящими материал нишами в стенах. В Джезу граница внутреннего пространства начинается ведь уже стенами самого нефа, в особенности ввиду того, что первая группа ниш рядом с подкупольным столбом закрыта, лишь следующие открываются полной аркой, хотя верхние части и там еще образуют глухую стену»⁸. Таким образом, все эти примеры для нашего исследования непригодны, т. к. они ничего не могут дать нам ни в отношении понимания появления, создания, самой формы купольного холла, ни в вопросах времени ее появления, ни, наконец, в вопросах влияния купольного холла из пределов Кавказа на архитектурное творчество других стран. Только чтобы отстранить в этом направлении всякие

¹ Там же, стр. 854, 584, 588, 874, ср. также 508 (die nach dem Kanon 182 seit dem 11. Jh. allein zugelassene Art der armenischen Kirche).

² Там же, II, стр. 854; или как он добавляет в примечании: wenigstens in breiter Schicht.

³ Там же, стр. 508: ...die Neuerung [geht aus]... von dem einschiffigen Tonnenbau mit Gurten und dem Wunsche, seine Längsrichtung mit der Kuppel über dem Quadrate zu verbinden. Die grundsätzliche Neuerung liegt darin, dass die Kuppel jetzt nicht mehr auf der von der Nische verstrebtten Wand, sondern auf Pfeilern ruht, die untereinander durch Tonnen gesichert und samt der Wand so tief sind, dass der Kuppeldruck in ihnen den Boden erreicht. Die Umfassungsmauern mögen immerhin mithelfen, notwendig sind sie nicht mehr.

⁴ Там же, стр. 509. Auch für das Bauschema der Kuppelhalle, d. h. die Verbindung von Kuppel und Tonne zu einem einschiffigen Längsbau, findet sich in der

älteren iranischen Baukunst ein... grundsätzlich verwandter Vorläufer, der Taq-Eiwan.

⁵ Там же, стр. 855: ...bewegt sich in der Richtung etwa der armenischen Kuppelhalle, d. h. einer auf vier starken vor die Wand tretenden Pfeilern ruhenden Kuppel mit vorgelagertem Westarm..., die vier Kuppelträger erscheinen doch mehr als Vorlagen mit Durchgängen, denn als selbständige Pfeiler.

⁶ Там же, стр. 855.

⁷ Там же, стр. 508.

⁸ Там же, стр. 873: Das Mittelschiff ist im Gesù dert in der Breite gewachsen, dass die Seitenschiffe nur wie materialsparende Nischen in den Mauern erscheinen... Im Gesù beginnt die Raumgrenze des Inneren doch schon mit den Schiffwänden selbst, besonders weil die erste Nischengruppe neben dem Kuppelpfeiler geschlossen ist, erst die folgenden sich im vollen Bogen öffnen, die oberen Teile aber auch da noch eine geschlossene Wand bilden.

притязания, мне и нужно было остановиться немного на них¹.

Мы ограничены, таким образом, совсем определенными условиями, когда для создания данного типа не имеется каких-либо вне Кавказа находящихся исходных пунктов, когда все развитие этого типа происходит строго имманентно в пределах архитектуры Грузии и Армении. Проблема переносится в сферу прежде всего фактического исследования памятников этого типа в архитектуре Грузии и Армении, их хронологического распределения и взаимоотношений отдельных представителей или их групп между собой. Первый надежный (gesicherte) пример, Талыш, принадлежит VII веку. Поэтому сама архитектурная форма могла бы ведь возникнуть уже в VI веке. Во всяком случае это была национальная сила, большая личность, которая дала армянскому народу этот освободительный выход из антагонизма купола и удлиненного здания». И в заключение — «решение удалось мастеру VI—VII вв., возведение же его в закон последовало, видимо, только в позднейшее время при Багратидах, в круглых цифрах с 1000 года». Так представляет весь вопрос Стриговский². Мне уже приходилось указывать, что основанием для датировки постройки в Талыше (иначе Аруче) 668-ым, гсп. 671-ым годом, является надпись на восточной стене под средним окном алтарной абсиды³. Однако, как показал в своем исследовании И. А. Орбели, эта надпись, как по палеографии, так по языку и содержащимся в ней историческим данным не является автентичным, несомненным документом; она сделана в X—XI вв. и содержит неточные и неверные данные о дате⁴. Это формальное обстоятельство подтверждается как рассмотрением самого памятника — храма в Аруче (Талыше), так и другими соображениями. Уже приведенные Стриговским снимки храма (рис. 13, 14, 228—231, 506) и его план представляют постройку, в которой сам Стриговский отметил «две неправильности» (zwei Unregelmäs-

sigkeiten), однако, ограничиваясь только их констатированием. Между тем явно, что сам Стриговский, когда стоял перед памятником, увидел всю его посредственность. А потому, восхваляя самый тип купольного холла, отмечая даже, что он уже вполне оформлен и выражен в Аруче, Стриговский, однако, не считает Аруч создателем его, а вынужден выдвинуть гипотезу о создании его раньше, в VI—VII вв.

Если уже методологические соображения на основе имевшегося в изданиях материала об Аручском храме приводят к заключению, что он не только построен значительно позже, но и построен мало одаренным зодчим, то проведенный позже над самим памятником сравнительный архитектурно-художественный анализ полностью подтвердил эти предварительные выводы.

Они вполне идут в ногу и с другими данными о церквях этого типа на территории Армении и их хронологическим распределением. Мельком хронологическая справка приведена даже Стриговским: но, конечно, возможность датировать хотя бы одну и при этом очень значительную церковь этого типа VII веком, была слишком соблазнительна, заманчива, чтобы он мог воздержаться от нее и отдать дань должного внимания отдельным частностям, в том числе и хронологическому распределению памятников. Стриговский перечисляет до 25 храмов этого типа в Армении; и прибавляет, что этот тип стал с XI века настолько единым властителем дум в Армении, что примеры его насчитываются сотнями⁵. Переименованные же им примеры относятся ко времени до XIII века, согласно общей принятой им в работе границе. Эти примеры распределяются хронологически так — один-два памятника последних годов IX века, в числе них один — громадная церковь тогдашней столицы Багратидов Ширакавана, построенная царем Смбатом I в 897—898 году, — затем несколько памятников X века, причем к концу его число

fa!ls war es nationale Kraft, eine grosse Persönlichkeit, die der armenischen Nation aus dem Widerstreit von Kuppel und Langhaus diese erlösende Tat brachte... Die Lösung gelang einem Meister des 6.—7. Jhs, ihre Erhebung zum Gesetz aber erfolgte wohl erst in der späteren Bagratidenzeit, rund seit 1000.

³ Ср. снимок ее у Стриговского, I, стр. 46, рис. 40.

⁴ См. мою статью в „Monatshefte für Kunstwissenschaft“, 1922, № 7—9, S. 219; исследование великого специалиста по армянской эпиграфике, И. А. Орбели, напечатано в „Христианском Востоке“, т. II, вып. I, СПб. 1913 и III, вып. I, СПб. 1914 г.

⁵ Там же, 197 и др.

¹ Конечно, совершенно нет надобности затрагивать церкви на юге Франции типа «однонефного зала» (einschiffiger Saal), появившиеся после 1000 года (ср. там же, II, 855—856). Равно и разбирать взаимоотношение базилики Константина на Forum Romanum к интересующему нас типу можно только ввиду постоянной тенденции известного направления научной мысли выводить все явления искусства из Рима (ср. Strzygowski, 510—511, 855—856). Другого же основания на это не имеется.

² Там же, стр. 588: Das erste gesicherte Beispiel Thalisch, stammt aus dem 7. Jh. Deshalb könnte die Bauform doch schon im 6. Jh. entstanden sein. Jeden-

их увеличивается, наконец в XI—XII вв. они представлены в большом числе. Уже на представленных Стриговским более или менее случайных примерах типа, на протяжении трехсот лет, примерно, выявляются различные видоизменения этого типа, идущие в различных подчас направлениях. Из этого связанного, безпрерывного развития, по предложению Стригова, выделяется, однако, Аручский кафедрал, который на 200 с лишним лет отодвигается в глубь веков, причем за эти двести лет нет ни одного посредствующего звена, никакого намека на соединительные нити. Мало этого, как в плане, так и по выстроенному корпусу, Аруч обнаруживает ближайшее родство с церковью в столице царя Смбата в Ширакаване, им построенной в 897—898 году: здесь за 200 лет никакого движения, а за следующие 300 лет очень сильное и разнообразное.

Итак, на основании перечисленных методологических и — правда, ограниченных, не исчерпывающих — стилистических соображений при первом же знакомстве с утверждением Стриговского я не считал возможным признать, чтобы храм в Талыше был произведением VII века и в связи с этим, чтобы самый тип этот выработался в близкое к этому время, примерно на переломе VI и VII веков. Напротив того, сравнительное рассмотрение подтверждает, что в Армении тип этот появляется только в самом конце IX века¹, причем представитель его в Ширакаване является во всех отношениях величественной постройкой.

Свои предварительные соображения мне удалось позднее подкрепить и углубить благодаря проведенным в 1924 году разысканиям над памятниками армянской архитектуры и, как упомянуто, в частности Аручом. Стилистический анализ и сравнение Аруча с Ширакаваном и Птгни, двумя ранними постройками типа, а также обзор дальнейшего развития типа «купольного холла» позволили перенести дату Аруча в X век².

Теперь естественно мы можем перейти и к рассмотрению того соотношения, которое нас натолкнуло на все предшествующее изложение. Если в Армении только в IX веке может быть с несомненностью констатировано наличие купольного холла, то законно может и должен

встать вопрос при изучении Вачнадзианской Квела-Цминда о том, в каком соотношении, в каком взаимодействии к этим армянским примерам находится она, не есть ли она самостоятельное, независимое от внешнего влияния решение, некоторой архитектурно-строительной задачи.

Прежде всего теперь, после обзора армянских примеров, можно констатировать, что Вачнадзианская Квела-Цминда в отношении ее главной церкви есть как по плану, так и по выведенным формам представитель типа «купольного холла» и при этом в его древнейшем изводе, т. е. где он является в форме «удлиненного пространства, распределенного в трех компартиментах с запада на восток (einen in drei Abschnitten von Westen nach Osten angeordneten einheitlichen Längsraum). Этот извод уже в X веке уступает место иному, где третий (восточный) абзац становится рудиментарным отростком при алтарной абсиде, а то и совсем сливается с нею³. В этом проявляется параллельное явление к изменению, к замене четырех свободно стоящих подкупольных устоев кавказских церквей греческого креста — двумя западными и двумя слитыми с восточными стенами. Но не только означенная характерная черта древнего извода, известного по истории армянской архитектуры, может быть констатирована в Вачнадзиани, а более того. И в Ширакаване и в Аруче мы имеем западный компартимент почти равный со средним подкупольным, но при этом в 1½ раза больший, чем восточный; т. е. уже здесь неравенство крайних компартиментов налицо, то неравенство, которое через 1—2 столетия привело к полному исчезновению восточного компартимента. В Вачнадзиани же западный и восточный компартимент совершенно одного размера. Здесь, другими словами, вполне сознательная была компоновка взвешенных, разнозначительных частей. Таково положение в отношении плана — зодчий компоновал, как мы знаем, в целом, учитывая и сообразуясь с возможностями равномерно распределить массы на восток в алтарной части и на запад в притворе. Мы, следовательно, видим сцепленность всего замысла данного комплекса церквей, а не обособленность одного церковного пространства. В вер-

¹ На это указывалось уже в моем, названном выше критическом разборе книги Стриговского, стр. 235.

² Zur Frage der Kuppelhallen Armeniens, „Byzantinische Zeitschrift“, 28, 1928, стр. 73 слл. с 10 рис. на табл. и тремя чертежами, в том числе схема разбивки продольного фасада. В связи с рецидивом, в новейшей литературе утверждения о ранней датировке Аруча, а равно выявленного раскопками плана Двинского кафедрала, я

поместил статью к методике изучения архитектурных памятников, посвященную Аручу («Еще к вопросу о датировке Аручского храма в Армении», Сообщение АН СССР, т. VII, № 8, 1946).

³ Ср. у Стриговского (стр. 188 и стр. 200 слл.) Мармашен, церковь Тиграна Хоненца в Ани и др. (см. мою статью „Byzantinische Zeitschrift“, Bd. 28, стр. 90—96).

тикальном направлении мы так же видим иной отличный подход и так же вызванный теми же общими данными сцепленности задуманного комплекса. Зодчий, как нам известно, намечает определенный центр в подкупольной части церкви, от него во все четыре стороны отходят рукава креста с коробовыми сводами. Из этих рукавов два, по продольной оси церкви, восточный и западный, имеют расширение в нижних частях, связанное конхами на прямоугольном основании с пятой основной короба рукава. Таким образом, здесь в смысле оформления пространства вполне ясно видно, что зодчий подходит с меркой крестово-купольной церкви и, создавая единое пространство, стремится определенно удержать эту ясную выраженность крестообразной разбивки. Какие имелись у него вместе с тем соображения относительно распора, уже отмечено выше¹. Все это вместе дает нам картину органического претворения пространства и целостной, разносторонней архитектурной компоновки.

Мы видели, что церковь в Вачнадзиани есть несомненно совершенно переработанный, творчески оформленный результат деятельности на основе двух элементов церковной архитектуры — трехцерковной базилики и купольной (крестово-купольной) церкви. Именно эти основные элементы, как я пытался показать, дали в своем органическом соединении возможность образования того церковного типа, который назван Стриговским Kuppelhalle. Ибо здесь зодчий имел как бы готовую систему противодействия распору среднего пространства в боковых церквях, — мотив, который он затем усилил созданием второго этажа с хорами главной церкви над боковыми нефами. Связано это, конечно, с другой стороны, с общей тенденцией архитектуры Кахетии к вздыманию вверх; если мы сравним Вачнадзианскую Квела-Цминда с Ширакаваном или Аручом, то увидим, что при площади в $1/2$ меньше, чем в последних, она в высоту едва уступает им².

Таким образом, рассмотрение Вачнадзианской Квела-Цминда приводит нас к заключению, что церковь эта, являясь ярко выраженным индивидуальным творчеством, создала в системе своей постройки одно пространство, которое в обособленной форме является типом

Kuppelhalle. Для Вачнадзианского зодчего, оно было органически связанным, неделимым целым со своим же целостным обоснованием на почве всего организма строения. Иначе, отлично от этого строятся армянские купольные холлы — это отдельные, обособленные помещения, а не определенная система их, — помещения, которые проявляют совсем другое и восприятие пространства и наружный облик. Но, так сказать, конструктивный подход один и тот же в них, это охарактеризованное уже Стриговским однонефное, удлинненное здание с куполом над средним квадратом.

Изложенное только что положение показывает нам, что возможно самостоятельное достижение этой формы церковного типа в Кахетии и в Армении, что у нас нет также и убедительных оснований признать его армянских, более поздних (с конца IX века) представителей происходящими, зависимыми от кахетинского образца начала IX века. Конечно, это отношение кажется естественным при общих исторических приемах рассмотрения, но прямых данных для признания его обязательным, необходимым мы назвать не можем. Совершенно несомненно, что в известных исторических условиях одновременно выявляются в разных местах общие тенденции, намечаются общие подходы и решения культурных задач. А потому вполне возможно такое совпадение в решении, как, с другой стороны, нельзя исключить также и возможность зависимости одних от других с внесением за истекший период времени значительных изменений. Как бы то ни было, одно устанавливается с полной несомненностью, что Вачнадзианская Квела-Цминда есть совершенно законченное во всех частях, целостное художественное произведение выдающегося архитектурного дарования, появившееся в конце VIII — начале IX века.

Место, занимаемое Вачнадзианской Квела-Цминда в развитии грузинской архитектуры. — Проанализировав художественные задачи и их решение в нашей постройке, как в целом, так и в отдельных конституирующих целое частях и элементах, установив затем место в связи с вопросом эволюции типа Kuppelhalle, не лишне будет

значительные трещины, обезображивающие здание и ставящие очень серьезно вопрос охраны.

Впрочем, арх. М. Г. Калашников полагает, что разрушение храма есть результат деформаций, вызванных неправильностью расчета распора купола, не достигающего в четырех устоях земли.

¹ См. стр. 311.

² Грунт, на котором стоит церковь, не обладает крепостью; он постепенно оседает в западном направлении, жертвой чего стала почти вся трехцерковная базилика монастыря, от которой уцелела одна алтарная часть. Точно так же и наша Квела-Цминда дала

еще остановиться на вопросе стилистического характера нашей композиции¹.

По общему художественному замыслу перед нами сложная многосоставная композиция грандиозной, вместительной, многоалтарной, купольной церкви, т. е. вполне яркий образец классического стиля в компоновке. Что же касается главной церкви, то она настолько обособлена от остальных и все части ее настолько подчинены главному пространству и лишены самостоятельного существования, что в формировании этой главной церкви мы имеем дело с отчетливо выявленным, новым, идущим на смену классики, живописным стилем грузинской архитектуры. Так как главная церковь в нашей композиции есть вместе с тем основная, определяющая часть всего здания, то наличие в ней нового стилоустройства чрезвычайно значительное явление.

Характерно, что купол на барабане, определяющий найденные для впечатления величественности пространства пропорции и сочетание форм, имеет только четыре окна как в памятниках классики. Между тем от купола построена вся постоянно меняющаяся освещенность и затененность этого пространства с его нишами, конхами на тромпах и т. д., т. е. характерная черта стилевой установки отхода от пластической четкости форм, которая благодаря этой изменчивости достигает определенного художественного эффекта.

К этим двум различным по стилоустройке моментам общего порядка в нашей композиции следует прибавить аналогичную двойственность и в наборе материальных форм архитектуры. Наравне с переживанием форм классического стиля имеются также и новые, только что сконструированные, отобранные. Так, в главном пространстве отход от пластической четкости опять определенно продемонстрирован заменой парусами тромпового перехода от квадрата к кругу купола: в этом решающем месте дается скользящий, как бы незаметный переход, пожалуй еще увеличивающий впечатление высоты, грандиозности, стройности пропорций целого. Прием этот и самая форма, — именно выражение нового рождающегося стиля. В то же время в ряде других координированных главному помещениям здания применяются еще тромпы — соответствующая парусам форма классического стиля.

¹ Эту сторону вопроса я впервые осветил и оттенил в докладе Всегрузинскому съезду архитекторов (см.

Но мало этого. Мы имеем даже чрезвычайно характерный пример применения чисто классической формы в отчетливо бароккальной по замыслу, по подходу части. А именно, в экседрах главной церкви применены, как переход, тромпы. Архитектор воспринимал эту форму в ее четкой фронтальности, как искомый им максимум выразительности, т. е. здесь налицо классический подход. Но экседры эти фактически дают главному залу целый набор различных, меняющихся зрительных восприятий и комбинаций, как это характерно для бароккальной стилоустановки вообще и, в частности в этой главной церкви нашей композиции.

Таким образом, главное пространство по решению и композиции отошло от разработанных в классике установок — все части его лишены самостоятельного существования, а вместе с тем оно дает много различных меняющихся зрительных восприятий и комбинаций форм, смотря от точек попадания внутрь здания, с проемов разных хор, наконец, от движения освещения.

С другой стороны, весь художественный замысел здания в целом с его многосоставностью, сложностью, с наличием отдельных дополнительных церквей, комнат, обхода, трех больших помещений на хорах — все еще является верным выявлением классического подхода из координированных, достаточно самостоятельных частей сложной композиции.

То же явление прослеживается и в наружных массах здания. Восточный и западный фасады очень отчетливо совмещают отдельные спокойные, гармонические элементы, дающие между тем в целой композиции живописность большого числа разных восприятий, как и многоплановость всего построения масс по всем фасадам с выделенными ступенями и венчающим всю композицию 12-гранным барабаном.

Итак, настоящая композиция отмечена стилистической двойственностью. Она стоит на грани двух стилистических эпох. Она является сама одним из активных творцов нового стиля, рождающегося из недр предыдущего, а потому и несущего еще в себе совершенно существенные, а не только аксессуарные элементы его. Отсюда ясно, что такая композиция, как целое, не имела будущности. Она обречена была остаться одиночной, послужить ступенью для достижения законченного выражения нового стиля.

Пути грузинской архитектуры, доклад Г. Н. Чубинашвили и Н. П. Северова, Тбилиси, 1936, стр. 71—80).

Описание.— Купольная церковь Некресского монастыря находится западнее базилики и епископского дворца, и несколько ниже их, над склоном горы. Она издали виднеется над густой зеленью деревьев и производит впечатление второй башни. Подход к ней прямо из ворот ограды с юго-востока, откуда только ее и можно обозреть с некоторого расстояния¹. По плану своему она, как Вачнадзианская Квела-Цминда, является купольной вариацией на тему трехцерковного здания.

Основной квадрат этого небольшого храма венчан высоким восьмигранным, а внутри круглым куполом. Абсида здесь выступает вперед, ибо основное пространство церкви составляет названный замкнутый квадрат с куполом на барабане. С севера, запада и юга эту церковь обходит коробом перекрытое длинное помещение с двух абсидах на восток в северном и в южном нефках. С запада они, таким образом, объединены по типу Дзвели Шуамта, Матанской Цхра-Кара, Зегани, Черемы, кладбищенской церкви в Шильда и купольной Вачнадзианской Квела-Цминда.

Сложена она из рваного камня и булыжника, а окна, капители, углы отделаны желтоватым ширими (табл. 233—238). Интересна и примечательна система возведения постройки, отмеченная и на чертеже плана: сперва сложен основной квадрат, к нему пристроена вприслон абсида, затем выведен обход и обе абсиды вприслон (ср. табл. 233, 235-b, 236-b). Тот же метод применен не только в плане, но так же и в возведении здания. До пяти арки в подкупольном пространстве (гср. до низа окна на юг) выведено сразу, единообразной кладкой плиток в елочку. Выше этого начинается иная кладка, уже горизонтально положенными плитками. В обходе отдельно сложены стены, а затем уже по палубам лили своды. Что своды литы по палубам, несомненно видно по характеру и по форме сбитой, неровной поверхности (табл. 241-b и 242).

Основной квадрат сложен изнутри до высоты пят алтарной арки из рваных камней, положенных ребром, косо (табл. 239 и 240-a). Здесь повторяется то, что мы видели уже в церкви Натлис-Мцемели в Сабуз: отличие составляет лишь то, что здесь один ряд не отделяется от другого горизонтально положенными тонкими

плитками, как в Сабуз. На высоте пяти арки такая кладка заканчивается тягой из тонких плиток, горизонтально положенных, и начинается обычная кладка из рваных же камней и булыжника. В южной стене с этой же тяги начинается небольшое окно, изнутри перекрытое плоской каменной плитой, а снаружи обрамленное декоративной подковой из поздраватого камня (разрез).

Переход от квадрата к подкупольному кругу достигнут здесь двойкой системой. Конструкция эта расположена на высоте верха южного окна. Оба восточные угла соединены наискось положенной горизонтальной каменной плитой, поверх которой замечается некоторое впадение свода до общего подкупольного круга (разрез и табл. 239-b и 240). Западные же углы заняты тропками, также с горизонтальными пятами из камня в самом углу и по бокам (табл. 239-a, 240). Тропки эти в плане и в возведении подковообразны, т. е. занимают более полукруга, благодаря чему выступание частей их в ту или иную сторону видно вполне отчетливо даже на фотографии. В западной половине перевод в круг произведен на высоте пят тропки, так что сама тропка является расположенной уже в пределах круга, а не ниже его. Это происходит от того, что сами тропки очень больших размеров, пропорционально величине церкви. Несколько выше этого созданного уже кладкой круга выпущена небольшая тяга, выше которой начинается собственно барабан купола. Барабан внутри круглый, а снаружи восьмигранный. В нем три окна — на восток, юг и запад (ср. табл. 240-b), с подковой вверху, как изнутри, так и снаружи (табл. 237). Правильный (относительно) квадрат образовывается наличием еще большей арки перед абсидой, которая именно и держит здесь всю тяжесть барабана (разрез). В остальных гранях он опирается на самые стены: это видно и снаружи, где граница его совпадает с наружными стенами нижнего корпуса церкви (табл. 232, 233 и 236-b).

Абсида вся и с конхой сложена из рваного камня, положенного уже не косо, а горизонтально. Углы абсиды сложены из ширими (табл. 236-a, 233 и 234). Абсида подковообразна в плане и имеет одно окно также с подковой изнутри и снаружи. Импосты абсидальной ар-

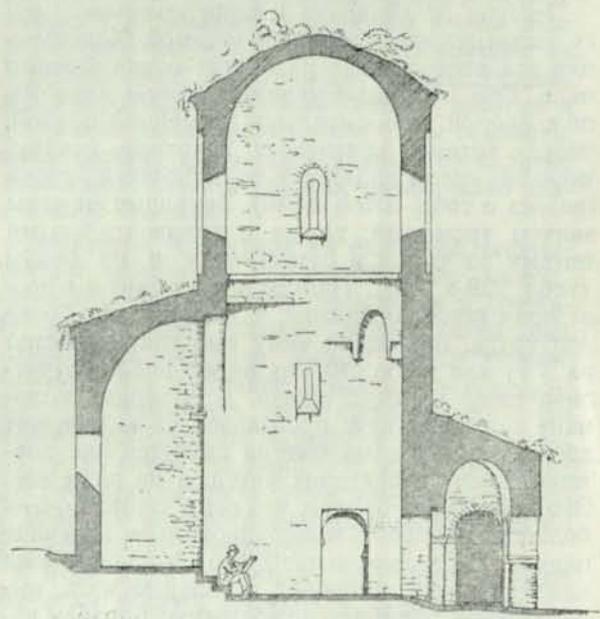
¹ Обследована вместе со всем монастырем 24.VIII.1920 года и 24. и 25.VIII.1922 года, когда Н. П. Северов обмерил план и разрез. В 1947 году по поручению Отдела охраны памятников арх. В. Л.

Ц и л о с а н и исполнил обмер со многими планами, разрезами и фасадами. Однако, характер исполнения несколько претенциозный и не убедительный, почему я воздержался от использования его.

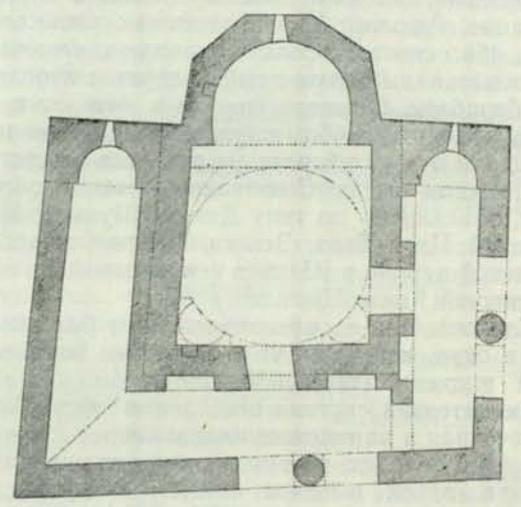

ки имеют обычную под скос форму и сделаны из ширими. Алтарь выше остальной церкви на три ступени. На второй и третьей поставлена алтарная преграда с одной дверью в центре ее: преграда выдвинута, таким образом, в церковь. Она сложена из рваного камня и обломков черепицы и из кирпича двух сортов. Как материал и кладка, так и место ее расположения показывают, что эта преграда сложена

из главной церкви, т. е. из купольного помещения. Пройти в него можно только из западного обхода, с которым он слит как общими формами стен, так и переходом свода, пересекающегося в углу распалубками. Свод имеет неровную форму, давая вид несколько вытянутой, как бы овальной арки в вершине (табл. 242-b). На южной стене пята свода выступает вперед, т. е., очевидно, здесь имеем для начала его заплечик, столь обычный в постройках боковых сводов кахетинских церквей. Свод лит по палубе, чем объясняется и форма с заплечиком. Абсида полуциркульна в плане, арка же ее под-

Разрез на юг

План

позднее. И действительно, между конечными точками углов абсиды, внутри алтаря, видна линия древнего абсидального возвышения, к которому сделано добавление внутрь церкви для построения преграды (в 17 см глубины). Престол сложен из рваных камней, как и вся церковь, но поставлен не у стены, а посредине алтаря.

Вход в эту церковь имеется с запада и юга, из коридорного обхода; двери перекрыты плоской перемычкой из сплошной тонкой плиты камня (разрез).

Северный неф не имеет входа ни извне, ни

ковообразна с подъемом в вершине. Импосты ее обычной формы с выкружкой, из ширими. Освещается неф единственно маленьким окном в абсиде, подковой снаружи и изнутри.

Южный неф первоначально был, видимо, так же сложен, как и северный, но затем (едва ли еще в незаконченной постройке¹) переделан, как равно и западный коридор. Переделка эта коснулась собственно только свода, системы его укрепления при стене купольного помещения. Он укреплен ныне на арках столбов, приложенных к стене главной церкви. Но эти последние и арки оказались слишком широкими, как площадь устья свода, начинающегося на известной глубине их (табл. 241-b, ср. 242-a). Столбов этих четыре; арки, перекинутые между ними, — подковообразной формы, а

¹ Здесь, как в церкви Натлис-Мцемели в Сабуэ, имеются в кладке кирпичи позднейшего, малого калибра.

импосты обычной выкружкой из ширими (табл. 241-а). Средняя из арок приходится как раз над дверью в церковь. Свод имеет здесь подковообразную форму, но без подъема в вершине, как то имеем в северном нефе. Свод доходит до самой западной стены, т. е. не соединяется со сводом западного коридора, а отделен от него аркой, на которую опирается и которая сужает пролет (табл. 242-а). Это — известный нам прием из базилики в Дзвели Шуамта и в Матанской Цхра-Кара. Абсида и здесь полуциркульна в плане, а арка ее подковообразна (табл. 241-б). Пята выкружкой из ширими. Окно небольшое с подковообразной аркой снаружи и изнутри. У стены — престол, а несколько сбоку направо, частью в земле, жертвенник (?).

С юга — вход в этот неф двойной подковообразной аркой, укрепленной на круглом столбе, сложенном из рваных камней и покрытого квадратным импостом из плиты ширими (табл. 238-а и 233).

Западный обход имеет также широкий вход в два пролета снаружи с круглым столбом между ними (табл. 238-б). Формы и материал его, арок, импостов — те же, что и с южной стороны церкви. Свод коробовый с подковообразностью и здесь (табл. 242-а). Он опирается, как и в южном нефе, на дополнительную аркатуру по стене церкви. Арки эти подковообразны; материал их, помимо рваного камня, опять кирпич, импосты из ширими. Одна арка — над дверью, вторая — южнее; предполагалась арка и севернее — от нее сохранилось южное начало¹, но сейчас до самого северного угла стена сплошная. Возможно, что раньше была арка, позднее лишь замененная стеной.

Снаружи церковь сложена из более крупных рваных камней, чем внутри. На восточном выступе и на барабане они частью положены плоско. Углы пяти граней восточного выступа сложены из желтоватого ширими тесаными плитами, неровными в стороны, как в Гурджаани и в Вачнадзиани (табл. 233—235 и 236). Каждая грань алтарного выступа украшена сверху небольшим в два уступа заглубленным кружком, в глубине покрашенного красной краской.

Барабан очень высокий, но с очень плоским уклоном кровли (табл. 235-а — снимок издали). Углы его восьми граней и наличники трех окон также из тесаного ширими. Каждая грань отделана небольшой углубленной в ней арочной нишей (табл. 237 и 232, 233, 234), кото-

рая начинается сверху подковой и не проходит до самого низа грани. Помимо этой отделки никаких тяг снаружи барабана ни вверху, ни внизу нет. Окна барабана так же с подковой. Барабан опирается на квадрат основания купола, до высоты которого почти доходят ниши граней. Этот квадрат, каждый угол которого равен протяжению грани, имеет на каждом углу одну общую односкатную кровлю, идущую от грани барабана вперед вниз (табл. 237-б, 233). Весь этот квадрат равен, как уже отмечено, квадрату стен купольного помещения с его восточной приабсидной аркой.

Карниз сохранился только над алтарным выступом и на барабане купола. На выступе он состоит из сплошных, выпущенных, плоских плиток ширими, а на барабане из таких же камней под скос (табл. 236, 237 и 232—234). Кровля была, по-видимому, из больших черепиц, подобно трехцерковной базилике этого монастыря.

Анализ. — Маленькая купольная церковь Некресского монастыря является третьим примером создания новой купольно-архитектурной формы церкви, совмещающей в себе несколько приделов. Здесь, как в Вачнадзиани, несомненно преемственность от базилических церквей в организме плана. Мы имеем здесь, несмотря на незначительные размеры, объединение трех церквей: одна главная, квадратная с куполом и два придела по сторонам в обходе главной церкви. Форма этого обхода с трех сторон, частью соединенных между собой, а частью разъединенных, является как раз показательной в отношении связи с базилическими церквами того или иного типа в Кахетии, как выработанная именно в них. Первый мотив известен в Зегани, Череме, а второй в Дзвели Шуамта и в Матани. Отличительным, своеобразным в этой общей разбивке является то, что северная церковь полутемная, она освещается маленьким окошечком в алтаре и затем посредственно из западного притвора-обхода. Возникает даже предположение, не имело ли это помещение своего специального в монастырском обиходе назначения, а именно служить для постанова почивших братьев монастыря до их погребения. Такой полутемный коридор особенно подходит к этому.

Переходя от плана к элементам возведения, прежде всего поражают пропорции этой церкви. На небольшом, почти миниатюрном квадрате главной церкви высится купол с воздетым вверх барабаном. Здесь со всей энергией вы-

¹ Восстановлена на плане

ражена в купольной архитектуре Кахетии эта тенденция, свойственная ей вообще в пределах всей грузинской архитектуры, в которой, в свою очередь, пропорции здания по высоте сильнее выражены, чем, например, в соседней армянской. Здесь именно купол является главной, конечной и первой целью и устремлением зодчего. При миниатюрных размерах постройки вовсе не приходится думать о каком-либо специальном решении задачи создаваемого пространства, тем более, что главное пространство составляет один простой квадрат: но тем более ярко выступает здесь, что зодчий выдвинул и направил весь упор в созданном строении на купол. Он и изнутри сделал его высоким, и снаружи отделал нишами по каждой грани. Наружная отделка выполнена в желтоватом ширми, с оттенением углов углублений плоских ниш, имеющихся на каждой из восьми граней, и углов четырех окон барабана. Как эти плоские декоративные ниши, так и окна выделяют верхние арки на пятах в подковообразной форме. Но каждая плоская ниша вполне самостоятельна и не связана с соседними, т. е. прежде всего здесь сказался конструктивный, а затем уже декоративный — в его еще начальной форме — момент. Однако, вскоре уже, именно на сделанном или отделанном куполе Кисисхевской церкви Квела-Цминда в X—XI веке полностью выступает декоративная отделка аркатурой. Само расположение камней на этих углах, как и на гранях восточного выступа и других местах в данной церкви, идет так же, как в Вачнадзиани и Гурджаани, совершенно свободно, как именно сложатся камни, а не с нарочитым стремлением создать чередование длинных с короткими концами, как то замечается в более древних постройках, например, в Дзвели Шуамта. И самих этих плит очень много: уже намечается возможность сплошной наружной облицовки такими плитами, впервые осуществленная в Кахетии в постройках X—XI века.

Таким образом, как пропорциями всей церкви к ее куполу, так и внешней отделкой церкви простыми, строгими приемами стремится строитель ее достигнуть вполне определенного впечатления. Это наблюдается и в отдельных деталях здания. С юга и запада сделан вход через двойные арки на среднем круглом столбе, сложенном из рваного камня и венчанном сплошной каменной капителью. Этим создается

ся сразу интересный подвижной фасад. Нельзя здесь не отметить, что северная сторона церкви остается в тени, к ней естественного, легкого подхода нет, только нарочитая цель могла заставить обойти церковь и с севера — поэтому глухота этого фасада не представляется вовсе чем-либо особенным, или же обличающим неумелость строителя, а, наоборот, показывает — насколько он взвешивал реальное положение.

Как плоские ниши и окна в барабане купола, так и окна алтаря и другие арки церкви имеют подковообразную форму. Несомненно, здесь в этом одном из последних по времени примеров применения подковообразной арки в архитектуре Кахетии она всецело оценена в своей декоративности и исключительно так именно и применена. Иначе ее и не мыслил зодчий. Эту же черту мы видели и в ряде других памятников того же периода и прежде всего в только что рассмотренных купольных церквях. Теперь мы встречаем отделку окон только снаружи поставленной плитой с вырезом в ней подковой арки для верха окна, изнутри же церкви окно закрыто плоской перемычкой. Это декоративное понимание подковы идет так далеко, что зодчий не только в окнах и арках применяет эту форму, но даже и в форме двух угловых трюмп он применил не просто конху, а подковообразную как в плане, так и в вертикальном исполнении.

Таким образом, со всех сторон в итоге сопоставления различных фактов получается одна и та же картина датировки памятника. В нем выступает ряд совершенно новых требований и одновременно и совершенно нового решения проблемы в связи с этим. Другими словами, благодаря особым требованиям, предъявляемым к церковным помещениям и, вместе с тем, исканию купольных решений, — получился план рассматриваемой Некресской церкви. Мало этого — определенно выявляется общее требование декоративности строения; уже внешний вид его (в смысле материала) показателен в этом отношении; но особенно оно проявляется в отделке плоскими нишами граней барабана купола¹ и в украшении граней алтарного выступа сверху небольшими круглыми и окрашенными заглабленными, какие украшают так же каждое из трех полей восточного фасада Акурской базилики. Точно так же и открытые двойные арки с круглыми столбами идут в том же разрезе и подтверждают все ту же тенден-

¹ Нельзя не привести параллельной разработки граней купола церкви Гетсамания Кабенского монастыря близ Канчаети, датируемого на IX век (Ars Georgica

1, 1942, табл. 7 и 8), а в самой Кахетии ниши на восточном и западном фасаде базилики Мама-Давид в Акура.

цию, характерную для изучаемого периода конца VIII и в IX веке. С другой стороны, всплывает в связи с вышеназванным изменением в подходе к задачам измененная трактовка элементов или приемов издавна бывших в ходу, происходит приспособление их к иному времени, иным требованиям и иному интересу. Так, подковообразная арка из элемента, ярко выраженного в структуре строения, переходит преимущественно, а затем и исключительно, в части декоративного вида. Благодаря этому создается иногда даже только кажущаяся подковообразная арка, как над окнами с плоской изнутри перемычкой.

Это все показатели того, что постройка Некресского монастыря включает в себе ряд новшеств. Но, устанавливая наравне с ними ряд приемов, свойственных древним церквям, мы естественно приходим к заключению, что имеем

дело с постройкой до известной степени переходной. Употребление троп для перевода от квадрата к кругу основания купола есть прием древнего времени, здесь еще дополнительно архаизированный простыми наискось положенными горизонтальными перемычками. Точно так же своды на приложенных к стенкам столбах с продольной аркатурой или своды внешних нефов на заплечиках стен среднего — приемы, нами установленные для древнего и переходного периодов. Но мало этого: и характер декорации, как таковой, существенно еще разнится от зрелого времени. Несомненно, что принцип установлен, сформирован в момент строения Некресской купольной церкви, но еще не выработан был канон ее. Вот почему сами мотивы украшения не отвечают применявшимся в зрелый период.

4. ЦЕРКОВЬ МОНАСТЫРЯ СТЕПАН-ЦМИНДА В ХИРСА

Церковь монастыря Степан-Цминда была уже один раз кратко привлечена при рассмотрении трехнефных базилик, ибо стоящая сейчас купольная церковь, как уже изложено, является — по моему убеждению — перестройкой из большой трехнефной базилики, значительные части которой сохранились в купольной церкви. Правда, полной и убедительной картины строительных периодов мы не имеем — это дело специальных разысканий с производством раскопок в отдельных местах здания, раскрытия других его частей, освобождения от позднейшей штукатурки, наконец, проведения детального обмера с определенными установками. Сейчас я могу только формулировать стоящие вопросы и обосновать свою формулировку некоторыми данными. Но сделать это совершенно необходимо, так как Степан-Цминда крупный, значительный, памятник и был таким во все исторические этапы¹.

¹ См. выше, главу II. — Осмотрена церковь 6.VIII.1920 г. и 29.X.1922 г.; тогда же сделаны фотографии и взят примерный план. Намеченные тогда уже три периода строительства в связи с разысканиями в Руиси, вызвали в последнее время дополнительные соображения: для выяснения их я посетил 9.X.1940 г. Хирса вновь. Наконец, еще раз я был в Хирса перед предстоящим ремонтом 28.VI.1950 г., когда сделан набор новых фото; и после ремонта и частичного раскрытия памятника от штукатурки

Хирса является крупным, выдающимся, монастырем, основанным одним из так называемых тринадцати сирийских отцов, Стефаном, в половине VI века. Монастырь имел несомненно крупное значение в религиозной жизни Кахетии, в особенности ее юго-восточной части. Этим в некоторой степени должна быть объяснена многослойность истории церкви, посвященной Стефану Дякону, и внимание к ней и к ее судьбам со стороны кахетинских царей².

Первоначальная длинная базилика с пятью парами арок была расширена и переделана в крестово-купольную по плану церковь. Естественно полагать, что переделка вызвана была произошедшим разрушением древней базилики. Именно, на месте второго и третьего с востока арочного пролета был создан подкупольный квадрат с боковыми рукавами креста и с реорганизацией всей восточной приалтарной части храма. Сравнение нашей схемы восстановления плана базилики с планом купольной церкви вполне ясно показывает основную часть изме-

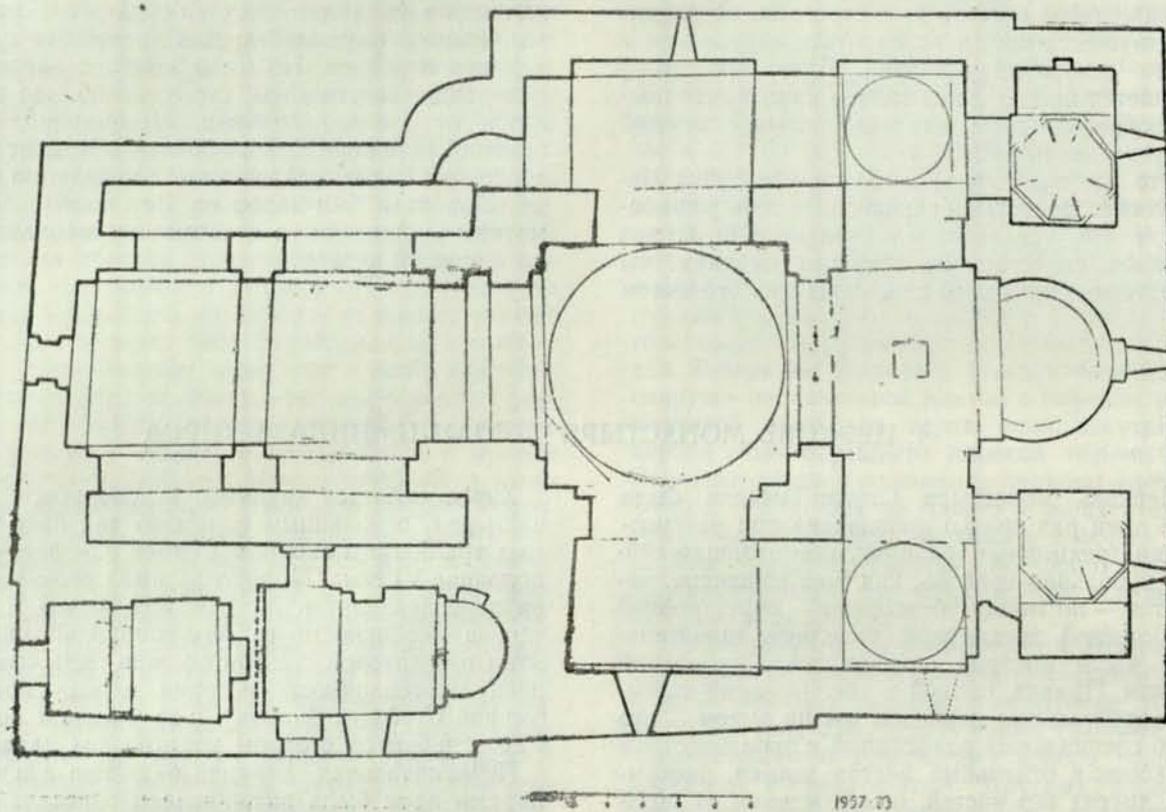
26.III.1953 года. — В 1956 г. арх. Г. И. Лежава обмерил с учетом определенных заданий Института истории грузинского искусства храм и выполнил обмерные чертежи, которые подтверждают необходимость дальнейших разысканий с раскрытием памятника.

² В храме же почиталась и могила основателя монастыря Стефана Хирского, которую показывали у северной стены против первого от алтаря арочного пролета.

нения. Обратимся теперь к определению тех форм, которые наша церковь приобрела в результате перестройки базилики в купольную церковь. А потом уже отметим, с одной стороны, какие дальнейшие еще переделки и ремонты она претерпела и в какое время, а также с

из тесаных квадров (в столбах, видимо, песчаник).

Алтарная часть купольного храма представляет собой четко расчлененное троечастное образование, по своим формам имеющее ближайшую и точную параллель в восточной части

План

другой, что в пристроенной купольной части храма VIII—IX вв. может относиться еще к частям древней базилики VI века.

Проведенное во время последнего ремонта частичное раскрытие стен храма внутри от густого слоя штукатурки на высоту от 2 до 4 метров (кое-где, пожалуй, и несколько выше) подтверждает ранее высказанное предположение, что сплошные стены древней базилики, а также встроенных частей купольного храма сложены из булыжника, идущего ровными рядами. Устои же под куполом, как и столбы древней базилики, а равно углы абсиды сложены

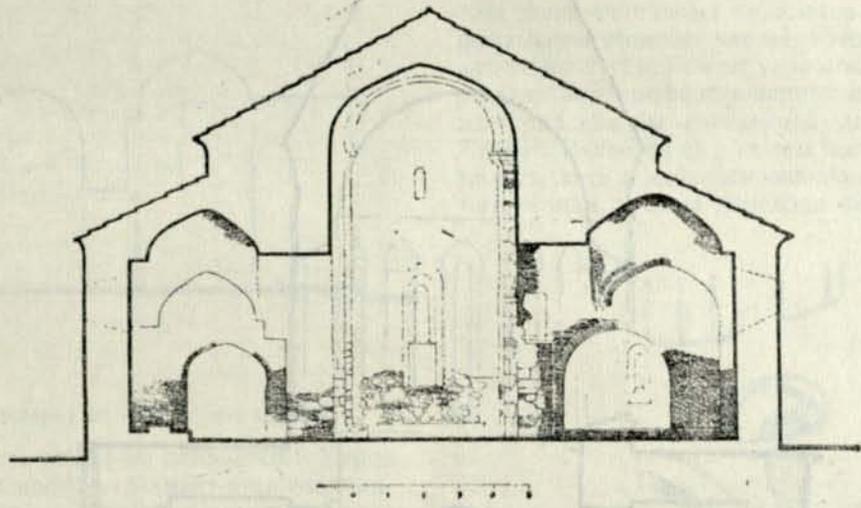
Руйского храма, сохранившейся от постройки VIII—IX вв.¹ Абсида имеет в плане четкую и сильно выраженную подкову. Точно такая же четкая подкова характеризует и арку конхи ее (табл. 248-а). Конха сложена из тесаных квадров, притом квадры довольно крупные, а абсида из булыжника, который ясно виден в нижней части стены; это видно в тех местах, где опала штукатурка. На углах абсиды и древнего алтарного окна были, видимо, применены квадры резаного ширими. Углы абсиды, правда, незначительно освобождены от штукатурки, именно северный угол с уступом несколько

¹ См. мою статью на грузинском языке в сборнике к 40-летию деятельности акад. И. А. Джавахишвили «К истории Руйского храма» (Известия

ИЯИМК Груз. ФАН, т. V—VI, Тб. 1939), стр. 430—435, 439—440 и рис. 2.

больше, совсем мало южный угол, но применение резаных квадров на всю высоту подкачивается как другими постройками Кахетии, так особенно формой углов подковообразной в плане абсиды. Что же касается теперешнего алтарного окна, то оно окружено как бы нишей, углы которой сложены из тесаного камня. Ниша эта, вероятно, сохранила контур древнего окна — оно было в таком случае более широким и значительно более высоким, чем теперешнее. Кроме того, имеется над этим окном

ла-Цминда. Выделен квадрат с купольным перекрытием на четырех угловых тропках и довольно глубоким ливаном на север в северной и на юг в южной комнате (табл. 251). Южная комната обезображена широким арочным проемом ее западной стены; зато остальные три стены комнаты и весь южный ее ливан, т. е. включая и его западную часть (поскольку она не была вырезана), сохранили свой первоначальный вид в булыжной кладке, обнаженной теперь на высоту до линии троп. Обнажение

Поперечный разрез перед пастофориями

второе сверху, меньшего размера. Низкое расположение большого нижнего окна в алтаре, видимо, говорит о том, что древняя абсида первоначальной базилики имела конху на более низком уровне, чем теперешняя. Повышением абсиды было, вероятно, вызвано создание в возводимой тогда ее части второго окна, помещенного ниже пяти арки. Пять арки конхи и примыкающего по плану уступа имеют капитель, мало характерного профиля и срезанную на уступе (табл. 248-а). В верхней части, отвечающей верхнему окну, по совершенно отсыревшей стене, в последнее посещение оголилась кое-где также кладка—видны мелкие тесаные квадры и, как будто, опять булыжник. Обе восточные комнаты по сторонам алтаря совпадают по своим формам с пастофориями Руисского храма и с северной приалтарной комнатой в двухкупольной Гурджаанской Кве-

стен в северной комнате выявило, что южная часть восточной стены от окна и южная стена выведены булыжной кладкой, остальные же стены, включая ливан и вход, восстановлены кладкой из мелкого кирпича размером 19, 20, 21 см в квадрате при 4 см толщины. К сожалению, и здесь свод с тропками не раскрыт. В полу кирпичные плитки квадратные, но большего размера — именно 22×22 при толщине 3,5 см. Свод ливана определяется предположительно. Именно восточный склон в южном ливане сохранил подковообразную форму, которая с трудом прослеживается и в западном склоне. Отсюда возможно заключение, что форма сводов была подковообразная, но она смазана и завуалирована густой поздней оштукатуркой¹. Тропки по углам квадрата под сводом имеют четкую форму конхи, расположенной в пределах прямого угла; таким образом,

¹ В Хирском храме раскрытие его стен от этой поздней штукатурки является, как и в ряде других наших памятников (напр., в Руиси, Цилкани, Самтаврской

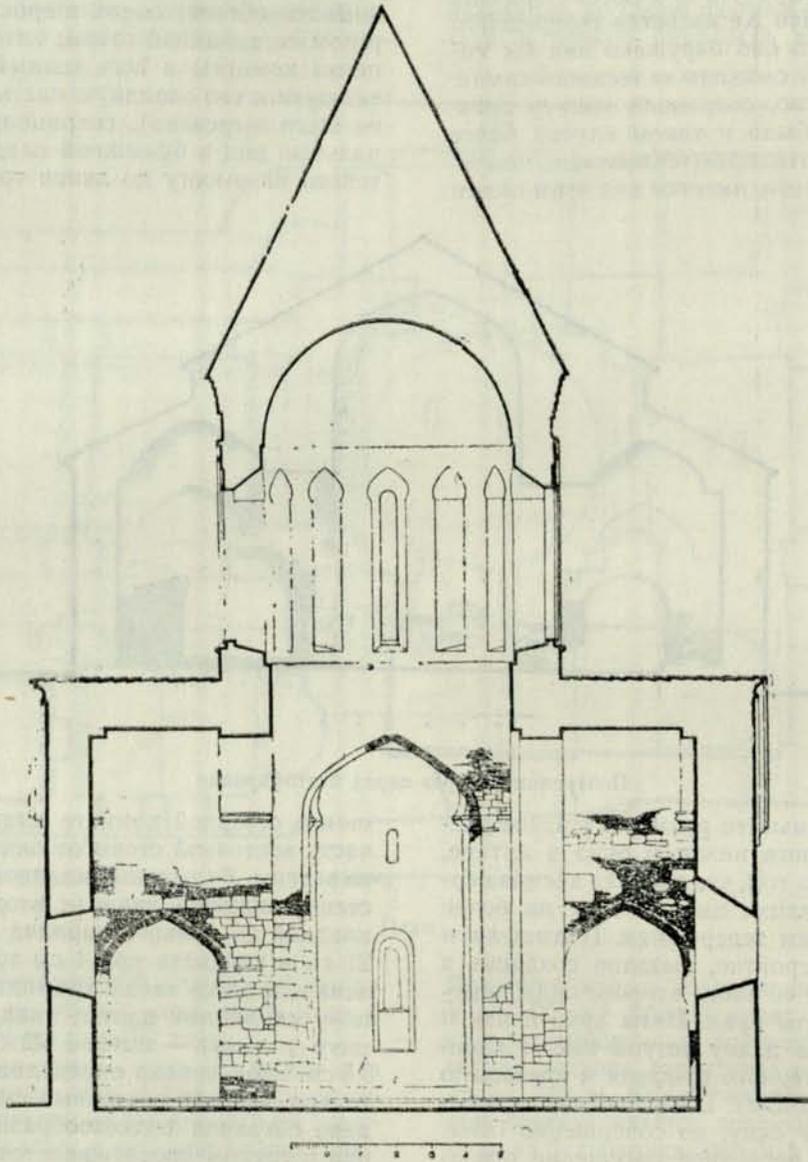
малой капелле), первым шагом для научного изучения и охраны. Подтверждением этого является уже частичное раскрытие, проведенное теперь в Хирса.

Электронный фонд
научных изданий
РАН

в глубине угла и по краям троп сделаны небольшие консоли, подпирющие тропу (табл. 251). Над каждой тропой поднимается не-

шине этого сомкнутого свода (может быть из-за штукатурки) теряются ребра его. Они слабо просвечивают, настолько все густо ошту-

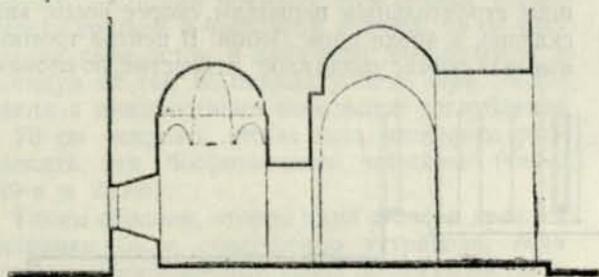
Поперечный разрез через купол

большой отрезок стены, а поверх получившегося восьмигранника стен выпущена слегка полочка (ср. купол Некресской церкви), над которой положен сомкнутый свод. Только в вер-

¹ Окна пастофорий помещены не по оси подкупольного квадрата, а по фасаду видно, что они расположены на линии перелома крыш (ср. табл. 244).

катурено¹. Материал возведения этих комнат был, как отмечено выше, булыжник, а выпущенная полочка под сводом, вероятно, из резаных плиток камня, которые различаются в южной комнате под штукатуркой. Остается не выясненным, из какого материала выведены тропы и свод над ними.

Если по общему плану пастофорий Хиреский Степан-Цминда имеет параллель в Руисском храме, то само выделение квадрата с сомкнутым сводом на угловых тронпах мы повстречали в Гурджаанской Квела-Цминда, не говоря уже о других более отдаленных параллелях, приведенных в работе о Руиси. Но особо следует отметить, что формы, пропорции и само сочетание тронп, восьмигранника стен над ними, вынос полочкой при пяте свода — имеет ближайшую параллель в центральной части Ксанского Армази, в датированной 864 годом постройке¹.

Разрез на юг через юго-восточную комнату

Алтарная часть храма не сливается в Хирса с подкупольной частью, а имеет еще соединительное с нею звено. Этим композиция Хирса опять ближайше совпадает с планом и разбивкой Руисского храма по композиции VIII—IX вв. От углов второго уступа абсиды на запад идут арки, расположенные невысоко (от пола до пяты арки—метра три: табл. 248-а). Сами арки после раскрытия их от штукатурки выявились как поздняя реставрация в кирпиче.

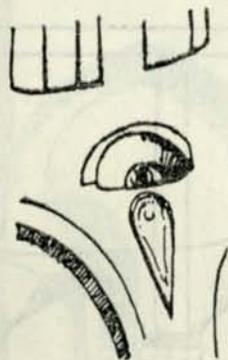
Выше этих арок на значительную высоту (примерно, равную половине высоты до вершины арок) поднимаются стены, соединенные сводом, расположенным между сводом абсиды и восточной подкупольной аркой. Эти стенки сложены из мелких квадров песчаника (не ширими); причем северная лучше, южная хуже. Кладка не производит впечатления первоначальной, нетронутой. Самый свод восточного рукава, как и примыкающая подкупольная арка, с изломом, и оба вообще довольно неровные, чиненые. Так же чиненые кирпичные сво-

¹ Рассматривается в моей статье, помещенной в *Arg Georgia* 1, 1942.

² Над пастофориями, и вероятно, около паруснокупольных сводов имеются темные, надсводные помещения; входы в них находятся на значительной от пола

ды и частью стены находятся на юг и север боковыми, продольными арками, перед входами в пастофории. Своды этих квадратных отрезков здания за подкупольными устоями сложены из мелких плиток кирпича в форме парусно-купольных (поздних) сводов; они в обоих случаях очень неровные и кривые².

Подкупольная часть храма по своей композиции относится также всецело к перестройке VIII—IX вв. На это твердо указывает не только композиционная увязка боковых рукавов с восточной частью, наличие широких, просторных дополнительных переходов и частей, но и фрагменты стоящих частей. Юго-западный подкупольный устой имеет украшенный импост пяты, где под профилированной верхней частью идет ряд как бы свисающих листиков (табл. 250-б)³. Выше пяты над тем же устоем сохранилась, хоть и деформированная и густо оштукатуренная, тронпа перехода под круг купола

Тромповый угол (рис. с натуры Р. Шмерлинг)

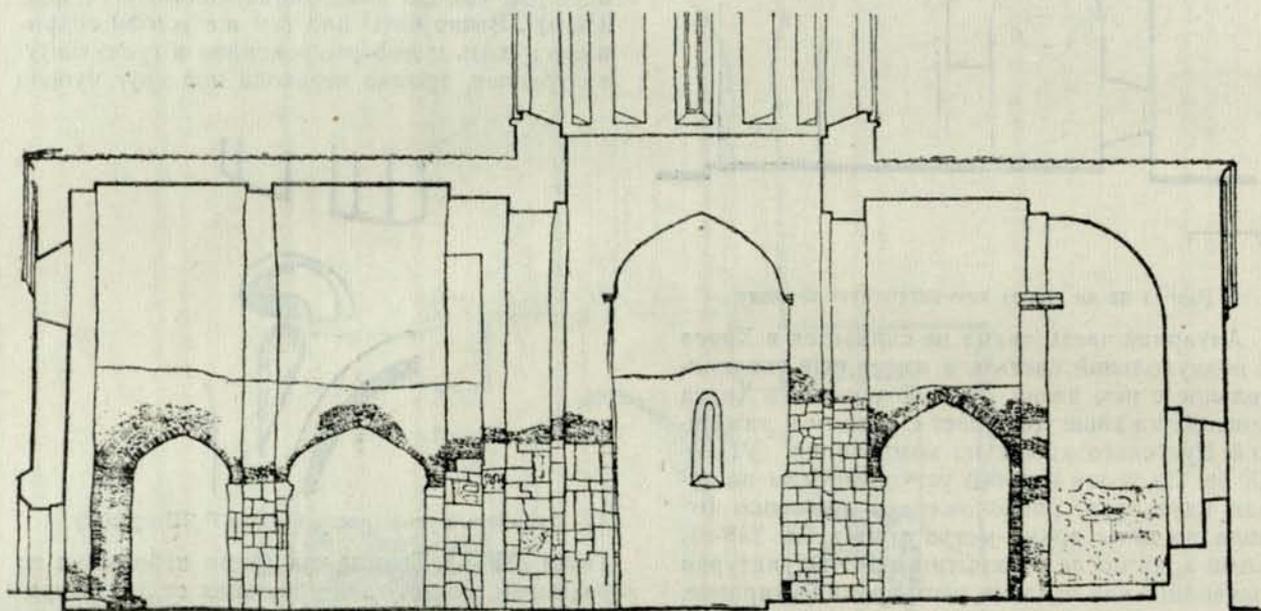
(табл. 250-б). Тромпа как будто небольшая по размерам, но все-таки наружная ее линия примерно 2,50 м. Несомненно, что к эпохе реставрации царя Леона в XVI веке уцелела одна единственная эта тронпа, которую сохранили в замаскированном виде. Ниже тронпы выступает грубая, неуклюжая по форме, вся в штукатурке, петля с шишкой, нечто вроде перехода сферическим треугольником. Стены идут не отвесно над тронпой, которая имеет довольно четко выделенную переднюю арку, а делают закругление; так же по сторонам тронпы и до подкупольного кольца. Сделано это с целью получить небольшой равномерный вынос для

высоте в южном и северном рукавах креста.

³ По характеру исполнения с этими листиками можно сопоставить резьбу на импостях Цилканского храма близ Мцхета и на фрагменте оконного навершия Книамис-Алты.

обхода по кольцу снаружи. Эти формы, смазывающие четкость, относятся к эпохе Леона. Кольцо окон в барабане купола несколько западает против выноса кольца над закруглением стен (табл. 250-а). Видимые сейчас формы можно, мне кажется, понять следующим образом. Восьмигранник стен, отвечающий созданному tromпами переходу, имел видимо, не совсем одинаковые стороны — широкие чередовались с более узкими, отвечавшими tromпам и их восстанавливаемым внешним аркам. Свод, таким образом, нужно предполагать, отвечал этим не совсем одинаковым граням барабана в качестве сомкнутого свода. Для такого решения строительной и художественной формы имеется ряд параллель-

страдали — особенно в северном пролете, где форма древнего плана северо-западного подкупольного устоя заменена обычным в постройках XVI века планом (напр., Гречи, Ахали Шуамта). Сообразно этому и форма северной подпружной арки отличается от остальных трех¹. Три же остальных подкупольных устоя в значительной мере уцелели — они сложены из крупных квадратов непористого камня, как показывает раскрытие. Нависание карниза под линией окон в барабане купола, как и встройка какого-то парусообразного под tromпой придатка, может относиться только к последующим строительным периодам, скорее всего, как сказано, к эпохе царя Леона. В центре tromпы имеется сейчас уродливое отверстие, по словам

Продольный разрез

лей — церковь Давитиани в сел. Вазисубани и в особенности оба купола Гурджаанской Квела-Цминда, не говоря уже о более ранних примерах, как Шиомгвиме и, предположительно, Ниноцминда.

Все четыре подкупольные арки, сколько видно, чинены, вернее, целиком сложены заново из кирпича в XVI веке. Устой тоже сильно по-

колхозников, освещающее находящуюся здесь в толщине стен лестницу (на своды)².

Для выделения намеченного выше подкупольного квадрата с примыкающими к нему рукавами архитектору, производившему переделку древней базилики в купольный храм, пришлось провести существенную работу. Можно думать, что известным стимулом и облег-

¹ Подпружная арка на подкупольных устоях выделена от свода северного рукава, но опирается на крестштейны.

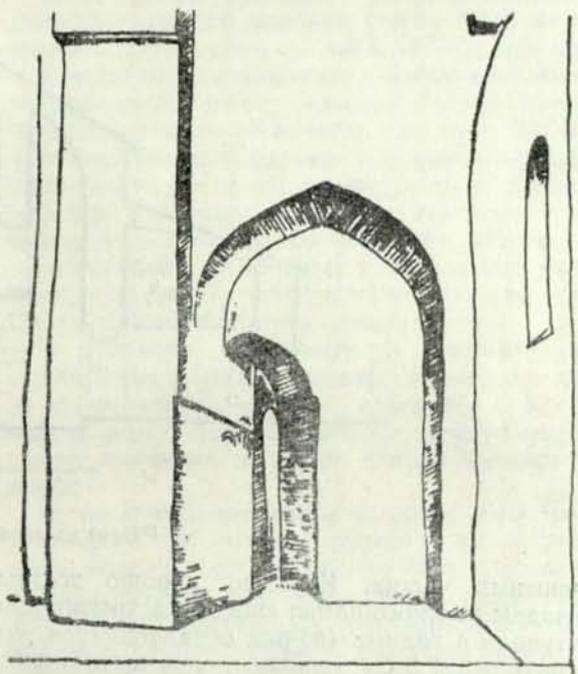
² Вход устроен в небольшом отверстии в южном рукаве на высоте от пола метра 3—4; в его западной стене; аналогичный ход-отверстие виден и в северо-западном устое, с его западной стороны.

чением в этом смысле служило разрушение базилики, в частности средних ее устоев. Подкупольный квадрат размещен на месте второго и третьего арочных пролетов базилики. Устой между первой и второй аркой, очевидно, сохранился в обоих рядах. Чтобы получить устой для купола, архитектор под углом достроил сзади каждый из устоев и получил входящий угол в подкупольных столбах. Чтобы получить квадрат, ему пришлось в западном направлении построить целиком такого же плана углом столбы, какие у него получились с восточной стороны после перестройки; так как они без малого достигали прежних базилических устоев между третьей и четвертой арками, то он расширил свои устои в западном направлении и дотянул их так до старых устоев. При соединении с ними оставил небольшое заглубление в 70 см ширины, чтобы хоть несколько расчленить эти бесформенные массивы (табл. 249-а и 250-б).

Таким образом, вторая пара столбов древней базилики была совершенно устранена, если принять предложенный выше объем перестройки и смены в общей композиции. Использованными от древней базилики в этой, построенной заново, купольной части храма является алтарная абсида и первая пара устоев, а затем вся западная трехнефная часть базилики, начиная от третьей пары столбов, т. е. два арочных пролета до западной стены ее. Пристроенные западные устои под куполом перерезали боковые нефы западной части храма, застроили и закрыли из них проход на восток. Полученная, таким образом, форма сохранилась сейчас еще с южной стороны — боковой южной неф западного рукава купольного храма (или что то же: прежний боковой неф базилики) кончается тупиком позади юго-западного подкупольного устоя. Сейчас, после раскрытия стен на высоту метра в 2—2½ от пола, не только выявлен различный стройматериал: южной стены — булыжник, восточной — ширими, и древнего устоя — крупные квадраты непористого камня, но также и то, что пристройка из ширими заворачивает узким бортом под углом на запад, как прибавление к древнему столбу базилики. То же самое было и с северной стороны до поздней переделки, когда прорублен был проход позади северо-западного устоя. Проход этот кривой по наружной стене, низкий, находится в глубокой нише, тоже не отличающейся четкостью формы. Снаружи храма этот кривой проход ограничи-

вается встроенным во входящий угол стены полукруглым выступом, кажущимся контрфорсом (сабл. 246-б). Эта внешняя стена, т. е. идущая полукругом, выведена из булыжника, что видно как изнутри, так и снаружи, а свод над проходом — из кирпича, и имеет правильную форму четверти сферы.

Как сказано, западная часть трехнефной базилики была включена архитектором, производившим вышерассмотренную переделку древней базилики в купольную композицию, как западный рукав ее. Он состоит из широкого среднего нефа с двумя арками по длине его, расположенными на том же низком уровне, что и арка около абсиды храма (табл. 248-б). Так же и эти арки с изломом в вершине сложены

Проход за северо-западным устоем (рисунок с натуры Ренэ Шмерлинг)

из кирпича, как показывает раскрытие¹. Боковые нефы этого западного рукава при их небольшой ширине (в 141 см) в композиции купольного храма явились очень подходящими элементами, вносящими живописность и движение в композиции при свободном варианте разбивки восточной части. Они были перекрыты, конечно, коробовыми сводами, на что указывает и уцелевший в южном нефе и торчащий

западная были немного уже средних трех, а именно 3,40 м первые и 3,60 вторые (примерно).

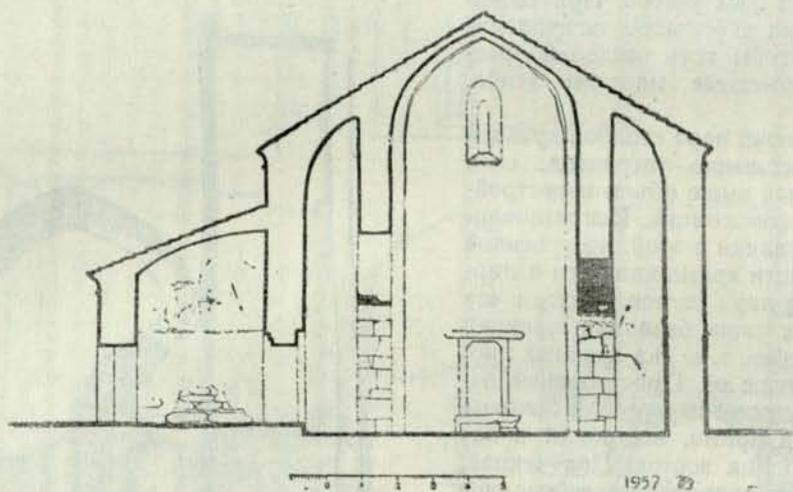
¹ Интересной особенностью древней базилики является то, что обе крайние пары арок (восточная и

из стены импост для пяты подпружной арки, по типу такового в южном портике под сводом Болнисского Сиона¹.

Для кладки стен древней базилики и нашей купольной церкви, насколько теперь проведено раскрытие, применен один и тот же строительный материал. Доминирует булыжник; он является основным строительным материалом для сплошных плоскостей стен. Вторым материалом являются крупные, тесаные квадраты непористого плотного камня (песчаника). Ширими же применен, видимо, редко. По фасадам — основной облик дает булыжник: таковы восточный, северный, западный и восточная часть южного фасадов в их основных, неперделанных и мало

восточной юго-западного пилона, наконец, на углу пилястры при юго-восточном пилоне. Однако, ясно видно, что южная поверхность последнего пилона, хотя имеет много таких плит, но кладка их явно поздняя (из старого материала). Притолоки входа с юга в храм (из позднейшего придела) обработаны тоже такими большими тесаными квадратами, как и стоящие напротив устои.

Проведенное частичное раскрытие стен внутри храма от покрывавшего их и своды толстого слоя штукатурки (от 3 до 5 см на столбах западной части) подтвердило предположение о значительных в разные эпохи переделках, перестройках, реставрациях здания. Рас-

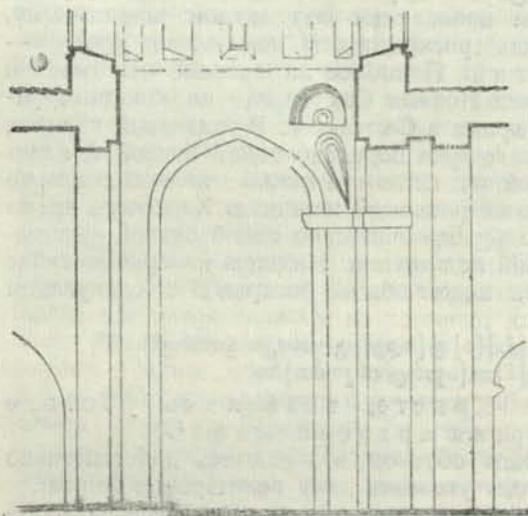
Разрез на запад через западную часть

чиненных частях. Крупные, хорошо тесаные квадраты плотного камня еще до раскрытия проступали в видных (из-под обвалившегося толстого, в 3 и 5 см толщины, слоя штукатурки) нижних частях обоих западных устоев по всем их сторонам; это квадраты в 50 и 60 см высоты и 50 и 90 см ширины. То же небольшими кусками проглядывало на западных из спаренных устоев, и на южном из подкупольной восточной пары. Впрочем, в пристроенных к выше-названным для опоры купола частях видны такие же отдельные квадраты на северо-восточном углу подкупольного северо-восточного пилона; далее, на юго-восточном углу северо-западного подкупольного пилона (и малый на северо-восточном углу его же), на плоскости

крытие в разных частях храма и на разную от пола высоту (от 2 и кое-где до 6 примерно метров) показывает, что сплошные стены древней базилики, но также и купольнойстройки в нее, т. е. добавленных стен пастофорий и северного и южного рукавов креста, сложены из булыжника, что видно было и по фасадам. Столбы же, отделявшие боковые нефы от главного в базилике, и углы алтарной абсиды, а равно добавление подкупольных устоев и свод конхи в ней (по-видимому, сохранившийся от древнего времени) выведены из квадратов плотного камня, как было указано, крупного размера. Мелкие же такие квадраты использованы (при ремонте?) и в кладке стенок над первой у алтаря парой арок на север и юг. Закладка прохода из южного нефы в западной части храма на восток, произведенная в связи с возве-

¹ См. Г. Н. Чубинашвили, Болнисский Сион, Т. 1940, рис. 17.

дением юго-западного подкупольного устоя, показывает в раскрытой его части в этом нефе применение небольших квадратов ширины. Встречается ширина также кое-где и в поздних чиненых частях, а также, видимо, в средней украшенной части южного фасада. В разных сплошных чиненых частях, как-то: арках на древних базилических столбах по длине ее, или в восточных отрезках помещения за подкупольными столбами, далее в стенках со входом в северную приалтарную комнату и в частях стен в ней, далее в западной части храма и в возведении всего купола на барабане, применен кирпич. Частичное раскрытие позволяет сде-

Разрез на юг через купольную часть

лать заключение, что при позднем восстановлении в XVI веке в разных частях был использован строительный материал из развалившихся частей. Таким образом приходится пояснять наличие декоративных с фасада фрагментов в кладке внутри храма, частично видных еще и до раскрытия, или фрагментированной надписи на камне, вставленной в перевернутом виде в кладку северо-восточного подкупольного устоя на его восточной грани, примерно на высоте в два метра от пола. Камень размером в 15 × 62 см. В надписи Л. Рчеулишвили (26.III.1953 года) смог установить небольшой фрагмент двух строк. Т. В. Барнавели предлагает читать отдельные части этого фрагмента, помимо ქრისტობდს в первой строке

(т. е. в эриставство), $[\text{ქრისტობდს}]$ бо ოვთბო ბოვ აბ, что дает год — кроникон был 216, аминь, т. е. 996 год, во второй строке.

ქრისტობდს
 ოვთბო ბოვ აბ

Клише сделано по прориси на целофан. Аналогичную ოვთბო (вместо ოვთ) форму он указывает в слове ქრისტობდს ოვთ в надписи южного окна в западном притворе главного храма Гелатского монастыря¹.

Помимо фрагментированной надписи выявились такие фрагменты:

1) от убора фасада — предположительно южного — парной колонки (часть была видна еще и в штукатурке, см. табл. 247-d); еще парной колодки на южном углу северо-восточного подкупольного устоя; половина розетки (также отмеченная и до раскрытия, см. табл. 247-b); наконец, большой фрагмент декоративного растительного листа (?), может быть, от украшения верхнего (над аркой) фрагментированного креста на южном фасаде (см. табл. 249-b), обнаружившийся на лопатке пристроенной части северо-западного подкупольного устоя, примерно на высоте человеческого роста;

2) фрагмент орнамента S мотива, заключенного между валиками; примерная длина фрагмента 50—55 см; находится с западной стороны северо-западного подкупольного устоя, примерно в конце бокового северного нефа;

3) на северо-восточном подкупольном устое с северной его стороны фрагмент незаконченного резной орнамента фестонов, — раннего, геометрического еще, типа; второй вроде этого же обломок имеется на юго-восточном подкупольном устое с южной стороны; третий в углублении между лопатками северо-западного устоя;

4) еще два невыявленного рисунка случайных каменных фрагмента имеется: (1) на юго-восточном подкупольном устое с его северной стороны и (2) на северо-западном подкупольном устое, на его части древней базилики, с южной стороны — прямоугольный плотный камень с двумя небольшими заглаблениями;

5) на углах же абсиды на уровне пола вставлены каменные фрагменты, возможно верх стелы с тремя арочками на колонках, на обращен-

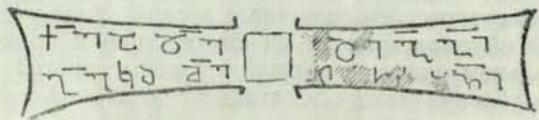
¹ Смешение ო и ჟ , как указывает мне А. Г. Шанидзе, обычно в памятниках XI—XIII вв., но встречается и раньше, хотя и редко.

ных внутрь абсиды сторонах и с истертым как будто таким же рельефом на обращенных в церковь других их сторонах.

Как попутно упоминалось, купольная композиция VIII—IX вв. не дошла до нас в полной сохранности. Больше того, она пострадала и подвергалась переделкам не один раз и очень существенно. Прежде всего интересно отметить, что в близкую эпоху, когда Кахетия, как и другие части Грузии, находилась на сильном подъеме и в быстром движении развития — именно, в X—XI вв., — Хирсский Степан-Цминда получил дополнительную разделку южного фасада и пристройку к зданию с этой стороны. Затем следующий строительный период падает на XVI век: он поднял здание из развалин и сохранил и обеспечил его существование до наших дней. Конечно, полное выяснение всех сохранившихся от этих четырех разных строительных эпох здания — дело будущего, зависящее от организации раскрытия памятника, что, конечно, естественнее всего было бы провести при ремонте-реставрации здания, но что, к сожалению, не было выполнено.

Оба этих периода запечатлены также надписями на южном фасаде. Верхнюю, относящуюся к ремонту XI века, мне удалось прочесть только в части обычной формулы, остальное же оставалось сомнительным. Так как я полагал, что эта надпись содержит указания, которые бы могли помочь в точном установлении даты реставрации Хирса, ею заинтересовался Т. В. Барнавели, который предпринял в сентябре 1956 года специальную поездку, увенчавшуюся успехом. Привожу данное им чтение и комментарий.

«Надпись помещена на двух горизонтальных

тяблах креста, причем фактически здесь имеются две самостоятельные надписи двух лиц. На левом тябле креста одна, на правом — другая.

«Первые два слова читаются обычно ქრისტე აღაღდა — Христе возвеличь. Третье слово, помещенное под титлом, должно раскрываться как собственное имя: გაგიკა — Гагики. Под этим именем известен царь Кахетии,

¹ Даю клише со сделанной тогда же попытки передать расположение и начертание видимых букв на тяблах креста, не претендующих, конечно, на факсимильную точность.

² А. С. Хаханашвили (МАК, VII, 1898, с. 27)

царствовавший в 1028—1058 годах. Такое раскрытие титлованного слова и отождествление его с именем царя Кахетии — Гагики — подтверждается следующим написанным под титлом словом მე, что раскрывается как მეფე — царь. Следовательно, надпись на левом тябле креста читается следующим образом: ქრისტე აღაღდა გაგიკა მეფე, т. е. Христе возвеличь Гагики царя.

«Надпись на правом тябле креста сильно повреждена, сохранилось имя, написанное под титлом გო в конце первой строки; отдельная буква გ, также написанная под титлом, и фрагменты остальных слов. Сохранившиеся буквы дают возможность восстановить текст надписи. Две буквы в конце первой строки, помещенные под титлом, раскрываются как собственное имя გორგი — Георгий. Отдельная буква გ (r), также написанная под титлом, по-видимому, должна раскрываться как слово გლახკი — убогий. Подобное же явление мы имеем в надписи Иоанна Самтавели на западном фасаде храма в Самтависи. В указанной надписи слово ძლიერი передано одной буквой ძ, написанной под титлом, а также в полной аналогии с рассматриваемой надписью Хирского храма слово გლახკი написано одной буквой გ, помещенной под титлом. Надпись на правом тябле креста может быть раскрыта в следующем виде:

[ქ.] [ს] [ღ] [აღაღდა] გლახკი გორგი
 [მ] [თ] [ავარებდისკობა] ში

т. е. Христе, возвеличь убогого Георгия архиепископа¹».

Таким образом, эта надпись действительно помогает уточнить дату реставрации Хирса².

Нижняя надпись на южном фасаде размещена также по сторонам креста:

т. е. Христе, возвеличь царствование Леона. Аминь, господи!

Эта-то надпись и указывает с несомненностью то лицо, во время которого и, вероятно, участием которого Хирса была радикально и решительно восстановлена. Это — царь Леон

приводит, очевидно, эту надпись, отмечая, что на западной стене заглавными буквами написано: მე აღაღდა მეფეთ [თ] [ს] [ღ] [აღაღდა] [მ] [თ] [ავარებდისკობა] ში, причем странная конструкция в скобках при следующем его переводе: „Христе, прославь царя царей Александра (?)“.

(1520—1574 гг.), что вполне согласуется с методами его строительства, удостоверенного целым рядом сооружений¹.

Здесь необходимо указать те части, которые в стоящем сегодня памятнике относятся к этим двум последующим эпохам строительства.

Восстановление храма в XVI веке, т. е. очевидно, после насильственного разрушения предыдущего времени, охватило его целиком: подправлены лакуны в стенах и устоях, выведены сплошь заново арки, своды и весь барабан с куполом. В западном рукаве, по-видимому, сделано значительное наращение толщи пристенных устоев продольных арок; впрочем примечательно, что западные стенки боковых нефов выдвинуты сравнительно с западной же стеной среднего заметно вперед, на восток. Все почти арки, как мы видели, выполнены с изломом в вершине, сообразно господствовавшим вкусам времени. То же касается сводов. Тогда же, конечно, восстановлены три подкупольных столба, причем изменена форма северного столба. Конечно, и кривой проход позади северо-западного подкупольного столба сделан тогда же. Значительные части ремонта этого времени — а именно, все реставрационные работы — выполнены обычным для этой поздней эпохи материалом — кирпичом. Он небольшого калибра. Весь барабан купола и его шатер выведены целиком из кирпича; для отделки барабана снаружи применен лекальный кирпич. Таким образом, разрушение храма имело к XVI веку страшные размеры: обвалившийся купол с барабаном и, по-видимому, верхними частями трех подкупольных устоев, обвалившиеся своды как западного рукава, так обоих боковых, а также примыкающих к ним на восток пространств; только своды в алтаре и в пастофориях — можно считать — устояли.

Украшение и расширение же храма, произведенное, как я полагаю, в XI веке, сохрани-

¹ С. Н. Какабадзе также прочел эту надпись во время посещения в сентябре 1927 г. Хирса «по должности зав. Отд. охраны памятников старины и искусства Наркомпроса Грузии». Но он ничего не говорит о другой надписи. А к деятельности царя Леона относит перестройку трехнефной базилики: «к базилике была пристроена вся передняя, подкупольная и алтарная части с выдвижением боковых стозон, вследствие чего вошедшая в здание старая часть базилики превратилась в западную долю нового расширенного храма» (Бюллетень Кавк. Историко-археологического Института, № 1—3, Т. 1928, стр. 16).

Впрочем еще и Пл. Иосселиани (Путевые записки по Кахетии. Т. 1846, стр. 124) отмечал, что «монастырь огражден высокими стенами, поправленными царем Леоном V». От стен монастыря сейчас,

лось в несомненных — сейчас уже — местах только с южной стороны. Между выступавшей частью южного рукава купольного храма и по длине западного его рукава был встроено придел². Он поделен сейчас на две части, но рассматривая план и размещение этих частей, естественно думать, что первоначально это было одно цельное помещение с широким просторным входом с юга. Нужно отметить, что почти все части стен и своды этого помещения выведены сейчас из кирпича, как видно и в оголенных от штукатурки частях внутри помещения, т. е. при ремонте XVI века. Только в абсиде придела, около границы алтаря слева уцелел фрагмент угловой каменной колонки с резной базой. Такая же база, но вся попорченная, видна и справа на углу. Низ кладки стены алтарной абсиды показывает применение шири. Из шири же имеются некоторые части верха стены снаружи этого придела и куски карниза выкружкой. (Возможно, что в этих верхних частях использован при ремонте XVI века старый материал, а не обязательно, чтобы куски эти удержались при разрушении). Кроме того, по низу южного фасада придела, западнее входа, сохранились, как я полагаю, *in situ* древние части каменной облицовки с орнаментальной резьбой.

Одновременно с этой пристройкой к храму был отделан и южный фасад его, собственно выступающая часть южного рукава. Значительные поверхности его сохранились и сегодня еще в облицовке тесаными плитами желтого шири (табл. 245-а, 247-а, с). Таков же был и карниз, приданный в эту эпоху храму и сохранившийся частично и на других фасадах. Все это, равно наличие на восточном, западном и северном фасадах, также некоторых частей в облицовке из этого ноздреватого камня, заставляет думать, что такое украшение храма прошло не без необходимости его укрепить, «восстановить» из разрушения³.

можно сказать, ничего не осталось. Пл. Иосселиани говорит при этом, что он надписей на стенах храма, «ныне обнуживаемого, никаких не нашел», но указываемые им сведения все-таки скорее всего высказаны им на основании той же надписи.

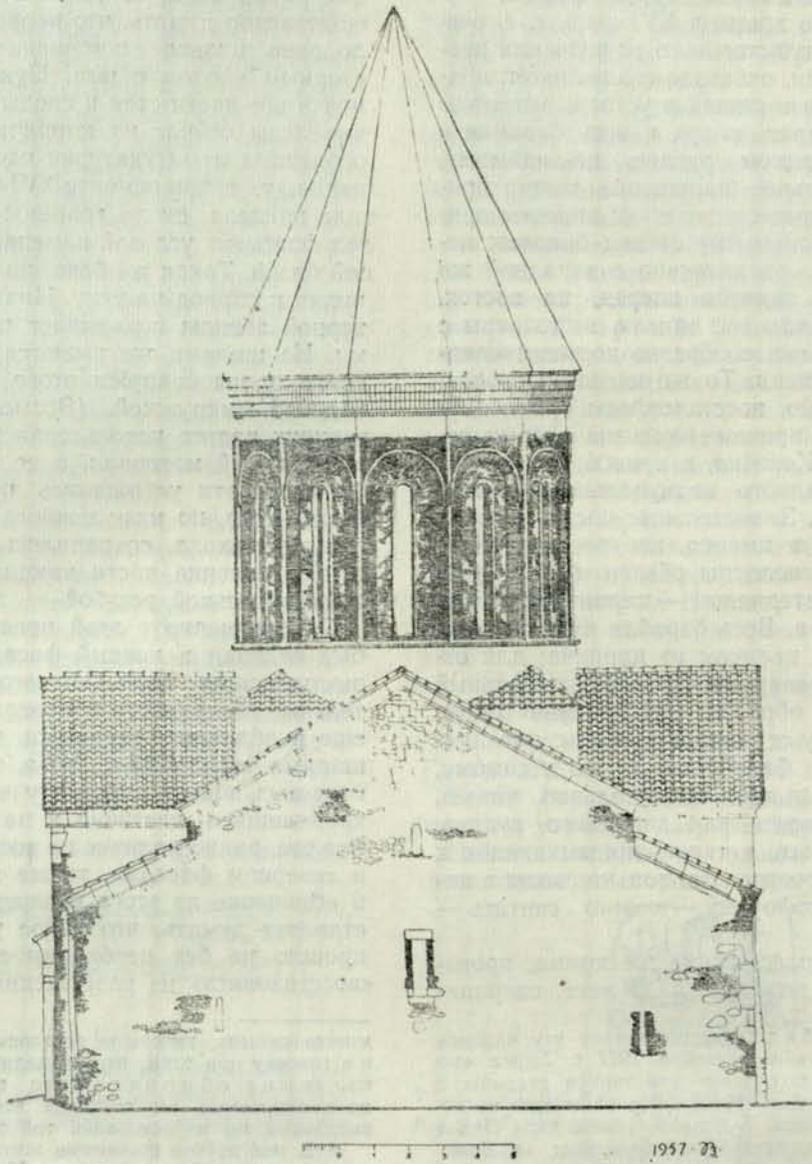
² В мое первое посещение жители селения сообщили, что придел был в честь св. Николая.

³ В вырубленном кривом обходе позади северо-западного столба внутри храма сохранилась фрагментированная резная розетка (половина ее: табл. 247-б); по резьбе напоминает круглое окно на южной грани западного рукава в Никорцинда. Фрагмент парной, а не ординарной колонки, как выяснилось после раскрытия, использованный в кладке крайнего западного устоя северного ряда со стороны северного нефа, возможно, происходит от этой же фасадной разделки (табл. 247-д). Равно и другие, перечисленные выше.

Чтобы яснее выделить строительные периоды на фасадах храма, лучше дать краткие сведения о каждом из них одновременно.

равно карниз выкружкой с валом. Кроме того есть мелкие починки кирпичом, как и главное (нижнее) алтарное окно, снаружи оголенное от штукатурки, обрамлено кирпичом. К XVI ве-

По восточному фасаду видна первоначаль-

Восточный фасад

ная кладка из булыжника: она почти целиком сохранилась по всей стене (табл. 244). Только около верхнего окна из алтаря имеется небольшая плоскость кладки из мелких плит ширины;

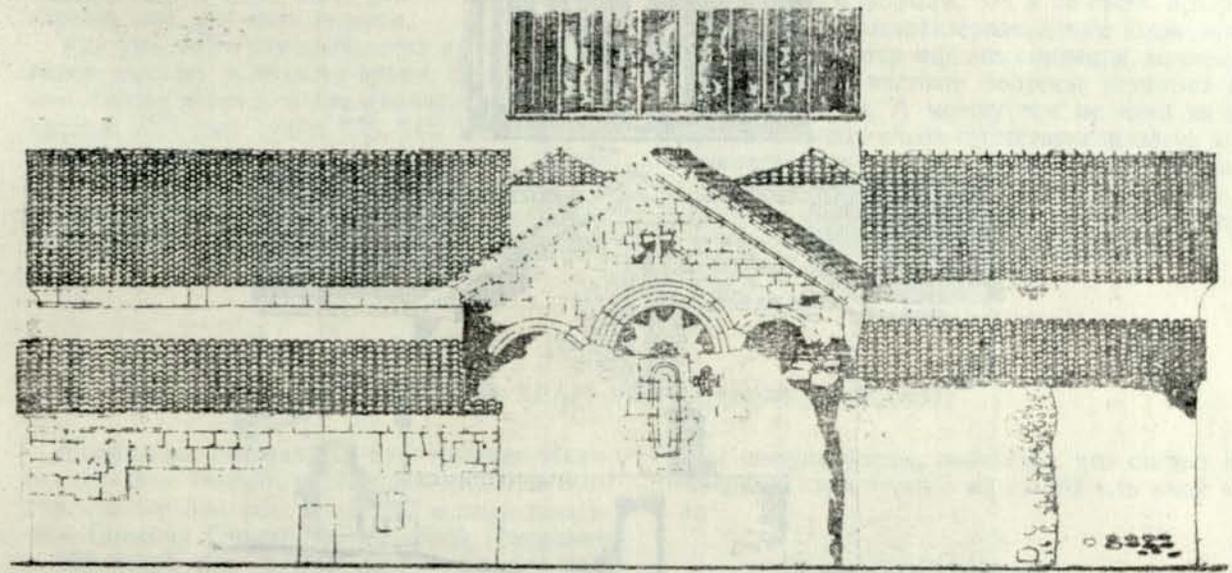
ку по восточному фасаду особенно пострадали, как видно по ремонту, внешний покров боковых частей, т. е. угловых комнат.

На южном фасаде также видно, что перво-

начальный основной материал был булыжник (табл. 245-а). Таковы нижняя часть плоскости южного рукава и значительные поверхности восточной части, верхний отрезок которой чинен кирпичом, включая даже карниз. Среднее поле южного фасада, т. е. плоскость южного рукава храма, облицована в верхней части ноздреватым ширими (табл. 247-а, с). Впрочем, подлежит еще окончательному выяснению, можно ли считать всю такую кладку одновременной или же и в ней возможно выделить

го собора Свети-Цховели (1029 г.). Резьба над аркой входит и по характеру и по сохранности кладки определенно в эту же отделку. Карниз южного рукава, как и южные карнизы западного и восточного рукавов, имеют форму выкружки с валом, вытесанную в ноздреватом ширими. Уже с линии окна вниз поверхность стены образует булыжная кладка с кирпичной починкой. По сторонам окна, несколько ниже средней арки, вставлены две каменные плиты с вырезанными на них двумя

Южный фасад

места более поздней починки¹. К украшению XI века во всяком случае можно отнести тройную декоративную аркатуру с орнаментальной в ней резьбой и фрагментированным украшением из процветшего креста над средней аркой (табл. 245-а и 247-а)². Орнаментальное заполнение средней арки напоминает ближайшим образом разделку западного фасада Мцхетско-

простенькими крестами. Особенно неуклюж правый, на котором находится вышеприведенная надпись с упоминанием царя Леона. Самая обработка этого южного окна снаружи, видимо, поздняя; но прием его изнутри сохранил первоначальную форму и размеры, тогда как противоположное окно в северном рукаве меньше и имеет подоконник на более высокой

¹ Ее можно было бы тогда приурочить по параллелям купольных храмов Саба-Цминда в Карданахи и св. Георгия в Сачино к XIII—XIV векам.

резана верхняя надпись, приведенная выше. И к декору этого креста, кажется, можно отнести вскрытый теперь крупный фрагмент на северо-западном подкупольном пилоне (ср. выше, стр. 333, табл. 249-б).

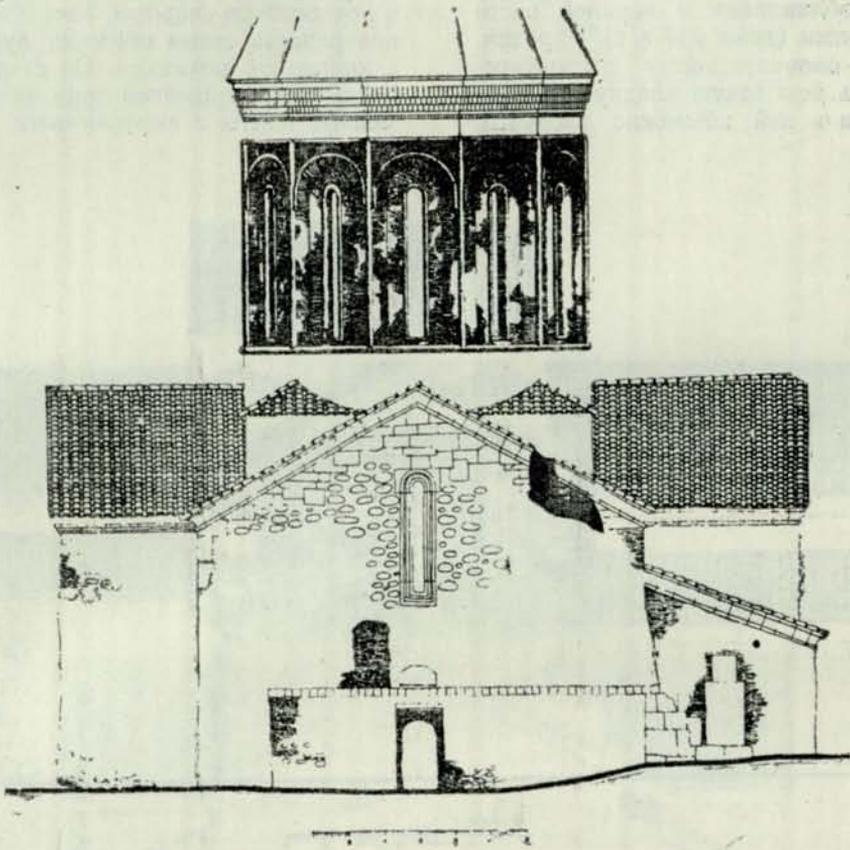

линии сравнительно с южным окном, верх
обоих на глаз на одном уровне.

Западный фасад также в основном показы-
вает кладку из булыжника с починкой, правда,

его. Аминь. И архимандрита Никифора¹.

В плоскости под самым коньком кры-
ши применен ширими, как и для карниза.

Западный фасад

в разных частях целых плоскостей кирпичом
(табл. 245-b). Над входом имеется следующая
надпись, высеченная на специальной плите,
вставленной в стену:

ადიდე ღთო იმპერატო
რი სხუქსნდობაჲ სლო
და მხედრობანი მისნი ამინ
და სრხიმანდრიტი ნიქიფორაჲ

т. е.: Возвеличь, господи, импера-
тора Александра Первого и войска

¹ О нем упоминает Пл. Иосселиани, Путевые
записки по Кахетии, Т. 1846, с. 128.—А. С. Хахана-
швили, МАК, VII. 1898, с. 27, приводит как над-

Кроме того, и окно обрамлено профилирован-
ной рамой из четырех валиков. Рама эта сде-
лана вся из квадров ширими. Слева на фасаде
виден наивно сделанный крестик. Нижняя
часть западного фасада подперта дополни-
тельной кирпичной стенкой, а весь вход, на всю
толщину стены, сложен в кирпиче и в стиле
Леона. Северо-западный угол фасада имеет
контрфорс из булыжника.

пись на западной стене об обновлении храма в 1822 го-
ду только следующее: Никифор Джорджадзе
Викарий Грузии (по-груз.).

Северный фасад весь сложен из булыжника, только мелкие починки есть вверху стен из кирпича (табл. 246-b). Кирпичный же в общем и карниз; остатки же карниза выкружкой с валом из ширины имеются на скатах северного рукава и на восточном выступе. Из булыжника же сложена стена полукруглой встройкой во входящем углу для внутреннего прохода, а опавшие, видимо, части чинены уже кирпичом. Внешний облик этой полукруглой встройки такой же, как и полукруглого контрфорса на северо-западном углу храма.

Все окна храма по всем фасадам, видимо, чинены сильно и не один раз; в большинстве случаев они при этом сужены.

Как уже было отмечено, весь купол с барабаном выведен в позднее время, судя по формам, скорее всего в ту же радикальную реставрацию XVI века (табл. 246, 244, 245). Он целиком выведен из кирпича, причем для арочек декора применен лекальный. Весь купол вполне правильной формы с 12 окнами, имеющими внутри легкое заострение арки окна, совпадаю-

щее с таковым подкупольных арок (табл. 250-а). Шатер выведен из ребром поставленных кирпичей. Ближайшие параллели имеются в куполе Алавердского собора, в храмах сел. Агдгома, Чикаани, Ахали Шуамта и Грими. Разделка, кладка шатра и его уклон ближайше сходны¹. Вообще весь храм, сообразно эпохе первоначального построения и первой переделки, является как бы несколько распластанным.

Хирский Степан-Цминда является, таким образом, чрезвычайно интересным памятником, как по своим формам, так и по своей истории. Однако, если охарактеризованные выше этапы и представляются мне вне сомнения, то отдельные детали и частные вопросы остаются без всякого ответа. А между тем не одна из них должна занять очень существенное место в художественном облике этого архитектурного произведения. Вот почему еще раз не могу не подчеркнуть необходимость научного раскрытия и детального изучения памятника.

5. ГЛАВНЫЙ ХРАМ МОНАСТЫРЯ В ИКАЛТО

Монастырь, основанный близ селения Икалто, севернее Телави, у подножия Кахетинских гор, святым Зеноном, учеником и последователем Симеона Столпника младшего (умершего в 596 году), как и ряд других монастырей, основанных тем или иным из тридцати сирийских отцов, сохранил ряд построек разного времени. Но монастырь в среднюю эпоху приобретает выдающееся значение культурно-просветительного центра, получающего значение для всей Грузии, т. е. выходящее за пределы только Кахетии. Здесь основана была высшая школа, академия, и монастырь несомненно цвел. К огорчению исследователя, постройки монастыря усиленно реставрировались и ремонтировались в течение всего XIX века;

они оштукатурены, побелены, что стерло или закрыло характерные черты той или иной эпохи².

Описание.— В монастыре находятся три церкви. Главная из них — преображения («Гвтееба»); небольшая зальная церковь — рождества пресвятой («Квела-Цминда»), южнее главной, и уже рассмотренная выше, на восток от главной, — во имя троицы («Самеба»)³. А в южной части всего монастыря у теперешней ограды находятся громадные развалины зданий — нужно думать, действительно, академии (восточнее) и трапезной (западнее).

Главная церковь, о которой сейчас идет речь,

¹ Ср. надстройки купольных церквей, особенно маленкой в Дзвели Шуамта.

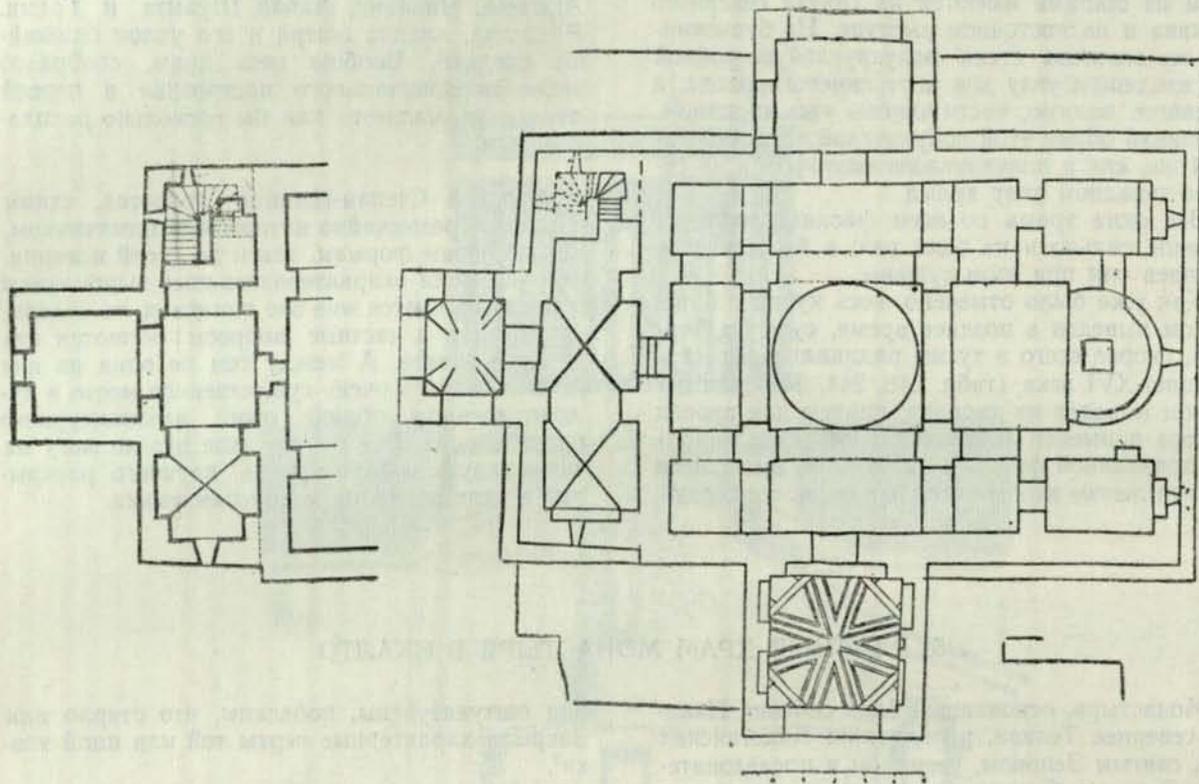
² Осмотрен впервые 26.IX.1919 года, а затем I.XI.1922 г., когда сделаны худ. Т. Кюне снимки; несколько снимков были им же сделаны еще в 1913 году. Дополнительно пройдено все во время раскопок академии с 25.IX.1938 года. Наконец, последний раз я посетил Икалто 19.VIII.1950, когда сделаны новые фото. Первоначально описание и разбор памятника сопровождался планом храма, вычерченным арх. Р. М. Эристави на основании моих промеров основных

частей, имевшим только ориентировочное значение. В 1956 г. храм был обмерен с учетом определенных заданий Института истории грузинского искусства архитектором Г. И. Лежава, а в 1957 г. он выполнил чертежи и построения. — Как отметил в 1845 г. Пл. Иоселиани (Путевые записки по Кахетии, Т. 1846, с. 88) «только недавно обновлен по местам митрополитом Бодбели».

³ См. главу V; Самеба видна на табл. 252 справа, а Квела-Цминда на табл. 253 слева от главного храма и 255 справа.

представляет собой сравнительно небольшое здание греческого креста в плане с куполом на четырех устоях, имеющих в сечении форму креста. Сторона подкупольного квадрата, ина-

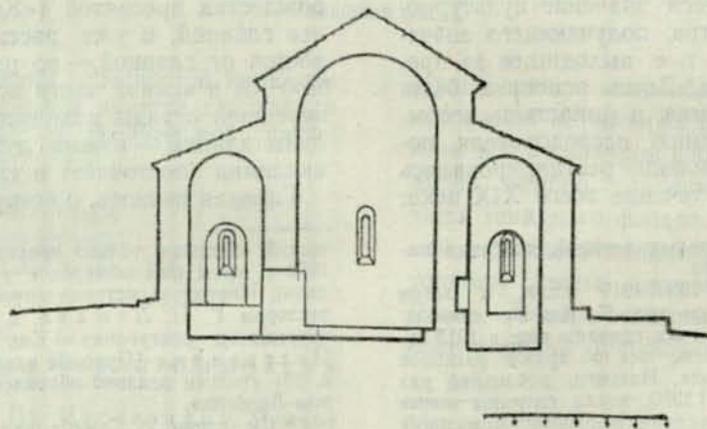
имеется бема. Под алтарным окном выделено сидение настоятеля посреди общего, проходящего по стене сидения. По сторонам абсиды находятся помещения жертвенника и ризницы,

План главного храма и план по второму этажу западной его части

че диаметр купола — пять метров. Алтарная абсида в плане подковообразна; перед ней

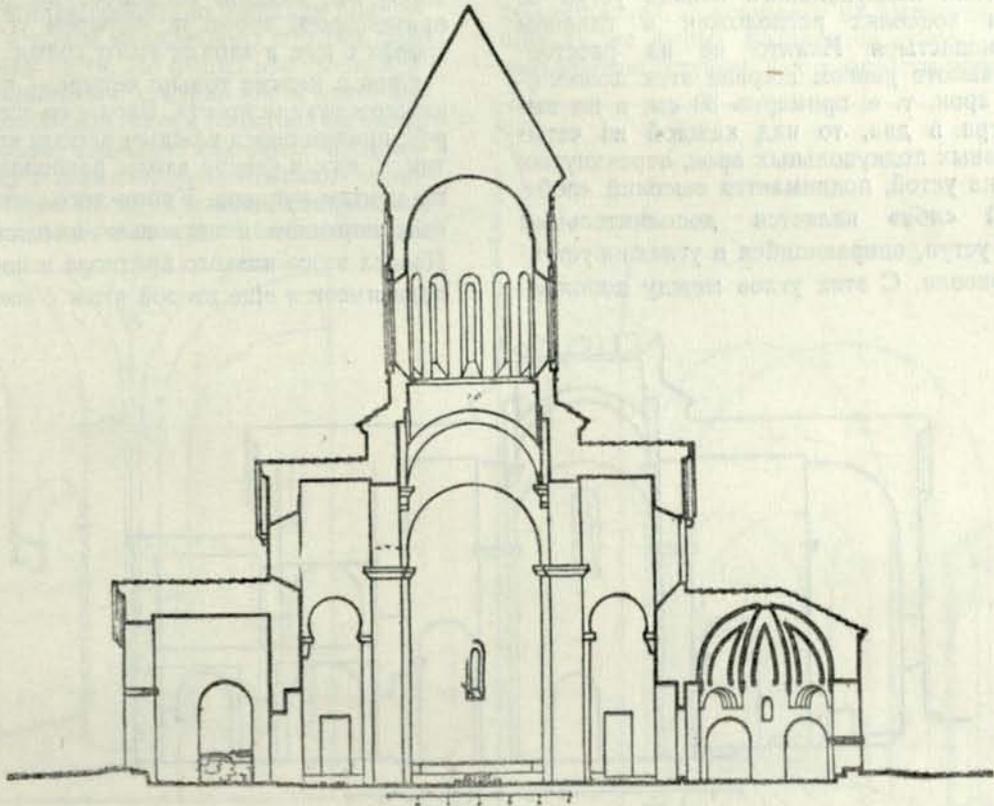
имеющие прямоугольную форму. В каждом из этих помещений в восточной стене его плоская,

Разрез по пастофориям

но широкая и высокая, ниша с подковообразной аркой (табл. 257-с). Окно находится в этом заглублении; оно имеет снаружи правильную полуциркульную арку, внутри же помещения арка с носиком. В северной стене диаконника находится широкая и довольно глубокая

южной стенах не на пилястрах, а только на выступающих консолях. Но это, очень вероятно, не первоначальный вид. Первоначальный же сохранился с западной стороны, где имеются пилястры (табл. 256-а, 257-б). Такие же, вероятно, были и при других стенах; при восточ-

Поперечный разрез

(73 × 43 см) ниша с полуциркульным верхом. В южной же стене жертвенника на том же, примерно, месте и той же ширины (72 см), что и ниша в диаконнике, прорублена дверь в алтарь: несомненно позднейшая переделка из ниши. Свод в этих прямоугольных пастофориях — коробовый, расположен примерно на той же высоте, как и своды в угловых за подкупольными столбами отрезках.

Арки, примененные в церкви, имеют все полуциркульную форму с легким уклоном к подковообразной форме; последнее особенно ясно видно по маленьким аркам в угловые части церкви (табл. 256, 257-а, б); также и арка абсиды была подковообразна.

Арки укреплены при северной, восточной и

ной, по-видимому, пилястры застроены прибавленной кладкой к стенам (на толщину заполненного люнета двери в жертвенник на 20 см); на южной и северной же они были, очевидно, просто сняты. Импосты под арками от подкупольных устоев к северной и южной стенам имеют форму широкой простой полочки (табл. 256-б); импосты арок к восточной и западной стенам имеют форму полочки с ровным скосом под ней (табл. 257-б); наконец, импосты подкупольных арок имеют опять форму полочки со скосом под ней и небольшим горизонтальным уступом от низа скоса до пилястры (табл. 256-а).

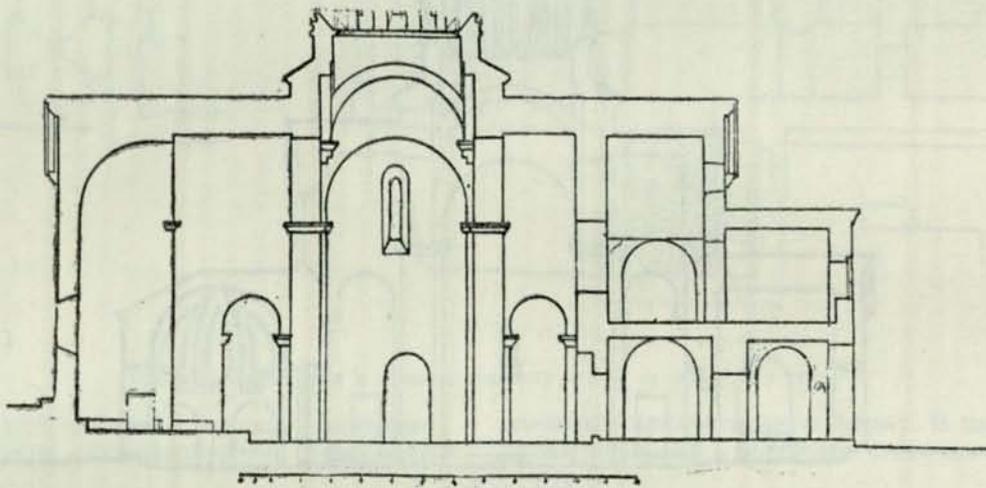
Купол утвердился на парусах, которые начинаются поверх дополнительных арок к основ-

ным четырем подкупольным аркам на столбах, т. е. основание для купола получилось более узкое и покоится оно поверх арок, находящихся почти на два метра выше, чем основные арки (табл. 256-а). В куполе 12 стройных окон. Так как составляющий опору для утверждения подкупольного кольца уступ из арок на консолях расположен в главном храме монастыря Икалто не на расстоянии, по высоте равном ширине этих дополнительных арок, т. е. примерно 30 см, а на высоте метра в два, то над каждой из четырех основных подкупольных арок, перекинутых с устоя на устой, поднимается высокий «лоб». Границей «лоба» является дополнительный арочный уступ, опирающийся в углах на уступчатые консоли. С этих углов между дополни-

древнем угловом переходе на тропках, ^{длина} ^{0,933} которых в четырех углах обычно размещаются примерно на линии вершины арок. Наличие здесь этого древнего метода перехода от квадрата основания к кругу купола, единственным намеком, на который остался вышеуказанный «лоб» над каждой стороной, поддерживается применением тропм по четырем углам в притворах с юга и запада этого храма.

Окон в церкви только четыре — по одному в каждом рукаве креста. Входы со всех трех сторон, причем перед каждым входом имеется портик. С юга и севера входы расположены почти по центру рукавов. Кроме того, между западным портиком и церковью имеется притвор. Поверх этого низкого притвора и портика с запада имеется еще второй этаж с комнатой для

Продольный разрез

тельными арками подымаются, почти гладкой плоскостью, т. е. без сферичности, паруса, служащие основанием для круга купола, отмечено здесь выступающим профилированным карнизом (табл. 256-а). Данное повышение для основания купольного барабана понятно, как результат ремонта разрушенного в этой части здания, по данным характера дополнительных арок, произведенного, как мне сообщил Г. И. Лежава, уже в XIX веке¹. Но простое решение этой задачи могло быть дано при наличии поднимавшихся над центральной частью каждой подкупольной арки отвесной стенки. Такие стенки бывают при

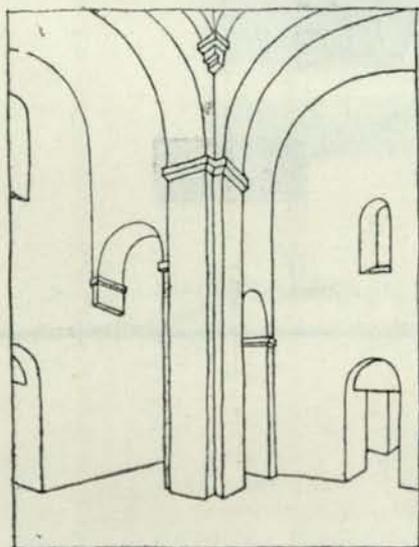
жизня настоятеля монастыря.

Притвор был выведен, хотя и одновременно с самой церковью, но вприслон к стене его, а не вязано. Это видно в пролете окна верхнего этажа из комнаты в церковь, а также по трещине на северном фасаде. Самый притвор разделен по длине на три компартамента, выступающими лопатками. Средний и южный имеют крестовые своды (табл. 259-б), а из северного поднимается вверх лестница и в остатках пространства сделан коробовый свод. Перед дверью в притвор находится портик с открытыми на все три стороны пролетами и крестовым же сводом, опять на прямоугольном (не квадратном), основании (табл. 259-а). Форма арок этих пролетов сбита сейчас и не

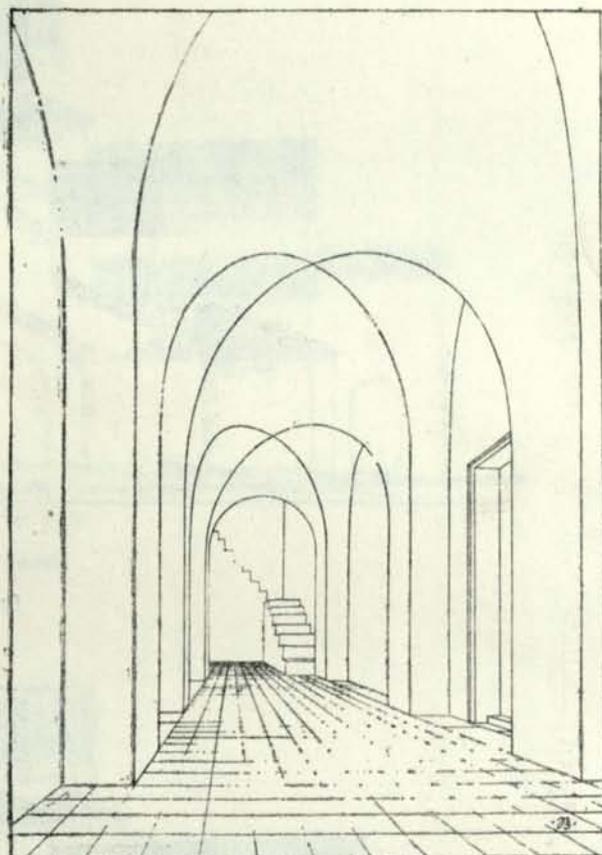
¹ Как на это указывает техническое исполнение арок.

имеет выделенных импостов, но, по-видимому, была тоже подковообразная. В каждом углу, ниже начала двойных ребер крестового свода, сделана конха над прямым углом устоев: восточные — поменьше, западные — побольше (табл. 259-а). Верхний этаж, заключающий в себе покой настоятеля в одну комнату, имеет оригинальный план сообразно площади длинного притвора и почти квадратного портика против его средней части. Но форма эта умело претворена перекрытиями: средняя часть имеет высокий коробовый свод по оси с востока на запад и, таким образом, выделено как основное помещение; к нему с трех сторон примыкают дополнительные низкие части, отделенные широкими, но высокими арками: с севера со востодом по ле-

юг арки, возможно, не были сквозными, а так и составляли ниши. Впрочем, и о проходах еще раз ниже. По углам имеются большие тромпы с дополнительной аркой, поверх которых начинается купольный свод этого портика, разделанный выступающими ребрами (табл. 258)¹. Форма большой входной арки четко подковообразная, покоящаяся на импостах, имеющих ту же форму полочки со скосом и горизонтальным уступом, как и импосты подкуполь-

Вид на подкупольную часть (Рис. по фото)

Вид по западному притвору на север

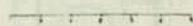
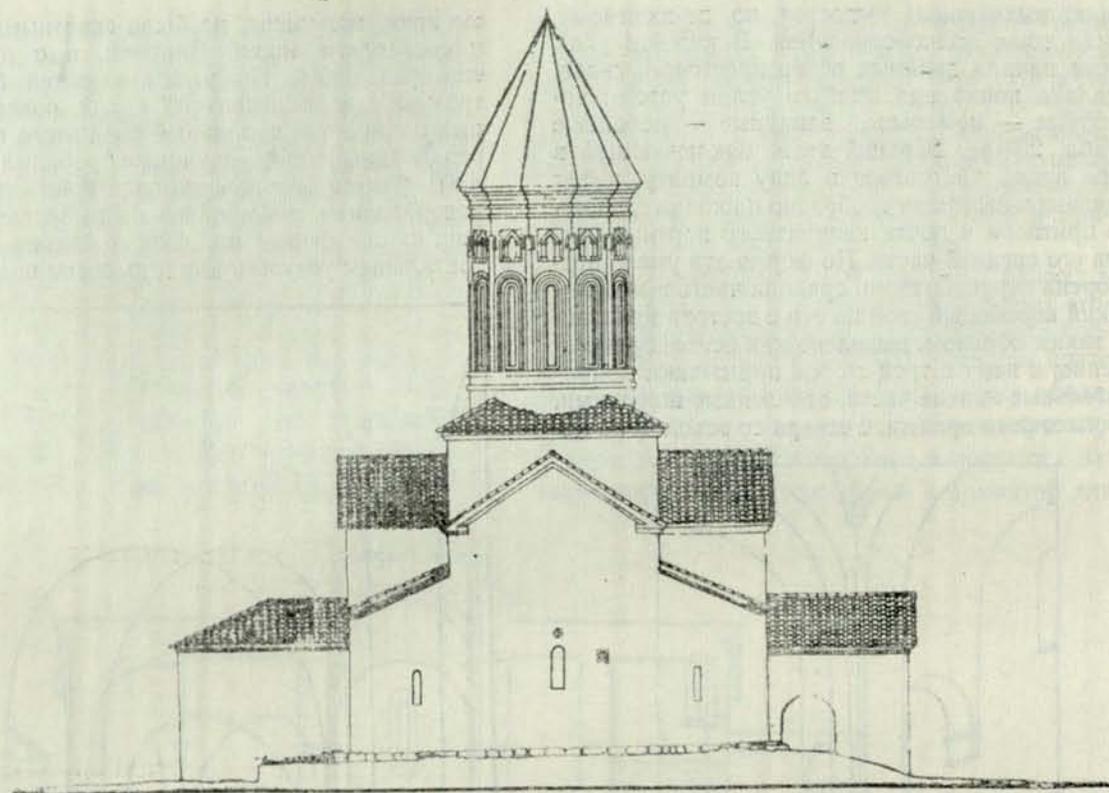
стнице, освещаемой окном, а с юга прямоугольное с окном с юга — обе эти части имеют крестовые на прямоугольнике своды; с запада — помещение прямоугольное с коробовым сводом и также с окном. Как отмечено уже, настоятель мог непосредственно присутствовать при службе, оставаясь у себя в покоях и только растворив окно в церковь.

Южный портик имеет широкую лицевую арку входа, а с боковых сторон были сперва небольшие входы, ныне заложенные, но с сохранением внутри ниши (табл. 253). Крайние на

ных арок; такая же подковообразная форма сохранена также, несмотря на все искажения при починке портика, некоторыми из боковых арок. Эти боковые подковообразные арки, а именно крайняя южная по восточной стороне и вторая по западной, выделяют при пята выступающий уступ.

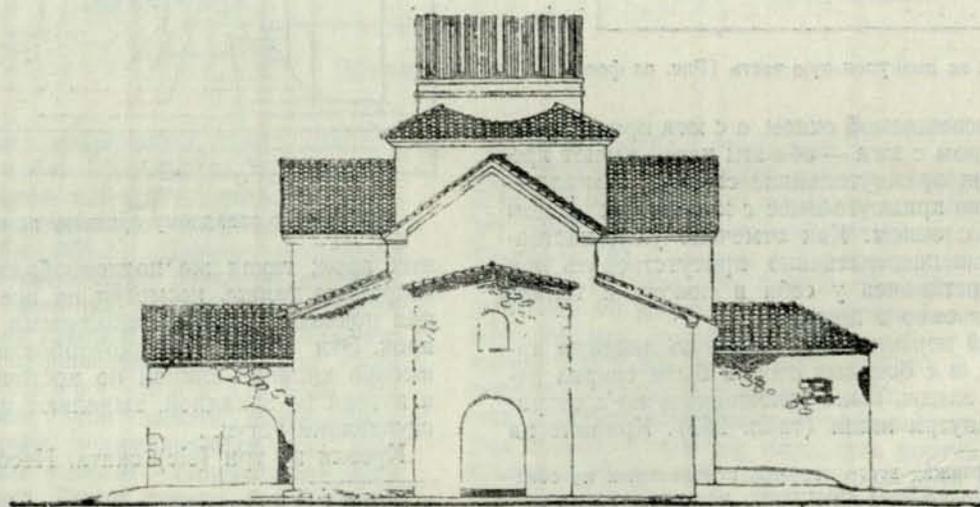
¹ В чертежах этого портика, исполненных по обмеру и принадлежащих Институту истории грузинского искусства, Г. И. Лежава, восстанавливая по фрагментам нижние завершения ребер, явно увлекся

Кровля на три (sic) ската. Несомненно, что и придал им не отвечающие древним формам образования. — С другой же стороны подковообразная форма входа им не показана.

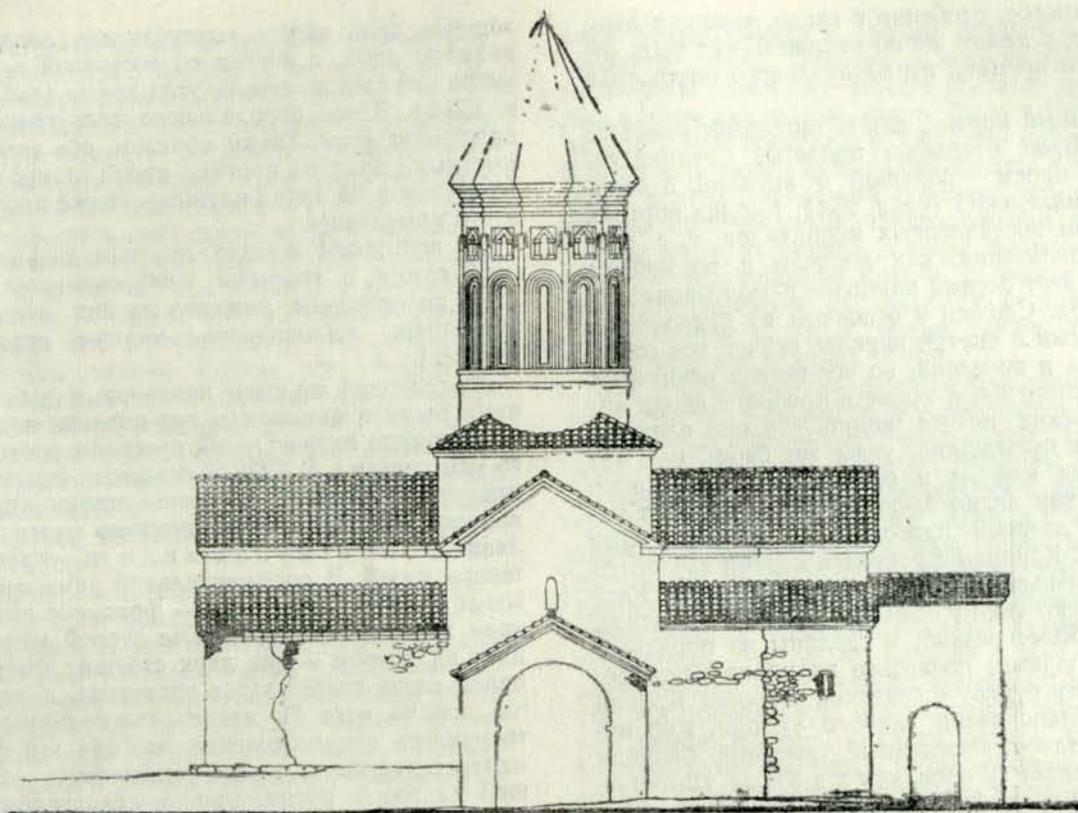
1:57 73

Восточный фасад

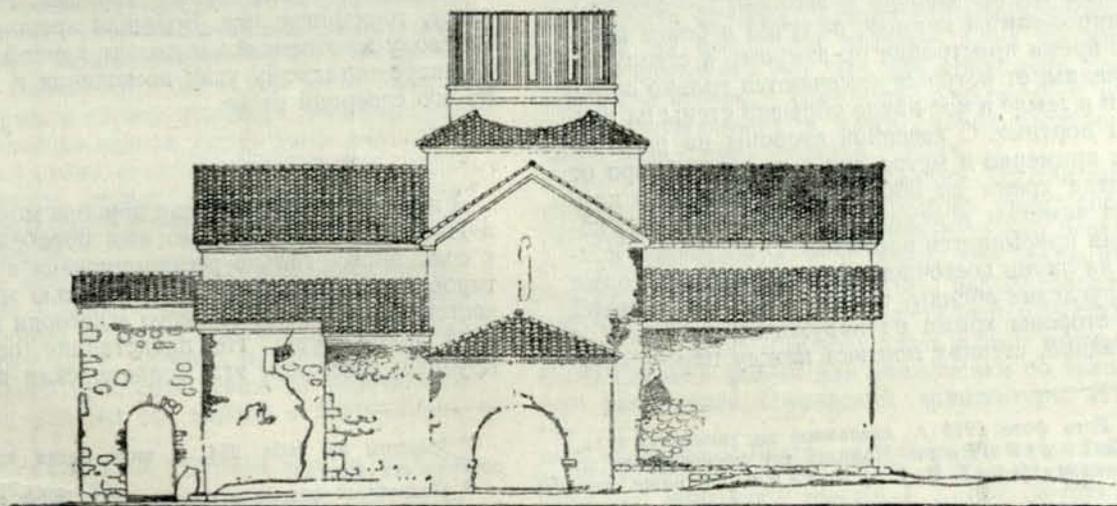

1:57 73

Западный фасад

Северный фасад

Южный фасад

очень многое, особенно в своде, чинено в этом портике; в целом же он вполне может быть отнесен ко времени первоначального построения храма.

Северный портик, как и западный, имеет со всех сторон открытые пролеты. Средний северный проем — большой и высокий, а боковые — маленькие (табл. 254). Карниз портика из углом поставленных кирпичиков, т. е. времени поновления, как впрочем и во многом другом этот портик наиболее отремонтирован из всех трех. Сложен в основном из булыжника.

Снаружи и внутри церковь сейчас вся оштукатурена и побелена, но все-таки в некоторых местах снаружи, а также в пробоине свода настоятельских покоев видно, что она сложена была из булыжника, углы же были, как это видно на южном и северном фасадах, а не только, как видно было 20 лет назад, при западной дверной притолоке, из тесаных плит ширинами. Карнизы фронтонов церкви имеют горизонтальные завороты (табл. 252—255). Карнизы имеют форму обычных капителей подкос, только более резкий, и сделаны из пористого камня ширинами; последнее видно по боковому западному рукаву с северной стороны. Кровли сравнительно очень слабого уклона. Кирпичный, позднее выведенный, высокий барабан купола имеет 12 окон, как и в Хирса. Шатер — довольно острый. Вокруг окон барабана, сидящих в углублениях, украшение закрашенными ширинками, а над окнами «поздне-ампирным» мотивом в штукатурке, излюбленным в Грузии для отделки каминов.

Настоящий храм с тремя портиками перед каждым из трех входов, возведенными — во всяком случае южный и западный — одновременно с самим храмом, получил в более позднее время пристройки по южному и северному фасадам, от которых намечаются только следы стен в земле и кое-какие обрывки стены на южном портике. С северной стороны на расстоянии примерно в метра два с половиной, три от фасада храма по обе стороны северного портика заметны в земле фундаменты стены, которая прерывается портиком. В восточном конце, на линии восточного фасада храма, заметно закругление абсиды, так же в земле. С южной же стороны храма на наружных, восточной и западной, стенках портика между парой зало-

женных арок видны выступающие лопатки началом арок, а вперед от восточной в земле виден низ стен до самого угла храма (табл. 253 и 255-b). Здесь абсидального закругления не прослеживается. Таким образом, обе заложены ныне арки из портика около стены храма на восток и на запад служили также проходом в эти помещения.

На восточном фасаде имеются два небольших камня с грубыми изображениями крестов, по сторонам нижнего из них очень характерная, малокрасивая надпись строчным хуцури¹.

На северной же стене притвора, у окна лестницы были использованы для починки несколько обломков иконостасной преграды тончайшего мастерства². В 1938 г. основные фрагменты извлечены, наконец, из стены стараниями покойного директора краеведческого музея в Телави А. Д. Маамулашвили и украшают теперь музей. В орнаментальной раме изображены архангел с посохом — фрагмент правого края поля и переход к раме второй композиции; на другом — низ двух стоящих фигур: у одной слева тоже платье архангела, а от другой, справа, нога. По извлечении из стены подтвердилось предположение, что оба эти фрагмента остались от одной композиции — сидящей на троне богоматери с архангелами по сторонам. Два других маленьких обломка значительно замазаны при побелке храма. Они вставлены выше окна. На верхнем с трудом можно различить крыло. Камень этих рельефов обычного бледно-зеленого цвета, как и во многих других преградах XI века³.

Общее состояние храма хорошее. По-видимому, течи нигде нет. Большая трещина идет по своду жертвенника и сходит кривой линией к северо-западному углу помещения и дальше по его северной стене.

А н а л и з. — Эта главная церковь монастыря в Икалто, построенная во имя Преображения, к сожалению, сильно реставрирована и отремонтирована, таким образом, полностью мы не в состоянии выяснить ее место в истории грузинской архитектуры. Не представляя особенно крупных размеров, эта монастырская церковь

¹ Есть фото 1913 г., сделанное по указанию акад. Е. С. Такайшвили. Надпись эту расшифровал по названному фото Т. В. Барнавели (см. ниже, стр. 349).

² Заметны на табл. 254, в виде пятна на белой поверхности фасада.

³ Подробный анализ и определение этой алтарной преграды даны в исследовании Рене Шмерлинг. *Arts Georgica*, 3, 1950, стр. 164—165 и табл. 68).

была построена на месте какой-то другой, очевидно, древнейшей церкви, в которой был похоронен основатель монастыря Зенон.

Мы уже видели, что примерно в VII веке в монастыре ощутили потребность создать еще одну, несомненно больших размеров, чем первоначальная, Зенона, церковь. Теперь, в среднюю эпоху, рост монастыря потребовал возведение большой церкви над местом упокоения Зенона. Ведь вне ограды монастыря на каждом холму видны и сейчас еще развалины церкви, а в народе так и утверждают, что здесь «60 церквей без одной» (სამოც ეროს ნაკლები)¹; южные склоны того кряжа, на котором стоит монастырь, обращенные к р. Турдо, полны пещерами; над этими пещерами возвышается церковь св. Шио, являвшаяся ответвлением монастыря Зенона². Вместе с тем в это время пользовалась известностью академия в монастыре Икалто³.

Таким образом, монастырь призван был сыграть в истории архитектуры Кахетии немаловажную роль. И действительно, как мы увидим ниже, формы главного храма приобрели распространение с этого времени в Кахетии. И это распространение, мне кажется, нельзя в значительной мере не приписать именно главной церкви Икалто, куда стекались в академию со всех концов страны.

Характерным и наиболее важным в отношении архитектурных форм является в этой церкви обособление четырех подкупольных устоев, свободно стоящих в центре храма. В применении этих форм сказывается слияние исканий, самостоятельных и между собой несвязанных в разных частях Грузии, в одно общее течение, сведение этих различных исканий в общие формы. Развития с различными, частью исходными формами сливаются в более или менее одинаковые формы в период расцвета, ибо народнопсихологическая основа у всех была одна. При этой общей схеме архитектурного плана, однако, сохранены детали, частности совершенно свои, кахетинские, имеющие большую и прочную традицию.

Прежде всего характерно, что алтарная абсида имеет в плане подковообразную форму. Эта же форма просвечивает в арках, наравне с полуциркулярной. Затем в притворе и портиках применен крестовый свод на удлиненном основании, как мы его видели в Вачнадзиан-

ской Квела-Цминда и увидим позднее в Алавердском соборе. Наконец, в южном притворе применены даже еще четыре угловых тромпы над низким квадратом, как то было в Гурджанской Квела-Цминда и в Хирсском монастыре Стефана, а также небольшие тромпы удержаны и в углах западного портика, что делает вполне обоснованным предположение, высказанное выше на основе анализа форм переделанного теперешнего купола, о первоначальном типе перехода от квадрата основания к кругу купола в самом храме также посредством четырех угловых тромп.

Все эти отличительные черты уже определенным образом указывают, что мы имеем дело в церкви преобразования с постройкой, еще во всех отличительных пунктах связанной и продолжающей традиции предыдущего периода, традиции в общем древней архитектуры. Из элементов строительных в этом отношении заслуживают упоминания, кроме того форма сечения столбов — крестообразная, и фронтонное завершение с горизонтальными, карнизными заворотами у углов. Но дело не в этих только разрозненных строительных элементах, а в том, что они преобладают в здании, что кроме них нет, можно сказать, никаких других, которые бы указывали на более позднее время. Но и помимо этого в самой композиции церкви, как целого, мы видим подход с отношением еще древнего периода к специфическим требованиям. По плану своему здесь есть только один престол в алтаре, а боковые комнаты абсид не имеют, они прямоугольны, т. е. служат исключительно прямому своему назначению — быть жертвенником и ризницей. И даже прохода в жертвенник прямо из алтаря не было первоначально: он прорублен позднее. Едва ли это можно объяснить тем, что для монастыря, где уже была вторая и даже несколько церквей, не было и надобности в таком дополнительном приделе в здании главной церкви.

Это — одна черта в композиции. Другая выявлена в западной части: церковь имеет специальный продольный притвор и только перед ним сделан портик, т. е. здесь еще функции притвора и портика не слились, вернее говоря, притвор еще имел смысл как таковой, а не стал просто папертью. Конечно, здесь в этом мотиве была найдена форма для компоновки по законам равновесия грузинской архитектуры. Но

была ответвлением Икалто, подтверждает запись одной рукописи, приведенная Е. С. Такайшвили, Археологические экскурсии и заметки, I, Т. 1907 (по-груз.), стр. 261.

³ См. ниже, гл. XI.

¹ Пл. Иоселлиани, Путевые заметки по Кахетии. Т. 1846, стр. 90.

² См. описание в ст. В. А. Гурко, Пещеры Телавского ущелья (с 6 рис.) в Известиях Кавказского Музея, т. IX, Т. 1915, стр. 169—185. Что церковь Шио

дело не только в этом. И это оттеняется тем, что притвор соединяется с лестничной клеткой для покоев настоятеля вверху. Этот мотив тоже, я думаю, в художественном смысле не заурядная вещь — он обличает дарование зодчего, решившего проблему так просто, прозрачно и без компромиссов во впечатлении. А проблема, конечно, обличает еще психологию древнего времени, вернее, перелома к новому: уже не довольствуются простым местом для жилья настоятеля в такой же келии, как и у остальной братии монастыря, но, с другой стороны, еще не дошли до требования для него роскошных, многокомнатных помещений. Здесь среднее между этими двумя крайностями психологических требований. И это зодчий решил вышеотмеченным сочетанием покоев настоятеля, состоящих из одной небольшой комнаты, с самым корпусом монастырской церкви¹.

Если, таким образом, все это приводит нас к заключению, что мы имеем в церкви Преображения дело с одним из древнейших примеров церкви с четырьмя свободно стоящими устоями купола в Кахетии, то вопрос о времени построения ее становится особенно интересным и многозначительным. Предположить построение ее в эпоху VIII—IX вв. после знакомства с памятниками этой эпохи представляется возможным только, предположив значительное восстановление храма в эпоху расцвета X—XII вв. И, действительно, весь набор элементов этой постройки и даже весь строительный материал — булыжник без сплошной облицовки тесаным камнем — тянут ее к этой эпохе VIII—IX веков. Другими словами, она стоит на рубеже от древнего к новому времени по своему плану и отдельным, сохранившимся от первоначальной постройки, данным композиции, которую естественнее всего отнести к VIII—IX вв. Только сохранением всего плана и нижних частей здания этого времени и последовавшим восстановлением купольной части только лишь в XIX веке можно объяснить наличие южного и западного портика с типичными формами древнего времени при парусах над высоким «лбом», под куполом самого храма; отсутствие какого бы то ни было орнаментального убора при наличии фрагментов роскошной алтарной преграды с фигурными композициями и орна-

ментальными обрамлениями, падающей на XI век, т. е. говорящий об украшении храма в XI веке². Что это был почитаемый храм в тот период, говорит также и указание на то, что кроме гробницы основателя монастыря Зенона здесь же находится у ног Зенона гробница Арсения Икалтойского, духовника Давида Строителя (1089—1125 гг.)³. Конечно, таково предание, но мы собственно не имеем никакого основания брать под сомнение это предание, ибо могила Арсения даже не выделена какой-либо отдельной надгробной плитой: естественно, что пиэтет был настолько велик в отношении Арсения, что традиция сохранила до XVIII века указание на место его погребения. Это сведение, однако, подтверждает мою мысль о том, что эта главная — при всей своей скромности — церковь есть постройка, выведенная еще задолго до Арсения над местом погребения Зенона, лишь испытавшая ко времени Арсения, может быть, восстановление.

Если так разносторонне приходится оговаривать отнесение главного храма в Икалто к группе памятников VIII—IX вв., то сделано это ввиду того доминирующего облика в целом, которое производит здание Икалтойской Гвтэба после различных ремонтов и переделок, облика, скорее выдвигающего предположение о более позднем времени возведения храма. Однако, после знакомства с Алаверди резче и определеннее выявится древность основы всего здания.

Теперь после выявления всех особенностей главного храма монастыря Икалто и установления хронологических вех в его строительстве, обратимся к показаниям тех двух надписей, которые находятся на его восточном фасаде и которые, хотя были зарегистрированы и сфотографированы уже давно, прочтены, как отмечено выше (стр. 346), только года два назад (по фото) Т. В. Барнавели, а затем в сентябре 1956 года выверены им на месте. Сделанное по прориси клише позволяет проследить все особенности начертания букв, сочращения слов и попорченные места надписи.

На верхней плите с изображением креста, вставленной на восточном фасаде храма, под

¹ Мне кажется, здесь справедливо вспомнить аналогичное устройство, имеющееся при главной пещерной церкви Гареджийского монастыря Натлис-Мцемели (см. Г. Н. Чубинашвили, Пещерные монастыри Давид Гареджи. Тб. 1948, стр. 49—50).

² Характерно, что маленькая церковь Квела-Цминда в монастыре имеет профилированное украшение прое-

мов (см. табл. 253), которое нам хорошо известно из целого ряда памятников XII—XIII вв. в Кахетии.

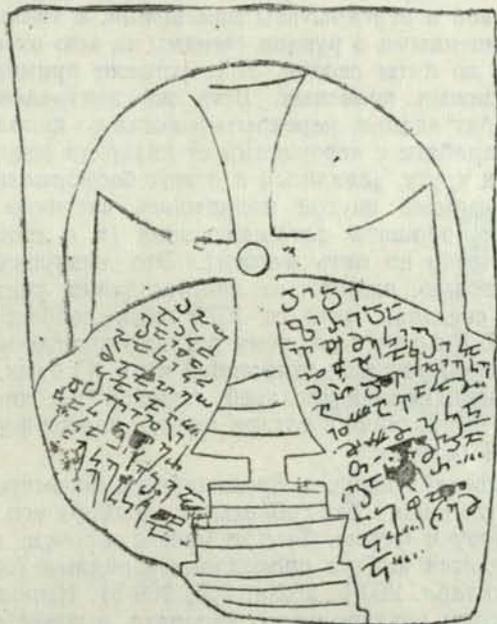
³ Вахушти. Description de la Géorgie, издание Броссе, СПб., 1842, стр. 318; Пл. Иосселиани, Путевые заметки по Кахетии, стр. 89; Муравьев, Грузия и Армения, I, стр. 193; Brosset, Voy., I, 76.

левым тяблом читается под титлом: *Крест Христов.*

✠ ✨ ✚ ✛ ✜ ✝

Надпись на втором красном же камне, заполняет свободные плоскости по сторонам нижнего тябла креста и его постамента. В левом столбце 10, а в правом 13 строк.

«Надпись весьма интересна с точки зрения написания. Она исполнена письмом нухури (строчным), но некоторые буквы (м, р, нот) сохраняют очертание письма асомтаврули (за-

главного). Характерным является маленький вынос слева верхней конечности букв. Палео-

графически надпись близка к надписям Убончи отчасти Гарбани и Агало¹, а в рукописях к письму завещания Синайского многоглава». В отношении манеры выноса слева верхней конечности букв она близко стоит по наблюдению Т. В. Барнавели к недавно открытой надписи на нижнем слое штукатурки в Атенском Сионе, которая точно датирована 837 годом².

Начало надписи и некоторые места в ней не читаются с несомненностью, как видно и по прориси. Т. В. Барнавели предлагает такое чтение с восполнением лакун:

I. მეოხებითა მოვანესა ვალახაქისა მნათობასა ცოდვილისასა ფერისა აღუშენა წმიდა ესე ეკლესია.

II. დიდი ჰირი დავთმე სივალახაქისა ცოდვილი ესე ლოცვასა მოიქცენეთ ფერემ და ვა[ხა]-როს (?), უფალნო ჩემნო.

т. е. II. *«мощью гивина убогого, при старосте грешном Перисе была построена эта церковь. Большую тягость перенес я по убожеству [своему]. Грешного сего помяните в молитве меня, Ефрема, и да возрадует [вас б. г.] (?), господи мои.*

Однако, начало надписи скорее заключает имя, а не слово «помощью», которое на таком месте применимо по отношению божественных персонажей; далее естественнее полагать не имя Перис, а обозначение места, где построена церковь; окончание текста тоже сильно пострадало.

К толкованию термина «мнатеоба» (при старосте) Т. В. Барнавели указывает на разыскания акад. И. А. Джавахишвили (История грузинского права, т. II, часть 2, стр. 61).

6. РАЗВАЛИНА ВАРЦАНИЙСКОГО ХРАМА

Выше селения Шильда в 4—5 км, в довольно густом, но не очень старом лесу, немного в стороне от ущелья реки Ведзис-Хеви, на некоторой возвышенности, находится сильно завалившаяся развалина небольшого купольного храма. Вся она снаружи и внутри заросла деревьями, ежевикой и др. Место это жители селения Шильда именуют Барцана. В документе кахетинского царя Александра от 1579 года,

которым он подтверждает имущественные права Мцхетской католикоской кафедры, среди громадного перечня церквей и монастырей упоминается также «в Ведзис-Хеви монастырь Варцанийский (ვეცის ვეცს მონასტერი ვაოცანისა)», а в копии другого документа с перечнем недвижимостей Мцхетской кафедры, относимом к концу XIV — началу XV века, этот «монастырь Варцанийский в Шильде» назван

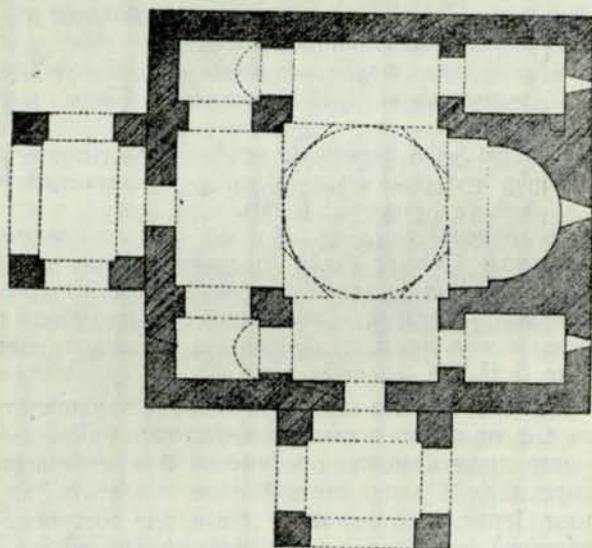
¹ Для последнего см. Каталог грузинских эпиграфических памятников государственного Музея Грузии. Т. 1953, табл. VIII. 1 (и текст № 37).

² Теймураз Барнавели. Надписи Атенского Сиона. Тб., 1957 (по-груз.), стр. 15—16 и рис. 12.

³ С. Какабадзе. Исторические документы, II, Тб., 1913 (по-груз.), стр. 51, строка 21 (несколько выше в

освященным в честь богородицы¹. Со слов жителей, действительно, в Барцана праздновали на второй день пасхи, т. е. как обычно в Кахетии «Квела-Цминда».

Описание.— По плану это был купольный храм, вписанный в прямоугольник с опорой купола на двух свободно стоящих западных устоях и на восточных выступах бемы, за которыми расположены прямоугольные поме-

План

щения пастофорий. Перед обоими входами были широкие портики с широко открытыми со всех сторон арочными проходами.

Сейчас это совершенно завалившаяся руина с громадными трещинами в удержавшихся частях стен. Стоят все четыре рукава — восточ-

ном же тексте — строка 15 — упоминается еще Варца; может быть то же самое, что Варцана). Тот же монастырь Варцанийский назван и в трех, приводимых под годами 1552, и в одном 1585 года сигеллионах у Т. Жордания (Хроники и др., II, 1897, по-груз., стр. 392, 393—394, 394 и 423—424); в этих текстах, однако, имеются исторические неувязки. А в Мцхетском документе 1464 года упоминается «Ведзисхеви с его кладбищем, монастырем, церковью Барцава» (Хрон., II, 283; Brosset, Voy., IV, 17-а, считает этот документ подложным).

¹ Хроники и др., II, 197; Brosset, Histoire de la Géorgie, Introduction pp. CXXVI—CXXI. Акты Кавказской

Археологической Комиссии, т. I, стр. 1—2, т. VI, стр. 769—документ этот тоже сохранил в указываемой дате неувязку с другими данными.— Самая развалина монастыря была впервые открыта экспедицией Отдела охраны памятников культуры Грузии в 1945 году. Предварительные данные о ней были сообщены в докладе Д. П. Гордеевым 3.XII.1945 года, когда он высказал предположение, что церковь возведена не позже IX—X веков и что в ней сохранились фрагменты двух слоев росписи XVI и X—XI веков (фигуры апостолов и святителей). Я работал на памятнике 15.VIII.1950, когда обмер сделали Н. Чубинашвили и Л. Рчулишвили.

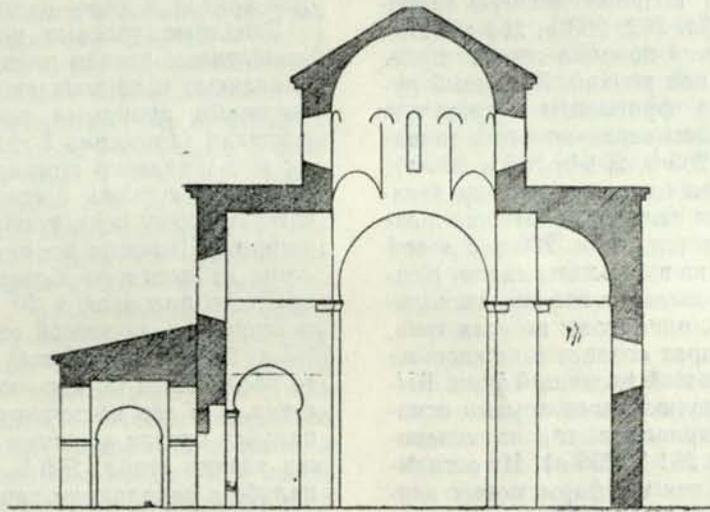
ный и северный со сводами, западный же стоял, но без свода, а южный обвалился даже в большей части стены. Угловые восточные помещения тоже уцелели неравномерно. Северо-восточное устояло все и даже удержался верхний его этаж. В юго-восточное же помещение (диаконник) попасть нельзя ввиду обвала южного рукава, но возможно видеть его кровлю со скатом на юг; эта часть не имела второго этажа, а отвечала по высоте и формам западной части южного фасада. Оба западных угловых за подкупольными устоями пространств устояли хорошо с арками проходов в них из рукавов и перекрытием помещений, а также с обращенными в рукава стенами на всю их высоту до пяти сводов, т. е. устояли примерно со своими кровлями. Весь же центральный квадрат здания, перекрытый когда-то куполом на барабане с переходами от квадрата основания к кругу, завалился и лежит бесформенными глыбами внутри, поднимаясь частично на высоту вершины алтарного окна (т. е. ориентировочно на пять метров). Это разрушение произошло, видимо, не так уж давно, учитывая сведения акта от 1579 года, сообщение Д. П. Гордеева, усмотревшего кое-где второй слой росписи, отнесенной им в XVI век, и, наконец, наличие поздней гажевой песочного тона штукатурки в алтаре, кое-где поверх фресковой росписи.

Выведена церковь Варцанийской богородицы из булыжника без соблюдения подбора его по размеру и форме. Тем не менее, впрочем, наблюдается кладка проходящими рядами (особенно табл. 260-b, 262-a, 265, 269-b). Импосты по углам подкупольного квадрата, в конхе абсиды, в арках западных угловых пространств пилены из ширины (табл. 261-b, 262-b, 263, 264, 266, 268). Встречается ширины кое-где и в кладке углов храма и, кажется, сводов угловых помещений (табл. 267). В глыбах обрушенных частей, кроме того, наблюдается применение кирпичных плиток. Они здесь, как и в базилике Санагире двух размеров, и так же попадают

оба размера непосредственно залитые в кладке рядом один с другим; сами размеры тоже те же, что и в Санагире, а именно $25 \times 25 \times 6$ см и $23 \times 23 \times 4,5$ см.

Абсида храма неглубокая, имеет в плане слегка подковообразную форму (табл. 261-а). Конха имеет сплошную полочку, образованную западанием пяты против отвеса стены. Очевидно, это — упрощенный прием для установки во время возведения свода палубы. Такой же прием наблюдается и в рукавах креста,

рокий проем, а снаружи это только щель. Посажено окно высоко, почти под самый свод. Вход в этот жертвенник, так же, как и в заваленный вход в диаконник, — с запада из рукава креста плана. Верхние части его разрушены (ср. табл. 262-а), но, судя по характеру этого разрушения, обрез входа был горизонтальный; здесь в проходе есть квадраты ширины и отдельные обломки кирпича в кладке. Свод в жертвеннике — коробовый, литой по палубе; гнезда для укрепления палубы уцелели в стенах. Как

Разрез с восстановлением

где у пят сводов тоже осталась такая полочка. Угловые же импосты абсиды — обычного профиля невысокой полочки и скоса (иногда с легким выгибом) и выступают над стеной. Перед абсидой — неглубокая бема, входящая по плану в состав восточных устоев купола (табл. 261-б и 263-а).

По сторонам абсиды — прямоугольные комнаты, из которых, как было упомянуто, обследовать можно было только северную. Она немного вытянута ($2,20 \times 3,00$ м), имеет две ниши в продольных стенах (южная — более высокая) и довольно длинное окно на восток с горизонтальным перекрытием из отдельных каменных перемычек. Внутри окно имеет ши-

видно через пролом свода, над жертвенником было помещение по второму этажу; оно также с коробовым сводом и освещается окном с востока, относительно широким и с арочным верхом. В это помещение второго этажа первоначально была сделана дверь из северного рукава храма, широкая, позднее заложенная под роспись, которая идет поверх нее и по стене. Одна сторона этой заложенной двери видна частично и в северном рукаве (табл. 263-а).

Помещение диаконника, в которое из-за завалов нельзя даже заглянуть, должно иметь, судя по фасадному контуру и наличию восточного окна, такую же форму и план, как и жерт-

венник¹, равно и ту же высоту помещения, что и жертвенник. По южному фасаду здания явствует, что на этом углу не было верхнего этажа, ибо уцелел *in situ* скат крыши на юг над этим юго-восточным помещением. Со стороны же завалов южного рукава, сверху, впечатлительное разрушенное верхнее этажа создавалось из-за невозможности пробраться через густую заросль.

Три остальных рукава храма одной формы, только западный немного глубже, чем южный и северный. Сохранился очень мало пострадавший от разрушения только северный рукав со сводом, несколько прогнувшимся, но позволяющим проследить его подковообразную первоначально форму (табл. 262, 263-а, 264-а). Под пятой свода выделяется полочка тем же приемом, что и в абсиде под конхой. Западный рукав имеет небольшие фрагменты и тронутую также уже разрушением верхнюю часть западной его стены (табл. 263-б, 264-б, 265 и 266-а). От южного же рукава едва видны из-за завалов и густой заросли только небольшие разрозненные части стен (ср. табл. 266-а с левой стороны) — почти все не выше пяты свода. Конструктивные черты возведения сводов, насколько можно проследить, одинаковы во всех трех.

Подкупольный квадрат создает в каждом из угловых устоев небольшой входящий угол. Выше импостов под подкупольными арками относительно хорошо сохранился только северо-восточный угол (табл. 261-б, 263-а). Из остальных подтверждением тех же форм может служить только еще юго-западный угол, сохранившийся, однако, в значительно меньшем объеме (табл. 266-а). Северо-восточный угол схождения двух подкупольных арок дает четко поднимающиеся отвесно стенки этого входящего угла на высоту почти до линии вершины северной подкупольной арки, которая сливается со сводом рукава и сложена из одного ряда булыжников, залитых раствором по палубе. Таким образом, единственная возможная система перехода от квадрата основания к кругу купола в данном здании — это троповая². Остатки поднимающихся отвесных стенок в юго-западном углу выше импостов арок тоже подкрепляют это заключение. Наконец, самое размещение кровель поверх свода северного рукава и поверх частично уцелевшего свода восточного рукава, т. е. конхи и несколько более высокого свода бемы, подтверждает это заключение, так как они лежат прямо на неболь-

шой (см 30 на-глаз) толщине свода (ср. фото на тех же таблицах).

Барабан купола имел сообразно величине здания небольшой диаметр в пять метров и предположительно был восьмигранный с четырьмя окнами, что в основном удовлетворяло требованиям освещенности помещения. Дополнительные источники света — окна в трех рукавах — были небольших размеров и помещались высоко под сводами как в западном и южном рукавах (от последнего была замечена одна притолока), так равно и в абсиде (табл. 261-а, 263-а, 265-б, 266-а). Западное окно имеет горизонтальный обрез верха спереди шиферной плитой, а далее из отдельных булыжников.

Западные угловые компартименты здания, выделенные позади подкупольных устоев и соединенные с примыкающими рукавами креста высокими арочными проходами, невелики по площади (примерно 2 × 2,5 м площадью). Арки юго-западного компартимента сложены из больших, хорошо отесанных и пригнанных в четкую форму подковообразной арки квадров ширины. Импосты же одной из этих арок сделаны из плотного блока булыжника, выступающего полочкой в 20 см высоты, а другой из ширины — полочкой со скосом (табл. 264-б, 265-а, 266-б). Коробовый свод в компартименте расположен по короткой оси, т. е. с юга на север, а в его восточном склоне сделана распалубка против арочного прохода в южный рукав здания (табл. 266-б, 267). Свод литой по палубе с западанием западной стены под ним для палубы, а стены выравнены штукатуркой. Арки северо-западного компартимента сложены частью из тесаных квадров ширины, а частью из плоских булыжников. Импосты обеих арок вытесаны из ширины и имеют профиль полочки со скосом, такой же как и импосты подкупольных арок. Форма этих арок ясно подковообразная, а обращенная в западный рукав имеет еще поднимающееся в вершине заострение (табл. 262-б, 263-б, 264-а). Свод расположен коробом, как и в юго-западном компартименте с юга на север, а в восточном склоне его выделена против арки в северный рукав распалубка так же, как и в юго-западном компартименте. По западной стене уступ у пяты свода сантиметров на 20—25, на него опирается палуба, по которой лит свод. Стены и подкупольный устой со стороны углового компартимента выведены из булыжника.

Храм имел два входа — с юга и с запада.

¹ На чертеже плана поэтому соответственно восстановлен.

² Д. П. Гордеев также высказался в своем отчетном докладе, что Барцана имела троповую систему под куполом.

Перед обоими входами были выведены открытые во все стороны портики. Сейчас ясную картину дает только западный вход и портик; южный вход завален и подступиться к нему невозможно, а от южного портика удалось увидеть один юго-западный его угол, примерно тех же форм, что и углы западного портика¹. Западный вход снаружи имеет горизонтальный верх, а изнутри здания возвышающуюся над ним подковообразную арку, сложенную из плоского булыжника в четкую линию (табл. 265-b, 269-a). Портик был создан четырьмя угловыми устоями (примерно 1 × 1 м), расположенными на расстоянии 3,25 и 2 м, и перекрыт высоким и коротким коробовым сводом, опирающимся на четыре перекинутые с устоя на устой арки. Арки эти четко выраженной подковообразной формы. Весь портик выведен из булыжника, а пять арок высечены из квадров ширины все той же формы полочки со скосом (табл. 268, 269). Все формы портика указывают о его одновременном построении с самим храмом, но вписан к нему. Об этом же говорит также то обстоятельство, что кровля портика имеет по западной стороне горизонтальный обрез и, видимо, только слегка повышается к стене храма: это создает определенно взвешенное сочетание масс (табл. 260-a). Портик этот, внешняя арка которого прогнулась (табл. 260-a), был подкреплён; а именно заложены, почти наглухо, боковые открытые проемы, а передний широкий получил подпорки с выделением входной сбоку двери и сверху открытой части, которые и видны не закрытыми зеленой на нашем фото. Судя по рассказам старожила, это было сделано одновременно с закреплением заполненного лонета у западного входа в храм, посредством деревянной балки, не менее лет 50—70 тому назад. Вероятно эти мероприятия предприняты ради обеспечения возможности совершать традиционное моление в храмовой праздник на второй день пасхи (или еще до обрушения храма?).

О наружном облике храма можно делать только предположения, подкрепляя их отдельными доступными установлению частностями. Фасады представляли собой простые гладкие поверхности. Никаких украшений не было. Окна восточного фасада никак не выделены — это простой прорез в стене. Стройматериал здания отличается по фасадам разнобоям. На северном фасаде создается впечатление, что не-

ровности его кладки выравнивали, затирали все гажей, подобно отмеченному на восточном фасаде Некресской трехцерковной базилики приему, а также приему, примененному тут же в Варцанийском храме в западных угловых частях (табл. 260-b). О форме карниза не могу ничего сказать точно — кое-где создавалось впечатление, что он был уступами, а кое-где чиненый кирпичом.

А н а л и з. — Храм Варцанийской богородицы продолжает в значительной мере ту линию развития купольной архитектуры в Кахетии, которая прослеживается от Хирсского Степан-Цминда в главном храме Икалтойского монастыря. Это небольшой опять храм с куполом, утвержденным при построении на четырех тропках, выведенный в основном из булыжника без соблюдения мастерского подбора его для четких, прямых, равномерно проложенных линий, а явно с учетом на затираание неровностей и создание, таким образом, больших гладких поверхностей. Не будучи в позднее время подновленным, и находящийся в ужасающе разрушенном виде, он представляет исследованию видные еще части незавуалированными, в отличие от Икалто.

По плану Варцанийский храм естественнее всего сопоставить с известными по старым материалам купольными храмами IX века в Артануджи и X в Хандзта в далекой, оторванной от нас Кларджети². Там, как и в Варцанийском храме, восточные устои купола сливаются со стенами бемы и пастофорий, а за каждый западный свободно стоящий устой ведут с обеих сторон, так же как и в Икалто, относительно не очень высокие арочные пролеты одинаковых размеров и высоты. В этой организации плана выявляется, сколько можно уже видеть, передовая тенденция грузинской архитектуры данной эпохи в решении небольших купольных композиций. Однако, ряд черт архаичнее, чем в Хандзта, с которой, конечно, архитектор Варцана не был даже и отдаленно знаком, и архаичнее также, чем главный храм в Икалто. К числу этих черт следует отнести создание всего двух входов — с запада и с юга, и при этом южного входа, как и в Икалто или в первоначальном Руисском храме, но в отличие от Хандзта, в рукаве креста по центральной его оси. Небольшие и сидящие высоко, частью под

¹ На чертеже плана южному портику условно даны те же очертания, что и у западного.

² Об Артануджи: М а р р, ТР, VII, Дн., стр. 95—97

и рис. 30 и 31, а о Порте, т. е. как выяснил П. Инго-роква, о Хандзта: Павлинов. МАК, II 1893, стр. 66—67 и табл. XXXIV—XXXVII и XXIV и М а р р, ТР, VII, стр. 146—150.

сводом, окна — такой момент в постройке, который ясно говорит об исканиях архитектора, а не о применении установленных, выработанных норм, так же как различное оформление восточных угловых помещений — с севера в два этажа, а с юга — в один.

Рядом с этим такие черты, как подковообразная в плане абсида храма, как подковообразные арки — большие подкупольные и малые в угловые компартименты, а равно арки входа и портика, как профиль импостов полочкой со скосом или даже просто полочкой, наконец, своды в угловых западных частях храма — коробовые с распалубкой, — являются характерными показателями именно еще времени, не достигшего установок развитого средневековья.

Наконец, отмечу еще две детали, которые вместе с приведенными решающими чертами тоже способны поддержать предлагаемое отношение данной купольной постройки к раннему времени VIII—IX вв. Это выступающая у северного края бемы по восточной стороне не-

большая пристройка, всего сантиметров в 30—40 шириной и высотой, которая как будто повторяет фрагментом своей формы постаменты для храмовых икон, как таковые известны по Бедийскому храму Баграта III и по другим. Затем высокое расположение небольшой ниши в абсиде, имеющейся на южном краю ее, не много ниже алтарного окна, необычно и, сколько знаю, не встречается в эпоху X—XIII веков.

Таким образом, наличные черты этой купольной постройки красноречиво говорят об эпохе различных исканий архитекторами, об еще ненайденных законченных ответах на выдвинутые культом требования — культом, менявшим свой характер и выставлявшим возрастающие по представительности и сложности архитектурные задания. Сопоставляя в целом данные о Бардана с рассмотренными выше купольным храмом Степан-Цминда в Хирса и главным храмом в Икалто, естественно считать и Варцанийский храм постройкой продвинувшегося отрезка данной эпохи, именно IX века.

7. АМАГЛЕБА БЛИЗ СЕЛ. ОЗААНИ

Описание.— Озаанская Амаглеба стоит в 2—3 км расстояния вне селения, в довольно густом лесу, на склоне гор и возвышается над зарослями леса. Она заброшена и в значительной мере тронута разрушением, хотя сохранила в большей части стен интересную роспись¹.

«В свое время храм был окружен оградой, охватывавшей его широким кольцом. Разросшийся лес, невысокий, но густой, заплетенный ежевикой и вьющимися растениями, не позволяет проследить контуры стен ограды, наличие которой устанавливается обрывком стены, сло-

женной из крупного булыжника, и полуразрушенным въездом, до сих пор стоящим у края тропы, ведущей к храму. Направление этой последней, по-видимому, отвечает в основном направлению старой, современной храму, дороги. Ориентируясь на юг, т. е. подводя посетителя к храму с северной стороны, она сворачивает при приближении к храму на запад и приводит прямо к входу в портик, выстроенный перед храмом»².

Общее впечатление храм производит внуши-

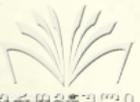
¹ Осмотрена впервые 7.VIII.1920 г., когда сделан и набросок плана с притворами. Единственное упоминание этой церкви повстречалось у А. С. Хаханашвили (МАК, VII, 1898, стр. 26), который говорит, что она была тогда «приписана» к Бодбийскому монастырю. Что касается его ссылки на Вахуштия, что у него «мельком» упомянута в Географии, но без имени «Амаглеба», то подтверждения этому найти не могу.

В последнем издании географии Вахуштия, вышедшем в 1941 году под редакцией Н. Бердзенишвили и Т. Ломоури, на стр. 340 среди добавлений по кодексу F, т. е. переписанному в 1816 году Давидом Инаншвили (S № 4990), приводится к стр. 97₂₅ основного текста следующее добавление, которое в переводе гласит: севернее Хорнабуджи, в горах, находится церковь вознесения (Амаглеба), великолепно построенная, купольная, неразрушенная и росписанная.

При окончательной обработке исследования у меня

встали вопросы по Озаани, которые требовали дополнительного обследования памятника. Поскольку мне это не удавалось долгое время самому провести, я направил с определенным поручением сотрудников Института С. В. Барнавели и Р. О. Шмерлинг, с которыми вместе проехал и сотрудник Музея Грузии П. Закарая. Привезенный ими в ноябре 1944 года материал (отдельные части письменного отчета я привожу ниже), выполненный в 1947 году для Отдела охраны П. Закарая полный обмер храма и фото Г. Ф. Бартышевского разяснили основные сомнения, но поставили новые вопросы. Посетив Озаани, наконец, вторично 27.VI.1950 г., я смог подвергнуть полному пересмотру первоначальное изложение, пополнить набор фото и отвести Озаани настоящее место.

² Из упомянутого отчета, написанного Р. О. Шмерлинг. Дальнейшие выдержки приводятся просто в кавычках.

гельное; этот центрально-купольного типа храм с массивными боковыми частями, поднятыми почти вровень с основанием фронтонов над рукавами креста, венчается относительно небольшим и невысоким куполом на восьмиоконном барабане. «Храм поставлен на открытой поляне, которая и теперь, когда лес подступает к стенам храма, все же не настолько еще заросла, чтобы отнять приятное ощущение простора. Особенно широка она по северному фасаду».

По плану Озаанская Амаглеба является так же, как и Варцанийская церковь, примером вписанного креста, где купол опирается на пару свободно стоящих столбов с запада, а с востока — на соединенные со стенами опоры. Однако, данные этого типа в Озаани развиты сильнее и законченнее в деталях. Бема выделена архитектурно сильнее; жертвенник и диаконник служили одновременно и приделами, так как в них выделены абсиды; над тем и другим имеются низкие помещения по второму этажу. Как было уже отмечено, корпус храма не только в части рукавов креста, но и в угловых частях, очень высок и строен при относительно небольшом барабане купола (табл. 270, 271-а, 272-а).

Центр храма составляет квадрат перекрестья с куполом (табл. 273). Он еще меньше, чем в Икалто и в Барцана (примерно 4,30 диаметр купола), но так же просто выделяет небольшой входящий угол в каждом устое. Четыре подкупольных арки имеют подковообразную форму, слабо выраженную так же, как и подковообразная арка абсидальной конхи (особенно табл. 275-а, б). Сами арки отделены от примыкающих сводов над рукавами креста, которые имеют коробовую форму.

Переход от квадрата основания к кругу купола образуют два ряда троп. Основные большие четыре угловых тропы имеют четкую форму конхи, без выделения арки и со скрытыми под штукатуркой уступами по краям треугольника основания (табл. 273-а, 274). Второй ряд из небольших восьми тропочек расположен несколько выше первого и образует непосредственный переход к кругу со слегка выступающей тягой-карнизом, поверх которого в круглом барабане прорезано восемь больших окон (табл. 274).

Алтарная абсида храма ярко освещена тремя большими окнами (табл. 273-а). Верх этих окон изнутри слегка тендирует к подковообразной форме, сильнее других в среднем окне; по

фасадам же они правильной полуциркулярной формы. Полукружие абсиды имеет внизу одну ступень. А в стене под окнами замечаются заложённые в одну гладь стены ниши. Ниша под южным окном, не совсем по оси его, заметная благодаря опавшей местами штукатурке, имела перекрытие конхой. Под другими окнами заметны частью прямые швы закладки таких же, видимо, двух ниш.

Престол в алтаре неподвижный, помещается в пролете бемы, имеет кубовую форму и сложен из такого же, очевидно, материала, что и самый храм, и оштукатурен. Пол алтаря и бемы, с которым связан престол, выложен был плитками изразцов, лет 30 тому назад еще большей частью оставшихся нетронутыми. Теперь остались преимущественно гнезда от их заливки. В посещение сотрудников Института еще были заметны «бирюзовые, желтые — цвета розоватой охры, и темнокоричневые с лиловым, а то и глубоким черным металлическим отливом, изразцы восьмиугольной формы, сопровождаемые треугольными вставками, заполняющими угловые промежутки. Как видно, строгость принятой системы кое-где нарушалась прихотью мастера: обнаружен разбитый на части изразец в форме ромба, покрытый орнаментом, в отношении рисунка, цвета поливы и техники исполнения родственным керамике из Дманиси¹. Другой изразец, треугольной формы, помещавшийся у северо-восточного угла между абсидой и бемой, также свидетельствует о том, что в изразцовой мозаике пола абсиды гладкие поливные изразцы сочетались с орнаментированными».

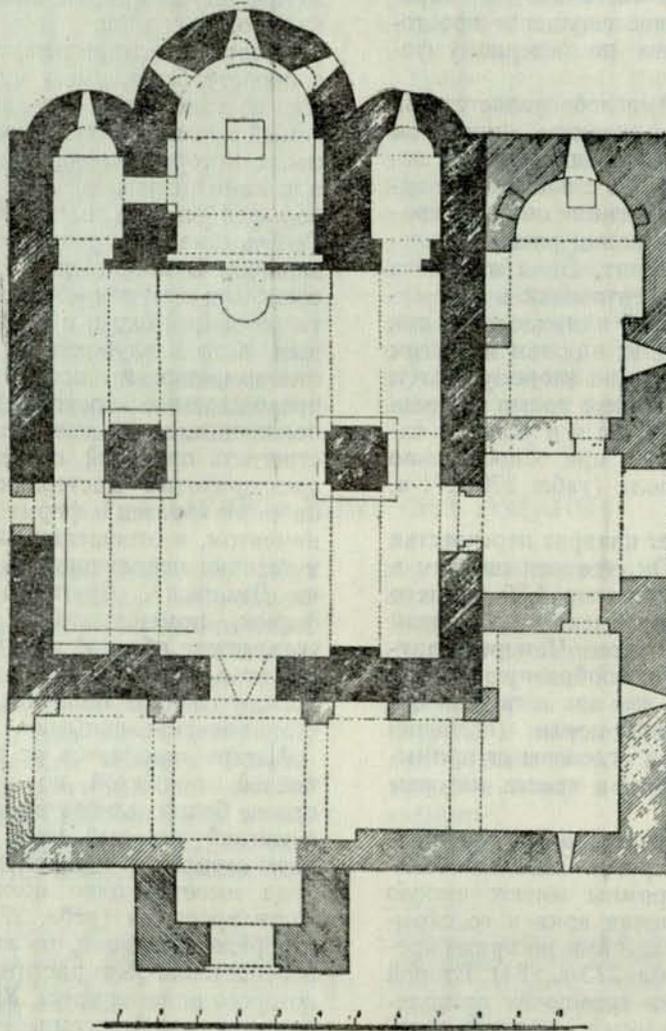
Алтарь отделяется от церкви гипсовой преградой, покрытой по этой мелко-зернистой основе белого алебастра, окрашенного, видимо, в мягкий розовый цвет, резьбой (с применением сверла). С каждой стороны среднего прохода имеется одно поле, поделенное на три части арочками (табл. 276). В каждой арочке изображен кувшин, из которого поднимается переплетающийся растительный побег, вверху которого вплетен крест. Углы над арочками заполнены орнаментами. Рама всего поля состоит из жгута и орнаментальной полосы. На лицевой стороне ступеньки перед алтарной преградой также были резные орнаментальные фигуры; так сохранилась одна целая «Соломонова печать» и часть другой, подобной фигуры (табл. 276-d). Над этой нижней частью стенки самой преграды возвышается надстроенная верхняя глухая стена из более мелкого калиб-

¹ См. книжечку З. Майсурадзе, Озаанская художественная керамика и ее место в грузинском средне-

вековом зодчестве. Тб. 1958 (с красочными иллюстрациями).

ра кирпича (23 × 23 × 5 см), которая (ср. табл. 273-а), очевидно, заполнила разрушенную к этому позднему времени поновления, примерно в XVI веке, сквозную аркатуру на колонках, по типу Шуамгинской и других резных гипсовых преград Грузии¹. «Исполнение

чае циркулем окружность кувшина. Строго симметричное построение композиции не создает ни в малейшей мере утомительного впечатления педантичного или механического повторения, настолько артистичен и свободен рисунок орнамента. Сочетание гладких плоско-

План

преграды блестяще во всех отношениях. Орнамент обрамления, резаный, как и все остальное, в податливом алебастре, блещет изяществом рисунка и техническим совершенством резьбы. Мастер везде прочерчивает волосяной линией среднюю ось композиции и везде наме-

стей с рельефной резьбой также способствует тому ощущению свежести и оригинальности замысла, который выделяет эту преграду из ряда других». Эта стенка древней алтарной преграды была и со стороны алтаря оформлена, на что указывает маленькая полуколонка, видная в застройке позднего добавления к преграде.

¹ Ср. исследование Р. О. Шмерлинг в 3 томе *Arch Georgia*, 1950.

По сторонам абсиды находятся жертвенник и диаконник. Оба служили одновременно также приделами — в них имеются абсиды. Арки абсид имеют как бы слегка подвышенную форму, так как не выделяются импостами при пятах. Входы из рукавов креста имеют небольшие заполненные люнеты (поверх деревянных балок). Жертвенник, кроме того, непосредственно сообщается с алтарем нешироким проходом. Проход этот сделан в широком алькове, имеющем перелом в вершине арки, тогда как арочный верх самого прохода имеет полукруглую форму как со стороны жертвенника, так и алтаря. В ризнице же на соответствующем месте в северной стене — глубокая ниша-полка, арочный верх которой тоже с переломом. «Сохранившаяся здесь штукатурка не несет на себе следов красочного слоя». Лаз в верхнее помещение над жертвенником, «также наделенное абсидкой и освещенное небольшим окном», находится при своде в западном конце у северной стены. Также и в диаконнике лаз находится у северной же стены при начале свода; но окна в верхнем помещении нет по фасаду.

Рукава креста храма, помимо хорошего освещения из больших окон в барабане купола, имеют каждый по окну — большому, высоко посаженному и дополнительно дающему много света в храм (табл. 273-б, 275-б). Западное окно было в нижней своей части заложено примерно на $\frac{2}{5}$ всей высоты и использовано для размещения частей росписи. По сообщению А. С. Хаханашвили, посетившего Озаанскую Амаглеба в 1892—95 годах, в окнах были «рамы алебастровые с прорезными круглыми отверстиями»¹. Я уже и в первое посещение их не обнаружил; обрывки же заметны и сейчас (табл. 270-а).

Наконец, и угловые западные части помещения за подкупольными устоями также имели дополнительные источники освещения — небольшие, поставленные очень высоко, под самым сводом окна. Такое их расположение, по видимому, было сделано с учетом намеченного возведения западного притвора. Эти окна приходятся непосредственно над скатом кровли соответствующих частей притвора.

Во внутреннем впечатлении пространства Озаани существенную роль играют также уцелевшие по стенам и в арках храма фрески. Только своды, а равно простенки окон в барабане, лишились покрывавшей их штукатурки вместе с росписью. Приведу замеченную мною 35 лет тому назад запись среди орнаментальных завитков на южной западинке алтарного полукружия в пять строк красивым мтаврული: ქრისტე ღმერთო, შეუნდვენ მიქაელს, ამბ. Христе господи, помилуй Микаэла, аминь².

Озаанская Амаглеба выведена в основном из кирпича с небольшим вкраплением кое-где камня. Из камня сложены наружные углы здания, углы рукавов; и кое-где по фасадам на уровне земли имеются крупные хорошо тесаные квадраты, видимо, песчаника. Но доминирующее впечатление определяется кирпичом. Это особенно проявляется в фасадном облике здания, где кирпич оставался ничем неприкрытым, и незатертым, тогда как внутри здание было оштукатурено, а позднее и росписано. Кирпич, видимо, по всему зданию одного размера, чуть больше $24 \times 24 \times 5$ см. Мне кажется, что колебания между 25 и 24 см не отражают какого-то расхождения в примененном материале первоначальной постройки. Кроме того, применен для полуколонок убора купола лекальный кирпич. По лежавшей 30 лет назад в храме цельной плитке такого, толщина его — $3\frac{1}{2}$ до 4 см, а размер 26×23 см, причем один конец закруглен и это закругление начинается с 18-го см. Наконец, кровля Озаанской Амаглебы была крыта полвными черепицами, причем лежавшие по краю имели специальную форму³. Как плоская, так и круглая черепица была — по сохранившемуся небольшому числу образцов — зеленого и коричнево-лилового цвета с большим разнообразием оттенков: «здесь налицо как тускловатый и светлый травянисто-зеленый, так и густой и темный, блистающий глубиной цвета сочный, — как настоящий коричневый кофейного оттенка, так и темный, близкий лиловому, слегка металлический в отсветах. Как круглая, так и плоская черепица снабжена маленьким круглым отверстием: при

¹ МАК, VII, 26.

² Т. В. Барнавели, скалькировавший эту надпись в 1956 году, совершенно справедливо замечает, что способ помещения и исполнения ее говорят за то, что она должна принадлежать художнику, расписавшему храм. Палеографические данные ее, как и подписей к изображениям, ставят ее — согласно его же за-

ключению — рядом с подписями Вардзийской росписи, т. е. она может быть отнесена к периоду перехода от XII к XIII веку.

³ Образцы были привезены в Кабинет Истории искусства Тбилисского Университета (ныне в Грузинском Гос. Музее Искусства).

накладывании ее на слой свежего цемента, последний вдавливался в это отверстие и, схватываясь, дополнительно закреплял черепицу на месте. У круглых имеется заостренный, уже не покрытый поливой конец, который служит цели связывания черепиц друг с другом при их накладывании поверх ряда плоской черепицы».

Фасады Озаанской Амаглебы очень просты и строги. Корпус здания составляет гладкая поверхность четкой кирпичной кладки с оттененными камнем прямыми углами, прорезанная только сильными линиями окон и дверей. А с восточной стороны такие же гладкие три закругления абсид—сильное полукруглое средней и небольшой сегмент круга боковых. Венчает корпус здания невысокий круглый барабан купола с восемью в прямоугольных западных стенах окнами, объединенными аркатурой на ординарных полуколонках; эта аркатура выполнена из лекального кирпича (табл. 270—272-а, б). «Лекальный кирпич использован также в прямоугольных обрамлениях окон и в кладке этих последних: в их вертикальных частях обыкновенные квадратные плитки чередуются с полукруглыми, лекальными. Оживляя однообразную поверхность кирпичной кладки, он остается на расстоянии неосознанным. Основание пояса окон деликатно подчеркнуто пояском, выложенным треугольниками. Ребра треугольников выравнены в одну поверхность с плоскостью стены барабана, тогда как боковые плоскости вдвинуты вглубь стены».

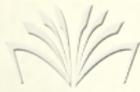
Окна в барабане, как и три алтарных окна, при большой ширине их внутри здания, и снаружи также внушительной ширины, тогда как окна в рукавах креста (северном, южном и западном) сильно сужаются наружу; они снаружи примерно вдвое уже окон барабана, но зато длиннее их примерно на $\frac{1}{5}$. Все эти крупные окна выведены вровень со стеной, в кирпичной кладке и с полукруглым верхом. Маленькие же окна в пастофориях имеют арочный верх, вырезанный из цельной плиты бледно-желтого песчаника, которая вложена так же вровень с плоскостью стены, как и остальной кирпичный абрис их (табл. 271), т. е. мы имеем здесь дело с упрощением строительных работ, а не с желанием украсить фасады этих абсид.

Три входа в храм были, видимо, одинаково оформлены. Южный и западный сохранились без значительных, изменивших бы их облик починок. Северный же существенно чинен и не дает поэтому возможности оценить значение входа в целом облике фасада, а между тем это возможно было бы только с северной стороны, где

фасад не застроен притворами и где он не заслонен лесом. Над ровным вырезом притолок в толще стены поднимается на некотором отступе четкая кирпичная арка в полукруг, а в этом люнете вставлена большая каменная плита с западанием против плоскости фасадной стены (табл. 272-с, 275-d). Изнутри же эти входные двери имели в глубине заполненный кладкой высокий люнет арки подковообразной формы (табл. 275-с). Для поддержания этих заполнений, в поздние века, и в южной и западной дверях подведены деревянные балки, а в южной еще нарастили для этого и притолоки. В северном же входе были внесены коренные изменения — он сужен в проеме и все наружное заполнение под аркой сложено вновь сплошной кирпичной кладкой, выделившей входную острую стрельчатую арку (табл. 270).

На северном и восточном фасаде кое-где заметны остатки чиненого карниза из углов положенных плиток кирпича, такого же, как и карниз на поздней добавленной стенке алтарной преграды. Все это, как и починка северного входа, примерно эпохи царя Александра, т. е. XVI века.

С запада и юга Озаанской Амаглеба выведены притворы, составляющие сейчас соединенные между собой помещения. Они достраивались, видимо, по частям. Выведены, конечно, вприслон к храму. Материалом служит такого же размера кирпич, как в кладке храма, и затем булыжник, примененные в перемешку как в кладке стен, так и в сводах. Притворы эти сейчас довольно сильно разрушены, но так как план их необычный, то выяснение и точное установление форм — масс и объемов — этих притворов заслуживает внимания. Сколько удалось уже выяснить в предварительном обследовании, западный, сейчас троеступный, притвор не соединялся первоначально с южным, а отвечал только протяжению самого западного фасада. Впрочем, и в этой части несомненны починки, а может быть, еще и этапы возведения. Средняя часть его, перед входом, выше боковых имеет самостоятельную двускатную крышу, а главное — выступает значительно вперед за линию фасада боковых частей притвора (табл. 272-а). Опорами свода боковых частей, открывающихся в среднюю, по стене храма служат пилястры с перекинутыми по ним арками; в северном отрезке одна арка, со стрелкой, довольно широкая (два с лишним метра), а в южном их две такой же формы, но значительно уже, на трех пилястрах до линии угла храма. Здесь заметна в кладке и известная разница строительного материала и позднее подведен-

ная подпружная арка, и другие искажения и неровности. Односкатная крыша около стены храма подперта в междусводном пространстве узкими кирпичными столбиками. В северной стене замечены явные починки поздним кирпичом.

Южный притвор перед входом в храм также имеет выделенную и повышенную против остальных часть под двускатной кровлей. Передняя арка — широкая, открытая во всю ширину; боковые же стенки имеют только проходы на восток и на запад. В восточной части устроен придел с абсидой в полный полукруг, четко и хорошо выведенной. Свод поддерживали по стене церкви две арки с легким изломом; самый свод был, видимо, коробовым. Освещали этот придел большое и широкое южное окно и второе в алтаре. В абсиде две ниши. Престол — неподвижный у стены. Имеется даже часть сохранившейся, кирпичной же, стенки, алтарной преграды. Западный, примыкающий к средней части отрезок южного притвора, был пристроен позднее, как видно по четкой границе кладки за устоем входной арки и между примыкающей здесь наружной его стеной. Формы этой угловой части с окном на юг и вторым, выше сидящим, на запад, имеют случайный вид. Таким образом, из единства оформления боковых наружных проходов из притвора перед южным входом в храм скорее всего предположить, что и придел был пристроен самостоятельно к стоящему уже портику. Ряд перебивающихся частей в примыкании, кажется, подтверждает это. Впрочем, как сказано, уделить обследованию этих притворов с западной и южной сторон храма надлежащее время я не смог, хотя считаю это чрезвычайно желательным и полагаю, что результаты будут ценными. Одним из основных вопросов мне представляется установление форм портиков перед входами, а именно — не были ли они первоначально высокие с центральной большой аркой и боковыми проходами (как в Икалто, Барцана); другим вопросом является выяснение назначения придела.

Анализ.— Из числа последних четырех храмов данного периода, которые делятся по решению на две группы, наиболее продвинувшимся вперед представляется Озаанская Амаглеба. Она увязывается меньшим числом нитей, менее крепко с предыдущим примером, примыкающим по своему плановому построению к той же группе, чем каждый из трех рассмотренных выше памятников IX века между собой и даже чем все они в группе памятников этой—

в напряженной борьбе — ищущей новых решений эпохи VIII и IX веков. Ряд определяющих художественный характер Озаанского храма черт увязывает его уже и с ведущим художественным характером монументальной архитектуры в Кахетии начала следующего периода, именно X века. Общий облик большой представительности, за которым совершенно незамеченным остаются небольшие размеры здания, законченная разработанность пропорций целого и отдельных элементов в нем, отработанная прочувствованная простота и цельность композиции и выполнения ее во всех частностях, выводят этот памятник за пределы эпохи бурных и мучительных исканий, да еще эпохи, ущемленной в отношении возможностей развития экономически и идеологически. Ввиду этого сильного сдвига, непосредственно ощущаемого при знакомстве с Озаанским памятником, прежде всего необходимо суммировать все показатели для хронологической увязки его, а затем можно остановиться и на собственно художественной стороне его, как ни трудно — особенно в данном случае — разъединить их.

Заключая отчет о работах группы в Озаани и относя постройку храма, несмотря на ряд замеченных противоположений, к первой четверти XIII века, Р. О. Ш м е р л и н г в целом так характеризует обследованный памятник. «Таким образом, в храм Амаглеба вложено все лучшее, что было в распоряжении ее строителя: хорошая, выдержанная, продуманная в целом и в деталях архитектура сочетается в нем с росписью, блестящей качествами, присущими лучшим стенописям ее времени. В нем применены поливные изразцы, появляющиеся в архитектуре грузинских храмов в начале XIII века и умело используемые зодчеством этого времени (Тимотес-убани, Киранц). Алтарная преграда храма блещет той оригинальностью рисунка ее орнаментации и той тонкостью исполнения, которые становятся редким в этой области искусства резьбы в данную эпоху. Учитывая все эти обстоятельства, характеризующие наш храм как постройку, созданную по заказу лица, не только не стесненного средствами и возможностями, но и обладавшего художественным вкусом (об этом свидетельствует хотя бы то, что заказчик не навязал строителю надобности украсить прекрасные своими строгими формами фасады храма), мы должны признать бесконечно досадной ту порчу киторских изображений, которая навсегда, быть может, лишила нас возможности заглянуть в историю того уголка Кахетии, где стоит храм. Какие исторические сведения могут пролить

свет на создание здесь в первой половине XIII века столь значительного в художественном отношении памятника грузинской архитектуры? Каков был тот населенный пункт, с жизнью которого была связана постройка и жизненные функции храма?».

Несомненно, что решающим в этом заключении о времени построения храма в первой половине XIII века явилась роспись с замеченым в ней изображением заказчиков в светских костюмах и головных уборах. Роспись сопоставлялась в двух ее частях с росписью Икви и Кинцвиси, т. е. XII—XIII вв. Но, конечно, какого-либо доказательства того, что роспись одновременно храму, у нас нет. Напротив того, нужно учесть отмеченную выше закладку западного окна на две пятых его высоты, произведенную с целью получения сплошных поверхностей для размещения композиции росписи, затем такую же закладку, наглухо и вровень со стеной, трех больших ниш в закруглении абсиды, задуманных и выполненных при построении, по-видимому, как сидения для слушателей культа; наконец, отмеченное в отчете же наблюдение, что жертвенник и диаконник, хотя и были оштукатурены, но «росписи в этих помещениях, видимо, и не было — сохранившаяся здесь штукатурка не несет на себе следов красочного слоя». Все это скорее говорит как раз о создании росписи в более позднее время. Изображение жертвователей с моделью храма на руках, сделанное в давно построенных зданиях — вновь или впервые — не столь редкое явление: напомним роспись Ркони, Мартвили или в Кахетии главного Некресского храма, Алванского Натлис-Мцемели. Восторженная характеристика алтарной преграды сама уже заключает в себе оговорку в отношении отнесения ее к XIII веку, хотя и она, конечно, вопроса о создании решить не может, равно изразцы пола в алтаре¹.

Не ускользнуло от внимания исследователей несоответствие в формах и размерах барабана с куполом с размерами самого корпуса здания, разрыв между ними с точки зрения установившихся в купольных храмах XII—XIII веков соотношений; они прямо заявляли, что это накладывает «отпечаток, неприсущий эпохе». И действительно, именно, исходя от купола пришлось шаг за шагом пройти все пункты, дававшие возможность хронологического определения

здания, что привело меня к иному выводу. Действительно, как раз от эпохи XII и первой половины XIII века в Грузии сохранились купольные постройки с нетронутыми вовсе или в большей мере куполами, так что о пропорциях, а равно и декоративной разделке их не может быть никаких расхождений или недоумений. Купола таких зданий, как Икорта, Бетаниа, Цугругашени, Питарети или Кинцвиси, Тимотесубани составляют, как заметили еще сто лет тому назад художник Г. Г. Гагарин и архитектор Д. И. Гримм, примерно такой же высоты внутреннее пространство, как и высота пространства в рукавах креста самого здания, а по наружным массам составляют незначительно меньшее по высоте, чем корпус здания, представляя центральный, доминирующий массив всей композиции. Озаанский купол резко отступает от этих соотношений и приближается к значительно более ранним, как пропорции куполов X, IX, и VIII веков, например, купола храмов в Ошки, Калмахи (иначе Ваче-дзор), Долис-кана, Эни-Рабати, Хандзта, Опиза²; Вачнадзиани, Гурджаани, Теловани. И как раз на сравнении куполов Гурджаанской купольной церкви и главной, купольной, церкви Вачнадзианского монастыря Квела-Цминда, т. е. памятников, определенных выше — один на VIII, а другой на IX век, стоящих на разрыве в 100 лет примерно друг от друга, ярче всего и выступает примыкание Озаани к памятникам конца IX века. Купол Озаани значительно более весомый, чем купола Гурджаанской Квела-Цминда и даже чем купол Вачнадзианской. В них нет еще и выделения карниза при основании купола, как видим его в Озаани, а также в Некреси или в Армази Ксанского ущелья, точно датированного 864 годом³.

Если же сравнить аркатуру на барабане Озаанской Амаглеба с такой же на Кинцвисском кирпичном же храме XII—XIII вв. в Картли, то разница несомненна: в Озаани она, мало выступая, просто наложена на стену, тогда как в Кинцвиси она пластически сильно выделена и имеет еще в каждой арке прямолинейный уступ, не говоря о том, что в Кинцвиси арки стройнее, уже, как и окна в них. Другим очень характерным моментом, тянущим этот купол хронологически вперед, являются его восемь окон. Ни в Калмахи, ни в Вачнадзиани или Хандзта, ни даже в Долис-Кана и Эни-Рабати

¹ В своей большой работе, законченной в 1956 году об алтарных преградах в Грузии, Р. О. Шмерлинг привлекла после повторного изучения на месте также и Озаанскую алтарную преграду, определив ее на осно-

вании детального анализа резьбы и мотивов как произведение X—XI вв.

² МАК, III; TP, VII, Дневник; Album d'architecture géorgienne, 1924.

³ См. Ars Georgica, 1, 1942.

010136344
010136344

ти нет такого их числа, а всего только четыре. Этот новый, медленно утверждающийся, элемент объясняется в Озаани, по-видимому, сильно протупившей тенденцией эпохи — в противовес полутемным помещениям Цирколи или Ксанского Армази и Гурджаанской Квела-Цминда — дать много света сверху здания, из центра через окна в барабане купола, как было освещено помещение Варцанийского храма и главного храма Вачнадзианской Квела-Цминда, а также несомненно Икалтойской Гвтээба и Хирского Степан-Цминда. В куполах же XII и XIII веков имеется уже много, не менее 12 высоких окон в высоком барабане купола. Но рядом с этими элементами, определяющими включение Озаани все еще в группу памятников VIII и IX веков, а не выраженного X, — не только что XII, XIII — решающим представляется мне угловой переход от квадрата к кругу купола. Настоящую четкую тромповую систему, где в четырех углах квадрата основания стоят четыре тромпы крупных размеров, а затем еще в удвоенном числе один-два ряда малых тромп, до сих пор в Грузии дальше IX века обнаружить не удалось. Озаанская Амаглеба и в этом отношении отмечена интересными деталями, определяющими намечающийся переход к иному художественному восприятию: вместо четких, прямых внутренних граней барабан внутри такой же цилиндр, как и в Некреси; а своеобразно этому второй ряд из восьми тромп расположен не сверху, не непосредственно под основанием купольной полусферы, а над четырьмя большими угловыми тромпами под небольшим карнизом в основании барабана. Так, рядом с элементами относительно раннего времени и в основном еще четких классических установок художественного восприятия, выявляются сдвиги в деталях или дополнительных сторонах, которые нельзя иначе расценить, как рождение и проявление живописных интересов, т. е. аналогичное отмеченному выше для Вачнадзианской Квела-Цминда явлению.

Наружная разделка барабана купола опять по основным элементам хорошо сопоставляется с другими памятниками эпохи, хотя включает кое-что такое, что привычнее было бы отнести к X веку. Барабан — и снаружи круглый; отделан он аркатурой из восьми арок на колонках. Колонки эти не двойные, а одинарные, чему параллель имеется в небольшой купольной церкви Джвар-патисани VIII—IX вв. на

месте выморочного селения Теловани близ с. Ксовриси Мцхетского района. В отличие от последней они не имеют ни баз, ни импостов: обстоятельство чрезвычайно своеобразное, которое естественнее всего пояснить новизной, неотработанностью этого архитектурного элемента. Колонки и арки выведены из лекального кирпича, причем начало двух арок над ординарной колонкой подготовлено постепенным расширением колонки; оно сложено из частей двух лекальных в полукруг кирпичей, но притом не выделено как звено, не является импостом или капителью. В памятниках Кахетии X, начала XI века, как Кветера, Бочорма, купол Кисисхевской церкви, колонки двойные с выделенными капительками и базами, т. е. этот излюбленный, начиная с VIII или IX века, декоративный элемент грузинской архитектуры, сравнительно поздно докатившийся до Кахетии, все-таки в X веке и здесь освоен во всех мелочах. Пожалуй, прямоугольные заглабления кладки в каждом звене аркатуры законно сопоставить с аналогичной разделкой купола Некресского храма, а также опять памятника IX века купола Канчаевского Кобени¹.

На то же раннее время указывает подковообразность основных арок, не сильно выраженная и к тому же в ряде мест скрытая штукатуркой, наложенной для росписи. Она естественно продолжает линию Гурджаани, Вачнадзиани, Хирса, Икалто, Варцана. При этом характерно, что ни одна из этих арок не дает декоративного подъема в вершине, как кое-где еще в Гурджаани или в Варцана и Ксанском Армази². И другие мелкие элементы подтягиваются к параллелям указанного времени, например, крестообразные в сечении устои под куполом в Икалто, или три выступающие полукругом абсиды с тремя многогранными в Вачнадзиани и тремя полукруглыми близлежащего Бодбе. С Вачнадзианской Квела-Цминда в оформлении восточной части Озаанскую Амаглеба связывает еще и устройство трех больших окон в алтаре. Вообще большие окна в Озаани имеют прямую параллель с большими окнами Вачнадзиани, с пропорциями этих окон и с приемом расположения их по фасадам. Наконец, совсем мелкие частности, как большие каменные доски в тимпанах входов в храм, и как бы обрамленные основной кладкой стены, вызывают на память совершенно единичный аналогичный прием в верхней части восточного фасада в Цирколи³. Сильное повы-

есть стальные заглабления, арки которых в вершине дают перелом.

¹ *Ars Georgica*, 1, 1942, табл. 7 и 8.

² Впрочем, отмечу, что в жертвеннике и диаконнике

³ *Ars Georgica*, 1, 1942, табл. 3.

шение угловых частей, близкое к высоте рукавов храма и аналогичное подходу зодчих Вачнадзиани и Хирса, и по своей тенденции схожее с повышением в Гурджаани или Цирколи. Ведь в Озаани крыша западного рукава, по-видимому, переходит прямо на прилегающие части заполнения прямоугольника плана.

С другой стороны, к числу отмеченных выше черт, тянущих Озаанскую Амаглебу вперед, на сопоставление с памятниками X века, как восемь окон в куполе, круглая форма его внутри и снаружи, можно назвать еще несколько дополнительных: равномерное устройство над пастофориями помещений по второму этажу, соединение проходом жертвенника с алтарем, выделение в пастофориях абсид, т. е. приспособление входов с юга и с севера не по центру рукавов креста плана, а в западной части храма, даже значительное сужение окон кнаружи. Однако, ни одно из них, ни все вместе, не представляют действительно решающего или хотя бы веского показателя. Помещения над пастофориями — низкие; южное не имеет даже выявленного на фасаде источника освещения; внутри храмового помещения никак не отмечено их существование; попадание в это помещение осуществляется через отверстие в своде. В Бардана уже намечалась эта строительная черта, хотя там она была архитектурно совершенно еще не освоена.

Таким образом, несмотря на ряд черт в застройке Озаанской Амаглеба, которые можно легко указать в сооружениях X и частью следующих веков, она характеризуется в основном рядом других, решающего в архитектурной композиции значения элементов, которые не позволяют передвигать хронологическую границу ближе IX века. Однако, художественно-архитектурная разработка данного сооружения настолько закончена, что сразу создается впечатление создания блистательной поры развития грузинского искусства, а при наличии росписи одного мастерства с несравненной художественностью росписи начала XIII века в Кинцвисском храме, к тому же тоже сплошь построенного из кирпича, вполне понятно, что могло создаться впечатление ансамбля именно этой эпохи. Но этот ансамбль архитектуры и живописи исторически сложился, а не создан одновременно по единому замыслу и плану. Что же касается архитектурного произведения Озаанской Амаглеба, то нельзя забывать, что в конце того же IX века в Кахетии создано исключительно художественного мастерства

архитектурное произведение — совершенно единичное — купольный храм Вачнадзианского монастыря Квела-Цминда, т. е., что эта эпоха была уже творчески исключительно сильна — и богата.

Озаанская Амаглеба, не представляя по разработке плана храма ничего исключительного или нового, придавала и ему те общие черты простоты и сдержанности, заостренных и одновременно спокойных соотношений, которые являются яркими показателями законченности, зрелости и большого дарования мастера, ее создавшего. Размеры подкупольного квадрата определили и здесь построение частей плана — протяжение его на запад за подкупольными устоями, имеющими четкую крестообразную форму, равномерную во все четыре стороны, а также протяжение на восток до начала абсиды: каждое равно стороне квадрата. Протяжение же по поперечной линии равно за столбами примерно $\frac{1}{3}$ стороны подкупольного квадрата. В алтаре выделена бема за дополнительной парой пиластр. Из входов в храм боковые ведут в западную часть помещения, позади подкупольных устоев, т. е. в этом приеме проступает, как и в устройстве трех окон в алтаре, тот же новый художественный интерес, который особенно сильно выявится на переломе X и XI веков и который тогда окончательно оформится как новый стиль в грузинской архитектуре. Зачатки его на тех же местах, т. е. три алтарных окна и сдвиг с центральной оси к западу дверных проемов, были уже отмечены в Вачнадзианской Квела-Цминда.

Внутреннее пространство Озаанской Амаглеба венчает купол, относительно невысокий и неширокий, но прорезанный восемью большими окнами, которые и обеспечивают в основном хорошую освещенность помещения. Другие, тоже большие, окна — в алтаре и высоко в рукавах — являются только дополнительными, создающими игру и свободно изменяющими четкость и примененность частей. Отдельные архитектурные формы внутреннего пространства просты и лаконичны. Арки — сильные, широкие, без дополнительного членения, т. е. они полностью даны из классического ощущения.

Пропорции данного храма наиболее просто и четко читаются по фасадам. Сами фасады совершенно гладкие, без каких-либо декоративных украшений или выступов, но протяженные плоскостей, высота их, размещение оконных проемов отличаются большой соразмерностью. Оконные проемы представляют собой простой прорез в равномерной кирпичной клад-

ке, сохраняющей свою гладь. На трех гладких фасадах окно помещено в верхней части рукава креста. Стройный прорез этих крупных проемов и соотношение к глади стены найдены архитектором, и потому данное простое решение воспринимается как нужное и естественное. Восточный фасад, не составляющий гладкой поверхности, а оформленный тремя полукруглыми разного размаха, среди которых средний доминирует, существенно и сильно выступающая вперед и поднимаясь вверх, дополняется опять стройными, найденных пропорций к выступам и размерам всего храма окнами. Окна никак не обработаны специально, только верхняя полуарка сложена из кирпичей лучеобразно, но все так же в одной общей плоскости стены. В описании были отмечены детали отделки окон в барабане купола, заметные лишь при очень внимательном рассмотрении. Точно также следует отметить другой примененный на барабане купола, столь же мало заметный прием, который, однако, определяет законченность впечатлений и опять говорит о большой тонкости архитектора Озаани. Это — проведенная в кладке его, в основании аркатуры и окон, полоска из одного кирпичного

ряда, где кирпичи положены углом в общей плоскости стены барабана, так что боковые плоскости кирпича уходят вглубь стены под углом. Этим приемом завершается построение барабанного членения.

Таким образом, в целом Озаанскую Амаглеба характеризует строгое, классическое решение композиции, как в отношении внутреннего пространства, так и наружных масс и декоративной разделки фасадов, с добавлением небольших сдвигов, которые дают возможность появлению отдельных живописных эффектов и переливающихся переходов; которые показывают появление известного интереса к меняющимся освещенности и затененности то одних, то других мест; которые знаменуют отход в каких-то частичных пунктах от четкости фронтального рассмотрения и построения. Другими словами, это не памятник четкой стилистической оформленности при всех высоких художественных его достоинствах, но зато памятник в высшей степени интересный и ценный, как показатель определенного исторического процесса и четкой направленности исканий.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в настоящей главе храмы составляют, как отмечено с самого начала (см. гл. I) и как показано в разборе каждой из церквей, переходную группу от древнейшего, односложного, так сказать, типа к выработанному, сложному типу, даже типам, среднего зрелого периода развития грузинской архитектуры вообще и в Кахетии в частности. Поэтому до детального знакомства с памятниками зрелого периода наше обобщение не может быть законченным и убедительным. Оно может быть только предварительной сводкой, формулировкой тех тенденций развития, которые я считаю определенно выявляющимися в ходе времени. Конечно, и эти тенденции намечаются и выявляются уже и ранее и продолжают много позже. Но тут вопрос в относительной силе их выявления, в комбинации их самих. Затем известные формы архитектурной композиции являются решающими здесь для определения. Ко всему прибавляются отдельные частные детали.

Прежде всего совершенно определенно видно, что прежняя простая, прошедшая ряд стадий своего развития и изменения, форма купольной церкви центрального крестового плана оставлена и делаются попытки создать новый тип плана, который отвечал бы назревшим

требованиям церкви в усложненном, многочленном и многосоставном церковно-храмовом организме. Тенденция усложнения уже нам известна значительно ранее, например, в Ниноцминдском соборе. Но там усложнение не идет за счет совершенного отказа от основной центральной формы плана, а, наоборот, есть только развитие и именно ее. Теперь же — как показано, на каждом из примеров — или происходит воссоединение двух типов церковных строений: купольного и базиличного, или же идет развитие типа «вписанного креста», как его назвал Габриэль Милле, впервые в Грузии представленного таким выдающимся памятником, как Цромский храм VII века. Происходит, таким образом, попытка создать нечто новое в смысле плана и в связи с этим, конечно, и в отношении самого пространства. И здесь как раз отсутствие в первой группе строений выравненности в сочетании двух разнородных тенденций указывает в некоторых примерах на нащупывание, можно сказать, решений, искания их в этом направлении. С другой же стороны, как в Вачнадзианской Квела-Цминда, мы видели первое монументально-законченное творчество, отвечающее новым запросам и требованиям, которое — как такое начальное выражение — еще не уловило тех форм, которые

могли бы стать и, действительно, стали типичными для всей зрелой архитектуры Грузии. Таким образом, по всем руководящим в культурно-политической жизни Грузии провинциям выявляется в означенное время прежде всего чрезвычайное усложнение планов и пространств церквей, построенное главным образом на комбинации центрального принципа с формами удлиненных по плану храмов: причем это сочетание достигает в разобранных памятниках вполне законченного целостного впечатления.

Наравне, рука об руку с этим усложнением плана и расширением внутреннего пространства церкви проявляется уже в это раннее время специфически кахетинская черта в грузинской архитектуре — повышение здания, вытянутые пропорции его, в частности сильное повышение купола. В Некресской купольной церкви это явление выявилось с полной силой и отныне остается характерным признаком архитектуры Кахетии. Что эта тенденция в отношении купола тоже не сразу стала господствующей, видно хотя бы на примере Вачнадзианской церкви, где купол сравнительно с Некресским невысокий, как и в Озаани.

И в отношении декорирования здания нельзя не отметить определенного движения даже в архитектуре Кахетии этого времени. Прежде всего прием отделки углов плитами желтоватого ноздреватого камня ширины, применяемого здесь уже с V и VI веков, приобретает особенно широкое и различно-вариированное применение. Характерной параллелью к этому явлению нужно считать тщательную отеску камней для углов, пилястр, столбов, подпружных арок и т. п., которую встречаем в противовес грубой и не очень ровной кладке остальных частей здания в архитектурных памятниках Кларджетии IX же и X века, как, например, Хандзта (по Марру—Шатберди) или Долис-Кана¹. Характерным примером декора является в эту эпоху создание неглубоких ниш в стенах с арками сверху на капителях, причем арки имеют ярко выраженную подковообразную форму. Этот переход в применении подковы для декора как раз особенно характерен: благодаря ему вскоре совершенно отмирает применение подковы в конструкции. Процесс здесь общий, получивший во всемирном искусстве свое наиболее известное выявление в мавританском искусстве, специфической формой которого называют подковообразную арку.

Если таковы, с одной стороны, прогрессив-

ные явления в памятниках рассмотренной группы, заставляющие нас определенно подводить их к эпохе зрелости, то с другой — мы видели и ряд черт и свойств, которые показывают привязанность их к древним нормам. Такова прежде всего форма и высота куполов Гурджаанской Квела-Цминда: в них еще нет в противовес Некреси никакого отражения характеризованной выше нами тенденции. Купола имеют наиболее архаичный вид, а между тем в ряде других черт Гурджаани несомненно соединяется, сцепляется с Вачнадзиани, Некреси, Хирса. Архаичность куполов сказывается еще и в том, что свод в них, как предположительно и в Хирса, применен сомкнутый, а не собственно купольный, что нами было найдено в одном из памятников начального периода. Как сказано, и купол Вачнадзианской Квела-Цминда, и купол Озаанской Амаглеба не далеко ушли от Гурджаанских. О куполах Хирса, Икалто и Варцана, к сожалению, судить нельзя.

Но особенно выразительно видна эта связанность, эта зависимость от ранее выработанных форм в полном анализе Гурджаанской Квела-Цминда, который вскрывает в зодчем несомненно большой незаурядный талант, большое дарование, но наравне с этим полную невозможность для него осилить, преодолеть все вставшие перед ним при соединении купольности с базиличным корпусом проблемы и реальные трудности.

Конечно, по сравнению с выявившимися общими новыми тенденциями развития архаичные переживания очень незначительны, но иначе и быть не могло: в этом-то и проявляется жизненность развития, в этом-то и осуществляется сама прогрессивность новых явлений, что все старое почти, а частью даже и совершенно, отбрасывается или перерабатывается до неузнаваемости и вместе с этим в каждом из памятников обнаруживаются те сдвиги в художественном подходе к решению общей архитектурной задачи, которые получили полное выражение и развитие только в следующую эпоху. Вот почему полное несомненное сознание того, что эти церкви есть лишь переходное явление, может быть окончательно установлено только в результате рассмотрения памятников зрелого развития стиля в среднюю эпоху X—XIII веков.

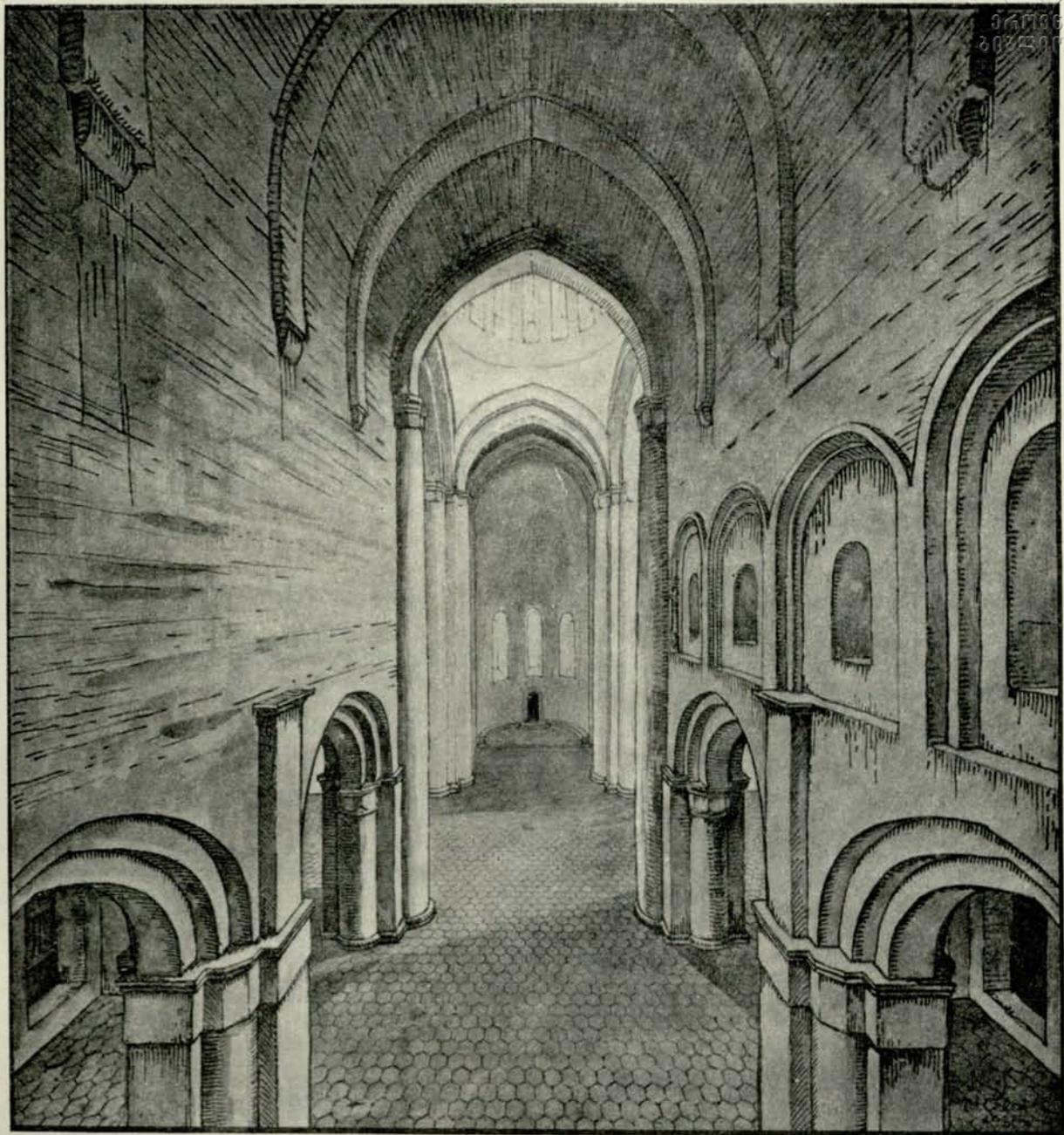
Однако, наравне с этим уцелело несколько примеров построек этой же эпохи, являющихся исканиями архитекторов как раз в фор-

новании его радикальную переделку, в частности храма в Хандзта, который он считал за Шатберди (ТР., VII, Дневник, стр. 146, 148, ср. стр. 184—185).

¹ Это отличие отделки настолько пригнуто, что акад. Н. М а р р полагал возможным утверждать на ос-

мах, которым в дальнейшем суждено было стать типичным решением крупного купольного храма. Конечно, сперва это только общая схема, конкретные же решения ее в создании композиции чрезвычайно многообразны и путь достижения унификации очень интересен и достаточно показателен. Заслуживает особо быть отмеченным, что купольный храм Хиресского Степан-Цминда, переделанный из частей трехнефной базилики, кладет в основу сложный план с удлиненным западным рукавом и очень разработанной восточной частью здания.

Три же других храма — главный в Икалтойском монастыре, в Варцанийском и в Озаанской Амаглеба — кладут в основу план вписанного в прямоугольник креста, едва вытянутый по оси с востока на запад. Каждый из них по разному решает архитектурную задачу — особенно индивидуально в Икалтойской Гвтэба, а в художественном отношении совершенно уже закончено в Озаанской Амаглеба, которая представляет параллель монументально-законченного творчества к Вачнадзианской Квела-Цминда.

АЛАВЕРДИ. Перспектива кафедрала

Чертеж Н. П. Северова

ГЛАВА VII

КУПОЛЬНЫЕ ЗДАНИЯ X—XIII ВЕКОВ

Десятый век представляет собой в истории грузинской архитектуры резко выделенную грань. Из значительного числа творчески-выдающихся архитектурных исканий и созданий, располагающихся на протяжении ряда веков, выделился, наконец, тот архитектурный тип, который становится доминирующим во всей последующей грузинской архитектуре, что касается основной разбивки и основных принципов композиции. И вместе с этим установлением общей архитектурной формы, другими словами, с прекращением исканий конструктивного порядка — происходит концентрирование внимания зодчих прежде всего на исканиях новых архитектурных комбинаций, а затем и на определенно устанавливаемом, неустанно и быстро ширящемся применении принципа тщательной, систематически продуманной и проводимой декоративной отделки храмов во вне орнаментами. Отныне почти все художественно-архитектурное творчество уходит вначале — первые века — на создание в пределах выработавшихся более узких рамок архитектурной храмовой формы тех или иных композиций, а затем, кроме того, сперва только в дополнение к ним, а позднее как единственное выражение художественного творчества, на разработку системы декоративного убранства фасадов и на развитие отдельных орнаментальных мотивов. Из согласованного композицион-

ного сочетания этих двух элементов и устанавливается, вырабатывается то художественное, ярко-выраженное и индивидуально-характеризованное целое, та особая физиономия, которая определяет полноценность стиля архитектурных произведений этой эпохи в Грузии. Оба этих элемента наблюдаются по всей Грузии, только в Кахетии мы имеем — как легко понятно по предшествующему изложению — отсутствие обильной орнаментальной декорации; вся указанная тенденция к декоративности получает на почве Кахетии свой особый поворот, она отливается в иные формы, именно становится нераздельно связанной с самими архитектурными композициями форм, с выбором их. Только незначительное внешнее членение зданий и редкие декоративные, а кое-где даже сами орнаментальные украшения приближают и архитектуру Кахетии названного времени к общегрузинской.

Указанный в этих нескольких общих положениях кардинальный этап развития грузинской архитектуры был достигнут постепенно. Другими словами, этот новый этап — зрелого средневекового стиля, как я считаю возможным и правильным характеризовать эту эпоху грузинской архитектуры с X по XV века, имеет непосредственно предшествующий ему по времени подход развития, выработки; а, с другой стороны, он не прерывает еще сразу, внезапно,

возможности дальнейших исканий, дальнейшего проявления самостоятельной творческой мысли с момента своего оформления в X веке.

Это общее положение остается в силе и в отношении Кахетии. К концу X века и здесь произошел переход к становящейся общей форме храмов Грузии, где основной крест с более высокими частями вписан в наружный прямоугольник с угловыми, более низкими заполнениями и кровлей на один скат. Применяется, как сказано, и в Кахетии декоративная отделка фасадов и даже кое-где в нее включены, как звенья, орнаментальные мотивы резьбы по камню. Переход этот совершается совсем естественно, как необходимый поступательный ход внутреннего движения и внутреннего развития. После совершенно индивидуального по своему подходу и творческой энергии, проявившейся в Вачнадзианской Квела-Цминда, выявления в преществующий период, когда основные простые формы тетраконха и различные вариации этой темы были исчерпаны и оставлены, и когда зодчие настойчиво пошли по пути искания новых церковно-купольных образований, с одной стороны, соединяя и комбинируя этот принцип с базиликальным планом, а с другой — развивая композиции со свободными стоящими под куполом столбами, — зодчие Кахетии создают теперь различные новые композиции, идущие по своим формам в общем направлении всей грузинской архитектуры. Таким произведением прежде всего является один из трех величайших кафедралов всей Грузии — Алавердский собор. Он при характерном общем распределении частей заключает в себе, однако, и элементы, которые связывают его с преществующими памятниками архитектуры в Кахетии.

Алавердский собор знаменует собой высшее достижение архитектуры феодальной Кахетии. Будучи построен, так же как и остальные два величайших кафедрала всей Грузии на рубеже X и XI веков, он представляет вместе с ними — с Кутаисским храмом Баграта и с Мцхетским патриаршим собором — величайшее напряжение и творческое достижение грузинского гения. Поэтому излишне утверждать, что каждый из названных памятников является совершенно индивидуальным, неповторенным разрешением общей формально и по установленным рамкам задачи.

Вместе с тем уже в начале XII века кахетинское государство, после достигнутого политического могущества, должно было утратить свою самостоятельность. Оно вошло в состав объединенного грузинского государства, мощь

которого распространялась на территорию всего Кавказа и культура которого представляет по разным районам картину определенного единства. И, действительно, сохранившиеся примеры зданий, выведенных уже после слияния Кахетии с остальной Грузией, прежде всего отличаются общими моментами, а затем уже заметны свои определенные локальные особенности. Что слияние не сказалось отрицательным образом, видно даже при той фрагментарности архитектурной картины этого времени, которую удается установить. Ведь именно в первой половине XIII века построена большая купольная церковь в монастыре Саба-Цминда около Карданахи и Пудзнарский купольный храм высоко в горах на окраине Тианетского района. А уже много позже, скорее всего до середины XIV века, выведен стройный и строго изысканно четкий купольный храм Сачино, ныне в глухом лесу выше Земо-Ходашени, являющийся хорошим показателем высокой культуры и в это тяжелое время: иными словами, творческий дух и художественные традиции не только не были уничтожены в Кахетии при политическом переломе в начале XII века, а продолжали свое яркое выявление, не ущемленные даже и внешне-политическими потрясениями последующих веков.

Начатое самостоятельное комбинирование пространственных ценностей и архитектурных форм при композиции купольных храмов, которое характеризует эпоху начавшегося политического расцвета Кахетии в конце VIII и в IX веках, — получило, наконец, на переломе X и XI веков, в эпоху достижения Кахетией апогея своего могущества, свое полное выражение и оформление. Теперь выявляется чрезвычайная свобода в оформлении пространства с законченностью архитектурных форм, которые являются примерами общих тенденций грузинской архитектуры изучаемого периода. При грандиозных размерах храма формируется единое пространство и притом в наивозможно простых, ясных, прозрачных построениях. Кроме того, замечается усиленное культивирование строго продуманного плана зданий — он должен быть интересен, своеобразен, характерен. Также и сами массы храмов имеют устремление к яркости, характерности или декоративной красоте. Конечно, при этом сохраняется, удерживается изначальная характерная особенность всей архитектуры Грузии — полная согласованность внутреннего пространства и внешних форм здания, отражение, намечание, выражение внутреннего пространства внешними формами строения. Наконец, теперь дости-

гает своего полного, конечного выявления общей тенденции архитектуры Кахетии ко вздыманию и стройности масс здания. Эта сторона подчеркивается и при перестройках куполов, как, например, барабана Кисисхевской церкви, известной нам как постройка VII века. Вот по-

чему и для Кахетии, как и всей Грузии, десятый век знаменует грань, когда архитектурное творчество достигает вновь, в формах и обстановке зрелого средневековья, уравновешенности, гармоничности, когда оказывается сформированным во всех отношениях свой стиль.

V 1. АЛАВЕРДСКИЙ СОБОР

Алавердский собор расположен в северной части Кахетии на берегу р. Алазани, в расстоянии около 1—2 километров от нее. Собор выситя белой громадой на равнине и виден с далекого расстояния и с различных мест Кахетии. Это была в прошлом величайшая святыня всей собственно Кахетии, хотя и Кизикия не отставала в почитании и поклонении ей, как равно и внешняя Кахетия, не говоря уже о горских районах. Впрочем, как говорит самое название места — Алаверди, непонятное из основ грузинского языка и вызвавшее несколько различных научных толкований, здесь не прерывалась культурная традиция населенного пункта с древнейших времен расселения родственных картвельским племен, т. е. еще до консолидации грузинского народа. Еще грузинский ученый первой половины XVIII века царевич Вахушти остановил свое внимание на этом странном названии и толкует его как производное от Алони (что то же Алвани), именно Алонверди, т. е. «соседний с Алони»¹, — с албанцами. Проф. Меликсет-Бек пытался толковать наименование Алаверди, как составное из элементов, именно, как Ал + вер + до, каждый из которых повторяется и во многих других географических наименованиях². А проф. Б. А. Алборов привлёк языковые данные ингушского языка, разлагая

Алаверди на ингушские Алау и ерди, где «ала» по-ингушски пламя, как грузинское «али», и переводя название, как «бог святой» или «Ала-бог», т. е. бог огня, пламени, очага³. А. Г. Шанидзе оттенил в своем выступлении по докладу П. И. Ингороквва в Управлении по делам архитектуры 25 декабря 1946 года, что название «Алаверди» нужно, вероятно, понимать при помощи языковых данных цова-тушин, которые раньше заселяли район. Он привел для сравнения такие названия, как Габерди и Ткаба-ерди.

Высокая крепостная стена охватывает кафедра широким кольцом, в пределах которого соединены памятники различных эпох и различного характера, живо отражающие исторические перипетии страны. Тут и дворцовые здания, и трапезная монастыря, и баня, и казарма наемных войск, и марани, и постройки нового времени, служебные для монастыря и т. д. (генплан и табл. 277—278 и 417—425).

На этом освященном преданием и высотой религиозного почитания («силой святыни») месте был и до построения теперешнего собора храм. Однако, только пышный расцвет кахетинского государства дал возможность создать описываемую сейчас грандиозную постройку собора. Основание же на этом месте первой церкви относится к миссионерской⁴ деятельно-

¹ География. Издание Н. Бердзенишвили и Т. Ломоури. Тб. 1941, стр. 101 (по-груз.); рус. перевод М. Джанашивили (Зап. Ко РГО, т. XXXV), Т. 1904, стр. 127. К. Кох приводит вздорную легенду, будто поясняющую название «аллаверди», как перевод с турецкого означющий «бог послал» (Die kaukasischen Länder und Armenien..., herausgegeben von K. Koch. Neue Ausgabe in Reisebeschreibungen von Curzon, K. Koch, Macintosh, Spencer und Wilbraham. Leipzig, 1867, S. 326) Русским послан. кн. Ф. Ф. Волконскому и А. И. Хватову в 1637—40 гг. рассказано о построении Алаверди иное (М. А. Полиевктов, Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640 гг. Т. 1937, стр. 371—372).

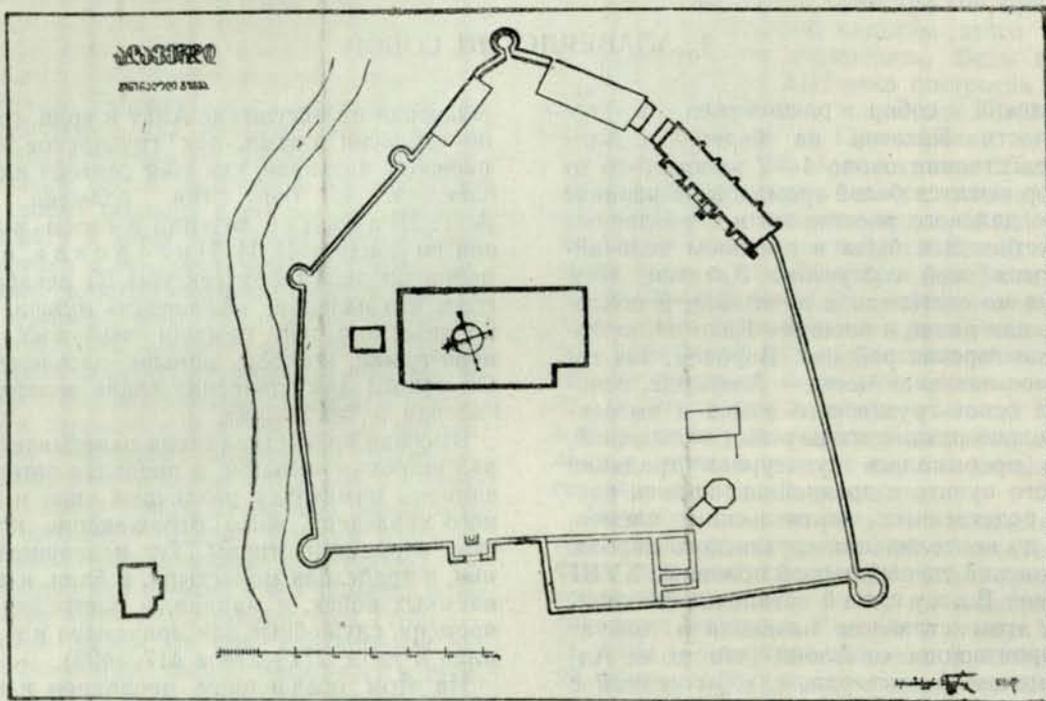
² К скифской проблеме (Материалы к истории Грузии и Кавказа, Тб., 1937, вып. VII, издание ИЯИМК Груз ФАН), стр. 546.

³ Ингушское «Гальерды» и осетинское «Аларды» (Известия Ингушского научно-исследовательского института, Орджоникидзе, 1930, т. 1), стр. 417.

⁴ Мы уже знаем другие подобные миссионерские пункты по границе, основанные другими сирийскими отцами — Иоанном Зедазенским, Зеноном Икалтойским, Давидом Гареджийским, Авивом Некресским, Стефаном Хирским, ср. также Бодбе. Так как сведение об основании храма Иосифом содержится в житии Авива Некресского, а также Иоанна Зедазенского (см. в издании проф. Абуладзе, стр. 196 и 67, а «Рай Грузии», стр. 216 и 207), причем текст их обновлен католиком Арсением в середине X века. (И. В. Абуладзе, Древние редакции житий сирийских подвижников в Грузии, Тб. 1955, введение, стр. XXVI—XXVII и IX—XXIII), то можно полагать, что тогда еще к постройке нового здания приступлено не было.

сти одного из тринадцати сирийских отцов, пришедших в середине VI века в Грузию, именно Иосифа, получившего прозвище Алавердского¹. С этого именно времени здесь, посреди лесов, заполнявших долину реки Алазани, было заложено основание этой святыни, ставшей средоточием религиозного почитания в Кахе-

горах или по крайней мере на предгорьях. Но, очевидно, это было значительным пунктом еще языческих обрядностей и новая религия должна была показать свое «могущество», изгнав старую и обосновавшись на ее культовом месте, т. е. это был удобный пункт для развития миссионерской деятельности в горах, населенных

Генплан построек в ограде Алавердского кафедрала

тин. Характерным является основание храма в эту древнейшую эпоху на равнине, на лесистых берегах Алазани, затопляемых и нездоровых, в отдалении от поселений, расположенных на

¹ Алаверди посетил я впервые 26—28.IX.1919 г.; затем вторично 1—2.XI.1922 г. с худ. Т. Г. Кюне, исполнившим основные снимки (кроме того, использованы сделанные им в 1913 году снимки и снимки фот. Д. И. Ермакова). Наконец, с 6 по 12.II.1923 года, когда произведены акад. архитектуры Н. П. Северовым обмеры храма. Что касается планов собора и разрезов по низким частям, то они исполнены вполне точно и детально. Брать же высоты всего собора было чрезвычайно трудно и возможно только в некоторых точках. Таким образом, с этой стороны чертежи определенно могут претендовать только на установление архитектурных форм и пропорций без всего чисто-археологического аппарата, т. е. не имеют возможности дать документ, адекватный самому памятнику. Высоты главного нефа взяты с хор, где удалось дотянуться до вершины арки свода. Снаружи высоты восточного фасада определены через отверстие надсводного пространства в коньке главного нефа. Высота угла бокового нефа

по ту сторону Алазани язычниками. И действительно, слава этого места явно была значительной, раз в летописях сохранилось сообщение о том, что «прибыл Константин, абхаз-

взят на ю.-в. углу непосредственно с земли. Высота барабана взята снаружи до верха окна, далее же сделано по фотографиям и подсчету рядов кирпичной кладки.— Генеральный план и первоначальные планы мелких сооружений сделаны акад. арх. Н. П. Северовым в последующую поездку 20—22.VI.1926 года; а уже более полный обмер трапезной, бани и дворцового киоска сделаны арх. В. Л. Цицосани 25—29.IX.1933 года, когда В. И. Тулашвили исполнил вторую партию фотографий.

План и восточный фасад собора, исполненные в половине XIX века архитектором Д. И. Гриммом (*Monuments d'architecture byzantine en Géorgie et en Arménie, SPbg. 1864*), полны дефектов; только самые главные размеры даны им правильно. Очевидно, неспокойное время в конце 40-х годов не позволило ему выполнить работу подробнее и он принужден был ограничиться наброском с несколькими только основными промерами.

ский царь, помолился в Алаверди перед святым Георгием и одел икону его золотом»¹. Что событие это не было единичным, можно заключить из сообщения в надписи 906 года церкви св. Георгия в Эредви, Сталинградского района, о посещении богослужения в Алаверди царем Константином². Вместе с тем сообщения эти подтверждают, что собор посвящен был патрону Грузии — св. великомученику Георгию. Позднее, как сообщает А. С. Хаханашвили, освящен в честь праздника воздвижения креста (13-е сентября) в память принесенной царевичем Леоном в дар собору частицы «животворящего креста»³. Однако, в народе считается, что «Алавердоба» празднует св. Георгия 14-го сентября (по старому стилю), кроме того, наблюдается два «повторения» («скори»), через неделю каждое, этого праздника. Таким образом несомненно, что здесь налицо позднейшее приурочение праздника воздвижения к первоначальному, посвященному Георгию Алавердскому.

Описание. — В настоящем виде храм представляет постройку, выведенную сразу по определенно разработанному плану. Затем какое-то сильное разрушение послужило поводом к реставрации его, во время которой были восстановлены разрушенные части стен и весь ку-

¹ «Картлис-Цховреба» по списку царицы Марии, *451, стр. 228.— В житии Иоанна Зедазенского тоже отмечается, что храм был посвящен св. Георгию.

² Р. Мепишавили, Надпись 906 года в Эредви, Сообщения АН ГССР, т. V, № 10, 1944 (по-груз.).

³ А. С. Хаханашвили, МАК, VII, 1898, стр. 8.

⁴ См. И. А. Джавахишвили, Цели, источники и методы истории, том I, Тб. 1916, стр. 258—259; издание 1945 года, стр. 305; то же в издании текста Картлис-Цховреба по списку Анны под редакцией С. Г. Каухчишвили, Тб. 1942, стр. 236.

В продолжении (анонимом) Картлис-Цховреба также отмечено это восстановление Алавердского собора Александром и матерью его Нестан-Дареджан (впрочем под 1510 годом) с упоминанием так же починки სამკვრები და გუბბათები (конхи?) и еще прибавлением росписи собора (Картлис-Цховреба, II, 1854, стр. 266; Картлис-Цховреба, сп. Марии, стр. 905—906; Hist. de la Gé., II, 1, p. 331). А у Т. Д. Жордания под 1522 годом согласно реестру гуджара № 2 Мцхетского собора (Хроника и др., II, 1897, стр. 348) отмечена починка свода левого рукава (ალავერდის გუმბათის სამხრის თავი მარცხენის მხრით). Это сообщение означает только дополнительную частичную починку, ибо мы имеем вышеприведенную запись современника событий в списке царицы Анны об основной починке (см. ниже, 388).

⁵ Картлис-Цховреба, II, стр. 144; Hist. de la Géorgie, II, 1, p. 197 (Вахушти). А в географии Вахуш-

пол с барабаном целиком. Реставрация эта произведена в 80-х годах XV века, точнее между 1476 и 1495 годами. Об этом упоминает следующая запись переписчика текста Картлис Цховреба для царицы Анны: *Возвеличь, господи, и утверди в обеих жизнях государыню, царицу цариц Нестан-Дареджан и сына ее Александра и царицу Анну. Эти были больше всех царей и князей Грузии верующими строителями храмов, ибо Алаверди был разорен язычниками, другие цари не смогли начать очищать и строить, они же построили и очистили от всех плевел, выстроили свод (საძ) и купол и рукава (სამკვრები), весьма успешно и соответственно добротности ранее созданных предметов и беспримерности [качества] здания. И наполнили благостью честных мощей, святых икон и обилием великолепной церковной утвари. Пожертвовали много крестьян для служения святому Георгию и его духовным чинам*⁴.

После этого восстановления царицей Нестан-Дареджан, царем Александром и царицей Анной в 80-х годах XV столетия, собор снова значительно пострадал от землетрясения в 1742 году⁵. Вскоре после этого царица Тамара приступила в 1750 году к починке разрушенного свода и боковых частей; но окончено восстановление лишь после ее смерти сыном ее, царем Ираклием II⁶. В это время помимо по-

ти и указывает дату годом раньше (1741). Акад. Броссе отмечает этот факт с указанием, что землетрясение длилось 40 дней (Сакартвелос история, II, Тб. 1900, стр. 127, по-груз.). Он же (там же, II, 37) отмечает, что в 1656 г. царь Ростовом восстановил купол Алаверди (ср. у Парсадана Горгиджанидзе, Картлис-Цховреба, т. II, СПб. 1854, стр. 531), а по Wakhoucht, Descr, p. 318. начат восстановлением Ростовом и закончен Арчилом.— По-видимому, это два различных восстановления в результате двух разрушений при землетрясениях. На л. 1 рукописи Евангелия 1514 года из собр. Церк. Музея за № 401 имеется следующая приписка (незаконченная):

ქკსა ტნე [1668], იანვარსა დ იძრა დედამიწა გასაკვირვებლად და დაიქვა მეორედ წმინდა გიორგი ალავერდისა. არხოლ ამენ... В короникон 356 [1668 год], января 4-го было землетрясение поразительное и вторично разрушился св. Георгий Алавердский. Арчил строи...

⁶ Картлис Цховреба, II, СПб, 1854, стр. 432. Hist. de la Gé., II, 2, p. 157—158 (Папуна Орбелнани).— А. С. Хаханашвили (МАК, VII, 8) ошибочно пишет, будто купол построен из негной в эту реставрацию. Мелкого ремонта храм потребовал и в 1721 году, когда алавердский епископ Николай Чолокашвили оковал икону Георгия и в надписи сообщает и о строительных работах ремонта: ლოთფინითა დაგებულთ წინასამბრო ქვითა და დაბალი სხვანი სამხრანი ურთხლისა ფიცარითა... და გალავანი დარღვეული განვახსულე (ср. Броссе, Voy., I, 66 с пропусками), Мы покрыли щедрыми плитами передний [алтарный] рукав и низкие другие боковые

чинки северных хор и, видимо, свода главного нефа, заложены многие проемы; тогда же, вероятно, на месте древнего выведен сохранившийся донные западный портик. Южный же и северный портики, по-видимому, уничтожены только в первой половине XIX века¹. Основное восстановление собора в XV веке осуществлено — совершенно несомненно — в тех же в общем формах, в каких он был построен первоначально в X—XI вв. Основные части постройки вполне ясно отличаются от починки: первые сложены из камня булыжного и облицованы тесаными плитами ширими, как изнутри, так и снаружи, а вторые из кирпича и никакой облицовки не имеют.

По плану Алавердский собор представляет собой удлинённый крест с абсидальным завершением поперечных рукавов, т. е. является представителем так назыв. типа триконх. Западный рукав длинный и имеет еще боковые нефы; по сторонам же алтарной абсиды имеем дополнительно помещения сложного типа. Кроме того, как покажет дальнейшее изложение, по продольным сторонам собора, как и с запада, были еще дополнительные — вероятно открытые — портики (планы с реставрацией обходов и поземный). Таким образом, по внешнему виду собор представлял громадное здание с определенно выраженным, высоким, удлинённым крестом с куполом на барабане в перекрестии и с заполнением углов между рукавами креста более низкими, чем он, частями с односкатными кровлями; к этому, наконец, как сказано, нужно добавить еще низкие открытые портики (табл. 278, 280, 282 и 283).

Алтарь собора не передает сейчас вовсе замысла строителя, ибо границей его служит деревянный иконостас московской работы 40-х годов прошлого века, поставленный под восточной подкупольной аркой. Между тем несомненно, что по замыслу архитектора алтарь начинался далее на восток и вмещал в себе по

плану только самое алтарное полукружие и бему и был отделен сквозной аркатурой на невысокой (ниже метра) стенке перед ней (продольный разрез, перспектива и изометрия). Следующее же отделение стены восточного рукава креста с широкими и высокими пролетами в стороны, имеющими pendant и в боковых рукавах, и с окнами во втором этаже для певчих относилось к пространству для молящихся (чертежи и табл. 290 и 291). Таким образом, до алтаря был еще отступ от границы подкупольного пространства, как и полагается в церквях этого времени. И отступ этот означался как бы обособленными подкупольными устоями, отделенными от сплошных стен. Певчие вверху — все четыре хора, а не только оба западных — были вне собственно алтарного пространства². Алтарь был выше церкви на три ступени (сейчас же — на две). На древнюю линию алтаря указывает и самый пол; он сейчас закрывает базы полуколонн подкупольных столбов и часть дверей в стороны; кроме того, именно с указанной линии на запад вся половина пола вымощена плитами лещадки мелкого калибра, взятого от прежнего покрытия собора. Восточная же часть зацементирована, т. е., очевидно, до последних ремонтов эта древняя часть была покрыта кирпичами и сразу однородно починена. Западная часть создана, судя по материалу лещадки, вероятно, в начале XVIII века, когда собор заново покрыт был лещадью, на этот раз очень крупной, продержавшейся донныне³. И в первоначальном виде алтарь собора представлял собой просторное, удлинённое пространство. Конха абсиды полуциркулярна, арка же, которая отделяет свод бемы, имеет слегка эллиптическую форму (табл. 290, 291, 295 и 297). В алтаре три окна, под средним окном ниша епископского сидения по форме абсидки, а в круг абсиды выступающее лавковое сидение для сослужащих (поперечный разрез).

Уровень пола алтаря в восточной части дол-

скаты доски нежная, ... и разрушенную крепостную ограду я восстановил. (Ср. Вахуштий, Картлис-Цховреба, II, СПб. 1854, 136; Hist. de la Gé., II, 1, p. 187).

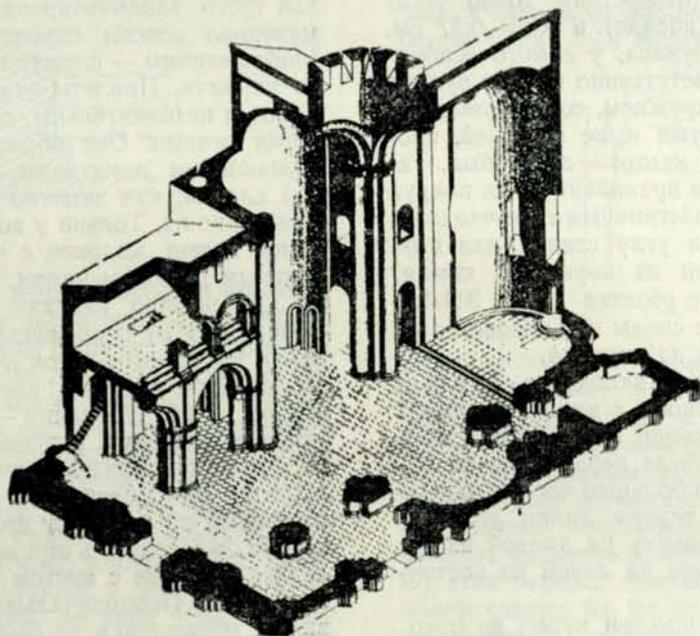
¹ Такое заключение следует из случайной записки путешественника 1846 года по Грузии А. Н. Муравьева, который говорит об уничтожении 12 приделов-притворов Алавердского собора (Грузия и Армения, I, СПб. 1848, стр. 157 и 194).

² Алтарные преграды в грузинских церквях сохраняли свою форму и высоту едва выше человеческого роста даже еще в XVII веке (ср. ниже Бочорма и др.). Русские послы Мышецкий и Ключарев упоминают, что в Алаверди «олтарь с церковью перегороден камнем и поделаны окна так же, как и в Шонте», т. е. алтарная преграда с открытой аркатурой из камня. (Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию, 1640—1643. Документы издал М. Полиевктов. Тб. 1928, стр. 140). Действительно, в кладке крепостной стены была случайно обнаружена резная капитель от колонки древней алтарной преграды, доставленная в Музей в Телави (табл. 288). А посольство кн. Ф. Ф. Волконского и А. И. Хватова (1637—40 гг.) в своем описании Алавердского кафедрала (Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640. Документы к печати подготовил и предисловием снабдил М. А. Полиевктов. Тб. 1937, стр. 365 и 372) наличие вместо иконостаса во всю высоту здания, — как было в то время уже в ходу в России, — низкой сквозной каменной преграды квалифицирует как «олтарь с церковью не перегороден».

³ См. ниже, стр. 395.

жен быть древним; во всей же церкви он повышен, по-видимому, примерно на толщину шестигранных кирпичных плиток и заливки для их укрепления¹, в целом около 20 см. Древний же уровень пола церкви сохранился в юго-восточном прямоугольнике, где нет шестигранных кирпичных плиток и где виден полностью трехчленный профиль базы и начало плинтуса под нею (табл. 305-а). Пол вымощен здесь квадратными кирпичами; возможно, что и это уже повышение, закрывшее часть плинта, но не более того. Пол здесь ниже остальной церкви. К означенному таким образом в данном по-

углубления стен, как и пролеты западной части восточного рукава в стороны, и затем над ними окна с хор для певчих (основные разрезы). Пролеты с востока (нижние) сужены и понижены так же, как и в восточном рукаве, окна же хор совершенно заложены (табл. 295 и 294). Такое же членение стены было и на запад — внизу просторный проход, вверху окно хор (табл. 296). Но ныне нижние пролеты совершенно заложены (раньше была стадия с оставлением совершенно низкого узкого прохода, но и он затем был закрыт), а от верхних видно только, что они были. Так в северном рукаве

Изометрический разрез

мещению уровню пола и должен быть подведен уровень пола остальной церкви, что откроет и настоящие формы баз столбов, вместо искаженных нынешних².

С алтарной частью соединяются два рукава, так же заканчивающиеся абсидами, как и алтарь, — северный и южный основного креста здания (изометрия и перспектива). Перед абсидами имеются широкие и высокие пролеты-проходы, помещенные в пределах такого же

ясно видно очертание арки, и затем под ней ширина пролета, меньшего, чем выступающая из толщи стены арка³. Это положение находит свое подтверждение и изнутри хор, как увидим ниже. При начале каждого из полукружий южного и северного рукава имеются на углах полуколонки, с капителей которых начинались арки названных открытых пролетов на восток и на запад (табл. 296-а, слева). В боковых абсидах, так же как и в алтарной, три окна почти

¹ Плитки эти должны быть эпохи XV века, ибо встречаются и в Дзвели Шуамта, заглохшей и покинутой уже в XVI веке. Другими словами, это результат реставрации Александра и Анны.

² На продольном разрезе дано пунктиром раскрытие форм баз в алтаре по наличным в самой церкви, но не восстановление полностью на всю высоту.

³ На табл. 296-б, видны полосы, покрытые слоем пыли на месте арки этого окна на запад.

одного размера; только здесь они помещены настолько высоко, что верх окон северной абсиды приходится примерно на линии верха капителей подкупольных столбов (табл. 292, 293). Снаружи три южных окна различной величины — среднее длиннее боковых; кроме того, северные уже южных, т. к. заложены снаружи кирпичом (ср. табл. 282, 283).

Конхи этих рукавов так же полуциркульны, как и в алтаре, а арки кирпичные так же с изломом. Конхи, — как это можно обследовать в междусводном пространстве, — сложены из булыжника; так же и примыкающий свод северного рукава, а равно и южного — они представляют собой ныне монолит. Толщина конхи благодаря сквозным отверстиям точно установлена (в северной абсиде) в 0,35—0,37 см. По своду северного рукава, у самого основания купола, т. е. соответственно коробу рукава перед северным полукружием, сохранилась лессенка из сильно стертых ныне ступеней, сложенных из пористого камня — здесь был, таким образом, издревле правильный ход вокруг купольного кольца с лестничными переходами по сводам. Тут же на углу стенки для вторых сводов, сложенной из пористого камня, имеется резная в круге розетка (табл. 311-b). Но в остальном вторые своды под крышей сложены при реставрации из кирпича.

В северной абсиде, где находится могила и рака Иосифа Алавердского, с каждой стороны по две неглубоких нишки абсидками (табл. 293). Каждая из них была первоначально обведена валом. Сейчас в большей части это смазано штукатуркой, но внутри линия углубления вала видна еще вверху на правой из западной пары, а снаружи на левой из восточной — внизу¹.

Находящийся в перекрестии купол не относится к первоначальной постройке (табл. 292-a). И четыре подкупольных арки с парусами и весь купол с 16-ю окнами сложены из кирпича в последней четверти XV века². Арки с изломом, в отличие от собственно первоначальной формы арок, совсем слегка только поднимающей полуциркульную арку, как она сохранилась еще в восточном (алтарном) рукаве. Но уже все четыре подкупольных устоя с капителями древние, сложены из камня и имеют характерную форму (табл. 290—292).

Западный рукав храма удлинен и открывается на уровне пола храма на север и на юг в боковые нефы парными пролетами несколько

¹ Могила приходится против среднего окна и доходит до линии восточного.

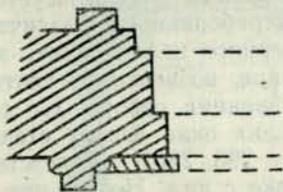
² Ср. ниже, стр. 395.

эллиптической формы арок (табл. 297-a, 298, 299). Средние между ними столбы звездообразной формы, отличающейся в сечении от колоссальных, мощных, хотя и очень высоких, четырех подкупольных устоев; impostы упрощенной формы. В средний неф пилястры выступают по этим столбам до средней высоты стен, т. е. до пола хор (табл. 298, 299). Обе стены до означенной линии сплошь древние. Выше этой линии северная стена глухая, кирпичная, лишь с обрывками каменной кладки, явно проsvечивающей в нижней части через побелку. Южная же стена открывается четырьмя пролетами на хоры (большая перспектива, продольный разрез, табл. 295, 297, 298, 299 и 301). Она так густо зацементирована, что строительный материал совсем скрыт: однако — по другим изображениям — сложена и она вся, вероятно, из кирпича. Пролеты эти не одинаковых размеров и незначительны, скорее выглядят большими окнами. Они обрамлены гладкими, выступающими лопатками, несомненно, кирпичной кладки, как заметно при крайнем восточном конце их. Только у восточного края сохранился пучок колоннок с началом арки, полукруглым двойным валом, продолжение же арки, как сказано, гладкая лизена (табл. 301)³. Сохранился от первоначальной разбивки и отделки только этот кусок двойной колонки с началом арки, который дает нам возможность судить о ней. По плану — две колонки, затем уступом лопатка и, наконец, еще уступ, очевидно, последний всего пролета. Расположение же лопаток не согласовано с пилястрой, поднимающейся по среднему столбу вверх (что возможно было сделать при незначительности пролетов), а также с местом четвертого, западного, проема. Первоначально же пролеты и, очевидно, обрамления их были широкие, попарно расположенные над каждым нижним пролетом и обрамленные двойными колонками с арками; причем между этими двумя парами был более сильный акцент, выраженный пилястрой среднего нижнего столба. Несомненно, эта пилястра первоначально поднималась выше и служила опорой для подпружной арки свода. Существующие же капители этих пилястр означали именно границу хор. Нынешний кирпичный свод опирается на четыре подпружных арки, также кирпичные и с изломом. Они опираются на консоли, не одинаково опускающиеся на стены — на северной они разделены выемкой кирпичиков и находятся на линии пяты

³ На этом фото вверху слева видна база древней аркатуры.

свода, иначе: на линии верха капители подкупольных столбов; а на южной стене они бесформенны и опускаются ниже (табл. 297-а, 299). Сложен свод так же, как и свод северных хор (см. ниже, стр. 376) и должен относиться к ремонту 1750 года.

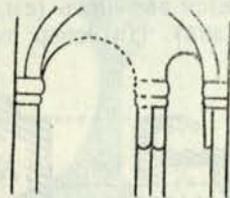
Западная стена главного нефа имеет в центре вход, позднее немного суженный, а главное сниженный до простой двери, первоначально же открывавшийся широкой аркой (табл. 299, 300). Западный вход в собор переделан, очевидно, следующим образом: снаружи был один уступ портала около колонки того же типа, что и сохранившиеся в соседнем северном отрезке портала (ср. табл. 311-а, 312)¹. Этот уступ выравнен до общей плоскости наружной стены и

при этом еще сужен первоначальный пролет и понижен до размера двери видной ныне формы. По сторонам входа сильные пилонные выступы внутрь храма до линии хор. На эти выступы положен переход с северных на южные хоры шириной в два шага. С линии хор вверх вся западная стена сплошь кирпичная лишь с обрывками древней каменной кладки (табл. 299, 280). На переход с северных хор на южные ведет с каждой стороны небольшой дверной пролет, который представлял собой, видимо, дополнительный акцент в ряду арок каждой из стен, отделенный от ряда четырех арок выступающей толщей стены.

Нижние пролеты из западного рукава (или главного нефа) на север и юг ведут в двойное помещение, поделенное поперек только аркой. Каждое из двух частей перекрыто на прямоугольном (не квадратном) основании крестовым сводом (план). Этот крестовый свод имеет горизонтальные шельги против больших наплавляющих, при малых же хотя и несколько подвышенные направляющие, но все-таки испорченные распалубки к середине свода (табл. 304). К сожалению, из-за штукатурки совершенно не видно, какой рисунок имели по клад-

ке эти крестовые своды². Позднее под арками построили стенки, закрывшие ход с оставлением только узкого прохода с северной стороны, подобного проходам на восток в боковые абсиды. Стенки доходят только до пят сводов, а отсюда только центр арки подпирал столб (табл. 304). В южном нефе эта стенка имеет три узких отверстия, в северном же маленький проход (ср. рис. лестницы). Кроме того, в южном нефе не только арка подперта, но и весь крестовый свод восточного компартимента посередине с востока на запад. Для этого перекинута арка с восточной стены на встроенный столб в пролете (табл. 303). Чтобы укрепить эту арку при восточной стене, пришлось изменить отделку и формы этой стены. Тем не менее по сохранившимся частям можно их восстановить без проделов. Слева был высокий пролет, примерно в

половинную ширину всего поля (дополнит. разрез, табл. 303-б); это тот же пролет, который был установлен уже в южном рукаве креста, где он также заложен (табл. 296-а)³. Арка этого пролета начиналась при подкупольном пилоне и была перекинута на выступавшие тонкие парные полуколонки с капителью, часть которых на месте и теперь еще (табл. 303-б)⁴. От этих парных полуколонки перекинута дополнительная на юг арочка, образующая высокую нишу, а в стенке этой ниши небольшая нишка абсидкой (см. схему восстановления). Тут же находится вход в собор с юга. Первоначально он был широкий и высокий с правильной полуциркульной аркой сверху. Позднее, однако, его сузили и уменьшили до размеров северного входа (табл. 303-а, ср. 302-б). Этот вход первоначально был такой же, как и западный, — широкий, высокий и открытый. В западной части южного нефа имеется два окна: одно — на юг, находящееся не в центре поля, как ни внутри, где оно западнее его, так ни снаружи, где восточнее, ибо арочная раз-

¹ Такая же капитель колонки просвечивает через штукатурку, особенно справа.

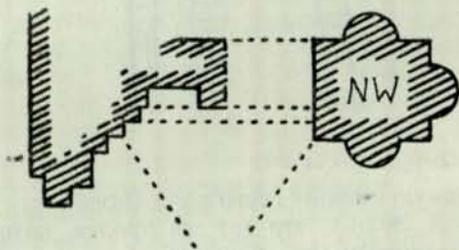
² Крестовый свод взят засечками в восточном компартименте северного нефа.

³ Первоначально, однако, здесь был оставлен все-таки крохотный проход.

⁴ Другая же часть уничтожена для подпорной арки.

бивка фасада создана из меньших арок, чем обе арки внутри южного нефа¹; второе—на запад, ныне в глубине заложено.

В северном нефе вполне отвечающее только что описанному южному нефу общее распределение и аналогичные же позднейшие застройки и встройки ряда укрепления здания. Восточный компартимент также совершенно отделен встроенной под аркой стенкой от западного²; проход же на восток заложен также в два приема³. С востока на запад, посередине этого компартимента, в отличие от южного, не переброшена под древним крестовым сводом арка, подпирающая его. К сожалению, здесь при восточной стене приложили стенку с опорным под центр арки крестового свода столбом, которые закрыли всю древнюю разделку этой стены. От разделки аналогичной стены южной стороны она отличается большей простотой, насколько удастся выяснить (см. схему восстановленного плана). На север ведет вход, но

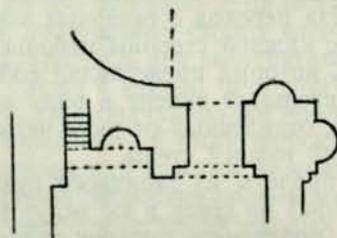
это не большая открытая арка, как была на юг, а маленькая с полуциркульным верхом (табл. 302-b). Ныне она заложена снаружи (хотя изнутри висят деревянные двери), после того как по фасаду она была переделана в поздних формах (табл. 283). Размеры и высота этого входа изнутри сохранились в первоначальных формах, без уменьшения. Западный компартимент северного нефа имел одно окно на запад (окно не заложено), на север окна не было, как естественно ввиду наличия лестницы, идущей в толще стены, хотя сейчас имеется бесформенный просвет позднего времени на эту лестницу (табл. 302-а и рисунок Н. П. Северова)⁴. Из этого западного компартимента северного нефа вела и ведет единственная

¹ Впрочем первоначально оно на фасаде не было видно, так как приходилось внутри портика.

² Это деление, нанесенное Гриммом на плане, дало повод как Н. П. Кондакову (Древняя архитектура Грузии, 1876, стр. 27), так и И. Стриговскому (Die Baukunst der Armenier, I, 167) говорить об «экседрах».

лестница на хоры храма, именно северные, с которых только по узкому западному переходу и было сообщение также и с южными хорами⁵. Лестница эта была, вероятно, открыта, как и сейчас. Начинаясь в толще северной стены западного компартимента, она продолжается и в части восточного компартимента (табл. 302-b), выходя затем в помещение хор (планы наложения этажей и изометрия). Вероятно, наличие этой лестницы определило размер северного входа в храм. Конечно, эта лестница и вся стена собора в данной части, как изнутри, так и снаружи (см. ниже) древние. Как уже отмечено, это была единственная лестница на хоры, второй параллельной в южном нефе не было— все распределение того и другого в деталях различно и согласуется с данными основными требованиями различного порядка.

Хоры северного нефа—сейчас малоосвещенное помещение, возведенное почти целиком во время реставрации собора. На север имеется два небольших окна вверху стены и одно на запад (табл. 283, 280), соответствующие в общем разбивке с юга. Но все эти стены, как и внутренняя, южная, в главный неф храма, сложены из кирпича во время реставрации. Впечатление малой освещенности усугубляется отсутствием проемов с хор на юг в главный неф: получается широкая, относительно не высокая,— а по сравнению с остальными помещениями храма на впечатление низкая,— комната с маленькими окошечками. Только в восточной стене сохранилась основная стена, именно

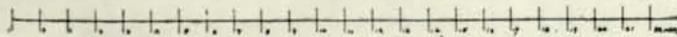
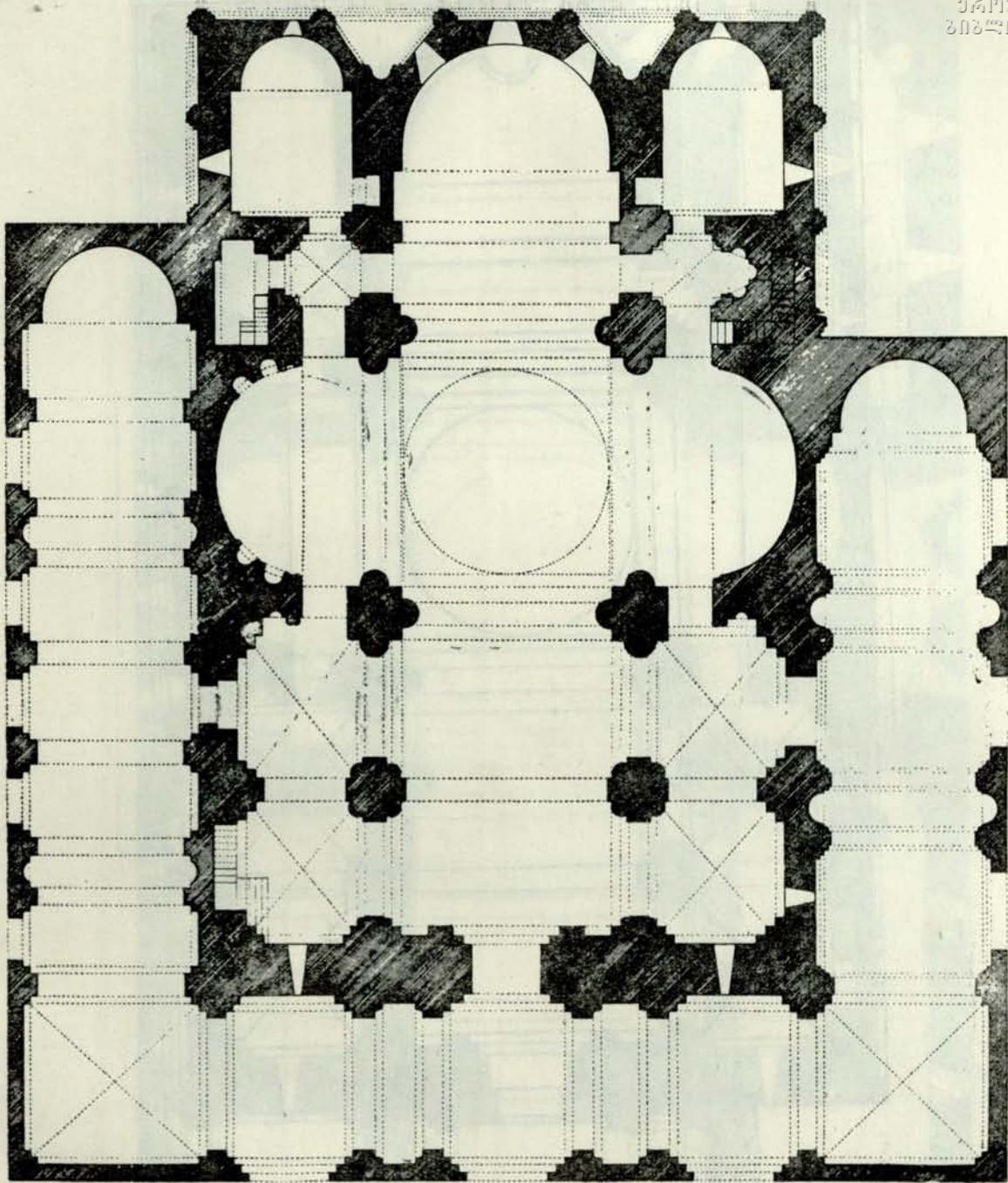

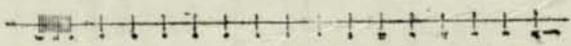
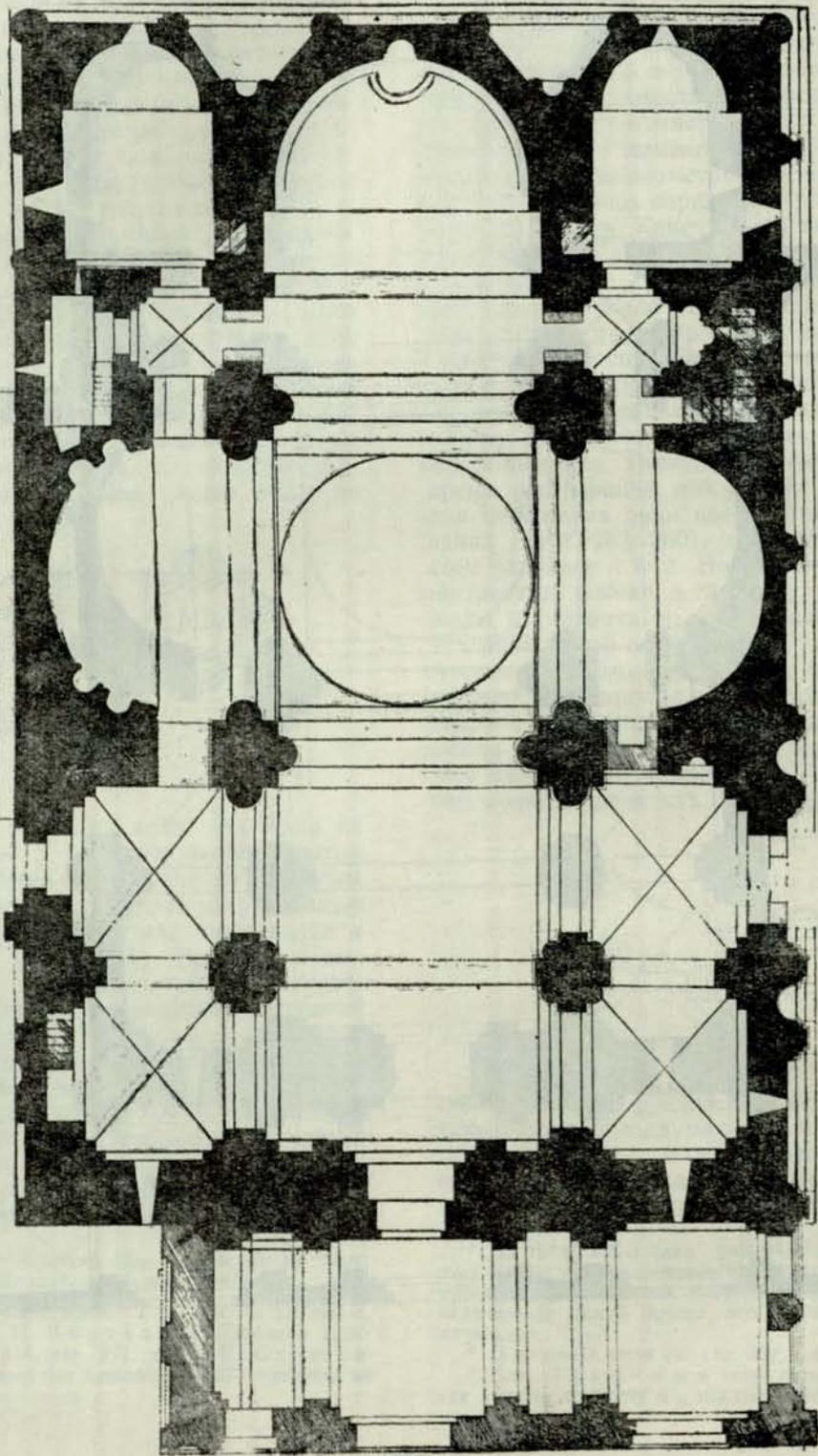
стена северного рукава церкви, к которой все-таки приложена двумя арками кирпичная стена (табл. 307-b). В этой приложенной стене оставлена одна арка, которая открывает древнюю стену с внутренней в ней лестницей в над-

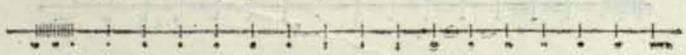
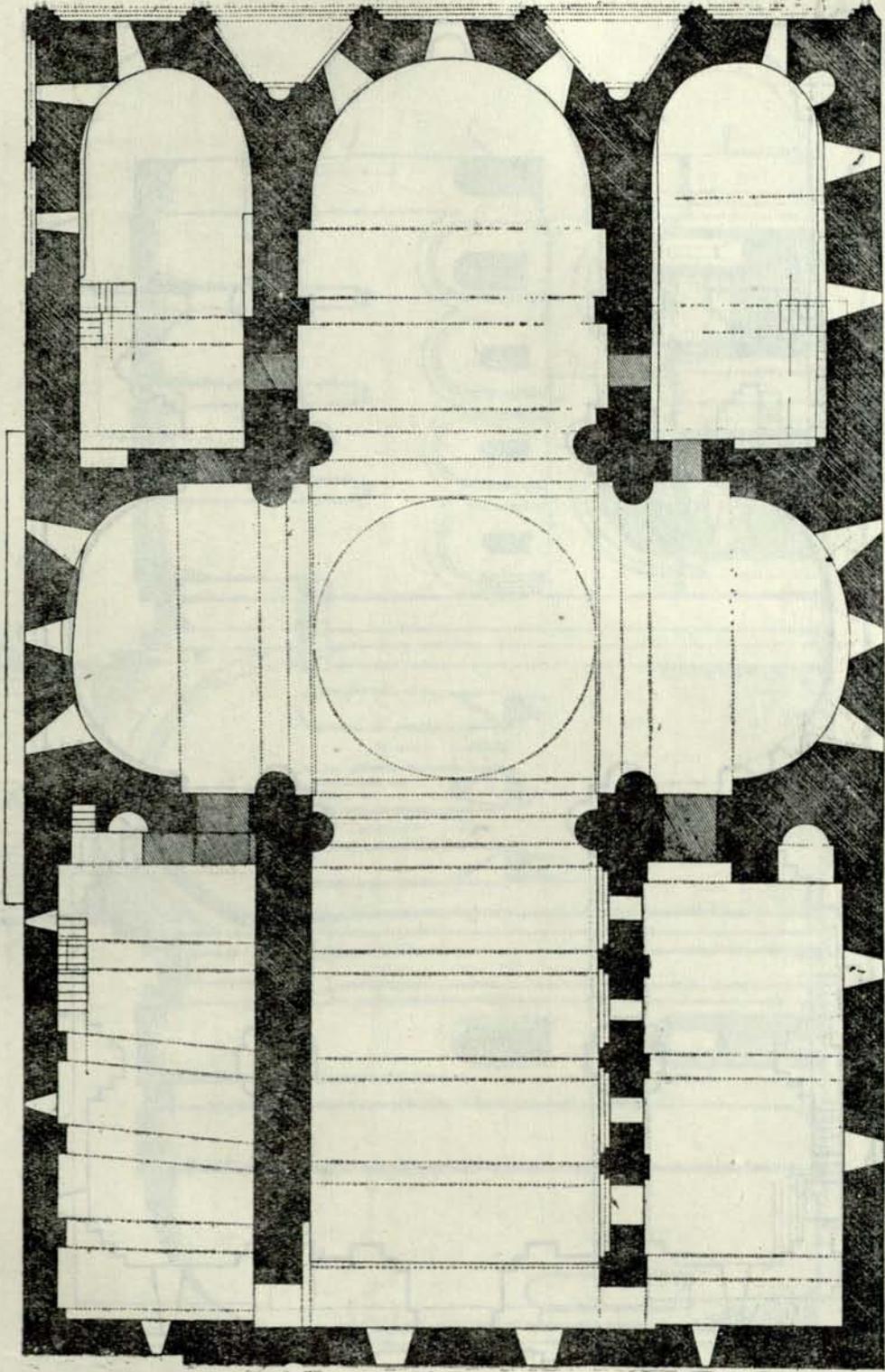
³ На табл. 296-b едва различается однако только пята над угловой колонкой, на которую опиралась арка прохода. С запада же, изнутри компартимента, виден заделанный малый пролет, оставленный было в первоначальном.

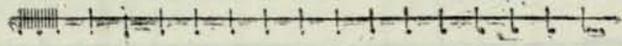
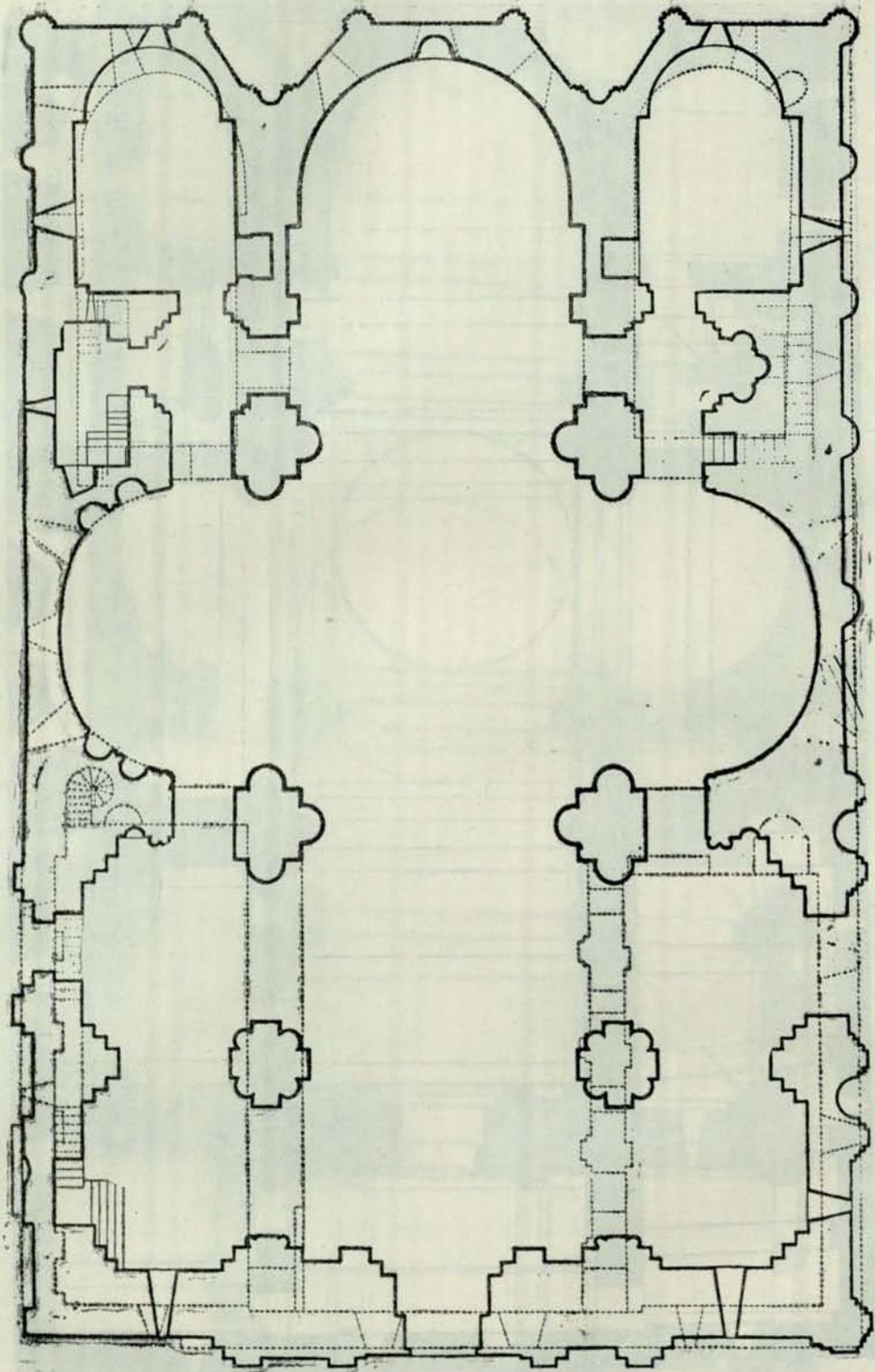
⁴ О просвете этом см. стр. 394; рис. перед гл. IX.

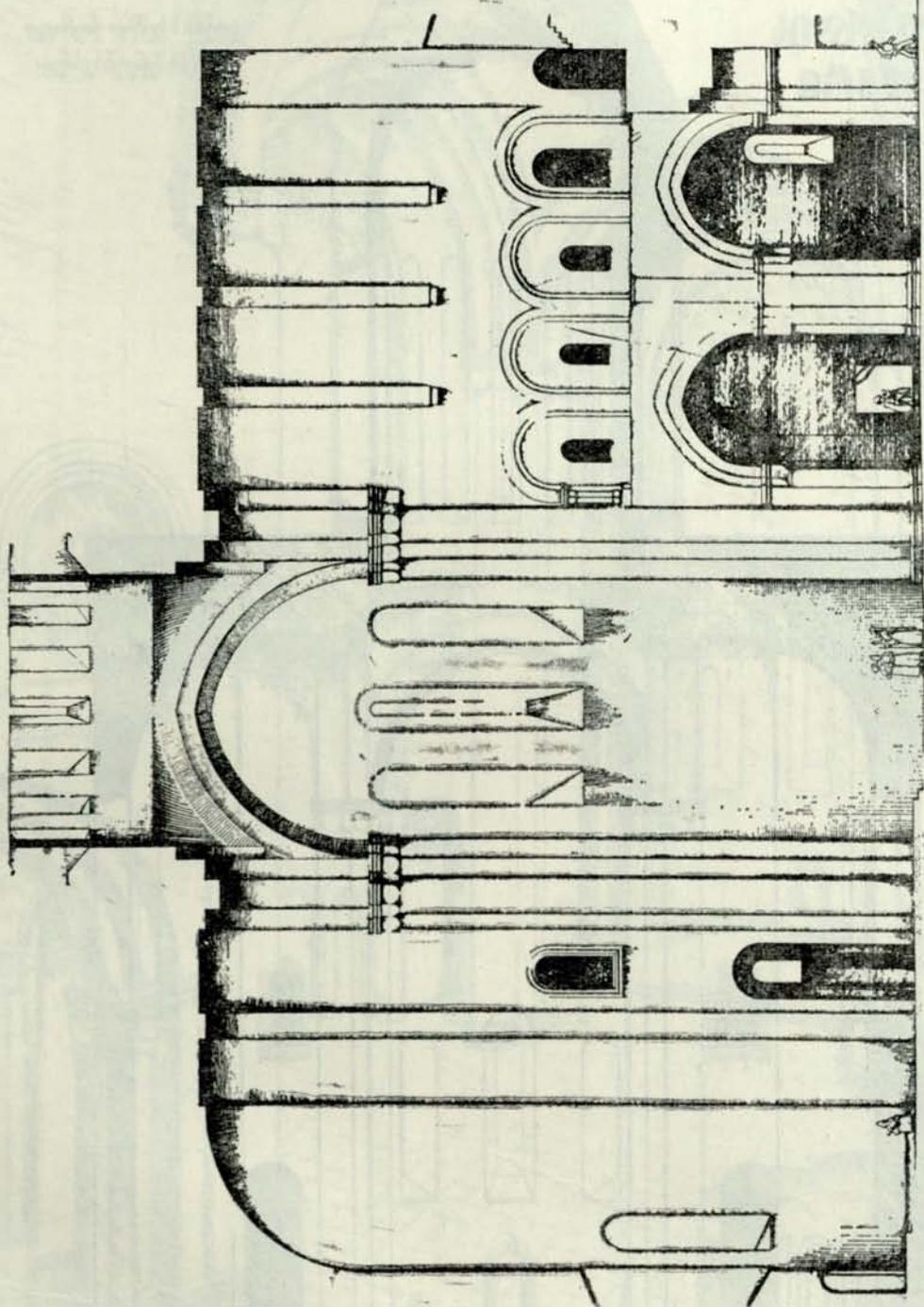
⁵ План Гримма и в этом пункте грешит, намечая вторую лестницу и в южном нефе.

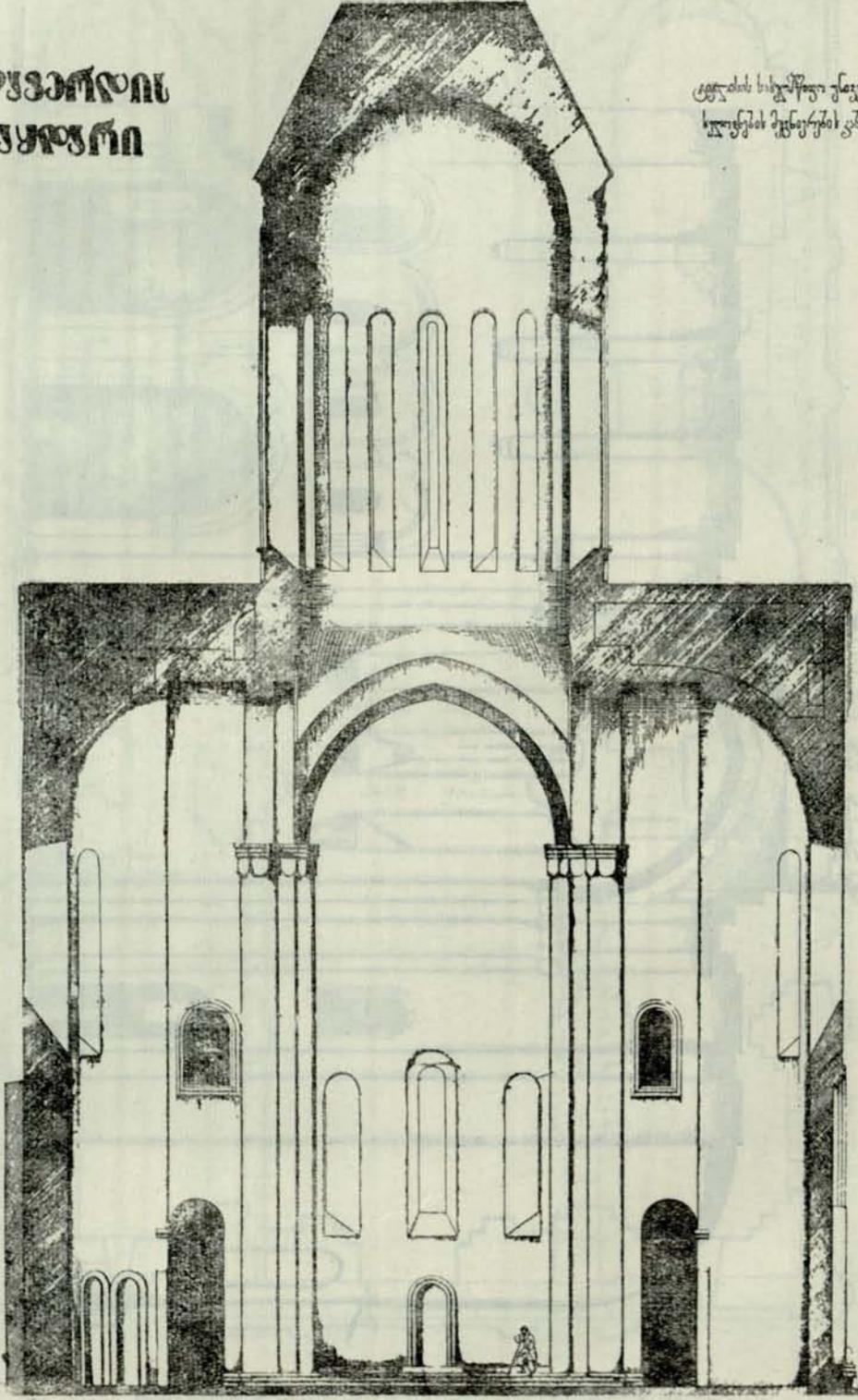

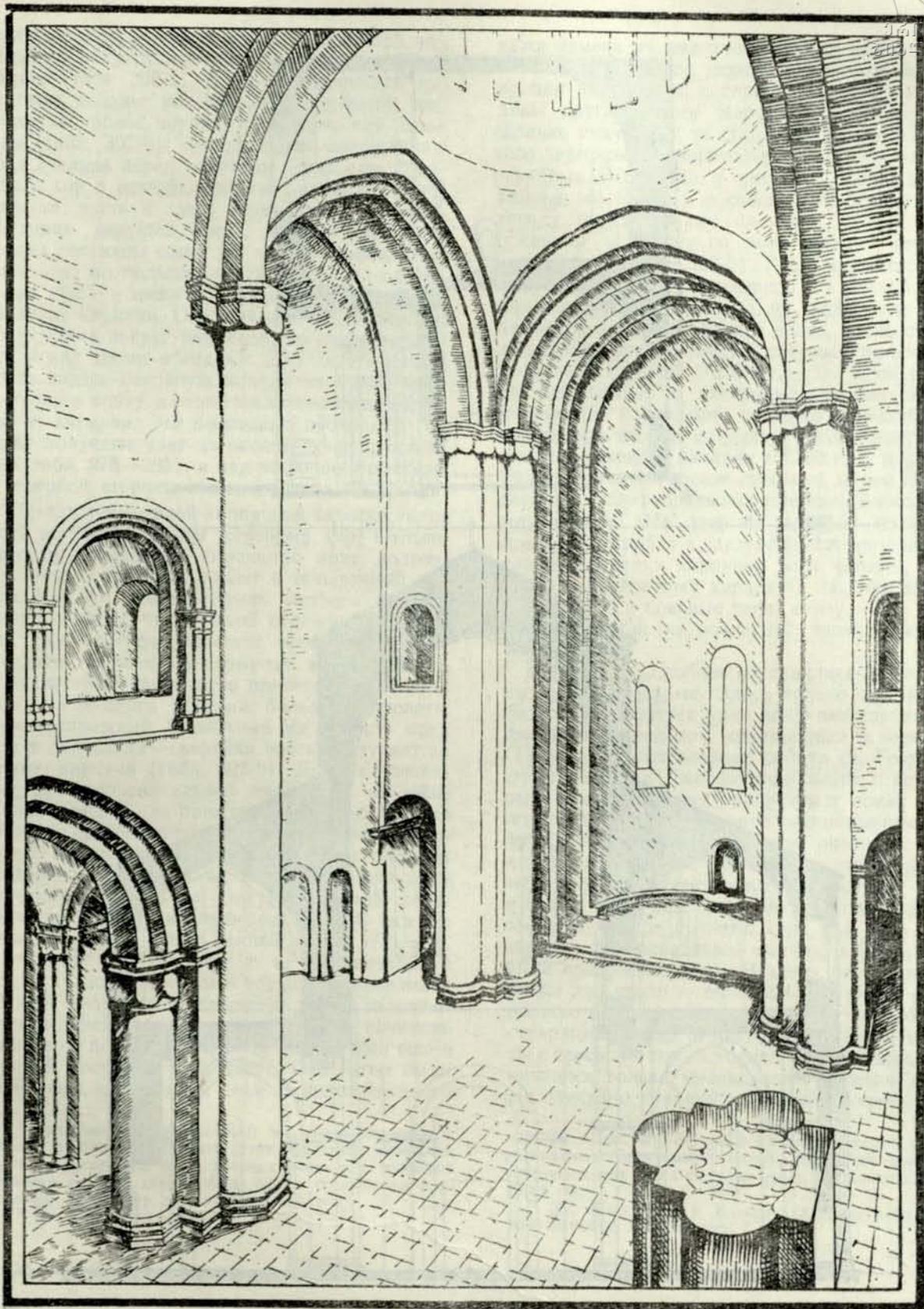

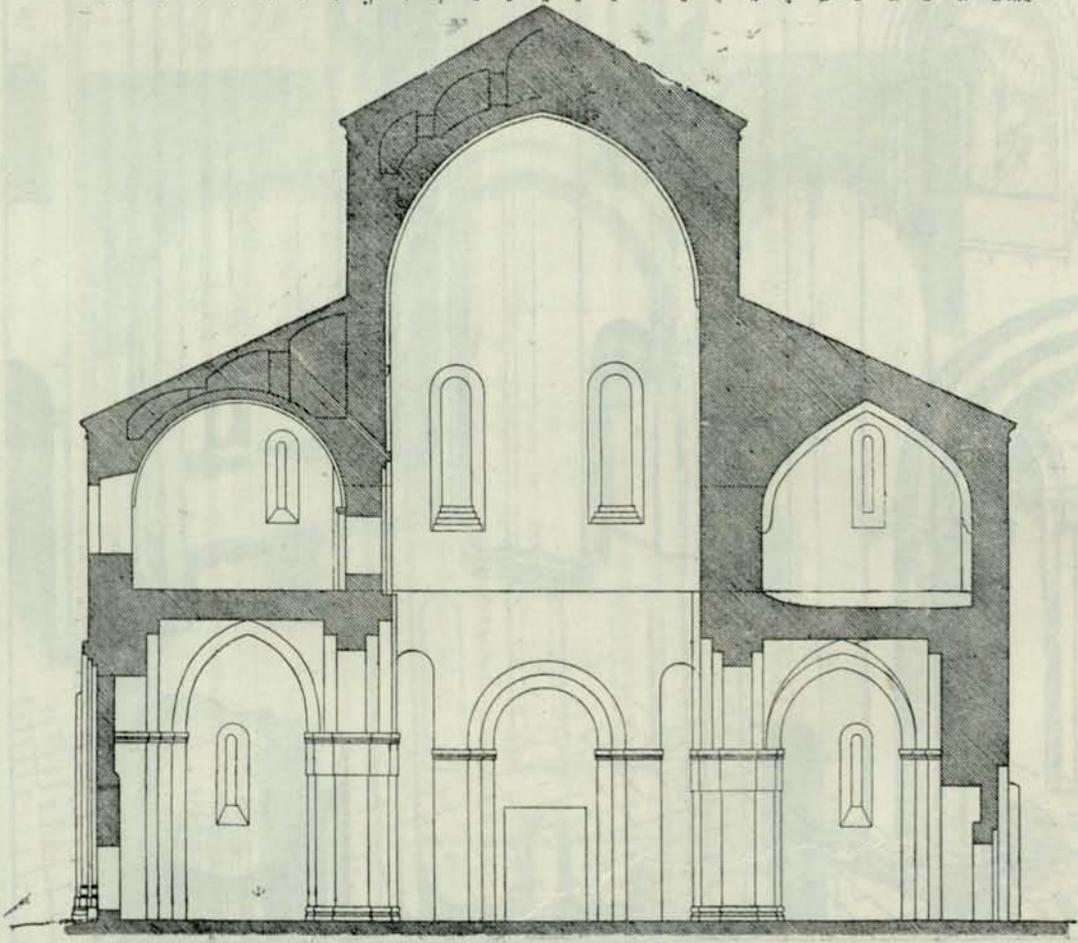
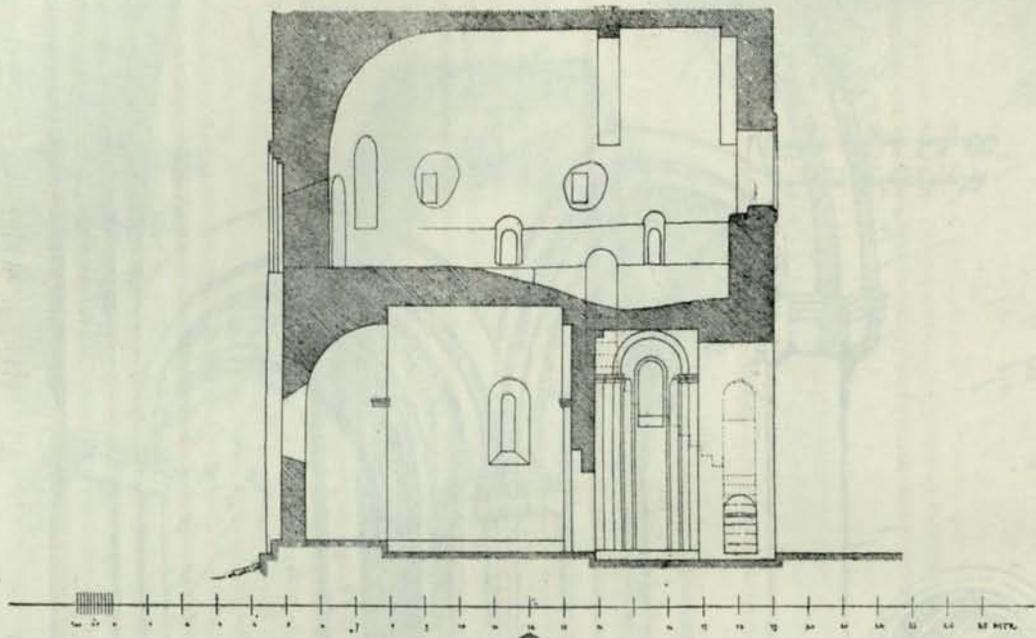
1 2 3 4 5 6 7 8 9 10 11 12 13 14 15 16 17 18 19 20 21 22 23 24 25 26 27 28 29 30 31 32 33 34 35 36 37 38 39 40 41 42 43 44 45 46 47 48 49 50 51 52 53 54 55 56 57 58 59 60 61 62 63 64 65 66 67 68 69 70 71 72 73 74 75 76 77 78 79 80 81 82 83 84 85 86 87 88 89 90 91 92 93 94 95 96 97 98 99 100

სამშენობლო
სამუშაო

სამშენობლო სამუშაო
სამუშაო

сводное пространство и рядом с лестницей небольшую полукруглую нишу в стене по форме абсиды (табл. 308-а). А вторая кирпичная арка была позднее вся заложена кирпичом же, несколько более крупного размера, чем сами арки (табл. 307-б); очевидно, эта заложённая арка сделана перед сквозным тогда еще проемом с хор в северный рукав (см. ниже). Вся древняя часть и здесь сложена из ширими. Лестница, ведущая вверх, приходится почти против лестницы снизу на хоры. Первая лестница идет по большей части в древних стенах и она сама — древняя в начале, а затем винтовая из кирпича. Она выводит в надсводные ходы храма вокруг барабана, по рукавам креста и над тремя абсидами. Это дает возможность видеть основную кладку из булыжника и починки внизу, а равно все подмости для крыши из кирпича. Эти посводные проходы и обходы получают свет из окон в конце рукавов (ср. табл. 278—283), а над восточным рукавом с северной стороны имеется выход на крышу.

Позади теперешней кирпичной заделки части этой восточной стены северных хор, именно, отвечая заложённой кирпичной арке, должен находиться оконный пролет в поперечный рукав. Что это действительно застроен пролет, видно по тому, что в самой кирпичной кладке, как уже отмечено, имеется пролет (1,72 м), позднее заложённый кирпичом же, а над ним и выше этого кирпичного пролета сохранилась арка из тесаного ширими, большего пролета, чем заложённый кирпичный же пролет; арка эта в два плана — верхняя часть выступает за линию кирпича (табл. 307-б). Другими словами, при первоначальной кирпичнойстройке только уменьшили прежний пролет, не заделав его еще совершенно; и лишь при вторичной починке отказались от этого, как и от наличия подобных же отверстий внизу. Древняя арка начинается на 46 см севернее начала заложённого пролета в кирпичной арке. С юга же она заходит в толщу южной стены этих хор, сложенной из кирпича, т. е. первоначальная стена должна была быть тоньше теперешней¹. В этой южной стене явственно видны заложённые позднее пролеты в главный неф, начинающиеся от пола (два, а, быть может, был еще и третий, восточнее этих двух). Они затем были заложены, и в среднем нефе не видно никакого

даже намека на них из-за штукатурки. Арки свода северных хор первой кирпичной реставрации не устояли; сейчас на месте их выведены другие, более широкие и разбитые несколько иначе, чем те (табл. 307-б). Они идут косо через свод и некоторые из них имеют деревянные (sic) вязи у пят, как видны деревянные же связи и в своде. Отрезки сводов между этими арками сложены постепенным сужением к центру со всех четырех сторон равномерно (табл. 308-б). В своде имеется по люку (табл. 307-б) с северной и с южной стороны, ведущему, очевидно, на своды — не случайно на западном фасаде здесь, около стены западного рукава, видна снаружи маленькая щель под крышей. Указанные два слоя починки из кирпича с некоторыми характерными чертами их позволяют довольно безошибочно приурочить вторую починку к летописному сведению о ремонте, начатом в 1750 году царицей Тамарой и законченном сыном ее, царем Ираклием II, после разрушения, произведенного землетрясением². Но эти же данные, полагаю, позволяют прийти к заключению о времени последней заделки кирпичом всех четырех окон с хор в поперечный корабль и заделке проходов из него в боковые нефы внизу — это дело, очевидно, этой же последней эпохи середины XVIII века.

Южные хоры собора сохранились значительно лучше северных. Здесь только все портит беспощадная штукатурка всего помещения, являющегося приделом, освященным в середине XIX века во имя патрона собора св. Георгия⁴. Это просторное, светлое помещение с коробовым сводом на двух подпружных арках с изломом; последнее, а равно расположение этих арок, говорит за то, что свод, очевидно, тоже кирпичной починки. Освещаются эти хоры двумя высокими (увеличенными?) окнами с юга и одним с запада. Кроме того, в главный неф открыты четыре пролета. Они, как уже отмечено, не первоначальной формы, а уменьшены были при реставрации. И здесь, без сомнения, также две эпохи — теперешние барьеры в них должно быть сделаны только в последнюю реставрацию, когда открытые до пола же пролеты с северных хор заложили совсем: здесь ограничили только уменьшением проемов снизу. Не случайно крайний западный застроен толь-

¹ Сравнивая с планом этой же стены на южных хорах, приходится считать этот фрагмент каменной арки за уцелевшую часть древних форм, т. е. плановое решение с обеих сторон было почти совершенно одинаковое (см. схему восстановления плана).

² См. план 2-го этажа.

³ См. выше, стр. 371—372. Размер кирпича в реставрированных Теймуразом частях, насколько возможно установить его, 24×4 см, в то время как Александром — 22×5 см.

⁴ Дм. Б а к р а д з е, Кавказ в древних памятниках христианства, Т. 1875, стр. 7.

ко по наружной линии, а не на всю толщу стены¹. Восточная стена этих хор была устроена аналогично таковой на северных хорах; различие обусловлено тем, что здесь не было лестницы в толще стены вверх на своды. Поэтому все поле разбито на две большие арки (табл. 307-а). В правой из них, т. е. у наружной стены собора, находится в глубине ее большая ниша по форме абсиды, аналогичная нише на северных хорах, но только больше, чем эта, по указанной уже причине. В левой же сейчас ничего не видно из-за штукатурки; но само наличие арки указывает, что в ней было окно на восток в южный рукав. Наконец, несомненно, уже при освящении этого придела в XIX веке выломали часть лопатки, получающейся между двумя арками восточной стены и приходившейся позади престола. Из-за него-то, очевидно, ее и выломали — это сильно обезобразило помещение.

Значительно сложнее композиционно восточные угловые помещения. Сейчас, после кирпичной реставрации, вполне сохранилась первоначальная форма без переделок, а только с закладкой — сужением некоторых проемов в юго-восточном углу (план). В северо-восточном же некоторые части были, видимо, разрушены и затем восстановлены в кирпиче. Части эти незначительны, а потому картину первоначальных форм получить совершенно легко.

Из поперечных рукавов основного креста собора и из алтарного рукава ведут отмеченные уже выше открытые пролеты, высотой до начала свода углового, почти квадратного, помещения, куда они открываются (табл. 295, 294). Позднее эти открытые пролеты были заложены и понижены до простых дверей кирпичной кладкой, как сделано было и с пролетами из тех же, южного и северного, рукавов на запад в боковые нефы (табл. 305-а). Свод этого прямоугольного помещения крестовый, impostы его имеют простую форму (табл. 305-б, 306-а). Но этот крестовый свод вовсе не имеет конструктивного характера, а сложен из четырех целых плит, в которых ребра вытесаны, т. е. он имеет определенно декоративный характер, что видно и на фотографиях. В углах помещения, т. е. с.-з. и ю.-з., сохранился также особо профилированный кокошь, который шел и в самом проходе на запад и в упрощенной форме так-

же в алтарный рукав, но ныне забран кирпичной закладкой (табл. 305-а справа внизу). На восток ведет арочная дверь в приделы. На юг, гсп. на север примыкают к описываемому помещению различной формы части (план). В южном за такой же высокой и широкой открытой аркой, как с запада и севера, находится неглубокое, высокое, вытянутое трехгранное помещение, перекрытое конхой и в котором на манер ниш в каждой из трех граней устроен триконх, доходящий до начала конхи всей абсиды. В средней абсиде триконха, сверху, устроено окно, освещающее все описанное помещение (табл. 305-б, 306-а). Конечно, раньше это помещение не было полутемным, как теперь, а освещалось открытыми тогда пролетами. Пол в этой абсиде выше на одну ступень пола прямоугольного помещения; он, по всем данным, первоначальный (чинен), ибо ступень сложена из ширими².

С северной стороны из прямоугольного помещения невысокий проход на север, вместо триконха; над горизонтальной перемышкой входа разгрузная арка в кладке. Вверху же стенки под сводом оставлена узкая оконная щель. За дверью длинное, узкое, почти прямоугольное, и высокое помещение с лестницей в верхний этаж по южной стене, т. е. она проходит над дверью в описываемое помещение³. Стены этого помещения с лестницей все — древние, из булыжника, кроме значительной части северной (наружной) стены, сложенной — делая уступ аркой на север — из кирпича с небольшим оконным проемом⁴. Характерно, что западная стенка этого помещения не прямая, а обнаруживает частью форму северной абсиды, сложенную из квадров ширими, в глубине бесформенной ниши в западной стене внизу и затем вверху юго-западного угла, нависая из стены над лестницей⁵.

Восточные приделы, одновременно жертвенник и ризница собора, в которые ход ведет из описанных, почти квадратных помещений, также одинаковы по своим формам. Это просторные, почти квадратные помещения с большими, широкими абсидами. Они сильно освещены алтарным и боковым (южным, гсп. северным) окнами. Арка абсиды опирается на капители простой формы (табл. 306-б). Напротив того, арка при западной стене северного придела

¹ Они сложены из кирпича, как обнаружил пробный «зондаж».

² Ныне на эту основу из ширими наложено утолщение из кирпича и иного материала. Это повысило ступень вдвое.

³ Уже в пределах верхнего этажа она делает два коротких колена.

⁴ Около ниши трансепта видимая по фасаду щель и есть это окно (табл. 283).

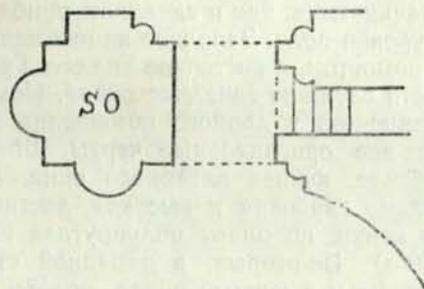
⁵ Свод в длинном помещении — по длине его — коробовый.

опирается на капители усложненной формы, подобной форме капителей малой церкви Кабенского монастыря, построенной при царице Тамаре (1184—1212 гг.). Арка перекинута по западной стене и выступает значительно больше, чем пилястры под ней: возможно, что этим обстоятельством-то и вызвано создание такой формы. В северной стене южного придела и в южной северного сейчас же за входом имеется высокая ниша (вершина ее на уровне пят конховой арки) с аркой сверху и прямоугольная в плане, начинающаяся от самого пола и доходящая до начала свода. Ниша в северо-восточном приделе имеет по плану расширение в глубине, юго-восточная же не совсем правильный прямоугольник (как видно, случайно искажен при реставрациях)¹. Своды, конечно, коробовые. Эти простые приделы кажутся низкими по контрасту с предшествующими им, вытянутыми вверх помещениями, хотя они и выше последних.

Южный придел был освящен во имя Иосифа Алавердского, в нем происходила служба в зимнее время и в связи с этим он оштукатурен весь заново. Северный же, с которого освящение в честь Иосифа Алавердского перенесено в позднее время на южный, наоборот, сохранил древний облик: старая штукатурка поотпала и обнажилась кладка из ровных рядов желтоватых плит ширины; северное окно заложено кирпичом только внутри (табл. 306-б), по фасаду же проем не заложено; у восточной стены неподвижный престол, весь обмазанный, так что нельзя судить о его древности.

Лестница в верхний этаж помещена иначе из юго-восточной части, чем описанная с севера. Южная лестница начинается в проходе из южного рукава (табл. 305-а, слева), сразу во всю высоту (это видно внутри), т. е. почти в высоту пролета, и идет в толще стены в три марша. Ступени ее сложены из пористого камня, как и первоначальная лестница на надсводные части с северных хор. Самое начало лестницы внизу имеет с левой стороны колонку (ср. схему восстановления). Была ли колонка и справа — сказать нельзя, ввиду закладки пролета и обмазки стен. Против первого марша большое, хорошо отделанное окно (в нижней части заложено), освещающее этот марш. Прямо напротив описанного выше окна на юг из триконха, выходящего на второй марш лестницы, находится окно наружное с юга, длин-

ное, посаженное выше находящегося напротив² и выше соседнего. Лестница выводит третьим маршем в очень большое и высокое верхнее помещение, равное по площади нижнему приделу с квадратом и триконхом и лестницей в толще стен. Все стены этого верхнего придела сохранились древние из булыжника, так же конха абсиды и своды из булыж-

ника³; подпружные же арки из правильно тесаных плит ширины на консолях, имеющих простую форму (табл. 309, 310-а). Арок здесь было собственно три — одна в середине свода, вторая при западной стене и третья, ныне почти вся опавшая, при абсиде. Лестница, ведущая снизу в этот придел, выходит ниже уровня восточной части придела в его западной части, ближе к наружной стене. Эта западная треть помещения с более низким уровнем пола была несомненно снабжена, на высоте примерно в полтора человеческого роста, помостом, утвержденным на уступе стен⁴. Помост этот был, конечно, деревянный. Не ясно, почему идет уступ стены с юга до самой абсиды, разве пояснить его как общее утончение верхней части стен, с этой линии начиная. Выход на помост мог быть над выходом лестницы снизу. Помост служил для расстановки хора певчих, которые пели, стоя лицом к большим окнам, выходившим одно в алтарный, а другое в южный рукав. Окно в алтарный рукав и теперь еще не заложено, только снаружи в нем висят деревянные створки; западное же наглухо заложено кирпичной кладкой (табл. 309-б и ср. 294-б). Эти окна определенно отмечены и вовне обрамлением из парных валов, которое намечает окно, хотя и заложено совершенно, в южном рукаве (табл. 291, 295). Свообразна система освещения этого помещения. Помимо алтарно-

¹ На плане дано раскрытие форм.

² На табл. 282 — длинное нижнее окно в третьей с востока арке.

³ Часть свода в восточной части обрушилась, как видно и на фото.

⁴ См. табл. 309-б — в высоту шкафа, стоящего ныне у западной стены.

го окна, длинного и высокого, начинающегося от самого пола, в южной стене четыре окна попеременно одно вверх и одно вниз (табл. 310-а). Два верхних окна были круглыми, сильно расширяющимися вовнутрь окнами, которым, по-видимому, лишь недавно для деревянных со стеклами рам придали прямоугольную форму¹. Два нижних же окна, больших размерами и удлиненных по форме, с арочным верхом, начинаются, как и алтарное, приблизительно с уровня пола. Западное из них находилось под помостом, а восточное вне его. Границей помоста служило западное окно². Помимо этих особенностей у данного помещения имеются еще две оригинальные черты. Во-первых, в абсиде, южнее алтарного окна, имеется довольно глубокая и высокая, достигающая пяти конхи, по плану полукруглая ниша (табл. 310-а). Во-вторых, в западной стене, рядом с проемом в южный рукав, имеется довольно большая плоская ниша, которая экономит толщину стены (табл. 309-б). Вверху над нею и начиная от западного угла, а также по линии северной стены этого помещения, над нею, находятся надсводные ходы, куда проникнуть можно через отверстие в начале свода над южной стеной рядом с западной подпружной аркой; обработано отверстие тесаными камнями в форме правильного прямоугольника.

Лестница с северной стороны восточных помещений идет, как сказано, одним сплошным длинным маршем вверх и только в конце заворачивает в самое помещение двумя поворотами, каждый только в несколько ступеней. Формы и распределение этого помещения такие же, как и с южной стороны. Сложено оно из булыжника; свод на двух подпружных арках из тесанных плит ширины на консолях; есть остатки третьей арки при абсиде (табл. 310-б). Арки из тесанных плит. На наличие третьей арки указывают также лежащие на земле тесаные камни от нее. Как и с южной стороны собора, здесь два уровня пола, уступ для помоста, два заложённых ныне окна в алтарный и в северный рукава для певчих, то есть основное деление то же самое. Но имеются и мелкие отличия. Так, прежде всего иная система освещения всего помещения. Оно освещено слабо тремя большими окнами. Одно, алтарное начинается с пола, как и в южном верхнем приделе. Рядом с

ним, на месте полукруглой абсидальной ниши соответственного южного помещения—окно на север, начинающееся от пола и, наконец, несколько западнее его второе такое же окно с севера. Вследствие чего западная часть данного помещения в полутьме. Снаружи северные окна приходятся в двух первых с востока арках, а не как с южной стороны во второй и третьей, и они значительно длинее последних³. В западной стене, при аналогичной с южным приделом разбивке, рядом с заложённым теперь большим проемом в рукав такой же ширины ниша, назначение которой имеет отличие. Эта ниша начинается с самого пола, внизу на высоту в один, полтора человеческих роста, неглубокая; а с указанной высоты в толще стены устроена маленькая площадка справа и от нее начинается внутренняя лестница вверх на юг в пространство между сводами (табл. 301-б). Здесь с лестницы видно, что эти части также были починены кирпичом, сейчас они опять пришли в разрушение, как и свод всей комнаты, в котором видны трещины. На лестницу эту подниматься нужно было по приставной лесенке, которая видна и на фотографии. Сама лестница проходит над окном в северный рукав. По-видимому, отсюда имеется всход и на своды по бокам восточного рукава и на его конху.

Благодаря наличию лестниц в толще стен, выводящих на своды храма (см. выше, стр. 373, 376 и здесь), имеется возможность установить сохранность северной конхи. Она хорошо, ровно обмазана и поверх нее установлены кирпичные стенки для опоры крыши (ср. разрез). Южная же абсидальная конха сохранилась сравнительно плохо. Она очень неровная, искорёванная и надсводное пространство—одно сплошное под кровлей. Мне представляется возможным приурочить к этим починкам сообщение из реестра описей сигелей Алавердских, где сказано: მეფე ალექსანდრესაგან ჟამთა სიგრძისა განზო დარღვეული მეორედ აღუმენებია ალავერდის ეკლესიის სამხრის თავი მარცხნის მხრით в 1522 году⁴, разрушенный при царе Александре от давности времен восстановлен свод [конхи] рукава слева в Алавердском храме. Что касается сводов над алтарным рукавом, то доступен обследованию (и мною обследо-

делах аркатуры (табл. 282).

³ См. эти окна снаружи на табл. 281 и 283.

⁴ Т. Жордания, Хроники и др., II, 348 (по-груз.). Он считает дату реестра ошибочной; предлагает 1502 год или, согласно тексту его издания, 1552 год (?).

¹ По фасаду это — окна над аркатурой. Впрочем, восточное из них снаружи имеет частью сохранившиеся края из ширины прямоугольной (sic) формы: это, видимо, использование старого материала при ремонте.

² Два нижних окна по фасаду приходятся в пре-

ван) лишь верхний ход, низкий и с ровным полом. Второй же ярус, который бы показывал самую конху, не доступен: хода в него не обнаружено. Вероятно, он находится из прохода в стене северо-восточной комнаты второго этажа, как отмечено выше (стр. 387). Над каждым рукавом храма устроены сейчас длинные продольные ходы по пять и по три (поперечный разрез). Над западным и южным они соединены между собой, а над северным и, вероятно, восточным, имеют независимые друг от друга входы; над северным, кроме среднего, заметил только совершенно темный боковой западный.

Это, в восточных угловых частях еще несколько сложное, внутреннее устройство собора, вовне претворено уже в совершенно простые, кристально-ясные формы, которые и были вначале отмечены. Из-за разрушения и позднейшей реставрации собора, только два фасада — восточный и южный — представляют сейчас достаточно полный материал, чтобы позволить сделать попытку восстановления первоначального вида храма.

Собор снаружи облицован был первоначально весь, как и внутри (за исключением второстепенных помещений), ровными плитами желтоватого ширими. При реставрации кафедрала в конце XV века, исполненной в кирпиче и захватившей, как мы видели при описании его внутри, многие вовсе не пострадавшие части, он и снаружи был отремонтирован в кирпиче, что и вызвало сплошную побелку его, а кое-где и оштукатурку внутри и снаружи. Особенно пострадала северо-западная часть, в значительной мере восстановленная снаружи в кирпиче.

Восточный фасад облицован весь квадратами желтоватого ширими крупного размера правильными рядами (табл. 278, 281, 284, 285). А в обеих нишах части сводов, видимо, сложены из плотного, не ноздреватой породы, белого камня. Из такого же материала и ряд кладки под крестом, где вырезана надпись. Позднее верх фронтона и боковых частей починен кирпичом и весь фасад оштукатурен и побелен. Но ныне в значительных частях штукатурка слезла и открылся настоящий древний вид фасада. Он разбит на пять арок из центра; две обрамляют глубокие ниши. А по сторонам цен-

тральной есть еще выше них дополнительные малые, имеющие основанием круг с диаметром, равным ширине этих арок; в круге заключены три кружка (табл. 281 и 284-b). Вверху центральной арки имеется сравнительно небольшой рельефный крест (табл. 285-a), под которым идет ряд кладки с надписью крупными заглавными буквами в две строки, частью закрытые штукатуркой.

Надпись, замеченную в первые же посещения¹, удалось в значительной мере проследить только с лесов в 1936 году, во время ремонта храма, когда и сделаны с нее снимки: штукатурку частично удалось снять и выяснить некоторые уцелевшие еще части букв полностью, другие частично². Непосредственно под второй строкой в первой трети ее подписаны три буквы. Эти подписанные буквы не оставляют сомнения, что они только приписаны после того, как было замечено, что в строке они пропущены (табл. 285-b).

Надпись высечена на сплошных восьми квадратах ряда кладки, высотой в 47 см; начальные четыре квадрата имеют ширину в 35, 21, 45 и 39,5 см; а конечные—35, 53, 64 см. Сами буквы имеют высоту 9 см и только у некоторых ствол выходит из пределов полосы (напр., у «ქ» в конце надписи вверх до 14 см; а у начального «ქ» и «წ»—до 21 вниз). Надпись явно высеклась после возведения фасада; буквы расставлены то тесно, то свободно, сообразуясь с представляемым квадратами местом.

В расшифровке этой надписи мне помог, как часто в других случаях, А. Г. Шанидзе, поддержавшийся, однако, от прочтения средней части второй строки. Текст—в транслитерации с раскрытием сокращений: + წილია გიორგი, მეხვამხე ეყავ წინაჲ ღმრთისა მონასა შენსა გიორგი აბაძს, დისწოვლსა გოდერძი ერისთავთ ერისთავისასა, რომელმან აღაშენა კონქი ესე. ამინ³

В переводе это дает:

Х. Святой Георгий, будь заступником перед богом рабу твоему, племяннику [по сестре] эристава эристава Годердзи, авве Георгию, который построил..... эту абсиду. Аминь⁴.

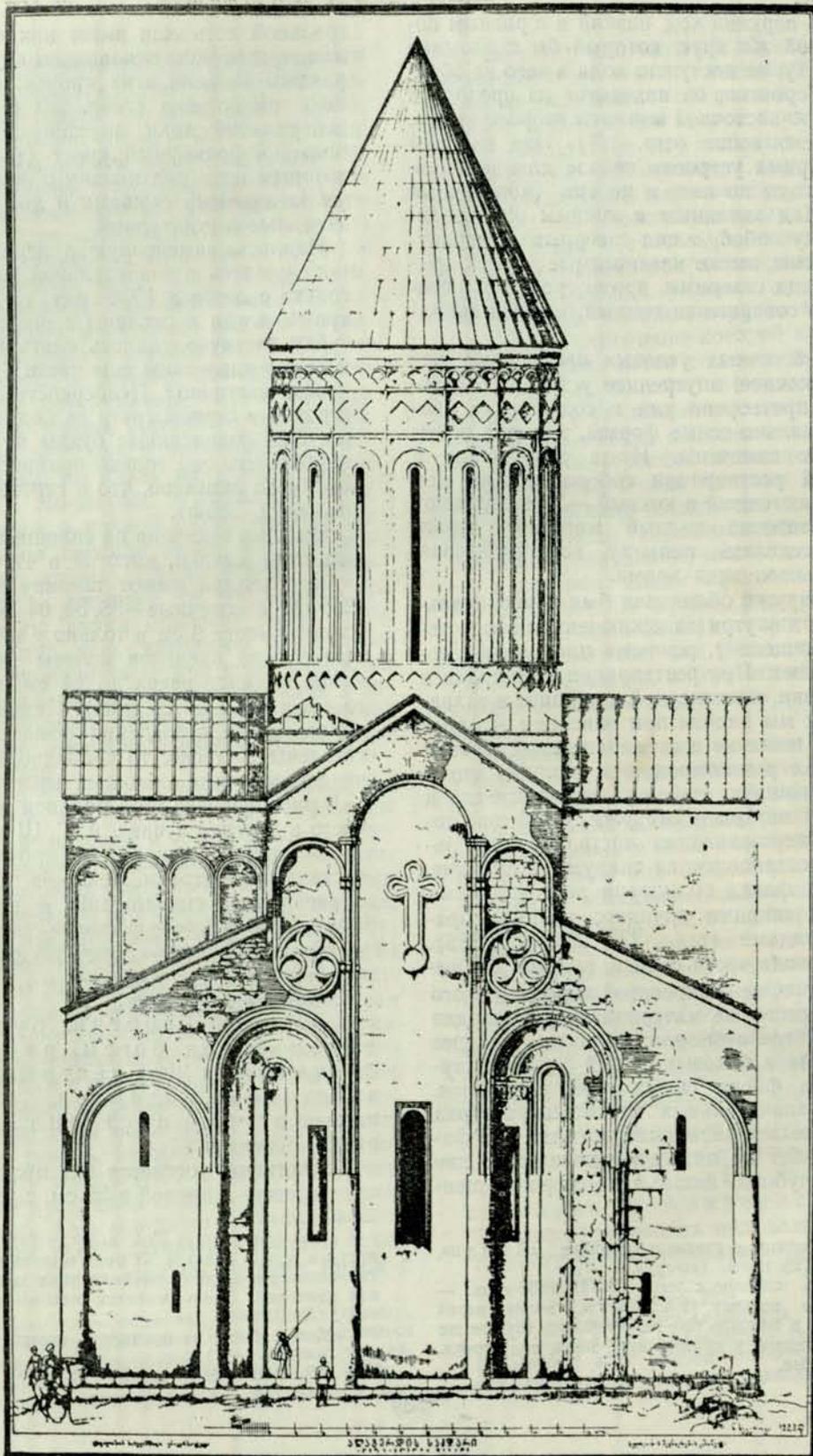
Единственно остается без прочтения испорченное место шириной в 35 см, с четырьмя бук-

¹ О ней упоминаю в статье в сборнике «Арли». Тб. 1925, стр. 125 прим. (по-груз.).

² Это мною сделано с лесов 6.VIII.1936 года. — В последующую поездку (9.X.1936 г.), вновь сверяя текст, я заметил в бинокль еще одну надпись такими же буквами выше первой у правого края поля, три строки, сильно забеленные.

³ „აბაძს“ ნად. ჩიგატი აბაძს ა. после гласных (в особенности в конце слов) в XI веке иногда не имело фонетического значения (в последующих веках это — обычное явление). Здесь имеется несомненно такой случай*. (А. Ш.).

⁴ «Может быть, не исключена возможность перевода слов გო აბაძს через Георгию - Абаю, видя в აბაძს

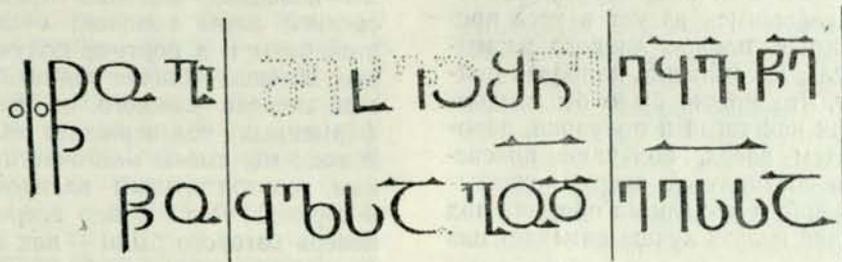
საქართველოს ხელოვნება

საქართველოს ხელოვნება

საქართველოს ხელოვნება

1222

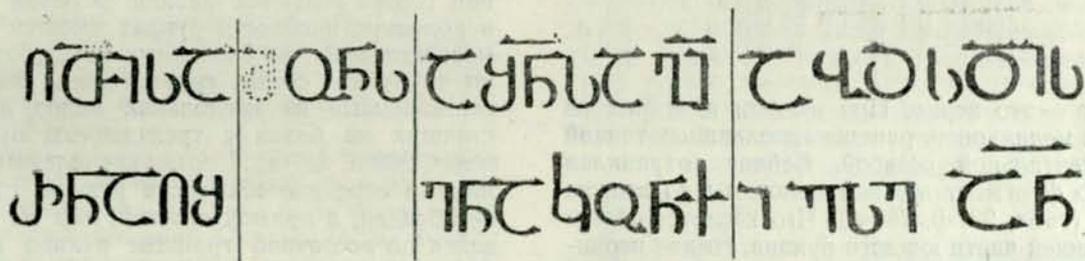
вами в верхней строке (т. е. допускающее четыре-пять букв. Мне кажется, что, высекая надпись на сложенной стене, резчик допустил здесь ошибку, — вторую, — как у него имеется первая — пропуск конца имени Годердзи: ᲑᲑ он дополнительно высек под строкой. Нечитающиеся сейчас четыре-пять букв, в которых заключалось, полагаю, определение к слову «абсида» или дополнение к слову «построил», он высек, не закончив слова «построил», а заметив ошибку, поместил за ним окончание этого слова «построил».

Арки фасада составлены из нескольких валиков и ребер, кое-где перехваченных шаровидными звеньями (табл. 281). В нижних частях своих эти пучки забраны позднее в общие сплошные полуколонны; но на северном пучке при северной нише из-под опавшей штукатурки проступила действительная, первоначальная форма их, хоть и сильно выветрившаяся (чертеж восточного фасада). Средняя арка

бине имеют еще дополнительное членение нишковой же по форме абсиды, обведенной аркой из вала между ребрами. Со внешних ребер протянуты к ребрам при наружных пучках орнаментированные пяты из сильно рельефных листьев. Пята эта вместе с тем является пятой для всей воронки большой ниши (табл. 284-b). Сохранилось это украшение на южной грани северной ниши, хотя и тут в деформированном уже виде.

Южный фасад весь сложен из камня, только кое-где починки кирпичные (табл. 282, 286,

состояла первоначально, конечно, из двойного вала, который, однако, не был восстановлен, во время кирпичной реставрации. Ниши в глу-

собственное имя строителя абсиды, возможно носившего это имя до пострижения в монахи, но скорее всего в этом слове имеем нарицательное имя ᲁᲃᲁ — «авва», «отец», «настоятель монастыря». На такую мысль наводит одна из ставших известными в 1953 году грузинских мозаичных надписей в Бир-ель-Кутте (близ Вифлеема, в 9—10 км к югу от Иерусалима), которая гласит:

შეწევნითა ქმსითა და მეორებითა წმიდისა თეასითა ᲑᲑ ანტონი აბაა და იოსია, მომხმამელი ამის სეფისა და მამადედა იოსიაჲსი, ამეხ (Le iscrizioni musive del monastero di Bir-el-Qutt. Studio del rev. M. Tarchnisvili [в

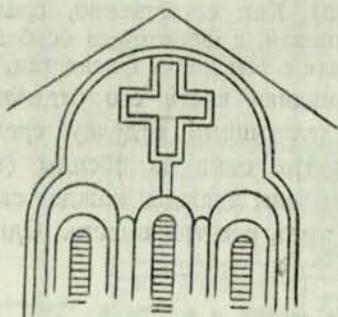
287, 289-a). Как естественно, средняя часть, более высокая, с фронтоном особенно выделена и вместе с тем делит фасад так, что восточная и западная части его отделаны различно. Определяющими отделку среднего поля являются три окна из абсиды (табл. 286). Они обрамлены дважды: каждое само по себе, и, кроме того, все три вместе. Однако мотив

объединяющего обрамления не сохранился полностью, а только обрывками и притом столь незначительными, что вполне точного восста-

книге: P. Virgilio Corbo O. F. M., Gli scavi di kh. Siyar el-Ghanam (Campo dei pastori) e i monasteri dei dintorni (=Publicazioni dello Studium Biblicum Franciscanum. № 11). Gerusalemme. 1955, p. 135, табл. 84) что в переводе значит: «Вспомоществованием Христа и

ходатайством святого Федора помилуй (ᲑᲑ-შეიწყალეხ, аву Антония и Иосию, сделавшего эту мозаику, и родителей Иосии. Аминь». Интересно отметить, что слово ᲁᲃᲁ («авва») в обеих надписях — как в вифлеемской, так и в алавердской — стоит после собственного имени: ანტონი ბო აბაა (вифл.) გი აბაა (=გოთრგი აბაა, алав.)". (А. Ш.).

новления дать нельзя. С боковых окон поднимаются полуарки, поворачивающие затем вертикально вверх. Со среднего окна тоже идут вверх двойные валы, образующие затем расхождение по горизонтали и новый поворот вверх по вертикали. В остальном продолжения нет. Здесь нельзя, однако, не прислушаться со вниманием к мнению, высказанному лет 25 тому назад монахом Алавердского собора Зеноном, полагавшим, что это украшение среднего окна есть подножие декоративного изображения креста. Конечно, в лучшем случае это может быть передававшимся из уст в уста преданием, а, вероятно, плодом личного размышления. Но мысль, несомненно, наиболее подходящая к тому, что можно было бы предположить здесь, так как тогда и полуарки, поворачивающие затем вверх, получают пояснение — они могли соединяться вверху охватывающей крест аркой. А что форма обрывка над средним окном как нельзя лучше намечает низ

креста — это верно. Под окнами идет ряд из шести медальонов, раньше заполненных тонкой орнаментальной резьбой. Сейчас сохранился только фрагмент нижней половины во втором круге (табл. 287-b, 288-a). Что касается отделки нижней части южного рукава, то две неодинаковые арки производят совершенно странное впечатление. Однако, судя по всей кладке стены, по отступу стены в каждой из арок вглубь, эта разбивка производит впечатление изначальной, а не результата искажения во время реставрации. Приходится предположить, что арки находятся в связи с южным портиком, и что последний доходил на восток только до середины этого рукава, отсюда же начинался ряд из четырех больших арок. Это протяжение портика несколько неожиданное, ибо с северной стороны ясно прослеживается, что он выступал далее на восток (см. план с реставрацией обходов).

Правая (восточная) часть южного фасада

представляет тройную аркатуру, а если прибавить еще одну арку по рукаву, то их получится четыре. Несомненно, что аркатура эта состояла из пучков колоннок и ребер, аналогично такому восточного фасада. Однако сейчас все скрыто штукатуркой. Так было во все посещение памятника в 20-ых годах. В последующее же, в сентябре 1933 года, посещение видны раскрывшиеся части на четвертом столбу, где находится окно с внутренней лестницы. Эти части обнажили именно указанную форму и они же поясняют наличие прямоугольной базы средней пары колоннок: отсюда однообразие этой базы и в портике получает свое пояснение. Именно наличие одинаковых баз этих частей спереди каждого из столбов (ныне бесформенных) подтверждает высказанное положение: мы имеем многочастную базу со средним горизонтальным валиком, выступающую в средней части ровно вперед (над ним куб, поверх которого были — как видно по названному четвертому столбу — две полуколонки в ряд), и, отступя, имеем части для ребра и еще далее вглубь — место для дальнейшего полувалика с каждой стороны (табл. 287-с). Окна, пробитые в этой части фасада, согласованы с данной аркатурой — они или в центре поля той или иной арки, или же над их схождением.

Левая часть южного фасада была, как на это уже указывалось, закрыта портиком-притвором. Формами его и обуславливается видная теперь разделка фасада. В левой части и в половине плоскости рукава имеется три самостоятельных, не связанных между собой арки в глубине стены, сравнительно невысокие, составленные из нескольких валов и ребер, стоящих на базах с трехчленным профилем (табл. 289-a, 287-a). Порттик кончался на восток или по середине плоскости рукава, при этом не абсидой, а прямой стенкой, или же дотягивался до восточной границы рукава абсидой (ср. реставрацию плана). В этой части стена собора гладкая, сохранила внизу облицовку изначальную. Между этими тремя арками находятся небольшие части, где между двух лопаток находится небольшая в плане полукруглая нишка. Лопатки эти сейчас обрываются на высоте примерно пят соседних арок, заворачиваясь вперед, определенно показывая, что с этого места начиналось закругление арок через портик. В углах лопаток находятся валы с базами и капителями определенного профиля¹, который увидим и в западном портике,

¹ Лучше других базы видны у западной абсидальной нишки и в западной арке, а капители у восточной нишки.

где, как равно и на северном фасаде, проходит тот же мотив чередования полей. Несомненно теперь, что по кахетинскому приему портики-притворы с трех сторон собора были приложены в большей части собора только вприслон к главным стенам его. Непосредственно же слитыми с ними были только отмеченные узкие поля с лопатками, переходившими в подпружные арки¹. Между же этими узкими поясами были примерно квадратные отрезки, где свод опирался на приложенную к стене собора арку. Таким образом, свод в квадратных отрезках был значительно выше, чем в узких поясах². Крыша южного портика должна была примыкать к фасаду храма на линии опускающихся ножек по сторонам кружков с орнаментами. Вход с юга сейчас сужен, как было уже отмечено. Извне прежний пролет в ширину намечается обрывающимся плинтусом внизу (табл. 282). Отделаны были с южной стороны также и вышележащие стены, т. е. стены главного нефа. Так восточная часть стены главного нефа украшена семью арочками из двух валов и полочки. Крайняя восточная арочка больше других, но она чинена кирпичом и притом неудачно, с искажением древних форм. Западная часть стены главного нефа сейчас поновлена кирпичом и потому, конечно, никаких древних разделок сохранить не могла. Так же и боковые стены южного рукава украшены арочками же, по четыре с каждой стороны (табл. 278, 280). Они продолжали, таким образом, декоративный мотив стен главного нефа. Крайняя наружная имеет большее количество уступов сообразно лишней толще стены, а примыкающая к главному нефу только один (чертеж восточного фасада).

Северный фасад, как сказано, значительно более пострадал еще в древние времена, а потому и починка его тогда же была более объемистая и основательная. Однако, общие формы его, как и вся внутренняя разбивка северной части здания, отвечающие вполне таковой южной части, заставляют уже а priori предполагать симметричную разбивку северного фасада южному. И действительно, это предположение подтверждается наличными остатками, сохранившимися, конечно, главным образом в нижних частях стен.

Восточная часть была разбита, как и на юж-

ном фасаде, арками. Сохранились две арки в пучках колонок, имеющих в плане спереди две полуколонки, затем угловые ребра во втором отступе и, наконец, в качестве третьего отступа — поле в арке (табл. 283). Эта форма ясно видна в верхних частях пучков; в нижних же она забрана в одно штукатуркой. В основании пучков колонок были базы; они той же формы, что и на южном фасаде, как видно по оставшемуся единственному фрагменту при третьей пучке. Окна этой части — два длинных в верхнем этаже и одно меньшее, заложено в глубине, в нижнем приделе — расположены как раз в центре арочного поля, т. е. архитектор определенно считался с фасадом. Характерно, что притвор-портик с северной стороны доходил на восток до пучка колонок при начале третьей арки, ибо фундамент полукружной абсиды, заключенного в наружный прямоугольник, виден и сейчас (см. реставрацию плана). Абсида начинается с заплечика внизу на грани восточной части фасада и рукава. Все это из тесаных плит ширими. Таким образом, возможно, что третья арка была только намечена. Сохранившаяся же линия северной стены бывшего притвора, хотя идет примерно по древней линии, но сама уже характеризуется кирпичной кладкой, т. е. временем поновления. Здесь, по северному фасаду, таким образом, протяжение древнего портика на восток устанавливается несомненно; вместе с тем видна и линия, где начинался свод его. По стене начало свода отмечено в западной части выпучивающейся полосой, покрытой грязью и расположенной над окошечком с лестницы, проходящей в стене на хоры. В этой части — древняя облицовка. Примыкание же крыш было — вполне возможно — на высоте выравненной кирпичом, как бы дополнительной при рукаве внизу стены, покрытой черепицей.

Западная часть северного фасада разбита несколько отлично от южного. Здесь имеются три арочных углубления одинаковых размеров, но не равномерно расположенных по фасаду. По сторонам крайнего восточного имеются выступающие пилястры, обрывающиеся вверху. Из них восточная сохранила начало заворота арки вперед на север, как видели то же и на южном фасаде³. В данном арочном пролете видна переделанная в поздних декоративных

86 см. ширины, а западнее — 98 см. Рядом с восточной пилястрой в стене идут обрывки кладки из ширими; но они не первоначальные здесь, а использованные при починке из старого материала. Это подтверждается наличием фрагмента с выделенной полуколонкой, находящегося на высоте около 75 см. от земли, а выше в том же камне колонка оканчивается и над ней был видимо куб (выветрено).

¹ Вверху эти части сейчас покрыты черепицей, что предохраняет их.

² Впрочем, он мог быть и крестовым, на эту мысль наводит применение его в соборе, и затем употребление в длинном ходе при академии в Икалто (см. ниже, гл. XI).

³ Пилястра, расположенная восточнее двери, имеет

формах дверь с севера¹. Между средней и западной арками—широкое поле с нишкой, полукруглой в плане формы в центре его (ср. южный фасад). Над этим полем, но не по центру его, имеется маленькое окошечко с лестницы в толще стены. Это указывает на то, что оно пробито позднее, после уничтожения портика². Над нишкой по форме абсиды в поле между средней и западной арками, а также по сторонам нишки видны обрывки кладки, которые позволяют сделать заключение, что здесь были две выступающие пилястры и начало же свода этой средней части. Свод же основных трех полей начинался, как и на южном фасаде, выше: линия его определяется выступающей неровностью стены (покрытой грязью) над маленьким окошечком, только что упомянутым и правее его. По низу этой нишки и предполагаемых пилястр шла сохранившаяся доныне скамеечка-цоколь. Такой же цоколь был и в глубине трех арок, он прерывался в пролете двери.

Средняя часть северного фасада внизу выступает вперед. Низ этот, возможно, отвечает высоте, где примыкала крыша притвора-портика. По всей вероятности, свод был укреплен здесь на ряде арок, шедших по фасадной стене церкви и опиравшихся на пристроенные к последней пилястры. Верхние части стен главного нефа и боковые рукава выравнены снаружи кирпичом³. Однако, и выше линии портика видны кое-где старые камни облицовки, именно на углу соединения крыши восточной боковой части с северным рукавом⁴. Вероятно, в поле рукава были две арки с лежащим между ними пояском с нишей, имевшей форму абсиды, как то имеем между двумя западными арками, т. е. по всей этой части внутри северного портика было своеобразное чередование шести арок-ниш (см. восстановленный план).

Западный фасад тоже совершенно починен кирпичной кладкой, а в верхней части почти целиком выведен заново (табл. 280). Тем не менее обрывки кладки старых частей отчасти намечаются выступающими, покрытыми грязью, частями, проходящими из среднего поля на северное до угла его. Порттик, закрывающий нижнюю часть западного фасада, тоже, несомненно, сильно переделывался; теперешний выве-

ден заново, вернее всего, в половине XVIII века и имеет ныне иррегулярные формы. Он и расположен не совсем по оси собора, хотя в этом отношении обмеры несколько не полны и твердо не связали портик с собором. В портике два отрезка с полным парусным сводом, а симметричный третий в северной части отсутствует, между же ними узкие низкие полосы. Тем не менее теперешний портик сохранил в себе остатки древнего портика, который огибал собор с трех сторон, а не был только устроен по двум продольным. Мотив разделки его, членение его — общие с установленными на южном и на северном фасадах. Здесь также было чередование широких, квадратных частей при высоко помещенном своде с узкими низкими поясками арок. По стене церкви это чередование полей сохранилось и втянуто в нынешнюю разделку портика. Но мало этого: здесь же сохранилась и вся разделка полей в деталях, хотя в большей своей части и посбитая штукатуркой. Только пара угловых колонок с капителями и началом арок, которая находится севернее входа, сохранилась в своих древних формах (табл. 311-а). Начало арок в этих углах древнее, обрывается вскоре и уступом продолжается затем новая арка. Колонки других отрезков имеют смазанные штукатуркой капители и базы, но заметно, что форма их была та же, что и в сохранившейся северной паре. Эта северная пара колонок имеет и базы, к сожалению, все же в значительной части закрытые лавочкой, проходящей в этих углублениях. При этом, однако, самый мотив лавочки несомненно основной, ибо его же находим и на северном и на южном фасадах в их западных частях. Кроме того, и тяги на выступающих по сторонам входа в церковь пилястрах, хотя и попорчены сейчас, но первоначально, бесспорно, были одного профиля с таковыми западного входа изнутри собора. Этот вход ныне сужен и на суженном поле, в люнете, сохранилась роспись изображения св. Георгия на коне, а по сторонам самого входа архангел Михаил—слева, и апостол Петр со свитком — справа (табл. 312).

Снаружи, как впрочем и внутри, собор весь оштукатурен, зацементирован и побелен⁵. Это сглаживает для общего впечатления разницу

¹ На линии пят арки входа начинается заворот арки пилястры вперед через портик.

² Ср. выше с. 375.

³ Приложенная часть починки стены из кирпича не прямая, а делает скос к западной части для выравнивания на одну плоскость с древними пилястрами (в прежнем портике).

⁴ Это использование старого материала при ремонте.

⁵ В южной абсиде внизу в последнее время откры-

лись из-под побелки ноги ряда крупных фигур росписи. Посольство Звенигородского и Антонова 1589—1590 годов отметило, что «подписана была вся; да в иных местах подпись знать, а в ином месте не знать» (А. С. Белокуров, Сношения России с Кавказом, I, М. 1889, стр. 157). Посольство кн. Ф. Ф. Волконского и А. И. Хватова (1637—40 гг.) тоже упоминает, что «церковь большая и приделы писаны были стенным письмом; много письма попорчено от неверных» (изд.

строительного материала, но затрудняет, конечно, изучение постройки. В этом едином цвете выдержан также и купол собора с барабаном, сложенный весь от основания из кирпича, что можно хорошо обследовать во внутренних посподных ходах и обходе основания купола, хотя оно ясно видно и снизу снаружи. Он высокий, стройных пропорций с почти прямо под сказанной ровным строительным материалом разделкой, которая только в некоторых частях отличается мотивами от других куполов XVI века¹. Шатер купола более крутого уклона, чем изображено на чертеже Д. И. Гримма, как видно и по фотографиям². Пропорции этого кирпичного купола, без сомнения, передают первоначальные; едва ли он был ниже хотя бы и на один только верхний поясок, что почти не играет никакой роли. Эта старательная и коснувшаяся всех потрясенных временем мест собора реставрация произведена, как мы уже отмечали, царем Александром и царицей Анной в 80-х годах XV века.

Крыт собор ныне оцинкованным железом³, старое покрытие было из каменной лещади⁴, а первоначальное, возможно, из поливных голубых черепиц громадных размеров (больше, чем в Некресском монастыре), отдельные экземпляры которых сохраняются ныне в верхней юго-восточной комнате, а большая часть вмазана в наружные ступеньки южного и северного фасадов портика. Один экземпляр в юго-западной комнате имеет размеры: 64 × 39 см. Сохранились и неполивные черепицы в той же комнате, крупные, но меньших размеров и поломанные. На одной — в центре — малый равнобедренный крестик рельефом.

Полиевктова, стр. 365), а равно и посольство Мышецкого и Ключарева 1640—1643 гг. отметило, что церковь «писана стеном письмом. Письмо избито ищпищалай и исколото копыи» (изд. Полиевктова, 1928, стр. 140).

М. А. Полиевктон в своей небольшой работе «Новые данные о московских художниках XVI—XVII вв. в Грузии» (Тб. 1941) на стр. 15—17 высказывает, приводя цитаты из статейных списков русских посольств, в том смысле, что среди выполненных русскими мастерами живописных работ в Алавердском монастыре ими были росписаны также стены. Мне представляется из всего привлеченного им материала это утверждение необоснованным. Сообщение Звенигородского касается одновременно работ в Тога и в Алаверди, причем относительно Тога доподлинно говорится о стенной росписи, относительно же Алаверди точно указываются иконы; Мышецкий, говоря о росписи в Алаверди (скупо), ничего не говорит о мастерах ее, между тем в пространном сообщении об иконах, дважды подчеркивает выполнение их русскими мастерами. Остается единственно упоминание Волконского, что на вопрос русского архимандрита Иосифа «какие

А н а л и з.— Алавердский собор есть не только один из величайших памятников архитектуры Кахетии, но и один из величайших и величественнейших памятников всей грузинской архитектуры в целом. Это колоссальное строение, вздымающееся исполински вверх и видное за десятки верст вдаль, несмотря на значительные искажения, чарует зрителя. Насколько же сильнее было это впечатление, когда собор стоял во всей своей красе, вышедший из под рук архитектора.

Алавердский собор открывает собой новую эпоху в истории архитектуры Кахетии, и хотя до нас дошло не много памятников ее, все-таки они все несут общий отпечаток на себе. Самыми характерными явлениями общего порядка нужно назвать, во-первых, замену конструктивных исканий простым, спокойным, взвешенным компонованием. И, во-вторых, переход к усиленной, нарочитой отделке помещений внутри и снаружи известными декоративными деталями, проходящими мотивами, что теснейшим образом связано с первым. Здесь намечается в отношении предшествующей архитектуры перелом в способах восприятия и выражения. Несомненный уклон в живописную и глубинную трактовку, а также к целостному единству в отличие от множественного единства Вачнадзианской Квела-Цминда, хотя уже в ней намечается переход к новому ощущению, как оно, впрочем, и не могло бы быть иначе — этот общий поворот всей грузинской архитектуры начался в IX веке.

Зодчего Алавердского собора уже не влечет решение каких-либо конструктивных новинок, его мысль увлечена стремлением создать новое, небывало грандиозное, композиционное целое.

люди писали церковь», пристав Рамазан Бежан-беи сказал: «правую сторону писали русские мастера, а левую сторону писали немцы». Но, не говоря же о том, что «правая и левая стороны» можно отнести по ходу изложения и к приделам, мне представляется все это сообщение просто угодливой вежливостью пристава.— Конечно, этот в высшей степени интересный вопрос должен быть всесторонне изучен по самим остаткам росписи, дальнейшее раскрытие которой желательнее всячески продвинуть.

¹ См. ниже, глава VIII.

² Н. П. Северов, прорабатывая в апреле 1923 года фото южного и северного фасадов, отметил, что уклон крыши равен 32°.

³ Это произведено епископом Кирином в 1900—1901 гг. (см. Е. К., Краткий очерк истории грузинской церкви и экзархата за XIX столетие. Тифлис, 1901, стр. 311).

⁴ О таком покрытии передних крыльев упоминает Ава Николай Чолокашвили Алавердский в надписи 1721 г. на образе св. Георгия Алавердского в соборе. Оно сохранилось донныне под железом.

Его мнит задача создать единственное, величайшее по размерам, и вместе с тем по грандиозности и величавой простоте производимого им впечатления здание, положив в основу этого строения всю полноту завоеваний и достижений архитектурного мастерства Грузии. Он создает храм в единое колоссальное пространство, причем оформляет его в нормах крестовокупольного храма. Таким образом, в наружных формах собора дан законченный образец средневековой грузинской системы распределения масс и кровель — здесь налицо в центре купол, от него основной высокий крест здания и в отрезках между рукавами креста низкие односкатные крыши этих частей. Так намеченные уже в Вачнадзианской Квела-Цминда внешние формы, заключенные там, однако, еще в сложную систему остальных частей, выделены здесь, выкристаллизованы и выявлены в чистом виде, как они затем остаются характеризующими всю дальнейшую грузинскую церковную архитектуру.

В основу плана Алавердский зодчий положил, как сказано, крест с куполом в перекрестьи и с заполнением углов между рукавами креста до общего прямоугольника. С основным крестом, имеющим в трех рукавах, вокруг купольного пространства, абсиды, а в четвертом, удлиненном, — прямоугольное завершение, соединены более низкие, расположенные в два этажа боковые, западные помещения, а так же в два этажа боковые восточные. Внизу они соединены открытыми высокими пролетами с основным пространством храма, образуя обходы вокруг подкупольных столбов; вверху же, на хорах, начиная от пола хор, открываются арочными окнами, где отдельными, а где целым рядом их. Какая простота решения по сравнению с Вачнадзианской Квела-Цминда: там нижние помещения совершенно обособлены, верхние хоры проступают лишь в трех местах, подчеркивая крестообразность главного пространства, здесь же все сцеплено, соединено воедино. Там лестница на хоры занимает специальную комнату, в то время как здесь, в Алавердском соборе, лестницы не занимают специального места, будучи заключены в толщу стен. Вместо сложности, разрозненности отдельных помещений, вместо переходов, получивших между отдельными хорами случайные формы, здесь простота, прозрачность построения и слитость, объединенность всего пространства в одно целое, вместо координации частей — здесь их субординация. При этом с удивительным мастерством не только подчеркнута и выделена крестообразность здания, при вос-

приятию которой почти совершенно ступается наличие дополнительных боковых помещений и хор, но и достигнута совершенно единая целостность этого крестообразного пространства. Три абсиды вокруг купола действительно объединяются в одно целое, составляющее как бы венец длинного западного рукава.

Оформленное зодчим пространство величественно: оно уходит в высоту, оно захватывает простором. В создании этого простора, свободы, воздуха в храме алавердский зодчий далеко ушел вперед от вачнадзианского, создав крайне простое, ясное, прозрачное композиционное построение, буквально залитое при этом светом.

В восточных углах выделены самостоятельные жертвенники и ризница, служащие одновременно приделами, а перед ними переходы позади подкупольных столбов, повторяющие такой же мотив западной стороны. Окна для хоров певчих продолжают аналогично и во втором этаже мотив западного рукава креста.

Алавердский архитектор создал здесь выделением алтаря в восточную часть восточного рукава креста, т. е. продвижением низкой древней алтарной преграды вглубь его, подальше от линии восточных подкупольных столбов, не только нужную дистанцию для восприятия пространства в его размерах, но и достиг иллюзии выделенности четырех подкупольных столбов на место слитости их со стенами триконха, т. е. получил известную легкость всего пространственного образования. Вместе с этим проходящий от западной части в восточную через поперечные рукава мотив арочных пролетов в нижнем и в верхнем этажах, подчеркивает названное объединение всего пространства воедино.

Такая же прозрачность, простота выявляется и в конструктивных приемах и методах алавердского зодчего. Он не является больше искателем, новатором, а уже только художником, который применяет из готового запаса знаний и возможностей то, что подходит к его требованиям, он творит от избытка возможностей сильной рукой. Ему известно все, что достигнуто, и он видит своей обязанностью только применить это, как он применил и архитектурные формы, чтобы достигнуть впечатления непомерного величия, строгости здания, колоссальной его высоты, грандиозности и свободы при полном единстве и спокойной простоте. В том же смысле действуют и примененные им при возведении здания элементы. Простые коробовые своды, абсиды с конхами, подпружные

арки — вот все, что он применяет. Форма арок была здесь, как уже в Вачнадзиани, слегка вытянутая эллиптически вверх. Эта овальная форма действует, конечно, в том же направлении повышения стройности здания в восприятии входящего. Крестовые своды, применяемые им в боковых западных и восточных частях, имеют строго взвешенное основание подчеркнуть подчиненность этих помещений, и, кроме того, — в первом случае впечатление широты, чтобы не создавать впечатление роста вверх, а во втором еще, чтобы придать изящество самим помещениям.

Уверенность зодчего этой эпохи проявляется и в том, что он снова, как в старину, перешел на булыжник, как основной строительный материал. Он все выводит из булыжника — и стены, и своды; дополнительное применение кирпича для возведения арок, сводов и т. д. он откинул, а пользуется опять одним булыжником. Он создает, таким образом, однородную бетонную массу. Снаружи эту массу он облицовывает ровными плитами ширими, который в предшествовавшие эпохи шел только на украшение углов, вязей, капителей и т. п., и впервые в значительных частях сплошными поверхностями покрывает только теперь здания (купола в Кисис-хеви и Вачнадзианской Квела-Цминда). В Алаверди его применяют для облицовки всего собора как снаружи, так и изнутри, и из него же высекают специальную его отделку.

Облицовка всего собора снаружи и изнутри тесаными плитами камня, положенного ровными рядами, является совсем новым требованием и предполагает дальнейшее усложнение декора. Потребность специально декорировать собор явилась совершенно естественно, раз отпали конструктивные искания, но она же выявилась теперь именно в Кахетии, когда и в остальной Грузии произошел переход к разработанной орнаментальной отделке храмов. Правда, различие материала (вместо малопригодного ноздреватого ширими) позволило там достигнуть в этом отношении совершенно исключительной живописности и прелести. В Кахетии же отделка свелась к созданию декоративных колонок, аркатурок и лишь, как исключение, немного орнаментальной резьбы. Зодчий Алавердского собора чувствовал потребность в законченно одетой внешности его; здание должно было быть декорировано, оно должно было быть специально украшено на архитектурно выдающихся местах. И вот уже внутри здания мы видим, что основные устои купола имеют сильные полуколонны с особыми капителями,

в то время как до этого времени мы всюду встречаем одной простой формы капители. Так же арки в боковые нефы опираются на колонны или пилястры с особо профилированными капителями. Таким образом, Алавердский зодчий создает несколько видов профилей для капителей.

Пролеты хор обрамлены специальными арочками из валиков с капителями и базами. По замыслу алавердского архитектора, это был ряд высоких окон, открывающихся, начиная с пола хор и поделенный на две группы; над каждой аркой из главного нефа в боковой было помещено по две арки хор, а над средним столбом выступающая пилястра, которая создает, таким образом, средний акцент; кроме того, дополнением к этому ряду служит пролет двери при западной стене. Наконец, тот же мотив отделки колоннами и валиками применен зодчим для оттенения основной святости собора — места упокоения основателя храма Иосифа Алавердского. Он делает с каждой стороны северной абсиды по паре нишек, как бы намекающих, фланкирующих место могилы Иосифа.

Но, конечно, эта внутренняя отделка есть только завершение, последняя точка, наиболее яркое выявление, осуществление этой общей тенденции, этого коренного принципа эпохи. И в качестве такового завершения она, конечно, должна быть поставлена в связь с убранством фасадов; только тогда, как последний аккорд, который завершает впечатление декоративности всего строения, она и найдет свое настоящее место. Но она не может быть самой основой осуществления декоративности. Последняя находится на фасадах собора, как это естественно вытекает из всего хода развития грузинской архитектуры, которая уже в первых своих произведениях явно обнаруживает, что сама проблема внешности здания стояла, была осознана, — каковы бы ни были фактически ее первые решения.

И действительно, оба фасада храма, более или менее сохранившиеся и позволяющие судить об их отделке, именно восточный и южный, являются, несомненно, совершенно определенно продуманными в отношении декоративной системы. Фасады разделяются аркатурой, что устраняет строгую суровость сплошной стены и создает больше мягкости, создает известные переходы, и действует живописно. Мы коснемся подробнее этой стороны вопроса ниже, в следующем параграфе, где я предлагаю провести сравнение Алаверди с Кутаисским храмом Баграта и Мцхетским кафедралом Свети-Цховели. Здесь же для нас важно

1939
101933

оттенить принципиальное отличие в подходе к фасадам, да и к внутренней отделке — в Алавердском храме и в церквях предшествующего периода. В последних нет еще никаких только декоративных частей, имеющих специальное назначение декорировать стены внутри или снаружи. В Алавердском же соборе, напротив того, эта система вполне разработана и проведена. Мы вспомним, что нам уже повстречалась подобная отделка в базилике Давида Акурского и в куполе Кисисхевской церкви божией матери. Но если восточный фасад в общем сохранился в полной ясности, каким создал его строитель, то совсем иначе обстояло дело на других фасадах. Здесь были, как мы установили, портики-притворы, состоявшие из больших открытых арок, чередовавшихся с узкими полями глухих стен, как бы устоев для аркатуры. Стены самого храма выше портиков и вне их были расчленены аркатурами из валиков на полуколонках с типичными, проходящими по всем частям собора шарообразными звеньями вверху и внизу полуколонок. Таким образом, алавердский зодчий применил одну единообразную декоративную систему с общими элементами как внутри, так и на фасадах собора. Декорация эта была самая простая, строгая и выдержанная; в большей части только оттеняющая архитектурно маркантные части собора.

Если конечная задача каждого архитектурного решения есть создание оформленного пространства, то подготовка к восприятию его, подготовка к формам его должна быть дана, выявлена уже во внешнем облике. Это положение, осознанное грузинскими зодчими с первых же шагов родной монументальной архитектуры, достигло в рассматриваемую эпоху своего полного равновесия. Вот почему алавердский зодчий применяет общие мотивы декора и внутри и снаружи. Деление аркатурами фасадов намечает внутреннее деление собора, намечает внутреннюю разбивку арок, этажей. Но мало этого. И впечатление громадных размеров храма намечается вонне увеличением их благодаря специальным ходам по сводам здания. Все это приподнимает крыши выше и повышает пропорции храма снаружи.

Таковы общие ценности, которые характеризуют Алавердский собор. Это то новое, чего не знала архитектура Кахетии в предшествующее

время и что появляется как раз только теперь. Но уже в этой характеристике ясно намечаются те элементы, которые определенно связывают его с предшествующим временем. И вот на этих элементах нам и надлежит еще остановиться.

Прежде всего самая основная форма собора — триконховый план, как мы знаем по Вачнадзианской Квела-Цминда, был в ходу, был несомненно хорошо известен в Кахетии, как впрочем и в других частях Грузии еще задолго до построения Алавердского храма. И как показывает названный пример, триконх был оценен и как специальное декоративное решение пространства, ибо только так и поясняется его применение в Вачнадзиани. Этот прием декоративности в здании резко отличен от применяемого в Алаверди, но он показателен как появление интереса к декоративности, т. е. появление потребности в ней. Постепенно эта потребность приобретает иные формы, формы общие для всей грузинской архитектуры, как например в Алаверди. Здесь еще и триконх повторяется в том же характере декоративного решения пространства, именно в боковом юго-восточном помещении перехода в приделы. Применение его здесь показывает переживание психологии предшествующего времени и доказывает относительную близость по времени этих построек друг другу.

Помимо триконха в Алавердском соборе достойно примечания применение крестового свода. Мы уже не раз встречали в архитектуре Кахетии его применение. Крестовый свод перекрывает квадрат в древнейших грузинских и армянских церквях VI—VII веков¹. По всем данным, в последующие столетия по всей Грузии, в частности в Кахетии, крестовый свод переживает известные изменения. Вместо перекрытия квадрата его применяют на удлиненном прямоугольнике. Это встречается в VIII, IX и X веках. Примерами такого применения являются переделанный свод западного обхода базилики в Зегани, свод западного притвора в Матанской Цхра-Кара, северных частей Акурского Мама-Давид и Санагире близ Вазисубани, наконец, Вачнадзианская Квела-Цминда, притвор главной церкви в монастыре Икалто и Алавердский собор. Во всех этих церквях крестовый свод на удлиненном прямоугольнике². Затем он окончательно выходит из упо-

¹ Ср. Памятники типа Джвари, стр. 13—14.

² То же самое имеется и в церкви Иринд в Армении, которая по своим отличительным чертам тоже должна быть отнесена к X веку, судя даже по мате-

риалу, предложенному Стриговским, а не к VII, как он предполагал (*Baukunst der Armenier*, S. 131 ff., 426 и др.; см. еще сборник Тбилисского Университета «Давид Сасунский», Тб. 1939, стр. 41—43)

161935741
010-71110333

требления. Характерным временем применения его на удлиненном прямоугольнике по этим примерам является VIII и IX века, в X же он доживает последние дни. Вместе с тем триконх и крестовый свод показывают, что Алаверди сравнительно близок именно к IX веку.

Наконец, тщательная разделка восточных угловых частей, самое широкое применение хор в соборе также протягивают соединительные нити от памятников предшествующей эпохи, каковы Гурджаани и Вачнадзиани, к Алаверди. Только все здесь приняло уже свой отпечаток, все втянуто и подчинено совсем новой, целостной композиции на основе существенно отличного подхода к творческим задачам. Только связное рассмотрение самого развития форм в состоянии установить эти связующие нити.

✓ Место Алавердского кафедрала в одновременной ему грузинской архитектуре.— В предшествовавшем изложении я стремился охарактеризовать особенности Алавердского собора в среде кахетинских архитектурных памятников. Для этого прежде всего нужно было выявить все то новое, что в нем проступает наружу, а затем выделить и те элементы, которые связывают его с памятниками Кахетии более раннего времени. Эта двойная характеристика закрепляет то место, которое принадлежит кафедралу.

¹ Опыт такого сравнения был мною напечатан в сборнике к 25-летию научной деятельности И. А. Джавахишвили в 1925 году по-груз. с немецким резюме (Грузинская средневековая архитектура и ее три величайших кафедрала; Арили, Т. 1925); ср. затем еще в докладе «Пути грузинской архитектуры» (Т. 1936, гл. 14). Дальнейшие разыскания вносят небольшие нюансы в этот анализ.

² Эта дата установлена Н. А. Бердзенишвили в комментарии к восстановленному им тексту сигеллона Мельхиседека (Bulletin du Musée de Géorgie, t. IV, Т. 1931, по-груз.); и подкреплена Л. В. Мухелишвили (Ars Georgica, I, 1942).

³ Вся композиция собора есть произведение архитектора католикоса Мельхиседека, некоего Арсукидзе; те, более древние элементы, которые он использовал в своей постройке, на его компоновку не оказали давления. Гипотезу о перестройке из трехнефной базилики, предложенную С. Н. Какабадзе и Д. П. Гордеевым (ср. Санторно кребули — Исторический сборник, т. I, Т. 1928, стр. 95 сл.), я считаю неприемлемой и ошибочной.

⁴ Оба собора до настоящего времени не изданы надлежащим образом. Мцхетский собор был впервые обмерен по поручению Комитета по его реставрации, а чертежи инж. П. Барта были отпечатаны в журнале

Как подавляющее большинство памятников архитектуры в Кахетии, Алавердский собор также не имеет твердой писанной даты. Дату свою он носит в себе самом, она печать его форм и его стиля. Чтобы правильно оценить художественные достижения этого собора в грузинской архитектуре — необходимо произвести сравнение его с грузинскими памятниками вне Кахетии, именно с величайшими и по размерам и художественным качествам кафедралами Грузии в городах Мцхета и Кутаиси¹.

Мцхетский патриарший собор, то здание его, которое и сейчас еще украшает Мцхета и восхищает взор посетителя, есть — в основных частях своих — постройка католикоса Мельхиседека, законченная в 1029 году². Собор неоднократно подвергался намеренному разрушению завоевателей и естественному от землетрясений, но основные его формы, система украшения, несмотря на эти изменения и следовавшие за ними реставрации, могут быть легко намечены и выделены. Главнейшие реставрированные части — это купол, западный рукав и притворы³.

Кутаисский собор построен царем Багратом III и «когда сделали пол, был год 233» (= 1003), как гласит надпись около северного окна собора. В 1691 году собор был разрушен турками и стоит донныне обезображенным гигантом⁴.

«Зодчий» 1903 г. №№ 23 и 24, стр. 283—286 и 295—298. Исторический очерк с иллюстрациями дан А. Натроевым в книге «Мцхет и его собор Свети-Цховели», Тифлис, 1900—1901 (464 стр.). Кутаисский собор впервые был обмерен и описан Дюбуа (Voyage autour du Caucase, t. I, P. 1838, p. 411 sqq.), затем арх. М. Павлиновым. МАК, т. III, М. 1893, стр. 30—45. Но эти обмеры, так же как и Мцхетского собора, для научных изысканий имеют только значение предварительное.

В 1937 году был проведен подробный обмер Мцхетского собора Свети-Цховели под руководством акад. Н. П. Северова архитекторами Н. Г. Чубиншвили и Л. Д. Рчеулишвили; основные чертежи обмера были тогда же выполнены, а несколько позже и все остальные. Для полного исследования, значительно продвинутого в основном в связи с обмером и детальным фотографированием храма, необходимо прежде всего еще осуществление некоторых зондажей для выяснения неясных частей и возможности наметить реставрации первоначального облика. Попытка установить композицию внутреннего пространства переделанной в XV веке западной части в постройке архитектора Арсукидзе XI века дана мною с нужными чертежами для Ars Georgica, том, 5.

В 1938 году закончен также и обмер Кутаисского храма, начатый еще лет за 10 до того акад. Н. П. Се-

Сопоставление планов этих трех кафедралов позволяет сразу же отметить как общие черты, так и различия. Все три построены по крестовому плану, в котором, однако, четыре рукава креста не одной или приблизительно одной длины, а со значительно удлиненными западным и восточным рукавами. При этом западный и восточный рукава приблизительно одной длины. Далее все три кафедрала имели притворы-портики с запада, а Мцхетский и Алавердский еще с продольных сторон, и такие же намечались и в Кутаисском. Таким образом, они входили существенным элементом в общее впечатление масс. В отношении фасадной отделки опять все три имеют глубокие треугольные ниши на восточном фасаде и украшение фасадов системой аркатур. Но зато все дальнейшее развитие этих общих форм в каждом из трех совершенно различно, начиная с основной формы креста и кончая частностями аркатурной разбивки. Крест плана во Мцхетском и Кутаисском соборах выделяет подкупольный квадрат на четырех свободно стоящих столбах, чего нет в Алаверди, где все три абсиды слиты в одно целое с относительно небольшими лишь проходами внизу. В этом несомненно ярко выражена традиция купольной архитектуры Кахетии, предпочитавшей прием утверждения купола не на самостоятельно стоящих столбах, а на стенах и их выступах еще и в VIII и IX веках. Поперечные рукава во всех трех оформлены совершенно различно: в Кутаиси и Алаверди это абсиды, во Мцхета же они имеют прямоугольный план. Абсидальные завершения его в Алаверди являются вполне законным и логически понятным в художественном отношении приемом оформления пространства, который был подготовлен предшествующими этапами местной архитектуры; это вытекает из рассмотре-

ния церкви Вачнадзианского монастыря Квела-Цминда, где имеется и в главном пространстве храма близкий к этому мотив, а главным образом в двух восточных приделах; применение его здесь делает очевидным распространенность мотива триконха в кахетинской архитектуре ранее Алавердского собора и при этом увязанность его во всем развитии средневековой архитектуры на территории Кахетии, как элемента архитектурной целостности. Совсем иначе трактован тот же мотив триконха в Кутаисском соборе. Здесь мотив этот имеет собственно декоративное значение и для применения его строитель прибег к выносу этих частей за общую линию фасадов вперед, скрыв их в прямоугольных выступах. Боковые абсиды не приносят, таким образом, к созданию пространства ничего абсолютно необходимого, ибо каждая из них как бы закрывалась подкупольными столбами и воспринималась только по своей декоративности. Здесь налицо несомненно свой иной подход к трактовке этого мотива, именно подход декоративный, уже раньше этого выраженный в грандиозном храме в селении Ошки, в резиденции тао-кларджетских Багратионов X века, построенном между 956 и 964 годами¹. Здесь так же купол на четырех самостоятельных устоях и за ними лишь абсиды, имеющие уже декоративное значение: но все-таки строитель Ошки стремился связать эти абсиды, как необходимую часть, со всем целым храма, в то время, как кутаисский зодчий окончательно и полностью переходит на точку зрения декоративности, декоративных требований и заданий². Таким образом, отсюда ясна полная независимость этого мотива в Алаверди от применения его в памятниках южной и западной Грузии. Наконец, архитектор Мцхетского собо-

в е р о в ы м. Основные чертежи выполнены и по этому обмеру. Для полного исследования, проведенного тогда же, необходимы разносторонние графические реставрации памятника, без которых впечатление остается слишком фрагментарным; основная часть этих реставраций уже выполнена акад. Н. П. Северовым по Институту истории грузинского искусства АН ГССР; для графической реставрации западного портика им проведена детальная работа в 1948 году и намечалось выполнение всех чертежей. В связи с ремонтными работами, начатыми в 1952 г. под руководством сотрудника Института В. Г. Цинцадзе, им проводятся дополнительные разыскания, сопровождаемые обмером. В пятый том *Arg Georgica*, отнесен доклад Н. П. Северова «К вопросу о реставрации Кутаисского храма» и отчет В. Г. Цинцадзе.

¹ Суммарный план см. у Н. П. Кондакова, Древняя архитектура Грузии, 1876, рис. V—A, заимствованный из *Archives des Missions scientifiques*, 1875, 2-me livraison. Подробные чертежи по обмерам арх. А. Н. Каль-

г и н д а, принадлежавшие Груз. обществу истории и этнографии, были исполнены во время экспедиции Е. С. Такайшвили в 1917 г., материалы которой изданы только теперь (Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии, Тб. 1952). Дата храма установлена анализом надписи акад. И. А. Джавахишвили (Грузинская палеография, Т. 1926, стр. 164—166 по-груз., 2-ое изд. 1949, стр. 169—171). Е. С. Такайшвили предлагает уточнить ее на годы от 958 до 961. В рецензии на книгу Такайшвили (для *Arg Georgia*, том 5) я отмечая, что текстом надписи устанавливается только, что в эти годы начата, но никак не окончена постройка.

² Во всяком случае неспешное заключение, которое сделал при описании Кутаисского собора Стриговский, будто бы «Кутаиси являлся повторением Двина» (*Kutais eine Wiederholung von Dwin war*, S. 168), заключение, в которое он, правда, в дальнейшем сам не очень верит (ср. стр. 501 и 770).

ра совсем не применяет абсид в поперечном рукаве, ибо купол у него также на четырех самостоятельных устоях, а дополнительные выступавшие наружу квадратами абсиды нарушили бы его замысел прямоугольника с портиками с трех сторон. И этот подход, мне кажется, имеет подготовительные исторические этапы, одним из которых является Руисский храм X века¹. А самое главное — несомненно стремясь к большой законченной декоративности собора, мцхетский зодчий, однако, откинул части, которые могли бы инсценировать архитектурные формы, когда они только декор, какими являются боковые абсиды. Он стремился к строгости и выдержанности форм. Здесь, согласно хронологическому промежутку, отделяющему его, зодчий многое усовершенствовал.

Созданное пространство в каждом из трех сравниваемых кафедралов также отражает различные подходы архитекторов и различные художественные достижения, хотя стилистически все они объединены одной общей установкой на создание непрерывно переходящих из формы в форму, из картины в картину объединенных композиций. В Кутаисском храме при всей грандиозности его размеров, почти достигающих размеров Мцхетского собора, преобладает собственно декоративная тенденция. В оформлении пространства она сказывается в применении таких приемов, которые смягчают впечатление колоссальной величины, высоты и связанной с ними монументальной строгости пространства появлением декоративных элементов в, так сказать, непредвиденных местах. Так должны были действовать, например, не только боковые абсиды на отлете, но и хоры по трем сторонам западного рукава, вставленные в его пространство. Также разбивка окон и дверей и особенно форма двойных окон (с дополнительным круглым верху), две ниши по сторонам окна в алтарной абсиде — действовали все в том же направлении незаметного перехода в чистую декоративность.

Существенно иной подход характерен для Алаверди, этого величайшего памятника Кахетии — страны ригористически строгой архитектурности и пластичности зданий, действующих одними архитектурными формами и как будто принципиально отказывающихся от декоративных добавлений к ним. Оформленное архитектором в Алаверди пространство — колоссально, оно уходит ввысь. Этому впечатле-

нию колоссальной высоты рукавов и купола дает законченность и одновременно масштаб — мощный же триконх восточной части, в частности каждая из абсид с венцом трех окон в высоте. Это впечатление высоты и мощи начинается от входов: и западный, и южный входы представляют собой торжественно высокие, широкие пролеты, а не просто двери. Иной характер носят и хоры по боковым сторонам западного рукава, лишь аркатурой вверху вливающиеся в общий ансамбль пространства. Продуманность в том же общем направлении обнаруживает алавердский зодчий и в деталях. Продвижением древней низкой алтарной преграды в глубь алтаря, подальше от линии восточных подкупольных столбов, он не только создал нужную дистанцию для восприятия пространства в его размерах, но и достиг иллюзии выделенности четырех подкупольных столбов вместо слитности их со стенами триконха. Здесь благодаря иному сочетанию элементов и пропорциям, почти одни и те же приемы, что и в Кутаисском соборе, создают впечатление величия и строгости здания, высоты, грандиозности и свободы его при полном единстве и спокойной простоте.

Мцхетский собор и в отношении созданного пространства, как и плана, представляет опять новое, отличное решение, в котором как бы объединены известные элементы одного и другого собора, конечно, при радикальной переработке их, руководимой внутренними художественными задачами. Разбивка входов в храм совпадает с таковой Алаверди, где основной, торжественно подчеркнутый вход имеется с запада. От него естественному перспективному схождению стен противопоставлено их фактическое расширение с выделением значительно более широкого, чем этот рукав, подкупольного квадрата: восприятие всего пространства, как единого целого, подчиненного купольному центру, этим особенно подчеркнуто и выявлено. А вместе с этим, таким новым, тонким художественным приемом придано зданию впечатление грандиозности. Траптовка хор во Мцхетском соборе также являлась, видимо, умелым синтезом решений Кутаиси и Алаверди — при всей выдающейся декоративной роли их в целом. Если разбивка окон в боковых рукавах дана в красивой, декоративной системе, то для алтаря выбран строгий прием одного окна и сплошного внизу ряда декоративных ниш поверх трехступенчатого возвышения для сослужащих.

¹ См. мою статью «К истории Руисского храма», где намечаются этапы развития этого сооружения (Известия ИЯИМК, т. V—VI, к 40-летию научной деятель-

ности акад. И. А. Джавахишвили, Т. 1940, по-
грус.).

Если уже во внутреннем пространстве всех трех кафедралов, хоть и в различной мере, декоративная сторона выражена совершенно ясно и занимает видное место, то в фасадной облике эта сторона достигает своего полного выявления. Каждый из фасадов есть законченная декоративная система тех масс, которые отвечают внутренним пространствам и которые продиктованы ими. Восточный фасад всех трех соборов представляет собой связанную систему внешней аркатуры с двумя глубокими нишами, вдающимися на границе алтаря и боковых комнат и помогающими разбить фасад пятью арками разной высоты и ширины. Аркатура этого фасада во всех трех кафедралах состоит из пучков колонок, объединенных в одно целое, подчеркиваемое перехватами пят арок. В Кутаиси и во Мцхета к этому прибавляется, как и на других фасадах, богатая орнаментальная резьба проемов, чего нет в Алаверди¹. Продольные же фасады, хотя и отделяются декоративными арками, но они не связываются между собой, а представляют отдельные декоративные элементы, лишь в целом фасадов представляющие известную систему. Это несомненно характерная черта в отличие от церквей меньшего размера в Картли и Западной Грузии, где и боковые фасады получают соединенную между собой цепь арок. Арками отделяются не только нижние стены, но и стены главного нефа. При этом, конечно, разделка и здесь в каждом из кафедралов совершенно самостоятельна и своеобразна, хотя по принципам, как видим, однородна².

В Алавердском соборе имеется купол, но, к сожалению, не в его первоначальном виде. Теперешний купол является по существу, хоть он чинился и позднее, постройкой последней четверти XV века, выведенной по приказанию царя Александра и матери его Нестан-Дареджан. Но каков был первоначальный купол, мы можем только предполагать. И это, мне кажется, мы должны здесь сделать. Сравнительно с куполом Мцхетского собора, выведенным после разрушения его царями Георгием V Блистательным (1318—1348), Александром I (1412—1442 гг.) и Ростомом (в 1656 году), купол Алавердского собора последней четверти

¹ Здесь нелишне напомнить, что церковь Степан-Цминда в Хирса получила во время ремонта XI века дополнительную облицовку южного фасада и пристройку придела, сохранивших значительные фрагменты орнаментальной резьбы. Отделка южного рукава по фасаду напоминает мотив украшения западного фасада Свети-Цховели во Мцхета.

XV века является чрезвычайно высоким. Но я полагаю, что и первоначальный купол был в общем тех же пропорций: за это говорит общая тенденция кахетинской архитектуры к высоким пропорциям, которая сказывается и в базилической архитектуре и в купольной, начиная уже с Ниноцминда. Стоит особенно вспомнить здесь купол Некресской церкви. Такой же высокий купол характерен и для X века в небольшой церкви в Кисисхеви, где на древней церкви именно тогда вывели новый купол — очень высокий по своим пропорциям. То же имеется в Бочорма и Кветера, — постройки одной эпохи с Алаверди. Поэтому тем более естественным является высказанное предположение, что эти пропорции как нельзя лучше идут к корпусу собора³.

Таковы общие данные сравнения этих трех величайших кафедралов Грузии. Оно показывает нам, как проходят общие темы по всем трем, как, однако, эти общие темы совершенно различно обрабатываются, причем несомненно, что на характере обработки повелительно сказываются традиции зодчего того или иного района. Но не только эта равноценность всех трех кафедралов выявляется при их сравнении, а также и возможность хронологического сопоставления Алавердского с обоими датированными памятниками — Кутаисским храмом, оконченным в 1003 году, и Мцхетским Свети-Цховели, оконченным в 1029 году.

Алавердский собор в характере разработки основных линий плана, как и в разработке восточных угловых помещений, несомненно, является сравнительно с Кутаиси, и особенно Мцхета, архаичным. Исключительно характерна в этом отношении сложная разбивка восточных угловых помещений при сравнении с чрезвычайной простотой, достигнутой уже зодчими в Кутаиси или во Мцхета. Обработка восточных, да и западных хор, декорация их, опять отзывается в Алаверди архаичностью, она совершенно проста, по сравнению с рассмотренными соперниками, можно сказать, даже бедна. Конечно, мы должны всегда помнить, что Кахетия никогда не стала применять в архитектуре орнаментального украшения, но все-таки те или иные архитектурные элементы (ко-

² Портки-притворы или совершенно уничтожены, или же искажены. Поэтому восстановление их требует специального исследования.

³ Как отмечено уже выше, возможно, что первоначальный купол был немного ниже. Во всяком случае не более, как на верхний пояс барабана, отделенный горизонтальным валом.

лонны, капители) могли бы быть применены и здесь — чего, однако, не случилось. В Кутаиси же или во Мцхета отделка хор придает совершенно определенный, богатый, разработанный вид всему зданию. Точно также разбивка окон в Алаверди строгая, без специального декоративного расчета, который определяет группировку окон в Кутаиси и Мцхета. Начиная от окон, и остальной внешний декор Алавердского собора также более прост, менее дифференцирован, менее рафинирован. Хотя, как уже было отмечено, и Кутаиси со Мцхета еще очень далеки от действительной декоративной рафинированности, которой достигли грузинские зодчие позднее. Но в Алаверди все почти ригористично просто, в то время как в Кутаиси и во Мцхета зодчий находит удовлетворение в многообразно расчлененном декоре — и в отделке полуколон, их баз и капиталей, и в подборе и комбинации орнаментальных мотивов и самого их распределения по фасадам, как, наконец, даже в полихромических сочетаниях этих украшений (как во Мцхета). Даже наличие фрагментов орнаментальной резьбы на фасадах Алавердского собора показывает, насколько скромно и сдержанно прибегал к этому методу его зодчий. Эти данные, таким образом, подсказывают как будто, что время построения Алаверди следует поставить раньше не только Свети-Цховели, но и Кутаисского храма¹. Однако, есть в Алаверди также элементы, которые отодвигают этот памятник с конца X века и начала XI. Если от остатков разбивки южного фасада восстановить схему ее первоначального облика, то нельзя не признать, что аркатура была проходящей сплошь и увязанной с аркатурой восточного и северного, а, следовательно, допустимо — и западного фасадов. Затем принцип дополнительных завитков по сторонам средней арки, который оттеняет аркатуру восточного фасада в Алаверди, применен также на восточном фасаде Самтависского

храма в Картли, оконченного в 1030 году.

И действительно, на помощь этому пришло осенью 1936 года прочтение надписи на восточном фасаде Алаверди. Эта древняя надпись находится высоко под крестом и была в большей части покрыта штукатуркой и побелкой. Надпись не поддавалась прочтению, за исключением обрывков отдельных слов. Между тем она производила впечатление строительной надписи по начертанию букв, по месту расположения и отчасти даже по обрывкам текста, что и оправдалось. Поэтому, как только начались большие ремонтные работы в Алаверди в 1935 году, я возбудил ходатайство об использовании этого случая для возведения лесов ради раскрытия надписи из-под штукатурки. Действительно, в августе 1936 года были возведены по распоряжению Комитета охраны памятников искусства и культуры леса высотой на 18 метров перед восточным фасадом, создавшие площадку перед надписью для удобной расчистки, чтения, и фотографирования ее. 6-го августа я специально побывал с фотографом в Алаверди, расчистил надпись, поскольку она сохранилась, списал все, что уцелело от нее и распорядился сфотографировать. К сожалению, в начале второй строки были попорчены остатки букв бросившимся помогать мне в чистке рабочим. После доставки материала в Тбилиси проф. А. Г. Шанидзе восстановил часть попорченных мест надписи³.

Правда, прочтение надписи не оправдало надежды найти в ней непосредственно дату построения; но все-таки она содержит упоминание одного исторического лица, которое мы, кажется, можем считать известным по хронике «Матианэй Картлисай» деятелем; это именно эристав эриставов Годердзи, упоминаемый в конце 1030-ых и в 1046 гг.⁴ Конечно, само имя Годердзи могло быть, как часто в феодальных семьях, родовым и повторяться через поколения, на что есть даже основания и в хронике⁵.

¹ Такая точка зрения и была мною действительно высказана в обеих выше упомянутых работах.

² Т. Жордания (Хроники и др., I, 171) первый выявил в дополнение к прочитанному акад. Броссе и Д. К. Мегвинет-Хуцесишвили еще одну (фрагментированную) надпись с упоминанием того же Иларiona, сына Ваче Канчавели, Самтависского епископа, как строителя храма в 6634 г. от сотворения мира и 250 г. хроникона, т. е. в 1030 н. э. Надпись эта, долгое время слышная утерянной, обнаружена С. В. Барнавели вставленной в кладку западного фасада выше двери.

³ См. выше, стр. 388 и 390.

⁴ Картл.-Цховреба, список Марии, *486, стр. 259 и *488, стр. 261; Hist. de la Gé., I, стр. 318 и 320 (*182 и *183); ср. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, 1914, стр. 434—436 (по-груз.); его же, История грузинского права, II, 2, 1929, стр. 113.

⁵ В житии Арчила VIII века (там же, *437, стр. 215; Hist. de la Gé., I, 255, упоминаются Годердзиани. Другой Годердзи упомянут в самой середине X века: Картл.-Цховреба, I, *166, стр. 203; в списке царицы Марии *456—457, стр. 232—233 он именуется Годердзиани; ср. у И. А. Джавахишвили, История, II, 387.

Во всяком случае только относительная хронологическая близость к упоминаемому Годердзи того определения памятника, которое получено в результате его художественного анализа (перелом X и XI вв.), призывает к осторожности при отыскивании нужных рамок среди этих данных. Эристав эриставов Годердзи, племянник которого авва Георгий, очевидно, настоятель, или епископ Алавердский, является строителем собора, жил действительно в первой половине XI века. Но, как естественно, упоминание около 1040 и в 1046 гг. другого его племянника Джели, эристава Штори и Мадчи, не является ограничивающим этими годами ни действительности, ни самих упомянутых хроникой лиц, ни тем более того его племянника, который строил Алаверди. Впрочем, П. И. Ингороква в своем интересном докладе в Управлении по делам архитектуры 25 декабря 1946 года, посвященном разбору и толкованию Алавердских надписей на основании снятых Управлением эстампажей, остановившись специально и на вопросе времени построения храма, преимущественно опирался на них. Как было упомянуто, он привлек еще две надписи помимо вышеприведенной, основной, строительной надписи, предлагая определенное восстановление чтения, которое принять не представляется возможным (с восстановлением имен царя и его сестры). Для даты построения Алавердского кафедрала и деятельности эристава эриставов Годердзи, он набросал красочную картину истории с освещением выдающегося значения в политической жизни Кахетии Годердзи, рисуя его фактическим правителем страны по смерти Квирике Великого в 1033 году, при его племяннике Гагике-Квирике. При этом из гипотетического восстановления в надписи на южном фасаде имени царя Агсартана I (в его чтении Агсартлана) высказал предположение, что храм окончен до появления в Грузии в 1065 году сельджуков, при которых Агсартан принял ислам и, следовательно, не мог строить христианский храм. А начало-де строительства предположительно отнес за 20—25 лет в царствование еще Квирике III Великого.

Как сказано, упоминание Годердзи около 1040 и 1046 годов, явно в большом возрасте, никак точнее не определяет, когда его племянник стал алавердским епископом и мог присту-

пить к строительству. По применению же некоторых архитектурных деталей время построения Алавердского храма нельзя отодвигать дальше первой четверти XI века. Так, в триконховой части храма, именно в подкупольных устоях, широкое применение имеют полукруглые в плане пристенные столбы, которые столь типичны для шестиконховых храмов Грузии, возведенных в конце X и самом начале XI веков, как Никорцминда и Кацхи (оба 1010—1014 гг.), Гогюба, Киамис-Алты, Олтиси или Бочорма¹. Разделка капителей этих полукруглых столбов применяет ряд полукруглых фестонов, какие характерны и для устоев в Кумурдо (964 года). Они в Алаверди, конечно, значительно крупнее, а потому и проще и выразительнее. Основная разбивка восточного фасада Алаверди аркатурой с дополнительными небольшими арочками сверху по сторонам средней, имеющими основание кружком с петлями в нем, повторяется в декоре Самтависского храма, оконченного в 1030 году. Но если в Алаверди есть еще только совсем незаметные дополнительные оттенки, как небольшой гладкий крест сверху среднего поля и орнаментованные полосы у пят сводов в нишах, да обчерченные окна из алтаря, то зодчий Самтависи развивает в коренной переработке основного подхода исключительное декоративное богатство с выдвижением среднего поля на первый план сложным вязанным убором из колоссального украшенного креста, обрамления окна и пары ромбов под ним, сочетая с ним убор остальных частей, обилие и разнообразие орнаментальной резьбы всех оконных проемов, карнизов, завитков аркатуры, и применяя даже большие фигурные рельефы. Это делает несомненным использование мотива дополнительного заполнения среднего поля Алаверди зодчим Самтависского храма, конечно, опять переработав его. Таким образом, дата Алаверди может быть установлена из сопоставления с шестиконховыми храмами и с Самтависи, т. е. на первую четверть XI века, иначе: считать построение Алаверди одновременным со Мцхетским кафедралом Свети-Цховели. Но зато, отмеченные в большом числе черты примыкания к более ранним установкам позволяет, мне кажется, с достаточным правом говорить о том, что архитектор Алавердского кафедрала был зодчим старшего поколения, в то время как молодое поколение строителей в Самтависи или Самтавро знаменует уже новую фазу развития — зрелое барокко, на которое в Алаверди имеются лишь слабые намеки. ✓

¹ Это отмечает и В. Беридзе в своей работе о Кацхском храме (Ars Georgica, 3, 1950, стр. 85).

Церковь этого прославленного и пользовавшегося до самой революции исключительным почитанием места, широко известного даже за пределами Кахетии под кратким наименованием «Тетри-Георгии», уединенно расположена на значительной высоте посреди широкой поляны, в ложбине гор Кахетинского хребта вне селения. Она дошла до нас в хорошей сохранности. Здание перекрыто железной крышей, его наружную побелку неизменно поддерживают в хорошем состоянии, а внутри оно густо и ровно оштукатурено. Такое состояние здания вполне понятно благодаря прославленности участка, даже и сейчас, после 35 лет просветительной советской работы, все еще привлекающего к себе семьи молящихся в храмовой праздник 15-го августа по старому стилю и в его «сцори», т. е. дополнительные празднования до и после 15-го через недельные промежутки.

Праздник этот с его специфическими обрядностями является, как показал акад. И. А. Джавахишвили, переживанием языческой старины; а сам святой Тетри-Георгий является преобразенным пережитком языческого почитания луны, являвшейся главным божеством дохристианского культа у грузинских племен¹. Вокруг храма до недавнего времени продолжали жить из поколения в поколение такие служители христианского культа, которые верно хранили и исполняли традиции языческой старины. Имея хорошие доходы, они, естественно, содержали храм в исправном виде, т. е. неизменно ремонтировали и приспособляли здание к требованиям времени. Поэтому изучение его в наличном виде наталкивается на непреодолимые трудности для обыкновенного порядка исследования архитектурного памятника. Следовательно, относительно этой крупной, интересной купольной постройки я могу привести только некоторый, предварительный материал, имеющий, как явствует из сказанного, условное, т. е. предварительное же значение. Но введение и этого памятника в обзор архитектуры Кахетии, несмотря на недостаточность самих данных о нем, я считаю не-

обходимым, ввиду как исторического значения этого памятника и явно связывающегося с ним художественного интереса, так и, в особенности, чтобы стимулировать углубленное исследовательское изучение всего охватываемого каменной оградой участка, требующее совершенно специальных подходов и особой организации работ с проведением зондажей и др. Это поможет установлению картины исторических судеб основного памятника в данном комплексе — церкви св. Георгия — и выяснению его художественных форм, а также наметит, нужно надеяться, этапы исторической жизни всего комплекса.

Церковь занимает примерно центр участка, окруженного высокой каменной оградой с единственным входом с северной стороны, приблизительно против второго, обычно функционирующего, входа в храм с севера в западный рукав. Ограда эта охватывает участок в круг, что неоднократно встречалось на территории Кахетии около древних храмов, конечно, большей частью в развалинах. Своевременно я, к сожалению, не придавал значения этому явлению, а потому не подбирал материала, который — может быть — дал бы ему освещение². К этой ограде близ входа прилепились служебные и жилые помещения³.

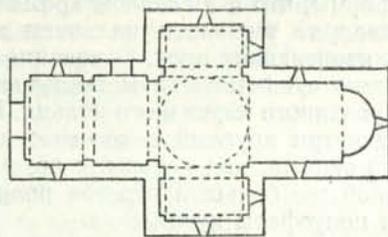

Схема плана

Церковь по плану своему можно отнести к типу, называемому Габриэлем Милле *croix libre* или простой крест. Она имеет очень вытянутые восточный и западный рукава. При длине стороны подкупольного квадрата в шесть

¹ И. А. Джавахишвили История грузинского народа (по-груз.), т. I², 1913, стр. 105 сл., I³, 1923, стр. 45 сл.

² Первый раз я посетил Тетри-Георгии еще осенью 1919 года, когда его явная зализанная ремонтами гладь и побелка отпугнула от какого-либо обследования. Только 6.XI.1935 года мне удалось вторично посетить его, когда здания довольно длительный срок оставались

без ремонтов и когда кое-где проступило подлинное лицо постройки. Теперь здания вновь приведены в «исправное» состояние, как я убедился в последнее посещение 8.VIII.1950 г.

³ Припоминаю несколько примеров вокруг небольших зальных церквей, как «Гомартис св. Георгия» и др. в сел. Вачнадзгани (теперешнем Шрома), ср. Мама-Давид в Акура.

шагов и глубине северного и южного в три с половиной шага, восточный и западный имеют по девять шагов длины (схема плана). Абсида алтаря — сравнительно плоская, наглаз не имеет полного полукруга. К ней примыкает в два раза более глубокая бема, не имеющая никаких членений и сливающаяся с подкупольными устоями.

Четыре подкупольных устоя сливаются, как всегда при таком плане, с наружными стенами здания. На углах под куполом они выделены наличием пилястр, поверх которых сложного профиля капители (табл. 313-с).

Западный рукав храма имеет по продольным стенам разбивку двумя плоскими декоративными арками, а северный и южный рукав имеют по одной такой декоративной арке сообразно глубине рукава (табл. 313-с). Этот декоративный мотив объединяет, таким образом, стены всех трех рукавов храма, кроме восточного (ср. схему плана).

По высоте храм этот низок, приземист: протяжение от пола до пят арок меньше, чем расстояние между пилястрами подкупольных устоев. А высота от пола до вершины свода едва превышает ширину каждого рукава (на впечатление не больше одной шестой)¹. Переход по углам от квадрата к кругу основания купола не имеет сейчас формы сферического треугольника, т. е. правильного паруса, а имеет форму выровненной плоскости, т. е. примерно той же формы, что и в главном храме Икалто. Самый квадрат уменьшен наличием дополнительных, нависающих арок. Основание барабана выделено существованием выступающего и профилированного карнизного кольца. Барабан купола изнутри круглый с восемью довольно большими окнами, над которыми возвышается почти такой же большой отрезок ровного цилиндра и полусферы купола.

Освещен храм хорошо и равномерно. В абсиде окно и близ него в беме, друг против друга, по окну. В торцовых стенах южного и северного рукавов по одному большому окну с арочным верхом и над ними по круглому, совсем маленькому. Такое же маленькое круглое окно имеется и в торцовой стене западного рукава, над главным входом в храм. Кроме того, еще имеются окна на восток из северного и южного рукавов и из западного на север и на юг. (Для уяснения распределения и формы окон см. также наружные снимки храма — табл. 313 и 314).

Входов в храм два — оба в западном рука-

¹ Так как снаружи храм имеет четыре ступени лестницы перед каждым входом, то обследование пола

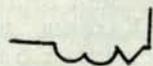
ве; один с запада, а другой с севера. Над боковой северной дверью люнет правильным полукругом, а над западной — неполным. Интересно, что в обычное время функционирует только боковой вход с севера, главный же, западный, видимо, резервирован для церемоний языческого порядка, анализированных акад. И. А. Джавахишвили.

Церковь внутри, как уже отмечено, густо оштукатурена и покрашена, так что характер исторической эпохи или эпох скрыт от исследователя. Форма арок, декоративных в нишах и примененных в дверях и окнах — полуциркулярная.

Снаружи прилизанный вид от постоянных еще в первое двадцатилетие XX века ремонтов храма, 15 лет тому назад был в разных местах нарушен и благодаря этому ясно различался характер кладки стен. Как упоминалось, в настоящее время опять все так старательно выглажено и побелено, что даже каменный рельеф св. Георгия над главным входом тоже чисто побелен. Три рукава — северный, южный и западный — сложены из ширими, нарезанного правильными квадратами и сложенного ровными рядами кладки. В отличие от этого восточный рукав сложен из крупного булыжника и тому подобного материала, причем стены были выравнены штукатуркой; в тех местах, где штукатурка опала, был виден названный строительный материал. Наконец, купол храма выведен из кирпича и тоже побелен. Таким образом, строительный материал подсказывает различие строительных эпох и наслоения в постройке.

Снаружи весь корпус здания стоит как бы на импосте, высотой до одного метра. В дверь с севера можно войти, поднявшись по ступенькам наружной лестницы, равной этому возвышению, так же и в главный вход.

В наружном облике здания выделяется облицовка его тесаными квадратами камня с обработкой проемов, оконных и дверных, валиками. Большие окна обведены двойным валиком и к

проему ребром, а круглые одним валиком (табл. 313-б). Так же одним валиком обведена и прямоугольная рама бокового входа. Главный же, западный, вход имеет сложную раз-

и первоначального его уровня тоже одна из исследовательских задач.

საქართველოს
ენციკლოპედია

делку опять валиками (табл. 314). Форма причудливая, искусственная, по-видимому, вызванная вставленным здесь рельефом конного св. Георгия и повторенная и вокруг круглого окошечка в ответ первому.

Так как окна восточного рукава украшены так же, как и остальные, равно по всем четырем рукавам один общий карниз из ширими в форме выкружки с валом, то естественно напрашивается предположение, что к уцелевшему от прежней постройки восточному рукаву храма были пристроены, можно полагать по старому же плану, рукава. Не случайно именно эти три рукава и внутри представляют собой одинаковую трактовку, отличную вместе с тем от трактовки восточного рукава. Весь характер этого строительства, как уже было от-

мечено, скорее всего совпадает с группой разбиаемых памятников расцвета средневековья в Грузии (отметим из деталей — второй вход в западный рукав, круглые вторые окна, пилястры на подкупольных углах).

Купол храма вытянут непропорционально корпусу. Он весь из кирпича, разбит на отдельные ячейки с украшением западающими ширинками в нижнем отрезке, перепевом украшения западного входа в обрамлении окон и, наконец, с переключающейся с классицизмом разделкой верхнего отрезка (табл. 313-b). Как будто нет оснований против отнесения купола к эпохе поздней кирпичной архитектуры в Кахетии, т. е. к XVI веку, с естественными позднейшими починками и украшением.

3. КУНТУРИС-САКДАРИ В ВЕРХОВЬЯХ РЕКИ ТУРДО

Развалины этой большой церкви расположены сейчас в северном ненаселенном районе, в верховьях реки Турдо, на левом берегу одного из ее истоков. Уже сами размеры этой руины говорят о несомненном крупном поселении. Недалеке от нее, на высоком горном пике, видном с разных мест так называемого Гомборского шоссе, высится развалины крепости, именуемой то Пситис-цихе, то Пситианис-цихе¹. Расстояние до Пситианис-цихе примерно до 2 км. В ближайшем селении Тетри-Цклеби церковь называли и Кунтус-сакдари, и Кундзулис-сакдари. Сохранность этой церкви очень плохая; разрушение ее было настолько сильное, что в XVI веке было приступлено к радикальному восстановлению ее, по-видимому, не доведенному до конца, так как площадь расчищена, стены обрываются на одной высоте, но нет ни завалов обрушения, ни стройматериала. Тем не менее, как общее впечатление от композиции и размеров здания, так и отдельные уцелевшие черты позволяют приурочить ее построение к периоду X—XIII веков².

Это — крупных размеров постройка, выведенная так же, как и церковь Тетри-Георгий, по плану простого креста, но с дополнительными комнатами по сторонам алтаря, заполняющими восточные углы плана.

¹ По-видимому, именно эта крепость упомянута в документе царя Александра от 1579 года под названием Сапс[и]тес Цихе (საქსიტეს ციხე); С. Н. Какабадзе Исторические документы, II, Тб. 1913, по-груз., стр. 50 строка 34.

² Я получил сведения об этой развалине и еще о другом городище в лесу поблизости в феврале 1924 г.

Внимательное рассмотрение стоящей развалины позволяет прийти к выводу, что мы имеем здесь дело с постройкой, в которой отдельные части выведены в разное время с частичным использованием и починкой прежних частей. Отсюда наличие смешанного строительного материала. Превалирует булыжник, неровный плитняк, довольно крупные плиты которого плоско вмазаны по поверхности стен, наконец, кирпич и ширими.

В постройке ясно различимы два периода — один, близко следующий за построением Алавердского храма, и второй, означенный в сохранившейся надписи возобновителя 1587 года. К первой, т. е. основной строительной эпохе, относится северо-восточная комната с ее крестовым сводом на прямоугольном основании (см. план, разрез и табл. 317-a). Форма и свод комнаты позволяют отнести время ее построения к рассматриваемой эпохе. Детали строительной техники и материалов ее помогают далее считать всю восточную часть здания по плану и композиции, несмотря на значительность восстановительной работы, так же связанной неразрывно с северо-восточной комнатой. Это подкрепляется еще наличием на восточном фасаде двух треугольных ниш, т. е. повторение мотива Алавердского собора (табл.

от Г. Ф. Бочоридзе; но только 31.X.1935 г. мне удалось самому посетить ее, сделать несколько фото и организовать обмер основных частей. Кроме того, я получил еще снимки от Н. А. Бердзенишвили из его экспедиции 1934 года, организованной на средства Университета.

315). Установление этого факта естественно приводит к предположению, что и план остальной части может восходить к первоначальной постройке. Но только в наличных стенах я прямого подтверждения такому заключению не обнаружил. Это бы могли выяснить раскопки.

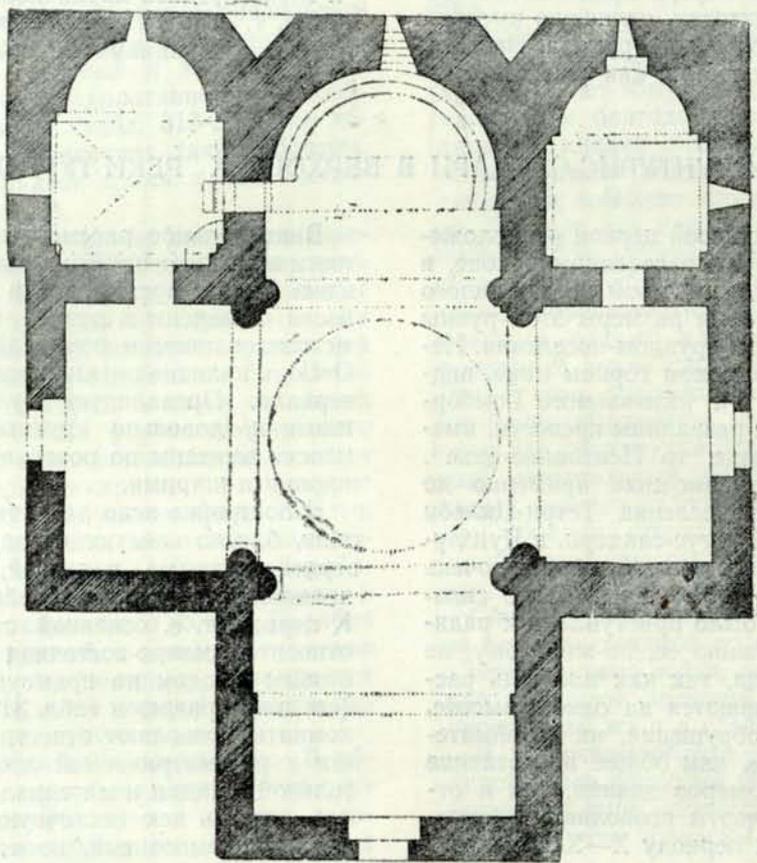
Обратимся теперь к описанию сохранившихся частей здания и их характеристике.

Стены северо-восточной, древней комнаты внутри густо оштукатурены. Но кое-где штукатурка отскочила и там видна кладка из булыжника, кое-где рядами, большей частью бес-

ного полукруга, а арка конхи — полуциркулярная. У пят ее выделены impostы, профилиро-

ванные, резаные из ширими (табл. 317-а). Окно в абсиде небольшое с полуциркулярным

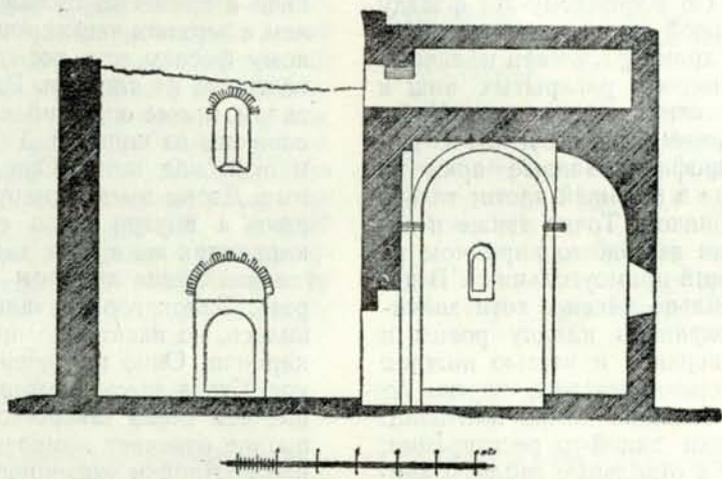
План

порядочная. Свод в комнате, выведенный по палубе, — крестовый, несколько вытянутый по линии N-S. В своде ясно выделены шельги, сложенные из соответствующих ровных, одинаковых камней, и затем гладкие поверхности раствора. Абсиды комнаты в плане не имеет пол-

верхом. Боковые стены комнаты имеют плоские ниши. Вероятно, такая же была и по западной стене, застроенной при реставрации XVI века аркой, подпирающей здесь свод. Арка опирается в юго-западном углу на встроенный, бесформенный, полукруглый столб, сло-

женный в основном из булыжника, а сверху из кирпича, так же как и сама арка кирпичная, стрельчатая, а в северо-западном углу — на устоях, сложенный из ширими. Таким образом, все те части западной стены, которые могли

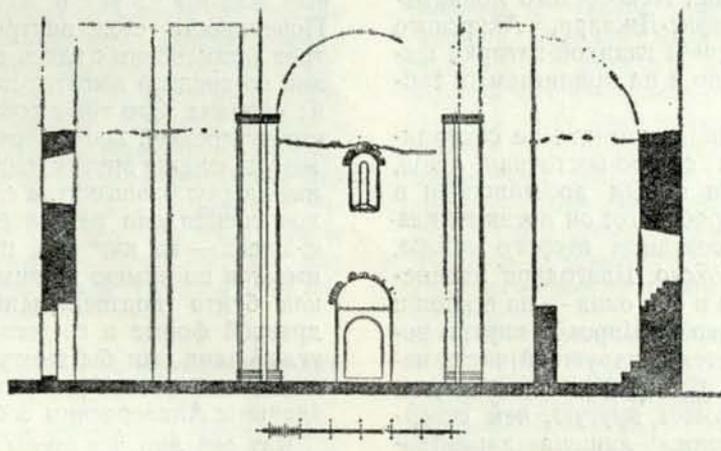
шая придел с главным алтарем, для которого он служил жертвенником. Входная дверь в придел и жертвенник была с запада, из северного рукава храма. Она широкая, но ниже двери из алтаря. Форма ее правильная с полуцир-

Разрез через северо-восточную комнату и северный рукав

содержать такую же ее обработку, как боковые, застроены. Кроме алтарного окна комна-

кульным верхом внутри комнаты и с заполнением люнета снаружи. Здесь находилась ка-

Продольный разрез

та имеет окно с севера, довольно крупное и правильной формы. В южной же стене, не по центру ее — высокая и узкая дверь, соединяю-

менная плита с надписью обновителя церкви 1587 года. Внутри комнаты помимо поддерживающей свод арки по западной стене и в

южном углу абсиды есть починки кирпичом. По обоим фасадам этой северо-восточной комнаты совершенно ясно видна кладка: это булыжник, положенный рядами, но не плоско, а ёлочкой. Угол наружный сложен из ширими. Кроме того, им же выведен и создающий западание в сплошной северной стене храма северо-западный угол комнаты. По восточному же фасаду никакой разделительной линии в кладке нет.

Восточный фасад храма расчленен наличием двух треугольных, широко раскрытых ниш и крупного алтарного окна между ними (табл. 315). Арки ниш сложены были по углам из ширими; наружные профилированные арки их устояли и сейчас еще в большей части; только часть их чинена кирпичом. Точно также и алтарное окно снаружи выложено кирпичом на большой, выступающий прямоугольник¹. В целом стена фасада сильно чинена, хотя значительные участки сохранили кладку ровными рядами ёлочкой; в верхних и частью нижних частях довольно обильно вмазаны, плоско по поверхности стены, большие камни плитняка: это, вероятно, починки какой-то реставрации; наконец, есть также и отдельные заплатки кирпичом. Юго-восточный угол храма сложен, так же как и северо-восточный, из ширими. А прилегающая по южному фасаду часть стены, отвечающая диаконнику (юго-западной комнате), сложена подобно стене северной комнаты, т. е. из булыжника ёлочкой, рядами. По-видимому, в этой постройке был широко применен обнаруженный в остатках на фасадах большой трехцарковой базилики Некресского монастыря, Ахшанского Горис-Джвари, Акурского Мама-Давид и др., прием гладкой затирки фасадов гажей; это видно и на прилагаемых таблицах.

Внутри юго-восточная комната не сохранилась полностью, как северо-восточная. Свод, очевидно, провалился и был восстановлен в XVI веке в форме коробового; он посажен низко, вероятно, ради создания второго этажа, впрочем очень невысокого. Благодаря изменению положения свода и оба окна — на восток и на юг — посажены низко. Широкое внутри восточное окно суживается к наружной части несколькими уступами. Стены не имеют штукатурки; вся комната имеет другую, чем северная, форму; она также лишена характерного вида последней. Прохода из алтаря нет, как это обычно. Помещение по второму этажу имеет маленькое окошко на во-

сток (ср. табл. 315), а с северной стороны снаружи виден проход в него.

Остальные части постройки, как сказано, такой отчетливостью и единообразием не отличаются. По западному, северному и южному фасадам (в их средних и западных частях) кладка в основном ровная, проходящая из кирпича с примесью булыжника и плитняка, причем в верхних частях камня больше. По западному фасаду есть кое-где большие куски, выведенные из ширими. Все углы здания по фасадам, кроме описанных выше двух восточных, сложены из кирпича. Так же арки трех входов и окон над ними. Они ровные, полуциркульные. Двери имеют снаружи низко посаженные арки, а внутри была сперва более высокая, кирпичная же арка с заполненным до горизонтальной линии люнетом (ср. табл. 316-b и разрез). Балок горизонтальных сейчас не сохранилось, но висят еще прилепленные выше них кирпичи. Окно на север, над входом, маленькое. Стена здесь, против северного рукава, выше, чем стена северо-восточной комнаты, что вполне отвечает композиции крестово-купольной постройки указанного типа. Кирпич размером $22 \times 22 \times 5$ см.

Внутри крестообразное пространство названного храма сохранилось на общую высоту стен, равную пяте конхи алтаря (конха также не существует). Определить точно высоту здания помогает уцелевший импост юго-западного подкупольного угла, образующий небольшой выступ, видимо, профилированный и выведенный, как и весь устой, из ширими (табл. 316-b). Поверхности стен внутри сложены из камня трех примененных здесь сортов, но есть, начиная со средней высоты стен, как бы ряды-вязи из кирпича. Это тоже говорит, пожалуй, за то, что от древней постройки взят весь план и даже уцелевшие внутри части стен ее. Оба западные подкупольные угла сложены из ровных рядов специально резанного ширими, а оба восточных — из кирпича, причем и здесь внизу имеется по камню ширими (табл. 316). Опять, как будто подтверждение предположения о древней форме и ее материале. Самая форма углов дана как бы выступающими полуколоннами по сторонам угла, что тоже связывает это здание с Алавердским собором.

Как сказано, все стены храма, включая и абсиду, в которой не сохранилось и намека на конху, срезаны на одной высоте, примерно на высоте пяты конхи и капителей подкупольных устоев. К тому же ни внутри церкви, ни снаружи ее никаких глыб разрушенных частей храма нет. Поэтому рождается мысль, была-ли

¹ Алтарное окно имеет в подоконнике несколько ступеней (разрез).

сама работа «вторичного построения» церкви в 1587 году фактически доведена до конца или, быть может, прервалась на сохранившемся и сейчас еще в основном уровне.

Как выше было указано, над входной дверью из храма в северо-восточную комнату находилась надпись в четыре строки поновителя храма. От нее торчит один кусок *in situ* (табл. 317-b), а большой средний и малый левый фрагмент каменной плиты, отколовшиеся от остальной плиты, лежат на земле (табл. 317-c). Судя по изношенности этих фрагментов, они, вероятно, уже давно так лежат¹. Надпись исполнена вязью, заглавным алфавитом. Дата короникона с трудом прослеживается; она дана буквами, которые соответствуют 265, т. е. 1587 году². Имя возобновителя храма восстанавливается Т. В. Барнавели как Александр (царь?), по уцелевшему в начале третьей стро-

ки фрагменту. Из вступительного призывания надписи следует, что реставрированная церковь посвящена была Иоанну Крестителю.

Чтение надписи, помимо сохранившихся отчетливо частей, почти полностью восстановлено Т. В. Барнавели. Привожу его чтение, с раскрытием титл и с восстановлением лакун (двойные черточки разделяют строки, а простые в каждой строке обозначают места разлома плиты):

[პოი] ყოველთა ნაშობთა || უმეტესო
და წინასწარ მქადაგებელო სიტყვისა ღმრთისაო,
წინამორ[ბელო] და [ნა]თლისმცემელო ქრის-
ტესა იოანე, ჩვენ მსასობებელმან ცვა-ფარ[ვითა]
შენთა ნა(?) | [ალექ]სანდრე || კელ-
ვუაჲ მეორედ შენებად და [მქ]ობად || ტაძრისა
შენისა | [სალოცვე]ლად და სულისა ჩვე-
ნისა საკსრ[ად], ამინ. || ქორონიკონსა სოჲ.

4. КРЕПОСТНАЯ ЦЕРКОВЬ В КВЕТЕРА

На тракте от Тианети к Телави, запирая проход к Телави при изгибе р. Ильто, на крайнем отроге хребта Ильдакани, расположена сильная крепость Кветера. Она заключает в себе много различных построек, как крепостных, так дворцовых и других, а также небольшую церковь³.

О п и с а н и е.— Церковь представляет собой очень интересную композицию, легкую и чрезвычайно изящную и изысканную. По плану это — крест о четырех абсидах, между которыми заключены еще четыре нишки, т. е. повторение, но совершенно иначе выдержанное, второй купольной церкви Дзвели Шуамта. Здесь с самого же начала привлекало художника создать декоративное произведение и при этом декоративное до пределов, но вместе с тем без орнаментальной резьбы. Помимо самих форм здания и материала постройки, всюду применяются колонки, пучки колонок или ва-лики (табл. 318—322).

Материалом постройки снаружи и внутри является всюду тесаный ширими. Им облицован храм ровными рядами, частью плитами очень крупных размеров (есть 100 × 60, 80 × 100).

Центральный квадрат церкви, венчанный куполом о шести окнах в круглом барабане, как бы перерезан накрест один раз по рукавам креста с абсидальными завершениями, а другой раз по диагоналям его трехчетвертными нишами. Получается как бы звезда с лучами различной длины (план и табл. 321). Перед каждой абсидой имеется бема, причем бема восточная и западная длиннее бем северной и южной. На углах каждого рукава имеется пучек из трех полуколонок, заканчивающихся вверху и внизу общего типа окончаниями (разрез и табл. 321, 322). Импосты арок имеют профиль, который повторен в импостах всех арок, как подкупольных, так и при абсидах и, наконец, находится в основании полусфер угловых пространств⁴. Арки подкупольные — все

ждается неправильным масштабом, делающим храм значительно больших размеров.

Главный подъем к крепости начинается от шоссе широкой, поросшей зеленью дорогой сейчас же за километром столбом 36 от Телави (или «18» от Тианети): сперва подход с двух сторон до поляны, от которой тропа резко поднимается вверх к крепости и выводит уже широкой дорогой к воротам близ дозорной башни.

⁴ В отчете В. В. Бардавелидзе помещены зарисовки внутреннего вида и детали церкви в Кветера, исполненные худ. Н. П. Браилашвили (Известия ИЯИМК АН ГССР, т. XI, Т. 1941, стр. 178 и 182).

¹ Года два тому назад нижний большой фрагмент, снятый на табл. 317-c, был перевезен в Телави в музей.

² Дата эта была мною определенно прочитана при посещения руины 20 лет тому назад. Подчеркиваю это, так как Т. В. Барнавели колеблется между чтением 1585 и 1587 годами, из-за неясности начертания буквы на фото.

³ Осмотрена 17.VIII.1920 года. Вторично 12. и 13.XI.1935 г. Суммарный обмер храма был сделан худ. Т. Г. Кюне. Album d'architecture géorgienne, rédigé par M. Takatchvili, Тб. 1924, табл. 80-с, сопрово-

полуциркульны с легкой овальностью, арки алтарной и западной абсид тоже овальные, но дают еще легкий уклон к подкове (табл. 321).

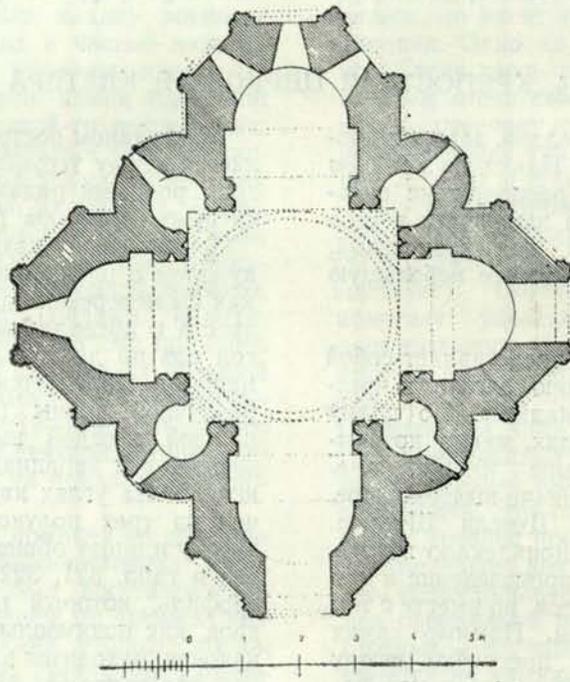
Переход от квадрата к подкупольному кругу создан системой арок, положенных в разных плоскостях, как это хорошо видно по фотографиям (табл. 322). Характерно, что нижние арки над угловыми нишами сделаны валиком, т. е. не имеют прямых углов и опираются они на консоли. Для создания внутри впечатления легкого вздымания вверх и для подчеркивания декоративности пространства, архитектор укрепляет верхние арочки над угловыми нишами выше, чем четыре подкупольные арки. Таким образом, над последними есть еще гладкая стена, а отрезки между ними заполнены камнем, положенным в кладке несколько с уклоном, и только поверх всего этого начинается основа-

окна. Окна снаружи очень узкие и сильно расширяются внутрь церкви, а также сильный уклон имеют и подоконники, особенно в алтаре.

Входы в церковь имеются через южную и через западную абсиды. Западный вход имеет снаружи плоскую перемычку (табл. 320-а), а внутри арку: вероятно, то же было и в южной, завершенной только аркой сейчас, так как наружной облицовки здесь нет (табл. 319).

В алтаре сохранился прислоненный к стене абсиды первоначальный престол церкви, сложенный все из того же ширими, хорошо тесаными плитами, как и вся церковь¹. Алтарь, по видимому, не был выше остальной церкви.

Внутри церковь сохранилась совершенно нетронутой, как будто вчера вышедшей из-под руки возводившего ее художника. Значительно хуже сохранность ее снаружи. Здесь нет ни

План

ние подкупольного круга, означенное особой выступающей тягой (разрез и табл. 321, 322)¹. Купол внутри круглый с одним окном на восток и запад, и двумя на север и двумя на юг. Помимо окон в барабане, церковь имеет по окну в каждой абсиде даже над дверьми и в каждой угловой нише (ср. табл. 319 и 320). В алтарной же абсиде имеется не одно, а три

одного выступа, который бы не был попорчен или не был бы лишен многих частей облицовки. Не случайно она стоит в густом лесу и поросла сама лесом². Но так как она совершенно исключительно симметрично построена, то внешний ее вид устанавливается совершенно легко во всех мельчайших деталях.

Каждый из четырех абсидальных выступов
туть, что в 1913 году пришлось вырубить вокруг ряд деревьев, чтобы сделать снимки

¹ В 1935 г. он был уже отодвинут и поломан.

² Это видно по фотографиям. Причем нужно отме-

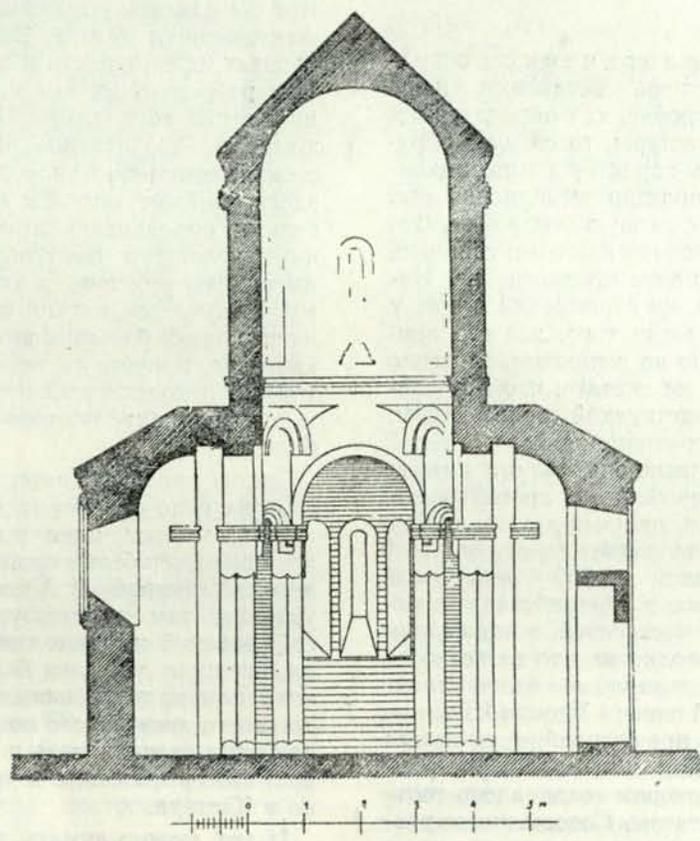

საქართველოს
ეროვნული
ბიბლიოთეკა

имеет пять граней. Эта пятигранность очерчена на углах пучками из трех полуколоннок, с которых переброшены арки (план). Арки украшают все грани, как видно на северном выступе на западной и на восточной гранях и на западном выступе на северной грани (табл. 320-b), а также над входами, ибо она сохранилась над западным входом (табл. 318, 320-a). Арки имеются и над полукруглыми диагональными выступами. Таким образом, мы имели на каждой грани вверху две арочки одну над другой. Колонки же вверху и внизу имеют

(табл. 318, 320). Вверху это обрамление сшивается с идущими горизонтально двумя валиками по всему выступу. На этих горизонтальных валиках лежит карниз данных выступов, общей формы.

Выше этих полукруглых выступов имеется четыре угла основания подкупольного квадрата, выраженные здесь вонне вполне явственно, хотя это совершенно не отражает внутреннего пространства: оно выражается вонне собственно самими полукруглыми угловыми выступами. В pendant отделке выступов декорирован и

Разрез на восток

перехваты из шаров и тоненьких горизонтальных браслетиков (табл. 320-a). Поверх вершины арок шел карниз общего для всей церкви профиля под прямой скос и валик под ним.

Угловые трехчетвертные ниши снаружи имеют полукруглую форму, причем окна их обрамлены валиком, который внизу, в центре сходится и идет вниз до цоколя двойным валиком, заканчиваясь также шаром с браслетиками

барабан купола (табл. 318—320-a). Он разбит на 12 арок, перекинутых на парных полуколонках. Колонки стоят на сплошной тяге из двух валов, обходящей кругом основание барабана. Барабан имел карниз общего профиля (разрез).

Кровли были положены на толстый слой подготовки. Она была черепичная, обломки ее двух сортов — неполивная и поливная голубого цвета — находятся вокруг¹.

¹ Образцы обоих находятся в коллекциях б. Каби-

нета истории искусства Тбилисского гос. университета.

Этими формами, однако, не исчерпывается вид всей церкви. Перед западным входом был портик, от которого масса камней лежит тут же, а при левой и правой притолоке сохранились еще части кладки портика. Камни портика тесаные, с подобными же профилями, как и в церкви, и того же материала. Он был выведен вприслон к церкви, хотя и одновременно с нею. При южном же входе никаких следов портика нет. Через западный вход направлялась, судя по расположению церкви в крепости, вся знать. Южный же ход был дополнительным. Ибо дворцовые помещения находятся к северо-западу от церкви.

Анализ и хронологическое определение.—Если теперь остановим наше внимание на этой постройке, как определенном звене в истории архитектуры, то следует обратить внимание на весь характер композиционного замысла и на характер выполнения его. Это именно определяет данную постройку. Вся она задумана, скомпонована как одно изящное, миниатюрное, декоративное произведение. Никаких других ни задач, ни стремлений даже, у зодчего не было; напротив того, все его внимание было направлено на выполнение именно этой задачи; и нельзя не сказать, что в пределах возможностей кахетинской архитектуры, т. е. не применяя декоративно-орнаментальной резьбы, он создал полный очарования памятник, который вполне свободно и достойно может встать рядом с памятниками других частей Грузии того же периода развитого стиля.

Кветера представляет собой небольшое изящное здание, которое в переработке и с изменениями отдельных частей, в понимании своей эпохи, воспроизводит то, что за несколько веков ранее промелькнуло в голове строителя второй купольной церкви Дзвели Шуамта. Мы видели, как там прямолинейно поступил строитель, как он создал интимное пространство для молитвы, в котором создавалось только настроение для молитвы. Совсем иначе разработана Кветера. Это прежде всего приятное для глаза зрелище снаружи и изнутри, сильно освещенное внутри или во всяком случае полное струящихся со всех сторон узких лучей света. Обработанное ровными рядами тесаного желтоватого ширими, а где требовалось нарезанными по специальной форме камнями, щегольски исполненное помещение это все украшено пучками полуколоннок. За обилием их как-то ступшевывается стена.

¹ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа (по-груз.). Тб. 1914, II, 447.

Сообразно этому своему подходу зодчий Кветера изменяет все соотношения. Прежде всего он совершенно иначе организует переход к кругу купола внутри церкви. Он создает как бы круг из арок, высоких и широких, чередующихся с низкими и узкими. Начиная круг купола значительно выше четырех подкупольных арок, он искусственно при невысоких пропорциях строительных элементов церкви повышает пространство. Этому же содействует определенная граница, которую он проводит между куполом и церковью в виде тяги. Снаружи в соответствии с измененным принципом перехода он мог бы сделать углы совершенно низкими, что фактически и делает. Эта черта придает особенную миловидность и законченность зданию. Нет разрезающих его на части определенных выступов, которые бы создавали впечатление разъединенности, а не соединения посредством этих углов. Наоборот, здесь большие выступы являются и более высокими, объединенными один с другим маленькими угловыми выступами, более низкими и имеющими круглую, а не прямоугольную форму. Получается мягкий связующий переход от пятигранных больших выступов к малым полукруглым, причем на всех повторяется один и тот же декоративный элемент валика. Он же в ином варианте повторяется и далее на барабане купола.

Такова церковь Кветера в целом. Мы видим, что она и по общему подходу и по декоративным элементам идет по тому пути, который ясно выражен был в архитектуре Кахетии грандиозной постройкой Алавердского собора. Как указано, там архитектурные формы ставили себе задачей создание также красивого ансамбля, внешняя разделка была добавлена подчеркиванием полуколонками. Все это, доведенное до своего логического конца, т. е. поставленная как единственная цель и задача строителя, нашло свое выражение и яркое выявление именно в Кветера.

И это, можно думать, не случайное явление. Кветера была одна из сильнейших крепостей Кахетинского царства X—XI веков, расположенная в сторону Картли. Исторические данные определенно говорят, что абхазо-картлийский царь Баграт IV (1027—1072 гг.) во время похода на Кахетию в 1059—1060 году ¹ не смог взять крепость Кветера ². вполне естественным представляется, что именно в это время, т. е. в X или XI веках, когда и Кахетия достигла ред-

² Картлис-Цховреба по сп. Марии, *496, стр. 268—Hist. de la Gé., I, *187, стр. 327.

кого могущества и соперничала с Картли, в такой сильной крепости, где приходилось бывать и самим кахетинским царям, они вывели для себя такую, как бы придворную церковь¹. На это указывают все ее детали и общий подход, если сопоставить их с тем, что выяснилось при описании Алавердского собора. Здесь ведь взятый из прошлого готовый план и форма церкви с основания переработаны, претворены в духе нового времени. Это произведение именно передового, молодого архитектора, со всей полнотой применившего новые установки, только-только выработанные в стране. Та система перехода от квадрата к кругу купола при помощи угловых трюмп, которая отличает еще малую купольную церковь в Дзвели Шуамта, являющуюся предтечей форм Кветера, хотя принципиально и оставлена в Кветера, но все-таки переживает в ней в форме верхних арок над угловыми нишами отдельным элементом, трактованным декоративно. В раздельке импостов под арками подкупольного пространства нельзя не отметить повторения разделки аналогичных частей в датированной 864 годом постройкой Армази в ущелье р. Лехура. Таким образом, взвешивая все особенности этого произведения, нельзя не прийти к выводу, что она постройка X века и при этом скорее всего его первой половины².

Характеристике типа.—Церковь в крепости Кветера представляет собою пример, подобные которому находятся как в других частях Грузии, так равно и в Армении. Хотя я имел уже случай выяснить на основании фактического материала, как следует модифицировать построение Стриговского в отношении данного типа и сродных с ним форм, но это было сделано не полно. Вот почему я считаю нужным остановиться сейчас на этом вопросе специально и тем окончательно закруглить все необходимые изменения построения Стриговского.

По плану это то, что Стриговский определяет, как *Kuppelquadrat mit Strebenischen in den Achsen und Ecken*, т. е. купольный квадрат с опорными нишами по осям и по углам. Он считает форму

¹ Другой подобный пример — это Бочорма.

² Характерно, что в известной армянской церкви на о. Ахтамар Ванского озера, примерно того же плана, относимой к 915—921 гг., имеется переход к кругу купола тоже путем наискось идущих отрезков стены.

³ См. гл. V, стр. 253—255 и стр. 224—231.

⁴ *Vaukunst der Armenier*, I, 82.

⁵ Ахтамар издавался Е. Лалаяном дважды

его без самостоятельных угловых комнат, более древней и предшествующей тому типу, который впервые был выражен в большой церкви Джвари Мцхетского. Я уже касался данных вопросов выше³ и здесь могу ограничиться только тем, чтобы после критического резюме положений подробнее остановиться на том типе, который занимает нас здесь непосредственно в связи с церковью в Кветера.

Прежде всего настоящая разновидность — Кветера — есть производная от типа Джвари, а не наоборот, как излагает интересующий нас ход развития Стриговский⁴. Затем тип Джвари есть развитие типа простого тетраконха, а вовсе не отпрыск купольного квадрата с опорными нишами по осям его (*des Kuppelquadrats mit Strebenischen in den Achsen*). Эти положения, развитые мною в указанных выше местах, я здесь, конечно, кладу в основание. Непосредственное же содержание имеет целью составить сравнение Кветера с другими памятниками рассматриваемой разновидности, каковыми являются Ахтамарский собор и главная церковь монастыря Варак-Ванк, оба в Армении, на Ванском озере⁵.

Ахтамарский собор построен царем Гагиком между 915 и 921 годами. Он представляет собой большое сооружение, которое явно показывает свое происхождение от типа Джвари, с различными применительно к эпохе начала X века изменениями. Во внешнем виде угловые многогранные выступы придают церкви какой-то крепостной характер. Несомненно доминирующими являются сильно выступающие прямоугольные рукава — восточный и западный. Поэтому никакого приближения к общему виду звездообразной церкви не получается, а скорее лишь обычный с небольшими отступлениями вид простых крестовых церквей. Еще менее имеется специфического в церкви Варак-Ванка, вписанной даже в наружный прямоугольник, т. е. тут еще дальше пошел зодчий в смысле обезличивания характерности плана, который он взялся обработать. Не случайно церковь эта, по-видимому, вполне основательно датируется временем около 1021 года.

Мы видим абсолютно противоположный Кветерской церкви подход. Обе армянские церкви,

по-арм. в *Azgarakan Handess*, XX, 1910 и по-русски в журнале *Арс* (Тбилиси 1918) и *V a s h m a n*-ом (*Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan*, Lpzg 1913). Полный комплект фотографий, описание и обработка исторических и эпиграфических материалов были выполнены И. А. Орбелом лет 40 тому назад, но не напечатаны и теперь еще. Варак-Ванк издан тоже Бахманом. Извлечение из этих материалов приводятся Стриговским.

положив в основу интересующий нас план с различными изменениями, во внешнем виде стремятся по возможности приблизиться к обычному для средневековья шаблону. Напротив того, зодчий Кветера стремится до последней черточки подчеркнуть и выявить полностью всю характерность своего плана, переработанного им не случайно в отдельных частях без связи с целым, а именно как одно целое. Все стремление к декоративности у армянского зодчего вылилось в чрезмерное нагромождение фигурно-орнаментальной резьбой, которая покрывает почти сплошь все стены храма и барабан купола в Ахтамаре.

Отсюда ясно определяется, что обе армянские церкви, ставя себе задачей упростить сложный план типа Джвари, не могут решить это вполне законченно и вполне художественно, как видно по мелким боковым помещениям, разбивке окон, наружным формам и т. д. Это и не органическое, дальнейшее развитие определенных архитектурных форм, а также и не сознательная их переработка с самых основ

всей композиции и по определенному принципу. Но вместе с тем в данной переработке старого композиционного целого существенное влияние оказали те унифицирующие общие установки, которыми характеризуется период зрелого средневековья.

Напротив, Кветера показывает, что в основе ее лежит, вероятнее всего, именно вторая купольная церковь Дзвели Шуамта, и этот готовый план и формы зодчий, целостно продумав с начала до конца, переработал как декоративно-миловидное, небольшое строение. Это не какая-то случайная вещь, а вполне закономерное явление использования при целостной обработке древнего мотива в нормах своего времени.

Таким образом, хотя и совершенно различны эти три примера, но каждый в своем роде делает несомненным положение, что они продукт нового времени, а не продолжение древней традиции. Связь же и соотношение к древним образцам формируется, как было отмечено, очень своеобразно.

5. ЦЕРКОВЬ СВ. ГЕОРГИЯ В КРЕПОСТИ БОЧОРМА

В самой северной части Кахетии (в Тианетском районе), запирая вход из ущелья р. Иори на Гомборский тракт, на высоком утесе построена большая, сильная крепость, в которой сохранилась небольшая, изящная по формам купольная церковь во имя св. Георгия и другие незначительные зальные, а также развалины дворца, и ряд развалин других зданий. Здесь, как и в Кветера, имеется сильная крепость с небольшой изящной церковью декоративных форм (табл. 323).

Описание.— Церковь Бочормского св. Георгия по плану представляет собой шести-абсидную звезду с центральным куполом, заключенную в наружный двенадцатигранник, гесп. четырнадцатигранник¹.

Сложена церковь из двух материалов — внутренней облицовка ее состоит из ширими, положенного правильными рядами кладки. Нижние же части стен, примерно на 75 см от пола,

выложены из зеленоватого песчаника, так же как и все здание снаружи. Для наружной облицовки, хотя она сильно пострадала и была подвергнута неоднократным починкам, были применены первоначально плиты плотного зеленоватого песчаника (?), аналогичного тому, которым произведены ремонтные починки Ниноцминдского храма. Затем много частей починено камнем ширими и кирпичом. Что же касается барабана купола, то уцелевшие части его внутри сложены из ширими четкими, ровными рядами, но в отличие от основного корпуса здания квадраты здесь мелкие. Снаружи кладка барабана, судя по устоявшим частям трех граней, позволяет заключить, что основным строительным материалом служил и снаружи ширими. Для арок же граней барабана применен желтовато-зеленоватый песчаник, из которого сделаны широкие обрамления вокруг оконных проемов. Впрочем отдельными плитами он встречается кое-где и в гладких плоскостях стен².

митом во время антирелигиозной волны. Дополнительная проверка проведена 26.X.1951 г., а также набор фото пополнен сотрудниками Института.

² В 1951 году от барабана купола снаружи стояла неполная глухая грань, рядом с ней грань с окном сохранилась только на половинную высоту, так что невозможно проверить форму обрамления окон. Нижняя же часть окна выведена из зеленоватого песчаника, а частью из ширими (последнее — починка?).

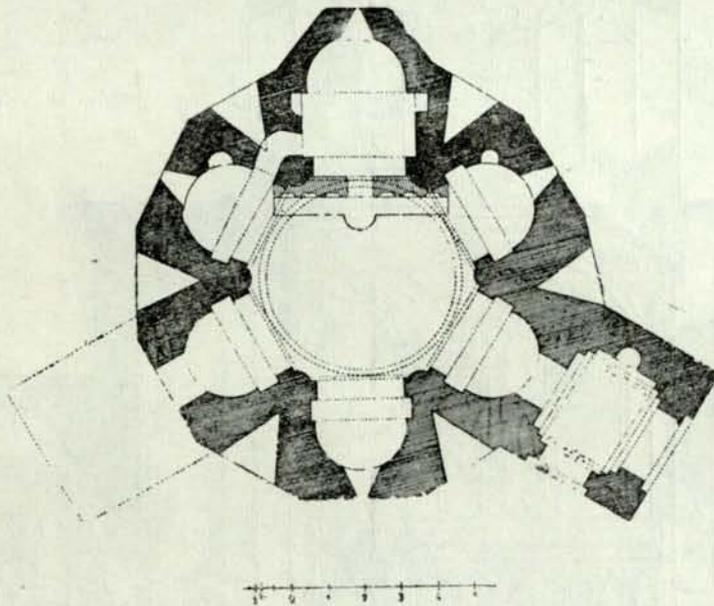
¹ Осмотрена 18.VII.1922 г., вторично 27.X.1935 г., тогда же сделан арх. В. Л. Циловский обмер. Кроме сделанных тогда фото, использованы еще три фото, предоставленные из экспедиции 1934 г. Н. А. Бердзенишвили. Кроме того, благодаря любезности директора Телавского музея А. Д. Мамулашвили, я получил фото с принадлежащего музею карандашного рисунка Бочорма, сделанного в 1923 г. худ. В. И. Сидамон-Эристава, т. е. до взрыва церкви дина-

Внутри церковь составляет центральное пространство, венчанное куполом с шестью окнами в круглом барабане; от этого центра расходятся, как лучи, шесть рукавов, завершающихся абсидами (см. план и разрез). Наружные арки имеют импосты обычного типа подкос, точно так же и арки при каждой из абсид. Бемы пяти рукавов одной общей глубины, только алтарная бема значительно глубже, так что и снаружи сделан для нее трехгранный выступ. На соединениях рукавов поставлены полуколонки, т. е. числом шесть (табл. 328 и 329). Треугольные отрезки между арками и над соединением абсид имеют дополнительную арочку перемыч-

ная с юго-восточной и северо-западной, с юго-западной. Алтарная и западная абсиды, равно и примыкающие к алтарной по сторонам (с.-в. и ю.-в.), имеют по одному окну на одном уровне, довольно высоко прорубленному, с заходящим в конху полуциркульным верхом его. Юго-западная и северо-западная абсиды заключают в себе входы, которые изнутри завершаются аркой с большими тимпанами снаружи. Северо-западная дверь заложена.

Алтарь выше остальной церкви на 78 см; в центре его стоит высокий неподвижный, позднее сложенный престол с обломками на нем поздней мраморной плиты в отделанной раме.

План

кой, как бывали у тромп, с плоским парусом под ней. Таким образом, шесть арок рукавов и шесть дополнительных арочек с парусами составляют основание круга, образованного легким наклоном кладки. Над ним выступающий карниз полочкой и скосом под 45°, выше которого изнутри круглый купол с шестью окнами; пропорции высоты купола к остальному корпусу церкви и высоты всей церкви к ее плану не столь отточенные, как в Кветера (разрез).

Шесть абсидальных рукавов храма распределены и обработаны взаимно парами. Даже западная абсида организована в соответствии с алтарной. Затем симметричны северо-восточ-

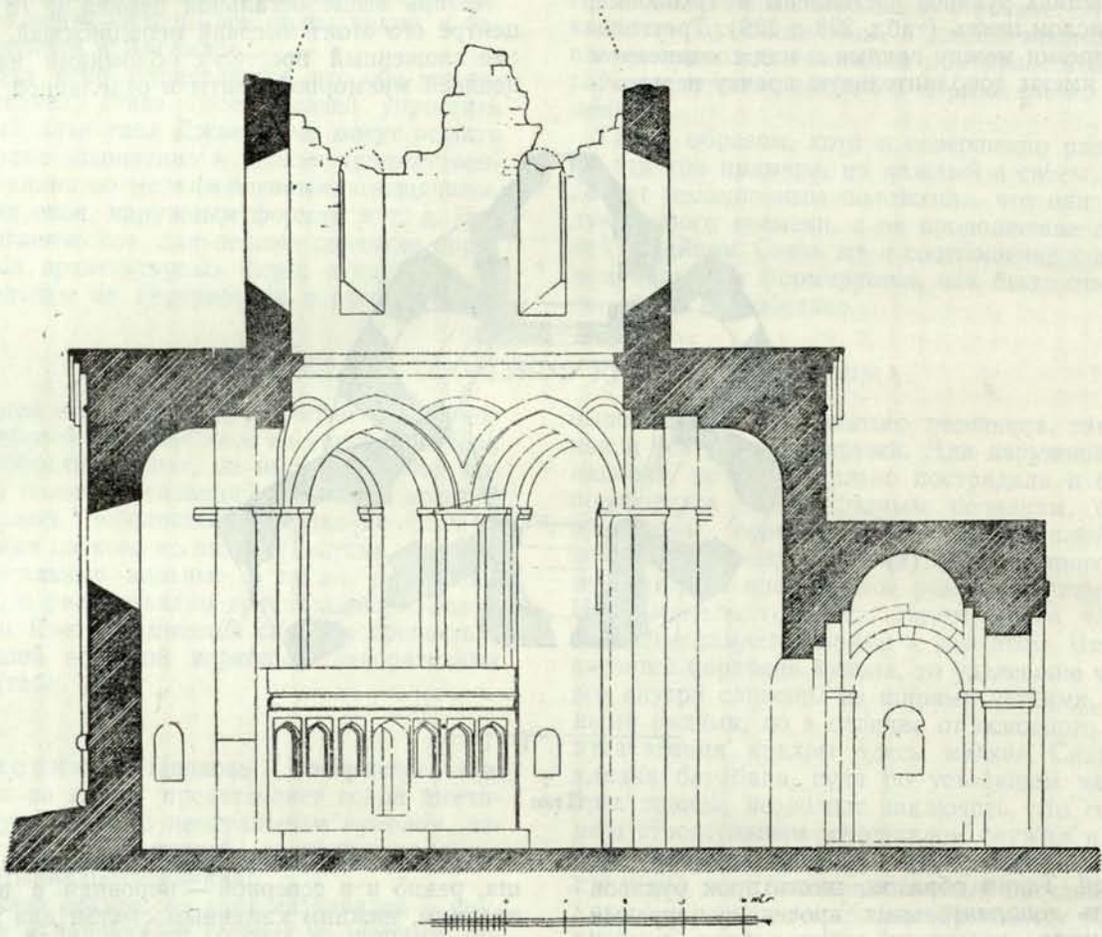
В южной стене бемы имеется небольшая ниша, равно и в северной — неровная с выступающим, нижним каменным столом для жертвенника, вставленным здесь позднее. Ниша северная — неровная от порчи первоначального очертания, вернее, проломана вся позднее. Рядом с нею кривой проход, ведущий в бему при северо-восточной абсиде. Проход этот неровный и не является изначальным, а прорублен тоже позднее. Алтарь отделяется сейчас от остальной церкви сложенной из кирпича (и простого камня?) веке в XVIII преградой (табл. 330). Она вся гладко оштукатурена, с выделением прямоугольных полей и с заостренной аркой в каждом из них; в среднем поле — един-

стенная дверь в преграде; поверх всего идет выступающая карнизная полочка. Нижний ряд нишек в алтарной преграде был еще более плоский, чем верхний. Сейчас от него ничего не осталось — все сбито и в нижней части преграды видна только оголенная каменная стенка. Эта алтарная преграда, вероятно, относится только к XVIII веку, если сопоставить ее с преградами в пещерных монастырях Давид-Гаре-

именно в последнее время, как оно и не могло быть, конечно, иначе ввиду большого стратегического значения места.

В юго-восточной и северо-восточной абсидах имеются на восток небольшие нишки в форме абсидок же. Северо-восточная абсида приспособлена позднее под жертвенник: в абсидестроен высокий, поставленный углом каменный стол перед стеной нишей, а кроме того

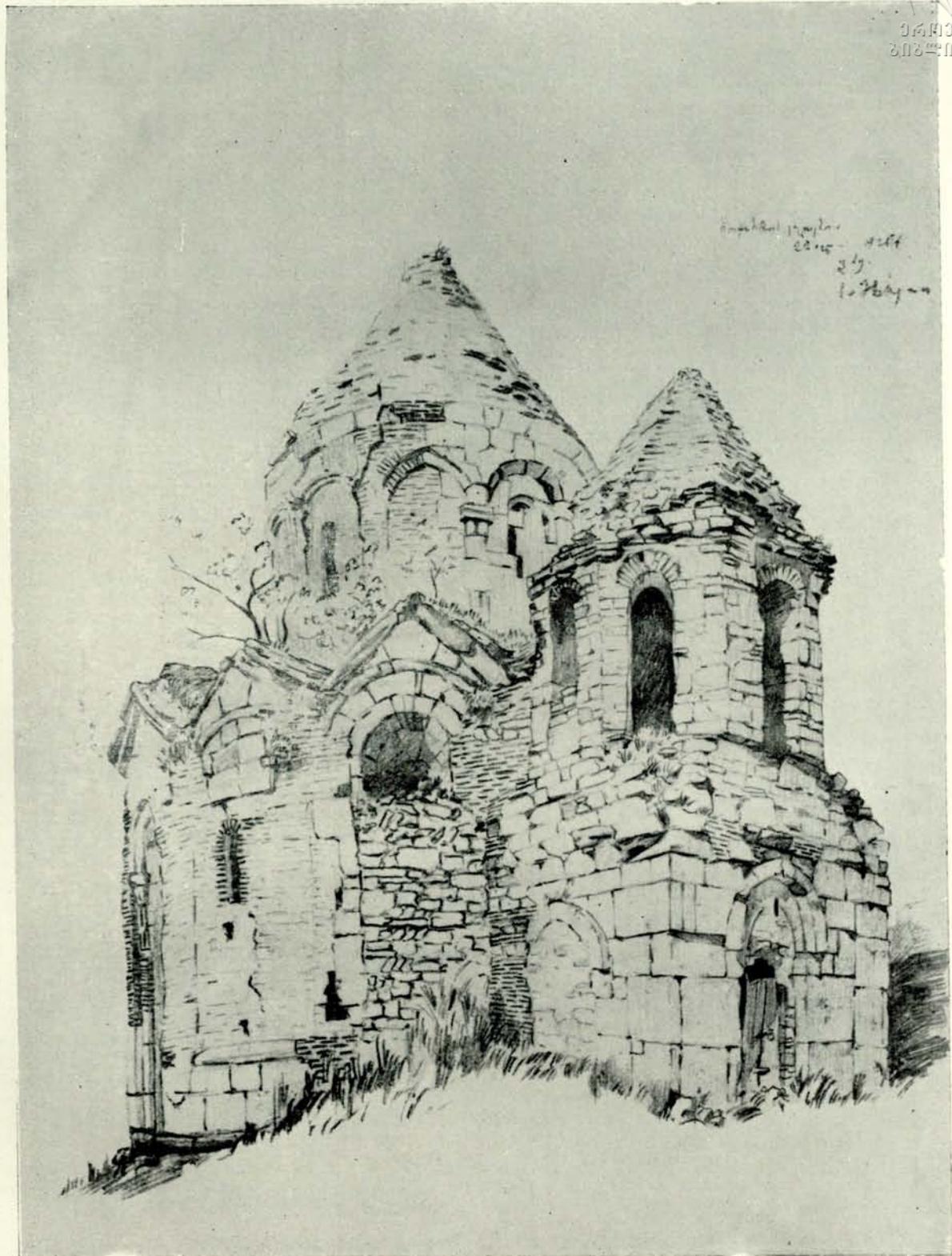
Разрез

джи. Недаром акад. Броссе сообщал, что «по рассказам населения, Бочорма в своем теперешнем виде есть создание царя Ираклия II»¹. Без сомнения, это подтверждает, что крепость особенного внимания заслужила опять

¹ Voy., I, 86.— Действительно, сохранилась записка Ираклия II на имя Георгия Бокаулт-ухуцеси 1748 года, в которой он сообщает о посылке людей и транспорта

прорублен кривой проход из алтаря (табл. 330). Окно северо-восточное закрыто наглухо (табл. 329-b), а в юго-восточном оставлен только самый верх открытым (табл. 328-b).

Церковь была позднее оштукатурена и рос- и вызывает прибыть с поименно называемыми каменщиками (текст документа А 702d сообщен мне С. В. Барнавели).

Бочорма. Вид храма с запада в 1925 г.

Рис. В. И. Сидамон-Эристава

писана. Значительные части росписи сохранились с изображениями евангельских сцен и жития патрона церкви. Во всех абсидах сохранившиеся фрагменты писаны по синему фону; рисунок фигур, голов, одежды вполне правильный и выразительный. И отдельные сохранившиеся полоски орнамента согласуются с этим¹.

Снаружи церковь представляется правильным двенадцатигранником, с равными, вероятно, по протяжению гранями в период построения, с одним лишь отступлением — именно выступающей вперед уже не одной, а тремя гранями, т. е. двумя дополнительными, алтарной абсидой (план, рис. Сидамон-Эристави, и табл. 325). Грани чередуются — одна, отвечающая абсидам, прямая стенка, а другая с трехугольной нишей (табл. 324—326). Каждая грань имела выделенную арку под двускатной крышей грани; углы же граней гладко сошлись, т. е. на корпусе здания никаких колонок не было. Это ясно прослеживается по граням южной стороны, начиная от выступа алтарного и до самого юго-западного портика, так как здесь во многих местах уцелели громадные квадраты песчаника на углах граней. Соединялись ли между собой арки или нет — нигде проследить нельзя, а над юго-восточной гранью с нишею выступающей арки нет, так что можно считать, что арки не обязательно соединялись в пятах. Вся кровля нижнего корпуса сделана зонтиком с двускатными крышами над каждой гранью и образует двенадцать таких складок. По низу корпуса церкви на высоте, примерно, от половины до трех четвертей человеческого роста шел карниз, сохранившийся на некоторых гранях (табл. 324, 325-а, 326-а).

Барабан купола собственно и снаружи круглый, но отделан двенадцатью арками на двойных колонках (табл. 324, 325-б и рисунок Сидамон-Эристави). Устоявшие сейчас такие парные с капителью полочки в звеньях из ширины, четко сохранивших формы, так резко отличаются нетронутостью от других звеньев их, сложенных из песчаника и настолько размытых, что пару колонок можно в них только угадывать, что я склонен считать эти камни ширины за починку Ираклия II, по сходству с чиненой аркой и др. на юго-западном портике, сложенным также из ширины. Толщину стены барабана можно было установить по лежавшему сейчас на земле фрагменту его в 70—72 см.

¹ Роспись Бочормы посвящено исследование сотрудницы Института Г. В. Алибегашвили, относящей ее к группе росписей XII века.

² Еще фрагмент резного камня попал в закладку

Карниз на барабане купола сохранил остатки резьбы, замеченные с восточной стороны. Кровля купола не была зонтичной, как кровля самого корпуса здания, а поднималась шатром с горизонтальным карнизом (рисунок Сидамон-Эристави 1923 года, до разрушения церкви в период антирелигиозной волны).

Кроме того, церковь имела снаружи перед обоими входами портики. Северо-западный вход заложен и портика не имеет, но из стены торчит еще слева импост от опоры свода портика. Юго-западный же вход с портиком сохранился, хоть и переделан частично. Порттик сложен из зеленоватого камня правильными рядами (план, разрез и табл. 324, 326-б, 327-а). В плане он почти квадратный с открытыми пролетами южным и западным во всю ширину стен; восточная стенка имеет нишку по форме абсиды, и с выделенными импостами наружной ее арки обычной формы. Ниша эта явно имела назначение обеспечить возможность совершения мелких треб. Такие же ниши сделаны в самом храме в его северо-восточной и юго-восточной абсидах с направлением нишек на восток. Свод притвора сложен из булыжника в виде короба и имеет подвышенную форму; он резко отличается от всего притвора внутри, выведенного из хорошо тесаных квадров. Из таких же квадров выведены и арки входов, имеющие два уступа, и отвечающие им арки по остальным сторонам притвора, а также и дополнительные (третьим уступом) арки с юго-запада на северо-восток, которые имеют целью подвести с этих сторон вершину арок до общей горизонтали с вершиной арок двух других сторон. Если еще учесть наличие на трех открытых наружных сторонах притвора выступающего горизонтального карниза, расположенного на одной высоте с вершиной верхнего уступа арок внутри притвора, естественно рождается предположение, что свод в притворе имел первоначально скорее всего форму крестового. Теперешний же свод выведен одновременно с ремонтом самого притвора и возведением поверх него каменной колокольни в восемь пролетов и с высоким шатром кровли³. Датирующим на XVIII век элементом считаю форму верха миниатюрного окошечка в заложенной арке южного входа в притвор, повторяющуюся не раз в обработке ниш в Гареджийских пустынях.

одной из западных треугольных ниш, именно северо-западной (табл. 327-б).

³ Ср. ниже колокольню Георгия Сапарского близ Цинаидали и др. Западание стен над арочными проемами заполнены кирпичной кладкой.

Снаружи, как сказано, Бочормская церковь сильно пострадала, особенно северо-западная и юго-западная части ее. Многие грани облицованы заново целиком, за исключением украшающих их арок, или ниши их полностью заложены кладкой, частью из пористого ширими, а в большинстве случаев — кирпичом мел-

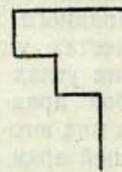
Абрис окна в закладке прохода в портик (схема)

ких квадратных плиток. Точно так же были заложены и некоторые пролеты барабана купола. И в портике оба пролета заложены с оставлением в южном — двери.

При вторичном посещении крепости Бочорма через 13 лет я нашел церковь в печальном состоянии развалины. Так как в этом положении дальнейший процесс гибели памятника дело близкого будущего, приходится фиксировать состояние, в котором он был тогда. Начну с нижних частей шести абсид снаружи.

Трехгранный выступ алтаря имеет по каждой грани расположенную под карнизом декоративную арку; на боковых гранях они сидят ниже (табл. 325, ср. 324). Профиль карниза — примерно выкружка с валом. Над ним возвышается двускатная крыша. По сохранившимся хорошо стенам имеются незначительные исправления из ширими; на одной из таких плит вырезано изображение креста, грубо в двойном контуре (конечно, позднее). В местах перехода к следующим граням многогранника храма видна починка кирпичом. Двигаясь на юг, видно восточное ребро ниши в юго-восточной грани в сохранившейся основной облицовке, как вся верхняя часть стены до самой крыши (табл. 325-b). Даже карниз здесь, имеющий ровный двойной уступ, сохранился древний (схема). Самая же ниша грубо застроена камнем до пяты свода. На южном ребре починка из ширими и из кирпича. Грань с юго-восточной абсидой также уцелела в первоначальной облицовке; в новейшее время здесь выпали вверху справа несколько облицовочных камней (табл. 324 и 325-b). Таким образом, ядро стен, со-

стоящее из мелкого камня в густом растворе, здесь видно ясно. Окно же почти полностью заложено. Грань южная сохранила основную облицовку только в сводике самой ниши, так как в остальном вся ниша так же заложена (табл. 324). Облицовка верхних частей грани обвалилась; только часть ее на правом углу устояла, левый же скрыт пристройкой портика. — Следующая грань с юго-западным входом и портиком сохранила основной карниз в два уступа с древней кровлей. Древний портик претерпел, конечно, известные исправления и изменения, и приспособления к возведенной на нем позднее колокольне. Восточная стена портика хорошо сохранилась. Только заметны небольшие исправления верхнего ряда кладки, произведенные во время постройки колокольни; кладка из того же мелкого материала. Также сохранила древний облик и фронтальная сторона портика. Во входной арке имеются ис-

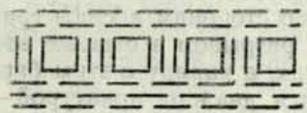

Профиль карниза (схема)

правления ширими; равно и части стены слева (табл. 326-b), а также горизонтального карниза. Прежний арочный проем входа в храм из портика заложен позднее из грубого камня и кирпича до размеров маленькой, низкой двери. Выше этого места все густо покрыто красновато-желтоватой гажей. Западная сторона портика на правом углу еще в хорошей сохранности (табл. 327-a), верхняя часть и толщина арки сложены из ширими, а левый угол исправлен в кирпиче. Арочный проем грубо заложен в то же позднее время. — Юго-западная грань храма с нишей отремонтирована по наружной плоскости стены и по углам ниши; только сводик ниши и выше — уцелел древний (табл. 326-a). Размер примененного для починки кирпича 20 (22) × 11 (12) × 3 см. Наружная грань западной абсиды выложена без малого сплошь вновь, как и примыкающие к ней с обеих сторон грани с нишами (табл. 326-a). Только нижняя часть стены примерно на высоту человека и средняя часть арочного убранства с коньком уцелели древние. Грань северо-западная с нишей — вся заремонтирована кроме ее наружной арки, начиная от пят и до карниза двускат-

ной кровли включительно; ниша этой грани сплошь гладко заполнена разными квадратами песчаника, а внизу ширими (табл. 326-а). В этом заполнении имеется фрагмент с резьбой (табл. 327-б). В боковых частях грани применен преимущественно кирпич. На углу ниши справа в одном из камней ширими вырезан крест и кружок под ним, такого же грубого рода, как и крест на восточном выступе в починочном квадрате ширими.— Грань с застроенным северо-западным входом полностью восстановлена в кирпиче и в булыжнике слоями. Одновременно с этим заложен и проем входа. Только левый угол его притолоки еще полностью очерчен, причем из стены торчит здесь и консоль для опоры и связи портика; правая же притолока только частично различается благодаря четкой кладке из песчаника. Консоль же для портика сделана из ширими.— Северная грань храма с когда-то бывшей в ней нишей выведена полностью при восстановлении, почти исключительно из ширими; только примыкающие части в сторону северо-западного входа сложены из кирпича. Едва ли кусок карниза из зеленого песчаника, имеющий профиль в два валика, сохранился от первоначальной постройки.— Так же полностью восстановлена и следующая грань с северо-восточной абсидой. Здесь не сохранено даже и следа окна снаружи. Возведена стена из кирпича и плит ширими, вмазанного плоско по поверхности стены в обрамлении из кирпичной кладки (схе-

за последние годы, то от барабана с куполом уцелел лишь совсем незначительный фрагмент с восточной стороны. Устояла и все-таки не полностью OSO сторона барабана (табл. 324 и 325-б), которая соответствует расположению грани с нишей SO основного массива; затем часть примыкающей слева декоративной арки и починенные части кирпичной стены под нею до линии окна (табл. 324); наконец, примыкая справа — половина одной грани восточной стороны с окном и затем внизу еще маленький кусочек следующей грани (ср. изнутри храма табл. 328-а). Нижней пограничной формой у всех перечисленных фрагментов купола является уцелевший вал, шедший вокруг и сложенный из ширими. От венчающего карниза уцелел только совсем маленький и сильно попорченный фрагмент: на нем невозможно рассмотреть орнаментального узора. На земле, севернее алтарной абсиды, лежат два больших блока от купола с частями двух декоративных арок барабана на каждом из них. Кроме того, имеется фрагмент двойных колонок на одном из них. Эти блоки также показывают совмещение плотного песчаника с ноздреватым ширими в наружной облицовке арок и колонок.

Узор поздней починки
кладки стены (схема)

А н а л и з.— После описания церкви в Кветера остается немного что дополнить к общему пониманию Бочормской церкви. По принципу, по пониманию архитектурных задач того времени обе они вполне одинаково отражают их. Бочорма своим шестиабсидным планом подчеркивает лишний раз высказанное выше утверждение, что в это время зодчие заняты переработкой и переделкой планов и форм, которые они разыскивают в прошлой архитектуре и теперь совершенно заново перерабатывают их². Они дают новые вариации на старые темы. И действительно, именно теперь всплывают в архитектуре Грузии и Армении различные разновидности шести- и даже восьмиабсидных зданий. И такие церкви строятся как крупных размеров, так и небольших.

Помимо этого общего подхода в Бочорма, как и в Кветера, с их игривой изящной архитектурной формой, отвечающей декоративным потребностям и интересам, мы видим и частности одинаковые. Материал — тесаный камень

Вимпфене — по плану шестиугольное пространство в наружном 12-граннике и притом с выдвинутым из него вперед алтарем о трех абсидах, что все сближает с решением Бочорма (G. Dehio, Zwei romanische Zentralbauten: Zeitschrift für Geschichte der Architektur, Jahrgang 1, Heidelberg 1907-08, S. 45-46 und Abb. 1)

ма). — Северо-восточная грань с нишей также сильно восстановлена с правой стороны. Верхняя декоративная арка и конек кровли — древние, равно и левая верхняя часть стены (табл. 325-а). В качестве ремонтного материала применен ширими, а в верхних частях кирпич. Сама ниша застроена булыжным камнем¹.

Если этот основной массив здания еще держится и только сравнительно мало пострадал

¹ По-видимому, материал и характер исполнения ремонтов храма указывает на повторность их. Один наиболее крупный с возведением колокольни и алтарной преграды (гажа и там и тут совсем идентичная) нужно рассматривать, как реставрацию.

² Не лишне, пожалуй, обратить внимание на небольшую романскую центрально-купольную церковь в

ровными рядами кладки. Отделка — полуколонки, арки, тяги. Но в отношении комбинирования всего этого, как и в самом плане, здесь проявляется совсем иной подход. Вместо чередования, ритма больших и малых полукруглых ниш Кветера, в Бочорма имеется шесть абсид, причем одна из них выделена большой глубиной. Входы сделаны как бы с боков и этим создается необходимость искать исходный пункт церкви — алтарь, создается условное обозрение всей церкви. Углы и здесь украшаются полуколонками, над которыми плоские паруса с выделенными, как в проемах, арками. А купол опять ограничен тягой: тот же эффект достигается тем же приемом.

Снаружи Бочорма разработана треугольными нишами, создающими здесь определенное ритмическое чередование гладких граней и граней с нишами. Здесь, таким образом, в отличие от Кветера, главная подвижность перенесена наружу, где сильно выступают контрасты. Это движение подчеркивается еще и зонтичной крышей. В остальном же фасадная разделка и здесь воспроизводит те же положения, что и в Кветера.

Интересно отметить, что портик имел два открытых пролета на юг и запад, а на восток была стенка с небольшой в центре ее нишкой. Мотив этот нам известен из древнейшей архитектуры Кахетии, именно из памятников VIII—IX веков (пристроенного портика Матанской Цхра-Кара и Зедазенской базилики). Но там существенное отличие — нишки по форме абсиды помещаются низко и в задней стене, а не в восточной и не высоко, как здесь. Иначе говоря, тот же мотив, имевший неизвестное нам сейчас назначение и, по-видимому, неизвестное уже и в X—XI веке, получает совсем другое толкование и применение. Он становится как бы маленьким алтарем в портике.

К вопросу датировки шестиабсидных храмов Грузии и Армении. — Такого плана, а также общего характера разделки шестиабсидные храмы мы имеем в разных частях Грузии, а также в Ар-

мени. Таковыми являются храмы в Киагмис-Алты, Олтиси, Гогюба, Кацхи в Грузии и так называемая церковь Аbugамренц в Ани, в Армении. Это непосредственно сходные и в частности с Бочорма храмы¹. Но кроме этого есть еще несколько шестиабсидных храмов, имеющих в деталях отличные формы; в Грузии такими являются Кумурдо и Никорцминда.

Киагмис-Алты² и Олтиси³ представляют ближайшие параллели по плану с выступающей абсидой, наружными треугольными нишами и отделкой колонками с арочками. Только крыша в Киагмис-Алты по граням в один скат вперед, а не зонтичная. Гогюба вполне повторяет Киагмис-Алты только без выступающей алтарной абсиды⁴. Напротив того, Кацхи повторяет этот план Киагмис-Алты, опуская наружные треугольные ниши и заменяя их внутри небольшими круглыми помещениями⁵. В Кацхи — обе кровли зонтичные. Размеры этих церквей частью меньше, частью больше, преимущественно же одинаковы с Бочормой. Точно также и церковь Аbugамренц в Ани, где при равных почти размерах алтарная абсида не выступает, треугольные ниши налицо, но нет ни связной отделки арочками, ни зонтичной кровли⁶.

При всей близости этих церквей к Бочорма все-таки имеется значительное отличие. Все эти церкви, правда, в разной степени не достигают законченности Бочорма. Церковь Аbugамренц не только не создает единства внешнего вида, а наоборот, сильно его разбивает выступающими по сторонам абсиды гранями, отделкой входа, разрывом в отделке восточных граней и других, а наряду с этим барабан купола отделяется дважды аркатурой — одной, связанной над 12 окнами, а второй самостоятельной непосредственно над каждым окном. Шестиабсидные храмы юго-западной части Грузии (Джавахетии и Олтиси) делают очень незначительные треугольные ниши, частью не разрабатывают аркатурную отделку достаточно полно, но во всяком случае при меньшем или большем развитии ее создают все-таки вполне целостный вид. То же касается и Кацхи. Но всем этим шестиабсидным храмам в

и его текст (по-груз.), стр. 28—29 и 47—48.

¹ МАК, XII, стр. 73—75, табл. XVI и рис. 47 и 49.

² Ars Georgica, 3, 1950, план на стр. 55 и фасады на стр. 58 и 59. Еще 100 лет назад был напечатан план Броссе (Voy. arch., Atlas, pl. XVII), повторенный и у Стриговского, Abb. 746.

³ См. у Стриговского, I, 126—128. — План и разрез обмера Н. Г. Буниатова в книжке «Архитектура Армении» Н. Г. Буниатова и Ю. С. Яралова, М. 1950, стр. 71 и 72.

¹ Из всех этих храмов только Кацхи посвящено детальное исследование. Это работа В. В. Беридзе на грузинском языке в Ars Georgica, 3, 1950, стр. 53—94 и табл. 20—32. На стр. 79—81 дается сравнение с другими грузинскими шестиабсидными храмами и в том числе Бочорма (ср. на стр. 80 планы в одном масштабе).

² См. МАК, XII, 85—88 и рис. 58—61.

³ См. изданный Университетом в 1924 г. Альбом чертежей из поездок Е. С. Такайшивили, табл. 26—

равной мере присуще совсем иное соотношение частей — или они, как Аbugамренц, делают высокой нижнюю часть, или и нижнюю и особенно верхнюю делают невысокими. Только Кацхи и в этом отношении, как и в применении зонтичной кровли, ближе всего подходит к общему декоративно-художественному подходу бочормского зодчего. Однако все-таки только на почве Кахетии были достигнуты и в этих маленьких нарядных помещениях вытянутые, определенно стройные пропорции. Бочорма из всех шестиабсидных храмов одного типа является художественно, несомненно, наиболее законченной: она продумана целостно и по плану, и по пропорциям, и по всей отделке, как система, а не случайное нечто.

Другие многоабсидные храмы Грузии и Армении¹ показывают вполне наглядно, и подтверждают еще несомненное, что все эти формы были именно такими исканиями интересных комбинаций и только. Ни о какой древней традиции, будто переживающей в них, и речи быть не может². Наоборот, все это сплошь новые создания, обнаруживающие как раз недостаточность устойчивой традиции, необходимости развития из имеющихся предпосылок.

6. ПУДЗНАРСКИЙ ХРАМ БОГОМАТЕРИ

Одним из самых крайних на север крупных памятников, который относится к Кахетии, является купольный храм Пудзнари. Он расположен над р. Бодавис-Хеви в 2—3 км вверх по речке, на северо-восток от сел. Бодави, дорога к которому идет через Жинвали от Военно-Грузинской дороги. Другой путь к Пудзнарскому храму, как нам говорили, идет от Тианети. Дорога от Жинвали идет, быстро и сильно поднимаясь к Бодави, а от Бодави через несколько крутых лощин, еще круче вверх, к Пудзнарскому храму, расположенному на широкой площадке над ущельем р. Бодавис-Хеви. Вокруг храма — остатки каменной ограды, а

В вопросе датировки рассмотренные только что шестиабсидные храмы могут оказать нам некоторое пособие. Церковь Аbugамренц построена во всяком случае до 994 года, за какой датой имеется уже запись жертвователя. В церкви Гогюба, сравнительно простой, имеются украшения, которые Е. С. Такайшвили сопоставляет с украшениями Кумурдо, построенного в 964 году, т. е. несомненное совпадение во времени налицо. Наконец, Кацхи является семейной усыпальницей рода Липаритов и в 1059 году церковь во всяком случае уже стояла³. Эти данные говорят за то, что самая мысль оперировать с шестиабсидной композицией (и можно сказать то же и о восьмиабсидной) явилась в X веке. Это общее положение вполне поддерживается и остальным общим ходом развития архитектуры Грузии и Армении. В частности, относительно Бочорма, как крепости мы имеем сведения, начиная с первой четверти X века и до войны Баграта IV с Агсартаном кахетинским в 1068 году, когда первый уступил Бочорма и Уджарма Агсартану, несомненно, как важные, пограничные, стратегические пункты⁴, т. е. и с этой стороны установленная дата получает наилучшее подкрепление.

на северо-запад от нее остатки жилых помещений⁵.

Как отмечали уже Броссе и Уварова, это — купольный храм крестового плана, вписанного в прямоугольник. Размеры его небольшие, но впечатление он производит действительно величественное в лесу на площадке, на которой стоит. Сложен храм из рваных камней (по Уваровой местного известняка) и из квадров ширины: плоскости стен и своды сложены из рваных камней, а арки, устои купола, пилястры, паруса, подкупольное кольцо, большая часть поверхностей барабана купола изнутри — из ширины. В кладке барабана видно

¹ Сводку их см. у Стриговского, а по существу в моей статье в сборнике «Давид Сасунский».

² Как полагал в указанном труде Стриговский, I, стр. 130, 126; II, 490.

³ Ср. историю взаимоотношений Баграта IV и Липарита, окончившего жизнь монахом: И. Джавахишвили. История грузинского народа, II, стр. 436 слл., в особенности 445—447 (по-груз.). — В работе В. Беридзе (см. выше) на основании недавно раскрытой вновь надписи устанавливается дата построения корпуса самой церкви на последние годы Баграта III, а именно 1010—1014 гг.

⁴ Матнанэи Картлисай (по списку царицы Марии), *449, *455—456, *469 и *504/5, стр. 226/7, 231/2, 243 и 274.

⁵ Видимо, этот храм имеет в виду царевич Вахушти в своей Географии, когда описывает Бодави (Wakhoucht 299, новое изд. 93; рус. перевод, 110—111), как «купольный, величественный на прекрасном месте и ныне пустующий» храм. Его же посетил акад. Броссе (Voyage, I, 90—91) и пытался зафиксировать надпись западного фасада; и также именует Бодави. Наконец, посетила Пудзнарский храм и дала краткое его описание гр. П. С. Уварова (МАК, X, стр. 3—4 и тоже стр. 58—59). Она отмечает ошибочное наименование его у Броссе. Мне удалось посетить храм совместно с А. Г. Шанидзе и благодаря ему 26.III.1950 г., тогда же сделаны прилагаемые фото.

в простенках окон немного кирпича, а также ниже полосы окон идут два больших слоя кирпичной кладки. По фасадам здания ширины применен для обработки и декорирования проемов (окон и дверей), карнизов, всего барабана купола и подкупольного квадрата, кое-где и на углах здания: остальная кладка из рваного камня.

Храм, несомненно, претерпел реставрацию: по-видимому, с некоторыми насильственными мероприятиями, в позднее время. Так, отделка нижней части среднего окна на восточном фасаде, а равно надпись западного фасада на трех плитах и в рамочке и примыкающий к ней низ декоративного креста с орнаментальной

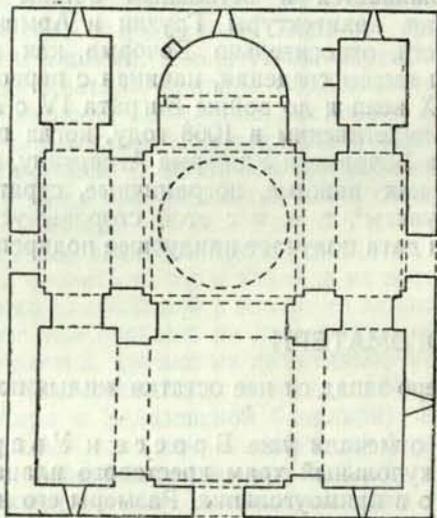

Схема плана

резьбой являются таким восполнением и частично вкраплением в отделку фасадов, подогнанными к профилям основного убора, но выполненными из совсем другого материала — плотного, но, видимо, мягкого, зеленого камня, а не из ширины. По-видимому и северо-восточный угол здания, имеющий в верхней части своей кладку из неодинаковых квадров ширины, чинен с введением нового материала; а также чинена, вероятно часть карнизов нижних частей здания.

Если уже Вахушти указывал, что храм пустует, то через 100 лет Броссе отмечает, что красивый купол разваливается (*une jolie coupole en pierres, mais tombant en ruines*), а еще через 50 лет Уварова довольно подробно пишет, что храм „полуразвалившийся с исчезнувшей крышею“ (58), „представляется совершенно заброшенным, с провалившимся куполом и с

барабаном, подавшимся на север и севернее разрушенным в западной своей части“ (стр. 3: подчеркнуто мною). Процесс разрушения за истекшее с тех пор дальнейшее полу столетие — несомненно, еще прогрессировал: в сводах разных частей храма зияют отверстия, от алтарной преграды уцелел небольшой фрагмент внизу правого угла и т. д.

Характерно, что еще Броссе отмечал спор о владениях между сельчанами и князьями Чавчавадзе, отмечал его в связи с порчей текста надписи, как об этом устное предание дожило почти до наших дней; а Уварова писала, что построена церковь «по преданию одним из Кварельских Чавчавадзе, кн. Мельхиседеком» (у нее: «Гуарельских») и, видимо, из-за этого полагала постройку выведенной в XVII веке.

Как показывает приводимая схема плана, набросанная на глаз без всяких промеров и без всякой точности в угловых пространствах, это то же разрешение пространства, как в основных купольных храмах конца XII — начала XIII веков. Углы устоев под куполом прямые (табл. 336 и 337). Подкупольные арки даны в два уступа и имеют заострение с изломом (табл. 336-а, 337-б, 338). Переход от квадрата к кругу купола создается парусами, сложенными, как и арки, правильными рядами из хорошо тесаного ширины (табл. 338). Основание барабана отделено выступающим карнизом: профиль этого подкупольного кольца составляет полочка с валиком под ней. Примерно такой же валик, составляющий третий, верхний, уступ подкупольных арок, в вершине последних соприкасается с валиком карниза, но не завязывается узлом с ним¹. В барабане 12 окон; купольный свод начинался немного выше окон, как видно по удержавшимся еще частично начальным рядам его.

Алтарная абсида и бема не представляют расчлененных архитектурных частей пространства, а слиты воедино. Как бы отзвуком деления является помещенная на границе их подпружная арка на небольших консолях (табл. 336). В северной половине абсиды, высоко, имеется большая, довольно глубокая ниша. Жертвенник и диаконник не соединяются непосредственно дверными проемами с алтарем; они имеют входы из боковых рукавов, с запада. В северной стене диаконника имеется довольно высокая ниша, в которой поднимается трубой ход вверх на своды. Ниша эта распо-

¹ В отличие, напр., от Тигва (ок. 1156 года), Питарети и Бетанна (начала XIII века) или Зейзит близ Нухи, но подобно Худжаби и последующим.

Эксп. № 363
Л. 110

ложена над уровнем пола церкви приблизительно на высоте в 2,20 м, она в плане круглая. В этом помещении за дверью начинается встройка, по-видимому, sklepa, высотой примерно в 1,20 м. (Уварова передает, впрочем, что сельчане говорили, будто отсюда идет «подземный, ныне заваленный, ход к реке»). Стены пастофорий, как и храма сложены из рваного камня, коробовый же свод — в отличие от конхи и сводов в рукавах храма — из ширими. Эти своды в пастофориях находятся на меньшей высоте от пола, чем своды в угловых западных отрезках храма.

Алтарь повышен относительно остального пространства; он был отделен алтарной преградой с одним средним проходом в ней (как указывает Уварова); от преграды сейчас уцелел небольшой фрагмент около юго-восточного подкупольного устоя. Это — глухая стенка, сложенная из квадров ширими, довольно крупных, в метр высоты, гладкая как в церкви, так и в алтаре. Между двумя рядами квадров, поднимающимися как две стороны стенки, виден обломок кирпича. А на углах абсиды, на высоте над стенкой метра в 1½, остались зарубки для укрепления бывшей, вероятно, над стенкой, аркатуры.

По всему храму внутри довольно большие поверхности сохранили гладкую штукатурку — стены, подкупольные устои, паруса, барабан купола и окна его.

Массы здания повторяют разработанные образцы таких небольших купольных храмов прямоугольного основания с определенным движением по линии с запада на восток в конфигурации и сочетании кровель, а не только вверх к барабану купола и его шатровому перекрытию. Западный фасад, к которому подводит дорога, построен вполне симметрично и декоративно расчленен (табл. 333-б, 335). По средней оси вверх наложен основной акцент большим декоративным крестом, по сторонам нижнего тябла его расположено двойное окно. Как самый крест, так и наличники двойного окна сложены из квадров ширими, положенных правильными рядами и украшенных выступающей профилировкой. Три верхних конца креста замкнуты и дополняются независимо от профиля каждого тябла небольшим диском в обрамлении. Нижнее же завершение креста, как было указано, приходится считать поновленным, а потому остается под вопросом, воспроизводит ли оно первоначальные формы или же, скорее, изменило их, применив на вставленных квадратах (перебивающих к тому же ряды кладки) орнаментальную резьбу. Кроме этого основно-

го удара на фасаде внизу по центру — вход довольно широким арочным проемом и в боковых частях оконные проемы в профилированных наличниках. Применение ширими для всех этих элементов членения фасада обусловило отсутствие орнаментальной резьбы. С другой стороны, гладкие поверхности стены вне их выполнены из мелких рваных камней, почему и с точки зрения единства облика северный угол, облицованный плитами ширими, выпадает из него и представляется результатом ремонта.

Направление кровель, особенно боковых однокосых, объединяет вид южного и северного фасадов, которые при общих массах оформлены различно в деталях (табл. 333-а, 332-б). Боковые входы в храм расположены не по центру соответствующего рукава креста плана, а в западной части его. По центру же вверху прорезаны окна — на южном фасаде двойное, а на северном ординарное (табл. 334). Наличники окон гладко профилированы, а двойное южное окно имеет объединяющий их стержень, еще сложнее профилированный и заканчивающийся диском в раме из валика. Едва ли это недоконченный декоративный крест или фрагмент его: завершение стержня внизу и особенно вверху и добавление диска или плоской шишки над его верхом не говорят об этом. Северное окно также имеет вверху отдельное украшение шишкой. Окна южного и северного фасадов украшены еще дополнительно как бы усиками с виноградными гроздьями на стебле, а на северном, кроме того, вверху арки — справа и слева — дано по завитку. Нужно отметить, что позднее к храму были прибавлены с северной и южной сторон приделы; от южного сейчас едва заметны следы, северный же стоит сохранным. Внутри это небольшое помещение, перекрытое сводом, который начинается от пола и имеет яйцевидную с острым переломом в вершине форму, чрезвычайно близко напоминающую встройки для поддержания свода в церкви Ткоба-Ерды, которые повторяют приемы тамошней жилой архитектуры XVI—XVII веков. Нужно сказать, что и кровля этой пристройки, поскольку она видна, приближается к системе покрытия башен, т. е. выступающий сильно горизонтальный ряд, с большим отступом на нем второй, следующий опять нависает, образуя таким образом лесенку, и т. д.

Восточный фасад отвечает западному: среднее крупное окно с широким сильно профилированным наличником и два боковых, не сохранивших наличников. А над средним окном декоративный крест, поднимающийся до конь-

ка кровли; внизу он соприкасается, но не увязывается с профилировкой алтарного окна (табл. 331).

Завершающим акцентом всего здания является цилиндр барабана с венчавшим его когда-то шатровым верхом (табл. 331-а, 332, 333-б). Барабан был прорезан 12 окнами в профилированных наличниках, охваченных сплошным рядом аркатуры со средней соединительной колонкой между арками и с шишкой над нею. Каждый пучок из трех колонок перехвачен в основании арочек поясом и под ним шарами, как и внизу выделены шары и квадраты их основания. Вся аркатура стоит на круглом профилированном поясе. Между аркатурой и карнизом сложного профиля, примененном еще в Кватахеви, Цугругашени и др. памятниках той же эпохи, оставлен один ряд кладки из квадров ширины. На небольшом отрезке, северо-восточном, этой гладкой полосы сделана проба — так, видимо, нужно это понимать — вырезать орнаментальный узор. Мотивом взят общеизвестный узор, применявшийся для этого места в храмах перелома XII и XIII веков, как Бетания, Кватахеви, Цугругашени и подобно этому даже на Магалаант-Эклесиа.

Небольшой Пудзнарский купольный храм примыкает, как было уже отмечено, по построению плана и массам здания, к группе ведущих купольных храмов конца XII — начала XIII веков. Небольшие упрощения в решении внутреннего пространства, как и сочетание рваного камня с небольшим вкраплением тесаных квадров с отдельными элементами фасадного убора, указывают на известную ограниченность материальной базы всего строительного начинания и приспособляемость к конкретным условиям. Декоративная разделка, по-видимому, позволяет, вместе со всем только что названным, отнести данную постройку к концу указанного периода. Учитывая последние разыскания научных работников Института истории грузинского искусства Р. Шмерлинг и В. Беридзе¹, можно установить, что Пудзнар-

ский храм не носит еще черт разложения основных декоративных подходов эпохи, не вносит раздробленности в них. Сохранена сплошная аркатура разделки барабана с 12 окнами в нем; небольшая полоса над этой аркатурой соразмерна была для заполнения орнаментом, ходким по мотиву на этом месте и невыполненным полностью — скорее всего — из-за неподходящего материала; карниз на барабане, сложенный опять из пористого ширими, непригодного для орнаментальной резьбы, имеет сложный профиль, который разработан именно в названный период и на купольной группе его памятников. Основные плоскости западного и южного фасадов заключают в себе двойные окна, объединенные в единую группу. Кроме того, на восточном и западном фасадах налицо крупные декоративные кресты, что увязывает Пудзнари с такими памятниками группы, как Питарети или Метехи, или даже Эртацминда, т. е. со стоящими хронологически в конце ее². Вместе с тем отсутствие орнаментации, которое проходит определенной чертой через всю историю архитектуры в Кахетии, и здесь имеет место, обусловив применение квадров ширины и, в свою очередь, будучи обусловлено свойствами данного материала.

Если, таким образом, можно считать, что Пудзнарский храм построен был в первой половине XIII века, то те изменения, которые могли быть замечены в нем, должны относиться, судя по характеру орнаментации надписью, скорее всего к XV веку. Их хочется сопоставлять с ремонтными частями эпохи царя Александра в Руисском храме, а карниз восточного фасада по профилю с карнизом кафедрала Свети-Цховели во Мцхета. К этому времени хорошо подойдут починки фасадов квадрами ширины, в том числе и северо-восточный угол, к которому, как подсказывают своеобразные архитектурные формы его, в XVI—XVII веках был пристроен небольшой, устоявший донныне придел.

7. ЦЕРКОВЬ САБА-ЦМИНДА В КАРДАНАХИ

Описание.— Купольная церковь Саба-Цминда в сел. Карданахи находится непосредственно рядом с описанной выше развалиной трехцерковной базилики. Она представляет со-

бой церковь монастыря, как то ясно не только из преданий населения, но и по формам церкви и по остаткам зданий монастырских, как, например, большой развалины на юго-запад от

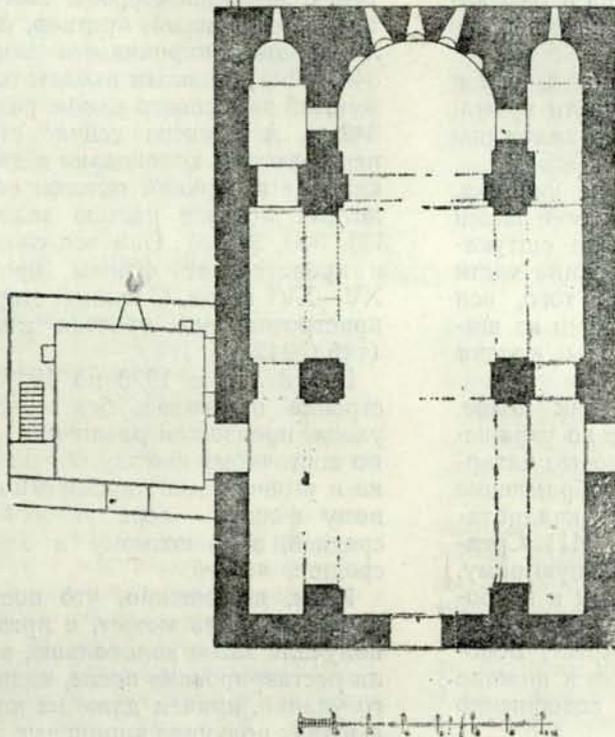
¹ Р. Шмерлинг, Ведущая группа купольных храмов XII—XIII веков. В. Беридзе, Архитектура Самцхе XIII—XVI веков, Тб. 1955. по-груз. с русским резюме.

² Отмечу, что виноградная гроздь встречается, как такой же вольный приделок к профилировке, именно на западном фасаде храма в сел. Метехи, перелома XII и XIII вв.

церкви. Она представляет собой большое, высокое здание типа крестовой купольной церкви с двух столбах. Сложена она вся из кирпича с небольшой примесью булыжника и ноздреватого камня в гладких стенах. Снаружи облицована вся сплошь желтоватым ширими, а внутри оштукатурена и побелена¹.

Прямоугольник плана церкви заключает в себе вписанный крест с несколько более длинными восточным и западным рукавами. В пе-

круглой абсиды, а только сверху конха ее имеет дополнительную на консолях арку, как было в Пудзнари. Внешняя же граница алтаря отмечена аркой на пилястрах (табл. 343-а, 344-а). Алтарь сообщается дверьми с жертвенником и ризницей; на север в жертвенник ведет дверь с полукруглым верхом, а на юг в ризницу — с прямоугольным. Алтарь на одну ступень выше церкви. В нем три окна, очень близко прорубленных друг от друга. В стене под окнами

План

рекрестья находится купол с круглым барабаном с 12 длинных и узких окнами. Купол опирается на выступающие части алтарной абсиды и на два западных столба. Основание купола отмечено выступающей тягой из двух горизонтально положенных рядов полукруглых, лепкальных кирпичиков (табл. 343-а). Переход от квадрата к кругу основания купола образуют паруса. Четыре подкупольных арки полуциркульны, хотя с некоторым изломом. Пять арок обычной формы выкружки с полочкой сделаны из ширими (табл. 343, 344, 345-а).

Алтарь представляет собой сплошное пространство, где не выделена особо бема от полу-

пять неглубоких ниш для сидения сослужащих; ниши эти объединены арочками на парных полуколонках, средняя ниша с повышенным сидением для настоятеля монастыря (табл. 343-а)².

Жертвенник и ризница составляют невысокие и узкие комнаты с абсидами и одним окном в них. Кроме дверей из алтаря они имеют еще арочные, искаженные штукатуркой входы с запада (табл. 344-а). Над этими помещениями есть еще небольшие верхние комнаты с маленькими круглыми просветами с востока. Ходом в северное служит большое отверстие над дверью с запада в жертвенник; подняться туда

¹ Осмотрена 10.VIII.1920 г. и 30.X.1922 г.; 23.XII.1933 г. проведен более точный обмер плана.

² В последнее посещение установил, что от этого повышения, как и от престола, ничего не осталось.

я не смог за отсутствием приставной лестницы (табл. 344-а). Ход же из южной ведет почти вертикально вверх в толще стены между алтарной абсидой и абсидой южной комнаты; ход имеет форму трубы с выступающими слегка из кладки булыжниками, как ступенями.

Западный рукав креста длинный и отделен от боковых угловых помещений одной широкой, но низко лежащей аркой с ясно выявленным изломом (табл. 343-б, 344-б).

Церковь помимо 12 окон барабана и трех алтарных имеет еще по одному окну на север, юг и запад (табл. 343-б, 344-б, 345-а). Кроме того, в храм вели три входа — с запада, юга и севера; последние два в угловые части храма; южный и западный входы позднее заложены заподлицо со стеной (табл. 343-б и 345-б).

Изнутри вся церковь сложена из кирпича, только кое-где в кладке сплошных стен виден булыжник и ширими. Она вся была оштукатурена. Сейчас купол, своды и верхние части стен оголены. Снаружи, напротив того, вся церковь облицована тесаными плитами из ширими, составляющими ровные ряды кладки (табл. 339—342).

Восточный фасад не разделан, как целое, органически связанное, а лишь только украшены отдельные его проемы. Так, боковые алтарные окна имеют полуциркульное обрамление на парных полуколонках с резными квадратами их основания и их арочек (табл. 341). Среднее же окно заключено в прямоугольную раму, слегка обработанную. Между окнами и по бокам их шишки с резьбой. Над средним окном плоский, едва профилированный крест. Боковые окна фасада — верхние круглые и нижние удлиненные — тоже в рамках, но совершенно простых.

Остальные три фасада соответствуют восточному. На каждом из них аналогично отделаны одинокие окна и двери, где побогаче (западная дверь), где попроще (табл. 339, 340, 341-б, 342).

Барабан купола так же украшен тем же мотивом арочек на пучках колонок. Только здесь он слит в одну проходящую цепь. Кроме того еще украшен нишками. Барабан, как и вся церковь подверглись починке, поздней, из кирпича. Барабан купола имел не менее 18 рядов кирпичной кладки сверху, добавленной или починенной к основной части. И поверх этого еще кирпич из чередующихся рядов плоскоположен-

¹ Пл. Иосселиани кратко отметил, что архимандрит Илларион Вачнадзе (начала XIX века) имеет большие заслуги по восстановлению мон. Саба-Цминда. К сожалению, никаких конкретных материалов он не

ных кирпичей с положенными углам, вперед. Форма купола до кирпича — легкое сужение, а начиная от кирпича вверх — расширенное. Шатер то же из кирпича.

Карниз церкви был первоначально каменный, в форме выкружки; части сохранились над южным входом в церковь. Затем он всюду поправлен в той же форме, как на барабане, т. е. из кирпича.

Снаружи церковь была частью застроена. Так, с западной стороны был троеступный, затем переделанный, притвор, сложенный из булыжников с кирпичными сводами (табл. 339, 340). Перед южным входом тоже притвор, сложенный из тесаного камня, разрушенный (табл. 342-а). А с севера сейчас стоит построенная перед входом колокольня в два этажа, нижний квадрат и верхний октогон ее с восемью пролетами, позднее частью заложены (табл. 339, 340, 342-б). Она вся сложена из кирпича и представляет формы простых колоколен XV—XVI веков. С южной стороны, кроме того, пристроена еще простая маленькая церковь (табл. 342-а).

За 12 лет, с 1922 по 1933 года, когда постройка оставалась без всякого присмотра и ухода, произошли различные разрушения. Так, по восточному фасаду обрушилась часть конька и утрачен весь кирпичный карниз; по северному фасаду — верх угловой части и скаты средней, а по южному и западному — скаты средних частей.

Итак, несомненно, что построенная первоначально, быть может, с притворами церковь, получила затем колокольню, а еще позднее была реставрирована после, видимо, значительного упадка, причем даже на южном и северном фасадах получила кирпичные заделки среди облицовки тесаным камнем. Эта починка может пасть на XVI—XVII века ¹.

Карданахская купольная церковь монастыря Саба-Цминда непосредственно примыкает к Пудзнарскому храму как по плану, так и по строительным приемам. Только район, где был возведен храм Саба-Цминда, позволял совсем иной разворот строительства, чем в Пудзлари. Издревле и до наших дней широко развитое керамическое производство подсказало построение всего храма из кирпича, но с обли-

дает, а по состоянию памятника — тоже затруднительно приурочить эти данные. (Пл. Иосселиани. Жизнь царя Георгия XIII. 3-ье издание под ред. Ак. Гацерева, Тб. 1936, стр. 261, № 80, по-груз.).

цовкой квадратами ширины. Булыжник же, как и квадраты ширины, применен в самом ограниченном объеме в кладке стен.

По плану, по-видимому, при одинаковых размерах подкупольного квадрата, созданы удлинение продольной оси храма, упрощение основных арок храма, контраст в размерах и высоте арок к стенам от западных подкупольных устоев: широкие и низкие с изломом на запад и узкие и высокие полуциркульные на юг и север. Сообразно этим основным отличиям проведены и второстепенные: в жертвеннике и диаконнике устроены абсиды, т. е. пастофории служили также приделами; над ними устроены комнаты по второму этажу, тогда как в Пудзнарском храме, видимо, только проходы по сводам; впрочем над подоконником комната трактована пол-

ностью как тайник, так как вход замаскирован в своде диаконника.

Разработка внутри здания, рассчитанная, видимо, с самого же начала на штукатурку, а потому упрощенная, лишенная декоративных членений, а равно упрощенное оформление фасадов, указывает, по сравнению с Пудзнарским храмом, на более поздние годы того же XIII века. Притворы с юга и запада, вероятно, можно считать запроектированными и выведенными с самого начала, как обычная часть композиции этого времени в отличие от портиков более раннего. Пристроенная к северному входу в храм колокольня выведена вся из кирпича и падает, судя по общим формам ее, на XVI век. Возможно, что тогда же произведены ремонтные работы храма кирпичом; впрочем прямого подтверждения этого не имеется.

8. ЦЕРКОВЬ САЧИНИ ОКОЛО ЗЕМО ХОДАШЕНИ

Церковь Сачини расположена на горе выше сел. Земо Ходашени, собственно выше нового небольшого осетинского поселения Ахал-Даба. Это — стройная церковь, облицованная по фасадам полностью плитами ширины, а внутри — в значительных частях здания, как-то: четыре подкупольных устоя, паруса, весь барабан купола, верхняя половина абсиды и притолоки дверей¹. В остальных частях она внутри сложена из булыжника и частично из кирпича. Кирпичной кладкой выведена вся средняя полоса нижней половины абсидального закругления (табл. 349-а), все окна самого корпуса храма и устои между парными из них, арки в западной части храма, три арки в глубине каждого из трех рукавов храма (табл. 349-б, 351-а). Кирпич, примененный в храме, малого калибра — сторона в 22 и 21 см, при толщине от 5 до 6 см.

Помимо собственно купольного храма перед каждым из трех входов был притвор. Сейчас уцелел только один северный (табл. 346-а). На западном фасаде имеются консоли, торчащие из стены в четырех местах, на которые опирался свод притвора. Остатки его лежат впереди фасада. Груда камней перед южным фасадом так же подсказывает наличие и южного притвора. Примыкание притворов по западному и южному фасадам не оставило на стенах храма никаких следов примазки, так что приходится полагать, что они были выве-

дены только вприслон. На некотором расстоянии от храма, почти со всех его сторон, видны остатки каменной ограды.

Сама церковь ниже купола сохранилась хорошо. Купол же обвалился весь, за исключением двух простенков и одного между ними окна (табл. 346, 347-б, 348-б, 349-б). Кроме того, обвалился свод северного рукава (табл. 349-б, 350-а). Снаружи обвалилась верхняя часть стены восточного рукава (до поперечины декоративного креста), а по другим фасадам кое-где карнизы углов и т. п. Сильнее других попорчены снаружи северо-восточный и юго-западный углы угловых частей. Конечно, кое-где имеются небольшие трещины в стенах, заметные внутри и снаружи.

Церковь также крестово-купольная позднего типа (план). Западные устои под куполом прямоугольные с высокими арками в южный и северный рукава и с низкими в западный (табл. 351-а). Восточные угловые помещения двухэтажные, но снаружи это никак не выявлено.

Подкупольное пространство — по плану небольшой квадрат, а вверх сильно вытянуто, как вообще вся церковь очень вытянутая в высоту (разрез). Квадрат под куполом перекошен, равно и все четыре подкупольные арки не имеют четкой, правильной формы, а как будто должны были быть полуциркульными, но перекошились (табл. 350-а, 349-б). Эти арки выведены из ширины, тогда как все остальные кирпичные с четкой стрельчатой формой (табл. 351-а, 352-а).

¹ Храм этот посещен мною 2.XI.1934 г., тогда же был сделан обмер его арх. В. Л. Циловским и фото В. И. Тулашвили.

Такой же четкой стрельчатой аркой выведены все окна храма. Они также кирпичные. Двери же с плоским верхом — все, как входные, так и внутренняя из алтаря в жертвенник. Прямой обрез они имеют и по фасадам (табл. 346-а). Только северная дверь с пониженным проемом входа; в церковь из притвора вход со стрельчатой аркой, более низко расположенной, чем проем самого храма (табл. 352-а).

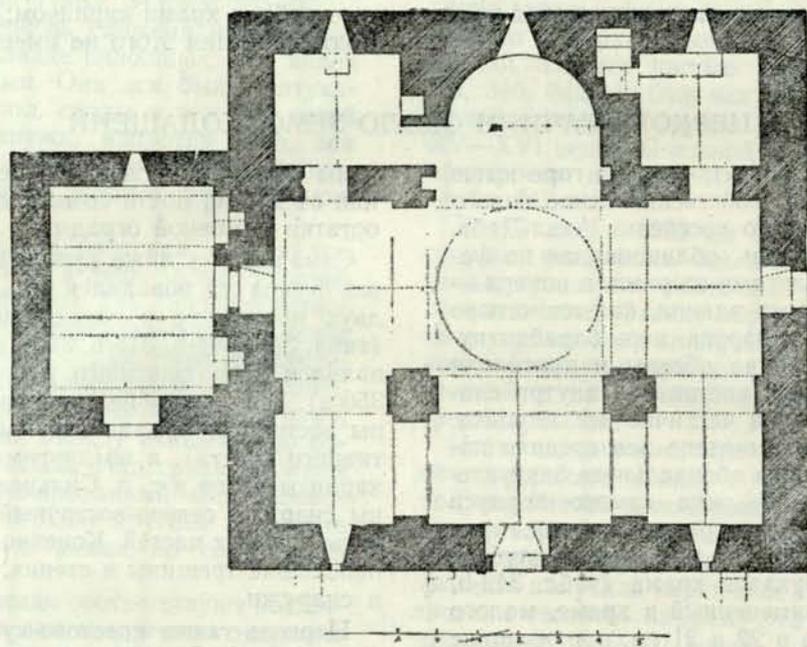
Все своды рукавов и западных угловых отрезков и своды в пастофориях стрельчатой формы.

Паруса — довольно плоские и малые, но правильной формы (табл. 349, 350).

Четыре подкупольных устоя, равно углы аб-

Жертвенник, расположенный с северной стороны алтаря, сообщается с ним дверью, рядом с которой ниша. Ризница же не имеет ни двери из алтаря, ни ниши в стене, а вместо них на высоте примерно в 1,20 м от земли устроен ход в толще стены по лестнице. Она выводит в надсводное пространство, гсп. на кровлю (табл. 352-б).

Над юго-западной и северо-западной угловыми частями также имеется надсводное пространство с проходом из церкви по приставной лестнице. Из юго-западного — проем на восток в южный рукав, и из северо-западного на юг в западный рукав (табл. 351-а). Эти помещения освещались с запада через небольшие,

План

сиды, имеют импосты арок, состоящие из двух валиков (разрез и табл. 349, 350). Также и подкупольное кольцо состоит из валика и полочки поверх него.

Алтарь повышен относительно всей церкви на одну ступень, примерно на 30 см. В нем две ниши. Он был отделен алтарной преградой, как обычно, сквозной, на колонках над парапетом. Внутри лежат части этой преграды — четыре камня со сдвоенной арочкой в 72—74 см длины; обломки колонок в 50 см половинной высоты их, а гладкие плиты от парпета—85 × 65 см, с валиком по трем бортам их (табл. 351-б, с).

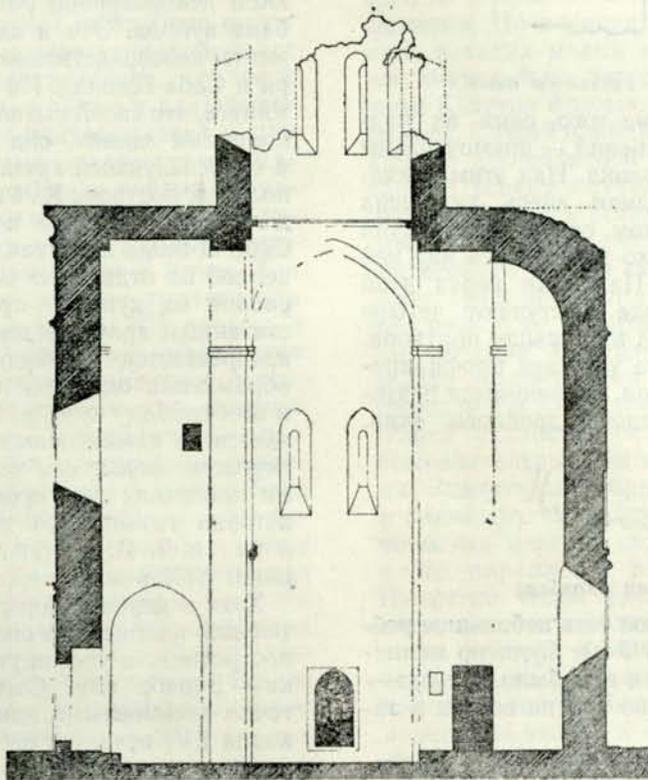
удлиненной формы окна, видные на фасаде (табл. 346-а).

Фасады храма старательно и тщательно облицованы ширими и украшены незатейливыми профилями вокруг окон и декоративными крестами и шишками. Восточный фасад имеет три широко расставленные окна — из алтаря, жертвенника и диаконника. Каждое окно обведено двойным валиком в прямоугольник по контуру узкого длинного проема. Над каждым окном, до полуметра выше его, — шишка (табл. 346-б).

Над средним окном, во всю высоту средней части фасада, поднимается большой тонкий крест, состоящий также из рамочки двойного

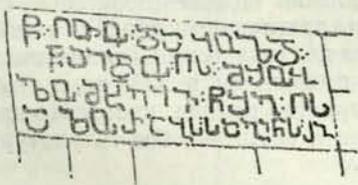
валика и еще одного, чуть толще, между ними, как стержня креста. В перекрестьи — небольшая плоская шишка в обводке, а на концах поперечного тябла — по кружку (табл. 348-b). Под правым тяблом креста надпись в четыре строки крупным мтаврули. В начертании надписи характерны буквы А, О, Г. Только последнее слово (ფგბ) не разбирается достаточно яс-

Южный и северный фасады были одинаково разбиты: двойные окна с арочным верхом каждое, обведенные рамой из четырех валиков. А между окнами как бы тройная полуколонка с шарами вверху и внизу их между сплошными, гладкими же, полочками (табл. 347). Дверь южного фасада без какого бы то ни было профилированного обрамления. Северный фасад

Разрез на север

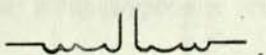
но, благодаря материалу камня, конечно.

В переводе означает:
«Господи и всесвятая богородица, будь заступницей перед господом Зурабусу Сагина».

сохранил пристроенный притвор из рваного камня с крутым скатом крыши. Притвор имеет свой вход с запада и маленькое окно на восток. А вход в церковь несколько уменьшен проходной дверью притвора, как отмечено выше (табл. 352-а). Она в двойной стрельчатой арке. Внутри притвора — свод стрельчатый на четырех арках: самый свод из камня, а арки из кирпича. По сторонам двери в храм две больших стенных плоских ниши с маленькими нишками-полочками в них. Обе стрельчатые (табл. 352-а). В полу притвора два вскрытых склепа.

Западный фасад близок по разбивке и обработке восточному. В средней части от конька и до низа окон большой крест, очерченный так же двойным валиком с кружками у горизонтальных концов, с петлей на нижнем и с шишкой над верхним концом и в перекрестьи. Два окна в центре стены и по сторонам нижнего табла в профилированной раме и с арочным вер-

Профиль двойного западного окна

хом (табл. 346-а). Кроме того, окна из надсводных угловых помещений — прямоугольны и в раме из двойного валика. Над этими окнами — по шишке. Западная дверь украшена двойным крупным валиком, сделанным отступя от проема двери и высоко поднимаясь над ней полуциркульной аркой. На линии верха этой декоративной арки входа выступают четыре консоли для опоры свода или крыши притвора.

Барабан купола также украшен профилированным обрамлением окон, являющимся повторением профиля западного двойного окна.

Профиль отелки барабана

Между каждой парой окон есть небольшое ребро (табл. 347-б, 348-б, 349-б). Судя по наличным остаткам барабана, в нем было 10 окон — по два на юг и север и по три на восток и запад.

Церковь Сачини около Земо Ходашени поставлена в конце ряда храмов первой половины XIII века, после Пудзнари и Саба-Цминда около Карданахи, хотя время ее возведения нужно относить к более позднему времени. Вероятно, это — первая половина XIV века, хотя вполне несомненных для датировки данных не выявлено. Однако, рассмотрение ее именно в данной, а не в следующей, главе определилось несомненной близостью ее в общем художественном подходе к предшествующим памятни-

кам. С другой стороны, большая архитектура нового кахетинского царства, хотя и продолжает развивать известные установки предыдущей эпохи, но отчетливо выявляет творческую самостоятельность в положенном в основу ином стройматериале.

Строитель церкви Сачини основным приемом художественного оформления избирает облицовку тесаными квадратами ширими с применением декоративной разделки фасадов и барабана купола. Это и самые декоративные элементы непосредственно связывают ее с Пудзнари и Саба-Цминда. Но здесь же нельзя не упомянуть, что своей вытянутостью вверх, т. е. пропорциями здания, она ближайше увязывается и с последующей группой, уже кирпичных купольных построек XVI века. Декоративная разделка, которая уже по фасадам Пудзнари и Саба-Цминда представляется разбитой, разрозненной на отдельные места, но которая на барабане их куполов проходит еще сплошным связанным арочным декором, в церкви Сачини превращается в обособленные декоративные обрамления окон как по фасадам, так равно и по барабану купола. Этот процесс прослеживается по памятникам всей Грузии, а хронологические звенья его установлены разысканиями последних лет, проведенными в Институте истории грузинского искусства Р. О. Шмерлинг и В. В. Беридзе¹. Начинается он с конца XIII века и держится два-три века.

Хотя в церкви Сачини и сохранилась строительная надпись, но она лишена указания года построения, а упомянутое в ней лицо заказчика — Зураб, сын Сагина — не определяется точно письменными документами. Правда, для конца XVI века, именно на 1579 год, мы знаем в числе свидетелей выданного кахетинским царем Александром гуджара рядом с другими крупными феодалами Кахетии и Картли, как Чолокашвили, Макашвили, Вачнадзе или Цицишвили, также некоего «Диди Сагина»². Но, не говоря уже о том, что нет названного в надписи Зураба и что Сагина не имеет определенного добавления «диди» (великий — глава дома), формы архитектуры для XVI века не представляются подходящими. Для предполагаемой же эпохи возведения в XIV веке этот Зураб, очевидно эристав района, настолько известный, что в надписи обошелся без титулатуры.

¹ Р. Шмерлинг, Ведущие купольные храмы конца XII и начала XIII веков (рукопись), и статья: Постройка моларет-ухуцеса царя Георгия Блистательного в сел. Даба Боржомского ущелья (Ars Georgica, 2 1948); В. Беридзе, Архитектура Самцхе в XIII—

XVI веках, Тб. 1955 (по-груз.).

² С. Какабадзе, Исторические документы, II вып., Тб. 1913 (по-груз.), стр. 49—54; в извлечении была напечатана уже Т. Жордания, Хроники и др., II, 413 (по-груз.) под 1569 годом.

В настоящей главе мы ознакомились с памятниками периода законченного живописного стиля. Это не была эпоха исканий, титанических усилий создать из материала, не легко поддававшегося обработке, и из различных элементов форм законченное новое единство формы, а эпоха просветленного, уравновешенного, сознательного компонования. Зодчие этой эпохи черпали щедрой рукой из богатого и разнообразного опыта предшествующих вековых исканий. Это — положения общие для всей грузинской архитектуры, а также и для армянской. Они же получают подтверждение и при знакомстве с памятниками архитектуры в Кахетии. Но здесь наше внимание поражают, наши ожидания не оправдывают наличные памятники в том отношении, что, с одной стороны, к памятникам, возведенным в конце X и в XI вв., не примыкает ни один памятник на протяжении всего следующего XII века; а с другой, что между отдельными, наличными представителями нет почти что никакой связи; каждый есть как бы совершенно разрозненный пример, который не с чем сопоставить, не с чем сравнить, не с чем связать в отношении развития архитектуры на территории Кахетии. Если в предшествующие эпохи купольная архитектура Кахетии определенно показывает этапы внутреннего развития, как они выявляются и в развитии базиличной архитектуры, то с половины X века и в течение одного—полтора веков перед нами только *membra disiecta* такого целостного развития. Вместо хотя бы относительно связной картины мы имеем скорее только разнородные примеры, в которых можем отметить общие второстепенные черты и общий художественный уклон,— и только.

Это положение, мне кажется, имеет различные основания. А усиление политической мощи кахетинских царей, добивающихся гегемонии на всем Кавказе, вызвало не одну военную экспедицию в глубь Картли, даже вплоть до Месхети, и познакомило со своеобразной и отличной в известных отношениях архитектурной продукцией остальной Грузии. Несомненно, что репрезентативный блеск архитектуры из гладко тесаного камня с богатыми, как бы чеканными узорами орнаментальной резьбы, столь характерной по всей Грузии, должен был возбудить желание иметь подобное и у себя в Кахетии. По-видимому, подходящего для этого материала здесь или не смогли найти, или же не смогли оценить по достоинству. Во всяком

случае на всей территории Кахетии и на всем протяжении истории ее архитектуры мы видим всегда один и тот же мало пригодный для орнаментальной резьбы материал. Кахетинские зодчие дальше тщательной, правильно выполненной кладки из ровных плит пойти не могли, дополнив это архитектурными элементами арок на полуколонках с шарообразными завершениями. Но влияние свое все-таки, как я думаю, в таких малых и ограниченных, а главное значительно переработанных самими зодчими Кахетии формах, архитектура Картли возымела. Самый принцип украшения полуколонками с декоративной аркатурой был выработан, во всяком случае уже подготовлен к середине IX века в остальной Грузии, и поэтому появление его в Кахетии в памятниках X века, несомненно, можно считать картлийским влиянием. Но и более этого, как мы видели, в планах нельзя не считаться с этим же фактом заимствования. Мы уже отмечали, что даже в замысле Алавердского собора с его свободном стоящими в западном рукаве столбами, как и общей удлинненности плана, можно видеть — бессознательные, быть может,— влияния Картли. Значительно определеннее это сказывается в плане других церквей крестового типа. А Бочормская церковь св. Георгия имеет слишком много параллелей в Джавахетии, Олтиси и Имеретии, чтобы можно было говорить о самостоятельности ее плана в Кахетии. Итак, только на Кветера нет по плану ее заметных черт воздействия или знакомства с памятниками других районов. Декоративная же разделка ее полностью входит в общий хор грузинской архитектуры указанного времени. Таким образом, становится вполне несомненным, что эта тенденция оглянуться, присмотреться, усвоить от архитектуры других районов Грузии побольше, должна была повлиять на тесную связанность между собой памятников этой эпохи.

Однако, воздействие этой стороны очень незначительно по существу и может казаться влиятельным только на первый беглый взгляд. Самое характерное, что известно в архитектуре Кахетии от начала ее, проявляется и выявляется с полной силой, несмотря ни на какие заимствования и, быть может, даже вопреки им. Та особая острота пропорций, которая заставляет восхищаться даже простыми базиличными церквами ее, в полной силе остается, конечно, и в рассматриваемый период. Точно так же, как это основное отличительное свойство

художественно законченного соотношения масс в постройке, кахетинские зодчие данной эпохи обнаруживают и другое — законченную компоновку планов, проработанную, исходя из основных определяющих задания посылок. Таким образом, отмеченные выше заимствования по существу сводятся к совершенно второстепенным довескам и ни в какой мере основного, творчески яркого и самостоятельного ядра не затрагивают, как это ясно и в частности разработки отдельных тем.

Одним из величайших произведений не только кахетинской, но и всей вообще грузинской архитектуры является Алавердский собор. В нем, как указано, намечается тенденция, которую, быть может, можно отнести за счет знакомства с картлийскими церквями; но, с другой стороны, мы знаем, что собственно кахетинский прием пойти дальше комбинирования из триконховой основы как раз лежал в направлении создания удлиненного здания. И несомненно вполне законченным выражением этой тенденции явился Вачнадзианский храм в монастыре Квела-Цминда. Вместе с тем эта же постройка дает нам ключ и к пониманию образования в композиции Алавердского собора наиболее характерных частей. Так, триконховая основа, укрепление купола не на свободно стоящих устоях, наконец, хоры по боковым сторонам — все это подработано в предшествующий период, в особенности в означенной церкви. Даже переход от квадрата к кругу купола путем парусов, а не трюмп, подготовлен в Вачнадзиани. Мы видели, какое художественное значение имел ввиду зодчий, применяя паруса. То же стремление создать незаметный, как бы скользящий переход имеется и в Алаверди; при грандиозном, импонирующем замысле его и размерах задерживать внимание на таком месте было бы совершенно невыгодно для зодчего. Так этот элемент постепенно по примеру величайшего собора Кахетии стал образцом для дальнейшей архитектуры. Но самый переход от типа церквей «купольного холла», который был выработан на почве специфического уклона исканий новых форм кахетинским зодчим, к церквям с куполом на свободно стоящих четырех столбах, т. е. к типу, начало выработки которого восходит в Картли еще к VII веку и который и в Кахетии известен по таким памятникам как Хирса, и Икалто уже в VIII—IX вв., совершается постепенно. Названные посредствующие звенья этого

перехода дошли в состоянии существенных изменений; рядом с этим стоят уже редуцированные композиции (Барцана, Озани). А для занимающего нас здесь времени X—XI вв. стоят неимеющие непосредственной связи храмы «простого креста», да грандиозный кафедрал св. Георгия в Алаверди, т. е. несомненно лакуны в числе дошедших до нас памятников. Эти пропуски связаны, конечно, с разрушением многих памятников данной эпохи. Ведь показательно, что в тогдашней столице Кахетии, в Телави, не сохранилось ни одной церкви этой эпохи: очевидно, что как по всей Грузии, так и по Кахетии вторжения иноземцев-завоевателей в позднейшие века сопровождалась разрушением видных и значительных населенных пунктов, а вместе с этим, конечно, разрушением и построенных в них, частью по крайней мере, именно тогда храмов. Но вполне возможным представляется, что многие памятники погибли в разгаре борьбы за политическое объединение отдельных провинций Грузии целиком или потребовали значительного восстановления. И вот мы остаемся при такой неполной картине и должны быть только очень рады тому, что сохранился хотя бы в своем теперешнем виде гигант грузинской архитектуры — Алавердский собор. Его, конечно, не могла коснуться рука завоевателя-грузина, ибо святые Алавердской поклонялась вся Грузия и несла туда свои дары¹. Вот в этих только что намеченных особенностях истории Кахетии с начала XII века и заключается, полагаю я, главнейшая и действительно определяющая нашу теперешнюю неполноту памятников X—XI веков причина. Сохранись до нашего времени все памятники, возведенные тогда на территории Кахетии, и мы имели бы возможность понять во всех переходах, во всей постепенности развития ход изменения архитектуры этой блестящей поры. Теперь же можем только охарактеризовать некоторые из течений, которые были тогда в ходу. А в отношении развития нам остается удовлетвориться означенными черточками, которые по крупицам можно выловить из рассмотрения сохранившихся памятников, чтобы уловить соединяющие их хотя бы некоторые отдельные моменты.

Я отметил уже мельком, что мы имели, вероятно, в этот период кахетинской архитектуры, в X—XI веках, несколько течений, несколько направлений. Так представляется по сохранившимся примерам. Ведь мы видели, что Кве-

¹ Матианей Картлисая сообщает, как уже упоминалось, что во втором десятилетии X века «прибыл Кон-

стантин абхазский царь, помолился в Алаверди перед святым Георгием и одел икону его золотом» (*451, стр. 228).

тера и Бочорма, при всем различии их между собой, должны быть определенно выделены, поставлены рядом одна с другой, как самостоятельные, отличные от остальных. В этой группе проявилась, кристаллизовалась одна черта, свойственная законченному стилю, черта, отмеченная нами и в Алаверди, именно декоративность форм. Там, в Алаверди, эта декоративность шла в ногу, дополняла и закругляла требования репрезентативности, грандиозности и пышности, здесь эти черты откинута и осталась одна декоративная миловидность. Та же черта и с теми же ее элементами раскрывается не только при рассмотрении Кунтурис-Сакдари или Тетри-Гиорги, несмотря на значительность их переделки в последующее время, но и на уцелевших памятниках конца периода — построенных в начале XIII века и даже начале XIV.

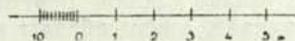
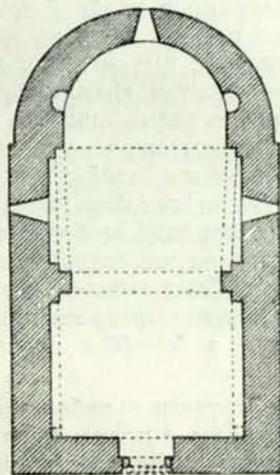
Наконец, несомненно не последнее место в архитектурной деятельности этого периода должна была занимать и деятельность по переделке более старых храмов¹. Примеры этого сохранились и они вполне показательны. Это прежде всего Хирса, а затем Кисисхевская церковь. В рассмотренный период переделанная из базилики в купольный храм Степан-Цминда в Хирса получила украшенный орнаментальной резьбой фасадный убор, который заставляет относить это восстановление к первой половине XI века. Характерно, что и в Икалто сохранились фрагменты алтарной преграды того же времени.

В Кисисхеви была небольшая купольная церковь VII века, в которой теперь именно заменили купол. Новый купол несомненно отражение общих тенденций кахетинской архитектуры, но он не согласован с древним корпусом церкви в ее отделке. Он слишком высок. Отделка его аркатурой на полуколонках соединяет его со своей стороны с архитектурой этой эпохи. Так, хотя бы три примера показывают нам, что и эта струя архитектурного творчества должна была быть заметной в тогдашней жизни.

Вот те течения, которые, мне кажется, несомненно были в архитектуре X и XI веков Кахетии. С одной стороны, удовлетворение по-

требности в грандиозности и рафинированной помпезности и пышности зданий, а с другой — искание декоративности и миловидности. Оба течения как бы особо выявляются и в предпринимавшихся тогда переделках или поновлениях древних церквей.

В добавление к рассмотренным в настоящей главе, более или менее обстоятельно, памятникам X—XI веков небезынтересно остановиться в самых общих чертах на двух постройках на

План Гишской церкви

крайнем восточном конце тогдашней Кахетии, близко от границ Албании, ныне на территории Нухинского района АзССР. Это — церкви в Гиши и в Зедгзити².

Церковь в Гиши — небольшая постройка с полуколом выступающей и снаружи абсидой, сложена вся из квадров ширими, но без соблюдения проходящих ровных рядов³. Расположена, как и все селение, на возвышающейся над рекой горке. Внутри удлиненного помещения выделен перед абсидой подкупольный квадрат (собственно: прямоугольник) с двумя арочными уступами перед северной и южной стенами (план). Барабан купола, круглый внутри и снаружи, сложен тоже из ширими. Вход, видимо,

¹ Это явление общее и для всей грузинской архитектуры. Такова деятельность царя Баграта IV и других: например в Ишхани, Руиси, Манглиси. Детально разработан мною такой пример в «Заметках о Манглисском храме» (Bulletin du Musée de Géorgie, Вестник Музея Грузии, I, Тб. 1921—1922, стр. 33—62), и в статье «К истории Руисского храма» (Известия ИЯИМК Груз. ФАН, т. V—VI, Тб. 1940, по-груз.).

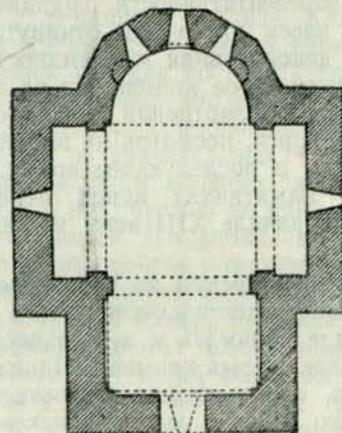
² Гиши ныне именуется Киш; а Зедгзити — Зейзит. Киш расположен на север от Нухи в 5 км а Зейзит в 13 км на восток.

³ Размеры, которые указывает З. Эд или (Ингилдцы, Тб. 1947, стр. 166, по-груз.), не отвечают действительности, как и в ряде других случаев (в том числе Зедгзити). Они ближе к действительности, если предположить, что измерения были взяты в футах, а не в метрах.

оформлен заново в середине XIX века. В очень неприглядной постройке (не только из-за штукатурки), мне кажется, можно видеть переделку сильно разрушенной древней церкви, произведенную в XI, принимая во внимание декоративный валик при арках под куполом, такой же декоративный валик под полочкой в подкупольном внутреннем карнизе и вал, тоже имеющий декоративный характер, поверх цоколя, видный по наружи в южной части абсиды; затем профилированные наличники окон тремя полуваляками с двойной примерно шириной среднего из них; наконец, шесть окон в барабане купола (с тем же профилем наличника)¹. Эту маленькую, архитектурно невыразительную церковь нельзя принять за кафедру епископов, существовавшую уже в VI веке², именно за кафедру «гиселей»; вероятнее, что к X—XII вв. кафедра реально перенесена была в город Нуху, отстоящий не более чем на 5 км от Гиши, титулатура же сохранена, как обычно, по традиции. Сама церковь приспособлена вновь к богослужению переселенными Паскевичем армянами в 50—60-х годах прошлого века³.

Церковь в Зедгзити — небольшая, купольная, простого креста в плане, выведена снаружи вся из тесаных квадров ширими ровными рядами, а внутри — в части арок, сводов, пилястр и т. д.; только гладкие поверхности стен в западном рукаве, внизу абсиды и, вероятно (были завалены сеном!), боковых рукавов сложены из мелких рваных камней. В абсиде две высокие ниши, начинающиеся от полу. Подкупольный квадрат, очерченный тремя подпружными арками и конхой абсиды, имеет еще два уступа прямоугольного сечения арок и третий валиком, который перевязан свободным взломом с валиком в карнизе подкупольного кольца, благодаря чему на квадрате со стороны в 4 м возвышается примерно в половину меньшего диаметра круглый внутри барабан купола. Внутренняя разделка и выполнение деталей (импосты), как вся композиция и пропорции пространственных частей, очень разработаны и художественно прочувствованы. Наружный облик, судя по уцелевшим фрагментам, точно также разработан вполне определенно по своему декоративному решению. Три прямоуголь-

ных рукава имеют над средней частью свода четко оформленные внутри квадратной кладкой помещения (видно в проломе западного рукава), образующие по фасадам приподнятую среднюю часть его, как бы имитирующую абрис западного фасада больших купольных храмов. Окно, прорезающее по средней вертикали эти фасады, довольно значительных размеров и выделено наличником, профилирован-

План Зедгзитской церкви

ным тремя полуваляками, из которых средний примерно в $1\frac{1}{2}$ раза шире боковых. Абсида была четко очерчена пятью гранями, с соответственно оформленной кровлей, за которой поднимается прямая стенка до уровня барабана купола. При стенах фасадного юго-западного угла имеются декоративные арки. Карнизы — крутого скоса с валиком внизу и полочкой с валиком вверх. Таким образом, эта небольшая постройка изяществом разработки и деталями находит свое место среди памятников X—XIII веков, становясь, пожалуй, именно между двумя основными группами этого периода. Выполнение гладких стен из случайного стройматериала натолкнуло, видимо, в дальнейшем на мысль покрыть их росписью. На северной стене западного рукава уцелел небольшой фрагмент росписи, при изображении трех фигур которой лет 70 тому назад были

(по-груз.); Д. Джанашвили, Описание Эретии (журн. «Могзаури», 1902, № VII—VIII), стр. 410, упоминает со слов старика-армянина в 1889 году, что при переделке церкви армянами была вынута со входа каменная перемычка с грузинской надписью; З. Эддили, Ингилойцы, Тб. 1947, стр. 166—167 (по-груз.).

¹ Ср. фото до штукатурки в статье А. С. Хаханашвили (МАК, VII) и фото Ермакова № 13508, а также № 6878 с неверной подписью «Боржом».

² См. И. А. Джавахишвили. История грузинского народа, том I, Тб. 1928, стр. 278.

³ МАК, VII, стр. 30; М. Г. Джанашвили, Саянгилдо (Древняя Грузия, т. II), Т. 1913, стр. 80

заметны буквы мтаврული ჴე и ჴე ჶეო², сделанные первые красной, вторые черной краской¹.

Эти два примера пополняют сохранившийся набор архитектурных типов, и, кроме того, составляют один, возможно, образец перестройки в означенное время, а другой — умелую, художественно-декоративную переработку обработанного типа.

Для второй половины периода, именно для XII—XIII веков, когда Кахетия составляла одну из частей большого, объединенного грузинского государства, мы также имеем примеры. Возможно думать, что после включения Кахетии в состав объединенного государства прошло некоторое время, прежде чем выявились те силы, которые имели надобность и базу создавать крупные храмовые постройки в своих вотчинах. Во всяком случае после ряда отдельных рассмотренных купольных построек конца X и XI веков, только на отрыве в столетие встречаем памятники большой купольной архитектуры. И Пудзнари, и Саба-Цминда в

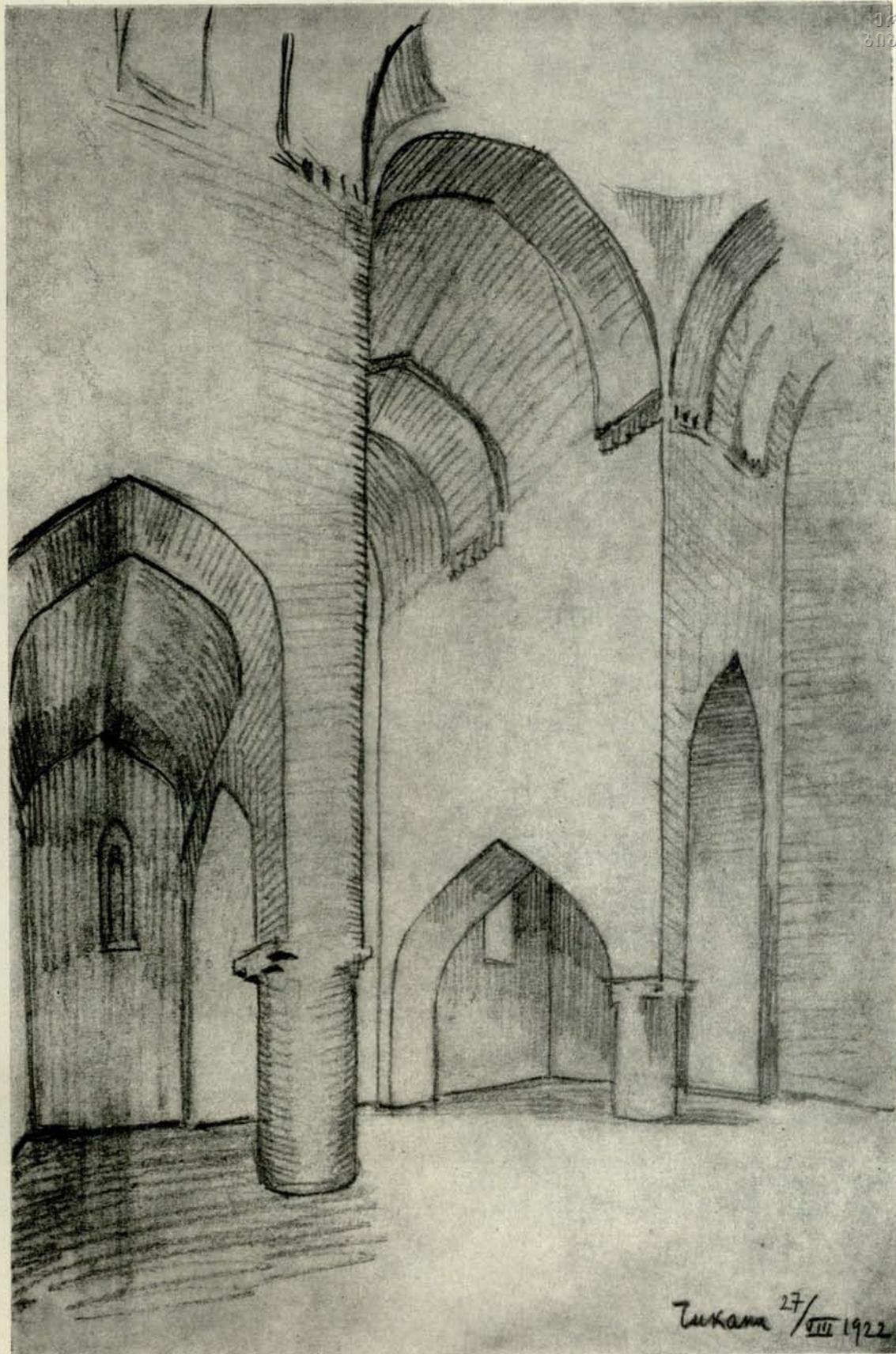
Карданахи, и даже совсем запоздалый храм Сачини близ Земо Ходашени — все примыкают по композиции к типу крестово-купольного храма того же времени в остальной Грузии. Их объединяет, с другой стороны, и декоративная сторона разработки фасадов, конечно, с выше-названным ограничением в отношении орнаментальной резьбы.

Таким образом, и этот район Грузии раскрывает перед исследователем ту же картину общего хода развития и общих установок и художественных интересов. А период обострения противоречий, когда максимальное развитие политической мощи страны и рафинированности культуры прикрывали их, выявившихся во всей оголенности уже во второй четверти XIII века, сказался и здесь в постепенной, но неуклонно усиливавшейся деградации художественных вкусов, проявляющейся в тех же общих формах, что и в других частях страны, как менее, так и более экономически и политически ущемленных. И здесь — сколько сейчас уже видно — XV век не оставил заметных следов в архитектурных произведениях.

¹ Сведения эти находятся в работе Г. И. Гвиниашвили, Очерк Нухинского ханства, разрешенной к печати в 1888 году (мне не удалось выяснить была ли напечатана эта работа, хотя на ней сделаны указания деления ее для №№ 90—98, но какого издания?) — К северному рукаву пристроена небольшая камера (усыпальница?); далее с севера остатки строения; возможно, что между западным и южным рукавом тоже было помещение. Г. И. Гвиниашвили пишет о «трех кельях сбоку». Ср. фото Ермакова № 13501 с запада, где видно и здание с северной стороны, ныне

почти полностью разрушенное. — Д. Джанашвили («Могзаури» за 1902 г., № VII—VIII, стр. 420) упоминает о двух церквях в Зигзите (может быть, имея в виду развалину с севера?) и о грузинских надписях (не фресковых ли?).

Эти обе церкви в Гиши и Зедзгити были в последние годы обследованы П. Д. Барановским, причем вторая расчищена им от завалов земли, а остатки фресок закреплены по контуру гипсом. Я осмотрел обе 4.XI.1954 г. и тогда же замерил схематические планы и сделал фото.

ЧИКААНИ. Интерьер храма св. Фомы

Рисунок Н. П. Северова

Г Л А В А VIII

КУПОЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НОВОГО ВРЕМЕНИ

С начала XII века для Кахетии наступает перелом и вместе с этим, конечно, и в архитектуре не все идет гладко. После упорной и долгой борьбы за гегемонию, которую вели кахетинские цари против всех соседних христианских владетелей на Кавказе, они были сломлены силой оружия и дальновидной политикой абхазо-картлийских царей. В первые же годы XII века кахетинский царь Агсартан, «человек кляузный, недоброжелательный, нечестивый и совершенно невежественно несправедливый»¹, был схвачен своими же князьями и выдан Давиду Строителю. Конечно, затем разыгралась война, но Кахетия была силой присоединена к царству абхазо-картлийскому, объединившему теперь, наконец, отдельные грузинские царства в одно политическое целое. Только в результате монгольских нашествий и разорений в последующие века происходит некоторый затор в развитии архитектуры. И лишь, вероятно, постепенно опять стала налаживаться более значительная творческая культурная деятельность, подготовившая почву для образования в Кахетии, вновь ставшей обособившимся государством, архитектуры со своим индивидуальным лицом.

¹ Жизнь царя Давида (Картлис-Цховреба по списку Марии, *523, стр. 290, по изд. Броссе, I, *205, стр. 241; франц. пер., стр. 354).

В XIV веке и снова в XV, так же как вся остальная Грузия, и Кахетия начала оживать: замечается после разгромов монголами несомненный подъем, культурные силы страны вновь собираются. Разоренная и разрушенная страна начинает вновь застраиваться, обновляться. К этому времени относятся, видимо, некоторые постройки небольших размеров, а также начинают появляться в уже существующих монастырях и при церквях — колокольни.

Характерно, что как в XII—XIII веках в Кахетии вполне устанавливается церковь по плану греческого креста, так этот тип удерживается и в новое время. Сперва строго придерживались этих форм, но в XVII веке замечается все более и более отступлений от обычного, общераспространенного типа. Таким образом, несомненно, что разрозненные дошедшие до нас примеры этого плана переходной эпохи VIII—IX веков — Икалто, Барцана, Озани — есть только случайный остаток более широкой волны. Сам по себе этот тип был воспринят только по своим основным конструктивным признакам, а не как шаблон. Поэтому отдельные примеры показывают нам интересное разнообразие выполнения.

Памятники нового времени в Кахетии переходят в основном на иной сравнительно с предыдущей эпохой строительный материал, имен-

но на кирпич. К нему добавлением является в мало заметных частях зданий булыжник. Сообразно этому декоративная отделка фасадов в очень ограниченном объеме применяет разработанный тип предыдущей эпохи — XI, XII, XIII веков — аркатуру, и переходит на иной, связанный и облегченный стройматериал — заглупления по определенному геометрическому узору и т. п.

1. ЦЕРКОВЬ МОНАСТЫРЯ АХАЛИ ШУАМТА

Церкви, которые нам предстоит описать в ближайших двух параграфах, построены царственными супругами — Леоном и Тинати, и представляют собой почти тождественные постройки. Я начинаю с церкви нового Шуамтинского монастыря, а не с церкви Мтавар-Ангелози в столице тогдашней Кахетии, в Грими, так как первая построена лет на 20—30 ранее последней, законченной к 1565 году. Следующие затем два отдела представят две церкви преемника Леона — царя Александра.

О п и с а н и е.— Церковь Рождества богоматери в монастыре Ахали Шуамта занимает место на открытой ровной площади, свободно огороженной каменной оградой¹. К северу-западу от церкви расположена колокольня монастыря и ряд служб, которые имеются и в других частях монастыря (табл. 353, 354).

Церковь сложена вся из кирпича. Снаружи она теперь побелена, чего первоначально не должно было быть. Внутри она расписана и сохранила довольно значительные части этой интересной, современной построению храма росписи; в остальном — что составляет значительную часть — она побелена. При этом штукатурка и побелка закрывают несомненно отдельные куски росписи, ибо сейчас таковая проступает маленькими кусочками в разных частях, где опала штукатурка (табл. 356—359). В последние годы Отделом охраны памятников

Таким образом, архитектура Кахетии за новейший период с XVI и до XVIII вв. представляет собой опять определенно связанную серию памятников. Вместе с тем вся эта группа резко отличается от памятников предшествующей эпохи, т. е. с X—XI веков и по XIII, хотя некоторые черты позволяют установить наличие преемственности.

культуры Грузии была организована пробная расчистка разных закрытых частей росписи, давшая положительные результаты. Побелка внутри и наружная очень уродует памятник. Крыши железные. От портиков, окружавших храм с трех сторон, сейчас стоят только два обрывка с северной и южной сторон по линии алтаря (табл. 355). В ноябре 1935 г. я отметил на стенах в юго-восточном углу большие опадания штукатурки от сырости стен. В остальном сохранность хорошая.

По плану церковь эта повторяет тип кресто-во-купольного храма с одной, западной, парой столбов под куполом (план). Чрезвычайно высокая крестовая часть основного пространства храма, венчанная не менее высоким, пропорционально стройным куполом, имеет в угловых частях сравнительно низкие помещения. В барабане купола восемь узких и длинных окон; в основании его четыре угловых, плоских паруса стрельчатой формы и малых размеров персидского типа этой эпохи². Четыре подкупольные арки, равно как и остальные, вполне отчетливой стрельчатой формы (табл. 357, 358), причем характерным в отличие от этого является то, что окна и двери правильной полуциркулярной формы. Только окна из северного и южного приделов с легкой стрелкой.

Подкупольные арки упираются на капители особого профиля. Капители эти имеют ребристую разделку (табл. 357 и 356). Такую же разделку имеют консоли при северной и южной стенах под арками с тех же овальных в сече-

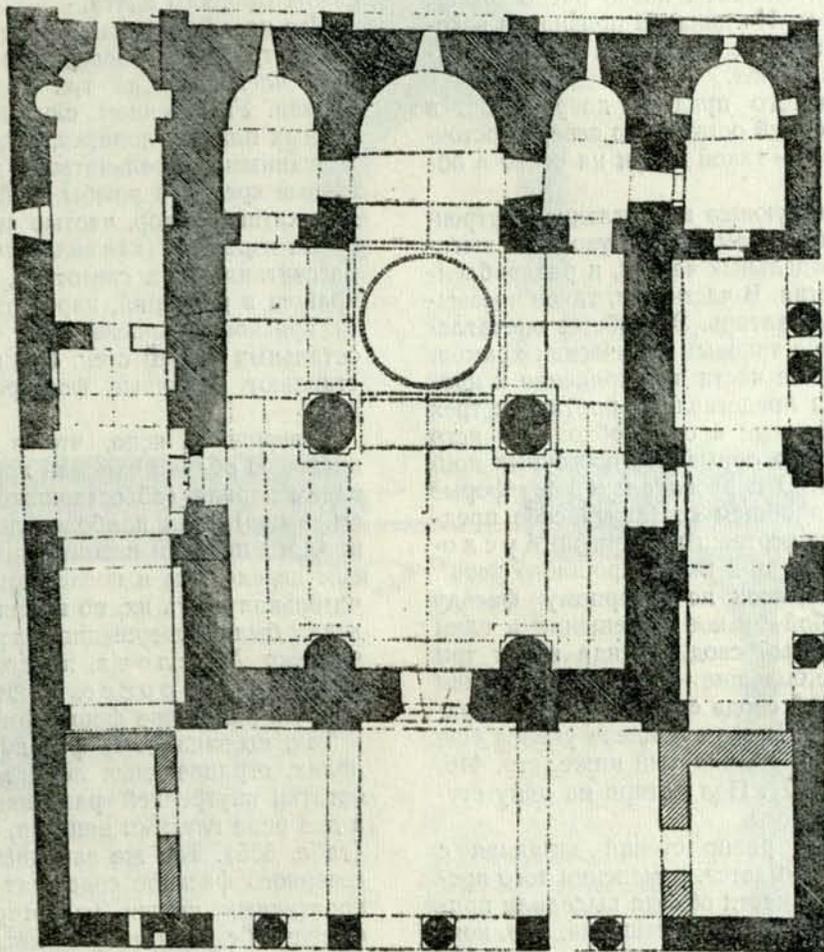
дах, хотя, несомненно, в общем передают пропорции. Главная же ценность этих чертежей для нас заключается в фиксировании обхода, большая часть которого в середине прошлого века была снесена. На произведенный в XI.1935 г. В. Л. Циловани обмер плана храма нанесен обход по Муслову с попыткой осмыслить его отдельные части.

² На прилагаемом разрезе высота купола дана по подсчету рядов кирпичной кладки, так как взять высоту непосредственно не удалось.

¹ Осмотрена была мною первый раз 28.IX.1919 г., затем 25.VIII.1925 г. и 20.VI.1926 г., наконец, 3.—5.XI.1935 г.— Чертежи храма, исполненные топографом Адрианом Мусловым, спутником акад. Броссе (см. его Atlas sur le Voy. arch., 1850, pl. III), по сообщению последнего „avec précision rigoureuse du géomètre, sauf les hauteurs car les instruments nous manquaient“ (Préface, p. 11), не могут, конечно, считаться безукоризненными не только в разрезах или фаса-

нии столбов (табл. 359-а). Западные подкупольные столбы слиты в верхних частях со стенами, имея выделенными лишь плоские пилястры; в нижних же частях они закругленной формы. Нижние, выделенные части этих устоев очень грузны и низки; в сечении они овальной формы, которая расходится кверху широ-

же грузные, мощные и приземистые, но уже полуовальные столбы с такими же капителями и базами. Арки же из боковых рукавов опираются на консоли, так же как и подпружная арка в своде западного рукава, приходящаяся над стрелкой нижней арки и немного ниже линии окон².

План

ким растробом, служащим пятой для прямоугольной верхней полочки и для опирающихся на нее арок в угловые помещения (табл. 359-а). Внизу выделены как бы базы прямой ступенькой¹. Арки, выделяющие западный рукав, опираются при западной стене на такие

Алтарь маленький с бемой и непосредственным проходом в жертвенник и ризницу³. И жертвенник и ризница имеют абсиды.

Церковь очень хорошо, обильно освещена. Купол имеет восемь окон, все рукава по одному высокому, но сравнительно узкому окну и затем

свод в западном рукаве является ошибочным.

³ На плане Мусллова проход в ризницу, а равно из нее в придел на юг — не показаны.

¹ Все эти части были отмечены и на плане Мусллова.

² Поэтому показанный у Мусллова крестовый

еще западный рукав по два небольших окна с севера, и с юга, и так же по небольшому окну с севера и юга в угловых западных частях. Входы в храм были с трех сторон, на обычных местах¹.

Над обоими восточными приделами (жертвенником и диаконником) должны быть вторые помещения: слишком низко расположены своды в приделах. Но никаких признаков входов в эти «тайники» не видно, как равно каких-либо проемов в стенах.

Из юго-восточного придела дверь ведет в обход, его последний остаток, из северо-восточного же придела — такой двери на север в обходе нет².

Общее доминирующее впечатление внутреннего пространства храма — это узость и вытянутость вверх отдельных частей, и раздробленность пространства. В частности, таков чрезвычайно вытянутый алтарь. Это общее впечатление очень схоже с таковым готических храмов.

Самостоятельные части в дополнение к пространству храма представляли портики с трех сторон, объединенные в один обход. От него уцелели только два обрывка в восточных концах (табл. 355). О первоначальной же форме его позволяют в общем составить себе представление старые чертежи топографа М у с л о в а, исполненные в 40-х годах прошлого века³.

Устоявший обрывок по северному фасаду представляет собой низкое помещение в один сплошной коробовый свод. Абсида имеет три ниши, из них две большие — одна полукруглая в плане и с конхой свода слева, а вторая справа прямоугольная. В этом приделе уцелел еще престол (не это ли упомянутый ниже, стр. 446, придел архангелов?). Пол алтаря на одну ступень выше остальных.

Окно на север, равно стенка западная с дверью и окном, думается, изменения того времени, когда в этой части обхода выделили придел, как самостоятельное помещение, т. е. конца XVI века, с добавкой последнего оформления в XIX в. В новой починке алтаря использованы фрагменты поливного голубого изразца или черепицы; а в полу у наружной открытой части имеются шестигранные голубые изразцы.

С южной стороны устоял еще меньших размеров обрывок обхода, именно — всего только маленькая комнатка со стрельчатым сводом и низкой абсидой. Окно алтарное посажено низко. Справа и слева по одной глубокой, но не-

большой нише со стрельчатым верхом. Вход в этот придел сейчас из ризницы храма; форма его прямоугольная⁴. В западной стене устроен стеной шкаф на месте двери, показанной еще М у с л о в ы м.

Пол и в этой части обхода сохранил, так же как и в северной, шестигранные поливные изразцы голубого цвета.

Что касается фасадов, то все они симметрично построены и равномерно разбиты с основным членением на три поля корпуса самой церкви. Украшением служит здесь кладка в разных планах, лопатки, декоративные ниши с вписанными стрельчатыми арками и декоративные кресты и ромбы. Сейчас этот, довольно деликатный декор, частью выполненный из голубых изразцов (как видно на южном фасаде) и рассчитанный на светотень, в остальном превращен в режущий, нарочитый декор благодаря красной покраске этих частей и побелке остальных частей стен. Его вполне ясно представляют наличные фотографии (табл. 353—355).

Совершенно ясно, что в общий ансамбль внешнего облика входили портики по трем фасадам здания (об оставшихся кусках которых см. выше). Как наиболее легкая часть строения, эти портики несомненно подверглись разным переделкам в последующее время; а значительная часть их, во время реставрации XIX века, была совершенно снесена. По счастью, чертежи М у с л о в а, приложенные к путешествию акад. Б р о с с е, дают общее представление о характере форм этого обхода.

Так, по западному фасаду в обоих боковых полях, ограниченных лопатками, видны внизу остатки внутренней разделки стены обхода — в два ряда глухими нишами, одни над другими (табл. 355). Так же западные поля южного и северного фасадов содержат по две таких декоративных нишки, из которых по северному фасаду обе, хотя и стрельчатые, но разной ширины и — главное — высоты; та из ниш, в которой находится дверь, ниже соседней, крайней. В сохранившемся остатке обхода с севера так же видна еще одна сплошная прямоугольная ниша отделки этой части. По южному же фасаду даже форма ниш разная; крайняя западная — прямоугольна, а следующая — стрельчатая сверху, где у М а с л о в а была показана дверь в храм. Это сочетание, возможно, имело место только внутри обхода, где каждый

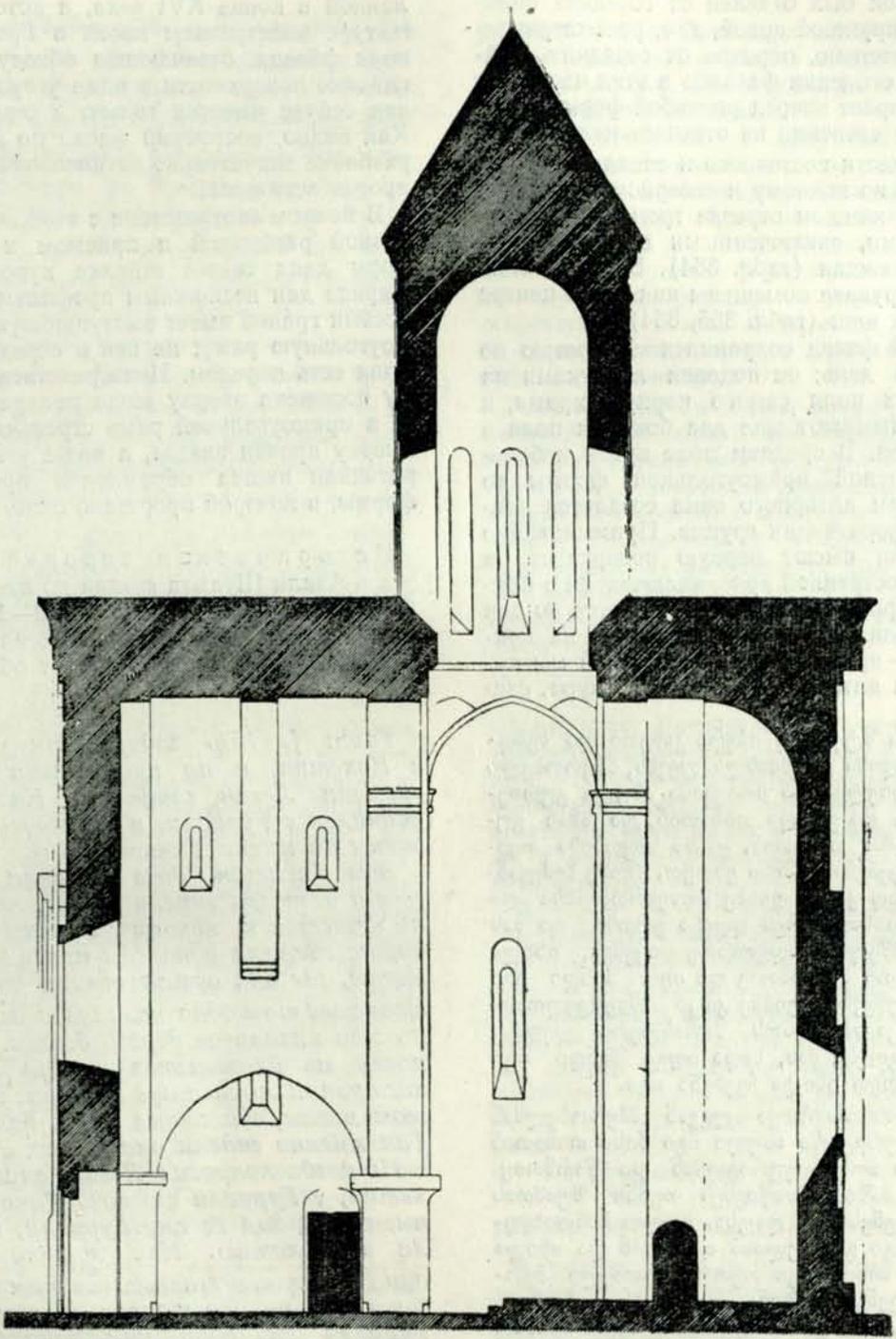
несено, — может быть, она пробита уже позднее?

³ Brosset, Voy., Atlas, pl. III. См. план.

⁴ На чертеже М у с л о в а этой двери нет, как было уже выше отмечено.

¹ Так по плану М у с л о в а. Обмер же Цилосани (XI.1935 г.) южного входа не мог выявить (см. ниже).

² На плане М у с л о в а южной двери тоже не на-

Продольный разрез

такой отрезок был отделен от соседних цоколей с подпругной аркой, т. е. рассматривался самостоятельно, порознь от соседних. Сейчас же при оголении фасадов в этих частях от обхода выпирает вперед разноразной форм и мелкота самого членения не отвечает целому.

Верхние части восточного и западного рукавов, видные по южному и северному фасадам, украшены в каждом отрезке тремя декоративными нишами, заключенными в прямоугольные рамы каждая (табл. 354). Боковые окна в западном рукаве помещены как раз в центре двух из этих ниш (табл. 355, 354).

Восточный фасад сохранился полностью по сегодняшнему дню; он поделен лопатками на три основных поля самого корпуса храма, к которым примыкают еще два боковых поля в частях обхода. В среднем поле путем небольших заглаблений прямоугольной формы по всем сторонам алтарного окна создается центральная декоративная группа. Примыкающие боковые поля имеют первую поверхность в сплошной заостренной арке, включенной в прямоугольную раму, далее в арке имеется по два ряда маленьких декоративных нишек на консолях. Это — прием разделки, который мы повстречали на алтарной преграде в Акура, сде-

მაშინ ლევან მტკიცედ იპყრა კახეთი და შემდგომად მცირედისა დიემძახლა ლევან, მპყრობელი კახეთისა, გურიელსა და მოიყვანა ასული გურიელისა ცოლად. და ეწოდა თინათინ. და ამან გურიელის ასულმან თინათინ, ჟამსა სიყრმისა თვისისა იხილა ჩვენებასა შინა ესრეთ, რომე მიჰყვანდათ იგი სძლად კაცსა ვისმე მთავართაგანსა და გზასა ზედა დაისადგურეს დღესა ერთსა და მას ადგილსა, რომელსა მდგომარე იყვნეს, იხილა მუნ შინდი ერთი მდგომარე და იყო შინდი იგი თეთრი. და აუწყებდა ვინმე კაცი სამლუდლოთაგანი, რათამცა აღუშენოს შონასტერი დედასა ლეთისასა, ადგილსა მას, სადა იდგა შინდი იგი თეთრი და ესრეთ იხილა ჩვენება იგი.

ხოლო რაჟამს მსახოვა ლევან მპყრობელმან კახეთისამან გურიელსა ასული იგი მისი თინათინ ცოლად, მაშინ მოსცა გურიელმან და წარმოიყვანეს კახეთს. მაშინ მიიწივნეს იგინი შუამთას და მუნ განისვენეს მას დღესა. ხოლო მიმოიხედვიდა ასული იგი გურიელისა თინათინ და იხილა მუნ შუამთას შინდი იგი თეთრი, რომელი პირველ ეხილვა ჩვენებასა შინა. და მოეხსენა ჩვენება იგი და შინდი, რომელი მდგომარე იყო ნიშნად ეკლესიისა მის მომასწავებელად. მაშინ გულის-

¹ Текст принадлежит неизвестному продолжателю «Картлис-Цховреба»: см. Картлис-Цховреба, т. II, СПб. 1854, стр. 269—270, франц. перевод акад. Броссе

ланной в конце XVI века, и который в архитектуре повстречаем вновь в Грემи: крайние поля фасада, отвечающие обходу, составляли гладкие поверхности в один уступ арки (такая сейчас имеется только в северном поле). Как видно, восточный фасад по декоративной разбивке значительно детализован и усложнен, против остальных.

В полном соответствии с этой общей декоративной разбивкой и приемом и элементами форм дана также отделка купола снаружи. Карниз дан несложным профилем. Каждая из восьми граней имеет выступающую валом прямоугольную раму; на ней в середине каждого поля есть перелом. Непосредственно в эту раму посажена сверху ниша квадратом, а ниже ее в прямоугольной раме стрельчатая арочка. Вверху арочки звезда, а ниже узенькая декоративная нишка обрамления прямоугольной формы, в которой прорезано окно.

Историческая справка. — Монастырь Ахали Шуамта создан по желанию жены кахетинского царя Леона (1520—1574 гг.) Тинатин, дочери Мамиа Гуриели, владельца Гурии. Историк так рассказывает об этом событии¹:

Тогда [в 1520 году] Леван утвердился в Кахетии, и по прошествии некоторого времени Леван, владетель Кахетии, породнился с Гуриели, и взял дочь Гуриели в жены по имени Тинатин.

Эта Тинатин, дочь Гуриели, во время своего детства видела во сне, что ее повели невестой к некоему правителю, и по дороге сделали однажды привал. И на том месте, где они остановились, увидела она стоявшее там одно кизиловое дерево, и было это кизиловое дерево белым. Некий человек из духовенства указал ей, чтобы построила монастырь матери божьей на том месте, где стоял этот белый кизил. Так именно видела она во сне.

Но когда попросил Леван, владетель Кахетии, у Гуриели его дочь Тинатин в жены, тогда дал ее ему Гуриели, и ее повезли в Кахетию. Как только достигли они Шуамта, остановились там отдохнуть в тот день. Но только осмотрелась дочь Гуриели Тинатин, как увидела там в Шуамта белый кизил, который видела

(Suite des Annales: Histoire de la Géorgie, II, I, p. 334—335; по перепечатке текста З. Чичинадзе, стр. 714—715); по р-н царицы Марии, стр. 911—912;

ხმაჰყო და სარწმუნო იქმნა განგებულებასა მას ზედა. ხოლო რაჟამს იქორწინა, შემდგომად მცირედისა ჟამისა იწყო შენებად შუამთას მონასტერსა დედისა ლეთისასა, რამეთუ ფრიადი მოსწრაფება აწვენა და ჟამსა რაოდენთამე შინა აღაშენა იგი, შეასრულა და შეამკო ყოვლისავე სამონასტროსა წესითა და სამკაულითა. და შესწირა აგარაკნი და დაბანი და დაადგინა მას ზედა მოძღუართ მოძღუარი და იგი შემზადა სამარხოდ თვისად. ხოლო ჰჴვა ამან გურიელის ასულმან თინათინ ძენი ორნი, სახელი ერთისა მის აღექსანდრე და მეორისა მის ვახტანგ და ამისა შემდგომად მიიცვალა გურიელისა ასული თინათინ და დაუტევა ანდერძი, რათა არა დამარხონ გვამი მისი ქმრისა თვისისა ლევანის თანა, არამედ დაემარხოს იგი შუამთას თვისსა აღშენებულსა მონასტერსა, და ჰყვეს ეგრეთ. და ამისთვის არა დაემარხა ქმრისა თვისისა თანა, რამეთუ ლევან იყო სიძვისა და შრუშების მოყვარე. და კვალად ისეა ლევან ცოლი სხვა...

Итак, Тинатин по дороге в Грემи для венчания с царем Леваном решает построить монастырь в Шуамта. Акад. И. А. Джавахишвили установил, что венчание Левана и Тинатин должно было состояться в 1527 или 1528 году¹; так как к постройке она приступила «после венчания в непродолжительном времени», то построение монастыря можно отнести к 30-ым годам, а полное оборудование и организация монастыря, возможно, затянулись и еще ближе к середине века. Семейные неурядицы заставили ее завещать погребение не рядом с Леоном, а в выстроенном ею монастыре; считается, что она погребена в северном рукаве².

Несколько больше конкретных данных заключалось в сигеллионе (дочери ее Текле?), данном монастырю в 1604 г.; к сожалению, он в подлиннике не издан³. Содержание его таково: «Царица Тинатин супруга царя Левана

Тот же рассказ повторен и царевичем Вахушти в его Истории (Картлис-Цховреба, СПб. 1854, том II, стр. 106; француз. пер., стр. 150). Самый же текст, но в более сжатой форме, имеется и у Бери Эгнаташвили, Новая история Грузии («Ахали Картлис Цховреба») нач. XVIII в., груз. текст под ред. И. А. Джавахишвили, Тб. 1940, стр. 55—56 и М. Джавахишвили, Нашромеби, I, Тб. 1907, стр. 49—50.

¹ История грузинского народа, том IV, Тб. 1948, стр. 230—239 (по-груз.).

раньше во сне. Она вспомнила тот сон, кизил, который стоял в знак церкви, ее предвестником. Тогда поняла и уверовала в предопределение это.

После венчания, в непродолжительном времени приступила она к постройке в Шуамта монастыря божьей матери, она проявила большое старание и выстроила его в течение некоторого времени, исполнила и украсила всем по монастырскому уставу и украшению. Пожертвовала земли и селения, поставила во главе настоятеля, и приготовила для себя усыпальницу.

Родила эта Тинатин, дочь Гуриели, двух сыновей, имя одного Александр, а второго Вахтанг. После этого умерла дочь Гуриели Тинатин, и оставила завещание, чтобы не хоронили ее тело с мужем ее Леваном, но чтобы похоронили ее в Шуамта, в построенном ею монастыре. Так и сделали. Потому не похоронили ее с мужем, ибо Леван был прелюбодей. И опять женился Леван на другой.

купила у кн. Макашвили Шуамту, построила там церковь во имя Хахульской иконы богоматери и жилые помещения, собрала из разных монастырей монахов, поставила над ними настоятелем архимандрита Гавриила Макашвили, и открыла новый монастырь, закрыв при этом старый».

Акад. И. А. Джавахишвили считает, что примерно между 1549 и 1552 годами Тинатин должна была или удалиться в построенный ею монастырь Шуамта или, может быть, она скончалась в это время⁴. Ряд упоминаний говорит против признания ее смерти в эти годы. Запись в одной из Давидо-Гареджийских рукописей гласит: «Сюда, во время переписывания этой [рукописи] пожаловала госпожа царица Тинатин. Господи! продли жизнь и прости их прегрешения. Аминь. Короникон был 248» (=1560 год)⁵. А в так называемой «Парижской хронике» под 1591 годом сообщается,

² География Вахушти, стр. 100; Леон погребен в Грემи (см. ниже, стр. 449).

³ Д. Пурцеладзе, Грузинские церковные гуджары, Т. 1881, стр. 86; в конце упомянуты пожертвованные монастырю крестьяне и имения.

⁴ И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, т. IV, 1948, стр. 235 (по-груз.).

⁵ Описание грузинских рукописей Музея Грузии. Коллекция А, том IV, составлено Х. Г. Шарашидзе, Тб. 1954, стр. 440; рукопись № 1353, приписка на стр. 237 recto.

что «скончалась царица Тинатин и сын даря Кахетии католикос Николай»¹. Еще акад. Броссе относил это сообщение именно к царице Тинатин, жене Леона и матери Александра².

Хронологическое установление факта ухода Тинатин около 1550-го года в монастырь, дает основание считать, что само построение монастыря следует отнести к 40-ым годам века, а не к 30-м, тем более, что И. А. Джавахишвили показал сомнительную достоверность сообщений о разрыве между Леоном и Тинатин. И действительно, ктиторский портрет в Шуамта (табл. 359-b) изображает Леона, Тинатин и наследника престола, павшего в бою в 1561 году Георгия, примерно в 20-летнем возрасте так же, как и в росписи Некреси, т. е. примерно около 1550 года. Тогда как в Гремской росписи 70-х годов Леон изображен один³.

Уже в конце XVI века церковь эта получила выделенные приделы в обходе; так, в 1597 и 1603 годах дочь царя Леона монахиня Текле дает два сигеллиона на монастырь с пожертвованием в построенный ею (очевидно, ранее того) придел архангелов⁴. План Муслова передает нам еще весь комплекс обхода и этих, почти современных храму, перестроек в нем. Но уже в 1845 году, как сообщают Иосселиани и А. Н. Муравьев, «из пяти приделов, уцелел только один во имя св. Архангелов, прочие сняты недавно»⁵. План Муслова изготовлен был ранее путешествия Броссе в 1847 году, и независимо от него⁶. Теперь имеется только придел с северной и с южной стороны. А между тем чрезвычайно интересны были формы этих притворов, как показывает фсад топографа А. Муслова.

Церковь во времени царя Ираклия II сильно

пострадала и была им возобновлена. Об этом гласит надпись, чрезвычайно небрежно выполненная и даже неоконченная, на косяке западного входа в храм (табл. 359-с)⁷.

ქ. ეკლესია ყდ შობისა აღზებული სანტრელდ სსნებულის დედოფლის თინათინისა დაძველებული და დაქცეული და ლორფნგნ განძარცული კდ მეფემან სდ ქვემასა საქართველოსმნ მეორმნ ჰრაკლიმ ბრძნებით და სფასთა წარგებითა გუმბათით და კიდებით სამხროებით.

В переводе она гласит:

Х. Церковь рождества пресвятой, построенную блаженной памяти царицей Тинатин, обветшавшую и разрушенную и лещадных плит лишенную, вновь [построил] царь всея Нижней Грузии второй Геракл, повелением и средств выделением, с куполом, крылами и приделами.

По-видимому, здесь ремонт коснулся только покрытия, починки кровли, начиная с купола и боковых рукавов. Согласно титулатуре Ираклия II, это возобновление произведено после 1762 года.

При российском правлении в 1820 году «исправлены столбы внутри церкви и северная стена, поврежденные и треснувшие от громового удара»⁸. В 1850 году при Исидоре пробовали реставрировать роспись, но безуспешно⁹. Вероятно, тогда же или при экзархе Евсевии (1858—1877) храм был побелен, как и реставрированная колокольня¹⁰. Конечно, в последнее десятилетие XIX века храм опять чинили.

¹ По перепечатанному З. Чичинадзе изданию (Т. 1903), стр. 21. Что это сообщение не относится к царице Тинатин, жене Александра, явствует из того, что еще сигеллионы Александра от 1594 года называют ее, и лишь с 1595 года она более не упоминается в сигеллионах, т. е. она, как записано в Канчаетском «гулани», умерла в 1594 году (см. Жордания, Хроника и др. материалы, т. II, 1897, стр. 428).

² Histoire de la Géorgie, II, 1, SPbg. 1856, p. 634 (генеалогическая таблица правителей Кахетии). Тинатин достигла, таким образом, примерно 78 лет. — Нельзя не обратить внимания и на то, как историк сообщает о завещании Тинатин; в его изложении подразумевается, что Леона нет уже в живых.

³ См. ниже, стр. 449. Ср. еще роспись церкви Натлис-Мцемели в Алвани, где изображены Леон и Тинатин.

⁴ Какабадзе, Ист. докум., III, 92; IV, 3—4 (по-груз.).

⁵ Иосселиани, Путевые записки по Кахетии. 1846, стр. 92; Грузия и Армения, I, 194 (или, может быть, слово «сняты» относится к престолам в приделах?).

⁶ Муслов был прикомандирован к акад. Броссе лишь 7.X.1947 года (Воу., II, 122), а в Шуамта Броссе был 15.IX.1947 (I, 57).

⁷ Она издана с легкими неточностями Е. С. Такайшвили, Археологические экскурсии и заметки, I, 266.

⁸ Предписание митрополита Ионы от 27.IV.1829 г. за № 552, см. Е. К. [епископ Кирион]. Краткий очерк истории грузинской церкви и экзархата за XIX ст., Т. 1901, стр. 323.

⁹ Там же, стр. 324.

¹⁰ МАК, VII, 5.

Описание.— На высоком горном пике около бывшего городка и в то время столицы Кахетинского царства Греми стоит церковь архангелов Михаила и Гавриила и рядом с нею дворцовое помещение, включающее и башню¹. Именно наличие последних заставило срезать внизу юго-западный угол церкви, чтобы оставить проход между зданием; возможно, что это же заставило перекосить несколько и самый план церкви. Отклонение на юг от оси Ost-West на 6° (табл. 360—364).

Оба здания выведены из кирпича ровных небольших квадратных и прямоугольных, а частью лекальных, плиток (22 × 22 и 22 × 12/11 × 4 см размером). Кое-где, как в стенах жертвенника и на южном фасаде, замечены в ровных поверхностях стен также и булыжники, конечно, в очень ограниченном числе.

При обмерах невозможно было непосредственно достигнуть вершины купола и вообще добраться выше подоконника в барабане. Однако затем архитектором Н. П. Северовым был установлен «модуль» толщины кирпича вместе со слоем раствора в проеме окна, проверенный и в других местах еще, и равный семи сантиметрам. Сосчитанное по фотографии количество кирпичных рядов кладки, умноженное на модуль в семь сантиметров, дало возможность установить высоту барабана и шатра. Таким образом получились твердые пропорции и размеры, которые могут быть несколько сдвинуты в отношении свода купола.

Снаружи церковь была позднее вся побелена, внутри сохранила почти полную роспись эпохи построения церкви (табл. 367-369). В составе росписи имеется фресковая же надпись над западным входом, в которой говорится, что роспись была закончена 29 августа 1577 года в четверг, т. е. уже после смерти царя Леона, заказчика ее (см. ниже). Из той же надписи узнаем, что храм был «возведен и возобновлен», т. е. несомненным делается предположение и без того напрашивавшееся само собой,

что на месте нынешней церкви и ранее была другая церковь Мтавар-Ангелози².

План, пропорции и характер отделки вполне параллельны Ахали Шуамта. Основной крест постройки очень высокий и узкий. Арки стрельчатые и не имеют ни капителей, ни тяг. Бема отделана аркой на пилястрах. В западном же рукаве одна подпружная арка, не имеющая ни пилястр, ни даже консолей. Столбы внизу до пят арок в угловые части — круглые и на взгляд несколько тоньше и выше, чем в Шуамта. Отвечающие им пилястры в нижних частях при стенах имеют форму полуколонн; однако, эта закругленная часть сравнительно плоска, а вся пилястра в целом едва выступает из плоскости стены, в то время как в Шуамта они образовывали рельефный выступ, полукруглый от пола и до пяты арки (табл. 367, 368).

Купол укреплен на четырех угловых парусах, плоских, с углом сверху, благодаря кладке; купол имеет восемь полукруглых сверху окон (табл. 367). Кроме того, в алтарной абсиде одно окно, а в каждом из рукавов креста по два окна и по входной двери в храм. Боковые двери ведут в рукава креста, тогда как в Шуамта вели в западные угловые части. Из боковых восточных помещений, столь же высоких, как и западные, имеется по окну на восток, а из западных на запад. Подоконники образованы уступами кирпичной кладки в восемь рядов. Пол в церкви вымощен большими восьмигранными изразцами темной поливы.

В церкви, в ее юго-западном углу за столбом находится место погребения Леона; оно обозначено несколько возвышающимся помостом. Перед тем же южным столбом возвышается небольшое место царского стояния.

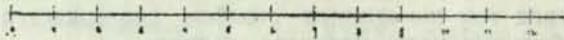
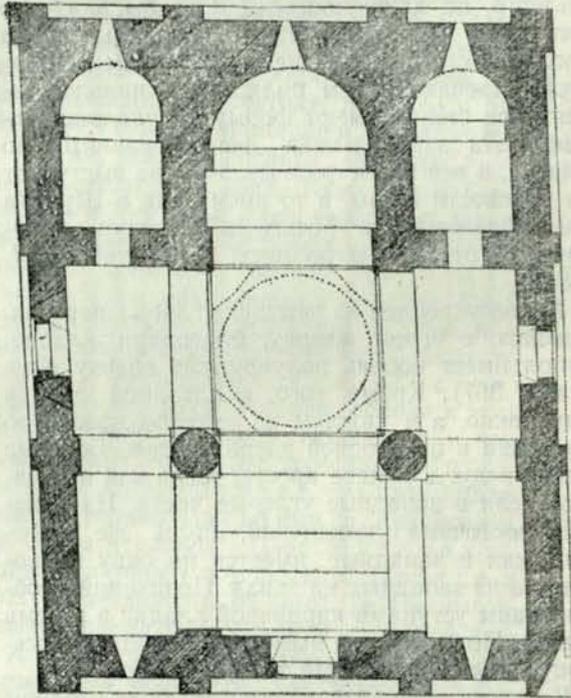
Снаружи все фасады отделаны по одному общему приему, ближайше сходному с Ахали Шуамта. Конечно, проявлена свобода комбинаций в пределах измененных соотношений высоты кровель угловых помещений к таковым основного креста (табл. 365, 366).

¹ Обследована 22.VIII.1920 г., а затем 22. и 23.VIII, а также 12.XI 1922 года. Обмерена и сфотографирована в августовское посещение 1922 г. Кроме того, привлечены несколько старых фотографий Д. И. Ермакова; в последние годы при ремонте храма сделаны фото Отделом охраны памятников. Часть иллюстративного материала (обмер и фото), а равно данные о храме опубликованы в моем докладе на III международном конгрессе по иранскому искусству и археологии в Ленинграде (см. Доклады, Л.-М. 1939)

² Упоминание горы Михаила и Гавриила (მთა მისიელ-გაბრიელთა), неизвестно где именно находившейся в Кахетии (И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, II, стр. 270 со ссылкой на сообщение середины XI века в Матианэй Картлисая, стр. 259, *485—486), позволительно, кажется, связать с Гремми. — За счет того же факта замены старой церкви можно отнести наличие здесь в 1589—1590 гг. антиминса 1441 г., происходившего по сведению из другой церкви («взят из иного храма»): Белокуроев, Сношения России с Кавказом, I, М. 1889, стр. 124 и 196.

Каждый фасад делится на три основных поля как бы лизенами: среднее высокое и боковые низкие, но все-таки более высокие, чем в Шуамта. В каждом поле затем имеются системы арок и тяг, согласованные с оконными и дверными проемами.

Восточный фасад выделен среди других (табл. 365). Здесь имеются только окна, входа нет, при этом окна низко посаженные и в среднем поле только одно окно. Эти обстоятельства

дали зодчему возможность изобразить два креста: один сверху, обозначенный отступом кладки, как и на остальных фасадах, только меньше их размером, но шире. Другой крест, наоборот, выступает наружу из плоскости стены, он образован полукруглым валиком из лекального кирпича. Он длиннее других крестов и имеет специально отделанные углы. Алтарное окно включено в полосу из трех арок, находясь в средней из них. Боковые поля восточного фа-

сада имеют раму с выступающей сверху полосой из кирпичей, положенных углом; окна включены в систему арок, полос из углом положенных кирпичей и прямоугольных полос.

Западный фасад, как и оба продольных, имеют в среднем поле сверху крест, широкий, на особенно широко расходящемся основании. Ниже — пара окон и исключительно на западном фасаде система из двух рядов арок с горизонтальными тягами из поставленных углом кирпичей, наконец — дверь. Боковые поля тоже в системе арок, заключенных в общей прямоугольной раме¹, на западном фасаде еще с двойным рядом арок (табл. 361).

На боковых стенах рукавов так же имеются четыре, гсп. три поля с арочками. Поля созданы тремя лизенами. В Гречи имеется существенное отличие от разбивки в Шуамта, где эти стены значительно выше и потому поверх арок (трех; гсп. двух) с окнами в некоторых из них сделаны углубленной кладкой крестики и ромбы (ныне покрашенные красной, как и другие).

Карниз в церкви кирпичный из двух форм: сверху форма гуська, а внизу вал².

Восьмигранный барабан купола, с полукруглыми окнами в каждой грани, так же отделан прямоугольными рамами и арочками. На углах граней образованы из соответственно формованного кирпича полуколонки и лизены с переломами посредине. Лекальный кирпич размером $20 \times 12 \times 4$ см. Лизены соединены сверху каждой грани прямоугольной рамой с полосами из углом поставленных кирпичей под ней. Над каждым окном — по арке, а само окно вновь обрамлено прямоугольной углубленной рамой с полоской углом поставленных кирпичей сверху. Отделка барабана, таким образом, значительно разнится от таковой в Шуамта, где имеется еще дополнительный сверху прямоугольник, отвечающий значительно большей высоте купола в Шуамта. Как барабан, так и самый шатер весь кирпичный и на глаз более острый, чем в Шуамта; древнее кровельное покрытие все пропало. Оно было, видимо, из поливной черепицы, обломки которой валяются около³.

Почти полностью сохранившаяся роспись церкви не является выдающимся по художественным качествам произведением⁴. Она не

видим, что карниз этот — продукт реставрации.

³ Образец (фрагмент) был доставлен в Кабинет истории искусства университета.

⁴ Греческие подписи под изображениями приводятся в книге Т. Каухчишвили. Греческие надписи в Грузии, Тб. 1951, стр. 339—346 (по-груз.).

¹ См. фото Ермакова №№ 5170, 11555, 15585; одно издано И. А. Джавахишвили, История груз. народа, II, к стр. 306 — с неправильной подписью Ермакова «Некреская церковь».

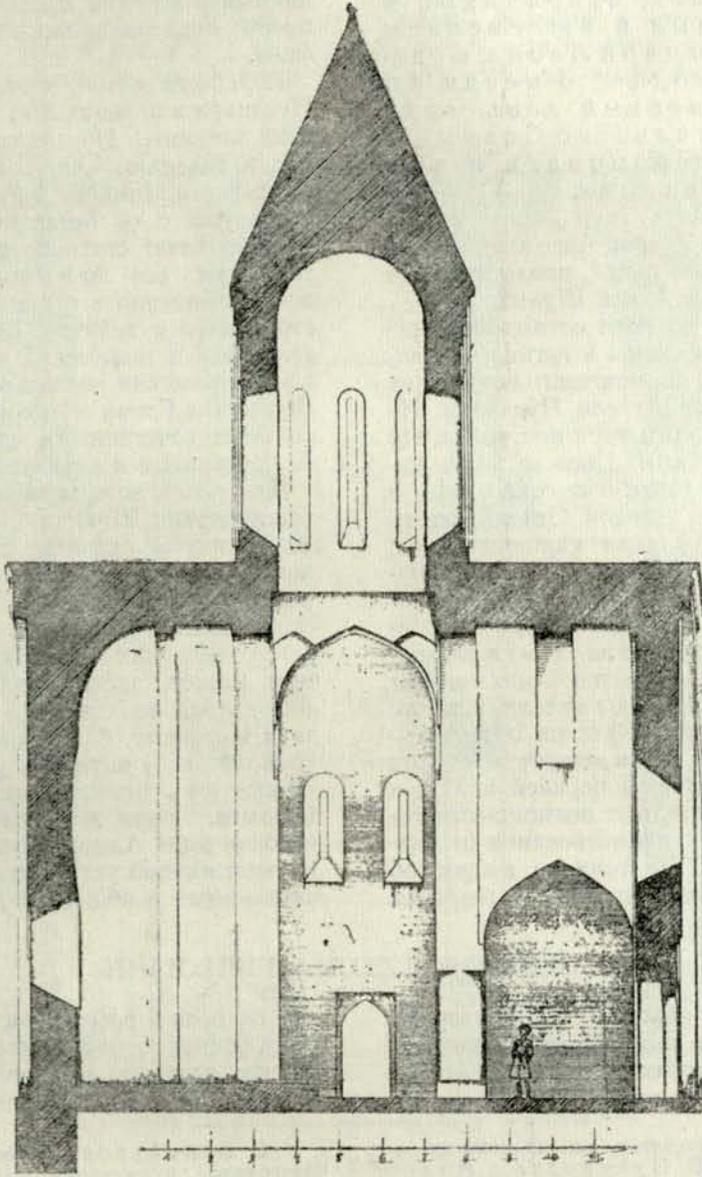
² Сравнивая с фото Ермакова, сделанным до восстановления конца XIX — начала XX вв. (табл. 361),

საქართველოს
ეროვნული ბიბლიოთეკა

представляет колористически целостно выдержанной росписи, краски блеклые и случайные, а не сознательно сопоставленные. На западной стене южного углового помещения, т. е.

Около него надпись асомтаврули вязью 306 383 369 371. Царь Леон, строитель Церкви изображена схематично и условно —

Разрез

над местом погребения его, находится ктиторская фреска царя Леона I с изображением справа богородицы с младенцем на коленях, а слева святого воина (?) с копьем (или архангела?). Царь Леон изображен стоящим, в короне, с моделью церкви на руках (табл. 369-а).

она без транспта, с двумя входами с южной стороны и оригинальной отделкой западной стены, где показана дверь, треугольное окно и фронтон.

Над западным входом изнутри церкви имеется фресковая надпись по-гречески, прочитан-

ная проф. Г. Ф. Церетели 12.XI.1922 г. на месте (табл. 369-б) и приводимая здесь в его переводе¹.

Построен и возобновлен святой и пречестный храм величайших Михаила и Гавриила, стараниями и тщанием, трудами и иждивением возвеличенного царя Леона, в святительство Николая... в месяц августа 29, в четвертый день, года 7085 и в настоятельство Саввы... [хартулария, иеромонаха и протосинкела из Салоник.

Анализ.—Храм Мтавар-Ангелози в Греми, построенный в 1565 году², представляется своего рода двойником Ахали Шуамта.

По плану обе они целиком остаются в пределах установившейся схемы и легкие варианты вносятся только элементами возведения сравнительно с Карданахи или Пудзари. Но именно по тому, как вздымается постройка, это и является показательным. Прежде всего вытягивание пропорций, узкие и высокие нефы и купола. Обилие света в церквах. Отделка внешняя — путем отступа кладки кирпичной так, чтобы получить тени, и затем специально формованный кирпич для некоторых частей. В частности, идет применение элементов, характерных для исламского искусства. Но каково их происхождение здесь и развитие — пока может оставаться не затронутым. Мы видели, как уже очень давно применяли в Кахетии в архитектуре кирпич, который вновь входит в обиход с этого времени. Но формы церквей и XIII и XIV веков еще вовсе не дают возможности говорить о воздействии, о заимствовании от персидской архитектуры. Так точно и вопрос об арках, о круглых низких столбах и широких

пролетах, о всей декоративной отделке требует еще специальных изысканий. Может быть, и здесь окажется многое такое, что укажет на выработку первоначально в христианской среде элементов, которые затем станут общепринятыми в поздней исламской архитектуре. Вот почему пока мы должны просто констатировать факт.

И действительно, в отличие от Карданахи и Пудзари в церквах XVI века мы видим совсем иные элементы. Но, несмотря на них, весь подход к заданию — чисто грузинский. Здесь нет интимности, домашней простоты исламской архитектуры с ее бесконечным ковром декора, где она хочет стать представительной. Напротив, здесь все по-прежнему строго, серьезно, все возвышенно и стремится создать этот простор, ширь и величие. Все показывает размах заказчика и творческий акт зодчего. И именно здесь, применяя «исламские элементы», зодчий Шуамта и Греми комбинирует их в совершенно ином сочетании, в сочетании единственно ему доступном и характеризованном выше.

Для последнего периода архитектуры в Кахетии церкви Шуамта и Греми являются высшим пунктом развития и выявления все тех же национальных данных и навыков, что и раньше. И стремление и устремление кахетинской архитектуры все вверх и вверх — тенденция, отмеченная нами уже с начатков ее — быть может, здесь проявляется с несравненной, дотоле невиданной силой, именно, благодаря контрасту, благодаря элементам, которые располагают к интимности, уютности. При этом несомненно, что творческим было создание Шуамта: Греми же, как и последующие постройки царя Александра, представляет реплику этой именно установленной формы, с незначительными в общем, вариациями.

3. ЦЕРКОВЬ АГДГОМА В ШИХИАНИ

Километрах в трех ниже Греми, в сторону Алазани, расположено в нездоровой малярийной местности небольшое сейчас селение Агдгома, носящее название по имени церкви³. Древ-

нее название всего участка забыто и только один старик передал, что от дедов слышал в детстве название «Чихиани», но не мог определенно сказать к чему оно применялось. Меж-

¹ Текст этого чтения отпечатан, как приложение, в ст. А. Г. Шанидзе и В. Пугуридзе в Известиях ИЯИМК Груз. ФАН, т. V—VI, Тб., 1940, стр. 10—11; затем на стр. 285 История грузинского народа, акад. И. А. Джавахишвили, т. IV, 1948. Теперь имеется еще специально посвященное этой греческой надписи исследование Т. Каухчишвили в Трудях Гос. Тбил. Университета имени Сталина, т. XXXVII, 1949, стр. 225—240 и ее же, Греческие надписи в Грузии, Тб. 1951, стр. 332—339 (по-груз.).

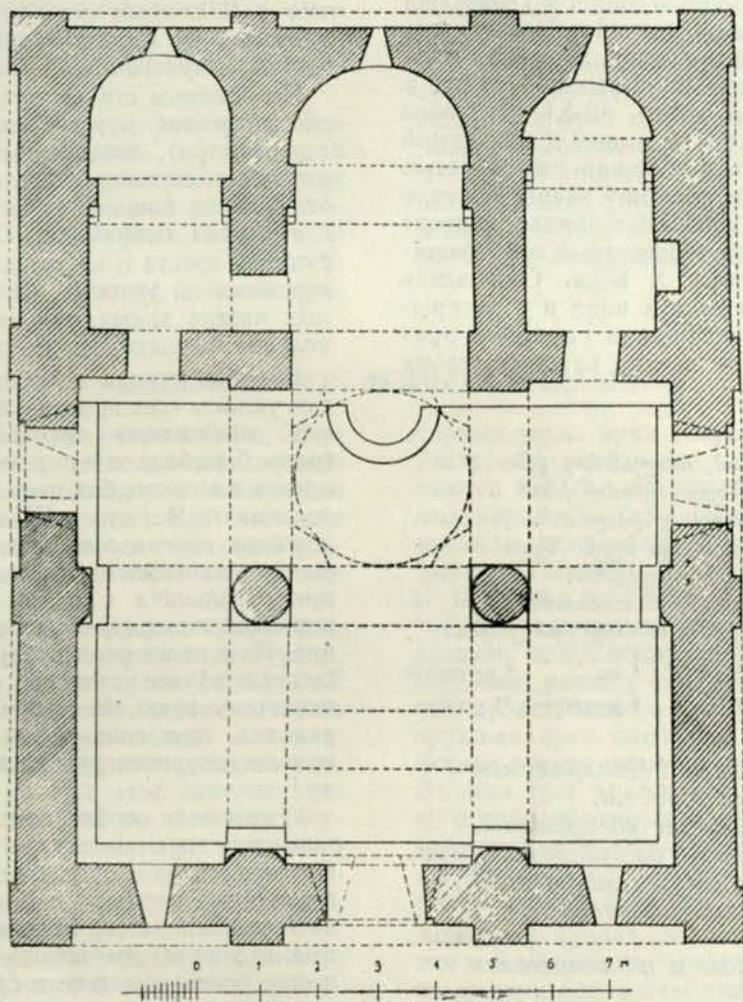
² С. Белокуров, Сношения России с Кавказом. Материалы, извлеченные из Московского Главного Архива МИД, вып. I. 1578—1613 гг., М. 1889, стр. 124, 196 (статейный список посольства 1589—1590 годов), где сказано «а храму сказал Офанасей архимандрит, как поставлен двадцать пять лет».

³ Осмотрена, обмерен план и фотографирована 23.VIII.1922 г.; затем 12.XI.1922 г. вновь посещена вместе с А. Г. Шанидзе, который прочел на месте строительную надпись царя Александра.

ду тем древнее название «Шихиани» сохранено надписью царя Александра (1574 по 1605 гг.) на церкви¹.

Интересующая нас сейчас церковь выведена непосредственно перед небольшой старой однонефной церковкой, сложенной из рваного камня и булыжника, имеющей один вход с юга и сохранившей остатки древней росписи; с юга, рядом с этой церковкой, была, видимо, в конце

из кирпича и повторяет тот же план и те же формы. В отношении размеров Агдгома немного больше Греми, а также и пропорции храма по взаимоотношениям отдельных частей несколько отличаются от Греми. Бросается в глаза очень маленький квадрат под куполом при, видимо, бóльшей высоте его и при бóльших размерах всего храма по площади. В возмещение этого как восточная, так и западная ча-

П л а н

XV или начале XVI вв. выведена колокольня и уже царь Александр возвел в последней четверти XVI в. большую купольную церковь (табл. 370 и 371).

Церковь выведена, как и Шуамта и Греми,

сти храма по абсолютным цифрам длиннее в Агдгома, чем в Греми; но алтарь здесь, конечно, уже.

Вся церковь снаружи очень стройная, чему помогает также возможность спокойно рас-

Греми (Белокуров, Сношения России с Кавказом, I, М. 1889, стр. 312 — от 1597 года).

¹ Впрочем, в посольских грамотах русских послов при Александре наша церковь Воскресения («Агдгома») упоминается, как находящаяся в том же селении

сматривать ее с некоторого расстояния, но стоя на ровном месте (табл. 370 и 371, ср. еще 373-а). Отделка фасадов — те же мотивы, что в Шуамта и Греми: деление каждого фасада на три поля арками с украшением крестом сверху среднего поля, с парой окон под крестом и с дверьми с трех сторон. На восточном и западном фасаде и в боковых полях находится по окну, а в каждом поле в арке усложнение с двойным и ординарным рядом мелких арочек и горизонтальных тяг из угла поставленных кирпичей, как мы отмечали уже и в Греми. На западном фасаде между окнами и дверью среднего поля вставлена в кладку каменная плита, имеющая надпись заглавными буквами в 10 строк (табл. 374 и 373-а). 12.XI 1922 года проф. А. Г. Шанидзе поднялся к самой надписи. Чтение его, с обычной любезностью предоставленное мне, привожу здесь. «Первая часть надписи, как указано в начале, состоит из ямбических стихов, написанных в подражание ямбам песнопений X века. Они здесь печатаются в стихотворном виде и с раскрытием титл, причем сокращения указаны в примечании, а двоеточия после каждого слова устранены».

იაშბიკოა¹
 ზ ალდგომაო ქრისტესო², თაყუანის-გვემთ
 ვითარ პეტრე და მოწაფენი ქრისტესნი³
 ალდგომილი რაა⁴ გიხილეს გალილიას⁵.
 კურთხევა⁶ მათი ეგრეთ იყავნ ჩუენ⁷ ზედა!
 აწ შეცა მეფე ალექსანდრე გვედრო,
 მეცხედრე ჩუენი⁸ დედოფალი⁹ თინათინ
 მცველ და მფარველ გუექმენ ორსავე ცხოვრებასა¹⁰.

¹ [იაშბიკა ² ქესო ³ ქსნი ⁴ რა ⁵ გალილიას
⁶ კხვა ⁷ ჩნ ⁸ ჩნი ⁹ დედოფლი ¹⁰ ცხრბსა

Ямб
*О Воскресение Христово! Поклоняемся
 Как Петр и ученики Христа,
 Видевшие тебя в Галилее воскресшим.
 Благословение их также да будет над нами.
 Ныне и я, царь Александр, молю тебя,
 [Молит и] супруга наша государыня
 Тинатин,
 Будь нам защитником и покровителем
 в обеих жизнях*

«Неправильные формы (გვედრო в пятой строке, ვმ. გვედრები и მეცხედრე в седьмой, ვმ. თანამეცხედრე) вызваны размером стиха. Следует отметить также, что последняя строка содержит лишний слог: в ней 13 слогов вм. 12—и».

¹ На табл. 370 и 371 заметна верхушка этой именно колокольни.
² На чертеже плана дверь в ю.-в. комнату показана идущей несколько вкось: это не результат точных об-

Вторая часть надписи читается так:
 ქ. ჩნ ლთივ გვირგვინსნ მეთემან პტრონსნ
 ალექსანდრე და თამეცხედრენ ჩნმან დედოფლმ
 პტრონმა თინათინ აღვაშნეთ ტპრი ესე აღდგომისა
 შხიბან შიგა ჩნდა სადღეგრძელოდ და გასაწჯ-
 უებლად და მეფობისა ჩაენი[სა] წარსმრთებელად,
 ცოდვთა ჩნთა შესანდობლად. ამინ.

Мы, богом венчаный царь государь Александр и супруга наша царица государыня Тинатин, построили храм этот Воскресения в Шихиани во долгоденствие наше и преуспейные царствования нашего, и во отпущение прегрешений наших. Аминь.

По боковым стенам рукавов креста также и здесь арочки между лопатками (по четыре, гсп. по три), соединенными поверху тягой с рядами выступающих углом кирпичей. Поверх этих аркад начинается непосредственно высокий карниз выкружкой. Он сделан только на рукавах креста и на куполе, но отсутствует совершенно на угловых, более низких, односкатных частях храма, так что в этом месте кровельное покрытие прямо ложилось на стены.

Барабан купола в Агдгома, как и более крутые уклоны всех кровель, приближается к Шуамта, превосходя таковые в Греми. Каждая грань барабана и здесь обрамлена, но совсем просто валиком, без надломов его. Остальные деления те же, что в Шуамта и Греми. Как в Шуамта, поверх основного поля грани имеется еще дополнительная часть, разделенная на три прямоугольника с рядом углом положенных кирпичей поверху, выше чего начинается карниз. Из восьми окон в барабане четыре, обраченные на все стороны света, заложены по внешнему краю. Несомненно, это поздняя переделка, как позднее же посажена на краю кровли северного рукава маленькая колокольня¹.

Указанные особенности пропорций храма резко чувствуются внутри храма (табл. 378)². В отношении же отдельных элементов имеется ближайшее сходство с Греми. Такие же круглые столбы немного меньшего диаметра и круглые пилястры, отвечающие столбам при стенах и еще более короткие в средней части. Сами столбы стройнее, чем в Греми, а небольшие арки вытянуты более вверх. Границаверху круглого столба здесь намечена еще новым приемом. В Шуамта имеем как бы раструб, превращающийся в прямоугольную плиту ка-

меров, а расположения помещения с общими осями направления стен; данные были тут взяты только главные. — Внутренний вид Агдгома попал (вместо 372 таблицы) на табл. 378.

пители (табл. 356 и 359-а); в Греми такая плита, только с равными диаметру столба сторонами, непосредственно посажена на круглый ствол (табл. 368), в Агдгома прямоугольная часть тоже насажена прямо, только выступающие углы ее обработаны ступенчато вынутыми кирпичиками (табл. 378).

В возведении храма характерным является кладка подпружных арок без консолей, а в качестве непосредственного продолжения стены — отрезки самого свода сложены между этими арками, отступя назад от линии стены и линии арок (табл. 373-б).

Окна имеют сверху форму правильного полукруга, входы же — плоские перемычки, а снаружи над ними декоративные с изломом арки. Входы в восточные боковые комнаты поверху не закончены прямо горизонтально, а со смягченными углами.

В углах перед этими входами, в самом хра-

ме, на общем, обходящем все стены церкви уступе, выстроены как бы престолы, очевидно, для установки икон.

Итак, как видно из содержания надписи, церковь построена царем Александром и женой его царицей Тинатин. Конечно, здесь речь идет о сыне царя Левана, царствовавшего от 1574 по 1605 гг. Церковь эта не раз упоминается в статейных списках русских послов к Александру, причем они не дают никаких данных о ней, т. е. совершенно естественно, что в 90-х годах она была уже сравнительно давно построенной. И действительно, это подтверждает формула самой надписи, где говорится только об Александре и Тинатин, но ни единым словом не упомянут ни один из их сыновей. Мне кажется, что это указывает на еще очень малый возраст их, т. е. постройку возможно отнести к начальным годам его царствования.

4. ЦЕРКОВЬ СВ. ФОМЫ В ЧИКААНИ

На аналогичном Агдгома ровном месте, близком к берегу Алазани, расположена церковь апостола Фомы с праздником в следующее воскресенье после пасхального¹. Как было уже отмечено, эта церковь является еще одной репликой Шуамта — хронологически самой поздней.

Церковь построена из кирпича и побелена снаружи старательно, а изнутри оштукатурена, с покраской яркой панели и побелкой всей остальной части. В отделке церкви меньше тщательности и больше смазывания деликатных мест. Подкупольные устои опираются почти непосредственно на пол, едва заметна прямоугольная база, тогда как во всех предыдущих круглый барабан столба имел довольно высокий угловатый плинтус. Отвечающие столбам пилястры при стенах совершенно гладки, без закруглений средних частей (табл. 372). Поверх круглых стержней устоев наложены с таким же приемом уступов на углах прямоугольные подразделения, вверх от которых по западному рукаву низко перекинуты арки, а по боковым — высоко.

Четыре основные подкупольные арки стрельчатые (северная сейчас почти полуциркульна — как видно, в результате позднейшей починки), так же, конечно, и своды четырех рукавов, а равно и угловых частей (табл. 379). При ал-

тарных углах арки опираются на выступы пилястр; над западными же столбами они обрываются как бы консолями из углом положенных кирпичей. Углы схождения арок заполнены ниже этих консолей и при пятах арок прерываются вверх, образуя как бы уступ (рис. Н. П. Северова перед стр. 439).

Свод каждого из рукавов креста имеет посредине одну подпружную арку на таких же консолях, какие у западных частей подкупольных арок. Только в алтарном рукаве эта подпружная арка опирается на пилястры. Такие формы алтаря имеются и в Греми и в Агдгома. Во всех трех храмах эти формы повторяются, но с разнообразным соотношением алтарного полукружия и прямоугольного пространства как главного, так и в боковых приделах, по сторонам алтаря (план).

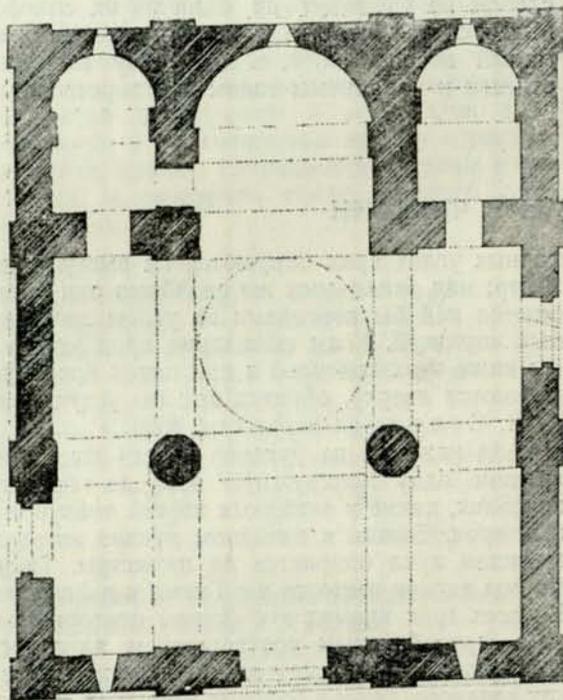
Паруса купола, не только более широкого, чем в Агдгома, но и чем в Греми, оштукатурены и формы их сейчас смазаны, ясно не видны. Однако, производят впечатление, что и при построении такой ясной сходящейся углом формы, как в Агдгома, они не имели. Дальнейшего перехода к подкупольному кругу тоже специального нет, а круглый внутри барабан купола начинается непосредственно сразу (табл. 379).

Сопоставление одних уже планов церквей Агдгома и Чикаани показывает, как узкая, как бы осторожная, центральная часть Агдгома с

¹ Осмотрена, обмерен план и сфотографирована 27.VIII.1922 года.

широкими боковыми при толстых наружных стенах в Чикаани сменяется — и это при едва меньших абсолютно размерах — широким куполом и узкими боковыми частями при значительно более тонких стенах и при совершенно равномерных во всех частях храма.

Восточные угловые части имеют своды с изломом на такой же высоте, как и западные. Таким образом в данной группе храмов откинут прием устройства над жертвенником и ризницей помещений во втором этаже, как это имело место, напр., еще в Карданахи или Сачини. В западных угловых частях свод имеет несколько выступающую из поверхности стены пилу.

План

Окна храма в Чикаани, как и в предыдущих храмах, все заканчиваются полуциркульным верхом. Они незначительных размеров. В барабане опять восемь окон, затем в каждом рукаве по одному окну, а также из угловых помещений по одному окну на восток, resp., запад. Здесь повторена отчасти разбивка окон Ахали Шуамта.

Входов в храм и здесь три — с запада и юга в рукав креста, а с севера — в западное угловое помещение. Двери изнутри прямоугольны вверху, снаружи же завершаются ломаной аркой. Из дверей в восточные помещения — южная также ломаной аркой, а северная и соединительная из алтаря в жертвенник с плоскими перемычками.

В отделке фасадов, как и во внутренних формах, Чикаани является более огуристым, проще. Но все-таки она реплика общего источника — Шуамта. Прежде всего общие пропорции здесь опять несколько изменены (табл. 375—377). Соотношение верхней части рукавов креста к боковым нижним на восточном и западном фасадах несколько увеличено, быть может, в связи с несколько менее крутым подъемом самих кровель. Барабан при большей ширине стал несколько ниже, чем в Агдгома. Вся церковь в целом плотнее, менее стройная по сравнению с Агдгома и Шуамта, она приближается скорее к Греми.

Разделка фасадов упрощена. Конечно, сохранено общее деление на три поля с аркой в каждом из них, но при этом арки среднего поля полуциркульны (табл. 376 и 377). Восточный фасад в среднем поле с низко посаженным окном имеет только одно украшение сравнительно небольшим, но с длинной перекладиной, крестом, высоко под аркой (табл. 377-а). Никаких других украшений нет. На боковых полях имеются окна в прямоугольной раме, соединенной с арочками по сторонам ее и с уступами внизу. Над рамой же — по кресту (табл. 377-а)¹. Западный фасад очень близок этому восточному, только на нем окна посажены значительно выше и сохранены непосредственно над окном только крест среднего поля (табл. 376-б и 377-б). Под окном в среднем поле видно прямоугольное углубление в стене, вероятно, для каменной плиты с надписью, какая имеется в Агдгома на таком же месте. Дверь обрамлена прямой рамой с рядами углом и прямо поставленных кирпичей. Боковые поля западного фасада при такой же общей разбивке, как и восточного, обогащены еще горизонтальными тягами с уступами: здесь налицо упрощенное повторение той же разбивки в деталях, что и в Агдгома, с опущением прямоугольной рамы и других мелких членений.

Южный фасад в среднем поле так же упрощен, как и восточный (табл. 376-а). Боковые же поля, при меньшей высоте этих частей, об-

¹ Все эти кресты по всем частям храма покрашены в красную краску, как и в Шуамта.

рамлены прямоугольной рамой с тягой, составленной из углов поставленных кирпичей и под ней из трех маленьких арочек с изломом. То же повторено и на северном фасаде с одним отклонением: вход перенесен со средней оси в западную часть фасада (табл. 377-б).

Изменены и нишки-арочки по боковым стенкам каждого из рукавов. Причем здесь всюду общее число для них — три, только разная у них ширина.

Упрощена отделка и барабана. Она ближе всего подходит к Шуамта. Только каждая грань шире и верхний прямоугольный отрезок настолько узок, что можно бы обойтись и без него. Этот отрезок украшен в центре заглаблением (ныне так же покрашенным).

Все кровли имеют карниз из рядов плоско и углом положенных кирпичей. Не видно его сейчас под железной кровлей купольного шап-

ра, но едва ли можно сомневаться в том, что и здесь был тот же карниз.

Чикаанская церковь св. Фомы, как сказано, представляет в своих формах и выполнении последнее звено данной группы. Связь ее в существенных пунктах с Агдгома хронологически дает основание для датировки царствованием царя Александра же. Возможно, что и здесь была, но уничтожена, доска с надписью. Во всяком случае в значительной небрежности постройки, в исполнении декоративных деталей только самым общим образом намечается тот упадок, который после опустошений и разорений Шах-Абаса I дает себя так болезненно чувствовать в памятниках XVII века, в которых нет строгости плановой композиции, а выполнение неприятно поражает различными упадочными крайностями.

5. ЦЕРКОВЬ САМЕБА В АЛВАНИ

Церковь Троицы («Самеба») расположена на границе или, пожалуй, даже за границей поселения Алвани по направлению к Алазани на низине. Это — купольная постройка, возведенная из кирпича, с примесью плит камня неровной формы. Сохранилась она хорошо, даже кровля в значительной мере еще цела¹.

По плану это крестово-купольный храм с одной парой столбов, круглых внизу, под куполом. Как план, так и формы возведения храма ставят его в общую группу церквей Кахетии XVI века. Таким образом, переданное академику Броссе сообщение, что она построена каким-то царем Леваном, может вполне быть принято в итоге сравнительного анализа². Конечно, это не блестящее, парадное строение, как Шуамта или Греми и др., а лишь скромное, без всяких претензий. Характерным в этом отношении являются недоведенные снаружи до общей линии с восточными и западными фасадами угловые, пониженные части здания; затем, низкий купол и детали его форм и отделки; наконец, невнимательное и нечеткое размещение основных окон в рукавах креста и нишек по их стенам, а также их формы (табл. 380).

Весь нижний корпус церкви выведен из кирпича со включением плит камня случайных форм, которые плашмя примазаны и создают картину пестрящей пятнами стены. Что же ка-

сается углов, окон, дверей, нишек, декоративных крестов на фасадах и, видимо, карнизов, то они выложены целиком из кирпича. Так же и весь барабан купола сложен целиком из кирпича. Этот состав материала прослеживается по фасадам здания, так как (поздняя?) побелка и штукатурка его слезла. Внутри же церковь сохранила густую и ровную штукатурку и окраску за исключением частей сводов, где она осыпалась и где видна кирпичная кладка их.

По внутреннему пространству Алванская Самеба по сравнению с Греми или Шуамта — невысокая церковь. Все арки и своды имеют стрельчатую форму, так же и паруса при переходе под купол (табл. 380-с, d). Оба западных столба имеют в нижней части, на высоту примерно в полтора человеческого роста, круглое сечение; в ответ этой форме и устоят арки при стенах в западном и восточном направлениях так же имеют закругленные нижние части пилястр.

В плане пастофорий нужно отметить различие прямоугольного жертвенника от диаконника с абсидальным полукружием, т. е. являвшегося первоначально несомненно приделом. Вместе с тем сейчас в этот южный придел нет прямого входа с запада, из рукава, а только с севера из алтаря. В то же самое время в жертвенник ведут два входа из алтаря и из северного рукава храма. Напрашивается мысль, что дверь в диаконник заложена позднее. Впрочем на какие-то переделки указывает, по-видимому, и

¹ Осмотрена 16.XI.1935 года, тогда же сделано несколько фото и обмер.

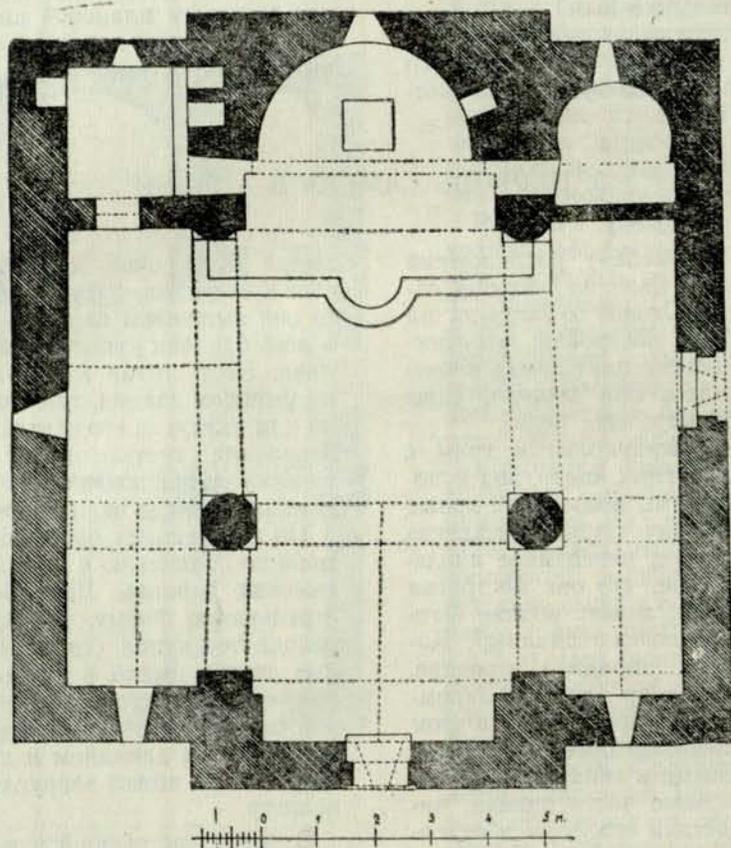
² Абу. I, 81—82.

расположение входов из алтаря, срезающих уступы арок абсиды.

Окна на юг и север в рукавах пробиты не по оси. Кроме западного окна в рукаве есть еще маленькие из угловых пространств. Тут устроены надсводные помещения, судя по небольшому проему с запада в южный рукав. Оба входа в храм — с юга и запада — имеют прямоугольный обрез. Все окна храма, как в барабане, так и внизу, имеют полукруглую форму. В каждой из восьми граней барабана по одному узкому окну, как впрочем вообще все окна храма узкие.

При всей скромности замысла данной по-

вешивается четырьмя плоскими декоративными с полукруглым верхом нишками, входящими под фронтон кровли — крайние пониже, а средние повыше. Зато на южном фасаде, где над средним окном сделан уступом кладки небольшой тоненький декоративный крест на постаменте, по типу Гречи и др., повыше и сбоку от креста сделана одна единственная плоская ниша, каких четыре на восточном фасаде. Крест сделан по оси фронтона, тогда как окно согласовано с проемом двери внизу, сдвинутым к западу. Эти расхождения линий и случайных форм воспринимаются режущим диссонансом. На северном фасаде расхождение в размеще-

План

стройки нельзя не отметить, что разбивка масс, проемов и пр. сделана умело. Сами выступы вперед фронтонных частей восточного и западного фасадов против общей линии вносят известную приятную градацию.

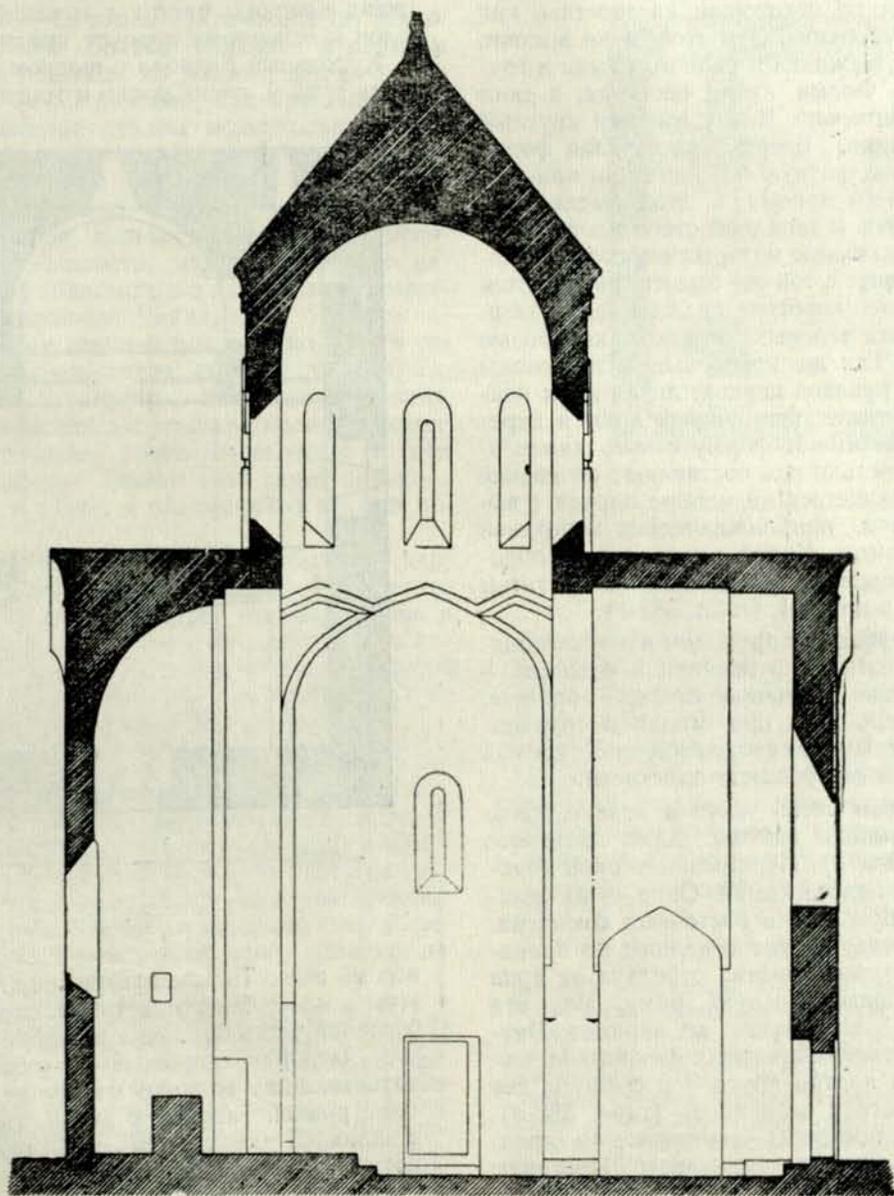
Расположение трех оконных проемов на восточном фасаде — естественно низко — равно-

нии окна и декоративного креста еще сильнее и резче. Однако, нет на нем вовсе нишки. Западный фасад дает спокойную картину размещения на одной оси двери, окна и декоративного креста. Легким оживлением фасада являются маленькие окна вверху угловых отрезков, западающих против стены рукава.

Барабан купола, который венчает и сдерживает массы всего здания, имеет восемь граней, очерченных рамами, а поверх них неширокая полоса, под кровлю, круглого в сечении отрезка. Рамы сложены из лекального кирпича в форме валика; они — широкие и невысокие, имеют в верхней части по три заостренных де-

коративных арочки, в средней из них прорезано узкое окно, создающее впечатление стержня, а не проема. Внизу барабана выступающий кругом карниз.

Карнизы всей церкви, как и барабана, одного профиля — выкружка с валом.

Продольный разрез

6. ЦЕРКОВЬ СВ. НИКОЛАЯ В МАТАНИ

Описание.— Церковь св. Николая находится в самой деревне Матани. Она построена из булыжника и рваных камней, а купол из кирпича¹.

По плану она вполне становится в ряд с только что описанными церквами, а с последними пятью и по некоторым частностям, как круглые внизу столбы. Эти столбы не высоки, сложены из булыжника и рваного камня и грубо обмазаны. Форма их не чеканная, а дана лишь приблизительно. Внизу имеется круглый же цоколь (план). Вверху эта круглая форма переходит в квадратную без капители или иного определенного приема. С этой именно высоты перекинута к западной стене плоские арки, в южной половине которых имеется стрельчатое заострение; с той же высоты начинаются в половину более короткие арки на север, гесп. юг. В западных угловых отрезках коробовые литые своды. Так же коробовые литые своды и у основных рукавов церкви; литая же и конха абсиды. Четыре подпружных арки в перекрестии церкви имеют форму с чуть намеченной стрельчатостью; они составляют основание купола, опирающегося на четыре паруса с выделенной аркой, приближающейся к поздней форме, с изломом. Купол имеет, таким образом, сперва восьмигранное основание, затем переведенное в круглое (табл. 382-с).

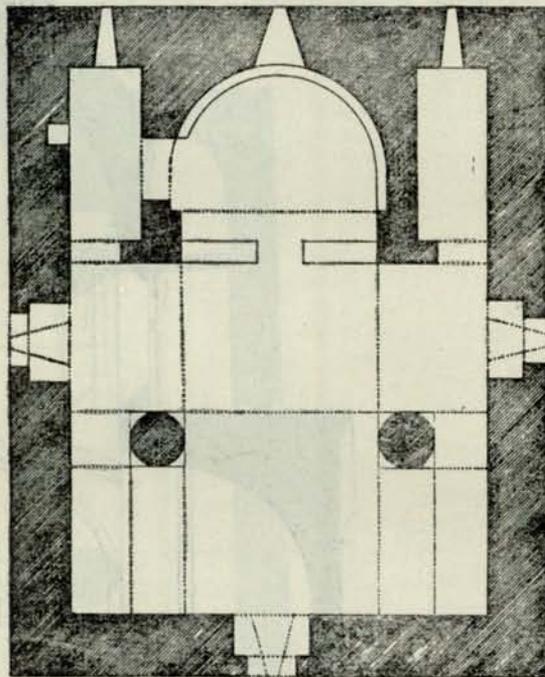
Алтарь неглубокий с проходом в жертвенник. Боковые комнаты жертвенника и ризницы — длинные и узкие. Восточные стенки — прямые, без закруглений, хотя при стенах и сохранились престолы. Вместо сводов идут под прямой скос на юг или север литые плоскости.

Окна в церкви очень узкие и низкие, посажены чрезвычайно высоко, даже алтарное (табл. 381, 382-а, б). Перемычки у окон горизонтальные из целого камня. Окна — по одному в каждом рукаве и в восточных комнатах. Входов три. Снаружи они отделаны по правилам данной поздней эпохи: стрельчатая арка включена в прямоугольную раму. Вся эта часть сложена, как и купол, из кирпича. Внутри имеется алтарная преграда из кирпича, как бы поделенная на три яруса — в среднем два сквозных пролета и одна дверь (табл. 382-д). Арочные части преграды — основные со стрелкой, другие почти полуциркульны. Преграда

оштукатурена не была. В алтаре есть лавка по стене. Весь алтарь повышен на одну ступень.

Снаружи церковь сложена вся из булыжника и рваных камней, кроме описанных входов и купольного барабана с шатром. Характерно, что кладка угловых низких частей церкви сложена в верхних частях, т. е. выше сводов, вприклон к основному корпусу креста постройки.

Купольный барабан с шатром сложен на восемь граней, очень ровно и тщательно, и имеет

План

восемь окон. Тонкие плитки кирпича тонут при этом в массу белого раствора, почему издали основная часть барабана имеет бледно-розовый цвет. Барабан сложен из 40 рядов. Если считать толщину заливки между рядами в барабане равной таковой у входа, где пять рядов с заливкой равны 43 см, то 40 рядов дадут высоту в 3,50 м. Верхнюю же часть его составляет

марным обмерам худ. Т. Г. Кюне 1913 г., к путешествию проф. Е. С. Такайшвили. Он дает краткие сведения о храме в статье в журнале *Georgica*, № 4-5, 1937, стр. 108—109.

¹ Осмотрена 18.VIII.1920 г. и 27.VIII.1933 г. План обмерен в 1933 г. Отпечатанный же в *Album d'architecture géorgienne*, Тб. 1924 г., план составлен по сум-

несколько рядов кирпича, положенных углом и чередующихся с плоско положенными. Они образуют как бы ожерелье, отличающееся и своим красным цветом¹. Карниз барабана сложен из тесаных выкружкой очень малого наклона камней. А шатер, имеющий тоже восемь граней, вздымается высоко над головой.

Анализ.— Церковь Матанского св. Николая несомненно близко подходит к церквам описанного периода, но ближе других к Чикаани. И в таких приемах, как круглые, грузные и невысокие столбы подкупольные, и в форме купола, граненого на восемь ровных граней с длинными окнами, и в мотиве трех входов с их отделкой, а равно в распределении арок от столбов, нельзя не видеть еще непосредственной близости, живого, деятельно направляющего знакомства с названными памятниками, в частности Чикаани.

Вместе с тем несомненно, однако, уже и отступления, знаменующие явления упадка. Такова форма восточных помещений — узких, длинных, высоких и с прямоугольным восточным завершением, равно перекрытия их под один ровный скат. Таковы окна самой церкви — маленькие и узкие, и чрезвычайно высоко посаженные.

Все эти данные позволяют считать эту церковь примыкающей к группе церквей XVI века. Наше определение находит подтверждение в сведениях начала XVIII века и сообщаемого царевичем Вахушти, что в Матани имеется церковь св. Николая². Нет сомнений, что это именно описанная только что церковь³.

Интересно, что ближайше сходная с Матани по наружному облику церковь, именно с таким же четко очерченным, гладким, восьмигранным куполом, с высоко поднимающимся, также гранями, шатром, и совершенно гладкими стенами корпуса здания находится на месте второй резиденции хакетинских царей этого времени, на

¹ Эту разницу передают даже фото.
² *Désér. géogr. de la Gé.* publiée par M. Brosset S Pbg. 1842, p. 485 (ср. 482; по изданию Т. Ломоурри и Н. Бердзенишвили, Тб. 1941 г., стр. 207.

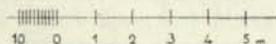
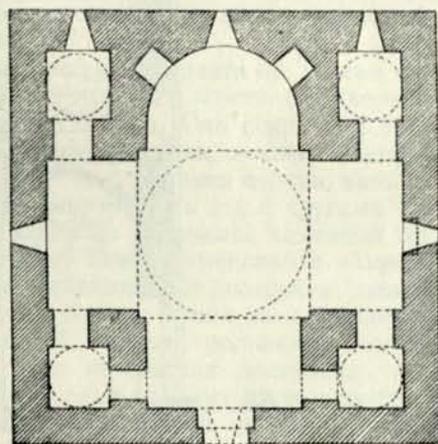
³ Правда, Броссе (*Voyn.*, I. 77—78) пишет будто Матани n'existe que depuis une centaine d'années, но это ошибочно, оно упоминается и у самого Вахушти (только не в Географии), на которого ссылается Броссе, и в гуджарах. К тому же Броссе ошибочно пишет, что церковь Николая не имеет купола.

⁴ По определению посольства Волконского 1637 — 1640 г. (М. А. Полдевктов, Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—1640. Тб. 1937, стр. 390).

⁵ Сейчас церковь стоит на ровном месте в чаше

крайнем востоке их царства, в городе «Загеми, Базар тож»⁴, ныне в Закатальском районе АзССР⁵.

Церковь Бахтало в Загеми (иначе Базар) представляет собой обычного для данного времени небольшого размера (по площади и значительной высоты, придающей ей впечатление им-

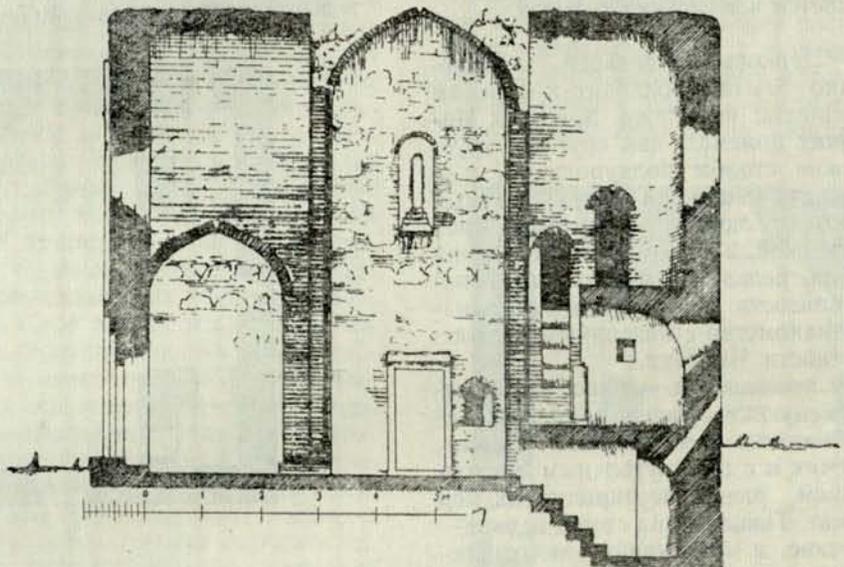
План церкви в Загеми (схема)

позантности, здание. Она выведена целиком из кирпича (размером от 21,5 до 23 сторона квадратной плитки и, видимо, также $23 \times 13,5$ при толщине в 4—5 см); только верх барабана купола и четырех фасадов и все карнизы церкви выделены полосами желтоватого ширими. В отличие от рассмотренных церквей Загемская церковь не применяет круглых устоев под куполом, а формирует их прямоугольными плоскостями, выделяя горизонтальные плоскости стен на линии пяти сводов небольшим напуском кладки, делающей над верхом оконных про-

густого леса, раньше это было большим торговым местом, а ныне именуется Эски-Базар («Старый Базар»); означенное же на 5-верстной карте место «Базар» — это теперешний Кумур-Базар (на расстоянии в десяток километров). Близ Эски-Базара называют какой-то участок Бахтало; церковь находится на запад от Алиабада в 6—8 км и, как говорили в Алиабаде, недалеко от русского колхоза «Светлый Путь» (на 5-верстке, вероятно, она отмечена буквами «Р. Ц.» около «Х. Судели»). Волконский же отмечает, что «учинен городок невелик. кабы двор, и огорожен каменною оградю. В городке лавки каменные, а двора царева и палат нет» (Полдевктов, Материалы по истории, Тб. 1937, стр. 422. О самой церкви ср. там же, стр. 386—398).

мов рельефно выступающую стрельчатую арку. Другим декоративным элементом внутри здания является обработка парусов, игра плоскостями внизу граней барабана и аркатурный

вертикально поставленных кирпичей, который стоит поверх 15 рядов гладкой кирпичной кладки. Затем вверх следует опять столько же рядов гладкой кирпичной кладки, а выше при-

Греми. Церковь в «Тарса-Галавани» — продольный разрез

поясок в основании круга свода купола. Четыре угловых помещения имеют парусно-купольное перекрытие. Гнезда для кружал имеются в торцовых стенах рукавов, т. е. на другом конце они опирались на стояки. По-видимому, кроме входа с запада был еще вход с севера — в обоих местах сейчас громадные проломы. Фасады здания образуют совершенно гладкие плоскости стен; восточный и западный фасад имеют сплошные два ската кровли, тогда как южный и северный выделяют средний фронтон. В гранях барабана средняя треть стены немного заглублена и западинки в диагональных гранях вверху оформлены стрельчато гажей в соответствии с оконными проемами других граней. Вверху северного фасада есть небольшая полоска фигурной кирпичной кладки, а по барабану над окнами пущен фриз из углом вперед

мерно такой же высоты кладка из ширими (два ряда квадров). Эта полоса охвачена снизу валом и сверху карнизом под скос тоже с валом внизу его¹. Шатер кровли довольно крутой, из кирпичной кладки. Карнизы фасадов — плоская выкружка и понижу вал. В храме только алтарная абсида покрыта была росписью. Под конхой полоса из восьми медальонов с полуфигурами святителей; под ней в два регистра восемь сцен праздников. Остается под вопросом: на каком языке были сделаны подписи у этих изображений, ибо указания Иванецкого, Хаханашвили и Эдили расходятся².

Формы этой церкви позволяют считать ее выведенной ранее Матанской церкви Николая; а попутные данные русских посольств уточняют это общее положение. Так, посольство Звенигородского 1589—90 гг. отмечает, что церковь

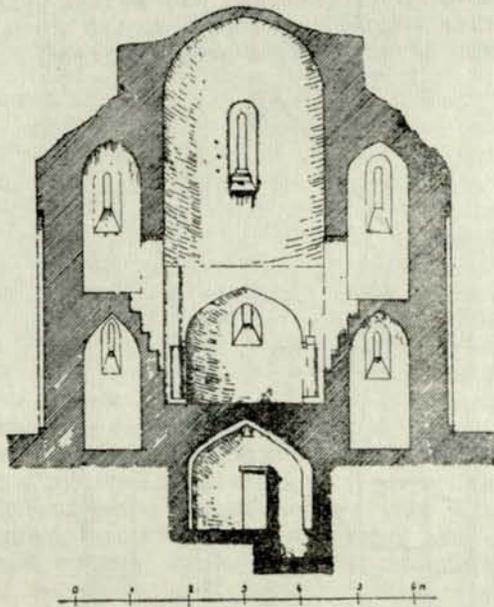
¹ См. фото Ермакова № 7308 и № 11544, воспроизведенное в ст. А. С. Хаханашвили и, вероятно, сделанное в 1895 году, о чем упоминает Т. Иванецкий.

² В литературе эта Загемская церковь отмечена в ст. Т. Иванецкого (Иверна, 1895, № 211, по-груз.); А. С. Хаханашвили (МАК, VII, 1898, стр. 32—33 и рис.); Д. Джанашвили (Могзаури, 1901, № XI, стр. 1037—38); М. Г. Джанашвили

(Древняя Грузия. т. II, Тб. 1913, стр. 77. по-груз.), З. Эдили (Сахалхо Газети, 1911, № 245; затем «Ингилойцы». Тб. 1947, стр. 151—154 и рис. у стр. 32, по-груз.). — Наименованием «Перикала», которое приведено в ряде статей, обозначили мне на месте не церковь, а расположенную невдалеке от нее башню (которую я не видел). — Я осмотрел церковь 5.XI.1954 г., схематически замерил план и сделал фото.

освящена уже 50 лет тому назад, т. е. именно при Леоне, примерно в 1540 г.¹ Косвенным подтверждением этого является откопанный около церкви в 1865 году колокол с надписью, кото-

пишет на колоколе и Леон. Русские же послы XVII века называли церковь Воскресения². Быть может, это расхождение показаний произошло из-за обычного в Кахетии празднования церковей богоматери («Квела-Цминда») на второй день пасхи.

Греми. Церковь в «Тарса-Галавани» — поперечный разрез на восток

рую приводит Т. Иванецкий: ეს ზარბი მე, კახეთის მეფემ ლეონმა შეესწორე ზახთალოს მღვთის მშობლის ეკლესიას². По данным, имеющимся в литературе, церковь посвящена богоматери, как

Другая интересная церковь, вся выведенная из кирпича с добавлением кое-где булыжника, стоит в полукилометре на юго-запад от пика Мтавар - Ангелози в Греми, на теперешнем шоссе тракте из Телави в Енисели, в районе древнего «гостиного двора» («Накулбакеви») и т. д. Она сохранила трехязычную надпись заказчика, некоего Матарси, сообщающую год основания церкви, именно 1595. И сейчас еще церковь эта с другими постройками в частично уцелевшей каменной же ограде сохраняет свое наименование «Тарса-Галавани» по заказчику. От постройки уцелел только нижний корпус; купол же с барабаном над центральной частью полностью отсутствует сейчас. Эта интересная постройка, имеющая два алтаря один над другим и еще третий алтарь в крипте под ними, устроенной, очевидно, для погребения жены заказчика, выстроена, по имеющимся «данным», секретарем царя Александра (მეფის კარის მდივანი) Матарси, иначе Матарса или (согласно армянскому тексту) Микиртычем, сыном Захария, как его придворная церковь (კარის ეკლესია)⁴. Форма купольного барабана этой церкви была, вероятно, аналогична рассмотренным храмам, в частности Матанскому Николаю.

7. ЦЕРКОВЬ ВЕДРЕБИСА СВ. ГЕОРГИЯ (ИЛИ ВЕДРЕБЕЛА) ЗА СЕЛЕНИЕМ ТАРАКИ

Высоко в горах на отрогах Манавис-Циви, спрятанное севернее крепости Манави, находится небольшое селение Тараки. От него, поднимаясь далее в гору, на расстоянии 1½ — 2 км, на вершине, покрытой густым лесом, открывается небольшая поляна, на которой и стоит эта изящная, небольшая центрально-купольная церковь (табл. 383—386)⁵.

Церковь сложена вся из кирпича, обычных

нетолстых квадратных плиток (примерно 22 × 22 × 5 см) бледно-розового и коричневого тонов. Только карнизы сделаны из тесаного камня, да по самому низу, над землей, есть кое-где снаружи вставленные большие булыжники. Раствор между слоями кирпича и вертикальными швами настолько крепкий, что по фасадам в очень многих местах, большими площадями, наружные части кирпича совер-

¹ Белокуров. Сношения России с Кавказом, I, 1889, стр. 191—192. Сведение это, безусловно, надежное; Звенигородский о Тога пишет, напр., что церковь в 2 верстах от села была только что построена.

² Все остальные авторы тоже упоминают об этом колоколе, как и о том, что он сдан был в Тбидиси в Музей. По справке в Музее Грузии колокола не обнаружено.

³ Полиевктов, Материалы... 1937, стр. 97 и 300.

⁴ Церковь эта со всем комплексом соседних руин обмерена по поручению Телавского краеведческого музея архитектором Л. Рчеулишвили в 1939 году. Надпись же опубликована акад. А. Г. Шанидзе и В. Пугуридзе (Трехязычная надпись в Греми- Известия ИЯИМК Груз. ФАН, т. V—VI, Тб. 1940, стр. 1—10, по-груз.).

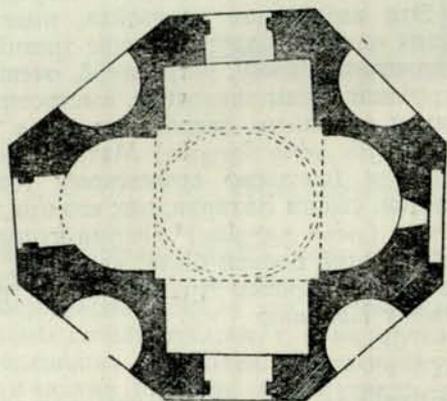
⁵ Настоящая церковь введена в научный обиход проф. Л. М. Меликсет-Беком в 1920 г. (см.

шенно выкрошились, тогда как окружающий кирпич толстый слой раствора стоит, образуя как бы открытые по ребру футляры, наложенные один над другим (табл. 383-б, 384, 385).

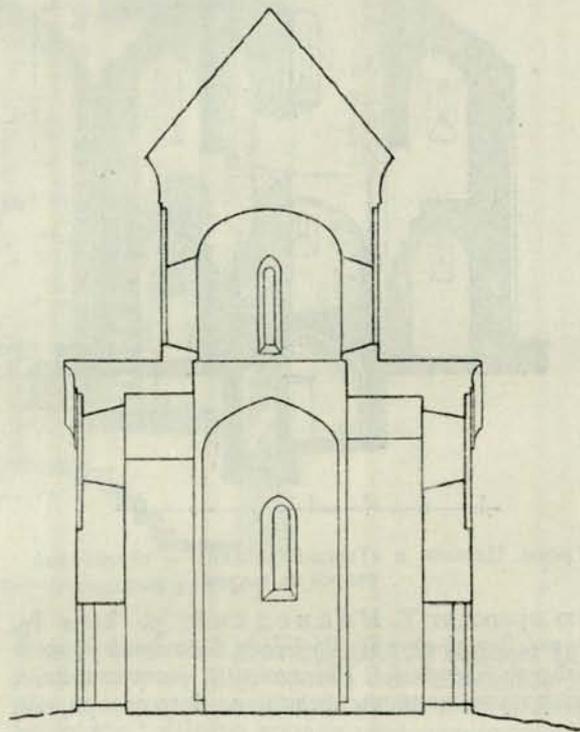
По плану церковь представляет собой простой крест с двумя прямоугольными рукавами на юг и север и двумя абсидальными на восток и запад (план). В перекрестии рукавов поднимается круглый барабан купола о четырех окнах и с купольным сводом на парусах (разрез и табл. 386). Это внутреннее пространство снаружи имеет восьмигранный барабан, с восьмигранным же шатром кровли и нижний корпус, взятый также восьмигранником (табл. 383, 384-б, 385), в котором диагональные грани ниже основных и разгружены от мертвого массива стен большими, примерно доведенными под карниз полукруглыми в плане и со сводом в полукупол, нишами (табл. 383 и 384-а).

Все здание пронизано этой сразу выступающей при подходе к нему чертой — легкой, не-

создавая по центру грани полуколонки. Восьмигранный шатер, поднимающийся над широким, но с небольшим выступом выкружки, каменным, темносерого цвета, карнизом, сложен из мелких, почти черных плиток (как будто из камня), положенных горизонтально, в гладкие скосы, причем каждое ребро выделено слегка

План

Разрез на восток

навязчивой декоративной игривостью всей композиции. Грани барабана купола имеют выделенную лекальным кирпичом полуколонку (табл. 383-б и 385), которая переходит на грани парными плоско-полукруглыми арочками и обходит этим убором весь барабан, т. е. как грани с окном, так и глухие грани, никогда не

выступающим валом. Пропорции построения шатра к барабану отвечают таковым киоска Ниноцминдской колокольни, храмов в Гречи, Ахали Шуамта и т. п.

Четыре рукава креста имеют двускатную крышу и такой же каменный карниз, какой сделан на барабане купола, с одним отличием, что

при перегонке скота из Гаре-Кახети на Циви; праздника никто не помнит: я всего этого не проверял, только отсутствие праздника подтвердили. — Я посетил церковь Ведробела выше Тараки 12.XI.1950 г., а несколько раньше этого направил туда для обмера и фотографирования сотрудников Института Ник. Чубинашвили и Вахт. Долидзе. План и разрез вычерчены В. Долидзе.

его статью в Сахалхо Сакмэ от 14 сентября за № 927). Он сообщает, что селение Тараки (он именовал его Тареки, что иногда слышалось и мне; но на прямой вопрос ответили, что именуется Тараки—თარაკი), населяют пшавцы (горские грузины, выходцы из Арагвского ущелья), которые церковь называют Ведробела, принося жертву по совершении службы раз в год

этот нижний карниз — по профилю выкружка с валиком под ней. Карниз обходит каждый рукав по трем сторонам, но во входящих углах не смыкается (табл. 384-b и 385). Лицевая фасадная плоскость каждого рукава креста дополнительно разделана легкой игрой поверхностей (табл. 383-a). Восточная выделяет декоративной стрельчатой аркой небольшое (в 23 см) заглибление всей основной ее плоскости (табл. 383-a), придающее зданию большую стройность; под карнизом эта арка выступает примерно только на полкирпича. В этой заглибленной плоскости размещено алтарное окно и над ним небольшой широкий крест на трехступенчатом постаменте, образованный опять заглиблением в поверхность стены (табл. 384-b). Форма и пропорции креста опять ближайше сходны с таковыми на храмах Ахали Шуамта, Греми, Агдома и т. д. Эта лицевая поверхность в верхней части, т. е. выше полукруглых ниш в примыкающих диагональных гранях наружного восьмигранника, шире нижней. Сейчас, ввиду разрушенности этих угловых частей, как и верха полукруглых ниш, и неполной ясности, каковы были начальные их формы, составить себе ясное представление, какое производили впечатление эти игровые переходы и отступы плоскостей — очень трудно.

Лицевые фасадные плоскости остальных трех рукавов тоже имеют под карнизом небольшое заглибление поверхности, как и по восточному фасаду, только оно не идет на всю высоту, а охватывает одну верхнюю половину с окном на южной и северной, и с крестом, повторяющим декоративный крест восточного фасада, на западной стороне. Нижняя же половина этих граней с дверью в каждой из них держится в одной наружной плоскости, которая также уже, чем верхняя половина и по тем же соображениям, как на восточном фасаде (табл. 383-b и 385a). Дверные проемы имели, судя по углублениям в стенах, деревянные перемычки, т. е. были прямоугольными и не имели арочного изнутри верха; хотя сейчас весь верх их выломан (табл. 383-b и 385a).

Диагональные же грани с полукруглыми по плану нишами в них создают опять игру плоскостей, как отражение основного замысла строителя. Ниши имеют, даже при разрушенности их сводов, четкую форму полукруглой конхи, тогда как арки здания — со стрелкой в вершине. По-видимому, кровельное покрытие этих ниш было как бы горизонтальным из угла, с легким нечувствительным в зрительном восприятии скатом крыши (табл. 383, 384-a, особенно 385-a).

Прямой угол, который получается над каждой из этих полукруглых ниш в диагональных гранях восьмигранника и который образуется боковыми стенами каждого рукава креста, продолжается вверх, перерезая карниз в стыке рукавов примерно шириной в размер одного кирпича по каждой стороне, и образуя прямой входящий угол на угол каждого из квадратов основания купола, т. е. даже в такой отдаленной от зрителя, незначительной архитектурной форме архитектор вносит игривость, учитывая конструктивную возможность изменить обычную для этого места форму с ее четким выступающим углом. Кажется, от направления зияющих здесь в диагональных гранях поверху квадратов дыр, оставшихся от деревянных балочных связей (табл. 383 и 385), можно заключить, что кровли на квадратах шли одним небольшим скатом вперед, и не были — в отличие от обычных — двускатными.

Такова тщательная декоративная разделка настоящего храмика по фасадам. Следует оттенить тут только еще красочную сторону. Храмик этот был выведен сплошь из кирпича двух тонов — один бледный розовый, другой не густой коричневый. Между кирпичом слой серобелого раствора высотой до половины толщины кирпича, т. е. общий тон получался светлый, красноватый. Оттенено все было в нижнем корпусе каменным, из ширими, ноздреватым карнизом, вероятно, первоначально желтоватым, а сейчас темным; и купол тоже каменный, но плотного строения и серо-синего цвета. Таким образом, эта небольшая изящная постройка, несомненно одной эпохи с большими храмами и башнями колоколен в Ахали Шуамта, в Греми и др., дает нам полное красочное представление о том, как должны были выглядеть фасады этих больших церквей с их декоративной игрой плоскостей и с грузными крестами, — фасады, которые сейчас искажены побелкой и раскраской заглибленных крестов¹.

Внутреннее пространство данного храма оформлено архитектором тоже с большим вниманием к мелким незначительным деталям, а не только к общему решению задачи. Как и снаружи, ровная кирпичная кладка оставлена нигде не закрытой или затертой гажей. Сохранилась она здесь хорошо; кое-где в нижних частях есть гнезда от выкрошившегося кирпича; кроме того, в разных местах видны или про-

¹ Ту же дату построения в эпоху усиления кахетинского царства — в XVI веке — предположил уже и проф. Меликсет-Бек.

долговатые зияющие щели в кладке или же круглые в толщину руки. Первые я заметил в подкупольном кольце, ниже небольшого карнизика под окнами барабана (табл. 386-а), а вторые имеются на углах рукавов креста на высоте метра в два от пола. Это, по всем данным, осталось после сгнивших деревянных связей кладки, как и снаружи здания над углами подкупольного квадрата.

Углы подкупольного квадрата отмечены на высоту до пяты арок входящим углом при длине его стороны в не полный кирпич. Только над самым полом на высоту 20—25 см эти входящие уголки заполнены общей кирпичной кладкой. Арки подкупольные непосредственно про-

должают сторону входящих углов, без какого-либо выделения импостов: поэтому эти узкие входящие углы с заполненным низом их составляют декоративный акцент вместе с уступом (примерно см в 5), которым обозначены на всю глубину свода северного и южного рукавов (табл. 386-б). В обоих абсидально завершенных рукавах пяты конхи не нависают над стеной.

В этой маленькой постройке нет элементов, которые бы позволили точно датировать ее¹. Но весь общий облик и приведенные детали художественных подходов говорят за данную эпоху и, как было уже сказано, за более яркую часть ее, т. е. относительно ранний XVI век.

8. ЦЕРКОВЬ ГВТЭЭБА В СЕЛ. АХАТЕЛИ

На краю селения Ахатели, в сторону селения Караджала, в нескольких километрах от г. Телави, на открытой поляне стоит купольная церковь, именуемая местным населением Гвтээба и Амаглеба². Царевич Вахушти в перечне селений примерно на месте Ахатели, именно между Джанаани (25) и Руиспири (27), к которому почти подходит Ахатели с другой стороны, называет Нахатели (не зная Ахатели). Церковь не функционирует, хотя высокий русский иконостас XIX века и несколько иконок остались на месте, да металлические венки с могил лежат у стен. Это еще один вариант в группе поздних купольных храмов Кахетии типа вписанного креста в плане. Храм меньше по площади, чем Чикаани или Матани, но стройный и вытянутый вверх, особенно в отношении барабана и шатра (табл. 387, ср. с табл. 375 или 381).

Корпус здания равномерно построен по продольной и поперечной осям. Расстояние между подкупольными столбами — три шага, и столько же от столбов на запад и восток, а на север и юг всего один шаг. Основное отличие от предыдущих примеров — форма подкупольных столбов (табл. 389-а, б). Они восьмигранные, легкие, высотой примерно в рост человека; над восьмигранными столбами — нависающие три ряда кирпичей, поставленных углом и переводящих устоя с восьмигранного на прямоуголь-

ную основу. Этот переход составляет как бы капитель столба, с которой к продольным стенам здания перекинуты небольшие арочки, полуциркульные, а к западной с повышенного лопаткой основания большие, четкой стрельчатой формы арки. И те и другие арки прямо вливаются в плоскость стены без выступа. Ступенчатые капители оформлены на углах вольно по разному, (табл. 389). С устоя же на устоя и к

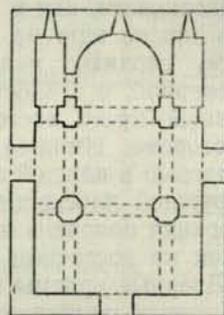

Схема плана

восточным подкупольным углом перекинуты большие стрельчатые арки; они без какого-либо членения прямо вырастают из лопаток над ступенчатой капителью, имеющих примерно двойную высоту восьмигранных столбов. По

¹ Единственный раз я повстречал упоминание селения в сигеллионе 1579 года, данном царем кахетинским Александром II Михетской католикосской кафедре с перечислением имений (С. Какабадзе, Исторические документы (по-груз.), II. Тб. 1913, стр. 514; გორაკი თარაქთ ბოლსა).

² Посетил ее 9.VIII.1950 г., используя регистрационные данные Отдела охраны памятников культуры, где, впрочем, указано, что памятник XII века и с остатками росписи.— В надписи названа Амаглеба.

углам этого подкупольного квадратаверху подпружных арок помещены паруса, обычного для этой поздней поры типа с переломом (табл. 388). В круглом барабане купола восемь окон с полукруглым верхом, сильно сужающихся наружу.

Церковь внутри вся выбелена, ни одного пятна росписи нигде не заметил. О материале подкупольной части, т. е. устоев, барабана и арок, делаю заключение по четкой прорисовке форм, ступенчатым капителям угловых парусов и наружному облику барабана — что это кирпич. Внешние же стены, как и по фасадам, сложены, вероятно, из булыжника. Все три входа в храм изнутри имеют горизонтальный обрез, а боковые входы по сторонам алтаря в жертвенник и диаконник, а равно проходы из них в алтарь имеют правильный полуциркульный верх. Окна же самого храма, тоже резко сужающиеся наружу, внутри храма имеют все арки с изломом, а на фасады выходят кирпичной кладкой.

Снаружи весь храм побелен, хотя теперь побелка местами сильно посмыта (табл. 387). Корпус его сложен из булыжника, а барабан из кирпича. Карнизы же и корпуса и барабана — из чередующихся рядов кирпича, положенных плоско и углом вперед. На корпусе их две, а на барабане три пары рядов.

Барабан и размерами и разработкой составляет основное звено композиции, так же как в ц. Николая в Матани. Корпус здания совершенно гладкий, на барабане же каждый угол грани выступает полуколонкой, сложенной из лекального кирпича. Все они опираются на полукруглое основание барабана (табл. 387-b). Вверху полуколонки, не достигая до карниза примерно на $\frac{1}{5}$ всей высоты барабана, смыкаются горизонтальной тягой из того же лекального кирпича, что и полуколонки, т. е. получается по каждой грани как бы прямоугольная рама. Кроме того, тем же лекальным кирпичом обведено по контуру проема каждое окно в барабане и перекинуты от него к ребрам арочки, а над каждым окном возвышается большой крест (табл. 387).

Все фасады корпуса здания совершенно гладкие; только западный фасад слегка украшен. Боковые входы, расположенные по средней оси рукава под окном, имеют северный — полуциркульный, а южный — стрельчатый верх, заключенные оба в верхней своей части в прямоугольную западинку фасада, как и вход в Матанской церкви Николая. Так как над главным входом с запада вставлена большая горизонтальная каменная балка с надписью строи-

теля, то обработка входа иная (табл. 387-b). Кирпичные притолоки, поддерживающие надпись, взяты вместе с нею в общую выступающую из плоскости стены прямоугольную раму, сложенную из кирпича же. Помимо этого, на западном фасаде имеются три почти квадратные заглабления по сторонам входа и над окном, содействующие впечатлению стройности и движению взгляда вверх. А вся эта согласованная с формами, размером и членением всего фасада разбивка завершается большим крестом на ступенчатой голгофе, западающим в плоскость фасада и покрашенным красной краской, как подобные же кресты на фасадах других церквей данной группы. Заглубленность выполнена в общей булыжной кладке.

Надпись над входом хотя и упоминает строителя, но по скудным определениям мне не удалось уточнить данных о его личности и времени жизни. Остается не установленным, когда жил отец строителя Бежан мцignoбарт-ухуцеси, а также и сам Иосиф, «ничтожнейший из числа священников и монахов». Надпись отражает небрежности разговорной речи при всей обычной для таких текстов елейности; сделана не очень четко; есть описки; впрочем имя строителя воспроизводит, пожалуй, его собственную подпись вязью. Надпись читается так (табл. 389-c):

ქ. არსებით დ[ა] ს[ა]მუფლებით კმამალად
დიდებით ქადაგებული დ[ა]
ერთ ღთაებით თაყვანისცემული იესო, მკსნელო
დ[ა] მაცხოვარო ჩემო ქე, მიღობითა და
უსაზღურ
ოთა მით მოწყალებით შენითა და შეწევნით
უბიწოდ მშობელის შნისათა კელგავ
და აღვაშენე ეკლ
ესია ესე ამალღებისა მე ფდ ცოდვილმა მღდელთა
და მონაზონთა უნარჩევსამ მწიგნობართ
უხუცესის ბეენის
შვილმა იოსებ ცოდვათ ჩთა საოხად ყოველნო
ღთის მოყვარენო და ტაძრისა ამის თაყვა-
ნის მცემელნო ღის სი-
ყვრულისათვის ჩვენთვისაც შენდობა ითხოვეთ
მოწყალისაგან.

Мне кажется, что и сопоставление этой церкви с ранее рассмотренными, в частности с Чикаани, Алванской Самеба и Матанским Николаем, и мелочи в написании надписи строителя и особенно колонки со сталактитообразными капителями, скорее заставляют думать о XVII или даже XVIII вв., как времени ее построе-

ния¹. И действительно, на мой вопрос к проф. Н. А. Бердзенишвили, как понимать титулатуру мцигнобарт-ухуцеси в надписи постройки XVII—XVIII вв. близ Телави, он мне сказал — «XVIII века», когда происходит сознательное разыскание забытых, умерших институтов, как обряд коронования, впервые че-

рез сотню лет, проведенный в 1745 году. Содержание понятия мцигнобарт-ухуцеси этого времени он считает, согласно употреблению этого титула в гуджарах, скорее равным мдивану, т. е. секретарю, чем мдиван-бегу, чему логически как будто бы естественно он должен был отвечать.

9. ЦЕРКОВЬ КВЕЛА-ЦМИНДА В ВЕДЖИНИ

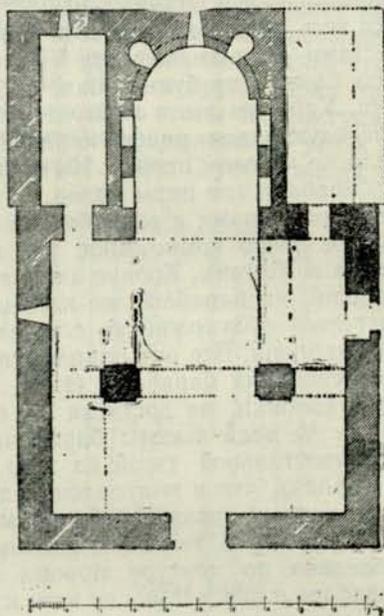
Описание.— Веджинская купольная церковь расположена на значительной высоте над селением, довольно далеко и обособленно от него, примерно на средней высоте холма, пик которого занят сильной крепостью с несколькими небольшими церквями и колокольной. Она стоит над ложиной, проходящей с южной стороны. Вход на гору идет с востока и вся церковь открывается, таким образом, восточным фасадом, который сейчас не представляет первоначальных пропорций. Церковь несколько завалена обрушившимися частями, кроме того кровля и подпоры ее поверх сводов обвалились и купол открыт для взора от самого своего основания. Поэтому высота его, и без того значительная, усугублена и церковь представляет башней, а не церковью².

В ее построении применен кирпич мелких квадратов (22×22 и 20×20×5 см), а также половинного размера (22×11 и 20×11 см), и булыжник.

По типу — Веджини поздняя крестово-купольная церковь с длинным восточным рукавом, низким корпусом церкви и грузным, высоким куполом о восьми окнах. Но формы эти — результат исторических перемен (план).

В стоящей купольной церкви Квела-Цминда на горе над селением Веджини имеется два, хронологически совершенно различных слоя, выстроенных из разного стройматериала. Небольшие относительно всего здания фрагменты в восточной части храма выведены из булыжника, тогда как весь остальной храм со своим громадным куполом выведен собственно из кирпича; дополнение булыжника кое-где в стенах не играет роли ни в зрительном впечатлении, ни в отношении изменения

техники строительства. Фрагменты древней постройки включены были в проект данной купольной постройки. Наблюдения над хронологической последовательностью строительства в алтаре храма, сделанные сотрудником Института истории грузинского искусства Н. Чубинашвили, дали ключ к пониманию особенностей данного памятника.

План (схема)

Алтарная абсида с бемой состоит из двух слоев, как было отмечено с самого начала ис-

¹ К этим капителям ср. консоли арок на северных хорах Алавердского собора, появившихся в результате ремонта, произведенного на 1750 год (табл. 307-б и 308-а).

² Осмотрена 11.VIII.1920 г., когда были взяты размеры плана, вычерченного затем арх. Р. Эристави, сотрудницей Кабинета истории искусства при Универ-

ситете. Цифровые данные по фасадам взяты были только по западному и частично восточному. Затем 27.X.1922 года и последний раз 12.VIII.1950 года, когда наблюдениями Н. Чубинашвили внесена кардинальная ясность в историю памятника и соответственно в примерный план внесены небольшие уточнения.

следования данного памятника, но только теперь правильно установлена связь между ними. Наружная, внешняя часть абсиды с алтарным полукружием, имевшим по сторонам окна две большие полукруглые в плане ниши того же типа, что в маленькой церкви Икалтойского монастыря¹, выведена вся из булыжника. Ниши эти имеют в плане форму почти трех четвертей круга; высота их была 2—2,5 м или более от пола. В эту древнюю постройку встроена кирпичной кладкой в 1½ кирпича толщиной тонкая оболочка абсиды с бемой; против больших полукруглых в плане ниш древней церкви в этой кирпичной оболочке оставлены небольшие нишки (сузившие на ⅓ ширину проема древних), причем низ древних ниш был наглухо заложен кирпичом, а равно потревоженный сводик выведен остро, кирпичом (табл. 391-а). Это видно в проломе южной ниши снаружи². Алтарное полукружие новой постройки точно повторяет древнюю форму, а по примыкавшим параллельным стенам кирпичная застройка оставляет с каждой стороны по две ниши, т. е. встраивает как бы три устоя под коробовый свод, так как задней стенкой в этих нишах (глубиной в 1½ кирпича — 37 см) служат древние булыжные стены. Здесь ясно прослеживается строительная последовательность. Вследствие того, что кирпичная застройка отщепилась от булыжной стены из-за выросшего между ними дерева (отчасти заметно на табл. 391-а), то тут ясно прослеживается, что при выведении застройки раствор заходил в имевшиеся пустоты примыкавшей старой стены. Наконец, стык древней стены со встроенной кирпичной пленкой при ней и подкупольного углового устоя с восточными стенами поперечных рукавов тоже сохранил получившиеся неровности, небольшие расхождения (то же можно проследить на табл. 391-а и 392-а). Между заглублениями кирпичной оболочки бемы, имеющими полукруглой формы арки, вверху есть еще проем, о котором ниже.

Вся же остальная часть существующей постройки на запад от линии стыка алтарной части с подкупольными восточными устоями представляет собой монолитную часть новой композиции храма по плану вписанного креста о двух свободно стоящих подкупольных устоях. Она выведена в основном из кирпича, только в гладких поверхностях стен снаружи и внутри имеются отрезки, сложенные из разной формы булыжника или со включением отдельных бу-

лыжных камней (табл. 391 — в стенах угловых частей).

Четыре подкупольных арки имеют стрельчатую форму, как и примыкающие к ним своды рукавов. Окна же в рукавах и входы имеют арки полуциркульной формы (табл. 390 и 391-б). Аналогично этому широкие, низкие арки из западного рукава в угловые части — стрельчатой формы, тогда как малые, высоко сидящие арки из северного и южного рукавов, а также своды за ними — полуциркульной формы.

Купол высокий с восемью узкими и длинными окнами, не совсем правильной формы, хотя все сложено из одного кирпича. Окна с полукруглым верхом, слегка расширяются внизу и вверху. Барабан купола совершенно круглый внутри и снаружи (табл. 390 и 392). Вынос подкупольного кольца сделан из кирпича в несколько рядов кладки; а переход от квадрата к кругу купола образуют паруса, незаметно вливающиеся в основание барабана, т. е. невыделенные вовсе по своей форме, как то видели в предыдущих памятниках данной группы (табл. 392). Внутри каждого паруса был вложен кувшин, облегчающий массив кладки. В обоих западных парусах кладка их против зева кувшина была пробита еще до первого посещения памятника; в последнее же посещение то же было и в северо-восточном парусе; впрочем скрытые в восточных парусах кувшины и раньше были видны изнутри кладки.

Входов в храм — два, один с запада, другой с юга. Примечательно, что здесь и западный вход, как правило размещаемый по оси, сдвинут в южную сторону (ср. табл. 391-б). Каким-либо внешним мотивом для этого установить не удалось.

В угловых западных отрезках помещения имеются в стенах небольшие нишки, перекрытые углом составленными двумя кирпичами точно так же, как и обе нишки во встроенной оболочке абсиды, сужающие проем древних ее ниш.

Угловые восточные части, образовавшие отдельные комнаты с проходом из северного и южного рукавов, сохранились очень фрагментарно, а юго-восточное, можно сказать, совершенно разрушено. Впрочем, уцелевшее дает все-таки определенный материал для суждения о нем. Вход в южную комнату из южного рукава прямоугольный, имел сгнившую, как и в других входах храма, деревянную балку ввер-

¹ См. главу V.

² На табл. 390-а видна оголенная в значительной

части встроенная кирпичная абсида и небольшие части древней постройки

ху, а со стороны самой комнаты вход ниже балки имел арочный верх (табл. 391-а). От стен этой комнаты уцелела часть северной булыжной, другой своей стороной служившая внутренней стеной абсидальной части храма, а также основания выступавшей за линию южного фасада вперед древней стены, и основания восточной, прямой и внутри стены. Но кроме этого, как упоминалось выше, из приложенной внутри абсиды кирпичной части между обеими нишами теперешней бемы, вверху имеется неширокий проем, доходящий до начала свода (табл. 391-а). Так как за этим проемом нет древней стены, выведенной из булыжника, то можно только предполагать о назначении самого проема: вероятно, что он служил проходом в надсводное пространство над южной боковой при алтаре комнатой.

От северо-восточной комнаты уцелела помимо ее южной, общей с абсидой древней стены, сложенной из булыжника, еще северная и восточная стены на высоту роста человека. Они также сложены из булыжника. Восточная стена была внутри так же, как и в южной комнате прямая с одним, по-видимому, довольно широким окном, помещенным, однако, не по центру комнаты. На месте этого окна пролом стены, через который можно войти. Северная стена и здесь выходит за линию северного фасада купольной кирпичной церкви; с ней внутри комнаты смыкается значительная часть западной стены этого помещения древней церкви, также выведенной целиком из булыжника. Вход из северного рукава, более широкий, чем вход в южную комнату, имеет прямоугольный обрез с обеих сторон; сгнившая деревянная балка вверху его находилась внутри комнатки уже в чиненной для кирпичной церкви части. Свод и в этой комнате погиб, но на южной стене комнаты видны обрывки свода из кирпича, сложенного при создании теперешней кирпичной композиции.

Снаружи вся постройка выведена из кирпича со включением кое-где, главным образом по угловым частям, булыжника (табл. 390-б, где булыжника больше, чем на южном). Оба входа в храм украшены аркой из поливных кирпичей сине-голубого цвета в два ряда обычной кладкой, а не плоскостью вперед, т. е. поливой окрашены были только узкие боковые ребра плиток (табл. 390-б)¹. Оба входа, не только южный, но и западный, сдвинуты со средней оси.

¹ Полива дала на двух-трех из них целиком, а на нескольких частично, ирризацию, изменившую цвет в индиго-лиловый.

Перед южным входом выстроен был из булыжника обрушившийся притвор. Кроме того, торчит часть стены от угла притвора, на восток, возможно от придела, тоже из булыжника (табл. 390-а). Северная сторона храма почти примыкает к поднимающемуся здесь уклону горы, в которой, очевидно, была выравнена площадь для здания. Так как уже древняя стена северо-восточной комнаты большей частью закрыта землей, то нужно полагать, что площадка была сделана еще для древней постройки.

Над сводами каждого из рукавов церкви имелись вторые своды под крышу на поперечных сквозных стенках, поверх которых лежала кровля. Это общий прием, известный в реставрациях XVII века в Болнисском Сионе, Урбниси, Мцхетском кафедрале и др. Такие стенки сохранились над западным, южным и северным рукавами и совершенно отсутствуют на восточном. Как отмечено, кровли на этих вторых сводах сильно повышали в наружном облике низкую церковь и сокращали высоту купола, прикрывая его низ. Своды храма в значительной мере разрушены, особенно в угловых частях: над юго-западным угловым пространством — почти целиком, над северо-западным — наполовину. Они были кирпичные, как и все другие своды храма.

Как указано, основное впечатление стройматериала в этой постройке производит кирпич. Весь громадный цилиндр купола выведен из одного кирпича. Только над каждым окном на барабане купола вставлены маленькие неуклюжие по обработке и форме каменные шишки (табл. 390).

Анализ.— Веджинская купольная Квела-Цминда представляет собой яркий пример упадка художественных вкусов этой поздней поры. Задание удержать освященную, очевидно, давностью традиции и почитания руину древней церкви, именно «святой алтарь» ее, не было решено как единое целое в органической художественной композиции. Может быть, существенную роль в этом сыграло желание сэкономить расходы: не напрасно в тонкой алтарной встройке оставлены большие арки, над боковыми комнатами возведены вновь только своды, а в стенах остального здания — можно думать — использован от разобранных частей древнего храма булыжный стройматериал.

В возведении кирпичного храма не видно стремления выстроить точную и правильную по формам постройку. Арки — приблизительно полуциркульной или стрельчатой формы, пару-

са только в общем отвечают обычной форме; даже стены не всегда совсем в линию даны. Окна барабана имеют форму крепостных, башенных бойниц, а не окон — они длинные и узкие и с какими-то немотивированными сужениями, гсп. расширениями. Такова и вся форма купола. Не проявил архитектор также заботы декорировать свое строение. Невыразительные, шаблонные шишки над окнами барабана, да по две примитивных полоски поливных рантиков кирпича над входами — вот и все, что можно назвать как декор этого храма.

Так во всех отношениях проявляется упадочность строения. В нем переживают еще элементы архитектуры, но переживают вразброд, не связанные органически между собою. То, что уже было отмечено как провинциализм и проявление упадка в Матанском Николае, получило здесь усиленное развитие, отеснив все почти, что еще определенно связывало последнюю с церквями Левана и Александра. Именно из сличения с этими и особенно с Матанским Николаем при живучей тенденции высоко вздымающегося купола становится понятной датировка Веджини XVII веком, тем более что на границе XVIII и XIX вв. церковь эта получила новый иконостас, уцелевший в обрывках еще до 20-х годов XX века.

Мне кажется, не эту ли купольную церковь Квела-Цминда в Веджини упоминает описание посольства 1640 года князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию. При следовании из Сигнаха («Кизыка») в Шуамта («Шонту») посольство приходит 8-го августа «под азнаурскую деревню под Кизыклер». По ходу рассказа и деталям описания, видимо, здесь подразумевается именно селение Веджини. Послы отмечают: «Да в той же деревне в Кизыклере церковь каменная, четверугольна, глава шатром, без креста, во имя пречистые Богородицы Одигитрия¹. Церковь была тогда действующей, хотя почти без оборудования; имевшаяся роспись «слинялая», т. е. постройка имела уже определенную давность, по замечанию послов:

это единственно, что противоречит идентификации. Однако, нельзя ли предположить, что полной росписи и не было, а она только предположена послами как обязательная и была только в абсиде (ср. Эски-Базар).

Веджинская церковь Квела-Цминда имеет среди заслуживающих внимания черт также примечательный барабан по своим формам, вытянутости и узким и притом вытянутым же на всю его высоту щелям окон. Близкую параллель к этому куполу я повстречал близ монастыря Ахали Шуамта. На северо-восток от него на пахотном поле стоят близко друг от друга две пары церковок. Первая пара состоит из зальной церкви и пристроенной к ней с юга такой же, но с восьмигранным высоким куполом (диаметр около 1,50 м). В каждой грани — щель на всю высоту барабана. Сложена из булыжника и немного кирпича (22 × 22 × 6/5 см). Во второй паре купол посажен на северную зальную церковь. Эта пара немного крупнее первой. Обе пары представляют собой курьез позднего времени при повышенном индивидуальном «благочестии». Мне кажется, что по времени они совпадают с Веджинской Квела-Цминда.

Но помимо кирпичной постройки в этом сооружении имеются остатки какой-то древней церкви. Форма алтаря ее уже была сопоставлена с особенностями алтаря небольшой, первоначально купольной церкви монастыря Икалто—Самеба. И там, и тут в толще стен против закруглений абсиды устроены, начиная от пола примерно, высокие ниши по плану $\frac{3}{4}$ круга. В Веджини с абсидой связан довольно длинный неф (свыше четырех метров длины), по сторонам которого были длинные прямоугольные помещения. Из этих помещений на запад вели двери.

Конечно, этих фрагментов недостаточно, чтобы предложить уверенно и обоснованно какую-либо реставрацию форм древней церкви, а также уточнить время ее возведения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Церкви рассмотренного только что периода нового времени, времени позднего кахетинского царства, обособившегося с конца XV века, составляют группу, определенно противопо-

ставленную предшествующим эпохам. Общим характерным признаком, общей чертой всех построек данного периода является то, чего нельзя не характеризовать как проявление упадка, слабости творческого акта. И эта слабость сказывается даже на произведениях несомненно самих по себе достаточно видных и интересных,

¹ М. Полневктов. Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—1643 гг. Тб. 1928, стр. 125—126

как только расширим рамки рассмотрения до сравнения их с произведениями предшествующих периодов.

В числе рассмотренных храмов данного периода, в три века длительностью, кажется, можно различить две группы их, являющихся отражением созданного в XVI веке нового феодального порядка, когда царская власть, стремясь опереться на мелкое дворянство и ограничить крупные феодальные роды, вводит на место деления страны на эриставства мелкие административные единицы моуравства при военном делении на четыре воеводства¹. Если от первой половины XIII века имеется большая купольная постройка, несомненно вызванная к жизни крупным феодалом района в Пудзнари, равно как даже еще в XIV веке такую возводит, увековечив притом свое имя на ней, некий Зураб сын Сагины в Сачини, то в XVI веке действительно импозантные церковные постройки возводит царская власть — в Греми, в Ахали Шуамта, в Загеми и в Шихиани. А остальные настолько сильно отличаются от этих размерами и особенно художественностью разработки и качеством работы, что их естественно считать продуктом новых социально-экономических соотношений в стране.

Три крупные постройки — царя Леона, жены его Тинатин и сына их царя Александра — являются непосредственным продолжением по теме, разработанного в предыдущие века и ставшего излюбленным типа крестово-купольного храма о двух свободно стоящих устоях. Таким образом, в отношении плана и соответственно в отношении конструктивных приемов — нет никаких новых заданий. Но наличие художественных исканий наблюдается в ином, чем до того, построении масс и в обостренном соотношении пропорций. Однако, даже эти здания не достигают той степени законченности и мастерства, разрабатывающего с предельной изысканностью все детали членения композиции и ее декоративного убора, не блещут той яркостью созданных своеобразных национальных форм, которые характеризуют грузинскую архитектуру предыдущих эпох. Решенные только в самых общих формах храмы эти доказывают, что архитекторы, создавшие их, все еще четко сознавали и считались с необходимостью не просто закомпоновать постройку, а учесть весь ансамбль, т. е. постановку здания в ландшафте или в городском ансамбле. Дей-

¹ Н. А. Бердзенишвили, Из истории феодальных отношений Грузии в XIII—XVI веках. Тб. 1928, стр. 28.

ствительно, ансамбль Мтавар-Ангелози с дворцовыми палатами в крепостном опоясании на небольшом пике горы — блестящий пример градостроительного порядка, детальный анализ которого был бы ценным вкладом вообще и показателем высокого уровня архитектурной образованности Грузии, даже еще в тяжелые поздние века в частности. Художественно менее ярки, но по продуманности и грамотности столь же четки решения постановки двух основных зданий — храма и башни с колокольней — в монастыре Ахали Шуамта и церкви Агдгома в селении Шихиани, которое получило даже свое позднейшее наименование от церкви.

Пространственное решение интерьера этих храмов продолжает и развивает еще дальше характерную для грузинской архитектуры тенденцию исторического развития, именно тенденцию стремления ввысь, которая особенно ярко выявилась как раз в Кахетии и которая достигла, пожалуй, своего максимального напряжения именно в рассматриваемых постройках и примыкающих к ним.

Характерной чертой всех построек данной группы является единство применяемого строительного материала. Они воспринимаются глазом, как кирпичные постройки: кирпичные — по противоположному с каменными общему впечатлению рисунка кладки, расцветки масс, их декоративных элементов и приемов; кирпичные — и по фактическому применению кирпича во всех видных, решающих для впечатления частях и плоскостях. Этот строительный материал определяет вполне сознательное творческое усилие архитекторов в формировании новых форм и новых архитектурных деталей, которые, однако, существенно разнятся от предыдущего архитектурного развития страны. Он же определяет и характер и частности декоративной системы, введенной теперь тремя царскими постройками и — в сильно сжатом и урезанном виде — применяемой также в ряде построек попросте того же XVI и следующих веков.

Эта новая декоративная система, согласованная с основным строительным материалом, преследует разбивку каждого фасада на отдельные, слегка заглубленные поля. Каждое такое поле в свою очередь частично разделено комбинацией стрельчатых арок с лизенами и с оконными проемами, и т. д. Но такая декорация, развернутая по всей плоскости фасада, только основным своим членением считается с последней. Членение же каждого выделенного поля идет самостоятельно, оно раздроблено и мелко. Таким образом, как целое, дан-

ная декоративная система не служит повышению монументальности строения. Она создает значительную игру света и теней по плоскости фасада и таким нивелированием частностей выдвигает, подчеркивает легкую, живописную вибрацию теней и переливов, а не монументальность целого и его декора.

Но рядом с этим течением большой архитектуры XVI века, сохранившиеся памятники выделяют еще второе течение. И во главе их стоит также одна постройка по заказу царя Леона — именно Загемская церковь на Базаре (Бахтало). Она и примыкающие к ней архитектурно, как Матанский Николай и Алванская Самеба, создают наружные массы в совершенно гладких, простых, ничем не украшенных стенах. Эта особая вторая струя эпохи проявляется в значительной мере также и в большой колокольне монастыря Шуамта, в башне с колокольней в Греми и в отдельно стоящей, построенной по всем данным ранее купольной церкви Агдгома, двухэтажной колокольне. Правильно будет включить в состав именно этой архитектурной установки так же и постройку купольной Квела-Цминда в Веджини.

Как естественно, между этими двумя течениями с ярко обозначенными индивидуальными подходами были и примеры взаимного влияния. Такими можно считать Алванскую Самеба и Ведревиса в Тараки. Корпус одной и другой в значительной степени приближается к решению Загемской и Матанской церквей; но все-таки в нем вкраплены отдельные декорирующие элементы, разработанные впервые в Шуамта и усвоенные в примыкающих к ней Греми, Агдгома, Чикаани. Особенно же ярко воздействие этого течения в оформлении названных двух храмов сказалось в уборе барабанов купола. В Загеми и в Матани барабаны подчеркнуты просты, гладки с четкими углами восьми граней и с круто поднимающимся восьмigrанным шатром из наклонно поставленных кирпичей, т. е. выявлен рисунок кладкой и отенен красочно. Единственным украшением являются подчеркивающие горизонтальные линии кладки и расположенные в верхней трети барабана простые же, кирпичной кладкой созданные узорные пояса и карнизы из ширими; в Загеми это дополнено легким убором диагональных граней имитирующей оконный проем аркой. В Тараки же и в Алванской Самеба декоративная разделка барабана стоит в значительной мере ближе к разделке зданий первого течения — на углах граней выделены полуколонки, объединенные поверху рядом арочек на каждой грани, поддерживаемых консольками,

а на Самеба и другие еще тяги. Отметим тут же, что поздняя, XVIII века, постройка в Ахатели является перепевом этих, хронологически, судя по архитектурным данным и по исторической ситуации, связанных между собой и возведенных за три четверти века до разорения страны Шах-Аббасом, зданий.

Таким образом, в обоих течениях большой архитектуры данной эпохи в Кахетии купола сохраняют свое доминирующее значение и декоративную разделку так же, как и раньше, начиная с древнейших сохранившихся примеров. Ведь уже купол в Некреси или Озаани в какой-то мере отделан снаружи, представляя несомненно самую главную часть в наружном облике здания. То же продолжается и в X—XI веках, как видно по куполам в Кисисхеви, Бочорма и Кветера, и позднее, в XIII или XIV веках, в Пудзнари, Карданахи и Сачини. Так же и в это позднее время барабан отделан по граням той или иной разделкой, хотя бы, как в Матани и в Базаре, верхних, надоконных частей до карниза. То же имеет место и в таких совсем поздних постройках, как в Ахатели. Только в Веджини исчезает специальный декор барабана вместе с исчезновением граненности его, хотя и на нем со значением украшения сверху вставлены шишки из камня.

Помимо выполнения задачи возведения крупных новых храмов, царская власть осуществила в XV веке громадную и сложную работу по реставрации Алавердского кафедрала с восстановлением всего барабана и купола. Работа выполнена была в кирпиче, барабан отделан, конечно, в том же общем характере и даже в деталях, как Греми, Ахали Шуамта или Агдгома. Кроме того, в этом же XV или XVI веках были проведены и во многих других крупных постройках предыдущих эпох — в Нино-Цминда, Икалто, Карданахском Саба-Цминда, Хирссском Степан-Цминда — значительные ремонтные работы, вполне совпадающие с общими принципами времени и выполненные общим для эпохи стройматериалом — кирпичом. Тогда же Леон и Тинатин возвели две постройки, составляющие продукт выдающегося художественного творчества, самостоятельного и ярко, с развитием тех же общих принципов: это высокие, многоэтажные башни с киоском колокольни вверху, выведенные в ограде Нино-цминдского кафедрала и монастыря Ахали Шуамта¹. А к ряду других церквей были построены достаточно крупные колокольни (Ле-

¹ О них ниже, в гл. X

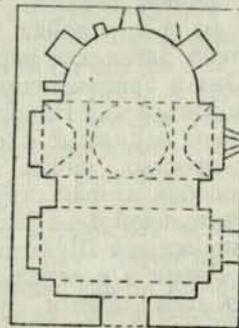
лиани, Алванский Натлис-Мцемели, Акура и др.).

Таким образом, на всех архитектурных на-тинаниях эпохи нового кахетинского царства, с его экономическим подъемом в XVI веке, лежит печать художественного единства, хотя, как было подчеркнута, архитектура Кахетии XVI—XVIII веков и не достигает той чеканной законченности и отработанности во всех деталях, какие выдвигают в разряд редко достигаемого вообще совершенства произведения вершины двух стилистически четких, более ранних эпох в истории развития грузинского искусства. Архитектура XVI—XVIII веков отмечена ослаблением творческих исканий и достижений, упрощением декоративных подходов и ослаблением декоративного вымысла, упрощением и ослаблением мастерства. В планах и общих формах храмовых сооружений по существу не замечается внутреннего роста, а проявляется, напротив того, какая-то усталость. Та же усталость, известная творческая вялость архитектуры XVI—XVIII веков проявляется также и в декоре, формы которого определяются теперь иным строительным материалом — кирпичом. При всем том, однако, творческие интересы не были убиты ни предшествовавшими веками тяжелых испытаний, ни в дальнейшем страшными опустошениями Шах-Аббаса в XVII веке или лезгинами в XVIII.

Показательным примером этих неиссякающих творческих интересов является небольшая церковь селения Манави, расположенная ниже крепости. Она построена, согласно надписи, в 1794 году настоятелем Гареджийского монастыря Натлис-Мцемели Евфимием¹. Это по внутреннему пространству зальная церковь, но с куполом на барабане. По наружному облику она покрыта двускатной крышей, из которой по северному и южному фасаду выступают как бы рукава крестового плана, а между ними изящный, украшенный полуколонками и арками восьмигранный барабан с пирамидальным завершением. Все из кирпича. Куполок на барабане и своды сложены из кирпича, а остальной корпус — из булыжника и ширими. Куполок занимает только половину ширины зальной церкви. Он утверджен посредством парусов на подпружной арке и на арке конхи; остальные части того же отрезка свода церкви, в средней части которого помещается куполок, поднимаются от северной и южной стен распалубкой.

¹ В научной литературе она обсуждалась только проф. Л. М. Меликсет-Беком в его статьях по археологии Гареджийского монастыря (Сахалхо-Сакме, от 23.IX.1920 года, № 933), где он приводит десятистроч-

Все арки сводов имеют небольшую стрелку. Западный отрезок свода выложен, начиная от стен до среднего квадрата, горизонтально лежащими рядами кирпича, середина же выложена на квадрат, подчеркивая этот рисунок. Таким образом, как в создании внутреннего пространства и в конструктивном решении его,

Манави. Схема плана.

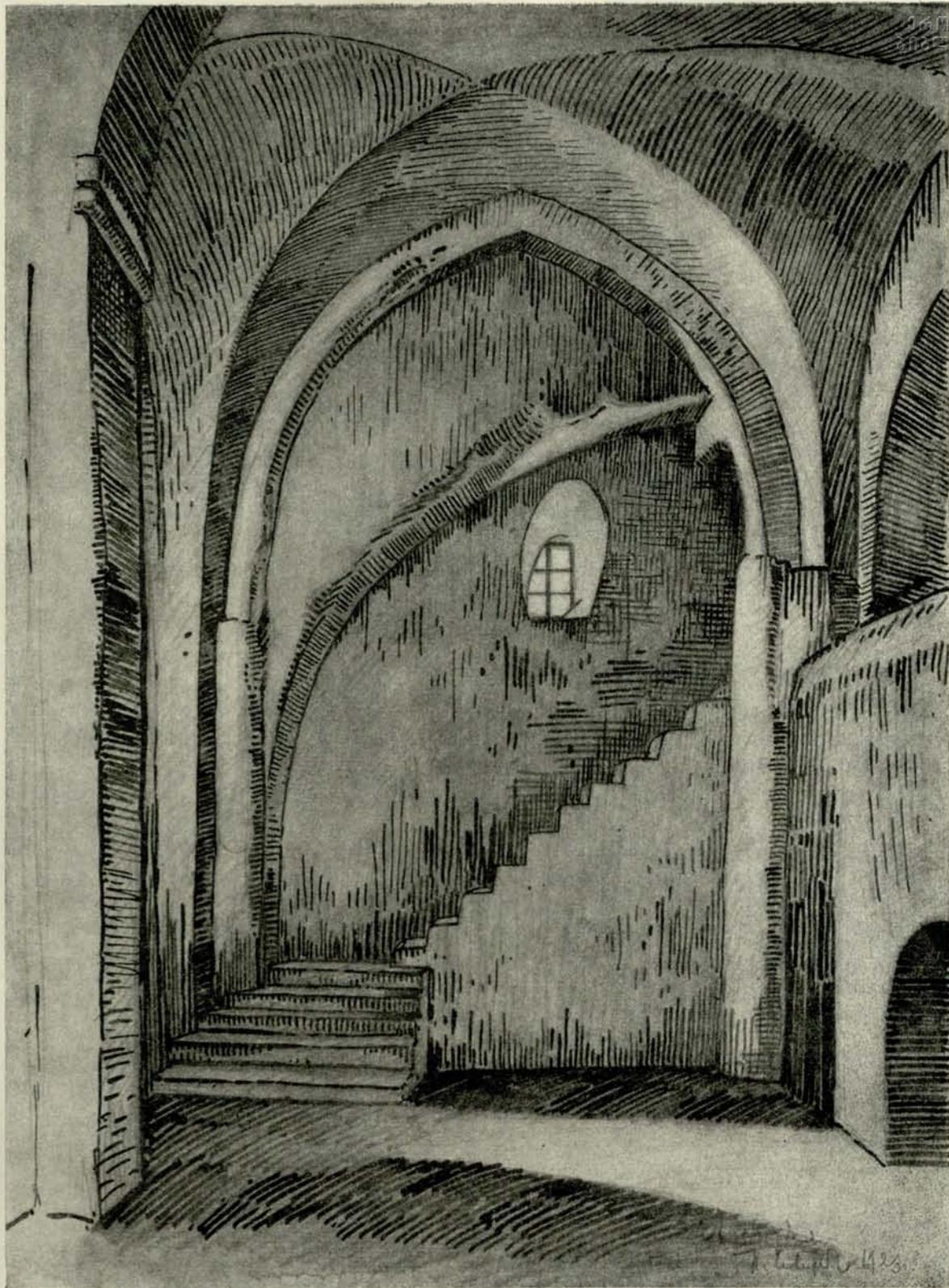
так и в декоре наружного облика и его масс эта церковка обнаруживает, несомненно, оригинальность и своеобразие замысла.

Надпись этой церкви по напечатанному в 1920 году проф. Л. М. Меликсет-Беком с раскрытием титл тексту гласит: ქალწულებისა ყუბა-ილიან ხატთან და ბრწყინებულბამ ღმრთისა მამისა ყოველთა არსთა ზედა, ღმერთიან სიტყუამან მაყვლისაგან ცეცხლ-მგზებარისა ღმრთის-მშობელისა მიერ გამოჩინებით მყოფთამი განახლებით მაცხოვარება, რომლისა საღმრთო ორღანოდ გვიჩინა წმიდანი ეკლესიანი, დროსა უმაღლესის კელწიფის საქართველომსა და სხუთა, მეფის ირაკლის მეორისას, მოწყალებით ქრისტე ღმრთისათ, აღუაშენე დედისა ღმრთისა შობისა წმიდა ეკლესია მრავალ მთის ნათლისმცემლის მონასტრის, მონასტრის ადგილსა შინა, ნათლის მცემლის მონასტრის არხიმანდრიტმან ეფთიმო, სადიდებელად საწმიდაობასა შინა მხოლომსა მეფებისა ღმრთისა მამისა, ძისა და ყოველად წმიდისა სულისა და დედისა ღმრთისა და პატივად დიდებულის ნათლის მცემლის იოანესით, ქრისტეს აქეთ ჩლე[დ] და ქართველსა ქრონიკონსა უბბ[=482+1312=1794].

ную надпись с южного фасада и внутренние размеры в шагах — 12×7, а наружные — 16×10. При моем осмотре этой церкви 18.III.1951 года плиты с надписью в нише над дверью уже не было.

Рассмотренные памятники этой эпохи, примерно трех с лишним веков, отмечены несомненным в том или ином объеме приспособлением художественных импульсов, шедших из искусства сефевидского Ирана; но эти импульсы и отдельные формы перерабатываются и приспособляются сообразно своим требованиям. Именно, в той легкости переосмысления и использования чужих деталей на службе своих, иных потребностей, которую видим во всех этих постройках Кахетии, отчетливо выявляется творческая самостоятельность и значительная еще активность наших зодчих. Смелость вытягивания пропорций зданий, а в купольных церквях — барабанов куполов, согласованная с упрощенными формами такая же упрощенная, и одновременно измельченная и легкая, декоративная разделка фасадов и куполов; умелая, сознательная постановка зда-

ний в наличном окружении — все это способствует тому сильному впечатлению, подчас возмущающему, которое производят и эти еще сооружения грузинской архитектуры. Как было отмечено, в общем все они пронизаны цельностью декоративного — можно сказать — подхода, который направлен на возможное выявление легкости и игривости, на создание мелкой и легкой, простенькой разделки в частностях. Это позволяет видеть в произведениях этого периода выявление тех же тенденций, что и в европейском рококо, причем они явственнее выступают в XVIII веке (особенно подкупольные опоры в Ахатели, вся композиция в Манави и т. п., впрочем сюда же тендируют и общие формы храма в Тараки), и создают естественный переход к дальнейшим путям архитектуры Грузии в новых, после воссоединения с Россией, условиях.

АЛАВЕРДИ. Крестовый свод и начало лестницы на хоры

Рисунок Н. П. Северова

ГЛАВА IX

ОТДЕЛЬНЫЕ СТРОИТЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ ЦЕРКВЕЙ КАХЕТИИ И ИХ МЕСТО В ОБЩЕМ РАЗВИТИИ ИСКУССТВА

Мы рассмотрели в систематическом изложении церковную архитектуру Кахетии. Именно в ней сохранилась до нашего времени почти непрерывная картина развития архитектуры в Кахетии. В трех течениях ее церковной архитектуры выявилось ясно и наглядно богатство и разнообразие творчества на всем доступном обозрению протяжении веков, закругляющегося во вполне законченную, целостную картину. Но, конечно, церковной архитектурой не ограничивается весь запас архитектурных исканий Кахетии и нам необходимо обратиться еще к обзору и других форм.

Помимо монастырских и отдельных церквей в Кахетии сравнительно рано уже появляются колокольни. Сперва это только пристройки или надстройки на кровлях храмов, но затем появляются и совершенно самостоятельные постройки, как колокольни. При этом в них, несомненно, замечается объединение различных целей здания, а не только одна функциональная потребность колокольни; соединение разных назначений в этих сооружениях не-

¹ Правда, я постарался представить все памятники, которые были обследованы лично мною. Но этими памятниками не исчерпывается известный мне набор храмов монументальной архитектуры в Кахетии. Ряд таких я смог осмотреть лишь мимоходом. Некоторые упомянуты в настоящем исследовании. Другие входят

сколько обогащается с течением времени. Здесь в этой архитектуре, являющейся в значительной части также еще церковной, имеется все-таки некоторый запас памятников, который дает возможность уловить ход развития самой архитектурной темы. Но совсем лишены мы этого в дворцовой архитектуре, для которой есть несколько примеров одной эпохи, а затем примеры совсем другой. Точно так же и крепостная архитектура при плохой сохранности древних крепостей пока ничего не дает определенного в отношении выявления развития этой архитектурной темы. Что же касается таких архитектурных тем, как монастырские библиотеки, учебные заведения (академии) и пр., то о них у нас еще меньше материала.

Таким образом, если в церковной архитектуре мы могли продемонстрировать полсотни памятников, вовсе не исчерпав при этом всего наличного запаса их¹, и получить благодаря этому вполне законченную картину развития ее, то иначе обстоит дело с теми памятниками, которые обслуживали другие общественные

в список храмов, по-видимому, также относящихся к числу большой архитектуры. Я именно подчеркиваю, что эти 2—3 десятка храмов по имеющимся данным памятники большой архитектуры, а не рядовые, мелкие церковки в одну залу, находящиеся — иногда десятками — почти в каждой деревне или около,

нужды помимо религиозных. Так как сохранились лишь совершенно случайно строения того или иного времени, то они дают только некоторый, случайный же, неполный, а главное не связанный между собой на всем протяжении истории материал, так что невозможно получить целостной картины развития архитектурных форм в зданиях названного назначения. Поэтому на эти части нашего исследования приходится смотреть только как на дополнение к изложению архитектуры Кахетии. Это только материал, который останется, быть может, навсегда фрагментарным и никогда не достигнет такой полноты и закругленности, как церковная архитектура, но который все-таки с течением времени несомненно еще пополнится и при сравнительной обработке с подобным же материалом из остальной Грузии даст возможность тоже получить целостную картину развития каждой из этих архитектурных отраслей.

Ввиду указанной фрагментарности материала по темам дворцов, замков, крепостей, а отчасти также и колоколен, я считаю необходимым прежде чем приступить к его описанию, дать сводный обзор основных элементов церковной архитектуры в Кахетии. Это обобщение выявит кардинальные особенности и характерные приемы и методы архитектуры в Кахетии. Они уделяют ей в общем развитии грузинской архитектуры особое место. А вместе с тем это обобщение явится при исследовании фрагментарного материала других архитектурных тем важным орудием для прецизирования хронологического приурочения этих памятников к той или иной группе памятников церковной архитектуры. Правда, уже здесь же нужно отметить, что как раз архитектура других тем да-

леко не использует всех конструктивных элементов, которые характерны именно для церковных построек Кахетии, а, наоборот, применяет подчас вместо них другие, неупотребительные в церковной. Таким образом, общим является в церковной и остальной гражданской архитектуре Кахетии только часть элементов. Это, однако, показывает, как опять здесь с полной яркостью подтверждается тот факт, который был отмечен уже в начале нашего исследования, факт, таким образом, характерный для всего архитектурного творчества зодчего в Кахетии, как и в остальной Грузии: а именно здесь, как и в архитектуре церквей выявляется продуманность до конца особенностей тех архитектурных форм, особенно назначению здания или его частей, которые разрабатывались зодчим, выявляется полная согласованность композиции и архитектурных элементов, служащих ее выражению и организации форм. Вот почему в зданиях светского назначения частью применяются вполне отличные от установившихся в церковных строительные элементы и мотивы: они согласованы, связаны с иным назначением здания и совершенно иной композицией его. Но о них ниже. Здесь же необходимо остановиться на обзоре тех архитектурно-строительных элементов, которые оттеняют самую суть архитектуры церквей Кахетии, которые составляют ее характерную физиономию и, таким образом, могут определенно установить соотношение ее к общему развитию искусства христианского мира. Таковыми являются те или иные формы арок, системы сводов, включая также и купол, и, наконец, некоторые мотивы декоративного убранства.

1. ФОРМЫ АРОК В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ КАХЕТИИ

Формы арок являются в архитектуре Кахетии элементом чрезвычайно характерным, ярким. Вся сплошь длинная ее история проходит под флагом «арки», как элемента тектонического, так и декоративного. И в обоих направлениях повторяются те же, в частности, формы. Формы эти, однако, не остаются на протяжении всей истории одними и теми же; напротив того, некоторые из них являются характерными только в ту или иную эпоху. Одна лишь полуциркулярная арка остается в употреблении наравне с теми или иными специально

применяемыми в определенную эпоху формами в течение всей доступной нашему обозрению истории развития архитектуры в Кахетии.

1. Полуциркулярная арка. — Полуциркулярная арка характерна, как сказано, для всех периодов архитектуры Кахетии. Она встречается, другими словами, наравне с арками других более специфических форм. Этим вместе с тем сказано, какое колоссальное значение имеет данный архитектурный элемент. Без арки нет строения в Грузии; если, как уви-

дим ниже, и есть такие постройки, где нижний этаж перекрыт был не сводом, а плоским потолком, то окна и двери, а также стенные нишки-полочки имеют всегда арочные вверху завершения.

Полуциркулярная арка, как тектонический элемент, имеет наибольшее значение в качестве подпругной арки свода. Нет почти ни одной церкви в Кахетии, чтобы мы не могли отметить в ней подпругных арок полуциркулярной формы.

Далее она в большом ходу для оформления дверных и оконных проемов, а отсюда получается переход и к ее декоративному применению. Для отделки дверей с частично плоским перекрытием или по крайней мере с заполненным люнетом употребляется часто полуциркулярная арка. Точно также и для оформления по фасадам маленьких оконных отверстий с плоской перемычкой нередко применяется наружный камень с высеченным в нем арочным отверстием.

Так арка из конструктивной становится чисто декоративной. Полное такое развитие она получает в среднюю эпоху расцвета, когда фасады кахетинских церквей получают частично сплошную облицовку ширими, оттененную аркатурами на декоративных полуколонках. Это имеет место в Алаверди, Кветера, Бочорма, на барабанах куполов Кисисхевской Квела-Цминда, Пудзари, Сачини, Карданахи и как в провозвестнике этого явления на восточном и западном фасадах монастырской церкви Мама-Давид близ Акура и на восточном фасаде двухкупольной Гурджаанской Квела-Цминда.

Как в церковных постройках и их декоративной отделке широко применяется полуциркулярная арка, так она встречается и в алтарных преградах и др. Так, алтарная преграда в купольной церкви Дзвели Шуамта (XI века), или преграда (XVI века) в Акура имеют такой формы дверные пролеты.

Нужно здесь же отметить, что полуциркулярная арка нередко соединяется и в архитектуре Кахетии с некоторым удлинением основания ее, т. е. получается подвышенная арка. Но и эта форма, как явление недостаточно специфическое, а просто естественное, не может служить отправным пунктом каких-либо установлений.

¹ Конечно, этими памятниками не ограничивается распространение подковообразной арки в храмах Кахетии. Она имеется в церкви Джвар-Патносани крепости Горгасала в Уджарма, даже в сильно перестраи-

2. Подковообразная арка. — В противоположность полуциркулярной арке подковообразная имеет распространение только в определенное время, именно в начальный период архитектуры Кахетии, как это характерно для остальной грузинской архитектуры, а также и архитектуры Армении.

Уже древнейшие памятники Кахетии — некоторые из них, конечно, но не все, — которые относятся к IV, V, VI векам, как первоначальная базилика Некресского монастыря, Карданахского святого Саввы и Квела-Цминда в Дзвели Гавази, показывают нам определенно выраженную подкову в арках. То же наблюдается в Икалтойской Самеба, Зеганской ц. св. Марины, в Кацаретской Самеба, в Кондамиани и в кладбищенской Сиони в Шильда в ц. св. Шио в Сабуэ; далее в VI—VII вв. в Зегани, в базилике сел. Вазисубани, в базилике мон. Квела-Цминда близ Вачнадзиани. Имеется она в VIII—IX вв. в базилике Иоанна Зедазенского, Акурского Мама-Давид, в двухкупольной Гурджаанской и в купольной церкви Вачнадзианского монастыря Квела-Цминда, в купольной церкви Варцанийской Квела-Цминда, в купольной церкви Некресского монастыря. Наконец, она же встречается в главной церкви в Икалто, в базилике Вазисубанского монастыря Санагире и в купольной Амаглеба за селением Озаани. Этим ограничивается закономерный непрерывный ряд памятников.

Таким образом, здесь налицо совершенно определенная, недвусмысленная картина. Подковообразная арка применяется в древний период и притом на всем его, доступном нашему суждению, протяжении с конца IV века и вплоть до X. Затем она исчезает, чтобы не появляться более с момента перехода от древних форм к формам расцвета грузинской архитектуры, в частности в Кахетии¹. Применялась эта арка не только в конструктивных частях, но и как сплошная декорация фасадов, как, напр., в Гурджаанской Квела-Цминда, или для оформления дверей и окон.

Эти хронологические рамки чрезвычайно показательны. Подковообразная арка, как конструктивный момент, впервые появляется только в христианскую эпоху и преимущественно в христианских же зданиях². При этом характерной особенностью более поздних зданий яв-

вавшейся Телавской церкви Гвтэба в пределах Корчибашевской крепости, и др.

² Sarre-Herzfeld. Iran. Felsreliefs, S. 235. Ср. также заметку Prof. Dr. G. Jacob, Die Wanderung

ляется резче выраженная подковообразность¹. Подковообразная арка часто встречается в церквях Малой Азии², а также в Сирии³ и в Месопотамии⁴. Это — поскольку мы останавливаемся на рассмотрении памятников христианской Азии. В Европе, в то же время, т. е. до VIII века примерно, мы находим ряд примеров в Италии⁵, Швейцарии⁶, Франции⁷, и, главным образом, в постройках вестготов Испании⁸.

Все это — в пределах указанного времени до конца VIII — начала IX веков. В более позднее время подковообразная арка получает действительное распространение в мавританской архитектуре на почве Испании⁹, имея впро-

чем, конечно, ряд выдающихся примеров: в других ветвях исламского искусства¹⁰.

Можно ли при данном состоянии говорить о происхождении подковообразной арки из того или иного определенного географического района? Ведь помимо конструктивного применения подковообразная арка встречается — и притом значительно раньше — в исключительно декоративном применении. И это на совершенно противоположных концах азиатско-европейского мира. С одной стороны, она часто украшает пещерные храмы Индии гандхарского периода, начиная с III века до н. э. и доходя до VII в. нашей эры¹¹. С другой — подковообразная арка украшает малоазиатские саркофаги¹², надгробные памятники и урны римского искусства в Испании¹³, т. е. первых ве-

des Spitz- und Hufeisenbogens, in: Beiträge zur Kenntnis des Orients, Bd. II, Jahrbuch der Münchener Orientalischen Gesellschaft, 1904/05, herausgegeben von H. Gröthe, Halle a. S. 1905, где подковообразной арке отведены стр. 57 и 58.

¹ Iranische Felsreliefs, S. 235. Э. Херцфельд полагает, что появление подковообразной арки, чего пока еще нельзя точно установить, находится в известной мере в зависимости от „подвышенной арки“ и что она развилась из форм декорированной конхи.

² Strzygowski, Kleinasien; W. Ramsay a Bell, The 1001 churches, 1909, pp. 76 a. 82; 91 a. 92; 124, 158, 159, 165 a 166; 219, 384; H. Rott, Die kleinasiat. Denkmäler, 1908, S. 104, 167, 183, 188, 194, 266, 277; Miss Bell, Notes on a journey through Cilicia and Lycania, in: Revue archéol. P. 1906, t. VIII, art. 3 et 4; S. Guyer, Byz. Zt., XXXIII, 1933, S. 319—320, оттеняет, что подковообразная арка очень распространена как в Ликаонии, так и в Каппадокии; однако, полагает, что она в центре Малой Азии появилась из северной Месопотамии.

³ M. de Vogué, La Syrie Centrale, pl. 33; 91 (et p. 113), H. C. Butler, 1903, p. 228 a. 229 (Ruweha, VI век); p. 141—142 (Dana 483—или 510—года, обмеренная Тексье, повторена и у Глюка, Abb. 21—22); H. C. Butler, 1909—22, II B, где она показана опять в Рувеха (pl. XV и XVI), затем в западном мон. Der Siman (p. 270, ill. 291, 292), в Burdj Hedra (p. 291, ill. 313, 314) и в Batuta (p. 330, ill. 374) и отдельные внутренние разгрузные арки входов в форме подковы в Калат-Симане (pl. XXIV). H. W. Veuer, Der syrische Kirchenbau, Berlin, 1925, S. 167, (159 и 52) оттеняет малое распространение ее и высказывает предположение о проникновении ее в Сирию из Месопотамии и с севера; в последнем пункте повторяя высказанное еще H. Glück-ом, Der Breit- und Längsbau in Syrien, 1916, S. 77, мнение.

⁴ Miss G. L. Bell, in: M. van Berchem и J. Strzygowski, Amida, Heidelberg 1910, S. 237 и 238; 244; 249 и 250; G. L. Bell, Churches and Monasteries of the Tur-Abdin, 1913, p. 69, 72 и рис. 34 (Mar Jacob); C. Preusser, Nordmes. Baudenkmäler, 1911, Taf. 49—51; 62—65 (Der ez-Zaferan); Sarre-Herzfeld, Arch. Reise, II, 1920, S. 336—345, Abb. 316, 317, S. Guyer (Byz. Zt., XXXIII, 1933, S. 319—320), оттеняя наличие в базиликарии в Низибине подковообразной арки, датированной определенно и точно на 359 год, склоняется считать приоритет за христиана-

искими постройками Месопотамии, а не Малой Азии и сасанидским Ираном.

⁵ Campanile di S. M. della Cella in Viterbo, начала IX века: T. Rivoira, Orig. 1908, fig. 278, p. 206; A. Haupt, Die Kunst, insbes. Baukunst der Germanen, 1923, S. 98.

⁶ В каролингскую эпоху: Altai-Iran u. Völkerw., S. 239 со ссылкой в примечании на книгу A. Haupt, 1908; 2. Aufl. Berlin 1923, S. 260—261 (Мальс в Тироле).

⁷ Жерминьи-де-Прэ около Орлеана: P. Clément, Die romanische Monumental-Malerei in den Rheinlanden, 1916, S. 54—9 и 713—715; J. Strzygowski, Der Dom zu Aachen, 1903, S. 39 сл.; Altai-Iran, 1916, S. 290—1; Die Baukunst der Armenier, 1918, S. 767—8; 756; A. Haupt, S. 254—260 и Abb. 174—178. А памятники на Луаре: Altai-Iran, S. 289.

⁸ Постройки вестготов перечислены в книге A. Haupt, с. 98—9, ср. Strzygowski, Baukunst der Armenier, S. 756, 626; H. Glück, Ursprung des römischen u. abendländischen Wölbungsbaues, Wien, 1933, S. 185 и Abb. 101, 102; A. Haupt, ст. Zt. f. Gesch. der Architectur, Bd. IV, 1911, стр. 220 сл., оттеняет, что между ранними „Мозарабскими“ постройками Испании и вестготскими с трудом возможно провести границу.

⁹ Saladin, Manuel d'art musulman, Paris; Franz-Pascha, Baukunst des Islam: Rivoira, Architettura musulmana, 1914; E. Diez, Die Kunst der islamischen Völker, Berlin, 1926, S. 48.

¹⁰ E. Diez; Rivoira, A moslem architecture, 1918, p. 148.

¹¹ Rivoira, A moslem architecture, p. 110—113, 148—153 (со ссылкой на труды Foucher, Vincent A. Smith; Fergusson и др.). Strzygowski, Baukunst der Armenier, 626; E. Diez, S. 27—37; E. Diez, Die Kunst Indiens (Handbuch der Kunstwissenschaft), passim (обобщение, стр. 101); С. И. Тюляев, Архитектура Индии, М. 1939.

¹² Так саркофаг муз. из Villa Matthei в Риме, III или IV в.: T. Rivoira, Mosl. arch., fig. 115—116 и текст с. 135; Rivoira, Orig., 1908, fig. 362; A. Riegl, Spätromische Kunstindustrie, 1923, S. 148—152 u. Abb. 26.—Aug. Choisy, L'art de bâtir chez les Byzantins, 1884, p. 166 note пишет о применении подковообразной арки, как декора погребальных стел, виденных им во Фригии.

¹³ Rivoira, p. 135—136 a. fig. 117; A. Haupt 1923, Abb. 116 и S. 99 (около 400 гсда).

16.03.2019
10:21:03

ков христианской эры. Конечно, она встречается также в рукописях, начиная с сирийского евангелия Рабулы 586 года и далее в рукописях VIII, X, XI и т. д. веков¹, как мотив декоративной разделки канонов и пр.

Несмотря на указанное положение исследователи не раз уже останавливались на вопросе происхождения подковообразной арки. Распространенный взгляд о том, что она есть творение исламской архитектуры, сегодня можно считать, конечно, единогласно отвергнутым. Применение подковообразной арки в древнехристианских постройках насчитывает настолько большое количество примеров, что вызывает дальнейшее углубление интереса, найти этапы развития в дохристианскую эпоху. И это тем более, что имеются разрозненные примеры применения ее в постройках эллинистических, как в Европе, так и в Азии². Но для установления этапов развития это пока не удается никак использовать и, отчасти в связи с этим, исследователи пытались выяснить те разнородные причины, которые привели к применению подковообразной арки в каменной архитектуре, чему содействует декоративность ее формы вообще, и значительное число примеров исключительно декоративного применения ее в древнее время.

Ряд гипотетических предложений по данному вопросу выдвигал Стриговский в разные этапы своей исследовательской работы. Они являются очень показательными и важными в отношении углубления нашего знания. Так, прежде всего в своем исследовании древнехристианской архитектуры Малой Азии Стриговский утверждал, что и Иран должен был применять подковообразную арку

(muss verwendet haben), что именно это поясняет ее распространение в Каппадокии и Исаврии, в раннеисламском и армянском художественных кругах; правда, он тут же ограничивает свое утверждение, заявляя, что еще неизвестно какого, собственно, она происхождения — хеттского, месопотамского или же иранского³. В противовес утверждению Стриговского Эрнст Херцфельд отрицает персидское происхождение подковообразной арки⁴, настаивая на отсутствии ее в каком-либо втором, помимо Так-и-Гирра, памятнике Ирана⁵. Так-и-Гирра, впрочем, является наиболее древним примером ее конструктивного применения, хотя время построения не может быть точно определено, но — по мнению Э. Херцфельда — оно относится скорее к концу селевкидской, чем к арсакидской эпохе⁶. Теперь благодаря раскопкам в Ктезифоне обнаружен еще один иранский памятник, уже сасанидской эпохи с двойной подковой. Это фрагмент VI века в Maaridh⁷.

Однако, действительно, дальнейших несомненных примеров Стриговский не смог в свое время привести в Иране; он склонился, видимо, таким образом затем при изучении месопотамских древностей к признанию месопотамского происхождения подковообразной арки, часто встречающейся в тур-абдинской группе памятников⁸. Позднее Стриговский считал одним из корней подковообразной арки Индию⁹, а с другой стороны говорил, что «её первое строительное в камне применение идет впрочем, вероятно, из Армении и внедряется отсюда в Северную Сирию и Малую Азию, а также и в пограничные районы, наконец, вместе с готами вплоть до Испании»¹⁰.

личность подковообразной арки во дворце Фируз-абад показанной у Льелафуа, Херцфельд отрицает, отмечая, что это ошибка, произошедшая от состояния разрушения памятника.

¹ Op. cit., p. 235: auf keinem anderen Bau in ganz Iran findet sich ein zweites Beispiel dieser Bogenform

² Iran. Felsrel., p. 234, cf. 224.

³ O. Kühnel, Ausgrabungen der 2. Ktesiphon-Expedition, Vorläufiger Bericht, Berlin 1933, Abb. 4, S. 8; S. Guyer, Byz. Zt., 1933, Bd. XXXIII, S. 320, Anm 20.

⁴ Amida, p. 267 — Херцфельд определил позднее, как древнейший датированный памятник с подковообразной аркой в Месопотамии баптистерий 359 г. в Низибине (Arch. Reise, II, S. 341—5 u. Abb. 316—317).

⁵ Altai-Iran, S. 289, Note, 5. Baukunst der Armenier 625—6.

⁶ Seine erste bauliche Anwendung in Stein freilich geht wohl von Armenien aus und dringt von dort in Nordsyrien und Kleinasien, aber auch nach den angrenzenden Gebieten, endlich mit den Goten bis nach Spanien vor (Baukunst der Armenier, S. 626). Та же мысль уже намечается им в Altai-Iran, S. 289.

¹ Rivoira p. 136—137; ср. илл. Altai-Iran, S. 215 и. 283, Abb. 181 и 228; Baukunst, S. 65. Abb; Nordenfalk, Kanonestafeln, 1938.

² O. M. Dalton, East chr. Art, 1926, p. 88, приводит (по Dehbrück-у) ссылку на эллинистическую постройку в Киузи III или II века до н. э. Подковообразная арка на воспроизведенной у Н. С. Butler, Syria, II В. p. 300, pl. XXV, усыпальнице римской, построенной не позже II века н. э. в Брад в Сирии. То же J. Mattern, A travers les villes mortes de Haute Syrie, Beyrouth, 1933, p. 110 et pl. XXXIV, 2 et fig. 24. Ср. еще цитируемую ниже Так-и-Гирра в Иране. Быть может, стоит упомянуть, что иногда создается зрительная иллюзия подковообразной арки; так напр., в помещении библиотеки в античных развалинах в Nyssa ad Maeandrum Малой Азии (периода Римской империи), где благодаря сходящимся скосам пята у полуциркулярных арок создается такое впечатление (Jahrbuch des Deut. Archäol. Instituts, Ergänzungsheft X Berlin 1913, Abb. 21, S. 49 u. Taf. VIII—X).

³ Strzygow ki, Kleinasien, 1903, S. 29—31, (101).

⁴ Sarre—Herzfeld, Iran. Felsreliefs, S. 129; на-

Таким образом, по-видимому, и Стриговский согласился в это время с тем, что подковообразная арка получила свое распространение не из Ирана. Впрочем, для него более важным стало утверждение, что в развитии ее нужно различать две стадии: во-первых, само создание подковообразной арки из дерева, как в Индии и в северных частях Западной Европы¹, и, во-вторых, последующее переложение ее в камень. Для последнего акта он полагает возможным находить исходный пункт именно в Армении. Впрочем, нельзя не оттенить, что это последнее его утверждение основано не на фактическом материале, а лишь на гипотезе пышного развития армянской архитектуры с III по V века.

Исследование памятников древней архитектуры Грузии и Армении дает, однако, действительно богатый новый материал. Мы перечислили памятники Кахетии. В остальной Грузии мы можем отметить еще некоторое количество памятников. Таковы, Болнисский Сион, построенный в промежутке времени с 478 по 493 гг.²; далее Цкарос-тавская базилика в Джавахетии, поздние перестроенная в купольную церковь³; Урбниская и Анчисхатская базилики; восточная абсида Ишханского храма, относящаяся к началу VII века⁴, и круглый храм в Бана, построенный в середине VII века и реставрированный при царе Адарнасе (886—

923 гг.) и епископе Квирикэ Банели⁵. Другими словами, и в других частях Грузии подковообразная арка встречается в постройках уже V века, т. е. в ту же эпоху, как и в Кахетии.

Не иначе дело обстоит и в Армении. Подковообразная арка имеется в Еревуйской базилике, в Текорском храме, относимых к концу V или началу VI вв⁶, в Танаатской церкви⁷. Затем в Апаранской базилике века VII⁸ и в Аштараке⁹, а также в древних частях — Эчмиадзинского собора¹⁰, в Аванской церкви¹¹, и на памятнике Смбата около Одзунского (Узунларского) храма¹². Как орнаментальное украшение оконных обрамлений или карнизов встречается в форме ряда арок, как на целом ряде памятников Грузии (Самцвериси, Киси-Хеви, Джвари, Ркони, Верэ и др.), так и в Армении (Одзун, Нахчеван, Мастара). Подковообразная арка встречается в армянской архитектуре на памятниках в хронологическом отношении столь определенной группы, что академик Н. Я. Марр высказаться следующим образом: «на основании фактического материала мы теперь можем счесть установленным, что подковообразная форма в армянской архитектуре исчезает с появлением арабов, вообще с мусульманским влиянием в крае, что она — характерный признак христианского зодчества до арабов, быть может, даже исключительно до конца VI века»¹³. В этом утверждении, ко-

¹ Там же, 626, где он приводит и пример деревянной норвежской церкви в Голе (1150—1160 гг.) из книги Fr. Seesselberg Die frühmittelalterliche Kunst der germanischen Völker, Berlin 1897, S. 73—75 и Abb. 230, а также делая ссылку на A. Haupt'a. Последний приводит аналогичный пример из Дании (1923, стр. 98). Кроме того, он стремится доказать происхождение подковообразной арки в искусстве германцев, в частности готов, создавших ее уже на территории Европы (2-ое изд., стр. 98—99).

² См. мою книгу о Болнисском Сионе, Т. 1940, стр. 134—136.

³ Издана в МАК, XII, стр. 44: видно на фотографии портика, хотя не показано на чертеже.

⁴ МАК, XII, рис. 75 на стр. 116; Strzygowski, стр. 488; моя История грузинского искусства, I, 1936 (по груз.), рис.; Е. С. Такайшвили, Археологическая экспедиция 1917 года в южные провинции Грузии Тб. 1952, табл. I, 15, 17—19.

⁵ История грузинского искусства, I, Т. 1936, глава 4 (по-груз.), МАК, XII, табл. 18 и 20; И. А. Джавахитшвили, История грузинского народа, т. II, ad pp. 432 и 396; Strzygowski, 121—125, 319, 698.

⁶ Н. Я. Марр, К датировке ктиторской надписи Текорского храма (ХВ, III, 1914, стр. 59); Марр, Описание Дворцовой церкви в Ани (АД, I, 1916), стр. 38; Марр, Новые археолог. данные о постройках типа Еревуйской базилики (ЗВО ИРАО, т. XIX, СПб. 1909, стр. 064, 065, Текору посвящена специальная моногра-

фия Т. Тораманианом на арм. яз. (перепечатана в I томе его Материалов по истории армянской архитектуры, Ереван, 1942). Кроме того, материал разбросан у Стриговского Baukunst der Arm., 37, 323, 335, 338, 339, 408 и др.; о Еревуе, SS. 156, 157, 158, 414 и Abb. 181, 182, 183; В. Арутюнян и С. Сафарян, Памятники армянского зодчества, М. 1951, табл. 10—15.

⁷ В. Арутюнян и С. Сафарян, там же, табл. 18.

⁸ Strzygowski, Baukunst, стр. 149, 150, (789) Abb. 170—171 (у него, Kassach).

⁹ Там же, стр. 147, рис. 166.

¹⁰ См. рис. IX (северная часть западной стены) в ст. Т. Тораманиана. О древнейших формах Эчмиадзинского храма (ЗВО ИРАО, т. XIX, СПб. 1909, стр. 050); Strzygowski, Baukunst der Armenier I, Abb. 340.

¹¹ Strzygowski, S. 90 und Abb. 77.

¹² Ср. снимки на стр. 696 и 697 у Strzygowski. Много позднее — в позднейший период Ани — подковообразность наблюдается как элемент в плане абсиды одной церкви с типичными элементами изживающего себя исламского искусства; кажется, по плану городища Ани церковь за № 47 (очевидно, что это явление возврата из исламского искусства своего же по происхождению элемента).

¹³ Н. Я. Марр, По поводу работы архитектора Т. Тораманиана (ЗВО ИРАО, т. XIX, СПб. 1909, стр. 057).

нечно, центр тяжести лежит не на хронологическом переделе в конце VI века, а на факте доарабского распространения подковообразной арки в Армении, т. е. на факте независимости ее от памятников так назыв. исламской архитектуры. Что граница эта не так низка, как полагал М а р р, показывает именно фактический материал, ибо еще в памятниках XI века встречается она в Грузии; но характерно, что применение подковообразной арки имеет наиболее широкое распространение и яркое выражение в первые века, т. е. до выхода арабов на широкую арену истории, и это — как в Армении, так и в Грузии.

Итак, по моему мнению, пока нет достаточного материала для установления того единого места, откуда пошло распространение подковообразной арки, как структурного элемента. Хотя памятники Грузии и Армении и дают большое число примеров, начиная с IV века, все-таки это не решает вопроса. Пока одно несомненно, что в христианском искусстве древнего времени арка подковообразной формы применялась нередко в различных странах, что в нем она применялась задолго до образования так назыв. исламского искусства. В исламском же искусстве она по всем данным заимствована, перенесена извне, — впрочем далеко не с самого начала. К сожалению, такие ограниченные положения являются сегодня научно допустимыми; попытка же какого-либо уточнения является только одним утверждением, желательным для того или иного автора, но несколько не обязательным научно¹.

3. Стрельчатая арка.— Так же, как и подковообразная арка, характерной для отдельных эпох является и ломаная арка той или иной формы. Форм этих намечается, в частности, две: одна древняя, где арка в основе своей криватуры почти полуциркулярная, яйцеобразная, и только в самом зените слегка заострена. Заострение это настолько незначительно, что в отдельных случаях можно еще очень сомневаться при просмотре, без точных и тщательных промеров. Впрочем, есть ряд случаев, где этого заострения и вовсе нет, а имеется только яйцевидное непрерывающееся

течение линии. Другая — новой эпохи, общая по формам с ломаной аркой поздней исламской архитектуры, более свободной, с одной стороны, а с другой — почти прямой, сухой, застывшей, турецкой килевидной арки. Вот эти две формы и надлежит рассмотреть совершенно самостоятельно.

Древняя форма встречается, как понятно из самого существа ее, наравне с полуциркулярной; в архитектуре Кахетии эта форма особенно легко могла образоваться благодаря материалу построек, что действительно и наблюдается. В Некреси, в Карданахской руине, в Кондамиани, в Зеганской Квела-Цминда, в Давитиани, в купольной церкви монастыря Квела-Цминда близ Вачнадзиани и в купольной Некреси, в Алаверди и в Кветера и в других церквях этого древнего периода она не составляет редкого явления. Я должен здесь отметить, что, к сожалению, очень долго не мог освоиться с этой легкой вариацией формы и считал ее обыкновенно просто деформацией полуциркулярной арки, что особенно подсказывалось наличием равноценных по структурному значению в том или ином храме подпружных арок, из которых одна была без излома, а другая с изломом, как то имеется в Гурджаани. Лишь последовавшее изучение обмеров и вторичное посещение ряда памятников привело меня к заключению, что эту форму нельзя не признавать наравне с полуциркулярной, как определенно существующей и воспринимаемой в ее художественных ценностях. Что этот последний момент несомненно участвовал в ее оформлении, показывает церковь Вачнадзианского монастыря, где так продуманно сочетаются подковообразные арки пролетов, окон, дверей со слегка вздымающимися, яйцеобразными подкупольными и другими основными арками, которые придают еще большее впечатление движения вверх формам и пропорциям храма. Там же параллельное явление наблюдается как в храмах остальной Грузии, так и Армении. В Армении эта форма отмечена дважды в памятниках VII века — в Багаране² и в церкви богородицы в Артике³, а затем позднее около 1000 года⁴ и особенно далее в большом числе, когда она все более сближается с исламскими формами ломаной арки.

стороны, он называет много совершенно иных параллелей. Конечно, и для утверждения римского происхождения нет достаточных фактических данных.

Strzykowski, I. S. 186

³ Там же, 500 и рис. 533.

⁴ Там же, 816 и рис. 768, 541, 224, 604 (Анийский собор и Аргина).

¹ Считаю нужным сделать оговорку, что полной уверенности у меня нет, не разработан ли данный вопрос за последние 10—15 лет, так как не все новейшие разыскания были доступны. — Из своих выписок из книги T. Rivoria, *A moslem architecture*, 1918, я тоже не могу ясно вывести, что утверждает он, Как будто и тут римское происхождение (ср. стр. 135—136); но, с другой

Совершенно несомненно, что в такой на глаз едва отличающейся от полуциркульной арки эта яйцевидная и слегка надломанная арка, встречающаяся в древней архитектуре Грузии и Армении, образовалась здесь вполне самостоятельно. Как сказано, особенности материала плоских небольших булыжников и плоских осколков скалы, как основного строительного материала Кахетии, особенно содействовали образованию данной яйцевидной формы арки,— первоначально возможно даже, что совершенно случайному, невольному, т. е. художественно непродуманному, нерассчитанному. Только одно несомненно, что эта форма вскоре же была использована в ее особенностях, в тех художественных возможностях, которые в ней заключались.

Эта же форма арки — яйцевидная, иногда с небольшим изломом — встречается так же и вне Грузии и Армении. Она обратила на себя внимание в раннеисламской архитектуре; а в последнее время особенно еще как исходный пункт развития для готики. Heinrich Glück в посмертно изданной работе о происхождении римской и западно-европейской сводчатой конструкции считает эту форму арки и свода специфической в развитии искусства западно-европейского средневековья; причем с христианскими странами он связывает и мусульманские Запады. Он так характеризует эту форму: «Самым важным для технического происхождения... моментом является до сих пор почти не обращавшее на себя внимание в памятниках романского времени заострение свода в вершине, гсп. его яйцеобразное подвы-

шение, которое выливается в плоский излом или же приводит восходящую ветвь непрерывной линией параболы назад»¹. Glück доказывает в своем изложении, что создание этих форм народами Западной Европы восходит своими корнями еще в доисторические времена².

Конечно, на широких гипотетических построениях Glück-а здесь не место останавливаться. Материал для обоснования их еще слишком невелик³. Однако важно констатируемое им наличие этой формы, как этапа развития в дороманскую эпоху из местных народных навыков и основ. С другой стороны, так же важно, что и в восточных районах развития исламского искусства эта арка, которую Фр. Вахтсмут определяет наименованием «тупая стрельчатая арка», появляется примерно в то же именно раннеисламское время. Glück тоже упоминает о ней и высказывает мнение, что происхождение ее здесь обусловлено такими же техническими предпосылками, как и на Западе, т. е. считает развитие ее на Востоке независимым от Запада⁴. Вахтсмут вспоминает ее в связи с разбором датировки дворца в Мшатте, отмечая, что такая же арка не встречается в развитой форме ранее VII века⁵.

Как и в Западной Европе, так точно и в Грузии наличие арки яйцевидной формы можно, по-видимому, проследить в каменных «дарбази» в Кошкис-геле близ Ликани или в Надарбазеве близ Тори. Несколькими названными выше памятниками доказывается, что в Грузии такой формы арка встречается уже в первых

¹ Glück, Der Ursprung des römischen und abend-ländischen Wölbungsbaues, Wien 1933 S. 186 (—189) „Als das für den technischen Ursprung wichtigste, aber auch für die Fortentwicklung in gotischer Zeit bedeutendste Moment erscheint die für die romanische Zeit bisher kaum beobachtete Zuspitzung der Wölbung im Scheitel, bezw. deren eiförmige Überhöhung, die in eine flache Spitze ausläuft oder auch in der ununterbrochenen Linie einer Parabel den aufsteigenden Ast-zurückleitet“.

² Glück, отмечает большой иллюстрационный материал по монументальной архитектуре Запады в точных цитатах из Dehio und Bezoldt, Die kirchliche Baukunst des Abendlandes, I; ср. также у Raymond Rey, La Cathédrale de Cahor, P. 1925, fig. 31, 32, 47, 50, 51 (Cahor, Souillac, Angoulême).

³ Наличие слегка ломаной арки в ряде романских зданий, т. е. по всем данным арки, примыкающей к выделяемой Glück-ом яйцевидной форме, определенно рассматривал еще R. de Lasteyrie, L'architecture religieuse en France à l'époque romane. Paris 1929, p. 20, 23, где коснулся и общего вопроса происхождения ломаной арки.

⁴ Там же, стр. 188 в примечании, где он цитирует одну из своих статей в Wasmuth's Monatshefte für Baukunst, IV. Jahrgang, 1919—1920, S. 87 ff.

⁵ Wachtsmuth, Der Raum, I, 1929 S. 207, и рис. 127 (арка из Мшатты). Он называет, кроме того, еще постройки в Ракка, Самарра и др., но без точных ссылок. Гяд примеров такой же формы стрельчатой арки могу привести из отдельных изданий по Самарре (к сожалению, полная публикация раскопок Херцфельда мне не доступна): E. Herzfeld, Samarra, Berlin 1907, fig. 3 u. Taf. I, fig. 20, 21, 23 u. Taf. IV; H. Violette, Un palais musulman du IX-e siècle, Paris, 1911, pl. II, IV, V; Herzfeld, Erster vorläufiger Bericht über die Ausgrabungen von Samarra, Berlin 1912, S. 29, Abb. 6. — То же самое в Палестине H. Glück, Ein islamisches Heiligtum auf dem Ölberge, Der Islam, VI, 1916, Abb. 3, 4; 14; 15. Наконец, O. Reuther, Ocheidir (Wissenschaftliche Veröffentlichungen der Deutschen Orientgesellschaft) Berlin, 1912, Abb. 2, 3, 4; 19, 20, 21, 25—27; 29, 37, 40—42; Taf. VII—X, XXV.

же памятниках феодального времени, т. е. начиная с IV—V веков¹. В памятниках же VI и следующих веков она используется дополнительно в утонченных художественных сочетаниях и встречается еще в начале XI века в величайшем кафедрале Кахетии, в Алаверди. Таким образом, самостоятельное, большое значение ее в архитектуре Кахетии древнего и среднего времени совершенно несомненно².

Совсем иначе обстоит дело со стрельчатой аркой в поздней форме памятников последнего периода, с XIII века начиная. Она появляется прежде всего наряду с полуциркульной, как то имеем в Карданахском Саба-Цминда, а также в Пудзнарском храме и в Сачини. Но в полной мере она господствует в постройках Левана и Александра, т. е. в середине XVI века. Здесь,

как все внутренние конструктивные арки и своды выведены в этой форме, так она царит как декоративный мотив отделки фасадов и барабана. Наконец, встречаются ломаные арки, у которых значительная часть до вершины имеет почти прямой линией уклон, так в поздних памятниках, как напр., Ахатели. Эти формы арок подготовлены были, таким образом, в своем применении предшествующим развитием самой архитектуры в Кахетии, т. е. не привнесены извне. Теперь только при содействии и влиянии мусульманского зодчества стрельчатая арка приобретает широкое применение, чему особенно способствует кирпич, как строительный материал, подсказывающий и самую форму наружной декорации зданий.

2. ВИДЫ СВОДОВ В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ КАХЕТИИ

В настоящем разделе мы остановимся только на кратком обзоре-сводке данных о формах сводчатых перекрытий, применявшихся в церковной архитектуре Кахетии. При этом купольный свод и другие разновидности того же художественного порядка я выделил в особый третий раздел³.

Сводчатое перекрытие — это единственный известный, т. е. применяемый в церковной архитектуре Кахетии, как и всей Грузии, а равно и Армении, прием перекрытий; плоских потолков или системы открытых стропил под кровлей она не знает вовсе. Таким образом, уже древнейшие памятники применяли сводчатое перекрытие, т. е. уже в IV веке оно вполне удовлетворено дошедшими до нас памятниками⁴.

¹ Отмечу, что Э. Херцфельд определенно отмечает, что ранне-исламская ломаная арка такого типа, как в Мшатте, т. е. известная из Самарры, на древних вратах Ракки, на всех омайядских с колоннами и аббасидских со столбами мечетях, как архитектурный принцип совершенно чужда доисламскому времени. Но он отмечает, что совершенно невольное, незаметное, только технически обусловленное преддверие к ее созданию имеется в позднесасанидской архитектуре Ирана, почему он и утверждает, что в исламской архитектуре ломаная арка впервые появилась в постройках Ирана (Herzfeld, Die Genesis der islamischen Kunst und das Mschatta-Problem (Der Islam, I 1910, S. 211—212 и Note).

² В связи с оживленным обсуждением вопроса о происхождении готики и конструктивных особенностей готических зданий, вызвавшего в 30-х годах появление значительного числа специальных исследований, Юргис Бальтрушайтис тоже посвятил этому работу под заглавием *Le problème d'ogive et l'Arménie*, Paris 1936. Термин *ogive* он применяет не в распространенном до недавнего времени употреблении, равном ло-

1. Коробовый свод. — На первом месте и по распространению и по датированным памятникам стоит коробовый свод. Как мы знаем, все трехнефные базилики и трехцерковные базилики Кахетии, начиная от древнейших, применяют именно эту форму сводов. Она затем быстро входит и в развивающиеся формы центрально-купольных зданий в их дополнительных частях, как рукава креста, бемы и т. д. Применение коробового свода имеет место на всем протяжении развития архитектуры в Кахетии и сопровождается в некоторые периоды времени совершенно иными формами еще как стрельчатой формы своды и как крестовые своды. Но несмотря на наличие последних, коробовый свод продолжает применяться и есть даже примеры, где при стрельчатых под-

маной арке, а в строгом, точном смысле, отвечающем понятию нервюрного свода (ср. de Lasteyrie, цитированное издание, стр. 323—325), примеры которого, приводимые им из армянской архитектуры, имеют полуциркульное очертание.

³ Отмечу здесь общий труд проф. А. В. Кузнецова, Своды и их декор. М. 1938, где в вводных параграфах даны общие строительные данные о каждой разновидности, включая, конечно, и купол. В дальнейшем я ограничиваюсь ссылками на специальные работы по затрагиваемым вопросам.

⁴ Как видно по изданию Стриговского (I 311—2), вопрос о древности свода дебатировался. Даже Millet, *L'école grecque*, 1916, p. 220—1, и Miss Bell (по В. З., XXIII, 1914, S. 330) склонны считать, что свод на Востоке появился только в пост-эллинистическое время; цитирует еще Stühr: *Polytechnische Zeitschrift*, VIII, 1911, S. 234 сл. и Delbrück, *Die hellenistischen Bauten und Latium* (мне недоступные).

пружных арках опирающиеся на них своды имеют коробовую форму.

2. Стрельчатый свод.— Эта форма входит в употребление только в последний период развития церковной архитектуры Кахети, когда и сами арки преимущественно имеют эту форму. Но как стрельчатая арка последнего периода подготовлена другими ее формами в более раннее время, так точно и стрельчатый свод имеет своего предшественника в овальной форме сводов некоторых более древних церквей, как, напр., купольной церкви Некресского монастыря. Но это, конечно, еще не было стрельчатым сводом. Другими словами, для него мы имеем определенно позднее время, во всяком случае XVI век, быть может, еще и XV.

3. Крестовый свод.— Крестовый свод не имеет большого числа представителей в архитектуре Кахети, как равно и во всей Грузии и Армении. Древние примеры крестового свода, каковые имеем в обеих церквях Джвари Мцхетского, в Атенском Сионе, Мартвильском соборе, в Цроми, далее в Армении в Багаране, Мрене, представляют собой образцы крестового свода над квадратом. Полагаю, что это есть первоначальная исходная форма крестового свода¹. И она может быть сопоставлена с перекрытием центрального квадрата посредством так наз. «гвиргвини» в грузинских крестьянских домах²; формой такого перекрытия была подсказана в монументальной архитектуре форма крестового свода, возвышающегося, как гвиргвини, над квадратным основанием всего внутреннего пространства, т. е. источником его является широкий народный фундамент определенного пространственного творчества. Таким образом, становится, мне думается, вполне понятным, почему первоначально могло создаться перекрытие центральной квадратной части храмов как крестовым сводом, так в параллельном творческом акте— куполом, и затем — куполом на барабане. Кре-

стовый свод, как отмечено, отошел тогда на второй план, перекрывая дополнительные квадратные помещения.

И действительно, наравне с перечисленными памятниками остальной Грузии крестовый свод имеется над несколько удлиненным западным притвором главной базилики Матанской Цхр-Кары, который я отношу к VIII веку. Затем крестовый свод встречается в боковых частях ряда базиличных и купольных церквей с VIII по X век, а именно — существуют остатки свода, переделанного в VIII—X вв. в формах крестового, в западном обходе Зеганской трехцерковной базилики, в Акурском Мама-Давид (северный неф) и в Санагирэ, а из купольных храмов в Вачнадзианской Квела-Цминда, в Икалто и в соборе Алавердском. Но во всех этих примерах крестовых сводов VIII, IX и X веков нужно отметить, что они возведены не на квадратном основании, а на прямоугольном. Другими словами, крестовая форма свода не только утратила независимое значение — в Вачнадзиани самостоятельные приделы имеют своды на четырех угловых тропках, — но и утратила свою исходную форму. Не было необходимости в ее сохранении, или забыта исходная ее форма.

Что касается построек Армении, то в ряде купольных храмов древнего времени, как памятники VII века — церковь Гаяне в Эчмиадзине или Мренский собор, а равно вытекающие из самого плана церковь Рипсиме в Эчмиадзине и Адиаман, боковые приалтарные помещения имеют крестовые своды на квадратном основании. Но в церкви сел. Аламан, датированной 637 годом³, по-видимому, крестовый свод западного рукава построен на несколько вытянутом прямоугольнике. То же имеется в большой церкви сел. Артик, построенной не в VII веке, а в IX—X⁴. Относительно же Иринда, западного портика большой Талинской церкви, храма в Птгни и в Аруче — все памятники IX—X веков — то, к сожалению, на этот пункт при обмерах не было обращено нужного внимания и потому осторожность требует воздержаться от какого-либо определенного утверждения, хотя больше дан-

¹ Необходимо отметить, что и Strzygowski (I, 479 Note, 800—801, 835—837) утверждает самостоятельное происхождение крестового свода на Кавказе (при этом не лишено интереса сопоставление с особой месопотамской клзкой).

² См. Глехис дарбази Дигомши. Чертежи Н. П. Северова. Тб. 1922 (по-груз.) или в расширенном издании 1926/7 года Грузинские дарбази, вып. 1—4 (с грузинским и русским текстом).

³ Strzygowski, I, 180

⁴ Там же, I, 73. Стриговский относил ошибочно Артик, как и нижеследующие храмы, к VII веку.— Следуя его определениям, до обследования самих памятников, я назвал как памятники VII века Иринд и Артик в статье о малой церкви Джвари (Моамбэ Тб и л. Унив., II, 1922—23, стр. 43 прим. 2; Untersuchungen zur Geschichte der Georgischen Baukunst, I, 1, 1921, S. 22, Note 1).

ных считать, что и в них основанием крестового свода служил квадрат.

Стриговский настаивает на том, что крестовый свод самостоятельно развился в Армении, что он встречается только в купольных постройках, а в базиликах параллелью для него является коробовый свод. При этом он утверждает еще, что этот «строительный прием появляется в процессе национального движения»¹. Н. Glück же высказался в том смысле, что крестовый свод на всем Востоке собственно неизвестна, чужая форма, в то время как для ее развития в Западной Европе были все естественные предпосылки².

Таким образом, намечаются, как учат эти конкретные примеры, две стадии в развитии крестового свода храмов Грузии, а может быть и Армении также. Первая стадия, исходная, укрепляет его на квадратном основании. Сюда относятся памятники VI и VII веков. Затем в памятниках VIII, IX и X веков мы имеем вторую стадию, когда свод вытянут. Возможно, что это явление естественно произошло при потери крестовым сводом значения как перекрытия, способствующего созданию пространства

в замкнутых, имеющих самостоятельное значение, помещениях. Характерно, что уже в памятниках VII века, как Цроми и Атени, из числа таких помещений одно в каждом из этих храмов имеет вместо крестового свода плоский зонтичный свод. Дальнейшим этапом как раз естественно считать применение крестового свода не над центральной частью самостоятельного помещения, где его заменил купол, а над второстепенными, хотя и органическими частями здания. Переход благодаря этому к удлиненному основанию, хотя, конечно, вполне возможно бы сохранение и квадратного основания, произошел сам собой благодаря плановым моментам.

Не входя в едва ли плодотворное сейчас уже определение границы этого перехода, имеются несомненные данные, что в VIII веке перед нами совершившийся процесс. И важно то, что форма эта находит свое приращение еще и в Алавердском соборе, памятнике первой четверти XI века. Таким образом, здесь — определенные границы общего применения и приблизительно для каждой из стадий.

3. ФОРМЫ КУПОЛЬНЫХ СВОДОВ В ЦЕРКОВНОЙ АРХИТЕКТУРЕ КАХЕТИИ

Купол является для архитектуры Кахетии, как части всей грузинской архитектуры, отличительным и наиболее характерным, формирующим образ здания элементом. О конструктивных его особенностях и подсказываемых кавказским материалом моментах происхождения было сказано выше³. Здесь следует остановиться на имеющихся его разновидностях. Что сам по себе купол прошел на протяжении почти полутора тысячелетия развития архитектуры Кахетии ряд видоизменений, будучи применяем во все эпохи, не требует специального упоминания; видоизменения эти слишком незначительны в одном отношении, хотя вполне разительны в другом, чтобы после систематического изложения материала в предыдущих главах, где все это было особо выявлено, надлежало еще раз возвращаться к этому вопросу.

Купол в развитой форме на барабане имеется в Кахетии во всяком случае уже во второй

половине VI века, как показало предшествующее исследование таких памятников, как Гавизи и Ниноцминда, т. е. он существовал здесь в тот период, когда в соседней Картли, по-видимому, он еще не был надлежаще оценен в своих художественных ценностях, ибо малая церковь Джвари Мцхетского, построенная между 545 и 586 годами, не применяет купольного свода над центральным квадратом плана, а перекрывает его просто крестовым сводом. В Кахетии, таким образом, купольный свод оценен ранее, быть может, он здесь появляется впервые, во всяком случае быстро завоевывает все соседние страны, создавая чрезвычайный толчок и импульс развитию архитектуры.

1. Сферический купол.— Не подлежит сомнению, что уже с древнейшего времени в архитектуре Кахетии мы имеем настоящую полусферу купольного свода. Правда, купольная часть Ниноцминда совершенно не дошла

¹ Strzygowski, II, 800—801: eine im Zuge der nationalen Bewegung auftretende Werkform; (а также другие ссылки в примечании выше).

² Н. Glück, Ursprung... 1933, S. 87 ff.

³ Ср. также в I т. моей Истории грузинского искусства, Т. 1936 (по-груз.) и ранее в издании «Грузинские дарбазы», I—IV, Т. 1926—27.

до нас, а о куполе в Дзвели Гавази и можно полагать, что он переделан несколько позднее, но зато до нас дошли почти одновременные с ними две церкви монастыря Дзвели Шуамта с совершенно правильными купольными сводами. Это ставит вне сомнения вопрос о применении купола на барабане в древнейших памятниках. Но в Кахетии уцелели еще памятники базиличного типа, где над выделенными из общего пространства, квадратными по плану, звеньями удлиненных помещений возведены купольные своды на положенных наискось перемычках или маленьких тропочках. Это — Ахметская Гвтэба или южный неф Матанской Цхра-Кара, падающие на V—VI век.

Форма эта, как сказано, продолжает свое существование и применение до самого последнего времени.

2. Сомкнутый свод. — Приблизительно в это же древнейшее время появилась в архитектуре Кахетии и та разновидность, которая именуется обычно сомкнутый свод, т. е. где вместо полусферы имеется как бы смыкание стен по граням лопатками в общий центр¹.

В Кахетии два памятника сохранили стройные формы этого типа купольного перекрытия — это маленькая церковь Давитиани, близ Вазисубани, и Гурджаанская Квела-Цминда, т. е. памятники VII и VIII веков². Вот почему я и считаю возможным полагать, что эта форма появилась приблизительно вместе с действительным куполом³.

Кроме этих памятников мы находим сомкнутый свод, но без барабана еще в северном

угловом помещении Гурджаанской церкви и в восточных помещениях Хирсского монастыря Степан-Цминда, т. е. все поддерживает древнейший период, как время его применения.

Помимо упомянутых памятников сюда же я полагаю возможным отнести свод в боковых помещениях большой купольной церкви Дзвели Шуамта (табл. 171-b) и в таковых же трехцерковной базилики монастыря Квела-Цминда близ Вачнадзиани (табл. 116-b). В обоих случаях имеется совершенно прямое схождение четырех стен прямоугольных камер, которое создает иллюзию сомкнутого свода. К сожалению, я не могу определенно утверждать, имеем ли мы здесь в этих маленьких помещениях действительно такой ложный, т. е. созданный напуском камней, свод, что по положению в здании вполне возможно, или же это — литые по палубам своды, упрощающие формы купольного свода.

По своему художественному впечатлению сомкнутый свод на восьмигранном барабане в вышеозначенных храмах ничем не разнится от впечатления, производимого куполами.

3. Парусно-купольный свод. — Эта форма купольного свода, которая в развитии архитектуры обыкновенно ставится в начале и характеризуется, как один из ранних, начальных этапов развития купольного перекрытия, в истории архитектуры Кахетии, как и всей Грузии, получает применение и сравнительно широкое распространение в эпоху зрелого средневековья. Применение свое он находит в квадратных притворах тех их форм, которые характерны именно для указанного времени.

4. НЕКОТОРЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ УБОРА

Во всей грузинской архитектуре отделка церковей Кахетии составляет совершенно своеобразную часть, уже нами отмеченную, но которая в данном контексте подлежит вновь внимательному обсуждению. Представляя собой в истинном значении слова разрешение собственно архитектурных заданий, церковные постройки Кахетии не знают декоративно-орнаментальной отделки, самостоятельно развитой и имеющей самодовлеющее значение, как это характерно для архитектуры Грузии. Но все-таки и здесь это явление характеризует в полной мере только памятники древнего периода, когда еще имело место закономерное развитие архитектурных проблем. В среднем периоде, когда все собственно конструктивные, архитек-

тальной отделки, самостоятельно развитой и имеющей самодовлеющее значение, как это характерно для архитектуры Грузии. Но все-таки и здесь это явление характеризует в полной мере только памятники древнего периода, когда еще имело место закономерное развитие архитектурных проблем. В среднем периоде, когда все собственно конструктивные, архитек-

¹ Как будто более точное обозначение этого свода дают немецкие термины „Karrenkuppel“ и „Klostergewölbe“, или французский „la voûte en arc de cloître“.

² Считаю нужным напомнить, что перекрытие центральной части Ниноцминдского кафедрала мне представляется естественным восстанавливать именно в форме сомкнутого свода.

³ Это подтверждают примеры и других памятников Грузии, как, напр., полупещерной купольной церкви Шно-Мгвимского монастыря (см. мою статью в Моамбэ Тбил. Университета, т. V, 1925 на немецком языке и приложенные к ней иллюстрации).

тонические проблемы были осилены, зодчие и в Кахетии, как в остальной Грузии, при решении композиционных вопросов естественно стали уделять большое внимание и собственно декорации церковных фасадов, ибо внутри церкви в это время очень быстро усвоили прием сплошного покрытия стен законченной системой росписи. Другими словами, это требование росписей, которое было поддержано требованиями церкви и дало выход тяге к красочной отделке интерьера, достигшей к этому времени определенной силы и развития, имеет параллельное явление в требовании отделки фасадов. Но тут необходимо все-таки все время делать сопоставление с декоративной отделкой фасадов картлийских церквей, чтобы оценить чрезвычайную простоту отделки в Кахетии и проявившийся даже в ней еще тот же общий дух преимущественно чисто архитектурного подхода.

Не иначе обстоит дело и в церквях нового времени, где имеется некоторая отделка, отличная от отделки среднего периода зрелого стиля, но по принципам своим того же характера как бы оттенения или показа только архитектурных же элементов. Правда, здесь нередко видна совершенно произвольная игра с этими архитектурными элементами, но все-таки показательно, что избраны именно такие элементы, а не орнаментальные, например, мотивы.

Таким образом, вместе с конструктивными элементами, характерными для того или иного периода, мы имеем также характерные приемы и мотивы декоративной отделки, различные в различные периоды. Но вместе с тем и в отделке есть устойчивые приемы и мотивы, применявшиеся в разные периоды в одинаковой мере.

1. Мотивы убора древней эпохи.— Отделка церквей древнего периода в Кахетии находится всецело в зависимости от самих архитектурных форм и частей здания. Принцип ее состоит исключительно в том, что архитектурно необходимые и так или иначе выделенные части здания получают определенную, но притом чисто архитектурную, форму. И это начиная от общих масс и кончая отдельными частностями.

Прежде всего здесь важны пропорции частей здания; подробнее о них скажем в заключительной главе. Именно пропорции придают и некупольным памятникам свою большую и

своеобразную ценность. В купольной архитектуре вместе с этим центральную роль играет купол в целом, т. е. с барабаном и шатром кровли. Шатер несомненно использован как элемент украшения. Это ясно видно, если проследить формы шатра на протяжении веков, начиная от древнего сохранившегося в Давитиани и Некреси и проступающего в первой купольной церкви Дзвели Шуамта, через купольный шатер Кисисхеви, Кветера, Бочорма, далее изменение куполов Дзвели Шуамта и, наконец, кончая Алаверди, Греми, Ахали Шуамта и др. этой группы. Совершенно несомненно, что очень небольшой уклон кровли древнейших церквей есть определенное художественно-декоративное выявление той эпохи.

Купола в своих барабанах имеют граненую форму: на восемь граней в древний период, позднее—на большее число. Купола эти не круглые снаружи, а определенно гранены. Здесь, таким образом, подчеркивается, оттеняется во внешне определенных плоскостях структурная основа формы.

Этот прием граненности барабана переносится после первых примеров круглых вовне, как бы аморфных, абсид в Гавази и в Ниноцминда на выступающие абсиды. Таким образом, в Дзвели Шуамта абсиды заключены вовне уже в граненый кожух. Бесспорно, что здесь наблюдается целостность подхода: как купольные барабаны оформляются гранями, сходящимися четкими углами, так такой же подход подсказан и для других аналогичных выступов зданий. Так достигнуто было единство формирования внешнего облика этих зданий. Несомненно, что полукруглые выступы никак не сочетались бы с остальными формами, не говоря уже о их аморфности. Итак, здесь минимальное изменение, которое подсказано аналогичными формами барабана и которое вполне сочеталось с общими формами зданий. Мы встречаем этот мотив и в Кисисхеви, в Некреси и Вачнадзиани, а также в дальнейшем применении ко всему корпусу церкви в маленьких церквях Давитиани и Свети-Цховели.

Таковы общие моменты, можно сказать принципы. Они же являются руководящими и в остальном, т. е. те или иные архитектурно выделяющиеся части получают так же некоторое формальное выделение. Таково прежде всего обращение с проемами—окнами и дверьми. Те и другие получают определенную форму в соответствии с другими принятыми в том или ином здании формами. Так, они бывают подко-

вообразными, или имеют арочный верх, но с заполнением люнета, или при конструктивно-плоском перекрытии имеют напускную внешнюю плиту с арочным контуром. Как случайные исключения только можно назвать дополнительные над окнами декоративные арки, выступающие из толщи стены в одной церкви Дзвели Шуамта, в Матанской Цхра-Кара, в Кисисхеви и в трехцерковной базилике Вачнадзианского монастыря.

Как эти необходимые архитектурные части в своих формах всякий раз специально согласованы со зданием, так точно и пяты арок, поддерживающих в них свод, выделены чуть легким уступом в двух формах — выкружкой или прямым скосом под 45°. Никакой иной отделки эти пяты, необходимые в своем выносе для укрепления кружал, не имеют. Эти две характерные формы, несомненно часто воспринимавшиеся и самими строителями как однородные, идентичные по художественному впечатлению, остаются неизменно господствующими на протяжении и всего среднего периода, а частью и в памятниках нового времени. Их же пускают зодчие VIII—IX веков иногда и как тяги в основании арочных пролетов, как, напр., в Гурджаанской и Вачнадзианской Квела-Цминда.

Карнизы под кровлями, создавая определенный силуэт церкви и нужные по утилитарным мотивам, имеют в древнейших церквях очень простой, но продуманный и определенный вид. Они состоят в постепенном напуске (обычно в три уступа) плоских каменных плит одна над другой. Это держится в древнейших памятниках, как в Дзвели Шуамта, Карданахской базилике, Давитиани, Вазисубани, так и в VIII—IX веке в Акура, Вачнадзианской Квела-Цминда. Другая форма карниза установлена на трехцерковных базиликах в Кондамиани и Зегани. Это арочный ряд, типа карниза Джвари Мцхетского, но сделанный не из камня, а кладкой булыги и отформовкой в пролетах между ними арочек из заливки. Поверх карнизов сами кровли перекрывались шифером (Некресская базилика) и черепицами, нередко особо формованными с украшениями или знаками.

Вот в основном те декоративные мотивы, которые применяются в древний период в кахетинских церквях. Все они непосредственно подсказаны архитектурными формами. Как первые провозвестники наступающего уклона к нарочитой декоративности, появляются в памятниках переходного времени VIII—IX веков

отдельные, лишь слабо связанные с этими принципами декоративные приемы. Таковы — декоративные ниши, как мотив отделки восточного фасада Гурджаанской церкви и барабана Некресской. При разборе этих памятников была оттенена связь применения этих декоративных ниш с сущностью архитектурных форм той или иной церкви. Но, несомненно, конечно, что это все-таки уже проявление общего нового течения, которое в декоративной отделке видит заманчивую для творческих выявлений задачу.

Что действительно тогда уже, в VIII—IX веках, намечается это течение, видно особенно показательно на Акурской базилике, где восточный и западный фасады, а отчасти и внутренность ее, получают украшение тонкими колоннами, имеющими кое-где завершающие их капителеобразные звенья, а кое-где особые причудливые завитки. В этой отделке Акурской базилики мы впервые встречаем специально декоративные элементы, которые в средний период составляют основу декорации фасадов кахетинских церквей.

2. Мотивы убора средней эпохи.— В средний период, как сказано, всплывает дополнительное декорирование церковных фасадов системой декоративных арок. Начатки этого приема появляются, как мы только что отметили, уже в конце предшествующего времени. Но только теперь он приобретает систематическое применение к целому зданию. Первый и самый выдающийся памятник среднего времени это Алавердский собор; он не дошел в неискаженном виде. Но и теперешнее его состояние совершенно ясно показывает, что тут была система, целостная, продуманная и развитая; она состоит в разбивке громадных плоскостей стен рядом аркатур из пучков полуколонок, перехваченных завершающими утолщениями. То же самое имеется в хорошо сохранившихся памятниках, как Кветера, Бочорма, купол Кисисхевской церкви и отчасти Хирса.

Это — наиболее характерное и отличительное в церквях среднего периода. Для выполнения такой декорации зодчие вынуждены были, конечно, прибегнуть к специальной облицовке стен плитами тесаного камня. Данный прием облицовки местным желтоватого цвета, ноздреватым травертином, именуемом в Кахетии «ширими», конечно, применен был тогда и для церквей без такого украшения, как мы

видели в Череми, Санагирэ и в Сапарском Георгии¹.

Конечно, и в отделке внутри церквей сказался этот прием и употребление специального материала, как показывает внутренний вид Кветера — весь выполненный тем же ширими с полуколонками и своеобразными тягами над ними. Точно также и в Алавердском соборе имеются сложные столбы и капители двух типов, тоже с украшениями. Но в общем эта внутренняя отделка только развивает основные архитектурные линии собора.

Еще один мотив, чрезвычайно характерный для всей грузинской архитектуры зрелого стиля нашел себе применение на фасаде Алавердского собора, Кунтурис-Сақдари и затем в своеобразном применении также в Бочорма. Это — треугольные ниши. Но они ясно, как во всей грузинской архитектуре в отличие от армянской, имеют определенное структурное и выявляющее внутренние формы здания назначение, т. е. здесь использована возможность экономного формирования масс и в направлении художественной отделки их.

Сообразно с колоссальными размерами Алавердского собора здесь нашло себе место в тягах только что названных треугольных ниш и в отдельных выделенных на фасадах обрамлениях применение орнаментальных полос и плоскостей. Но они, как и в Хирса, имеют совершенно второстепенное, дополнительное к основной разделке значение².

Эпоха X—XIII вв. сказалась на памятниках базиличной архитектуры не только в облицовке тесанным камнем; они получили профилированные наличники оконных проемов, как видим это в Санагирэ, в Сапарском Георгии, в Череми, а частью и с резьбой в Цверо-Дабали³.

Наконец, характерно изменение карниза в церквях конца среднего периода, а также в починках или переделках этого времени. Теперь согласно общей внешней облицовке тесанными плитами и карниз делается из тесаного камня в обычной форме простого карниза этого периода во всей Грузии в форме выкружки и валика внизу. Он имеется в Кветера, Бочорма, Хирса, в отдельных частях Вачнадзианского монастыря, в Ахметской церкви Ломиса св. Георгия, в Гремской церкви Успения, в Ацкурском Тетри-Георгии и др.

¹ Этот прием облицовки применен так же еще в отделке кирпичного купола Вачнадзианской Квела-Цминда.

² Ср. еще в Череми церковь Цверо-Дабали.

³ Этого же типа профилированную раму окна на-

3. Мотивы убора нового времени.

Декорация среднего периода, как мы видели, была подготовлена уже в предшествующую эпоху; отдельные мотивы ее применялись уже в памятниках VIII—IX веков. Но там она лишь намечена по отдельным своим элементам, и только в Алавердском соборе получила полное выявление.

Храмы X—XIII веков представляют собой памятники высшего расцвета искусства Грузии периода зрелого феодализма. Естественно, что они еще в течение некоторого времени определяли и архитектурные формы и декоративные подходы возводившихся зданий. Однако, новая эпоха, определяющаяся в экономическом и в социально-политическом отношении для Кахетии примерно с конца XV века, идет и в архитектурном отношении своим отличным от прежнего путем. Она характеризуется, как было показано, в основном уже отличным материалом — кирпичом, который не только не думают скрыть, облицовать, но, напротив того, ищут использовать все декоративные возможности от этого, с одной стороны, равномерного строительного материала, а с другой — поддающегося любому формованию. Оба момента действительно широко использовались зодчие нового времени, изготовляя лекальный кирпич, где они не могли обойтись ровными квадратными плитками простого кирпича.

Вся декоративная система построена теперь на создании нескольких планов стены и, таким образом, на получение определенной игры светотени. По большим плоскостям стен создаются арки отступом кирпичной кладки и горизонтальные тяги, и т. п. Но декорация, так хорошо видная на прилагаемых фотографических снимках, вращается в архитектурных формах арки, причем почти исключительно, создавая между основными из них как бы лопатки. Для декорации куполов применяется на ребрах граний лекальный полукруглый кирпич, а сами грани отделяются арочками, как и фасады.

Для карнизов изготовляется специальный кирпич, так что получается возможность получить форму предыдущего периода карниза или близкого к ней.

На сравнении четырех церквей кульминационного пункта этого времени (Шуамта, Грими, Агдгома и Чикаани) делается ясно видной

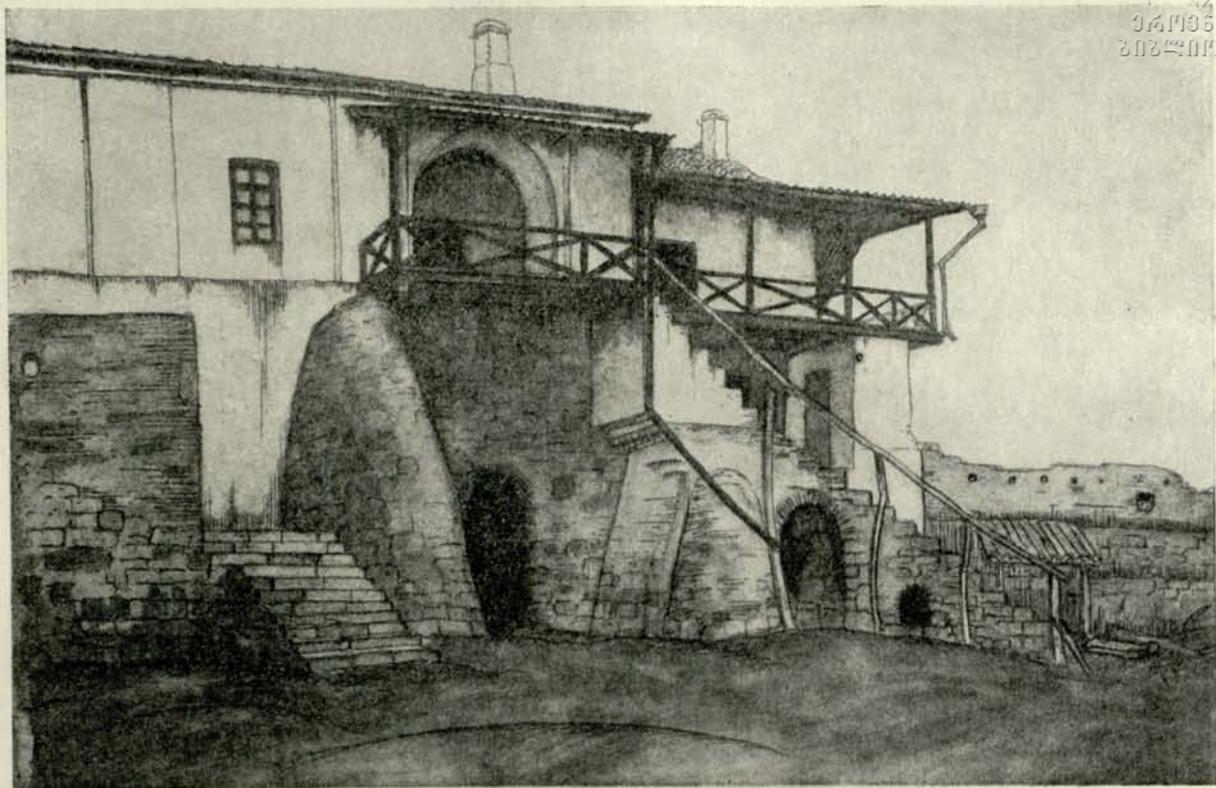
ходим в переделанной церкви Джвар-Патиосани в крепости Уджарма, затем в Ацкурском Тетри-Георгии, в Саба-Цминда Карданахском, в Сачини, в Пудзнарн, а равно в зальных больших храмах Земо-Ходашенского монастыря св. Николая и св. Марине Марилисской.

общая тенденция направления от наиболее близкого согласования декора с архитектурной ко все большему забвению этого отношения и переходу к ковровому трактованию плоскостей. Это сказывается затем в отделке главы Матанского св. Николая или церкви близ Загеми (Бахтало), подготовляющих нас к карнизам в чиненных в эту эпоху церквах, где его складывают из углов поставленных кирпичиков в несколько рядов или поочередно с прямо положенными. Примеров этому очень много: Алванский Натлис-Мцемели, Бодбе, в Сабуэ церковь Шно, Лелианская церковь св. Федора,

Матанская Цхра-Кара, Гурджаанская Цминда, и др.

Во внутреннем убранстве церквей этого периода сообразно с применением стрельчатой арки в ее поздней форме,— где очень широкой (тупой) на низких устоях, где, наоборот, довольно острой с подвышением — применяются широкие плоские импосты поверх грузных круглых столбов. Создается новое соотношение для впечатления пропорций, особенно подчеркивающих, как и снаружи, движение, устремление вверх.

АЛАВЕРДИ. Жилые помещения над Трапезной

Рисунок Н. П. Северова

ГЛАВА X

КОЛОКОЛЬНИ КАХЕТИИ

В предшествующей главе была сделана попытка оттенить в систематической сводке основные элементы, характеризующие памятники церковной архитектуры в Кахетии. При этом из числа конструктивных элементов мы выделили такие, которые применялись в различные периоды развития кахетинской архитектуры, и такие, которые оставались в употреблении все время. Это дает нам, следовательно, немаловажный материал для датировки и других памятников, помимо храмов. К ним прибавляется еще совершенно законченный тип декоративного украшения храмов в разные периоды, определенно связанный, если не всегда зависит, от употребительного в тот или иной период материала. Эта сводка данных имела целью выделить, выяснить особенности, характеризующие собственно архитектуру Кахетии сперва по сравнению или в отличие от христианской архитектуры остального Кавказа, а затем то же в отношении современной той или иной эпохе архитектуры христианского и мусульманского Востока и Запада. Таким образом, уже рассмотрение характерных приемов и элементов наметило соотношение кахетинской архитектуры ко всеобщей.

Но, помимо этого, данное выделение приемов, элементов и материала церковной архитектуры имеет важное значение для дальнейшей обработки иных архитектурных типов, помимо церквей.

Установленные факты нам предстоит использовать уже в настоящей главе о колокольнях, которые еще не датированы, за исключением совсем поздних, т. к. проблема колоколен сама по себе чрезвычайно интересная, и ни в какой мере не подвинута к разрешению в настоящее время во всей архитектуре христианского Кавказа, да и вообще всего христианского Востока. Кахетинский материал, абсолютно не претендуя пока, во всяком случае, на разъяснение неясных вопросов, связанных с данной темой, все-таки дает материал, мимо которого нельзя пройти без внимания и с общей точки зрения. Вот почему мы посвящаем ему отдельную главу, вполне сознавая, что при собирании материала колокольням было уделено слишком мало времени и потому он чрезвычайно беглый и фрагментарный. Но помимо самодовлеющего интереса, который представляют колокольни, мы получаем в них *vice versa* материал для проверки, подкрепления или прецизирования отдельных датировок церковных построек. Поэтому и с этой стороны рассмотрение материала колоколен должно иметь место в настоящем исследовании, несмотря на всю его фрагментарность и отчасти случайный характер.

Собранный по колокольням Кахетии материал естественно распадается на три группы. Первая,— это небольшие открытые кноски, утверждаемые на коньке церквей, преимущественно небольших. Затем, вторую группу со-

ставляют колокольни в два этажа, где на нижний куб ставится восьмипролетный киоск. Наконец, в третью входят большие многоэтажные здания, представляя собой каждый раз

индивидуальные решения. Первой группы, если касаться не буду, а использую некоторый материал о ней в систематическом заключительном параграфе.

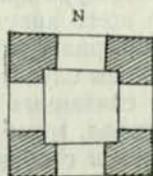
1. КОЛОКОЛЬНИ ТИПИЧНОЙ ФОРМЫ

Типичная колокольня в грузинской поздней архитектуре состоит из двух частей — нижнего куба и верхнего, открытого восьмигранного киоска. Нижняя и верхняя части в большинстве случаев между собой не сообщаются и, очевидно, в колокола, висевшие в верхнем открытом павильоне, звонили посредством длинных, висевших вниз веревок и т. п. Нижний этаж представляет собой нормально в плане квадрат с широким (во всю ширину внутреннего помещения) арочным проходом с двух друг против друга расположенных сторон, или с четырех. Внутри это помещение имеет обыкновенно, сообразно этим открытым пролетам, коробовый свод. Верхний киоск с восьми колонках или столбах и с купольным сводом поставлен на плоский квадратный в плане верхнего этажа. Кровлю имеет, конечно, шатром на восемь граней.

Этого типа колокольни и тех или иных легких вариаций его, вернее говоря, приспособле-

на характерна и для колоколен остальной Грузии, где она имеется в твердо датированных памятниках уже со второй половины XIII века. В Кахетии, как уже сказано, колокольни не датированы и поэтому приходится путем анализа определять эпохи. Во всяком случае, пока нет ни одного примера такой колокольни, который бы я мог отнести к XI, XII или даже XIII веку. Древнее XV—XVI веков колоколен названного типа в Кахетии я не встречал. Все они построены из кирпича позднейшего небольшого размера квадратных плиток, и ничем не отделывались.

Наиболее древними я полагаю колокольни крепости Веджини, сел. Агдгома и церкви Георгия Сапарского около Цинандали. Это основной нижний куб с открытыми, довольно широкими пролетами на все четыре стороны¹. В Агдгома арки пролетов с легким изломом, а в Сапарском Георгии стрельчатой формы, в Веджини же они полуциркульные (табл. 393, 394, 182-а). Свод нижнего этажа в Веджини коробовый по ОВ оси; в Сапара и в Агдгома купольный свод на парусах, но очень плоский и с повышением верхней скупфы, но не парусно-купольный свод. Поверх нижнего куба, в высоту сравнительно немного большего, чем в ширину, поставлен восьмигранник, четыре стороны которого совпадают с плоскостью четырех стен нижнего квадрата, а четыре других оставляют открытыми углы его. В Веджини этот верхний этаж имеет открытые пролеты с каждой из четырех сторон, т. е. на север, юг, восток и запад, причем пролеты были каждый раз двойные в две полуциркульные арки². В колокольне Сапарского Георгия, как и в Агдгома, каждая грань имеет сквозной пролет, с полуэтажа начиная. В Сапара эти пролеты полуциркульные вверху, равно как и в Агдгома. Свод в верхнем этаже Сапара и Агдгома—ку-

1 0 1 2 3 4 м.

План нижнего этажа колокольни около церкви в сел. Агдгома

ний этого же типа к специальным условиям, имеются в очень многих местах Кахетии. Но, — этого подробнее коснемся в заключительном параграфе данной главы — эта же форма ха-

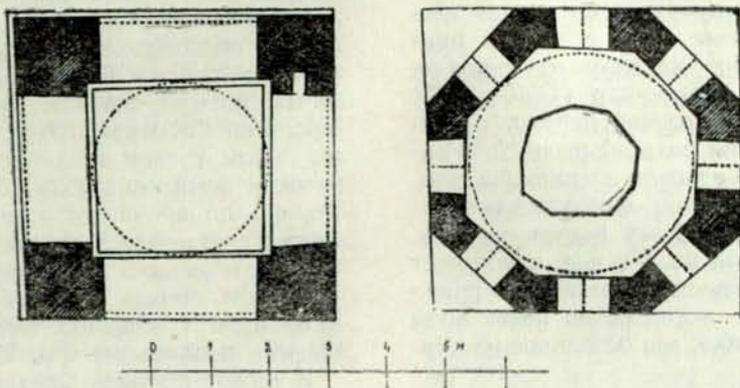
¹ См. чертежи по обмеру колокольни в Веджинской крепости, исполненные в 1912 г. М. Г. Калашниковым (см. *Album d'architecture géorgienne, rédigé par E. Takachvili, Tiflis 1924, pl. 77* внизу и 78: планы обоих этажей и разрез); набросок плана колокольни в Агдгома, сделанный мною 12.XI. 1922 года и чертежи

обмера колокольни Сапарского монастыря, сделанные арх. В. Л. Цилосани в 1935 г.

² См. план этого этажа. На разрезе видно только место вынутого в недавнюю переделку среднего столбика восточного пролета, правильно восстановленного в плане.

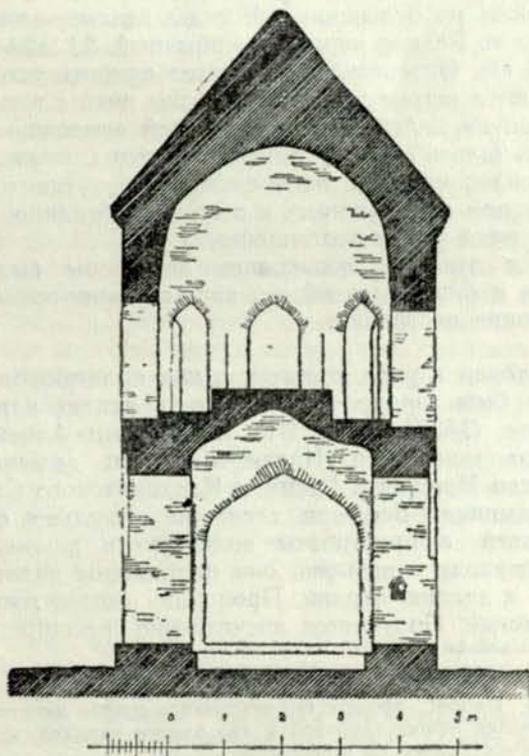
польный. На чертеже разреза Веджинской колокольни видна форма свода, указывающая, что предположен был один лишь колокол, подвешенный в центре свода на заложенном

колына построена западнее главной церкви «вознесения», которая несомненно сохранилась от времен, когда эта крепость была значительной опорой независимости Кахетии, т. е. ра-

Цинандали. План обеих этажей колокольни Георгия Сапариса

при кладке его кольцо. Кровля верхнего этажа идет по восьми граням и сходится шатром. В Агдгома и Сапара уклон наиболее пологий, т. е. шатер наименее высок из всей серии колоколен этого типа в Кахетии. В Веджини уклон очень большой. Тем не менее я полагаю, что Веджинская колокольня наиболее древняя из всех. Еще формы этого типа не приобрели в ней своей стройности и закругленности: чередование глухой грани с гранями о двух пролетах; выделение тяги при пятах арок четырех нижних устоев, проходящей со всех сторон — последнее представление как пережиток более ранних эпох — все это говорит за раннее время. Наконец, Веджинская колокольня имеет и наружные тяги под карнизом, шишки и карниз выкружкой — все декоративные элементы предыдущего периода. Шатер же кровли этой колокольни, как равно свод и, быть может, нишки в углах — позднее чинены. Шатер, таким образом, был просто повышен во время одной из неоднократных починок церковей Веджинской крепости¹. Все постройки этой крепости оштукатурены и лишены ясного облика их времени. Тем не менее ясно видно, что нижняя часть колокольни выведена вся из булыжника и только частью из крупных плит, положенных плашмя, в столбах; верхний же этаж выведен из кирпича. Коло-

Цинандали. Разрез колокольни Сапариса.

¹ Как мы знаем, в Веджини, в самое позднее время, на полпути от селения к крепости восстановлена была купольная церковь Кведа-Цминда. Тогда же, конечно, возобновлялись и церкви в крепости.

нее XII века. К колокольне позднее пристроили с севера небольшую церковку, по стене ко-

торой, вероятно, уже в XIX веке, пустили внешнюю лестницу во второй этаж колокольной.

Колокольня сел. Агдгома была построена при маленькой, ныне совершенно разваливающейся однефной церковке с ее южной стороны, к которой, кроме того, с запада пристроили еще меньшую капеллу из кирпича. Позднее лишь царь Александр (1574—1605) вывел восточнее этой древней церкви, сохранившейся донныне остатки поздней росписи, и восточнее колокольни большую купольную церковь¹. Конечно, колокольня продолжала первое время обслуживать и эту новую церковь, но построена она была не для нее, как может показаться на поверхностный взгляд, а ранее ее. Четыре основных устоя ее до пяти арок выведены из булыжника, все остальное из кирпича.

Колокольня Сапарского монастыря близ Цинандали тоже построена позднее самой церкви с северной ее стороны. Основание всей колокольни, т. е. как бы квадратный импост ее, сложен из булыжника. Все же здание — кирпичное. Размер кирпича — обычный, 22 × 22 × 5 см. Интересно, что четыре нижних устоя имеют в ширину каждой стороны пять с половиной кирпичей, — причем для этой «половины» приходилось ломать плитку². Карниз сложен из рядов кирпича, попеременно чередующихся из углов поставленных и в строчку (налицо — три ряда углов поставленных).

Все эти три колокольни возведены были хоть и близ церквей, но как самостоятельно стоящие постройки.

Вторая группа колоколен, как полагаю, может быть приурочена к царствованию царя Леона (1520—1574). Это колокольни Алванского монастыря Натлис-Мцемели, зальной церкви Успения в Греми и Карданахского Саба-Цминда. Все они стоят не отдельно от церквей, а пристроены вплотную к какому-либо входу в церковь; они поставлены вплотную к зданию церкви. Пропорции скорее приземистые. Получается впечатление расширен-

ного нижнего куба. Это достигается, главным образом, относительным понижением верхнего этажа по сравнению с нижним и с понижением самого нижнего в сравнении, например, с Агдгомской или Веджинской колокольнями.

Из этих трех колоколен Алванская является скорее соединительным звеном между наметавшимися первой и второй группами этих рядовых, можно сказать, типовых, колоколен³. Так, если Гремская и Карданахская колокольни имели только по одному входу, то в Алванской по-прежнему было сделано в каждой стороне по арочному проходу⁴; и свод нижнего этажа — здесь стрельчатый, на двух подпружных арках, из которых северная двуступчатая, причем внешний уступ не идет ниже пяти арок (табл. 395, 396, 397-а, 339, 342-а, 42, 43-а и планы на стр. 95 и 427).

В нижнем этаже Карданахской колокольни и колокольни перед входом в церковь Успения в Греми имеется только вход против входа в храм, к которому эти колокольни пристроены⁵.

Входы эти широкие, имеют форму стрельчатой арки. Но только вход в колокольню в Гремми занимал как бы всю ширину стены, заглубленной здесь обычным приемом в форме прямоугольной ниши⁶. Что же касается Карданахской колокольни Саба-Цминда, то вход в нее с севера помещен у правого угла фасада, также опять в прямоугольном заглублении, оставляя левее значительную часть стены гладкой и глухой. Впрочем, этот проход приходится прямо против двери в храм⁷. Кроме того, имеется еще вторая меньше и ниже дверь в колокольню с запада, а на восток — небольшое оконце. По-видимому, это было вызвано положением храма, где более обычный подход вел с запада, а не с севера.

Прямоугольное заглубление, в котором прорезан арочный вход в Гремскую колокольню, создает впечатление стройности и вытянутых пропорций этой квадратной поверхности⁸.

В Гремми и Карданахи для входа на второй этаж, в открытый киоск, созданы в толще стен лестницы. В Алвани такой лестницы нет, так-

¹ См. главу VIII.

² В южном пролете юго-восточного столба имеется небольшая нишка глубиной в две плитки кирпича, которые составляют ее перекрытие.

³ Вторично обследованы во время обмера, проведенного арх. В. Цилосани 28.IX.1933 года.

⁴ Из них позднее сплошь заложены южный и западный, с оставлением лишь маленьких оконцев, а восточный сужен до размера просто двери.

⁵ Карданахская вторично обследована 23.XII 1933 г.

⁶ Этот арочный проем и здесь позднее заложен до размеров простой двери.

⁷ Дверь в храм из колокольни обрамлена стрельчатой аркой в стене колокольни, вторая такая же симметрично сделана в левой половине этой стены колокольни. В восточной стене имеются две прямоугольные нишки.

⁸ По северному и восточному фасадам Карданахской колокольни на линии верха входной двери, также и в прямоугольном заглублении вокруг нее, имеется ряд кладки из ширины.

же как в первой группе колоколен. В Греми лестница начинается в западной стене, в Карданахи — в толще северной стены, начинаясь в пролете верхней арки. Она имеет 12 ступеней по направлению на восток, затем делает поворот и в толще восточной стены колокольни поднимаются еще шесть ступеней до пола второго этажа против открытого северо-восточного пролета его. Ступеньки высотой до 35 см. Перекрытие этого лестничного хода сразу после входа на нее поднимается до общего уровня, отвечающего перекрытию над верхней ступенью¹.

Верхний киоск этих трех колоколен состоит из восьми равных граней с высокими пролетами в каждой из них; проемы эти начинаются с уровня пола этажа, а по фасаду обрамлены прямоугольно западающей нишей. Проемы неширокие, с ломаной аркой².

Свод в нижнем этаже Карданахской колокольни парусно-купольный, но с незначительной растянутостью в углах, дающей некоторое приближение к собственно купольному своду на парусах. Свод верхнего киоска, перейдя с восьмигранного основания стен к кругу, представляет собой купол в Карданахи, насколько видно, не полусферический, а яйцеобразно вытянутый, в Алвани же правильный купольный свод. Этот верхний киоск в Карданахи подвергся в последнее время переделке — он обращен был в жилую комнату³.

Снаружи киоск завершается во всех этих колокольнях восьмигранным шатром из ребром поставленных кирпичных плиток; но шатер этот уже большей высоты, чем в Агдгома. Под кровлей сохранились остатки карниза из рядов кирпичей, поставленных углом и строчной. В Карданахи их было в 1933 году не менее трех пар, в Алвани — две⁴.

Карданахская колокольня сильно пострадала за последнее время вследствие полного отсутствия присмотра и возобновившегося ис-

пользования кирпича зданий Саба-Цинида для новых хозяйственных построек в Карданахи. В промежуток двух посещений (1922 и 1933 гг.) в своде между этажами оказалась проломанной вершина в круг. Верхний свод протекает. Угол поворота лестницы — разрушен.

При сопоставлении этой группы колоколен с Агдгомской выделяется простота форм последней, значительная невыравненность пропорций, которые в колокольнях второй группы уступили место определенной взвешенности и расчету. По фасадам они покрыты той же характерной для построек Левана системой декора, которой отмечаются церковные постройки XVI века: арки заключены в прямоугольные рамы, намеченные отступом кирпичной кладки стены. В Агдгома же есть только прямо врезанная в стену арка пролета; в остальных же гладкая стена.

Эти названные три колокольни я полагаю возможным отнести за счет строительной деятельности Леона прежде всего на основании отмеченных общих черт с церквями его времени, далее определенного развития более простых форм такой колокольни, как в Агдгомис-Сопели, а главным образом удостоверенной деятельности Леона, как обновителя Алванского монастыря Натлис-Мцемели, церковь которого он отремонтировал и покрыл росписью⁵. Он же перенес столицу в Греми и, конечно, пользующуюся большим уважением церковь Успения богоматери в Греми, к которой в храмовой праздник и до недавнего времени собирались из окрестных селений, он, естественно, счел желательным и возможным снабдить колокольней, притом обычного типа. Колокольню же при основанной им церкви Архангелов в цитадели Гремской он построил очень своеобразную, и о ней речь в следующем параграфе, как и о других столь же индивидуальных колокольнях его заказа. За единство рассмотренных трех колоколен говорят формы их, отделка и факт возведения вприслон ко входам в церкви⁶.

¹ В индивидуально значительных композициях колоколен Леонова времени в Ниноцминда и Ахали Шуамта лестницы в толще стен разработаны очень умело.

² В Алвани большая часть этих проемов позднее была заложена; в Карданахи — южный и юго-западный снаружи заложены и сейчас; в 1922 году были заложены почти все проемы, а в северо-западном даже сделан камин с дымоходом.

³ Размер кирпича в Алванской колокольне около 23 × 23 × 5 см., а в Карданахи частью такой же или меньше (21—23), а частью (в нижнем кубе), видимо, больше (24). Внутренность стен Алванской колокольни, судя по обобранному верху, бутовая.

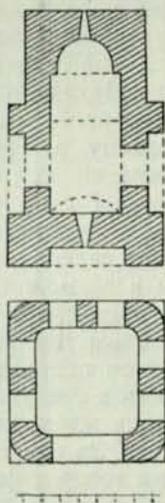
⁴ Ср. старые фото Алвани и Карданахи в собр. Ермакова № 5169 и 5738.

⁵ См. главу II. Колокольня выведена из такого же кирпича, из какого возведен дворец «Цхра-Кара», расположенный немного южнее церкви.

⁶ Мне кажется, косвенным подтверждением времени построения колокольни при церкви Успения в Гремси является приписка переписчика в рукописи № 139 Церковного музея (Т. Жордания, Описание рукописей Церковного Музея, I, 1903, стр. 146—147): *დავწყნოვ წიგნი ესე სებასტაოი ბრძანებითა პატრონისა დედოფლისა თინათინი სათა. დავიწყი გრემს სანახებესა ღის მწობელსა საყდარსა შნა თუმსა დეკემბერსა ივლისსა ქს სკვ (=1535). Написал книгу эту синаксарь по повелению государы-*

Если рассмотренные две группы колоколен представляют собой достаточно четкие архитектурные формы, позволяющие проследить определенный ход развития в них, который имеет еще известное продолжение, то имеется, по-видимому, падающая тоже еще на XV—XVI века двухэтажная колокольня с выделенной — и по формам — капеллой в нижнем этаже. Это — колокольня при Ахшанской церкви Горис-джвари.

На северо-восток от храма, шагах в 8—10 от угла здания стоит двухэтажная колокольня. Нижний этаж составляет часовню с выступающей абсидальной в прямоугольнике же частью, а верхний — восьмипролетный киоск. Сложено все здание из булыжника. В арках видно несколько кирпичей. Арки полуциркульные, как в верхнем этаже, так и в нижнем, где приближаются к яйцевидной форме. Нижний этаж состоит из основного прямоугольника, почти квадрата, в трех фасадах которого — южном, западном и северном — сделаны арочные заглибления примерно в 50 см, начиная от земли. К этому корпусу с востока примыкает вто-

Ахшани. План колокольни по обоим этажам

рой прямоугольник, южная и северная стены которого приходится на одной линии с заглибленными стенами первого. Этот восточный прямоугольник включает полукруглую абсиду с небольшим окном, а основной — прямоуголь-

ни царицы Тинатин. Начал в Греми во владениях богородицы в храме в месяц декабря шестого в хроникон 223 (=1535 год). Где же он мог жить и писать, если не в колокольне при этой зальной церкви?

ную удлиненную капеллу, со входом с юга и узкой, низко сидящей, оконной щелью с запада. Покрыта капелла коробовым сводом.

Киоск собственно колокольни размещен на внешнем абрисе нижнего большого прямоугольника корпуса, т. е. над заглибленными арками нависают устои киоска. Внутри киоск с заглиблением углов, а снаружи создается впечатление круглого барабана. Свод его провалился, как обвалилась и часть устоев.

Такой тип двухэтажной колокольни, в котором нижний этаж представляет собой не проходной портик, а закрытую капеллу, встречается только, правда, не выходя за пределы куба, напр. и в Иджарети, Хеоти, Читахеви и в Сапарском монастыре в Месхетии¹.

Преемник Леона царь Александр (1574—1605 гг.) также, по-видимому, содействовал не только обстраиванию своего царства церквами, но и колокольнями. Так, церковь св. Федора в нынешнем селении Лелиани упоминается в статейных списках русских посольств в Кахетии при Александре. Несомненно, что это не случайная, по пути, была остановка, а нарочитая, — показать заботу царя о восстановлении христианства. Иначе говоря, реставрация церкви и построение перед южным входом в нее колокольни естественно связывать с деятельностью именно Александра, а не кого-либо другого (табл. 123—125). Сохраняя в общем те формы, которые были выработаны при Леоне, колокольня имеет более вытянутые пропорции и прежде всего еще более острый, высокий шатер кровли. Характерно здесь только то, что колокольня не просто пристроена перед входом, а встроена в боковой неф: очень вероятно, что эта часть церкви была несколько разрушена — не случайно так изменили формы всего южного нефа — и потому колокольню вывели просто, используя остатки церкви. Но постройка в середине нефа закрыла боковые ее стороны и таким образом не было свободного доступа к колоколам. Поэтому по боковой стороне колокольни пристроена лестница, которая ведет на кровлю нефа, откуда непосредственный доступ во второй этаж колокольни.

В Матанской Цхра-Кара колокольня была выведена на кровле северного нефа главной базилики и северного, вплотную пристроенного притвора, т. е. здесь имеется один верхний па-

¹ В. В. Беридзе, Архитектура Самцхе XIII—XVI веков. Тб. 1956.

вильон в восемь пролетов из кирпича¹. Подобное же устройство павильона на кровле портика, в данном случае возведенного одновременно с самим храмом, имеется в Бочорма (табл. 324, 326-а, 327-а). Здесь и павильон выведен только не в кирпиче, а в камне. Кирпичные же только арочные завершения проемов.

Помимо отмеченных только что колоколен этого обычного типа, есть еще одна в монастыре Иоанна Зедазенского (табл. 44, 45, 47). Это опять только верхний восьмигранник, который был построен на древнем притворе. В этом павильоне только четыре пролета с полуциркулярной аркой сверху, заключенных в прямоугольные рамы. Карниз из кирпичей, поставленных углом. Перекрытие не сохранилось. Формы этого павильона вполне говорят за то, что это перепев, бесконечно повторяющийся, обычных форм. Вот почему я полагаю, что он есть скорее всего, как и Бочормская колокольня, постройка первой половины XVIII

века. Это отчасти может подтверждаться указанием (без ссылки на источник, однако) Дм. Баградзе на какую-то деятельность католика Доментия (1704—1724 и 1738—1742 гг.) по восстановлению Зедазенского монастыря². Правда, здесь необходимо отметить, что в XVIII веке Зедазенский монастырь, конечно, вполне вошел в сферу Картли, так что эту колокольню мы могли бы и не упоминать здесь. Но характерно, что к этому времени в отношении форм колоколен наступило слияние Кахетии с Картли или, быть может, опять — воздействие, влияние форм, выработавшихся в Кахетии и за пределами ее. Одно ясно, что эти формы становятся «каноническими», типичными также и в Картли XVII и XVIII веков, как показывают, подтверждают примеры Анчисхатской колокольни в Тбилиси 1675 года³ или колокольни Петхайнской (Вифлеемской) церкви там же, построенной кн. Гиви Амилахвари в 1740 году⁴.

2. КОЛОКОЛЬНИ НИНОЦМИНДСКОГО КАФЕДРАЛА, МОНАСТЫРЯ АХАЛИ ШУАМТА И МТАВАР-АНГЕЛОЗИ В ГРЕМИ

Ниноцминдская колокольня выходит из ряда обычных колоколен Кахетии; она представляет собой исключительно выдающееся, законченное художественное произведение высокого стиля. Она является целостным, строго продуманным и рассчитанным архитектурным произведением, исполненным выдающимся строителем (табл. 397-б—402)⁵. Тут же в Ниноцминда имеется построенный позже притвор собора, подражающий колокольне; но в нем пропорции частей, ниш, декоративного креста — вялы, свод простой парусно-купольный: т. е. различие этих двух построек одного характера в художественном отношении очень значительно и вполне наглядно выступает вперед⁶.

Колокольня выстроена вся из кирпича малого калибра в $24 \times 24/25 \times 4$ см.; в верхнем павильоне применен еще специальный лекальный для полуколонок кирпич размером $13 \times 27 \times 4,5$ до 5 см. Форма его общая для построек того времени (до Чикаани включительно). Колокольня состоит из четырех этажей, или собственно трех этажей комнат и четвертого открытого киоска с колоколами: этажи, конечно, намечаются уже в декоративной отделке фасадов. Высота колокольни до киоска равна 15 м, а высота киоска до верха карниза 4,75 и еще около 1 м шатер. Ширина западного фасада — 6,89 м.

Если рассмотреть сравнительно планы этих че-

¹ При вторичном посещении Матанской Цхра-Кара 27.XII.1933 года от колокольни остались только части арок восточной стороны. Так же на кровле смежных церковных построек, как и в Матанской Цхра-Кара, построена подобная же колокольня и в Шэreti, см. чертежи по размерам Н. П. Северова в *Album d'architecture géorgienne, Tiflis, 1924*: план церкви, план кровель, разрез и чертеж фасада колокольни (табл. 1, 5, 3 и 6); равно фото (рис. 4 на табл. III в МАК, XII).

² Дм. Баградзе, *Кавказ в древних памятниках христианства*, Т. 1875, и выше гл. II.

³ Она обмерена арх. Н. П. Северовым летом 1922 года; см. три плана, два разреза и детали на

стр. 256 и 257 и фасады на табл. СХ, а также фото на табл. СІХ и СХ в Докладах III Международного конгресса по иранскому искусству и археологии в Ленинграде, М.-Л. 1939.

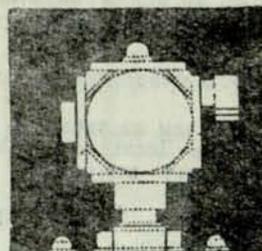
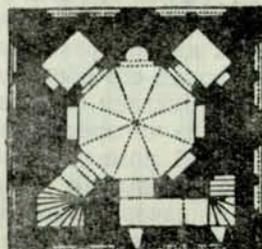
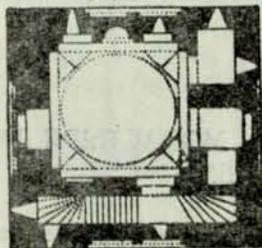
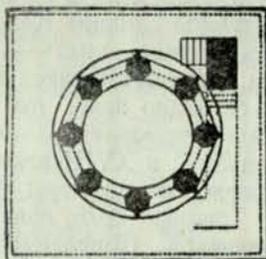
⁴ Пл. Иоселиани, *Описание древностей города Тифлиса, 1866*, стр. 233.

Во избежание недоразумения необходимо отметить, что фигурирующие на наших снимках колокольни Алаверди и Хирса не есть памятники грузинского зодчества, а казенные постройки «в стиле», исполненные в XIX веке.

⁵ Обмерена 18.—19.VI.1922 г. Н. П. Северовым. Обследовалась в различные посещения 31.VIII.1920, 29.IX.1920 и 18.—20.VI.1922 гг.

⁶ См. план церкви на стр. 233 и табл. 162.

тырех этажей, то становится сразу очевидной сознательная работа архитектора за столом, т. е. постройка по хорошо, во всех деталях продуманному и рассчитанному применительно к равномерному строительному материалу (кирпичу) чертежу. Каждый этаж представляет собой совершенно особый план, отличный от других и вместе с тем вполне характерный и интересный.

Планы по этажам

Первый этаж представляет твердое и крепкое основание всей колокольни — в толстых стенах заключено в самом центре их квадратное помещение с купольным сводом на угло-

вых парусах с изломом (табл. 400), какие применены для перехода к кругу купола в церквях Греми, Агдгомис-Сопели, Чикаани. С каждой стороны имеется неглубокий ливан. В северном ливане — небольшая ниша, в восточном — камин, а в южном — сбоку пролет на лестницу, ведущую в толще южной стены во второй этаж. Лестница эта (шириной 66—72 см) и ее направление отмечены на планах первого и второго этажей, и на разрезе пунктиром. По отношению к фасадному массиву колокольни помещение первого этажа воспринимается соборным при значительной высоте (4,27 м в зените свода при площади около 9,00 кв. м). Этот первый этаж был позднее застроен с трех сторон, только со стороны входа оставался открытым. В последние годы пристройки с севера и юга разобраны по решению Отдела охраны памятников, благодаря чему подтвердилось утверждение, что эти фасады были декоративно украшены с этих сторон также и в нижнем этаже. Как и предполагалось, этот декор закомпонован в полном равновесии с отделкой западного фасада, как и в других этажах (табл. 397-b—399).

Второй этаж представляет собой внутри по плану помещение в форме центрального восьмигранника в два по высоте абзаца стен (табл. 401, 402-a). В нижнем ряду находятся двери, камин и прямоугольные ниши. В верхнем же два окна с длинными подоконниками, поднимающимися уступами вверх. Окна помещены в южной и северной гранях, а соответственные окнам ниши находятся в других гранях, за исключением западной. Свод этого восьмигранника сомкнутый и несколько придавленный, как и парусный свод 1-го этажа, а равно и 3-го. Свод сложен в каждой грани ёлочкой. В северо-восточном и юго-восточном углах этого этажа находятся небольшие прямоугольные помещения с зеркальным сводом, сложенные так же ёлочкой, как и сомкнутый свод главной комнаты. В задних стенках этих помещений есть по небольшой нишке.

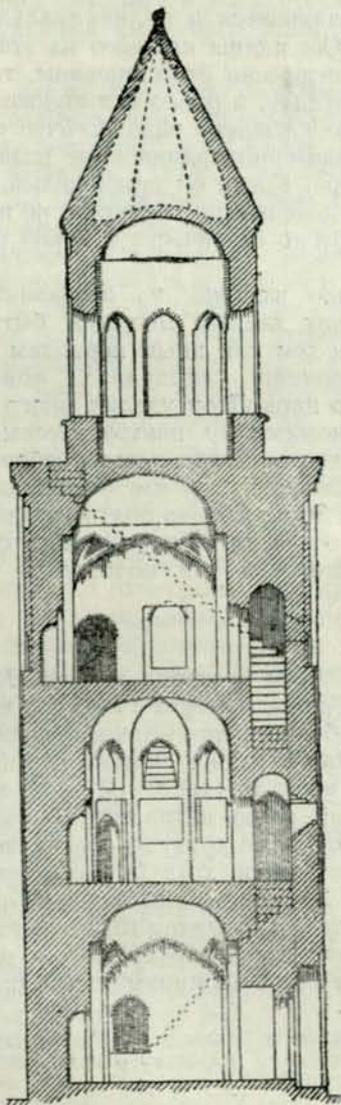
При входе в этот этаж с лестницы была первоначально довольно высокая стрельчатая арка, которая только немного ниже свода в имеющемся здесь, до двери в зал, коридоре (разрез). Позднее этот пролет был сильно понижен и слегка сужен, так что сейчас можно только согнувшись пролезать сквозь него. Сбоку этого сужения вставлена балка с резьбой 1671 года от двери церкви¹. Лестница в тре-

¹ См. выше, стр. 243.

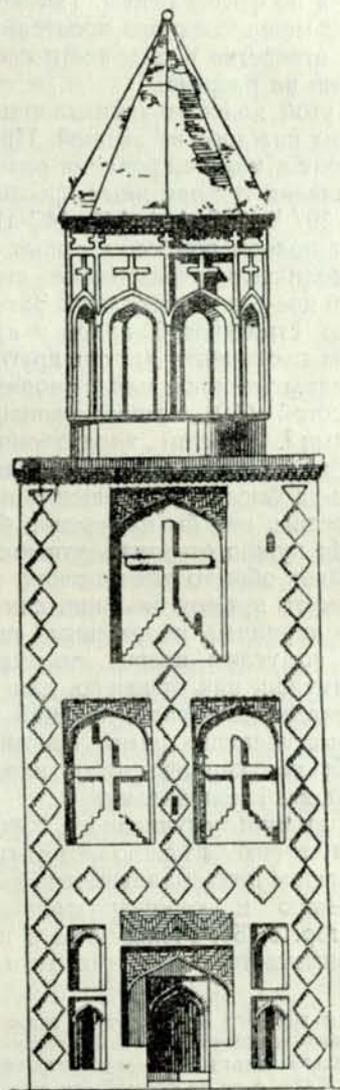
Третий этаж идет с с.-з. угла и проходит в толще западной стены до двери в третий этаж.

Третий этаж по плану состоит из основного квадрата общей площадью около 14 кв. м, с при-
давленным парусным сводом на угловых парусах с изломом и кладкой в ёлочку (табл. 402-b). В восточной стороне между двумя нишками с узкими окнами находится и здесь камин. На юг ведет дверь в небольшое, отделенное пря-

единственное помещение во всем здании, которое производит впечатление капеллы, хотя восточная его сторона без абсиды. Рядом со входом в это помещение имеется открытый проход на юг, заканчивающийся широким наружу пролетом, почти от полу, а в сторону под лестницей на верхнюю площадку колокольни—низкая на уровне пола, глубокая ниша (план). На север выходило такое же широкое окно почти

Разрез на юг

Западный фасад

моугольное помещение с двумя окнами и зеркальным сводом и полочкой при его пята. Это—

с пола, как на юг в конце прохода; вся нижняя часть его позднее была заложена.

Лестница на верхнюю площадку сперва идет в толще западной стены, как бы продолжая лестницу из второго в третий этаж, а затем проходит в толще южной стены и, наконец, несколькими ступенями выходит в восточной части наружу¹.

На верхней площадке помещен восьмипилонный киоск с купольным сводом (высота около 5,00 м)². Над ним вздымается шатер кровли, показанный в своем уклоне не на основании измерений, а по фотографиям. Так же внутренняя пустота междусводного пространства, видного через отверстие в с.-з. части свода, показана условно на разрезе.

Фасады этой колокольни различны так же, как и планы каждого из этажей. Принцип отделки состоит в комбинировании разными плоскостями кладки тех или иных простейших фигур (табл. 397-б, 398, 144, 145, 147-а). По сторонам идут полосы ромбов, которые кроме того еще дополнительно разбивают стену горизонтально и кое-где вертикально. Затем имеются рамы со стрельчатой аркой и крестом на ступенчатом постаменте друг в друге; или же большие открытые арки, или с запада входная дверь (высотой 2,19) с многогранными по бокам нишками³. Притом характерно, что маленькие отверстия оконных щелей, как пятна, не приняты на фасадах совершенно в расчет — они разбросаны, как бы намеренно без всякой системы. Но нужно отметить, что это несколько не умаляет общего впечатления.

Карниз всего прямоугольника, как и киоска, состоит из кирпичей, положенных рядами попеременно то углом вперед, то строчно. На киоске применен, как отмечено, для наружной отделки лекальный кирпич, дающий в круглом профиле выступающие рамы, крестики, ребра и т. д. Кладка кирпича этого киоска более тесная, чем всей колокольни.

Для понимания умудренного художественного опыта строителя важно отметить, что чертеж по обмерам показывает нам верхний киоск по отношению к корпусу очень большим (15 : 4,75, гсп. 5,75). Между тем в натуре это вовсе не замечается; напротив того, художе-

ственная яркость одним из главных моментов имеет этот контраст, это противопоставление пропорций двух названных частей, что в значительной мере передают и фотографии. Другими словами, ясно, что зодчий определенно рассчитывал на высоту своей колокольни и связанное с этим изменение впечатления пропорций.

Таким образом, колокольня Ниноцминдского собора есть художественное произведение, резко выдающееся и индивидуально значительное. Как планы каждого из этажей чрезвычайно интересно скомпонованы, так и каждый из фасадов, а равно вся колокольня в целом своего внешнего вида. Сейчас она значительно превышает грандиозные развалины самого собора. Когда он стоял целый, она уступала ему, конечно, по размерам, но несомненно соперничала по стройности и яркой расчлененности.

Как было указано, на основании разбора исторических данных, могущих быть приуроченными к тем или иным периодам переделок или реставрации кафедрала⁴, можно утверждать, что царь Леон уделил много внимания этому епископскому центру. Несомненно, что при вторичном восстановлении собора он украсил его всячески, т. е. именно придал ему колокольню. Это косвенно подтверждается и тем, что, хотя о ней нигде не упоминается, по прошествии столетия эта колокольня во всяком случае уже стояла⁵.

Тот же Леон построил церковь Мтавар-Ангелози в Греми, а рядом с нею находится своеобразная башня в три этажа, причем на одном боку третьего этажа устроена открытая башенка колокольни (табл. 403—404, 360—364)⁶. Это строение очень интересно. Несомненно, что оно появилось не сразу, и также несомненно, что нижние части, хотя бы некоторые из них, возникли до построения церкви архангелов. На последнее указывает то, что юго-западный угол церкви несколько срезали в нижней части, чтобы получить минимальный проход меж-

ской колокольне в Тбилиси (III Международный конгресс по иранскому искусству и археологии. Доклады. М.-Л. 1939, табл. СХ).

¹ См. план третьего и четвертого этажей, а равно разрез, где она нанесена, большей частью пунктиром.

² Для разреза взята ось через центр пролетов (высота пролета 2,42), а не по прямой оси сторон квадрата основания.

³ Характерно, что эта разделка входа с частностями кладки фестоном, уступами основания арки и нишками в два этажа разных планов с измельчением всего художественного масштаба стала, видимо, особенно ходкой, ибо повторена еще в 1675 году в Анчисхат-

⁴ См. выше, глава V.

⁵ Она не была построена Николаем Андроникашвили, ибо не упомянута в надписи 1671 года.

⁶ Теперь над этой постройкой висит нелепым придатком восьмипролетный киоск более новой колокольни, но это только искажение всего художественного ансамбля.

ду церковью и почти вплотную подходящей здесь комнатой («პალატო» — «палаты», как ее называют и в настоящее время) этого сооружения¹. Эта комната большая, просторная и высокая со входом с севера, т. е. со стороны церкви. В глубине ее проход в коридор, расположенный вдоль задней стены «палат». Коридор этот оканчивается в западном конце крохотным помещением с маленькими просветами, а в восточном конце расходящимися в толще стен и идущими в полукруг лестницами вверх — направо во второй этаж, а налево в третий.

Второй этаж состоит из довольно просторного квадратного зала, имеющего три ливана, из которых восточный с широким окном и видом на селение и долину. Зал имеет купольный свод на оригинальных угловых парусах с дополнительными поменьше над основными — типа поздних персидских дворцов (табл. 404-а)². В этом зале предание указывает остатки торне (особая для хлеба печь) и специального лежа из камня, чтобы месить тесто. В центре купольного свода имеется отверстие круглое, а почти под ним другое уже прямоугольное в первый, нижний этаж.

Третий этаж, в отличие от описанных двух, сразу же при внимательном осмотре представляется не однородным, в нем различаются две эпохи построения. Первоначально была, по видимому, одна большая комната, удлиненная с севера на юг и перекрытая двускатной крышей. Она имела широкие, открытые пролеты с видом долины на восток. Затем в северной части ее выделили небольшую комнату — переход к круглой колокольне на с.-в. углу. Эта колокольня имеет три пролета. На столбах сделаны уступы, очевидно, для балок, на которых подвешивали колокола (табл. 404-б). О построенной выше этой колокольни второй восьмипролетной башенке я говорил уже ранее, но она не представляет интереса, как позднее добавление.

Описанные переделки помещений третьего

этажа заметны и снаружи при внимательном рассмотрении кладки, в которой даже кое-где проступает какой-то первоначальный карниз.

Помимо упомянутой уже выше угловой каморки в западном конце коридора первого этажа, имеются подобные же заполнения мертвых частей во втором этаже между лестницей и входом в зал; а в третьем этаже с лестницы в стороны, под первоначальной колокольней.

Несомненно, таким образом, что построив рядом с существовавшей тогда уже укрепленной башней цитадели и палатами церковь Мтавар-ангелози, царь Леон велел сделать в верхней части башни колокольню для церкви. Для этого была переделана часть третьего этажа первоначальной постройки, вероятнее всего, того же Леона, но только из более ранних годов его царствования.

Здесь нет, правда, вовсе какой-либо целостной идеи колокольни, как в Ниноцминда, но замысел принципиально получил разрешение в одном и том же направлении — на трехэтажном башнеобразном сооружении выделена сквозная, круглая в плане колокольня³.

Что этот художественный подход был тогда особо выношен архитекторами, подтверждает и колокольня нового монастыря в Шуамта, построенная по преданию няней царицы Тинати⁴. Что она построена одновременно с храмом, подтверждается упоминанием ее в старейшем списке московского посольства князя Мыщецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—1643 гг., где она описана в следующих словах: «Да у тое же церкви колокольня каменная на 4 углы, вышиною выше церкви; свершена шатром. Креста и колоколов на ней нет. А всход изнутри: лесница каменная»⁵. К сожалению, колокольня сильно была разбита молнией в 1833 году и затем чинена⁶.

Хотя она не только чинена, но и подновлялась в духе русских церковных вкусов XIX

¹ Первоначально осмотрено 22.VIII.1920 г., а детальнее обследовано 23.VIII.1922 года.

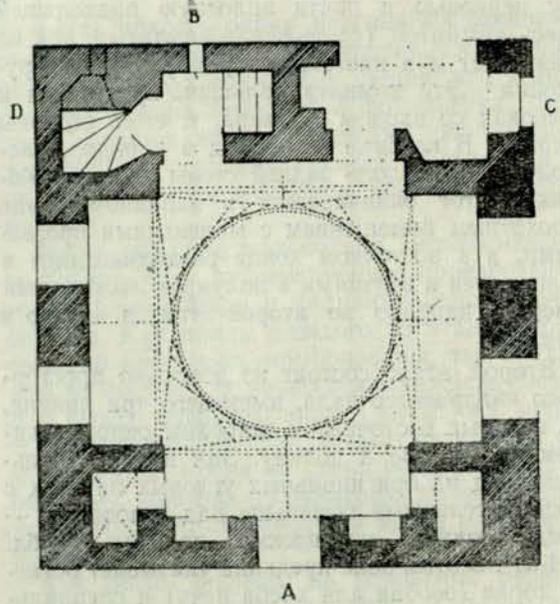
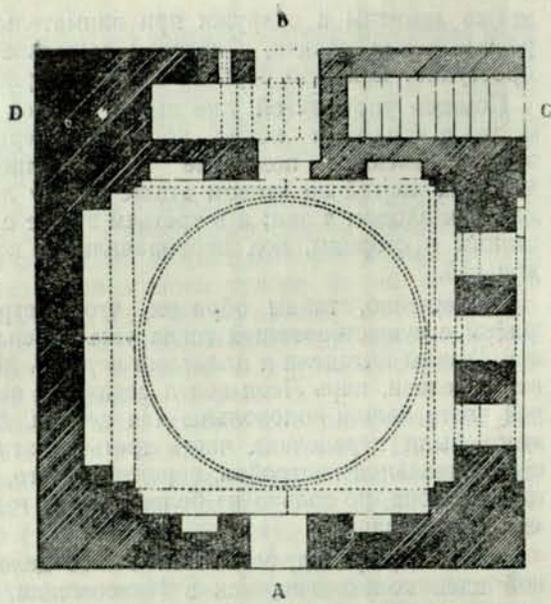
² Ср. паруса персидской мечети в Мазандеране 1610 года, изданные Strzykowski, *Baukunst der Armenier*, Abb. 393, S. 34, или во дворце шаха Абоаса в Ашраве 1612 г., изданные Fr. Sarré, *Denkmäler persischer Baukunst*, 1910, Text, S. 106. Abb. 142—3.

³ Посольство Мыщецкого и Ключарева 1640—43 годов отмечает в Греми: «да посторонь тое церкви (Мтавар-Ангелози) полата, а от той полаты вверх 2 полаты, а на тех полатах кабы бывала колокольня да иные закамарки» (М. Полиевктов, стр. 156).

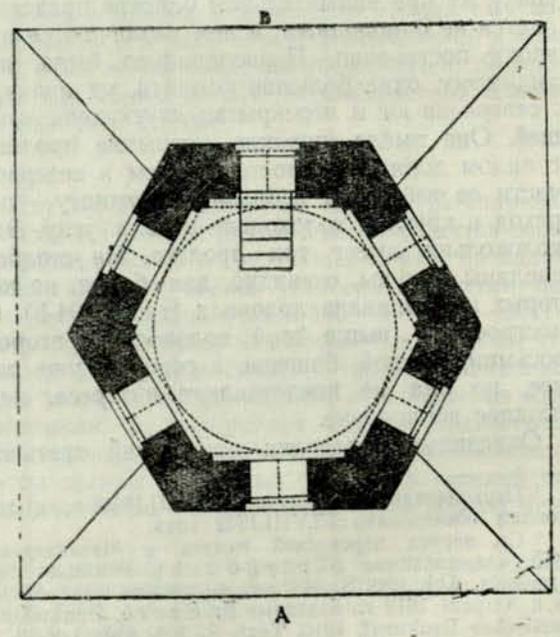
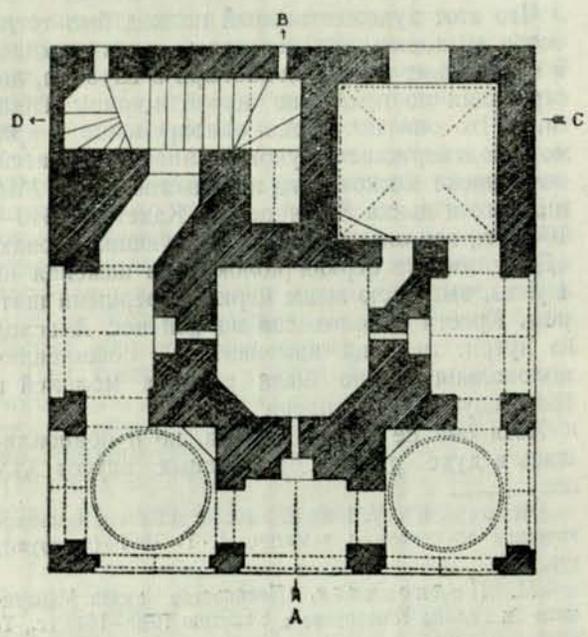
⁴ Brosset, *Voy.*, I, 58; Е. Такайшвили, *Археологические экскурсии и заметки*, I, Т. 1907 (по-груз.), стр. 265.

⁵ М. Полиевктов, *Посольство князя Мыщецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—1643 гг.*, Т. 1928, стр. 128.

⁶ Пл. Иосселиани, *Путевые заметки по Кахетии*, Т. 1845, стр. 92. Броссе, ц. м., о восстановлении не упоминает, но пишет, что она в хорошем состоянии.

Планы первого и второго этажа

Планы третьего и четвертого этажа

века, а импозантный, особенно по высоте до 7 м, приемный зал первого этажа даже поделен на два этажа, все-таки первоначальные формы устанавливаются с полной отчетливостью. В этой колокольне как и в Ниноцминда, три этажа основного массива, поверх которого небольшая шестигранник с маленькими пролетами и шатровым перекрытием (табл. 405, 406)¹.

Несомненно, что эта колокольня являлась не только и, пожалуй, даже не столько колокольней, сколько жилыми и приемными аппаратами — можно, кажется, без большого риска сразу же высказать предположение — царицы Тинагин, удалившейся в середине XVI века в этот, ею построенный, монастырь. Только в самом верху, как и в Ниноцминда, имеется балдахин — здесь довольно грузный и массивный, — служивший, по всем данным, звонницей с колоколами. Лестница, которая ведет на эту вышку колокольни, обслуживала одновременно — и, можно думать, прежде всего — жилые этажи башни: второй и третий, а также отдельную небольшую комнатку между первым и вторым этажами. Вся же башня представляет собой различные помещения, расположенные в трех основных этажах, и еще ряд небольших дополнительных — в междуэтажных массивах.

Проследим сперва основные помещения.

В первом этаже имеется один большой зал до 7 метров высотой, при наибольшей глубине с севера на юг в шесть метров и при размерах основного квадрата плана в пять. Зал этот освещался тремя окнами с юга². Зал имел два входа — главный, парадный с запада, причем нужно было снаружи подниматься по ступенькам вверх и затем немного спускаться в зал; и второй, так сказать внутреннего назначения, с востока. По сторонам входов имеются неглубокие ниши в зале. Из расположения ясно видно, что в этом парадном приемном зале,

против окон, могла быть расположена статуя принимавшей особы, тем более, что здесь стена несколько заглублена. Свод залы плоский купольный на угловых с изломом парусах и с дополнительной разделкой. По четырем стенам арки с типичной для эпохи стрельчатостью³.

Помещения второго этажа при всей просторности сразу же отражают иной характер — именно известной интимности, семейности, уюта. Если основная зала по площади немногим меньше нижней, то она прежде всего намного ниже и иной формы: до вершины центрального перекрытия — не полных 5 метров, а в ливанах — 3,5. К центральному квадрату с плоским купольным сводом на угловых с дополнительной разделкой парусах примыкают неглубокие ливаны со стрельчатым сводом. Освещен зал обильно окнами; с юга и с севера их — по два, а с запада — одно⁴. Вход в эту залу с востока, с лестницы. Соответственно входной двери в другом конце восточной стены — дверь в отдельную небольшую комнатку, имевшую свое окно на юг. В этой комнатке два заглубления стен, начинающиеся с полу; из них в наружной (восточной) стене это заглубление сделано, вероятно, путем закладки большого арочного пролета на восток; этот арочный пролет при постройке был сделан не для того ли, чтобы создать аркой условия для предполагаемой нагрузки верхнего этажа; т. е. можно предполагать, что заполнен проем этот был одновременно с окончанием здания. Неровности кладки снаружи, по-видимому, объясняются применением в значительной части булыжника. Важно, что с фасада в пределах данного арочного проема примерно на метр выше пола имеется (изнутри прикрытое) такое же окошечко, какие освещают большую лестницу башни. Впрочем и функционально непонятным был бы этот арочный пролет открытым при наличии рядом (на юг) окна: не получается комнатки. По стенам данной комнатки и особенно

фактически производился в теперешних двух этажах и притом по нижнему в застроенном и перестроенном помещении, то получилось по южной стене расхождение форм, из которых формы нижней части даны заштриховкой массивов, а верхней части пунктиром поверх нее. Прорубленные внизу окна на север, а вверх дверь — искажение последнего времени; так же как закладка дверей внутри.

⁴ И эта зала не избежала поздних переделок. Вместо окна — на запад дверь, ведущая на чердак пристроенного дома. Очевидно, первоначально здесь было окно, тем более, что верхняя линия его приходится наравне с окнами северной стороны. Так же и в южной стене окно переделано в дверь в начале 1930-х годов, а западное окно на север заложено.

¹ Колокольня подробно обследована в ноябре 1935 года, тогда же сделан и обмер ее арх. Цилюсани.

² Еще по фото 1914 г. видно, что они не были тронуты. С тех пор произошли значительные изменения: на месте среднего окна проломана дверь; по высоте зал поделен (в XIX — начале XX вв.) дополнительным перекрытием, укрепленным на высоте пят арок ливанов, таким образом из него сделано два этажа. В стенах пробиты входы и отверстия для освещения. Получившийся нижний этаж перегорожен на складские помещения и на уборные. Перед ним пристроена деревянная галерея.

³ См. план первого этажа и разрез по оси О — IV с видом на север. Так как обмер зала первого этажа

большой залы этажа много стенных ниш — в северной и южной стенах над окнами, в западной стене по сторонам окна на удобной высоте и над ними. Кроме того, из западного ливана внизу имеются проходы в небольшие чуланы на север и на юг с соответствующими окошечками¹.

Третий этаж, на который вход опять с востока, с общей лестницы, представляет собой нечто вроде балкона. За коридором под углом, идущим от входа, начинается по северному и идет далее по западному и южному фасадам открытая аркатура на легких кирпичных столбиках, расположенная по трем сторонам башни так, что по северному и южному фасадам получается по две арки, а по западному три: все они на равном друг от друга расстоянии. Таким образом, западный фасад в третьем этаже весь в аркатуре, а северный и южный фасад по двум третям². Каждый отрезок балкона против арок особо оформлен: оба угловых с двумя арками на запад и юг (гсп. на запад и север) квадратны в плане и перекрыты купольным сводом на угловых парусах. В углу стен небольшая скамеечка, наискось сложенная из кирпича же. Дверные проходы все невысокие и прямоугольные вверху, благодаря чему каждый отрезок балкона подчеркнуто отделяется от других. Средние отрезки балкона по каждому фасаду прямоугольны со стрельчатым сводом и имеют в стене посередине нишку, а из нее вверху идет квадратная в сечении отдушина для среднего темного помещения этого этажа, о котором ниже.

Юго-восточный угол третьего этажа башни представляет собой квадратную комнату (около 7 кв. м площадью), перекрытую зеркальным сводом и освещаемую окном с востока. На запад кроме входной двери над угловой кирпичной скамеечкой имеется небольшой люк в стене, ведущий в упомянутое выше темное помещение с отдушинами, высотой меньше одного метра³.

Та же лестница, с которой в сторону по двум ступенькам попадали во второй и в третий этажи, выводит и на открытый верх башни с его шестипролетным балдахином. Изнутри балда-

хин очень высокий, просторный; перекрыт: купольным сводом на шести парусах. Арочные пролеты — скорее окна; вокруг каждого из них заглабление стены той же стрельчатой формы. Пол вымощен по рисунку шестигранника⁴. Для подвешивания колоколов ничего, кроме углублений для балок в проемах, назвать не могу; впрочем, тут не исключается возможность позднего пролома их. Кроме того, имеется балка, вставленная в гнезда поперек всего купола; ее подпирает вторая накрест, в свою очередь опирающаяся по стенам на приставленные деревянные устои.

Описав главные помещения башни и колокольни, нам необходимо отметить еще лестницу и второстепенные помещения.

Лестница начинается на углу башни длинным прямым маршем с юга на север; проем ее расположен около метра выше уровня земли. Снаружи вели к нему раньше ступеньки. Лестница широкая — метр с лишним. Стенки и ступеньки из кирпича, а передняя линия ступеней была выложена деревянными брусками. Потолок лестничный идет ступенями и большими плоскостями, образованными из балок, тесанных в ровную поверхность. Перед вторым этажом лестница делает небольшое колено и затем крутым винтом поворачивается в обратном направлении с севера на юг, выделяя дверь на третий этаж и поворачивая под прямым углом на четвертый. Лестница имеет небольшие окошечки, дающие, однако, достаточно света и притом удачно расположенные. Против входа в комнату второго этажа небольшое окно (72 см высотой при 26 ширины). Вверху оно делает уступ. На уровне пола четвертого этажа в углу над лестницей, хорошо освещая ее винтовую часть, сделано окошечко с востока, высотой в 54 см. Последнее колено лестницы, идущее по направлению с востока на запад для выхода под балдахином и перекрытое кирпичной кладкой стрельчатым сводом (под восточным проемом балдахина), освещается окошечком с востока, еще меньших размеров — примерно в половину — чем предыдущие⁵.

революционные годы. Балконная часть колокольни, как сказано, пострадала 120 лет назад и была закреплена, нельзя сказать, чтобы удачно в художественном смысле.

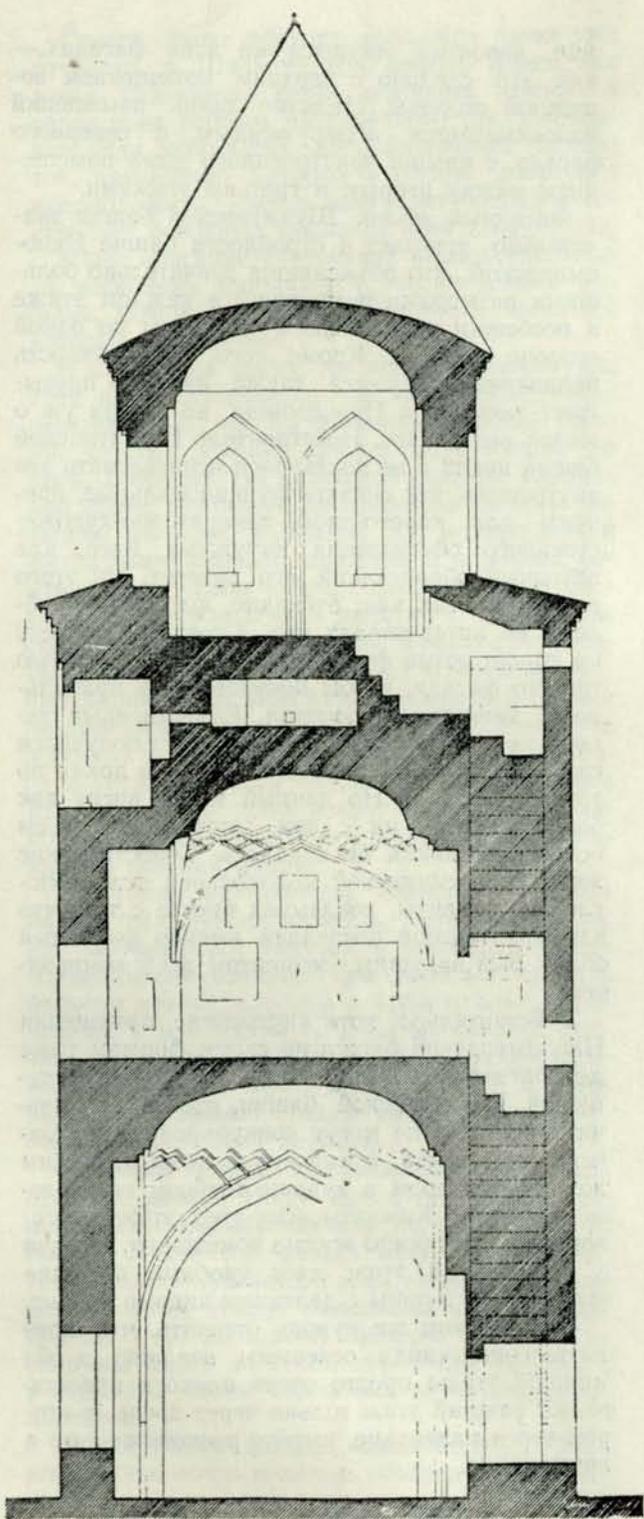
⁴ См. план четвертого этажа и разрез А—В. Отделка проемов балдахина заставляет думать, что эта грузная форма его первоначальна.

⁵ См. планы всех этажей и оба разреза, а для формы лестничных окошек табл. 406.б.

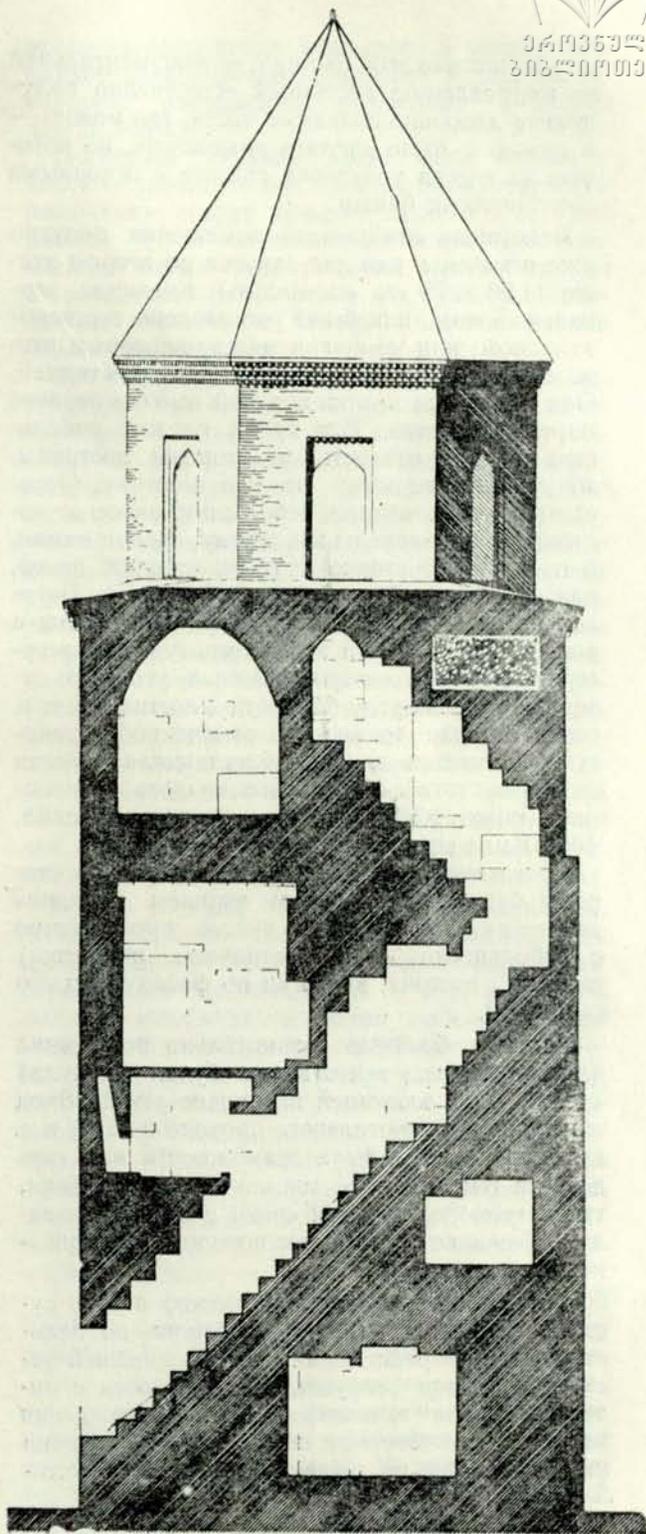
¹ См. план второго этажа и разрез А—В, а для маленькой комнаты и двери с лестницы разрез С—D.

² В этом этаже видны железные скрепы, установленные после удара грома в 1833 г.; кроме того, заложены средний северный и оба крайних западных пролета.

³ См. план третьего этажа и оба разреза. Угловая юго-восточная комната сильно ремонтировалась в пред-

Разрез на север (по А-В)

Разрез по лестнице

В массиве этой башни с ее монументальной по направлению лестницей естественно получились довольно солидные части, где можно — и нужно — было сделать помещения, но которые не всегда удавалось связать с основными помещениями башни.

Некоторые связанные помещения попутно уже отмечены, как два закутка во втором этаже (1,20 × 75 см площадью), имеющие зеркальный свод, как было установлено в северо-западном; или комнатка между первым и вторым этажами, расположенная над лестницей. Она находится против средней высоты первого марша лестницы. Для входа служит небольшое дверное отверстие со стороны лестницы, по прикладываемому от нее мостику. Освещается эта комнатка небольшим окном с востока. Около окна на юг, в углу, сделан камин, а в западной стенке устроен стеновой шкаф, как и в северной над дверным проемом. Потолок из деревянных балок. Высота комнаты в рост человека. План этой комнатки иррегулярный: срезан северо-западный угол¹. В северо-восточном углу башни под лестницей, т. е. почти отвечая только что отмеченной комнатке, имеется также облегчающая массив башни пустота². Окно этого низкого помещения (ниже 1,50 м) было с востока (табл. 406-б) над крышей пристроенного здания.

Кроме того, вверху этой же восточной стороны башни над верхним маршем лестницы также имеется какое-то пустое пространство с небольшими (как лестничные окошечки) окнами с востока, видными по фасаду, под его карнизом³.

Наконец, большое сравнительно помещение (можно думать, нечто вроде будки караула) сделано под лестницей на уровне земли. Вход в него из дополнительного прохода в залу, т. е. для караульного была возможность как следить за тем, что происходило снаружи здания, так и непосредственной связи с приемным залом. Помещение это имеет потолок уступами — неясно почему.

Кроме этих имеются несомненно и еще пустоты в больших массивах башни, но недоступные непосредственно. Ввиду нынешней застройки башни снаружи, в особенности с интересных для выяснения этого утверждения западной и с северной сторон, их невозможно наметить даже по оконным отверстиям, кото-

рые, вероятно, имеются на этих фасадах, — как это сделано с верхним помещением восточной стороны. Наличие таких помещений подсказывается обнаруженным с северного фасада, с крыши пристроенного дома помещением между вторым и третьим этажами.

Фасадный облик Шуамтинской башни значительно уступает в стройности башне Ниноцминдской. Это объясняется значительно большими размерами помещений в каждом этаже и особенно размещением лестницы по одной стороне корпуса. Кроме того, и массивность балдахина в Шуамта также намного превышает таковую в Ниноцминда, не говоря уж о малой высоте его. Но строитель Шуамтинской башни никак и не постарался использовать эти внутренние, так сказать функциональные, причины для какого-либо декоративно-художественного оформления наружных масс, как исходный образующий его момент. Он этого не сделал, так как, очевидно, фасадная проблема не интересовала его. Стоит посмотреть на прилагаемые фото, дающие хотя бы частью три его фасада, чтобы почувствовать правильность данного заключения. Единственный декоративный момент, который у него получился сам собой, это — открытый балкон в арках по третьему этажу. Но данный мотив висит как бы в воздухе, ни с чем другим и со всем остальным никак не сливаясь. Сопоставление же с Ниноцминдской колокольней ставит последние акценты, показывая вместе с тем, что для архитектора последней именно фасадный облик был ведущим моментом всей композиции.

Действительно, хотя внутренние помещения Ниноцминдской башни по своим формам тоже декоративнее и изощреннее, чем формы помещений Шуамтинской башни, все-таки по впечатлению они не могут конкурировать с угонченностью вкуса, проявленной ниноцминдским же архитектором в художественном оформлении фасадов. Комнаты всех трех этажей равноценны как просто жилые помещения, в связи с чем верхний этаж дает удобные большие окна в две стороны с далекими видами из них.

В остальном же нужно оттенить, что комнаты Ниноцминда освещены неважно, а оба нижних этажа просто очень плохо и недостаточно: нижний этаж только через дверь, а второй через маленькие, высоко расположенные в нишах окна.

строенного к башне по северному фасаду дома.

³ См. ту же табл. 406-б; они условно нанесены на разрезе.

¹ См. разрез по лестнице С—D.

² См. тот же разрез. Проник арх. Цилосани в это помещение через пролом стены с чердака, при-

Совсем иначе обстоит дело, как было уже отмечено, в Шуамтинской башне. Здесь как ясное различие форм основных комнат в связи с их особым назначением, так и создание ряда небольших дополнительных комнаток, назначение которых в общем возможно предположить, — четко выступает вперед и составляет основную ценность всей композиции.

Наше описание внутренних помещений башни несколько дополняется рассмотрением фасадов, почему необходимо привести здесь некоторые наблюдения.

В настоящее время, да впрочем давно уже, хотя не первоначально при построении, главным фасадом, как бы основной стороной башни, служил южный фасад, обращенный во двор, к церкви. На сплошной гладкой кирпичной стене, венчанной проходящим по всем четырем фасадам карнизом из чередующихся рядами выступающих кирпичей и кирпичей поставленных углом вперед, выделен был прямоугольник метров в пять высотой с западанием стены сантиметров на десять. Верхняя горизонтальная полоса его оттенена из углом положенных кирпичей. В этой раме находились три окна приемного зала в первом этаже. Дверь на лестницу оставалась вне этой рамы. Кроме того, и вверху сделаны аналогичные западающие прямоугольные поля вокруг каждой из балконных арок третьего этажа, так же оформленные по верхней линии.

По мысли архитектора главным фасадом башни был, нужно полагать, западный фасад, как им считался так же и западный фасад Шуамтинской церкви. Три арочных пролета балкона вверху, каждый в прямоугольных рамках, как и рядом по южному фасаду, придавали башне основное, впрочем и единственное, украшение. Внизу здесь же был и главный вход в башню (также, несомненно, по небольшой наружной лестнице).

Северный фасад, находящийся прямо над откосом, делает снизу вверх три уступа толщины массива, отвечающие каждому из трех этажей башни (ср. разрез CD). Никаких организовано членящих фасад элементов, кроме двух рамок вокруг балконных арок, как на южном (гсп. западном) фасаде, нет. Внизу снаружи видна по углам кирпичная кладка, а в основной части стены она из крупного булыжника¹.

На восточном фасаде, единственно доступном сейчас почти целиком обозрению, нет уже

вовсе организующих моментов, а только случайное расположение отверстий и притом отверстий, совершенно различных размеров (табл. 406-b).

Последнее верхнее звено всей башни — киоск — украшено все теми же элементарными рамочками вокруг каждого проема с верхней линией углом поставленных кирпичей. Венчающий карниз под шатровой кровлей так же из нескольких рядов углом и в строчку поставленных кирпичиков. Из-под железной крыши видны три пары их.

Все четыре фасада, по мысли строителя, выступали в естественной окраске кирпича и известковой прослойки его, как сохранено это и сейчас еще в застроенных зданиями частях северного и западного фасадов (первый и часть второго этажа). Побелка же видных частей произведена впервые и только, видимо, в конце XIX века под общим тогда влиянием русской церкви. Вторым, однако, лишь слегка заметным, привнесением являются железные затяжки третьего, балконного этажа башни, как прием укрепления, последовавшего за разрушением 1833 года. Несколько больше мешают произведенные тогда же закладки боковых пролетов с запада (и одного с севера). Затем особенно сильно искажает и закрывает башню снаружи пристройка балконов по южной стороне с их лестницами, обильной оштукатуркой стены и серыми панелями на этажах.

Нужно сказать, что и внутри все основные, легко доступные помещения, искажены из-за произведенной поздним русским церковным управлением бессмысленной и художественно ложной, искажающей облик побелкой, а где (как, наприм., в юго-восточной комнате третьего этажа) и густой штукатуркой с покраской стен. Намечавшиеся Комитетом охраны памятников искусства и старины при ВЦИК-е в отношении Шуамта задачи раскрытия памятника от искажений, как закрепительными работами, намечавшимися НКЗдравом в 1937 году в интересах своего дома отдыха и совхоза, к сожалению, остались невыполненными.

Таким образом, мотив использования жилой башни в качестве колокольни является в эпоху середины XVI века общим для ряда построек.

Эта задача, интересовавшая — как показано — разных зодчих того времени, получила высоко-художественное, законченное фасадное разрешение в Ниноцминда, на западном краю тогдашней Кахетии, правда, при величайшей святине страны, соборе Ниноцминделей. С другой стороны, чрезвычайно продуманное и диф-

¹ Окна внизу прорублены только недавно и притоки их выравнены новым кирпичом.

ференцированное по назначению отдельных помещений и зал решение дано в Шуамта. Со всем иначе соединена Гремская башня и колокольня с отдельно стоящей залой «палат»; она является как бы переходным памятником, на котором и киоск колокольни является после-

дующим добавлением, а не звеном первоначальной композиции.

Эти устремления и искания идут, таким образом, параллельно с осуществлением установившегося простого типа колоколен.

3. К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ КОЛОКОЛЕН НА КАВКАЗЕ

Как было отмечено, вопрос о распространении на всем христианском Востоке колоколен до сих пор чрезвычайно далек от своего решения, даже от простой ясности проблемы. Георг Штульфрут, останавливаясь, как принято, на данных Константинополя и собственно Византии, считает возможным заключить, как тезис, что в столице, вместо колокола в больших храмах, «даже самых аристократических, еще в начале XIII века нашли применение ради указания общине начала богослужения» разные виды била и, что «и в начале XIII века еще такие большие и богатые храмы, как церковь Апостолов, держали древнего обычая и отказывались от употребления колоколов. В истории колокола и семантрона это свидетельство Николая Месарита [между 1196—1203 гг.] будет поэтому всегда являться краеугольным камнем»¹.

Так заключает он вопрос о распространении била в Византии, в то время как распространение колоколов в Западной Европе устанавливается уже с середины (если не с начала) VI века. Этим противопоставлением для него, видимо, исчерпывается весь вопрос — по образцу Византии и на всем остальном христианском Востоке нечего искать колоколов в это время до XIII века².

Правда, сам Штульфрут упоминает, что «после середины IX века н. э. попали из Венеции в Константинополь первые колокола, благодаря подношению дожем Орсо I около 866 года греческому императору Михаилу III, по прозвищу Пьяница, двенадцати штук колоколов»³. Это, с одной стороны. А с другой — он же устанавливает, что «колокол был около 535 г. в Северной Африке *consuetudo sanctissima* монахов, следовательно, был общераспространенным в многочисленных тамошних монастырях... Напротив того, колокола не употреблялись тогда еще в Кампании на итальянском материке»⁴ и были ввезены туда впервые из Северной Африки⁵. Т. е. во-первых, распространение колокола в Италии идет разными путями, один из которых — из Северной Африки, которая в свою очередь находилась в то и предыдущее время в живом общении именно с христианской Азией, а, во-вторых, что даже в Византии еще до XIII века появляются колокола. Но вопрос не стоит в направлении его решения, а только надлежащей формулировки. И вот этой-то надлежащей формулировки в данной статье не найти, как подтверждается указанными положениями Штульфрута, который считает ряд соотношений выясненным,

¹ Die wichtige Nachricht, dass dieses Weckholz auch in den grossen Kirchen der Hauptstadt, selbst in den vornehmsten noch am Anfange des 13. Jhs. „Verwendung fand, um der Gemeinde den Beginn des Gottesdienstes anzuzeigen“, und dass auch am Anfange des 13. Jhs. „noch so grosse und reiche Gotteshäuser wie die Apostelkirche an der alten Sitte festhielten und den Gebrauch der Glocke verschmähten“. In der Geschichte der Glocke und des Semantron wird darum dieses Zeugnis des Nikolaus Messarites [zw. 1196—1203] für immer einen Eckstein bilden (Stuhlfruth, Glocke und Schallbrett, in: Repertorium für Kw., XLI, 1919, S. 167, с цитатой по Heisenberg).

² Того же мнения держится и G. Millet, L'école grecque, Paris, 1916, p. 135—140.

³ . . . nach der Mitte des 9. Jhs nach Chr. die ersten Glocken aus Venedig nach Konstantinopel ka-

men, indem der Doge Orso I. um 866 dem griechischen Kaiser Michael III. dem Trunkenbold, zwölf Stück zum Geschenk machte (ib. I., S. 167).

⁴ . . . die Glocke um 535 in Nordafrika eine *consuetudo sanctissima* der Mönche, also in den zahlreichen dortigen Klöstern allgemein verbreitet war.... Dagegen waren die Glocken in Kampanien, auf dem italienischen Festlande, damals noch nicht im Gebrauch (ib. I., S. 164).

⁵ Характерно, что и в Западной Европе применение колоколов вовсе не ликвидировало применения била; как отмечает R. de Lasteyrie, L'architecture religieuse en France à l'époque romane, 2-me éd. P. 1929, p. 377, есть сообщения о применении его в монастырях еще в XIV веке, а экземпляры била сохранились и в XVIII в.

решенным, когда этого далеко еще нет и когда прежде всего не сформулирована четко сама постановка вопроса. Допустим, что в Византии колокола так и не были в ходу до XIII века и всюду обходились билом. Но разве это решает вопрос о том, как было в других странах христианского Востока? Поэтому, как уже отмечено, если колокола были «священным обычаем» в Африке, то надлежит еще искать, не найдется ли указаний на происхождение применения их в христианской Азии и т. д.

Для Грузии и Армении фактический материал сохранившихся построек колоколен тоже известен только с XIII века. Правда, количество таких памятников, а также разработанность темы в архитектурном отношении говорит, по-видимому, за то, что в Грузии и Армении во всяком случае колокольни должны были строиться уже в XII веке. Стриговский¹ ссылается даже на рассказ о споре в Севастии 986—987 года у армянского историка Стефана Таронского (III, 20)¹, но по любезной справке профессора Л. М. Меликсет-Бека, в тексте говорится только о призыве к молитве, без уточнения способа его. Не случайно ни Н. Я. Марр, ни И. А. Орбели используемые Стриговским упоминания литературных историков не привлекали, касаясь вопроса появления колоколен в Армении. Оба, напротив, полагали, как общепринято, что колокольни в Армении появляются только в XIII веке². Более того, Н. Я. Марр высказывает

предположение, что «пожалуй, армяне халкедониты и были новаторами этого дела в Ани, в XIII в., начиная с 70-х гг.» под влиянием сплошного халкедонитского населения Грузии³.

Для Грузии Н. Я. Марр отнес колокольню Шатбердского—как он его называл или Хандзтийского, как установил П. И. Ингороква—монастыря далеко на юго-западе Грузии, именно в Кларджетии⁴, в XII—XIII вв. Вот описание этой колокольни, данное акад. Н. Я. Марром. Я привожу его, так как оно в целом ряде пунктов покрывает данные колоколен Хакетии. «Она состоит из 2-х частей: 1) четырехугольного низа с западной дверью (выс. засорена, верх снят, шир. 1 а. 14 $\frac{1}{4}$ в.). Низ древней работы или во всяком случае простой кладки, 2) круглого барабана с куполом совершенно такой же и по технике, и по материалу работы, как купол церкви, дело XII—XIII вв. В барабане восемь окон. Окна с полукруглым верхом, но без расширения внутрь, собственно это пролеты (выс. с верхом 2 а. 12 $\frac{1}{2}$ в., шир. 13 в.). Внутри круг (диаметр 4 а. 15 $\frac{1}{2}$ в.). Высота отвесных сторон, т. е. самого барабана 1 с. 2 а. 9 в. Толщина стены 14 $\frac{1}{2}$ в. Купол из 6 концентрических кругов кладки, каждый из них вышиной около 8 в. Затем в центре оставлен глубокий круг с диаметром в аршин. В этом углублении до сих пор торчит стержень, на котором висел колокол. Снаружи барабан сделан восьмигранным. Под окнами

¹ Strzygowski, *Baukunst der Armenier*, 1, 242 и 455.

² И. А. Орбели, Колокол с анискими орнаментальными мотивами XII—XIII в. (ЗВО, т. XX, 1910, стр. 038—39), перечисляет известные древнейшие колокольни Армении (Ахпатская 1245 г., при храме Спасителя в Ани 1291 г., в мон. Нор-Гетик 1291 г., в Санаине—перестроенная в 1652 г., но м. б. XIII века, и Татевского монастыря с колоколами 1302 и 1304 гг.) и ставит вопрос, не возникло ли само слово для обозначения «колокольни» в армянском языке только во второй половине XIII века. В кратком путеводителе по городищу Ани (АС, 4; СПб. 1910, стр. 45) он же говорит, что сообщение о колокольне Спаса «одно из древнейших упоминаний о колокольнях при армянских церквях». Н. Я. Марр (Ани. Книжная история города и раскопки на месте городища, 1934, стр. 102—104—XI-ая аниская кампания, ТР, XIII, стр. 35—39), давая отчет о надписи, примерно 1272 г., при большой церкви из раскопок 1912 г., Укана, Бабкана и Даптахатуны, определяет, что она относится к зданию колоколен, как части храма, «потребность в которой в Ани проявляется лишь с XIII в.» (102); он называет еще колокольню 1286 г. в мон. Хоша-ванк близ Ани (прим. 278). Стриговский (*Baukunst der Armenier*, I, 243 и Abb 270) приводит ее также, но с датой 1035 года; у него также Ахпатская и Санаинская колокольни—рис. 271 и стр. 243—244; чертежи же см. Егiazаров и

Мартиросян, под ред. Герм. Гримма, Памятники древне-армянской архитектуры, СПб. 1904—1911, табл. VII—VIII и XVI—XVII, XIX—XX. Об Ахпатской колокольне, построенной в 694 г. арм. эры, т. е. в 1245 г. н. э. сообщает надпись и историк Киракос (см. Описание монастырей Ахпатского и Санагинского, Иоанна Крымского, avec notes et appendice par M. Brosset, *Memoires de l'Académie des sciences*, SPetersbourg, VII-e série, tome VI, № 6, 1863, p. 18—19).

³ Ани. 1934. стр. 104.—Интересно, что по сообщению Бахмана (Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan, Leipzig 1911, S. 57) в обследованных им армянских церквях деревянные била остаются в ходу. «Они состоят из длинной прямоугольной доски твердого дубового дерева, которая подвешена посредством крюков своей длинной стороной к деревянному остову. Бьют по доскам молотком из более мягкого дерева. Создаваемый так треск (klappernde Geräusch) слышен очень далеко».

⁴ См. план монастыря с колокольней—МАК, III, табл. XXXIV; снимок: ТР, VII, рис. 50 (фото Д. И. Ермакова, № 1927).—Рядом с этим есть письменные упоминания била, как, например, в написанном между 1258 и 1293 гг. чине церкви Михаила Архангела в Лапскале Земо Сванетии (Е. Такайшвили, Археологическая экспедиция в Лечхуми и Сванетию в 1910 г., Париж 1937, стр. 403, по-груз.).

Экспертное заключение
№ 101/33

пущен пояс (шир. 5 в.), ниже коего два ряда кладки, высотой 1 а. Под этим еще невысокая кладка, и затем верх нижнего этажа. Высота низа 1 с. 4 в. кроме фундамента (выс. 2¼ а., разн), который впрочем служит не только для уравнивания площадки, но и стеною. Внутри низ колокольни представляет сводчатую комнату (свод тянется с востока на запад). Шир. западной стены — 2 с. 5 в., шир. южной стены — 2 с. 9 в.»¹.

Для конца XIII века в Грузии есть вполне точно датированная колокольня в Гударехи в Картли. Она состоит опять из квадратного основания, сложенного из тесаных каменных квадров с аркой в один пролет и верхнего восьмигранного павильона с восемью пролетами². С восточной стороны надпись, указывающая построение колокольни в царствование Дмитрия II Самопожертвователя в год 498 + 780, т. е. 1278 г. н. э.

Тех же форм колокольни в Грузии встречаются в различных местах и в довольно большом числе. Например, в Шорети³, Ркони, Тирис-Монастери⁴, Месхийской Сапара⁵, Чуле⁶, Зарзма⁷. Но все они не датированы. Рядом с этой формой колокольни имеются также колокольни и других форм; так, в Питарети, Ли-хаури⁸, Никози, Руиси⁹, Самтавро, Сахундари и друг. Но о времени их построения так же точных сведений не имеется.

Из всего этого материала приходится больше всего пока сожалеть о том, что невыясненной остается хронология колокольни монастыря Питарети, колокольни в развалинах в Бетания и переделанной колокольни в Зарзма. От разработки этих вопросов можно ожидать очень существенных перспектив общего порядка. Пока же ясно, из названного примера по-

следней четверти XIII века в Гударехи и сразу в нескольких близких к нему колоколен в Месхийской Сапара, Тирис-Монастери и Чуле (XIV век?), что рядовые колокольни Кахетии, рассмотренные вначале и отнесенные по строительным данным самой провинции ко времени не ранее XV—XVI веков, совпадают по основным архитектурным формам с колокольнями того же времени в других районах Грузии.

Но существовали ли до этого времени в Кахетии колокольни? Рассмотренный материал, представляя континуирующую группу памятников, на первый взгляд подсказывает скорее всего отрицательный ответ. В остальной Грузии за несколько веков разрабатывается эта тема и разрабатывается в общем в том же направлении, как мы ее находим в Кахетии с XV—XVI века только. Характерно при этом, что в Кахетии намечаются свои формы, самостоятельные по сравнению с остальной Грузией и намечается, что развитие здесь пошло от тех древнейших примеров (или однородных с ними), которые до нас дошли, т. е. до XV—XVI вв. колокольни в Кахетии в этой форме, по всем данным не строились.

Однако, мне кажется возможным утверждать, что строились они и раньше, но только иного совсем типа, который, впрочем, продолжал существовать и дальше наравне с рассмотренным выше типом, как этот последний применялся наравне с высоко-художественным Ниноцминда или Шуамта. Этот иной тип представлял собой небольшие, совершенно открытые звонницы, которые строились на коньке кровли и вмещали, конечно, один колокол¹⁰. Пережитком такой более древней звонницы мне представляется маленькая звонница на коньке церкви успения в сел. Греми (табл.

¹ Тексты и разыскания по арм.-груз. филологии, VII, Дн., стр. 150. Надписи колокольни там же, стр. 144—145.

² Е. С. Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки, II, 1905, стр. 29—30, надпись на стр. 33, общий вид колокольни на стр. 49. Колокольня была обмерена М. Г. Калашниковым, план и разрез ее отпечатаны в Древностиях. Труды Комиссии по сохранению древних памятников Московского Археологического Общества, т. V, М., 1914, лист V при стр. 74; ср. еще стр. 32, п. 2.

³ Album d'architecture géorgienne, T. 1924, табл. 5 и 8 и МАК XII, табл. III

⁴ Обмер Отдела охраны памятников культуры 1940 года, исп. Л. Рчеулишвили.

⁵ МАК, IV, табл. XXX и стр. 88; новый обмер арх. М. Шавишвили 1941 года.

⁶ МАК, IV, табл. XXIX и стр. 65—66. Ныне от колокольни нет и следа, как я убедился при посещении Чуле в 1929 году.

⁷ МАК, IV, табл. XX и XXVIII; Такайшвили, Археологические экскурсии, разыскания и заметки, I, 1905, стр. 7 и 21 сл.; Д. П. Гордеев, Из эпиграфических материалов Зарзмы: Санкторио Моамбэ — Bulletin historique, T. 1925, кн. I, стр. 107 сл.

Для месхетских памятников, как колокольни Сапара, Зарзма, Иджарети, Хеоти, Читахеви, Ликани, Шорети, см. в исследовании В. В. Беридзе, Архитектура Самцхе XIII—XVI вв. (по-груз.).

⁸ Датировка колокольни (Дм. Бакрадзе, Археол. путешествие по Гурии и Адчаре, СПб. 1878, стр. 107—108) требует подтверждения.

⁹ Надпись, по-видимому, относится к поновлению (ср. Известия ИЯИМК, т. V—VI, 1940, стр. 467).

¹⁰ Небезынтересно напомнить, что Н. Я. Марр полагал в Ани при большой церкви из раскопок 1912 г., как и при храме Спаса, именно звонницы, а не соборные, но колокольни.

16135320
010-1110333

397-а). В этом случае, несомненно, что сперва на церкви поставили эту звонницу, а затем уже (при Леоне) построили большую, двух-этажную колокольню. Обратная последовательность мало вероятна, ибо колокольня и до сих пор доступна и сохранила даже обломки деревянных балок.

Такие звонницы встречаются в Кахетии по всеместно, как во Внутренней, так и во Внешней Кахетии. Особенно, конечно, излюблены они на маленьких сельских церквушках. Та же форма распространена и в Армении. Где она появилась раньше, это—абсолютно открытый вопрос¹.

¹ В небольшой статье, направленной на решение вопроса о колокольнях готической эпохи в Западной Европе и озаглавленной *Sur la filiation des grands clochers en charpente de la fin du moyen âge* (*Revue archéologique*, 1955 Juillet — Septembre, t. XLVI, 6-e série, p. 51 — 58, Pierre Héliot затрагивает попутно и деревянные башенные колокольни на меровингских и карловингских церквах, относительно которых по разным данным полагает возможным назвать следующие общие черты: этажи расположены

с отступом в отношении предыдущего, верхний является фонарем. Башни были круглые или многогранные. Самое позднее в XI веке деревянные башни были заменены каменными и быстро размножились в Европе с этого времени. Наконец, полагает, что они в большей части происходят не от «восточных прототипов, лупляризованных в латинском мире паломничеством в св. землю», а продолжают местные традиции предыдущего времени. При этом колокольни делались скупо прорезанными проемами (*a jonné*).

НЕКРЕСИ. Вид на дворец и башню

Рисунок Н. П. Северова

ГЛАВА XI

КРЕПОСТИ, ЗАМКИ И ДВОРЦЫ КАХЕТИИ

В предыдущей главе представлен материал для одной архитектурной темы, которая выходит из рамок чисто церковной архитектуры, — для колоколен. Мы видели, что начальный этап этой темы совершенно своеобразен с точки зрения храмовой архитектуры. Таков мотив небольшого открытого киоска. Первоначально кроме этого киоска, утвержденного на коньке той или иной церкви, никакого самостоятельного строения или части такового не было вовсе. Затем он был, так сказать, снят с кровли церкви и поставлен на самостоятельный постамент в форме куба, заключающий в себе проход, капеллу или комнату. Наконец, все тот же основной мотив колокольни — венчающий открытый киоск — был поставлен в Ниноцминда, Ахали Шуамта и в Греми — на многоэтажном башенном корпусе, вмещающем несколько комнат с каминами, окнами и внутренней лестницей из этажа в этаж. Здесь с мотивом звонницы объединился мотив укрепленной, многоэтажной башни, — мотив, ставший реальной потребностью жизни для отдельного коллектива в определенный поздне-феодалный период грузинской истории.

Таким образом, в колокольне был разработан основной мотив, совершенно неизвестный

в церковной архитектуре. Конечно, отдельные элементы его были налицо, но комбинация их дала нечто совершенно новое, небывалое. Точно так же и комбинация этого мотива в дальнейшем есть также новый творческий акт. Вместе с тем создается в колокольне совсем новое соотношение частей — большая ее часть является уже чисто светского назначения постройкой, образует значительный мост от церковной в функциональных формах к гражданской архитектуре. Но в смысле отдельных элементов здесь все сплошь применялись те же элементы, которые нам известны уже из церковной архитектуры. Иначе обстоит дело в собственно гражданской архитектуре.

В настоящей главе мы переходим к памятникам чисто гражданской архитектуры. Прежде всего целесообразно остановиться на крепостях и крепостных постройках. А затем уже обратиться к дворцовым зданиям и учебным заведениям. И тот и другой материал еще в значительно меньшей степени может претендовать на полноту и на изученность его, чем колокольни. Однако, этот материал содержит много совершенно нового, неизвестного. Материал в основном был собран лет 30—35 тому назад. Если тогда, при малой еще изученности

памятников грузинской церковной архитектуры, все-таки она изучалась в известной степени, хотя бы с археологических точек зрения, и таким образом в самом же начале нового этапа ее изучения была возможна научная постановка вопросов по линии истории искусства, то в отношении крепостной и дворцовой, вообще гражданской архитектуры ничего не было сделано: вместе с открытием того или иного памятника впервые приходилось ставить самые вопросы их изучения. Понятно отсюда, насколько случайными и неполными являются такие первые, пробные попытки установления просто фактического материала. Но вместе с тем понятно то удовлетворение, которое имеет исследователь уже теперь, когда ему удалось при данном, очерченном состоянии науки в данном вопросе установить те или иные хронологические рамки для отдельных строений, показать определенные черты для одного и другие для другого периода, наконец, выделить те новые архитектурные мотивы, которые зодчие применили только в гражданской архитектуре и притом выработали их в строгом логическом соответствии с особыми заданиями и их характером¹.

При рассмотрении крепостной архитектуры и естественно остановлюсь на крепостях в их хронологической группировке. Во-первых, укажу крепости периода борьбы Кахетии за гегемонию, а затем крепости нового кахетинского

царства, когда приходилось не только защищаться во время войны, но и быть постоянно настороже от врывавшихся в низовые части страны отрядов, которые спускались из-за Дагестанских гор. Но, согласно отмеченному состоянию изучения, я не в силах представить действительно материал архитектурного порядка, т. е. планы крепостей, разбор фортификационных укреплений по их приемам и т. д., а только могу дать ряд указаний — в каком направлении желательно изучать каждую из крепостей, чтобы извлечь из нее максимум ответов такого порядка, которые бы приблизили нас к возможности детальной хронологии их и тем самым дали бы материал для понимания эволюции и развития, прогресса в этой отрасли архитектуры.

Что касается замковых построек, то основная масса их относится к IX—X векам и представляет собой вполне однородные строения. Ряд их завершается зданием Академии в Икалтойском монастыре, высшей школой, так сказать, с общежитием для учащихся. Здесь в этом здании мы имеем при всем сходстве форм и приемов с дворцовыми постройками, определенные элементы дальнейшего развития их в нормах указанного времени, каковые мы установили уже выше в церковной архитектуре. Что касается дворцовых зданий нового времени, то и о них теперь возможно представить некоторый характерный материал.

1. КРЕПОСТИ И ЗАМКИ

Крепости Кахетии я видал только некоторые: значительная же часть их, известная мне по упоминаниям в литературе или же на основании опроса местных жителей, осталась мною необследованной. Несомненно, что среди этих необследованных крепостей имеются остатки столь же древних, как и некоторые, о которых имею наблюдения. Но я не мог посвятить им достаточно времени по причинам методологического характера, указанным выше.

Из числа древнейших крепостей и замков Кахетии мною обследованы в предварительном порядке — Уджарма и Телави, Кветера и Бочорма, Веджини и Манави. О некоторых из них как Уджарма, Бочорма, Кветера, Веджи-

ни, можно, кажется, утверждать, что они являлись оплотом Кахетии в ее борьбе с Картли. Они лежат на больших трактах, частью на перевалах из Картли в Кахетию; они запирают эти проходы. И действительно, в ряде войн, которые вели с начала X века и до начала XII цари Кахетии и цари Картли между собой, в числе первых крепостей, наиболее сильных и влиятельных пунктов в Кахетии, постоянно упоминаются эти крепости².

Уджармская крепость лежит непосредственно на Гомборском тракте над рекой Иори. Это в самом разительном смысле слова врата, которые могут запретить проход. В начальные столетия христианской Грузии здесь помещал-

версита, том III, 1923, по-груз.).

² См. «Матианэй Картлисай». Ср. И. А. Джавахишвили, История грузинского народа, том II, глава VI.

¹ Собранный 35 с лишним лет тому назад материал о древних феодальных дворцах Кахетии был мною опубликован в сборнике ко дню 50-летия научной деятельности проф. П. Г. Меликишвили (Bulletin de l'Université de Tiflis, Моамба Тбилисского Уни-

ся столичный город данной части Кахетии. И сама крепость несомненно ведет свое начало с того времени, что лучше всего доказывает сохранившейся в ней высоко почитавшейся церковью «Честного Креста» — Джвар-Патиосани, перенесшей это название даже на всю крепость¹. Безусловно, указанная крепостная церковь восходит в своей основной части к древнейшему времени. Этой древнейшей частью является среднее пространство всей церкви по нижнему этажу; конха ее, свод, арка входа и арка, слегка подковообразная, в южной стене сложены из крупных, хорошо тесаных квадров. На юг арка открывается во всю длину стены, т. е. от угла абсиды и до западной стены, и вверх почти до пяты свода. Примыкавшее здесь с юга помещение древнейшего здания церкви было, однако, снесено, когда к данному месту подошла стройка крепости. Снос этой части подтверждается «наружной» стороны отрезка стены над восточным склоном арки с остатками примазки к ней и отсутствием тщательной обработки этого же края квадров самой арки. Много позднее церковь Джвар-Патиосани получила ряд пристроек и надстроек².

Крепость Уджарма или Уджармо сохранилась относительно очень хорошо (табл. 407—411). Это большой прямоугольник, расположенный на склоне от верха горы и до р. Иори. По обеим продольным спускающимся к реке сторонам ее были расположены на более или менее одинаковых расстояниях друг от друга по четыре квадратные в плане башни, выступавшие по обе стороны крепостной стены. В средней части стены, шедшей по берегу р. Иори, была одна прямоугольная в плане башня с ходом, вероятно крытым, к воде. По верхнему гребню расположен в вышгороде замок; стены вышгорода неоднократно восстанавливались, т. е. вышгород подвергался сильным разрушениям в итоге военных действий, а от поздних веков имеются укрепления с бойницами для огнестрельного оружия, причем в восстановлении или приспособлениях встречается и кирпич³.

Стены и башни Уджарма сохранились, за

¹ В церкви был поставлен один из трех «сделанных при Нине чудотворных крестов». Этот предалтарный, окованный чеканкой крест находился до 1924 года в сел. Ахмета, а в 1924 г. погиб во время антирелигиозной волны.

² Несколько кратких замечаний о церкви приводятся в моей Истории, I, Т. 1936, стр. 31—32; а несколько чертежей по обмеру В. Л. Цицосани в Истории грузинского искусства Ш. Амيرانашвили (погруз., Тб. 1944, табл. 67 слл.). — Уджарма была мною

исключением нижних угловых башен, почти полностью обвалившихся, чуть ли не на полную высоту. Выведены они тщательно из довольно крупных кубиков камня ровными, проходящими рядами. Примечательно, что спускающаяся к Иори западная, т. е. обращенная в сторону Кахетии, стена с башнями, имеет несколько входов, а в верхних этажах башен окна имеются и в наружной их стене⁴. Восточная же, т. е. обращенная в сторону Картли, стена с башнями таких наружных входов не имеет; видимо, не было и окон в наружных стенах верхних этажей башен. Конечно, башни имели внутрь крепости и двери и окна больших размеров и хорошо очерченной формы (табл. 407—411). На развалинах второй снизу башни восточной стороны видны большие насильственные изъёмы. А недалеко от нее, в стене, небольшие дозорные отверстия (табл. 411-b). Наконец,верху на значительном расстоянии от крепости с той же восточной стороны стоит выдвинутая вперед отдельная сторожевая башня (табл. 407-b). Все эти данные подкрепляют высказанное выше соображение о том, что крепость Уджарма — оплот против двигавшихся с юго-востока вражеских войск.

На верхней площадке Уджарма несомненно был расположен вышгород с замком, в пределах которого была включена и почитаемая церковь Джвар-Патиосани. От древних стен в вышгороде уцелели в разных местах отдельные фрагменты. Один такой непосредственно примыкает к древней церкви. Здесь имеется башенного типа объем, но он не отвечает полным формам квадратной в плане башни крепостной стены, хотя в нем применены те же членения: низкий вход, часть которого видна как узкая щель и со стороны восточного фасада церкви, и высокое окно, низ которого начинается чуть выше пяты южного проема церкви, а верх уходил за стену церкви. Площадь этого пристроенного башенного помещения длинная, но узкая — около метра шириной. Таким образом, отмечая, что кладка крепостной

посещена много раз (подробнее изучена 16.VII.1922 г. и 12.VII.1935 г.) и в разное время. Крепостью я занялся перед началом раскопок, организованных проф. Н. А. Бердзенишвили осенью 1950 г., именно 4.IV.1950 г. Результаты раскрытия Уджарма, проведенного за две-три археологических кампании от Тбилисского Государственного университета имени Сталина в контакте и при участии Института истории АН СССР по инициативе и под руководством проф. Н. А. Бердзенишвили, мною не привлекаются, так как материал еще не опубликован.

³ Ср. также старые фото Ермакова № 9739, 9740.

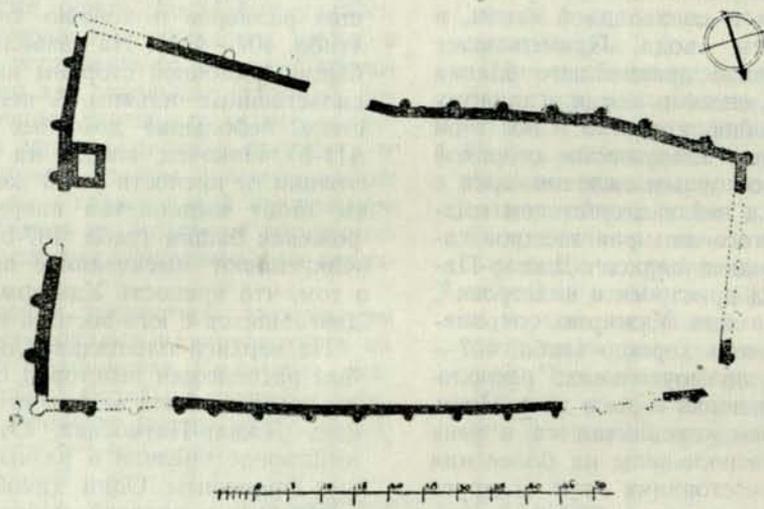
⁴ Нельзя не отметить, что все башни этой стороны

с башнями стены в Уджарма ближайше отвечает кладке таких церквей, как Зеганская Квела-Цминда, или Вазисубанская и двукупольная Гурджаанская (а арки над проемами башен близки к тройным аркам входов в обход Вазисубанской базилики), естественно учесть для времени ее возведения сведения историков и народного предания, что Уджарма была резиденцией Вахтанга Горгасала, т. е. отнести ее ко второй половине V века¹.

В вышгороде среди разного времени частей крепостной стены и разных же башен и их за-

щийся кверху контрфорс, схожий с таковыми Дзвели Галавани в Телави или с восточной стороны в Кветера и др., т. е. примерно времен царя Квирике Великого, X—XI века. Другой такой же имеется над южным склоном в восточном конце вышгорода, чуть западнее прямоугольной башни².

Положение крепости Уджарма на крутом скате к реке Иори и с дворцовым участком в вышгороде при небольшой лишь площади, охваченной укреплением, заставляет полагать, что это лишь одна составная часть всего боль-

План «Дзвели Галавани» в г. Телави

креплений имеется (при стене, обращенной в сторону Иори (на север) полукруглый, сужаю-

щего города времен Горгасала, а также предшествоющего и последующего раннефеодаль-

имеют трещины в стенах, примыкающих к крепостной стене, т. е., очевидно, это результат какого-то землетрясения, от которого могли обвалиться и части крепостной стены между ними.

века по заказу Грузинского общества истории и этнографии генералом А. И. Ульяновым была сделана модель крепости (ныне в Музее искусств Груз. ССР). Топографический план, исполненный Н. Гамбашидзе, отпечатан в книге проф. Ш. Амирашавили, История грузинского искусства (по-груз.), т. I, Тб. 1944, табл. 66. План составлялся в тяжелых условиях густых зарослей по всей территории и особенно в верхней ее части, так что после расчистки и раскопок не все отвечает действительности. К тому же никакие разыскания не предшествовали топосъемке, что также лишило возможности осмысливания некоторых фрагментов зданий, нанесенных на плане.— К сожалению, после раскопок не был сделан новый план: его, конечно, не заменяет реконструкция общего вида, сделанная архитектором Ир. Цицишвили (История грузинской архитектуры, Курс лекций, Тб. 1955, по-груз., табл. XVIII).

¹ Отмечу, что Г. А. Ломтатидзе в отчетном докладе о раскопках Уджарма в марте 1953 года сообщил, что при расчистке нижней прямоугольной башни найдена сасанидская монета Пероза (т. е. середины V века), что подтверждает раннюю датировку крепости. Тогда и для древнейшей церкви, «средней», всего комплекса Джвар-Патносани допустимо сопоставление с малой Самтаврской церковью Нины, с Черемским квадратом, Некресской базиликой, первоначальной церковью в Бодбе, и др., т. е. отнесение ее еще к IV веку.

² Отдел охраны памятников культуры поручил в 1939/40 году топографу Н. Гамбашидзе составить топографический план Уджарма, а еще в начале XX

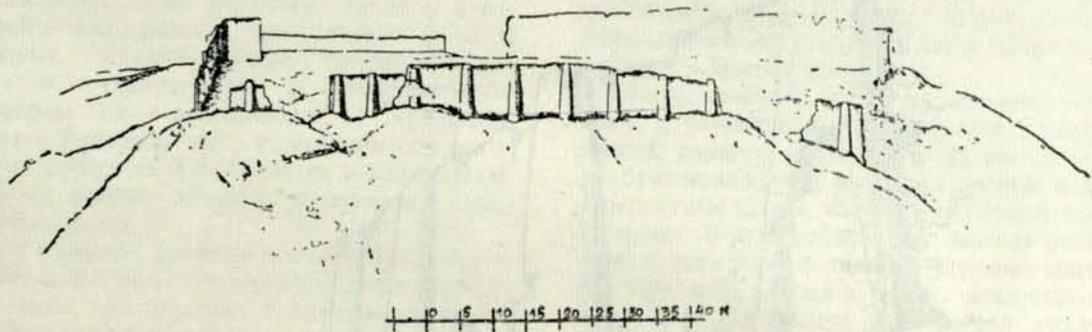

ного времени, на что указывают и отдельные упоминания древних историков¹.

Чрезвычайно характерными и благодаря этому показательными для понимания некоторых частей в древних крепостях Кахетии, являются остатки замка в г. Телави, которые исторически связываются с деятельностью царя Квирике. Это известный в Телави под названием «Дзвели Галавани» участок, сохранивший свою стену замка, а внутри небольшую церковь с типичным наименованием «Горис-Джвари»².

ма очень резкое и глубоко идущее — восточную Алазани.

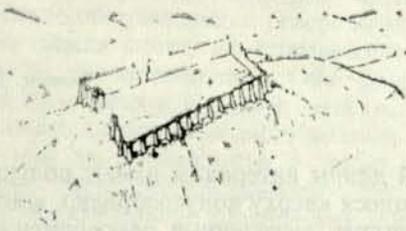
Размеры площади замка достаточно крупные. Стена только в некоторых частях разрушена совершенно, на большем же своем протяжении стоит довольно хорошо сохранившейся. Восстановление всей наружной стены при обмере позволяет наметить распределение ее контрфорсных выступов и количество их по каждой стороне. Может быть, твердое и точное установление числа этих полукруглых контрфорсных башенных выступов будет небезынтересным в отношении по-

Телави. Фасад «Дзвели Галавани»

Этот замок г. Телави расположен на крайнем западном (северо-западном) холме Телави (табл. 412). Своим продольным фронтом он обращен к Алазани — далекие виды на горы в северном, восточном и отчасти южном направлении открываются с этого выдвинутого холма. Иначе говоря, замок стоял на краю столицы, вынесенной к границе государства и обращенной к шедшему через Гомборский перевал пути — с одной стороны, и особенно в сторону Панкисского ущелья — с другой. Стена замка охватывает задней (западной) стеной самую возвышенную часть холма, а передней более низкую границу его, плоской, сравнительно, вершины; обе торцовые стены делают согласно уклону местности довольно сильные понижения с запада на восток, особенно северная, самая короткая стена. Вне пределов западной, северной и восточной стен падение уклона хол-

нимания и отбора, так как в восточном направлении холм и за стеной идет очень мягким уклоном, т. е. установление этой стены уже вовсе не было, не могло быть, продикто-

Перспектива

вано только и просто топографическими данными. Точно так же, может быть, и в простых примененных здесь размерах для отдель-

¹ Д. Л. Мухелишвили, Город Уджарма (Историко-археологическое исследование, Тб. 1956, Автореферат), используя выражение историка «передняя крепость», считает существующую за «заднюю» с дворцовым ареалом.

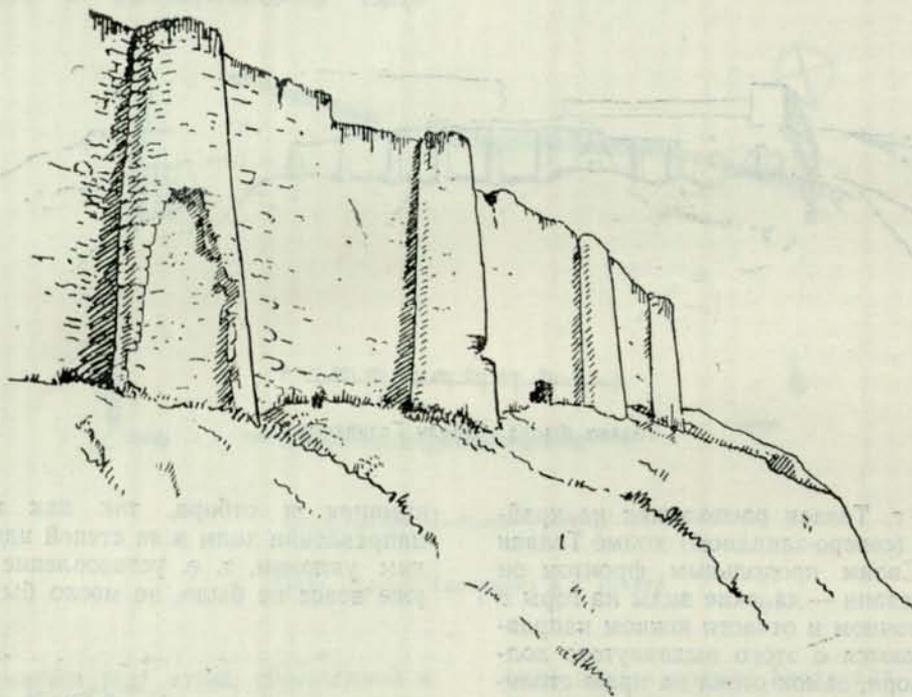
² Осматривал неоднократно; более подробно 11. и 19.VIII.1933 г. и 14.VIII.1942 г. Обмер проведен и исполнен Л. Д. Рчеулишвили. Раскопки, может быть, могли бы выяснить вопрос о количестве входов. — Церковь была, как писал Броссе, *autrefois géotigienne, maintenant arménienne* (Voy., I, 62).

ных частей заключается ключ к установлению линейной меры измерения, применявшейся в тогдашней Грузии. Во всяком случае характерно, что никаких зубцов стена не имела, также и каких-либо бойниц и т. д., а заканчивалась прямой горизонталью.

Стены замка сложены из булыжника небольших размеров, ровно и четко, как бы рядами, на всю высоту. Стены изнутри гладкие и по каждой из четырех сторон идут почти правильной прямой. Снаружи они через короткие, оди-

роне, против постепенного, легкого уклона местности с этой именно стороны. Вероятно также, что ворота могли быть, учитывая отношение к перевалу, еще и с западной (задней) стороны, т. к. именно с этих сторон и сейчас имеются подъездные пути — телавские улицы, а сами стены против них стоят проломанными массивами по сторонам.

Неровности почвы в пределах замка, мне кажется, указывают на возможность обнаружить завалившиеся разрушенные здания. Дво-

Телави. Деталь стены «Дзвели Галавани».

наковой длины интервалы имеют полукруглые, сужающиеся кверху конусообразно, контрфорсные выступы, выведенные одновременно вязаной кладкой с самой стеной¹. Починки этой стены кирпичом видны изнутри задней стены в ее северном отрезке (снаружи, однако, этой починки я не заметил)².

Ворота в замок, согласно его расположению, нужно полагать, находились на южной сто-

рец, по-видимому, мог стоять в западной части площади, возвышаясь над сходящимся углом северной боковой и передней стенами, стоявшими тут довольно низко и оставлявшими открытым далекий вид на Алазань и горы за нею и в ее верховьях. Быть может, видные и сейчас в земле (шагах в 25—35 от западной стены) остатки стен или фундаментов из булыжника на извести указывают тоже на это. Мне ду-

ной кладки. При этом эти ряды кирпича идут не сплошь, а лишь стрезками побольше или поменьше. Возможно, что поновления южной стены различного времени, а непоновленных частей осталось немного, Ср. снимок 19.VIII.1933 г. (табл. 412-а).

¹ См. снимок северной стены, сделанный 19.VIII.1933 г. (табл. 412-б)

² Эти починки заметны только в верхних частях стен, где есть несколько рядов кирпича, положенных по одному ряду через известные промежутки булыж-

мается, что и расположение церкви Горис-Джвари поддерживает это: она построена — вероятнее всего — на месте древней церкви замка и, во всяком случае, в свободной и от развалин части его.

С наружной стороны к стенам Дзвели-Галавани с трех сторон пристроены частью вплотную и, видимо, прямо используя его стену, как четвертую, небольшие домики расположенных вокруг усадеб. Один только дом стоит внутри, севернее, около церкви¹.

Огнесение этого замка к древнему периоду истории Кахетии я считаю правильным на основании особенностей постройки, вовсе не рассчитанной на какую-то оборону, тем менее на применение огнестрельного оружия, а являющейся выражением феодальных силы и господства. Архитектурные частности самих стен, характерные и определенные контрфорсы их — повторяются в крепостях Кветера и Бочорма, часто упоминаемых в исторических событиях X—XI веков, и резко отличаются от всяких поздних крепостных архитектурных форм.

Таким образом, древний замок г. Телава, казавшийся мне в начале разысканий, т. е. в двадцатых годах, при первых посещениях, лишенным каких-либо характерных признаков, позволяющих отнести его к той или иной эпохе, теперь я считаю совершенно несомненным памятником древней Кахетии, именно века X—XI, т. е. возможным приурочить его к царствованию хотя бы называемого царевичем Вахуштием в его Географии царя Кахетии Квирикэ Великого².

В исторических источниках большую роль играет в войнах Картли и Кахетии твердыня Кветера, находящаяся уже за перевалом из Картли в Кахетию, по направлению к г. Телави. Крепость эта, в древнем наименовании Цихе Куетариса, громадная, сильная, занимает также всю вершину горы над трактом, соединяющим Телави и Тианети, т. е. в обход с севера ведущая в Картли же. По сравнению с

¹ Важно было бы также установить, чему служили остатки старого, видимо, здания, использованные ныне для этого дома в углу замка, около церкви Горис-Джвари.

² Вахушти, География. Груз. текст по изд. Н. Бердзенишвили и Т. Ломоури, Тб. 1941, стр. 100, рус. пер., стр. 126. Правда, Вахушти называет Квирикэ строителем дворца на том месте, где стоит в Телави позднейший дворец Ираклия II; но это психологически понятная ошибка. Устное же предание

Уджарма и Бочорма она, однако, расположена на достаточно глубоко внутри страны, т. е. Кахетии, чтобы значение ее могло сохраниться и позднее. Так оно и было в действительности. Крепость, как вообще вся гора, покрыта ныне густым высоким строевым (буковым) лесом, который рубили без учета сохранности крепости. Однако, следующие общие линии ясно видны (табл. 433, 434-а). В широком кольце крепостных стен, опускающихся довольно низко на западном пологом склоне горы, выделен как бы акрополь на восточной вершине³. Этот акрополь, раз в 6—7 меньший по площади, чем вся крепость, отделен самостоятельной крепостной стеной и включает в себе остатки рассмотренной выше церкви, затем дворцовых развалин с северной стороны у стены и остатков еще и других построек⁴.

Стены крепости частично хорошо сохранились, а частично разрушены. Они сложены из камня, рваного несомненно тут же на месте, и из булыжника, как и здания дворца и другие. Крепостные стены, как и стены замка высокие, сильные. В постройке стен можно различить башни трех разных типов — круглые контрфорсы, круглые башни и затем четырехугольные башни. По-видимому, формы эти указывают на известные починки стен. Впрочем без детальной съемки всей крепости это остается только предположением.

Замок находится на самой вышке горы в северо-восточном углу крепости, с которой стена его сливается: так как на юго-восточном углу замка все крепостные стены сохранились хорошо, то видна и продолжающаяся на юг дальше стены замка линия восточной крепостной стены. Иначе обстоит дело с северной стороны, где стена замка стоит, но примыкание стены крепости не прослеживается. Она разрушена здесь, на подступах к вершине, местами совершенно; по-видимому, возможно выявить остатки стен или их фундаментов в земле, но без специально проведенной работы намечается только приблизительное впечатление. Акрополь крепости или ее укрепленный замок возведен был, судя по наличию сплошных, небольших

относит к деятельности царя Квирикэ «Дзвели Галавани» (ср. Броссе, *Воу.* I, 62). — Думается, что едва ли правильно слишком осторожное отношение акад. И. А. Джавахишвили (История грузинского народа, II², 1948, с. 42, по-груз.) к вопросу о том, какое значение имел в XI веке Телави, только упоминаемый в Матианэй Картлисай (Картлис-Цховреба по списку Марии, *504/505, стр. 274).

³ Ориентация указывается примерная, на глаз.

⁴ См. гл. VII и ниже в настоящей главе.

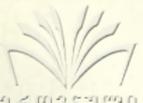
полукруглых контрфорсов стен того же вида, что и в Дзвели-Галавани в Телави и в Бочормской крепости, одновременно с самой крепостью, также сохранившей такие контрфорсы, расставленные на равном один от другого расстоянии и выведенные вместе с самими стенами (табл. 433).

Крепостная стена замка приходится с восточной и южной сторон над довольно крутым склоном и обе эти стены хорошо закреплены такими контрфорсами. На обоих углах акрополя с восточной стороны, а равно на крайнем восточном углу и самой крепости, имеются большие круглые башни, полые внутри и в несколько этажей. Перекрытие в них было деревянное на балках, гнезда от которых сохранились. Нижняя часть башни, видимо, массивная с небольшим глухим помещением, в которое попадали сверху из второго этажа. Во второй же этаж попадали по приставной лестнице в проем, имеющийся из двора акрополя. Это прослеживается в юго-восточной башне акрополя; северо-восточная сильно разрушена, устройство ее не видно ясно и даже завалы и разрушение (попытки пробить толщу снаружи внизу) оставляют открытым вопрос, не была ли она сплошь заполнена кладкой. Между этими большими угловыми круглыми башнями, рассчитанными на размещение гарнизона, гср. на содержание пленников, по короткой восточной стене акрополя имеется один глухой контрфорс типа Телавского замка Дзвели-Галавани. Другой такой — по северной стене за восточным углом, почти рядом с большой круглой NO башней. Затем на северной стене акрополя размещены три четырехугольных башни, одна от другой и от угловой с.-в. круглой башни на одинаковом на глаз расстоянии. Таким образом, видимо, если полагать возможным одновременное возведение крепостных стен с угловыми, многоэтажными, круглыми башнями и с небольшими круглыми контрфорсами, то возведение четырехугольных башен на равном от большой угловой с.-в. башни расстоянии и при уцелевшем одном северном контрфорсе, рядом с круглой угловой башней, придется во всяком случае считать починкой разрушенных стен, хронологически не связанной с основным первоначальным возведением крепости и замка в ней. Четырехугольная же, но более удлиненная в плане башня, уже только одна, стоит по южной стене замка, притом на большом сравнительно расстоянии от юго-восточного угла его и имея между этими башнями хорошо сохранившийся ряд расположенных

на одинаковой дистанции друг от друга пяти контрфорсов (табл. 433-б). Другими словами, разрушение стен акрополя с выгодных для осады сторон, произведенное после вторжения в крепость, — именно с более пологой западной стороны, — этими починками северной и южной стен акрополя и отсутствием сейчас его западной стены можно, кажется, считать стоящим вне сомнения. Четырехугольные башни сохранились на высоту трех этажей; в южной — видны гнезда для балок перекрытия второго и третьего этажей. Во втором этаже этой южной башни имеется обращенное во внутренний двор большое арочное окно, обработанное по контуру с западинкой арки, имеющей овальную с изломом форму, т. е. повторяющей формы арочных окон дворца здесь же в Кветера (табл. 434-а). По северной стороне акрополя, частью, видимо, примыкая к его крепостной стене, расположен дворец, о котором ниже подробнее.

Западный тракт крепостной стены акрополя и замка проходил западнее дворца, по-видимому, примерно от крайних (первой или второй с запада) четырехугольных северных башен к четырехугольной же южной башне, расположенной против дворцового здания и украшенной такого же, как дворец, типа и формы арочным окном: здесь в неровностях почвы как будто намечается течение бывшей раньше стены.

— Сама крепость, в состав которой входит на северо-восточной вершинке акрополь с дворцом и церковью, охватывала только с трех сторон акрополь — с южной, западной и северной. По крутому же склону с востока к стене акрополя просто примыкали стены крепости; с южной стороны крепостная стена продолжала на некоторое расстояние еще восточную линию стен акрополя и только потом поворачивала на юг; с северной же стороны, как указано, разрушения столь сильные, а поросль леса была настолько густая, что получить уверенную картину не удалось. Крепостная стена с востока на юг поворачивает уже ниже вершины, на склонах горы, над притоком р. Ильто. Как уже отмечено, при повороте — такая же круглая башня, как и на углах стены замка. На восточном протяжении этой крепостной стены также имеются и цельные, и обрывки полукруглых контрфорсов того же типа замка Дзвели-Галавани в Телави. Между двумя контрфорсами, около южного угла, видны крепостные ворота, примерно в 1,75 м ширины и с сохранившимися углублениями в толще стен для засова. Круглая угловая башня сохранила снаружи на

высоком втором этаже пять широких окон и такой же ширины простенки. Южная стена крепости сохранилась в большей своей части невысокими остатками, идущими над обрывом. По этой южной линии внешней крепостной стены заметны также остатки полукруглых контрфорсов и больших полукруглых башен. Последних две, а контрфорсов много и, где только видны сплошные отрезки сохранившихся стен, они расположены на равном расстоянии друг от друга. Против второй большой башни и близ нее внутри крепостных стен заметны остатки каких-то бывших здесь зданий. Стена, конечно, отвечает рельефу горы, все понижаясь по направлению к западу. Приближаясь к юго-западному углу крепостной стены, внутри ее, уже на значительно снизившемся уровне стоит отдельно высокая, восьмигранная башня на низком квадратном основании со скошенными верхними углами его и с маленьким полузаваленным ныне землей со склона входом (табл. 436-б). Она внешним видом напоминает древние минареты вроде сохранившегося в Ани минарета Мануче XI в. и т. п. Внутри башни имеется только каменная винтовая лестница, освещаемая пятью маленькими окнами, и поднимающаяся вокруг каменного же стержня. Верх этой башни, видимо, не сохранился, ибо и лестница и внешние стены ее просто обрываются. Стены внутри и стержень имеют круглую форму. Сложена башня из тонких плиток камня; снаружи плоскости были, судя по остаткам, гладко оштукатурены. Сторона нижнего квадрата башни примерно 2 м, а высота всей башни на глаз метров 7. Очевидно, в этой башне мы имеем сохранившийся пример древних сторожевых башен оборонной системы, носивших название «сагуша-го [кошки]» (საგუშაგო კოშკი)¹. Снаружи к северо-западному углу башни примыкает стена дома, другие стены которого так же проступают перед башней из земли². Шагах в 15 на юго-восток от башни, почти у самой крепостной стены, видимо, маленькая, зального типа, низкая церковь. Во всем районе сторожевой башни, как и непосредственно примыкая к ней, заметны остатки фундаментов и стен, а немного поодаль видны в земле котловины ровной

¹ Ср. И. А. Джавахишвили, *Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа*, т. I, Тб., 1946, стр. 42—43.

² Быть может, ко входу в башню примыкал подземный ход из дома.— Зарисовка этой башни, сделанная худ. Н. П. Браиладшвили, издана в отчете В. В. Бардавелидзе (*Изв. ИЯИМК АН ГССР*, т. XI, Тб., 1941, стр. 181).

формы, по-видимому, ограниченные, в виде крытых четырех стен домов. Приближаясь к повороту стены на запад, близ сторожевой башни, по южной стене видна четырехугольная башня, т. е. восстановление разрушенной в этой части внешней крепостной стены одновременно со стенами акрополя едва ли можно взять под вопрос тем более, что контрфорсы и здесь продолжают. Поворот крепостной стены на запад не дает четкого угла, а сделан закругленно. Тут же близ поворота имеются широкие (до 2,80 м) крепостные ворота по направлению от сохранившейся и сегодня еще (в значительной видимости) 'подъездной дороги к крепости с западной стороны. Эти ворота также расположены между полукруглой башней и усиленным полукруглым контрфорсом-башней. Толщина крепостной стены здесь до одного метра. Ворота внутрь и здесь, как и в восточной стене, расширяются; имеются двойные, громадные углубления для засовов. Схема расположения этих ворот к стенам крепости под прямым углом, т. е. под обстрелом с боку³.

От западной линии крепостных стен даже их следов почти не удается проследить. По северному же тракту, начиная с запада, удается проследить крепостную стену на большом протяжении сперва в невысоких остатках; в разных местах мощные стволы деревьев прямо выросли на них, в других местах срубленные деревья валяются и рушат последние остатки стен. Выше, в восточном направлении, линия стены делается более заметной. Здесь опять видны расположенные на равном расстоянии один от другого полукруглые, сложенные одновременно со стеной контрфорсы. По-видимому, эта линия стены выходит на отрезок северной стены акрополя с ее четырьмя четырехугольными башнями. В разрыве между ними так же видны в земле несколько котлованов с линиями скрытых четырех стен домов⁴.

Крепость в Бочорма, так же как и Уджармская, расположена на линии тракта через Гомборский перевал из Телави в Картли, на северо-западных склонах перевала. Она имела в эпоху древнего кахетинского царства большое стратегическое значение в направлении на юг,

³ Таким образом, в крепости Кветера можно, видимо, проследить различные ворот, согласно терминам *ღიღნეი კარბი ზღუდისაზი* и *კოჭაბი კარბი* (ср. Джавахишвили, *Материалы...*, I, 1946, стр. 48.— См. еще ниже, стр. 546).

⁴ На территории акрополя и ниже самой крепости видны через проломанные своды два водоема (на глаз в 6—7 метров площади).

на Картли, как имела Кахетия такой оплот в самом виду столицы Картли, Мцхета, — в Зедазени¹. Но и в новую эпоху истории Грузии, когда Картли и Кахетия равно грозила опасность нападений и набегов со стороны горцев, с Кавказских гор, эти крепости, на умело выбранных в стратегическом отношении пунктах, получили новое значение — защиты от горцев, и тогда в соответствии с этим изменившимся их назначением изменили и всю систему укрепления.

Бочормская крепость занимает вершину высокой горы над рекой Иори в сторону Эрцо со стенами укрепления вокруг замка, венчающего вершину. Она представляет собой чрезвычайно сильное и большое укрепление. Внешние стены крепости, частью обрывающиеся и не прослеживающиеся в густой чаще векового леса, проступают с четырехугольными по углам и в центре сторон (так с с-в. и с-з.) башнями и полукруглыми контрфорсами, так напр., с юго-западной стороны; затем с восточной стороны в разных концах, опять с сохранившимися полукруглыми контрфорсами типа замка в Телави и крепости с замком в Кветера; а равно очень еще хорошо сохранившийся отрезок стены прохода с такими же контрфорсами на северном углу крепости вышгорода. Крепость вышгорода сохранила помимо таких древних, первоначальных частей, различные восстановленные и достроенные участки и сооружения. Изучение данной крепости — сложная, требующая длительной расчистки всего участка и многосторонне направленной съемки его работа, требующая надлежащей организации и больших средств. Мои заметки преследуют поэтому только одну цель, несколько более конкретно охарактеризовать крепость и заметные на поверхности земли главные здания ее².

В центре крепости, занимавшей большую поверхность и тонко учитывавшей рельеф местности при построении крепостных стен, на почти ровной верхней площадке выделена замковая часть крепости (вышгород). Она была обнесена стенами, значительные части которых примерно по западной, северной и восточной сторонам еще сохранились. Северная стена примерно в 120 шагов длины, а западная 60 (табл. 413—415).

Внешние стены вышгорода были, по-видимому, соединены стенами и с наружным кольцом

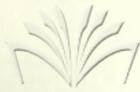
крепости: от юго-западного угла стен вышгорода отходит стена по склону, от которой ниже, по южному откосу горы видны остатки протянутой под углом стены; точно так же и против юго-восточного угла, намного более низком уровне горы и в значительном отдалении от вышгорода видны остатки крепостной стены, загруженной полукруглыми сплошными контрфорсами древнего типа. Внутри площади вышгорода сохранилась древняя церковь и остатки какой-то древней дворцового типа постройки. Кроме того, имеется ряд построек новейшего времени, вероятнее всего, царствования Ираклия II также, как и восстановление крепостных стен. Дворцовая постройка расположена над южным склоном горы с видом на ущелье р. Иори. Это две комнаты нижнего (или единственного?) этажа. По наружному фронту здание имеет 30 шагов длины; в большой зал (внутри 17 × 8 шагов площадью) с фасада, у угла, — просторный, снаружи арочный вход, и второй, горизонтально завершенный, опять широкий, по тому же фронту. Затем в центре той же фасадной, южной, стены, внутри зала, устроен камин, выступающий полукруглым выступом на фасаде. По сторонам камин устроены два небольших окна, правильной полуциркульной формы. В меньшей комнате, примыкающей западнее к большому залу, также имеется самостоятельный вход с юга, рядом со вторым входом в большой зал, затем такой же большой камин, опять полукругом выступающий наружу по фасаду и, наконец, одно окно такого же размера, как в большой комнате. Обе комнаты связаны между собой дверью. Материалом постройки служит булыжник и осколки скалы. Толщина стен до одного метра. Задняя (северная) стена здания врезана в холмик местности. Часть арок в этом здании выведена из булыжника, а две внутренние сложены с отступом из хорошо отесанных квадров камня.

Итак, сохранившаяся руина представляет собой нижний этаж дворцового здания. Это заключение подсказано уцелевшими дворцами Кветера, Ванта, Вачнадзиани и др., рассмотренными ниже, в которых нижний этаж повторяет общую разбивку верхнего, но является службами, освещен небольшими окнами и т. д.

Кроме этого дворца и выше разобранного древнего шестиконха на той же площади вышгорода (примерно на линии восточной стены

¹ По-видимому, от этой древней Зедазенской крепости сейчас над поверхностью земли видны только кое-где остатки.

² Ряд дополнительных наблюдений сделан 27.X.1935 и 26.X.1951 г.

замка) выведена на небольшом самостоятельном пригорке круглая башня (табл. 415-а, 414-б). Башня эта была подробнее обследована 20—21.IV.1957 г. Л. Д. Рчеулишвили; она трехэтажная, глухая, т. е. не имеет по этажам ни окон, ни бойниц, а заканчивается открытой площадкой; вход сделан в особом дополнительном выступе, в котором от лаза ведет лестница прямо во второй этаж башни. Он считает, что башня должна относиться ко времени основания всей крепости. До возведения церкви башня эта являлась, по видимому, естественным градостроительным (по тогдашнему времени) центром всей крепости и ее замка (табл. 414-б). Немного ниже и севернее этой массивной круглой башни пристроена к проходящей здесь, по-видимому, новейшей, стене маленькая зальная церковь, не представляющая интереса.

ребленне в качестве строительного материала также и кирпича, а не только камня и булыжника, и применение деревянных вязей. Разбивка в стенах этих частей нишек, окон и дверей, и формы их—определенно поздние, века XVII—XVIII; такие же, как в достаточном количестве сохранились в крепостных постройках монастырей Гареджийского многогорья¹.

Выдающаяся, сильная крепость в сердце Кахетии была Веджини-цихе, в исторических источниках характеризуемая как крепость Эрети². Крепость Веджини, или как она именуется историком Цихе Веджиниса, занимает всю вершину горы, расположенную уже в виду Алазани, непосредственно перед перевалом в Картли. Верх горы охвачен одним кольцом крепостных стен, в котором заключается очень чтимая церковь (Амаглеба) и несколько дру-

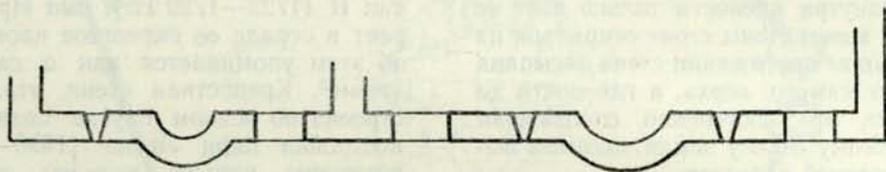

Схема плана дворцового здания в крепости Бочорма

Как было отмечено, значительное восстановление крепости Бочорма и известное приспособление укрепления к новейшим приемам обороны, по-видимому, следует отнести по времени к строительным мероприятиям царя Ираклия II. Впрочем, они вовсе не преследуют целей восстановить всю сильную и громадную крепость, и, конечно, не задаются и мыслью восстановить ее так, как она была построена, а только тем, чтобы хорошо наблюдать за врагом, отбиваться от него до конца, и, может быть, отсиживаться. По северной стороне имеется своеобразный переход, быть может, только отходящий от наружного пояса стен кусок большой крепости, сохранивший ряд древних полукруглых контрфорсов и кончающийся совсем иного вида прямоугольной башней (табл. 413-б, 415-б), сохранившей, как видно при начавшемся теперь обрушении, северо-западной башни, еще некоторые детали устройства, которые — мне кажется — могут пояснить особенности ведения войны в XVIII веке. В различных чиненых частях стен видно упот-

гих (Агдгома, св. Марии и др.), а затем много ниже видны отдельные башни в разных плоскостях и обрывки крепостных стен. Все эти укрепления сложены только из булыжника. На отдельных подходящих пунктах вне крепости в разных направлениях уцелели отдельно стоящие четырехугольные дозорные башни в несколько этажей, исполнявшие, по-видимому, роль сигнализационной связи. Крепость эта, как находившаяся в центре государства после воссоединения отдельных частей Грузии в феодальную монархию в XI—XII веках, не играла уже в последующие века и в позднее время роли.

Заключу эти беглые замечания по некоторым крепостям, стоявшим еще в период древнего кахетинского царства, несколькими данными о большой, игравшей, видимо, значительную роль и в последнее столетие существования грузинского царства, при Ираклии II, крепости — Манавис-цихе в Гаре-Кахетии³. Это громадная крепость с выделенным вышгоро-

¹ Описание и характеристика с соответствующими иллюстрациями даны мною в работе «Пещерные монастыри Давид Гареджи», Тб. 1948.

² В Матианэй Картлисай (Картлис-Цховреба по списку Марии, *451, стр. 228); по историку же Давида (там же, *517, стр. 285) в Кахетии.

³ Посещена 18.III.1951 г.

дом, с остатками различных зданий разного времени — частью больших, с несколькими церквями, водохранилищами и с разного же времени частями крепостных стен и башен. По восточной линии крепости устояла на большую в 5—6 метров, высоту древняя стена, выведенная из булыжника на покато́м склоне массива горы, который в некоторых местах выкрошился из-под стены и оголен. Стена эта также имеет связанные с нею полукруглые, сужающиеся кверху контрфорсы, какие отмечены в Дзвели-Галавани в Телави, в Кветера и т. д. Там, где оголилось основание стены, эти выступы висят теперь в воздухе. С северо-восточного конца, где несколько поздних восстановленных частей и башен, три таких контрфорса, далее к юго-восточному концу прямоугольный довольно длинный выступ стены и опять полукруглые контрфорсы при поднимающейся по уклону горы стене. Изнутри крепости только этот ее юго-восточный конец стены стоит открытый, на всем же остальном протяжении стена засыпана землей, где до самого верха, а где почти до него; очевидно, это постепенно сползавшая сверху по пологому откосу земля закрыла высокую стену древней крепости.

Чрезвычайно важно было бы исследование со всем нужным техническим аппаратом фиксации его кроме крепостей Кветера, Бочорма, Манавис-цихе также могучей Тога́с или Торгвас-цихе на древнем Мацмис-цкали (ныне Мазым-чай) в Лагодехском районе, о которой есть только очень мало говорящие сообщения в старых газетных статьях, но из которой — по сведениям — была лет 30—35 тому назад взята большая каменная плита с надписью асомтаврули, упоминающей якобы царя Агсартана¹.

Кое-какой, попутно собранный материал по крепостному строительству последних трех веков существования кахетинского царства, с

¹ Упомянута М. Г. Джанашвили, Саингило (Древняя Грузия, сборник Грузинского общества истории и этнографии, т. II, Т. 1913, стр. 55, по-груз.); в статье З. Эдили (Сахалхо газети, 1911, № 205) и в его же книге Ингилойцы, Тб. 1947, стр. 145—146, по-груз., даются более подробные описательные сведения; однако, о надписи они расходятся.

² См. гуджар брата его царя Теймураза II от 1733 г. (Какабадзе, Исторические документы, 1913, V, стр. 47, строки 25—26).

³ Правда, в своем завещании 1774—77 гг. епископ Савва Тусисшвили пишет о том, что плохо сделанную крепость Ниноцминдского собора он, с разрешения царя

некоторыми, только предварительными, соображениями к хронологическому уточнению данных, я привожу здесь же.

Вокруг больших, знаменитых монастырей, где находились многочисленные, ценные вклады, пришлось создать настоящие крепостные стены, чтобы обезопасить эти монастыри от набегов. Явление это имело место не только в Кахетии, но по всей Грузии с единственным различием разве только, что в Кахетии к этой мере — сколько пока уже видно — прибегали значительно позже, чем в остальной Грузии.

Знаменитая кафедра Ниноцминделей была обнесена большой крепостной стеной, испещренной по всей длине бойницами и укрепленной в пяти углах полукруглыми башнями. Крепостная стена эта была выведена во всяком случае еще в XVII веке, ибо царь Константин II (1723—1729 гг.), сын Ираклия I, собирает в ограде ее окрестное население, причем об этом упоминается как о самом обычном приеме². Крепостная стена, эта, однако, выстроена во всяком случае позже колокольни, постройки царя Леона (1520—1574 гг.), но, возможно, раньше вкладов ниноцминдского епископа Николая Андроникашвили от 1671 года³. Она представляет собой пятиугольник с единственными воротами прямо с юга, между двумя башнями; ворота расположены против входа в собор; за воротами большой родник (табл. 416-а). В северо-восточном углу помещается епископский дом, рядом с ним колокольня⁴. По северной крепостной стене шли помещения для марани, остатки дворцовых строений, от которых ныне уцелели только фрагменты. Кроме ворот теперь с западной стороны, близ с.-в. башни имеется калитка, через которую и входят в ограду собора.

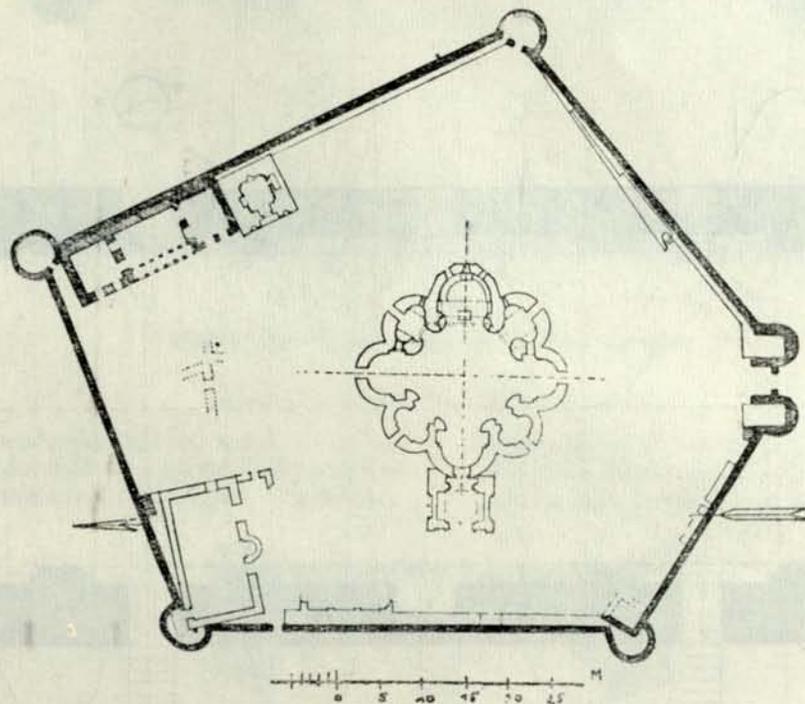
Крепостная стена образует, как сказано, пятиугольник, на каждом углу которого находится круглая башня. Только южный угол, где находятся ворота, укреплен двумя башнями по

Ираклия на использование для работы «Гареджийских облагаемых податями мужчин и церковных крепостных» (გარეჯელთ სავსთო კვთ, და კლესიისა ყბთ), превратил в крепость для борьбы коренного населения Сагареджо с врагами, но думается, что это коснулось улучшения, но не принципиального планирования ее заново (см. С. Барнавели, Ars Georgica, 5, 1950).

⁴ Между жилым домом епископа Саввы Тусисшвили 70-х годов XVIII века и колокольней времен Леона стояла церковь, построенная в 1840-х годах и разобранная в 1951 году Отделом охраны, приступившим к восстановлению дома Тусисшвили (ср. табл. 145, 147, 397 и 398).

сторонам ворот. Каждая башня двухэтажная— во втором этаже бойницы, а нижний глухой. Особенно сложная система бойниц при входных воротах, где из них можно было обстреливать врагов на различном расстоянии вплоть до того, как они подступали под самую стену. Выход на второй этаж башни происходил по лестнице, находящейся сбоку и направленной сперва на внутренний уступ крепостной стены,

того, использовали наличные постройки собора здания. Таким образом, получилась очень иррегулярная форма ограды. Время возведения теперешней стены — скорее всего начало XVIII века с использованием различных частей крепостной стены XVIII века, а может быть, и более древней. Эти хронологические рамки определяются, с одной стороны, косвенно, с другой прямо — качеством

Генплан крепостного укрепления в Ниноцминда с кафедралом и другими зданиями

по которому ходили вооруженные и стреляли через бойницы стен. С этого же уступа выше вел вход в пролет задней прямой стены башни. Описанное устройство вполне сохранилось на юго-восточном углу, левее башни. Верхний этаж отделялся от нижнего деревянными балками с настилом пола; от этого видны только следы. Сложена вся крепостная стена из булыжника.

Подобно Ниноцминдскому собору и Алавердский был обнесен крепостной стеной. Но здесь направление ее взять было несколько труднее в виду того, что с восточной стороны не вдалеке от собора протекает речка. Кроме

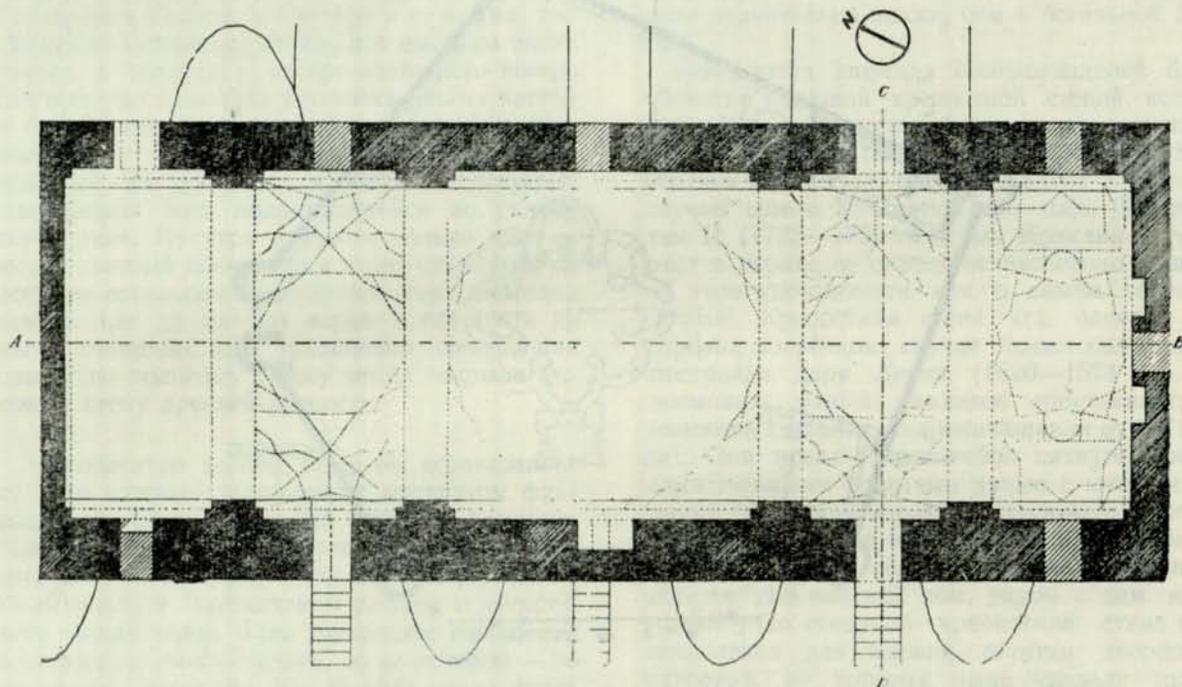
самой стены. В ограде Алавердского собора донные сохранился в развалинах летний дворец наместника Шах-Аббаса I в Кахетии, возведенный примерно около 1615 г. Он находится на северо-запад от собора¹. Непосредственно рядом с означенными помещениями, параллельно северному фасаду собора, расположено длинное большое помещение со многими окнами на север и на восток, как равно и на запад и со входами с юга. Это здание, судя по находящимся в земле его больших размеров глиняным кувшинам для хранения вина, было «марани». Как увидим ниже, крепостная стена возведена после этих построек и можно, пожалуй, даже сказать после того, как опустев-

¹ О нем ниже, в третьей части этой главы.

шее «марани» пришло в разорение¹. Другим исходным пунктом являются монастырские постройки общежития, или палат епископа, затем трапезной с небольшим при ней «марани» и бань. Палаты, трапезная и марани при последней расположены по линии южной стены ограды. Как отмечали еще русские послы XVII века, в ограде Алавердского кафедрала было два здания палат: одно низкое, т. е., можно ду-

и только укреплено приложенными к нему пятью полукруглыми контрфорсами, сложенными из булыжника (табл. 419, 420). В этих «палатах» помещалась в нижнем этаже большая трапезная монастыря, имевшая три входа с юга (два ныне заложены) и три окна над ними².

Входы и ныне находятся снаружи ограды, причем по ним нужно спускаться на 4—5 ступ-

План трапезной в Алаверди

мать, в один этаж над подвалом, а второе — высокое, в несколько этажей. Оба — из камня. Восточнее входных ворот и сейчас стоит большая, низкая развалина этих палат. Она непосредственно примыкает к крепостной стене, причем использована в ней со сплошной закладкой проемов на юг (табл. 421, 420-b). Западнее же входа стоит двухэтажное здание, которое полностью заменяет крепостную стену

пенек вниз³. Разделка сводов этой трапезной очень сложная, интересная и богатая — показывает образец высокого искусства конца XVI — начала XVII веков (табл. 422, 423). Во всех стенах были ниши, расположенные по известной системе, дававшей игру и подвижность помещению. Ныне они почти все заложены и стены побелены. Над трапезной помещается

¹ Толщина крепостной стены, приложенной к стене этого марани, равняется 60 см, как видно в одном месте пролома.

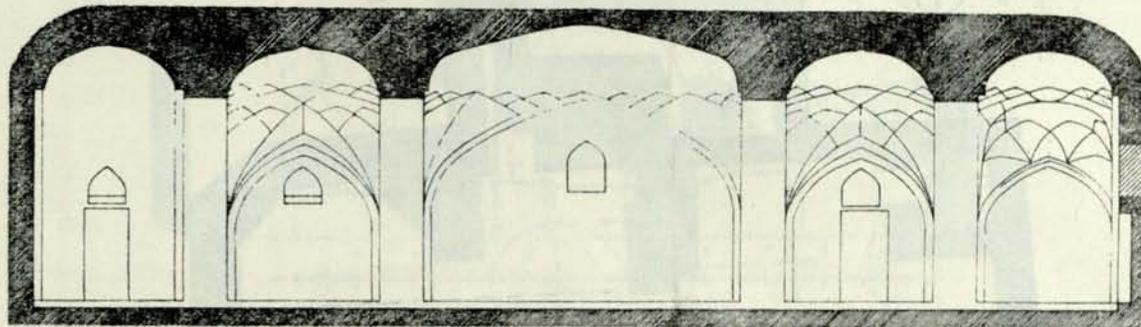
² Наружные контрфорсы, которые намечены также на плане трапезной, были нужны для удержания громадных ее сводов, состоящих из центрального квад-

ратного отрезка и по два двойных продольных по бокам. Материал этой трапезной был привлечен мною в докладе на III международном конгрессе по иранскому искусству и археологии (см. Доклады, Л.—М. 1939).

³ См. план и оба разреза, исполненные В. Л. Циолосани в 1935 году.

второй этаж, очевидно, с жилыми помещениями (табл. 419, 420). Ныне над всем этим корпусом выведен фактически третий этаж жилых помещений, хотя он теперь является только вторым — ввиду непригодности второго, без окон, заметного лишь как рудимент. На второй

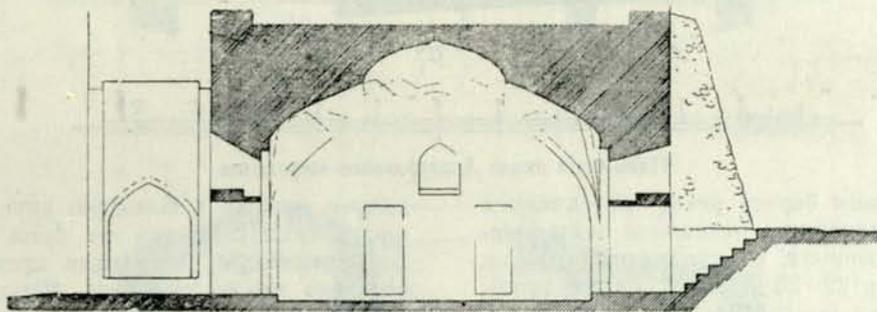
ко крайние западные подобны таковым снаружи (акварель Н. П. Северова). Это здание можно смело идентифицировать с «высокими палатами», о которых писали в XVII веке русские послы¹. Между указанными двумя палатами находится теперешний проезд в ограду с

Продольный разрез трапезной в Алаверди

и даже на теперешний третий этаж, т. е., вероятно, переделанный из прежнего древнего, ведут две грандиозных лестницы, поднимаю-

колокольной XIX века над ним. Но и в древности, во всяком случае в XVII веке, колокольня находилась здесь же; от нее остался весь ниж-

Поперечный разрез трапезной в Алаверди

щиеся над устроенными и с северной стороны наружными контрфорсами для сводов трапезной. Но здесь в силу означенной главной лестницы до третьего этажа эти контрфорсы имеют правильный, регулярный характер арок и толь-

ний куб с проходом между двумя ливанами и сторожкой (табл. 420-а)². Судя по тому, что большой арочный пролет из восточных палат на запад застроен кубом колокольни, можно заключить, что низкие палаты были, таким об-

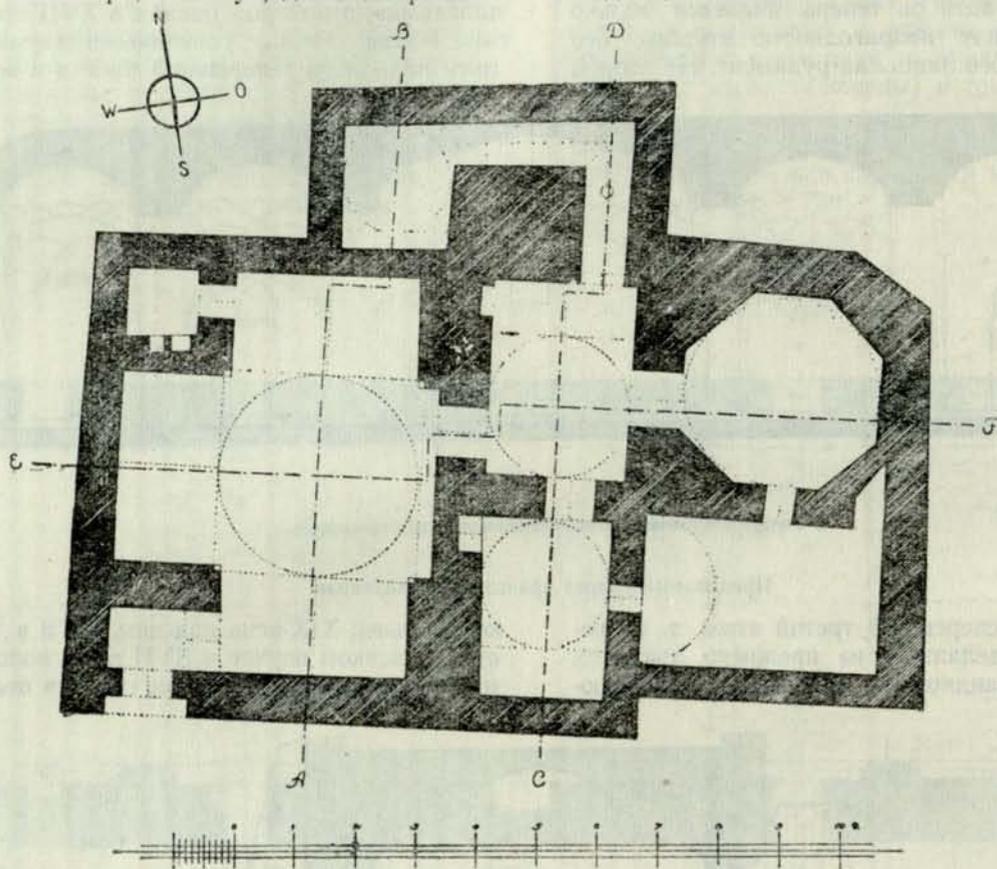
¹ Текст приведен ниже.

² Пл. Иосселиани, Алавердовский храм в Кахети, Кавказский календарь, СПб. 1846, 2-ое

изд., стр. 148—149, прямо упоминает об остатках колокольни над воротами, которые «и теперь существуют». См. ниже, стр. 530.

разом, построены ранее обычного для XV—XVI веков типа колокольни (табл. 421-b). Восточнее собора, пожалуй, даже северо-во-

сточнее, на правом берегу реки, протекающей около собора, находится развалина монастырской бани, сложенная из квадратных плиток кирпича (размер 22—23 на 5 см) и в стенах также из булыжника (табл. 424, 425). Это чрезвычайно низкое здание, хоть сейчас и заваленное землей (на 0,75 до 1 м), с несколькими помещениями, крытыми полными парусными сводами, маленькими каморками и ходами; вероятно, постройка одного примерно времени с роскошной залой трапезной. В этой бане выделяется главное помещение с тремя довольно глубокими ливанами. Все сводчатые перекры-

План бани около Алавердского кафедрала

тия имеют форму плоских стрельчатых арочек, также и купола плоские. Снабжение водой происходило, видимо, по специальному водопроводу с востока в большую круглую цистерну, расположенную с юга от бани (табл. 424-а). Бани эти после возведения крепостной стены остались вне ее, снаружи. Ясно, что они построены раньше стены, иначе бы их возвели в ее пределах¹.

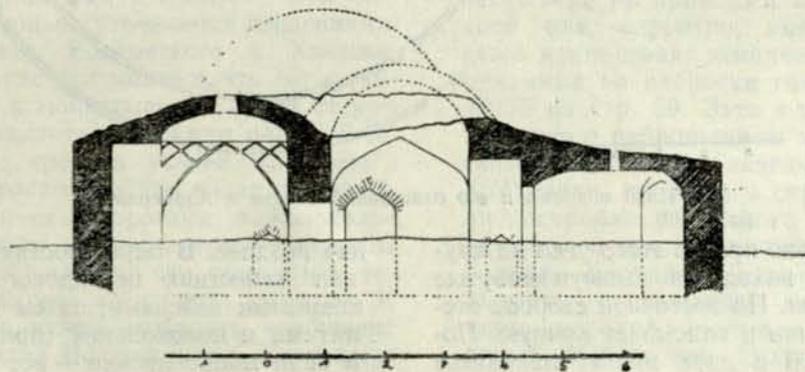
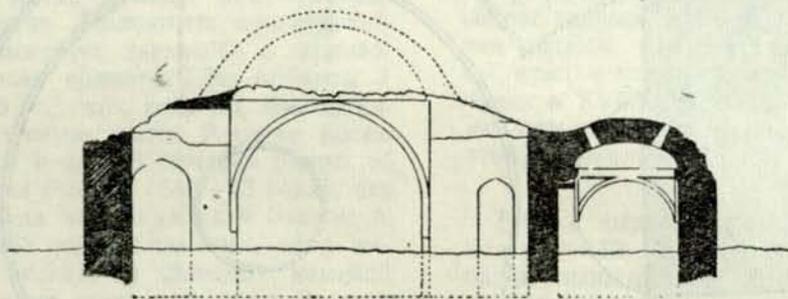
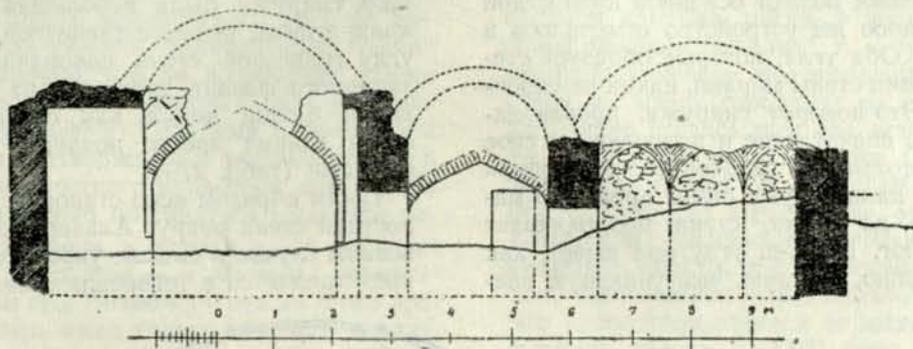
Я наметил расположение этих монастырских зданий близ собора, теперь можно перейти к обозначению линии крепостной стены, обусловленной указанными постройками в значительных частях своего протяжения. В Алавердской крепостной стене было первоначально двое ворот; одни против южного входа в собор, рас-

священном «древним баням Кахетии» очерке, напечатанном в «Вестнике Музея Грузии», т. XIV—V, Тб. 1947, стр. 167—188 и рус. резюме 188—193, помещены только некоторые чертежи, в частности, для бань г. Грели только план и ряд фото с натуры. В тексте дается описание и выясняется система отопления, водоснабжения, пропускная способность и другие вопросы функционирования.

¹ Покойный директор Телавского государственного историко-этнографического музея А. Д. Мамулашвили много сделал для выявления различных бань на территории Телавского и Кварельского районов; а именно организовал изучение, обмер и охрану двух бань в самом Телави времен Теймураза II и Ираклия II; затем очень обстоятельное с раскопками бани в Грели века XV—XVI, и др. К сожалению, в его по-

положенные между двумя дворцовыми развалинами; эти ворота функционируют доныне; вторые — против северного, наглухо заложенные. Направление стен кое-где идет по прямой

вает стена на север на такой линии, что она вплотную пристраивается к северной же стене описанного выше большого марани, доходит до его восточного угла, затем опять сворачи-

Три разреза бани в Алаверди

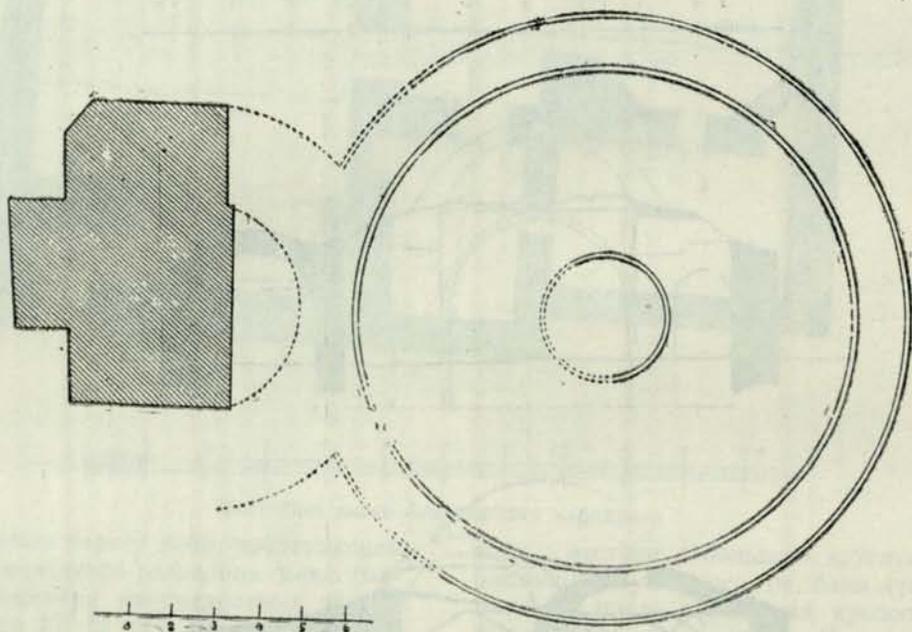
линии, кое-где же идет в полукруг. Так, по западной линии она идет приблизительно параллельно западному фасаду собора, вдалеке обходя киоск персидского наместника и делая поворот под прямым углом на север. Здесь на углу устроена башня (табл. 417-а). Поворачи-

вает и идет по линии восточной стены этого марани до конца ее на юг. Здесь снова делает поворот на восток, параллельно северному фасаду собора, имея против входа в него заложенные ныне ворота, укрепленные ранее изнутри стены двойной дверью, и доходит до бере-

га реки, протекающей с восточной стороны собора. Окна, расположенные часто в северной и восточной стенах марани, позднее заложены, а верх стен использован для передвижения и хождения стражи позади основной крепостной стены, как таковое же устройство отмечалось в Ниноцминда. Оба угла, которые образует стена, следуя линии стены марани, никак не укреплены особо. Это поворот снаружи, производящий странное впечатление и получающий свое разъяснение только из означенного намерения использовать наличие уже стены прежнего марани. Дойдя до реки, стена поворачивает вдоль ее на юг. На с.-в. углу она имеет, как и на с.-з., башню, круглую, выступающую впе-

русным сводом и двумя ливанами на восток и на запад. В западном устроена лестница наверх, где находилась первоначально уже колокольня, восстановленная в XIX веке. Кроме того, снаружи была небольшая комнатка для привратника, рядом с трапезной. На западном углу трапезной стена поворачивает по линии западного фасада храма, но на этом углу никакой башни нет, а, как сказано, наружная стена здания просто подперта пятью контрфорсами (табл. 279).

Таким образом ясно становится, что вся крепостная стена вокруг Алавердского собора, во всяком случае в смысле укрепления, какой она представляется в теперешнем виде, есть созда-

План водоема и его отношение к бани в Алаверди

ред. Приблизительно против этого угла на другом берегу реки находятся вышеупомянутые монастырские бани. По восточной стороне стена идет вдоль реки и описывает кривую. Среди этой кривой в двух местах находятся башни. Точно также и на юго-восточном углу опять имеется башня (табл. 278, 277-а). Здесь тоже вне стен находится монастырский родник. Южная линия стены идет с изломом в середине, где находятся ворота. Вся она, однако, не параллельна южному фасаду собора, а примерно по линии SO в восточной части и SSO в западной. Монастырские ворота с юга представляют собой средний квадрат с полным па-

ние позднее. В окрестностях Алаверди пребывал наместник персидского шаха со своими наемными войсками; затем и трапезная с палатами и колокольней (при южных воротах), и бани монастырские — все это уже существовало в монастыре, когда была построена вышеописанная крепостная стена с ее причудливой конфигурацией и разнообразием в кладке, где попеременно чередуются ряды косо и плоско положенных булыжников с примесью кирпичей и других обломков, например, даже поливной черепицы, т. е. попавшей с собора; а также с использованием деревянных связей в стенах, частью уцелевших донныне, хотя и прогнивших.

Стена эта производит впечатление выведенной в XVII—XVIII веке. Мне кажется, что с полным основанием алавердский епископ Николай Чолокашвили отмечает в своей надписи 1721 года на иконе Алавердского Георгия рядом с ремонтом самого алавердского кафедрала и его кровли, что он возобновил также разрушенную стену ограды (და გალავანი დარღვეული განვაახლე). Другими словами, и с этой стороны подтверждается положение, что в укреплении крепостного характера для собора и монастыря нужно постараться выделить части разного времени, а отсюда и — с добавлением путем раскопок — установить первоначальный план его. Возможно, что до этого времени монастырь имел только обычную ограду, но не крепостное укрепление, как и в Ниноцминда.

Следует еще иметь в виду, как отмечает Броссе, решение превратить алавердский кафедрал в крепостную твердыню с гарнизоном, которое было принято Шах-Аббасом I в 1614 или 1615 гг.¹, что, конечно, внесло какие-то дополнительные части. Русские послы князь Мышецкий и дьяк Ключарев пишут об Алаверди, где они были в 1640—43 годах, что «кругом ево ограда каменная да 4 башни. А против церкви две полаты каменных, одна высокая, а другая низкая, да холодник каменной невелик [наместника шаха персидского]; крыто все камышом. Да колокольня каменная, зделана столпом, приделана к полате»². Эти общие данные несколько уточняются сведениями посольства князя Волконского и Хватова 1640-го же года, где указывается, что «от колокольницы входя в монастырь, на левой стороне полата на подклетах 15 сажен вдоль, 6-ти сажен поперек»; «полата услана коврами»³. Это говорит о расположении палат с южной стороны, о связи их с воротами и колокольней. Таким образом, крепость первой половины XVII века охватывала все эти помещения четырехугольником стен с башнями на углах. К этим сведениям нужно добавить сообщение того же посольства Волконского и Хватова, в

котором отмечено, что «на святых воротах колокольня» и что «кругом монастыря ограда каменная, четыре башни. Ограда и башни розломаны», и, кроме того, «городьба около монастыря каменная, низкая, в косую сажень; по углам башенки бывали»⁴, т. е. вполне допустимо предположение, что леперешняя крепостная стена не всюду совпадает со стеной 1640 года. Иначе осведомляет нас историк Вахушти, т. е. почти через 100 лет (около 1720 года), когда пишет об Алаверди, что ალავერდი დიდშენი, ზღუდე პალატებიანი, გუნბათიანი, т. е. «Алаверди грандиозно строенный с оградой, имеющей палаты, и с куполом»⁵. Таким образом, высказанное выше предположение о том, что крепостная стена в ее нынешнем виде относится только к XVII веку, с починками в XVIII, подтверждается этими сообщениями.

Приведенные два примера крепостных стен вокруг ведущих епископских кафедралов Кахетии падают, как мне кажется, еще на XVII век, причем второй из них особенно сильно был чинен в XVIII настолько, что основной облик их кажется естественным отнести именно к этому времени.

Третий выдающегося значения в прошлом епископский центр — Некреси — расположен на возвышенности, в настоящее время вне населенного пункта на линии между крупными селениями Шильда и Кварели, весь в лесу. Мне не пришлось выявить ограду его, хотя она, вероятно, имеется, может быть даже крепостная; замечены лишь ворота, отмеченные на наброске генплана за № 15-ым, выше на стр. 39. Зато в этом давно уже покинутом и заброшенном монастыре, который сильно беспокоили лезгины не только еще в XVIII веке, но даже в середине XIX⁶, уцелели постройки различного гражданского назначения, а также многоэтажная башня оборонного значения. Башня встроена внутри дворцового комплекса, именно над помещением „марани“ и только с ним непосредственно сообщается. О связи и соотношении

¹ В его «Истории Грузии», изданной в грузинском переводе с рукописи посмертно (Т. 1900, часть II, стр. 98). По-видимому, это же имеется в виду в рассказе Искандер-Мунши (Hist. de la Géorgie, II, 1 S. Phg 1856 Add. V, p. 477).

² Посольство кн. Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию в 1640—43 гг., издание М. Полиевктова, Т. 1928, стр. 140.

³ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—40 гг., издание М. Полиевктова, Т. 1937, стр. 360 и 365.

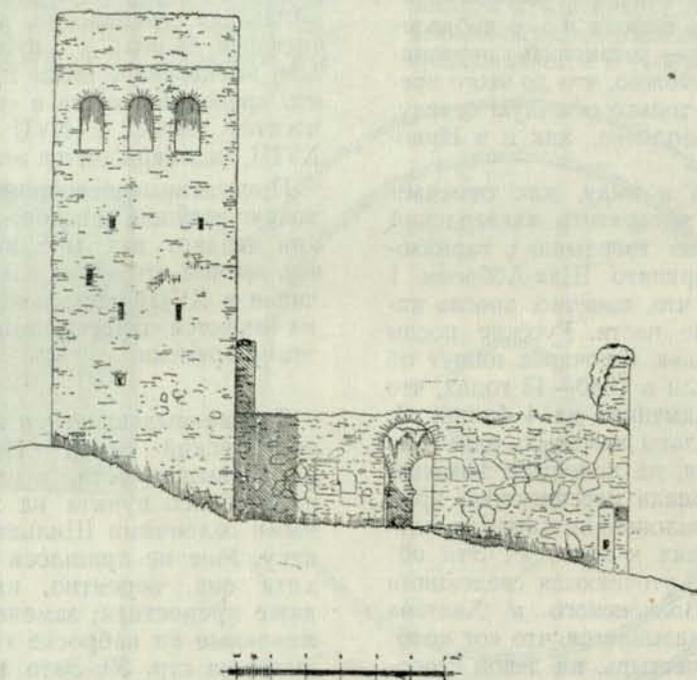
⁴ Материалы по истории грузино-русских взаимоотношений 1615—40 гг., издание М. Полиевктова, Тб. 1937, стр. 261 и 365.

⁵ Описание царства грузинского, Текст издан Т. Н. Ломоури и Н. А. Бердзенишвили, Тб. 1941 г., стр. 101. Рус. пер. М. Г. Джанашивили, Тб. 1904, стр. 127.

⁶ Пл. Иосселиани не смог посетить Некреси, а кн. Г. Г. Гагарин побывал в нем в те же 40-ые годы в промежутках между операциями против лезгин.

ее к дворцовому комплексу будет сказано ниже при рассмотрении последнего. Башня высокая, четырехугольная в плане. Междуэтажные перекрытия были деревянные; только глубокое, на высоту обоих этажей дворца нижнее помещение складского характера имеет сводчатое перекрытие. Сохранилось также каменное двускатное перекрытие вверху башни. Башня эта стоит над обрывом в

ского монастыря полуразрушенных гражданских сооружений относительно хорошо сохранилось здание, служившее скорее всего, видимо, трапезной¹. Это — небольшое, несколько удлиненное здание с рядом ственных ниш, подымающихся от пола метра на два высотой до вершины арочного перекрытия; к основной зале примыкает небольшое темное помещение, перекрытое коробовым сво-

Северный фасад башни и дворца в Некреси

сторону р. Алазани и высится, как упоминалось, над развалинами древнего епископского дворца. Только в верхнем этаже башни имеются во всех четырех стенах крупные с арочным верхом окна; в остальных же трех этажах — только бойницы. Вся башня выведена из рваного тут же камня, как и другие постройки Некреси на протяжении веков (табл. 451, 453-б, 458-б, 459, 460-б).

Из числа уцелевших на территории Некрес-

дом с небольшой дверью из зала. Трапезная имеет один вход, над которым стена сохранилась на такую высоту, что уцелело невысокое окно в ней. Другие стены уцелели на меньшую высоту. Сложено здание также из рваного камня. На наброске генплана (стр. 39) оно означено номером 12-ым.

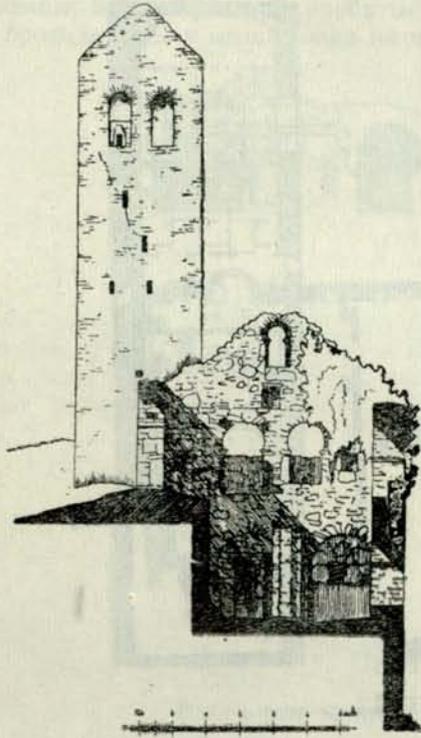
Подобная же башня, как в Некресском монастыре, имеется и около трехцерковной базилики Сиони в селении Шильда. Только эта

¹ Наличие исполненного в 1945 году архитектором В. Л. Шило-сани для Отдела охраны памятников культуры обмера этого здания дало возможность коснуться его, учитывая значительный интерес и редкие случаи относительной сохранности архитектурных форм такого различного, не церковного или дворцового, на-

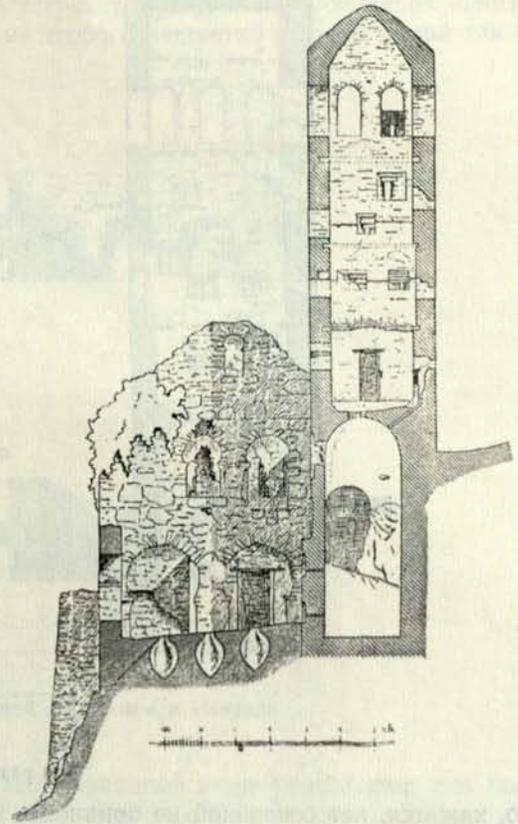
значения зданий. Напомню желательность разыскания многих уцелевших руин в другом крупном монастыре Кахетии, именно в Квела-Цминда близ Вачнадзиани который, видимо, заглох за много веков до эпохи набегов, так что незаметно каких-либо оборонительных крепостных сооружений.

стройная башня—всего двухэтажна¹. Каких-либо четких данных для более точного хронологического определения этих башен не могу я сейчас назвать. Однако, сколько учит ознакомление с крепостными сооружениями в пещерных монастырях Гареджийского многогорья и различные иные, разрозненные материалы, четырехугольная форма башен, а равно деревянные вместо сводчатых перекрытия являются, по

Своеобразным наращиванием крепостных защитных сооружений являются постройки около базилики Натлис-Мцемели выше сел. Сабуэ в верховьях р. Инцоба у подножья гор, делящих Кахетию и Дагестан. Как раз по этому ущелью ведет дорога на Кодорский перевал, где высится видная снизу крепость. А потому понятны производившиеся с течением времени дополнения защитных построек и у самого храма.

Западный фасад башни и разрез дворца в Некреси

Разрез на запад башни и марани в Некреси

всем данным, характерным соединением для определенного времени, именно XVII века.

Если тревожные условия жизни, все ухудшавшиеся и ухудшавшиеся, начиная с начала XVII века, потребовали властно создания крепостных сооружений вокруг выдающихся епископских кафедралов и монастырей, то и рядовые монастыри и церкви вне селений получают часто крепостного типа сооружения или хотя бы многоэтажные башни.

Здесь имеется прежде всего встроенная в боковой южной церкви трехцерковной базилики, над входом в нее, высокая, в четыре этажа, башня четырехугольной же формы (табл. 109-а, 110). А кроме нее, на некотором расстоянии от церкви к югу-западу сохранились сооружения въездных ворот, укрепленных помещениями

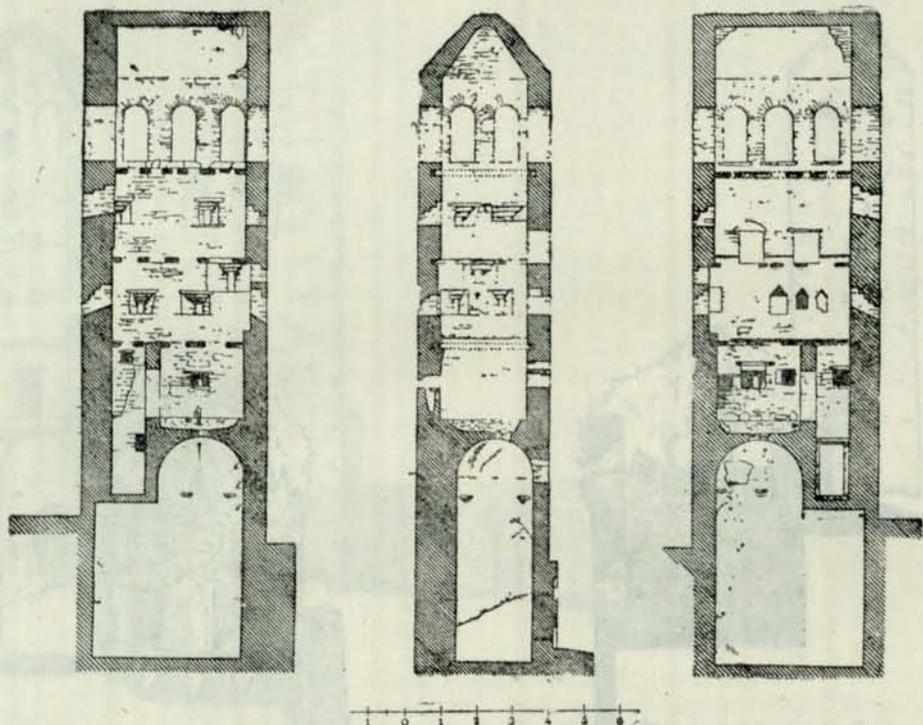
¹ Ср. рисунок (перед стр. 141) трехцерковной базилики в сел. Шильда Н. П. Северова 1922 г., на котором видна и башня. Если не ошибаюсь, на ограде Сиони в Шильде была лет 30—35 тому назад надпись, к сожалению мною не списанная, с упоминанием

Амвросия Некресели. (О нем см. С. Кубанейшвили в «Литературных разысканиях» Института истории грузинской литературы АН ГССР, т. III, Т. 1947, особ. стр. 232—235, по-груз.)

второго этажа и пр., составлявших, вероятно, часть укрепленной же ограды (табл. 109-а)¹.

Естественно, что такого типа защитные башни для укрытия во время набега и отсиживания и отстреливания из них возводились также различными более или менее крупными феодалами в пунктах их «резиденций». О видной, импозантной и значительной и по своему художественному эффекту башне в Греми, кото-

Одна из этих башен расположена внизу селения, около шоссе между Телави и Сигнахи, примерно против парка Цинандальского совхоза, на краю оврага речки Кисисхеви; она служила уже давно мельницей, как и во время осмотра и обмера в 1933 году³. Это — довольно грузное, четырехугольное с полукруглыми башенными выступами по углам сооружение (табл. 429). Оно состояло из двух

Три разреза башни в Некреси

рую, кажется, нет оснований не приписать кахетинскому царю Леону и которая стоит около самой церкви архангелов на вздымающемся пике в Греми, мы уже говорили в связи с выяснением вопроса о колокольне этого храма².

Совсем иного масштаба отдельные башни довелось более подробно обмерить в сел. Кисисхеви, входившем во владения феодалов из фамилии Кобулашвили.

¹ Несколько в сторону от этих укрепленных ворот стоит развалина очень просторной по плану, круглой крепости, имеющей по нижнему ряду часто расположенные бойницы и восемь больших окон в восьми же арочных пролетах. Она служила для вмещения довольно значительного сторожевого гарнизона. По-види-

перекрытых этажей и третьего открытого увенчанного зубцами, примерно в полметра высотой каждый зубец. Зубцы сохранились по западной и восточной сторонам в закладке стены, поднятой для кровельного покрытия мельницы коньком. Сложена вся эта башня целиком и исключительно из булыжника — довольно тщательно и ровными рядами. Перекрытие первого этажа — каменное, коробовым сводом

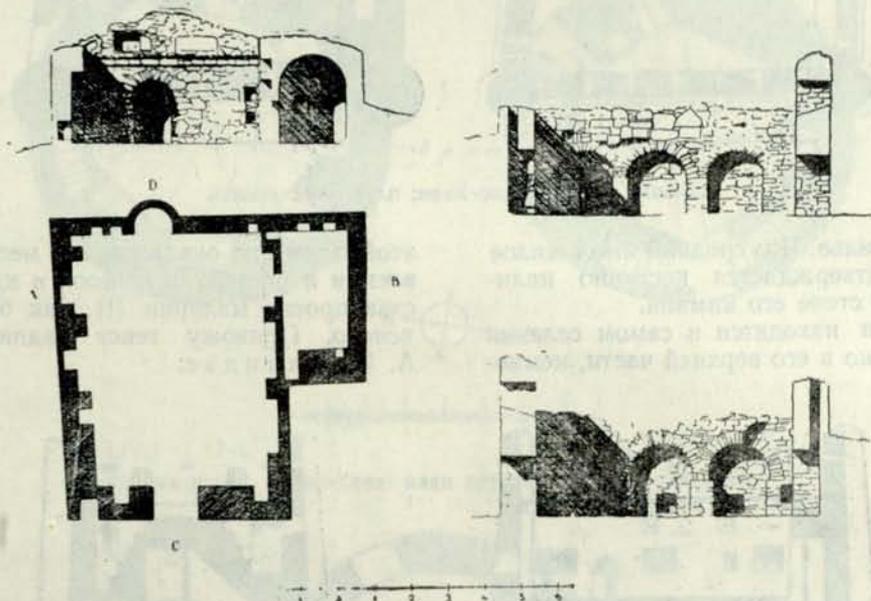
тому, она построена, как и крепость на Кодорском перевале, наверху, в первой половине XIX века. — Фото А. Д. М а м у л а ш в и л и, 30.VIII.1939 г.

² См. выше, глава X, стр. 500—501.

³ Обмер проведен В. Л. Ц и л о с а н и 18.XII. 1933 г.

по длине помещения — сохранилось хорошо. Перекрытие же второго этажа было деревянное по балкам, гнезда которых видны по продольным стенам; оно обвалилось и устанавливается только указанными гнездами. Третий этаж, как сказано, в этой боевой укрепленной башне был открыт сверху. В каждом этаже имеется большое число бойниц. В первом этаже в восточной узкой стороне имеется входная дверь в башню¹, а северной же три небольших окна-бойницы; в южной видны пробитые позднее для провода воды к мельничным жерновам

ставляющие третий ряд отверстий этого этажа. Третий этаж также имеет оконные (1) отверстия, расположенные в равной разбивке на узких стенах по два, а на длинных — по три проема. Выход из первого этажа во второй находится в северном углу западной стены. Здесь имеется небольшое, как стенная ниша, отверстие, ведущее на внутреннюю, в толще стены расположенную лестницу. Таким образом, лестница заключена между двух глухих стенок. Это устройство сохранилось хорошо⁴. Лестница из второго на третий этаж устроена так же

План и разрезы предполагаемой трапециевидной башни в Некреси

два отверстия, что лишает полной возможности установить древнюю разбивку². Против входа, в западной стене первого этажа, имеется ниша³. В среднем этаже бойницы расположены в два ряда: нижний ряд направлен вниз, а верхний имеет горизонтальное направление, т. е. расчет на стрельбу по врагу, находившемуся на большом расстоянии, еще недопущенному под стены укрепления. Над этим верхним рядом бойниц имеются небольшие окна, со-

в узкой, западной стене укрепления; она была открытой в помещении и имела с обеих сторон по всходу по каменным ступеням⁵. Лестницы были огорожены стенками, а в центре с верхней объединенной ступени обеих маршей был сделан проход на пол третьего этажа. — Как видно и из этого описания, средний этаж был не только укреплением, но явно служил также собственно жилым помещением при подсобном значении первого этажа. Отсюда понятно на-

ведущая прямо на второй этаж. Она сделана в месте пролома внутреннего всхода из первого во второй этаж, имевшего тот же облик, что и всход со второго в третий.

⁵ См. поперечный разрез по лестнице с видом внутрь здания.

¹ Ориентация, конечно, указывается здесь условно (см. разметку по компасу на чертеже).

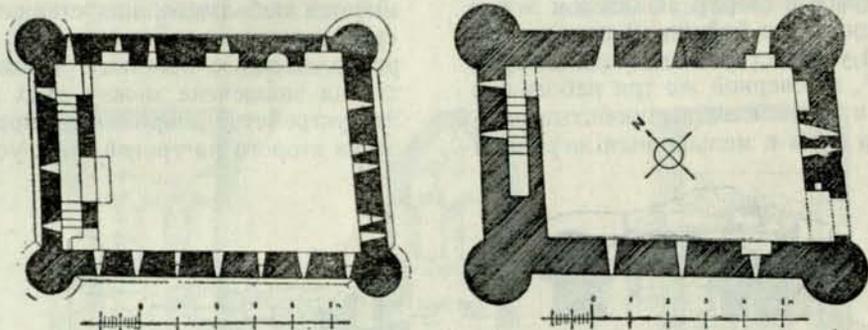
² На чертеже дана попытка восстановления.

³ На чертеже не показана.

⁴ Хотя для мельницы сделана именно здесь дверь,

личие окон в этом этаже, а также и в третьем, не имевшем перекрытия, но имевшем настольно высокие стены, что они полностью скрывали человека. В теплое время года и не в боевой период естественно этот этаж был также ис-

пользован под жилье. Что средний имел жилое назначение, подтверждается косвенно наличием в северной стене его камина. Другая башня находится в самом селении Кисисхеви, именно в его верхней части, небольшо-

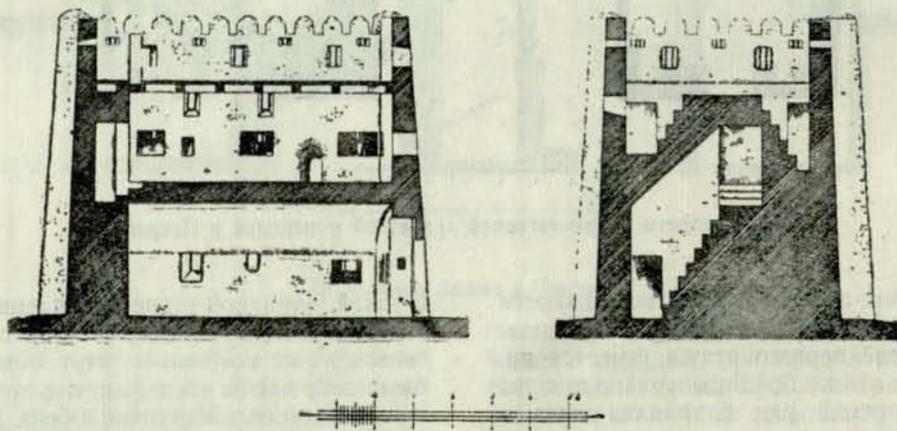

Башня около Кисис-Хеви: план двух этажей

пользован под жилье. Что средний имел жилое назначение, подтверждается косвенно наличием в северной стене его камина.

этой плиты не оказалось на месте, ибо ее извлекли и растолкли в песок в качестве лекарства против малярии (!), как было нам объяснено. Привожу текст надписи по копии А. Г. Шанидзе:

Другая башня находится в самом селении Кисисхеви, именно в его верхней части, небольшо-

Башня около сел. Кисис-Хеви: разрезы

го выше небольшой интересной купольной церкви Квела-Цминда. Она представляет совсем иной тип и характер укрепления. Снаружи это круглая башня, выведенная из булыжника с частичным добавлением кирпича (табл. 426—428)¹. Башня эта датируется точно 1767 годом, о чем свидетельствует, надпись, находящаяся над входом в рядом стоящую ма-

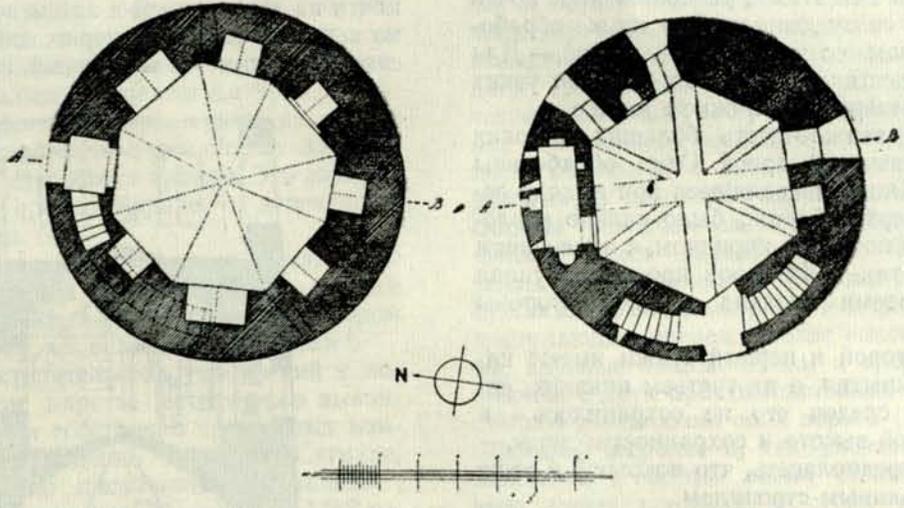
თქმისა — „ის მსახურისა მეორისა „ქ.რა კლი მეფისასა: სადიდებელად მათდა აღვაშენე ბურჯი და საყდარი ესე ნათლის მცემლის შობისა: მე მოძღუარათ მოძღუარმან ნიკოლაოზ ძემან კახთ მღვივის ზურაბისამან ულუაწე და აღვაშენე მამა-პაპათგან უშენსა ალაგსა ამის ძმის

¹ Башня подробно обследована 12. XII.1933 г., тогда же выполнен В. Л. Циловским обмер.

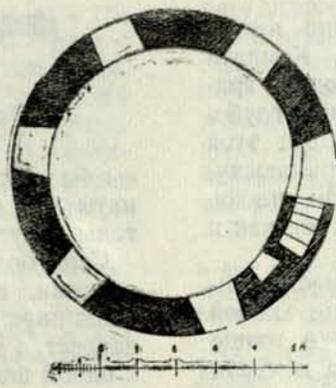
წელსა ჩემსა ხვაბელიძეს პართენს ნაზრომთა
 რლათს საკმარ იქმნენ შენდობას ჰყოფდეთ
 წელსა ჩინაჲ ქკნ უნე.

Надпись в переводе гласит:
 В царствование благочестивого царя
 Ираклия Второго, в возвеличение их, башню
 и церковь эту Рождества Крестителя

Снаружи башня — круглая, внутри каждой
 из 3-х этажей — шестигранная. Вход в башню
 находится примерно с северо-запада, судя по
 близлежащей церкви. Это — вход в нижний
 этаж и одновременно на лестницу, обходящую
 башню по западной половине, в толще ее стены.
 Ступени перегона до 2-го этажа сложены из
 крупного булыжника; со 2-го же в 3-й — из
 кирпича, поставленного ребром. Быть может,
 это — уже починка, как кое-где, видимо, и в

Башня в сел. Кисис-Хеви: план первого и второго этажей

План третьего этажа

построил я, настоятель (модзгварт-модз-
 гвари) Николай, сын Зураба, начальника
 канцелярии кахетинского [царя]; потруди-
 лся и построил для племянника моего (по
 брату) Хвабелидзе Партена на месте, ко-
 торое мои предки не обрабатывали. Те,
 которые будут пользоваться чем-либо из
 этих трудов, просите прощения.

Ноября 1-го года 1767, короникона 455.

проемах применен при поновлении кирпич.
 Снаружи башня представляет собой слегка
 сужающийся кверху цилиндр. Нижний этаж
 кроме двери имеет еще два небольших узких
 отверстия, идущих сверху вниз — одно с севе-
 ра, другое с юга.
 По 2-му этажу имеются проемы достаточно
 широкие и высокие — два на север и одно на

юго-восток. Все три имеют прямоугольный верх и по притолкам обработаны кирпичом; юго-восточное ясно показывает, что оно не первоначально, а пробито позднее, через внутреннюю нишу.— Совсем иного типа окно второго этажа на юго-запад, освещавшее лестницу — оно имеет стрельчатой формы арку, обработано все кирпичом; правда, по увязке со стеной, по форме арки, по месту в постройке коренным образом отличается от трех остальных. Кроме того, есть еще маленькое окошечко из отдельной комнатки 2-го этажа, расположенное почти над входной снизу дверью. Оно также обработано кирпичом со стрельчатой аркой.— Для освещения лестницы имеются еще два узких небольших отверстия в нижнем марше.

В третьем этаже шесть больших, высоких окон со стрельчатой аркой. Окна обработаны кирпичом¹. Окно, находящееся при выходе лестницы на верхний этаж, было сильно разломано и затем починено кирпичом, с изменением как формы, так и размеров проема. Крупная закладка проема сделана с одной стороны окна.

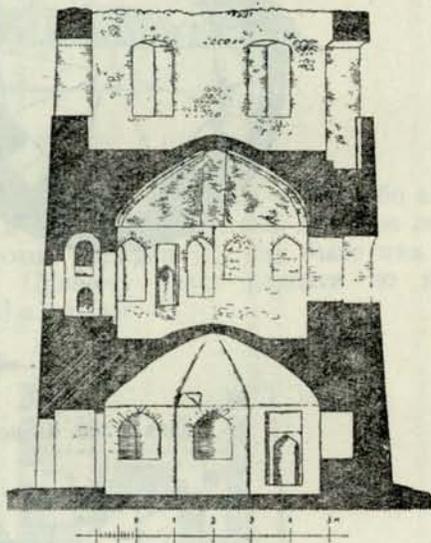
Так как второй и первый этажи имеют каменные перекрытия, а на третьем никаких, самонаименьших следов его не сохранилось — и это при ровной высоте и сохранности стены, — приходится предполагать, что покрыт 3-й этаж был по деревянным стропилам.

Двери входные снаружи, как и в первый этаж, обработаны кирпичом, верх имеют стрельчатой аркой.

Помещения каждого этажа башни имеют внутри различный план и формы. Комната нижнего этажа — восьмигранная; в одной грани — дверь, а в семи остальных гранях глубокие ниши со стрельчатым верхом. Свод этой комнаты — купольный, несколько приплюснутый, и с поднимающейся скуфьей. Он сплошь оштукатурен, и стены с нишами, так же как и свод, заштукатурены.

Второй этаж представляет собой шестигранное помещение с лестницей в толще южной башни и с небольшой «караульной» в толще же стены, над входной дверью. Эта комната освещалась по первоначальному плану, очевидно, наподобие нижней, — только через дверь с лестницы. Теперешние же три окна, как отмечено при описании наружного вида, приходится считать позднее прорубленными. В помещении было шесть высоких ниш со стрельчатым верхом и в половинную толщину стены.

Две из них, обращенные на северо-восток, заложены наглухо попеременными рядами кирпича и булыжника. В нишах, обращенных на север, позднее прорублены окна, а между ними находится камин. В южной грани — вход с лестницы, а в северо-западной грани сделана дверь в отдельную каморку на полуметровой от пола высоте. Эта комнатка по своей форме длинная, прямоугольная с камином в южном конце и с двумя нишами, одна над другой, в северном. С северо-запада одно окно в центре, почти на высоте пола и затем по сторонам его, на высоте в метр, примерно, небольшие отверстия. Свод камеры кирпичный, коробовый. Сте-

Башня в сел. Кисис-Хеви: разрез

ны были оштукатурены, как и стены всей комнаты 2-го этажа. Окно, двери и ниши обработаны изнутри не кирпичом, а булыжником.

Свод большой комнаты также кирпичный с ребрами, выступающими внутрь лопатками. Одна пара этих широких лопаток расположена накрест, а вторая пара узких примыкает ближе к одной широкой полосе, именно идущей с северо-запада на юго-восток (табл. 426-б).

Стены изнутри сложены так же, как снаружи — из булыжника.

Так как скуфья свода нижнего этажа поднимается в полу второго и от нее идут горизонтальные лучи к шести углам стен, а вместе с этим площадка лестницы выше теперешнего земляного пола, то естественно заключить, что пол здесь был деревянный, настланный ровно

¹ Видна борозда — от оконной рамы?

на уровне верха скупы и ее лучей. Тогда и ниши придется почти на уровне пола, равно дверь в маленькую отдельную комнатку.

Лестница третьего этажа в верхней части пролета — из булыжника, и сильно попорчена; нижняя же часть этого пролета — кирпичная и, как сказано, напрашивается предположение, что она чинена кирпичом. В полу здесь также высится середина свода 2-го этажа, как во втором этаже середина свода из первого. Окна стрельчатые, обработаны во всю глубину кирпичом. Всюду видны борозды рам. Между окном с лестницы и первым окном на юго-запад имеется небольшая ниша. И в третьем этаже стены сохранили остатки штукатурки, и равномерные углубления в простенках, на высоте верха окон, оставшиеся, очевидно, от вложенных балок для удержания кровли. Это еще раз поддерживает предположение о деревянных стропилах крыш.

Вверху башни лежит колокол с надписью 1806 г., сообщающей о посвящении его церкви «Гвтэба», построенной мдиванбегом Симоном Кобуловым в том же селении Кисис-Хеви¹.

Эта полоса строительства укреплений в новом кахетинском царстве естественно выявлялась и в создании собственно крепостных комплексов. Если возведение крепости Сигнаха, как известно и по письменным источникам², есть постройка эпохи царя Ираклия II, 1762 года, то о других крепостях мы таких данных не имеем. Впрочем, и архитектурного материала, касающегося крепостей этого времени мне собрать не удалось. Привожу поэтому фото с большой крепости князей Чолокашвили в сел. Матани, имеющей довольно обычный, рядовой облик (табл. 416-б). Даже для характерных крепостей, принадлежавших князьям Вахвашишвили и Корчибашишвили в самом городе Телави и являющихся таким же четырехгранни-

ком стен с угловыми, сильно выступающими круглыми башнями, как виденные нами в укреплениях Ниноцминдского или Алавердского кафедралов, или в только что названной крепости в селении Матани, я никаким наглядным материалом не располагаю, почему отказался и от возможности сделать описание их³. Нескольку лучше обстоит дело с крепостью во-круг так называемого дворца царя Ираклия II в том же Телави⁴.

Телавская главная крепость с дворцом Ираклия и одной небольшой зальной церковью является большим прямоугольником. Стены выведены сплошь из булыжника, ровными рядами. Подмазаны раствором. Создают впечатление отдельных слоев, состоящих из узких полос постепенного возведения постройки в процессе работы, т. е. как бы отражающих «дни работы». В некоторых частях стен эти полосы сильнее различаются, быть может, в связи с атмосферными воздействиями. По четырем углам, одновременно со стенами, возведены из булыжника, ровными рядами и слоями, сильно выступающие вперед и более высокие, чем стены, круглые башни. Входы в крепость расположены с двух противоположных сторон — восточной и западной: одни ворота (западные) — особенно широкие и, так сказать, парадные, находятся в центре линии стены; другой же вход менее широкий, не столь укрепленный, расположен совсем близко от южного угла крепости с восточной стороны. Он сохранил комнату второго этажа, откуда открывается широкий и далекий вид на Алазань и Дагестанские горы. Интересно, что из общего прямоугольного контура этой крепости, помимо незначительных, только что перечисленных архитектурно и фортификационно понятных и обусловленных выступов, имеется один еще выступ, который, мне кажется, можно только понять

¹ Привожу эту надпись на колоколе по копии, списанной на месте 12.XII.1933 г. И. Ф. Сонгулашвили: ქ. მე ქობულთვი მდივანბეგ მდივანმ სვიმონმა შევეწირე ერთი წვეილი ხარი ჩემვან აღმენებულს ღვთებია ეკლესიას კისის ხევის სულისა ჩემისა სახლად და ძეთა ჩემთა სადღებრძელოდ იანვარის | ა | ქს უღად.

² Ср. Пл. Иосселиани, Путевые записки по Кахети, 1846, стр. 39.

³ Акад. Броссе (Voy., I, 60) приводит надпись на отдельном (?) камне, уже утраченном к началу XX века (Е. С. Такайшвили, Археологические экскурсии и заметки, т. I, Т. 1907, по-груз., стр. 252—253), в которой сын базиэрт-ухуцеси (сокольникового) и сам базиэрт-ухуцеси Заал (Вахвашишвили) с братом Вахушти сообщают о возведении ими крепостной стены в царствование сына царя Грузии Ираклия I, Теймураза II и жены его царицы Тамар, умершей в 1746 году,

и при царевиче Ираклии. (Условная расстановка запятых у Броссе ввела его в смущение, а за ним последовал и Такайшвили; оба приписывали построение эпохе царствования Ираклия II; позднее, в 1766 и 1767 годах, тот же Заал Вахвашишвили, уже базиэрт - ухуцеси и мандатурт - ухуцеси, жертвует два колокола своей церкви-усыпальнице). Утерянная надпись указывает время построения Телавской крепости Вахвашишвили в 30-ых или начале 40-ых годов, ранее воцарения Ираклия II в 1744 году.

⁴ Описание сделано в августе 1942 г.; обмер плана произведен Л. Д. Рчеулишвили. А со столь характерного в градостроительном смысле выступа против теперешнего городского сада привожу рисунки, исполненные архитектором-художником А. П. Келлером в 1947 году для Института истории грузинского искусства.

и поздних, характер и назначение их существенно различаются. Иначе выбирается место для их сооружения, иначе возводятся и сами крепостные сооружения. Если в раннее время крепости были в основном и феодальными замками, то в позднее время они рассчитывались на осадное, оборонительное положение, на укрытие населения во время вражеских набегов и на содержание войсковых частей, ополчения. В этом отношении не малый исторический (впрочем, конечно, не архитектурный) интерес представило бы изучение и установление всей сети расположенных по алазанской долине небольших четырехугольных крепостей, сложенных из булыжника и стоящих на ровном, плоском месте, как, например, крепостца на краю сел. Кондоли на берегу речки, или в сел. Артозани над р. Турдо и т. п. Помнится, что есть такие районы Кахетии, где бросается в глаза расположение многих из них на сравнительно

2. ЗАМКОВЫЕ ПОСТРОЙКИ ДРЕВНЕЙ ПОРЫ

Выше было отмечено, что в колокольнях и крепостных сооружениях всплывают новые, дополняющие картину архитектуры церковных сооружений приемы и решения; особенной же яркостью отличаются в этом отношении дворцовые сооружения. Если уже в первых находит применение плоское перекрытие, открытые или почти открытые площадки, наконец, этажность сооружения, то все эти элементы вызваны и применены в утилитарном, жестко функциональном смысле. Только в замковых сооружениях эти же приемы использованы и для получения одновременно с функционально обусловленным решением задачи также законченного архитектурного образа здания, отмеченного для замков древней поры величавым спокойствием.

Во время моих изысканий в Кахетии мне повезло в первые же поездки натолкнуться на следующие пять дворцовых развалин, сохранивших в значительном объеме основные для художественного понимания их части, позволяющие восстановить общий архитектурный образ. Это феодальные дворцы — частью светских, а частью духовных феодалов — в Кветера, Вачнадзиани, затем в Ванта, Некреси и Череди. К ним примыкает и здание

небольшом друг от друга расстоянии. Они созданы, очевидно, приказом царя Ираклия II для небольших гарнизонов его ополчения, как стража против нападения лезгин, как мне указал на существование письменных об этом данных покойный И. А. Джавахишвили.

Все приведенные выше материалы и указания не представляют — я не могу не повторить этого и в заключение — ни в коем случае какой-либо более или менее ясной картины отдельных форм и развития крепостной архитектуры в Кахетии. Но они позволяют все-таки предвидеть определенные возможности постановки вопросов изучения этого еще никак не поддающегося распределению и точному хронологическому установлению материала. Впрочем, нельзя не отметить, что по всей Грузии именно Кахетия, пожалуй, более других районов представляет ясности в этом отношении.

Академии в Икалтойском монастыре. Этот материал дворцовой архитектуры, совершенно новый 35 лет тому назад для нашего знания по истории архитектуры и очень интересный, только постепенно и очень мало расширился с тех пор; слабо идет пополнение его материалом и из других частей Грузии. Аналогичные по замыслу сооружения стояли, судя по небольшим фрагментам в Бочормской крепости (см. выше), в Велис-Цихе, в Тианети и некоторых других местах, впрочем не столь яркие, как первые пять¹.

Все эти постройки выведены в два этажа — нижний служебный, а верхний жилой и парадный. В нем находится главная большая длинная зала, сохранившая свои основные формы, к которой почти всюду примыкали небольшие сравнительно комнаты, от которых, большей частью, мало что осталось. Большая зала имеет по одной длинной стене сплошной ряд больших арочных пролетов, а по одной или обоим узким сторонам двойные арки с широким видом в даль. Таковы самые общие, определяющие эти здания черты. На основе их каждый из зодчих дал своеобразный вариант. К сожалению, мы лишены возможности представить, а быть может и выяснить вообще, общий план

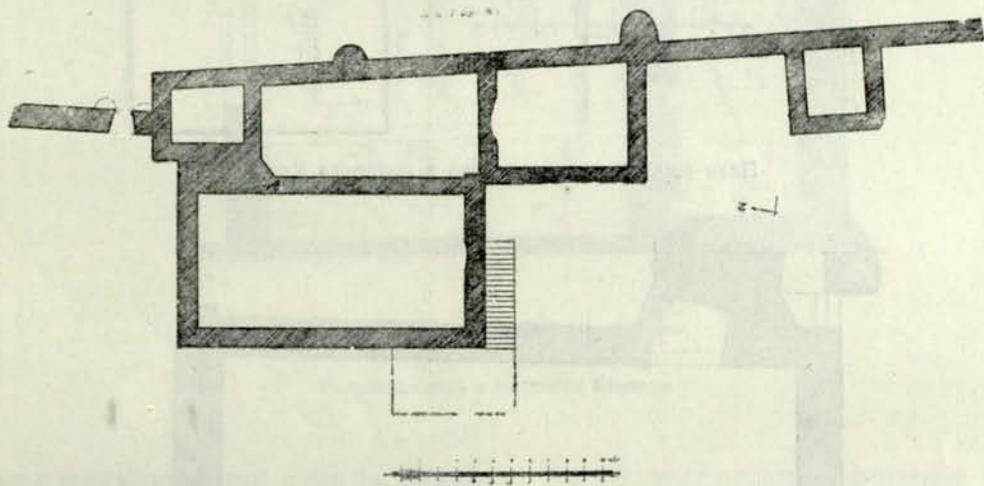
¹ Первая публикация материала была осуществлена в 1923 году в статье, помещенной в поднесенном проф. П. Г. Меликишвили к 50-летию его научной дея-

тельности томе «Моамбэ» Тбилисского Университета (т. III, по-груз.).

всего комплекса каждого из этих замков, а в ряде случаев даже и полного плана основного дворцового здания.

Кветера (табл. 433—436)

В пределах крепости Кветера, в ее верхнем замке, на северо-запад от крепостной церкви, сохранились развалины двухэтажного дворца с большой в верхнем этаже дворцовой залой и несколькими другими помещениями. От последних, к сожалению, сохранились только обрывки стен, едва возвышающихся над землей; они были расположены по северной стороне залы (генплан).

Генплан замка в крепости Кветера

В общем составе дворца ярко выделяется его основной двухэтажный корпус и примыкающие к нему над склоном в северную сторону по всему фронту одноэтажные помещения, продолжавшиеся, видимо, еще и за линию двухэтажного корпуса на восток. Здесь во всяком случае заметны немного выступающие своими частями над землей остатки стен, образовавших две комнаты.

Стена одноэтажного помещения, располо-

женного по северному фронту дворца, сохранилась перед северо-восточным углом его только частично. Кладка этой стены связана с двухэтажным корпусом, чем определяются как формы помещений, их этажность, так и цельность плана. Сохранилась и наружная северная стена одноэтажного здания, как и западная граница ее, где возвышается на всю ширину передней одноэтажной комнаты четырехугольная, трехэтажная башня. Эта четырехугольная башня закрывает часть с западной стороны северо-западный угол дворца, а по северному его фасаду с этой башней находится в стыке выступающий наружу камин в первом этаже дворца¹.

Основной двухэтажный корпус дворца образует по плану прямоугольник, расположенный почти над северным обрывом вершины горы (табл. 435). Большие парные арки смотрели — одни на восток по ущелью р. Ильто и затем за Алазань, а другие — на запад, т. е. в сторону

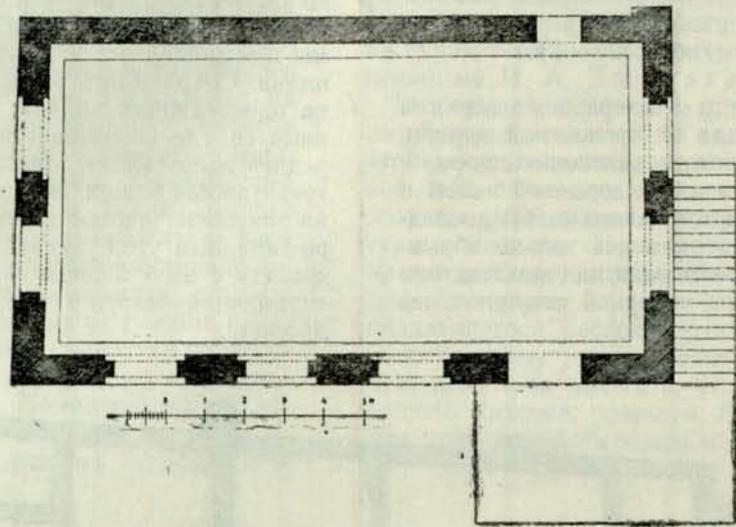
кверху, т. е., по-видимому, мы имеем здесь дело с обычным в Кахети приемом возведения зданий единого проекта по отрезкам. (Впрочем, конечно, дворец Кветера, как и вся крепость в целом — достойный и заманчивый объект для полного археологического раскрытия). — Обмер исполнен В. Л. Ц и л о с а н и в 1936 году.

¹ На чертеже плана дворца по первому этажу неправильно показано размещение наружного прохода с запада в башню: проход врезан в толщу дворцовой стены, а не примыкает к ней, как показано на чертеже; северная стена дворцового каминна образована южной стеной башни, которая выведена наклонно, в соответствии с обычным сужением дымохода в камине

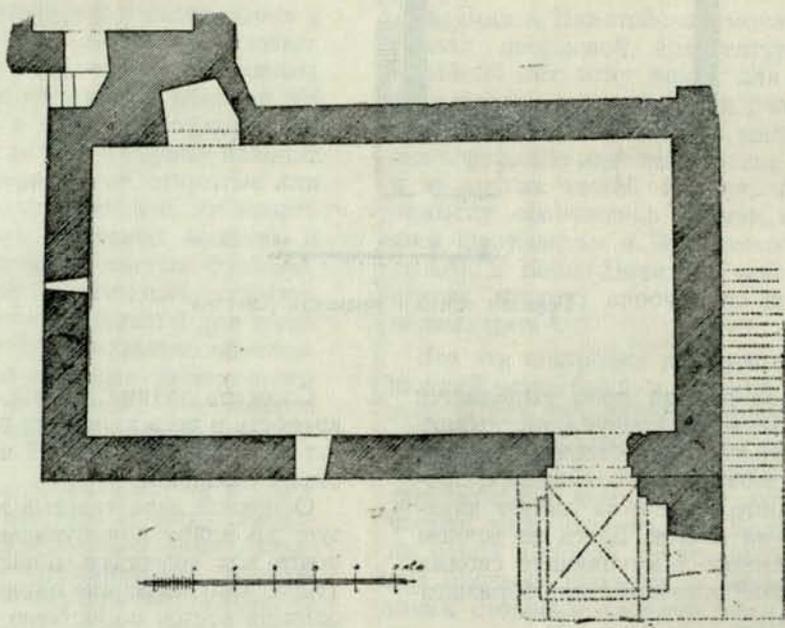

Тианети по ущелью (табл. 436-а). Ряд четырех таких же больших арок по южному фасаду

пости¹. Кроме того, на север ведет небольшая дверь с плоской перемычкой в восточном конце

План верхнего этажа дворца в крепости Кветера

План нижнего этажа дворца в крепости Кветера

(в 1,75 м пролета) был обращен во двор кре-

стены — это и был выход из зала на плоскую

¹ Ко второму, через 15 лет, посещению Кветера в 1935 году, простенок двух арок восточного фасада, как и простенки южного фасада рухнули и лежали внутри зда-

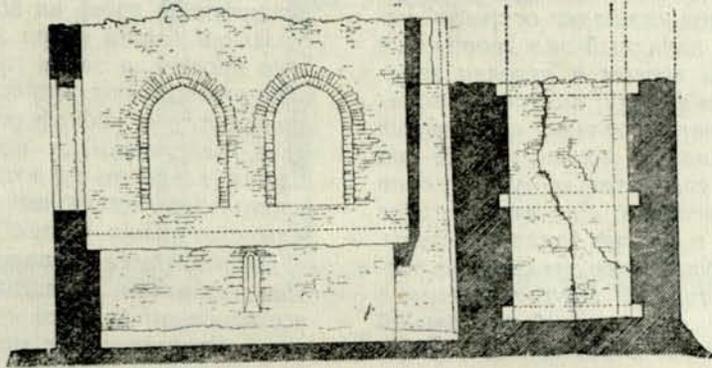
ния. На чертеже они восстановлены по обмеру сохранившихся фрагментов. (Ср. табл. 434-б, 354 и 436-а).

საქართველოს
ეროვნული ბიბლიოთეკა

террасу над находившимися здесь в первом этаже комнатами¹. Все арки окон этой большой дворцовой залы — высокие, большие, отделаны были еще дополнительной аркой с каждой стороны стены, т. е. и по фасаду и внутри зала, что делает их еще более значи-

ного этажа, с правой стороны входа в него, а на левой же остались следы примазанности к стене аналогичного блока (табл. 435-b). По остаткам и наличию арочного входа между двумя устоями, примыкавшими к стене, намечаются формы целого: площадку поддерживали четы-

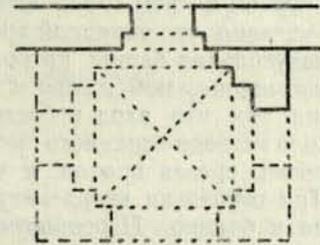
Разрез дворца в крепости Кветера

тельными и величественными. Сами арки имеют овальную форму с легким переломом, т. е. такую же, как мы видели, например, в Вачнадзианской купольной Квела-Цминда, и других. Характерно, что крайний восточный пролет по южному фасаду, который стоял еще и во время обмера дворца в 1935 году, не имеет указанных западинок притолок, как остальные проемы зала, чем строительно оттеняются в этом здании дверные проемы в отличие от оконных: этот крайний проем по второму этажу южного фасада служил входом в большой дворцовый зал с находившейся здесь наружной лестницы.

ре угловых опоры, соединенные между собой арками и крестовым сводом. Лестница шла, очевидно, и здесь, как и в Ванга, двумя маршами — первый по восточной торцовой стене

Во дворце Кветера сохранились, так же как во дворце Ванга, остатки бывшей когда-то открытой наружной лестницы, прямо вводившей в парадный зал второго этажа дворца. Здесь сохранились остатки устоя для ее верхней площадки перед описанной дверью на правом краю южного фасада. Они находятся у стены ниж-

План опор наружной лестницы

¹ Дверь эта не имеет в притолоках западинок стены. Она была позднее сужена также каменной кладкой.

дворца, а второй под углом по южной, прямо на площадку перед входом. На восточной стене, действительно, заметны следы примазанной раствором части строения.

Нижний этаж дворца был, как сказано, служебного назначения, подобно и другим двор-

цам этого типа и времени. Стены нижнего этажа образуют внутри, на высоте междуэтажного перекрытия уступ, на который, очевидно, были положены балки перекрытия, поверх которых настлан был пол второго этажа. Таким образом, стены верхнего этажа немного тоньше стен нижнего. Кое-где, по-видимому, сохранились гнезда для закладки балок в толщу стены. Такой же прием уступа стены для опоры балок междуэтажного перекрытия применен и во дворце Некресского монастыря. Вход в помещение нижнего этажа расположен в восточном конце южного фасада из-под площадки открытой наружной лестницы в парадный зал дворца. Он широкий, с арочным верхом и отделан западинками притолок по фасаду; внутри же помещения западинок нет, в отличие от оконных проемов здания. Западнее входа, так же под окном зала имеется сравнительно узкое окно этого большого помещения; еще второе такое же окно находится в центре западной стены. Окна имеют полукруглый верх и сильное расширение внутрь помещения. Других проемов в этом помещении нет, а в северной продольной стене ближе к западному концу помещения выделяется только один большой с арочным верхом камин. Подобное устройство и разбивку мы увидим еще во дворце в Вацпадзиани и видели уже в Бочорма.

Вокруг дворца заметны обломки черепицы, что, видимо, указывает на то, что это здание, как и церковь, было покрыто черепицей.

Как было уже отмечено при описании крепости и замка Кветера, дворцовый корпус примыкает к крепостной стене замка с его полукруглыми глухими контрфорсами и четырехугольными башнями. Выше в описании первого этажа с террасой на нем перед дворцовым залом было указано, что западной границей служит четырехугольная башня, которая расположена на всю ширину помещения и насажена на угол дворца, так что вход в башню, находящийся около северо-западного угла дворца, сделан, скосив, срезав проход, в углу самого дворца¹. Три ступеньки вверх ведут в пролет этого входа в башню. Перекрытия в башне были деревянные: видны гнезда для балок двух

междуэтажных перекрытий. Но никаких окон в этой башне не видно. Если на восток башня заменяет западную стену одноэтажного помещения под террасой дворца, то на запад к ней примыкает в середине крепостная стена, т. е. стена замка. Тут же в стене имеется небольшой вход (калитка), фланкируемая, как и другие крепостные входы в Кветера, полукруглыми глухими контрфорсами. В восточном направлении от четырехугольной башни, близ нее, на северной стене помещения под террасой видны также остатки еще одного полукруглого, контрфорса; далее на восток — опять четырехугольная башня в три этажа, имеющая оконные проемы, а затем против восточной стены одноэтажного под террасой помещения остатки полукруглого контрфорса. На таком же, на глаз, расстоянии от первой четырехугольной башни, на каком на восток стоит вторая четырехугольная башня, имеется тоже и на запад четырехугольная башня².

Дворец замка в крепости Кветера удается, таким образом, представить довольно точно в его основном корпусе и в общих чертах наметить дополнительные мотивы композиции. Перед нами встает очень интересное по своему художественному образу архитектурное произведение с развитыми, самостоятельными элементами и с увязкой положения с местностью. Здесь важно напомнить, что построенная в замке небольшая купольная церковь вся тщательно облицована четко нарезанными квадратами ширины, в то время как дворец построен исключительно из булыжника. Это говорит дополнительно о более позднем возведении церкви, чем замок с дворцом. Таким образом, крепость Кветера, упоминаемая во время войн карталинских с кахетинскими царями X—XI веков, была уже совершенно оборудована и постепенно обстроена сообразно значению для охраны государства и как резиденция царей.

Вацпадзиани (табл. 437—442)

На западном краю, непосредственно за границей селения, на открытой поляне, расположены так называемые и теперь «палаты» (პალატო)³. Южная длинная линия их обращена

сетил их еще 27.VIII.1922 г., затем 19.XII.1933 г. и 1.XI.1934 г. Обмер исполнен В. Л. Циловани.

И. А. Джавахишвили пишет, что употреблявшееся в древности (VIII—XII вв.) наименование дворца палатами «ныне употребительно только в Западной Грузии и обозначает нижний этаж» (Материалы по истории вещественной культуры грузинского народа, I: Строительное искусство в древней Грузии, Тб. 1946,

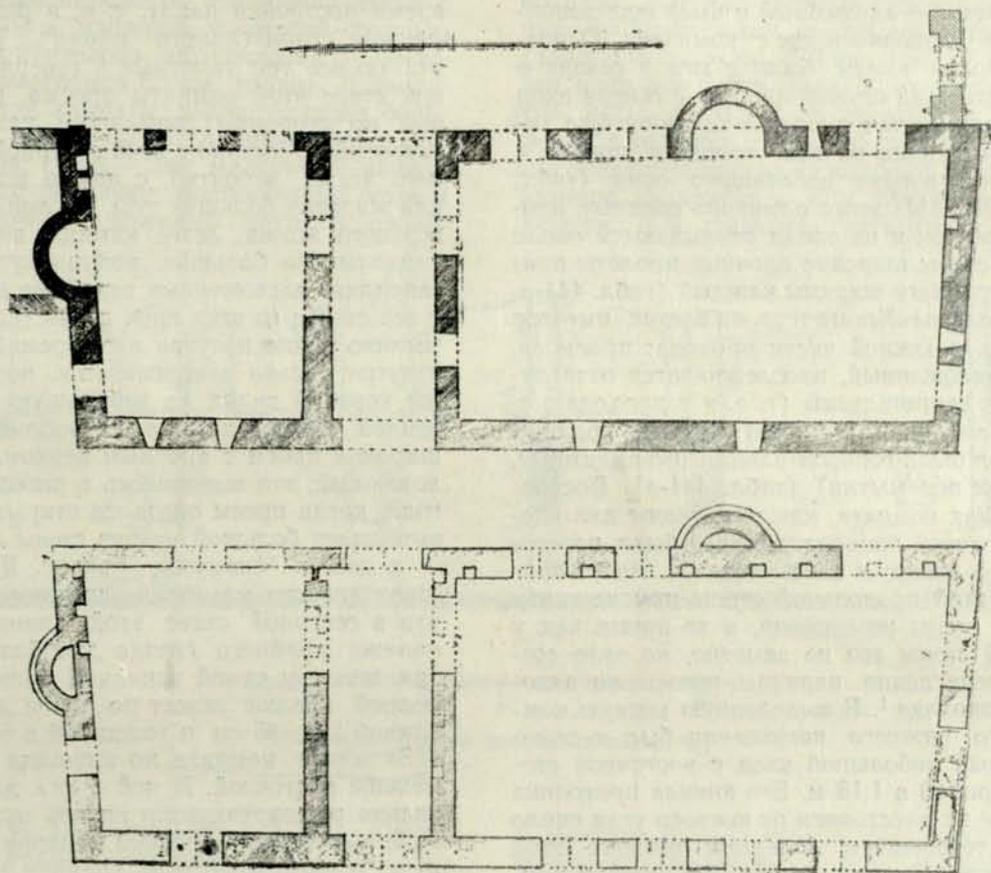
¹ См. оговорку к плану на стр. 543 в сноске.

² По наружной северной стене двухэтажного корпуса в двух местах видны какие-то как бы полукруги в стене нижнего этажа. Однако изнутри помещения ничего не отвечает этому. Как сказано, замок Кветера нуждается в детальном изучении с расчисткой площади и с внимательными раскопками и обмерами зданий.

³ После первого знакомства с этими палатами я по-

в овраг, протекающей внизу речки Балвенахеви или Вачнадзианис-хеви, а восточные два окна имеют широкий, далекий горизонт алазанской долины с Кварели—Некреси—Шильда—Греми перед собой на том ее берегу. Так как палаты стоят высоко, то и виды эти далекие, широкие и открытые. Характерно, что

ствования Тамары (1184—1212 гг.) Чахрухадзе. Искусственность этого рассказа, еще большая, чем об обучении Шота Руставели в Икалтойской академии, засвидетельствованной и историческими сообщениями о школе и некоторыми особенностями самих развалин, слишком очевидна, чтобы нуждалась в разъяснении. Но

Планы нижнего и верхнего этажа „палат“ в Вачнадзиани

величественные развалины, привлекая к себе внимание, стали объектом новейшей формации легенды, услышанной мною в одно из первых посещений селения Вачнадзиани (теперь Шрома). Согласно этому «преданию», палаты были монастырской школой, по окончании которой учеников посылали в Афины или на Афон; в этой именно школе будто бы получил образование грузинский поэт-одописец времен цар-

стр. 122). Замечание это сделано покойным исследователем, очевидно, на основании положительных упоминаний этого термина только из Западной Грузии среди

рождение ее интересно именно с бытовой стороны.

Палаты выведены в основном из булыжника; но применен в некоторых частях и кирпич. Это тот же рыхловатый и толстый, разных размеров, крупный кирпич, как и примененный в Акура. Кое-где он попадает в кладку, т. е. наравне с отдельными камнями и имеет большей частью размер 29 и 30 см длины при 7 и

материалов по изучению кустарного производства, собранных по разработанному им в последние годы жизни плану.

8 см ширины. По-видимому, это битые куски плиток (ср. особенно в восточной стене восточной же комнаты).

Палаты — это двухэтажное здание, состоящее из трех помещений в ряд в каждом этаже и еще из примыкавших к ним за пределами основного прямоугольного корпуса помещений. Нижний этаж — служебный и имел еще дополнительное членение в трех комнатах. Основные, широкие входы были с юга и севера в средний длинный проход дворца; с севера вход более широкий, чем с юга; позднее он был заложен, хоть и не на всю толщину проема с оставлением сверху небольшого окна (табл. 438-а, 439-а). Из этого длинного среднего прохода на восток и на запад открываются около северной стены широкие арочные пролеты примерно в три шага ширины каждый (табл. 441-а, ср. 439-б слева). Кроме того, на восток имеется еще дверь в южной части прохода: проем ее, позднее заложенный, прослеживается отчетливо с обеих сторон стены (т. е. и в проходе и в большой восточной комнате); верхняя граница этой двери была горизонтальная (по-видимому, деревянная перемычка) (табл. 441-а). Восточная длинная комната, как указывают два входа из среднего прохода дворца, была перегородена по длине; и действительно, место примыкания этой продольной стены намечается у западной стены помещения, в то время как у восточной стены его не заметно, но зато создается впечатление наличия притоки заложенного прохода¹. В выделенную южную комнату этого нижнего помещения был и самостоятельный небольшой вход с восточной стороны, шириной в 1,18 м. Его южная притока видна еще на расстоянии от южного угла около 58 см в теперешнем большом проломе этой стены, а также, полагаю, один из нижних камней правой притоки (что и дало возможность установить ширину входа)². Эта длинная комната имела только два сравнительно небольших окна с юга (табл. 438-а снаружи,

440 изнутри). Параллельная ей северная длинная комната восточного пространства не имела никаких окон; дополнительные снаружи входы в нее, если и функционировали когда-нибудь, были наглухо и старательно заложены, так что относительно некоторых проемов сложилось убеждение, что они были заложены еще во время постройки палат, т. е. в результате изменения строительного плана³. Таковыми я считаю все три заметные в северной продольной стене этой комнаты проема, расположенные по сторонам громадного камина палат, устроенного именно в этой северной стене нижнего этажа, вероятно, с целью использования для жарения больших туш. На линии двух окон верхнего этажа, левее камина, видны внутри комнаты две больших полуциркульных арки, заподлицо выложенных такой же кладкой, как и все стены; из этих арок левая (западная) отчетливо видна изнутри в то время, как правая изнутри только нащупывается, но зато снаружи хорошо видна на небольшую высоту над землей. Правее камина, на восток, также был широкий проем с арочным верхом, сплошь заложенный; это выяснилось в посещение в 1934 года, когда проем оказался открытым, так как вывалился большой массив стены с частью арки и лежал снаружи боком⁴. В отношении строительного материала, интересно отметить, что в северной стене этой длинной комнаты пониже крайнего гнезда для балок перекрытия, почти у самой западной стены, среди каменной кладки лежат по длине два кирпича, длиной 29 и 35 см и толщиной в 6 и 7.

Западная комната по площади в два раза меньше восточной. В ней с юга два узеньких, сильно расширяющихся внутрь окна, имевших верх, вырезанный арочкой из ширины, как видно по сохранившейся на крайнем из окон плите⁵. А с севера были довольно широкие, так же наглухо и ровень со стенами заложены арки. При первом посещении дворца я отметил, что таких арок предположительно могло быть две

¹ Арх. В. Л. Цилюсани сдержанно показал в плане возможность швов — исходя из приблизительной ширины двери, он дает даже обе притоки; однако в чертеже разреза прорисовал целиком контур этого несуществующего проема. Фото на табл. 440-а ясно опровергает это его восстановление.

Кроме того, В. Л. Цилюсани без достаточных данных предположил в проломе восточной стены окно, показанное им на плане (по типу южных окон 1-го этажа) и в разрезе.

² И здесь чертеж Цилюсани допускает произвольно большую ширину двери, исходя от фактического пролома стены (ср. поперечный разрез с планом 1-го этажа).

³ Эти проемы, нанесенные на плане первого этажа, оставлены незаштрихованными, хотя, как сказано, я полагаю, что они были заполнены кладкой еще в процессе возведения дворца.

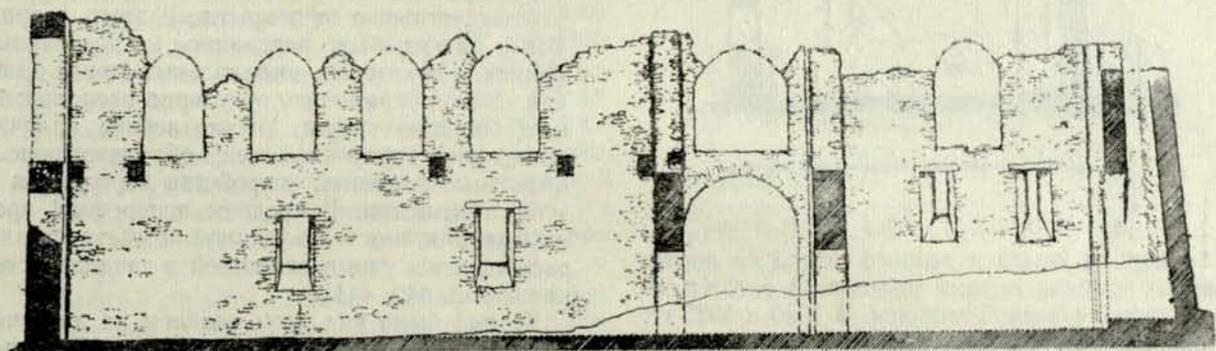
⁴ См. табл. 438-б, где слева, по-видимому, заметна в стене часть арки. Изнутри помещения левее этого места намечается, как видно на табл. 441-б, наличие бывшей когда-то горизонтальной перемычки, а равно и левая притока оконного (?) проема (ср. план). К сожалению, мои записи не отчетливы в этом пункте — возможно, что в арочном проеме при закладке была оставлена дверь с горизонтальным верхом, о чем еще ниже.

⁵ См. план, продольный разрез и табл. 438-а (снаружи).

до трех метров шириной каждая. Обмер выявил, помимо крайней притолоки, очертание и место также одного из устоев, что позволяет восстанавливать в этой стене не две, а три арки пролетом почти в два метра каждая. Арки сложены были из кирпича размером 25×5 см, 26×5 и $5,5$ см, $26,5 \times 5$ и $5,5$ см.¹ В этой комнате была еще наружная, неширокая дверь с запада в 1,10 м шириной, у которой сохранилась южная притолока, находящаяся от южного угла в расстоянии 65 см (план). В западной стене этой комнаты также устроен большой камин (табл. 442-а). А правее его в той же западной стене — две маленьких нишки, верх которых образуют поставленные острым треугольником две черепицы крупных разме-

помещения друг с другом — нельзя: наличие дверей над основными по первому этажу под держивается гладкой притолокой над западной дверью в северном конце. Разбивка оконными проемами учитывает наличие трех помещений (табл. 438-а снаружи). Над обоими входами в среднее помещение нижнего этажа имеются большие, широкие арочные проемы, обработанные по притолокам с применением кирпича (табл. 438 снаружи, 439 изнутри). В этой верхней арке северного фасада сохранилась капитель пяты, резанная из ширими и имеющая форму выкружки с полочкой поверх нее. Арка, как сказано, сложена из кирпича, ходкого здесь размера квадратов в 30×30 см сторона при толщине в 8 примерно сантиметров.

Продольный разрез дворца Вачнадзвани

ров 36×29 см (при толщине в 2 см), имеющей в 5 см высоты бортики².

Верхний этаж также был разделен на три части — большой зал в восточном конце, средний узкий проход и западная комната.

К сожалению, не сохранилось делящих эти помещения поперечных стен, за исключением обрывков с обеих сторон — небольшого над арочным пролетом с северной стороны, обработанного квадратным кирпичом размером в $27 \times 27 \times 5,5$ см (табл. 439-б, 441-а) и невысоких кусков примерно до линии южной двери в восточную комнату нижнего этажа — с южной стороны (табл. 439-а, 441-а). Таким образом, точно установить, как сообщались эти три

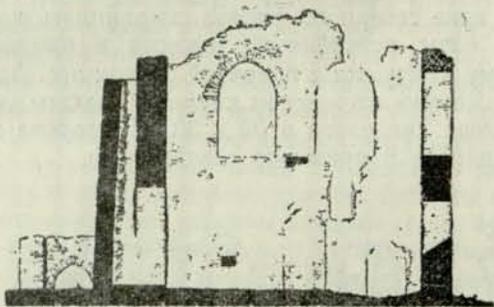
Восточный зал дворца был ярко освещен рядом из четырех больших арочных окон, равномерно прорезанных в продольной стене с юга (табл. 438-а, 440-б). Кроме того, в торцовой восточной стене были сделаны две мощных арки окон, из которых открывался далекий вид на алазанскую долину (табл. 437-а, 438-а, 440-а). Впрочем и в северной стене этой залы имеются три окна. Все проемы второго этажа этого дворца начинались непосредственно с уровня пола его; арки имеют слегка овальную форму с незначительным изломом, так же как и в Кветера³. В разных местах сделаны небольшие стенные нишки-полочки, перекрытые в треугольник двумя черепицами по тому типу,

¹ На табл. 442-б, с видна часть арки снаружи стены, за заполнением.

² См. то же фото на табл. 442-а. Эти нишки показаны и на плане.

³ На акварели Н. П. Северова он слишком заострен, что сделано уже в Тбилиси при проработке тушью.

как описанные выше в западной комнате первого этажа. В сохранившихся в декабре 1933 года частях стен отмечены такие стенные нишки в южном углу западной стены, в западном углу северной стены, в первом простенке между окнами северной стены одна заложённая нишка, во втором длинном простенке — три нишки, из которых западная открыта, а обе восточных заложены (табл. 439-b, 441).

Поперечный разрез дворца Вачнадзиани

Западная комната второго этажа за десять лет со времени первых посещений сильно обвалилась с северной стороны. В 1920 и 1922 гг. я записал, что арочной разбивке северной стены нижнего этажа отвечала разбивка верхнего; в 1933 же году стояла только одна притолока нижнего западного пролета этой стороны, от всей остальной стены с ее разбивкой не осталось и следа¹. Кроме этих окон имеется один проем в западной стене сбоку, левее трубы камина (табл. 442-а) и — главное — один широкий проем с юга, такой же, как основные оконные проемы южного фасада главной залы дворца.

На второй этаж в Вачнадзиани вела открытая наружная лестница, так же как в Кветера, Ванта или Велис-Цихе. Только прямых остатков ее здесь, самостоятельно свидетельствующих о таком устройстве, нет, можно лишь установить по аналогии с названными дворцами подтверждающие это утверждение показатели. У восточного угла северного фасада видны остатки примыкавшей до большого камина одноэтажной комнаты, соединявшейся с основной комнатой первого этажа этого дворца дверью с горизонтальной перемычкой, позднее заложённой². В стене, идущей от северного

угла на север, имеется арочный проем, наружного входа в комнату. Обрывок же стены от того же угла по восточному фасаду на восток отвечает наличным опорам для наружной лестницы при повороте ее на углу здания и выходе на площадку или террасу. В связи с наметенным устройством наружной лестницы на северо-восточном углу дворца, на его восточном фасаде около этого угла в кладке стены видна небольшая кирпичная (29 и 30×7 см) арочка, расположенная на высоте полутора роста человека. Сперва казалось, что это тоже вход, но никаких следов его изнутри здания установить не удалось: внимательное рассмотрение заполнения арки, выполненное однако неровно, подсказывает предположение, что это была просто ниша в стене.

Междуэтажное перекрытие и этого дворца, как и других, было деревянное на деревянных балках, для которых в продольных стенах большого зала сохранились регулярно расположенные, большие гнезда. Установленное наличие продольной внутренней стены объясняет дополнительные элементы устройства перекрытия в этом помещении. В среднем поперечном проходе дворца, как и в западной комнате, гнезда расположены уже в восточной и западной стенах (табл. 440, 441).

Крыша была над всем зданием на два ската, как ясно из наличия фронтонного завершения восточной стены.

В этой дворцовой постройке, помимо отмеченных уже некоторых строительных особенностей, интересно отметить наличие фуг в стенах, указывающих на раздельное возведение отдельных частей при единой планировке. Так, на высоту первого этажа видна вертикальная фуга, как бы приложенной к среднему проходу или проезду дворца западной комнаты (по южному фасаду). А по северному фасаду снаружи фуга идет между средним проходом и большой комнатой на восток (ср. табл. 438-b). Другая такая вертикальная фуга, опять только на высоту нижнего этажа, видна на восточном фасаде, но установить обусловленность ее внутренней разбивкой, именно поперечной стенкой, не удалось (ср. выше).

Сохранившимся двухэтажным корпусом не исчерпывалось построенное по плану дворцовое здание, как видно по примыкающим к западной части стенам, частью выполненным вязаной с нею кладкой, а частью опять поделен-

¹ Поэтому предложенное арх. Ци л о с а н и на плане восстановление остается, как возможный вариант при наличии одного только окна с юга.

² См. план первого этажа и поперечный разрез. Что касается заложённой двери под ней с севера, то неясность моих записей о ней была оговорена выше.

ные вертикальной фугой. Именно по северному фасаду западной комнаты видна кирпичная арка в толще стены, выведенная из кирпича размером в $27 \times 27 \times 5,5$ см. А начало второй такой же арки, но посаженной выше первой на том же углу, имеет направление под прямым углом к первой, т. е. на север. Арка эта сложена с выделением imposta лекальным кирпичом, образующим скос, и вторым, выдвинутым над ним полочкой. Эта арка, по всем данным, так и оставалась открытой (табл. 442-с)¹. К ней приложена заподлицо стена в западном направлении. Вторая параллельная этой стене идет, охватывая камин западной комнаты от стены на запад же, причем эта последняя стена не приложена к западной стене рассмотренного двухэтажного дворцового корпуса, а сложена вязаной с нею кладкой². При этом указанная стена также была на два этажа. Следовательно, существующий из западной комнаты второго этажа проем сбоку западной стены, очевидно, являлся дверным проходом, соединившим ее с данной разрушенной частью здания. Где проходила замыкавшая эту крайнюю, неглубокую западную часть стена с западной стороны — могли бы установить раскопки; на месте неровность земли с растущим деревом как будто указывает на нее.

Таким образом, общая планировка этого Вачнадзианского дворца является также сложной, как в пределах основного корпуса, имеющего своеобразный широкий проход поперек здания с широкими арочными пролетами в обоих этажах, так и в отношении дополнительных массивов по северо-восточному и северо-западному углам здания, где, может быть, равномерно были устроены две открытых наружных лестницы и другое.

Близ этого дворца на северо-восток стоит дворцовая церковь, построенная одновременно с дворцом в IX веке в типе поздней трехцерковной базилики, и рассмотренная выше в главе III. Кроме того, обследование примыкающего к палатам района, хоть и вынужденно спешное и неполное, показало, что здесь жизнь долго, очевидно до XIX еще века, не прекраща-

лась, а площадь покрывалась дополнительными помещениями, вызванными измененными жилищными условиями зданиями³. Прежде всего немного дальше за церковь на северо-восток от палат имеется развалина громадной постройки, прямоугольник стен которой возвышается над землей едва больше фундамента сантиметров на 50. Она расположена по длине на восток, а торцовым концом на юг. Внутри различаются несколько помещений. На северо-восточном углу длинной залы (?) этой развалины снаружи выступает полукруглый контрфорс такого же типа, как на прямоугольной башне внизу сел. Кисис-Хеви, при шоссе на дороге. Немного далее в сторону селения в лесу расположены несколько маленьких зальных церкочек и затем отдельных, многоэтажных четырехугольных и одной круглой башен, также последних веков.

Ванга (табл. 443—447)

Другой феодальный замок такого же типа как и Вачнадзианский, взятый на заметку еще в 1922 году, подробнее обследован мною только в декабре 1933 года, когда проведены были обмеры и фотографирование его. Эта большая развалина, которую в селении называли *Нацихари*, т. е. бывшая крепость, расположена вверху селения, доходившего двадцать лет тому назад еще до нее, а ныне она стоит уже среди опустевшего района⁴. Около нее, на расстоянии 15—20 шагов от юго-западного угла палат, стоит маленькая зальная церковь, вероятно, одновременная самому дворцу, как и в Вачнадзиани, и выведена так же из булыжника, как и самый дворец. Абсида этой миниатюрной церкви (6×4 шага снаружи) имеет в плане форму подковы. Тут же, шагах в 10 на юг, имеется родник (ныне высохший) с обработанным закрытым водоемом и двумя выходами для воды по сторонам. Много дальше на юг (гсп. юго-запад) — остатки банного здания; кроме того, проступают остатки разных других зданий; так, одна длинная стена с камином в центре ее и поворот торцовых стен видны на более низком уровне южнее дворца; затем раз-

¹ На плане неправильно показана проходящая fuga перед этой аркой: кладка здесь вязаная.

² Обозначение на плане здесь требует исправления, т. е. показа вязанности.

³ Действительно, как говорили на месте, только в конце 20-х годов XX века последние сельчане спустились ниже в сел. Шрома.

⁴ В первое посещение внутри дворца был сеновал. Обмер произведен В. Л. Цилосани, фото В. И. Гулашвили 14.XII.1933 года. — Последний раз я посетил эту развалину 11.VIII.1950 г., тогда же сделано несколько фото и констатировано дальнейшее разрушение, в частности, примыкавших ко дворцу зданий. В чертежи Цилосани внесены исправления после проверки на памятнике в ноябре 1954 года Р. С. Мепсашвили.

рувшившиеся части протянутых до здания дворца стен¹.

Весь дворец в Ванта выстроен был исключительно из булыжника. Старательно, с известным рисунком, выложены арки входов и окон; в гладких же плоскостях стен не наблюдается кладки из подобранного материала, камень не кладется ровными рядами в нем. Зато полосы сложенных на известную высоту отрезков стен здесь выступают особенно сильно (табл. 443, 445-b, 446 и разрезы). Перекрытие между двумя этажами было сделано на деревянных балках. Гнезда для них видны еще по стенам: в длинном помещении они расположены по продольным стенам приблизительно на равном расстоянии от оси до оси примерно в 1,50 м; уцелели по три громадных гнезда в обоих концах восточной стены, а также ниже окон². В квадратной комнате, в южной и северной стенах, было шесть гнезд. Они все сохранились в южной и два в северной (табл. 446-b, 447-d).

По композиции дворец в Ванта является двухэтажным зданием из двух помещений в каждом этаже. Верхний этаж является собственно дворцовым помещением со служебным нижним к нему этажом. Как во дворцах Кветера и Вачнадзиани, особо выделенным является большой приемный зал феодального дворца. Остальные помещения — вторая комната верхнего этажа, основная разбивка нижнего — зависят от этого основного звена композиции.

Хотя дворец в Ванта так же сильно пострадал, как и рассмотренные выше и подлежащие еще рассмотрению, но в нем сохранились все-таки такие части, и притом настолько, что восстановление общего облика архитектуры его с использованием параллелей удастся вполне законченное. Те части, которые совершенно утеряны, могут быть, конечно, восстанавливаемы до известной степени условно, но они не составляют решающих элементов художественной композиции.

Из двух помещений верхнего этажа большой приемный зал освещался рядом широких, открытых от самого пола окон — их явно было четыре, хотя сохранилось только одно и еще обрывок второго (табл. 443-b, 446-a). Арка окна, как и арки всех остальных окон и дверей во дворце в Ванта, имеет подковообразную,

четко очерченную форму. Этот восточный фронт дворца расположен над оврагом р. Вантис-хеви, а торцовый северный фасад обращен в сторону алазанской долины и из двух громадных окон-дверей этой стороны зала открывается, так же и из Вачнадзианских палат, далекий вид (табл. 443-а, 444-а, 445-b, 447). Окна сосредоточены в центральной части каждой из этих двух стен зала. Глухие же части стен по сторонам парного окна имеют по небольшой нишке. Задняя продольная стена зала не уцелела по верхнему этажу, за исключением поднимающейся в центре части раскрытого камин³. Стена, отделяющая большой зал от соседней комнаты, сохранилась хорошо; в центре ее находится высокая дверь, более высокая чем расположенные против нее две входных двери-окна. Она также имеет четко выраженную подковообразную арку. В остальном стена — глухая, сохранившая фронтонно поднимающуюся форму стены под крышей⁴.

Квадратная комната верхнего этажа лишлась только наружной южной стены, которая, насколько видно, разрушена недавно. В сторону же фронта на Вантис-хеви здесь имелись два таких же по форме и размерам окна, как по той же линии длинного зала (табл. 446-b). Уцелела только нижняя часть одного окна. Так как пол в упомянутой комнате был выше пола длинного зала, а окна в обоих помещениях начинаются непосредственно с уровня пола, то естественно предположить, что оба окна указанного восточного фасада находились несколько ниже, — именно поднятые на общую высоту с окнами длинного зала по тому же фасаду. Это подтверждает имеющееся в противоположной западной стене окно, тоже большее, но несколько более низкое, чем окна в продольной стене большого зала. Высота этого окна определяется сохранившимся началом его арки (табл. 444-b). В наружной торцовой стене описываемой квадратной комнаты были, что обычно для южной стороны, окна: сохранилась часть западной притоки западного окна; окон в комнате, как естественно предположить, при симметричной разбивке их должно было быть два, порознь стоявших (табл. 445-а)⁵. Вверху сохранившихся частей этой стены — две небольших нишки, из кото-

¹ В 1950 г. от водопровода, ванны заметны лишь жалкие, мало уже говорящие, бесформенные обрывки стен, покрытые кустарником.

² Они показаны на плане второго этажа и на продольном разрезе, а также видны на табл. 446-а.

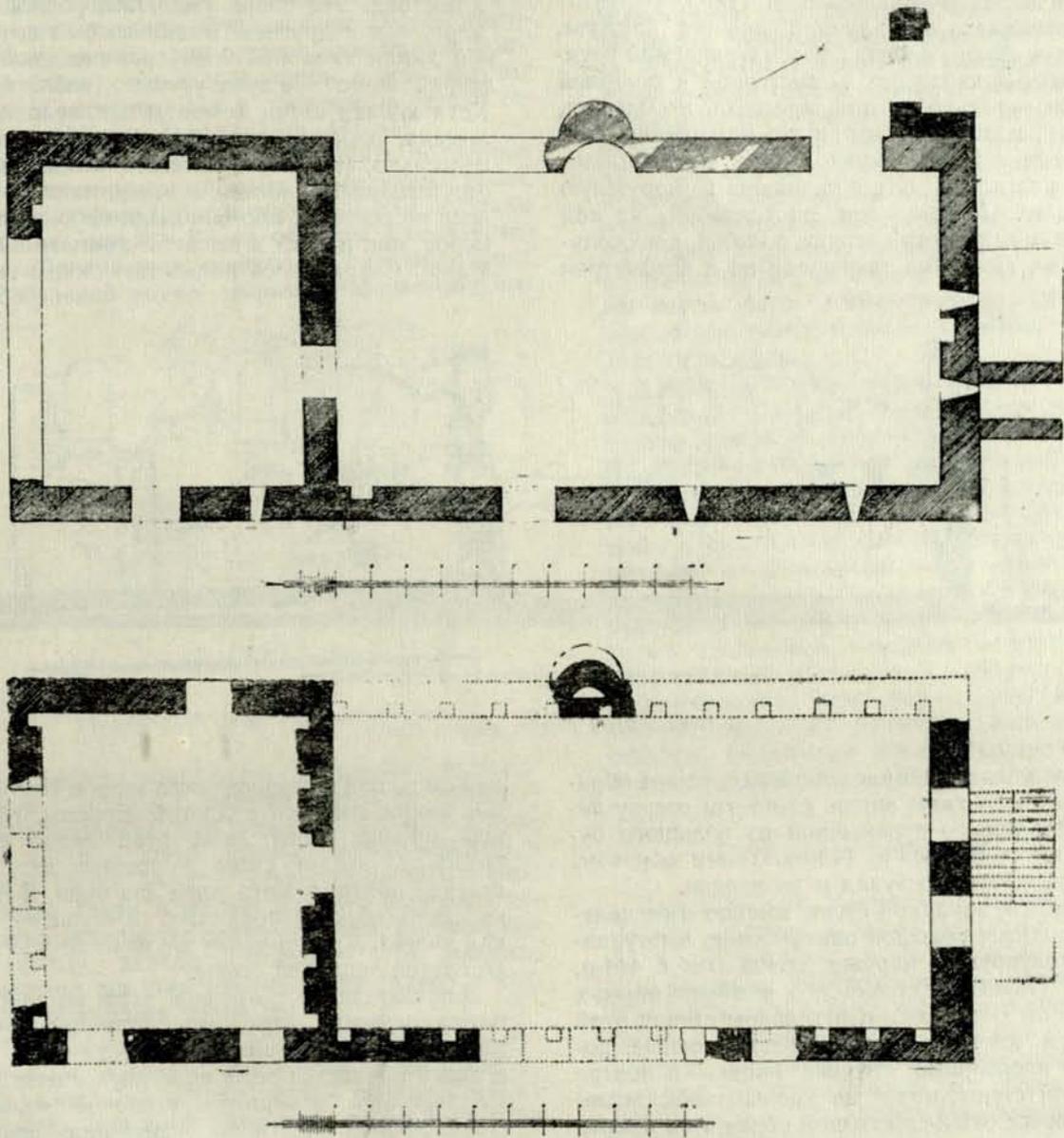
³ См. планы и фото на табл. 444-а, снятое снаружи с западной стороны.

⁴ См. фото на табл. 446-b, снятое изнутри малых комнат; ср. табл. 445-а и продольный разрез.

⁵ На фото табл. 445-а снаружи ясно различается угол окна; ср. план, на котором эти окна, не нанесенные Цилосани в свое время, теперь намечены на исправленном чертеже пунктиром, а западная притока сплошной чертой.

рых одна, видимо, имеет полочку, сделанную из черепицы, так же как вся нишка перекрыта двумя, стоящими под тупым углом черепицами. Как отмечено уже, основная разбивка ниж-

ной стороны. Они имели, подобно окнам, ковообразные арки. У фасадной двери, видимо, был снаружи заполненный арочный тимпан (табл. 443-b, 446-a). Дверь с запада в

Планы первого и второго этажа дворца Ванта

него этажа полностью отвечает разбивке верхнего, т. е. и внизу два помещения — длинное большое и поменьше квадратное.

Длинное нижнее помещение с тремя входами — один с восточного фасада и два с запад-

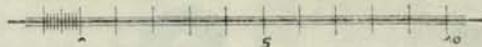
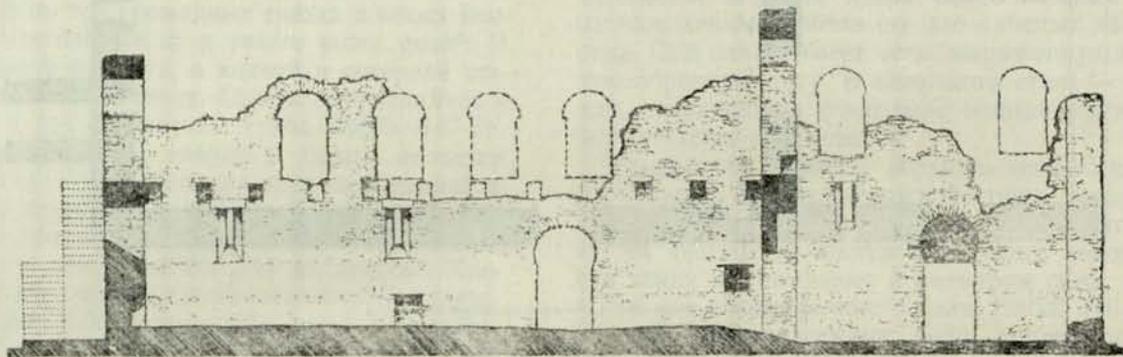
южном конце помещения, вероятно, не имела заполнения тимпана; впрочем, она уцелела лишь частично (табл. 444-b), а от второй западной двери сохранилась нижняя часть (табл. 444-a). Кроме этих входных дверей есть дверь

и в квадратное помещение; она той же формы и размеров, что и наружные. Заполнение тимпана на половинную толщину в ней частично уцелело, оно приходится в одну плоскость со стеной в длинном помещении (табл. 446-b).

Освещалась эта длинная нижняя комната, как и в других дворцах рассматриваемой группы, довольно скудно. С восточной и северной сторон — только по два провета, небольших, узких, расширяющихся внутрь помещения. При этом оба северных приходились под сводами или настилом, поддерживавшим наружную лестницу. Поэтому они расположены не под большими проемами верхнего этажа, а несколько вбок. Лестница закрывала их и ассиметрия

дверь, сделана небольшая глубокая ниша, возможно, для запора двери деревянным болтом.

В малую квадратную комнату кроме входа из длинной существовал еще наружный вход с востока. Эта дверь такой же формы и размера, как и другие. Тимпан ее был по фасадной линии заполнен. Внутренние арки обеих дверей четко оштукатурены (табл. 446-b)¹. Хоть южная стена комнаты вся недавно проломана, однако под завалом ее сохранилось настолько, что можно полагать, что дверь здесь отсутствовала. Окнами и эта комната освещалась не обильно, ибо они были небольших размеров, как и окна в длинной комнате нижнего этажа. Сохранилось полностью окно в восточ-

Продольный разрез дворца Ванта

расположения проемов на фасаде, таким образом, не была даже видна. Окна эти сверху перекрыты просто перемычкой из большого булыжника (табл. 443-а, 445-б). Таким образом, свет, очевидно, поступал и из входов.

В задней, западной стене, именно в ее центре, находится большой опять камин, выступавший полукругом наружу стены (табл. 444-а, 447-б). Передняя стенка его в обоих этажах обломана. В гладких в остальном стенах этой комнаты имеются низко расположенные, довольно просторные стенные ниши — в центре северной стены, почти на уровне пола, также под вторым окном восточной стены и на высоте роста человека у правого угла ее. Нишки перекрыты, как и окна этого этажа; тонкие пластины каменных перемычек, кажется, шиферные (табл. 445-б, 446-а). Наконец, в южной стене, у самого западного угла, где находится

ной стене под окном верхнего этажа. Несомненно, второе имелось с другой стороны, где теперь пролом стены ниже этой линии (табл. 446-б)². О южной стене — данных нет, естественно предположить тоже два окна. В остатке стены сбоку сохранилась небольшая стенная нишка. Другая такая же находится в центре глухой западной стены.

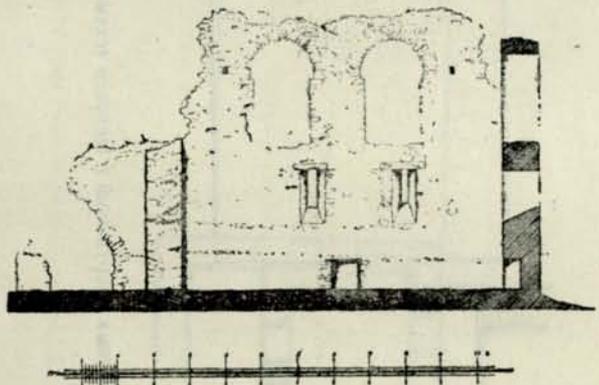
Для попадания во второй этаж во дворце в Ванта служила наружная лестница. Именно здесь уцелели значительные части двух опор верхней площадки ее, в виде двух стенок, перпендикулярно стоящих к торцовой северной стене дворца. Лестница подводила, другими словами, к большим проемам: мне кажется, что именно так нужно ее реконструировать, т. е. с большой площадкой-балконом перед обоими окнами. Сами же ступеньки лестницы шли в два марша, под углом, начинаясь по за-

¹ В двери между помещениями вставлены три куса толстого кирпича; по-видимому, это починка.

² На разрезе пролом показан недостаточно низко и благодаря этому опущено второе окно.

падному фасаду и переходя на северный¹. Или, быть может, целиком по западному фасаду, куда балкон заворачивал в таком случае с северного фасада, на который и поднимались ступени лестницы. В последнем случае имеющийся здесь на углу остаток выведенной самостоятельно стенки с проходом в ней получит свое объяснение, как и поперечные стенки северного фасада (табл. 443-а, 444-а)².

Фасадный облик дворца в Ванта полностью выясняется рассмотрением, проведенным выше. Длинный фасад, расположенный над делящим селения Акура и Ванта оврагом, называемым здесь Вантис-хеви, состоит из гладкой стены, прорезанной двумя дверьми, небольшими ще-

Поперечный разрез дворца Ванта

лями окон нижнего этажа и, наконец, громадными арочными окнами верхнего этажа — сконцентрированным рядом из четырех в правой части и двумя широко расставленными в левой (табл. 443-б). Подковообразной формы тимпан двери в малую комнату сохранил частично заполнение внешней части, которое, по-видимому, делалось отдельно, т. е. имелось, очевидно, во всех дверях, а не только в тех, где сохранились части его.

Помимо этого продольного фасада еще и оба коротких, вероятно, были достаточно представительны, — во всяком случае обращенный на Алазань северный. Здесь выделялся балкон на

поперечных стенах, скрывавших самую стену с ассиметрично разбитыми в ней окнами нижнего этажа, и поднимавшиеся над ним два громадных арочных проема (табл. 443-а). Предположенная при описании внутреннего пространства разбивка противоположного фасада не лишена была известной композиционности, хотя южный фасад никакой возможностью рассмотрения не располагал³. С четвертой же, западной, стороны массив здания был гладкий, с одним полукруглым выступом камня, примерно в середине, и в основном глухой. Из длинного помещения есть две двери по первому этажу; конечно, возможно, что аналогично Вачнадзианским палатам и во втором этаже могли быть дополнительные проемы, но они могли иметь только подсобное значение (ср. табл. 444).

Дворец в Ванта, купленный от прежнего владельца Захария Джапаридзе местными сельчанами еще до революции, ныне брошен и судьба его находится под большой угрозой. А между тем значение такого дворца совершенно исключительное, как и остальных данной группы. Кроме того, окружающие его развалины, показывающие, что жизнь здесь не прекращалась до недавнего времени, также призывают к углубленному изучению, которое может увенчаться важными открытиями при внимательной расчистке и раскопках участка. Композиционно этот дворец представляет собой не повторение других, а самостоятельное решение. Отдельные архитектурные элементы и пр. также вполне характерны и интересны.

Некреси (табл. 448—460)

В интересном Некресском монастыре, три церкви которого, а также поздняя башня, уже были рассмотрены выше, сохранился длинный комплекс светских построек для монастырского обихода, в ряду которых особенно интересна и важна часть епископских покоев монастыря (см. схему плана). Этот комплекс расположен непосредственно над обрывом, обращенным на юг на алазанскую долину, на уча-

тера. А отчасти также на южном фасаде двухкупольной церкви VIII века в Гурджаани. На плане же дано много облика восстановление лестницы.

³ Сообщение, сделанное в 1933 г. одним 77-летним сельчанином, что на этом южном фасаде была надпись, которую смог читать один только приезжавший в деревню (т. е. асомтаврული?), да изображение руки — внушает мало доверия. — На табл. 445-а едва видны теперешние остатки.

¹ То же самое мы отметили на основании других остатков, как возможное устройство лестницы во дворце Вачнадзиани. Наружная же лестница в два марша под углом ведет и на хоры в церкви VIII века в Цирколи Ксанского ущелья (см. мою ст. в *Artz Georgianica* том I, Тб. 1942, стр. 17).

² Стенка эта видна на фото, ср. план и поперечный разрез. Это последнее устройство также имеет известную аналогию в Вачнадзиани и, быть может, в Кве-

стке перед древнейшей базиликой монастыря и его трехцерковной базиликой. Это расположение требует к себе внимания, ибо ясно показывает, что именно здесь концентрировался с самого начала весь монастырь. Лишь используя все это место, он потянулся на запад, где в середине IX века вывели купольную церковь, а затем в ее же сторону и позднейшие здания для монашеского общежития, (см. схему генерального плана на стр. 39). Древнее же помещение монашеского общежития и, быть может, даже несколько отдельных келий находилось в только что названном месте, непосредственно примыкая к епископским покоям.

Здание епископских, как я полагаю, покоев, составляет большое двухэтажное строение, построенное прямо над обрывом в сторону алазанской долины (табл. 448—450, 460-а). Сюда из нижнего этажа обращены четыре окна (табл. 454-а), а из верхнего пять, несколько меньших размеров, расположенные на одинаковом отступе одно от другого (табл. 455). Вход в нижний этаж был расположен по средней линии фасада, в полтора метра ширины, с плоской перемычкой; южнее входа — окно (табл. 452, 453-а и рис. Н. П. Северова). На восток из помещения нижнего этажа вели два широких арочных проема, почти по два метра шириной каждый (табл. 454-а, 457, 458-а)¹.

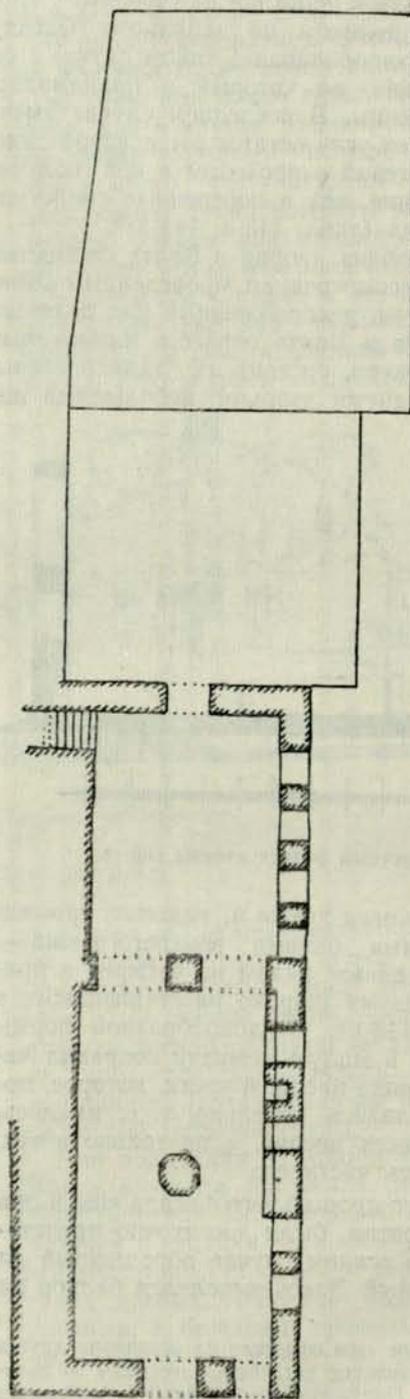
Верхний этаж обращен, как сказано, на алазанскую долину пятью окнами (табл. 455-а). На запад и на восток верхний зал открывается парой больших арок, а над ними еще небольшое арочкой же окошечко вверх фронтона на Ost (табл. 452, 453, 454-б, 456-а, 457). Наконец, в центре северной стены имеется дверь в большой зал верхнего этажа, прямо с уровня земли, поднимающейся здесь естественным уклоном (табл. 451, 459 и чертеж на стр. 532).

В разных местах этих двух этажей находятся нишки-полочки, маленькие и довольно значительные. Так, последние нанесены в двух местах на планы².

Здесь, в Некреси, сохранилась одна чрезвычайно важная строительная деталь: посреди помещения в нижнем этаже стоит восьмигранный столб, к которому позднее пристроили стенки по длине всего помещения и поперек с.-з. его части (табл. 456-б). Но, пожалуй, именно этими встроенными поздними стенками

¹ Один позднее заложен с оставлением небольшой прямоугольной двери.

² План первого этажа был обмерен, второго же

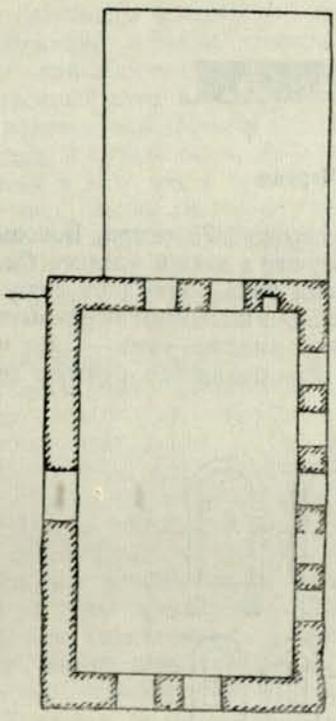

План первого этажа дворцовых сооружений в Некреси (схема)

составлен на основании отрывочных заметок и сличения с фото. — Площадь большого зала нижнего этажа равна 10×5,30 м, а верхнего на 75 см шире. Нишки, нанесенные на планах, видны на табл. 451.

мы и обязаны тому, что здесь сохранился первоначальный столб, на который опирались основные балки, служившие опорой всей системе возведения пола верхнего этажа. Он опирался по северной стене на широкий уступ стены (сейчас по нему можно удобно проходить), а по южной — на встроенную по двум третям ее стенку, выделенную на плане.

Арки всех проемов имеют резко выраженную подковообразную форму; проемы очень большие и начинаются в верхнем этаже прямо с уровня пола, а в нижнем немного лишь выше него.

План второго этажа дворца в Некреси

На восток к этому епископскому двухэтажному дворцу примыкает непосредственно одноэтажное, слегка удлиненное помещение с четырьмя большими подковообразной формы пролетами на юг, почти тех же размеров, как и в епископских покоях (табл. 449-b, 460-a). На север из-за угла подымается лестница, которая обрывается теперь в тупике; первоначально она, очевидно, выводила на верхний уровень дворца. На восток из помещения — дверь. В земле помещения расположены большие глиняные кувшины. Другими словами,

«марани», т. е. подвальное помещение, где держали в земле кувшины с вином.

Южная стена этого марани, а также северная, над которой до лестницы выстроили башню, о чем упоминалось выше, доходят только до высоты нижнего этажа епископского дома. Здесь имелись потолок и крыша. (В северной стене видны гнезда для балок). Крыша эта была, конечно, плоской, ибо иначе она закрыла бы части проемов второго этажа из епископского зала. Иначе говоря, она могла служить открытой террасой. Такое соотношение навело меня, по аналогии, на предположение, что и во дворце в Кветера небольшая дверь могла обслуживать подобную же дополнительную, без хорошего вида, площадь (ср. чертежи на стр. 533).

Восточнее марани, с проходом через дверь, имеется зал с устоявшей посередине его подпружной аркой (по оси О—W). Данное помещение (размеры — 6½ на 9 шагов) едва ли могло служить древней трапезной монастыря, для которой оно слишком мало, да и непосредственно связано с марани. Видимо, это добавленное служебное помещение. Ниже этого зала, под его полом и под полом примыкавшей к нему восточнее комнаты имеется несколько подвалов со сводчатыми перекрытиями, но с небольшими лишь щелями вместо окон. Здесь возможно было общежитие¹, а еще ниже его — и несколько отдельных келий. Так представляется мне распределение помещений в этой части монастыря. По-видимому, здесь же, обходя восточнее данный комплекс зданий, находился один из входов в монастырь.

Черемис (табл. 461—463)

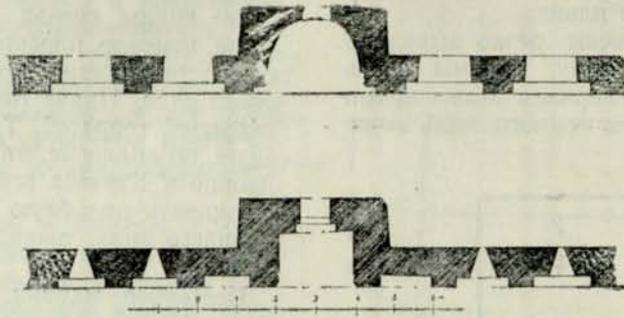
В ограде Черемского епископского храма находится одна стена древнего двухэтажного здания, которое стоит над склоном раскрывающегося перед взорами ущелья р. Черемис-Цкали. Характерно расположение дворцовой развалины по отношению трехцерковной базилики, составлявшей епископский кафедрал: она поставлена над самым обрывом ущелья в то время, как собор стоит на площади севернее дворца, т. е. последовательность возведения дворца и собора подкрепляется также из общих подходов постановки: если собор уже стоял, то дворец не поставили бы, нужно думать, у края, даже несколько западнее собора, как он фактически стоит. Сохранилась средняя часть этой

¹ Обозначено на схеме генплана под № 7.

длинной стены дворца, имеющая в отличие от рассмотренных выше дворцов деление из центральной оси. Снаружи здание это имеет прямую стену с трапецеобразным выступом вперед. Выступ этот выведен связанно со всей постройкой, только фундамент его сложен был

существуют сейчас, но форму их отчетливо передает отпечаток в штукатурке.

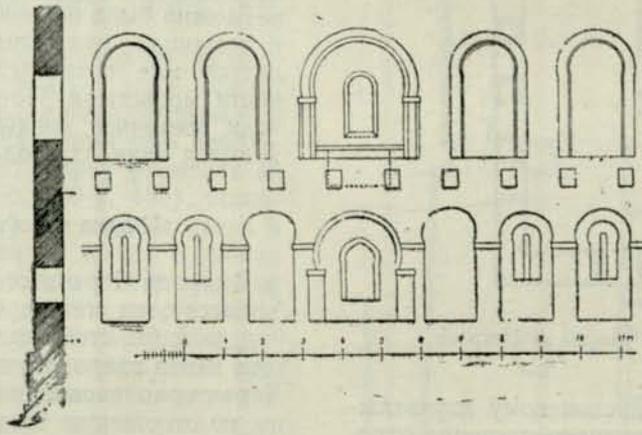
Верхний этаж, так же как и во всех рассмотренных дворцах, значительно выше нижнего. Он явно парадный, а нижний имеет служебное назначение. Арки верхнего этажа громадных

Планы второго и первого этажа в Череми

отдельно, вприслон к фундаменту гладкой, прямой стены. Изнутри же имеется и в нижнем этаже и в верхнем ряд арок (планы и табл. 461). Внизу средняя большая арка с глубоким альковом в выдвинутом наружу выступе; в алькове окно с прямой перемычкой, выведено

пролетов свыше 2,75 метра. Боковые арочные проемы верхнего этажа позднее были заложены. Средняя арка обрамляет нишу, полукруглую в плане, с конховым перекрытием. В указанной нише имелось окно — это вполне станет ясно, если подняться в самую нишу¹. И по

Разрез дворца в Череми (схема)

из ширины, а по бокам этого углубления, в прямой стене, ряд арок, из которых непосредственно примыкающие к средней являются только декоративным членением стены, тогда как следующие же две — с каждой стороны заключают в себе по небольшому окну. По сторонам средней ниши были круглые колонны с квадратным плинтом в качестве базы: они от-

сторонам средней ниши верхнего этажа стояли, о чем свидетельствуют отпечатки их в штукатурке, также колонны на квадрате плинта, как и в нижнем. Колонна такого же вида и размера применена была, как видно по единственно со-

¹ В полу этой ниши устроен ящик, в котором видны были остатки погребения.

хранившейся части алгарной преграды, в северном углу ее, в главной церкви трехцерковной базилики Череми.

Все арки обоих этажей подковообразной формы, подобно Некреси и Ванга. Здесь они имеют пята.

Потолок-пол между этажами был и здесь деревянный на балках. Гнезда для балок сохранились явственно на расстоянии в метр одно от другого.

Сложено это здание из простого камня, здесь же рваного, слоистого, как и другие черемские постройки¹.

В отличие от общего мнения, что мы имеем в данной развалине остатки дворцового здания, местный священник утверждал, что это был торжественный вход в ограду епископского храма с колокольной. Между тем здесь нет никакого входа, а только окна, да и подход из крутого ущелья в этом месте чрезвычайно труден. Кроме того, глыба западной стены этого дворца лежит тут же в нескольких шагах.

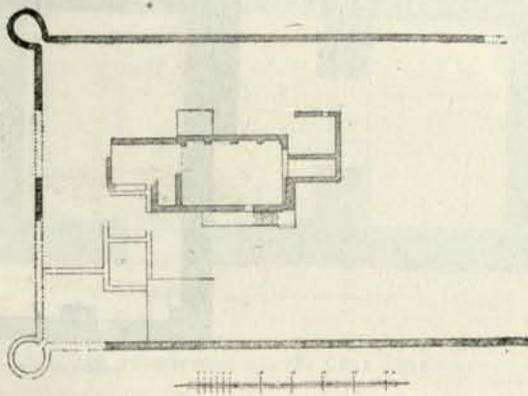
Велис-Цихе (табл. 464)

Если от епископского дворца в Череми сохранилась одна только продольная стена, то она дает при имеющемся материале других дворцов достаточно данных, чтобы восстановить основные черты композиции и притом с новыми, сильно отличающимися особенностями в частности. Иначе обстоит дело с развалинами замка в Велис-Цихе, несмотря на то, что здесь значительно больше фрагментов строения, но они не дают представления о решающем, типовом и характерном в композиции этого дворца; они не дают материала для восстановления его художественного образа².

Развалина замка довольно интересна, но чрезвычайно фрагментирована. Небольшие части крепостных стен видны в ряде мест, а кое-что, видимо, использовано в имеющихся частью пристроенных к руинам зданиях жителей селения; одна же башня угла видна примерно на два этажа, а верхний проем между обеими стенами заложен³. Каково отношение этих крепостных стен к зданию дворца, об этом без специальных раскопок, конечно, пока нельзя сделать какого-либо предположения. Обра-

щает на себя внимание, что тут же стоящая развалина древней трехцерковной базилики VI века оказывается вне линии крепостных стен.

От самого дворца уцелели тоже лишь фрагментарные части. Он занимал опять подобный другим, удлинненный участок, имел два этажа и наружную лестницу для попадания в верхний, основной. Но уже о разбивке комнат

Генплан дворцового участка в Велис-Цихе

по этажам мы ничего сказать не можем, ибо за пределы продольного зала идут только обрывки стен, не говоря уже о том, что и контур самого зала заключает в себе такие иррегулярности, которые можно объяснить только наслоениями, переделками и починками.

Характерно, что верхний этаж имел по длинному западному фронту сосредоточенные вместе, как и в Ванга, четыре больших оконных проема, сохранившихся впрочем только частично. Если по северному фронту с угла здесь, видимо, шла наружная стена дворца, то в южном направлении западная стена имеет продолжение. По нижнему этажу здесь сделано четыре широких, но неглубоких, алькова в стене; они имеют арочный верх с изломом в центре.

Противоположная, восточная, продольная стена имеет в верхнем этаже три неравномерно расположенных проема; один из которых, более узкий, служил дверью для входа с лестничной площадки в зал. В нижнем этаже тоже есть дверь и окно с расходящимися внутрь здания

который подтвердил одновременность отдельных частей и несогласованность их. Обмер исполнен В. Л. Цилюса.

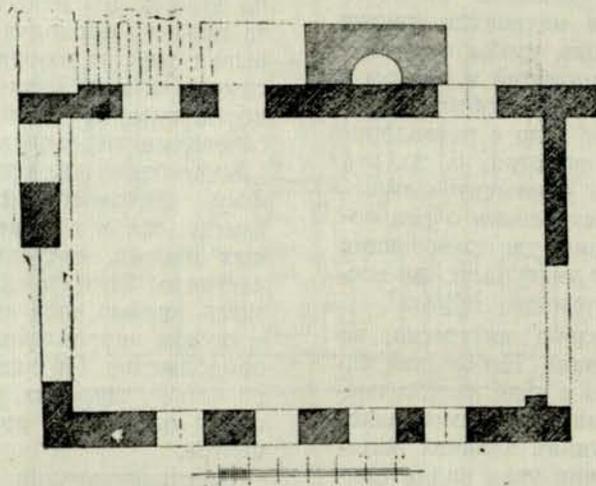
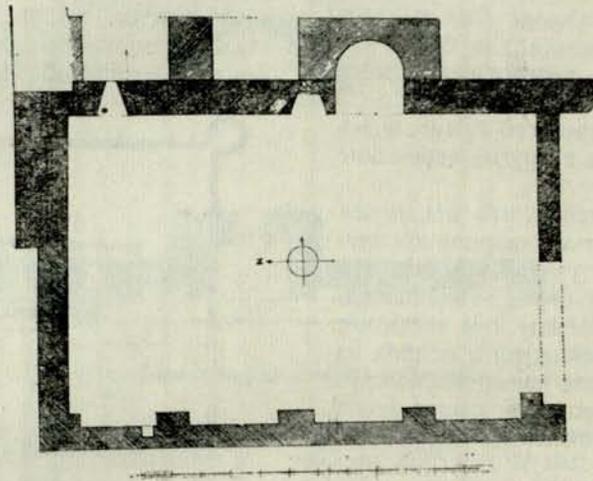
³ Ср. генплан (примыкающие ко дворцу частные дома).

¹ См. выше, главы III и IV.

² После предварительного ознакомления с замком 19.IX.1933 г., когда главное внимание было обращено на остатки трехцерковной базилики около замка, мне удалось 18.XII.1933 г. провести обмер планов его, ко-

притолоками. Впрочем названный предположительно дверью проем имеет приложенное снаружи, полукруглое внутри башенное сооружение, суживающееся кверху и сливающееся сна-

ка¹. Площадка эта приходится точно в центре когда-то бывшего пола в зале верхнего этажа. Лестница выведена вприслон к зданию и сама была выведена отрезками, что явствует

Планы первого и второго этажа дворца в Велис-Сихе

ружи своим прямоугольным наружным выступом с лестницей. Лестница поднимается с севера на юг по этому восточному фасаду над устоями, объединенными двумя неравной высоты и ширины арками, поверх второй из которых имеется довольно просторная площад-

по наличию двух фуг.

Поперечные стены дворцовой постройки, как видно по чертежам и о чем уже было отмечено

¹ На табл. 464-а заметны части подлестничных арок и примыкающего уступа.

но, не сходятся в своих, примыкающих к продольным стенам, частях. Вероятно, эта путаница и расхождение произошли при каких-то восстановлении или переделках. Но без точного, детального обмера, сопровождаемого зондажем или хотя бы прокопами, ясной картины получить не удается.

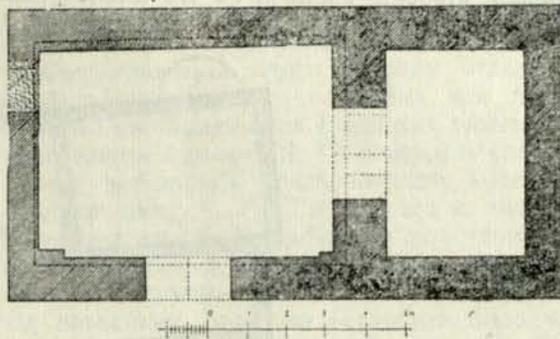
Впрочем, в системе возведения всего дворца характерную черту представляет возведение по отрезкам с ясно видимыми вертикальными фугами между ними, идущими частью только на известную высоту, а затем исчезающими, здесь — большей частью по нижнему этажу¹. Материалом постройки является булыжник, частично хорошо сложенный рядами.

Тианети (табл. 465)

Большой дворец за пределами селения Тианети, известный на месте под условно-трафаретным наименованием «о девяти вратах» (Цхра-Кара), расположен на северо-запад в расстоянии до 1 км на небольшом холме. От него сохранились лишь незначительные обрывки стен, в большей части поднимающихся над землей примерно до метра высоты. Впрочем землей занесены все помещения дворца и стены снаружи, вероятно, еще не менее чем на метра два. Только в двух комнатах есть части стены в несколько метров высоты, а в одной еще заметно начало второго этажа².

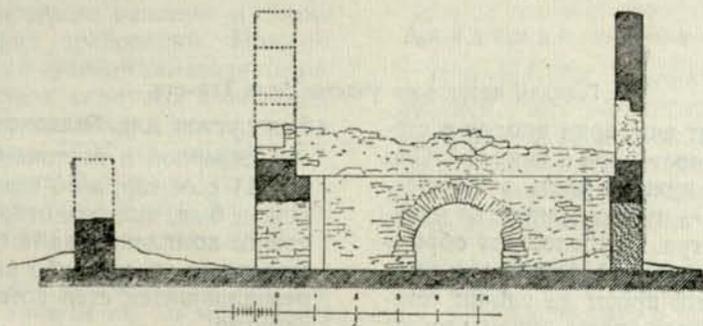
Вся большая, многокомнатная постройка сложного плана выведена в основном из простого, мелкого камня в форме плиток, сложен-

ных четкими, проходящими рядами. В единственной комнате, сохранившей несколько арочных проходов, видно также применение еще и кирпича, как в арках, так и в кладке самих стен. Здесь же среди камня в бугре видны обломки и черепицы. Это, правда, удалось заметить только в одной комнате (1), в кото-

План дворцового здания близ Тианети

рой, однако, сохранились выше всего стены, даже захватывая второй этаж. Возможно, иначе говоря, что и в других комнатах была такая примесь. Во всяком случае, кирпичи в арках и стенах этой комнаты вполне органически связаны с самой кладкой, т. е. относятся к первоначальной постройке. В некоторых местах заметны стороны кирпича в 24, 32, 48 см и раз-

Разрез дворца близ Тианети

¹ Один из местных жителей говорил, что от древней церкви ведет к полукругу пристроенного массива, на дне которого жители обнаружили много костей, подземный ход.

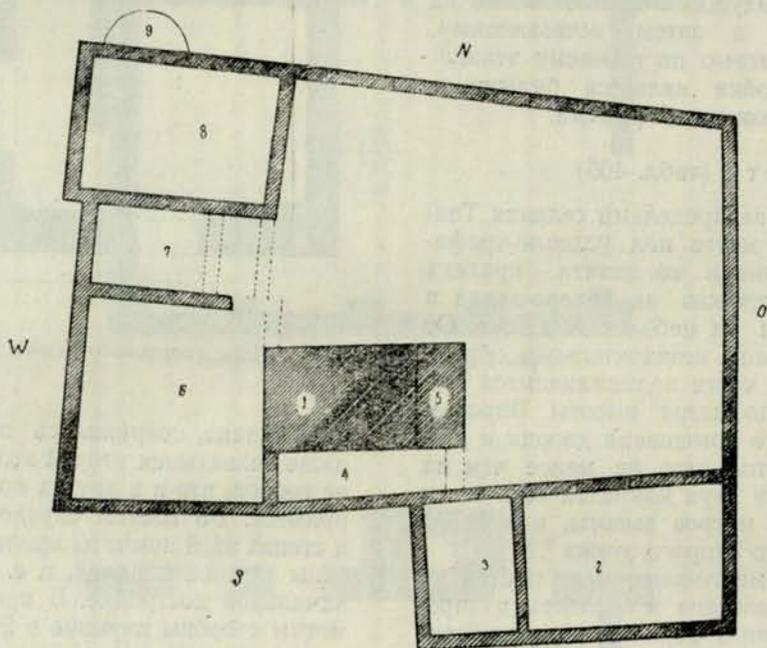
² Впервые сведения об этой развалине я получил от художника Ш. Абрамшвили еще в его студенческие годы в апреле 1925 года, когда он помимо про-

мадного помещения дворца упомянул о развалинах 16-ти зданий. Я посетил ее 18.XI.1935 г., тогда же проведен обмер В. Л. Циловани, и вторично 5.XII.1952 года; сопровождавший во второй раз ученик Тианетской школы говорил — со слов старших — тоже о многих зданиях около Цхра-Кара и об использовании отсюда стройматериала для возведения школы.

ные меньше этих — по-видимому, обломанные, а не цельной длины. Толщина этих кусков в 3, 3½ и большей частью 4 см. Зато ряд более крупных и дающих формованные границы кирпичей вверху западной стены этой комнаты дает размер кирпича 46×42×5 см, где только размер стороны в 42 см, может быть, неполная длина ее. Также точно в арке на юг неполная сторона кирпича по его длине равна 44 см¹.

сотой по продольным стенам, а от нижнего, засыпанного землей, все-таки видна высота до двух с половиной метров, а по пропорциям арок проходов до пола нужно прибавить еще от 1,5 до 2 метров, т. е. высота нижней комнаты была в 4—4,5 метра, а, следовательно, верхнего еще выше.

По восточному и по южному фронту этой комнаты (1) на близком расстоянии (метра в 3½) видны линии стенок; быть может, здесь

Генплан дворцового участка близ Тианети.

В комнате (1) стоят еще арки входов в стенах первого этажа — восточной и южной². Они овальной формы. Но нижняя часть этих проемов засыпана землей — нужно думать, не меньше чем на 1½—2 метра. В уцелевших обрывках стен второго этажа, по-видимому, можно еще усмотреть оконный проем на запад; естественно считать, что были также проемы на юг и на восток. Для укрепления междуэтажного перекрытия стены нижнего этажа имеют утолщение³. Как показывает разрез этой комнаты, верхний этаж был не менее четырех метров вы-

были устои для балконов (5 и 4).

С северной и восточной сторон этой комнаты (1) с ее террасой или балконом (5) расположен был, видимо, открытый двор (10) дворцового комплекса, замкнутый в прямоугольник остатками ограды, ибо никаких неровностей от развалившихся стен комнат, в ее пределах, не заметно.

Вынесенное вперед на восток до общей линии огражденного двора сравнительно большое помещение (2) могло служить, вероятно, основанием парадного зала во дворце. Откуда был

¹ Один случай с восточной стороны, где применена поздняя мелкая плитка кирпича, примазанная плашмя, не меняет вопроса.

² Табл. 465 и план.

³ В посещение 5.XII.1952 года от западной стены этой комнаты по второму этажу ничего не уцелело, а от восточной разве что метр выше уступа в ее южной части; высокая же северная часть, видная на табл. 465-а 1935 года, разрушилась более южной.

вход в этот нижний этаж — с востока или с запада — решить нет видимых данных; в южной стене во второе посещение ясно выделился наглухо заложённый проем, шириной около метра, может быть, служивший входом. Решить это без раскопок невозможно. Сохранившиеся части стен первого этажа не имеют и в продольных стенах открытых проемов¹.

Расположенная за этим большим помещением комната (3) определяется только земляными холмами по очертанию стен.

Размещенные в один ряд по западной линии помещения (6, 7, 8 и 9) примыкают с запада к комнате (1) и к узкой стороне (4), и тянутся далее на север до линии предполагаемой ограды двора. Для комнаты (6) под грудами земли видны очертания стен, так же как и для комнаты (7). Что же касается комнаты (8), то восточная ее стена высится частично не менее 3-х метров над теперешним уровнем земли внутри помещения и 2¹/₂ снаружи, от остальных же трех комнат видны только очертания стен из-за земляных валов на их месте. Уцелевшая восточная стена была вся каменная с забуткой, обильно снабженной камнем же; снаружи она ободрана теперь.

К северной стене комнаты (8) пристроена была полукругом стена — не то башенного типа, не то зернохранилище, как отмечено при первом осмотре. Сейчас кажется, не является ли она остатком довольно часто повторенного в дворцах архитектурного приема для создания большого камина².

Итак, рассмотренная планировка этого дворца показывает его крупные размеры и сложность функциональных требований. Помимо отраженных на плане в сугубо схематизированных линиях несомненно заметных стен помещений, образующих площадь примерно в 45×45 м, т. е. свыше 2000 кв. метров, по видимому прямоугольник был замкнут и с юга, а возможно расширялся и по северной стороне. Дворец выделялся из ряда всех рассмотренных

выше особенностью группировки помещений, или добавлением к более или менее постоянным двум помещениям, расположенным по длине, еще двух групп, соединенных под прямым углом друг с другом и связанных с основным ядром дворца только узкой плоскостью соприкосновения стен, т. е., очевидно, проходом.

Таким образом, это древнее здание как по кладке, так и материалу, особенно очень крупного калибра кирпичу, несомненно близко к рассмотренным до этого дворцам отдельных феодальных сеньоров — светских или духовных. Но оно выделяется среди них размерами, количеством помещений. Поэтому мне кажется вполне вероятным предположение, высказанное мне акад. С. Н. Джанашиа, что эта развалина дворца Цхра-Кара и есть упоминаемый историком дворец кахетинского царя Квирике III Великого (ок. 1010—1032) в Тианети под названием Бододжи («дарбази Бододжиса»)³, о котором сообщается, что царь Багра IV (1027—1072 гг.) сжег этот дворец — «знаменитое здание, построенное царем Квирике Великим». Поэтому особенно приходится сожалеть, что он уже не сохранил характерных архитектурных элементов или деталей. С другой стороны, есть все основания считать желательным производством детальных раскопок, которые, конечно, выяснят полностью планировку дворца и раскроют скрытые землей части здания, а вполне вероятно, что пополнят наши коллекции мелкими предметами обихода разных эпох.

Академия в Икалто (табл. 466—473)

В монастыре Зенона Икалтойского, южнее церкви этого монастыря⁴, находится у теперешней монастырской ограды громадная развалина, сложенная вся из булыжника. Это, согласно местному преданию, есть здание академии, высшего училища⁵, в котором в царство-

ных о размерах и формах здания, тоже высказалась в том смысле, что это руина дворца Бододжи.

⁴ См. выше, глава V и VII.

⁵ Так означает его еще Давид Ректор, который добавил к тексту переписанного им в 1813 году экземпляра Географии Вахуштия об Арсени, что «он имел школу в монастыре Икалто» (см. стр. 341 к с. 101₅ в издании Географии Н. А. Бердзенишвили и Т. Н. Ломоури по рк. Н. 934) и царевич Теймураз (История Грузии, изданная по-груз. посмертно, Спб. 1848, стр. 282—283), затем Пл. Иоселиани (Путевые записки по Кахетии, Тифлис, 1846, стр. 89). Ср. еще Е. Такайшвили во введении к: «Хельципис карис гаригеба», Тб. 1920, стр XXXII—XXXIV.

¹ Табл. 465-б показывает западную стену этой комнаты снаружи, т. е. из комнаты (3). От этой стены в 1952 году остались только обрывки на малую высоту (меньше метра).

² Во второе посещение никакого такого ясного полукаруга заметить не удалось — здесь очень небольшое земляное возвышение, правда, несколько расширенное против возвышения на месте северной стены этого помещения.

³ გარდაღდა თანხეს, და დაწუდა დარბაზი ბოდოჯისა, სახლი სახელოვანი, დიდის კვირიკე მთისაგან აგებული. (Картлис-Цховреба по списку царицы Марии, *486, 259).

М. Лордкипанидзе (ц. ст. вып., 31, 1954, стр. 24 сноски), дав несколько более и менее правильных дан-

вание Давида Строителя (1089—1125 г.) под-
визался известный деятель Арсений Икалтой-
ский¹.

Здание академии в монастыре Икалто я об-
следовал впервые в 1922 году и тогда же счи-
тал, что расчистка этого здания, стоящего без
кровли и постепенно заваливающегося, являет-
ся в высокой степени желательным. Поэтому
я всячески поддерживал начинание Телавского
государственного историко - этнографического
музея, когда в 1938 г. директор его А. Д. Ма-
мулашвили наметил провести расчистку
здания, которая и была, действительно, прове-
дена им в сентябре — октябре 1938 года. До
приступа к этой работе, после очистки разва-
лин от зарослей, я вновь внимательно осмотрел
видные части здания, наметил основные пунк-
ты обмера, а затем присутствовал и при пер-
вых днях самих раскопок. К сожалению, мне
не удалось посетить Икалто по окончании рас-
копок и пройти на месте обмер вскрытого ими
положения. Оговариваюсь, что различную раз-
метку зданий на чистовых чертежах, исполнен-
ных архитектором В. Л. Циლოსани, я не
указывал и считаю ее в ряде отдельных мест
недокументированной наличным состоянием
руин. По сообщению А. Д. Мамулашви-
ли, отмечу, что в земле было обнаружено из-
вестное количество фрагментов поливной гли-
няной посуды, на первый взгляд напоминавшей
как ему, произволившему раскопки, так и ар-
хитектору В. Л. Циლოსани, производивше-
му обмер, находки из раскопок в Дманиси и
Гегути².

Новый внимательный осмотр и изучение зда-
ния академии в Икалто, с предварительной
расчисткой от зарослей, а также в результате
небольших начальных этапов раскопок, выяви-
ли следующее положение³.

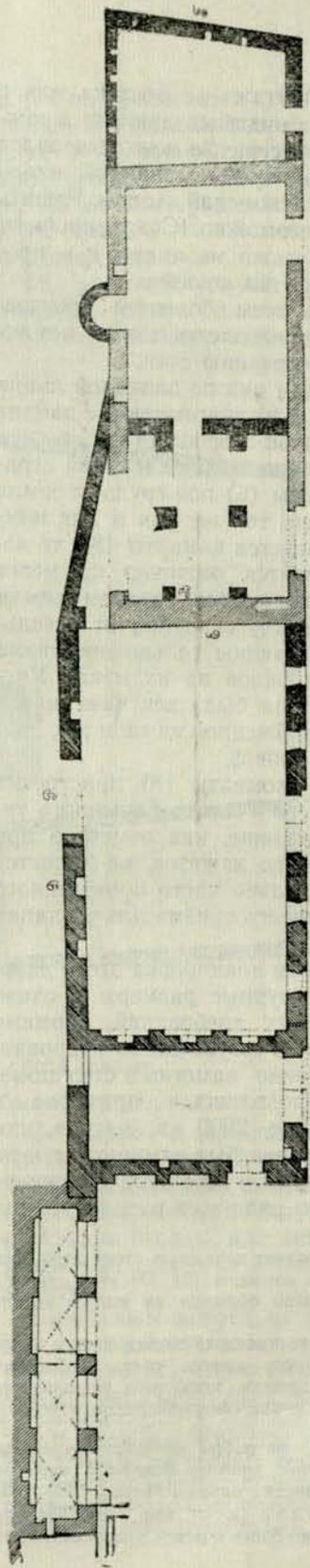
Налицо три здания. Из них называемое
собственно академией здание является послед-
ним по времени. Это здание с великолепным
двойным окном и восьмигранным столбом меж-
ду ними. До его постройки существовали —
«давьильня» (сацнахели), расположенная во-
сточнее, и большое, длинное, опять двухэтаж-
ное здание, напоминающее здание академии,
расположенное западнее (см. чертежи обмера).

От западного здания сохранились следующие
части: восточная стена с обоими, заложенными
чисто и наглухо оконными большими проема-

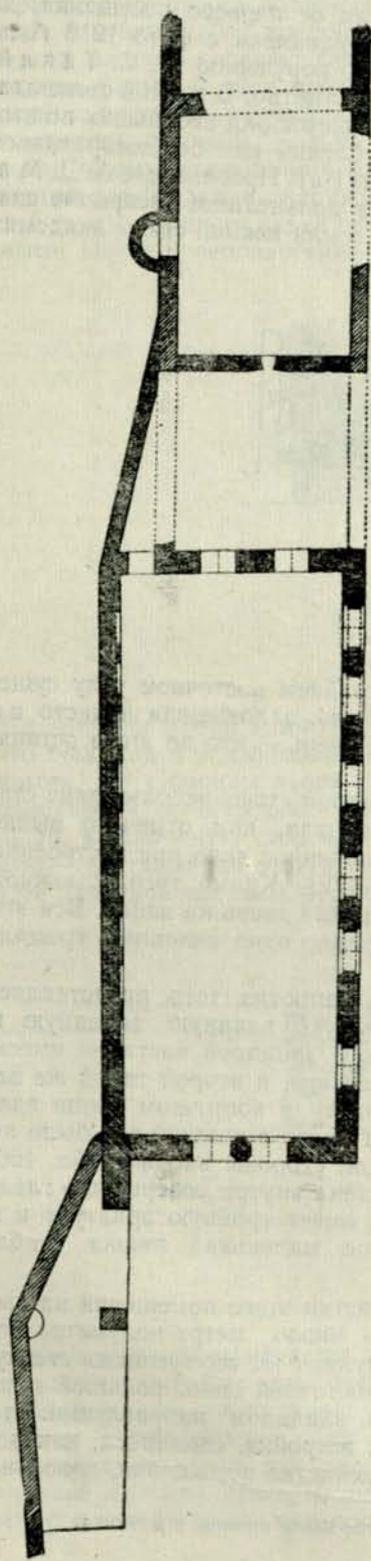
¹ Прямого указания на это впрочем нет.

² Фрагменты керамики находятся в экспозиции Те-
лавского государственного историко-этнографического
музея.

³ Наблюдения эти проведены 25—27.IX.1938 г.

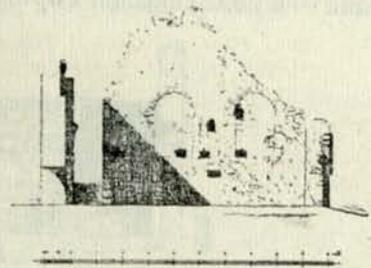

План первого этажа здания академии и трапезной в монастыре Икалто

План второго этажа здания академии и трапезной в монастыре Икалто

ми, расположенными в этой стене (разрез PR и табл. 471-b, 472). Она затем использована — именно с закладкой окон — в здании собственно академии, причем увеличили ее прибавлением в южном конце дополнительного отрезка, значительная часть которого ныне выкрошилась. Стена имеет по западной стороне (иначе говоря: внутри здания) утолщенную нижнюю часть,

Поперечный разрез на запад (PR)

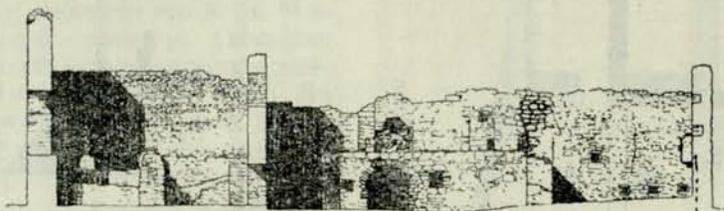
г. е. уступ для пола второго этажа. Почти на всю эту высоту стена здесь была засыпана — поэтому не видно, может быть имелись еще примыкающие обрывки северной стены (под землей), как и от южной над землей видны последние обрывки заворота стены под прямым углом. Раскопки, как показывает и обмер, действительно, выявили здесь части северной стены, параллельно тянувшейся с южной¹.

Далее стоит параллельная этой восточной стене вторая глухая стена на расстоянии 7,5 метров. Она, видимо, частично древняя, первоначальная; но в основном позднейшая — и, вероятно, вообще сравнительно поздняя. В этом квадратном помещении раскопки выявили шесть самостоятельных устоев — нужно думать, встроенных при каком-то изменении этой части «трапезной». Но благодаря ее встройке сохранены, отсюда начиная, южная стена на высоту примерно двух этажей, и северная — на высоту одного, до западного конца этого здания, который намечен обрывками западной стены, позднее использованной на своей половинной высоте для опоры балок пола второго этажа в пристроенной к этому поздней западной комнате с небольшими в стенах и в обоих этажах нишками (по форме нишек эта пристроенная комната позднего времени, — с XVI в.?). От западной стены древнего здания сохранились обрывки у южной и у северной стен здания; видна fuga этого здания, гсп. примазанные места малого западного сооружения. По южной стене имеется уступ для балок пола второго

¹ Планы I и II этажей, и разрез EF. — Она, действительно, отчетливо видна, как я удостоверился 19.VIII.1950 г.

этажа. В южной стене — сохранился громадный камин с зевом по нижнему этажу (одно время он был сужен встроенной кирпичной печкой). Над ним видны швы примерно такого же проема, заложенного по второму этажу¹. Хорошо виден полукруг камина, снаружи сильно выдающийся и суживающийся кверху над землей. Рядом с камином в нижнем этаже — ниша (одна — с яйцеобразной формы аркой; а

20—30 лет, считая от первого посещения, да даже за 40 лет, сравнивая с фото 1913 года, выполненными по поручению Е. С. Такайшвили, не было заметно. В южной стене здания, внутри его, имеется ряд небольших по второму этажу углублений как бы декоративной аркатуры (табл. 471-а). Проведенное А. Д. Мамулашвили в дальнейшем раскрытие снаружи от завалов земли южной стены академии

Продольный разрез западной части (EF)

другая — прямоугольна). Северная стена, сохранившаяся на высоту только одного этажа, глухая, как и южная, уцелевшая на оба этажа. Вероятно, по второму этажу была линия окон на север, как и в восточной стене имелось два окна.

Позднее построения этого здания, которое могло быть трапезной монастыря и являлось ею скорее всего, действительно, было пристроено к постройке вприслон к трапезной с востока большого парадного здания академии. Для означенной цели пришлось заложить два больших восточных окна трапезной и прибавить протяжение ее восточной стены в южном направлении, так как академия по плану шире трапезной.

Таким образом, это был большой двухэтажный корпус с фронтовыми стенами с востока и запада. Оба этажа достаточно обильно освещались. Восточная стена открывается в верхний зал двойной аркой на восьмигранном высоком столбу (табл. 468, 469). Верхний этаж являлся сплошным большим залом, начиная от двойного окна в восточном конце и до самой западной стены. Передняя, северная, стена этой залы была разрушена уже при первом моем посещении Икалто. Вообще явственного, значительного разрушения академии за

выявило, что в крайнем восточном углу существует действительно, заложенная начисто изнутри и снаружи дверь, — что до этого оставалось неясным.

В качестве западной стены использована стена трапезной, имевшая, как отмечено выше, двойное окно, заложенное явно при построении академии (табл. 472). Кроме того, у южной стены здесь небольшая дверь на запад. Вся эта зала была несомненно одна сплошная громадная зала.

Нижний этаж, напротив того, представляет две части — большую длинную западную и узкую восточную. В западной части — имеем широкий вход с севера, и второй такой же ведет в узкую комнату в восточном конце здания. По сторонам входа в нижний зал было по два окна с каждой стороны входа (табл. 466, 467). Западная стена внутри совершенно гладкая, а восточная имеет тройную аркатуру и в каждой арке еще маленькая нишка (табл. 469-б, 471-а)².

Во время расчистки этого помещения на высоте выше пола около метра-полуметра неожиданно наткнулись на внутреннюю стенку, построенную от восточной стены большой залы и тянувшуюся в западном направлении: это поздняя, видимо,стройка, сделанная, как показала полная расчистка помещения, довольно

¹ На планах показан пристроенным полукруг камина, чего я подтвердить не могу — это мною не было замечено.

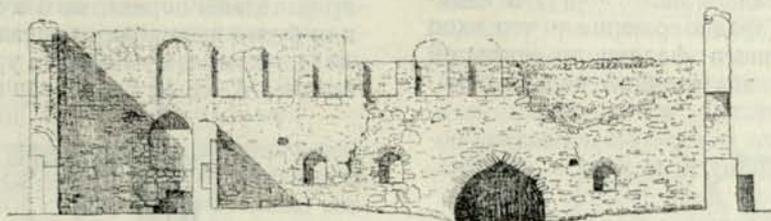
² В северной нише были пролом и починка.

криво в отношении основных стен здания.

В сохранившейся южной стене по нижнему этажу видно в середине примерно и почти напротив большой арки входа наличие широкой арки с изломом, служившей, как казалось до расчистки, выходом. Только дальнейшая, уже после обмера проведенная расчистка от земли и этой части здания снаружи, заваленной землей почти до линии верха стоящих стен, с разными впрочем неровностями, обнаружила, что

окнам по северному фасаду (табл. 471).

К длинной зале нижнего этажа с востока примыкает отделенная от нее стеной узкая другая. Вход в нее с севера такой же широкий, как и в длинную залу (табл. 466). Второй вход был с востока, он небольшой и снаружи оформлен наподобие двух декоративных ниш этого фасада (табл. 467-а, 468, 469-а). Наконец, есть еще как бы линии заложеного проема в южной стене; но уровень предполагаемого порога

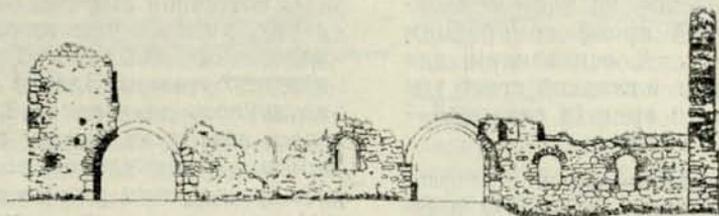

Продольный разрез академии в Икалто (АВ)

эта арка обстроена в полукруг стеной, т. е. что это был, как и в дворцовых зданиях, большой камин. По сторонам этого проема камина на одинаковом от него расстоянии расположены ниши, в восточную сторону — две, а в западную — на таком же отступе — имеется одна. В этой западной части по верхнему этажу совер-

намного выше пола, так что считать его за заложенную дверь без других доказательств нельзя¹.

По северному фасаду здание академии сохранилось в основной части только на высоту первого этажа: он, как сказано, с большими окнами и входными арками, т. е. резко отли-

Северный фасад академии в Икалто

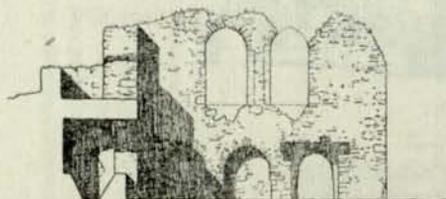
шенно явственно намечается криво идущая линия починки стены; она сделана кладкой из булыжника и отличающейся от основной, и притом не продолжает ряда тех стеновых ниш, которыми отделана вся остальная (первоначальной кладки) стена по верхнему этажу, и которые, допустимо предположить, отвечали

чается от дворцовых построек феодалов. Выше же него, очевидно, в характере украшения имеются как бы стеновые заглибления в форме квадратов. Такое объяснение кажется вероят-

¹ На чертежах В. Л. Цицосани обозначил это именно как дверь!

нее всего, сообразно тому, на какой они сохранились высоте; правда, верхней границы этих заглублений не имеется. Возможно, конечно, что окна второго этажа были в них расположены выше. Уцелевшие ниши видны в правой части, где имеется два окна в нижнем этаже¹. Наконец, расчистка наметила с одной стороны обрывки стенки — как будто портика перед входом в главное помещение нижнего этажа².

Вход в верхний зал академии отличался парадностью, если предположить — а это единственно возможное предположение — что вход был в центре северного фасада по открытой наружной лестнице, возведенной над остатками портика.

Восточный фасад академии в Икалто

Как северный фасад академии был продуманно оформлен, сколько можно заключить по незначительным остаткам его, так и восточный особенно законченно разработан. Верхний этаж открывается на восток двойной высокой и широкой аркой со средним восьмигранным столбом. А основанием для этой композиции служат в гладкой стене три невысоких декоративных арки (в северной — дверь).

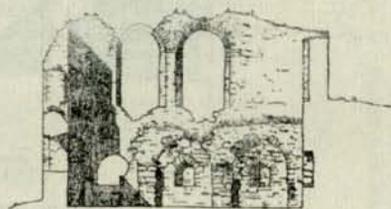
Так как здание академии возведено с использованием стены «трапезной», но притом в северном направлении сделано шире ее, то к этой стоявшей стене должны были пристроить небольшой отрезок — ныне целиком почти выкрошившийся. В этом отрезке внизу был устроен проход в трапезную, так же как и над ним имелась по верхнему этажу дверь. По-видимому, дверь эта служила соединению зала академии с верхним этажом «трапезной», подвергшейся, конечно, соответствующей перделке,

¹ В. Л. Цилюсани наметил здесь в реставрации фасада большие проемы окон, исходя, вероятно, от одной притоки окна в восточном конце. Это мне представляется неубедительным.

почему, видимо, здесь не сохранилось никаких остатков стены, а построена под углом общая со стенами здания академии³.

Пол второго этажа в первоначальной постройке был постлан по громадным балкам, положенным поперек здания, а в восточной комнате поперек ее — в гнездах наружной стены. Пролет такой (от 9 до 9,40 м), что возможны еще сплошные балки без опор.

При починке западного конца южной стены произведены перделки и в западной стене, где как будто выдолблены гнезда для балок на более низком, чем основной, уровне. Проведенная позднее А. Д. Мамулашвили очистка сна-

Поперечный разрез академии на восток (CD)

ружи южных стен этих зданий от завалов земли показывает, что к верхнему этажу академии, не доходя до стены ее на некоторое расстояние, идут поперечные стенки.

С восточной стороны академии, до ее возведения, имелось уже готовое здание — именно «давиляня» для винограда с каким-то вторым над нею этажом. Здание академии немного не дотянулось до угла этой постройки и потому здесь завернули кладку восточной стены академии и заполнили таким приемом оставшийся между зданиями разрыв сантиметров в 50. По верхнему этажу разрыв имелся несколько больше. Угол расположения этого здания и академии не прямой, а тупой. Очевидно, здание сделано на косогоре и своей северной стеной врезалось в землю. Второй же этаж — мне кажется — был шире и стоял в таком случае частично в земле. Позднейшая же стена, стоящая и сейчас, совершенно неправильно распола-

² К сожалению, в чертежах это не отражено; в посещении 19.VIII.1950 г. это место было вновь покрыто землей и заросло травой.

³ Чертежи обмера здесь показывают проем почти до пола нижнего этажа, чего нельзя принять.

гается и идет не параллельно внешней аркату-
ре давяльни. На чертежах не выявлено, чтобы
расчистка и обмер что-нибудь дополнительно
уяснили, на что я надеялся¹.

Эта длинная, узкая галерея «давяльни» со-
стоит из четырех компартиментов, перекрытых
каждый крестовым сводом и отделяющийся от
соседнего аркой. Наружу, на север, они также
открывались арками (табл. 469-а, 470, 473).
Арки, примененные в данном здании, все пра-
вильно полуциркульные или с легкой овалъ-
ностью. Характерно, что обе западные сложены
с отступом, т. е. притолки уже, чем осно-
вание арки. Крестовый свод галереи на прямо-
угольном основании, а не на квадратном².

Таким образом, академия не применяет под-
ковообразной арки и арки с изломом здесь нет,
а где сейчас близкое к излому впечатление соз-
дается, там это просто случайно получившаяся
при выветривании форма яйцевидной арки, с
ее особой кладкой, но не сознательное выпол-
нение художественного намерения, ибо вся
масса арок здесь правильно полуциркульная.
Зодчий применяет самую ходкую арку без осо-
бых исканий эффектов. Впечатление же торже-
ственности и величия он достигает просто про-
порциями и размерами здания. Зато он вводит
один уже чисто декоративный момент, как мы
его в полной мере можем доверить зодчему
VIII—IX века: это — восьмигранный столб на
восточном фасаде зала. Второй момент для
этого времени я вижу в применении для пере-
крытия каждого отрезка открытой галереи
(мотива, который должен был украшать извне
и Алавердский собор), — крестового свода на
удлиненном основании. Он вместе с остальны-
ми говорит нам, что академия хотя и стоит не-
сколько отдельно и от Черемского с Некрес-
ским дворцов и от Кветерского с Вачнадзиан-
ским, но что она не позже их выведена, а не-
посредственно с ними связана по времени. Так
что сохранением сведения о назначении здания
как академии, мы обязаны времени процвета-
ния ее — по поздней традиции — деятельности
Арсения Икалтойского, сподвижника царя Да-

вида Строителя (1089—1125 гг.). Впрочем,
связь архитектурных форм академии в Икалто с
рассмотренными выше феодальными дворцами
VIII—IX веков, как сказано, не позволяет от-
рывать ее от них.

Формы этого здания в целом идут в парал-
лель к описанным выше дворцам. Казалось бы,
что и в нем можно полагать именно дворцовые
помещения настоятеля монастыря. Но это со-
ображение отпадает, ибо было уже выше по-
казано, что главная церковь монастыря, посвя-
щенная празднику преображения, включала в
своем корпусе келью настоятеля³. Это чрезвы-
чайно важный факт, который подтверждает в
письменной, правда, форме позднюю традицию
об академии. Во всяком случае формы ее напо-
минают, с другой стороны, формы громадной,
впрочем, одноэтажной, развалины в Гелатском
монастыре, расположенной над западным скло-
ном — тоже громадный зал с небольшими до-
бавлениями в стороне. Развалина эта в Гелати
не может быть трапезной монастыря, ибо тако-
вая сохранилась особо. А так как суще-
ствование высшей школы в Гелатском
монастыре, основанной при Давиде Строителе,
т. е. в период расцвета Грузии в X—XIII веках,
совершенно твердо установленный факт⁴, то
мы вправе, имея уже теперь два образца схо-
жих зданий, считать их зданиями таких школ⁵.
Академия в то время была, конечно, прежде
всего не учебным заведением, но ученым учре-
ждением, где собирались специалисты, пред-
ставители науки для обсуждения различных во-
просов. Вот, принимая все это во внимание,
представляется несомненным назначение, как
данного Икалтойского здания, сохранившего
из поколения в поколение обозначение «акаде-
мии», так и забытой в своем назначении раз-
валины Гелатского монастыря. А вместе с тем
становится понятным и сходство форм этих
двух академий с вышеописанными дворцовыми
зданиями. Ведь и в этих академиях происходи-
ли торжественные собрания особо избранных
лиц, как мы их должны предполагать в громад-
ных «приемных» залах дворцов.

¹ Видное на наружной, южной линии второго этажа
в насыпной земле сильное ребро осталось не уяснен-
ным. Возможно, что оно от прежней стены.

² Снаружи этого здания А. Д. Мамулашвили
тоже благодаря расчистке выявил почти параллельно
идущую вторую стену с круглым контрфорсом, которая
служила как бы подпорной от натиска земли стеной для
«давяльни».

³ См. выше, глава VII, стр. 343, 348.

⁴ Ср. Е. С. Такайшвили, Хелмципне карис га-

ригеба (Monumenta Georgica, IV. Leges, № 1), Тб. 1920,
стр. XXIX—XXXIV (по груз.); К. Кекелидзе, Исто-
рия грузинской литературы, т. I, Тб. 1941, стр. 76
(по-груз.).

⁵ Проф. С. Г. Каухчишвили, посвятивший Ге-
латской академии отдельную работу, тоже определил
эти гелатские руины как академию («Гелатская ака-
демия», Кутаиси, 1948, по-груз.).

3. ДВОРЦОВЫЕ ПОСТРОЙКИ НОВОГО ВРЕМЕНИ

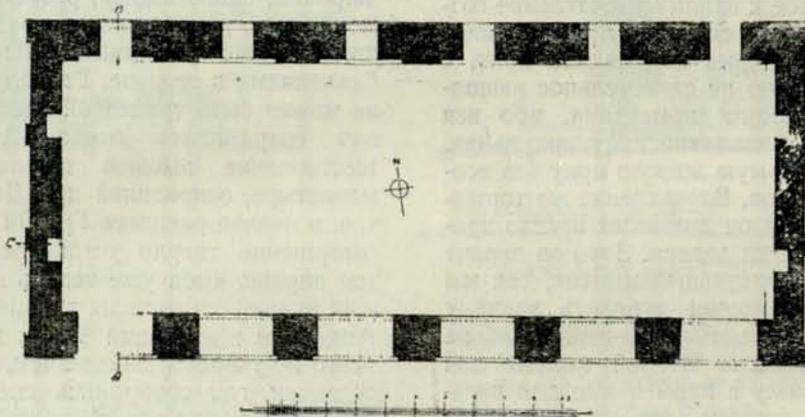
Несколько дворцов нового времени, которые выявлены в сохранившихся строениях, не создают цельной, единой картины, не являются выражением одного определенного типа. Напротив того, в отдельных из них проявляется существенное расхождение форм.

Одна группа дворцов, принадлежавших, видимо, феодалам разного масштаба, повторяет основные формы аналогичного типа царских помещений, именно в форме башни с разного назначения помещениями в отдельных этажах. Мы видели такие царские покои в Шуамта, Греми, Ниноцминда и отражение их в башнях двух разных типов из сел. Кисис-Хеви и др. Тот же тип повторяется и в других районах

расположенную на соседней волне гор базилику Натлис-Мцемели, сохранившую на западной стене среди росписи портретные изображения заказчиков росписи, того же царя Леона и царицы Тинатин¹.

Стоящая руина заключает в себе только один этаж (табл. 432). Дворец построен из кирпича, имеющего форму плоских квадратных плиток в 5 см толщины и 22 × 22, или 24 × 24 см площадью. Слой раствора между кирпичами равен в среднем 3 см. Только самый низ стен и, видимо, фундаменты сложены из рваного камня.

Все помещение дворца состоит из одного большого зала, совершенно открытого, т. е. без

План дворца „Цхра-Кара“ близ Алвани

Грузии, например, башня-дворец князей Амилахвари XVII в. в сел. Квемо-Чала (Картли). Но эта башенная форма дворцового сооружения, хотя и включает в своем комплексе иногда достаточно представительный зал, как в Шуамта, все-таки является собственно жилым помещением, т. е. рассчитанным в первую очередь для жилья, а не для официальных приемов.

Рядом с этим типом дворца уцелел и такой, который прежде всего отвечает по своему архитектурному решению требованиям парадности, официальных приемов. Таким является дворец царя Леона близ Алвани, известный под названием Цхра-Кара. Он расположен на внешнем выступе последних отрогов Кавказских гор над Алазанской долиной, примерно между селениями Земо и Квемо Алвани. Этот дворец обращен своим передним длинным фронтом на юг, а тыловая сторона смотрит на

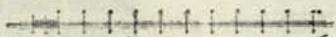
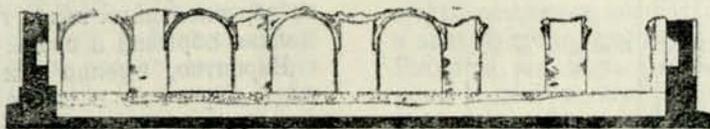
каких-либо внутренних устоев или стен. Он имеет шесть больших окон на юг, прорезывающих всю стену, так как простенки почти вдвое уже окон. На север также шесть окон, но небольших; над ними сохранился в одном отрезке еще остаток совсем небольшого окна по второму ряду. Впрочем, не исключена возможность, что это были только ниши, а не окна. Обе короткие стены — глухие, в них сделано только по паре небольших нишек. Интересно, что ни один из проемов не выделен как дверь.

Фасадный облик простой. Южный фасад гладкий с едва выделенным уступом по сторонам окна, проходившим, вероятно, прямоугольным полем над стрельчатой аркой каждого окна. На северном фасаде каждое из двух в

¹ Дворец обследован 28.IX.1933 г., тогда же сделан обмер его и несколько фото.

вертикальном направлении звеньев отдельно заключено в одном несколько заглубленном поле, как и большие окна южного фасада. Глухие фасады имеют три углубленных поля между лопатками.

Можно, кажется, полагать, что по высоте разрушено сравнительно не так много, т. е., что помещению, которое сейчас не превышает четырех метров, не достает не более 1—1,5 метров.

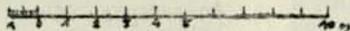
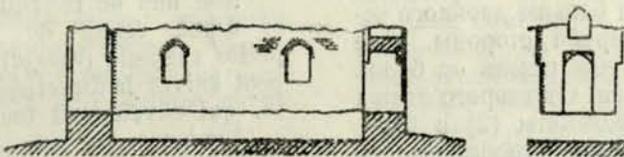
Продольный разрез дворца близ Алвани

Вокруг дворца по северному фронту его идет ровная, вымощенная дорожка в 1,20 м шириной и, где видно, высотой сантиметров 10. По южному фасаду такая дорожка прослеживается только на обоих углах в ровных мощеных горизонтальных частях.

для хранения труб», и которое состоит из большого и красивого зала, построенного очень солидно, с церковью св. Иоанна Крестителя по соседству...»¹.

Алванский дворец Цхра-Кара в известной части своего архитектурного решения является примером использования старой планировки феодальных дворцов VIII—IX веков: большой зал, сильно освещенный с одного длинного фронта — как основная, а в данном случае

единственная часть. По расположению на возвышении и с открытым далеким видом на Алазанскую долину он также продолжает ту традицию, примеры художественного проявления которой нам известны из отдаленного прошлого почти тысячелетней давности.

Поперечный разрез, и деталь северной стены дворца близ Алвани

Как было отмечено, ничем не выделена дверь, а между тем от уровня земли до подоконника метр высоты. Высота пола — неизвестна, ибо внутри руин лежит земля.

Академик Броссе посетил в 1847 г. Алвани и кратко упоминает также и об этом дворце Цхра-Кара. Правда, он не приводит этого названия и не именуется здание дворцом. Он просто пишет, что «на довольно крутой высоте виднеется другое здание, которое известно под наименованием Санагаро (სანაგარო), «место

Еще одна дворцовая руина находится около Алвани. Она расположена на низине близ Алазани, в расстоянии примерно двух километров восточнее купольной церкви Самеба². Как можно заключить по упоминаниям русских посллов середины XVII века, построение ее нужно отнести не позже как ко второй половине XVI века, ибо они говорят о ней как о «древнем» дворце. В состав этого дворца входит, во-первых, большая двухэтажная развалина с несколькими помещениями, затем небольшой квадратный дом со сводчатым перекрытием, и наконец, стоящая против последнего церковь,

¹ Brosset, Voy., I, 82, Ст. Д. Албанели, ст. в журнале К в а л и, 1897, № 7, стр. 147 (по-груз.), где здание называется Цхра-Кара.

² Последняя рассмотрена в гл. VIII.

которая однако чувствительно разнится на беглый взгляд от основного здания¹.

Основное двухэтажное здание состоит из пяти помещений, замкнутых в общий прямоугольник. На прилагаемой схеме обозначена разбивка их, видная главным образом по нижнему этажу, так как от второго сохранились стены только частично².

Зал (1) — значительный по величине с небольшими окнами (или нишами) выше человеческого роста, расположенными по сторонам

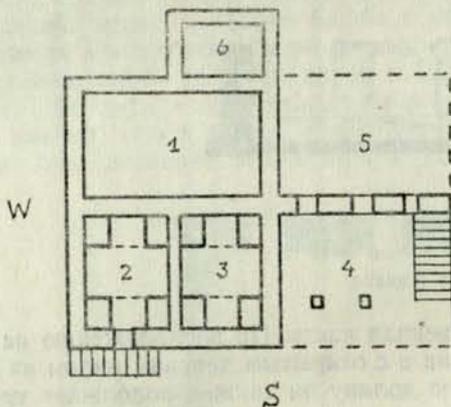

Схема расположения помещений древнего дворца в Алвани

двери с востока, и окнами больше двойного человеческого роста с северной стороны. Уже выше этой линии видны еще гнезда от балок междуэтажного перекрытия. От второго этажа ничего не сохранилось. Комнаты (2) и (3) — почти одинаковые со сходным устройством. Сохранились тоже только на высоту первого этажа. Это квадратные помещения со входами с юга. Внутри каждого из них для укрепления перекрытия второго этажа встроены массивные устои по углам с кирпичными стрельчатыми арками между ними. На второй этаж ведет лестница, пристроенная снаружи по южному фасаду. Комната (4) была, видимо, скорее чем-то вроде балкона-галереи перед главной жилой комнатой дворца по второму этажу. В ней находится опять каменная лестница, укрепленная на арочном сводике. Внизу сохранилась разделявшая помещения (4) и (5) стена с арочными проходами, сложенными из кирпича. На этой же стене устояла также и стена по

второму этажу. Здесь было кажется, четыре больших, двурусных окна, того типа, как в северной стене Алванского же дворца Цхра-Кара. К крайнему восточному из этих проемов поднимается названная выше лестница. В остальном от стен помещения (5) ни по первому, ни по второму этажу ничего не сохранилось над землей. Наконец, позади зала (1) видны находящиеся в земле, т. е. на более низком уровне, чем первый этаж дворца, остатки небольшого, сильно развалившегося помещения, по-видимому, без окон. Вокруг этого комплекса перечисленных выше трех построек заметны мелкие обрывки и следы зданий.

Вероятно, именно эти здания имел в виду акад. Броссе в своих заметках об Алвани в отчете об археологическом путешествии по Кавказу в 1847—48 г., хотя и пишет, что они расположены на север (а не на восток или юго-восток) от церкви Самеба, построенной царем Леоном. Вот его текст³.

A quelque distance, vers le Nord [от церкви Самеба] j'allai visiter une ruine qui semble être celle d'un palais. Ce que l'on peut y reconnaître, ce sont deux grands escaliers de parade, extérieurs, une chambre de bains, des chambres souterraines, que l'on croit avoir servi de glacière, et plusieurs grandes pièces à destination inconnue.

Non loin de ces ruines sont celles d'une tour et d'une église de l'Assomption, avec une petite chapelle (საბჯო), tout à côté; enfin l'oeil peut suivre la direction d'une muraille très vaste, qui enveloppait toutes ces constructions.

Vis-à-vis, sur une hauteur assez escarpée, on voit un autre édifice, connu sous le nom de Sanagharo, „lieu où sont les trompettes“, et qui se compose d'une grande et belle salle, très solidement bâtie, avec une église de S. Jean-Baptiste, au voisinage, derrière laquelle des vases à vin, enfouis dans la terre, montrent leur orifice béant.

Этот же явно дворцовый комплекс описывал в грузинском журнале «Квали» автор, под псевдонимом Д. Албанели⁴. Он, как и Броссе, отмечает, что прямо на них смотрит развалина дворца Цхра-Кара, что они расположены на берегу р. Алазани и от церкви Самеба на юго-восток. Последнее отличает его от указаний Броссе. Далее он сообщает: «Эти здания народная молва приписывает ца-

¹ Церковь вся кирпичная, высокая, перед входом имеет выделенный, как бы мечетный портал с запада.

² Осмотрен 16.XI.1935 года. Необходимо снятие генплана со стенами ограды, помимо детального обмера и фото всех зданий.

³ Voy., I, 82

⁴ Д. Албанели. Древние памятники в Албании (журнал «Квали» 1897, № 7, стр. 147, по-груз.).

рице Тамаре: развалина одного большого здания — это был дворец, второе, также целое здание называют дворцовой церковью, третье здание считают зданием казначейства. Большое здание — очень высокое и со стороны Алазани видны и сегодня еще ступеньки каменной лестницы; от этого здания начинается основание разрушенной стены, направленной к Цхра-Кара, которая, как было сказано, стоит на высоком отроге гор».

По-видимому, как было уже высказано, именно эти развалины имеют в виду русские послы к царю Теймуразу 1640—43 годов, когда сообщают о пребывании его в Алвани. «А у Теймураза царя на Олоне стояло два намета да шелашей плетенных с 15. Да блиско царевых шелашей стоят 2 полаты невелики ветхи [= древние]. Одну называли церковью, а креста на ней нет. А от тех полат недалеко палата ж, бывала велика. Стоит на поле, от лесу не блиско, вся разбита и развалиалась, сводов и мосту нет... государевы люди стояли в разбитой полате».¹ Вот это последнее сообщение середины XVII века, как и своеобразные формы зданий, заставляют думать скорее всего о второй половине XVI века, если не более раннем времени².

В ряду дворцового типа построек Кахетии позднего времени я могу назвать еще одну, расположенную за селением Ахмета, напротив крепости Бахтриони на самом берегу р. Алазани и известную также под тем же трафаретным наименованием Цхра-Кара. Это, видимо, очень позднее здание³.

Дворец был одноэтажный. Он выведен из булыжника с легким добавлением в простенках окон проходящих рядов в один кирпич, а также отдельных кирпичей, около дверных проемов. Все окна и двери имели деревянные перемычки, конечно, ныне сгнившие и отсутствующие. Важно, что в здании, таким образом, не было ни одной арки. Комнаты были невысокие; стены уцелели всюду на одну высоту (в 2,80 м) и, видимо, просто стоят после утери деревянно-

го перекрытия. Высота окон на Алазань 1,80 м.

По плану — это одна линия шести комнат в ряд с добавлением перед обеими крайними еще маленьких выступающих квадратами. Впечатление, что между этими выступающими комнатами и перед четырьмя средними была расположена галерея («дерепани»); но при этом странно, что в эту сторону нет ни одной двери, а только окна.

Вообще в здании много окон; по фронту их было 10 и еще по два в выступах. В каждой из шести основных комнат есть по камину — или в задней стене, или же между окон в фасовой. Входная же дверь расположена с задней стороны в центральную большую комнату, имеющую четыре окна в сторону Алазани.

Другого типа дворец, который естественно отнести к первой четверти XVII века, сохранился в ограде Алавердского храма. Правда, он является, как я думаю, постройкой по заказу наместника шаха в Кахетии, стоявшего около 1615 года в ограде Алаверди, но и выполнен он — естественнее всего полагать — местными силами и сама форма, очевидно, не была чужда стране.

Здание это стоит на северо-запад от кафедрала. Оно выведено из кирпичных ровных квадратных плиток (табл. 417-б, 418). Состоит из двух помещений — восьмигранника с восьмигранным же барабаном и низкой глухой квадратной комнатой, примыкающей к одной из граней киоска⁴. Восьмигранный киоск имеет массивные устои на восьми углах, между которыми расположены большие арочные проемы. Поверх них на внутренней половине устоев и арок возвышается барабан, так же с восемью проемами. Все эти арки имеют стрельчатую форму. Центральный свод представляет собой довольно причудливо поднимающийся купольный свод с двойным уступом в верхней части при сплюснутости самого сферического завершения, и с паутиной ребер и пересечений по периферии над окнами барабана.

среди различного назначения сооружений руина какой-то открытой залы о четырех массивных столбах, сложенных из кирпича (см. выше, стр. 50 в сноске).

³ Посещена была 11. XI. 1935 г.

⁴ Уже в первые посещения Алаверди (1919—1922 гг.) они привлекли к себе внимание. Однако обмер удалось выполнить только в 1933 году, когда разрушение продвинулось значительно. Здание было загублено совершенно бессмысленно проведенной в 1935—6 гг. реставрацией со сплошной оштукатуркой помещения. Между тем со времени построения здание это никакой штукатурки не знало.

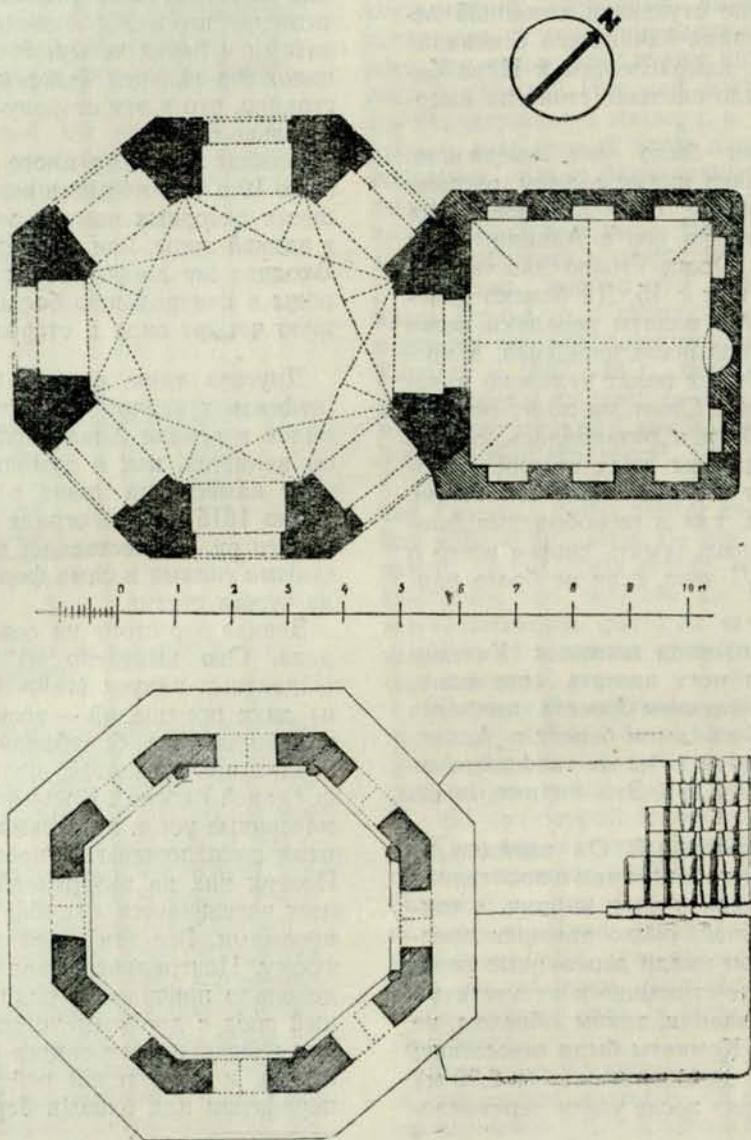
¹ Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—43 гг., издание М. Полиевктова, Тб., 1928, стр. 143.

² Здесь же можно упомянуть о двухэтажной развалине довольно крупного, жилого здания, расположенного недалеко от Эрпийской базилики Сиони. Она состоит из двух помещений — большого и поменьше с сохранившимися на половинную высоту окнами по второму этажу. Перекрытие было деревянное (в малой комнате — гвезда от балок). Сложена из булыжника. Напомню, что в Матанской Цхра-Кара тоже имеется

Пристроенное к северо-восточному нижнему проему киоска квадратное помещение перекрыто своеобразным сводом, расположенным через углы¹. Оно имело вход только из киоска. В боковых стенах — по три прямоугольных ниши, а

шихся пустот между ними. Таким образом это — просто две комнаты одного дома.

В фасадном облике этого дворца не заметно вовсе штукатурки, он стоял кирпичный, слегка блеклый из-за слоев белого раствора между

Планы первого и второго этажа летнего дворца в ограде Алавердского кэфедрала

в восточной стене центрально-устроенный камин и две ниши по бокам его. Способ возведения показывает использование опор киоска и заполнение некоторых неизбежно образовав-

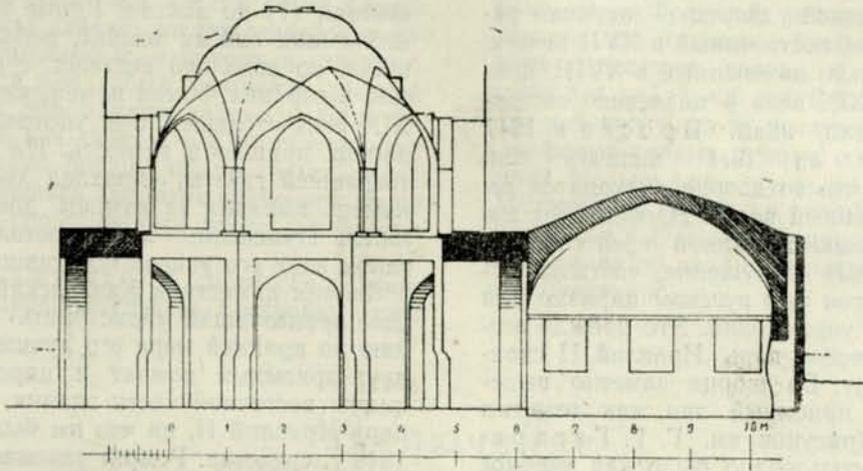
рядами кирпича. Уже в 1922 г., как видно по фото, южная стена квадратной комнаты была сильно развалена (табл. 417-b); отсутствие окон или дверей устанавливалось и позднее с полной несомненностью. Окна киоска —

¹ Такой свод по-немецки называют *Übereckgewölbe*.

можно думать — были занавешены коврами, ибо и внутри стены и своды, видимо, оштукатурены не были.

Этот дворец, как я полагаю, упоминают русские послы князь Мышецкий и дьяк Ключарев,

латы каменных, одна высока, а другая низкая, да холодник каменной невелик; крыто все камышом¹. Как разъясняет проф. М. А. Полиевктов, древнее слово «холодник» означало «большой навес на столбах, открытый со

Разрез летнего дворца в ограде Алавердского кафедрала

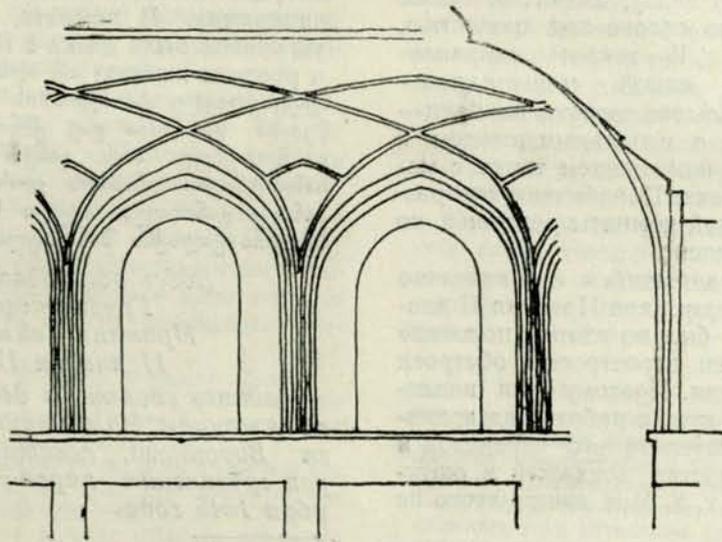

Рисунок кладки свода летнего дворца в Алаверди (схема)

бывшие у царя Теймураза в 1640—1643 гг., которые, давая общее описание Алавердского монастыря, отмечают, что «против церкви 2 па-

¹ Посольство князя Мышецкого и дьяка Ключарева в Кахетию 1640—43 гг. Издание М. Полиевктова. Т. 1928, стр. 140.

всех сторон», т. е. действительно точное определение нашего здания с отметкой, очевидно, отличавшей его от знакомых послам русских «холодников», что он строен из камня. Далее послы отмечают, что приехавший к Теймуразу шахский посол «сидел в холоднике», куда и

пошли на прием Теймураз со свитой¹. Последнее обстоятельство, мне кажется, определяет как назначение самого здания, так и время его построения по распоряжению шаха персидского Аббаса, поставившего войска в ограде Алавердского собора².

Еще один поздний дворец — царская резиденция в Телави, построенный в XVII веке и, возможно, несколько измененный в XVIII, пришел к середине XIX века в плачевное состояние. Как отметил акад. Броссе в 1847 году: *le tout en fort mauvais état*, несмотря на то, что во дворце «находится великолепный приемный зал»³. Дворец этот находится внутри вышеописанной крепости, где помещались разные сооружения, частично использованные затем при русском царизме для государственных учреждений. Это прежде всего дворец, в котором царь Ираклий II скончался в 1798 году. Во дворце заметно выделяется большой приемный зал, как отметил еще Броссе (рисунок кн. Г. Г. Гагарина)⁴. Здание использовано было как учебное заведение. Конечно, при этом проведены частичные переделки и сделаны пристройки. Кажется, с дворцовым корпусом был объединен и тоннель с родником внизу, имеющим также и наружный выход на склоне под крепостью, в сторону Алазани. В южном направлении от дворца, у самой стены крепости, сохранилось небольшое сооружение бани — квадратная комната с купольным сводом и примыкающим сбоку помещением топки с местом для большого бака. Предбанник для разделения спереди банной комнаты разрушен, но частично прослеживается⁵.

К сожалению, сохранившийся сравнительно хорошо со времен смерти царя Ираклия II дворец этот в г. Телави был во второй половине XIX века приспособлен, перестроен и обстроен для учебного заведения. Поэтому для надлежащего его изучения нужна работа над архивным материалом касательно его переделок и возможность производства зондажей в оштукатуренных стенах и т. д. Мне ничего этого не

удалось провести, а потому об этом дворце не могу дать никаких данных кроме того, что здание выведено из кирпича с применением форм стрельчатой арки. Во дворце имеется большая приемная зала с освещением с западной стороны, расположенная в центре дворца; она двухсветная (?) по высоте. Кроме того, несколько небольших жилых комнат, небольших по площади, но довольно высоких, с рядом стальных пиш в верхних частях помещений⁶. К середине XIX века стоявшее без употребления здание дворца пришло в ветхость. По словам статьи тогдашней газеты, «дряхлел дворец царский, камень выпадал за камнем, двери, пол, оконницы, ступеньки — все заростало травой». В таком виде его увидел посетивший в 1845 году г. Телави наместник Кавказский князь Воронцов, приказавший «приступить к возобновлению по крайней мере его лучшей половины — двух приемных комнат и царской спальни», иначе: восточной части здания, где скончался царь Ираклий II, на что им были отпущены в 1849 г. средства. Ремонт закончен в 1850 году, возобновлены «огромная продолговатая зала и по концам ее две комнаты, из коих одна — опочивальня царская; восстановлен и древний дворцовый сад, с бассейном и вековыми его чинарами». В комнате, где умер Ираклий, укреплена была доска с текстом на грузинском и русском языках: *აქ აღსრულდა საქართველოს მეფე ერეკლე თეიმურაზის ძე ია იანვარსა ჩოქვ წელსა. წარწერა ესე ქმნილ არს და სასახლე ვასწორებულ არს განკარგულგბითა კავკასიის ნამესტნიკის კნიაზის ვორონცოვისათა, რომელმანაცა განიხილა ძველი სასახლე საქართველოს მეფეთა ქალაქსა შინა თელავსა ით ნოემბერს ჩუნე.*

*Здѣсь последовала кончина
Грузинского Царя
Ираклия Теймуразовича
11 января 1798 года.*

Надпись сделана и дворец исправлен распоряжением Наместника Кавказского, Князя Воронцова, посетившего древний дворец грузинских царей в г. Телаве 19 ноября 1845 года.

сделанные под наблюдением покойного директора А. Д. М а м у л а ш в и л и.

К этому же комплексу, в порядке градостроительном, относился и один из оформленных старых родников г. Телави, так наз. «Батонис-цкаро». Он был расположен южнее ю.-в. угла крепости, через улицу (табл. 430-b). Ныне весь этот квартал оформлен поновому.

⁶ Если не ошибаюсь, обмер этого дворца был проведен Телавским музеем, находившимся до начала войны в некоторых помещениях старого дворца.

¹ Там же, стр. 146.

² Ср. добавления акад. Броссе из Искандера-Муни об Шахе Аббасе около 1615 года (*Histoire de la Géorgie*, S.Pbg. 1856, t. II, 2, p. 477).

³ *Voy.*, I, 64.

⁴ Рис. Г. Г. Гагарина 40-х годов XIX века (из собрания Института истории грузинского искусства) исполнен карандашом легкими бледными штрихами; воспроизведение (к стр. 583) сделано — за технической невозможностью воспроизвести подлинник — по прорисовке тушью на кальке.

⁵ Обмер бани и модель имеются в Телавском музее,

Позднее уже помещение приспособлено под учебное заведение и восстановлено без соблюдения исторической правды. Нельзя не отметить, что в цитированной газетной статье правильно было высказано пожелание, «чтобы при возобновлении остальной и едва ли не характернейшей части здания, заключающейся в обширной конференц-зале, в покоях и галереях, прилегающих к ней,—был сохранен древний характер его». Это, однако, далеко не было соблюдено, хотя, как стоит в той же статье, «это нетрудно сделать, потому что на стенах, окнах и полуотвалившихся карнизах видно еще выражение стиля, свойственного эпохе построения здания»¹.

Царевич Вахушти в своей Географии приписывает первоначальную постройку этого

дворца царю Арчилу (1664—1675 гг.), таким образом это позволяет отнести ее ко второй половине XVII века. Правда, Вахушти пишет не совсем ясно, а именно: «на юг от Турдосхеви находится Телави, который основан Квирике, замок большой, как город; но несколько изменил его и обновил 9-ый царь Арчил; и теперь существует дворец и крепость и укрепляются в ней»²; но как было выше отмечено, тут нечеткость из-за понятного психологически смещения разных данных о Квирике и об Арчиле. Нельзя здесь же не отметить, что в своей Истории Вахушти сообщает, что Имам-Кули-Хан в 1710 году наравне с Манави живет и в Телави во дворце; имеются и другие такие еще сведения³.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Описанные здания замков Кахетии раннего средневековья и затем дворцы позднефеодальной поры, хотя и те и другие выявлены в небольшом числе и в состоянии сильного разрушения, представляют картину существенно различного подхода к самой задаче.

Описанные здания замков представляют собой, как мы видели, за исключением Тианетского дворца и академии в Икалто, постройки одного и того же типа. Лишь незначительные отличия в частности создают возможность различения их между собою⁴. Даже и Тианетский дворец и академия в Икалто имеют в составе своих композиций основное ядро, которое совпадает с формами других дворцовых ком-

позиций. Эта связь является чрезвычайно важной, ибо она красноречиво говорит о том, что все эти сооружения возведены были в один и тот же исторический период жизни кахетинского государства, который мы определяем временем раннего развития политического и культурно-экономического уровня Кахетии, как самостоятельного государства, начиная с VIII—IX веков и до воссоединения ее Давидом Строителем с остальными частями Грузии.

Прежде всего, подводя итоги рассмотрению отдельных дворцовых сооружений этих замков, мы должны остановиться на их оценке, т. е. на определении того художественно-творческого акта, который проявлен в них. Все эти дворцы

¹ Туманов. Возобновление дворца в Телави — Кавказ, 1851, № 25.— Грузинский текст надписи приведен в корреспонденции из Телави Б—ли, в газете Иверия, 1904, № 22.—Ср. Броссе, Воу, I, 64.

² География по изданию Н. А. Бердзенишвили и Т. Н. Ломоури, Тб. 1941, стр. 100; рус. пер. М. Джанашвили, Тб., 1904, стр. 126.

³ Картелиш-Цховреба, т. II, СПб. 1854, стр. 132 (*196) и след. Детальный анализ этого дворца проведен теперь Л. Д. Рчеулишвили (см. тезисы его доклада на XII сессии Института в 1957 году).

⁴ Считаю нужным здесь же отметить, что около селения Матани, в западном направлении от него, немного выше довольно просторной зальной церкви с несколькими подпружными арками на сильно выступающих внутри ее пилястрах, именуемой Джантасакдари, стоят развалины дворца. Это был громадный, длинный дворец, с видом опять на Алазань и на горы Кавказского хребта. От дворца осталась только маленькая передняя комната и фундамент одной длинной

стены. Конечно, эти виденные мною 27.XII.1933 года остатки дворца только своей планировкой позволяют назвать их здесь в связи с другими дворцами древнего времени. Упомяну еще о двух зданиях все той же планировки и, по-видимому, той же эпохи.— В ансамбле Хашминской базилики сохранились большие и сложные светского типа развалины при восточной и южной крепостных стенах, и среди них имеется древний, двухэтажный корпус (по восточной линии до южной), окна которого были обрамлены круглыми колонками. Исследование всего комплекса требует значительной расчистки и закрепления.— Около Ахметской Гвтэба (шагах в 50 от юго-восточного угла на северо-запад) возвышается развалина двухэтажного здания (размером шагов 15 × 12) с большими, видимо, окнами второго этажа, обращенными в сторону Панкисского ущелья и селения Алвани. Так как весь участок около Гвтэба сохранил много и других остатков зданий, то вполне возможно, что планомерное изучение его дало бы интересный научно материал.

представляют собой двухэтажные здания, где в нижнем этаже были сосредоточены как бы служебные помещения, верхний же этаж служил репрезентативным местом. Это наблюдается и в Тианетском и в Бочормском дворцах, как возможно утверждать даже на основании сохранившихся их незначительных фрагментов, а также в здании академии, где нижний этаж был относительно более развит по фасадам, чем во дворцах. Сообразно этому выдержаны уже пропорции самих фасадов — верхний этаж значительно выше нижнего, он прорезан по длинной фасадной стене рядом равномерно расположенных арочных пролетов, начинающихся прямо с пола зала и вытянутых очень высоко вверх. Но несомненно еще более превалирующим считали все зодчие узкий фасад с фронтонным завершением, на котором делалась двойная арка. В последнем по времени примере — здании академии в Икалто — имеется здесь даже восьмигранный столб, примененный с явно декоративным намерением. Во дворцах, таким образом, в художественном смысле создан громадный зал с величественными декорирующими его арочными пролетами. Это пространство зала, в отличие от церковного, как бы заставляло направлять внимание зрителя вниз, на «землю», оно должно было концентрировать его на действиях, приемы, церемониал, совершавшийся здесь. В связи с этим зодчие откидывают сводчатое перекрытие и применяют плоское, деревянное, подшитое к стропилам, поверх которых лежала крыша. Принимая во внимание, что в нижнем этаже Некресского дворца для укрепления потолка применен столб, мы вправе предполагать таковые и в верхних залах. Только здесь они были скорее резные деревянные, нежели каменные. Не говоря уже о том, что эта отделка деревом давала широкое поле для отменной декоративной отделки помещения, деревянные столбы, покрытые резьбой — это самый распространенный элемент простых крестьянских домов в Грузии. Деревянные же резные колоды и двери украшали и храмы Грузии; то же можно сказать и о предметах обихода — креслах, диванах, сундуках, кроватях и пр. Есте-

ственно, что такой благородный и благодарный элемент не мог остаться без употребления, без применения во дворцах.

В отношении планировки дворцовых зданий характерным является четкое разделение по функциональным надобностям помещений в отдельных этажах. Далее — сосредоточение парадных помещений в верхнем этаже. В связи с этим находится относительная простота плана: поставленные в одну линию комнаты. Отсюда увязанное решение задачи оконных проемов здания, постановки его на участке, поворот в сторону открывающихся далеких видов — с одной стороны, а с другой — отсутствие отопления в приемном зале, создание открытых террас и торжественных открытых лестниц с балконами, а также могучих входов внизу. Часть этих черт удержалась до последних веков государственной самостоятельности¹. Отличается от этих феодальных дворцов ранней поры царский дворец Квирике Великого близ Тианети своим многокомнатным планом.

Примечательно, что ряд отмеченных характерных черт этих дворцов, как вопрос постановки на возвышенном месте с широко раскрывающимся видом, наличие больших, от пола поднимающихся, оконных проемов, наконец, применение украшения зал резьбой по дереву, лепкой по штукатурке и росписью, а также деревянными столбами, отмечен и установлен был акад. Н. Я. Марром также в отношении царского дворца в вышгороде столицы Армении X—XI вв., г. Ани — его отдельных зал. Один из них, большой, названный Марром базиличным, зал дворца имел несомненно деревянные колонны, а другой был украшен лепкой и росписью, в то же время как из третьего («архитектурного») открывался вид на весь г. Ани².

С другой стороны, небезынтересно оттенить, что в Азербайджане средневековые замки придерживаются иного архитектурного образа. Можно сказать, что они являются параллелью к замкам Франции или Андалузии с их правильной четырехугольной планировкой крепостных стен и башенным жилым «донжоном» во дворе их³. Тогда как вышеописанные зам-

¹ Интересно напомнить, что открытые террасы и открытые наружные лестницы мы повстречали в двухкупольной Гурджаанской, в купольной Вачнадзланской Квела-Цминда и в карталинской церкви с. Цирколи — все в памятниках VIII и IX веков; исследования Л. Д. Рчеулишвили устанавливают наличие наружной лестницы на хоры также и в ц. X века в сел. Лыхне в Абхазии.

² Н. Я. Марр, Ани, 1934, стр. 68—70. — А в краткой сводке в моем очерке «Город Ани» (журн. Орион, Т. 1919, № 3, стр. 75—77) и в Отчете Анийского музея древности за 1916 г. (Анийские древности, III), Пгг. 1918, стр. 21.

³ Ряд статей разных авторов о замках Апшерона в сборнике: Архитектура Азербайджана, Эпоха Низами, М.-Баку, 1947. — Е. А. Пахомов, Старинные обо-

ки феодалов Грузии составляют параллель к замкам средневековой Германии или Швейцарии с их планировкой сообразно холму или горному пику, на котором они возведены с крепостной стеной, защитными башнями, палатами, капеллой замка.

И действительно, подходы к организации палат в средневековых, романского времени дворцах Германии и Швейцарии представляют ближайшие параллели к художественному решению задачи, как она дана в рассмотренных выше дворцах. Они также выделяли второй этаж, как основной, парадный, при котором собственно службы, жилые помещения располагались в нижнем. Помещения дворца размещались по плану в одну линию; главный зал открывался высокими и широкими арочными проемами по всей длине фронта; для восхождения в парадный зал служила парадная, открытая лестница по тому же фронту с края, или в центре; имеется применение ряда деревянных, украшенных столбов в том же парадном зале при деревянном же плоском потолке ее. О расположении на возвышенности с открытым видом и говорить нечего¹.

После такого сопоставления рассмотренных выше дворцов кахетинских феодалов раннего средневековья с дворцами средневековья ро-

манского средневековья (Труды Института истории АН АЗССР, т. I, Баку 1947). С. А. Дадашев и М. А. Усейнов, Архитектура Азербайджана, М. 1948.

¹ Таковы черты, напр., дворцов в Госларе, в Вартбурге и др. Так, Отто Пипер пишет в своей основной книге *Burgenkunde*, 1895, гл. XIV, стр. 437—440 о больших романских императорских и княжеских дворцах в Госларе, Мюнценберге, Гельнхаузене, Брауншвейге, Вартбурге, Эгере, Вимпфене и Зелингенштадте, что это «длинное представительное сооружение с верхним этажом, который целиком или во всяком случае в большей части занят большим, освещенным красивыми двойными окнами «рыцарским залом». Перед ним часто располагается по дворовой стороне галерея или перекрытый балкон (Laube), а в зал ведет открытая лестница в один или два рукава». Относительно дворца в Госларе 1050 года он пишет: «Имея 57 м длины и 18 м ширины, он включал в единственном верхнем этаже (Obergeschoss) зал в 7 м высоты, 45 м длины и 16 м ширины и по обеим фронтонным сторонам, рядом с ним, — по коридору с аванзалом, доступным по большому двойным открытым лестницам. Зал освещался только с фронта посредством 7 больших троечастных оконных групп» (438). О нижнем этаже возможны лишь предположения, а именно: «три помещения для ежедневного обихода, — посередине столовая, с подобным кухне устройством и большим очагом, справа комната для женщин, слева — место для нахождения мужчин, а рядом с ними несколько узких сводчатых помещений, служивших спальнями и кордегардией. В Эгере под этажом с залом (служившим для

манской эпохи в Германии и Швейцарии особенно интересным и ценным становится вопрос о более твердом и четком установлении времени возведения их. В этом вопросе прежде всего оказывает помощь сводка по периодам черт в церковных памятниках Кахетии, которая была сделана в IX главе.

Мы видели, что за исключением кое-где имеющихся дополнительных небольших дверей и небольших служебных окон с плоской перемычкой, все проемы дворцов завершаются арками. Арки эти различных форм. С одной стороны, имеются в Некреси, Череми и в Ванте подковообразные арки, а в Кветера, Вачнадзиани, Велис-Цихе и Тианети, с другой — слегка овальные со столь же легким изломом их. Мы видели, что оба эти типа арок встречаются параллельно в церковной архитектуре Кахетии; при этом подковообразная арка, употребление которой длилось веками, кончает свое пышное применение в IX веке; мелкие примеры для X века показывают, что она собственно уже отмирает. Рядом с этим употребление овальной с легким изломом арки также само по себе не говорит о более позднем времени, ввиду того, что эта форма как раз в VIII—IX веках была оценена в своих особых декоративных качествах, а затем и в X веке особенно продуманно формирует впечатление

официальных государственных актов, празднеств, банкетов) находились складские камеры, комнаты для прислуги, место заключения и, может быть, также конюшни. Нижний этаж имел, как правило, ради осторожности, освещение только окнами типа бойниц» (439). Ср. еще G. Dehio, *Geschichte der deutschen Kunst* Bd. I, SS. 302—7 и Abb. 233—239; а для Швейцарии Walter Laedrach, *Bernische Burgen und Schlösser*, Bern 1950. К сожалению, специальные исследования Uvo Hoelscher, *Die Kaiserpfalz Goslar. Geschichte Untersuchungen und Ergebnisse*. 190 SS. mit 16 Abb. im Text и 29 Tafeln, 1927; O. Schürer, *Die Kaiserpfalz Eger (Die deutschen Kaiserpfalzen, Band 2)*, Berlin, 1933, Chr. Rauch, *Die Kaiserpfalz Ingelheim*, 1935 и G. Schlag, *Die deutschen Kaiserpfalzen*, 1949 (той же серии) мне известны только по названию, а первое и по краткому изложению результатов исследования, сопровождавшегося раскопками в 1913—14 и 1921—22 гг., приведенному в книге Carl Schuchhardt, *Die Burg im Wandel der Weltgeschichte*. Athenaeon-Verlag, Potsdam 1931. Оно вносит уточнение форм основных периодов строительства, начала XI и конца XII веков и т. д., также содержит указания и о других дворцах. Интересно, что эти здания носили наименование Palas от латинского palatium, т. е. и в этом отношении совпадают с нашим *پالاس* («палати»).

К стене дворца в Череми близкою параллель составляет так называемый дворец Теодориха⁴, собственно дворец конца VII или начала VIII века в Равенне (ad Calcem или in Calce), см. A. Colasanti, *L'art byzantin en Italie*, 1912 (и 2-ое изд. 1923), pl. 28 («fronte della Reggia ad Calchi»).

пространственности Алавердского собора. Так как наши дворцовые постройки, подобно зданию академии, являлись для своего времени сооружениями выдающегося значения, то естественно руководили ими не рядовые зодчие. Естественно, что они применили наиболее новое, тогда особенно оцененное в архитектуре, как эта овальная форма арок, например.

Помимо арочной формы и вопрос стройматериала построек также помогает в вопросе хронологического их определения. Если значительная часть всех рассмотренных зданий построена из одного материала — камня, то в двух дворцовых постройках, именно в Вачнадзианских палатах и в Бододжском дворце в Тианети, отдельные части их выведены из кирпича, имеющего при этом разный размер, но всегда крупный, в 30, 40 и более сантиметров сторона. Это — существенное обстоятельство. Мы знаем, что в VIII—IX веках в Кахетии выводятся постройки одновременно в этих двух материалах — одни части, определенно формованные и сравнительно ограниченные, складываются из кирпича, как, например, арки, другие же, как гладкие сплошные поверхности стен, из булыжника.

Именно в Вачнадзианском дворце отдельные части были выполнены в кирпиче, в то время как в целом он выведен из булыжника. То же самое имеет место и в одной, по-видимому, жилой, комнате Бододжского дворца в Тианети, устоявшей в большей мере, чем все остальные, т. е., возможно, что и в верхних частях других комнат был применен кирпич. В постройке поздней трехцерковной базилики около Вачнадзианских палат, которая по формам отнесена к последним этапам применения данной архитектурной темы, также был в качестве дополнительного материала применен тот же крупного калибра кирпич, как и в здании самих палат. Таким образом, этой разносторонней увязкой и построением Вачнадзианских палат мы должны отнести к IX веку, чем также подтверждается высказанное выше мнение, что зодчие палат были передовыми людьми века.

Не имея пока какого-либо материала, чтобы отнести тот или иной дворец или хотя бы здание академии к определенным годам или хотя бы десятилетиям того или иного столетия, мы имеем в особенностях сочетания стройматериалов и в формах примененных арок достаточно красноречивые показатели для отнесения всех построек, составляющих отдельные образцы разработки одного, так сказать замкнутого, выработанного по своему архитектур-

ному образу, типа, к сравнительно небольшому хронологически и выделенному, как отдельный период развития архитектуры в Грузии, времени с середины VII и до середины X века, т. е. короче и упрощеннее говоря к VIII—IX векам.

Итак, зодчие Кахетии создали в древней дворцовой архитектуре совершенно иной художественный подход, чем в церковной, вполне посчитавшись с особенностями ее. Они отказались здесь от применения сводчатого каменного перекрытия и перешли на плоское деревянное, вероятно, украшенное, т. е. до известной степени имеющее себе предтечу в крестьянских же дарбазах. Подобно этим они применили — кажется, сомневаться в этом нельзя — деревянные столбы. Новые задачи выдвинули новые, отличные решения. Но эти решения являются не менее целостными и законченными в себе, чем решения задач церковной архитектуры, памятники которой в таком изобилии сохранились до нас в отличие от памятников дворцовой и даже крепостной архитектуры. Вот почему, несмотря на всю фрагментарность и обрывочность материалов по древней дворцовой архитектуре, возможно полный показ их является исключительно богатым по результатам. Насколько же эти примеры дворцовой архитектуры являются художественными произведениями и притом определенными решениями художественных заданий, а не простым и прямым ответом на зародившуюся реальную, жизненную потребность, выясняется противопоставлением им тех материалов, которые приведены по крепостной архитектуре. Даже этот очень не систематический и не исчерпывающий материал, подкрепленный частично обмерами и фотографическими снимками, в силах показать всю непреодолимую пропасть между этими требованиями, продиктованными только утилитарными требованиями защиты и свободными художественными композициями дворцов. И это — несмотря на то, что в обеих группах имеется такой характерный общий момент, как отсутствие сводчатых перекрытий и замена их плоским деревянным. Примеры дворцовой архитектуры, рассмотренные выше, суть именно совершенно обособленный и законченный художественно-архитектурный феномен, как в отношении интерьера здания, так в значительной мере и фасадного облика.

Переходя к обобщению данных о дворцах позднефеодальной поры в Кахетии, прежде

всего следует подчеркнуть особенную фрагментарность материала.

Рассмотренные несколько примеров дворцовых построек эпохи нового кахетинского царства, как об этом красноречиво говорят отдельные архитектурные их формы, частично композиционное построение, а также размер и калибр кирпича, нельзя непосредственно связать между собою, как и нельзя для каждого из них предложить точную или более или менее определенную дату. Попытка привести те или иные соображения для их датировки имеет только самое общее и вполне предварительное значение.

Одна группа дворцового назначения зданий придерживается башенного решения. Сохранившиеся в Кахетии такие здания включаются в ансамбль крупных монастырских или епископских центров. С жилым, дворцовым назначением их соединяется еще возведение вверху киоска для колоколов. Таковы — построенная в ограде монастыря Ахали Шуамта для царицы Тинатин, жены Леона (1520—1574), башня, башня с колокольней в ограде Ниноцминдского кафедрала и около церкви Мтаварангелози в Грემи. К этой же башенной группе следует отнести более простое, иногда со значительным развитием оборонного значения этажей, круглые и почти квадратной площади четырехугольные башни, а также такую единичной формы с увеличенной удлиненной площадью невысокую четырехугольную башню в Кисисхеви, скорее всего возведенную в начале поздней феодальной поры.

Другую группу составляют дворцы, развитые по горизонтали, примыкающие к другим тенденциям древней грузинской архитектуры.

Как было указано, в Алванском дворце Цхра-Кара удержана планировка большого длинного зала со многими окнами, которые мы видели во дворцах раннего средневековья. Но при этом здание всего только одноэтажно. То же самое и в Ахметской Цхра-Кара. С другой стороны, во второй дворцовой развалине близ Алвани — дата которой, впрочем, совсем проблематична — сохранилась двухэтажность и уцелел мотив открытых парадных лестниц, как это подчеркнул еще акад. Броссе. Но несмотря и на эту преемственность мотивов, ни

один из только что представленных дворцов не приходится связывать с моментом удержания традиций предыдущей группы дворцовых сооружений. Перед нами явственно видимый разрыв в требованиях и во вкусах к создаваемым помещениям. Это отражается уже в киоске с низкой спальней дворца в Алаверди, где именно проявляется склонность к более интимным, низким, относительно небольшим, помещениям. Она со всей силой и отчетливостью сказывается во второй половине XVIII века, являя собой пример совпадения в художественном понимании жилых интерьеров с установками Европы того же времени. Многочисленные и яркие аналогичные примеры имеются в отделанных пещерных помещениях этой эпохи в Давид-Гареджа, ее различных монастырских комплексах. То же самое отражается и в дошедшем до недавнего времени в сравнительно мало разрушенном состоянии епископском каменном с деревянной отделкой двухэтажном доме, пристроенном к ограде Ниноцминдского кафедрала в ее северо-восточном углу и до колокольни (ср. табл. 397-b). Он был построен Саввой Тусишвили, Ниноцминдским епископом, в 1777 году¹. Савва пишет об этом следующее: "შემდგომად ზემოწერილისა მის ვილვაწე კვალად, და აღვშენე სასახლე ეკლესიისა ანის გალაგანსა შუა, ზღუდის კერძოდ, სამრეკლოსა და ბურჯს შუა, მარხის გვერდზედ. სასახლე ესე არს ქვითკირისა, ძირს არს სამი სახლი: ორი საწოლი, და ერთი დიდი; და ზედეთ სახლი სამი: თავსა და ბოლოს საწოლი და სამუალ აივანი ყოვლითა, და სრულითა თუსითა განწყობილებითა: და სასახლისა ანის წინარე, დაბლა და მაღლა, აივნები.

После вышеописанного вновь я потрудился, и выстроил дворец в ограде этой церкви, рядом с крепостной стеной, между колокольней и башней, около марины. Дворец этот каменный на извести, внизу три помещения: две спальни и одно большое; и наверху три помещения: в начале и в конце — спальни, а посредине галерея („айвани“) со всем своим полным оборудованием. И перед этим дворцом, внизу и вверху, галереи („айвани“)².

Этим последним звеном развития дворцовой архитектуры в самом преддверии XIX века, т. е. накануне момента соединения Грузии с Россией, был создан естественный мост от бо-

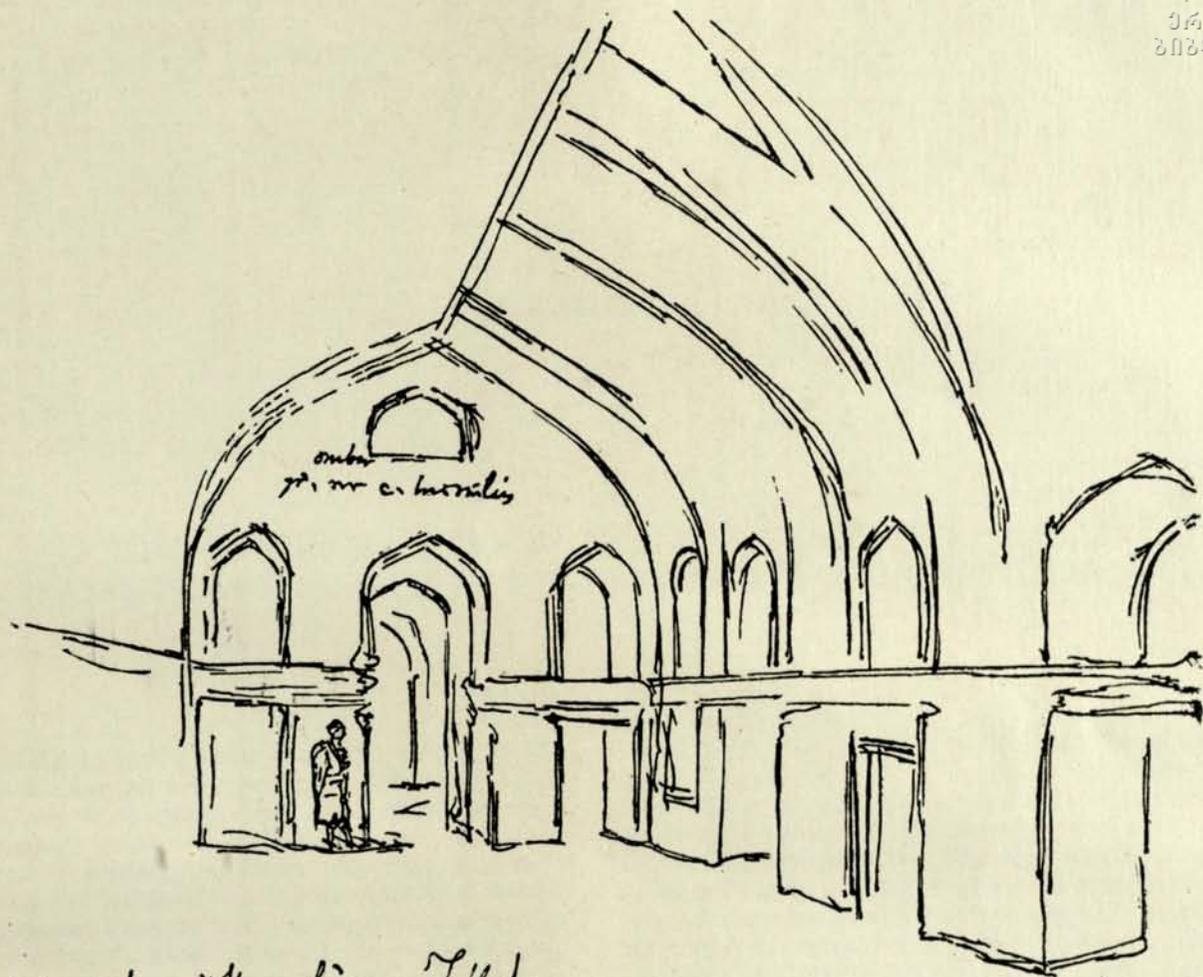
¹ Год построения устанавливается благодаря тексту завещания Саввы, именно прибавления к нему.

² Детальное исследование этого дворца проведено

Л. Д. Рчеулишвили подробным обмером, восстановлением и фотоснимками (Ars Georgica т. 3). Тб. 1950). Завещание Саввы Тусишвили издано с исследованием С. В. Барнавели (там же).

лее старых архитектурных форм и установок к
обще-европейским данной эпохи. Таким обра-
зом, на основе этого развития совершенно есте-
ственно вырос тот специфический тип жилой,
городской архитектуры, который обыкновен-

но именуется провинциальным классицизмом.
Вместе с этим и в Грузии первой половины
XIX века архитектура знает естественно вы-
росший на своей основе, из своих традиций,
вариант теперь уже обще-европейского стиля.

le des palais d'Heracles a Tbilisi

ГЛАВА XII

ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ АРХИТЕКТУРНЫХ КОМПОЗИЦИЙ КАХЕТИИ И ИХ ОТНОШЕНИЕ К ГРУЗИНСКОЙ АРХИТЕКТУРЕ В ЦЕЛОМ

На протяжении всего настоящего исследования я выделил архитектуру одной части Грузии, самой восточной, именно Кахетии, и подчеркивал самостоятельность ее, как целого в пределах всего грузинского искусства. Я иллюстрировал лишь в некоторых, особенно показательных случаях соотношение ее феноменов к общегрузинским. Вообще же в изложении своем стремился держаться строго в рамках специально архитектуры Кахетии. Теперь надлежит возратить этой искусственно выделенной части грузинского искусства ее связь с ним, установить взаимное их отношение и тот вклад, который выясняется настоящим исследованием, как вклад архитектуры Кахетии в общегрузинскую, а затем и вообще в христиан-

скую. Для этого установления нам придется, конечно, прежде всего производить как бы общее резюме из методов, приемов и форм кахетинских памятников, чтобы затем сопоставлять их с общегрузинскими. Таким образом, в настоящей заключительной главе методологическое выделение одной географической группы памятников получит как свое общее обоснование еще раз, так и отмену и включение в общую систему с показанием занимаемого этой группой места в ней. Кроме того, мне придется коснуться еще и армянской архитектуры, поскольку Стриговским дана попытка аналогичного обобщения ее художественных ценностей.

1. МАТЕРИАЛ, ТЕХНИКА И ПРОИЗВОДСТВО РАБОТ

Если в старой научной литературе, как общее правило, распространен взгляд, что архитектура на Кавказе, в Грузии и Армении, есть чисто каменная архитектура (только Кондаков отметил на стр. 13, что церкви Грузии об-

лицовывались тонкими каменными плитками), то последнее исследование Стриговского настаивает со всей силой новооткрытой веры на том, что вся архитектура Армении и Грузии есть чисто облицовочная архитектура по тол-

стому ядру бетона (Verblendungsarchitektur und Gussmauerwerk)¹.

В связи с этим и в техническом отношении Стриговским подчеркнуто, что вся система сводчатых перекрытий производится бетонной литой массой по палубе, а не кладкой без кружал, как до сих пор скорее всего предполагалось.

Таким образом, уже это положение вопроса в специальной литературе обязывает нас несколько задержаться на нем; тем более, что обзор значительного числа архитектурных памятников на протяжении полутора с лишним тысячелетия дает нам по этому вопросу интересный и достаточно богатый материал.

1. Строительный материал.

Строительный материал, который применяется в архитектуре Кахетии, состоит — как мы видели — в различные эпохи из разных частей. Однако основным можно считать булыжник. Из него складываются и льются здания. В последние же века всплывает новый материал, — видимо, под влиянием персидского строительства — кирпич. Но появление в эту позднюю эпоху кирпича хотя и имеет внешним толчком персидское влияние, все-таки не есть нечто совершенно чуждое, извне привнесенное, навязанное. При широком керамическом производстве Кахетии с ее залежами первоклассного материала (обладающего в некоторых пунктах всеми важными качествами каолина) вполне естественно, что уже и в древнее время были произведены по собственной инициативе попытки применения в строительном искусстве кирпича. Если, однако, кирпич не получил распространения, то это объясняется требованиями красочного ансамбля, которым он не удовлетворял (об этом ниже). Таким образом, довольно естественно произошел все-таки переход к кирпичу в последние века по образцу персидского зодчества того же времени, ибо и специфическая окраска его закрывалась штукатуркой.

Помимо булыжника для возведения стен употреблялся уже с древнейшего времени и особый пористый камень (травертин), который резали более или менее правильными плитами или квадратами и выкладывали углы здания (снаружи и внутри), дверей и окон. Он же сплошными плитами применен был в среднюю эпоху для покрытия сплошь стен церквей как

снаружи, так и внутри. Этот камень на месте именуется «ширими».

Для сцепления строительного материала применялась известка, в которой значительную примесь составляют осколки камня, гравий и т. п.

Употребление такого простого строительного материала как булыжник, особенно сильно заставлял зодчих концентрировать свое внимание на архитектурных формах создаваемых пространств, без возможности их скрасить, разнообразить и т. д. декоративной стороной материала. Бесцветность, нейтральность материала привела только к равномерной кладке из подобранных, равномерных камней (ср. Зегани, Гурджаани и др.). Эта кладка создает значительное спокойствие, величавость.

Применение на углах плит ширими, слегка оттеняющего эти места, привело в среднюю эпоху к кладке со сплошными фасадами из таких плит. Но и этот материал не пригоден для скульптурной декорации, а потому и в нем архитектура Кахетии почти ничего не выиграла в декоративных возможностях.

Наконец, и материал построек последнего периода — кирпич — в указанном отношении совершенно отвечает материалам, применявшимся до него. Одно у него было отличие — кирпично-красный цвет, так не подходивший к привычной, изысканной скале цветов грузинской архитектурной практики. Но здесь пришел на помощь метод побелки зданий, который нейтрализовал диссонанс цвета кирпича.

2. Строительная техника.

Из означенного материала или, вернее, его средствами кахетинские зодчие и создали свои — по преимуществу — архитектурные произведения. Прежде всего сообразно постановленным в литературе вопросам нам необходимо остановиться на разборе того, как распределялся материал в кладке. Это-то и есть решающий пункт всего достижения.

Мы прежде всего должны, конечно, остановиться на постройках наиболее типичных для Кахетии, т. е. относящихся к VIII—IX векам, ибо они сохранились лучше более ранних и не имеют еще элементов явно постороннего влияния, как более поздние. Памятники эти, как видно и по приложенным выше фотографиям, выведены таким образом, что по наружным поверхностям стен мы видим ровные ряды (подобного, быть может, даже) булыжника, скрепленного густым слоем известки, в которой

¹ J. Strzygowski, Die Baukunst der Armenier 1918, SS. V, 1 ff., 207 ff., 215, 573—4, 670.

в свою очередь много и крупных осколков каменных, и гравия. Но эти булыжники не являются облицовкой, а стены выводились несомненно сразу от внешних поверхностей во всю толщу. Но внутренние части стен, хотя, таким образом, являются не вполне бетонной массой, а как бы кладкой, клались не таким регулярным образом, а скорее случайно с еще значительно более густым, основным для кладки слоем известки¹. Благодаря этой сплошной системе возведения, которую, однако, только с оговоркой можно назвать кладкой, здания оказались чрезвычайно устойчивыми и крепкими².

Такой же метод применялся, как видно, на отдельных не скрытых реставрациями частях и в постройках начального периода, а равно и последующего. Что и постройки X—XII веков, в которых мы видим все стены покрытыми ровными плитами ширими, были также сразу целиком сложены, как и стены в зданиях предшествующих эпох, видно очень хорошо на церкви Кветерской крепости, где значительные части внешних стен откошились, а все-таки и в глубине имеется тот же материал. Это положение подкрепляется также косвенно: сильно и неоднократно разрушавшийся от землетрясений Алавердский собор имеет отдельные части, сложенные совершенно заново, но в уцелевших древних частях вовсе не находится поврежденных, которые бы показали, что здесь была тонкая облицовка стен, выведенных независимо. Даже нет того, что предположено Стриговским для Армении, а именно, что наружные плиты служили как бы формой, в которую вливали бетон³. В Алавердском соборе характерно и то, что верхние комнаты восточной части внутри сложены из булыжников, положенных рядами, т. е. эта кладка из булыжника и из плит ширими по фасадам слита была в одно целое. Таким образом, здесь несколько шире применен тот же прием соединения обоих материалов, который уже был в ходу и раньше на углах или по обрамлениям окон, дверей и т. п. Но само по себе это соединение не обязательно, как видно на примере Кветера.

¹ Особенно хорошо это прослеживается в развалинах большой базилики выморочного селения Наткора близ г. Телави.

² Здесь нельзя не отметить, что именно так характеризовал ассистент Стриговского Dr. Heinrich Glück отличное свойство построек сасанидских дворцов (Сарвистан, Фирузабад) или христианских храмов (Керук), soweit sie dem persischen Gebirgslande angehören in einer Art ausgeführt sind, die dem Gussmauerwerk, was das Material anlangt, wohl nahesteht, sich aber in der Technik unterscheidet. Die Mauern werden wie die Ziegelmauern gebaut und

Наконец, и здания последнего периода, когда единолично, можно сказать, царит кирпич, как строительный материал, строены тем же способом сплошной вязанности через всю стену.

Таким образом, в Кахетии приемы несколько отличны от Армении, и даже от остальной Грузии, так как постепенный, но непреклонный поступательный ход развития, сообразно которому первоначально очень тонкий слой внутренней бетонной заливки становится все толще и толще и лицевые камни кладки уступают место сравнительно тонким, почти облицовочным камням, исполнявшим при построении роль формы, в которую заливалась бетонная масса, в Кахетии не наблюдается с такой четкостью. В Кахетии кладка сохраняет скорее характер приемов начальных памятников грузинской архитектуры, когда посреди толстых наружных слоев стены, выполненных идущей строгими рядами кладкой камня — булыжного или квадров ширими — создается заполнение из мелкого камня и осколков его в сравнительно толстом слое известковой заливки⁴. Интересно, что один из наиболее близких к Картли грандиозных древнейших памятников Кахетии, который мы поневоле должны были сопоставлять с памятником Картли — малой церковью Джвари Мцхетского — именно Ниноцминдский кафедрал, был выведен из крупных квадратных плит с тонким слоем бетонной заливки внутри стен, т. е. в нем сказались еще в полной мере общие приемы всей грузинской архитектуры начального времени, поскольку условия строительного материала позволили применить и здесь совершенно и полностью тот же метод.

Таким образом, мы видим, что уже в этом пункте кахетинские зодчие действовали вполне применительно к особенностям своей страны. Исходные характерные приемы, между прочим, свойственные для всей Грузии и являющиеся общими и для построек северного Ирана в сасанидский период, здесь оказались определенно вызванными к жизни на все время развития архитектуры в Кахетии.

nicht gegossen. Dies zeigt sich darin, dass die eigentlichen Verbindungswände, zwischen die gegossen wird, fehlen und auch die äusseren Steine der Mörtelbindung nicht entbehren (ib. I, 1, 353). Стриговский же за две страницы раньше считает дворцы в Фарсе за Gussmauerwerk mit Verbiendung (I, 354).

³ Strzygowski, I, стр. 554 — 555.

⁴ Strzygowski, I, стр. 354 и 355 отмечает, что таков же характер строений в Малой Азии, в Фарсе, в Мшатте и в Хатре (ср. выше прим. 2).

Но кроме того, помимо согласования особенностей этой своей каменной архитектуры с данными страны, мы не можем не отметить, что вся архитектура была *κατ' ἐξοχήν* каменной. Применение дерева в строительной технике отсутствует совершенно, и это несмотря на то, что Кахетия, как и вся остальная Грузия, чрезвычайно богата буковыми, дубовыми и другими породами деревьев и большими лесами. Тем не менее монументальная архитектура Кахетии, а также всей Грузии, есть только каменная, где дереву не было места¹. Это определенный художественный отбор, то, что Alois Riegl назвал *Kunstwollen*. Конечно, для дополнительной отделки шло и дерево, несомненно, резное дерево (двери, колоды, возможно, столбы в верхних дворцовых залах), но, кроме того, в широких размерах дерево шло и для создания кружал, палуб и т. д., как вспомогательный при построении механизм: это еще раз подтверждает то положение, что здесь мы имеем дело с определенным художественным подходом.

Показательным является то, что вся эта архитектура была сознательно каменной, а не случайно или принудительно стала таковой, т. е., что всё соотношение частей зданий, приемов и материала постройки было рассчитано именно для камня и в камне; особенно характерным является толщина стен, не говоря уже о таких совершенно переходящих в художественную оценку отношениях, как пропорции созданного пространства и т. п., о которых ниже. Мы видели, что толщина стен редко достигает одного метра и только в качестве исключения превышает один метр. Такое же положение имеется и в остальной Грузии в отличие от Армении, где толщина стен древних храмов колеблется между 1,20 и 1,40 м.²

Рассмотренный и охарактеризованный прием возведения стен является характерным и для других частей здания. Таким же способом возводились отдельные опоры, каковыми в Кахетии, как и в остальной Грузии, служат столбы и лишь в некотором ограниченном круге памятников круглые в сечении столбы.

Перекрытия производились тем же методом.

¹ В труде Стриговского так говорится о лесном богатстве Грузии, как будто оно отразилось и на ее архитектуре (ср. стр. 209, написанную Н. Glück-ом) так же впрочем там говорится и о «грузинской кирпичной архитектуре» (стр. 208).

² Strzykowski, I, стр. 212 — 213.

³ Зегани, Гурджаанская Квела-Цминда (хоры).

⁴ Напр., купольная церковь Дзведи Шуамта (угло-

Они имеются в двух видах — свода и купола. Для возведения их применялись кружала и опалубки. Совершенно несомненно, что своды ближе всего подходят к понятию литого бетонного свода. Хотя нужно прямо отметить, что он создавался, как и стены, путем кладки, обильно залитой известкой. Эта правильность кладки в отдельных случаях видна совершенно ясно³, как равно в других совершенно выявлена бетонная литая по палубе форма с острыми углами и т. д.⁴ Несомненно, что кружала и палубы укрепляли на балках в гнездах, ибо нередко эти гнезда сохранились при пяте свода.

Интересно, что свод слагали по палубам не сразу во всю его длину, а по отрезкам. Так получается фуга, делящая две соприкасающиеся части свода. Этот же прием возведения по частям здания не только вверх, но и в его протяжении в ширину, является типическим в Кахетии⁵. Этот же прием, несомненно, обусловил и излюбленный метод возведения частей здания, напр., боковых нефов в базиликах, вприклон к основной его части; далее — возведение частей зданий и, в частности, сводов на арках, перекинутых по приложенным к стене столбам. Уверенность зодчих была столь велика, что они спокойно предпринимали такие довольно рискованные и совершенно не убедительные шаги в ходе строительных работ.

Конечно, для укрепления крыши во всех постройках применялся все тот же общий материал. По сводам делалась сплошная забутка на два ската (или шатровая на куполе), по которой накладывались заливкой керамические черепицы. Лишь в последнюю эпоху входят в употребление и каменные лещадные плиты. Конечно, в таких грандиозных постройках, как Алавердский собор, устраивались еще вторые своды под крышу, в которых можно ходить. В Алаверди, например, было возможным сменить толщину свода конхи его, равную 30 см. Установки кровли поверх забутки служили вместе с тем и большей крепости коробового свода, нагруженного особенно сильно в замке и у пяты, благодаря чему он делался устойчивее.

вые комнаты), трехцерковная базилика мон. Вачнадзианской Квела-Цминда, Гурджаанская Квела-Цминда — с.-в. нижняя комната; базилика Иоанна Зедазенского, и др.

⁵ Трехцерковная базилика Саба-Цминда в Кардахи или купольная Вачнадзианская Квела-Цминда, и др. Шуазни поясняет этот прием, как экономический (*L'art de bâtir chez les Byzantins*, 1884, p. 19 — 20).

3. Производство строительных работ

О самом производстве строительных работ мы, к сожалению, прямых документальных данных не имеем. Но зато в значительной части показательны сами постройки, да и общность условий с остальной Грузией и Арменией совершенно ясна¹.

Почин в возведении тех или иных храмов принадлежал царям, крупным светским или духовным феодалам и, наконец, той или иной общине. И сообразно материальной обеспеченности их должны бы различаться и сами заказы. Но этого утверждать пока что мы не имеем достаточных данных. Ведь Вачнадзианский монастырь Квела-Цминда с его двумя громадными храмами, выстроенными вскоре один после другого, несомненно постройка, вызванная к жизни не вкладами царского рода, а местными феодалов. Между тем по грандиозности замысла, особенно купольный храм монастыря, является достойным предшественником Алавердского собора. С другой стороны, такие монастыри, как Дзвели Шуамта или Некреси, при всех своих незначительных размерах все-таки явно показывают продуманность и художественность работы. Только отдельные храмы, построенные явно самими общинами, как значительное число базилик и так наз. трехцерковных базилик, действительно не в силах соревноваться с постройками царей и крупных феодалов.

Самое место, где предполагалась постройка храма и создание целого монастыря, выбиралось не случайное, а всегда — этому учат различные памятники — по определенным признакам. Признаки эти — красота местоположения прежде всего; место это могло быть близко от населенного места, прямо в центре его или за много верст в горах, но оно всегда обладало качествами красивого пейзажа и всегда наличия вблизи, если не прямо там же, родника. И сообразно избранному месту, — иногда здесь приходилось, конечно, несколько выравнять естественную площадку, — создавались сами строения. Они так или иначе сливались с местностью, входили в нее как органическая часть, вкомпоновывались в пейзаж. Эту сторону я

¹ Сводка большого материала из письменных источников дана акад. И. А. Джавахишвили, Материалы по истории материальной культуры грузинского народа, том I: Строительное искусство в древней Грузии, Тб. 1946, по-груз. (посмертное издание, подготовленное к печати проф. И. В. Абуладзе). — Книга же Д. М. Мшвениерадзе, Строительное дело в древней Грузии, Тб. 1952, как и отдельные его докла-

старался в каждом отдельном случае отметить в описании. Напомню несколько наиболее ярких примеров, кроме названных уже двух монастырей — скрытого в густой зелени, маленького, интимного монастыря Дзвели Шуамта и поставленного тоже в густом лесу, но уже на краю утеса, Некресского монастыря с его вытянутыми вверх формами, особенно куполом одной из церквей, кажущимся издали второй башней. Так, Гурджаанская Квела-Цминда расположена на склоне горы над ущельем реки, подход к ней из селения поверху идет прямо к восточному фасаду ее небольшим спуском — несомненно это создает определенный художественный эффект. То же самое и в монастыре Квела-Цминда близ Вачнадзиани, расположенном километрах в 10 от селения, высоко в горах. Но подход к площади монастыря, в чащу леса, немного вниз, где и открывается монастырь сразу весь только тогда, когда к нему подойдешь вплотную: это все подход художественных исканий, а не какой-либо случайности. То же самое и в других местах, как в Матанском монастыре Цхра-Кара, в Хашминской Самеба, в Натлис-Мцемели близ Алвани и около Сабуз, в Зедазенском монастыре, в Акура или в Санагирэ, в Саба-Цминда Карданахском, в Зегани, в Кондамиани, в Сапариса подле Цинандали, в Давитиани, в Икалто и т. д. Об Алавердском соборе говорить не приходится, ибо это пункт миссионерской деятельности древнейшего аскетствующего времени, как и все пещерные монастыри Гареджийского многогорья. Но на этом месте создан храм, который определенным образом согласован — он виден отовсюду, он был знаменем Кахетии; само же местоположение монастыря было избрано вне поселений.

Следовательно, в совокупности художественных ценностей каждого здания грузинской и, в частности, архитектуры Кахетии определенное место занимает и весь ансамбль постановки здания. Он всегда строится как одно связное целое, и мыслится грузинско-зодчим только так, т. е. только в данном единственном месте и времени может быть поставлено это здание и притом только это и никакое другое.

ды, статьи и брошюры на эту тему, к сожалению, с одной стороны, являются сокращенным пересказом существующей литературы или сообщений, а с другой — где автор высказывает собственные заключения или наблюдения — слишком поспешны и часто грешат фактическими неправильностями. — Ряд сведений из армянских историков приведен у Стриговского, т. I, стр. 219.

Таким образом, мы вплотную подошли к вопросам: как создавались постройки? Имели ли они специальных архитекторов в качестве руководителей? Ответ на это после всего исследования, конечно, ясен. Разумеется, каждая из более или менее сложных построек имела архитектора, такая, напр., как Зеганская трехцерковная базилика. Но мало этого: совершенно не подлежит сомнению, что такие церкви, как Вачнадзианская купольная Квела-Цминда имела во всех деталях разработанные чертежи для постройки. А на колокольне Ниноцминдского кафедрала мы даже видели, что размер кирпича является определяющей единицей всех пропорций и разделки ее. Именно, сообразуясь и исходя из размера кирпича скомпонована архитектором вся колокольня, представляющая строго рассчитанную и в соответствии с этим выведенную постройку.

Итак, факт наличия художника-архитектора, составившего сперва чертежи здания и затем руководившего постройкой, совершенно несомненен, так же, как это имеет место и во всей грузинской архитектуре. К сожалению только, до сих пор нигде не обнаружены такие чертежи и даже более того, остается совершенно неизвестным — какая была у наших зодчих единица меры¹. Так же точно неизвестно, каково было соотношение между архитектором (в теперешнем понимании слова) и мастерами; каково было социальное их положение; было ли объединение в какой-либо организации,

2. ТИПЫ ПЛАНОВЫХ КОМПОЗИЦИЙ И ОТДЕЛЬНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ПЛАНЕ ЗДАНИЙ

Рассмотренные нами в настоящем исследовании по группам памятники представляют картину сложных исканий композиционного порядка. Представляя вместе с тем обзор памятников архитектуры этой части Грузии с древнейшего времени и до XVIII века, это как

¹ На основании нескольких памятников дофеодалного времени И. Н. Цицишвили, О линейных мерах древней Грузии (*Сообщения АН ГССР*, IX, № 5, 1948), выдвигает утверждение, что основной линейной мерой был «локоть», близкий к 52 сантиметрам, затем «большой локоть», а позднее другие единицы меры.

² См. замечания Aug. Choisy, *L'art de bâtir chez les Byzantins*, Paris 1883, ch. XV. Только мельком касается этих вопросов Ш. Месхиа, К вопросу организации ремесленного производства и труда в грузинских монастырях X—XII вв. (Мимомхилвели, I, 1949). Теперь углубленный материал дает P. du Colombier в своем исследовании (*Les chantiers des Cathédrales Les trésoriers, les architectes, les maçons, les sculpteurs d'après les textes, les miniatures, les vitraux, les sculptures*. Paris 1953) относительно За-

совместно с другими и т. д.³ Наконец, не определено и то, на каких условиях производились сами работы. Для Кахетии дело осложняется еще тем, что и сами памятники ничего нам не говорят по этому поводу. В остальной же Грузии колоссальное разнообразие орнаментальных украшений отдельных храмов и часто различное мастерство, ясное в них, позволяют заключить, что в числе артели были мастера, которые исполняли на свой страх и риск, исполняли по своему почину отдельные художественные части в постройке без специального данного архитектором для воспроизведения разработанного образца.

Сведения о длительности строительства отсутствуют не только для Кахетии, но и вообще для Грузии, если не считать единичных сведений в надписях Болнисского Сиона или Ошского храма, и древнейших записей в хронике «Обращение Грузии». Только Пл. Иоселиани отмечает один раз попутно при рассказе о достройке и освящении в 1863 году Троицкой церкви в Тбилиси, что «купол не достроен, по принятому издревле грузинскому архитектурному правилу не надстраивать его ранее семи лет; и потому он накрыт пока досками»³. Сроки такого выжидания окончательного сцепления кладки в единый бетонный массив — несомненно должны были выработаться. Приравнивание их к «священным» числам более чем естественное явление.

бы говорит уже об известной полноте представленных исканий и композиционных течений вообще. Вот почему является совершенно необходимым настоящим обобщающее рассмотрение различных типов плановых композиций; оно может и должно выявить и выяснит не только типы и их соотношение между собой, но и

падной Европы (преимущественно Франции, Германии, Англии), где отдельные явления явно в корне отличны от грузинских условий. Он устанавливает многое такое, что можно предположить и для Грузии, так, напр., что дифференциация на каменщиков, каменотесов, мастеров, архитекторов, подрядчиков вырабатывается очень медленно, т. е. примерно до XIV—XV вв. нет фактически различия функций, специализации, а наблюдается текучесть занятия одного и того же лица; равно выделение специального объединения (*Hütte, cassina, tabernaculum*), организации франк-масонов — тоже позднее явление; отмечает, что строитель б. ч. не обладал техническими знаниями, и др.

³ Пл. Иоселиани, Описание древностей г. Тифлиса, 1866, стр. 84.

основные принципы вообще плановой композиции, как главнейшей, определяющей.

Кроме этого цельного замысла характерным и показательным являются отдельные элементы, встречающиеся в совершенно различных планах. А между тем такое нахождение общих элементов характерным образом окрашивает всю архитектуру. Поэтому помимо общего рассмотрения типов плановых композиций нужно будет остановиться также и на рассмотрении некоторых таких общих элементов. Они распадаются, как видно на первый же взгляд, на две группы. Во-первых, главное, что такие элементы могут быть органическими частями оформления пространства; во-вторых, нельзя упускать из виду элементы в планах, которые имеют главной задачей своей служить декоративной отделке здания. Обе группы необходимо разграничивать и так и рассматривать их.

Намеченное обобщенное рассмотрение плановых композиций в целом и в отдельных их элементах вызывается также и исследованием армянской архитектуры Стриговского. Он впервые не только подчеркнул и оттенил, но с настойчивым упорством утверждал, что заключающийся в исследованных им памятниках кавказской архитектуры запас различных типов плановых композиций представляет законченный набор их, т. е. такую серию, в которой в е с ь минимум необходимых звеньев налицо. Конечно, и он допускает возможность других еще композиций из положенных в основание при создании на Кавказе форм христианской архитектуры, но полагает это скорее только принципиально, на практике же находить развитие форм логически исчерпывающим¹.

Кроме того, и в отношении некоторых отдельных элементов исследование Стриговского вызывает недоумение и требует поэтому рассмотрения заново. Таким образом, и в видах постановки исследования искусства Кавказа, как части всего христианского искусства, на более широком фактическом материале, чем доступный Стриговскому, мы должны подойти к стоящему перед нами вопросу, — вопросу, который естественно родился из внутренней логики исследования.

1. Плановые композиции в целом

Архитектурные памятники Кахетии представляют значительный набор различных

групп. На первом месте стоит, как и во всей восточно-христианской архитектуре, купольная архитектура. В ней видно громадное разнообразие планов, требовавшее во многих случаях уже некоторого общего теоретического, принципиального рассмотрения в дополнение к анализу отдельного памятника.

Другую группу составляют некупольные храмы двух типов — настоящие базилики и затем мною называемые трехцерковные базилики, — представленные несколькими незаурядными памятниками и затем большими сельскими церквами.

Третью вполне законченную самостоятельную группу составляют дворцовые постройки, которые для древнего времени (IX—XI века) представляют вполне обособленную архитектурную форму.

Наконец, четвертую композиционную группу составляют колокольни, где применяются отдельные элементы предыдущих групп.

Если рассматривать купольные храмы Кахетии в отношении их планов, то сразу станет ясным тот основной принцип, который определяет отличие древних композиций от новых. При этом нельзя упускать из виду, что новые композиции в Грузии относятся во всяком случае уже к X веку, если не к IX, а подготовка, выработка их начинается еще за много раньше. Древние церкви исходят из утверждения купола на самих внешних стенах здания, новый же принцип ищет изоляции опор купола и создания столбов, причем лишь очень медленно здесь вырабатываются для разных эпох и различные типы.

В древних купольных храмах Кахетии, как и всей Грузии, характерным является прежде всего равнобедренный крестовый план. Он имеет ряд параллельных оформлений решения этой темы. Видным и значительным считаю тетраконховое решение. Один из древнейших, имеющихся в Грузии, тетраконов о четырех подковообразной формы абсидах сохранился в Дзвели Гавази; дальнейшим усложнением этого плана являются Ниноцминда и Дзвели Шуамта. На этих примерах ясной становится искусственность типологической последовательности форм у Стриговского, — названными объектами открывается ряд параллельных решений. Для триконха в простой и самостоятельной форме, как он сохранился в некоторых других местах Грузии² и в Ар-

¹ Die Baukunst der Armenier, I, 68—69, 70 et passim.

² Г. Н. Чубинашвили, История грузинского искусства, I, Т. 1936 г. (по-груз.), стр. 186—188.

04035340
04035340

мени,¹ не имеется, правда, сохранившегося примера в Кахетии, но наличие его и здесь в древности едва ли можно брать под сомнение, имея в IX и X веках применение этого мотива в купольной Вачнадзианской Квела-Цминда и в Алавердском соборе. Зато от древнейшего времени мы имеем в Кахетии постройку с двумя конхами (на восток и на запад) и двумя прямоугольными рукавами, перекрытыми конхами же, т. е. здесь интересный вариант на ту же тему, с своей стороны подтверждающий, что наравне с тетраконхом не мог не существовать и триконх.

Наконец, для древнейшей эпохи показательно, как купольная церковь простого креста по плану с тремя прямоугольными рукавами появляется в различных вариантах. Наравне с совершенно простой в наружном облике, миниатюрной церковью св. Марины близ Зегани, где крестообразный план вполне передан, существуют другие с иной формы наружными массами. Таковы две церкви, имеющие восьмигранник снаружи (Давитиани и Вачнадзианская Свети-Цховели) и затем Самеба в Икалто, где к основному квадрату на восток прибавлена абсида с глубокими высокими абсидальными нишами по бокам (своеобразный вариант триконха), а на запад притвор, благодаря чему церковь является сильно вытянутым с востока на запад наружным прямоугольником.

Таким образом, для древнейшей эпохи, не смотря на кажущуюся простоту, немногосложности темы плана простого равноконечного креста, мы находим в Кахетии несколько основных форм и затем ряд усложнений для плана простого тетраконха. В этом сказывается живой, активный творческий дух кахетинских архитекторов древнейшего уже времени. Сравнение с одновременными памятниками того же в основе плана в других частях Грузии показы-

вает, как много вариаций можно было предположить еще и как самостоятельно творчески работали в разных районах нашей страны².

Характерно, что под конец среднего периода, т. е. незадолго до катастрофы монгольских нашествий в начале XIII столетия, которая создала надлом в правильном поступательном ходе развития грузинской культуры, появляется характерное явление. Определенно декоративный уклон исканий архитекторов этого времени привел их к повторению простых древних планов, но в целостно-декоративной переработке. Такие примеры имеются не только в Кахетии, как мы в своем месте отмечали, но и в остальной Грузии и также в Армении. Это пункт, который совершенно игнорирован Стриговским — он принял (не без влияния принятого им общего постулата) всех представителей типа за одинаково древние явления.

Несмотря на довольно значительное число вариантов плана равноконечного простого креста, имеющегося в Кахетии, и на несколько предложенных усложнений его, все-таки возможности для творчески новых композиций в этой теме были ограничены, т. е. фактически были быстро исчерпаны. Тогда творческие искания направлялись в определенном новом направлении, именно в направлении использовать, применить для купольной архитектуры то, что уже давно применялось в других ее разделах — отдельно стоящий столб. К этому был совершен переход как в Грузии, так и в Армении, всюду — по имеющимся данным — вполне самостоятельно, без влияния той или иной из них на другую. В Кахетии этот переход тоже произошел, но притом разными путями и, по-видимому, особо, независимо и отлично от остальной Грузии. Кроме же того, в Кахетии имело место своеобразное художественное искание новых архитектурных решений. Из переходной к новой, так сказать из «средней»

особенностям раннехристианской базилики положение, которое «выработалось очень рано уже в греческой церкви, при котором император противопоставил себя, как собственный видимый центр средоточию невидимого бога. Тогда народные массы были взяты буквально в середину и заключены в более узкие твердые пределы купольного пространства, которое не допускает никакого свободного движения, а только предписанное положение согласно простого подчинения» (Grundbegriffe der Kunstwissenschaft am Übergange vom Altertum zum Mittelalter. Leipzig und Berlin 1905, S. 226). Ту же в общем мысль развивает и Frederik Adama van Scheltema в своей новейшей книге (Die Kunst des Abendlandes II: Die Kunst des Mittelalters Stuttgart 1953, SS. 55, 70 — 72, 82).

¹ Strzygowski, Die Baukunst der Armenier, I, SS 159 ff.

² Здесь не лишне привести данную August Schmarsow характеристику центрально-купольной византийской архитектуры по ее смыслу и по мотивам образования и развития, учитывая, что в ряде восточно-римских сооружений достигнуто объединение двух тенденций, кульминирующее в Софии Константинопольской, а именно направленности движения в базиликах с замкнутостью в центральных строениях, так как это объединение принципиально отличает ее от хода развития и смысла центрально-купольной грузинской архитектуры, выросшей на широкой базе народной жилой архитектуры, дожившей до наших дней в форме картлийского «дарбази». Шмарзо противопоставляет

эпохи VIII—IX веков, на почве Кахетии сохранились примеры искания совсем новых архитектурных решений, из которых одно смело может быть названо законченным художественным произведением первого ранга, так же как, напр., таким является и знаменитый Ошкский собор в Тортуме, т. е. крайней юго-западной провинции Грузии. И лишь сравнение их с величайшими кафедрами Грузии конца X, начала XI века показывает, что они были еще только начальными, так сказать «первыми» решениями новой архитектурной эпохи.

Может казаться,— и казалось мне долгое время,— что переход к купольным композициям со свободно стоящими под куполом опорами произошел в Кахетии сравнительно поздно, именно в эпоху VIII—IX веков. Однако, разыскания последних 10—15 лет показывают, что в только что названный период в Кахетии возводятся такие памятники, как Икалтойская церковь Перисцвалеба, в которой четко, совершенно отработано выявлен план «вписанного креста» в прямоугольник; или предшествовавшая ей купольная перестройка Хирса, явно говорящая о том, что такая тема со свободно стоящими под куполом столбами была хорошо известна и обычна по применению. Эти обстоятельства заставляют предполагать, что одно течение архитектуры в Кахетии обратилось в тот же древний период развития в VII веке к тому же методу установки венчающей здание части — купола на барабане — на свободно стоящих столбах, который по имеющемуся материалу документируется в остальной Грузии и в Армении на 20-е годы VII века, тогда как другое течение продолжало традиции опоры его на наружные стены здания. Это течение, как сказано, искало и находило новые, конечно, существенно отклонившиеся от прежних решения. Если к ним причислить Вачнадзианскую Квела-Цминда, то понятно, что за ней мог последовать Алавердский кафедрал, в котором многое психологически связывается еще с формами, в которых купол укрепляется непосредственно на наружных стенах.

Однако, одно примечательно, что в дальнейшем и зодчие Кахетии перешли к общему типу крестово-купольного храма с почти равными по длине рукавами креста и куполом на четырех столбах. Этот тип, вполне разработанный в Грузии уже к XI веку, стал «каноническим» на все последующее время. А так как органическое развитие, постепенный и непрерывный

ход грузинской архитектуры, как и всей культуры, получил чувствительный надлом в XIII веке, то, конечно, только с трудом и через значительное количество времени могло произойти возрождение, которое примыкало к старым формам, отталкивалось от них, смешав или пропитав их различными новыми элементами. Это общее для всей Грузии явление имеет место и в Кахетии. Здесь также известны памятники церковной архитектуры с XVI по XVIII вв., которые в общем кладут в основу тот же разработанный план «вписанного креста» (теперь уже о двух, а не о четырех столбах под куполом), являющийся заключительным аккордом исканий наших зодчих в предыдущий период. Период же после монгольских опустошений есть новый ряд, новый цикл художественных исканий, который, правда, как связанное целое, очень сложное по пущенным в нем в оборот тенденциям и влияниям, еще не может считаться достаточно выясненным научно.

В отличие от этого история грузинской архитектуры с древнейшего времени и до XII века представляет собой связанное, органически развивавшееся целое, где живописный подход в решении архитектурного задания сменил линейный древнего времени, причем композиция из достаточно самостоятельных составных частей уступила место единой доминирующей идее образа с подчиненными ей элементами, с открытой формой в частности.

Что касается некупольной церковной архитектуры в Кахетии, то здесь мы видим, правда, здания базиличного плана, но столь своеобразного толкования его, что поневоле приходится полагать, что вначале архитекторам было не более того известно, как на словах переданные основные деления храма и соотношения этих делений. Только постепенно, видимо, прибавляются более обстоятельные сведения и указания, которые до известной степени приравнивают базилики Грузии VI и следующих веков к раннехристианским базиликам — римским и византийским. Нельзя притом обойти без внимания то обстоятельство, что в художественном отношении только немногие базилики этого времени представляют собой значительные строения. В основной же массе это — простые монастырские церкви, архитекторы которых и не задавались значительными проблемами при их построении.

Рассмотренные выше примерно два десятка трехнефных базилик Кахетии коренным образом отличаются от известных римских или византийских (Константинополя, Равенны, Па-

лестины). Они короткие, часто приближаются по площади к квадрату, причем имеют входы с трех сторон и нередко южный и северный более представительные оформлены, чем западный. А есть примеры, когда с запада нет вообще входа, что имело место и в такой относительно длинной, представительной базилике одного епископского центра Картли, как Болнисский Сион (478/9—493/4 гг.). Нельзя не подчеркнуть, что эта коренная переработка базиличного формирования внутреннего пространства есть подчинение, приспособление данной чуждой архитектурной формы — насколько только можно было — к своему, иному национальному восприятию, именно хорошо отраженному в ранних центрально-купольных зданиях монументальной архитектуры, представляющих закономерное развитие на базе жилой архитектуры, пережившей века до наших дней в типе картлийского «дарбази».

Своеобразный интерес композиционного порядка и притом высоко художественное разрешение этой задачи проявились в одно время (именно, в VI—VII веке) в строительстве церквей типа трехцерковных базилик. В этом типе и план получил определенную разработанность, но особенно, конечно, свободное творчество сказалось в самом возведении здания, в пропорциях его: церкви этого периода несомненно уже нечто большее, чем только монастырские, хотя и они по преимуществу выведены в монастырях. Несомненно, что они построены с сознанием величия, которое призваны были выжить. Как было отмечено, в это время, именно, тип трехцерковных базилик дал возможность вылиться творческим порывам архитекторов Кахетии, искавших новых форм купольного храма. Это было, и не могло быть ничем иным, как только временным явлением.

Характерно, что этот тип некупольного сложного храма, именуемый трехцерковной базиликой, также сохраняет совсем небольшие размеры протяжения от алтаря на запад, как и трехнефные базилики. Причем и здесь имеется целая группа построек, вход в которые только с юга и севера, в то время как с запада нет входа вовсе. Вообще же и при наличии входов с трех сторон особенно представительны разработаны входы по продольным фасадам (напр., Зегани, Сабуэ), как то было и в трехнефных базиликах (напр., Вазисубанской, Ахшанской, Кумской).

Бесспорно, что и для дворцовой архитектуры, как она перед нами сохранилась в развалинах IX—XI вв., мы должны предполагать

довольно длительные подготовительные с поиском подходящих форм. Выработанные большие залы — продукт совершенно несомненных художественных исканий. Приходится очень и очень пожалеть опять, что не сохранилось никаких следов того, как планы этих дворцов были разработаны в целом и во всех деталях. Одно достоверно, что в них применен, положен в основу совершенно иной принцип, чем в церковной архитектуре. Тот же принцип архитектурной планировки продолжает свое применение, конечно, в новых вариантах, и в дворцах нового времени. Каковы отношения кахетинской дворцовой архитектуры к общегрузинской — рассматривать пока преждевременно, ввиду отсутствия достаточного числа образцов последней.

Что касается, наконец, четвертой группы — колоколен, то касаться художественной стороны их плановых композиций после изложения в специальной главе, едва ли есть необходимость. Одно нужно отметить, что и здесь зодчие подошли к своей задаче свободно, без предвзятых рамок и создали таким образом свободные произведения, которые можно частично просто включить в общую картину грузинской архитектуры, как ничем не выделяющийся пример.

Здесь уместно еще раз и подробно остановиться на выдвинутом в новейшей специальной литературе по раннехристианской архитектуре положении о различном назначении базиличных и центрально-купольных храмов.

Древнейшие храмы в Грузии не дают фактического материала для различия по архитектурным формам мемориальных построек, мартырий от общественных церквей с регулярным богослужением, литургией. В этом отношении, как было уже отмечено, материал Грузии отрицает положение, выдвинутое на основании примеров из Западной Европы, а также из Сирии и Каппадокии, о применении для мемориальных церквей разработанных римско-эллинистической архитектурой для усыпальниц типов центрального, башенного характера, с круглым, полигональным, часто с крестообразным планом, а для церквей, в которых совершалось богослужение общины верующих, — трехнефных базилик и зальных церквей.

В Грузии базилики явились в результате требования духовенства к архитекторам следовать разработанному в Иерусалиме по указанию Константина и Елены типу храма. Они были, другими словами, искусственно переса-

женной архитектурной формой, навязанной, можно сказать насильственно привитой требованиями духовенства, старавшегося канонизировать такое, как будто бы к тому же, функционально обусловленное решение¹.

Что же касается центрально-купольных храмов, то в Грузии не применяются ни круглые, ни полигональные планы, как в римской дохристианской архитектуре, а только планы с квадратным подкупольным центром и той или иной, крестообразной или звездообразной формой целого корпуса. Эти формы ранних храмов Грузии и, в частности, ее восточной провинции Кахетии являются дальнейшим развитием привычных подходов и форм жилой древнейшей, т. е. на много веков предшествовавшей распространению в стране христианства, ячейки крестьянского дома, именуемой «дарбази» с его куполоподобным перекрытием «гвиргвини» (см. рисунок Н. П. Северова перед стр. 201)².

Как в этих крестьянских «дарбази» устанавливается разнообразие конкретного решения и в отношении плана и в отношении перекрытия, так и в выросшей из этой основы монументальной каменной архитектуре купольных храмов уцелело значительное число очень различных, как сказано, по конкретному решению центрального плана зданий древнего времени. — тогда как раннехристианская архитектура Палестины, Сирии, Малой Азии выросла на иной базе, именно на провинциальной базе римской имперской архитектуры, определившей появление мемориальных построек, как мартириев — сперва вне городской площади, на кладбищах, а позднее пересаженных и в города, с использованием и применением форм усыпальничных, круглых и октогональных, изредка крестообразной формы, — и храмов для общественного богослужения преимущественно удлиненной формы с рядами опор, наконец, трехнефных базилик, выработавшихся тем или иным путем, как ведущий тип в первые же годы «торжества церкви» в римской империи.

¹ Однако нельзя не подчеркнуть, что даже все базилики Грузии (ср. так же Армению и Каппадокию) в отличие от Сирии, Рима и др. всегда имеют каменные сводчатые перекрытия и вовсе не знают деревянных на стропилах.

² Памятники же античной архитектуры на территории Грузии, а равно и Армении, кардинально отличны от своих монументальных и рядовых народных зданий; таковы, напр., погребальный мавзолей, открытый во Мхета (против теперешней водной станции, ср. Г. А. Ломтадзе, Археологические раскопки в древнегрузинской столице Мхета, Т. 1955, стр. 41—42, 86—91), остатки античного здания в вышгороде Нокалаке-

Jean Lassus в своем большом исследовании *Les sanctuaires chrétiens de Syrie. Essai sur la genèse, la forme et l'usage liturgique des édifices du culte chrétien en Syrie, du III-e siècle à la conquête musulmane* (Paris 1947), где он дает систематическую и планомерную сводку материала (на протяжении первых шести веков н. э.) по линии сопоставления функциональных, т. е. литургических, требований и архитектурных форм в сирийских церквях с привлечением параллельного материала и из других стран, устанавливает ряд важных общих положений.

1) «Трудно верить в литургию, неукоснительно фиксированную» (стр. 62), при различии в организации алтаря, встречающемся в церквях Южной Сирии IV—V—VI веков, причем подчеркивается, что в них нет пастофорий, которые имеются в Северной Сирии, обладающей в силу этого большим единообразием организации алтаря³. Это положение об отсутствии четко фиксированной литургии в первые века после «торжества церкви» у него логически следует за рассмотрением данных о *église-maison*, как он называет и характеризует церкви трех первых веков, т. е. только приспособленных для религиозных сборищ домов, подчеркивая различие их форм не только между разными городами — Римом, Остией, Помпеей..., Антиохией, Дафне, Селевкийей... (стр. 4), но даже и в одном Риме (стр. 21). Поэтому и литургия не могла быть единообразной, не имела еще форм *strictement fixées* — «неукоснительно фиксированных» (22). В специальном разделе главы о литургии в базиликах (стр. 184—216) архитектурными данными устанавливает, что в сирийской литургии сообразно этому исключен ряд характерных церемоний византийского богослужения, известных с VI века. Формы ранних храмов в Грузии тоже говорят о каких-то отличиях от установившегося, как отмечает

ви, пещерный зал с кесонным «сводом» в Уплис-цихе или в Армении храм в Гарни, и др.

³ Характерно, что теорию Н. С. Butler'a, абсолютную Н. W. Beuger-ом, о происхождении троечастного алтаря от римского святилища III века в Эс-Санамен и подобных он справедливо относит указанием на то, что они находятся в Южной Сирии, тогда как троечастный алтарь известен в Северной Сирии с IV века, и лишь много позже, как резонанс ее, появляется и в Южной. Эти формы «глубоко пропитаны эллинистическим вкусом» (65). Вместе с тем еще в первой четверти V века троечастность алтаря обусловлена не практическим назначением, определенным с начала, а архитектурным подходом, так как одна из частей отводилась для чуждых литургии функций (79).

Jean Lassus с VI века общего православному Востоку («византийского») порядка церковной службы.

2) Таким образом, и в Северной и в Южной Сирии фиксированная духовенством литургическая программа, которую получал архитектор, не содержала ничего, кроме требования зала для собрания верующих и повышенного пресбитерия (*d'une salle de réunion avec sanctuaire surélevé*), т. е. все формы определены архитектурой, но не назначением (*emploi*) здания. И он подчеркивает при этом, что все архитектурные формы христианских базилик Северной Сирии неизвестны в гражданской архитектуре района; откуда с несомненностью вытекает, что христианская базилика канонического типа — заносное явление в Сирии, желательное духовенству (79). Или, как он ту же мысль формулирует позднее, духовенство дало архитекторам в Северной Сирии не программу, а модель, и их храмы выделяются многими чертами, которые не имеют литургических следствий (*n'ont pas de conséquences liturgiques*: p. 99). Однако, как он это оттеняет, различные назначения (церковь — мавзолей) определило, что для церкви «духовенство избрало, с торжества христианства, план базилики; и он стал каноническим» (158).

Как видно из письменных данных, базиличные формы храмов в Грузии также были избраны духовенством; правда, стать каноническими, как в Сирии, им не было суждено. Самостоятельность всего предшествовавшего развития грузинской архитектуры с отсутствием римского типа круглых и т. д. погребальных сооружений обеспечило независимо от этих чуждых форм дальнейшее развитие своих народных установок в подходе к создаваемому внутреннему пространству. Наконец, сам же Жан Ляссюс, как было уже отмечено, признает, что на Востоке с конца V века «купольная церковь стремительно устраняет базилику». В Грузии это последнее положение выражено совершенно отчетливо и, по-видимому, борьба между базиликой и центрально-купольным решением наметилась с первых же шагов строительства христианских храмов (Самтавро, Черемский квадрат, Зеганская Марине и т. д.). А развитие в V—VI веках и далее показало, что архитектурно именно купольная тема заняла ведущее и определяющее достижения место на

всем протяжении развития в феодальной Грузии¹.

3) Наряду с этим он оговаривается, — впрочем только мельком, походя, — что, согласно письменным сведениям, Антиохия IV века имела (раскопки ничего еще не выявили) два прославленных храма — один, построенный Константином; другой, именуемый «древним» и, согласно традиции, восходящий к апостольским временам. Константинов храм был хотя октогон, но не мемория; а «древний — *il est bien évident, qu'elle n'avait pas primitivement la forme basilique* (стр. 95, ср. 108—109). — явно не имел базиличной формы. И далее: христианская базилика с конца V века и особенно при Юстиниане «была отодвинута на второй план, чтобы не сказать — покинута духовенством и архитекторами византийской империи». Церковь организуется на Востоке «вокруг купола в центре» (*autour d'une coupole centrale*), а базилики выглядят *curieusement archaisants* («странно архаизирующими»: стр. 100; то же в Грузии, особенно в трехцерковных с IX века). В Северной Сирии их продолжают еще долгое время строить — в Антиохии выявлены две X века (159). И далее, рассматривая вопрос о мавзолеях в городах, оттеняет, что с момента переноса мавзолей с кладбищ *extra muros* в города хотели строить не посвященную памяти святого церковь, а храм святого *intra muros* (*un temple du saint*). «И отныне, на всем Востоке, купольная церковь стремительно устраняет базилику» (158—159). Т. е. сам наметил наличие двух принципиально различных групп явлений: западного (римского) и восточного, но не попытался ни осмыслить их по эволюционному происхождению, ни хотя бы оценить по фактическому значению. Он развивает только свое теоретическое утверждение, что базилика является церковью для регулярного богослужения, а здания центрального плана — полигональные, октогоны, свободного и вписанного в квадрат креста — мавзолеями (44) или *μνημείον*, *memoria* — по-гречески и по-латыни (114). Различие этих двух видов зданий по их назначению просуществовало в Сирии до V века; а слиянию этих двух монументальных форм отвечали новые эволюционные формы христианского культа (44).

ми» (92), так и арка на колоннах сирийских церквей тоже итог вкуса; он оттеняет, что архитекторы Сирии не работали над проблемами свода (75), архитектурной техники, а просто дали предпочтение закругленной линии, которая была *purement esthétique* (67, 77)

¹ Важно заключение Ляссюса, вся книга которого написана для выяснения вопросов культового порядка в раннехристианской церкви, что как трехчленный алтарь, казалось бы вызванный литургическими требованиями, «вызван эстетическими соображениями»

4) Устанавливая принципиальное отличие от церквей, в которых совершалось богослужение, для зданий мучеников над местом погребения мучеников, т. е. возводимых до V века *extra muros* — на кладбищах вне стен городов, где происходили в поминальный день ночные бдения, чтения священных книг, пение псалмов и проповедь с воспоминаниями о мученике. Он подчеркивает, что архитектурные формы их были взяты из погребальной, римской дохристианской архитектуры. Иначе говоря, это — крупные, полигональные или центральные крестового плана здания; причем для применения последних дополнительным стимулом явилось символическое толкование плана (стр. 114—116). Впрочем, в IV веке в римской общине справляли всего 25 праздников мучеников (114). Лишь в V веке переносят мощи в города, и мученики превращаются в церкви, особенно с момента, когда вошло в обычай делить мощи (120—121). Он отмечает, что «в V и VI вв. основной обычай был посвящать церкви святым и полагать в них мощи» (141). И при всем том в Сирии городские мученики, т. е. центрального плана здания, являются только исключением, при громадном числе базилик их едва насчитывается до двух десятков; все они возведены позднее 450-го года, а большинство в VI веке; при этом купола в них отсутствуют. Другими словами, как в архитектурных формах, так в количественном соотношении базилических к центрального типа зданиям, так, наконец, в отношении строительных приемов возведения резкий разрыв с тем, что наблюдается в Грузии.

Тот же вопрос функционального различия раннехристианских архитектурных форм (базилика — центрально-купольный храм), который поднят был на сирийском материале Ля с с о м, возможно широко поставил Андрэ Г р а б а р в своем двухтомном исследовании, озаглавленном *Martyrium. Recherches sur le culte des reliques et d'art chrétien antique* (Paris, Collège de France, 1946). Книга эта первоначально стала мне известной по упоминаниям в предисловии у Ля с с о а и только в самое последнее время я смог ознакомиться с ней и включить отдельные ссылки. Точка зрения А. Грабара совершенно четко выражена, однако, в резюме его доклада *La basilique chrétienne et les thèmes de l'architecture séculaire dans l'antiquité*, читанного 5 апреля 1951 года в Мюнхене на специальной сессии¹.

«Образование и разработка христианской ар-

¹См. *Kunstchronik*, за май 1951 г., стр. 98—102

хитектуры свершились посреди высоко развитого монументального искусства, которое располагало богатым репертуаром форм и большим техническим опытом. Это искусство определялось в течение веков теми требованиями, которые повседневная жизнь римского общества и его традиции в отношении предков ставили в пределах всей империи. Христианская архитектура на римской почве была (не иначе, чем одновременное фигурное искусство ранних христиан) связана на долгое время, теснейшим образом, с римским монументальным искусством, которое ее окружало. С одной стороны, она перенесла на христианские культовые сооружения планы, конструктивные и декоративные формы одновременной имперской архитектуры; с другой стороны, даже там, где она создавала новые формы, заимствовала и приспособлялись к ее потребностям только элементы одновременной римской архитектуры. В обоих случаях типы христианских зданий всегда исходят от того нехристианского типа зданий, который в отношении функции стоит к ним ближе всего».

Приведенная выдержка из резюме, в котором я подчеркнул определяющие общую установку автора к кардинальному вопросу о развитии раннехристианского искусства слова, четко очерчивает государственную и культурную принадлежность народов, раннехристианскую архитектуру, да и скульптуру и живопись, которых исследователь включает в свое рассмотрение, к римской имперской культуре. Отсюда вытекают и этим определяются дальнейшие его положения. Прежде всего то, что он считает «это развитие само собой разумеющимся», а затем, что «христианское культовое здание примыкает в развиваемых им формах к двум большим типам римской архитектурного значения слова, т. е. здание, которое создается с одной стороны церковь в соборно предназначено для регулярного посещения (прежде всего для празднования евхаристии), с другой стороны здания для ритуала крещения или поминальных культов (мавзолей, мученики, *memoriae*)».

А. Грабар делает затем попытку связать формы «собственно церквей», т. е. как однонефных, так и базилик, с римской светской архитектурой, ее разными видами. Отмечу, что в дискуссии по его докладу, — видимо, оживленной, — а также в целом ряде других докла-

дов той же конференции выявилось значительное расхождение в отношении этого последнего вопроса¹. Не разделяет его по существу и Ляссюс.

«Иначе обстоит дело со второй категорией христианского культового здания, именно с назначенными для поминального ритуала мавзолеями и мартириями и служащими для крещения баптистериями. Многие из таких сооружений имеют формы, которые невозможно вывести из форм римского дома: их централизованный план (квадрат, круг, полигон, крест) и их покрытие (свод, каменный или деревянный купол) связывает их с другой группой дохристианских памятников, которые следуют своей особой традиции. На западе империи эта форма преимущественно применяется для мавзолеев и баптистериев, на востоке прежде всего для мартириев». Грабар оттеняет далее, что всюду, где применяется такая центральная композиция, она служит совершенно специфическому назначению, а не для нормальной церкви. А это означает, что ее нужно сводить к категории такого же смысла языческих сооружений — «погребальным и мемориальным, мавзолеям, героям и т. д., для которых с незапамятных времен применяли центральный план и специфическое покрытие, как своды или купола; эта форма оставалась веками неизменной, так как ей приписывалось символическое значение: поминальный памятник был по существу воспроизведением космоса, здания или пещеры мира». Впрочем в своем исследовании, касаясь пресловутой (*fatéux*) проблемы о противопоставлении Востока и Запада, он подчеркивает, что архитекторы того и другого черпают из общего источника — «погребальной архитектуры императорской эпохи», процветавшей «на всем протяжении христианского мира», — и говорит далее, что эти важные элементы — эллинистического происхождения, что они явились в результате развития восточных провинций империи, где применение их богаче и обширнее, чем на Западе (I, 198—199). Вместе с тем отмечает, что отдельные провинции имеют свои различные строительные традиции.

В этом резюме доклада А. Грабар, пожалуй, еще более безоговорочно проводит основное положение своего большого ценного исследова-

ния, во многом намечающего совсем новые положения развития раннехристианского искусства на Востоке и на Западе до VII, а частью и до IX вв. включительно. Однако, никак невозможно согласиться с автором, когда он известные ему только из публикаций И. Стриговского и Ю. Бальтрушайтиса памятники Грузии и Армении без каких-либо сомнений причисляет к мартириям, а по архитектурным формам объявляет повторением античных римских мавзолеев. Высказанным им основанием для такого решения являются сообщаемые Агафангелом видения Григория Просветителя, как «проявления божественности» и указания создать мемориальные постройки, «мартирии», т. е. свидетельства божественности в Армении IV века. Нельзя ведь не учесть, что произведение Агафангела является результатом начитанности и стремления подвести к тем же показателям веры, что и в византийской письменности (ср. грузинскую легенду о трех воздвигаемых при Мириане крестах, и т. д.). Поэтому заключение Грабара несколько упрощенное, так же как и использование совершенно произвольного восстановления Эчмиадзинского собора Т. Тороманяном, т. е. лишенного каких-либо фактических данных в существующем здании, позволяющих отнести их в IV век (хоть Грабар и заявляет, что *cette reconstitution reposait sur l'étude minutieuse des murs de la cathédrale qui remontent à son état initial: p. 181*)².

Как правильно отмечает сам А. Грабар, приводимые им центрально-купольные церкви Армении глубже VII века не идут (I, 186), а ряд их с этой взятой из Стриговского датой падает фактически на еще более позднее время. Другими словами, определение их в качестве мартириев является не результатом использования фактических о них данных, а лишь применением своей гипотезы, своего постулата. Особенно это удивляет, когда он разбирает эти примеры в главе об «античных мартириях», т. е. в основном IV и V веков.

В качестве принципиального возражения против системы доказательства преемственности от античных мавзолеев и пр. центрально-купольных раннехристианских храмов встает оперирование исключительно планами, не говоря уже о том, что о датах приводимых при-

¹ Там же стр. 102—103 дискуссия и следующие страницы с резюме отдельных докладов и дискуссии по ним. — Ср., кроме того, замечания по вопросу происхождения базилики выше, на стр. 8 и 139.

² Правда, о тетраконхах с обходом, «частых в Армении», он говорит, что эта форма «унаследована от античных мавзолеев при вероятном посредничестве мартириев сирийских, палестинских или северо-месопотамских» (I, 192).

меров, как правило, нет данных. Какие были на этих планах возведены помещения—их формы, сочетание помещений между собой, высота и, главное, перекрытие, т. е. созданные пространства и массы здания—остается проблематичным. Так же впрочем, как, напр., восстановление выявленных исследователями развалин своеобразного плана храма Рузафы оставляет нерешенные вопросы, а выявленные Кровфутом устои в Босра заставили совсем иначе, чем до того (начиная с Вогюэ), восстанавливать его формы и прежде всего отказаться от купольного из камня перекрытия. Ведь оперируя тоже только именно планами, Стриговский пытался поставить эскизы Леонардо и Браманте в связь с армянской архитектурой, с чем едва ли кто согласится¹.

Таким образом, все это показывает, как искусственно суженное, предвзятое мнение о ходе развития раннехристианского искусства вместо установления хотя и ограниченных, но зато совершенно определенных явлений, приводит к смазывающим, спорным заключениям, а главное—не в состоянии выявить творческие тенденции в большом решающем историческом процессе.

Если проверить, в какой архитектурной форме зданий погребены местные святые и мученики в Грузии, то и этот просмотр не даст никакого фактического материала, подтверждающего положения А. Грабара и Ж. Лясса. Наиболее ранние—святые Нина и Шушаника: первая была погребена в Бодбе, а выстроенная над погребением церковка—только небольшая зальная постройка, века через дватри включенная как составная часть в трехнефную базилику. Тело Шушаники перенесено из Цуртави католиком Кирионом² и находится—по преданию—в южном приделе Метехского храма в Тбилиси; над могилой ее устроена рака. По особенностям плана восточной части храма можно полагать, что древняя Метехская церковь не была центрального типа мартырием.—Как над могилой Нины в Бодбе выстроена была первоначально маленькая

зальная церковка, впоследствии включенная в трехнефную базилику, так и возведенная над могилой Иоанна Зедазенского первоначально малая зальная церковь тоже включена в трехнефную базилику в третьей четверти VIII века; над могилой возвышается рака. Далее, некоторые из сирийских отцов—пещерники (Давид, Шно); они погребены были в пещерах же и при них церкви; другие же (Стефан, Иосиф, Исидор, Зенон, Исе) находятся в больших, зрелого средневековья, храмах частью с выделенной ракой, т. е. о первоначальных формах здания мы ничего не знаем. И только с Тате связывается ранняя трехцерковная базилика «Касури Георгий» близ сел. Сагурамо, а с Пирром небольшая, по-видимому, первоначально тоже трехцерковная базилика в сел. Брети.

Наконец, из числа храмов, посвященных тому или иному из грузинских святых или местным святыням, известны: небольшая крестовокупольная церковь при ежевичном кусте, под которым св. Нина жила и молилась вне городских стен г. Мцхета (нынешнее Самтавро); затем громадный купольный храм центрального плана совсем особой конфигурации, притом епископская кафедра в Ниноцминда; трехцерковная базилика св. Шно в Сабуэ; Джвари Мцхетский—воздвигнутому св. Ниной на горе, против Мцхета, на восток, кресту—центральнокупольный храм особого плана; Свети-Цховели во Мцхета—возможно, первоначально базилика; наконец, посвященная Свети-Цховели Мцхетскому маленькой церковью в селении Вацнадзиани—центральнокупольный храм. Можно, пожалуй, к этому перечню добавить еще тетраконх с куполом в Манглиси, где были положены реликвии «Честного креста»³.

В связи с тем, что указанными новейшими разысканиями Жана Лясса и Андре Грабар выдвинуты вопросы функциональной обусловленности культовых некоторых архитектурных форм в храмах, естественно учесть эти результаты и в рассмотрении грузинских памятников. Примечательно, что в ряде положений отмечается противоположность установле-

¹ Принципиально иначе, именно учитывая не только плановое решение, но и созданное согласно с ним пространство, выдвигает Самуэль Гуйер своеобразную теорию о развитии западно-европейской купольной архитектуры. Он делает сводку материалов памятников Переднего Востока, особенно Малой Азии, отмеченного крестовым планом, выделенным центральным квадратом, куполом над ним с башней, т. е. чертами, которые определяют отличие средневековой архитектуры Западной Европы от античных горизонтально воспринимаемых храмов. Однако, в конце он также пытается пси-

хологически пояснить эту измененную установку наличием римских и эллинистических погребальных и мемориальных сооружений башенного характера (S. G u y e r, Grundlagen mittelalterlicher abendlaendischer Baukunst. Einsiedeln-Zürich-Köln 1950.)

² Рай Грузии, СПб. 1882, стр. 192 прим. (по-груз.).
³ Отмечу, что А. Грабар ошибочно отмечает, что в Джвари Мцхетском находится частица «Честного креста» (I, 332 и 378 note, хотя на стр. 183 правильно сообщает о воздвигнутом при христианизации кресте).

ний христианского Востока и Западной церкви, а в некоторых случаях отдельных их районов. Грузия, насколько позволяют утверждать архитектурные формы древнейших храмов, тоже в разных отношениях примыкает к обычаям то тех, то других, и, пожалуй, как это было уже выше отмечено в отдельных случаях, чаще сходится с Западной Европой, чем с прежними римскими провинциями на (семитическом) Востоке.

Наличие тастофорий — жертвенника и ризницы — Жан Ля с с ю с показывает для Сирии вовсе не обязательным (стр. 55—66, 78—100): то они отсутствуют, то имеется одно из помещений, и только в VI веке, по-видимому, устанавливается тверже наличие обоих. Вероятно, аналогично свободное положение и в Грузии, что проявляется особенно наглядно в базиликах и трехцерковных базиликах. — Характерно, что в Зедазенской базилике, как в ряде сирийских базилик, одно из боковых помещений (северное) открывается во всю ширину в боковой неф, тогда как другое сообщается с ним только дверным проемом. Ля с с ю с установил, что открытое в боковой неф помещение заключало в Сирии саркофаг с мощами, при котором совершались разные ритуальные и культовые обряды и т. д. В Зедазени рака Иоанна как раз находится в таком помещении, оборудование которого отвечает ритуальным надобностям и возможности унести из нее землю, как в Сирии уносили в качестве евлогии пропущенное через мощи масло.

Раскопками в Сирии установлено наличие при некоторых базиликах баптистериев, как примыкающих к ним помещений. «Первоначальный обряд крещения составлял часть литургии определенных больших в году праздников, в частности праздников крещения и пасхи. В V веке ритуал крещения был разделен на две отдельные церемонии» и по времени. По завершении второй новокрещенные входили, облаченные в белые туники, в храм для участия в евхаристии (219). «Крещение рассматривалось как обряд, доверенный одному только епископу...» (224). Епископа мог заменить для крещения хорепископ в определенных территориальных границах (225, прим. 3). Пока не выявлено в Грузии отдельных крещален, но, как и в Болнисском Сионе, вполне возможно, что в Ниноцминда, бывшей также ка-

федрой епископа, одно из обособленных помещений служило крещальней.

Наконец и в Грузии возможно нахождение престола в центре храмов. Такой храм, как Джвари Мцхетский, имеет выделенный в центре здания парпетом октогон, в котором стояла основная его святыня — воздвигнутый по преданию св. Ниной крест, т. е. имелся, следовательно, особый престол для небольших треб¹. Вообще этот порядок расположения большого на постаменте креста в помещении для прихожан, перед алтарной преградой, предположительно с престолом, несомненно имел место и в Кахетии (хотя бы исходя от наличия таких уцелевших крестов). Таким образом установление престола в центре храма тоже в некоторых формах вполне возможно². Особенно интересно было бы проведение разысканий в таких древнейших храмах, как кафедрал в Ниноцминда или Лекит, на предмет выяснения вопроса, разъясненного на примере базилик Сирии, именно разделения места исполнения литургии оглашенных с амвоном, киворием и пр. (для епископа, сослужащих и хора) в среднем нефе и места литургии верных в алтаре и все время без завеса, открытой глазам прихожан³.

2. Некоторые частные особенности в композиции планов. — Мы сделали обзор планов архитектуры Кахетии в целом, чтобы оттенить специфические творческие искания. Теперь необходимо коснуться нескольких элементов в плановых композициях, которые являются характерными для грузинской церковной архитектуры, но не оценены до сих пор в этом направлении в научной литературе. О таких элементах, как боковые нефы, как трансепт или даже, как боковые помещения по сторонам алтаря, а кое-где симметрично и в западной части храмов, мы говорить не будем, ибо об этом достаточно уже было сказано в отдельных случаях. Здесь коснемся только вопроса хор и обходов по сторонам церквей.

Мы видели выше, что в Кахетии изредка попадаются храмы, снабженные хорами для расположения на них молящихся. Хоры встречаются как в древнейших храмах (Карданахская или Зеганская трехцерковные базилики), так в переходное время (Гурджаани, Вачнадзиани, Икалто), так равно и на высоте развития феодальной поры в X—XI веках в Ала-

¹ Памятники типа Джвари, Тб. 1948.

² Л. М. Меликсет-Бек. К вопросу об устройстве алтаря в древней Грузии. Христианский Восток, IV, Пгг. 1916, стр. 310—312.

³ Jean Lassus, l. c., pp. 207—212 и Kunstchronik, 1953, September, S. 243—4 и 1951, Mai, S. 108—109.

04.13.67.41
1976.12.18
10333

верди. Но этот мотив является именно только как дополнительный — иногда он имеется, иногда же нет. Это такое же положение, как и в остальной Грузии. Здесь, как и там, хоры были использованы, привлекались в композиционный замысел лишь тогда, когда этого требовали надобности так или иначе сделать храм художественно более выигранным, когда это давало архитектору возможность достигнуть совершенно особенных эффектов. Конечно, включение в композицию храма хор было каждый раз функционально обусловленным. Особенно ярко художественное значение хор выступает в таких храмах, как Вачнадзианская Квела-Цминда и Алавердский собор. При рассмотрении планов данных храмов становится совершенно несомненным, насколько выигранным было включение этого мотива в замысел архитекторов. Они получили возможность совершенно свободного, нестесненного вздымания строений вверх¹.

Таким образом, совершенно очевидно, что хоры в Грузии не являлись обязательным элементом в церковной архитектуре, а только лишь допустимым согласно желанию заказчика и архитектора. Из этого мотива грузин-архитектор и сделал, действительно, источник незаурядного художественного эффекта. Введение хор в помещения для верующих в сирийских базиликах IV—VI веков составляет исключение, их насчитывается едва пять или шесть. А между тем Ж. Ляссюс считает, что «хоры были позднее усвоены, в порядке почти обязательности, в церквах Востока» для отделения во время богослужения женщин от мужчин (68). Как отмечено, в Грузии такого порядка не удается вовсе вывить. Редкие примеры хор обычно предоставляются скорее как почетные ложи для знати. Аналогично отношение армянской церкви к вопросу о хорах. Известно несколько примеров таковых, но хоры в таких, известных в литературе, церквах Армении совершенно не являются элементом, художественно-формирующим храм, а, по-видимому, отвечают только специальным каждый раз практическим нуждам. Так, хоры в южной

абсиде Ахтамарского храма (915—921 г.) являются просто царской ложей², не иное назначение могли иметь хоры в церкви Спасителя в Ани (Пркич), где остаток пола хор еще сохранился в западной нише³, ибо рядом с церковью находился дворец Абул-Гариба Пахлавуни (1035—1036 гг.). Иной характер, именно общий с методом применения хор в Грузии, как художественного элемента, имели, видимо, только хоры в знаменитом храме «Звартноц» Нерсеса III Строителя близ Эчмиадзина. Таким образом, утверждение Ж. Ляссюса об обязательности хор в «церквах Востока» требует уточнения, ибо в двух странах Востока хоры и позднее так же мало обязательны, как и в романских храмах Западной Европы.

Другой отдельный элемент в планах кахетинских церквей так же, как и хоры, не являющийся безусловно необходимым по тем или иным догматически-ритуальным требованиям и так же, как хоры, не составляющий и необходимой принадлежности той или иной архитектурной группы памятников, а безразлично встречающийся и в купольной и в некупольной архитектуре, составляет мотив обхода, часто открытой аркады. Это также мотив общий и присущий всей грузинской архитектуре. Свой характерный вид и значение приобрел он в Кахетии в церквах типа трехцерковных базилик, как, например, в Сабуэ, Зегани, Амидастури, Некреси. Но уже в VIII—IX вв. мы видим как в Гавази добавляют сплошной открытой арками обход вокруг данного тетраконха. В этот период в купольных церквах Вачнадзианской Квела-Цминда и Некресского монастыря находим обходы использованными в органической связи со всей композицией плана. Наконец, и величайший памятник кахетинской архитектуры — Алаверди — также был задуман и выполнен с обходом с трех его сторон, в котором арки, открытые наружу, отделялись друг от друга неширокими полями стены. Эти открытые обходы, конечно, чрезвычайно повышали живописность всего здания и делали планы их более развитыми, многосложными.

в журнале *Azghagan Handes*, т. XX, Тифлис 1910, сс. 197—212 и в русской статье в журнале *Arts* № 2—3, Тифлис, 1918, стр. 115—125; *Lynch, Armenia* (=Линч, Армения), т. II, р. 130.

³ Торчащая из стены плита пола «хор» была сохранена во время ремонта церкви. На нее нет указаний у Стриговского (I, стр. 134—136), воспроизводящего план по чертежу Т. Тораманяна, который отмечает, однако, лестницу.

¹ Эта сторона проглядывает даже в Кардахакской трехцерковной базилике, где западные хоры, несомненно, должны были создавать впечатление расширения, удлинения пространства (оно как бы уходило назад); северные же хоры в счет не идут, ибо имели только окно в главную церковь.

² *Vachmann, Kirchen und Moscheen in Armenien und Kurdistan*. 1913 (25. Veröffentlich. der Deut. Orient-Ges.). Taf. 31, 32 и S. 42; частично повторены и у *Strzygowski*, Band I, SS. 82—84. Е. Лалаян

Нельзя здесь не оттенить еще и существенного планового различия между обходом сирийского тетраконха в Босра и таковыми в Грузии, в частности открытым и раскрытым П. Д. Барановским в Леките. В сирийских храмах обход служил, как в позднейших романских храмах с обходом алтаря, циркулированию верующих (поодиночке или в процессиях) от капеллы к капелле, устроенных в заглублениях стен и содержавших мощи святых¹. Ничего подобного нет ни в Леките, ни в Бана, что лишний раз подчеркивает независимое их от Сирии создание.

Рассмотрение этих двух элементов плана по неволе уже обратило наше внимание на то, какое значение они возымели в качестве украшающего момента. Теперь необходимо остановиться и на нескольких таких чертах плана, которые уже прямой своей функцией имеют декор здания.

3. Элементы декоративного значения в композиции планов.— Наше рассмотрение ценностей плановой стороны мы начали от общих сторон, которые, конечно, прежде всего имели целью создание пространства. Но вместе с этим, конечно, должна была быть соблюдена и возможность декоративно использовать тот или иной замысел. Эта возможность, однако, не сразу приобрела значение в широком масштабе. Первоначальный характер декоративной отделки еще весь линейного порядка; лишь постепенно начинает он получать добавления и живописного построения, которые входят известным образом в плановую композицию. Мы видели, что такой характер приобретают такие существенные части в плане зданий, как хоры или обходы церквей. Несравненно больше, т. е. собственно совершенно скрывая свою связь и зависимость от общих условий строительного материала и работ, а выявляя только декоративность, разработана в этих произведениях форма течения наружных стен и затем наличие треугольных ниш по фасадам. К рассмотрению этих элементов в планах церквей Кахетии перейдем теперь.

Уже в Ниноцминдском кафедрале впервые появляется мотив пятигранности наружного

оформления полукруга абсиды алтарного пространства. Это еще очень скромное проявление, не распространяющееся даже на всю высоту абсиды. И здесь даже заметно, что эти прямые грани внутренне вызваны самой архитектурой — архитектор выравнивает плоскости наружных стен в полосе окон и дверей. Но уже в конце VI века и полностью в VII веке этот естественно наметившийся прием получил свою оценку, как художественно формирующий момент. В церквях типа большой церкви Джвари Мцхетского он вполне применен и отныне — можно сказать — стал неприменным элементом грузинской церковной архитектуры.

Не только выступы, полукруглые внутри, получают на первых же порах эволюции многогранную снаружи форму, но и более простую (особенно для небольших церквей) — прямоугольную, — как видим в Самеба Икалтойской, Марине Зеганской и других церквях. Везде здесь ясно желание архитектора согласовать симметрично все формы храмов снаружи. Так именно выработался этот общий для всей грузинской архитектуры художественный подход.

Для небольших церквей, как Давитиани, архитектор применил, в соответствии с восьмигранным куполом, и восьмигранность нижнего корпуса. В этом ясно проявилась определенная тенденция. В Икалтойской Самеба тот же план равнобедренного креста включен в удлиненный прямоугольник, образованный придавлением выступающих за линию креста — алтарной абсиды и западного притвора. Таким образом, происходит соревнование этих двух возможностей внешнего оформления, отражающих определенное художественное желание архитектора в древнюю эпоху. Ясно видно, что подход с пятигранным охватом был более приятен древнему архитектору, он давал больше подвижности, легкости, члененности формам, почему именно этот мотив применен еще и в грандиозной купольной церкви монастыря Вачнадзианской Квела-Цминда и в купольной Некресской церкви. В X веке граненые выступы уже не встречаются. Здесь вполне восторжествовал прямоугольный тип, а в Алаверди находим типичные для восточных фасадов грузинской архитектуры треугольные ниши², т. е. с этого времени общие приемы распространились уже вполне по всей Грузии.

¹ J. Lassus, l. c., стр. 183.

² Ср. посвященный вопросу развития этих треугольных на фасаде ниш раздел в моей монографии о Цром-

ском храме (Georgische Baukunst, том II, Тб. 1934, стр. 34—40).

Треугольные ниши на восточном фасаде Алаверди, как и весь принцип охвата, оформления внутренних полукруглых помещений прямыми плоскостями граней или заключения небольших пространств, как Давитиани, в сплошной наружный восьмигранник и т. п. есть, конечно, прежде всего прием декоративно отделать фасад. Но вместе с тем архитекторы использовали данные строительного порядка в этом определенном смысле и создали новый целостный подход¹. Подобно Алаверди треугольные ниши имеются в Кунтус-Сақдари; они же покрывают выемку материала и в шести-абсидном храме Бочормской крепости. Помимо же этих случаев в церквах Кахетии не было нужды в этом приеме, почему его и не находим больше нигде.

При внутренней отделке церковей интересно отметить, что в средний период, в Алаверди, в Кветера, Бочорма, определенно формируются и профили устоев. Особенно много продуманности мы видим, несомненно, в Алаверди, где с тонким художественным чутьем применены для сформирования подкупольных устоев, а также и двух западного рукава, образования, имеющие в плане немного больше чем половины круга. Это создает чрезвычайную выразительность форм, впечатление большой устойчивости, закругленности их, цельности и необходимости. И совершенно исключает то, что легко могло получиться—пустой игры, только дополнительного придатка для оживления ан-

самбля. Здесь, напротив, все дышит необходимой необходимостью частей, даже этих собственно, конечно, в первую очередь, декоративных. Только благодаря этому, разумеется, и могло получиться такое исключительное по своей художественности произведение, какое имеется в Алаверди. В других церквах декоративность плана устоев выступает сильнее, особенно в изящном небольшом здании в крепости Кветера.

Итак, рассмотрение некоторых элементов плана, специально подсказанных декоративными интересами, показало нам, что и тут зодчие Кахетии остались ближе к характерной для всей их архитектуры черте, чем можно было бы думать. Прежде всего оформление пространства, исходя от существа, как внутри, так и снаружи; собственно декоративная отделка же его допускается в самых ограниченных, только строго необходимых пределах. В этом отношении, таким образом, архитектура в Кахетии осталась более строгой хранительницей тех принципов, которые были выработаны в древнейшую эпоху грузинскими зодчими и которые выявились вполне к началу VII века, элиминировав некоторые черты прежнего времени, более любвеобильно относившегося, прислушавшегося по-видимому, к искусству, отвечавшему требованиям имущих верхов с их любовью к отдельным рельефным изображениям на определенные сюжеты и темы по типу искусства сасанидского и др².

3. ОФОРМЛЕНИЕ ПРОСТРАНСТВА И МАСС

Настоящим отделом мы подходим непосредственно к тем пунктам, которые составляют высшую и основную задачу художественных стремлений грузина-зодчего и которыми определяются художественные ценности грузинской архитектуры вообще. Ибо в отношении как пространства, создаваемого зодчими Кахетии, так и общих масс, имеется полное совпадение со всей грузинской архитектурой, что и представляет нам архитектуру Кахетии как плоть от плоти грузинской архитектуры.

Внутреннее пространство храма и наружные массы его всегда неразрывно связаны, взаимно обуславливают друг друга во всей грузинской архитектуре. Поэтому и рассмотрение этих

двух сторон мы объединяем в одном разделе и только ради более систематического и полного обозрения расчленим самое изложение.

Настоящий отдел является, как понятно, чрезвычайно трудным, ибо нам приходится давать заключение-оценку из всей полноты известных и доступных нам фактов грузинской архитектуры. Эта чрезвычайно ответственная часть не может однако поневоле претендовать на полноту, напротив того, я могу считать ее пока только предварительным обобщением. Поэтому в некоторых случаях даются и указания на иные отделы архитектуры, являющиеся или параллелями к явлениям грузинской архитектуры или же разительными отличиями

¹ Ср. сказанное по поводу треугольных ниш в исследовании о Цромском храме.

² Ср. в исследовании о Цромском храме (Тб. 1934) анализ его украшения в отличие от Джвари или Бол-

нисского Сиона, а также анализ декоративного убора памятников типа Джвари и Болнисского Сиона в исследованиях «Памятники типа Джвари», Тб. 1948 и «Болнисский Сион», Тб. 1940.

от нее. Но дать и в этом отношении систематический очерк я не имею в виду, а должен держаться в узких рамках самого необходимого для характеристики именно грузинской архитектуры, опуская все остальное, чтобы не перейти за пределы поставленных настоящим исследованием рамок. Поэтому пришлось отказаться и от параллельного сопоставления грузинской архитектуры древнего времени с романской архитектурой Западной Европы, несмотря на удивительную близость психологических и художественных подходов, несомненно, строившихся на общем понимании религиозных проблем.

Как понятно из изложенного, в настоящем разделе речь идет не о выделении и характеристике отдельных стилей той или иной исторической эпохи — это было проведено на всем протяжении фактического материала в предшествовавшем изложении, где выявлено не только при разборе отдельных памятников, но и в обобщающих группы или главы частях, — а об опыте характеризования национальных особенностей чувства формы у грузин на протяжении всей истории искусства феодальной поры, проявляющихся с тем или иным изменением, но во всех различных стилях, что подразумевает, конечно, противопоставление — высказанное или невысказанное — чувству формы у других народов европейско-азиатского круга феодальной поры и соответствующего, в частности, времени¹.

За сто лет научного освещения всеобщей истории искусства народов европейско-азиатского мира феодальной поры, конечно, это различие в подходе к искусству, в том или ином интересе к определенной ветви его, в особенности чувства формы и одаренности к искусству у отдельных народов, не могло оставаться незамеченным и не осталось таковым. Но со всей силой необходимости самосознания этих особенностей, т. е. как большая самостоятель-

¹ Мне приходилось специально останавливаться на выяснении характера отдельных исторических стилей в грузинской архитектуре (доклад: Пути грузинской архитектуры, 1936) и на выяснении национальной формы ее в отличие от византийской и армянской архитектурной формы, на примерах XIII века (выступление на конференции 1939 года — *Ars Georgica*, 5, 1950).

² Ряд обобщающих замечаний о рассмотренных памятниках периода VII—XI вв. в Армении дал Стриговский с известным противопоставлением к античной архитектуре в своем исследовании *Die Baukunst der Armenien und Europa*, стр. 544—570. Юргис Бальтрушайтис рассматривает архитектуру Грузии и Армении до некоторой степени по сопоставлению с западно-европейской средневековой (*Etudes sur l'art mé-*

ная задача, оно встало перед исследователями только во втором двадцатилетии XX века. А сейчас, с невиданным еще в истории развитием самосознания национальностей в Советском Союзе, а по его почину и в других частях света за рубежом, эта проблема стоит очередным — хотя до сих пор вовсе никак, кроме общих программных слов, нерешенным на фактическом материале — требованием².

1. Пространство. — Как не раз уже было отмечено и как вполне ясно на основании изложенного здесь фактического материала, исходным моментом архитектурной компоновки является для грузина-зодчего проблема создания пространства. В этом отношении, конечно, развитие грузинской архитектуры вполне сходится со всем развитием архитектуры, начиная с христианской эпохи. Но в этом общем направлении имеются различные ступени: одни течения кроме этой проблемы совсем игнорируют другие, напротив того, есть противоположные этим течения, где проблема пространства лишь как неизбежное зло еще беспокоит строителя, который предпочел бы отдаться безраздельно игре декоративных решений. Грузинская архитектура, начав, как и вся древнехристианская архитектура, с проблемы оформления пространства, быстро уже овладела основными ее трудностями и тем у грузина-архитектора оказались развязанными руки, чтобы обратиться к проблеме создания художественно законченного внешнего облика зданий, сочетающегося закономерно и выражающего внутренний организм пространства во внешних массах и контурах. Этому принципу, начиная с раннего же времени, осталась верна грузинская архитектура до самого последнего времени. Характерной эволюционной чертой ее оказалась только тенденция к расширению

diéval en Géorgie et en Arménie, 1929, и в других книгах). Что же касается выявления национальной формы в искусстве народов Западной Европы, то в специально направленном на эту сторону историческом рассмотрении В. Пиндер попытался выявить особенности немецкого искусства средневековья в его отличии главным образом от французского (*Vom Wesen und Werden deutscher Formen. Geschichtliche Betrachtungen*, Band I, Leipzig 1935.) Действительно же углубленный анализ различия чувства формы от итальянского в немецком искусстве, концентрировав внимание на небольшой, меньше полувека, период высокого Ренессанса, дал только Генр. Вельфлин (*Die Kunst der Renaissance. Italien und das deutsche Formgefühl*, 1931).

сферы влияния орнаментального декора, вообще общей декоративности зданий до степени того, что декоративный убор показывается в отдельных частях как совершенно независимая величина.

В архитектуре Кахетии эта общая тенденция грузинской архитектуры тоже выявилась, но не достигла отмеченного только что крайнего самостоятельного развития. Напротив, в ней имеется только самое общее выявление декоративных интересов, запросов, которые удовлетворяются исключительно ролью дополнительных акцентов на членении архитектурного организма. И в этом отношении, несомненно, известное значение сыграло и то внешнее обстоятельство, получившее значительно более глубокое влияние, которое заключается в невольном перерыве традиции в силу иноземных опустошений, падающих на XIII и XIV века. Но, конечно, оно одно не объясняет этого: ведь архитектура Кахетии и X—XI веков не знает почти вовсе орнаментальной резьбы. Таковая попадает только в качестве редкого единичного пятна. Между тем остальная грузинская архитектура к этому времени успела уже пройти ряд стадий, изжить определенные группы мотивов и их трактовки и выработать новые, построенные на совершенно иных психологических и артистических основах. Таким образом, несомненно, что ригоризм в архитектуре Кахетии обусловлен особым психологическим складом населения. Чтобы один материал обусловил это явление, тоже, конечно, неправильно; это тот именно материал был изыскан кахетинцем-зодчим, ибо он более всего отвечал его духовным требованиям, а не потому что другого будто бы он не смог найти и применить. Ведь мы знаем, что и возможность орнаментальной резьбы была налицо (фрагменты на Алаверди, части храма Хирса, Икалтойский иконостасный фрагмент); материал, если бы была на то психологически необходимость, привезли бы и из других мест. Таким образом, не избежать убеждения, что эта внешняя простота убранства кахетинских зданий вполне отвечала художественным запросам населения и является отражением глубин его психики.

Устремление зодчего Кахетии было с самого начала, таким образом, еще сильнее, чем у грузина других районов, направлено на твор-

чество монументальных форм. Та или иная архитектурная композиция стоит перед нами, как цельное создание, не постепенно выраставшее снизу вверх и застывшее, а выявляющее сразу всю свою форму. Для этого показательна, конечно, купольная архитектура, как действительное, настоящее выявление грузинской архитектуры. Именно купол определяет все здание, определяет созданное пространство. Это характеризует в полной мере древнюю архитектуру, но следует отметить, что и архитектура зрелого средневековья при всем выявлении живописных установок все-таки сохраняет в значительной мере эти качества по отношению к самому основному в каждом таком памятнике. Рассмотрение, восприятие грузинского архитектурного памятника — при непосредственном восприятии его в природе — происходит сверху вниз, так сказать, а не путем какого-либо вчувствования движущихся снизу вверх сил, роста; он должен быть охватываем и охвачен в этой законченности своего оформления, в согласованности и неразрывности частей, в ясных пропорциях их — целостно, симультанно, что облегчается распределением в храме света — от сияющего купола к нередко полумраку внизу.

Таким образом, основной характерной чертой грузинской архитектуры, созданного ею пространства является то, что это пространство охватывается не в последовательном ритмическом восприятии длинного ряда повторяющихся элементов, а, если можно так сказать, симультанно, целостно, сразу, как одно целое; другими словами, оно не состоит из ряда так или иначе соединенных одинаковых частей, а, напротив, вылило сразу из одного куска, где рассмотрение и освоение деталей, частных способно только углубить впечатление целого, а не является решающей компонентой этого целого, не способствует созданию синтетического единства. Другими словами, восприятие целого пространства должно предшествовать этому возможному разложению, расчленению, оценке каждой части отдельно. Следовательно, в этом пункте мы находим полную противоположность западноевропейским памятникам, как романской эпохи, так и готики, где восприятие пространственности основано в первую очередь на ритмической

внутреннего пространства естественно протекает сверху вниз, от сводов к основанию.

¹ Интересно однако напомнить, что в романской архитектуре, так же как и в грузинской, восприятие

последовательности членов и постепенно-поступательном охватывании ее¹.

Итак, все пространство должно быть доступно этому охватыванию сразу с тех мест, на которые, впервые вступив, попадаешь внутрь храма, т. е. от входов. Это обстоятельство раскрывает нам наличие необходимости формировать пропорционально части здания — чем больше по площади храм, тем выше вздымается граница пространства вверх; чем больше форма плана отступает от равномерной из центра фигуры и сильнее намечает, разрабатывает продольную ось, тем опять сложнее и труднее становится эта задача, иметь возможность охватить одним взглядом все пространство, как только переступишь порог входа и опять она властно требует соответствующих пропорций высоты¹. Здесь нужно оговорить, что насильственный затор естественного хода развития в период монгольского хозяйничания показывает новое, отличающееся от всего предшествующего соотношение высотной компоновки здания и его площади.

Сказанным уже намечено, а реальные примеры сами подсказывают это, что по основному мотиву купольная архитектура Грузии выросла из центрального типа композиций, где средний квадрат равномерно расширен во все стороны². Этот лейтмотив, этот основной решающий элемент построения сохраняется и во всех тех задачах и решениях, в которых изменяется эта центричность в сторону известного продольного принципа расположения частей. Такие задачи и решения выступают, как мы видели, с необходимостью по требованиям художественно-архитектурного развития. Но эта смена продольностью идет и развивается только в очень ограниченных пределах. Однако, уже в таких границах, что не со всякой двери охватывается один и тот же в расположении своих частей вид пространства, так как это пространство неравномерно во все стороны. Но все-таки и эти различные зрительные восприятия частей пространства только тогда получают свое завершение, когда объединяются при посредстве ведущего и определяющего всю

композицию купола на барабане: тогда образ созданного пространства, как единого целого, получает четкое очертание.

Та характерная черта древней грузинской архитектуры, по которой внутреннее пространство, создаваемое зодчим, ограничено стенами здания, и все построение является, таким образом, твердо и устойчиво оформленным, именно сплошными массами стены из камня, определяет и подтверждает этот подход simultaneousного охватывания всего пространства. Вместе с тем она определяет и характер верхнего завершения стен в куполе и сводах, она определяет наличие арок. Благодаря этим частям, как раз особенно ярко выявлена связанность, целостность строения, невозможность в восприятии его пространства идти последовательно от элемента к элементу, а необходимость воспринять его целостно. И вот поэтому-то и охватывается все это пространство сразу, сверху до низу; венчающий пространство купол является решающей и определяющей все пространство частью.

Характерно, что грузин-зодчий не считает нужным резко и сильно, определенно и подчеркнуто отделять один элемент своего строения от другого. Так, своды непосредственно сливаются со стенами, на которых они установлены, редко где конха отделена легким выступом пяты (Дзвели Гавази); даже восемь граней барабана под куполом не отделены ни от полусферы, ни первоначально и от стен внизу. Только памятники бароккального понимания вводят выступающий карнизный выступ в основании барабана, где четкие формы трюмп заменяются скользящим и связывающим безраздельно все очертание основания в одно целое переходом парусов. В сводах остальных частей легким акцентом разделения элементов является наличие импостов под арками на пилястрах. Когда в созданном пространстве купол опирается не на выступы стен здания, а на свободно стоящие столбы, то пяты перекинутых с них арок, конечно, тоже выделены наличием импостов.

Принцип целостного восприятия пространства наличием свободно стоящих под куполом

„strahlenförmig“ — звездообразно. С. Гуйэ в своей последней книге, где он свел богатый новый материал архитектуры раннехристианского Востока (впрочем по Кавказу только из Стриговского и Бальтрушайтиса) в качестве основы средневековой архитектуры Запада, как раз подчеркивает специфику ее — центральный крестовый план с возвышающимся куполом в перекрестии.

¹ Теперь, формулировав общую особенность грузинской архитектуры, я могу высказать о Ниноцминдском кафедрале следующее предположение. Исходя из означенной черты, естественно предполагать, что угловые четыре помещения первоначально открывались в главное пространство Ниноцминдского храма высокими арками, как юго-восточная примерно.

² Стриговский применяет к этому выражение

04.11.2013 21:03:41

устоев нарушается только отчасти, он не откинут, не отброшен по существу и последовательно, скорее только модифицирован и несколько урезан. В таких же строениях, как Вачнадзианская Квела-Цминда, целостность пространственного восприятия вполне сохранена и выявлена, несмотря на определенную удлиненность ее композиции. В Алаверди точно так же удлиненность западного рукава не исключает целостного охвата всего композиционного замысла, который затем сильно обогащается при включении боковых частей, хор и т. д. и получает свое развитие и завершение. Поэтому действительно главным входом должен считаться здесь западный; южный и северный же имели только дополнительное значение, хотя и из них получается почти сразу целостный вид на решающие составные пункты замысла.

Но и в некупольной грузинской архитектуре живы те же принципы, хотя нередко базиликальные церкви несколько затуманивают наличие этого подхода, если брать их без сравнения с базиликами других стран, где они пришли по духу народной психике. При таком сравнении становится вполне очевидным, какое перерождение претерпевает этот, казалось бы, вполне выработанный и определенный тип христианской церкви. Особенно наглядно выявляется это созданием своего варианта, названного трехцерковной базиликой. В последних поделено на самостоятельные пространства все здание, и каждое из этих пространств по своей тектонике закончено и допускает только единое целое восприятие. Не иначе обстоит вопрос и с залами дворцов, как было показано в своем месте. В дворцах особые требования создали и совсем иной прием оформления, хотя и в них нет никакой последовательности восприятия частей пространства, а самое пространство ограничено стенами.

Наличие стены и свода, как оформляющих внутреннее пространство элементов, и последующее включение — в ту же систему формирующих элементов — столбов единой с ними тектонической природы, т. е. ограниченных в объеме вырезок тех же стен, уже говорит нам, что подход в создании этого внутреннего пространства только и мог быть вполне определенным. Никакому действительному подражанию, имитации тем или иным растительным или во-

обще подражающим природе формам, здесь нет места; все может быть лишь отвлеченным созданием «геометрических» форм. Это положение именно и вызывает не какое-то последовательное вчувствование в архитектурной форме «растущих в высь сил», а, напротив того, совершенно свободное от этого восприятие и любование законченными пропорциями, завершенностью и закругленностью целостно созданного пространства. Даже пять арок только в пределах необходимости оттенялись капителями самой простой формы. Таким образом, ничего даже напоминающего положение, напр., египетского храма с его воспроизводящими растительные образцы колоннами и капителями, даже раскрашенными совершенно натуралистически, или с его потолками, повторяющими опять же и покраской небо, здесь нет и быть не могло. С другой стороны, нет и фангастического преувеличения устоев готической архитектуры с ее опять натуралистическими капителями и др. Характерно, что все столбы внутри зданий никогда не превышают размеров, ясно воспринимаемых в своих соотношениях, и сохраняют всегда гармоничность и спокойствие, несмотря на функцию опоры и напряжения сил. Даже если они не особенно высоки и стройны, как, напр., в западном рукаве Алаверди, в них нет ничего тяжелого, ничего напряженного. То же самое относится и к полуциркулярной или подвышенной арке, а равно к подковообразной.

В этом отношении и красочная сторона является вполне выдержанной. Грузинские храмы внутри оставались в натуральном материале камня без покраски и только мягкость тонов его действовала нейтрально, вполне предоставляя архитектурным формам производить полностью и безраздельно свое впечатление. Древнейшие церкви, по всем имеющимся данным, если включали роспись, то ограничивались исключительно внесением в алтарную конху торжественной композиции, исполненной в гармоничных, определенных красках¹. Все же остальные части стен оставались не покрытыми ни штукатуркой, ни росписью. Лишь позднее при развитом феодализме расписывание всех стен получает и в Грузии распространение, сперва, правда, лишь конх, помимо алтарной, т. е. верхней части стен², а затем уже и целиком

¹ См. Памятники типа Джвари, Тб., 1948, стр. 12, 15 и Я. И. Смирнов, Цромская мозаика (посмертное издание). Тб. 1935 (то же: вторая часть книги

Georgische Baukunst, Band II. Die Kirche in Zromi und ihr Mosaik).

² Ср. росписи Дзвели Шуамта и Атенского Сиона.

всех стен¹. В дворцовых залах, конечно, стены были все украшены — красочно и скульптурно, частью, несомненно, посредством ковров, тканей и т. д. Но мы отмечали, что тут перед зодчим вообще была иная задача, чем в храмовой архитектуре. А потому понять и оценить творчество здесь нужно, исходя из несколько других отправных точек и притом, конечно, особенно сильно сохраняя и наблюдая всю совокупность явлений. А она, как понятно, была направлена на создание других эффектов, ставила себе задачей выразить и подготовить другие эмоции.

Все это внутреннее пространство грузинских храмов было определенным образом освещено через окна. И распределение окон само по себе является чрезвычайно важным фактором в нашем восприятии всего пространства. Главный, доминирующий, источник света сосредоточен в куполе, барабан которого прорезан большим или меньшим числом окон. Отсюда именно распространяется свет в центральной части здания — под куполом, а пониже к этому прибавляются еще окна в нижних ярусах. Таким образом, сразу подчеркивается, привлекает к себе взгляд входящего сияющая купольная часть храма, от которой, следуя мягким переходам света и тени, взор охватывает все пространство храма и доходит постепенно до низа. Едва ли необходимо еще напоминать, что само распределение проемов стремится создать известную группировку по частям и в целом. В дворцовых залах подход к задаче, как было отмечено, иной и потому характер проемов иной — размеры их в отношении зал громадные и количество большое. Распределение соответственно заданию освещать не воздушные регионы, а место нахождения людей, устроено, начиная с уровня пола.

Созданное взаимным сочетанием этих специальных решений общего характерного подхода пространство храма, представляет собой в типичных, вполне развитых и художественно законченных достижениях монументальной архитектуры величественное пространство, где с полной отчетливостью передано впечатление свободы, широты и высоты, соединенное с требованием тишины, спокойствия, торжественности и величия. Это впечатление полного простора достигается не абсолютно громадными размерами и не какой-либо пыш-

ностью, богатством декорации и т. д., а, напротив, полной простотой и строгостью, регулярностью форм при относительно небольших размерах.

Определенная четкость пропорций, твердые найденные размеры целого, не выходящие за определенные «человеческие» пределы — вот характерные черты грузинской и, в частности, кахетинской архитектуры. Ни в древнее время, ни в зрелом средневековьи, ни в позднюю пору пространственное образование не отходит от четкой выработки частных и спокойной уравновешенности целого; оно воспринимается ясно и совершенно определено. Пространство очаровывает находясь внутри здания, а четкие соотношения на протяжении долгих веков развития обнаруживают только лишь постепенное нарастание размеров ввысь. Как было отмечено, стены и своды соединены в одно, а не являются, как, напр., в классической архитектуре итальянского ренессанса, начисто разграниченными, вполне самостоятельными пластическими формами. Эта мягкость в соединении элементов, постепенность переходов при разработанности линейно, пластически ясных, простых и понятных форм от одной к другой является дальнейшей характерной чертой грузинской архитектуры разных стилей: вся разница сводится только к тому или иному количественному выявлению этого. Возьмем ли кафедра в Ниноцминда, Вачнадзианскую купольную Квела-Цминда, Алаверди или даже Ахали Шуамта — в каждом пространстве создано в ясных, простых, понятных, «человеческих» пропорциях, и живописность более поздних из них все еще проявляется в достаточно строгих, ясных, выявленных очертаниях. Древние, действительно строгие, классического стиля произведения типа Джвари, напр., как большой купольный храм Дзвели Шуамта, или даже предтеча этого типа — Ниноцминдский кафедра — нигде не дают формы резко отделенными одна от другой, совершенно самостоятельными в общем композиционном построении или же сухими, жестко прочерченными; они отличаются мягкостью, гладкими, естественными переходами от одной составной части к другой, можно сказать — известной живописностью решения. Определенную роль в этом своеобразном смягчении линейной четкости классического стиля, наличие в ней элементов живописности играет отмеченная выше система распределения источников света и как бы происходящее благодаря этому движение форм. В таком сложном па-

¹ Насколько поздно иногда впервые расписывались древние церкви, учит наглядно пример Алванской церкви Натлис-Мцемели.

мятник, как купольная Вачнадзианская Квела-Цминда, заключающем ясный отход от классического стиля в направлении к бароккальному, при всем наличии живописных подходов, полного подчинения частностей единой теме, субординированности всего ей одной, налицо в большой степени «классическое» спокойствие этого целого, ясность и четкость отдельных пластических форм (экседры с конхами на тропках, распределение проходов, своды по сторонам купольного квадрата). То же самое совершенно отчетливо выступает и в таком законченном новом стиле произведении, как Алавердский кафедрал начала XI века с его совершенно равномерным, симметричным по продольной оси построением видимого пространства и гармоническим от подкупольного пространства равновесием западной к восточной части, с очень небольшим диапазоном различия меняющихся зрительных картин, не отличающихся ни неожиданной новизной, ни резкой контрастностью. Бароккальность этих произведений еще очень «классична», подобно итальянскому барокко XVII века. В них нет безбрежных, смазывающих, напряженно контрастных, неожиданных видений; нет мистических, сверхчеловеческих соотношений, как в готике, или гигантских, титанически увеличенных размеров, как в другом западно-европейском барокко XVII века.

Дополнительные, встроенные в храмах алтарные преграды и другие архитектурные элементы, являющиеся одновременно украшением внутреннего пространства грузинского храма, часть которых, созданных в века блестящего развития художеств средневековья и отмечающих процветание страны, уцелела до наших дней, равно чеканные из золота и серебра иконы и утварь — составляли именно только дополнительный момент в оформлении целого пространства, оттеняя важную в ритуальном отношении часть здания. Другими словами, они решающего значения в архитектурном отношении не имели. Вот почему и теперь эти пустующие развалины, совершенно лишенные древнего убранства образами, коврами и т. д., неизменно производят глубокое впечатление и вызывают чувство удивления и восторга исключительной красотой и законченностью архитектурных форм.

2. М а с с ы. — Оформленное грузинским зодчим пространство уже в древнейших уцелевших памятниках намечает определенное решение внешних масс здания. Сперва это не впол-

не уверенные, простые, подчас несколько уклюжные объемы, которые соединяют внутреннее пространство с наружным очертанием здания. Но уже рано — во всяком случае — во второй половине VI века, значение художественно оформленных масс, как проблема архитектуры, понята зодчими и законченно разрешается ими. Построение масс определяется сочетанием четких геометрических объемов и гладкими поверхностями стен. Это создает определенную массивность архитектурному произведению, сохраняет и блюдет серьезность его. Эти же отличительные свойства, в частности, проявляются на фронте каждого фасада, в наружном облике грузинских архитектурных памятников и притом, конечно, в особенности ярко и целостно в купольных храмах, как наиболее полных и ярких представителей грузинской архитектуры.

Снаружи грузинский храм всегда представляет определенную игру масс камня. Их мощь и вес сразу дают основной тон. Здесь нет ничего случайного или невзвешенного в своем отношении к оформленному массами пространству, а, напротив того, все оформление внешнего облика является обусловленным, вызванным наличным созданным пространством. Грузинский храм является, таким образом, и во внешнем абрисе монументальным по преимуществу. В нем проявляется полная согласованность внешнего впечатления с его внутренним видом.

Существенное, определяющее значение имеет самый блок здания, т. е. построение его частей в тонко разработанных пропорциях — основной корпус и составляющая его градация элементов, расположение кровель, подкупольный квадрат — барабан — перекрытие купола. Совершенно ясные объемы; совершенно определенные, четкие и оголенные. В крепкой форме, т. е. в четких, ясных, легко читаемых пропорциях видит зодчий свои достижения, видит свои художественные цели. Напомним из некупольной архитектуры решение западного объема в Зеганской трехцерковной базилике, или остроту соотношений ее восточного фасада.

Объем, как пропорционально и симметрично построенное тело, без каких-либо украшающих элементов, т. е. простое, голое, спокойное, и гладь стены — все это определяет гармоническое звучание пропорций. В этом отношении архитектура Кахетии в особенности близко подходит к архитектуре итальянского ренессанса.

Жизнь плоскостей, как части целого: разбивка проемов на гладкой плоскости стены и соотношение их ко всей стене, ее границам — определяется симметричностью распределения и пропорциональностью элементов. Горизонтальное членение на этажи достигается пластическими отступами масс и простым распределением проемов; даже в двухэтажных дворцовых зданиях этажи между собой никакими горизонтальными линиями не разделены. В этом снова проявляется смягченность линейной четкости. Естественно при этом, что и фронтонные части нигде не отделены горизонтальным гзымзом в отдельный самостоятельный элемент.

Четкое построение объемов и их системы грузин-архитектор в данном ему пейзажном (или, скажем, городском) окружении ставит со всей пластической ясностью. Такие примеры в Кахетии, как Ниноцминда (притом с неизменным учетом на протяжении веков!), Алаверди или Греми и Алванская Цхра-Кара, особенно ярко выявляют понимание соотношения здания со всей окружающей его ситуацией, с величественным фоном гор. Но и скромные сочетания, вроде Кондамиани, Руиспири или Ахатели, всегда сохраняют за возведенным объемом его индивидуальное значение. Характерно при этом, что и в памятниках бароккального стилистического четкое фронтальное рассмотрение сохраняет свое обобщающее, подытоживающее значение. Нельзя здесь не вспомнить силуэт Ниноцминдской колокольни, где на многоэтажной, с едва играющей тенями декоративной отделки стройной башне легко и свободно посажен ажурный киоск с шатровой кровлей.

Как целое, грузинский купольный храм представляет собой и возне объем, созданный из согласования массивных геометрических фигур, образованных большими поверхностями гладких стен. Здесь нет ажурности готических фасадов, нет их почти полного отрицания значения веса камня, как основного материала строительства. Нет так же подчеркнутого в исследованиях последнего времени «балдахинного» характера византийской архитектуры с ее лишь тонкой перепонкой кладки заполнения под арочными пролетами. А как раз в полной

мере доведена до своего признания каменная стена, в ее крепости, незыблемости и самоценности гладкой поверхности, уходящей высоко ввысь; так, напр., если вплотную подойти к стене Алаверди и начать ее рассматривать, — легко прочувствовать все эти моменты¹.

Стена оплошная с громадной гладкой поверхностью является, таким образом, в грузинской архитектуре основным элементом формирования внешнего облика. Она же естественно определяет и весь общий контур всего здания. Я уже отмечал, что только в самых древних памятниках, которые, по моему мнению, являются сохранившимися образцами первоначальных попыток грузин-зодчих по созданию самостоятельных храмовых форм монументального характера и значения, каковы в Кахетии Бодбе, Дзвели Гавази и Ниноцминда, а в остальной Грузии Болнисский Сион и т. п., мы встречаем очерченные полукругом наружной стены внутренние полукруглые же в плане части зданий. Уже в середине VI века (Ниноцминда) намечился переход к охвату таких полукругов многогранной фигурой, и в конце того же VI века этот принцип оформления границами является единственно мыслимым². Так мы видим, что в художественном творчестве грузин-зодчих для оформления наружного облика проявляется, почти с первых шагов, самостоятельное развитие — конечно, форма его в связи с остальными определенно выявляет воле внутренние формы здания. Это оформление границами показывает, что грузин-зодчий искал обобщающего приема; он привел различные внутренние формы к одному общему выражению: к гладкой прямой поверхности стены. В больших зданиях решение такого оформления внутренних абсид достигается многогранностью выступов. В Кахетии этот прием продолжает свое живое применение сравнительно долго (Вачнадзиани, Некреси VIII—IX века). В Картли он рано и скоро уже уступил место полному втягиванию абсид в наружный прямоугольник³. Именно прямоугольное оформление полукруглых внутри абсид для как бы однефных церквей имеет применение и в Кахетии в древнейших уже церквях, как, напр., Самеба в Икалто, ц. Марине в Зегани, т. е.

грузинской архитектуры является широкая гладь и ощущение незыблемой мощи каменной стены, чему строгий ритм проемов только содействует.

² Подробнее в моем исследовании о «Памятниках типа Джвари».

³ См. мою Историю грузинского искусства, I, 1936 (по-груз.) — храмы в Цроми, Ркони, Верз.

¹ О значении стены в грузинской архитектуре см. в моем исследовании о Цромском храме (стр. 33, 40). Считаю нужным оттенить, что из этого свойства некоторыми делается ложное заключение относительно возможного ограничения количества оконных проемов, будто бы разрушающих художественную ценность стены. Это — ошибка: определенной ценностью древней

уже здесь ясно проступают закономерности художественного движения форм.

Таким образом, корпус грузинского архитектурного памятника определяется соотношением прямых поверхностей стен между собою по длине и высоте. Но мы знаем, что грузинский храм не представляет элементарного пространственного образования, а, напротив, ясно выявлены во всей его истории чисто артистические искания и разрешения задач. Мы знаем, что пространство его определяется и, так сказать, формируется в конечном счете наличием купола на барабане. Понятно отсюда, что и во внешнем облике храма эта центральная, не только фактически, но и по существу архитектурной проблемы, часть его, должна быть особо отмечена, очерчена и выделена. Купол грузинского храма всегда намечает снаружи основное деление корпуса здания, он занимает центральную его часть, причем в постройках удлиненного плана он всегда расположен несколько ближе к восточной, чем к западной стене: он отмечает местонахождение алтаря внутри храма, именно за восточной стеной. Ведь через окна купола струится главная масса света внутрь храма, освещает дополнительно алтарь и главным образом место непосредственно перед алтарем с его преградой, где совершается большая часть богослужения. Вот почему это положение купола ближе к восточной стене является абсолютно логичным и закономерным; но оно становится опять, как и при граненом оформлении абсидальных полуциркульных, формой художественного решения в случаях, когда само по себе не получается еще этого отношения при простом оформлении пространства¹. В таких случаях грузинский зодчий определенно компоновал весь план, все здание с таким расчетом, чтобы купол не оказался ближе к задней, западной стене, а получил свое формально требуемое законами родного искусства место — ближе к алтарной части. Только в этом случае при удлиненном плане облик грузинского храма был для него удовлетворительным и обладал необходимыми точками для всеобщей разбивки масс внешнего облика храма.

Этим мы вновь возвращаемся к определению фасадов основной части корпуса здания, над которой только высится сравнительно небольшой массив купольной части, заключенный, как и стены основного корпуса, в прямые поверхности стен барабана, граненого на восемь, а позднее и на 12 и даже 16 граней². В разбивке масс корпуса положение купола играет решающую роль: он намечает в центре центральную часть креста плана храма, перекрестье. От него перпендикулярно к каждому из четырех фасадов протягивается массивная поднимающаяся как бы средним этажом часть храма, завершенная двускатной крышей, образующей по фасаду фронтоны. Эти части, создающие внешнее выражение крестового плана храма с его особо оформленным пространством, начинаются от основания купола, вернее, образуют вместе с выраженным также в центре квадратом основания восьмигранного купола функционально связанный организм. Таким образом связь купола, как перекрестья, с самим крестом демонстрируется совершенно наглядно.—Если в центрально-купольных храмах, как Давитиани, положение купола в центре нивелирует отношение его ко всем граням корпуса, отстоящим на одинаковом отдалении от соответственной же грани купола, и приводит зодчего к отказу от фронтального завершения последних³, то совсем иначе обстоит дело в храмах удлиненного плана, где продольная О—W ось храма является определенно намеченной и разработанной. Здесь все отношение гораздо сложнее и потому было заманчивее для творца-художника: без определенной (Ost-West) оси, поневоле вытянувшейся, он не мог, конечно, так разработать свое произведение. Но этот же принцип определенно выраженной оси имеется уже в крестьянском дарбази Грузии. При всей почти квадратной и во всяком случае тендирующей к квадрату форме его главной комнаты, в нем намечаются оси — продольная от входа по столбам («деда-бодзи») до задней стены с нишами и полочками и поперечная к этой⁴. Естественно при этом, что тот же принцип должен был рано уже найти себе выражение и в ку-

раннее время); основной же формой являются круглые купола.

² Позднее, как, напр., отчасти в Бочорма и в особенности, в таких же храмах других частей Грузии (см. *Art Georgia*, 3, 1950) из фронтонности создают сугубо-декоративный момент. То же даже на отдельных куполах (Опиза, Хандзта) и в Армении (Ани, например).

⁴ Ср. Грузинские дарбази, I—IV, Т. 1926 и 1927 гг.

¹ В Грузии примерами этого могут служить Цроми и Вачнадзианская Квела-Цминда. В Армении же в такое же положение попали зодчие Мренского собора и Узундара: решения их чрезвычайно поучительны (см. в моем исследовании Цромского храма).

² Круглых барабанов грузинская архитектура не знает. Как раз обратное положение встречаем в Армении: известны примеры граненых куполов (только в

польно-храмовой архитектуре, которая в самых ранних примерах давала в крестовом плане о четырех абсидах совершенно центральное здание по композиции с абсолютно идентичными четырьмя рукавами креста. Вот почему и развитие из этого плана сложной композиции типа Джвари Мцхетского (через переходное искание в Ниноцминдском кафедрале) является совершенно необходимым собственно артистическим делом,— это этап художественной эволюции форм. Ввиду данного положения нам и приходится больше и дольше останавливаться из купольных храмов именно на этих примерах храмов с определенно разработанной продольной осью.

По восточному и по западному фасадам таких храмов, в которых выявлена продольная ось, средняя часть фасада вздымается на высоту основания барабана как часть креста с фронтоном завершением. Затем к этому среднему полю в нижней части примыкают симметрично с каждой стороны дополнительные поля в один скат на север, гсп. на юг, отвечающие угловым частям внутренней разбивки здания и намечающие их. В этой картине фасада восточного и западного для означенных основных линий контура безразлично, очерчена ли внутренняя абсида выступающим наружу многогранником или нет. Последнее только несколько осложняет общее положение, но не касается его по существу, а скорее только — в декоративном отношении. Подобная этой разбивке масс и этим вычерченным контурам фигура повторена и, можно сказать, продолжена на южном и северном фасадах. Здесь так же фронтоное завершение дает главный сверху акцент повышенной до высоты основания барабана части стены, соответствующей поперечным рукавам креста и расположенной на линии перекрестья с куполом. Но кардинальное отличие этих продольных фасадов от узких восточного и западного, заключается в различном протяжении частей по сторонам этой стены креста с фронтоном и в умении найти равновесие в особой формовке этих частей. Восточная часть фасада, как мы знаем, короче западной: это требует определенной разбивки, которая и создает равновесие частей. Так намечился первый уже подход в отношениях боковых низких частей стен к средней фронтоной, имеющей одну общую высоту с фронтонами средними частями стен западной и восточной. Боковые стены здесь не сливаются (хоть бы уступом) со средней, а, наоборот, противопоставлены ей горизонтальной чертой-границей вверху и откры-

вающимся видом крыши, подымающейся от зрителя; тогда как средняя часть имеет контурное завершение на два ската со скрытой за ним крышей. Эти односкатные на юг и север крыши угловых низких частей между рукавами креста как раз особенно определенно противопоставляют ось O—W другой оси N—S; по реальной длине они могли бы быть равными одна другой, но по впечатлению на зрителя и в этом случае одна (O—W) была бы длиннее другой. Вот с этой стороны известно, как было отмечено, удлинение является совершенно закономерным. И самое примыкание боковых стен к средней помещено значительно ниже на продольных фасадах по сравнению с восточным и западным. Это-то соотношение является основным, оно дает возможность в завуалированной закономерности соотношения частей достигнуть совершенно законченного художественного впечатления. Дополнительными к нему элементами является разбивка проемов — прежде всего входов и затем окон, — а также взаимная величина окон. Установилась постепенно в зрелое средневековье практика устраивать входные двери в храм не в поле креста, а западнее, чем накладывался второй, более слабый после фронтона, акцент на весь продольный фасад. Окна разной величины и разное распределены в трех частях, давая каждой известную самостоятельность. Все это еще сверх того закругляется наличием декоративной отделки и разбивки каждой из трех частей.

Вот основные части построения таких фасадов. Но весь облик масс храма ими не исчерпывается. По продольным фасадам над нижними боковыми частями в глубине имеется еще стена второго этажа, именно стена части креста, а в отношении внутреннего пространства стена среднего нефа храма. По восточному и западному фасадам также имеются стены над боковыми частями в глубине поперечных рукавов креста, но реально они видны лишь с угла и с большого расстояния, т. е. в оформлении художественного впечатления фасадов восточного и западного, в отличие от южного и северного, они значения не имеют. Все это — элементы, создающие своеобразный облик наружных масс грузинского храма: прямые большие каменные стены, определенная система кровель и завершение куполом на барабане, опять со специальной кровлей граненым шатром. Эта специфическая система кровель, повышающихся уступами, начиная от низких угловых частей между рукавами креста с одним скатом на про-

дольную сторону храма, затем двускатные кровли по направлению каждого из рукавов креста, между ними небольшие кровли над углами квадрата купольного основания и, наконец, завершение всего в многогранной (собразно числу граней барабана) шатровой кровле купола, представляет собой не только постепенно выработавшуюся законченную композиционную комбинацию, но и определенно развивающуюся, изменяющуюся с течением времени, сообразно внутреннему, непрекращающемуся развитию чисто художественных задач архитектуры.

Выработка этой системы кровельных покрытий хорошо может быть прослежена на картлийских памятниках, как Джвари Мцхетский или Цромский храм; не нужно забывать при этом и того ассимилирующего воздействия, которое не могла не оказать на нее система базиличного покрытия кровель в Грузии. Но раз выработавшись после окончательного стягивания многогранных выступов с самостоятельными радиально по граням расходящимися же кровлями, эта система кровельной разбивки продолжает свою внутреннюю художественную жизнь и движение. И это движение идет параллельно, идет рука об руку с некоторыми другими сторонами.

На один выдающийся пример необходимо особо обратить внимание—это купольная Вачнадзианская Квела-Цминда. Здесь постепенное нарастание объемов к венчающему многогранному на барабане купола шатру имело с каждой стороны свою композицию — наиболее выразительной сегодня является южная с тремя основными уступами разной формы (западная — изменена позднейшим изменением второго этажа обхода, а северная защитными от разрушений грузинскими контрфорсами). Точно так же ныне утеряно правильное, задуманное его выдающимся творцом сложное построение масс Алавердского кафедрала, удержавшееся до половины XIX века, которое отчасти дано в восстановлении на плане по своему периметру, показывающему к тому же ритмическую свободу формления по продольным фасадам. Тектоничность здесь свободно сочетается с легкими отступлениями, соблюдающими только спокойное равновесие масс.

При рассмотрении памятников грузинской архитектуры, достигшей, как выяснено, очень

рано уже выраженной монументальности не только форм, но и самих размеров, нельзя

не отметить факта постепенного изменения пропорций в вертикальном направлении — храмы делаются пропорционально более высокими. Для Кахетии вспомним трехцерковные базилики периода высшего развития этого типа, как Зегани, Некреси, Вачнадзиани, где особенно ярко видна тенденция повышения благодаря отсутствию купола и где, так сказать, пропорция частей зависит от самих основных масс: из купольных храмов — Вачнадзианская Квела-Цминда и Некресская купольная церковь. Данные примеры намечают переход в ярких, отчетливых формах. В полном же блеске разработанных грандиозных размеров и пропорций находим громадную высоту целого и громадную же высоту частей его в Алаверди: это — несравнимая картина, перед которой еще более стройные и вытянутые пропорции храмов Кахетии XVI века все-таки имеют только очень легкий вид. Однако в последних тем не менее та же тенденция не только продолжает жить, но она еще усугублена и развита дальше¹. Следовательно, совершенно несомненно в грузинской архитектуре такое повышение, вытягивание пропорций в процессе развития. Но Кахетия в этом отношении занимает, безусловно, исключительное место во всей грузинской архитектуре. С одной стороны, нигде в остальной Грузии эта тяга не выявлена так ярко и сплошь захватывая все памятники. Она видна, чтобы дополнить второстепенными примерами, если взять Кветера или Бочорма — эти совершенно небольшие церковки, очень изящные по замыслу и по исполнению, не менее наглядно, чем, напр., в измененных сообразно требованиям средней эпохи IX—X веков куполах Дзвели Гавazi или Кисисхевской Квела-Цминда, так же как и во всех других, в их отношении к основному корпусу храма. С другой стороны, не только что это явление пронсисированное выражено в архитектуре Кахетии, но оно раньше проявляется здесь, чем в Картли.

Таким образом, естественно напрашивается отсюда заключение, что исходный толчок этого движения имеется именно в Кахетии. По-видимому, общему проявлению этой тенденции в остальной Грузии содействовало действительно раннее выявление ее в Кахетии. Здесь и без чувствительного повышения, вытягивания пропорций могла бы продолжать свое развитие

¹ То же явление замечается и в остальной Грузии настолько ясно, что уже Н. П. Кондаков при всей недостаточности, непроверенности и случайности мате-

риала мог определенно выставить наличие ее показателей (Древняя архитектура Грузии, 1876).

архитектура всей Грузии. Но нет: в ней выявилась эта тенденция, эта тяга в высоту, сильно и совершенно определено. Конечно, нельзя отрицать того, что подобную же тенденцию можно установить по чертежам для Византии и для Армении: только ни там, ни тут она не проявляется с такой наглядностью и в такой прогрессии и, во всяком случае, не бросается в глаза при непосредственном восприятии памятников разного времени, как то имеет место в Грузии вообще и в особенности в Кахетии. Здесь это явление ясно выступает и сразу же помогает и при определении памятника. Оно, конечно, имеет и общее такое же соотношение; памятники Армении в своих пропорциях держатся совсем иной меры. Они не дают такого острого соотношения высоты к площади, они более низкие пропорционально последней, если сопоставить их с памятниками Грузии¹. С другой стороны, в памятниках Армении выявляется достаточно сильно другая ярко выраженная в Грузии же тенденция: делать с течением времени более крутые уклоны крыш, как двускатных и односкатных, так и шатровых над куполами. Но, если от установления этого факта в армянской архитектуре Стриговский счел для себя более подходящим воздержаться — в прямом противопоставлении утверждению Н. П. Коцакова относительно грузинской, — то это основано на том простом факте, что армянские церкви почти все перестраивались и возобновлялись (редким исключением стоит Мренский собор со своей низкой крышей купола, вполне сходной с таковой грузинских церквей), и благодаря этому нигде почти не сохранилась древняя форма уклона кровли. Несомненно однако, что больший уклон кровли, т. е. повышение ее высшей точки над вершиной свода внутри, в связи с повышением подкупольного квадрата, вытягиванием его вверх, находится в определенном взаимоотношении с общей тенденцией вытягивания пропорций храмов вверх. Этот различный угол уклона скатов кровли является также очень показательным и раньше других установленным в отношении грузинских памятников в научной литературе фактом. Он показывает нам опять, что и в этом пункте развитие архитектурных форм следовало определенным художественным закономерностям, а не было продиктовано только внешними для

искусства факторами. И данная закономерность является, так сказать, многогранной, разносторонней, ибо она выразилась и в общем вытягивании пропорций всего здания вверх.

Эти общие массы грузинского храма с рядом плоскостей стен в разных планах создают определенную игру света и тени на всем фасаде храма. Особенно характерным является и здесь, конечно, купол на барабане, всегда резко очерченный на фоне неба ли, гор ли, или леса, но всегда составленный из ярко освещенных и теневых граней. И выступающие рукава креста естественно дают тень и таким образом также, конечно, сильно содействуют пластической яркости и закругленности облика здания. Но и помимо этого отдельные элементы чистой декорации фасадов как раз подчеркивают возможность игры света и тени и содействуют подвижности, разнохарактерности этого явления. Здесь необходимо различать двух родов декорацию, именно такую, которая по своему принципу обходит равномерно все части храма и иногда даже заходит и внутрь храма, от другой, имеющей исключительные места применения. Из этих двух групп первым появляется применение отдельных элементов, имеющих константное и неизменное место в связи с конструктивной логикой здания — именно образование ниш в местах скопления громадного мертвого массива каменной кладки. В Самеба Икалтойского монастыря такая выемка произведена внутри здания созданием высоких и просторных, полукруглых в плане двух ниш в алтарном пространстве: они экономят мертвую массу в этих углах прямоугольного снаружи здания. Тот же прием применен в пределах второго этажа восточных частей Алавердского собора, где, конечно, невозможно было ничего сделать снаружи этих частей. Но зато именно в Алавердском соборе из кахетинских храмов на восточном фасаде в месте границы главного алтаря имеются громадные треугольные в плане ниши. Это характерный для грузинской архитектуры мотив, развившийся очень рано уже на первых же этапах. Мотив, подготовленный или, вернее, выявившийся в первоначальной форме в Джвари Мцхетском, получил уже в Цромском храме свою ярко разработанную форму. Этот же мотив нашел себе применение и в базиличных храмах Грузии того же

¹ Ср. один проведенный пример этого выше, гл. VI, 2, или в исследованиях о памятниках типа Джвари и при сравнении Цроми с аналогичными Армении; и

статью И. Орбели, О первоначальной форме купола Ахтамарского храма, ЗВО, РАО, т. XXV, 1921, стр. 293 слл.

времени¹. Он весь обусловлен был в своем гезисе конструктивно-техническими моментами, но, раз получив определенную форму в прямой стене, он прочно и самостоятельно вошел в художественную жизнь, давая различные декоративные ценности восточному фасаду. При этом техническая почва его образования никогда не забывалась в грузинской архитектуре, а, напротив, логика, обуславливающая существование треугольных ниш на фасаде все время строго сохранялась и соблюдалась. В этом пункте армянская архитектура представляет совершенно отличную картину. Характерное место в этом вопросе занимает, действительно, церковь св. Рипсима в Эчмиадзине. Но она в теперешнем своем виде не является постройкой VII века, как обычно это утверждают на основании сообщения историка Себеоса; ее нельзя относить ко времени ранее конца IX века. На каждом из четырех фасадов этой церкви типа Джвари, вогнанной в наружный прямоугольник стен, получились мертвые массивы стены около внутреннего закругления абсид. Эти-то массивы и разгружены созданием треугольных ниш по фасадам. Несомненно, что перегруженный и совершенно разбитый глубокими нишами вид храма благодаря чрезвычайному значению святыни его, стал образцом для подражания армянских церковных фасадов. И действительно этот же мотив видим примененным на «купольном холле» в Ширакаване (897—898 гг.) и, начиная с указанного времени, на подавляющем большинстве армянских памятников достаточно различных типов². Конечно, создание ниш на трех или на всех четырех фасадах возможно, только игнорируя техническую сторону, нарушая законы устойчивости и обеспеченности здания. Возможно, что в связи с этим не в последнем счете восторжествовал и получил особое распространение тип, названный Стриговским *Kirpeltalle* («купольный холл»), где легче было сделать на боковых продольных фасадах треугольные ниши, чем, напр., в крестово-купольных храмах со свободными столбами. Вот к каким совершенно различным результатам пришли грузинские и армянские зодчие в раз-

витии и применения данного мотива. Мы имеем закономерную строго-архитектурную разработку плана и возведения строителем Джвари Мцхетского, как этап на пути искания, как бы избавиться от излишней мертвой массы сплошного массива стены. Предшествующие этапы этого развития намечаются в Ниноцминдском соборе и в таких приемах, как примененный в Икалтойской Самеба. Они-то привели грузинскую архитектуру к решению упомянутой проблемы, технической и — после Джвари вместе с тем и — фасадной, в постройке Цромского храма. В армянской архитектуре аналогичные ниши всплывают сразу в готовом виде Цромского типа на всех четырех фасадах Рипсима (после того, как еще в Аване при подобном же решении плановой проблемы церкви этого типа треугольных ниш на фасадах нет). Если форма и общий вид треугольных ниш в церкви Рипсима совершенно неуклюжи, то это вовсе не указывает на «время, рождения» (*Ursprungszeit*) самого мотива, как предположил Стриговский. Здесь уже не видно настоящей, жизненной связи ниш с конструктивными вопросами, не видно корней их зарождения в таковых. И то же полное непонимание этой стороны вопроса встречается также и в выдающихся армянских постройках, как, например, соборы в Ани, Ширакаване, Марашене и т. д. Следовательно, не совсем необоснованной представляется мысль о том, что данный мотив украшения храмов наружными нишами в Армении заимствован в готовом виде из Грузии и, не будучи проработан в своих основах, получил применение на всех фасадах, причем часто необоснованное конструктивно⁴.

Таким образом, в грузинской архитектуре треугольные ниши имеют всегда одно только место, именно на восточном фасаде на границе главного алтаря и боковых помещений жертвенника и ризницы. И они знаменуют собой, как уже сказано, определенное соотношение масс храма, они не простая декоративная игра, а осмысливание данного отношения в декоративной форме. Установление особенного отли-

С. 36-38).

⁴ В Рипсима оно, конечно, оправдывается и технически. Но дальнейшее употребление говорит за непродуманность и этого «первого» применения. — Примечательно, что армянские постройки 30-х и 40-х годов VII века в типе купольных зданий с четырех свободно стоящих столбах не знают применения треугольных ниш на восточном фасаде.

¹ См. мою *Историю грузинского искусства*, I, Т. 1936 — глава о Ркони и Верз.

² Ср. *Strzygowski*, т. с.; Д. И. Гримм, *Памятник архитектуры в Грузии и в Армении*, СПб. 1864; и альбом В. Арутюняна и С. Сафаряна, *Памятники армянского зодчества*, 1951.

³ Как относится к этому явлению сирийская архитектура базилик, мною указано в исследовании о Цромском храме (*Georgische Baukunst*, Bd. II, Tiflis 1943

чительного декоративного мотива только для восточного фасада естественно повышает значение его, подчеркивает, что это есть в понимании христианского зодчего главный фасад храма¹.

Совсем иной подход отличает собой ту декорацию, главный остов которой составляет декоративная арка на тонких полуколонках или пучках их, помещенная в тех или иных группировках на всех фасадах храма. В этом мотиве зодчий находит средство и соединять те или иные части фасадной разбивки, и выделять их посредством ее. Это — гибкий аппарат в его руках, открывающий ему самые широкие возможности, вплоть до повторения того же ритма и внутри храма. В Кахетии, как известно, и этот мотив так же мало, как и треугольные ниши восточного фасада, имеет применение. По сравнению с остальной Грузией причины этого заключаются в отличии строительного материала, применявшегося зодчими Кахетии, и обусловленностью особыми психологическими подходами их к своим задачам. Лишь когда был создан в Алаверди один из величайших кафедралов всей Грузии, да и не ее одной, то строитель его не мог не применить специально декоративных элементов, ибо иначе его громадные стены и массы вообще, не будучи никак расчленены, совершенно утратили бы масштаб для определения их размеров. И действительно, в этом соборе применены и треугольные ниши восточного фасада, и аркатурная разбивка всех фасадов, и даже орнаментальная резьба, ибо архитектор учел особенности своего грандиозного творения. Сообразно каждый раз встававшей надобности он варьировал и ход распределения, группировки и установления архитектуры, как это было уже подробно рассмотрено выше².

И тот и другой вид декорации содействовали разнообразию игры света и тени на фасадах. Глубокая тень в восточных нишах особенно усилила впечатление и украшала их. Декоративная аркатура дополняла его. Наконец, по продольным и по западным фасадам аналогичное восточным нишам значение должен был иметь открытый портик с глубокими тенями в арках

¹ В Кахетии помимо Алаверди треугольные ниши сделаны также на восточном фасаде Кунтус-сакдари. В этой связи интересно отметить, что зодчий Озаани, памятник, являющегося в ряде пунктов передовым, сделав в пастофориях полукруглые абсиды, разрешил задачу фасадного оформления созданием трех различно выступающих вперед полукруглых частей, по-видимому, вдохновившись образцом близлежащей почитаемой усы-

его. Но если ниши восточного фасада подчеркивали стройность и вытянутость, связанность всех частей в вертикальном направлении, начиная еще с вершины шатра купола, то аркады портиков, напротив, подчеркивали устойчивость, незыблемость основ здания в горизонтальном направлении. Следовательно, достигалось здесь во внешнем облике полное равновесие. Таким образом этот бароккального стилистического памятник остается другими приемами оформления в рамках спокойной «классической» уравновешенности.

Если в применении декоративных украшений архитектура Кахетии поражает ригоризмом и строгостью, то и в отношении красочных сторон декора она не менее сдержана. Только все в ту же эпоху Алавердского кафедрала введен в более широкое употребление желтоватый шпирит, в остальном же применяется бесцветный, серый булыжник и покрываемый штукатуркой (серо-белой) кирпич. В этом отношении также намечается отличие от остальной грузинской архитектуры, ценившей красочные достоинства материала для возведения самих стен, а тем более для резных декоративных украшений. В ней не видно безразличия к материалу и путаницы его, а, напротив, деликатное и тонкое понимание и продуманный выбор, который в отдельных случаях приводил к законченным художественным произведениям и полихромии, как, например, особенно ярко в Мцхетском католикосском кафедрале Свети-Цховели, в Питарети и т. д. В Кахетии ничего этого нет, а есть только строгое наблюдение за тем, чтобы не было красочного диссонанса, кричащей (кирпичной, например) краски, а чтобы был нейтральный, спокойный цвет. Это позволяло зодчему легко согласовать строение с пейзажем, ибо тут достаточно было только согласования геометрических форм, без красок. В компоновывании же архитектурного произведения в весь ансамбль местности есть, как мы знаем, одно из непреложных положений всей грузинской архитектуры — они подбирались друг к другу так же, как и внешние массы храма были неразрывно сцеплены системой проемов с внутренним «созданным»

пальницы св. Нины в Бодбе.

² Другой, совсем иначе решенный сообразно миниатюрным размерам и одинаковому от центральной вертикали построению масс, пример — Кветера; в нем умело противопоставлены граненым частям полукруглые, обрамление полуколоннок с арками связывается с вертикальными и горизонтальными валиками и т. д.

340363/41
УДК 73.01(075)

пространством и выявляли, намечали или знаменовали собой вонне те или иные внутренние части, формы или особенности его. Таким образом, архитекторы Грузии создали не только

целостную архитектуру, но и целостную в том пейзаже и с той местностью, где воздвигался памятник.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Рассмотренные в настоящем исследовании памятники грузинской архитектуры в ее крайней восточной части — Кахетии, имевшей, судя по всем сохранившимся отрывочным данным и сведениям, богатую и незаурядную историю с определенной политической программой и дальновидностью ее правителей и представлявшей собой в древнюю эпоху передовое государство в составе Грузии, которое боролось даже за гегемонию на всем Кавказе, представляют совершенно ясно эти две стороны, оттеняемые уже ее историческими судьбами. Архитектурные памятники Кахетии являются частью грузинской архитектуры, но вместе с тем обладают такой самостоятельностью, и самоценностью, что это позволяет рассматривать их отдельно. Заключительное рассмотрение художественных ценностей архитектуры Кахетии, как части всей грузинской архитектуры, показало, из каких основных моментов состоят эти ценности. Мы начали рассмотрение с самого внешнего момента — материала построек. Здесь перед нами открылся крайний предел расхождения с остальной грузинской архитектурой, расхождения в отношении художественного значения почти принципиальной величины. И тем не менее, в своем совершенно нейтральном, лишенном каких-либо специфических художественных качеств материале зодчие Кахетии создали законченно-художественные произведения. Нельзя не отметить здесь, что это своеобразие материала отличает архитектуру Кахетии так же от армянской и от средневековых стилей Западной Европы, где всюду, как и в остальной Грузии, применяется тесаный камень.

Рассмотрение планов по их композиционным задачам и по намечавшемуся ходу развития их замыслов также показало, что имеются некоторые неизвестные в остальной Грузии формы — а напр., первые примеры «купольного холла» появляются в Армении, по-видимому, несколько позже кахетинского храма Вачнадзианской Квела-Цминда и постепенно приобретают там

широчайшее распространение. Все эти отличия заставляют опять остановиться на историческом сообщении о переходе в середине X века от монофизитства к православию, произведенном царицей Динарой в середине X века, несомненно как шаг дальновидной государственной политики, а не какого-либо определенно личного религиозного искания, т. е. имеющий широкую почву и основание в населении. Однако, не только все отличия архитектурного порядка не сосредоточены лишь на предполагаемой территории Эретии, но и не видно, не удастся подметить таких отличий в церковном устройстве, которые бы определенно указывали против православного распорядка в нем. А между тем большая часть некупольных церквей Кахетии страшно разрушена, т. е. они опустели в далекие времена, и, следовательно, древние особенности их устройства могли еще сохраниться нетронутыми.

Таким образом, вопрос о конфессиональной причине в архитектурных отличиях приходится отводить за отсутствием данных, а индивидуальные особенности в созданных композициях относить, как аналогичные и в других районах Грузии, за счет естественного в феодальных условиях своеобразия очень слабо между собой связанных частей, где только ведущие, основные черты и формы культуры определяют позднейшее национальное единство. И действительно, к моменту подготовлявшейся и осуществленной в Грузии кратковременно единой феодальной монархии и в формах и в приемах монументальной архитектуры в Кахетии выявляется согласованность с установками остальной Грузии.

Нужно подчеркнуть — одно несомненно, что какой-либо борьбы православия против памятников монофизитских не видно; если последние вообще существовали, то, очевидно, их просто заново освятили и тем дело было кончено. Все места поклонения остались на том же месте и с тем же признанием в народной психике.

Итак, рядом с применением и своеобразным

использованием иного строительного материала, в значительной мере способствовавших выявлению чисто архитектурной заинтересованности Кахетии, заключительное выявление ценностей артистического творчества пространства и масс зданий, в котором кульминирует все рассмотрение, показало, что несмотря на встречающиеся значительные отличия исходных подходов к проблемам создания архитектурных памятников и несмотря на единичный иногда характер этих подходов, Кахетия представляет картину несомненного единства со всей Грузией в отношении этих двух кардинальных ценностей.

Грузинская монументальная архитектура древнего времени обладает такой простотой и чеканной четкостью форм, большими простыми плоскостями и линиями, которые позволяют ставить произведения ее рядом с великими творениями итальянского ренессанса. Она так же пластична, определена по силуэту, формам и постановке, так же спокойна и уравновешенна с законченной пропорциональностью объемов и пространств, с органической увязанностью в целом всех элементов, с легкой члененностью и ясным соотношением горизонталей и вертикалей, что все создает ощущение невозможности что-либо изменить. И все эти подходы в основных своих чертах проявляют значительное воздействие еще и на изменившиеся установки последующего живописного порядка — в особенности сильно это в Кахетии.

Доминирующее значение такого подхода, по видимому, объясняет до некоторой степени устойчивый пиетет отношения в Кахетии к памятникам самого различного времени: в Кахетии мы почти не знаем переделок. Т. е. можно

прямо сказать, что каких-либо переделок ради приспособления зданий к изменившимся вкусам, с целью согласования с требованиями моды, как это так поражает обозревателя архитектурных памятников Армении, и что подчас встречается в Германии и даже России, мы в Кахетии совершенно не знаем. Переделки применяются только в результате предшествовавшего разрушения здания и связанного с ним восстановления. Ведь Алавердский храм донес еще до XIX века окружавшие его портики, несмотря на страшные разрушения, постигавшие кафедрал. Эти открытые портики снесены лишь в XIX веке ради «благолепия» при ремонтах, произведенных по указанию церковного русского управления. Таким образом, совершенно несомненно, что кахетинец, в качестве созерцателя своей архитектуры, высоко ценил ее и передавал свой пиетет по наследству потомкам, которые, правда, сооружали постройки по вкусам и требованиям моды и культуры уже своего времени, но не прикасались к красоте творений предшествующих поколений. К сожалению, нет никаких литературных памятников, подтверждающих это положение, есть только простое выражение высокого преклонения перед памятниками, несомненно, ассоциативно сливающееся с таковым перед его святынею, как то постоянно встречается в царских грамотах или отразилось, начиная с XVI века, в отчетах русских посольств в Кахетию. А между тем такое оригинальное литературное произведение дало бы выражение того, что мы устанавливаем сами, как факт высокой оценки и бережного отношения к произведениям родной культуры и искусства прошлого.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

- Абазасдзе Иоани — 25
 Абай, см. Георгий авва Алавердский
 Абастуман — 118
 Аббас I, см. Шах-Аббас I
 Абибос (или Абиб) Некресели, один из 13 сирийских отцов — 15, 16, 44, 103, 369
 Або Тбилели св. — 106, 108
 Абрамишвили Ш. — 561
 Абу (Абул) Касим — 22
 Абуладзе И. В. — 20, 44, 104, 105, 369, 587
 Абулал — 23
 Абул-Гариб Пахлауни — 599
 Абу-Хуасро, эристави горских районов Тушетии и Дагестана — 18
 Абхазия — 17, 18, 22, 23, 315, 578
 Аван — 221, 480, 613
 Авва Бени или Вал, Вахман, Вахми, Туал, Нтап, см. Амба (Авва) Вал
 Ав-Георгий, царь Кахетии (1511—1513 гг.) — 30
 Авив, см. Абибос
 Авлевис-цкали, см. Қвалевн
 Авчала — 28
 Агало — 349
 Ага-Магомет-Хан — 32
 Агафангел — 596
 Агдгомис-Сопели (Агдгома), см. Шихнани
 Аграк (в бывш. Карской области) — 225, 230
 Агсартан I, царь Кахетии (1058—1084 гг.) — 22, 26, 27, 404, 423
 Агсартан II, царь Кахетии (1102—1105 гг.) — 22, 28, 439
 Агсартан, царь Кахетии, упоминался в надписи Торгвасихе — 524
 Адариасе Патрик (Патрикий), владетель Эретин X в. — 22, 23
 Адариасе — ослепленный — 18
- Адариасе Багратнони, на дочери его Латавре женился сын царя Арчила Джуаншер — 19
 Адариасе II, царь (886—923 гг.) — 480
 Адияман — 484
 Аджамети — 27
 Адриан, император римский (117—138 гг.) — 204
 Адриерсе, эрисмтавари Кахетии — 16
 Адриерсе, эрисмтавари Грузии — 271
 Адчара — 510
 Азербайджан — 2, 3, 13, 27, 29, 130, 135
 Азия — 209, 478, 479, 508, 509
 Акаурта — 63, 190
 Аксибара, см. Воскепар
 Акура, базилика Давида Гареджийского (Мама Давити) — 110—123; 33, 34, 68, 79, 97, 103, 124, 125, 129, 133, 134, 135, 136, 139, 175, 181, 197, 240, 307, 314, 324, 398, 405, 410, 444, 477, 484, 488, 547, 555, 587
 колокольня пристроенная — 472
 марани — 110
 Алаверди, епископская кафедра — 15
 храм купольный св. Георгия — 369—405; 6, 11, 16, 23, 33, 60, 70, 78, 79, 86, 91, 103, 128, 129, 147, 214, 240, 259, 261, 299, 315, 339, 347, 348, 368, 407, 410, 414, 433, 434, 435, 466, 471, 477, 481, 483, 484, 485, 487, 488, 489, 497, 525, 526, 529, 530, 531, 573, 575, 576, 580, 585, 586, 587, 590, 591, 599, 600, 601, 603, 605, 606, 608, 611, 612, 614, 616
 дворец наместника персидского шаха — 573—576; 369, 525, 529, 530, 531, 581
 палаты епископские — 526, 527, 529
 жилые помещения — 526, 527
 трапезная — 526, 527, 530
 марани — 369, 525, 526, 529, 530
 крепостные сооружения — 525—528; 32, 369, 529, 530, 531, 539.
 баня — 369, 528, 530

Указатель составлен Т. В. Барнавели.

- казарма наемных войск — 369
 родник монастырский — 530
 водопровод — 528
 цистерна — 528
 ворота и колокольня — 526, 527, 529, 530, 531
- Алами — 484
 Алахан-монастырь (Ходжа-Калеси) — 185
 Албанели Д. — 571, 572
 Албания (Ран) — 3, 17, 20, 23, 369, 435
 Алборов Б. А. — 369
 Алвани (Земо), базилика Натлис-мцемели, близ селения — 94—97; 12, 34, 50, 68, 78, 101, 110, 119, 120, 133, 135, 139, 179, 181, 218, 314, 360, 446, 472, 490, 495, 570, 571, 587, 606
 колокольня пристроенная к базилике Натлис-Мцемели — 472, 494, 495
 дворец царя Леона «Цхра-Кара» — 570—571; 94, 495, 581, 608
 Алвани (Квемо), церковь купольная «Самеба» — 455—457; 465, 471, 571, 572
 дворцовая постройка близ села — 571—573; 581
 церковь около дворцовой постройки — 571, 573
 здание казначейства около дворцовой постройки — 573
 Александр I, царь Грузии (1412—1442 гг.) — 30, 395, 402, 426
 Александр I, царь Кахетии (1476—1511 гг.) — 30, 241, 242, 385, 388
 Александр II, царь Кахетии (1574—1605 гг.) — 30, 31, 33, 67, 122, 123, 194, 195, 349, 371, 373, 407, 411, 432, 440, 445, 446, 450, 451, 452, 453, 455, 461, 464, 469, 470, 483, 494, 496
 Александр, царь царей — 334
 Александр I, император России — 85, 338
 Александр Окропиридзе, епископ гურიеско-миргельский — 100, 109
 Алибад — 459
 Алибегашвили Г. В. — 419
 Алтарные преграды:
 Акура — 113, 123, 175, 444
 Алаверди — 372, 401
 Алвани — 95
 Ахатели — 464
 Ахшани — 88
 Байхо — 92, 94
 Бодбе — 85
 Бочорма — 418, 421
 Вазисубани — 80, 125, 128
 Вачнадзани — 187, 291, 292
 Велисдихе — 153
 Гареджийские пустыни — 60
 Зегани — 169
 Зедазени — 99, 109
 Икалто — 346, 348, 435, 603
 Кондамиани — 152
 Лелиани — 193, 194
 Матани — 49, 50, 55, 458
 Некреси — 174, 322
 Ниноцмида — 237, 242
 Озаани — 355, 356, 359, 360
 Пудзнари — 424, 425
 Сапариса — 195
 Сачини — 430
 Сиони — 132, 133
 Череми — 559
 Шуамта Дзвели — 45
 Альбертини Франческо — 232
 Альп-Арслан — 26, 27
 Альфарани — 222
 Амаглеба, см. Озаани
 Амба (Авва) Вал, настоятель Зедазенского монастыря (также Авва Бени или Вал, Вахман, Вахми, Туал) — 107, 108
 Амвросий Некресели — 533
 Амида, см. Диарбекир
 Амидастури, см. Вачнадзани
 Амилахвари Гиви, строитель колокольни Петханской (Вифлеемской) церкви в Тбилиси в 1740 г. — 497
 Амилахвари Иоани (Иван) Георгиевич, адъютант гвардии заместителя на Кавказе — 216, 220
 Амиранашвили Ш. Я. — 45, 208, 222, 515, 516
 Амман (древняя Филадельфия) — 311
 Амфилохий, епископ Нисский — 211
 Анна, царица, жена царя Кахетии Александра I — 371, 373, 395
 Анастасия (в монашестве), Анна — дочь Гарсевана (Чолокашвили) — 51, 55
 Анна (в монашестве Анастасия), см. Анастасия
 Анна, дочь Гарсевана (Чолокашвили), см. Анастасия
 Ангильберт — 284
 Ангулем — 482
 Андроникашвили Николай, епископ Ниноцминдский — 500, 524
 Ани — 230, 231, 480, 509, 609
 церковь Абугамренц — 209, 422, 423
 церковь Апостолов — 230
 храм Гагика — 226
 тетраконх в Вышгороде — 230
 церковь Тиграна Хоненца — 318
 храм Спасителя (Пркич) — 209, 231, 510, 599
 колокольня при храме Спасителя — 509
 минарет Мануче — 521
 царский дворец в Вышгороде — 578

- дворец Абул-Гариба Пахлавуни — 599
собор — 481, 613
дворцовая церковь — 64, 140, 480
большая церковь из раскопок 1912 года — 509, 510
- Антиохия — 28, 593, 594
Антоний Авва, мозаичной надписи грузинской церкви в Бир-Эль-Кутте, близ Иерусалима — 389
Антоний Марткопели, один из 13 сирийских отцов, основатель Марткопского монастыря — 16, 78, 79
Антонов, один из русских послов в Грузии в 1589—1590 гг. — 394
Апамеа — 228
Апаран (Кассах) — 37, 480
Апшерон — 578
Аргина — 481
Арешани — 28
Аришу (Ареш) — 23
Аркис-Цихе — 26
Армази, около Мцхета — 14
Армази Ксанский (в ущелии реки Лехури) — 133, 136, 218, 329, 360, 361, 415
Армения — 5, 14, 18, 23, 29, 37, 108, 140, 141, 142, 159, 185, 202, 203, 204, 205, 207, 209, 210, 211, 213, 221, 224, 225, 227, 228, 230, 231, 241, 254, 255, 258, 269, 313, 315, 317, 318, 319, 398, 415, 421, 422, 423, 477, 479, 480, 481, 482, 483, 484, 485, 509, 511, 583, 585, 586, 587, 589, 590, 591, 593, 596, 599, 602, 609, 612, 613, 615, 616
Арсакиды — 479
Арсений (Арсен) Икалтойский, духовник царя Давида Строитсля (1089—1125 гг.) — 348, 563, 564, 569
Арсений II, католикос (955—980 гг.) — 104, 106, 109, 369
Арсукидзе, архитектор Мцхетского храма Свети-Цховели — 399.
Артануджи — 26, 353
Артик — 225, 254, 255, 481, 484
Артозани — 16, 78, 104, 542
Арутюнян В. М. — 225, 231, 254, 480, 613
Аруч (Талыш) — 315, 317, 318, 319, 484
Арчил, царь Кахетии (VIII в.) — 18, 19, 66, 67, 118, 403
Арчил, царь Кахетии (1664—1675 гг.) — 31, 32, 371, 577
Асат, сын Григория, владетель Гиши — 28
Асат, владетель Камбечани — 20
Ассуан (Deug Anbâ Nadra) — 286
Асурети — 107
Атени — 64, 117, 250, 349, 484, 485, 605
Афины — 228, 230, 547
Афон — 547
Африка северная — 508, 509
- Ахал-Даба (около сел. Земо-Ходашени) — 429
Ахали Гавазн, см. Гавазн Ахали
Ахалкалаки (близ Гори) — 202
Ахатели — 464—466; 33, 65, 79, 214, 471, 473, 483, 608
Ахмета — 16, 78, 160, 515, 573
Гвтээба-базилика — 71—79; 52, 53, 54, 63, 82, 83, 90, 91, 92, 94, 97, 131, 135, 139, 158, 159, 163, 177, 207, 268, 486, 577
Ломиса св. Георгия (в окрестностях) — 199, 489
дворец «Цхра-Кара» около Гвтээба — 573; 577, 581
- Ахпат — 509
Ахтамар — 254, 415, 416, 599, 612
Ахшани — 86—91; 71, 78, 97, 116, 135, 163, 190, 410, 496, 592
Ашот, правитель Марилиский — 26
Ашот Куропалат (786—826 гг.) — 17, 19, 20, 260
Ашот Кух (899—918 гг.) — 285
Ашрава — 501
Аштарак — 480
- Багаран — 221, 223, 229, 255, 481, 484
Баграт III, царь (975—1014 гг.) — 22, 23, 24, 399, 423
Баграт IV, царь (1027—1072 гг.) — 25, 26, 27, 136, 414, 423, 435, 563
Базари, см. Загемн
Байхо — 91—94; 135, 159, 261
Бакар (Бакур), царь — 44
Бакрадзе Д. З. — 11, 55, 99, 101, 104, 109, 232, 243, 244, 385, 497, 510
Бакур, из рода Дачи, сына Горгасала — 16
Бакур, см. Бакар
Бакурдухт, в надписи на Ниноцминдском храме — 241
Бальтрушайтис Ю. — 141, 142, 483, 596, 602, 604
Бана (бывш. Карская область), тетракоих с обходом — 223, 226, 227, 228, 229, 230, 267, 480, 600
малый тетракоих — 230
Барам — 28
Барамидзе А. Г. — 30
Барановский П. Д. — 13, 130, 131, 132, 135, 226, 227, 269, 437, 600
Бардавелидзе В. В. — 411, 521
Бардави — 16, 21
Барнавели С. В. — 56, 243, 354, 403, 418, 524, 581
Барнавели Т. В. — 51, 59, 117, 154, 180, 333, 346, 348, 349, 357, 411
Барт П. — 399
Бартышевский Г. Ф. — 354
Барцана, см. Варцана
Батуа — 478

- Бахмац, см. Bachmann
 Бахрам V Гур — 311
 Бахтало, см. Загеми
 Бахтриони — 22, 578
 Бедиа — 125, 354
 Бежан-бсев Рамазан — 395
 Бежан мшигнобартухуцеси, отец Иосифа, строителя церкви в Ахатели — 465
 Бежан-Хан (1677—1683 гг.) — 32
 Бейер Т. П. — 55
 Белакани — 2
 Бель, см. Bell G. L.
 Белокуров А. С. — 56, 176, 194, 394, 447, 450, 451, 461
 Бердзенишвили Н. А. — 1, 2, 11, 15, 24, 25, 29, 30, 31, 49, 84, 132, 133, 136, 274, 280, 354, 369, 399, 407, 416, 459, 465, 515, 519, 531, 563, 577
 Бердзенишвили Н. З. — 4
 Беридзе В. В. — 211, 231, 404, 422, 423, 426, 432, 496, 510
 Бери Эгнаташвили, см. Эгнаташвили Бери
 Бетанна — 48, 360, 424, 426, 510
 Бет-ель-Халиф (Bet el Khalife) — 312
 Биети — 173
 Биланишвили З. Г. — 202
 Бир-Эль-Кутт (близ Иерусалима) — 391
 Б-ли — 577
 Б. К. — 100
 Бобисгери (бывш. Карская область) — 133, 229
 Бода, см. Бодбе
 Бодави — 423
 Бодбе — 6, 11, 14, 15, 30, 84, 354, 369
 монастырь св. Нины — 83—86; 41, 70, 71, 134, 135, 136, 138, 139, 208, 218, 264, 361, 490, 516, 597, 614
 Бодбели, см. Иоани Бодбели
 Бододжи, см. Тианети
 Болниси — 37, 64, 65, 67, 70, 71, 83, 85, 86, 102, 131, 132, 135, 141, 156, 211, 220, 221, 222, 245, 246, 314, 332, 468, 480, 588, 592, 598, 601, 668
 Болниси Квемо (бывш. Болнис-Капанакчи) — 78, 82, 141, 142, 149, 156, 157, 160, 161, 220, 246
 Болнис-хеви — 161, 162
 Болотов В. В. — 108
 Бони — 139
 Босра — 142, 222, 227, 228, 269, 597, 600
 Бочоридзе Г. Ф. — 407
 Бочорма — 22, 24, 27, 420, 514, 519, 520, 521, 524
 церковь св. Георгия в крепости — 416—423; 61, 129, 214, 231, 257, 361, 372, 402, 404, 415, 433, 435, 471, 477, 487, 488, 489, 497, 601, 609, 611
 крепостные сооружения — 521—523
 дворцовые сооружения — 522, 542, 546, 578
 колокольня — 497
 Брад — 479
 Браилашвили Н. П. — 411, 521
 Браманте — 597
 Брауншвейг — 579
 Брети — 597
 Броссе М. И. академик, см. Brosset M. F.
 Брунов Н. И. — 222, 309
 Буга Турок, военачальник арабских войск — 21
 Будрум-Джами (Myreleion), см. Константинополь
 Бунзен — 222
 Буннатов Н. Г. — 64, 254, 422
 Бурдж Хедар (Burdj Hedar) — 478
 Бэр — 133
 Вазисубани (бывш. Уриатубани) — 6, 34, 79, 129, 157
 Базилика усения богородицы в селе — 79—83; 71, 78, 84, 86, 89, 90, 94, 110, 124, 131, 135, 163, 190, 211, 284, 477, 488, 516, 592
 «Самқариани», трехцерковная базилика — 154, 159, 188
 Санагирэ, монастырь — 123—129; 6, 34, 133, 136, 139, 140, 197, 199, 314, 350, 398, 477, 484, 489, 587
 Давитиани, купольная церковь — 264—265; 12, 34, 79, 213, 215, 253, 266, 267, 268, 285, 330, 481, 486, 487, 488, 587, 600, 601, 609
 Вакири — 186, 187
 Ванга — 551—555; 522, 542, 545, 550, 559, 579
 Варзаварт, владетель Камбечани — 20
 Вараг-Банк — 415
 Вардзиа — 357
 Варзахан — 231
 Варташен — 2
 Вартбург — 579
 Варцана (Барцана) — 349—354; 34, 133, 273, 314, 355, 359, 361, 362, 364, 365, 434, 439, 477
 Василий, император Византии — 25
 Вахвашишвили — 539
 Вахвашишвили Заал, базиэрт-ухуцеси — 539
 Вахвашишвили Вахушти, брат Заала Вахвашишвили — 539
 Вахтаг, сын царя кахетинского Леопа — 445
 Вахтаг Горгасал, царь Грузии — 15, 16, 18, 127, 133, 190, 477, 516
 Вахтсмут, см. Wachtsmuth Fr.
 Вахушти Багратиони, царевич, историк и географ Грузии — 1, 7, 11, 15, 18, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 28, 30, 31, 32, 49, 51, 55, 67, 84, 133, 194, 243, 274, 280, 311, 348, 354, 369, 371, 372, 423, 424, 445, 459, 464, 519, 531, 563, 577

- Ваче Бери, сын Гургена, эристави Хорнабуджи — 26
- Ваче-дзор, см. Калмахи
- Ваче Канчавели, самтависский епископ (XI в.) — 403
- Ваче (Дачи), корикоз, сын Иованна Квабулидзе (826—839 гг.) — 20, 21
- Вачиадзе — 432
- Вачиадзе, игуменя монастыря в Бодбе — 84
- Вачиадзе Илларион, архимандрит — 428
- Вачиадзиани (ныне Шрома) — 6, 176, 265, 287, 547
- монастырь Квела-Цминда (в окрестности) — 6, 12, 181, 287, 489, 532, 587
- купольный храм в монастыре — 287—320; 6, 34, 64, 97, 103, 119, 120, 181, 214, 245, 267, 272, 321, 323, 324, 347, 360, 361, 362, 363, 364, 365, 368, 395, 396, 397, 398, 399, 400, 434, 477, 481, 484, 487, 488, 489, 545, 578, 586, 588, 590, 591, 599, 600, 605, 606, 607, 608, 609, 611, 615
- трехцерковная базилика в монастыре — 181—184; 52, 185, 186, 198, 200, 211, 221, 272, 284, 287, 295, 314, 477, 486, 488, 586, 611
- трапезная в монастыре — 181, 287
- монастырский родник — 181, 287
- помещение монастырской библиотеки — 181, 202
- купольная церковь «Свети-Цховели» в селе — 265—266; 34, 215, 268, 487, 597
- «Гомартис св. Георгий», в селе — 405
- «Амидастури» св. Георгий в селе — 176—178; 123, 161, 186, 187, 188, 265, 288, 599
- «Палати», вне села — 546—551; 187, 188, 198, 522, 542, 552, 555, 569, 579, 580
- дворцовая церковь — 187—188; 551, 580
- зальные церкви и многоэтажные башни в окрестностях, в лесу — 551.
- Веджини, крепость — 2, 7, 11, 12, 23, 25, 27, 32, 466, 514, 523
- главная церковь «Амаглеба» и другие церкви в крепости — 7, 466, 493, 523
- колокольня в крепости — 492, 493, 494
- купольная церковь «Квела-Цминда» — 466—469; 6, 7, 214, 259, 471
- Велис-Цихе — 559—561; 542, 550, 579
- трехцерковная базилика — 153—154; 156, 157, 159, 161, 162, 163, 177, 559
- Вельфлин Генр., см. Wölflin, Heinrich
- Верден на р. Рейне, Luciuskirche in Werden am Rhein — 120
- Верцоне П., см. Verzone P.
- Верэ — 78, 97, 135, 480, 608
- Византия — 14, 15, 17, 18, 20, 21, 29, 227, 228, 508, 509, 612
- Вимпфен — 421, 579
- Виньола — 316
- Витербо, колокольня у S. M. della Cella — 478
- Вифлеем — 222
- Вифлеем, см. Бир-Эль-Кутт
- Волконский Ф. Ф., русский посол в Грузию (XVII в.) — 369, 372, 394, 459, 531
- Воронцов М. С., наместник на Кавказе — 220, 576
- Воскепар (Аксибара) — 255
- Вульф О., см. Wulff, O.
- Габерди — 369
- Гавази, Ахали — 12
- Гавази, Дзвели (Ахалсонели) — 11, 12, 21, 23, 32, 194, 216, 220, 224
- купольный храм — 216—231; 34, 86, 213, 215, 237, 240, 242, 245, 246, 254, 268, 269, 284, 314, 477, 485, 486, 487, 589, 599, 608, 611
- Гавриил (или Григорий), настоятель Зедазенского монастыря — 107, 108, 109
- Гавриил Донаури, корикоз (861—881 гг.) — 21
- Гагари Г. Г. — 11, 173, 176, 249, 360, 531, 576
- Гаги — 22, 29
- Гагик I, царь Армении (X в.) — 24, 226, 415
- Гагики, царь Кахетии (1029—1058 гг.) — 26, 27, 334, 404
- Гагики-Квирике, см. Гагики
- Гамбарян П. — 238
- Гамбашидзе Н. К. — 516
- Гамрекели — 108
- Ганджа, Гандза — 27, 28
- Гарбани — 20, 349
- Гардабани — 18, 19, 20, 21, 22, 28, 29
- Гареджийские пустыни, см. Давид-Гареджа
- Гарни — 142, 159, 593
- Гарсеван Чолокашвили, см. Чолокашвили Гарсеван
- Гарсеван, в надписи на алтарной преграде базилики в монастыре Цхра-Кара в Матани — 51
- Гацерели Ак. — 428
- Гвиниашвили Г. И. — 437
- Гевонд — 19
- Гегути — 564
- Гелати — 569
- Гельхваузен — 579
- Георгий, архиепископ, упоминается в надписи храма Степан-Цминда в Хирса — 334
- Георгий, в надписи храма Мама-Давити в Акура — 117
- Георгий, сын царя-царей Александра I, царствовал в Кахетии с 1466 по 1476 г. до того царь всей Грузии с 1446 года — 30
- Георгий-Абай, см. Георгий авва

- Георгий авва алавердский, племянник эристава эриставов Годердзи — 389, 404
- Георгий II, абхазско-картлийский царь (912—957 гг.) — 22, 24
- Георгий I, царь Грузии (1014—1027 гг.) — 24
- Георгий II, царь Грузии (1072—1089 гг.) — 27, 28
- Георгий Блистательный, царь Грузии (1318—1348 гг.) — 128, 402, 432
- Георгий, сын царя Кахетии Леона, наследник престола, пал в бою в 1561 г. — 446
- Георгий Мерчуле — 19, 190, 202, 418
- Геракл, см. Иракий II
- Гиши — 435—436; 2, 15, 20, 28, 437
- Глюк, см. Glück H.
- Гогюба — 231, 404, 422, 423
- Годердзи, эристав эриставов — 26, 389, 391, 403, 404
- Годердзиани (или Годердзи) — 18, 23, 403
- Гозалишвили Г. К. — 4
- Гол — 480
- Гомбори — 161, 407, 416, 514, 517, 521
- Гонашвили Д. — 4
- Горгасал, см. Вахтанг Горгасал
- Горгиджанидзе Парсадан — 371
- Гордеев Д. П. — 11, 13, 45, 59, 163, 176, 179, 181, 225, 243, 350, 351, 399, 510
- Гори — 86, 202
- Горис-Джвари (близ г. Гори) — 86
- Горис-Джвари (около с. Ахшани) — 86
- Гослар — 579
- Гортыня — 172
- Грабар А. Н., см. Grabar A.
- Гревский А. Н. — 109
- Греми — 11, 26, 30, 33, 194, 214, 447, 450, 451, 495, 496, 497, 500, 501, 508, 510, 513, 534, 536, 547; 570, 581, 608,
церковь Мтавар-Ангелози — 447—450; 26, 33, 161, 242, 330, 339, 440, 444, 445, 446, 451, 452, 453, 454, 455, 456, 461, 462, 463, 470, 471, 487, 498, 500, 501, 534
церковь успения богоматери с колокольной и звонницей — 6, 489, 494, 495, 510
церковь «Тарса-Галавани» — 461
баня — 528
накулбакеви (гостиный двор) — 461
трехцерковная базилика св. Евстафия близ Греми — 161, 170, 173
- Григол II, католикос — 106.
- Григорий потомок Рева, владетель Кахетии при Вахтанге Горгасале — 16
- Григорий, эристави Эретии, при Вахтанге Горгасале — 16
- Григорий, правитель Кахетии (787—827 гг.) — 17, 18, 19, 20, 28
- Григорий, см. Гавриил (Григорий), настоятель Зедазенского монастыря
- Григорий, настоятель Зедазенского монастыря — 107
- Григорий Нисский — 211
- Григорий Просветитель — 596
- Григорий Хандзтийский — 202
- Гримм Г. Д. — 509
- Гримм Д. И. — 11, 360, 370, 376, 395, 613
- Гуарам, эрисмтавари и куропалат — 16
- Гуарельские Чавчавадзе (т. е. Кварельские Чавчавадзе) — 424
- Гударехи — 510
- Гуйэр С., см. Guyer, S.
- Гулгула — 2, 18, 65
- Гулисашвили Ал. — 242, 244
- Гулкан — 51
- Гурамов, инициатор обновления Зедазенского храма — 99
- Гурандухт, царица, мать царя Баграта III — 22
- Гурген, царь, отец Баграта III — 22
- Гурген Великий, кларджетский эристав эриставов — 22, 23
- Гурджаани — 273—286; 9, 12, 23, 34, 64, 85, 97, 119, 120, 151, 205, 214, 272, 273, 287, 288, 289, 295, 307, 309, 310, 313, 314, 323, 324, 327, 329, 330, 347, 360, 361, 362, 364, 399, 477, 481, 486, 488, 490, 516, 555, 578, 584, 586, 587
- Гуриели Мамна — 444, 445
- Гурко В. А. — 347
- Даба — 128, 432
- Давид Безземельный, Самшвильдский и Зоракертский царь — 25, 26
- Давид-Гареджа, пустыни пещерные — 4, 6, 11, 16, 28, 34, 38, 103, 109, 110, 118, 121, 122, 123, 348, 418, 419, 445, 472, 523, 533, 581, 587
- Давид Гареджели, один из 13 сирийских отцов, основатель Гареджийских пустыней — 16, 86, 103, 110, 369, 597
- Давид Ректор — 563
- Давид Строитель, царь Грузии (1089—1125 гг.) — 17, 20, 27, 28, 29, 348, 439, 564, 569, 577
- Давид, корикоз Кахетии (976—1010 гг.) — 22, 23, 24
- Давид (Имам-Кули-Хан), царь Кахетии (1703—1722 гг.) — 32, 78, 122, 242, 577
- Давид, царь царей и куропалат, владетель Тао — 22
- Дадашев С. А. — 130, 226, 579
- Дальтон О. М., см. Dalton, O. M.
- Дана — 478
- Дау — 231
- Дафни — 593

Дачи (Ваче), см. Ваче (Дачи)
 Дачи Уджармели, сын царя Вахтанга Горгасала — 15, 16
 Двин — 57, 65, 318, 400
 Дедоплис-цкаро — 32
 Деир Либа Хадра (Deyr Anbâ Hadra), см. Ассуан
 Деметре, государственный деятель Кахетии — 16
 Деметре, сын царя Давида Строителя (затем царь Деметре I) — 28
 Демир-булах — 78
 Дербент — 19, 20
 Дер-Ахзы — 172
 Дер-ез-Заферан (Der ez Zaferan) — 478
 Дер-Нерсесян Серарпи — 254
 Дер Симан (Der Siman) — 478
 Джавахишвили И. А. — 1, 2, 3, 4, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28; 29; 30; 51, 57, 79, 106, 108, 132, 190, 202, 214, 326, 349, 399, 400, 401, 403, 405, 406, 414, 423, 436, 445, 446, 447, 448, 450, 480, 514, 519, 521, 542, 546, 587
 Джанаани — 464
 Джанашвили Д. — 437, 460
 Джанашвили М. Г. — 11, 44, 49, 57, 84, 250, 369, 436, 445, 460, 524, 531, 577
 Джанашиа С. Н. — 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 202, 563
 Джандиери Г. Р. — 187
 Джандиери Л. Г. — 187
 Джанта-Сакдари, см. Матани
 Джапаридзе Захарий — 555
 Джари — 31, 32
 Джаро-Белокани (Елисени) — 31, 32
 Джаши Илларион — 55, 62
 Джвари Мцхетский, большой храм — 3, 6, 7, 9, 21, 34, 45, 67, 108, 152, 158, 159, 205, 206, 212, 215, 220, 225, 226, 229, 244, 245, 246, 250, 251, 252, 254, 255, 257, 267, 268, 278, 284, 309, 415, 480, 484, 488, 597, 598, 600, 601, 606, 610, 611, 612, 613
 малая церковь — 9, 34, 52, 84, 212, 224, 232, 237, 238, 246, 259, 260, 261, 267, 282, 313, 484, 485, 585
 Джеди, эристав Штори и Мадчи, племянник эристава эриставов Годерзи — 26, 404
 Джорджадзе Нодар, енисельский моурави — 280
 Джорджадзе Никифор — 338
 Джуаншер, правитель Кахетии, сын Арчила — 19
 Джуаншер, грузинский летописец, автор истории царя Вахтанга Горгасала — 4, 15, 16, 44, 133
 Дзвели Гавази, см. Гавази Дзвели
 Дзвели Шуамта, см. Шуамта Дзвели
 Диарбекир (Амида) — 228, 286, 313, 478
 Дигуами (Дигоми) — 28, 484

Диди Сагина, лицо упомянутое в гуджаре 1579 царя Кахетии Александра — 432
 Диль Шарль, см. Diehl, Ch.
 Димитрий II Самопожертвователь, царь Грузии (1271—1289 гг.) — 510
 Динара, правительница Эретни, дочь Адарнасе, сестра Гургена Великого, Кларджетского эристав-эристава — 22, 23, 24, 615
 Динара, царица Эретни, около 1010 г — 23
 Диракляр — 142
 Дманиси — 355, 564
 Долис-Кана — 360, 364
 Долидзе В. О. — 462
 Доментий IV, католикос Грузии (1704—1724 и 1738—1742 гг.) — 109, 497
 Донаури Гавриил, см. Гавриил Донаури
 Донаури Самуил, см. Самуил Донаури
 Дранда — 131
 Драсханакертели, см. Иоани Драсханакертский
 Дуландухт, царица, жена царя Кахетии Александра I — 241
 Думбадзе М. К. — 1
 Дьелафуа, см. Dielafoy, M.
 Дьяконов М. М. — 13
 Дюбуа, см. Dubois de Montpereux Fréd.
 Евсевий, экзарх Грузии — 446
 Евстафий св. — 118
 Евстафия церковь, см. Грени
 Евфимий, настоятель Гареджийского монастыря Натлис-Мцемели, строитель Манавской церкви в 1794 г. — 472
 Егизаров Л. — 509
 Егивард — 142, 231
 Египет — 142
 Екатерина II, императрица России — 32
 Е. К. (епископ Кирион) — 45, 109, 395, 446
 Елисени, см. Джаро-Белокани
 Елису — 20
 Енисели — 461
 Ереруй — 37, 480
 Ермаков Д. И. — 12, 45, 101, 370, 437, 447, 448, 460, 495, 509, 515
 Ефрем Мцире — 106, 134
 Ефрем, в надписи на храме «Перисцвалеба» в Икалто — 349
 Жалети — 13, 22, 27, 136, 138, 140
 Жерминьи-де-Пре, см. Орлеан
 Живвали — 423
 Жордания Т. Д. — 56, 104, 106, 107, 108, 109, 122, 241, 242, 350, 371, 388, 403, 432, 446, 495
 Загеми, (иначе: Базари, Эски-Базар, Бахтало) — 30, 31, 33, 214, 459, 460, 461, 470, 471, 490

- Закарая П. П. — 354
 Закхей — 176
 Захарий, настоятель Зедазенского монастыря — 107, 109
 Захария, епископ Кацаретский — 65
 Западная Европа — 32, 204, 209, 211, 228, 230, 231, 284, 478, 479, 480, 482, 485, 491, 508, 511, 588, 592, 596, 597, 598, 599, 615
 Зара — 313
 Зарзма — 510
 Заринджа — 230
 Звартноц — 225, 226, 227, 228, 229, 230, 255, 599
 Звенигородский, русский посол в Грузии в 1589 г. — 176, 394, 460, 461
 Зданевич И. М. — 225
 Зебед — 222
 Зегани, монастырь близ села — 12, 164, 169, 261, 263, 587
 трехцерковная базилика Квела-Цминда в монастыре — 164—173; 53, 78, 82, 131, 142, 151, 159, 161, 163, 176, 177, 178, 180, 185, 186, 187, 188, 190, 211, 223, 261, 263, 272, 284, 288, 308, 313, 314, 321, 323, 398, 477, 481, 484, 488, 516, 584, 586, 588, 592, 599, 607, 611
 церковь св. Марине, в монастыре — 261—264; 164, 205, 215, 265, 268, 477, 590, 594, 600, 608
 Задени, Квемо — 105, 107, 108
 Зедазени, монастырь — 97—109; 3, 16, 34, 54, 64, 78, 86, 93, 119, 120, 122, 134, 135, 138, 139, 158, 163, 181, 311, 314, 422, 477, 497, 586, 587, 597, 598
 крепость — 28, 97, 109, 522
 колокольня — 497
 Зедгзити (Зигзити, Зейзит) — 436—437; 424, 435
 Зелингенштадт — 579
 Земо Алвани, см. Алвани, Земо
 Земо Крихи — 133
 Земо Сванетия — 509
 Земо Ходашени, село — 33, 86, 89, 429, 489
 Земо Ходашени, см. Сачини
 Зенон, монах в Алавердском монастыре — 392
 Зенон Икалтоели, один из 13 сирийских отцов, основатель монастыря в Икалто — 16, 86, 258, 261, 339, 347, 348, 369, 563, 597
 Зураб, начальник канцелярии Кахетинского царя — 536, 537
 Зураб, сын Сагина — 431, 432, 470
 Иван, отец Липарита — 27
 Иван, сын Липарита — 27
 Иване Аришисдзе, владетель крепости Лоцобанта — 22
 Иванецкий Т. — 460, 461
 Игнатий, епископ Кацарельский — 56
 Иджарети — 496, 510
 Иерусалим — 21, 28, 200, 391
 церковь Иоанна Крестителя — 222
 храм «Гроба господня» — 222
 Икалто — 16, 147, 339
 монастырь Зенона Икалтоиского — 6, 11, 12, 78, 563, 587
 главный храм в монастыре — 339—349; 34, 63, 86, 103, 215, 273, 353, 354, 355, 359, 361, 364, 365, 398, 406, 434, 435, 439, 471, 477, 484, 569, 591
 церковь «Самеба» — 258—261; 139, 265, 267, 269, 339, 469, 477, 590, 600, 608, 612, 613
 церковь зальная «Квела-Цминда» — 339, 348, 467
 здание академии — 563—569; 258, 339, 347, 393, 514, 542, 547, 577, 578
 трапезная — 339, 565, 566, 568
 давяльня («сацнахели») — 564, 568, 569
 трехцерковная базилика св. Стефана (в селе) — 160, 161, 603
 церковь св. Шио (в окрестностях) — 104, 347
 Икви — 360
 Икорта — 173, 360
 Илия диакон, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Илия, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Илларион Грузин (822—875 гг.) — 21, 28, 121, 122
 Илларион, Самтависский епископ, сын Ваче Капчавели — 403
 Имам-Кули-Хан, см. Давид (Имам-Кули-Хан)
 Инанашвили Давид — 84, 274, 280, 354
 Ингорква П. И. — 19, 20, 23, 28, 190, 241, 286, 353, 369, 404, 509
 Индия — 479, 480
 Иоанн Абазасдзе, см. Абазасдзе
 Иоанн Бодбели митрополит (Макашвили) — 84, 85, 259, 339
 Иоанн Драсханакертский, католикос — 20
 Иоанн Зедазели, один из 13 сирийских отцов, основатель Зедазенского монастыря — 16, 78, 86, 99, 103, 104, 105, 106, 107, 108, 109, 369, 371, 597
 Иоанн Златоуст — 222
 Иоанн Крымский — 509
 Иоанн, настоятель Зедазенского монастыря, убит сарацинами — 107, 108
 Иоанн, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Иоанн Сабанисдзе — 19
 Иоанн Самтавели — 334
 Иоанн Сапарели, католикос — 134
 Иоанн Эрисмтавари — 19
 Иов, католикос («мтавар епископоси») — 45
 Иован Квабулисдзе (Кобулович, Квабулович), отец правителя Кахетии Дачи (Ваче) — 20

- Иоване, католикос — 106
 Иона, митрополит — 446
 Иона, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Иосиф Алавердели, один из 13 сирийских отцов, основатель Алавердского монастыря — 16, 369, 370, 387, 397, 597
 Иосиф, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Иосиф, епископ Некресский — 176
 Иосиф, русский архимандрит XVII века в Грузии — 395
 Иосиф, священник, сын Бежана мцигнобарт-ухуцеси — 465
 Иосия, в мозаичной надписи грузинской церкви в Бир-эль-Кутте близ Иерусалима — 391
 Иоселиани Пл. И. — 10, 67, 68, 78, 83, 84, 86, 100, 107, 108, 109, 231, 232, 243, 244, 259, 335, 338, 339, 347, 348, 428, 446, 497, 501, 527, 531, 539, 563, 588
 Ираклий, византийский император — 16
 Ираклий I (Назаралихан), царь (1668—1711 гг.) — 32, 524, 539
 Ираклий II, царь Кахетии с 1744 по 1762 г., а с 1762 г. царь Кахетии и Картли — 32, 243, 244, 371, 385, 418, 419, 446, 472, 523, 524, 528, 536, 537, 539, 542, 576
 Ираклий царевич — 539
 Иран — 131, 203, 205, 206, 210, 253, 313, 472, 479, 480, 483, 585
 Ириид — 231, 398, 484
 Исаврия — 479
 Исани, см. Тбилиси — Исани
 Исе, один из 13 сирийских отцов — 597
 Исидор, один из 13 сирийских отцов — 597
 Исидор, экзарх Грузии — 99, 109, 446
 Искандер-Муиши — 531, 576
 Испания — 230, 478, 479
 Италия — 139, 206, 210, 228, 478, 508
 Ит-Туба — 186
 Ишхани — 225, 226, 227, 228, 267, 435, 480
 Ишханик, правитель Эрети, сын Динары — 22, 24
 Кабени, близ Коджори — 387
 Кабени, см. Канчаети
 Кавазни, крепость — 29
 Кавтар, сын Барама, знатный Эрети — 28
 Какабадзе С. Н. — 11, 20, 21, 44, 56, 65, 67, 78, 85, 104, 105, 106, 107, 108, 122, 241, 242, 335, 349, 399, 407, 432, 446, 464
 Кала-и-Чехар-Капу в Каср-и-Ширин — 208
 Калат-Симан — 478
 Калаури — 157, 159, 160, 162, 163, 287
 Калашников М. Г. — 12, 13, 45, 163, 164, 181, 192, 232, 249, 252, 264, 265, 273, 274, 275, 282, 288, 289, 290, 295, 298, 300, 301, 302, 305, 319, 492, 510
 Календер-джами — 172
 Калмахи (или Ваче-дзор) — 360
 Кальгин А. Н. — 202, 225, 226, 229, 231, 400
 Камбечани — 14, 16, 20
 Кампанья римская — 206, 508
 Канчавели З. А. — 190
 Канчаети (Кабени) — 324, 361
 Каор (Cahors) — 482
 Капитани д'Арцаго, А. де — 229
 Каппадокия — 478, 479, 592, 593
 Кара-Даг — 172
 Карагаджи — 32
 Караджала — 464
 Караязы — 2, 23, 30
 Карбелашвили П. — 273, 280
 Карданахи, монастырь св. Саввы (Саба-Цминда) — 6, 11, 143, 587
 трехцерковная базилика Саба-Цминда — 143—147; 69, 139, 151, 156, 157, 164, 179, 182, 272, 284, 314, 426, 481, 488, 586, 599
 купольная церковь Саба-Цминда — 426—429; 33, 35, 63, 143, 214, 337, 368, 432, 437, 450, 454, 471, 477, 483, 489
 колокольня — 494, 495
 Карл Великий — 284
 Карс — 255
 Каспи — 23
 Каср-Амман — 311, 312
 Каср-иби-Вардан — 172
 Каср-и-Ширин — 205, 208
 Кассах см. Апаран
 Кастория — 194
 Касури-Георгий, см. Сагурамо
 Каухчишвили С. Г. — 2, 14, 371, 569
 Каухчишвили Т. С. — 176, 448, 450
 Кацай — 241
 Кацарети, см. Хашми — Самеба
 Кацхи — 231, 404, 422, 423
 Кахи (Каки) — 2, 130, 135, 227
 Кахтубанский храм, см. Гурджаани, Квела-Цминда
 Квабул (Кобул), отец Ваче (Дачи) правителя Кахетии — 20
 Квалевы — 163, 173
 Кварели — 30, 32, 531, 547
 Кварельские («Гуарельские») Чавчавадзе — 424
 Квата-Хеви — 426
 Квемо Алвани, см. Алвани Квемо
 Квемо Болниси, см. Болниси, Квемо
 Квемо Чала — 570
 Кветера, крепость и крепостные сооружения — 519—521; 11, 12, 25, 26, 214, 411, 416, 514, 516, 522, 524, 543, 546
 крепостная купольная церковь — 411—416; 33, 128, 129, 206, 214, 240, 257, 361, 402, 417,

- 421, 422, 433, 434, 471, 477, 481, 487, 488, 489, 519, 543, 546, 585, 601, 611, 614
 дворцовые помещения — 414, 519, 520, 522, 542, 543, 549, 550, 552, 555, 557, 569, 579
 сторожевая башня («сагушаго кошки») — 521
 зальная церковь близ сторожевой башни — 521
- Квирике, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Квирике Банели, епископ — 480
 Квирике I, корикоз Кахетии (893—918 гг.) — 22, 23
 Квирике II, корикоз Кахетии (929—976 гг.) — 22, 24
 Квирике III Великий, царь ранов и кахов (1010—1031—2 гг.) — 21, 24, 25, 26, 404, 516, 517, 519, 563, 577
 Квирике IV, царь Кахетии (1084—1102 гг.) — 27, 28
 Квирик, армянский царь — 27
 Кекелидзе К. С. — 2, 3, 14, 15, 16, 21, 44, 79, 104, 106, 108, 121, 569
 Келлер А. П. — 539, 540
 Керкук — 313, 585
 Кетеван, сестра царя Кахетии Александра II — 122, 123
 Киагмис-Алты — 231, 329, 404, 422
 Киричи, см. Chierici, G.
 Кизык (Сигнах) — 469
 Кизыклер (Веджини) — 469
 Кикнадзе В. — 11
 Кинепос — 230
 Кинцвиси — 360, 362
 Кипр — 286
 Киракос — 509
 Киранц — 359
 Кирион I, католикос — 597
 Кирион епископ, см. Е. К.
 Кисисхеви — 150, 195, 198, 534
 церковь купольная Квела-Цминда — 255—258; 33, 34, 55, 103, 213, 215, 240, 245, 261, 268, 284, 311, 324, 361, 397, 398, 436, 402, 435, 471, 477, 480, 487, 488, 536, 611
 церковь «Гвтэба», в селении — 539
 церковь рождества Крестителя, в селении — 536, 537
 башня четырехугольная на краю оврага р. Кисисхеви, вне села — 534—536; 551, 570, 581
 круглая башня, в селе — 536—539; 570
- Кнузи — 479
 Киш, см. Гиши
 Кларджети — 17, 19, 20, 26, 202, 315, 353, 364, 509
 Клянашвили С. Г. — 226
 Клементос (Климент), католикос, см. Климентий католикос
 Климентий, католикос — 105, 106, 109
- Клуге, см. Kluge Th.
 Клухори — 129
 Ключарев, дяк русского посольства в Грузии — 372, 469, 501, 531, 573, 575
 Кобул (Квабул), см. Квабул (Кобул)
 Кобулашвили — 534
 Кобулов (Кобулашвили Симон), мдиванбег — 539
 Когото — 147
 Кодорский перевал — 179, 533
 Коканая (Кокапауа) — 142
 Кондаков Н. П. — 210, 211, 212, 311, 312, 376, 400, 583, 611, 612
 Кондамиани (близ Кисисхеви) — 150—153; 53, 54, 67, 78, 82, 83, 94, 119, 147, 149, 156, 157, 158, 159, 160, 161, 162, 163, 169, 198, 477, 481, 488, 587, 608
 Кондоли — 68—69; 70, 71, 82, 83, 135, 542
 Константин II, царь Кахетии (1723—1729 гг.) — 524
 Константин, абхазский царь — 23, 370, 371, 434
 Константин V, византийский император (741—745 гг.) — 286
 Константин, римский император (306—337 гг.) — 594
 Константинополь, храм св. Софии — 172, 212, 222, 228, 590
 церковь св. Ирины — 172, 222, 286, 316
 церковь Апостолов — 508
 церковь св. Сергия и Вакха — 228
 Зейнеб-джами (Chalçorpatia) — 222
 базилика Студия — 222
 церковь св. Андрея (Ходжа-Мустафа-Паша-Джами) — 313
 Мирелейон (Будрум-Джами) — 309
 мечеть Ebul Wefa Mesdschid — 313
 Мола-Гюрани-Джами — 309
- Корикос — 205, 228
 Корчибаши Бежан, восстановитель базилики Гвтэба в Телави — 67
 Корчибашишвили — 539
 Кост, см. Coste
 Кох К., см. Koch, Karl
 Кошкис-геле, близ Ликани — 482
 Краутхеймер Р. — 229
 Кроффут, см. Crowfoot
 Ксантен — 139
 Ксовриси — 361
 Ктезифон — 479
 Кубанейшвили С. — 533
 Кузнецов А. В. — 483
 Кум — 130—133; 13, 135, 138, 139, 227, 592
 Кумурдо — 231, 404, 422
 Кумур-Базар — 459
 Кунтурис-сакдари (Кунтус-сакдари, Кундузлис-сакдари), в верховьях р. Турдо — 407—411; 435, 489, 601, 614

- Курдис, настоятель Зедазепского монастыря — 107
 Курьет-Мурай — 142
 Кутаиси — 33, 214, 368, 397, 399, 400, 401, 402, 403
 Кюне Т. Г. — 12, 38, 45, 49, 97, 173, 216, 232, 258,
 260, 287, 339, 370, 411, 458
- Лагодехи** — 5, 524
 Лазарев В. Н. — 49
 Лакуаста — 18
 Далаян Е. — 415, 599
 Лалис-Кури — 23, 32
 Лапскалд — 509
 Латавра, дочь Адарнасе Багратиони — 19
 Лахмиды — 312
 Леван, царь Кахетии, см. Леон
 Лекети — 19
 Лекит — 13, 226, 227, 228, 229, 269, 598, 600
 Лелнани — 193—195; 6, 199, 218, 472, 490, 496
 Лемерль П. — 135
 Лежава Г. И. — 287, 289, 297, 298, 299, 302, 306,
 310, 311, 325, 339, 342, 343
 Леон I, царь Кахетии (1520—1574) — 30, 31, 33,
 51, 94, 97, 123, 176, 242, 243, 329, 330, 334, 337,
 338, 371, 440, 444, 445, 446, 447, 449, 450, 453,
 455, 461, 469, 470, 471, 483, 494, 495, 496, 500,
 501, 511, 524, 534, 570, 572, 581
 Леон I, правитель Абхазии «Эристав Кесарев» — 18
 Леон II, абхазский царь (786—806 гг.) — 19
 Леон III, абхазский царь (957—967 гг.) — 22, 24
 Леонардо да Винчи — 597
 Леонидзе Г. Н. — 243
 Леонтий Мровели — 2, 16, 44, 133
 Ликани — 482, 510
 Ликоония — 478
 Липарит, сын Липарита, картлийский эристав —
 25, 26, 423
 Липарит, сын Ивана, картлийский эристав — 27
 Лихаури — 510
 Лмбат — 258
 Ломоури Т. Н. — 11, 49, 84, 133, 274, 280, 354, 369,
 459, 519, 531, 563, 577
 Ломтатидзе Г. А. — 516, 593
 Лопотское ущелье — 15, 16, 78, 157
 Лордкипанидзе М. Д. — 1, 2, 3, 20, 21, 563
 Лоцабанта (Лоцобани, Лорцобанта, Луцабан-
 та) — 22, 27
 Луара — 478
 Лыхне — 578
 Ляссюс, см. Lassus J.
- Магалаант-Эклесия**, близ Цинарехи — 426
 Маарид (Маa'ridh) — 479
 Магаро — 32
 Мадчи — 25, 26
 Мадчис-цкали — 25
- Мазандеран — 501
 Мазым-чай, см. Мацимис-цкали
 Майафаркин — 186
 Макашвили — 432, 445
 Макашвили Гавриил, архимандрит, настоятель
 монастыря Ахали Шуамта при царице Тина-
 тин — 445
 Макашвили Иоанн, см. Иоанн Бодбели
 Майсурадзе З. П. — 355
 Малая Азия — 29, 30, 185, 269, 478, 479, 585,
 593, 597
 Малик-Шах — 27
 Мальс — 478
 Мама, католикос — 106, 108
 Мамулашвили А. Д. — 154, 157, 161, 178, 346, 416,
 528, 534, 564, 566, 568, 569, 576
 Манави — 12, 32, 461, 472, 473, 523, 524, 577
 Манглиси — 48, 129, 223, 224, 225, 254, 435, 597
 Марани — 22, 110
 Марилиси — 25, 49, 489
 Мармашен — 318, 613
 Марр Н. Я. — 140, 202, 207, 226, 227, 285, 353, 364,
 480, 481, 509, 510, 578
 Мар Тахмазгерд, см. Керкук
 Мартвили — 121, 206, 360, 484
 Мартиросян Р. — 509
 Марткопи — 16, 30, 78, 79
 Мар Якуб (Mar Jacob) — 478
 Мастара — 225, 254, 255, 480
 Масуди, арабский историк — 20
 Матани — 6, 12, 577
 монастырь «Цхра-Кара» (в окрестностях
 Матани) — 6, 573, 587
 базилика в монастыре — 48—51; 70, 71, 72,
 78, 82, 85, 91, 94, 129, 134, 135, 136, 139,
 156, 157, 159, 160, 163, 179, 194, 199, 207,
 268, 313, 321, 323, 398, 422, 484, 486, 488, 490
 помещение монастырской библиотеки — 50,
 202
 кирпичный зал с открытой восточной сто-
 роной — 50
 колокольня в Цхра-Кара — 496, 497
 церковь св. Николая, в селе — 458—459; 460,
 461, 464, 465, 469, 471, 490
 крепость Чолокашвили — 539
 Джанта-Сакдари, зальная церковь вне
 села — 577
 развалины дворца близ «Джанта-Сак-
 дари» — 577
- Матарси, заказчик церкви Тарса-Галавани в
 Грени — 461
 Мацимис-цкали (Мазым-чай) — 524
 Мгвиме — 16
 Мгдеури — 23

- Мегвинет-Хуцесисшвили Д. К. — 403
 Меликишвили П. Г. — 514, 542
 Меликсет-Бек Л. М. — 12, 21, 55, 59, 65, 79, 193, 199, 230, 241, 242, 243, 244, 249, 273, 279, 280, 369, 461, 463, 472, 509, 598
 Мельхиседек (Чавчавадзе), см. Чавчавадзе Мельхиседек
 Мельхиседек I, католикос — 24, 193, 399
 Менабде Л. — 16, 108
 Меписашвили Р. С. — 48, 71, 138, 158, 273, 306, 371, 551
 Мерчуле Георгий, см. Георгий Мерчуле
 Месарит Николай — 508
 Месопотамия — 103, 106, 312, 478, 479
 Месхетия — 19, 433, 496
 Месхиа Ш. А. — 22, 29, 588
 Метехи — 426
 Микаэл, художник, упомянут в фресковой надписи храма в Озаани — 357
 Микел, Ниноцминдский епископ, см. Михаил
 Милаи, S. Lorenzo — 228, 229
 S. Satiro — 230
 Милет — 231
 Милле Г., см. Millet G.
 Мир, старший сын Степаноза II, брат Арчила II — 18, 19
 Мирдат, см. Трдат
 Мирелейон (Myreleion), см. Константинополь
 Мириан, первый христианский царь Грузии — 14, 16, 44, 86, 208, 596
 Мириан, потомок Рева сына царя Мириана — 16
 Мисаил, настоятель Зедазенского монастыря — 104, 107, 108, 109
 Михаил (Микел), епископ Ниноцминдский — 234, 244
 Михаил III, Пьяница, византийский император — 508
 Моларет-ухуцеси царя Георгия Блистательного — 128
 Мола-Гюрани-Джами, см. Константинополь
 Мрен — 484, 609, 612
 Мровели Леонтий, см. Леонтий Мровели
 Муравьев А. Н. — 10, 99, 109, 232, 244, 348, 372, 446
 Мурван Кру («глухой») — 17, 18
 Муслов А., топограф — 231, 440, 441, 442, 446
 Мухелишвили Д. Л. — 517
 Мухелишвили Л. В. — 399
 Мутавакиль, халиф — 21
 Мухамед сын Халида, эмир Грузии — 108
 Мухравани — 12
 Мцхета — 3, 14, 97, 103, 104, 158, 329, 522
 кафедрал Свети-Цховели — 24, 83, 124, 214, 265, 337, 349, 368, 371, 397, 399, 400, 401, 402, 403, 404, 426, 464, 468, 597, 614
 Самтавро — 404
 малая Самтаврская церковь св. Нины — 264, 327, 516, 594, 597
 колокольня Самтавро — 510
 мост — 23
 погребальный мавзолей — 593
 Мцхетский Джвари, см. Джвари
 Мшатта — 482, 483, 585
 Мышецкий Ефим, русский посол в Грузии в 1640 г. — 372, 395, 469, 501, 531, 573, 575, 587
 Мюнценберг — 579
Надарбазеви, см. Тори
 Надир-Шах (1728—1747 гг.) — 32
 Надокра, см. Сионис-Гора
 Наткора (Ноткора, Ноктора, Нокорна, Нодокра, Нодкотра, Надокра) — 65—67; 18, 64, 66, 67, 69, 70, 71, 82, 83, 118, 135, 156, 585
 Натроев А. (Натрошвили) — 109, 399
 Нахатели (Ахатели) — 464
 Нахашмари — 57
 Нахчевани — 22, 23, 26, 480
 Нацихари, см. Ванта — дворец
 Начармагеви — 20
 Неаполь — 205, 210
 Некреси — 7, 11, 14, 16, 38, 103, 173, 176, 395, 532, 547, 555, 587
 древняя базилика — 37—45; 14, 33, 35, 38, 47, 48, 50, 70, 134, 136, 138, 139, 208, 262, 264, 284, 314, 321, 477, 481, 516, 556
 трехцерковная базилика — 173—176; 38, 53, 78, 83, 88, 116, 131, 156, 170, 176, 177, 178, 179, 180, 186, 221, 272, 288, 308, 309, 323, 353, 360, 410, 446, 488, 556, 599, 611
 купольная церковь — 321—325; 6, 7, 38, 53, 121, 173, 205, 214, 216, 218, 223, 240, 245, 272, 310, 328, 361, 364, 402, 471, 477, 481, 484, 487, 488, 556, 599, 600, 608, 611
 епископские покои — 555—557; 38, 321, 531, 532, 542, 546, 559, 569, 578, 579
 башня четырехэтажная — 531—532; 38, 557
 служебные и другие здания — 38, 531, 532, 556, 557
 Нерсе, эрисмтавари — 19
 Нерсес I Парфянин, армянский католикос (353—373 гг.) — 45
 Нерсес III Стронтель, Ишханский епископ, затем армянский католикос-халкедонит — 226, 599
 Нестан-Дареджан, царица, мать царя Кахетии Александра I — 371, 402
 Низами — 130
 Низибин — 44, 208, 478, 479
 Никея — 172, 186, 309
 Никифор (Джорджалзе), Хирсский архимандрит — 338

- Николи — 510
 Николай I, император России — 220
 Николай V, католикос (1584—1591 гг.) — 446, 450
 Николай, настоятель, сын Зураба, начальника канцелярии Кахетинского царя — 536, 537
 Николай Чолокашвили, см. Чолокашвили Николай
 Николай Эндрионкашвили, епископ Ниноцминдский — 242, 243
 Никорцминда — 231, 335, 404, 422
 Нина святая — 14, 15, 44, 57, 83, 84, 134, 136, 139, 208, 479, 515, 597
 Ниноцминда, кафедрал — 232—246; 6, 9, 12, 15, 34, 61, 86, 122, 213, 215, 216, 218, 220, 221, 224, 251, 254, 266, 267, 268, 269, 284, 330, 363, 402, 416, 471, 485, 486, 487, 507, 524, 525, 531, 585, 589, 597, 598, 600, 604, 606, 608, 610, 613
 колокольня — 497—500; 33, 242, 243, 462, 471, 495, 501, 503, 506, 507, 510, 513, 524, 525, 570, 581, 588, 608
 дом епископа Саввы Тусисшвили — 232, 243, 524, 581
 марани — 524, 581
 дворцовые строения — 524
 родник — 524
 крепостная стена — 524—525; 530, 539, 581
 Нисса (Nissa ad Maeandrum) — 479
 Нокалакеви — 593
 Номия (Nomiā) — 142
 Нор-Гетик — 509
 Носорна (Nosara) — 15
 Ноткора, см. Натқора
 Нуха (Нухпато) — 2, 15, 18, 19, 20, 25, 28, 29, 424, 436
 Одзун (ныне Узунлар) — 480, 609
 Ожно — 91, 93
 Озаани — 354—363; 6, 11, 34, 124, 129, 136, 273, 314, 363, 364, 365, 434, 439, 471, 477, 614
 Олимп — 21
 Олинкевич А. Б. — 109
 Олон (Алвани) — 573
 Олтиси — 133, 231, 404, 422, 433
 Омар (Омир, Умир), настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Омир, см. Омар
 Описа — 260, 360, 609
 Орбели И. А. — 317, 415, 508, 509, 612
 Орбелиани Саба-Сулхан, см. Саба-Сулхан Орбелиани
 Орбелиани Папуна см. Папуна Орбелиани
 Орлеан — 230, 478
 Орчоби — 23
 Остия — 593
 Отараяни — 161, 163
 Отхта-Экlesia — 129
 Охейдир — 312
 Ошакан — 225
 Ошки — 33, 202, 360, 400, 588, 591
 Павлинов А. М. — 255, 285, 353, 399
 Пагирев Д. Д. — 11
 Падала I Аревманели, корикоз Кахетии (881—893 гг.) — 22
 Падала II, корикоз Кахетии (918—929 гг.) — 22
 Падлон, эмир Гандзы — 24, 25
 Палладий, экзарх Грузии — 100
 Палестина — 21, 200, 211, 482, 593
 Панагия Канакария, см. Кипр
 Паннония — 142
 Папуна Орбелиани — 371
 Парби — 258
 Парнаджом, царь Картли, сын Мирвана I — 7
 Парсадан (бывш. Карская область) — 230
 Пархали — 129
 Парцхиси — 27
 Паскевич — 436
 Патардзеули — 104, 202
 Пахомов Е. А. — 578
 Перге — 228
 Перикала — 460
 Перис, упомянут в надписи на главном храме монастыря в Икалто — 349
 Пероз, шах — 14, 516
 Пероз, эристави Эретии — 16
 Перро, см. Perrot
 Петр I, император России — 32
 Пиндер В. — 602
 Пипер Отто — 579
 Пирдоп — 286
 Пирр, один из 13 сирийских отцов — 597
 Питарети — 360, 424, 426, 510, 614
 Плятса (Platsa) — 142
 Покани (Пока) — 26
 Полиевктов М. А. — 369, 372, 395, 459, 461, 469, 501, 531, 573, 575
 Полторацкий С. Н. — 176
 Помпея — 593
 Порта — 285, 286, 353
 Пситис-цихе (Пситианис цихе, Сапситес цихе) — 407
 Птгин — 318, 484
 Птоломей — 20
 Пудзари — 423—426; 33, 63, 214, 368, 427, 428, 429, 432, 437, 450, 470, 471, 477, 483, 489
 Пурцеладзе Дм. — 55, 84, 85, 445
 Путуридзе В. С. — 450, 461
 Пховелишвили Иосиф — 216
 Равенна, базилика св. Аполлинария во флоте — 83, 222

- церковь Сан-Витале — 205, 210, 228
 базилика Сан-Джованни Евангелиста — 83
 гробница Теодориха — 212, 579
 урсианская базилика — 222
- Рагоза А. — 100
 Ракка — 482, 483
 Рани — 18, 23, 24, 25, 26, 29, 108
 Рача — 133
 Рев, сын царя Мириана — 14, 16, 44
 Рехи — 21
 Ривойра, см. Rivoira, G.
 Рим — 21, 32, 206, 228, 231, 317, 593
 базилика Константина на Фогум Roma-
 num — 204, 232, 317
 Villa Matthei (саркофаг муз) — 478
 Пантеон — 204
 базилика Петра — 222
 базилика Павла — 222
 Джезу — 316
 Рипсима, см. Эчмиадзин
 Ркинис-Джвари — 26
 Ркони — 97, 135, 152, 202, 360, 480, 510, 608
 Ронпашвили А. С. — 45
 Росписи:
 Алаверди — 394
 Алвани — 94, 95, 97, 446, 570, 606
 Акура — 115, 117, 121
 Атени — 605
 Ахатели — 464
 Ахшани — 90
 Бодбе — 85
 Бочорма — 418, 419
 Вазисубани — 125
 Варцана — 351
 Вардзиа — 357
 Вачнадзиани — 293, 307
 Веджини — 469
 Велисцixe — 153
 Греми — 446, 447, 448
 Гурджаани — 280
 Загеми — 460
 Зегани — 262, 263
 Зедазени — 99
 Зедгзити — 436, 437
 Қисисхеви — 256
 Қондамиани — 152
 Ломиса Георгий — 199
 Матани — 48, 54, 55
 Некреси — 38, 121, 173, 174, 176, 446
 Ниноцмида — 237, 242, 243
 Озаани — 34, 354, 357, 360, 361, 362
 Руиспири — 148
 Сабуэ — 179, 181
 Хашми — 56, 59, 62, 64
- Шихиани — 451
 Шуамта, Ахали — 440, 446
 Шуамта, Дзвели — 249, 250, 605
- Ростом, царь Картли (1632—1658 гг.) — 371, 402
 Рувеха — 478
 Рузафа — 134, 208, 228, 597
 Руиси — 325, 326, 327, 329, 353, 401, 426, 435,
 510, 608
 Руиспири — 147—149; 78, 82, 94, 150, 151, 152, 156,
 157, 158, 159, 161, 464
 Руставели Шота — 547
 Рустави — 14, 15, 16, 22, 23, 25, 27, 28
 Руфин — 134
 Рчеулишвили Л. Д. — 55, 63, 123, 160, 161, 164, 178,
 190, 261, 333, 350, 399, 461, 510, 517, 523, 539,
 541, 577, 578, 581
- Саак, эмир Тбилисский — 21
 Саба (Савва) «Упали», в надписи церкви Нат-
 лис-мцемели в Сабуэ — 180
 Саба-Сулхан Орбелиани — 21
 Сабанидзе Иоанн — 19
 Сабинин М. — 44, 78, 104, 105, 106, 107, 109, 121,
 369, 597
 Сабуэ, церковь св. Шио — 154—156; 16, 104, 131,
 157, 159, 162, 163, 174, 188, 194, 218, 477, 490, 597
 церковь Натлис - Мцемели за селом —
 178—181; 11, 33, 50, 53, 159, 161, 163, 167,
 185, 186, 314, 321, 322, 533, 587, 592, 599
 крепостные защитные стены около церкви
 Натлис-Мцемели — 533, 534
 Савва, настоятель церкви в Греми — 450
 Савва Тусисшвили, см. Тусисшвили Савва
 Саввы освященного лавра (Палестина) — 143
 Сагареджо — 32, 524
 Сагина, в надписи церкви Сачини — 431, 432, 470
 Сагина, Диди, см. Диди Сагина
 Сагурамо — 158—159; 53, 54, 78, 82, 83, 94, 97,
 105, 142, 149, 151, 152, 160, 163, 597
 Саджиды — 22
 Садзмouri (Садзмори) — 18
 Сангило — 2, 3, 11, 13, 28, 226, 524
 Сакарауло — 13, 136
 Самарра — 312, 482, 483
 Самеба, см. Хашми
 Самозль Великий, настоятель Зедазенского мо-
 настыря, затем католикос — 104, 106, 107, 108
 Самтависи — 334, 403, 404
 Самтавро, см. Мцхета
 Самуил Донаури, корикоз Кахетии (839 —
 861 гг.) — 21
 Самуэль, настоятель Зедазенского монастыря —
 107, 108, 109
 Самцевриси — 152, 205, 257, 264, 265, 278, 480

- Самшвилде — 22, 27
 Санагаро, см. Алвани, дворец Цхра-Кара
 Санагирэ, см. Вазисубани-Санагирэ
 Санани — 230, 509
 Саорбиси — 198
 Сапара (Месхетия) — 496, 510
 Сапариса, см. Цинандали
 Сапситес цихе, см. Пситес цихе
 Сараджишвили А. И. — 11, 12
 Сарвистан — 311, 312, 585
 Сармеан, католикос — 106
 Сасирети — 26
 Сафарян С. А. — 231, 254, 480, 613
 Сахундари — 510
 Сачини близ Земо Ходашени — 429—432; 33, 63, 337, 368, 437, 470, 471, 477, 483, 489
 Сванетия — 509
 Свети (в бывш. Артвинском округе) — 255, 263
 Свети-Цховели (в Кахетии), см. Вачнадзиани
 Себеос — 613
 Севастья — 509
 Северов Н. П. — 13, 38, 40, 41, 45, 97, 98, 110, 116, 158, 173, 178, 202, 205, 214, 216, 218, 229, 231, 232, 256, 257, 261, 264, 273, 287, 292, 320, 321, 370, 376, 395, 399, 400, 447, 453, 484, 497, 527, 533, 549, 556, 593
 Селевкия — 593
 Серлио — 232
 Сигнах — 32, 83, 244, 469, 534, 539
 Сидамон-Эрстави В. И. — 416, 419
 Сидоров А. А. — 205
 Симеон Столпник младший — 339
 Симеон Столпник Дивногорец (521—596 гг.) — 103
 Синай — 118, 349
 Сиони (Кавказский) — 20, 133, 136
 Сиони (на р. Иори в Эрцо) — 130—133; 13, 63, 136, 138, 190, 307, 573
 Сионис-гора (около Надокра) — 67
 Сирийские (тринадцать) отцы — 4, 15, 16, 44, 69, 78, 103, 104, 106, 110, 154, 258, 325, 339, 369, 597
 Сирия — 84, 102, 107, 134, 139, 142, 186, 200, 211, 478, 479, 592, 593, 594, 595, 598
 Скупи — 262
 Слмбат I, царь армянский — 317, 318
 Смирнов Я. И. — 286, 605
 Солунь — 21, 172, 309
 Сомхития — 16, 20
 Сонгулашвили И. Ф. — 539
 Степан, архиепископ Ниноцминдский — 241
 Степаноз I, эрисмтавар — 16
 Степаноз Варджанидзе, эристави Панкисский — 26
 Степаноз Ипатий, сын эрисмтавара Адрнерсе — 271
 Степаноз, эрисмтавари, племянник эрисмтавара Нерсе — 19
 Стефан, в надписи церкви св. Шио в Сабуз — 153
 Стефан Таронский, армянский историк — 509
 Стефан Хирсели, один из 13 сирийских отцов, основатель монастыря в Хирсе — 16, 70, 325, 369, 597
 Стриговский И., см. Strzygowski Josef
 Суджетия — 27
 Суяк (Suillac) — 482
 Сумбадзе Л. З. — 202
 Сумбат, сын Давида, историк — 20, 24
 Сухбеч — 225
 Табал (Таблай, тбл), упоминается в надписи на храме Мама-Давити в Акура — 118
 Табакини — 173
 Такайшвили Е. С. — 2, 11, 12, 14, 16, 20, 24, 44, 45, 49, 51, 57, 67, 106, 129, 133, 164, 192, 202, 210, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 249, 250, 260, 264, 274, 288, 346, 347, 360, 400, 411, 422, 423, 446, 458, 480, 492, 497, 501, 509, 510, 539, 563, 566, 569
 Так-и-Гирра — 479
 Так-Эйван — 316
 Тал, см. Авва Вал
 Талеле, католикос — 106
 Талин — 484
 Талыш, см. Аруч
 Тамара, царица (1184—1212 гг.) — 129, 387, 547, 573
 Тамара, царица, жена Теймураза II — 371, 385, 539
 Тамерлан — 29
 Танаат-ванк — 480
 Тао — 17, 129
 Тао-Кларджетия — 19, 23, 285
 Таос-Кари — 231
 Тараки (Тареки) — 461—464; 12, 214, 471, 473
 Тата, ученик Иоанна Зедазенского — 105, 106, 108, 597
 Татев — 509
 Тбели — 118
 Тбелни, феодалы — 18, 118
 Тбилиси, город — 14, 17, 19, 20, 25, 26, 97
 Анчисхатская базилика — 63, 82, 85, 480, 497, 500
 Метехский храм — 597
 Троицкая церковь — 588
 колокольня Вифлеемской (Петханиской) церкви — 497
 дарбази — 202
 Теймураз I, царь (с 1605 по 1664 гг. с перерывом) — 31, 85, 280, 573, 575
 Теймураз II, царь — 32, 385, 524, 528, 539
 Теймураз царевич, историк — 563
 Текле, дочь царя Леона (монахиня) — 445, 446
 Текор — 480
 Тексье — 478

Телави — 2, 11, 22, 25, 27, 30, 31, 32, 65, 147, 160, 255, 339, 411, 434, 461, 464, 465, 519, 521, 534, 577, 585
 Дзвели Галавани — 517—519; 25, 516, 520, 522, 524
 базилика Гвтээба — 59, 64, 67, 69, 70, 71, 85, 135, 477
 Батонис-цихе — 576—577; 32, 514, 518, 519, 539, 540
 крепость Вахвашишвили — 539
 крепость Корчибашишвили — 67, 477, 539
 баня — 528
 Теловани — 360, 361
 Тер-Аветисян С. В. — 255
 Тер-Мовсесян Месроп — 225
 Тетри-Георгий (около Ацкури) — 405—407; 6, 435, 489
 Тианети — 2, 3, 19, 22, 23, 24, 25, 26, 30, 133, 136, 411, 423, 519, 544, 561
 Бододжис дарбази (Цхра-Кара) — 561—563; 25, 26, 542, 577, 578, 579, 580
 Тибаани, см. Хирса
 Тигва — 173, 424
 Тиграи Хоненц — 318
 Тимотес-убани — 359, 360
 Тинатин Гуриели, царица, жена царя Кахетии Леона — 30, 33, 176, 181, 440, 444, 445, 446, 470, 471, 495, 496, 501, 503, 570, 581
 Тинатин, царица, жена царя Кахетии Александра II — 446, 452, 453
 Тирис-Монастери — 510
 Тке-Тба — 2
 Ткоба-ерды — 369, 425
 Тога — 395, 461
 Тогас (Торгвас) цихе — 524
 Тогрульбек — 26
 Токарский Н. М. — 225, 231, 254, 290
 Тораманян Торос — 221, 225, 226, 258, 480, 596, 599
 Тори — 482
 Торниси — 157, 159, 162, 163, 185
 Трдат, царь, брат Бакура, внук первого христианского царя Грузии Мириана — 7, 44, 45
 Тулашвили В. И. — 370, 551
 Туманов — 577
 Тур — 139
 Тур-Абдин — 142, 478
 Турат-убани — 79
 Тусисшвили Савва, Ниноцминдский епископ — 56, 232, 237, 243, 524, 581
 Тушетия — 18
 Тюляев С. И. — 478
 Убиси — 136, 349
 Уварова П. С. — 11, 210, 226, 423, 424, 425, 516

Уджарма (Уджармо) — 11, 13, 14, 15, 16, 18, 22, 27, 199, 423, 477, 489, 514, 515, 516, 517, 519, 521
 Узулар, см. Одзун
 Умар, см. Омар
 Умм-идж-Джимал (Сирия) — 222
 Уплис-цихе — 22, 142, 593
 Урбниси — 37, 63, 70, 82, 83, 85, 131, 211, 468, 480
 Урдуре, осетинский царь — 25
 Уриатубаи, см. Вазисубани
 Усанети — 189
 Усейнов М. А. — 130, 226, 579
 Учаяк (Utschayak) — 286

Фалуль — 228
 Фарс — 585
 Федор, упоминается в надписи на Ниноцминдском храме — 241
 Фенари-Исса — 309
 Феодор, второй настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Феодор (Феофил), настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Феодосий, абхазский царь (791—818 гг.) — 20
 Феофил, см. Феодор
 Феофилакт, патриарх антиохийский (744—751 гг.) — 106
 Ферех-Абад — 208
 Фивы — 142
 Фируз-абад — 479, 585
 Фланден, см. Flandin.
 Франция — 204, 317, 478, 588
 Фригия — 478

Хадра, Дейр Анба, см. Ассуан
 Халид — 224
 Халил — 21
 Хандзта — 285, 286, 353, 360, 364, 509, 609
 Харидж — 254, 255
 Харчашо — 15, 133
 Хах — 83, 258, 313, 585
 Хаханашвили А. С. — 11, 55, 62, 132, 334, 338, 354, 357, 371, 436, 460
 Хахуа — 22
 Хашми — 11, 12, 14, 55, 57
 «Кацаретская Самэба» в окрестностях Хашми — 55—65; 11, 12, 14, 32, 67, 69, 70, 71, 82, 83, 85, 131, 135, 156, 163, 211, 477, 577, 587
 Хвабелидзе Партен — 537
 Хватов А. И. — 369, 372, 394, 531
 Хеоти — 496, 510
 Херки — 19
 Херцфельд Э., см. Herzfeld E.
 Хетты — 479

- Хирса (Тибани) — 16, 33, 69, 273, 325
 первоначальная базилика Степан-Цминда — 69—71; 34, 65, 67, 82, 83, 84, 86, 103, 135, 138, 211, 284
 купольная церковь Степан-Цминда — 325—339; 6, 7, 11, 33, 131, 214, 272, 273, 346, 347, 353, 354, 361, 362, 364, 365, 402, 434, 435, 471, 486, 488, 489, 591, 603
- Хиссар-Бандья (Hissar-Bandja), церковь — 222
- Ходжа Калеси, см. Алахан-Монастырь
- Хоранта — 25
- Хорнабуджи — 15, 16, 20, 22, 25, 26, 27, 354
- Хоша-ванк — 509
- Хорхели — 91
- Худжаби — 424
- Хунани — 15, 16, 22
- Хунзах — 25
- Хциси — 121
- Хцконк (Бешкилиса) — 225, 230
- Ц**
- Цверо-Дабали, см. Череми
- Церетели Г. Ф. — 450
- Цилкани — 20, 327, 329
- Цилосани В. Л. — 55, 86, 91, 94, 173, 176, 178, 195, 261, 273, 274, 278, 280, 288, 290, 300, 302, 321, 370, 416, 440, 442, 492, 494, 503, 506, 515, 526, 532, 534, 536, 543, 546, 548, 550, 551, 552, 559, 561, 564, 567, 568
- Цинандали — 195, 419, 534, 536
 Сапариса св. Георгий, близ села—195—198; 6, 192, 199, 419, 489, 492, 493, 494, 587
- Цинарехи — 78
- Цинцадзе В. Г. — 9, 38, 41, 164, 261, 400
- Цирколи — 311, 361, 362, 555
- Цицишвили И. Н. — 13, 132, 133, 432, 516, 588
- Цкаростави — 71, 131, 480
- Цроми — 204, 205, 213, 221, 229, 271, 278, 308, 309, 363, 484, 485, 600, 601, 608, 609, 611, 612, 613
- Цугругашени — 360, 426
- Цукети — 18, 19, 30
- Цуртави — 597
- Ч**
- Чавчавадзе — 424
- Чавчавадзе Мельхиседек — 424
- Чайлури — 12
- Чаленко Г. (Tchalenko G.) — 102
- Чалети — 2
- Чари — 2
- Чахрухадзе Григол — 547
- Челети — 15, 19, 133
- Чельта, см. Челети
- Чентула (Centula St. Riquier) — 284
- Черемис-Цкали — 164, 188, 261, 274, 557
- Череми — 12, 14, 15, 16, 82, 188, 190, 193
- кафедральный собор — 190—193; 44, 142, 199, 207, 240, 321, 323, 489, 557, 559
- купольный квадрат — 207—208; 44, 138, 139, 193, 262, 264, 268, 515, 594
- дворцовые развалины — 557—559; 190, 193, 542, 569, 579
- «Цверо-Дабали», вне селения — 188—190; 53, 82, 193, 199, 489
- другие здания — 190, 193, 199
- Чиаури — 30, 194
- Чикаани — 453—455; 12, 194, 242, 339, 459, 464, 465, 471, 489, 497, 498
- Чикобава А. С. — 2
- Читахеви — 496, 510
- Читая Г. С. — 2, 202
- Чихиани, см. Шихиани
- Чичинадзе З. — 444, 446
- Чолокашвили — 432, 539
- Чолокашвили Николай Авва, епископ Алавердский — 371, 395, 531
- Чолокашвили Гарсеван, министр двора — 51, 55
- Чорнаур (Чиаури) — 194
- Чорол, см. Чорох
- Чорот, см. Чорох
- Чорох (Чорол, Чорот), настоятель Зедазенского монастыря — 107
- Чубинашвили Д. И. — 51
- Чубинашвили — Г. Н. — 4, 6, 8, 9, 10, 34, 35, 44, 45, 52, 64, 65, 78, 82, 83, 86, 97, 103, 109, 121, 135, 159, 189, 202, 203, 204, 205, 206, 208, 209, 211, 212, 214, 220, 222, 223, 225, 226, 230, 231, 237, 244, 245, 246, 250, 253, 254, 257, 258, 260, 261, 264, 265, 267, 268, 278, 282, 285, 308, 313, 314, 317, 318, 320, 326, 329, 332, 398, 399, 401, 423, 435, 447, 480, 484, 485, 486, 497, 500, 515, 523, 526, 542, 578, 589, 598, 600, 601, 602, 605, 608, 609, 612, 613
- Чубинашвили Н. Г. — 65, 123, 129, 350, 462, 466
- Чуле — 510
- Чхиквадзе З. И. — 7, 11, 79, 84, 187
- Ш**
- Шавишвили М. К. — 510
- Шавшия — 202
- Шаки (Нуха) — 18, 24
- Шамахия — 29
- Шанидзе А. Г. — 159, 232, 240, 241, 333, 369, 389, 391, 403, 423, 450, 452, 461, 536
- Шарашидзе Х. Г. — 445
- Шарвани — 28
- Шатберди — 286, 364, 509
- Шах Аббас I — 31, 32, 85, 455, 471, 472, 501, 525, 531, 576
- Швейцария — 478
- Шервашидзе Л. А. — 118

Шильда (см. еще Варцана) — 30, 32, 37, 38, 157, 194, 349, 531, 547
 «Сиони», трехцерковная базилика на кладбище — 63, 67, 157, 159, 162, 163, 321, 477, 532, 533
 Шно-Мгвиме — 257, 261, 267, 285, 330, 486
 Шно Мгвимели, один из 13 сирийских отцов — 16, 78, 103, 154, 261, 597
 Шно, настоятель Зедазенского монастыря — 107
 Шипье, см. Chirpiez.
 Ширакаван — 315, 317, 318, 319, 613
 Шихиани (Чихиани, Агдгома, Агдгомис-Сопели), церковь Агдгома — 450—453; 33, 339, 454, 455, 463, 470, 471, 489, 494, 498
 колокольня двухэтажная — 451, 452, 471, 492, 493, 494, 495
 старая однонефная церковь — 451, 494
 Шогакат, см. Эчмиадзин
 Шмарзо, см. Schmarsow August
 Шмерлинг Р. О. — 50, 117, 128, 249, 329, 346, 354, 356, 359, 426, 432
 Шнаазе Карл — 210
 Шонта, см. Шуамта Ахали
 Шорети — 497, 510
 Шота Григолисдзе, владетель Гиши — 28
 Шрома (Вачнадзиани) — 176, 265, 287, 547, 551
 Шторис-цкали — 25
 Штори — 25, 26
 Стульфаут Георг, см. Stuhlfauth
 Шуази Ог., см. Choisy, Aug.
 Шуамта — 6, 11, 33, 45, 214, 253, 372, 444, 445, 469, 587
 Шуамта, Ахали, церковь монастыря — 440—446; 242, 330, 339, 447, 448, 450, 451, 452, 453, 454, 455, 462, 463, 469, 470, 471, 487, 489, 506, 507, 606
 башня-колокольня с царскими покоями — 501—507; 440, 446, 463, 470, 471, 495, 497, 508, 510, 513, 570, 581
 Шуамта, Дзвели, базилика — 45—48; 33, 50, 52, 53, 54, 55, 64, 70, 71, 77, 78, 84, 92, 128, 134, 136, 139,

156, 157, 161, 162, 163, 173, 208, 280, 308, 321, 323, 468
 большая купольная церковь — 246—250; 6, 34, 53, 213, 215, 223, 245, 251, 252, 253, 257, 258, 266, 269, 274, 284, 306, 324, 477, 486, 487, 488, 586, 589, 605
 малая купольная церковь — 251—255; 34, 45, 173, 215, 254, 257, 258, 266, 274, 306, 339, 373, 411, 414, 415, 416, 486, 487, 606
 Шушани, дочь царя Арчила — 19
 Шушаник святая — 597
 Эберсолт Жан, см. Ebersolt
 Эгер — 579
 Эгнаташвили Бери — 51, 445
 Эдесса — 79
 Эдили З. — 11, 132, 226, 435, 436, 460, 524
 Эклеци — 25, 29
 Элисени — 30
 Эль-Хадр, см. Хах
 Эндроникашвили Николай, см. Николай Эндроникашвили
 Эни-Рабати — 360
 Эредви — 371
 Эрзерум — 27, 29
 Эрзинджан — 29
 Эристави Р. М. — 143, 164, 181, 188, 192, 339, 466
 Эртацминда — 202, 426
 Эртохи (Эрцухи) — 28
 Эрцо — 2, 3, 18, 23, 27, 66, 133, 522
 Эс-Санамен — 263, 593
 Эски-Базар, см. Загеми
 Эчмиадзин (см. еще Звартноц), собор — 221, 229, 480, 596
 церковь Гаяне — 484
 церковь Рипсиме — 221, 484, 613
 церковь Шогакат — 315
 Юстин II (565—578 гг.) — 269
 Юстиниан I (527—565 гг.) — 286, 594
 Якобсон А. Л. — 231, 254
 Яралов Ю. С. — 225, 231, 254, 258, 422

Adama van Scheltema, Frederik — 590
 Bachmann, W. — 231, 415, 509, 599
 Bell, G. L. — 172, 185, 286, 312, 313, 478, 483
 Beyer, H. W. — 478, 593
 Bezold — 482

Brosset, M. F. — 10, 11, 14, 18, 20, 23, 25, 49, 55, 67, 84, 107, 109, 224, 231, 255, 348, 350, 371, 403, 418, 422, 423, 424, 440, 442, 444, 446, 455, 459, 501, 509, 517, 519, 531, 539, 571, 572, 576, 577, 581

- Brinnow R. E. — 311, 312
 Butler H. C. — 142, 186, 222, 269, 478, 479, 593
 Calderini, A. — 228
 Cecchelli C. — 228
 Chierici, G. — 228, 229
 Chipier, Ch. — 205, 208, 311
 Choisy, Aug. — 204, 205, 211, 478, 586, 588
 Clemen, P. — 120, 478
 Colasanti, A. — 579
 Colombier, P. D. — 558
 Coste — 205, 311
 Crowfoot, S. W. — 222, 227, 228, 269, 597
 Curzon — 369
 Dalton, O. M. — 210, 479
 Dehio, G. — 421, 482, 579
 Delbrück — 479, 483
 Diehl, Ch. — 210, 286
 Dieulafoy, M. — 205, 208, 311, 312, 479
 Diez, E. — 312, 478
 Domaszewsky, A. von — 311, 312
 Dubois de Montpereux, Fréd. — 210, 399
 Ebersolt, J. — 172, 210, 212, 222
 Effmann, W. — 120, 284
 Fergusson, J. F. — 478
 Filov, B. D. — 222
 Flandin, Eug. — 205, 311
 Frankl, P. — 284
 Franz-Pascha, J. — 478
 Foucher — 478
 Gagarine, Gr. см. Гагарин
 George, W. S. — 222, 286
 Glück, H. — 186, 222, 313, 478, 482, 485, 586
 Grabar, A. — 139, 208, 227, 595, 596, 597
 Grothe, H. — 478
 Gurlitt, Corn. — 313
 Guyer, Samuel — 134, 185, 205, 208, 212, 258, 478, 479, 597, 604
 Haupt, A. — 478, 480
 Hauteceur, L. — 206, 207
 Headlam, A. C. — 185
 Heisenberg, A. — 508
 Héliot, Pierre — 511
 Herzfeld, Ernst — 44, 134, 202, 205, 208, 311, 312, 313, 477, 478, 479, 482, 483
 Hoelscher, Uvo — 579
 Jacob, G. — 477
 Jostes, Fr. — 284
 Kaufmann, C. M. — 210
 Kluge, Th. — 255
 Koch, Karl — 369
 Koethe, H. — 230
 Kühnel, O. — 479
 Laedrach, Walter — 579
 Lamperez y Romea — 230
 Langlotz, E. — 8
 Lassus, J. — 45, 102, 134, 139, 211, 222, 269, 593, 594, 595, 596, 597, 598, 599, 600
 Lasteyrie, R. de — 205, 222, 482, 483, 503
 Lathoud, D. — 222
 Lemerle, P., см. Лемерль
 Le Tourneau, M. — 478
 Lynch — 599
 Marosi, A. — 142
 Massignon, L. — 312
 Mattern, J. — 479
 Millet, G. — 8, 136, 142, 191, 210, 286, 363, 405, 483, 508
 Millingen, A. van — 313
 Monneret de Villard, Ugo — 142, 286, 313
 Oelmann — 312
 Perrot, G. — 205, 208, 311
 Preusser, C. — 478
 Ramsay, W. — 172, 185, 478
 Rauch, Chr. — 579
 Rave, Wilh. — 204
 Reuther, O. — 312, 482
 Rey, Raymond — 482
 Ricci, C. — 205
 Riegl, Alois — 134, 478, 586
 Rivoira, G. T. — 205, 206, 210, 222, 231, 478, 479, 481
 Rott, H. — 262
 Saladin, H. — 478
 Sarre, Fr. — 44, 134, 205, 208, 311, 313, 477, 478, 479, 501
 Scheltema см. Adama van Scheltema
 Schlag, G. — 579
 Schmarsow, August — 232, 590
 Schuchhardt, Carl — 579
 Schürer, O. — 579
 Seesselberg, Fr. — 480
 Smith, Vincent A. — 478
 Sotiriou, G. — 135
 Spanner, H. — 134, 208
 Stuhlfauth, Georg — 508
 Stühr — 483
 Strzygowski, Josef — 8, 9, 142, 159, 185, 203, 205, 206, 207, 209, 210, 211, 212, 213, 221, 223, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 231, 253, 254, 255, 286, 288, 311, 312, 313, 315, 316, 317, 319, 376, 398, 400, 415, 422, 423, 478, 479, 480, 481, 483, 484, 485, 501, 509, 583, 584, 585, 586, 587, 589, 590, 596, 597, 599, 602, 604, 612, 613

Takaichvili, E. — см. Такайшвили, Е.
Tarchnisvili, M. — 391
Tchalenko, G. см. Чаленко, Г.
Tschubinaschwili, G. см. Чубинашвили, Г. Н.
Texier, см. Тексье

Verzone, P. — 185, 229
Vincent, H. — 222

Viollet, H. — 312, 482
Vogué, M. de — 227, 478, 597

Wachsmuth, Fr. — 185, 208, 222, 286 312, 313, 482
Wasmuth — 286
Wölfflin, Heinrich — 602
Wulff, Oscar — 9, 222, 286

НАПЕЧАТАНО ПО ПОСТАНОВЛЕНИЮ РЕД.-ИЗД.
СОВЕТА АН ГРУЗИНСКОЙ ССР

Редактор *А. Г. Шанидзе*

Технический редактор *Н. А. Джапаридзе*
Корректор *Д. С. Бакрадзе*

Сдано в производство 13/IX 1956 г. Подписано
к печати 6/VI-59 г. Формат бумаги 70×102.
Печат. л. 92.3 Бумажи. л. 41.5. Уч.-изд. л. 75.1.
Автор. л. 74.33. Зак. № 1423. УЭ 01490. Тираж 1800

Цена 53 руб.

Типография „Заря Востока“ издательства ЦК КП Грузии,
Тбилиси, просп. Руставели, 42.